J. TOURGUÉNEFF

—

ŒUVRES

3-4

Tourgueneff

III Кн
30 3-4.

СОЧИНЕНІЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ИСПРАВЛЕННЫЯ И ДОПОЛНЕННЫЯ.

ТОМЪ III.

Изданіе Н. А. Основскаго.

МОСКВА
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. РЫШКОВА
1860.

266590 зар.
Библиотека ЦРДО (Пушкинский дом) АН СССР

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 30 дня 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ПОВѢСТИ.

ДНЕВНИКЪ ЛИШНЯГО ЧЕЛОВѢКА.

—

Сельцо Овечьи Воды. 20 марта 18.. года.

Докторъ сейчасъ уѣхалъ отъ меня. Наконецъ добился я толку! Какъ онъ ни хитрилъ, а не могъ не высказаться, наконецъ. Да, я скоро, очень скоро умру. Рѣки вскроются, и я, съ послѣднимъ снѣгомъ, вѣроятно, уплыву.... куда? Богъ вѣсть! Тоже въ море. Ну, чтожь! коли умирать, такъ умирать весной. Но не смѣшно ли начинать свой дневникъ, можетъ быть, за двѣ недѣли до смерти? Что за бѣда? И чѣмъ четырнадцать дней менѣе четырнадцати лѣтъ, четырнадцати столѣтій? Передъ вѣчностью, говорятъ, все пустяки — да; но въ такомъ случаѣ и сама вѣчность — пустяки. Я, кажется, вдаюсь въ умозрѣніе; это плохой знакъ—ужь не трушу ли я?—Лучше стану разсказывать что-нибудь. На дворѣ сыро, вѣтрено,—выходить мнѣ запрещено. Что же разсказывать? О своихъ болѣзняхъ порядочный человѣкъ не говоритъ; повѣсть, что ли, сочинить — не мое дѣло; разсужденія о предметахъ возвышенныхъ—мнѣ не подъ силу; описанія окружающаго меня быта—даже меня занять не могутъ; а ничего не дѣлать — скучно; читать—лѣнь. Э! разскажу-ка я самому себѣ всю свою жизнь. Превосходная мысль! Передъ смертью оно и прилично и никому не обидно. Начинаю.

Родился я, лѣтъ тридцать тому назадъ, отъ довольно богатыхъ помѣщиковъ. Отецъ мой былъ страстный игрокъ; мать моя была дама съ характеромъ.... очень добродѣтельная дама.

Только я не знавалъ женщины, которой бы добродѣтель доставила меньше удовольствія. Она падала подъ бременемъ своихъ достоинствъ и мучила всѣхъ, начиная съ самой себя. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ своей жизни она ни разу не отдохнула, не сложила рукъ; она вѣчно копошилась и возилась, какъ муравей—и безъ всякой пользы, чего нельзя сказать о муравьѣ. Неугомонный червь ее точилъ днемъ и ночью. Одинъ только разъ видѣлъ я ее совершенно спокойной, а именно: въ первый день послѣ ея смерти, въ гробу. Глядя на нее, мнѣ, право, показалось, что ея лицо выражало тихое изумленіе; съ полураскрытыхъ губъ, съ опавшихъ щекъ и кротко неподвижныхъ глазъ словно вѣяло словами: «Какъ хорошо не шевелиться»! Да, хорошо, хорошо отдѣлаться наконецъ отъ томящаго сознанія жизни, отъ неотвязнаго и безпокойнаго чувства существованія! Но дѣло не въ томъ.

Росъ я дурно и не весело. Отецъ и мать оба меня любили; но отъ этого мнѣ не было легче. Отецъ не имѣлъ въ собственномъ домѣ никакой власти и никакого значенія, какъ человѣкъ, явно преданный постыдному и разорительному пороку; онъ сознавалъ свое паденіе и, не имѣя силы отстать отъ любимой страсти, старался, по крайней мѣрѣ, своимъ постоянно ласковымъ и скромнымъ видомъ, своимъ уклончивымъ смиреніемъ заслужить снисхожденіе своей примѣрной жены. Маменька моя, дѣйствительно, переносила свое несчастіе съ тѣмъ великолѣпнымъ и пышнымъ долготерпѣніемъ добродѣтели, въ которомъ такъ много самолюбивой гордости. Она никогда ни въ чемъ отца моего не упрекала, молча отдавала ему свои послѣднія деньги и платила его долги; онъ превозносилъ ее въ глаза и заочно, но дома сидѣть не любилъ и ласкалъ меня украдкой, какъ бы самъ боясь заразить меня своимъ присутствіемъ. Но искаженныя черты его дышали тогда такой добротой, лихорадочная усмѣшка на его губахъ смѣнялась такой трогательной улыбкой, окруженные тонкими морщинами, каріе глаза свѣтились такою любовью, что я невольно прижимался моей щекой къ его щекѣ сырой и теплой отъ слезъ. Я утиралъ моимъ платкомъ эти слезы, и онѣ снова текли, безъ усилія, словно вода изъ переполненнаго стакана. Я принимался плакать самъ, и онъ утѣшалъ меня, гладилъ меня рукой по спинѣ, цаловалъ меня по всему

лицу своими дрожащими губами. Даже вотъ и теперь, слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти, когда я вспоминаю о бѣдномъ моемъ отцѣ, нѣмыя рыданія подступаютъ мнѣ подъ горло, и сердце бьется, бьется такъ горячо и горько, томится такимъ тоскливымъ сожалѣніемъ, какъ будто ему еще долго осталось биться и есть о чемъ сожалѣть!

Мать моя, напротивъ, обращалась со мной всегда одинаково, ласково, но холодно. Въ дѣтскихъ книгахъ часто встрѣчаются такія матери, нравоучительныя и справедливыя. Она меня любила; но я ее не любилъ. Да! я чуждался моей добродѣтельной матери и страстно любилъ моего порочнаго отца.

Но для сегодняшняго дня довольно. Начало есть, а ужь о концѣ, какой бы онъ ни былъ, мнѣ нечего заботиться. Это дѣло моей болѣзни.

21 марта.

Сегодня удивительная погода. Тепло, ясно; солнце весело играетъ на таломъ снѣгѣ; все блеститъ, дымится, каплетъ; воробьи, какъ сумасшедшіе, кричатъ около отпотѣвшихъ темныхъ заборовъ; влажный воздухъ сладко и страшно раздражаетъ мнѣ грудь. Весна, весна идетъ! Я сижу подъ окномъ и гляжу черезъ рѣчку въ поле. О, природа! природа! Я такъ тебя люблю, а изъ твоихъ нѣдръ я вышелъ неспособнымъ даже къ жизни. Вонъ прыгаетъ самецъ-воробей съ растопыренными крыльями; онъ кричитъ—и каждый звукъ его голоса, каждое взъерошенное перышко на его маленькомъ тѣлѣ дышетъ здоровьемъ и силой....

Чтóжь изъ этого слѣдуетъ? Ничего. Онъ здоровъ и имѣетъ право кричать и ерошиться; а я боленъ и долженъ умереть—вотъ и все. Больше объ этомъ говорить не стóитъ. А слезливыя обращенія къ природѣ уморительно смѣшны. Возвратимся къ разсказу.

Росъ я, какъ уже сказано, очень дурно и не весело. Братьевъ и сестеръ у меня не было. Воспитывался я дома. Да и чѣмъ бы стала заниматься моя матушка, еслибъ меня отдали въ пансіонъ или въ казенное заведеніе? На то и дѣти, чтобъ родители не скучали. Жили мы большей частью въ деревнѣ, иногда пріѣзжали въ Москву. Были у меня гувернеры и учи-

теля, какъ водится; особенно памятнымъ остался мнѣ одинъ худосочный и слезливый нѣмецъ, Рикманъ, необыкновенно печальное и судьбою пришибенное существо, безплодно сгаравшее томительной тоской по далекой родинѣ. Бывало, возлѣ печки, въ страшной духотѣ тѣсной передней, насквозь пропитанной кислымъ запахомъ стараго кваса, сидитъ небритый мой дядька, Василій, по прозвищу Гусыня, въ вѣковѣчномъ своемъ казакинѣ изъ синей дерюги,—сидитъ и играетъ въ свои-козыри съ кучеромъ Потапомъ, только что обновившимъ бѣлый, какъ кипень, овчинный тулупъ и несокрушимые смазные сапоги — а Рикмаръ за перегородкой поетъ:

Herz, mein Herz, varum so traurig?
Was bekümmert dich so sehr?
S'ist ja schon im fremden Lande—
Herz, mein Herz—was willst du mehr?

Послѣ смерти отца, мы окончательно перебрались на житье въ Москву. Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ. Отецъ мой умеръ ночью отъ удара. Не забуду я этой ночи. Я спалъ крѣпко, какъ обыкновенно спятъ всѣ дѣти; но, помню, мнѣ даже сквозь сонъ чудилось тяжелое и мѣрное храпѣнье. Вдругъ я чувствую: кто-то меня беретъ за плечо и толкаетъ. Открываю глаза: передо мной дядька. «Что̀ такое?...» — «Ступайте ступайте; Алексѣй Михайлычъ кончается».... Я, какъ сумасшедшій, изъ постели вонъ—въ спальню. Гляжу: отецъ лежитъ съ закинутой назадъ головой, весь красный и мучительно хрипитъ. Въ дверяхъ толпятся люди съ перепуганными лицами; въ передней кто-то сиплымъ голосомъ спрашиваетъ: «Послали за докторомъ?» На дворѣ лошадь выводятъ изъ конюшни, ворота скрыпятъ, сальная свѣчка горитъ въ комнатѣ на полу; маменька тутъ же убивается, не теряя, впрочемъ, ни приличія, ни сознанія собственнаго достоинства. Я бросился на грудь отцу, обнялъ его, залепеталъ: «папаша, папаша».... Онъ лежалъ недвижно и какъ-то странно щурился. Я взглянулъ ему въ лицо — невыносимый ужасъ захватилъ мнѣ дыханіе; я запищалъ отъ страха, какъ грубо схваченная птичка — меня стащили и отвели. Еще наканунѣ онъ, словно предчувствуя свою близкую

смерть, такъ горячо и такъ уныло ласкалъ меня. Привезли какого-то заспаннаго и шершаваго доктора, съ крѣпкимъ запахомъ зорной водки. Отецъ мой умеръ у него подъ ланцетомъ, и на другой же день я, совершенно поглупѣвшій отъ горя, стоялъ со свѣчкою въ рукахъ, передъ столомъ, на которомъ лежалъ покойникъ, и безсмысленно слушалъ густой напѣвъ дьячка, изрѣдка прерываемый слабымъ голосомъ священника; слезы то-и-дѣло струились у меня по щекамъ, по губамъ, по воротничку, по манишкѣ; я исходилъ слезами, я глядѣлъ неотступно, я внимательно глядѣлъ на неподвижное лицо отца, словно ждалъ отъ него чего-то; а матушка моя, между тѣмъ, медленно клала земные поклоны, медленно подымалась и, крестясь, сильно прижимала пальцы ко лбу, къ плечамъ и животу. Ни одной мысли у меня не было въ головѣ; я весь отяжелѣлъ, но чувствовалъ, что со мной совершается что-то страшное.... Смерть мнѣ тогда заглянула въ лицо и замѣтила меня.

Мы переѣхали въ Москву на житье послѣ смерти отца, по весьма простой причинѣ: все наше имѣніе было продано съ молотка за долги,—такъ-таки рѣшительно все, исключая одной деревушки, той самой, въ которой я теперь вотъ доживаю свое великолѣпное существованіе. Я, признаюсь, даромъ что былъ тогда молодъ, а погрустилъ о продажѣ нашего гнѣзда, то-есть, по настоящему, я грустилъ только объ одномъ нашемъ садѣ. Съ этимъ садомъ связаны почти единственныя мои свѣтлыя воспоминанія; тамъ я, въ одинъ тихій весенній вечеръ, похоронилъ лучшаго своего друга, старую собаку съ куцымъ хвостомъ и кривыми лапками—Триксу; тамъ, бывало, спрятавшись въ высокую траву, я ѣлъ краденыя яблоки, красныя, сладкія новогородчины; тамъ, наконецъ, я въ первый разъ увидалъ между кустами спѣлой малины горничную Клавдію, которая, несмотря на свой курносый носъ и привычку смѣяться въ платокъ, возбудила во мнѣ такую нѣжную страсть, что я, въ присутствіи ея, едва дышалъ, замиралъ и безмолвствовалъ, а однажды, въ Свѣтлое Воскресеніе, когда дошла до нея очередь приложиться къ моей барской ручкѣ, чуть не бросился цаловать ея стоптанные козловые башмаки. Боже мой! Неужели жь этому всему двадцать лѣтъ? Кажется, давно ли ѣду я на моей рыженькой, косматой лошадкѣ вдоль стараго плетня нашего сада и, приподъ-

нявшись на стременахъ, срываю двухцвѣтные листья тополей?— Пока человѣкъ живетъ, онъ не чувствуетъ своей собственной жизни: она, какъ звукъ, становится ему внятною, спустя нѣсколько времени.

О, мой садъ, о, заросшія дорожки возлѣ мелкаго пруда! о, песчаное мѣстечко подъ дряхлой плотиной, гдѣ я ловилъ пискарей и гольцовъ! и вы, высокія березы, съ длинными висячими вѣтками, изъ-за которыхъ, съ проселочной дороги, бывало, неслась унылая пѣсенка мужика, неровно прерываемая толчками телѣги — я посылаю вамъ мое послѣднее прости!... Разставаясь съ жизнью, я къ вамъ, къ вамъ однимъ простираю мои руки.... Я бы хотѣлъ еще разъ надышаться горькой свѣжестью полыни, сладкимъ запахомъ сжатой гречихи на поляхъ моей родины; я бы хотѣлъ еще разъ услышать издали скромное тяканье надтреснутаго колокола въ приходской нашей церкви; еще разъ полежать въ прохладной тѣни подъ дубовымъ кустомъ на скатѣ знакомаго оврага; еще разъ проводить глазами подвижный слѣдъ вѣтра, темной струею бѣгущаго по золотистой травѣ нашего луга....

Эхъ, къ чему все это? Но я сегодня не могу продолжать. До завтра.

22 марта.

Сегодня опять холодно и пасмурно. Такая погода гораздо приличнѣе. Она подъ ладъ моей работѣ. Вчерашній день совершенно не кстати возбудилъ во мнѣ множество ненужныхъ чувствъ и воспоминаній. Это болѣе не повторится. Чувствительныя изліянія — словно солодковый корень: сперва пососешь—какъ будто недурно, а потомъ очень скверно станетъ во рту. Стану просто и спокойно разсказывать мою жизнь.

И такъ, мы переѣхали въ Москву....

Но мнѣ приходитъ въ голову: точно ли стоитъ разсказывать мою жизнь?

Нѣтъ, рѣшительно не стóитъ.... Жизнь моя ничѣмъ не отличалась отъ жизни множества другихъ людей. Родительскій домъ, университетъ, служеніе въ низменныхъ чинахъ, отставка, маленькій кружокъ знакомыхъ, чистенькая бѣдность, скромныя удовольствія, смиренныя занятія, умѣренныя желанія—скажите

на милость, кому неизвѣстно все это? И потому я не стану разсказывать свою жизнь, тѣмъ болѣе, что пишу для собственнаго удовольствія; а коли мое прошедшее даже мнѣ самому не представляетъ ничего ни слишкомъ веселаго, ни даже слишкомъ печальнаго, стало быть, въ немъ точно нѣтъ ничего достойнаго вниманія. Лучше постараюсь изложить самому себѣ свой характеръ.

Что я за человѣкъ?.... Мнѣ могутъ замѣтить, что и этого никто не спрашиваетъ—согласенъ. Но вѣдь я умираю, ей-Богу, умираю, а передъ смертью, право, кажется, простительно желаніе узнать, что, дескать, я былъ за птица?

Обдумавъ хорошенько этотъ важный вопросъ и не имѣя, впрочемъ, никакой нужды слишкомъ горько выражаться на свой собственный счетъ, какъ это дѣлаютъ люди, сильно увѣренные въ своихъ достоинствахъ, я долженъ сознаться въ одномъ: я былъ совершенно лишнимъ человѣкомъ на семъ свѣтѣ, или, пожалуй, совершенно лишней птицей. И это я намѣренъ доказать завтра, потому что я сегодня кашляю, какъ старая овца, и моя нянюшка, Терентьевна, не даетъ мнѣ покоя: «Лягьте, дескать, батюшка вы мой, да напейтесь чайку».... Я знаю, зачѣмъ она ко мнѣ пристаетъ: ей самой хочется чаю. Что жь! пожалуй. Отчего не позволить бѣдной старухѣ извлечь нѣкоторую пользу изъ своего барина?... Пока еще время не ушло.

23 марта.

Опять зима. Снѣгъ валитъ хлопьями. Лишній, лишній.... Отличное это придумалъ я слово. Чѣмъ глубже я вникаю въ самого себя, чѣмъ внимательнѣе разсматриваю свою прошедшую жизнь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ строгой истинѣ этого выраженья. Лишній — именно. Къ другимъ людямъ это слово не примѣняется.... Люди бываютъ злые, добрые, умные, глупые, пріятные и непріятные; но лишніе.... нѣтъ. То-есть: поймите меня: и безъ этихъ людей могла бы вселенная обойтись.... конечно; но безполезность—не главное ихъ качество, не отличительный ихъ признакъ, и вамъ, когда вы говорите о нихъ, слово «лишній» не первое приходитъ на языкъ. А я.... про меня ничего другаго и сказать нельзя: лишній — да и только. Сверхъштатный человѣкъ — вотъ и все. На мое появленіе природа

очевидно не разсчитывала и вслѣдствіе этого обошлась со мной, какъ съ нежданнымъ и незваннымъ гостемъ. Недаромъ про меня сказалъ одинъ шутникъ, большой охотникъ до преферанса, что моя матушка мною обремизилась. Я говорю теперь о самомъ себѣ спокойно, безъ всякой желчи.... Дѣло прошлое! Во все продолженіе моей жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ быть, оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Я былъ мнителенъ, застѣнчивъ, раздражителенъ, какъ всѣ больные; притомъ, вѣроятно, по причинѣ излишняго самолюбія или вообще вслѣдствіе неудачнаго устройства моей особы, между моими чувствами и мыслями и выраженіемъ этихъ чувствъ и мыслей—находилось какое-безсмысленное, непонятное и непреоборимое препятствіе; и когда я рѣшался насильно побѣдить это препятствіе, сломить эту преграду —мои движенія, выраженіе моего лица, все мое существо принимало видъ мучительнаго напряженія: я не только казался,—я дѣйствительно становился неестественнымъ и натянутымъ. Я самъ это чувствовалъ и спѣшилъ опять уйти въ себя. Тогда-то поднималась внутри меня страшная тревога. Я разбиралъ самого себя до послѣдней ниточки, сравнивалъ себя съ другими, припоминалъ малѣйшіе взгляды, улыбки, слова людей, передъ которыми хотѣлъ было развернуться, толковалъ все въ дурную сторону; язвительно смѣялся надъ своимъ притязаніемъ «быть, какъ всѣ»,—и вдругъ, среди смѣха, печально опускался весь, впадалъ въ нелѣпое уныніе, а тамъ опять принимался за прежнее,—словомъ, вертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ. Цѣлые дни проходили въ этой мучительной, безплодной работѣ. Ну, теперь, скажите намилость, скажите сами, кому и на что такой человѣкъ нуженъ? Отчего это со мной происходило, какая причина этой кропотливой возни съ самимъ собою—кто знаетъ? кто скажетъ?

Помнится, однажды ѣхалъ я изъ Москвы въ дилижансѣ. Дорога была хороша, а ямщикъ къ четверкѣ рядомъ припрегъ еще пристяжную. Эта несчастная, пятая, вовсе безполезная лошадь, кое-какъ привязанная къ передку толстой, короткой веревкой, которая немилосердо рѣжетъ ей ляшку, трехъ хвостъ, заставляетъ ее бѣжать самымъ неестественнымъ образомъ и придаетъ всему ея тѣлу видъ запятой, всегда возбуждаетъ

мое глубокое сожалѣніе. Я замѣтилъ ямщику, что, кажется, можно было на сей разъ обойтись безъ пятой лошади.... Онъ помолчалъ, тряхнулъ затылкомъ, стегнулъ ее въ затяжку разъ десятковъ кнутомъ черезъ худую спину подъ раздутый животъ и не безъ усмѣшки промолвилъ: «Вѣдь вишь, въ самомъ дѣлѣ, приплелась! На кой чортъ?»

И я вотъ также приплелся.... Да, благо, станція недалека.

Лишній.... Я обѣщался доказать справедливость моего мнѣнія и исполню свое обѣщаніе. Не считаю нужнымъ упоминать о тысячѣ мелочахъ, ежедневныхъ происшествіяхъ и случаяхъ, которые, впрочемъ, въ глазахъ всякаго мыслящаго человѣка могли бы послужить неопровержимыми доказательствами въ мою пользу, то есть въ пользу моего воззрѣнія; лучше начну прямо съ одного довольно важнаго случая, послѣ котораго, вѣроятно, уже не останется никакого сомнѣнія насчетъ точности слова: лишній. Повторяю: я не намѣренъ вдаваться въ подробности, но не могу пройти молчаніемъ одно довольно любопытное и замѣчательное обстоятельство, а именно: странное обращеніе со мной моихъ пріятелей (у меня тоже были пріятели): всякій разъ, когда я имъ попадался на встрѣчу или даже самъ къ нимъ заходилъ, имъ становилось словно неловко; они, идя мнѣ на встрѣчу, какъ-то не совсѣмъ естественно улыбались, глядѣли мнѣ ни въ глаза, ни на ноги, какъ иные это дѣлаютъ, а больше въ щеки, торопливо пожимали мнѣ руку, торопливо произносили: «а! здравствуй Чулкатуринъ!» (меня судьба одолжила такимъ прозваніемъ), или: «а, вотъ и Чулкатуринъ», тотчасъ отходили въ сторону и даже нѣкоторое время оставались потомъ неподвижными, словно силились что-то припомнить. Я все это замѣчалъ, потому что не лишенъ проницательности и дара наблюденія; я вообще не глупъ; мнѣ даже иногда въ голову приходятъ мысли довольно забавныя, не совсѣмъ обыкновенныя; но такъ какъ я человѣкъ лишній и съ замочкомъ внутри, то мнѣ и жутко высказать свою мысль, тѣмъ болѣе, что я напередъ знаю, что я ее прескверно выскажу. Мнѣ даже иногда страннымъ кажется, какъ это люди говорятъ, и такъ просто, свободно.... Экая прыть, подумаешь. То есть, признаться сказать, у меня, не смотря на мой замочекъ, частенько чесался языкъ; но дѣйствительно произносилъ

слова я только въ молодости, а въ болѣе зрѣлыя лѣта почти всякій разъ мнѣ удавалось переломить себя. Скажу, бывало, вполголоса: «а вотъ мы лучше немножко помолчимъ», и успокоюсь. На молчаніе-то мы всѣ горазды; особенно наши женщины этимъ взяли: иная возвышенная русская дѣвица такъ могущественно молчитъ, что даже въ подготовленномъ человѣкѣ подобное зрѣлище способно произвести легкую дрожь и холодный потъ. Но дѣло не въ томъ, и не мнѣ критиковать другихъ. Приступаю къ обѣщанному разсказу.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, благодаря стеченію весьма ничтожныхъ, но для меня очень важныхъ обстоятельствъ, пришлось мнѣ провести мѣсяцевъ шесть въ уѣздномъ городѣ О.... Городъ этотъ весь выстроенъ на косогорѣ, и очень неудобно выстроенъ. Жителей въ немъ считается около восьмисотъ, бѣдности необыкновенной, домишки совершенно ни на что не похожи, на главной улицѣ, подъ предлогомъ мостовой, изрѣдка бѣлѣютъ грязныя плиты неотесаннаго известняка, вслѣдствіе чего ее объѣзжаютъ даже телѣги; по самой серединѣ изумительно неопрятной площади возвышается крошечное желтоватое строеніе съ темными дирами, а въ дирахъ сидятъ люди въ большихъ картузахъ и притворяются, будто торгуютъ; тутъ же торчитъ необыкновенно высокій пестрый шестъ, а возлѣ шеста, для порядка, по приказу начальства, держится возъ желтаго сѣна и ходитъ одна казенная курица. Словомъ, въ городѣ О.... житье хоть куда. Въ первые дни моего пребыванія въ этомъ городѣ, я чуть съ ума не сошелъ отъ скуки. Я долженъ сказать о себѣ, что я хотя, конечно, и лишній человѣкъ, но не по собственной охотѣ; я самъ болѣнъ, а все больное терпѣть не могу.... Я и отъ счастья бы не прочь, я даже старался подойти къ нему и справа и слѣва.... И потому не удивительно, что и я могу скучать, какъ всякій другой смертный. Я находился въ городѣ О.... по служебнымъ дѣламъ...

Терентьевна рѣшительно поклялась уморить меня. Вотъ обращикъ нашего разговора:

Терентьевна. О-охъ, батюшка! что́ вы это все пишете? Это вамъ нездорово, писать-то.

Я. Да скучно, Терентьевна!

Она. А вы напейтесь чайку да лягьте. Богъ дастъ, вспотѣете, соснете маненько.

Я. Да я не хочу спать.

Она. Ахъ, батюшка! что вы это? Господь съ вами! Лягьтека, лягьте: оно лучше.

Я. Я и безъ того умру, Терентьевна!

Она. Сохрани Господь и помилуй! Что жь, прикажете чайку?

Я. Я недѣли не проживу, Терентьевна!

Она. И-и, батюшка! что вы это?... Такъ я пойду самоварчикъ поставлю.

О, дряхлое, желтое, беззубое существо! Неужели и для тебя я не человѣкъ!

24 марта.—Трескучій морозъ.

Въ самый день моего пребытія въ городъ О.... вышеупомянутыя служебныя дѣла заставили меня сходить къ нѣкоему Ожогину, Кириллѣ Матвѣевичу, одному изъ главныхъ чиновниковъ уѣзда; но познакомился я съ нимъ, или, какъ говорится, сблизился, спустя двѣ недѣли. Домъ его находился на главной улицѣ и отличался отъ всѣхъ другихъ величиной, крашенной крышкой и двумя львами на воротахъ, изъ той породы львовъ, необыкновенно похожихъ на неудавшихся собакъ, родина которымъ Москва. По однимъ уже этимъ львамъ можно было заключить, что Ожогинъ человѣкъ съ достаткомъ. И дѣйствительно: у него было душъ четыреста крестьянъ; онъ принималъ у себя все лучшее общество города О.... и слылъ хлѣбосоломъ. Къ нему ѣздилъ и городничій, на широкихъ рыжихъ дрожкахъ парой, необыкновенно крупный, словно изъ залежалаго матеріала скроенный человѣкъ; ѣздили прочіе чиновники: стряпчій, желтенькое и злобненькое существо, острякъ землемѣръ—нѣмецкаго происхожденія, съ татарскимъ лицомъ, офицеръ Путей Сообщенія—нѣжная душа, пѣвецъ, но сплетникъ; бывшій уѣздный предводитель—господинъ съ крашеными волосами, взбитой манишкой, панталонами въ обтяжку и тѣмъ благороднѣйшимъ выраженіемъ лица, которое такъ свойственно людямъ, побывавшимъ подъ судомъ; ѣздили также два помѣщика, друзья неразлучные, оба уже не молодые и даже по-

тертые, изъ которыхъ младшій постоянно уничтожалъ старшаго и зажималъ ему ротъ однимъ и тѣмъ же упрекомъ: «Да полноте, Сергѣй Сергѣичъ! куда вамъ? Вѣдь вы слово «пробка» пишете съ буки. Да, господа (продолжалъ онъ, со всѣмъ жаромъ убѣжденія обращаясь къ присутствующимъ), Сергѣй Сергѣичъ пишетъ не пробка, а бробка.» И всѣ присутствующіе смѣялись, хотя, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не отличался особеннымъ искусствомъ въ правописаніи; а несчастный Сергѣй Сергѣичъ умолкалъ и съ замирающей улыбкой преклонялъ голову. Но я забываю, что мое время разсчитано, и вдаюсь въ слишкомъ подробныя описанія. И такъ, безъ дальнихъ околичностей. Ожогинъ былъ женатъ, у него была дочь, Елизавета Кирилловна, и я въ эту дочь влюбился.

Самъ Ожогинъ былъ человѣкъ дюжинный, не дурной и не хорошій, жена его сбивалась на застарѣлаго цыпленка; но дочь ихъ вышла не въ своихъ родителей. Она была очень не дурна собой, живаго и кроткаго нрава. Ея сѣрые, свѣтлые глаза глядѣли добродушно и прямо изъ-подъ ребячески приподнятыхъ бровей; она почти постоянно улыбалась и смѣялась тоже довольно часто. Свѣжій голосъ ея звучалъ очень пріятно; двигалась она вольно, быстро—и весело краснѣла. Одѣвалась она не слишкомъ изящно; къ ней шли одни простыя платья. Я вообще не скоро знакомился, и если мнѣ съ кѣмъ нибудь было съ перваго раза легко—что́, впрочемъ, почти никогда не случалось—это, признаюсь, сильно говорило въ пользу новаго знакомаго. Съ женщинами же я вовсе не умѣлъ обращаться и въ присутствіи ихъ либо хмурился и принималъ свирѣпый видъ, либо глупѣйшимъ образомъ скалилъ зубы и отъ замѣшательства вертѣлъ языкомъ во рту. Съ Елизаветой Кирилловной, напротивъ, я съ перваго же раза почувствовалъ себя дома. Вотъ какимъ образомъ это случилось. Прихожу я однажды передъ обѣдомъ къ Ожогину, спрашиваю: «дома?» говорятъ: «дома, одѣваются; пожалуйте въ залу.» Я въ залу; смотрю, у окна стоитъ ко мнѣ спиной дѣвица въ бѣломъ платьѣ и держитъ въ рукахъ клѣтку. Меня, по обыкновенію, слегка покоробило; однако, я ничего, только кашлянулъ для приличія. Дѣвица быстро обернулась, такъ быстро, что локоны ея ударили ей въ лицо, увидѣла меня, поклонилась и съ улыбкой

показала мнѣ ящичекъ, до половины наполненный зернами. — «Вы позволите!» Я, разумѣется, какъ водится въ такихъ случаяхъ, сперва наклонилъ голову и въ то же время быстро согнулъ и выпрямилъ колѣни (словно кто ударилъ меня сзади въ поджилки), что̀, какъ извѣстно, служитъ признакомъ отличнаго воспитанія и пріятной развязности въ обхожденіи, а потомъ улыбнулся, поднялъ руку и раза два осторожно и мягко провелъ ею по воздуху. Дѣвица тотчасъ отвернулась отъ меня, вынула изъ клѣтки дощечку, начала сильно скрести по ней ножомъ и вдругъ, не перемѣняя положенія, произнесла слѣдующія слова: «Это папенькинъ снигирь.... Вы любите снигирей?»—«Я предпочитаю чижей», отвѣчалъ я не безъ нѣкотораго усилія. — «А! я тоже люблю чижей; но посмотрите на него, какой онъ хорошенькій. Посмотрите, онъ не боится.» (Меня удивляло то, что я не боялся.) «Подойдите. Его зовутъ Попка.» Я подошелъ, нагнулся. «Не правда ли, какой онъ милый?» Она обернулась ко мнѣ лицомъ; но мы такъ близко стояли другъ къ другу, что ей пришлось немного откинуть голову, чтобъ взглянуть на меня своими свѣтлыми глазками. Я посмотрѣлъ на нее: все ея молодое, розовое лицо такъ дружелюбно улыбалось, что и я улыбнулся и чуть не засмѣялся отъ удовольствія. Дверь растворилась: вошелъ господинъ Ожогинъ. Я тотчасъ подошелъ къ нему, заговорилъ съ нимъ очень непринужденно, самъ не знаю какъ остался обѣдать, высидѣлъ весь вечеръ; а на другой день лакей Ожогина, длинноватый и подслѣповатый человѣкъ, уже улыбался мнѣ, какъ другу дома, стаскивая съ меня шинель.

Найти пріютъ, свить себѣ хотя временное гнѣздо, узнать отраду ежедневныхъ отношеній и привычекъ—этого счастія я, лишній, безъ семейныхъ воспоминаній, человѣкъ, до тѣхъ поръ не испыталъ. Еслибъ во мнѣ хоть что нибудь напоминало цвѣтокъ, и еслибъ это сравненіе не было такъ избито, я бы рѣшился сказать, что я съ того дня расцвѣлъ душою. Все во мнѣ и вокругъ меня такъ мгновенно перемѣнилось! Вся жизнь моя озарилась любовью, именно вся, до самыхъ мелочей, словно темная, заброшенная комната, въ которую внесли свѣчку. Я ложился спать и вставалъ, одѣвался, завтракалъ, трубку курилъ—иначе, чѣмъ прежде; я даже на ходу подпрыгивалъ—

266590
Библ. Инс. ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР

право, словно крылья вдругъ выросли у меня за плечами. Я, помнится, ни минуты не находился въ неизвѣстности насчетъ чувства, внушеннаго мнѣ Елизаветой Кирилловной: я съ перваго дня влюбился въ нее страстно и съ перваго же дня зналъ, что влюбился. Въ теченіи трехъ недѣль я каждый день ее видѣлъ. Эти три недѣли были счастливѣйшимъ временемъ въ моей жизни; но воспоминаніе о нихъ мнѣ тягостно. Я не могу думать о нихъ однихъ: мнѣ невольно представляется то, что̀ послѣдовало за ними, и ядовитая горечь медлительно охватитъ только что разнѣжившееся сердце.

Когда человѣку очень хорошо, мозгъ его, какъ извѣстно, весьма мало дѣйствуетъ. Спокойное и радостное чувство, чувство удовлетворенія, проникаетъ все его существо; онъ поглощенъ имъ; сознаніе личности въ немъ исчезаетъ — онъ блаженствуетъ, какъ говорятъ дурно воспитанные поэты. Но когда, наконецъ, минуетъ это «очарованіе», человѣку иногда становится досадно и жаль, что онъ, посреди счастія, такъ мало наблюдалъ за самимъ собою, что онъ размышленіемъ, воспоминаніемъ не удвоивалъ, не продолжалъ своихъ наслажденій. . . . какъ будто «блаженствующему» человѣку есть когда, да и сто́итъ размышлять о своихъ чувствахъ! Счастливый человѣкъ— что̀ муха на солнцѣ. Оттого-то и мнѣ, когда я вспоминаю объ этихъ трехъ недѣляхъ, почти невозможно удержать въ умѣ точное, опредѣленное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что втеченіи всего этого времени ничего особенно замѣчательнаго не произошло между нами.... Эти двадцать дней являются мнѣ чѣмъ-то теплымъ, молодымъ и пахучимъ, какой-то свѣтлой полосою въ моей тусклой и сѣренькой жизни. Память моя становится вдругъ неумолимо вѣрна и ясна только съ того мгновенія, когда на меня, говоря словами тѣхъ же дурно воспитанныхъ сочинителей, обрушились удары судьбы.

Да, эти три недѣли.... Впрочемъ, онѣ не то, чтобъ не оставили во мнѣ никакихъ о̀бразовъ. Иногда, когда мнѣ случается долго думать о томъ времени, иныя воспоминанія внезапно выплываютъ изъ мрака прошедшаго—вотъ какъ звѣзды неожиданно выступаютъ на вечернемъ небѣ на встрѣчу внимательно устремленнымъ глазамъ. Особенно памятной осталась мнѣ одна прогулка въ рощѣ за городомъ. Насъ было четверо:

старуха Ожогина, Лиза, я и нѣкто Бизьмёнковъ, мелкій чиновникъ города О., бѣлокуренькій, добренькій и смирненькій человѣчекъ. Мнѣ еще о немъ прійдется поговорить. Самъ г. Ожогинъ остался дома: у него отъ слишкомъ продолжительнаго сна голова разболѣлась. День былъ чудесный, теплый и тихій. Должно замѣтить, что увеселительные сады и общественныя гулянья не въ духѣ русскаго человѣка. Въ губернскихъ городахъ, въ такъ называемыхъ публичныхъ садахъ, вы ни въ какое время года не встрѣтите живой души; развѣ какая-нибудь старуха, кряхтя, присядетъ на пропеченную солнцемъ зеленую скамейку, въ сосѣдствѣ больного деревца, да и то, коли поблизости нѣтъ засаленной лавочки у подворотни. Но если въ сосѣдствѣ города находится жиденькая березовая рощица, купцы, а иногда чиновники, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, охотно туда ѣздятъ съ самоварами, пирогами, арбузами, становятъ всю эту благодать на пыльную траву возлѣ самой дороги, садятся кругомъ и кушаютъ и чайничаютъ въ потѣ лица до самаго вечера. Именно такого рода рощица существовала тогда въ двухъ верстахъ отъ города О. Мы пріѣхали туда послѣ обѣда, напились, какъ слѣдуетъ, чаю и потомъ всѣ четверо отправились походить по рощѣ. Бизьмёнковъ взялъ подъ руку старуху Ожогину, я — Лизу. День уже склонялся къ вечеру. Я находился тогда въ самомъ разгарѣ первой любви (не болѣе двухъ недѣль прошло со времени нашего знакомства), въ томъ состояніи страстнаго и внимательнаго обожанія, когда вся ваша душа невинно и невольно слѣдитъ за каждымъ движеніемъ любимаго существа, когда вы не можете насытиться его присутствіемъ, наслушаться его голоса, когда вы улыбаетесь и смотрите выздоровѣвшимъ ребенкомъ, и нѣсколько опытный человѣкъ на сто шаговъ съ перваго взгляда долженъ узнать, что съ вами происходитъ. Мнѣ до того дня еще ни разу не случалось держать Лизу подъ руку. Мы шли съ ней рядомъ, тихо выступая по зеленой травѣ. Легкій вѣтерокъ словно порхалъ вокругъ насъ между бѣлыми стволами березъ, изрѣдка бросая мнѣ въ лицо ленту ея шляпки. Я неотступно слѣдилъ за ея взоромъ, пока она, наконецъ, весело не обращалась ко мнѣ, и мы оба улыбались другъ другу. Птицы одобрительно чирикали надъ нами, голубое небо ласково сквозило сквозь мелкую листву. Голова

моя кружилась отъ избытка удовольствія. Спѣшу замѣтить: Лиза нисколько не была въ меня влюблена. Я ей нравился; она вообще ни кого не дичилась, но не мнѣ было суждено возмутить ея дѣтское спокойствіе. Она шла подъ руку со мной, какъ бы съ братомъ. Ей было тогда семнадцать лѣтъ.... И, между тѣмъ, въ тотъ самый вечеръ, при мнѣ, началось въ ней то внутреннее, тихое броженіе, которое предшествуетъ превращенію ребенка въ женщину.... Я былъ свидѣтелемъ этой перемѣны всего существа, этого невиннаго недоумѣнія, этой тревожной задумчивости; я первый подмѣтилъ эту внезапную мягкость взора, эту звенящую невѣрность голоса — и, о глупецъ! о лишній человѣкъ! втеченіи цѣлой недѣли я не устыдился предполагать, что я, я былъ причиной этой перемѣны.

Вотъ какимъ образомъ это случилось.

Мы гуляли довольно долго, до самаго вечера, и мало разговаривали. Я молчалъ, какъ всѣ неопытные любовники, а ей, вѣроятно, нечего было мнѣ сказать; но она словно о чемъ-то размышляла и какъ-то особенно покачивала головой, задумчиво кусая сорванный листъ. Иногда она принималась идти впередъ, такъ рѣшительно.... а потомъ вдругъ останавливалась, ждала меня и оглядывалась кругомъ съ приподнятыми бровями и разсѣянной усмѣшкой. Наканунѣ мы съ ней вмѣстѣ прочли «Кавказскаго Плѣнника». Съ какой жадностью она меня слушала, опершись лицомъ на обѣ руки и прислонясь грудью къ столу! Я было заговорилъ о вчерашнемъ чтеніи: она покраснѣла, спросила меня, далъ ли я передъ отъѣздомъ снигирю конопляпаго сѣмени, громко запѣла какую-то пѣсенку и вдругъ замолчала. Роща съ одной стороны кончалась довольно высокимъ и крутымъ обрывомъ; внизу текла извилистая рѣчка, а за ней на необозримое пространство тянулись, то слегка вздымаясь, какъ волны, то широко разстилаясь скатертью, безконечные луга, кой-гдѣ перерѣзанные оврагами. Мы съ Лизой первые вышли на край рощи; Бизьмёнковъ остался позади съ старухой. Мы вышли, остановились и оба невольно прищурили глаза: прямо противъ насъ, среди раскаленнаго тумана, садилось багровое, огромное солнце. Полнеба разгоралось и рдѣло; красные лучи били вскользь по лугамъ, бросая алый отблескъ даже на тѣнистую сторону овраговъ, ложились огнистымъ свинцомъ по рѣч-

кѣ, тамъ, гдѣ она не пряталась подъ нависшіе кусты, и словно упирались въ грудь обрыву и рощѣ. Мы стояли, облитые горячимъ сіяніемъ. Я не въ состоянія передать всю страстную торжественность этой картины. Говорятъ, одному слѣпому красный цвѣтъ представлялся трубнымъ звукомъ; не знаю, на сколько это сравненіе справедливо, но дѣйствительно было что-то призывное въ этомъ пылающемъ золотѣ вечерняго воздуха, въ багряномъ блескѣ неба и земли. Я вскрикнулъ отъ восторга и тотчасъ обратился къ Лизѣ. Она глядѣла прямо на солнце. Помнится, пожаръ зари отражался маленькими огненными пятнышками въ ея глазахъ. Она была поражена, глубоко тронута. Она ничего не отвѣчала на мое восклицаніе, долго не шевелилась, потупила голову.... Я протянулъ къ ней руку; она отвернулась отъ меня и вдругъ залилась слезами. Я глядѣлъ на нее съ тайнымъ, почти радостнымъ недоумѣніемъ.... Голосъ Бизьмёнкова раздался въ двухъ шагахъ отъ насъ. Лиза быстро отерла слезы и съ нерѣшительной улыбкой посмотрѣла на меня. Старуха вышла изъ рощи, опираясь на руку своего бѣлокураго вожатая; оба въ свою очередь полюбовались видомъ. Старуха спросила что-то у Лизы, и я, помню, невольно вздрогнулъ, когда ей въ отвѣтъ прозвучалъ, какъ надтреснувшее стекло, разбитый голосокъ ея дочери. Между тѣмъ, солнце закатилось, заря начала гаснуть. Мы пошли назадъ. Я опять взялъ Лизу подъ руку. Въ рощѣ было еще свѣтло, и я ясно могъ различить ея черты. Она была смущена и не поднимала глазъ. Румянецъ, разлитый по всему ея лицу, не исчезалъ: словно она все еще стояла въ лучахъ заходящаго солнца.... Рука ея чуть касалась моей. Я долго не могъ начать рѣчи: такъ сильно билось во мнѣ сердце. Сквозь деревья вдали замелькала карета; кучеръ шагомъ ѣхалъ къ намъ на встрѣчу по рыхлому песку дороги.

— Лизавета Кирилловна, промолвилъ я, наконецъ:—отчего вы заплакали?

— Не знаю, возразила она, послѣ небольшаго молчанія, посмотрѣла на меня своими кроткими, еще влажными отъ слезъ глазами—взглядъ ихъ показался мнѣ измѣненнымъ — и опять умолкла.

— Вы, я вижу, любите природу.... продолжалъ я.—Я со-

всѣмъ не то хотѣлъ сказать, да и эту послѣднюю фразу языкъ мой едва пролепеталъ до конца. Она покачала головой. Я болѣе не могъ произнести слова.... я ждалъ чего-то.... не признанья — гдѣ! я ждалъ довѣрчиваго взгляда, вопроса.... Но Лиза глядѣла на землю и молчала. Я повторилъ еще разъ вполголоса: «отчего?» и не получилъ отвѣта. Ей, я это видѣлъ, становилось неловко, почти стыдно.

Спустя четверть часа, мы уже сидѣли въ каретѣ и подъѣзжали къ городу. Дружной рысью бѣжали лошади; мы быстро мчались сквозь темнѣющій, влажный воздухъ. Я вдругъ разговорился, безпрестанно обращался то къ Бизьмёнкову, то къ Ожогиной, не глядѣлъ на Лизу, но могъ замѣтить, что изъ угла кареты взоръ ея не разъ останавливался на мнѣ. Дома она встрепенулась, однако не захотѣла читать со мной и скоро отправилась спать. Переломъ, тотъ переломъ, о которомъ я говорилъ, въ ней совершился. Она перестала быть дѣвочкой, она тоже начала ждать.... какъ я.... чего-то. Она недолго ждала.

Но я въ ту ночь вернулся къ себѣ на квартиру въ совершенномъ очарованіи. Смутное — не то предчувствіе, не то подозрѣніе, которое возникло было во мнѣ, исчезло: внезапную принужденность въ обхожденіи Лизы со мною я приписывалъ дѣвической стыдливости, робости.... Развѣ я не читалъ тысячу разъ во многихъ сочиненіяхъ, что первое появленіе любви всегда волнуетъ и пугаетъ дѣвицу? Я чувствовалъ себя весьма счастливымъ и уже строилъ въ умѣ различные планы....

Еслибъ кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда на ухо: «Врешь, любезный! тебѣ совсѣмъ не то предстоитъ, братецъ: тебѣ предстоитъ умереть одиноко, въ дрянномъ домишкѣ, подъ несносное ворчанье старой бабы, которая ждетъ не дождется твоей смерти, чтобъ продать за безцѣнокъ твои сапоги»....

Да, поневолѣ скажешь съ однимъ русскимъ философомъ: «какъ знать чего не знаешь?»—До завтра.

25 марта. Бѣлый зимній день.

Я перечелъ то, что вчера написалъ, и чуть-чуть не изорвалъ всей тетради. Мнѣ кажется, я слишкомъ пространно и слишкомъ сладко разсказываю. Впрочемъ, такъ какъ остальныя мои воспоминанія о томъ времени не представляютъ ничего

отраднаго, кромѣ той отрады особеннаго рода, которую Лермонтовъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что весело и больно тревожить язвы старыхъ ранъ, то почему же и не побаловать себя? Но надобно и честь знать. И потому продолжаю безо всякой сладости.

Втеченіи цѣлой недѣли, послѣ прогулки за городомъ, положеніе мое въ сущности нисколько не улучшилось, хотя перемѣна въ Лизѣ становилась замѣтнѣе съ каждымъ днемъ. Я, какъ уже сказано, толковалъ эту перемѣну въ самую для меня выгодную сторону.... Несчастіе людей одинокихъ и робкихъ— отъ самолюбія робкихъ — состоитъ именно въ томъ, что они, имѣя глаза и даже растаращивъ ихъ, ничего не видятъ, или видятъ все въ ложномъ свѣтѣ, словно сквозь окрашенныя очки. Ихъ же собственныя мысли и наблюденія мѣшаютъ имъ на каждомъ шагу. Въ началѣ нашего знакомства, Лиза обращалась со мной довѣрчиво и вольно, какъ ребенокъ; можетъ быть даже, въ ея расположеніи ко мнѣ было нѣчто болѣе простой, дѣтской привязанности.... Но когда совершился въ ней тотъ странный, почти внезапный переломъ, она, послѣ небольшаго недоумѣнія, почувствовала себя стѣсненной въ моемъ присутствіи; она невольно отворачивалась отъ меня и въ то же время грустила и задумывалась.... Она ждала.... чего? сама не знала.... а я.... я, какъ уже сказано, радовался этой перемѣнѣ.... Я, ей–Богу, чуть–чуть не замиралъ, какъ говорится, отъ восторга. Впрочемъ, я готовъ согласиться, что и другой на моемъ мѣстѣ могъ бы обмануться.... У кого нѣтъ самолюбія? Нечего и говорить, что все это мнѣ стало яснымъ только впослѣдствіи времени, когда мнѣ пришлось опустить свои ошибенныя, и безъ того несильныя, крылья.

Недоразумѣніе, возникшее между мной и Лизой, продолжалось цѣлую недѣлю,—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: мнѣ случалось быть свидѣтелемъ недоразумѣній, продолжавшихся годы за годами. Да и кто сказалъ, что одна истина дѣйствительна? Ложь такъ же живуча, какъ и истина, если не болѣе. Точно, помнится, во мнѣ даже втеченіи этой недѣли изрѣдка шевелился червь.... но нашъ братъ, одинокій человѣкъ, опять таки скажу, такъ же не способенъ понять то, что̀ въ немъ происходитъ, какъ и то, что́ совершается передъ его глазами.

Да и притомъ: развѣ любовь — естественное чувство? Развѣ человѣку свойственно любить? Любовь—болѣзнь; а для болѣзни законъ не писанъ. Положимъ, у меня сердце иногда непріятно сжималось: да вѣдь все во мнѣ было перевернуто кверху дномъ. Какъ тутъ прикажите узнать, что́ ладно и что́ неладно, какая причина, какое значеніе каждаго отдѣльнаго ощущенія?

Но, какъ бы то ни было, всѣ эти недоразумѣнія, предчувствія и надежды разрѣшились слѣдующимъ образомъ.

Однажды—дѣло было утромъ, часу въ двѣнадцатомъ — не успѣлъ я войти въ переднюю г. Ожогина, какъ незнакомый, звонкій голосъ раздался въ залѣ, дверь распахнулась, и, въ сопровожденіи хозяина, показался на порогѣ стройный и высокій мужчина лѣтъ двадцати-пяти, быстро накинулъ на себя военную шинель, лежавшую на прилавкѣ, ласково простился съ Кириллой Матвѣичемъ, проходя мимо меня, небрежно коснулся своей фуражки—и исчезъ, звеня шпорами.

— Кто это? спросилъ я Ожогина.

— Князь Н*, отвѣчалъ мнѣ тотъ, съ озабоченнымъ лицомъ:— изъ Петербурга присланъ: рекрутовъ принимать. Да гдѣ жь это люди? продолжалъ онъ, съ досадой: — шинели ему никто не подалъ.

Мы вошли въ залу.

— Давно онъ пріѣхалъ? спросилъ я.

— Говоритъ, вчера вечеромъ. Я ему предложилъ комнату у себя, да онъ отказался. Впрочемъ, онъ, кажется, очень милый малый.

— Долго онъ у васъ пробылъ?

— Съ часъ. Онъ попросилъ меня представить его Олимпіадѣ Никитишнѣ.

— И вы представили его?

— Какже.

— А съ Лизаветой Кирилловной онъ....

— Онъ и съ ней познакомился—какже;

Я помолчалъ.

— Надолго онъ сюда пріѣхалъ, вы не знаете?

— Да, я думаю, ему здѣсь недѣли двѣ придется пробыть слишкомъ.

И Кирилло Матвѣичъ побѣжалъ одѣваться.

Я прошелся нѣсколько разъ по залѣ. Не помню, чтобы пріѣздъ князя Н* произвелъ во мнѣ тогда же какое-нибудь особенное впечатлѣніе, кромѣ того непріязненнаго чувства, которое обыкновенно овладѣваетъ нами при появленіи новаго лица въ нашемъ домашнемъ кружку. Можетъ быть, къ этому чувству примѣшивалось еще нѣчто въ родѣ зависти робкаго и темнаго москвича къ блестящему петербургскому офицеру. «Князь— думалъ я —столичная штучка: на насъ свысока смотрѣть будетъ»..... Не болѣе минуты видѣлъ я его, но успѣлъ замѣтить, что онъ былъ хорошъ собой, ловокъ и развязенъ. Походивъ нѣкоторое время по залѣ, я наконецъ остановился передъ зеркаломъ, досталъ изъ кармана гребешокъ, придалъ моимъ волосамъ живописную небрежность и, какъ это иногда случается, внезапно углубился въ созерцаніе моего собственнаго лица. Помнится, мое вниманіе было заботливо сосредоточено на моемъ носѣ: мягковатыя и неопредѣленныя очертанія этого члена не доставляли мнѣ особеннаго удовольствія—какъ вдругъ, въ темной глубинѣ наклоненнаго стекла, отражавшаго почти всю комнату, отворилась дверь, и показалась стройная фигура Лизы. Не знаю, почему я не шевельнулся и удержалъ на лицѣ прежнее выраженіе. Лиза протянула голову, внимательно посмотрѣла на меня и, поднявъ брови, закусивъ губы и притаивъ дыханіе, какъ человѣкъ, который радъ, что его не замѣтили, осторожно подалась назадъ и тихонько потянула за собою дверь. Дверь слабо скрипнула. Лиза вздрогнула и замерла на мѣстѣ.... Я все не шевелился.... Она потянула за ручку опять и—скрылась. Не было возможности сомнѣваться: выраженіе Лизина лица, при видѣ моей особы, это выраженіе, въ которомъ не замѣчалось ничего, кромѣ желанія благополучно убраться назадъ, избѣгнуть непріятнаго свиданія, быстрый отблескъ удовольствія, который я успѣлъ уловить въ ея глазахъ, когда ей показалось, что ей точно удалось ускользнуть незамѣченной,—все это говорило слишкомъ ясно: эта дѣвушка меня не любила. Я долго, долго не могъ отвести взора отъ неподвижной, нѣмой двери, снова бѣлымъ пятномъ появившейся въ глубинѣ зеркала; хотѣлъ было улыбнуться своей собственной вытянутой фигурѣ,— опустилъ голову, вернулся домой и бросился на диванъ. Мнѣ было необыкновенно тяжело, такъ тяжело, что я не могъ пла-

кать.... да и о чемъ было плакать?... «Неужели?—твердилъ я безпрестанно, лежа, какъ убитый, на спинѣ, и сложивъ руки на груди—неужели»?... Какъ вамъ нравится это «неужели»?

26 марта. Оттепель.

Когда я, на другой день, послѣ долгихъ колебаній, внутренно замирая, вошелъ въ знакомую гостиную Ожогиныхъ, я уже былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ они меня знали втеченіи трехъ недѣль. Всѣ мои прежнія замашки, отъ которыхъ я было началъ отвыкать подъ вліяніемъ новаго для меня чувства, внезапно появились опять и завладѣли мною, какъ хозяева, вернувшіеся въ свой домъ. Люди, подобные мнѣ, вообще руководствуются не столько положительными фактами, сколько собственными впечатлѣніями: я, не далѣе, какъ вчера, мечтавшій о «восторгахъ взаимной любви», сегодня уже ни мало не сомнѣвался въ своемъ «несчастіи» и совершенно отчаявался, хотя я самъ не былъ въ состояніи сыскать какой-нибудь разумный предлогъ своему отчаянію. Не могъ же я ревновать къ князю Н*, и какія бы за нимъ ни водились достоинства, одного его появленія не было достаточно, чтобы разомъ искоренить то расположеніе Лизы ко мнѣ.... Да полно, существовало ли это расположеніе? Я припоминалъ прошедшее. «А прогулка въ лѣсу?» спрашивалъ я самаго себя. «А выраженіе ея лица въ зеркалѣ?» «Но—продолжалъ я—прогулка въ лѣсу, кажется.... Фу, ты, Боже мой! что́ я за ничтожное существо»! восклицалъ я вслухъ наконецъ. Вотъ какого рода недосказанныя, недодуманныя мысли, тысячу разъ возвращаясь, однообразнымъ вихремъ кружились въ головѣ моей. Повторяю, я вернулся къ Ожогинымъ тѣмъ же мнительнымъ, подозрительнымъ, натянутымъ человѣкомъ, какимъ былъ съ дѣтства....

Я засталъ все семейство въ гостиной; Бизьмёнковъ тутъ же сидѣлъ въ уголку. Всѣ казались въ духѣ; особенно Ожогинъ такъ и сіялъ, и съ перваго же слова сообщилъ мнѣ, что князь Н* пробылъ у нихъ вчера цѣлый вечеръ. Лиза спокойно привѣтствовала меня. «Ну—сказалъ я самъ себѣ—теперь я понимаю, отчего вы въ духѣ». Признаюсь, вторичное посѣщеніе князя мнѣ озадачило. Я этого не ожидалъ. Вообще нашъ братъ ожидаетъ всего на свѣтѣ, кромѣ того, что́ въ естественномъ

порядкѣ вещей должно случиться. Я надулся и принялъ видъ оскорбленнаго, но великодушнаго человѣка: хотѣлъ наказать Лизу своею немилостью, изъ чего, впрочемъ, должно заключить, что я все-таки еще не совершенно отчаявался. Говорятъ, въ иныхъ случаяхъ, когда васъ дѣйствительно любятъ, даже полезно помучить обожаемое существо; но въ моемъ положеніи это было невыразимо глупо: Лиза самымъ невиннымъ образомъ не обратила на меня вниманія. Одна старуха Ожогина замѣтила мою торжественную молчаливость и заботливо освѣдомилась о моемъ здоровьѣ. Я, разумѣется, съ горькою улыбкой отвѣчалъ ей, что я, слава Богу, совершенно здоровъ. Ожогинъ продолжалъ распространяться на счетъ своего гостя; но, замѣтивъ, что я неохотно отвѣчалъ ему, онъ обращался болѣе къ Бизьмёнкову, который слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, какъ вдругъ вошелъ человѣкъ и доложилъ о князѣ Н*. Хозяинъ вскочилъ и побѣжалъ ему на встрѣчу; Лиза, на которую я тотчасъ устремилъ орлиный взоръ, покраснѣла отъ удовольствія и зашевелилась на стулѣ. Князь вошелъ раздушенный, веселый, ласковый....

Такъ какъ я не сочиняю повѣсти для благосклоннаго читателя, а просто пишу для собственнаго удовольствія, то мнѣ, стало быть, не для чего прибѣгать къ обычнымъ уловкамъ господъ литераторовъ. Скажу сейчасъ же, безъ дальняго отлагательства, что Лиза съ перваго же дня страстно влюбилась въ князя, и князь ее полюбилъ—отчасти отъ нечего дѣлать, отчасти отъ привычки кружить женщинамъ голову, но также и оттого, что Лиза точно была очень милое существо. Въ томъ, что они полюбили другъ друга, не было ничего удивительнаго. Онъ, вѣроятно, никакъ не ожидалъ найти подобную жемчужину въ такой скверной раковинѣ (я говорю о богомерзкомъ городѣ О....), а она до тѣхъ поръ и во снѣ не видала ничего хотя нѣсколько похожаго на этого блестящаго, умнаго, плѣнительнаго аристократа.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Ожогинъ представилъ меня князю, который обошелся со мной очень вѣжливо. Онъ вообще былъ очень вѣжливъ со всѣми и, не смотря на несоразмѣрное разстояніе, находившееся между нимъ и нашимъ темнымъ уѣзднымъ кружкомъ, умѣлъ не только никого не стѣснять, но даже

показать видъ, какъ будто онъ былъ намъ равный и только случайнымъ образомъ жилъ въ С. Петербургѣ.

Этотъ первый вечеръ.... О, этотъ первый вечеръ! Въ счастливые дни нашего дѣтства учители разсказывали намъ и поставляли въ примѣръ черту мужественнаго терпѣнія того молодаго лакедемонца, который, укравъ лисицу и спрятавъ ее подъ свою хламиду, ни разу не никнувъ, позволилъ ей съѣсть всѣ свои потроха и такимъ образомъ предпочелъ самую смерть позору.... Я не могу найти лучшаго сравненія для выраженія моихъ несказанныхъ страданій втеченіи того вечера, когда я въ первый разъ увидѣлъ князя подлѣ Лизы. Моя постоянно напряженная улыбка, мучительная наблюдательность, мое глупое молчаніе, тоскливое и напрасное желаніе уйти,—все это, вѣроятно, было весьма замѣчательно въ своемъ родѣ. Не одна лисица рылась въ моихъ внутренностяхъ: ревность, зависть, чувство своего ничтожества, безсильная злость меня терзали. Я не могъ не сознаться, что князь былъ дѣйствительно весьма любезный молодой человѣкъ.... Я пожиралъ его глазами, я, право, кажется, забывалъ мигать, глядя на него. Онъ разговаривалъ не съ одной Лизой, но, конечно, говорилъ только для нея одной. Я, должно быть, сильно надоѣдалъ ему.... Онъ, вѣроятно, скоро догадался, что имѣлъ дѣло съ устраненнымъ любовникомъ, но, изъ сожалѣнія ко мнѣ, а также изъ глубокаго сознанія моей совершенной безопасности, обращался со мной необыкновенно мягко. Можете себѣ представить, какъ это меня оскорбляло! Втеченіи вечера, я, помнится, попытался загладить свою вину; я (не смѣйтесь надо мной, кто бы вы ни были, кому попадутся эти строки на глаза, тѣмъ болѣе, что это было моей послѣдней мечтой).... я, ей-Богу, посреди моихъ разнообразныхъ терзаній, вдругъ вообразилъ, что Лиза хочетъ наказать меня за мою надменную холодность въ началѣ моего посѣщенія, что она сердится на меня и только съ досады кокетничаетъ съ княземъ.... Я улучилъ время и съ смиренной, но ласковой, улыбкой подойдя къ ней, пробормоталъ: «довольно, простите меня.... впрочемъ, я это не оттого, чтобы я боялся»— и, вдругъ, не дожидаясь ея отвѣта, придалъ лицу своему необыкновенно живое и развязное выраженіе, криво усмѣхнулся, протянулъ руку надъ головой въ направленіи потолка (я, пом-

нится, желалъ поправить шейный платокъ) и даже собирался повернуться на одной ножкѣ, какъ бы желая сказать: «все кончено, я въ духѣ, будемте всѣ въ духѣ», однако, не повернулся, боясь упасть, по причинѣ какой-то неестественной окоченѣлости въ колѣняхъ.... Лиза рѣшительно не поняла меня, съ удивленіемъ посмотрѣла мнѣ въ лицо, торопливо улыбнулась, какъ бы желая поскорѣе отдѣлаться, и снова подошла къ князю. Какъ я ни былъ слѣпъ и глухъ, но не могъ внутренно не сознаться, что она вовсе не сердилась и не досадовала на меня въ эту минуту: она просто и не думала обо мнѣ. Ударъ былъ рѣшительный: послѣднія мои надежды съ трескомъ рухнули, какъ ледяная глыба, прохваченная весеннимъ солнцемъ, внезапно разсыпается на мелкіе куски. Я былъ разбитъ на-голову съ перваго же натиска, и, какъ Прусаки подъ Іеной, въ одинъ день, разомъ все потерялъ. Нѣтъ, она не сердилась на меня!...

Увы напротивъ! Ее самое—я это видѣлъ—подмывало какъ волной. Словно молодое деревцо, уже дополовины отставшее отъ берега, она съ жадностью наклонялась надъ потокомъ, готовая отдать ему навсегда и первый расцвѣтъ своей весны и всю жизнь свою. Кому довелось быть свидѣтелемъ подобнаго увлеченія, тотъ пережилъ горькія минуты, если онъ самъ любилъ и не былъ любимымъ. Я вѣчно буду помнить это пожирающее вниманіе, эту нѣжную веселость, это невинное самозабвеніе, этотъ взглядъ еще дѣтскій и уже женскій, эту счастливую, словно расцвѣтающую улыбку, не покидавшую полураскрытыхъ губъ и зардѣвшихся щекъ.... Все, что̀ Лиза смутно предчувствовала во время нашей прогулки въ рощѣ, сбылось теперь—и она, отдаваясь вся любви, въ то же время вся утихала и свѣтлѣла, какъ молодое вино, которое перестаетъ бродить, потому что его время настало....

Я имѣлъ терпѣніе высидѣть этотъ первый вечеръ и послѣдующіе вечера.... всѣ до конца! Я ни на что̀ не могъ надѣяться: Лиза и князь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привязывались другъ къ другу.... Но я рѣшительно потерялъ чувство собственнаго достоинства и не могъ оторваться отъ зрѣлища своего несчастія. Помнится, однажды, я попытался было не пойти, съ утра далъ себѣ честное слово остаться дома — и въ восемь часовъ вечера (я обыкновенно выходилъ въ семь),

какъ сумасшедшій, вскочилъ, надѣлъ шапку и, задыхаясь, прибѣжалъ въ гостиную Кириллы Матвѣича. Положеніе мое было необыкновенно нелѣпо: я упорно молчалъ, иногда по цѣлымъ днямъ не произносилъ звука. Я, какъ уже сказано, никогда не отличался краснорѣчіемъ, но теперь все, что было во мнѣ ума, словно улетучивалось въ присутствіи князя, и я оставался голъ, какъ соколъ. Притомъ я наединѣ до того заставлялъ работать мой несчастный мозгъ, медленно передумывая все замѣченное или подмѣченное мною втеченіи вчерашняго дня, что, когда я возвращался къ Ожогинымъ, у меня едва доставало силы опять наблюдать. Меня щадили, какъ больнаго: я это видѣлъ. Я каждое утро принималъ новое, окончательное рѣшеніе, бо́льшей частью мучительно высиженное втеченіи безсонной ночи: я то собирался объясниться съ Лизой, дать ей дружескій совѣтъ.... но, когда мнѣ случалось быть съ ней наединѣ, языкъ мой вдругъ переставалъ дѣйствовать, словно застывалъ, и мы оба съ тоской ожидали прибытія третьяго лица; то хотѣлъ бѣжать, разумѣется, навсегда, оставивъ моему предмету письмо, исполненное упрековъ, и уже однажды началъ было это письмо, но чувство справедливости во мнѣ еще не совсѣмъ исчезло: я понялъ, что не вправѣ никого ни въ чемъ упрекать, и бросилъ въ огонь свою цидулу; то я вдругъ великодушно приносилъ всего себя въ жертву, благословлялъ Лизу на счастливую любовь и изъ угла кротко и дружелюбно улыбался князю,—но жестокосердые любовники не только не благодарили меня за мою жертву, даже не замѣчали ея, и, повидимому, не нуждались ни въ моихъ благословеніяхъ, ни въ моихъ улыбкахъ.... Тогда я, съ досады, внезапно переходилъ въ совершенно противоположное настроеніе духа. Я давалъ себѣ слово, закутавшись плащемъ на подобіе испанца, изъ-за угла зарѣзать счастливаго соперника, и съ звѣрской радостью воображалъ себѣ отчаяніе Лизы.... Но, вопервыхъ, въ городѣ О. подобныхъ угловъ было очень немного, а вовторыхъ бревенчатый заборъ, фонарь, будочникъ въ отдаленіи.... нѣтъ! у такого угла какъ-то приличнѣе торговать бубликами, чѣмъ проливать кровь человѣческую. Я долженъ признаться, что между прочими средствами къ избавленію, какъ я весьма неопредѣленно выражался, бесѣдуя съ самимъ собою—я вздумалъ было

обратиться къ самому Ожогину.... направить вниманіе этого дворянина на опасное положеніе его дочери, на печальныя послѣдствія ея легкомыслія.... Я даже однажды заговорилъ съ нимъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ, но такъ хитро и туманно повелъ рѣчь, что онъ слушалъ, слушалъ меня—и вдругъ, словно съ просонья, сильно и быстро потеръ ладонью по всему лицу, не щадя носа, фыркнулъ и отошелъ отъ меня въ сторону. Нечего и говорить, что я, принявъ это рѣшеніе, увѣрялъ себя, что дѣйствую изъ самыхъ безкорыстныхъ видовъ, желаю общаго блага, исполняю долгъ друга дома.... Но смѣю думать, что, еслибъ даже Кирилло Матвѣичъ не пресѣкъ моихъ изліяній, у меня все-таки не достало бы храбрости докончить свой монологъ. Иногда я принимался съ важностью древняго мудреца взвѣшивать достоинства князя, иногда утѣшалъ себя надеждою, что это только такъ, что Лиза опомнится, что ея любовь не настоящая любовь.... о, нѣтъ! Словомъ, я не знаю мысли, надъ которой не повозился бы я тогда. Одно только средство, признаюсь откровенно, никогда мнѣ не приходило въ голову, а именно: я ни разу не подумалъ лишить себя жизни. Отчего это мнѣ не пришло въ голову, не знаю.... Можетъ быть, я уже тогда предчувствовалъ, что мнѣ и безъ того жить недолго.

Понятно, что, при такихъ невыгодныхъ данныхъ, поведеніе мое, обхожденіе съ людьми, болѣе, чѣмъ когда нибудь, отличалось неестественностью и напряженіемъ. Даже старуха Ожогина—это тупорожденное существо—начинала дичиться меня и, бывало, не знала, съ какой стороны ко мнѣ подойти. Бизьмёнковъ, всегда вѣжливый и готовый къ услугамъ, избѣгалъ меня. Мнѣ уже тогда казалось, что я въ немъ имѣлъ собрата, что и онъ любилъ Лизу. Но онъ никогда не отвѣчалъ на мои намеки и вообще неохотно со мной разговаривалъ. Князь обращался съ нимъ весьма дружелюбно; князь, можно сказать, уважалъ его. Ни Бизьмёнковъ, ни я—мы не мѣшали князю и Лизѣ; но онъ не чуждался ихъ, какъ я, не глядѣлъ ни волкомъ, ни жертвой—и охотно присоединялся къ нимъ, когда они этого желали. Правда, онъ въ этихъ случаяхъ не отличался особенной шутливостью; но въ его веселости и прежде было что-то тихое.

Такимъ образомъ прошло около двухъ недѣль. Князь не только былъ собой хорошъ и уменъ: онъ игралъ на фортепья-

нахъ, пѣлъ, довольно порядочно рисовалъ, умѣлъ разсказывать. Его анекдоты, почерпнутые изъ высшихъ круговъ столичной жизни, всегда производили сильное впечатлѣніе на слушателей, тѣмъ болѣе сильное, что онъ какъ будто не придавалъ имъ особеннаго значенія....

Слѣдствіемъ этой, если хотите, простой уловки князя было то, что онъ втеченіи своего непродолжительнаго пребыванія въ городѣ О* рѣшительно очаровалъ все тамошнее общество. Очаровать нашего брата степняка всегда очень легко человѣку изъ высшаго круга. Частыя посѣщенія князя у Ожогиныхъ (онъ проводилъ у нихъ всѣ вечера), конечно, возбуждали зависть другихъ господъ дворянъ и чиновниковъ; но князь, какъ человѣкъ свѣтскій и умный, не обошелъ ни одного изъ нихъ, побывалъ у всѣхъ, всѣмъ барынямъ и барышнямъ сказалъ хотя по одному ласковому слову, позволялъ кормить себя вычурно-тяжолыми кушаньями и поить дряннными винами съ великолѣпными названіями, словомъ, велъ себя отлично, осторожно и ловко. Князь Н. вообще былъ человѣкъ веселаго нрава, общежительный, любезный по наклонности, да тутъ еще, кстати, по разсчету: какъ же ему было не успѣть совершенно и во всемъ?

Со времени его пріѣзда всѣ въ домѣ находили, что время летѣло съ быстротой необыкновенной; все шло прекрасно; старикъ Ожогинъ, хотя и притворялся, что ничего не замѣчаетъ, но, вѣроятно, тайкомъ потиралъ себѣ руки при мысли имѣть такого зятя; самъ князь велъ все дѣло очень-тихо и пристойно, какъ вдругъ одно неожиданное происшествіе....

До завтра. Сегодня я усталъ. Эти воспоминанія раздражаютъ меня даже на краю гроба. Терентьевна сегодня нашла, что мой носикъ уже завострился; а это, говорятъ, плохой знакъ.

27 марта. Оттепель продолжается.

Дѣла находились въ вышеизложенномъ положеніи: князь и Лиза любили другъ друга, старики Ожогины ждали, что-то будетъ; Бизьмёнковъ тутъ же присутствовалъ—о немъ нечего было сказать другаго; я бился, какъ рыба объ ледъ, и наблюдалъ что́ было мочи—помнится, я въ то время поставилъ себѣ задачей, по крайней мѣрѣ, не дать Лизѣ погибнуть въ сѣтяхъ

обольстителя и вслѣдствіе этого началъ обращать особенное вниманіе на горничныхъ и на роковое «заднее» крыльцо—хотя я, съ другой стороны, иногда по цѣлымъ ночамъ мечталъ о томъ, съ какимъ трогательнымъ великодушіемъ я со временемъ протяну руку обманутой жертвѣ и скажу ей: «коварный измѣнилъ тебѣ; но я твой вѣрный другъ.... Забудемъ прошедшее и будемъ счастливы!»—какъ вдругъ по всему городу распространилась радостная вѣсть: уѣздный предводитель намѣренъ былъ дать большой балъ въ честь почетнаго посѣтителя, въ собственномъ своемъ имѣніи Горностаевкѣ, Губняковѣ тожь. Всѣ чины и власти города О* получили приглашеніе, начиная съ городничаго и кончая аптекаремъ, необыкновенно чирымъ нѣмцемъ съ жестокими притязаніями на умѣнье говорить чисто порусски, вслѣдствіе чего онъ безпрестанно и вовсе не кстати употреблялъ сильныя выраженія, какъ, напр., «я, чортъ меня завсѣмъ побери, сиводнэ маладецъ завсѣмъ....» Поднялись, какъ водится, страшныя приготовленія. Одинъ косметикъ-лавочникъ продалъ шестнадцать темно-синихъ банокъ помады съ надписью: «à la jesmine», съ еромъ на концѣ. Барышни сооружили себѣ тугія платья съ мучительнымъ перехватомъ и мысомъ на желудкѣ; матушки воздвигали на своихъ собственныхъ головахъ какія-то грозныя украшенія подъ предлогомъ чепцовъ; захлопотавшіеся отцы лежали, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ.... Желанный день насталъ наконецъ. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Отъ города до Горностаевки считалось девять верстъ. Кирилло Матвѣичъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей каретѣ; но я отказался.... Такъ, наказанныя дѣти, желая хорошенько отмстить своимъ родителямъ, за столомъ отказываются отъ любимыхъ кушаній. Притомъ я чувствовалъ, что мое присутствіе стѣснило бы Лизу. Бизьмёнковъ замѣнилъ меня. Князь поѣхалъ въ своей коляскѣ, я—на дрянныхъ дрожкахъ, нанятыхъ мною за большія деньги для этого торжественнаго случая. Я не стану описывать этотъ балъ. Все въ немъ было, какъ водится: музыканты съ необыкновенно-фальшивыми трубами на хорахъ, ошеломленные помѣщики съ застарѣлыми семействами, лиловое мороженное, слизистый оршадъ, люди въ стоптанныхъ сапогахъ и вязанныхъ бумажныхъ перчаткахъ, провинціальные львы съ судорожно-искаженными лицами и т.

д., и т. д.... И весь этотъ маленькій міръ вертѣлся вокругъ своего солнца—вокругъ князя. Потерянный въ толпѣ, не замѣченный даже сорока-восьми-лѣтними дѣвицами, съ красными прыщами на лбу и голубыми цвѣтками на темени, я безпрестанно глядѣлъ то на князя, то на Лизу. Она была очень мило одѣта и очень хороша собой въ тотъ вечеръ. Они только два раза танцовали другъ съ другомъ (правда, онъ съ ней танцовалъ мазурку!), но по крайней мѣрѣ, *мнѣ* казалось, что между ними существовало какое-то тайное, непрерывное сообщеніе. Онъ, и не глядя на нее, не говоря съ ней, все какъ будто обращался къ ней, и къ ней одной; онъ былъ хорошъ и блестящъ и милъ съ другими — для нея одной. Она видимо сознавала себя царицей бала—и любимой: ея лицо въ одно и то же время сіяло дѣтской радостью, невинной гордостью, и внезапно озарялось другимъ, болѣе глубокимъ чувствомъ. Отъ нея вѣяло счастіемъ. Я все это замѣчалъ.... Не въ первый разъ мнѣ приходилось наблюдать за ними.... Сперва это меня сильно огорчило, потомъ какъ будто тронуло, а наконецъ взбѣсило. Я внезапно почувствовалъ себя необыкновенно злымъ и, помнится, необыкновенно обрадовался этому новому ощущенію и даже возымѣлъ нѣкоторое къ себѣ уваженіе. «Покажемъ имъ, что мы еще не погибли», сказалъ я самому себѣ. Когда загремѣли первые призывные звуки мазурки, я спокойно оглянулся, холодно и развязно подошелъ къ одной длинноліцей барышни съ краснымъ и глянцовитымъ носомъ, неловко раскрытымъ, словно разстегнутымъ ртомъ и жилистой шеей, напоминавшей ручку контрабаса,—подошелъ къ ней и, сухо щелкнувъ каблуками, пригласилъ ее. На ней было розовое, словно недавно и еще не совсѣмъ выздоровѣвшее, платье; надъ головой у ней дрожала какая-то полинявшая, унылая муха на претолстой мѣдной пружинѣ, и вообще эта дѣвица была, если можно такъ выразиться, вся насквозь наспиртована какой-то кислой скукой и застарѣлой неудачей. Съ самаго начала вечера она не тронулась съ мѣста: никто и не думалъ пригласить ее. Одинъ шестнадцати-лѣтній бѣлокурый юноша хотѣлъ было, за неимѣніемъ другой дамы, обратиться къ этой дѣвицѣ и уже сдѣлалъ шагъ въ направленіи къ ней, да подумалъ, поглядѣлъ и проворно спрятался въ толпу. Можете себѣ представить, съ

какимъ радостнымъ изумленіемъ она согласилась на мое предложеніе! Я торжественно повелъ ее черезъ всю залу, отыскалъ два стула и сѣлъ съ ней въ кругу мазурки, въ десятыхъ парахъ, почти напротивъ князя, которому, разумѣется, предоставили первое мѣсто. Князь, какъ уже сказано, танцовалъ съ Лизой. Ни меня, ни моей дамы не безпокоили приглашеніями; стало быть, времени для разговора у насъ было достаточно. Правду сказать, моя дама не отличалась способностью произносить слова въ связной рѣчи: она употребляла свой ротъ болѣе для исполненія какой-то странной и дотолѣ мною невиданной улыбки внизъ, при чемъ глаза она подымала вверхъ, словно невидимая сила растягивала ей лицо; но я и не нуждался въ ея краснорѣчіи. Благо, я чувствовалъ себя злымъ и моя дама не внушала мнѣ робости. Я пустился критиковать все и всѣхъ на свѣтѣ, особенно напирая на столичныхъ молодчиковъ и петербургскихъ мирлифлеровъ, и дотого наконецъ, расходился, что моя дама понемногу перестала улыбаться и вмѣсто того, чтобъ поднимать глаза кверху, начала вдругъ—отъ изумленія, должно быть—коситься, и притомъ такъ странно, словно она въ первый разъ замѣтила, что у ней есть носъ на лицѣ, а мой сосѣдъ, одинъ изъ тѣхъ львовъ, о которыхъ говорено было выше, не разъ окинулъ меня взоромъ, даже оборотился ко мнѣ съ выраженіемъ актера на сценѣ, просыпающагося въ незнакомой сторонѣ, какъ бы желая сказать: «и ты туда же?» Впрочемъ, распѣвая, какъ говорится, соловьемъ, я все продолжалъ наблюдать за княземъ и за Лизой. Ихъ безпрестанно приглашали; но я менѣе страдалъ, когда они оба танцовали, и даже тогда, когда они сидѣли рядомъ и, разговаривая другъ съ другомъ, улыбались той кроткой улыбкой, которая не хочетъ сойти съ лица счастливыхъ любовниковъ, даже тогда я не столько томился; но когда Лиза порхала по залѣ съ какимъ-нибудь ухарскимъ фертомъ, а князь, съ ея голубымъ газовымъ шарфомъ на колѣняхъ, словно любуясь своей побѣдой, задумчиво слѣдилъ за ней глазами,—тогда, о, тогда я испытывалъ невыносимыя мученія и съ досады отпускалъ такія злостныя замѣчанія, что зрачки моей дамы съ обѣихъ сторонъ совершенно упирались въ носъ! Между тѣмъ, мазурка склонялась къ концу.... Начали дѣлать фигуру, называемую la con-

fidente. Въ этой фигурѣ дама садится на серединѣ круга, выбираетъ другую даму въ довѣренныя и шепчетъ ей на ухо имя господина, съ которымъ она желаетъ танцовать; кавалеръ подводитъ ей по одиночкѣ танцоровъ, а довѣренная дама имъ отказываетъ, пока наконецъ появится заранѣе-назначенный счастливчикъ. Лиза сѣла въ середину кругу и выбрала хозяйскую дочь, дѣвицу изъ числа тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что онѣ «Богъ съ ними». Князь пустился отыскивать избранника. Напрасно представивъ около десяти молодыхъ людей (хозяйская дочь отказала имъ всѣмъ съ пріятнѣйшей улыбкой), онъ, наконецъ, обратился ко мнѣ. Нѣчто необыкновенное произошло во мнѣ въ это мгновеніе: я словно мигнулъ всѣмъ тѣломъ и хотѣлъ было отказаться, однако, всталъ и пошелъ. Князь подвелъ меня къ Лизѣ... Она даже не посмотрѣла на меня; хозяйская дочь отрицательно покачала головой, князь обернулся ко мнѣ и, вѣроятно, возбужденный гусинымъ выраженіемъ моего лица, глубоко мнѣ поклонился. Этотъ насмѣшливый поклонъ, этотъ отказъ, переданный мнѣ торжествующимъ соперникомъ, его небрежная улыбка, равнодушное невниманіе Лизы,—все это меня взорвало.... Я пододвинулся къ князю и съ бѣшенствомъ прошепталъ: «Вы, кажется, изволите смѣяться надо мной?»

Князь поглядѣлъ на меня съ презрительнымъ удивленіемъ, снова взялъ меня за руку и, показывая видъ, что провожаетъ меня до моего мѣста, холодно отвѣчалъ мнѣ: «я?»

— Да, вы! продолжалъ я шопотомъ, повинуясь, однако, ему, то есть идя за нимъ къ своему мѣсту:—вы; но я не намѣренъ позволить какому-нибудь пустому петербургскому выскочкѣ....

Князь усмѣхнулся спокойно, почти снисходительно, стиснулъ мнѣ руку, прошепталъ: «Я васъ понимаю; но здѣсь не мѣсто: мы поговоримъ», отвернулся отъ меня, подошелъ къ Бизьмёнкову и подвелъ его къ Лизѣ. Блѣденькій чиновничекъ оказался избранникомъ. Лиза встала ему на встрѣчу.

Садясь возлѣ своей дамы съ унылой мухой на головѣ, я чувствовалъ себя почти героемъ. Сердце во мнѣ билось сильно, грудь благородно поднималась подъ накрахмаленной манишкой, я дышалъ глубоко и скоро—и вдругъ такъ великолѣпно посмотрѣлъ на сосѣдняго льва, что тотъ невольно дрыгнулъ

обращенной ко мнѣ ножкой. Отдѣлавъ этого человѣка, я обвелъ глазами весь кругъ танцующихъ.... Мнѣ показалось, что два-три господина не безъ недоумѣнія глядѣли на меня; но вообще нашъ разговоръ съ княземъ не былъ замѣченъ.... Соперникъ мой уже сидѣлъ на своемъ стулѣ, совершенно спокойный и съ прежней улыбкой на лицѣ. Бизьмёнковъ довелъ Лизу до ея мѣста. Она дружелюбно ему поклонилась и тотчасъ обратилась къ князю, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторой тревогой; но онъ засмѣялся ей въ отвѣтъ, граціозно махнулъ рукой и, должно быть, сказалъ ей что-то очень пріятное, потому что она вся зардѣлась отъ удовольствія, опустила глаза и потомъ съ ласковымъ упрекомъ устремила ихъ опять на него.

Геройское расположеніе, внезапно развившееся во мнѣ, не исчезло до конца мазурки, но я болѣе уже не острилъ и не «критиканствовалъ», а только изрѣдка мрачно и строго взглядывалъ на свою даму, которая видимо начинала бояться меня и уже совершенно заикалась и безпрерывно моргала, когда я ее отвелъ подъ природное укрѣпленіе ея матери, очень толстой женщины съ рыжимъ токомъ на головѣ.... Вручивъ запуганную дѣвицу по принадлежности, я отошелъ къ окну, скрестилъ руки и началъ ждать, что-то будетъ. Я ждалъ довольно долго. Князь все время былъ окруженъ хозяиномъ, именно окруженъ, какъ Англія окружена моремъ, не говоря уже о прочихъ членахъ семейства уѣзднаго предводителя и остальныхъ гостяхъ; да и притомъ онъ не могъ, не возбудивъ всеобщаго изумленія, подойти къ такому незначительному человѣку, какъ я, заговорить съ нимъ. Эта моя незначительность, помнится, даже радовала меня тогда. «Шалишь»! думалъ я, глядя какъ онъ вѣжливо обращался то къ одному, то къ другому почетному лицу, добивавшемуся чести быть имъ замѣченнымъ, хотя на «мигъ», какъ говорятъ поэты: «шалишь, голубчикъ.... подойдешь ко мнѣ ужо—вѣдь я тебя оскорбилъ». Наконецъ князь, какъ-то ловко отдѣлавшись отъ толпы своихъ обожателей, прошелъ мимо меня, взглянулъ — не то на окно, не то на мои волосы отвернулся-было и вдругъ остановился, словно что-то вспомнилъ.

— Ахъ, да! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой:— кстати: у меня есть до васъ дѣльце.

Два помѣщика, изъ самыхъ неотвязчивыхъ, упорно слѣдившіе за княземъ, вѣроятно, подумали, что «дѣльце» служебное, и почтительно отступили назадъ. Князь взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону. Сердце у меня стучало въ горлѣ.

— Вы, кажется, началъ онъ, растянувъ слово *вы* и глядя мнѣ въ подбородокъ съ презрительнымъ выраженіемъ, которое, страннымъ образомъ, какъ нельзя лучше шло къ его свѣжему и красивому лицу:—вы мнѣ сказали дерзость?

— Я сказалъ, что думалъ, возразилъ я, возвысивъ голосъ.

— Тссъ.... тише, замѣтилъ онъ. — Порядочные люди не кричатъ. Вамъ, можетъ быть, угодно драться со мной?

— Это ваше дѣло, отвѣчалъ я, выпрямившись.

— Я буду принужденъ вызвать васъ, заговорилъ онъ небрежно:—если вы не откажетесь отъ вашихъ выраженій....

— Я ни отъ чего не намѣренъ отказываться, возразилъ я съ гордостью.

— Въ самомъ дѣлѣ? замѣтилъ онъ, не безъ насмѣшливой улыбки.—Въ такомъ случаѣ, продолжалъ онъ, помолчавъ:—я буду имѣть честь прислать къ вамъ завтра своего секунданта.

— Очень хорошо—съ, проговорилъ я голосомъ, какъ можно болѣе равнодушнымъ.

Князь слегка поклонился.

— Я не могу запретить вамъ находить меня пустымъ человѣкомъ, прибавилъ онъ, надменно прищуривъ глаза: — но князья Н. не могутъ быть выскочками. До свиданія, господинъ.... господинъ Штукатуринъ.

Онъ быстро обернулся ко мнѣ спиной и снова подошелъ къ хозяину, уже начинавшему волноваться.

Господинъ Штукатуринъ!... Меня зовутъ Чулкатуринымъ.... Я ничего не нашелся сказать ему въ отвѣтъ на это послѣднее оскорбленіе и только съ бѣшенствомъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.—«До завтра», прошепталъ я, стиснувъ зубы, и тотчасъ отыскалъ одного мнѣ знакомаго офицера, уланскаго ротмистра Колобердяева, отчаяннаго гуляку и славнаго малаго, разсказалъ ему въ немногихъ словахъ мою ссору съ княземъ и попросилъ его быть моимъ секундантомъ. Онъ, разумѣется, тотчасъ согласился, и я отправился домой.

Я не могъ заснуть всю ночь отъ волненія, не отъ трусости. Я не трусъ. Я даже весьма мало думалъ о предстоящей мнѣ возможности лишиться жизни, этого, какъ увѣряютъ нѣмцы, высшаго блага на землѣ. Я думалъ объ одной Лизѣ, о моихъ погибшихъ надеждахъ, о томъ, что́ мнѣ слѣдовало сдѣлать. «Долженъ ли я постараться убить князя?» спрашивалъ я самого себя и, разумѣется, хотѣлъ убить его не изъ мести, а изъ желанія добра Лизѣ. «Но она не перенесетъ этого удара, продолжалъ я. Нѣтъ, ужь пусть лучше онъ меня убьетъ!» Признаюсь, мнѣ тоже пріятно было думать, что я, темный уѣздный человѣкъ, принудилъ такую важную особу драться со мной. Утро застало меня въ этихъ размышленіяхъ; а вслѣдъ за утромъ появился Колобердяевъ.

— Ну, спросилъ онъ меня, со стукомъ входя въ мою спальню:—гдѣ же княжескій секундантъ?

— Да, помилуйте, отвѣчалъ я съ досадой: — теперь всего семь часовъ утра: князь еще, чай, спитъ теперь.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ неугомонный ротмистръ:— прикажите мнѣ дать чаю. У меня со вчерашняго вечера голова болитъ.... Я и не раздѣвался. Впрочемъ, прибавилъ онъ, зѣвнувъ:—я вообще рѣдко раздѣваюсь.

Ему дали чаю. Онъ выпилъ шесть стакановъ съ ромомъ, выкурилъ четыре трубки, разсказалъ мнѣ, что онъ наканунѣ за безцѣнокъ купилъ лошадь, отъ которой кучера отказались, и что намѣренъ ее выѣздить, подвязавъ ей переднюю ногу,— и заснулъ, не раздѣваясь, на диванѣ, съ трубкой во рту. Я всталъ и привелъ въ порядокъ свои бумаги, Одну пригласительную записку Лизы, единственную записку, полученную мною отъ нея, я положилъ было себѣ на грудь, но подумалъ и бросилъ ее въ ящикъ. Колобердяевъ слабо похрапывалъ, свѣсивъ голову съ кожаной подушки.... Я, помнится, долго разсматривалъ его взъерошенное, удалое, беззаботное и доброе лицо. Въ десять часовъ мой слуга доложилъ мнѣ о пріѣздѣ Бизьмёнкова. Князь его выбралъ въ секунданты!

Мы вдвоемъ разбудили разоспавшагося ротмистра. Онъ приподнялся, поглядѣлъ на насъ осоловѣлыми глазами, хриплымъ голосомъ попросилъ водки, оправился и, раскланявшись съ Бизьмёнковымъ, вышелъ съ нимъ въ другую комнату для совѣща-

нія. Совѣщаніе господъ секундантовъ продолжалось недолго. Четверть часа спустя, они оба вошли ко мнѣ въ спальню; Колобердяевъ объявилъ мнѣ, что «мы будемъ драться сегодня же въ три часа, на пистолетахъ». Я, молча, наклонилъ голову въ знакъ согласія. Бизьмёнковъ тотчасъ же простился съ нами и уѣхалъ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ и внутренно взволнованъ, какъ человѣкъ, не привыкшій къ подобнаго рода продѣлкамъ, но, впрочемъ, очень вѣжливъ и холоденъ. Мнѣ было какъ будто совѣстно передъ нимъ, и я не смѣлъ взглянуть ему въ глаза. Колобердяевъ началъ опять разсказывать о своей лошади. Этотъ разговоръ былъ мнѣ очень понутру. Я боялся, какъ бы онъ не упомянулъ о Лизѣ. Но мой добрый ротмистръ не былъ сплетникомъ, да и сверхъ того презиралъ всѣхъ женщинъ, называя ихъ, Богъ знаетъ почему, салатомъ. Въ два часа мы закусили, а въ три уже находились на мѣстѣ дѣйствія—въ той самой березовой рощѣ, гдѣ я нѣкогда гулялъ съ Лизой, въ двухъ шагахъ отъ того обрыва....

Мы пріѣхали первые. Но князь съ Бизьмёнковымъ недолго заставили ждать себя. Князь былъ, безъ преувеличенія, свѣжъ, какъ розанъ; каріе глаза его чрезвычайно привѣтно глядѣли изъ-подъ козырька его фуражки. Онъ курилъ соломенную сигарку и, увидѣвъ Колобердяева, ласково пожалъ ему руку. Даже мнѣ онъ очень мило поклонился. Я, напротивъ, самъ чувствовалъ себя блѣднымъ, и руки мои, къ страшной моей досадѣ, слегка дрожали.... горло сохло.... Я никогда еще до тѣхъ поръ не дрался на дуэли. «О, Боже!—думалъ я—лишь бы этотъ насмѣшливый господинъ не принялъ моего волненія за робость!» Я внутренно посылалъ свои нервы ко всѣмъ чертямъ, но, взглянувъ, наконецъ, прямо въ лицо князю и уловивъ на губахъ его почти незамѣтную усмѣшку, вдругъ опять разозлился и тотчасъ успокоился. Между тѣмъ, секунданты наши устроили барьеръ, отмѣрили шаги, зарядили пистолеты. Колобердяевъ больше дѣйствовалъ; Бизьмёнковъ больше наблюдалъ за нимъ. День былъ великолѣпный—не хуже дня незабвенной прогулки. Густая синева неба, по прежнему, сквозила сквозь раззолоченную зелень листьевъ. Ихъ лепетъ, казалось, дразнилъ меня. Князь продолжалъ курить свою сигарку, прислонясь плечомъ къ стволу молодой липы....

— Извольте стать, господа: готово, произнесъ наконецъ Колобердяевъ, вручая намъ пистолеты.

Князь отошелъ нѣсколько шаговъ, остановился и, повернувъ голову назадъ, черезъ плечо спросилъ меня: «А вы все не отказываетесь отъ своихъ словъ?» Я хотѣлъ отвѣчать ему; но голосъ измѣнилъ мнѣ, и я удовольствовался презрительнымъ движеніемъ руки. Князь усмѣхнулся опять и сталъ на свое мѣсто. Мы начали сходиться. Я поднялъ пистолетъ, прицѣлился было въ грудь моего врага — въ это мгновеніе онъ точно былъ моимъ врагомъ — но вдругъ поднялъ дуло, словно кто толкнулъ меня подъ локоть, и выстрѣлилъ. Князь пошатнулся, поднесъ лѣвую руку къ лѣвому виску—струйка крови потекла по его щекѣ изъ-подъ бѣлой замшевой перчатки. Бизьмёнковъ бросился къ нему.

— Ничего, сказалъ онъ, снимая простр ѣленную фуражку:— коли въ голову и не упалъ, значитъ, царапина.

Онъ спокойно досталъ изъ кармана батистовый платокъ и приложилъ его къ смоченнымъ кровью кудрямъ. Я глядѣлъ на него, словно остолбенѣлый, и не двигался съ мѣста.

— Извольте идти къ барьеру! строго замѣтилъ мнѣ Колобердяевъ.

Я повиновался.

— Поединокъ продолжается? прибавился онъ, обратясь къ Бизьмёнкову.

Бизьмёнковъ ничего не отвѣчалъ ему; но князь, не отнимая платка отъ раны и не давая себѣ даже удовольствія помучить меня у барьера, съ улыбкой возразилъ: «поединокъ конченъ», и выстрѣлилъ на воздухъ. Я чуть было не заплакалъ отъ досады и бѣшенства. Этотъ человѣкъ своимъ великодушіемъ окончательно втоптал ъ меня въ грязь, зарѣзалъ меня. Я хотѣлъ было противиться, хотѣлъ было потребовать, чтобы онъ выстрѣлилъ въ меня; но онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку.

— Вѣдь все позабыто межь нами, не правда ли? промолвилъ онъ, ласковымъ голосомъ.

Я взглянулъ на его поблѣднѣвшее лицо, на этотъ окровавленный платокъ и, совершенно потерявшись, пристыженный и уничтоженный, стиснулъ ему руку....

— Господа! прибавилъ онъ, обращаясь къ секундантмъ:—я надѣюсь, что все останется втайнѣ?

— Разумѣется! воскликнулъ Колобердяевъ: — но, князь, позвольте....

И онъ самъ повязалъ ему голову.

Князь, уходя, еще разъ поклонился мнѣ; но Бизьмёнковъ даже не взглянулъ на меня. Убитый,—нравственно убитый,— возвратился я съ Колобердяевымъ домой.

— Да что̀ съ вами? спрашивалъ меня ротмистръ. Успокойтесь: рана неопасная. Онъ завтра же можетъ танцовать, коли хочетъ. Или вамъ жаль, что вы его не убили? Въ такомъ случаѣ напрасно: онъ славный малый.

— Зачѣмъ онъ пощадилъ меня! пробормоталъ я наконецъ.

— Вотъ тебѣ на! спокойно возразилъ ротмистръ... Охъ ужь эти мнѣ сочинители!

Я не знаю, почему ему вздумалось назвать меня сочинителемъ.

Я рѣшительно отказываюсь отъ описанія моихъ терзаній втеченіи вечера, послѣдовавшаго за этимъ несчастнымъ поединкомъ. Мое самолюбіе страдало неизъяснимо. Не совѣсть меня мучила: сознаніе моей глупости меня уничтожало. «Я, я самъ нанесъ себѣ послѣдній, окончательный ударъ! твердилъ я, ходя большими шагами по комнатѣ.—Князь, раненый мною и простившій меня.... да, Лиза теперь его. Теперь уже ничего ее не можетъ спасти, удержать на краю пропасти.» Я очень хорошо зналъ, что нашъ поединокъ не могъ остаться втайнѣ, не смотря на слова князя; во всякомъ случаѣ, для Лизы онъ не могъ остаться тайной. «Князь не такъ глупъ,—шепталъ я съ бѣшенствомъ,—чтобы не воспользоваться....» А, между тѣмъ, я ошибался: о поединкѣ и о настоящей его причинѣ узналъ весь городъ, на другой же день, конечно; но проболтался не князь,—напротивъ. Когда онъ, съ повязанной головой и съ напередъ сочиненнымъ предлогомъ, явился передъ Лизой, она уже все знала.... Безьмёнковъ ли выдалъ меня, другими ли путями дошло до ней это извѣстіе, не могу сказать. Да и наконецъ развѣ въ небольшомъ городѣ возможно что-нибудь скрыть? Можете себѣ представить, какъ Лиза его приняла, какъ все семейство Ожогиныхъ его приняло! Что̀ же до меня

касается, то я внезапно сталъ предметомъ общаго негодованія, омерзѣнія, извергомъ, сумасброднымъ ревнивцемъ и людоѣдомъ. Мои немногіе знакомые отъ меня отказались, какъ отъ прокаженнаго. Городскія власти немедленно обратились къ князю съ предложеніемъ примѣрно и строго наказать меня; однѣ настоятельныя и неотступныя просьбы самого князя отвратили бѣдствіе, грозившее моей головѣ. Этому человѣку суждено было всячески меня уничтожать. Онъ своимъ великодушіемъ прихлопнулъ меня, какъ гробовою крышей. Нечего и говорить, что домъ Ожогиныхъ тотчасъ же закрылся для меня. Кирилло Матвѣичъ возвратилъ мнѣ даже простой карандашъ, позабытый у него мною. По настоящему, ему-то именно и не слѣдовало на меня сердиться. Моя, какъ выражались въ городѣ, «сумасбродная» ревность опредѣлила, уяснила, такъ сказать, отношенія князя къ Лизѣ. На него и сами старики Ожогины и прочіе обыватели стали глядѣть почти какъ на жениха. Въ сущности это ему не совсѣмъ должно было быть пріятно; но Лиза ему очень нравилась; притомъ онъ еще тогда не достигъ своихъ цѣлей.... Со всею ловкостью умнаго и свѣтскаго человѣка приспособился онъ къ новому своему положенію, тотчасъ вошелъ, какъ говорится, въ духъ своей новой роли....

Но я!... Я на свой счетъ, на счетъ своей будущности, махнулъ тогда рукой. Когда страданія доходятъ до того, что заставляютъ всю нашу внутренность трещать и кряхтѣть, какъ перегруженную телѣгу, имъ бы слѣдовало перестать быть смѣшными.... но нѣтъ! смѣхъ не только сопровождаетъ слезы до конца, до истощенія, до невозможности проливать ихъ болѣе— гдѣ! онъ еще звенитъ и раздается тамъ, гдѣ языкъ нѣмѣетъ и замираетъ сама жалоба.... И потому, вопервыхъ, такъ какъ я не намѣренъ даже самому себѣ казаться смѣшнымъ, а вовторыхъ, такъ какъ я усталъ ужасно, то и откладываю продолженіе и, если Богъ дастъ, окончаніе своего разсказа до слѣдующаго дня....

29 марта. Легкій морозъ; вчера была оттепель.

Вчера я не былъ въ силахъ продолжать мой дневникъ: я, какъ Поприщинъ, бо́льшею частью лежалъ на постели и бесѣдовалъ съ Терентьевной. Вотъ еще женщина! Шестьдесятъ

лѣтъ тому назадъ, она потеряла своего перваго жениха отъ чумы, всѣхъ дѣтей своихъ пережила, сама непростительно стара, пьетъ чай сколько душѣ угодно, сыта, одѣта тепло; а о чемъ, вы думаете, она вчера цѣлый день мнѣ говорила? Другой, уже вовсе ощипанной, старухѣ я велѣлъ дать на жилетъ (она носитъ нагрудники въ видѣ жилета) воротникъ ветхой ливреи, до половины съѣденный молью.... такъ вотъ отчего не ей? «А, кажется, я няня ваша.... О-охъ, батюшка вы мой, грѣшно вамъ.... А ужь я-то васъ, кажись, на что холила!...» и т. д. Безжалостная старуха совершенно заѣздила меня своими упреками... Но возвратимся къ разсказу.

И такъ, я страдалъ, какъ собака, которой заднюю часть тѣла переѣхали колесомъ. Я только тогда, только послѣ изгнанія моего изъ дома Ожогиныхъ, окончательно узналъ, сколько удовольствія можетъ человѣкъ почерпнуть изъ созерцанія своего собственнаго несчастія. О, люди! точно жалкій родъ!... Ну, однако, въ сторону философическія замѣчанія.... Я проводилъ дни въ совершенномъ одиночествѣ и только самыми окольными и даже низменными путями могъ узнавать, что происходило въ семействѣ Ожогиныхъ, что дѣлалъ князь: мой слуга познакомился съ двоюродной теткой жены его кучера. Это знакомство доставило мнѣ нѣкоторое облегченіе, и мой слуга скоро, по моимъ намекамъ и подарочкамъ, могъ догадаться, о чемъ слѣдовало ему разговаривать съ своимъ бариномъ, когда онъ стаскивалъ съ него сапоги по вечерамъ. Иногда мнѣ случалось встрѣтить на улицѣ кого-нибудь изъ семейства Ожогиныхъ, Бизьмёнкова, князя.... Съ княземъ и Бизьмёнковымъ я раскланивался, но не вступалъ въ разговоръ. Лизу я видѣлъ всего три раза: разъ съ ея маменькой, въ модномъ магазинѣ, разъ въ открытой коляскѣ, съ отцомъ, матерью и княземъ, разъ въ церкви. Разумѣется, я не дерзалъ подойти къ ней и глядѣлъ на нее только издали. Въ магазинѣ она была очень озабочена, но весела.... Она заказывала себѣ что-то и хлопотливо примѣряла ленты. Матушка глядѣла на нее, скрестивъ на желудкѣ руки, приподнявъ носъ и улыбаясь той глупой и преданной улыбкой, которая позволительна однѣмъ любящимъ матерямъ. Въ коляскѣ съ княземъ Лиза была.... Я никогда не забуду этой встрѣчи! Старики Ожогины сидѣли

на заднихъ мѣстахъ коляски, князь съ Лизой впереди. Она была блѣднѣе обыкновеннаго; на щекахъ ея чуть виднѣлись двѣ розовыя полоски. Она была до половины обращена къ князю; опираясь на свою выпрямленную правую руку (въ лѣвой она держала зонтикъ) и томно склонивъ головку, она глядѣла прямо ему въ лицо своими выразительными глазами. Въ это мгновеніе она отдавалась ему вся, безвозвратно довѣрялась ему. Я не успѣлъ хорошенько замѣтить его лица — коляска слишкомъ быстро промчалась мимо—но мнѣ показалось, что и онъ былъ глубоко тронутъ.

Въ третій разъ я ее видѣлъ въ церкви. Не болѣе десяти дней прошло съ того дня, когда я встрѣтилъ ее въ колескѣ съ княземъ, не болѣе трехъ недѣль со дня моей дуэли. Дѣло, по которому князь прибылъ въ О., уже было окончено; но онъ все еще медлилъ своимъ отъѣздомъ; онъ отозвался въ Петербургъ больнымъ. Въ городѣ каждый день ожидали формальнаго предложенія съ его стороны Кириллѣ Матвѣичу. Я самъ ждалъ только этого послѣдняго удара, чтобы удалиться навсегда. Мнѣ городъ О. опротивѣлъ. Я не могъ сидѣть дома и съ утра до вечера таскался по окрестностямъ. Въ одинъ сѣрый ненастный день, возвращаясь съ прогулки, перерванной дождемъ, зашелъ я въ церковь. Вечернее служеніе только что начиналось, народу было очень немного; я оглянулся и вдругъ возлѣ одного окна увидѣлъ знакомый профиль. Я ее сперва не узналъ: это блѣдное лицо, этотъ погасшій взоръ, эти впалыя щеки — неужели это та же Лиза, которую я видѣлъ двѣ недѣли тому назадъ? Завернутая въ плащъ, безъ шляпы на головѣ, освѣщенная съ боку холоднымъ лучомъ, падавшимъ изъ широкаго бѣлаго окна, она неподвижно глядѣла на иконостасъ и, казалось, силилась молиться, силилась выдти изъ какого-то унылаго оцѣпенѣнія. Краснощекій, толстый казачекъ, съ желтыми патронами на груди, стоялъ за нею, сложа руки на спину, и съ сонливымъ недоумѣніемъ посматривалъ на свою барышню. Я вздрогнулъ весь, хотѣлъ было подойти къ ней, но остановился. Мучительное предчувствіе стѣснило мнѣ грудь. До самаго конца вечерни Лиза не шевельнулась. Народъ весь вышелъ, дьячокъ сталъ подметать церковь, она все не трогалась съ мѣста. Казачекъ подошелъ къ ней, сказалъ ей что-то, коснулся ея

платья, она оглянулась, провела рукой по лицу и ушла. Я издали проводилъ ее до дому и вернулся къ себѣ.

«Она погибла!» воскликнулъ я, входя въ свою комнату.

Какъ честный человѣкъ, я до сихъ поръ не знаю, какого рода были мои ощущенія тогда: я, помнится, скрестивъ руки, бросился на диванъ и уставилъ глаза на полъ; но, я не знаю, я посреди своей тоски какъ будто былъ чѣмъ-то доволенъ.... Я бы ни за что въ этомъ не сознался, еслибъ я не писалъ для самого себя.... Меня, точно, терзали мучительныя, страшныя предчувствія... и кто знаетъ, я, можетъ быть, былъ бы весьма озадаченъ, еслибъ онѣ не сбылись. «Таково сердце человѣческое»! воскликнулъ бы теперь выразительнымъ голосомъ какой нибудь русскій учитель среднихъ лѣтъ, поднявъ кверху жирный указательный палецъ, украшенный перстнемъ изъ корналинки; но что намъ за дѣло до мнѣнія русскаго учителя съ выразительнымъ голосомъ и корналинкой на пальцѣ?

Какъ бы то ни было, мои предчувствія оказались справедливыми. Внезапно по городу разнеслась вѣсть, что князь уѣхалъ будто въ-слѣдствіе полученнаго приказа изъ Петербурга; что онъ уѣхалъ, не сдѣлавши никакого предложенія ни Кириллѣ Матвѣичу, ни супругѣ его, и что Лизѣ остается до конца дней своихъ оплакивать его вѣроломство. Отъѣздъ князя былъ совершенно неожиданный, потому что еще наканунѣ кучеръ его, по увѣреніямъ моего слуги, нисколько не подозрѣвалъ намѣренія своего барина. Новость эта меня бросила въ жаръ, я тотчасъ одѣлся и побѣжалъ было къ Ожогинымъ, но, обдумавши дѣло, почелъ приличнымъ подождать до слѣдующаго дня. Впрочемъ, я ничего не потерялъ, оставшись дома. Въ тотъ же вечеръ забѣжалъ ко мнѣ нѣкто Пандопипопуло, проѣзжій грекъ, случайнымъ образомъ застрявшій въ городѣ О., сплетникъ первой величины, больше всѣхъ другихъ закипѣвшій негодованіемъ противъ меня за мою дуэль съ княземъ. Онъ не далъ даже времени слугѣ моему доложить о себѣ, такъ и ворвался въ мою комнату, крѣпко стиснулъ мою руку, тысячу разъ извинился передо мной, назвалъ меня образцомъ великодушія и смѣлости, расписалъ князя самыми черными красками, не пощадилъ стариковъ Ожогиныхъ, которыхъ, по его мнѣнію, судьба наказала подѣломъ, мимоходомъ задѣлъ и Лизу и убѣжалъ, по-

цаловавши меня въ плечо. Между прочимъ я узналъ отъ него, что князь, en vrai grand seigneur, наканунѣ отъѣзда, на деликатный намекъ Кириллы Матвѣевича холодно отвѣчалъ, что не намѣренъ никого обманывать и не думаетъ жениться, всталъ, раскланялся и былъ таковъ...

На другой день я отправился къ Ожогинымъ. Подслѣповатый лакей при моемъ появленіи вскочилъ съ прилавка съ быстротою молніи, я велѣлъ доложить о себѣ; лакей побѣжалъ и тотчасъ вернулся: пожалуйте, дескать, приказали просить. Я вошелъ въ кабинетъ Кириллы Матвѣича.... До завтра.

30 марта. Морозъ.

И такъ, я вошелъ въ кабинетъ Кириллы Матвѣича. Я бы дорого заплатилъ тому, кто бы могъ показать мнѣ теперь мое собственное лицо въ ту минуту, когда этотъ почтенный чиновникъ, торопливо запахнувъ свой бухарскій халатъ, подошелъ ко мнѣ съ протянутыми руками. Отъ меня, должно быть, такъ и вѣяло скромнымъ торжествомъ, снисходительнымъ участіемъ и безпредѣльнымъ великодушіемъ.... Я чувствовалъ себя чѣмъто въ родѣ Сципіона Африканскаго. Ожогинъ былъ видимо смущенъ и опечаленъ, избѣгалъ моего взора, сѣменилъ на мѣстѣ. Я также замѣтилъ, что онъ говорилъ какъ-то неестественно-громко и вообще выражался весьма неопредѣленно,—неопредѣленно, но съ жаромъ попросилъ у меня извиненія, неопредѣленно упомянулъ объ уѣхавшемъ гостѣ, присовокупилъ нѣсколько общихъ и неопредѣленныхъ замѣчаній объ обманчивости и непостоянствѣ земныхъ благъ и, вдругъ почувствовавъ у себя на глазахъ слезу, поспѣшилъ понюхать табаку, вѣроятно для того, чтобы обмануть меня на счетъ причины, заставившей его прослезиться.... Онъ употреблялъ русскій зеленый табакъ; а извѣстно, что это растеніе даже старцевъ заставляетъ проливать слезы, сквозь которыя человѣческій глазъ глядитъ тупо и безсмысленно втеченіи нѣсколькихъ мгновеній. Я, разумѣется, обошелся весьма бережно съ старикомъ, спросилъ о здоровьѣ его супруги и дочери и тотчасъ искусно направилъ разговоръ на любопытный вопросъ о плодоперемѣнномъ хозяйствѣ. Я былъ одѣтъ по обыкновенному; но исполнявшее меня чувство мягкаго приличія и кроткой снисходительности доставляло мнѣ

ощущеніе праздничное и свѣжее, словно на мнѣ былъ бѣлый жилетъ и бѣлый галстухъ. Одно меня волновало: мысль о свиданіи съ Лизой.... Ожогинъ, наконецъ, самъ предложилъ повести меня къ своей женѣ. Эта добрая, но глупая женщина, увидавъ меня, сперва сконфузилась страшно; но мозгъ ея не былъ способенъ сохранить долго одно и то же впечатлѣніе, и потому она скоро успокоилась. Наконецъ я увидалъ Лизу... Она вошла въ комнату....

Я ожидалъ, что найду въ ней пристыженную, раскаяващуюся грѣшницу, и уже напередъ придалъ лицу своему самое ласковое, ободряющее выраженіе.... Къ чему лгать? я дѣйствительно любилъ ее и жаждалъ счастія простить ее, протянуть ей руку; но, къ несказанному моему удивленію, она, въ отвѣтъ на мой значительный поклонъ, холодно разсмѣялась, небрежно замѣтила: «а? это вы?» и тотчасъ отвернулась отъ меня. Правда, смѣхъ ея мнѣ показался принужденнымъ и во всякомъ случаѣ плохо шелъ къ ея страшно-похудѣвшему лицу.... но все-таки я не ожидалъ такого пріема.... Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.... какая перемѣна произошла въ ней! Между прежнимъ ребенкомъ и этой женщиной не было ничего общаго. Она какъ будто выросла, выпрямилась; всѣ черты ея лица, особенно губы, словно опредѣлились.... взглядъ сталъ глубже, тверже и темнѣе. Я высидѣлъ у Ожогиныхъ до обѣда; она вставала, выходила изъ комнаты и возвращалась, спокойно отвѣчала на вопросы и съ намѣреніемъ не обращала на меня вниманія. Она, я это видѣлъ, она хотѣла дать мнѣ почувствовать, что я не стою даже ея гнѣва, хотя чуть-чуть не убилъ ея любовника. Я наконецъ потерялъ терпѣніе: ядовитый намекъ сорвался съ губъ моихъ.... Она вздрогнула, быстро взглянула на меня, встала и, подойдя къ окну, промолвила, слегка дрожащимъ голосомъ: «вы все можете говорить, что̀ вамъ угодно, но знайте, что я этого человѣка люблю и всегда любить буду и нисколько не считаю его виноватымъ передо мною, напротивъ....» Голосъ ея зазвенѣлъ, она остановилась.... хотѣла было переломить себя, но не могла, залилась слезами и вышла вонъ изъ комнаты. Старики Ожогины смутились.... я пожалъ имъ обоимъ руки, вздохнулъ, вознесъ взоръ горѣ и удалился.

Я слишкомъ слабъ, времени у меня остается слишкомъ мало, я не въ состояніи съ прежнею подробностью описать тотъ новый рядъ мучительныхъ соображеній, твердыхъ намѣреній и прочихъ плодовъ такъ называемой внутренней борьбы, которые возникли во мнѣ послѣ возобновленія моего знакомства съ Ожогиными. Я не сомнѣвался въ томъ, что Лиза все еще любитъ и долго будетъ любить князя... но какъ человѣкъ присмиренный обстоятельствами и самъ присмирившійся, я даже и не мечталъ о ея любви: я желалъ только ея дружбы, желалъ добиться ея довѣренности, ея уваженія, которое, по увѣренію опытныхъ людей, почитается надежнѣйшей опорой счастія въ бракѣ.... Къ сожалѣнію, я упускалъ изъ виду одно довольно важное обстоятельство, а именно то, что Лиза со дня дуэли меня возненавидѣла. Я узналъ это слишкомъ поздно. Я началъ попрежнему посѣщать домъ Ожогиныхъ. Кирилло Матвѣичъ, болѣе чѣмъ когда нибудь, ласкалъ и холилъ меня. Я даже имѣю причины думать, что онъ въ то время съ удовольствіемъ отдалъ бы свою дочь за меня, хотя я и незавидный былъ женихъ: общественное мнѣніе преслѣдовало его и Лизу, а меня, напротивъ, превозносило до небесъ. Обращеніе Лизы со мной не измѣнялось: она бо́льшею частію молчала, повиновалась, когда ее просили кушать, не показывала никакихъ внѣшнихъ знаковъ горя, но, со всѣмъ тѣмъ, таяла, какъ свѣчка. Кириллѣ Матвѣичу надобно отдать эту справедливость: онъ щадилъ ее всячески; старуха Ожогина только хохлилась, глядя на свое бѣдное дитятко. Одного человѣка Лиза не чуждалась, хотя и съ нимъ немного говаривала, а именно Бизьмёнкова. Старики Ожогины круто, даже грубо, обращались съ нимъ: они не могли простить ему его секундантства; но онъ продолжалъ ходить къ нимъ, будто не замѣчая ихъ немилости. Со мной онъ былъ очень холоденъ и,—странное дѣло!—я словно его боялся. Это продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ я, послѣ одной безсонной ночи, рѣшился объясниться съ Лизой, разоблачить передъ ней мое сердце, сказать ей, что, несмотря на прошедшее, несмотря на всевозможные толки и сплетни, я почту себя слишкомъ счастливымъ, если она удостоитъ меня своей руки, возвратитъ мнѣ свое довѣріе. Я, право, не шутя воображалъ, что оказываю, какъ выражаются хрестоматіи, неска-

занный примѣръ великодушія, и что она отъ одного изумленія согласится. Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ объясниться съ ней и выйти наконецъ изъ неизвѣстности.

За домомъ Ожогиныхъ находился довольно большой садъ, оканчивавшійся липовой рощицей, заброшенной и заросшей. По срединѣ этой рощи возвышалась старинная бесѣдка въ китайскомъ вкусѣ; бревенчатый заборъ отдѣлялъ садъ отъ глухаго проулка. Лиза иногда по цѣлымъ часамъ гуляла одна въ этомъ саду. Кирилло Матвѣичъ это зналъ и запретилъ ее безпокоить, слѣдить за ней: пусть, дескать, горе въ ней умается. Когда ее не находили въ домѣ, стоило только позвонить передъ обѣдомъ въ колокольчикъ на крыльцѣ, и она тотчасъ появлялась, съ тѣмъ же упорнымъ молчаніемъ на губахъ и во взглядѣ, съ какимъ нибудь измятымъ листикомъ въ рукѣ. Вотъ, однажды, замѣтивъ, что ея не было въ домѣ, я показалъ видъ, что собираюсь уйти, простился съ Кирилломъ Матвѣичемъ, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ передней на дворъ, а со двора на улицу, но тотчасъ же, съ необыкновенной быстротою шмыгнулъ назадъ въ ворота и мимо кухни пробрался въ садъ. Къ счастію, никто меня не замѣтилъ. Не думая долго, я скорыми шагами вошелъ въ рощу. Передо мной, на тропинкѣ, стояла Лиза. Сердце во мнѣ забилось сильно. Я остановился, вздохнулъ глубоко и уже хотѣлъ было подойти къ ней, какъ вдругъ она, не оборачиваясь, подняла руку и стала прислушиваться.... Изъ-за деревьевъ, въ направленіи проулка, ясно раздались два удара, словно кто стучалъ въ заборъ. Лиза хлопнула въ ладоши, послышался слабый скрипъ калитки, и изъ чащи вышелъ Бизьмёнковъ. Я проворно спрятался за дерево. Лиза молча обратилась къ нему... Онъ молча взялъ ее подъ руку, и оба тихо пошли по дорожкѣ. Я съ изумленіемъ глядѣлъ за ними. Они остановились, посмотрѣли кругомъ, исчезли было за кустами, появились снова и вошли наконецъ въ бесѣдку. Эта бесѣдка была круглое, крошечное строеньеце, съ одной дверью и однимъ маленькимъ окномъ; по срединѣ виднѣлся старый столъ на одной ножкѣ, поросшій мелкимъ зеленымъ мохомъ, два досчатыхъ полинялыхъ диванчика стояли по бокамъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сырыхъ и потемнѣвшихъ стѣнъ. Здѣсь въ необыкновенно жаркіе дни, и то разъ въ годъ, и то въ

прежнія времена, пивали чай. Дверь не затворялась вовсе, рама давно вывалилась изъ окна и, зацѣпившись однимъ угломъ, висѣла печально, какъ перешибленное птичье крыло. Я подкрался къ бесѣдкѣ и осторожно взглянулъ сквозь скважину окна. Лиза сидѣла на одномъ изъ диванчиковъ, потупивъ голову; ея правая рука лежала у ней на колѣняхъ, лѣвую держалъ Бизьмёнковъ въ обѣихъ своихъ рукахъ. Онъ съ участіемъ глядѣлъ на нее.

— Какъ вы себя сегодня чувствуете? спросилъ онъ ее въполголоса.

— Все также, возразила она:—ни хуже, ни лучше.—Пустота, страшная пустота! прибавила она, уныло поднявъ глаза.

Бизьмёнковъ ничего не отвѣчалъ ей.

— Какъ вы думаете, продолжала она:—напишетъ мнѣ онъ еще разъ?

— Не думаю, Лизавета Кирилловна!

Она помолчала.

— И въ самомъ дѣлѣ, о чемъ ему писать? Онъ сказалъ мнѣ все въ первомъ своемъ письмѣ. Я не могла быть его женой; но я была счастлива... недолго... я была счастлива.

Бизьмёнковъ потупился.

— Ахъ, продолжала она съ живостью:—еслибъ вы знали, какъ этотъ Чулкатуринъ мнѣ противенъ.... Мнѣ все кажется, что я вижу на рукахъ этого человѣка.... его кровь. (Меня покоробило за моей скважиной). Впрочемъ, прибавила она, задумчиво:—кто знаетъ, можетъ быть, безъ этого поединка.... Ахъ, когда я увидала его раненнаго, я тотчасъ же почувствовала, что я вся была его.

— Чулкатуринъ васъ любитъ, замѣтилъ Бизьмёнковъ.

— Такъ что̀ мнѣ въ томъ! развѣ мнѣ нужна чья-нибудь любовь.... — Она остановилась и медленно прибавила: кромѣ вашей. Да, мой другъ, ваша любовь мнѣ необходима: безъ васъ я бы погибла. Вы помогли мнѣ перенести страшныя минуты....

Она умолкла.... Безьмёнковъ началъ съ отеческой нѣжностью гладитъ ее по рукѣ.

— Что̀ дѣлать, что̀ дѣлать, Лизавета Кирилловна! повторилъ онъ нѣсколько разъ сряду.

— Да и теперь, промолвила она глухо: — я бы, кажется, умерла безъ васъ. Вы одни меня поддерживаете; притомъ, вы мнѣ его напоминаете.... Вѣдь вы все знали. Помните, какъ онъ былъ хорошъ въ тотъ день.... Но извините меня: вамъ должно быть тяжело....

— Говорите, говорите! Что̀ вы! Богъ съ вами! прервалъ ее Бизьмёнковъ.

Она стиснула ему руку.

— Вы очень добры, Бизьмёнковъ, продолжала она: — вы добры, какъ ангелъ. Что̀ дѣлать! я чувствую, что я до гроба его любить буду. Я простила ему, я благодарна ему. Дай Богъ ему счастья! дай Богъ ему жену по сердцу! — И глаза ея наполнились слезами.—Лишь бы онъ не позабылъ меня, лишь бы онъ хоть изрѣдка вспоминалъ о своей Лизѣ. Выйдемте, прибавила она, послѣ небольшаго молчанія.

Бизьмёнковъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Я знаю, заговорила она съ жаромъ:—всѣ меня теперь обвиняютъ, всѣ бросаютъ въ меня каменьями. Пусть! Я бы все-таки не промѣняла своего несчастія на ихъ счастіе.... нѣтъ! нѣтъ!... Онъ недолго меня любилъ, но онъ любилъ меня! Онъ никогда меня не обманывалъ; онъ не говорилъ мнѣ, что я буду его женой; я сама никогда не думала объ этомъ. Одинъ бѣдный папаша надѣялся. И теперь я еще не совсѣмъ несчастна: мнѣ остается воспоминаніе, и, какъ бы ни были страшны послѣдствія.... Мнѣ душно здѣсь.... здѣсь я въ послѣдній разъ съ нимъ видѣлась.... Пойдемте на воздухъ.

Они встали. Я едва успѣлъ отскочить въ сторону и спрятаться за толстую липу. Они вышли изъ бесѣдки и, сколько я могъ судить по шуму шаговъ, ушли въ рощу. Не знаю, сколько я времени простоялъ, не двигаясь съ мѣста, погруженный въ какое-то безсмысленное недоумѣніе, какъ вдругъ снова послышались шаги. Я встрепенулся и осторожно выглянулъ изъ моей засады. Бизьмёнковъ и Лиза возвращались по той же дорожкѣ. Оба были очень взволнованы, особенно Бизьмёнковъ. Онъ, казалось, плакалъ. Лиза остановилась, поглядѣла на него и явственно произнесла слѣдующія слова: «Я согласна, Бизьмёнковъ. Я бы не согласилась, еслибъ вы только хотѣли спасти меня, вывести меня изъ страшнаго положенія; но вы

меня любите, вы все знаете—и любите меня: я никогда не найду болѣе надежнаго, вѣрнаго друга. Я буду вашей женой.»

Бизьмёнковъ поцаловалъ ей руку; она печально ему улыбнулась и пошла домой. Бизьмёнковъ бросился въ чащу, а я отправился восвояси. Такъ какъ Бизьмёнковъ, вѣроятно, сказалъ Лизѣ именно то, что̀ я намѣренъ былъ ей сказать, и такъ какъ она отвѣчала ему именно то, что̀ я бы желалъ услышать отъ нея, то мнѣ нечего было болѣе безпокоиться. Черезъ двѣ недѣли она вышла за него замужъ. Старики Ожогины рады были всякому жениху.

Ну, скажите теперь, не лишній ли я человѣкъ? Не разыгралъ ли я во всей этой исторіи роль лишняго человѣка? Роль князя.... о ней нечего и говорить; роль Бизьмёнкова также понятна.... Но я? я-то къ чему тутъ примѣшался?... что́ за глупое, пятое колесо въ телѣгѣ!... Ахъ, горько, горько мнѣ!... Да вотъ какъ бурлаки говорятъ: еще разикъ, еще разъ, еще денекъ, другой, и мнѣ уже ни горько не будетъ, ни сладко.

31 марта.

Плохо. Я пишу эти строки въ постели. Со вчерашняго вечера погода вдругъ перемѣнилась. Сегодня жарко, почти лѣтній день. Все таетъ, валится, течетъ. Въ воздухѣ пахнетъ разрытой землей: тяжелый, сильный, душный запахъ. Паръ подымается отвсюду. Солнце такъ и бьетъ, такъ и разитъ. Плохо мнѣ. Я чувствую, что разлагаюсь.

Я хотѣлъ написать свой дневникъ и, вмѣсто того, что̀ я сдѣлалъ? разсказалъ одинъ случай изъ моей жизни. Я разболтался. Уснувшія воспоминанія пробудились и увлекли меня. Я писалъ не торопясь, подробно, словно мнѣ еще предстояли годы; а теперь вотъ и некогда продолжать. Смерть, смерть идетъ. Мнѣ уже слышится ея грозное crescendo.... Пора.... Пора!...

Да и что̀ за бѣда? Не все ли равно, что̀ бы я ни разсказалъ? Въ виду смерти исчезаютъ послѣднія земныя суетности. Я чувствую, что утихаю; я становлюсь проще, яснѣе. Поздно я хватился за умъ!... Странное дѣло! я утихаю — точно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ.... жутко мнѣ. Да, мнѣ жутко. До половины наклоненный надъ безмолвной, сіяющей бездной, я содрагаюсь, отворачиваюсь, съ жаднымъ вниманіемъ осматриваю все кру-

гомъ. Всякій предметъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ. Я не нагляжусь на мою бѣдную, невеселую комнату, прощаюсь съ каждымъ пятнышкомъ на моихъ стѣнахъ! Насыщайтесь въ послѣдній разъ, глаза мои! Жизнь удаляется; она ровно и тихо бѣжитъ отъ меня прочь, какъ берегъ отъ взоровъ мореходца. Старое, желтое лицо моей няни, повязанное темнымъ платкомъ, шипящій самоваръ на столѣ, горшокъ герани передъ окномъ и ты, мой бѣдный песъ Трезоръ, перо, которымъ я пишу эти строки, собственная рука моя, я вижу васъ теперь.... вотъ вы, вотъ.... Неужели же.... можетъ быть, сегодня.... я никогда болѣе не увижу васъ? Тяжело живому существу разставаться съ жизнью! Что ты ластишься ко мнѣ, бѣдная собака? что прислоняешься грудью къ постели, судорожно поджимая свой куцый хвостъ и не сводя съ меня своихъ добрыхъ грустныхъ глазъ? Или тебѣ жаль меня? или ты уже чуешь, что хозяина твоего скоро не станетъ? Ахъ, еслибъ я могъ также пройти мыслью по всѣмъ моимъ воспоминаніямъ, какъ прохожу глазами по всѣмъ предметамъ моей комнаты!... Я знаю, что эти воспоминанія невеселы и незначительны, да другихъ у меня нѣтъ. Пустота, страшная пустота! какъ говорила Лиза.

О, Боже мой! Боже мой! Я вотъ умираю. Сердце, способное и готовое любить, скоро перестанетъ биться.... И неужели же оно затихнетъ навсегда, не извѣдавъ ни разу счастія, не расширясь ни разу подъ сладостнымъ бременемъ радости? Увы! это невозможно, невозможно, я знаю.... Еслибъ, по-крайней-мѣрѣ, теперь, передъ смертью—вѣдь смерть все-таки святое дѣло, вѣдь она возвышаетъ всякое существо—если бъ какой нибудь милый, грустный, дружескій голосъ пропѣлъ надо мною прощальную пѣснь о собственномъ моемъ горѣ, я бы, можетъ быть, помирился съ нимъ. Но умереть глухо, глупо...

Я, кажется, начинаю бредить.

Прощай, жизнь, прощай, мой садъ, и вы, мои липы! Когда придетъ лѣто, смотрите, не забудьте сверху донизу покрыться цвѣтами.... и пусть хорошо будетъ людямъ лежать въ вашей пахучей тѣни, на свѣжей травѣ, подъ лепечущій говоръ вашихъ листьевъ, слегка возмущенныхъ вѣтромъ. Прощайте, прощайте! Прощай все и навсегда!

Прощай, Лиза! Я написалъ эти два слова—и чуть-чуть не раз-

смѣялся. Это восклицаніе мнѣ кажется книжнымъ. Я какъ будто сочиняю чувствительную повѣсть или оканчиваю отчаянное письмо....

Завтра 1 апрѣля. Неужели я умру завтра? Это было бы какъ-то даже неприлично. А впрочемъ, оно ко мнѣ идетъ....

Ужь какъ же докторъ лотошилъ сегодня!...

1 апрѣля.

Кончено.... Жизнь кончена. Я точно умру сегодня. На дворѣ жарко.... почти душно.... или уже грудь моя отказывается дышать? Моя маленькая комедія разыграна. Занавѣсъ падаетъ.

Уничтожаясь, я перестаю быть лишнимъ....

Ахъ, какъ это солнце ярко! Эти могучіе лучи дышатъ вѣчностью....

Прощай, Терентьевна!... Сегодня поутру она, сидя у окна, всплакнула.... можетъ быть, обо мнѣ.... а, можетъ быть, и о томъ, что ей самой скоро придется умереть. Я взялъ съ нея слово не «пришибить» Трезора.

Мнѣ тяжело писать.... бросаю перо.... Пора! смерть уже не приближается съ возрастающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой: она здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня, какъ то легкое дуновеніе, отъ котораго поднялись дыбомъ волосы у пророка....

Я умираю.... Живите, живые!

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

—

Примѣчаніе издателя. Подъ этой послѣдней строкой находится профиль головы съ большимъ хохломъ и усами, съ глазомъ en face и лучеобразными рѣсницами; а подъ головой кто-то написалъ слѣдующія слова:

Сію рукопись. Читалъ
И Содѣржаніѣ Онной Нѣ Одобрилъ
Пѣтръ Зудотѣшинъ
М М М М
Милостивый Государь
Пѣтръ Зудотѣшинъ
Милостивый Государь мой.

Но такъ-какъ почеркъ этихъ строкъ нисколько не походилъ на почеркъ, которымъ написана остальная часть тетради, то издатель и почитаетъ себя вправѣ заключить, что вышеупомянутыя строки прибавлены были впослѣдствіи другимъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что до свѣденія его (издателя) дошло, что г-нъ Чулкатуринъ дѣйствительно умеръ въ ночь съ 1 на 2 апрѣля 18.. года, въ родовомъ своемъ помѣстьѣ «Овечьи воды».

1850 г.

ДВА ПРІЯТЕЛЯ.

—

Весной 184.... года, Борисъ Андреевичъ Вязовнинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-шести, пріѣхалъ въ свое родовое помѣстье, лежащее въ одной изъ губерній средней полосы Россіи. Онъ только что вышелъ въ отставку—«по домашнимъ обстоятельствамъ»—и нэмѣревался заняться хозяйствомъ. Мысль благая, конечно! но возымѣлъ ее Борисъ Андреичъ, какъ оно, впрочемъ, бóльшею частью бываетъ—противъ воли. Доходы его уменьшались съ каждымъ годомъ, долги увеличивались: онъ убѣдился въ невозможности продолжать службу, жить въ столицѣ,—словомъ, жить, какъ жилъ до тѣхъ поръ, и рѣшился, скрѣпя сердце, посвятить нѣсколько лѣтъ на исправленіе тѣхъ «домашнихъ обстоятельствъ», по милости которыхъ внезапно очутился онъ въ деревенской глуши.

Вязовнинъ нашелъ свое имѣнье разстроеннымъ, усадьбу запущенной, домъ чуть не въ развалинахъ; смѣнилъ старосту, уменьшилъ оклады дворовыхъ; очистилъ себѣ двѣ-три комнатки и велѣлъ положить новыя тесинки тамъ, гдѣ протекала крыша; впрочемъ, не предпринялъ никакихъ рѣзкихъ мѣръ и не затѣялъ никакихъ усовершенствованій, вслѣдствіе той, по видимому, простой мысли, что должно по крайней мѣрѣ узнать сперва то, что́ желаешь усовершенствовать.... Вотъ онъ и принялся узнавать хозяйство, началъ, какъ говорится, входить въ сущность

дѣла. Должно признаться, что входилъ онъ въ сущность дѣла безъ особеннаго рвенія и не торопясь. Съ непривычки онъ скучалъ въ деревнѣ сильно, и часто не могъ придумать, куда и на что употребить цѣлый длинный день. Сосѣдей у него было довольно много, но онъ не знался съ ними, — не потому, чтобы чуждался ихъ, а такъ, какъ-то не приходилось ему съ ними сталкиваться; наконецъ, уже осенью, довелось ему познакомиться съ однимъ изъ самыхъ близкихъ своихъ сосѣдей. Его звали Петромъ Васильичемъ Крупицынымъ. Онъ когда-то служилъ въ кавалеріи и вышелъ въ отставку поручикомъ. Между его мужиками и вязовнинскими, съ незапамятныхъ временъ, шелъ споръ о двухъ съ половиною десятинахъ сѣнокосной земли. Дѣло нерѣдко доходило до драки; копны сѣна таинственно переѣзжали съ мѣста на мѣсто; происходили разныя непріятности, и, вѣроятно, много еще лѣтъ продолжался бы этотъ споръ, еслибъ Крупицынъ, узнавъ стороной о миролюбивыхъ свойствахъ Бориса Андреича, не поѣхалъ къ нему для личнаго объясненія. Объясненіе это имѣло послѣдствія очень пріятныя: во-первыхъ, дѣло прекратилось тотчасъ же и навсегда, къ обоюдному удовольствію владѣльцевъ; а во-вторыхъ, и сами они другъ другу понравились, стали часто видѣться, а къ зимѣ сошлись уже такъ, что почти не разставались.

И между тѣмъ общаго между ними было немного. Вязовнинъ, какъ человѣкъ хотя самъ не богатый, но происходившій отъ богатыхъ родителей, получилъ хорошее воспитаніе, учился въ университетѣ, зналъ разные языки, любилъ заниматься чтеніемъ книгъ и вообще могъ считаться человѣкомъ образованнымъ. Крупицынъ, напротивъ, говорилъ съ грѣхомъ пополамъ по-французски, безъ особенной нужды книги въ руки не бралъ и скорѣе принадлежалъ къ числу людей необразованныхъ. Наружностью пріятели тоже мало походили другъ на друга: Вязовнинъ былъ довольно высокаго роста, худъ, бѣлокуръ и смахивалъ на англичанина, держалъ свою особу, особенно руки, въ большой чистотѣ, одѣвался изящно и щеголялъ галстухами.... столичныя привычки! Крупицынъ, напротивъ, былъ роста небольшаго, сутуловатъ, смуглъ, черноволосъ, и лѣто и зиму ходилъ въ какомъ-то пальто-сакѣ, съ оттопыренными карманами, изъ сукна бронзоваго цвѣта. «Мнѣ этотъ цвѣтъ за то нравит-

ся—говаривалъ Петръ Васильичъ—что онъ не марокъ». Цвѣтъ сукна дѣйствительно не былъ марокъ, но само сукно порядкомъ позапачкалось. Вязовнинъ любилъ хорошо покушать и охотно говорилъ о томъ, какъ пріятно хорошо кушать и что̀ значитъ имѣть вкусъ; Крупицынъ ѣлъ все, что̀ ни подавали ему лишь бы только было надъ чѣмъ потрудиться. Попадались ли ему щи съ кашей—онъ съ удовольствіемъ хлѣбалъ щи и заѣдалъ ихъ кашей; представлялся ему нѣмецкій жидкій супъ—онъ съ тою же готовностью налегалъ на супъ, а случалась тутъ каша—онъ и кашу туда же валилъ въ тарелку,—и ничего. Квасъ любилъ онъ, по собственному выраженію, какъ отца роднаго, а вина французскія, особенно красныя, терпѣть не могъ и называлъ кислятиной. Вообще Крупицынъ былъ очень далекъ отъ брезгливости, тогда какъ Вязовнинъ мѣнялъ въ день два носовыхъ платка. Словомъ, пріятели, какъ мы уже сказали выше, не походили другъ на друга. Одно въ нихъ было общее: оба они были, что называется, добрые малые, простые ребята. Крупицынъ такимъ родился, а Вязовнинъ сталъ такимъ. Кромѣ того они оба еще отличались тѣмъ, что ни тотъ, ни другой ничего особенно не любилъ, т. е. не имѣлъ ни къ чему особенной страсти или привязанности. Крупицынъ шестью или осмью годами былъ старше Вязовнина.

Дни ихъ проходили довольно однообразно. Обыкновенно утромъ, однако не слишкомъ рано, часовъ въ десять, Борисъ Андреичъ еще сидѣлъ возлѣ окна, въ красивомъ шлафрокѣ на распашку, причесанный, вымытый и въ бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ, съ книжкой и чашкой чаю; — дверь отворялась, и входилъ Петръ Васильевичъ, съ обычнымъ своимъ небрежнымъ видомъ. Деревенька его находилась всего въ полу-верстѣ отъ Вязовны (такъ называлось имѣніе Бориса Андреича). Притомъ Петръ Васильичъ очень часто оставался на ночь у Бориса Андреича. «А, здравствуйте!—говорили они оба въ одно время.—Какъ почивали?» И тутъ же Ѳедюшка (мальчикъ лѣтъ пятнадцати, одѣтый казачкомъ, у котораго даже волосы, стоявшіе дыбомъ, какъ у турухтана весной, на затылкѣ, имѣли видъ заспанный) приносилъ Петру Васильевичу его шлафрокъ, изъ бухарской матеріи, и Петръ Васильевичъ, предварительно крякнувъ, облекался въ свой шлафрокъ и принимался за чай и за трубку. Тутъ начи-

нались разговоры,—разговоры неторопливые, съ промежутками и роздыхами: говорили о погодѣ, о вчерашнемъ днѣ, о полевыхъ работахъ и хлѣбныхъ цѣнахъ; говорили также о близлежащихъ помѣщикахъ и помѣщицахъ. Въ первые дни своего знакомства съ Борисомъ Андреичемъ, Петръ Васильичъ почиталъ за долгъ и даже радовался случаю распрашивать сосѣда о столичной жизни, о наукѣ и образованности вообще. . . . вообще о возвышенныхъ предметахъ; отвѣты Бориса Андреича занимали, часто удивляли его и возбуждали его вниманіе, но въ тоже время причиняли ему нѣкоторую усталость, такъ что въ скорости всѣ подобные разговоры прекратились; да и самъ Борисъ Андреичъ, съ своей стороны, не обнаруживалъ излишняго желанія возобновлять ихъ. Случалось впослѣдствіи—и то изрѣдка—что Петръ Васильичъ спроситъ вдругъ Бориса Андреича, напримѣръ, о томъ, что, дескать, за вещь электрическій телеграфъ, и, выслушавъ не совсѣмъ ясное толкованіе Бориса Андреича, помолчитъ, скажетъ: «да, это удивительно», и уже долго потомъ не любопытствуетъ ни о какомъ ученомъ предметѣ. Бо́льшею частью разговоры между ними происходили въ родѣ слѣдующаго: Петръ Васильичъ, напримѣръ, наберется дыму изъ трубки и, выпуская его черезъ ноздри, спроситъ:

— А что́ это у васъ за новая дѣвушка? я на заднемъ крыльцѣ видѣлъ, Борисъ Андреичъ.

Борисъ Андреичъ, въ свою очередь, поднесетъ сигарку ко рту, пыхнетъ раза два и, отхлебнувъ глотокъ холоднаго чаю со сливками, промолвитъ:

— Какая новая дѣвушка?

Петръ Васильичъ нагнется нѣсколько въ бокъ и, глянувъ въ окно на дворъ, гдѣ собака только что укусила босого мальчика за икру, возразитъ:

— Бѣлокурая такая.... недурная.

— А! воскликнетъ, немного погодя, Борисъ Андреичъ:— это у меня новая прачка.

— Откуда? спроситъ Петръ Васильичъ, словно удивившись.

— Изъ Москвы. Въ ученьи была.

И оба помолчатъ.

— А сколько у васъ всѣхъ прачекъ, Борисъ Андреичъ? спроситъ опять Петръ Васильичъ, внимательно глядя на вспы-

хивающій съ сухимъ трескомъ табакъ, подъ нагорѣвшею золою въ трубкѣ.

— Три, отвѣчаетъ Борисъ Андреичъ.

— Три! У меня только одна. И одной-то дѣлать почти нечего. Вѣдь у меня, вы сами знаете, какое мытье!

— Гм! отвѣчаетъ Борисъ Андреичъ,

И разговоръ прекращается на время.

Въ такихъ занятіяхъ проходило утро и наступало время завтрака. Петръ Васильичъ особенно любилъ завтракъ и утверждалъ, что двѣнадцатый часъ—это есть самое то время, когда хочется человѣку ѣсть, и, дѣйствительно, онъ въ этотъ часъ ѣлъ такъ весело, съ такимъ здоровымъ и пріятнымъ аппетитомъ, что, глядя на него, даже нѣмецъ бы порадовался: такъ славно завтракалъ Петръ Васильичъ! Борисъ Андреичъ кушалъ гораздо меньше: съ него достаточно было куриной котлетки, или двухъ яичекъ въ смятку съ масломъ и какой-нибудь англійской приправы въ хитро-устроенномъ и патентованномъ сосудѣ, за которую платилъ онъ большія деньги и которую втайнѣ находилъ отвратительною, хотя и увѣрялъ, что безъ нея ничего въ ротъ взять не можетъ. Послѣ завтрака и до обѣда, оба пріятеля, если погода была хорошая, ходили по хозяйству, или такъ, просто, гуляли, смотрѣли какъ объѣзжались молодыя лошади, и т. д. Иногда добирались они до деревни Петра Васильича и изрѣдка заходили въ его домикъ.

Домикъ этотъ, небольшой и ветхій, скорѣе походилъ на простую дворовую лачужку, чѣмъ на жилище помѣщика. По соломенной крышѣ, кругомъ пробуравленной воробьиными и галочными гнѣздами, росъ зеленый мохъ; изъ двухъ осиновыхъ срубовъ, нѣкогда сплоченныхъ и прилаженныхъ, одинъ откинулся назадъ, другой покачнулся въ бокъ и вросъ въ землю; словомъ, плохъ былъ домъ Петра Васильевича снаружи, плохъ изнутри. Но Петръ Васильичъ не унывалъ: будучи человѣкомъ холостымъ и вообще невзыскательнымъ, онъ мало радѣлъ объ удобствахъ жизни и довольствовался уже тѣмъ, что имѣлъ мѣстечко, гдѣ могъ по нуждѣ укрыться отъ ненастья и холода. Хозяйствомъ его завѣдывала ключница Македонія, женщина среднихъ лѣтъ, очень усердная и даже честная, но съ несчастными руками: ничего у ней не спорилось: посуда билась, бѣлье

рвалось, кушанье не доваривалось или пригорало. Петръ Васильичъ называлъ ее Калигулой.

Имѣя врожденную склонность къ хлѣбосольству, Петръ Васильичъ любилъ видѣть у себя гостей и угощать ихъ, несмотря на скудость средствъ своихъ. Особенно старался и хлопоталъ онъ, когда посѣщалъ его Борисъ Андреичъ; но, по милости Македоніи, которая, впрочемъ, чуть не летѣла съ ногъ долой на каждомъ шагу отъ усердія, угощенія бѣднаго Петра Васильича выходили всегда очень неудачны и большей частью ограничивались кускомъ зачерствѣлаго балыка и рюмкой водки, о которой онъ отзывался совершенно справедливо, говоря, что она отлична *противъ* желудка. Послѣ прогулки оба пріятеля возвращались въ домъ Бориса Андреича и обѣдали не спѣша. Покушавши такъ, какъ будто завтрака и не было, Петръ Васильичъ отправлялся куда-нибудь въ уединенный уголъ и спалъ часика два-три; Борисъ Андреичъ въ это время читалъ заграничные журналы. Вечеромъ пріятели опять сходились: такая уже между ними завялась дружба! Иногда они садились играть въ преферансъ вдвоемъ, иногда просто разговаривали такимъ же образомъ, какъ поутру; случалось, что Петръ Васильичъ бралъ со стѣны гитару и пѣлъ довольно пріятнымъ теноромъ разные романсы. Петръ Васильичъ очень любилъ музыку, — гораздо болѣе, чѣмъ Борисъ Андреичъ, который безъ восхищенія не могъ произнести имени Бетховена и все собирался выписать изъ Москвы фортепьяно. Въ минуты грусти или унынія Петръ Васильичъ имѣлъ привычку пѣть романсъ, относившійся ко времени его службы въ полку.... Съ особеннымъ чувствомъ и нѣсколько въ носъ произносилъ онъ слѣдующіе стихи:

«Кухню намъ французъ не правитъ,
А деньщикъ варитъ обѣдъ....
Славный Роде не играетъ,
Каталани не поетъ....
Трубачъ зорю отхватаетъ,
Вахмистръ съ рапортомъ придетъ».

Борисъ Андреичъ изрѣдка ему подтягивалъ; но голосъ у него былъ непріятный и невѣрный. Часу въ десятомъ, а иногда и раньше, пріятели расходились.... и на другой день снова начиналось тоже.

Вотъ, однажды, сидя по обыкновенію, нѣсколько вкось и напротивъ Бориса Андреича, Петръ Васильичъ поглядѣлъ на него довольно пристально и промолвилъ задумчивымъ голосомъ.

— Одному я удивляюсь, Борисъ Андреичъ....

— Чему это? спросилъ тотъ.

— А вотъ чему. Вы человѣкъ молодой, умный, образованный: что̀ вамъ за охота жить въ деревнѣ?

Борисъ Андреичъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на своего сосѣда.

— Вы вѣдь знаете, Петръ Васильичъ, проговорилъ онъ наконецъ:—что еслибъ не мои обстоятельства.... Обстоятельства меня къ этому принуждаютъ, Петръ Васильичъ.

— Обстоятельства? обстоятельства ваши пока еще ничего.... Съ вашимъ имѣньемъ можно жить. Опредѣлитесь на службу.

И, помолчавъ немного, Петръ Васильичъ прибавилъ:

— Я на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы въ уланы.

— Въ уланы? Почему же именно въ уланы?

— Такъ, мнѣ кажется, вамъ приличнѣе быть въ уланахъ.

— Но позвольте: вы сами служили въ гусарахъ?

— Я? Конечно, въ гусарахъ, съ живостью заговорилъ Петръ Васильичъ.—И въ какомъ полку! Такого другаго полка въ цѣломъ свѣтѣ не найдешь! Золотой былъ полкъ! Начальники, товарищи — что̀ за люди были!... Но вамъ.... я не знаю ... вамъ, по моему, надо въ уланы. Вы бѣлокуры, талія у васъ тоненькая: все это идетъ.

— Но позвольте, Петръ Васильичъ: вы забываете, что, въ силу военныхъ узаконеній, я долженъ буду начать съ юнкерскаго чина. Въ мои годы это нѣсколько затруднительно. Кажется, даже оно и запрещено.

— И то правда, замѣтилъ Петръ Васильичъ и потупился.— Ну, въ такомъ случаѣ женитесь, произнесъ онъ вдругъ, поднявъ голову.

— Какой у васъ, однако, сегодня странный оборотъ мыслей, Петръ Васильичъ! воскликнулъ Борисъ Андреичъ.

— Почему же странный? Что̀ въ самомъ дѣлѣ жить такъ-то? Чего дождетесь? Только время упустите. Желаю я знать, какая вамъ оттого будетъ польза, что вы не женитесь?

— Да не въ пользѣ дѣло.... началъ было Борисъ Андреичъ.

— Нѣтъ, позвольте, перебилъ его Петръ Васильичъ, неожиданно войдя въ азартъ. —Это мнѣ удивительно, отчего въ нынѣшнее время молодые люди такъ боятся жениться! Я этого просто понять не могу. Вы, Борисъ Андреичъ, не смотрите на меня, что я не женатъ. Я, можетъ быть, и хотѣлъ, и предлагалъ, да мнѣ вотъ что показали.

И тутъ Петръ Васильичъ поднялъ кверху указательный палецъ правой руки, обративъ его наружной стороной къ Борису Андреичу.

— А съ вашимъ состояньемъ какъ не жениться?

Борисъ Андреичъ внимательно гладѣлъ на Петра Васильича.

— Весело, что ли, холостымъ-то жить? продолжалъ Петръ Васильичъ. —Эка не видаль! вотъ радость-то!... Право, меня нынѣшніе молодые люди удивляютъ.

И Петръ Васильичъ съ досадой выколотилъ трубку о ручку кресель и сильно дунулъ въ чубукъ.

— Да кто вамъ сказалъ, Петръ Васильичъ, что я не намѣренъ жениться? медленно проговорилъ Борисъ Андреичъ.

Петръ Васильичъ какъ полѣзъ пальцами въ свой вышитый блестками бархатный массаковаго цвѣта кисетъ съ табакомъ, такъ и остался недвижимъ. Слова Бориса Андреича его изумили.

— Да, продолжалъ Борисъ Андреичъ:—я готовъ жениться. Сыщите мнѣ невѣсту, и я женюсь.

— Право?

— Право.

— Нѣтъ, ей-Богу?

— Какой вы, Петръ Васильичъ, ей-Богу! я не шучу.

Петръ Васильичъ набилъ себѣ трубку.

— Ну, смотрите жь, Борисъ Андреичъ. Невѣста вамъ будетъ.

— Хорошо, возразилъ Борисъ Андреичъ: — но послушайте, въ сущности, для чего вы хотите женить меня?

— А для того, что вы, какъ посмотрю на васъ, не имѣете способности этакъ ничего не дѣлать.

Борисъ Андреичъ улыбнулся.

— Мнѣ, напротивъ, до сихъ поръ казалось, что я на это мастеръ.

— Вы меня не такъ поняли, промолвилъ Петръ Васильичъ и перемѣнилъ разговоръ.

Дня два спустя, Петръ Васильичъ явился къ своему сосѣду не въ обыкновенномъ своемъ пальто-сакѣ, а въ сюртукѣ, цвѣта воронова крыла, съ высокой тальею, крошечными пуговицами и длинными рукавами. Усы Петра Васильича казались почти черными отъ фабры, а волосы, круто завитые спереди, въ видѣ двухъ продолговатыхъ колбасокъ, ярко лоснились помадой. Большой бархатный галстухъ, съ атласнымъ бантомъ, туго сжималъ шею Петра Васильича и придавалъ торжественную неподвижность и праздничную осанку всей верхней части его туловища.

— Что̀ значитъ этотъ туалетъ? спросилъ Борисъ Андреичъ.

— А то значитъ этотъ туалетъ, отвѣтилъ Петръ Васильичъ, опускаясь въ кресла не съ обычной своей развязностью:—что велите заложить коляску. Мы ѣдемъ.

— Куда это?

— Къ невѣстѣ.

— Къ какой невѣстѣ?

— А вы уже забыли, о чемъ мы четвертаго дня разговаривали съ вами?

Борисъ Андреичъ засмѣялся, а самъ смутился въ душѣ.

— Помилуйте, Петръ Васильичъ, да вѣдь это была одна шутка.

— Шутка? Какже вы божились тогда, что не шутите? Нѣтъ, ужь извините, Борисъ Андреичъ, а вы должны сдержать свое слово. Я ужь принялъ надлежащія мѣры.

Борисъ Андреичъ еще болѣе смутился.

— Какія, однако, то есть, мѣры? спросилъ онъ.

— О, не безпокойтесь.... Что̀ вы думаете! Я только предварилъ одну нашу сосѣдку, прелюбезную особу, что мы съ вами сегодня намѣрены посѣтить ее.

— Кто это сосѣдка?

— Узнаете —погодите. Вотъ вы сперва одѣньтесь, да велите лошадей заложить.

Борисъ Андреичъ съ нерѣшительностью поглядѣлъ кругомъ.

— Право, Петръ Васильичъ, что вамъ за охота.... посмотрите, какая погода.

— Ничего погода: она всегда такая бываетъ.

— И далеко ѣхать?

— Верстъ пятнадцать.

Борисъ Андреичъ помолчалъ.

— Да хоть позавтракаемте сперва!

— Позавтракать—ничего, можно. Знаете что, Борисъ Андреичъ, подите одѣньтесь теперь, а я безъ васъ распоряжусь: водочки, икры кусокъ—это недолго, а у вдовушки насъ покормятъ—объ этомъ безпокоиться нечего.

— Развѣ она вдова? спросилъ, обернувшись, Борисъ Андреичъ, который уже подходилъ къ дверямъ кабинета.

Петръ Васильичъ закачалъ головой.

— Вотъ увидите, увидите.

Борисъ Андреичъ ушелъ и заперъ за собою дверь, а Петръ Васильичъ, оставшись одинъ, распорядился и насчетъ коляски и насчетъ завтрака.

Борисъ Андреичъ одѣвался довольно долго. Петръ Васильичъ выпивалъ уже, слегка наморщившись и принявъ грустный видъ, вторую рюмку водки, когда Борисъ Андреичъ предсталъ на порогѣ кабинита. Онъ позаботился о своемъ туалетѣ. На немъ былъ щегольски-сшитый просторный черный сюртюкъ, пріятно отдѣлявшійся своей матовой массой отъ томнаго блеска свѣтло-сѣрыхъ брюкъ, черный низенькій галстухъ и красивый темно-синій жилетъ; золотая цѣпочка, прицѣпленная крючкомъ къ послѣдней петелькѣ, скромно терялась въ боковомъ карманѣ; тонкіе сапоги благородно скрипѣли, и вмѣстѣ съ появленіемъ Бориса Андреича разлился въ воздухѣ запахъ Ess'bouquet'a въ соединеніи съ запахомъ свѣжаго бѣлья. Петръ Васильичъ только и могъ произнести, что—«а!», и тотчасъ взялся за шапку.

Борисъ Андреичъ натянулъ на лѣвую руку лайковую сѣрую перчатку, предварительно подышавъ въ нее; потомъ тою же рукою нервически налилъ себѣ четверть рюмки водки и выпилъ, наконецъ взялъ шляпу и вышелъ вмѣстѣ съ Петромъ Васильичемъ въ переднюю.

— Я это только для васъ дѣлаю, сказалъ Борисъ Андреичъ, садясь въ коляску.

— Положимъ, что для меня, сказалъ Петръ Васильичъ, на котораго видимо подѣйствовалъ изящный видъ Бориса Ан-

дрейча: — а, можетъ быть, вы сами будете меня благодарить.

И онъ сказалъ кучеру, какъ и куда ѣхать. Коляска покатилась.

— Мы ѣдемъ къ Софьѣ Кирилловнѣ Заднѣпровской, промолвилъ Петръ Васильичъ, послѣ довольно продолжительнаго промежутка, втеченіи котораго оба пріятеля сидѣли неподвижно, словно каменные.—Слыхали ли вы про нее?

— Кажется, слыхалъ, отвѣчалъ Борисъ Андреичъ. — Что же, вы ее-то мнѣ въ невѣсты прочите?

— А почему же бы и нѣтъ? Она женщина отличнаго ума, съ состояньемъ, съ манерами, можно сказать, столичными. Впрочемъ, поглядите.... вѣдь это васъ ни къ чему не обязываетъ.

— Еще бы! возразилъ Борисъ Андреичъ.—А сколько ей лѣтъ?

— Лѣтъ двадцать-пять, или двадцать-семь,—никакъ не болѣе. Въ самомъ, какъ говорится, соку!

До имѣнія госпожи Заднѣпровской было не пятнадцать, а добрыхъ двадцать-пять верстъ, такъ что Борисъ Андреичъ порядкомъ продрогъ подъ конецъ и все пряталъ свой покраснѣвшій носикъ въ бобровый воротникъ шинели. Петръ Васильичъ не боялся холода вообще—и въ особенности, когда былъ одѣтъ попраздничному. Тогда онъ скорѣе подвергался испаринѣ. Усадьба госпожи Заднѣпровской состояла изъ новенькаго бѣлаго домика, съ зеленой крышей, въ видѣ дачи, въ городскомъ вкусѣ, съ небольшимъ садикомъ и дворомъ. Подъ Москвою часто можно встрѣтить подобныя дачи; въ провинціи онѣ попадаются рѣже. Видно было, что госпожа Заднѣпровская поселилась тутъ недавно. Пріятели вышли изъ коляски. На крыльцѣ встрѣтилъ ихъ лакей, въ гороховыхъ панталонахъ и сѣромъ, кругломъ фракѣ, съ гербовыми пуговицами; въ передней, довольно опрятной, но съ коникомъ, встрѣтилъ ихъ другой, такой же лакей. Петръ Васильичъ велѣлъ доложить барынѣ о себѣ и о Борисѣ Андреичѣ. Лакей не пошелъ къ барынѣ, а отвѣчалъ, что приказано просить.

Гости отправились, и черезъ столовую, въ которой оглушительно трещала канарейка, вошли въ гостиную, съ модной ме-

белью, изъ русскаго магазина, очень ухищренной и изогнутой, подъ предлогомъ доставленія удобства сидящимъ, а въ сущности очень неудобной. Не прошло двухъ минутъ, какъ послышался въ сосѣдней комнатѣ шелестъ шелковаго платья; портьерка приподнялась, и проворными шагами вошла въ гостиную хозяйка. Петръ Васильичъ расшаркался и подвелъ къ ней Бориса Андреича.

— Очень рада съ вами познакомиться и давно этого желала, развязно проговорила хозяйка, быстро окинувъ его взоромъ:— я очень благодарна Петру Васильичу за доставленіе такого пріятнаго знакомства. Прошу садиться.

И хозяйка сѣла, прошумѣвъ платьемъ, на низкій диванчикъ, прислонилась къ спинкѣ, протянула ноги, обутыя въ очень миленькія ботинки, и скрестила руки. Платье на ней было зеленое, съ бѣловатыми переливами, гляссе, съ воланами въ нѣсколько рядовъ.

Борисъ Андреичъ сѣлъ на кресла противъ нея, Петръ Васильичъ—немного поодаль. Разговоръ начался. Борисъ Андреичъ внимательно разсматривалъ Софью Кирилловну. Это была женщина стройная, высокая, съ тонкой тальей, смуглая и довольно красивая. Выраженіе ея лица и особенно глазъ, большихъ и блестящихъ, съ приподнятыми углами, какъ у китайцевъ, являло странную смѣсь смѣлости и робости и никакъ не могло назваться естественнымъ. Она то щурила свои глаза, то внезапно ихъ раскрывала; а на губахъ у ней постоянно играла улыбка, желавшая казаться равнодушной. Всѣ движенія Софьи Кирилловны были очень свободны, почти рѣзки. Впрочемъ, наружность ея понравилась Борису Андреичу; только непріятно подѣйствовалъ на него косой проборъ волосъ, придававшій ея чертамъ лихой и мальчишескій видъ; сверхъ того, она, по его мнѣнію, слишкомъ чисто и правильно выражалась по-русски.... Борисъ Андреичъ раздѣлялъ мнѣніе Пушкина, что

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки,

нельзя любить русской рѣчи. Словомъ, Софья Кирилловна принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ любезники ве-

личаютъ ловкими дамами, мужья—боевыми особами, а старые холостяки—разбитными бабенками.

Сперва разговоръ зашелъ о томъ, что очень скучно жить въ деревнѣ.

— Здѣсь просто нѣтъ живой души, просто не съ кѣмъ словомъ перекинуться, говорила Софья Кирилловна, особенно отчетливо произнося букву *с*.—Я не могу понять, что̀ за люди здѣсь живутъ. А тѣ, прибавила она съ ужимкой:—съ которыми было бы пріятно познакомиться,—тѣ не ѣздятъ, оставляютъ насъ, бѣдныхъ, въ нашемъ невеселомъ одиночествѣ.

Борисъ Андреичъ слегка наклонился впередъ и пробормоталъ какое-то неловкое извиненіе, а Петръ Васильичъ только глянулъ на него, какъ бы желая сказать: «ну, что̀ я вамъ говорилъ? Кажется, эта за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.»

— Вы курите? спросила Софья Кирилловна.

— Курю.... но....

— Сдѣлайте одолженіе.... я сама курю.

И, сказавъ эти слова, вдова взяла со столика довольно большую серебряную сигарочницу, достала изъ нея папироску и предложила гостямъ. Оба гостя взяли по папироскѣ. Софья Кирилловна позвонила и велѣла вошедшему мальчику, съ краснымъ жилетомъ во всю грудь, подать огня. Мальчикъ принесъ восковую свѣчу на хрустальномъ подносѣ. Папироски задымились.

— Вѣдь вотъ, напримѣръ, вы не повѣрите, продолжала вдова, слегка закинувъ голову и пуская дымъ тонкой струею кверху:—здѣсь есть люди, которые находятъ, что дамамъ не слѣдуетъ курить. А ужь верхомъ ѣздить, сохрани Боже! просто, каменьями побьютъ.—Да, прибавила она послѣ небольшаго молчанія:—все, что̀ выходитъ изъ-подъ общаго уровня, все, что̀ нарушаетъ законы какого-то выдуманнаго приличія, подвергается здѣсь строжайшему осужденію.

— Особенно барыни на этотъ счетъ сердиты, замѣтилъ Петръ Васильичъ.

— Да, возразила вдова:—бѣда попасть къ нимъ на зубокъ! Впрочемъ, я съ ними не знаюсь вовсе; сплетни ихъ не проникаютъ въ мое пустынное убѣжище.

— И вамъ не скучно? спросилъ Борисъ Андреичъ.

— Скучно? Нѣтъ. Я читаю.... А когда книги мнѣ надоѣдаютъ, мечтаю, гадаю о будущемъ, задаю вопросы своей судьбѣ.

— Будто вы гадаете? спросилъ Петръ Васильичъ.

Вдова снисходительно улыбнулась.

— Почему же и не гадать? Я уже довольно стара для этого.

— О, что̀ вы-съ! возразилъ Петръ Васильичъ.

Софья Кирилловна, прищурившись, посмотрѣла на него.

— Впрочемъ, бросимте этотъ разговоръ, промолвила она и съ живостью обратилась къ Борису Андреичу:—послушайте, мсьё Вязовнинъ, я увѣрена, что вы интересуетесь русской литературой?

— Да.... конечно, я....

Вязовнинъ любилъ читать, но собственно по-русски читалъ неохотно и мало. Особенно новѣйшая словесность была ему незнакома: онъ остановился на Пушкинѣ.

— Скажите, пожалуйста, отчего Марлинскій въ послѣднее время впалъ въ такую немилость? Это, по моему, въ высшей степени несправедливо. Вы какого о немъ мнѣнія?

— Марлинскій писатель съ достоинствами, конечно, возразилъ Борисъ Андреичъ.

— Онъ поэтъ; онъ уноситъ воображеніе въ міръ.... въ какой-то очаровательный, чудесный міръ; а въ нынѣшнее время все стали описывать ежедневное. Ну, помилуйте, что̀ хорошаго въ этой ежедневной жизни, здѣсь на землѣ...

И Софья Кирилловна провела рукой вокругъ себя.

Борисъ Андреичъ значительно посмотрѣлъ на Софью Кирилловну.

— Я не согласенъ съ вами. Я нахожу много хорошаго и здѣсь, сказалъ онъ, съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

Софья Кирилловна внезапно засмѣялась какимъ-то рѣзкимъ смѣхомъ, а Петръ Васильичъ также внезапно поднялъ голову, подумалъ и опять принялся курить. Разговоръ продолжался въ томъ же родѣ, какъ начался, до самаго обѣда, безпрестанно переходя отъ одного предмета къ другому, чего не случается, когда разговоръ становится дѣйствительно занимательнымъ. Между прочимъ рѣчь зашла и о бракѣ, о его выгодахъ и невы-

годахъ, и о положеніи женщинъ вообще. Софья Кирилловна сильно возставала противъ брака, пришла наконецъ въ волненіе и, почувствовавъ жаръ, выражалась очень краснорѣчиво, хотя собесѣдники ея ей почти не противорѣчили: она не даромъ любила Марлинскаго. Она также умѣла кстати прибѣгнуть къ украшеніямъ новѣйшаго слога. Слова: артистическій, художественность, обусловливать, такъ и сыпались изъ ея устъ.

— Что можетъ быть для женщины дороже свободы—свободы мыслей, чувствъ, поступковъ! воскликнула она, наконецъ.

— Да позвольте, перебилъ ее Петръ Васильичъ, лицо котораго понемногу начинало принимать выраженіе недовольное:— на что женщинѣ свобода? что она съ нею сдѣлаетъ?

— Какъ что? А мужчинѣ она, по вашему, нужна? То-то и есть вы, господа....

— Да и мужчинѣ она не нужна, перебилъ ее опять Петръ Васильичъ.

— Какъ не нужна?

— Да также не нужна. На что она, эта хваленая свобода, человѣку? Человѣкъ свободный — это дѣло извѣстное — либо скучаетъ, либо дурачится.

— Стало быть, замѣтила Софья Кирилловна, съ ироническою усмѣшкой:—вы скучаете, потому что, зная васъ за человѣка благоразумнаго, я не могу предполагать, чтобы вы дурачились, какъ вы говорите.

— Случается и то и другое, спокойно промолвилъ Петръ Васильичъ.

— Вотъ это мило! Впрочемъ, я должна быть благодарна вашей скукѣ за то, что имѣю удовольствіе видѣть васъ сегодня у себя....

И довольная ловкимъ оборотомъ своей фразы, хозяйка слегка закинулась назадъ и произнесла въ полголоса:

— Вашъ пріятель, я вижу, любитъ парадоксы, Мг Вязовнинъ.

— Я этого не замѣтилъ, возразилъ Борисъ Андреичъ.

— Что я люблю? спросилъ Петръ Васильичъ.

— Парадоксы.

Петръ Васильичъ посмотрѣлъ въ глаза Софья Кирилловнѣ и ничего не отвѣтилъ ей, а только подумалъ про себя:

«Я—такъ знаю, что ты любишь....»

Мальчикъ съ краснымъ жилетомъ вошелъ и доложилъ, что обѣдъ готовъ.

— Милости просимъ, сказала хозяйка, поднимаясь съ дивана.

И всѣ перешли въ столовую.

Обѣдъ не понравился гостямъ. Петръ Васильевичъ всталъ изъ-за стола голодный, хотя блюдъ было много; а Борисъ Андреичъ, какъ гастрономъ, остался недоволенъ, хотя кушанья приносились подъ жестяными колпаками и тарелки подавались грѣтыя. Вина тоже оказались плохими, несмотря на великолѣпные, золотомъ и серебромъ украшенные, ярлыки на бутылкахъ. Софья Кирилловна не переставала разговаривать,—только повременамъ бросала выразительныя взоры на подававшихъ людей, и винцо она попивала порядкомъ, причемъ замѣчала, что въ Англіи всѣ дамы употребляютъ вино, а здѣсь и это считается неприличнымъ. Послѣ обѣда хозяйка пригласила Бориса Андреича и Петра Васильевича обратно въ гостинную и спросила у нихъ, что они предпочитаютъ — кофе или желтый чай. Борисъ Андреичъ пожелалъ чаю и, выпивъ свою чашку, внутренно сожалѣлъ о томъ, что не попросилъ кофею; а Петръ Васильичъ пожелалъ кофею и, выпивъ свою чашку, спросилъ чаю, отвѣдалъ и поставилъ чашку обратно на подносъ. Хозяйка усѣлась, закурила папироску и, повидимому, не прочь была затѣять самую оживленную бесѣду: глаза у ней разгорѣлись и смуглыя щеки покраснѣли. Но гости отвѣчали вяло на ея бойкія рѣчи, занимались больше куреніемъ и, судя по взорамъ ихъ, внезапно устремленнымъ въ углы комнаты, думали объ отъѣздѣ. Впрочемъ, Борисъ Андреичъ, вѣроятно согласился бы остаться до вечера: онъ уже вступилъ было въ преніе съ Софьей Кирилловной по поводу кокетливаго ея вопроса: не удивляется ли онъ тому, что она живетъ одна, безъ компаньонки? но Петръ Васильичъ явно торопился домой. Онъ всталъ, вышелъ въ переднюю и приказалъ заложить лошадей. Когда же наконецъ оба пріятеля стали прощаться, а хозяйка начала ихъ удерживать и любезно выговаривать имъ, что они такъ мало посидѣли у ней, то Борисъ Андреичъ нерѣшительнымъ наклоненіемъ своего стана и осклабленнымъ выраженіемъ лица по-

казывалъ по-крайней-мѣрѣ, что упреки ея на него дѣйствуютъ; но Петръ Васильичъ, напротивъ, то-и-дѣло бормоталъ: «никакъ нельзя-съ, пора ѣхать-съ, дѣла-съ, теперь мѣсячно», и упорно пятился назадъ къ двери. Софья Кирилловна взяла съ нихъ, однако, слово, что они на дняхъ опять посѣтятъ ее, и сама протянула имъ руку для англійскаго shake-hands. Борисъ Андреичъ одинъ воспользовался ея предложеніемъ и довольно-таки крѣпко пожалъ ея пальцы. Она прищурилась и улыбнулась. Въ это мгновенье Петръ Васильичъ уже надѣвалъ въ передней шинель въ рукава.

Коляска не успѣла еще выѣхать изъ деревни, какъ онъ первый нарушилъ молчанье, воскликнувъ:

— Не то, не то, нѣтъ, не годится, не то!

— Что вы хотите сказать? спросилъ его Борисъ Андреичъ.

— Не то, не то, повторялъ Петръ Васильичъ, глядя въ сторону и слегка отвернувшись.

— Если вы это говорите про Софью Кирилловну, то я съ вами не согласенъ: она очень милая дама,—съ претензіями, но милая.

— Еще бы! конечно, еслибъ только для того, чтобы, напримѣръ.... Но вѣдь я съ какою цѣлью желалъ васъ съ нею познакомить?

Борисъ Андреичъ не отвѣчалъ.

— Ужь я вамъ говорю, не то. Самъ вижу. Это мнѣ нравится, говоритъ о себѣ: «я эпикурейка.» Да позвольте: вотъ у меня на правой сторонѣ двухъ зубовъ недостаетъ—развѣ я говорю объ этомъ? И безъ моихъ словъ всѣ увидятъ. И, притомъ, какая она хозяйка! чуть съ голоду не уморила. Нѣтъ, по-моему, будь развязная, будь начитанная, коли ужь такъ тебя повернуло, будь съ бонъ-тономъ, но будь хозяйка прежде всего. Нѣтъ, не то, не то, не того вамъ надо. Этими красными жилетами да колпаками на блюдахъ васъ не удивишь.

— Да развѣ вамъ нужно, чтобъ меня удивили? спросилъ Борисъ Андреичъ.

— Ужь я знаю, что вамъ нужно,—теперь я знаю.

— Увѣряю васъ, что я благодаренъ вамъ за знакомство съ Софьей Кирилловной.

— Тѣмъ лучше; но она, я повторяю, не то.

Пріятели поздно вернулись домой. Уходя отъ Бориса Андреича, Петръ Васильичъ взялъ его за руку и промолвилъ:

— А я все-таки отъ васъ не отстану, слова я вашего вамъ не возвращаю.

— Помилуйте, я къ вашимъ услугамъ, возразилъ Борисъ Андреичъ.

— Ну, и прекрасно!

И Петръ Васильичъ удалился.

Цѣлая недѣля прошла опять обыкновеннымъ порядкомъ, съ тою, однако, особенностью, что Петръ Васильичъ отлучался куда-то на цѣлый день. Наконецъ, въ одно утро, явился онъ, опять одѣтый по праздничному и опять предложилъ Борису Андреичу съѣздить съ нимъ въ гости. Борисъ Андреичъ, который, какъ видно, ожидалъ этого приглашенія съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, безпрекословно повиновался.

— Куда вы теперь меня везете? спросилъ онъ Петра Васильича, сидя съ нимъ рядомъ уже въ саняхъ.

Со времени ихъ поѣздки къ Софьѣ Кирилловнѣ зима успѣла стать.

— Я везу васъ теперь, Борисъ Андреичъ, отвѣтилъ Петръ Васильичъ съ разстановкой:—въ одинъ очень почтенный домъ—къ Тиходуевымъ. Это препочтенное семейство. Старикъ служилъ полковникомъ и прекраснѣйшій человѣкъ. Жена его тоже прекраснѣйшая дама. У нихъ двѣ дочери, чрезвычайно любезныя особы, воспитаны отлично, и состояніе есть. Не знаю, какая вамъ больше понравится: одна, этакъ, будетъ поживѣе, другая—потише; другая-то, признаться, уже слишкомъ робка. Но обѣ могутъ за себя постоять. Вотъ вы увидите.

— Хорошо, увижу, возразилъ Борисъ Андреичъ, и подумалъ про себя: «словно семейство Лариныхъ изъ Онѣгина.»

И, помилости ли этого воспоминанія, по другой ли какой причинѣ, черты его лица приняли на нѣкоторое время видъ разочарованный и скучающій.

— Какъ зовутъ отца? спросилъ онъ небрежно.

— Его зовутъ Калимонъ Иванычъ, отвѣтилъ Петръ Васильичъ.

— Калимонъ! что́ за имя!... А мать?

— А мать зовутъ Пелагеей Ивановной.

— А дочерей какъ зовутъ?

— Одну тоже Пелагеей, а другую—Эмеренціей.

— Эмеренціей? я такого имени отъ роду не слыхалъ.... и еще Калимоновной!

— Да, имя точно немножко странное.... Но какая зато дѣвица! просто, можно сказать, вся составлена изъ какого-то добродѣтельнаго огня.

— Петръ Васильевичъ, помилуйте! какъ вы поэтически выражаетесь! А какая изъ нихъ Эмеренція—та, что̀ потише?

— Нѣтъ, другая.... Да вотъ вы сами увидите.

— Эмеренція Калимоновна! воскликнулъ еще разъ Вязовнинъ.

— Мать зоветъ ее Emérance, въ-полголоса замѣтилъ Петръ Васильичъ.

— А мужа своего—Calimon?

— Этого я не слыхалъ. Да вотъ погодите.

— Подожду.

До Тиходуевыхъ было тоже верстъ около двадцати пяти, какъ до Софьи Кирилловны: но старинная усадьба ихъ нисколько не походила на щегольской домикъ развязной вдовы. Это было неуклюжее строеніе, просторное и пространное, какая-то масса темнаго тесу, съ темными стеклами въ окнахъ. По бокамъ стояли въ два ряда высокія березы; изъ-за крыши виднѣлись бурыя вершины огромныхъ липъ — весь домъ словно оброслъ кругомъ: лѣтомъ растительность эта, вѣроятно, оживляла видъ усадьбы, зимой она придавала ей еще больше унынія. Впечатлѣніе, производимое внутренностью дома, тоже не могло назваться веселымъ: все въ немъ было мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Пріятели велѣли доложить о себѣ; ихъ провели въ гостиную. Хозяева встали имъ на встрѣчу, но долгое время могли привѣтствовать ихъ только знаками и тѣлодвиженіями, на которыя гости съ своей стороны отвѣчали однѣми улыбками и поклонами: такой ужасный лай подняли четыре бѣлыхъ шавки, соскочившія, при появленіи чужихъ лицъ, съ шитыхъ подушекъ, на которыхъ лежали. Кое-какъ, хлопаньемъ по воздуху носовыми платками и другими средствами, успокоили разъярившихся собачонокъ, а одну изъ нихъ, самую старую и самую злую, вошедшая дѣвка принуждена была вытащить изъ-подъ скамейки и уне-

сти въ спальню, при чемъ потерпѣла укушеніе въ правую руку.

Петръ Васильичъ воспользовался возстановившеюся тишиной и представилъ Бориса Андреича хозяевамъ. Хозяева объявили въ одинъ голосъ, что очень рады новому знакомству; потомъ Калимонъ Иванычъ представилъ Борису Андреичу своихъ дочерей, называя ихъ Полинькой и Эминькой. Въ гостинной находились еще двѣ женскія личности, уже не молодыя: одна—въ чепцѣ, другая—въ темномъ платочкѣ; но Калимонъ Иванычъ не почелъ нужнымъ познакомить съ ними Бориса Андреича.

Калимонъ Иванычъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти-пяти, высокій, плотный, сѣдой; лицо его не выражало ничего особеннаго: черты тяжолыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія, доброты и лѣни. Жена его, маленькая, худая, съ изношеннымъ личикомъ, съ накладкой красноватыхъ волосъ подъ высокимъ чепцомъ, казалась въ вѣчной тревогѣ; въ ней замѣчались слѣды давно прошедшаго жеманства. Изъ дочерей, одна, Пелагея, черноволосая и смуглая, глядѣла изъ-подлобья и дичилась; другая, напротивъ, Эмеренція, бѣлокурая, полная, съ круглыми красными щеками, съ маленькимъ съеженнымъ ротикомъ, вздернутымъ носикомъ и сладкими глазками, такъ и выдавалась впередъ; видно было, что обязанность занимать гостей лежала на ея отвѣтственности и нисколько ея не тяготила. На обѣихъ сестрахъ были бѣлыя платья, со вздымавшимися отъ малѣйшаго движенія голубыми лентами. Голубое шло къ Эмеренціи, но не шло къ Полинькѣ.... да врядъ ли что нибудь могло идти къ ней, хотя ее нельзя было назвать некрасивой. Гости усѣлись; хозяева предложили имъ обычные вопросы, произносимые съ тѣмъ приторнымъ и натянутымъ выраженіемъ лица, которое является у самыхъ порядочныхъ людей въ первыя мгновенья разговора съ новымъ знакомымъ; гости возражали такимъ же образомъ. Все это производило довольно тягостное впечатлѣніе. Калимонъ Иванычъ, не будучи очень находчивъ отъ природы, спросилъ Бориса Андреича, «давно ли онъ поселился въ нашихъ краяхъ», а Борисъ Андреичъ только что успѣлъ отвѣтить Пелагеѣ Ивановнѣ на этотъ же самый вопросъ. Пелагея Ивановна очень нѣжнымъ голосомъ, — голосомъ, который всегда употребляется при гостяхъ въ день ихъ перваго посѣщенія,—

упрекнула своего мужа въ разсѣянности; Калимонъ Ивынычъ немного смутился и громко высморкался въ клѣтчатый носовой платокъ. Звукъ этотъ взволновалъ одну шавку, и она залаяла; но Эмеренція тотчасъ нашлась и, приласкавъ ее, успокоила. Та же самая дѣвица съумѣла оказать другую услугу своимъ нѣсколько уже потерявшимся родителямъ: она оживила разговоръ, скромно, но съ твердостью, подсѣвъ къ Борису Андреичу и предложивъ ему, въ свою очередь, съ самымъ умильнымъ видомъ, вопросы хотя незначительные, но пріятные и способные вызвать веселые отвѣты. Дѣло скоро пошло на ладъ, и завязалось общее преніе, въ которомъ одна Полинька не принимала участія. Она съ упорствомъ глядѣла на полъ, между тѣмъ какъ Эмеренція даже смѣялась, граціозно приподнявъ одну руку, и въ то же время такъ держалась, какъ будто хотѣла сказать: «Смотрите, смотрите, какъ я благовоспитанна и любезна, и сколько во мнѣ милой игривости и расположенія ко всѣмъ людямъ!» Казалось, она и пришепётывала оттого, что ужь очень была добра. Она смѣялась, придавая смѣху своему сладостную растянутость, хотя Борисъ Андреичъ сначала не произносилъ ничего особенно забавнаго; она смѣялась потомъ еще болѣе, когда Борисъ Андреичъ, поощренный успѣхомъ словъ своихъ, началъ дѣйствительно острить и злословить.... Петръ Васильевичъ тоже смѣялся. Вязовнинъ замѣтилъ, между прочимъ, что онъ страстно любитъ музыку.

— А я какъ люблю музыку, такъ это просто ужасъ! воскликнула Эмеренція.

— Вы не только ее любите—вы сами превосходная музыкантша, замѣтилъ Петръ Васильичъ.

— Неужели? спросилъ Борисъ Андреичъ.

— Да, продолжалъ Петръ Васильичъ: и Эмеренція Калимоновна, и Пелагея Калимоновна, обѣ поютъ и на фортепьяно играютъ отлично,—особенно Эмеренція Калимоновна.

Услышавъ свое имя, Полинька вспыхнула и чуть не вскочила съ мѣста, а Эмеренція скромно потупила глаза.

— Ахъ, mesdemoiselles, заговорилъ Борисъ Андреичъ:—неужели вы не будете такъ добры.... не сдѣлаете мнѣ удовольствія....

— Я, право.... не знаю.... прошептала Эмеренція и, бро-

сивъ украдкой взглядъ на Петра Васильича, прибавила съ упрекомъ:—ахъ, какіе вы!

Но Петръ Васильичъ, какъ человѣкъ положительный, тотчасъ обратился къ самой хозяйкѣ.

— Пелагея Ивановна, сказалъ онъ: — прикажите вашимъ дочерямъ сыграть намъ что-нибудь или спѣть.

— Я не знаю, въ голосѣ ли онѣ сегодня, возразила Пелагея Ивановна:—но можно попробовать.

— Да, попробуйте, попробуйте, промолвилъ отецъ.

— Ахъ, maman, да какъ же можно....

— Эмерансъ, кандъ же ву ди.... проговорила, въ полголоса, но очень серьёзно, Пелагея Ивановна.

У ней была привычка, общая многимъ матерямъ, отдавать приказы или дѣлать наставленія своимъ дѣтямъ при другихъ людяхъ на французскомъ діалектѣ, хотя бы тѣ люди и понимали по-французски. И это было тѣмъ болѣе странно, что сама она довольно плохо знала этотъ языкъ и произносила дурно.

Эмеренція встала.

— Что же мы будемъ пѣть, maman? спросила она съ покорностью.

— Вашъ дуэтъ: онъ премиленькій. У моихъ дочерей, продолжала Пелагея Ивановна, обращаясь къ Борису Андреичу:— разные голоса: у Эмеренціи дишкантъ....

— Сопрано, вы хотите сказать?

— Да, да, сопрано. А у Полиньки контро-альтъ.

— А! контръ-альтъ! это очень пріятно.

— Я не могу сегодня пѣть, промолвила Полинька съ усиліемъ:—я охрипла.

Голосъ ея дѣйствительно походилъ болѣе на басъ, чѣмъ на контръ-альтъ.

— А! ну, въ такомъ случаѣ, Эмерансъ, спой намъ свою арію, ты знаешь, итальянскую, фаворитную; а Полинька тебѣ будетъ акомпанировать.

— Ту арію, гдѣ ты горошкомъ, горошкомъ, подтвердилъ отецъ.

— Бравурную, объяснила мать.

Обѣ дѣвицы подошли къ фортепьянамъ. Полинька подняла крышу, положила тетрадку рукописныхъ нотъ на пюпитръ и

сѣла, а Эмеренція стала подлѣ нея, едва замѣтно, но мило рисуясь подъ устремленными взорами Бориса Андреича и Петра Васильича, и по временамъ поднося платокъ къ губамъ. Наконецъ она запѣла, какъ бо̀льшей частью поютъ барышни—визгливо и не безъ завываній. Слова она произносила невнятно, но по инымъ носовымъ звукамъ можно было догадаться, что она поетъ по-итальянски. Подъ конецъ она дѣйствительно разсыпалась горошкомъ, къ большому удовольствію Калимона Иваныча—онъ слегка приподнялся въ креслахъ и воскликнулъ: «Хорошенько его!»—но послѣднюю трель она пустила ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало, такъ что сестра ея нѣсколько тактовъ сыграла уже одна. Это, однако же, не помѣшало Борису Андреичу изъявить свое удовольствіе и сказать Эмеренціи комплиментъ; а Петръ Васильичъ, повторивъ раза два: «очень, хорошо», прибавилъ: «нельзя ли теперь намъ чего нибудь русскаго, Соловья, напримѣръ, или Сарафанчика, или какую нибудь цыганскую пѣсенку? А то эти иностранныя штуки, правду сказать, не для нашего брата писаны.»

— И я съ вами согласенъ, промолвилъ Калимонъ Иванычъ.

— Шанте.... ле «Сарафанъ», замѣтила въ полголоса и съ прежней суровостью мать.

— Нѣтъ не «Сарафанъ», подхватилъ Калимонъ Иванычъ:— а «Мы двѣ цыганки», или «Скинь-ка шапку да пониже поклонись....» знаешь?

— Папа, ужь вы всегда такой! возразила Эмеренція и спѣла «Скинь-ка шапку», и довольно порядочно спѣла. Калимонъ Иванычъ подтягивалъ ей и подтопывалъ, а Петръ Васильичъ пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Вотъ это другое дѣло! Вотъ это понашенски! твердилъ онъ.—Утѣшили, Эмеренція Калимоновна!... Теперь я вижу, что вы имѣли право называть себя охотницей и мастерицей! Согласенъ: охотница и мастерица.

— Ахъ, какой вы нескромный! возразила Эмеренція и хотѣла возвратиться на свое мѣсто.

— Апрезанъ ле «Сарафанъ», проговорила мать.

Эмеренція спѣла Сарафанъ, не съ такимъ успѣхомъ, какъ «Скинь-ка шапку», но все-таки съ успѣхомъ.

— Теперь бы слѣдовало вамъ сыграть вашу сонату въ

четыре руки, замѣтила Пелагея Ивановна:—но ужь это лучше до другаго разу, а то, я боюсь, мы надоѣдимъ г–ну Вязовнину.

— Помилуйте.... началъ было Борисъ Андреичъ.

Но Полинька тотчасъ захлопнула фортепьяно, а Эмеренція объявила, что она устала. Борисъ Андреичъ почелъ за нужное повторить свой комплиментъ.

— Ахъ, Мг Вязовнинъ, отвѣчала она:—вы, я думаю, слышали не такихъ пѣвицъ: я воображаю, послѣ нихъ что̀ значитъ мое пѣнье.... Конечно, Бомеріусъ, когда онъ проѣзжалъ здѣсь, говорилъ мнѣ.... вѣдь вы, я думаю, слыхали про Бомеріуса?

— Нѣтъ; какой это Бомеріусъ?

— Ахъ, помилуйте! отличный скрыпачъ, въ Парижской Консерваторіи воспитывался, удивительный музыкантъ.... Онъ говорилъ мнѣ, что «mademoiselle, еслибъ съ вашимъ голосомъ да поучиться у хорошаго учителя, то это было бы просто удивительно.» Просто всѣ пальчики мнѣ перецаловалъ.... Но гдѣ здѣсь учиться?

И Эмеренція вздохнула.

— Да, конечно.... вѣжливо возразилъ Борисъ Андреичъ:— но съ вашимъ талантомъ.... Онъ замялся и еще вѣжливѣе глянулъ въ сторону.

— Эмерансъ, демандѐ, пуркуа ке ле динѐ, проговорила Пелагея Ивановна.

— Oui, maman, возразила Эмеренція и вышла, пріятно подпрыгнувъ передъ дверью.

Она бы не подпрыгнула, еслибъ не было гостей. А Борисъ Андреичъ направился къ Полинькѣ.

«Коли это семейство Лариныхъ—подумалъ онъ—такъ ужь не Татьяна ли она?»

И онъ подошелъ къ Полинькѣ, которая не безъ ужаса слѣдила за его приближеніемъ.

— Вы прелестно акомпанировали вашей сестрицѣ, началъ онъ:—прелестно!

— Полинька ничего не отвѣчала, только покраснѣла до самыхъ ушей.

— Мнѣ очень жаль, что мнѣ не удалось услышать вашъ дуэтъ.... Изъ какой онъ оперы?

Глаза Полиньки безпокойно забѣгали.

Вязовнинъ подождалъ ея отвѣта; отвѣта не было.

— Какую вы больше музыку любите? спросилъ онъ, погодя немного:—итальянскую или нѣмецкую?

Полинька потупилась.

— Пелажи, репонде донкъ, раздался взволнованный шопотъ Пелагеи Ивановны.

— Всякую, торопливо произнесла Полинька.

— Однако, какъ же всякую? возразилъ Борисъ Андреичъ.— Это трудно предположить. Напримѣръ, Бетховенъ—геній первой величины, и между тѣмъ онъ оцѣненъ не всѣми.

— Нѣтъ–съ, отвѣчала Полинька.

— Искусство безконечно разнообразно, продолжалъ неугомонный Борисъ Андреичъ.

— Да–съ, отвѣчала Полинька.

Разговоръ между ними длился недолго.

«Нѣтъ — думалъ Борисъ Андреичъ, отходя отъ нея—какая это Татьяна! это просто олицетворенный трепетъ...»

А бѣдная Полинька въ тотъ день, ложась спать, со слезами жаловалась своей горничной, какъ къ ней сегодня гость приставалъ съ музыкой, и какъ она не знала, что̀ отвѣчать ему, и какъ она несчастна бываетъ, когда пріѣзжаютъ гости: только маменька потомъ бранится—вотъ и все удовольствіе...

За обѣдомъ Борисъ Андреичъ сидѣлъ между Калимономъ Иванычемъ и Эмеренціей. Обѣдъ былъ русскій, безъ затѣй, но сытный и Петру Васильичу гораздо болѣе пришелся по вкусу, чѣмъ ухищренныя яства вдовы. Подлѣ него сидѣла Полинька и, побѣдивъ наконецъ свою робость, по–крайней мѣрѣ отвѣчала на его вопросы. За то Эмеренція такъ усердно занимала своего сосѣда, что ему, наконецъ, пришлось не въ–мочь. У ней была привычка гнуть голову направо, поднося ко рту кусокъ слѣва,—словно она заигрывала съ нимъ; и эта привычка очень не нравилась Борису Андреичу. Не нравилось ему также и то, что она безпрестанно говорила о самой себѣ, съ чувствомъ довѣряя ему самыя мелкія подробности своей жизни,—но, какъ человѣкъ вѣжливый, онъ нисколько не обнаруживалъ ощущеній своихъ, такъ что наблюдавшій за ними черезъ столъ Петръ Васильичъ рѣшительно не могъ отдать себѣ отчета, какого рода впечатлѣніе производила на него Эмеренція.

Послѣ обѣда Калимонъ Иванычъ внезапно погрузился въ задумчивость, или говоря прямѣе, слегка осовѣлъ; онъ привыкъ спать въ это время, и хотя, замѣтивъ, что гости собираются уѣхать, нѣсколько разъ промолвилъ: «да зачѣмъ же, господа, почему? въ карточки бы!...», однако, въ душѣ былъ доволенъ, когда увидалъ наконецъ, что они уже шапки въ руки взяли. Пелагея Ивановна, напротивъ, тутъ–то и оживилась и съ особенной настойчивостью удерживала гостей. Эмеренція усердно помогала ей и всячески старалась уговаривать ихъ остаться; даже Полинька сказала имъ: mais, messieurs... Петръ Васильичъ не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ и все поглядывалъ на своего товарища; зато Борисъ Андреичъ вѣжливо, но твердо настоялъ на необходимости возвратиться домой. Словомъ, дѣло вышло наоборотъ тому, какъ оно происходило при прощаньи съ Софьей Кирилловной. Давъ слово въ скорости повторить свое посѣщеніе, гости, наконецъ, удалились; привѣтливые взоры Эмеренціи сопровождали ихъ до самой столовой, а Калимонъ Иванычъ вышелъ даже въ переднюю и, посмотрѣвъ, какъ проворный слуга Бориса Андреича закуталъ господъ въ шубы, навязалъ имъ шарфы и натянулъ на ихъ ноги теплые сапоги, вернулся въ свой кабинетъ и немедленно заснулъ, между тѣмъ какъ Полинька, пристыженная своею матерью, ушла къ себѣ наверхъ, а двѣ безмолвныя женскія личности, одна въ чепцѣ, другая въ темномъ платочкѣ, поздравляли Эмеренцію съ новой побѣдой.

Пріятели ѣхали молча. Борисъ Андреичъ улыбался про себя, заслоненный отъ Петра Васильича приподнятымъ воротникомъ енотовой своей шубы, и ждалъ, что–то онъ скажетъ.

— Опять не то! воскликнулъ Петръ Васильичъ.

Но на этотъ разъ въ голосѣ его замѣчалась какая-то нерѣшительность, и онъ, силясь взглянуть на Бориса Андреича черезъ воротникъ своей шубы, прибавилъ вопросительнымъ голосомъ:

— Вѣдь не правда ли, не то?

— Не то, со смѣхомъ отвѣчалъ Борисъ Андреичъ.

— Я такъ и думалъ, возразилъ Петръ Васильичъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:—однако, въ сущности, почему же не то? Чего не достаетъ этой дѣвицѣ?

— Ей ничего не достаетъ. Напротивъ, у ней всего слишкомъ....

— То есть какъ это слишкомъ?

— Да такъ!

— Позвольте, Борисъ Андреичъ, я васъ не понимаю. Если вы говорите насчетъ образованности, то развѣ это худо? А что̀ касается до характера, до поведенія....

— Эхъ, Петръ Васильичъ, возразилъ Борисъ Андреичъ:—я вамъ удивляюсь, какъ вы, съ вашимъ яснымъ взглядомъ на вещи, не видите насквозь эту сюсюкающую Эмеренцію! Эта приторная любезность, это постоянное самообожаніе, это скромное убѣжденіе въ собственныхъ достоинствахъ, эта снисходительность ангела, смотрящаго на насъ съ вышины небесъ.... да что и говорить! ужь если на то пошло, и въ случаѣ необходимости, я въ двадцать разъ охотнѣе женился бы на ея сестрѣ: та по-крайней-мѣрѣ умѣетъ молчать!

— Конечно, вы правы, отвѣтилъ въ полголоса бѣдный Петръ Васильичъ.

Внезапная выходка Бориса Андреича его озадачила.

«Нѣтъ — сказалъ онъ самому себѣ, и сказалъ это въ первый разъ послѣ своего знакомства съ Вязовнинымъ: этотъ мнѣ не пара.... слишкомъ ученъ.»

А Вязовнинъ, съ своей стороны, думалъ, глядя на луну, стоявшую низко надъ бѣлой чертой небосклона: «И это словно изъ Онѣгина....

Кругла, красна лицомъ она....

Но хорошъ мой Ленскій, и хорошъ я, Онѣгинъ!»

— Пошелъ, пошелъ Ларюшка! прибавилъ онъ громко.

И Ларюшка, кучеръ съ сѣдой бородой, погналъ лошадей.

— Такъ не то? шутливо спросилъ Борисъ Андреичъ Петра Васильича, вылѣзая, съ помощью лакея, изъ саней и взбираясь на крыльцо своего дома:—а, Петръ Васильичъ?

Но Петръ Васильичъ ничего не отвѣчалъ и отправился ночевать къ себѣ. А Эмеренція на другой день писала своей пріятельницѣ (она вела огромную и дѣятельную переписку): «Вчера у насъ былъ новый гость, сосѣдъ Вязовнинъ. Онъ очень милый и любезный человѣкъ, сейчасъ видно, что очень обра-

зованный, и — сказать тебѣ на ушко? — мнѣ сдается, я произвела на него довольно сильное впечатлѣніе.... Но не безпокойся, mon amie: мое сердце не было затронуто, и Валентину опасаться нечего.»

Этотъ Валентинъ былъ учитель въ губернской гимназіи. Въ городѣ пускался онъ во всѣ тяжкія, а въ деревнѣ вздыхалъ по Эмеренціи, платонически и безнадежно.

А пріятели, по обыкновенію, сошлись снова на другое утро, и жизнь ихъ потекла прежнимъ порядкомъ.

Прошло двѣ недѣли. Борисъ Андреичъ ежедневно ожидалъ новаго приглашенія; но Петръ Васильичъ, кажется, совершенно отказался отъ своихъ намѣреній. Борисъ Андреичъ самъ начиналъ заговаривать о вдовѣ, о Тиходуевыхъ, намекалъ на то, что всякую вещь должно испытать до трехъ разъ; но Петръ Васильичъ и не показывалъ виду, что понимаетъ его намеки. Наконецъ, Борисъ Андреичъ въ одинъ день не выдержалъ и началъ такъ:

— Что жь это, Петръ Васильичъ? видно теперь моя очередь напоминать вамъ ваши обѣщанія?

— Какія обѣщанія?

— А помните, вы хотѣли женить меня? Я жду. Петръ Васильичъ повернулся на стулѣ.

— Да вѣдь вишь вы какіе разборчивые! Съ вами не сообразишь. Богъ васъ знаетъ! На вашъ вкусъ здѣсь у насъ, должно быть, и невѣстъ-то нѣту.

— Это не хорошо, Петръ Васильичъ. Вы не должны такъ скоро отчаяваться. Съ первыхъ двухъ разъ не удалось — это еще не бѣда. Притомъ же, мнѣ вдова понравилась. Если вы отъ меня откажетесь, я къ ней поѣду.

— Что жь, поѣзжайте,—съ Богомъ.

— Петръ Васильичъ, увѣряю васъ, я не шутя желаю жениться. Повезите меня куда нибудь еще.

— Да право же нѣтъ больше никого въ цѣломъ околоткѣ.

— Этого быть не можетъ, Петръ Васильичъ. Будто здѣсь, по сосѣдству, нѣтъ ни одной хорошенькой?

— Какъ не быть, да не вамъ чета.

— Однако, назовите какую-нибудь.

Петръ Васильичъ стиснулъ зубами янтарь чубука.

— Да вотъ хотя бы Вѣрочка Барсукова, промолвилъ онъ наконецъ:—чего лучше? Только не для васъ.

— Отчего?

— Слишкомъ проста.

— Тѣмъ лучше, Петръ Васильичъ, тѣмъ лучше!

— И отецъ такой чудакъ.

— И это не бѣда.... Петръ Васильичъ, другъ мой, познакомьте меня съ этой.... какъ бишь вы ее назвали?...

— Барсуковой.

— Съ Барсуковой.... пожалуйста....

И Борисъ Андреичъ не далъ покоя Петру Васильичу, пока тотъ не обѣщалъ свезти его къ Барсуковымъ.

Дня два спустя, они поѣхали къ нимъ.

Семейство Барсуковыхъ состояло изъ двухъ лицъ: отца, лѣтъ пятидесяти, и дочери, девятнадцати лѣтъ. Петръ Васильичъ недаромъ назвалъ отца чудакомъ: онъ былъ дѣйствительно чудакъ первой руки. Окончивъ блестящимъ образомъ курсъ ученія въ казенномъ заведеніи, онъ вступилъ въ морскую службу и скоро обратилъ на себя вниманіе начальства, но вышелъ въ отставку, женился, поселился въ деревнѣ и понемногу такъ облѣнился и опустился, что, наконецъ, не только никуда не выѣзжалъ—не выходилъ даже изъ комнаты. Въ коротенькомъ заячьемъ тулупчикѣ и въ туфляхъ безъ задковъ, заложивъ руки въ карманы шароваръ, ходилъ онъ по цѣлымъ днямъ изъ угла въ уголъ, то напѣвая, то насвистывая, и, что̀ бы ему ни говорили, съ улыбкой на все отвѣчалъ: «брау, брау!», то есть: браво, браво!

— Знаете ли что́, Степанъ Петровичъ, говорилъ ему, напримѣръ, заѣхавшій сосѣдъ—а сосѣди охотно къ нему заѣзжали, потому что хлѣбосольнѣе и радушнѣе его не было человѣка на свѣтѣ:—знаете ли, говорятъ, въ Бѣлевѣ цѣна на рожь дошла до тринадцати рублей ассигнаціями.

— Брау, брау! спокойно отвѣчалъ Барсуковъ, который только что продалъ ее по семи съ полтиной.

— А слышали вы, сосѣдъ вашъ Павелъ Ѳомичъ двадцать тысячь въ карты проигралъ?

— Брау, брау! также спокойно отвѣчалъ Барсуковъ.

— Въ Шлыковѣ падежъ, замѣчалъ тутъ же сидѣвшій другой сосѣдъ.

— Брау, брау!...

— Лапина барышня съ управителемъ сбѣжала....

— Брау, брау, брау!

И такъ безъ конца. — Докладывали ль ему, что лошадь у него захромала, что пріѣхалъ жидъ съ товаромъ, что стѣнные часы со стѣны пропали, что мальчикъ зашвырнулъ куда-то свои сапоги,—только и слышали отъ него—что «брау, брау!» И между тѣмъ въ домѣ его не было замѣтно слишкомъ большаго безпорядка: мужики его благоденствовали, и долговъ онъ не дѣлалъ. Наружность Барсукова располагала въ его пользу: его круглое лицо, съ большими карими глазами, тонкимъ, правильнымъ носомъ и румяными губами, поражало своей почти юношеской свѣжестью. Свѣжесть эта казалась еще ярче отъ снѣжной бѣлизны его волосъ; легкая улыбка почти постоянно играла на его губахъ, и не столько на его губахъ, сколько въ ямочкахъ на щекахъ; онъ никогда не смѣялся, но иногда, весьма рѣдко, хохоталъ истерически и всякій разъ потомъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Говорилъ онъ, кромѣ обычнаго своего восклицанія, очень мало, и то только самое необходимое, придерживаясь притомъ всевозможныхъ сокращеній.

Его дочь, Вѣрочка, очень на него походила, и лицомъ и выраженіемъ темныхъ глазъ, казавшихся еще темнѣе отъ нѣжнаго цвѣта бѣлокурыхъ волосъ, и улыбкой. Она была небольшого роста, миловидно сложена; въ ней не было ничего особенно привлекательнаго, но стоило взглянуть на нее или услышать ея голосокъ, чтобы сказать себѣ: «вотъ доброе существо!» Отецъ и дочь очень любили другъ друга. Все домашнее хозяйство находилось на ея рукахъ, и она охотно имъ занималась.... другихъ занятій она не знала. Петръ Васильичъ недаромъ назвалъ ее простою.

Когда Петръ Васильичъ съ Борисомъ Андреичемъ пріѣхали къ Барсукову, онъ, по обыкновенію, ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету. Этотъ кабинетъ, который можно было назвать и гостиной и столовой, потому что въ немъ принимались гости и накрывался столъ, занималъ около половины всего небольшаго домика Степана Петровича. Мебель въ немъ была

некрасивая, но покойная; во всю длину одной изъ стѣнъ стоялъ диванъ чрезвычайно широкій, мягкій и съ великимъ множествомъ подушекъ,—диванъ, хорошо извѣстный всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ. Правду сказать, отлично лежалось на этомъ диванѣ. Въ остальныхъ комнатахъ стояли одни стулья, да кой-какіе столики, да шкапы; всѣ эти комнаты были проходныя, и въ нихъ никто не жилъ. Маленькая спальня Вѣрочки выходила въ садъ, и, кромѣ чистенькой ея кровати, да умывальнаго столика съ зеркальцемъ, да одного кресла, въ ней тоже мебели не было; за то вездѣ по угламъ стояли бутыли съ наливками и банки съ вареньями, перемѣченныя рукою самой Вѣрочки.

Войдя въ переднюю, Петръ Васильичъ хотѣлъ было велѣть доложить о себѣ и о Борисѣ Андреичѣ, но случившійся тутъ мальчикъ въ долгополомъ сюртукѣ только взглянулъ на него и, начавъ стаскивать съ него шубу, примолвилъ: «пожалуйте-съ.» Пріятели, вошли въ кабинетъ къ Степану Петровичу. Петръ Васильичъ представилъ ему Бориса Андреича.

Степанъ Петровичъ пожалъ ему руку, проговорилъ: — «Радъ.... весьма. Озябли.... Водки?» И, указавъ головой на закуску, стоявшую на столикѣ, принялся снова ходить по комнатѣ.

Борисъ Андреичъ выпилъ рюмку водки, за нимъ Петръ Васильичъ, и оба усѣлись на широкомъ диванѣ со множествомъ подушекъ. Борису Андреичу тутъ же показалось, какъ будто онъ вѣкъ свой сидѣлъ на этомъ диванѣ и давнымъ-давно знакомъ съ хозяиномъ дома. Точно такое же ощущеніе испытывали всѣ пріѣзжавшіе къ Барсукову.

Онъ былъ въ тотъ день не одинъ; впрочемъ, его рѣдко можно было застать одного. У него сидѣла какая-то приказная строка, со старушечьимъ сморщеннымъ лицомъ, ястребинымъ носомъ и безпокойными глазами, совершенно истасканное существо, недавно служившее въ тепломъ мѣстечкѣ, а въ настоящее время находившееся подъ судомъ. Держась одною рукою за галстухъ, а другою—за переднюю часть фрака, этотъ господинъ слѣдилъ взоромъ за Степаномъ Петровичемъ и, подождавъ, пока усядутся гости, проговорилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Эхъ, Степанъ Петровичъ, Степанъ Петровичъ! осуждать

человѣка легко; но знаете ли вы поговорку: «грѣшенъ честный, грѣшенъ плутъ, всѣ грѣхомъ живутъ, яко же и мы»?

— Брау.... произнесъ было Степанъ Петровичъ, но остановился и промолвилъ:—поговорка скверная.

— Кто говоритъ! конечно, скверная, возразилъ истасканный господинъ:—но что прикажите дѣлать! Вѣдь нужда-то не свой братъ: вытравитъ изъ тебя честность-то. Вотъ я готовъ на сихъ господъ-дворянъ сослаться, если только имъ угодно будетъ выслушать обстоятельства моего дѣла....

— Можно курить? спросилъ Борисъ Андреичъ хозяина.

Хозяинъ кивнулъ головой.

— Конечно, продолжалъ господинъ: — и я, можетъ быть, не разъ досадовалъ и на себя и на свѣтъ вообще, чувствовалъ, такъ сказать, благородное негодованіе....

— Подлецами выдумано, перебилъ его Степанъ Петровичъ.

Господинъ дрогнулъ.

— То есть какъ же это, Степанъ Петровичъ? Вы хотите сказать, что благородное негодованіе выдумано подлецами?

Степанъ Петровичъ опять головой кивнулъ.

Господинъ помолчалъ и вдругъ засмѣялся разбитымъ смѣхомъ, при чемъ обнаружилось, что у него ни одного зуба не оставалось, а говорилъ онъ довольно чисто

— Хе, хе, Степанъ Петровичъ, вы всегда такое скажете. Нашъ стряпчій недаромъ говоритъ про васъ, что вы настоящій каламбуристъ.

— Брау, брау! возразилъ Барсуковъ.

Въ это мгновеніе дверь отворилась и вошла Вѣрочка. Твердо и легко выступая, несла она на зеленомъ кругломъ подносѣ двѣ чашки кофею и сливочникъ. Темносѣрое платьице стройно обхватывало ея тонкій станъ. Борисъ Андреичъ и Петръ Васильичъ поднялись оба съ дивана; она присѣла имъ въ отвѣтъ, не выпуская изъ рукъ подноса, и, подойдя къ столу, поставила на него свою ношу, примолвивъ:

— Вотъ вамъ кофей.

— Брау, проговорилъ ея отецъ.—Еще двѣ, прибавилъ онъ, указывая на гостей.—Борисъ Андреичъ, моя дочь.

Борисъ Андреичъ вторично ей поклонился.

— Хотите вы кофею? спросила она, прямо и спокойно глядя ему въ глаза. До обѣда еще часа полтора.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ Борисъ Андреичъ.

Вѣрочка обернулась къ Крупицыну.

— А вы, Петръ Васильичъ.

— И я выпью.

— Сейчасъ. А давно я васъ не видала, Петръ Васильичъ.

Сказавъ это, Вѣрочка вышла.

Борисъ Андреичъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и, нагнувшись къ своему пріятелю, шепнулъ ему на ухо:

— Да она очень мила.... И какое свободное обхожденіе!...

— Привычка! возразилъ Петръ Васильичъ: вѣдь у нихъ здѣсь почитай что трактиръ. Одинъ изъ дверей, другой въ двери.

Какъ будто въ подтвержденіе словъ Петра Васильича, въ комнату вошелъ новый гость. Это былъ человѣкъ весьма обширный, или, говоря старинным словомъ, уцѣлѣвшимъ въ нашихъ краяхъ, облый, съ большимъ лицомъ, съ большими глазами и губами, съ большими взъерошенными волосами. Въ чертахъ его замѣчалось выраженіе постояннаго неудовольствія—кислое выраженіе. Одѣтъ онъ былъ въ очень просторное платье и на ходу переваливался всѣмъ тѣломъ. Онъ тяжко опустился на диванъ и только тогда сказалъ: «здравствуйте», не обращаясь, впрочемъ, ни къ кому изъ присутствующихъ.

— Водки? спросилъ его Степанъ Петровичъ.

— Нѣтъ! какое водки, отвѣчалъ новый гость:—не до водки. Здравствуйте, Петръ Васильичъ, прибавилъ онъ, оглянувшись.

— Здравствуйте, Михѣй Михѣичъ, отвѣтилъ Петръ Васильичъ:—откуда Богъ несетъ?

— Откуда? разумѣется изъ города. Вѣдь это вамъ только, счастливцамъ, не зачѣмъ въ городъ ѣхать. А я, по милости опеки, да вотъ этихъ сударковъ, прибавилъ онъ, ткнувъ пальцемъ въ направленіи господина, находившагося подъ судомъ:—всѣхъ лошадей загналъ, въ городъ таскавшись. Чтобъ ему пусто было!

— Михѣю Михѣичу наше нижайшее, проговорилъ господинъ, столь безцеремонно названный сударикомъ.

Михѣй Михѣичъ посмотрѣлъ на него.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, одно, началъ онъ, скрестивъ руки:—когда тебя наконецъ повѣсятъ?

Тотъ обидѣлся.

— А слѣдовало бы! Ей-ей, слѣдовало бы! Правительство къ вашему брату слишкомъ снисходительно — вотъ что! Вѣдь какая тебѣ оттого печаль, что ты подъ судомъ? Ровно никакой! Одно только, чай, досадно: теперь ужь нельзя — хабенъ зи гевезенъ,—и Михѣй Михѣичъ представилъ рукой, какъ будто поймалъ что-то въ воздухѣ и сунулъ себѣ въ боковой карманъ.—Шалишь! Эхъ, вы, народецъ, съ борку да съ сосенки!

— Вы все изволите шутить, возразилъ отставленный приказный:—а того не хотите сообразить, что дающій воленъ давать, а принимающій — принимать. Притомъ же я дѣйствовалъ тутъ не по собственному наущенію, а больше одно лицо участвовало, какъ я и объяснилъ....

— Конечно, иронически замѣтилъ Михѣй Михѣичъ. Лисичка подъ бороной отъ дождя хоронилася—все не каждая капля капнетъ. А сознайся, лихо тебя нашъ исправникъ допекъ? а? Вѣдь лихо?

Того передернуло.

— Человѣкъ ко укрощенію борзой, сказалъ онъ, наконецъ, съ запинкой.

— То-то же!

— А совсѣмъ тѣмъ и про нихъ можно-съ....

— Золотой человѣкъ, истинная находка, перебилъ его Михѣй Михѣичъ, обращаясь къ Степану Петровичу. — На этихъ молодцовъ да вотъ еще на пьяницъ—просто гигантъ!

— Брау, брау! возразилъ Степанъ Петровичъ.

Вѣрочка вошла съ другими двумя чашками кофею на подносѣ.

Михѣй Михѣичъ ей поклонился.

— Еще одну, проговорилъ отецъ.

— Чтожь это вы сами трудитесь? сказалъ ей Борисъ Андреичъ, принимая отъ нея чашку.

— Какой же это трудъ! отвѣтила Вѣрочка: — а буфетчику я поручить не хочу: мнѣ кажется, такъ будетъ вкуснѣй.

— Конечно, изъ вашихъ рукъ....

Но Вѣрочка не дослушала его любезности, ушла и тотчасъ вернулась съ кофеемъ для Михѣя Михѣича.

— А слышали вы, заговорилъ Михѣй Михѣичъ, допивая чашку:—вѣдь Мавра Ильинишна безъ языка лежитъ.

Степанъ Петровичъ остановился и приподнялъ голову.

— Какже, какже, продолжалъ Михѣй Михѣичъ.—Параличъ. Вѣдь вы знаете, она любила-таки покушать. Вотъ сидитъ она третьяго дня за столомъ и гости у ней.... Подаютъ ботвинью, а ужь она двѣ тарелки скушала, проситъ третью, вдругъ оглянулась и говоритъ, эдакъ, не торопясь, знаете: «примите ботвинью, всѣ люди зеленые. . . .» да и хлопъ со стула. Бросились поднимать ее, спрашиваютъ, что̀ съ ней... Руками объясняется, а языкъ уже не дѣйствуетъ. Еще говорятъ, уѣздный лекарь нашъ при этомъ случаѣ отличился.... Вскочилъ да кричитъ: «доктора! пошлите за докторомъ!» Совсѣмъ потерялся. Ну да и практика-то его какая! только и живъ, что мертвыми тѣлами.

— Брау, брау! задумчиво произнесъ Барсуковъ.

— И у насъ сегодня будетъ ботвинья, замѣтила Вѣрочка, присѣвшая въ уголку на кончикъ стула.

— Съ чѣмъ? съ осетриной? проворно спросилъ Михѣй Михѣичъ.

— Съ осетриной и съ балыкомъ.

— Это дѣло хорошее. Вотъ говорятъ, что ботвинья не годится зимой, потому что кушанье холодное. Это вздоръ.... не правда ли, Петръ Васильичъ?

— Совершенный вздоръ, отвѣтилъ Петръ Васильичъ?—вѣдь здѣсь въ комнатѣ тепло?

— Очень тепло.

— Такъ почему же въ теплой комнатѣ не ѣсть холоднаго кушанья? Я не понимаю.

— И я не понимаю.

Подобнымъ образомъ разговоръ продолжался довольно долго. Хозяинъ почти въ немъ не принималъ участія и то-и-дѣло похаживалъ по комнатѣ. За обѣдомъ всѣ накушались на славу: такъ все было вкусно, хотя и просто приготовлено. Вѣрочка сидѣла на первомъ мѣстѣ, разливала ботвинью, разсылала блюда, слѣдила глазами, какъ кушали гости, и старалась предупреждать ихъ желанія. Вязовнинъ сидѣлъ подлѣ нея и глядѣлъ на нее пристально. Вѣрочка не могла говорить не улыбаясь, какъ отецъ, и это очень шло къ ней. Вязовнинъ изрѣдка обращался къ ней съ вопросами,—не для того, чтобы получить отъ нея

какой-нибудь отвѣтъ, но именно для того, чтобы видѣть эту улыбку.

Послѣ обѣда Михѣй Михѣичъ, Петръ Васильичъ и господинъ, находившійся подъ судомъ, котораго настоящее имя было Онуфрій Ильичъ, сѣли играть въ карты. Михѣй Михѣичъ уже не такъ жестоко о немъ отзывался, хоть и продолжалъ трунить надъ нимъ; можетъ быть, это происходило оттого, что Михѣй Михѣичъ за обѣдомъ выпилъ лишнюю рюмку. Правда, онъ при всякой сдачѣ объявлялъ напередъ, что всѣ тузы и козыри будутъ у Онуфрія, что это краплёное сѣмя подтасовываетъ, что у него уже руки такія грабительскія, но за то, сдѣлавъ съ нимъ маленькій шлемъ, Михѣй Михѣичъ совершенно неожиданно похвалилъ его.

— А вѣдь, что̀ ни говори, конечно, ты дрянь совершенная, сказалъ онъ ему:—а я тебя люблю, ей-Богу; потому что, во-первыхъ, у меня такая натура, а во-вторыхъ, коли разсудить, еще хуже тебя бываютъ, и даже можно сказать, что ты, въ своемъ родѣ, порядочный человѣкъ.

— Истину изволили сказать, Михѣй Михѣичъ, возразилъ Онуфрій Ильичъ, сильно поощренный такими словами:—самую сущую истину, а только, конечно, гоненія....

— Ну, сдавай, сдавай, перебилъ его Михѣй Михѣичъ:—что гоненія! какія гоненія! Благодари Бога, что не сидишь въ пугачевской башнѣ на цѣпи.... Сдавай.

И Онуфрій Ильичъ принялся сдавать, проворно мигая глазами и еще проворнѣе мусля большой палецъ правой руки своимъ длиннымъ и тонкимъ языкомъ.

Между тѣмъ, Степанъ Петровичъ ходилъ по комнатѣ, а Борисъ Андреичъ все держался околы Вѣры. Разговоръ шелъ между ними урывками (она безпрестанно выходила), и до того незначительный, что и передать его было бы трудно. Онъ спрашивалъ ее о томъ, кто у нихъ въ сосѣдствѣ живетъ, часто ли она выѣзжаетъ, любитъ ли она хозяйство. На вопросъ, что она читаетъ, она отвѣчала: «я бы читала, да нѣкогда.» И между тѣмъ, когда, при наступленіи ночи, мальчикъ вошелъ въ кабинетъ, съ докладомъ, что лошади готовы, ему жаль стало уѣзжать, жаль перестать видѣть эти добрые глаза, эту ясную улыбку. Еслибъ Степанъ Петровичъ вздумалъ его удерживать,

онъ навѣрно бы остался; но Степанъ Петровичъ этого не сдѣлалъ, — не потому, чтобы онъ не былъ радъ своему новому гостю, а потому, что у него такъ было заведено: кто хотѣлъ ночевать, самъ прямо приказывалъ, чтобъ ему приготовили постель. Такъ поступили Михѣй Михѣичъ и Онуфрій Ильичъ; они даже легли въ одной комнатѣ и разговаривали долго за полночь; ихъ голоса глухо слышны были изъ кабинета: говорилъ больше Онуфрій Ильичъ, словно разсказывалъ что-то, или убѣждалъ въ чемъ, а собесѣдникъ его только изрѣдка произносилъ, то недоумѣвающимъ, то одобрительнымъ образомъ: «гм!» На другое утро они уѣхали вмѣстѣ въ деревню Михѣя Михѣича, а оттуда въ городъ, тоже вмѣстѣ.

На возвратномъ пути и Петръ Васильичъ и Борисъ Андреичъ долго безмолвствовали. Петръ Васильичъ даже заснулъ, убаюканный звяканьемъ колокольчика и ровнымъ движеніемъ саней.

— Петръ Васильичъ! сказалъ наконецъ Борисъ Андреичъ.

— Что? прогововилъ Петръ Васильичъ съ просонья.

— Что же вы меня не спрашиваете?

— О чемъ васъ спрашивать?

— Да какъ въ тѣ разы—то ли?

— Насчетъ Вѣрочки-то?

— Да.

— Вотъ тебѣ на! Развѣ я вамъ ее прочилъ? Она для васъ не годится.

— Напрасно вы это думаете. Мнѣ она гораздо больше нравится, чѣмъ всѣ ваши Эмеренціи да Софьи Кирилловны.

— Что вы?

— Я вамъ говорю.

— Да помилуйте! вѣдь она совсѣмъ простая дѣвушка. Хозяйкой она можетъ быть хорошей, — точно; да вѣдь развѣ вамъ это нужно?

— А почему же и нѣтъ? Можетъ быть, я именно этого ищу.

— Да что вы, Борисъ Андреичъ! помилуйте! вѣдь она по-французски совсѣмъ не говоритъ!

— Такъ чтожь такое? Развѣ нельзя обойтись безъ французскаго языка?

Петръ Васильичъ помолчалъ.

— Я этого никакъ не предполагалъ.... отъ васъ, то есть.... мнѣ кажется, вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Богъ же васъ знаетъ послѣ того! А я думалъ, что она только нашему брату подъ-стать. Впрочемъ, она точно дѣвчонка хоть куда.

И Петръ Васильичъ поправилъ на себѣ шапку, уткнулся головою въ подушку и заснулъ. Борисъ Андреичъ продолжалъ думать о Вѣрочкѣ. Ему все мерещилась ея улыбка, веселая кротость ея глазъ. Ночь была свѣтлая и холодная, снѣгъ переливалъ голубоватыми огнями, словно алмазный; на небѣ вызвѣздило и стожары ярко мерцали, морозъ хрустѣлъ и скрышѣлъ подъ санями; покрытыя оледенѣлымъ инеемъ вѣтки деревьевъ слабо звенѣли, блистая на лунѣ, какъ стеклянныя. Въ такое время воображеніе охотно играетъ. Вязовнинъ испыталъ это на себѣ. Чего-чего онъ не предумалъ, пока сани остановились, наконецъ, у крыльца; но образъ Вѣрочки не выходилъ у него изъ головы и тайно сопровождалъ его мечтанія.

Петръ Васильичъ, какъ уже сказано, удивился впечатлѣнію, произведенному Вѣрочкой на Бориса Андреича; но онъ удивился еще болѣе два дня спустя, когда тотъ же Борисъ Андреичъ объявилъ ему, что онъ непремѣнно желаетъ ѣхать къ Барсукову, и что поѣдетъ одинъ, если Петръ Васильичъ не расположенъ ему сопутствовать. Петръ Васильичъ разумѣется, отвѣтилъ, что онъ радъ и готовъ, и пріятели опять поѣхали къ Барсукову, опять провели у него цѣлый день. Какъ въ первый разъ, застали они у него нѣсколько гостей, которыхъ Вѣрочка также подчивала кофеемъ, а послѣ обѣда вареньемъ; но Вязовнинъ разговаривалъ съ ней больше, чѣмъ въ первый разъ, то-есть онъ больше говорилъ ей. Онъ разсказывалъ ей о своей прошедшей жизни, о Петербургѣ, о своихъ путешествіяхъ,— словомъ, обо всемъ, что́ ему приходило въ голову. Она слушала его съ спокойнымъ любопытствомъ, изрѣдка улыбаясь и посматривая на него, но ни на мгновенье не забывала обязанностей хозяйки: тотчасъ вставала, какъ только замѣчала, что гостямъ что-нибудь нужно, и сама все имъ приносила. Когда она удалялась, Вязовнинъ не оставлялъ своего мѣста и мирно поглядывалъ кругомъ; она возвращалась, садилась подлѣ него,

брала свою работу, и онъ снова вступалъ съ нею въ разговоръ. Степанъ Петровичъ, прогуливаясь по комнатѣ, подходилъ къ нимъ, вслушивался въ рѣчи Вязовнина, бормоталъ: «брау, брау!»,—и время такъ и бѣжало.... Въ этотъ разъ Вязовнинъ съ Петромъ Васильичемъ остались ночевать и уѣхали только на другой день поздно вечеромъ.... Прощаясь, Вязовнинъ пожалъ Вѣрочкѣ руку. Она слегка покраснѣла. Ни одинъ мужчина не жалъ ея руки до того дня, но она подумала, что видно такъ въ Петербургѣ заведено.

Оба пріятеля часто стали ѣздить къ Степану Петровичу; особенно Борисъ Андреичъ совершенно освоился у него въ домѣ. Бывало такъ и тянетъ его туда, такъ и подмываетъ. Нѣсколько разъ онъ даже одинъ ѣздилъ. Вѣрочка ему нравилась все болѣе и болѣе; уже между ними завелась дружба, уже онъ началъ находить, что она—слишкомъ холодный и разсудительный другъ. Петръ Васильичъ пересталъ говорить съ нимъ о Вѣрочкѣ. . . . Но вотъ, однажды, утромъ, поглядѣвъ на него по обыкновенію, нѣкоторое время въ безмолвіи, онъ значительно проговорилъ:

— Борисъ Андреичъ!

— Что́? возразилъ Борисъ Андреичъ, и слегка покраснѣлъ, самъ не зная чему.

— Что́ я вамъ хотѣлъ сказать, Борисъ Андреичъ.... Вы смотрите.... того.... вѣдь не хорошо будетъ, если, напримѣръ, что-нибудь ...

— Что́ вы хотите сказать, возразилъ Борисъ Андреичъ:— я васъ не понимаю.

— Да насчетъ Вѣрочки....

— Насчетъ Вѣрочки?

И Борисъ Андреичъ покраснѣлъ еще болѣе.

— Да. Смотрите, вѣдь бѣды недолго надѣлать.... обидѣть, то есть.... Извините мою откровенность; но я полагаю, что мой долгъ, какъ пріятеля....

— Да съ чего вы это взяли, Петръ Васильичъ! перебилъ его Борисъ Андреичъ. Вѣрочка—дѣвушка съ самыми строгими правилами, да и наконецъ между нами, кромѣ самой обыкновенной дружбы, нѣтъ ничего.

— Ну, полноте, Борисъ Андреичъ! заговорилъ въ свою оче-

редь Петръ Васильичъ:—съ какой стати у васъ, образованнаго человѣка, будетъ дружба съ деревенской дѣвушкой, которая кромѣ своихъ четырехъ стѣнъ....

— Опять вы за то же! вторично перебилъ его Борисъ Андреичъ. Къ чему вы тутъ образованность приплетаете, я не понимаю.

Борисъ Андреичъ немножко разсердился.

— Ну, послушайте, однакожь, Борисъ Андреичъ, нетерпѣливо промолвилъ Петръ Васильичъ:—коли на то пошло, я долженъ вамъ сказать, скрываться отъ меня вы имѣете полное право, но ужь обмануть меня, извините, не обманете. Вѣдь у меня глаза тоже есть. Вчерашній день (они оба были наканунѣ у Степана Петровича) мнѣ открылъ многое....

— А что же именно онъ открылъ вамъ? спросилъ Борисъ Андреичъ.

— А то онъ мнѣ открылъ, что вы ее любите и даже ревнуете къ ней.

Вязовнинъ посмотрѣлъ на Петра Васильича.

— Ну, а она меня любитъ?

— Этого я не могу сказать навѣрное, но странно было бы, еслибъ она не полюбила васъ.

— Оттого, что я образованъ, хотите вы сказать.

— И отъ этого, и оттого, что у васъ состояніе хорошее. Ну, и наружность ваша тоже можетъ нравиться. А главное—состояніе.

Вязовнинъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Почему же вы могли замѣтить, что я ревную? спросилъ онъ, внезапно обернувшись къ Петру Васильичу.

— А потому, что вы вчера на себя похожи не были, пока этотъ шалопай Карантьевъ не уѣхалъ.

Вязовнинъ ничего не отвѣчалъ, но почувствовалъ въ душѣ, что пріятель его говорилъ правду. Карантьевъ этотъ былъ недоучившійся студентъ, веселый и неглупый малый, съ душою, но совершенно сбившійся съ толку и погибшій. Страсти смолоду истощили его силы; онъ слишкомъ рано остался безъ призора. У него было цыганское удалое лицо, и весь онъ походилъ на цыгана, пѣлъ и плясалъ, какъ цыганъ. Онъ влюблялся во всѣхъ женщинъ. Вѣрочка ему очень нравилась. Бо-

рисъ Андреичъ познакомился съ нимъ у Барсукова и сначала весьма благоволилъ къ нему; но, замѣтивъ однажды особенное выраженіе лица, съ которымъ Вѣрочка слушала его пѣсенки, онъ сталъ о немъ думать иначе.

— Петръ Васильичъ, сказалъ Борисъ Андреичъ, подойдя къ своему пріятелю и остановясь передъ нимъ: — я долженъ сознаться.... Мнѣ кажется, вы правы. Я это давно самъ чувствовалъ, но вы мнѣ окончательно открыли глаза. Я точно неравнодушенъ къ Вѣрочкѣ; но вѣдь послушайте, Петръ Васильичъ, что́жь изъ этого? И она и я, мы оба не захотимъ ничего безчестнаго; притомъ же, я вамъ уже, кажется говорилъ, что я съ ея стороны не вижу никакихъ особенныхъ знаковъ расположенія ко мнѣ.

— Все такъ, возразилъ Петръ Васильичъ: — да лукавый силенъ.

Борисъ Андреичъ помолчалъ.

— Что́ же мнѣ дѣлать, Петръ Васильичъ?

— Что́? Перестать ѣздить.

— Вы думаете?

— Конечно.... Не жениться же вамъ на ней!

Вязовнинъ опять помолчалъ.

— А почему бы и не жениться? воскликнулъ онъ наконецъ.

— Да потому, Борисъ Андреичъ, ужь я вамъ сказалъ: она вамъ не пара.

— Этого я не вижу.

— А не видите, дѣлайте какъ знаете. Я вамъ не опекунъ.

И Петръ Васильичъ началъ набивать трубку.

Борисъ Андреичъ сѣлъ къ окну и погрузился въ задумчивость.

Петръ Васильичъ не мѣшалъ ему и преспокойно выпускалъ маленькими облаками дымъ изо рта. Наконецъ, Борисъ Андреичъ всталъ и съ замѣтнымъ волненіемъ велѣлъ закладывать лошадей.

— Куда это? спросилъ его Петръ Васильичъ.

— Къ Барсуковымъ, отвѣчалъ Борисъ Андреичъ отрывисто.

Петръ Васильичъ пыхнулъ разъ пятокъ.

— Ѣхать мнѣ съ вами, что́ ли?

— Нѣтъ, Петръ Васильичъ: я бы желалъ сегодня ѣхать одинъ. Мнѣ хочется объясниться съ самой Вѣрочкой.

— Какъ знаете.

«Вотъ — сказалъ онъ самому себѣ, проводивъ Бориса Андреича—какъ, подумаешь, пошла шутка въ дѣло.... А все съ жиру!» прибавилъ онъ, укладываясь на диванѣ.

Вечеромъ того же дня, Петръ Васильичъ, не дождавшись возвращенія своего пріятеля, только что собирался лечь въ постель у себя дома, какъ вдругъ въ комнату, весь запорошенный снѣгомъ, ворвался Борисъ Андреичъ и прямо бросился къ нему на шею.

— Другъ мой, Петръ Васильичъ, поздравь меня! воскликнулъ онъ, въ первый разъ говоря ему *ты*: она согласилась, и старикъ тоже согласился.... Все уже кончено!

— Какъ.... что̀ такое? пробормоталъ изумленный Петръ Васильичъ.

— Я женюсь!

— На Вѣрочкѣ?

— На ней.... Все уже рѣшено и улажено.

— Не можетъ быть?

— Экой ты человѣкъ!... говорятъ тебѣ, все кончено.

Петръ Васильевичъ торопливо надѣлъ туфли на босу ногу, накинулъ халатъ, крикнулъ:

— Македонія, чаю! и прибавилъ: ну, коли все уже кончено, стало быть, толковать нечего; дай Богъ вамъ ладъ да совѣтъ! Но разскажи мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ это случилось?

Замѣчательно, что съ того времени оба пріятеля начали говорить другъ другу — *ты*, какъ будто иначе никогда и не говорили.

— Изволь, съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Вязовинъ, и началъ разсказывать.

На самомъ дѣлѣ вотъ какъ это произошло.

Когда Борисъ Андреичъ пріѣхалъ къ Степану Петровичу, у него, противъ обыкновенія, не было ни одного гостя, и самъ онъ не прохаживался по комнатѣ, а сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ: ему не здоровилось. Онъ совсѣмъ переставалъ говорить, когда это съ нимъ случалось, и потому, ласково кивнувъ головой вошедшему Вязовнину, показалъ ему сперва на

столъ съ закуской, а потомъ на Вѣрочку и закрылъ глаза. Вязовнину только того и нужно было: онъ подсѣлъ къ Вѣрочкѣ и вступилъ съ нею въ разговоръ въ-полголоса. Рѣчь зашла о здоровьи Степана Петровича.

— Мнѣ всегда страшно, говорила шопотомъ Вѣрочка:—когда ему не можется. Вѣдь онъ такой: не пожалуется, не попроситъ ничего; слова отъ него не добьешься. Болѣнъ будетъ, не скажетъ.

— А вы его очень любите? спросилъ ее Вязовнинъ.

— Кого? папеньку? Да больше всѣхъ на свѣтѣ. Сохрани Богъ, если что съ нимъ случится! я, кажется, умру.

— Стало быть, вамъ бы невозможно было съ нимъ разстаться?

— Разстаться? Для чего же разстаться?

Борисъ Андреичъ поглядѣлъ ей въ лицо.

— Дѣвушкѣ нельзя вѣкъ жить въ родительскомъ домѣ.

— А! вотъ вы на какой счетъ говорите.... Ну, въ этомъ случаѣ я покойна.... Кто меня возьметъ?

«Я»! чуть было не сказалъ Борисъ Андреичъ, но удержался.

— Что вы задумались? спросила она, съ обычной своей улыбкой посмотрѣвъ на него.

— Я думаю, возразилъ онъ:—я думаю.... что....

И, вдругъ перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ ее, давно ли она знакома съ Карантьевымъ.

— А право не помню.... Вѣдь ихъ такъ много къ папенькѣ ѣздитъ. Кажется, онъ къ намъ въ прошломъ году въ первый разъ пріѣхалъ.

— Скажите: онъ вамъ нравится?

— Нѣтъ, отвѣчала Вѣрочка, подумавъ.

— Отчего?

— Онъ такой неопрятный, простодушно возразила она.— Впрочемъ, онъ долженъ быть хорошій человѣкъ, и поетъ такъ славно.... сердце шевелится, когда онъ поетъ.

— А! промолвилъ Вязовнинъ и, подождавъ немного, прибавилъ: да ктожь вамъ нравится?

— Многіе нравятся,—вы мнѣ нравитесь.

— Мы съ вами, извѣстное дѣло, друзья. Но неужели никто больше изъ другихъ не нравится?

— Какіе вы любопытные!

— А вы очень холодны.

— Какъ это? невинно спросила Вѣрочка.

— Послушайте.... началъ было Вязовнинъ.

Но въ это мгновенье Степанъ Петровичъ повернулся въ креслахъ.

— Послушайте, продолжалъ онъ, чуть слышно, между тѣмъ какъ кровь у него такъ и стучала въ горлѣ:—мнѣ что-то нужно вамъ сказать, очень важное.... только не здѣсь.

— Гдѣ же?

— Да хоть въ сосѣдней комнатѣ.

— Что̀ такое? спросила Вѣрочка, приподнимаясь: — стало быть, секретъ?

— Да, секретъ.

— Секретъ, повторила Вѣрочка съ удивленіемъ и вышла въ сосѣднюю комнату.

Вязовнинъ послѣдовалъ за ней, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, что̀ такое? спросила она его съ любопытствомъ.

Борисъ Андреичъ хотѣлъ было повести дѣло издалека; но, взглянувъ въ это молодое лицо, оживленное той легкой улыбкой, которую онъ такъ любилъ, въ эти ясные глаза, глядѣвшіе такимъ мягкимъ взоромъ, онъ потерялся и совершенно неожиданно для самаго себя, безъ всякихъ приготовленій, прямо спросилъ Вѣрочку:

— Вѣра Степановна, хотите вы быть моей женой?

— Какъ? спросила Вѣрочка, вспыхнувъ вся и покраснѣвъ до ушей.

— Хотите ли вы быть моей женой? машинально повторилъ Вязовнинъ.

— Я.... я, право, не знаю, я не ожидала.... это такъ.... прошептала Вѣра, протягивая руку къ оконницѣ, чтобы не упасть,—и вдругъ бросилась вонъ изъ комнаты къ себѣ въ спальню.

Борисъ Андреичъ постоялъ немного на мѣстѣ и въ большомъ смущеніи вернулся въ кабинетъ. На столѣ лежалъ нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ взялъ этотъ нумеръ, сѣлъ и сталъ глядѣть на строки, не только не понимая, что̀ тамъ напечатано, но даже вообще не имѣя понятія о томъ, что̀ съ

нимъ такое происходило. Съ четверть часа провелъ онъ въ такомъ положеніи; вотъ сзади его раздался легкій шелестъ, и онъ, не оглядываясь, почувствовалъ, что это вошла Вѣра.

Прошло еще нѣсколько мгновеній. Онъ глянулъ вскользь изъ-за листка «Вѣдомостей». Она сидѣла у окна отвернувшись и казалась блѣдной. Онъ, наконецъ, собрался съ духомъ, всталъ, подошелъ къ ней и опустился на стулъ, возлѣ нея.... Степанъ Петровичъ не шевелился, сидя съ закинутою головою въ креслахъ.

— Извините меня, Вѣра Степановна, началъ Вязовнинъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ:—я виноватъ, я не долженъ былъ такъ внезапно.... и притомъ.... я, конечно, не имѣлъ повода....

Вѣрочка ничего не отвѣчала.

— Но если ужь оно такъ случилось, продолжалъ Борисъ Андреичъ:—то я бы желалъ знать, какой отвѣтъ....

Вѣрочка тихо потупилась; щеки ея опять вспыхнули.

— Вѣра Степановна, одно слово.

— Я, право, не знаю, начала она: — Борисъ Андреичъ.... это зависитъ отъ папеньки....

— Не здорова? раздался вдругъ голосъ Степана Петровича.

Вѣрочка вздрогнула и быстро подняла голову. Глаза Степана Петровича, устремленные на нее, выражали безпокойство. Она тотчасъ подошла къ нему.

— Вы меня спрашиваете, папенька?

— Не здорова? повторилъ онъ.

— Кто? я? Нѣтъ; почему вы думаете?

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Точно здорова? спросилъ онъ еще разъ.

— Конечно; какъ *вы* себя чувствуете?

— Брау, брау, тихо проговорилъ онъ и опять закрылъ глаза.

Вѣрочка направилась къ дверямъ, Борисъ Андреичъ остановилъ ее.

— Скажите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, позволяете ли вы мнѣ поговорить съ вашимъ батюшкой?

— Какъ вамъ угодно, прошептала она: — только, Борисъ Андреичъ, мнѣ кажется, я вамъ не пара.

Борисъ Андреичъ хотѣлъ было взять ее за руку; но она уклонилась и вышла вонъ.

«Странное дѣло! подумалъ онъ: и она тоже говоритъ, что Крупицынъ!»

Оставшись наединѣ съ Степаномъ Петровичемъ, Борисъ Андреичъ далъ себѣ слово объясниться съ нимъ потолковѣе и, по мѣрѣ возможности, приготовить его къ столь неожиданному предложенію; но на дѣлѣ оно оказалось еще труднѣе, чѣмъ съ Вѣрочкой. Степанъ Петровичъ чувствовалъ небольшой жаръ и не то задумывался, не то дремалъ, нехотя и нескоро отвѣчалъ на различные вопросы и замѣчанія, посредствомъ которыхъ Борисъ Андреичъ надѣялся постепенно перейти къ настоящему предмету разговора.... Словомъ, Борисъ Андреичъ, видя, что всѣ его намеки пропадаютъ даромъ, рѣшился, по неволѣ, приступить къ дѣлу прямо.

Нѣсколько разъ забиралъ онъ въ себя духъ, какъ бы готовясь говорить, останавливался и не произносилъ ни слова.

— Степанъ Петровичъ, началъ онъ наконецъ:—я намѣренъ сдѣлать вамъ предложеніе, которое васъ очень удивитъ.

— Брау, брау, спокойно проговорилъ Степанъ Петровичъ.

— Такое предложеніе, котораго вы никакъ не ожидаете.

Степанъ Петровичъ раскрылъ глаза.

— Только вы, пожалуйста, не разсердитесь на меня....

Глаза Степана Петровича разширились еще болѣе.

— Я.... я намѣренъ просить у васъ руки вашей дочери, Вѣры Степановны.

Степанъ Петровичъ быстро поднялся съ вольтеровскихъ своихъ креселъ.

— Какъ? спросилъ онъ точно такимъ же голосомъ и съ такимъ же выраженіемъ лица, какъ Вѣрочка.

Борисъ Андреичъ принужденъ былъ повторить свое предложеніе.

Степанъ Петровичъ уставился на Вязовнина и долго молча смотрѣлъ на него, такъ что ему стало, наконецъ, неловко.

— Вѣра знаетъ? спросилъ Степанъ Петровичъ.

— Я объяснился съ Вѣрой Степановной, и она мнѣ позволила обратиться къ вамъ.

— Сейчасъ объяснились?

— Да, вотъ теперь.

— Подождите, проговорилъ Степанъ Петровичъ и вышелъ.

Борисъ Андреичъ остался одинъ въ кабинетѣ чудака. Въ оцѣпенѣніи глядѣлъ онъ то на стѣны, то на полъ, какъ вдругъ раздался топотъ лошадей у крыльца, дверь передней застучала, густой голосъ спросилъ: «дома?», послышались шаги, и въ кабинетъ ввалился уже знакомый намъ Михѣй Михѣичъ.

Борисъ Андреичъ такъ и обмеръ съ досады.

— Экая здѣсь теплынь! воскликнулъ Михѣй Михѣичъ, опускаясь на диванъ.—А, здравствуйте! А гдѣ же Степанъ Петровичъ?

— Онъ вышелъ, сейчасъ придетъ.

— Ужасный холодъ сегодня, замѣтилъ Михѣй Михѣичъ, наливая себѣ рюмку водки.

И, едва успѣвъ проглотить ее, съ живостью проговорилъ.

— А вѣдь я опять изъ города.

— Изъ города? возразилъ Вязовнинъ, съ трудомъ скрывая свое волненіе.

— Изъ города, повторилъ Михѣй Михѣичъ:—и все по милости этого разбойника Онуфрія. Представьте вы себѣ, наговорилъ мнѣ чортову тьму, турусы на колесахъ такіе подпустилъ, что ай люли ты моя радость! аферу, говоритъ, такую для васъ сыскалъ, какой еще на свѣтѣ подобной не бывало, просто, сотнями загребай цѣлковенькіе; а кончилась вся афера тѣмъ, что у меня же двадцать-пять рублевъ занялъ, да въ городъ я напрасно протаскался, лошадей совершенно заморилъ.

— Скажите! пробормоталъ Вязовнинъ.

— Я вамъ говорю: разбойникъ, разбойникъ какъ есть. Ему только съ кистенемъ по дорогамъ ходить. Я; право, не понимаю, чего полиція смотритъ. Вѣдь этакъ наконецъ по міру отъ него пойдешь, ей-Богу.

Степанъ Петровичъ вошелъ въ комнату.

Михѣй Михѣичъ началъ ему разсказывать свои похожденія съ Онуфріемъ.

— И отчего это ему никто шеи не намнетъ! воскликнулъ онъ.

— Шеи не намнетъ, повторилъ Степанъ Петровичъ и вдругъ покатился сосмѣху. Михѣй Михѣичъ тоже засмѣялся, на него

глядя, и повторилъ даже: «именно слѣдовало бы ему шею намять»; но когда Степанъ Петровичъ упалъ, наконецъ, на диванъ въ судорогахъ истерическаго смѣха, Михѣй Михѣичъ обратился къ Борису Андреичу и промолвилъ, слегка разставивъ руки:

— Вотъ онъ всегда такъ, засмѣется вдругъ, чему—Господь знаетъ. Такая ужь у него фанаберика!

Вѣрочка вошла, вся встревоженная, съ покраснѣвшими глазами.

— Папенька сегодня не совсѣмъ здоровъ, замѣтила она въполголоса Михѣю Михѣичу.

Михѣй Михѣичъ кивнулъ головой и положилъ себѣ въ ротъ кусокъ сыру. Наконецъ, Степанъ Петровичъ умолкъ, приподнялся, отдохнулъ и началъ ходить по комнатѣ. Борисъ Андреичъ избѣгалъ его взоровъ и сидѣлъ какъ на иголкахъ. Михѣй Михѣичъ принялся опять бранить Онуфрія Ильича.

Сѣли за столъ; за столомъ тоже разговаривалъ одинъ Михѣй Михѣичъ. Наконецъ, уже передъ вечеромъ, Степанъ Петровичъ взялъ Бориса Андреича за руку и молча вывелъ его въ другую комнату.

— Вы хорошій человѣкъ? спросилъ онъ, глядя ему въ лицо.

— Я честный человѣкъ, Степанъ Петровичъ, отвѣчалъ Борисъ Андреичъ: — за это я могу ручаться, — и люблю вашу дочь.

— Любите? точно?

— Люблю и постараюсь заслужить ея любовь.

— Не наскучитъ? спросилъ опять Степанъ Петровичъ.

— Никогда!

Лицо Степана Петровича болѣзненно сжалось.

— Ну, смотрите же.... Любите.... А я согласенъ.

Борисъ Андреичъ хотѣлъ было обнять его; но онъ сказалъ:

— Послѣ.... хорошо.

И, отвернувшись, подошелъ къ стѣнѣ.

Борисъ Андреичъ могъ замѣтить, что онъ плакалъ.

Степанъ Петровичъ утеръ глаза, не оборачиваясь, потомъ пошелъ назадъ въ кабинетъ мимо Бориса Андреича и, не взглянувъ на него, проговорилъ, съ своей обычной улыбкой:

— Пожалуйста, ужь сегодня больше не надо.... завтра.... все.... что нужно....

— Хорошо, хорошо, поспѣшно возразилъ Борисъ Андреичъ,

и, войдя вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ, обмѣнялся взглядомъ съ Вѣрочкой.

На душѣ его было радостно, но и смутно въ то же время. Онъ не могъ остаться долго у Степана Петровича, въ обществѣ Михѣя Михѣича; ему непремѣнно нужно было уединиться,— притомъ его тянуло къ Петру Васильичу. Онъ уѣхалъ, обѣщавъ на другой день вернуться. Прощаясь съ Вѣрочкой въ передней, онъ поцаловалъ ея руку; она посмотрѣла на него.

— До завтра, сказалъ онъ ей.

— Прощайте, тихо отвѣчала она.

— Вотъ видишь ли, Петръ Васильевичъ, говорилъ Борисъ Андреичъ, окончивъ свой разсказъ и шагая взадъ и впередъ по его спальнѣ:—мнѣ что̀ пришло въ голову: молодой человѣкъ часто отчего не женится? оттого, что ему страшно кажется жизнь свою закабалить; онъ думаетъ: къ чему торопиться! еще успѣю, можетъ быть, чего нибудь лучшаго дождусь; а кончается обыкновенно исторія тѣмъ, что либо состарѣется бобылемъ, либо женится на первой встрѣчной: это все самолюбіе да гордость! Послалъ тебѣ Богъ милую и добрую дѣвушку, не упускай случая, будь счастливъ и не прихотничай слишкомъ. Лучше Вѣрочки не найду я себѣ жены; а если ей не достаетъ чего-нибудь со стороны воспитанія, то ужь мое дѣло будетъ объ этомъ позаботиться. Нравъ у ней довольно флегматическій, но это не бѣда—напротивъ! Вотъ почему я такъ скоро и рѣшился. Ты же мнѣ совѣтовалъ жениться. А если я обманулся, прибавилъ онъ, остановился и, подумавъ немного, продолжалъ: — бѣда не велика! изъ моей жизни и такъ ничего бы не вышло.

Петръ Васильевичъ слушалъ своего пріятеля молча, изрѣдка попивая изъ надтреснувшаго стакана прескверный чай, приготовленный усердной Македоніей.

— Что̀жь ты молчишь? спросилъ его наконецъ Борисъ Андреичъ, остановившись передъ нимъ.—Вѣдь, не правда ли, я дѣло говорю? вѣдь ты со мной согласенъ?

— Предложеніе сдѣлано, возразилъ Петръ Васильичъ, съ разстановкой: — отецъ благословилъ, дочь не отказала, стало быть разсуждать уже болѣе нечего. Можетъ быть, оно точно все къ лучшему. Теперь надо о свадьбѣ думать, а не разсуж-

дать; но утро вечера мудренѣе.... Завтра потолкуемъ какъ слѣдуетъ. Эй! кто тамъ? проводите Бориса Андреича.

— Да хоть обними меня, поздравь, возразилъ Борисъ Андреичъ:—какой ты, право!

— Обнять я тебя обниму, съ удовольствіемъ.

И Петръ Васильичъ обнялъ Бориса Андреича.

— Дай Богъ тебѣ всего хорошаго на сей землѣ.

Пріятели разошлись.

«Все оттого—сказалъ самому себѣ вслухъ Петръ Васильичъ, полежавъ нѣкоторое время въ постели и переворачиваясь на другой бокъ—все оттого, что въ военной службѣ не служилъ! Блажить привыкъ и порядковъ не знаетъ.»

—

Спустя мѣсяцъ, Вязовнинъ женился на Вѣрочкѣ. Онъ самъ настоятельно требовалъ, чтобы свадьбы не откладывали дальше. Петръ Васильичъ былъ у него шаферомъ. Въ теченіе всего этого мѣсяца Вязовнинъ каждый день ѣздилъ къ Степану Петровичу; но въ обращеніи его съ Вѣрочкой и Вѣрочки съ нимъ не замѣчалось перемѣны: она стала застѣнчивѣй съ нимъ—вотъ и все. Онъ привезъ ей «Юрія Милославскаго» и самъ прочелъ ей нѣсколько главъ. Романъ Загоскина ей понравился; но, кончивъ его, она не попросила другого. Карантьевъ пріѣзжалъ разъ взглянуть на Вѣрочку, ставшую невѣстой другого, и, должно признаться, пріѣзжалъ хмѣльной, все смотрѣлъ на нее, какъ бы собираясь сказать ей что-то, но не сказалъ ничего; его попросили спѣть, онъ затянулъ какую-то заунывную пѣсню, потомъ грянулъ удалую, бросилъ гитару на диванъ, распростился со всѣми и, сѣвъ въ сани, повалился грудью на постланное сѣно, зарыдалъ — и черезъ четверть часа уже спалъ мертвымъ сномъ.

Наканунѣ свадьбы, Вѣрочка была очень грустна, и Степанъ Петровичъ также упалъ духомъ. Онъ надѣялся, что Борисъ Андреичъ согласится переѣхать къ нимъ на жительство; но онъ ни слова не сказалъ объ этомъ и, напротивъ, предложилъ Степану Петровичу на время поселиться въ Вязовнѣ. Старикъ отказался: онъ привыкъ къ своему кабинету. Вѣрочка обѣщалась посѣщать его по крайней-мѣрѣ разъ въ недѣлю. Какъ уныло отецъ отвѣтилъ ей:

— Брау, брау!

Вотъ и началъ жить Борисъ Андреичъ женатымъ человѣкомъ. Въ первое время все шло прекрасно. Вѣрочка, какъ отличная хозяйка, привела весь его домъ въ порядокъ. Онъ любовался ея нешумливой, но заботливой дѣятельностью, ея постояннно-яснымъ и кроткимъ нравомъ, называлъ ее своей маленькой голландкой и безпрестанно повторялъ Петру Васильичу, что онъ теперь только узналъ счастье. Должно замѣтить, что Петръ Васильичъ, со дня свадьбы Бориса Андреича, уже не такъ часто къ нему ходилъ и не такъ долго у него засиживался, хотя Борисъ Андреичъ по прежнему очень радушно принималъ его, хотя Вѣрочка искренно его полюбила.

— Твоя жизнь теперь уже не та, говаривалъ онъ Вязовнину, дружелюбно упрекавшему его въ томъ, что онъ охладѣлъ къ нему:—ты женатый человѣкъ, я холостой. Я могу мѣшать.

Вязовнинъ ему сперва не противорѣчилъ; но вотъ онъ понемногу началъ замѣчать, что безъ Крупицына ему было скучно дома. Жена нисколько его не стѣсняла; напротивъ, онъ иногда о ней забывалъ вовсе и по цѣлымъ утрамъ не говорилъ съ ней ни слова, хотя всегда съ удовольствіемъ и нѣжностью глядѣлъ ей въ лицо, и всякій разъ бывало, когда она своей легкой поступью проходила мимо его, ловилъ и цаловалъ ея руку, что̀ непремѣнно вызывало улыбку на ея губы. Улыбка эта была все та же, которую онъ такъ любилъ; но довольно ли одной улыбки?

Между ними было слишкомъ мало общаго, и онъ началъ догадываться объ этомъ.

«А вѣдь нечего сказать, у жены моей мало ресурсовъ» — подумалъ Борисъ Андреичъ однажды, сидя, скрестивъ руки, на диванѣ.

Слова Вѣрочки, сказанныя ею въ день предложенія: «я вамъ не пара», зазвучали у него въ душѣ.

«Еслибъ я былъ какой нѣмецъ или ученый — такъ продолжалъ онъ свои размышленія—или еслибъ у меня было постоянное занятіе, которое поглощало бы бо̀льшую часть моего времени, подобная жена была бы находка; но такъ! Неужто я обманулся?...»

Эта послѣдняя мысль была для него мучительнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Когда въ то же утро Петръ Васильичъ опять повторилъ ему, что онъ имъ мѣшать можетъ, онъ не въ состояніи былъ удержаться и воскликнулъ:

— Помилуй! ты нисколько не мѣшаешь намъ; напротивъ, при тебѣ намъ обоимъ гораздо веселѣе.... онъ чуть было не сказалъ: легче.—И это было дѣйствительно такъ.

Борисъ Андреичъ охотно бесѣдовалъ съ Петромъ Васильевичемъ, точно такимъ же образомъ, какъ бесѣдовали они до свадьбы; и Вѣрочка умѣла говорить съ нимъ, а мужа своего она ужь очень уважала и, при всей своей несомнѣнной привязанности къ нему, не знала что́ ему сказать, чѣмъ занять его....

Кромѣ того, она видѣла, что присутствіе Петра Васильича его оживляло. Кончилось тѣмъ, что Петръ Васильичъ сталъ совершенно необходимымъ лицомъ въ домѣ Бориса Андреича. Вѣрочку онъ полюбилъ какъ дочь свою; да и нельзя было не любить такое доброе существо. Когда Борисъ Андреичъ, по слабости человѣческой, довѣрялъ ему, какъ другу, свои завѣтныя мысли и жалобы, Петръ Васильичъ сильно упрекалъ его въ неблагодарности, вычислялъ передъ нимъ всѣ достоинства Вѣрочки и однажды, въ отвѣтъ на замѣчаніе Бориса Андреича, что вѣдь и онъ, Петръ Васильичъ, находилъ ихъ несозданными другъ для друга, съ сердцемъ отвѣчалъ ему, что онъ ея не стоитъ.

— Я ничего не нашелъ въ ней, пробормоталъ Борисъ Андреичъ.

— Какъ ничего не нашелъ? Да развѣ ты ожидалъ отъ нея чего-нибудь необыкновеннаго? Ты въ ней нашелъ прекрасную жену. Вотъ что̀!

— Это правда, торопливо возразилъ Вязовнинъ.

Въ домѣ Вязовнина все шло по прежнему — мирно и тихо, потому что съ Вѣрочкой не только не было возможности ссориться— даже недоразумѣній между ею и ея мужемъ существовать не могло; но внутренній разрывъ чувствовался во всемъ. Такъ въ цѣломъ существѣ человѣка замѣчается вліяніе невидимой внутренней раны. Вѣрочка не имѣла привычки жало-

ваться; притомъ она даже мысленно ни въ чемъ не обвиняла Вязовнина, и ему ни разу въ голову не пришло, что ей не совсѣмъ легко жить съ нимъ. Два человѣка только ясно понимали ея положеніе: старикъ отецъ и Петръ Васильичъ. Степанъ Петровичъ съ какимъ-то особеннымъ соболѣзнованіемъ ласкалъ ее и заглядывалъ ей въ глаза, когда она къ нему пріѣзжала,—не распрашивалъ ее ни о чемъ, но чаще вздыхалъ, расхаживая по комнатѣ, и его «брау, брау!» не звучало, какъ прежде, невозмутимымъ спокойствіемъ души, удалившейся отъ всего земнаго. Разлученный съ дочерью, онъ какъ будто вдругъ поблѣднѣлъ и посѣдѣлъ. Отъ Петра Васильича тоже не скрылось, что происходило у нея въ душѣ. Вѣрочка не требовала вовсе, чтобъ мужъ много занимался ею или даже разговаривалъ съ нею; нѣтъ! но ее томила мысль, что она ему въ тягость. Петръ Васильичъ однажды засталъ ее неподвижно-стоявшей лицомъ къ стѣнѣ. Какъ отецъ, на котораго она чрезвычайно походила, она не любила показывать слезъ своихъ и отворачивалась, когда плакала, даже если была одна въ комнатѣ.... Петръ Васильичъ тихо прошелъ мимо ея, и даже малѣйшимъ намекомъ не подалъ ей повода думать, что онъ понялъ, зачѣмъ она стояла лицомъ къ стѣнѣ. За то онъ Вязовнину не давалъ покою; правда, онъ ни разу не произнесъ передъ нимъ тѣхъ обидно-раздражающихъ, ненужныхъ и самодовольныхъ словъ: «вѣдь я тебѣ это все напередъ предсказывалъ!»—тѣхъ словъ, которыя, замѣтимъ кстати, самыя лучшія женщины, въ мгновеніе самаго горячаго участія, не могутъ не выговорить; но онъ безпощадно нападалъ на Бориса Андреича за его равнодушіе и хандру и разъ довелъ его до того, что онъ побѣжалъ къ Вѣрочкѣ и съ безпокойствомъ сталъ оглядывать и распрашивать ее. Она такъ кротко посмотрѣла на него и такъ спокойно ему отвѣчала, что онъ ушелъ, внутренно взволнованный упреками Петра Васильича, но довольный тѣмъ, что по-крайней-мѣрѣ Вѣрочка ничего не подозрѣвала.... Такъ прошла зима.

Подобныя отношенія долго длиться не могутъ: онѣ либо кончаются разрывомъ, либо измѣняются, рѣдко къ лучшему....

Борисъ Андреичъ не сдѣлался раздражительнымъ и взыскательнымъ, какъ это часто случается съ людьми, чувствующи-

ми себя неправыми, не позволилъ также себѣ дешоваго и, часто даже у умныхъ людей, грубаго удовольствія глумленія и подсмѣиванія, не впалъ въ задумчивость: его просто начала занимать мысль: какъ бы уѣхать куда нибудь, — разумѣется, на время.

«Путешествіе!» твердилъ онъ, вставая по утру. «Путешествіе!» шепталъ онъ, ложась въ постель, и въ этомъ словѣ таилось обаятельное для него очарованіе. Онъ попытался было съѣздить для развлеченія къ Софьѣ Кирилловнѣ; но ея краснорѣчіе и развязность, ея улыбочки и ужимочки показались ему очень приторны. «Какое сравненіе съ Вѣрочкой!» думалъ онъ, глядя на разфранченную вдову, и между тѣмъ мысль уѣхать отъ этой самой Вѣрочки не покидала его....

Дыханіе наступившей весны,—той весны, что̀ тянетъ и манитъ самихъ птицъ изъ-за морей, развѣяло его послѣднія сомнѣнія, вскружило ему голову. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, подъ предлогомъ какого-то важнаго и безотлагательнаго дѣла, о которомъ до того времени не было и помину.... Разставаясь съ Вѣрочкой, онъ вдругъ почувствовалъ, что сердце его сжалось и облилось кровью: жаль ему стало тихой и доброй своей жены, слезы хлынули изъ его глазъ и оросили ея блѣдный лобъ, къ которому онъ только-что прикоснулся губами.... «Я скоро, скоро вернусь и писать буду — твердилъ онъ—душа моя!» и, поручивъ ее вниманію и дружбѣ Петра Васильича, сѣлъ въ коляску, разстроганный и грустный.... Грусть его замерла мгновенно при видѣ первыхъ нѣжно-зеленыхъ ракитъ на большой дорогѣ, пролегавшей въ двухъ верстахъ отъ его деревни; непонятный, почти юношеской восторгъ заставилъ забиться его сердце; грудь его приподнялась, и онъ съ жадностью устремилъ глаза въ даль.

«Нѣтъ, воскликнулъ онъ:—я вижу, что

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань....»

А какой онъ былъ *конь*?

Вѣра осталась одна; но, во-первыхъ, Петръ Васильичъ посѣщалъ ее часто, а главное — старикъ-отецъ рѣшился оторваться отъ своего любимаго обиталища и переѣхалъ на время въ домъ къ дочери. Славно зажили они втроемъ! Вкусы ихъ,

ихъ привычки такъ согласовались! И между тѣмъ Вязовнинъ не только не былъ забытъ ими,—напротивъ, онъ служилъ имъ всѣмъ невидимой духовной связью: они безпрестанно толковали о немъ, о его умѣ, добротѣ, образованности и простотѣ въ обращеніи. Бориса Андреича въ отсутствіе его изъ дому какъ будто еще болѣе полюбили. Погода наступила прекрасная; дни не летѣли: нѣтъ! они проходили мирно и радостно, какъ высокія, свѣтлыя облака на голубомъ и свѣтломъ небѣ. Вязовнинъ писалъ изрѣдка; его письма читались и перечитывались съ великимъ удовольствіемъ. Онъ въ каждомъ изъ нихъ говорилъ о своемъ близкомъ возвращеніи.... Наконецъ, въ одинъ день, Петръ Васильичъ получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Милый другъ, добрѣйшій мой Петръ Васильичъ! Я долго думалъ, какъ начать это письмо; но, видно, лучше всего сказать тебѣ прямо, что я ѣду за границу. Это извѣстіе, я знаю, тебя удивитъ и даже разсердитъ: ты этого никакъ не могъ ожидать,—и ты будешь совершенно правъ, назвавъ меня легкомысленнымъ и безпутнымъ человѣкомъ; я и не намѣренъ вовсе оправдываться и даже въ эту минуту самъ чувствую, что краснѣю. Но выслушай меня съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Во-первыхъ, я ѣду на весьма короткое время и въ такомъ обществѣ и такъ выгодно, что ты представить не можешь; а во-вторыхъ, я твердо убѣжденъ въ томъ, что, подурачившись въ послѣдній разъ, удовлетворивъ въ послѣдній разъ страсти моей видѣть все и все испытать, я сдѣлаюсь отличнымъ мужемъ, семьяниномъ и домосѣдомъ, и докажу, что умѣю цѣнить ту незаслуженную милость ко мнѣ судьбы, даровавшей мнѣ такую жену, какова Вѣрочка. Пожалуйста, убѣди и ее въ этомъ и покажи ей это письмо. Самъ я къ ней теперь не пишу: не имѣю на то духа,—но напишу непремѣнно изъ Штеттина, куда пароходъ отправляется; а пока скажи ей, что я становлюсь передъ ней на колѣни и униженно прошу ее не сѣтовать на своего глупаго мужа. Зная ея ангельскій нравъ, я увѣренъ, она проститъ меня; а я клянусь всѣмъ на свѣтѣ, что черезъ три мѣсяца, никакъ не позже, вернусь въ Вязовну, и тогда меня силой оттуда не вытащатъ до конца дней моихъ. Прощай, или, лучше, до скораго свиданія; обнимаю тебя и цалую милыя ручки моей Вѣрочки. Я вамъ изъ Штеттина напишу, куда мнѣ адре-

совать письма. Въ случаѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ дѣлъ и вообще насчетъ хозяйства, я надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну.

«Твой

«Борисъ Вязовнинъ.

P. S- Вели оклеить къ осени мой кабинетъ обоями.... слышишь?... непремѣнно.»

Увы! надеждамъ, высказаннымъ Борисомъ Андреичемъ въ этомъ письмѣ, не суждено было исполниться. Пароходъ уже приближался къ Штеттину, ярко сіявшее солнце освѣщало чужеземный берегъ, Борисъ Андреичъ стоялъ, прислонясь къ периламъ, и задумчиво глядѣлъ, какъ блестящая темно-зеленая влага внезапно закипала буграми бѣлой пѣны подъ рѣзкими ударами глухо топотавшаго колеса,—вдругъ у него закружилась голова, и онъ упалъ въ море.... Пароходъ тотчасъ остановили, спустили лодку, но Вязовнинъ исчезъ на вѣки....

Трудно и горько было Петру Васильичу сообщить Вѣрочкѣ письмо ея мужа; но когда дошло до него извѣстіе о гибели Вязовнина, онъ совсѣмъ потерялся. Первый прочелъ о ней въ газетахъ Михѣй Михѣичъ и тотчасъ же вмѣстѣ съ Онуфріемъ Ильичемъ, съ которымъ опять успѣлъ сойтись, поскакалъ къ Петру Васильичу. Онъ, какъ водится, еще въ передней закричалъ: «вообразите, какое несчастіе!» и т. д. Петръ Васильичъ долго не хотѣлъ ему вѣрить; но, когда уже не осталось возможности сомнѣваться, онъ, переждавъ цѣлый день, отправился къ Вѣрочкѣ. Одинъ видъ его, уничтоженный и убитый, до того испугалъ ее, что она чуть устояла на ногахъ. Онъ хотѣлъ было приготовить ее къ роковой вѣсти; но силы ему измѣнили—онъ сѣлъ и сквозь слезы залепеталъ:

— Онъ умеръ, умеръ....

—

Прошелъ годъ. Отъ корней срубленнаго дерева идутъ новые отпрыски, самая глубокая рана заростаетъ, жизнь также смѣняетъ смерть, какъ и сама смѣняется ею,—и сердце Вѣрочки отдохнуло понемногу и зажило.

Притомъ же ни Вязовнинъ не принадлежалъ къ числу людей незамѣнимыхъ (да и есть ли такіе люди?), ни Вѣрочка не была способна посвятить себя на вѣкъ одному чувству (да и есть

ли такія чувства?). Она вышла за Вязовнина безъ принужденья и безъ восторга, была ему вѣрна и предана, но не отдалась ему вся, горевала о немъ искренно, но не безумно.... чего же болѣе? Петръ Васильичъ не переставалъ къ ней ѣздить; онъ по прежнему былъ ея самымъ близкимъ другомъ, и потому нисколько не удивительно, что, оставшись однажды наединѣ съ нею, онъ глянулъ ей въ лицо и прѐспокойно предложилъ ей быть его женою.... Она улыбнулась въ отвѣтъ и протянула ему руку. Жизнь ихъ послѣ свадьбы продолжалась точно такъ же, какъ и прежде: въ ней нѐчего было перемѣнять. Съ тѣхъ поръ уже прошло около десяти лѣтъ. Старикъ Барсуковъ живетъ вмѣстѣ съ ними и, не разлучаясь ни на шагъ съ своими внуками—у него уже трое: двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ—съ каждымъ годомъ молодѣетъ. Съ ними онъ даже разговариваетъ, особенно съ своимъ любимцемъ внукомъ, кудрявымъ и черноглазымъ мальчишкой, названнымъ, въ честь его, Степаномъ. Маленькій плутъ очень хорошо знаетъ, что дѣдушка въ немъ души не чаетъ, и, вслѣдствіе этого, позволяетъ себѣ передразнивать его, какъ онъ ходитъ по комнатѣ и восклицаетъ: «брау, брау!» Эта шалость всегда возбуждаетъ большую веселость въ цѣломъ домѣ. Бѣдный Вязовнинъ до нынѣшняго дня не забытъ. Петръ Васильичъ чтитъ его память, всегда съ особеннымъ чувствомъ отзывается о немъ и при каждомъ удобномъ случаѣ непремѣнно скажетъ, что вотъ это—то любилъ покойникъ, такую—то имѣлъ онъ привычку. Петръ Васильичъ, его жена, всѣ его домашніе проводятъ время очень однообразно—мирно и тихо; они наслаждаются счастіемъ.... потому что на землѣ другаго счастія нѣтъ.

1853 г.

ПЕРЕПИСКА.

—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ я въ Дрезденѣ. Я остановился въ гостинницѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера скитаясь по городу, я не почелъ за нужное познакомиться съ моими сосѣдями; наконецъ, случайнымъ образомъ дошло до моего свѣдѣнія, что въ домѣ находится русскій—больной. Я отправился къ нему и нашелъ человѣка въ жесточайшей чахоткѣ. Дрезденъ начиналъ мнѣ надоѣдать; я поселился у моего новаго знакомца. Съ больнымъ сидѣть скучно; но даже скука иногда пріятна; притомъ мой больной не унывалъ и разговаривалъ охотно. Мы всячески старались убивать время: играли вдвоемъ въ дурачки, трунили надъ докторомъ. Мой землякъ разсказывалъ этому весьма-лысому нѣмцу разныя небылицы на свой счетъ, которыя докторъ всегда «давно предугадывалъ»; передразнивалъ его, когда онъ удивлялся какому-нибудь необыкновенному, неслыханному припадку, кидалъ его лекарства за окно и т. д. Я, впрочемъ, неоднократно замѣчалъ моему пріятелю, что не худо бы послать за хорошимъ врачемъ, пока время не ушло, что съ его болѣзнью шутить нельзя, и т. д. Но Алексѣй (моего знакомаго звали Алексѣемъ Петровичемъ С....) всякій разъ отдѣлывался остротами насчетъ всѣхъ докторовъ вообще и своего въ особенности, и, наконецъ, въ одинъ ненастный осенній вечеръ, на мои неотступныя просьбы отвѣчалъ такимъ унылымъ взглядомъ,

такъ печально покачалъ головой и такъ странно улыбнулся, что я почувствовалъ нѣкоторое недоумѣнье. Въ ту же ночь Алексѣю сдѣлалось хуже, и на другой день онъ скончался. Передъ самой смертью, обычная веселость ему измѣнила: онъ съ безпокойствомъ заметался на постели, вздыхалъ, тоскливо озирался.... схватилъ меня за руку, съ усиліемъ прошепталъ: «а вѣдь тяжело умирать».... уронилъ голову на подушку и залился слезами. Я не зналъ, что сказать ему, и молча сидѣлъ передъ его постелью. Алексѣй, однакожь, скоро восторжествовалъ надъ этимъ послѣднимъ, позднимъ сожалѣньемъ.... «Послушайте», сказалъ онъ мнѣ: —нашъ докторъ сегодня прійдетъ и найдетъ меня мертвымъ.... Воображаю себѣ его рожу».... Умирающій попросилъ меня отослать всѣ его вещи въ Россію, къ родственникамъ, исключая небольшой связки, которую онъ подарилъ мнѣ на память.

Въ этой связкѣ находились письма — письма одной дѣвушки къ Алексѣю и копіи съ его писемъ къ ней. Всѣхъ ихъ было пятнадцать. Алексѣй Петровичъ С.... зналъ Марью Александровну Б.... давно, кажется, съ дѣтства. У Алексѣя Петровича былъ двоюродный братъ, у Марьи Александровны была сестра. Въ прежніе годы они всѣ жили вмѣстѣ, потомъ разъѣхались и долго не видались; потомъ случайно съѣхались всѣ опять въ деревнѣ, лѣтомъ, и влюбились—братъ Алексѣя въ Марью Александровну, самъ Алексѣй въ сестру ея. Лѣто прошло, наступила осень; они разъѣхались. Алексѣй, какъ человѣкъ разсудительный, скоро убѣдился въ томъ, что онъ вовсе не влюбленъ, и разстался съ своей красавицей весьма благополучно; братъ его еще годика два переписывался съ Марьей Александровной.... но и онъ догадался, наконецъ, что безсовѣстнымъ образомъ обманываетъ и ее и себя, и тоже умолкъ.

Я бы могъ вамъ разсказать кое-что о Марьѣ Александровнѣ, любезный читатель, но вы ее узнаете сами изъ ея писемъ. Алексѣй написалъ свое первое письмо къ ней вскорѣ послѣ ея окончательной размолвки съ его братомъ. Онъ находился тогда въ Петербургѣ, внезапно уѣхалъ за-границу, занемогъ и въ Дрезденѣ умеръ. Я рѣшился напечатать его переписку съ Марьей Александровной и надѣюсь на нѣкоторое снисхожденіе со стороны читателей уже потому, что эти письма не любов-

ныя — сохрани Богъ! Любовныя письма читаются обыкновенно только двумя особами (за то тысячу разъ сряду), но ужь третьей особѣ они несносны, если не смѣшны.

I.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ. 1840 г. марта 7-го.

Любезная Марья Александровна,

Кажется, я еще ни разу не писалъ къ вамъ, и вотъ пишу теперь. . . . Не правда ли, странное я выбралъ время? Вотъ что̀ меня къ этому побудило. Mon cousin Théodore сегодня былъ у меня и, какъ бы это сказать.... и сообщилъ мнѣ подъ величайшей тайной (онъ иначе ничего не сообщаетъ), что онъ влюбленъ въ дочь какого-то здѣшняго барина и на этотъ разъ непремѣнно намѣренъ жениться, и что ужь онъ сдѣлалъ первый шагъ —объяснился! Я, разумѣется, поспѣшилъ поздравить его съ такимъ пріятнымъ для него событіемъ; онъ давно нуждался въ объясненіи.... но внутренно, признаюсь, я нѣсколько изумился. Хотя я зналъ, что между вами все было кончено, однако мнѣ казалось.... Словомъ, я изумился. Я собирался—было выѣхать сегодня въ гости, но остался дома и намѣренъ поболтать немного съ вами. Если вамъ не угодно меня слушать, бросьте это письмо тотчасъ же въ огонь. Объявляю вамъ, что я хочу быть откровеннымъ, хотя и чувствую, что вы имѣете полное право принять меня за довольно-навязчиваго человѣка. Замѣтьте, однако, что я бы не взялъ пера въ руки, еслибъ не зналъ, что вашей сестрицы нѣтъ съ вами: она, какъ мнѣ сказалъ Théodore, будетъ все лѣто гостить у вашей тётки, г-жи Б.... Дай ей Богъ всего хорошаго!

И такъ, вотъ чѣмъ все разыгралось.... Но я не стану предлагать вамъ мою дружбу и т. д.; я вообще чуждаюсь торжественныхъ рѣчей и «задушевныхъ» изліяній. Начавъ писать это письмо, я просто слѣдовалъ какому-то мгновенному влече-

нію; если во мнѣ таится другое чувство, пусть оно и останется пока подъ спудомъ.

Васъ я также утѣшать не стану. Утѣшая другихъ, люди большею частью желаютъ поскорѣй отдѣлаться отъ непріятнаго чувства невольнаго, себялюбиваго сожалѣнья.... Я понимаю искреннее, теплое участіе.... но подобное участіе не отъ всякаго принимаешь. . . . Пожалуйста, разсердитесь на меня. . . . Разсердившись, вы, вѣроятно, прочтете мое посланіе до конца.

Но какое право имѣю я писать къ вамъ, говорить о моей дружбѣ, о моихъ чувствахъ, объ утѣшеніи?—никакого, рѣшительно никакого, я въ этомъ долженъ сознаться, и надѣюсь только на вашу доброту.

Знаете ли вы, на что́ похоже вступленіе моего письма? Вотъ на что̀: какой-нибудь господинъ N. N. вошелъ въ гостиную дамы, которая его совсѣмъ не ожидала, которая, можетъ-быть, ожидала другаго.... Онъ догадывается, что пришелъ не во-время, но дѣлать нечего́. . . . Садится, начинаетъ говорить.... Бо́гъ знаетъ о чемъ: о поэзіи о красотахъ природы, о выгодахъ хорошаго воспитанія.... словомъ, несетъ ужаснѣйшую дичь.... Но между тѣмъ, первыя пять минутъ прошли, онъ усѣлся; дама покорилась судьбѣ, и вотъ г. N. N. оправляется, отдыхаетъ и начинаетъ разговаривать — какъ умѣетъ.

Однако, несмотря на всѣ эти разглагольствованія, мнѣ все-таки не совсѣмъ ловко. Я такъ и вижу передъ собою ваше недоумѣвающее, нѣсколько даже гнѣвное лицо: я чувствую, что вамъ почти невозможно не предположить во мнѣ какихъ-нибудь скрытыхъ намѣреній, и потому я, какъ римлянинъ, сдѣлавшій глупость, величественно закутываюсь въ свою тогу и безмолвно ожидаю вашего окончательнаго приговора....

А именно: позволите ли вы мнѣ продолжать писать къ вамъ?

Остаюсь искренно и душевно-преданный вамъ

Алексѣй С....

II.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село .....но, марта 22-го 1840.

Милостивый государь
Алексѣй Петровичъ,

Я получила ваше письмо и, право, не знаю, что̀ вамъ сказать. Я бы даже вовсе не отвѣчала вамъ, еслибъ мнѣ не показалось, что подъ вашими шутками дѣйствительно скрывается чувство довольно-дружелюбное. Ваше письмо произвело на меня впечатлѣніе непріятное. Въ отвѣтъ на ваши «разглагольствованія», какъ вы говорите, позвольте мнѣ тоже предложить вамъ одинъ вопросъ: *къ чему*? Что вамъ до меня, что мнѣ до васъ? Я не предполагаю въ васъ никакихъ дурныхъ намѣреній.... напротивъ, я благодарна вамъ за ваше участіе.... но мы другъ другу чужды, и я, теперь по-крайней-мѣрѣ, не чувствую ни малѣйшаго желанія сблизиться съ кѣмъ бы то ни было.

Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь и т. д.

Марья Б....

III.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ. Марта 30.

Благодарю васъ, Марья Александровна, благодарю васъ за вашу записку, какъ она ни суха. Все это время я находился въ большомъ волненьи; я двадцать разъ на день думалъ о васъ и о моемъ письмѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ язвительно я насмѣхался надъ самимъ-собою; но теперь я въ отличномъ расположеніи духа и глажу себя по головкѣ. Марья Александровна, я вступаю въ переписку съ вами! Признайтесь, вы этого никакъ не могли ожидать послѣ вашего отвѣта; я

самъ удивляюсь моей смѣлости... была не была! Но успокойтесь: я хочу говорить съ вами не о васъ, а о себѣ. Вотъ видите ли: мнѣ непремѣнно нужно, говоря старинным слогомъ, высказаться передъ кѣмъ-нибудь. Я не имѣю никакого права избрать васъ въ свои повѣренныя — согласенъ; но послушайте: я не требую отъ васъ отвѣта на мои посланія; я даже не хочу знать, станете ли вы читать мои «разглагольствованія», но не возвращайте мнѣ моихъ писемъ, ради всего святаго!

Послушайте, я совершенно-одинокъ на землѣ. Въ молодости я велъ жизнь уединенную, хотя, помнится, никогда не прикидывался Байрономъ; но, во-первыхъ, обстоятельства, во-вторыхъ, способность фантазировать и любовь къ фантазіи, довольно-холодная кровь, гордость, лѣнь—словомъ, множество разныхъ причинъ отдалило меня отъ общества людей. Переходъ отъ жизни мечтательной къ дѣйствительной совершился во мнѣ поздно... можетъ-быть, слишкомъ-поздно, можетъ-быть, досихъ-поръ не вполнѣ. Пока меня тѣшили собственныя мои мысли и чувства, пока я былъ способенъ предаваться безпричиннымъ, молчаливымъ восторгамъ, и т. д., я не жаловался на свое одиночество. У меня не было товарищей—были такъ-называемые друзья. Иногда я нуждался въ ихъ присутствіи, какъ электрическая машина нуждается въ разрядникѣ — и только. Любовь... объ этомъ предметѣ мы пока помолчимъ. Но теперь, признаюсь, теперь одиночество тяготитъ меня, а между-тѣмъ я не вижу никакого выхода изъ моего положенія. Я не виню судьбы; я одинъ виноватъ, и подѣломъ наказанъ. Въ молодости меня занимало одно: мое милое *я*; я принималъ свое добродушное самолюбіе за стыдливость; я чуждался общества — и вотъ теперь я самъ себѣ надоѣлъ страшно. Куда дѣться? Я никого не люблю; всѣ мои сближенія съ другими людьми какъ то натянуты и ложны; да и воспоминаній у меня нѣтъ, потому-что во всей моей прошедшей жизни я ничего не нахожу, кромѣ собственной моей особы. Спасите меня; вамъ я не клялся восторженно въ любви; васъ я не оглушалъ потокомъ болтливыхъ рѣчей; я довольно холодно прошелъ мимо васъ, и оттого именно рѣшаюсь теперь прибѣгнуть къ вамъ. (Я и прежде объ этомъ подумывалъ, да вы тогда не были свободны...) Среди

всѣхъ моихъ самодѣланныхъ ощущеній, радостей и страданій единственно-истиннымъ чувствомъ было то небольшое, но невольное влеченіе къ вамъ, которое завяло тогда, какъ одинокій колосъ среди негодныхъ травъ... Дайте мнѣ хоть разъ посмотрѣть въ лицо другое, въ другую душу, — мое собственное лицо мнѣ опротивѣло; я похожъ на человѣка, который былъ бы осужденъ весь свой вѣкъ жить въ комнатѣ съ зеркальными стѣнами... Я не требую отъ васъ никакихъ признаній—о Боже, нѣтъ! Подарите меня безмолвнымъ участіемъ сестры, или хоть простымъ любопытствомъ читателя—я васъ займу, право, займу.

А, впрочемъ, честь имѣю пребыть
вашимъ искреннымъ другомъ А. С.

IV.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Петербургъ. 3-го апрѣля.

Пишу опять къ вамъ, хотя и предвижу, что безъ вашего одобрѣнія скоро замолчу. Я долженъ сознаться, что вы не можете не чувствовать нѣкоторой недовѣрчивости ко мнѣ. Чтожь? вы, можетъ-быть, и правы. Прежде я торжественно объявилъ бы вамъ (и самъ, пожалуй, себѣ бы на слово повѣрилъ), что, со времени нашей разлуки, я «развился», ушелъ впередъ съ снисходительнымъ, почти ласковымъ презрѣніемъ отозвался бы я о своемъ прошедшемъ, съ трогательной хвастливостью посвятилъ бы васъ въ тайны своей настоящей, дѣйствительной жизни.... но теперь, увѣряю васъ, Марья Александровна, мнѣ даже совѣстно и гадко вспоминать о томъ, какъ нѣкогда разыгрывалось и тѣшилось мое дрянное самолюбіе. Не бойтесь: я не стану вамъ навязывать никакихъ великихъ истинъ, никакихъ глубокихъ взглядовъ; у меня нѣтъ ихъ—этихъ истинъ и взглядовъ. Я сталъ добрымъ малымъ — право. Мнѣ скучно, Марья Александровна, мнѣ просто мочи нѣтъ какъ скучно. Вотъ отчего я къ вамъ пишу... Мнѣ, право, кажется, что мы можемъ сойдтись...

Однако, я рѣшительно не въ состояніи говорить съ вами, пока вы мнѣ не протянете вашей руки, пока я не получу отъ васъ записки съ однимъ словомъ: «да».—Марья Александровна, хотите ли меня выслушать?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Преданный вамъ А. С.

V.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село.....но, 14 апрѣля.

Какой вы странный человѣкъ! Ну—да.

Марья Б.

VI.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Петербургъ, 2 мая 1840.

Ура! Спасибо, Марья Александровна, спасибо! Вы очень-доброе и снисходительное созданіе.

Начинаю, по обѣщанію, говорить о самомъ себѣ и буду говорить съ удовольствіемъ, доходящимъ до аппетита... Именно такъ. Обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но съ аппетитомъ говоришь только о самомъ-себѣ.

Послушайте, со мной на дняхъ случилось престранное происшествіе: я въ первый разъ оглянулся на свое прошедшее. Вы поймите меня: каждый изъ насъ часто вспоминаетъ о бываломъ—съ сожалѣніемъ или съ досадой, или просто такъ, отъ-нечего-дѣлать — но бросить холодный, ясный взглядъ на всю свою прошедшую жизнь — вотъ какъ прохожій, оборачиваясь, глядитъ съ высокой горы на пройденное имъ поле—можно только въ извѣстныя лѣта... и тайный холодъ охватитъ сердце человѣка, когда это съ нимъ случается въ первый разъ.

По-крайней-мѣрѣ у меня оно болѣзненно сжалось. Пока мы молоды—*такого* рода оглядки невозможны. Но молодость моя миновала—и, какъ тому прохожему на горѣ, мнѣ все ясно стало видно...

Да; прошла моя молодость, прошла невозвратно!... Вотъ она лежитъ передо мной, вся, какъ на ладони...

Невеселое зрѣлище! Признаюсь вамъ, Марья Александровна, мнѣ очень-жаль самого себя. Боже мой! Боже мой! Возможно ли, чтобъ я самъ до такой степени испортилъ собственную жизнь, такъ безжалостно путалъ и мучилъ себя... Теперь я образумился, но ужь поздно. Случалось ли вамъ спасти муху отъ паука? Случалось? Помните, вы посадили ее на солнцѣ; крылья, ножки у ней слѣплены, склеены... Какъ она неловко движется, какъ неловко старается обчиститься!... Послѣ долгихъ усилій, она кое-какъ оправляется, ползетъ, пытается расправить крылья... но не гулять ужь ей по прежнему, не жужжать беззаботно на солнцѣ, то влетая черезъ раскрытое окно въ прохладную комнату, то опять свободно выносясь на горячій воздухъ... Она по-крайней-мѣрѣ не по своей волѣ попала въ грозныя сѣти... а я!

Я былъ собственнымъ своимъ паукомъ.

И между-тѣмъ, я не могу слишкомъ винить себя. Да и кто, скажите на-милость, кто бываетъ когда-нибудь въ чемъ-нибудь виноватъ—одинъ? Или, лучше сказать, всѣ мы виноваты, да винить-то насъ все-таки нельзя. Обстоятельства насъ опредѣляютъ; они наталкиваютъ насъ на ту или другую дорогу и потомъ они же насъ казнятъ. У каждаго человѣка есть своя судьба .. Постойте! постойте! Мнѣ на этотъ счетъ приходитъ въ голову хитросплетенное, но справедливое сравнение. Какъ облака сперва слагаются изъ паровъ земли, возстаютъ изъ нѣдръ ея, потомъ отдѣляются, отчуждаются отъ нея и несутъ ей наконецъ благодать или гибель: такъ около каждаго изъ насъ и изъ насъ же самихъ образуется... какъ бы это сказать? образуется родъ стихіи, которая потомъ разрушительно или спасительно дѣйствуетъ на насъ же. Эту-то стихію я называю судьбой... Другими словами и говоря просто: каждый дѣлаетъ свою судьбу и каждаго она дѣлаетъ...

Каждый дѣлаетъ свою судьбу—да!... но нашъ братъ слиш-

комъ–много ее дѣлаетъ—вотъ въ чемъ наша бѣда! Слишкомъ–рано пробуждается въ насъ сознательность; слишкомъ–рано начинаемъ мы наблюдать за самими–собою... У насъ нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять–таки разработка нашей личности, и вотъ мы, едва–возмужалыя дѣти, уже принимаемся разработывать ее, эту нашу несчастную личность! Не получивъ извнѣ никакого опредѣленнаго направленія, ничего дѣйствительно не уважая, ничему крѣпко не вѣря, мы вольны дѣлать изъ себя что хотимъ... нельзя же требовать отъ каждаго, чтобъ онъ тотчасъ понялъ безплодность ума, «кипящаго въ дѣйствіи пустомъ»!... и вотъ опять на свѣтѣ однимъ уродомъ больше, больше однимъ изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, въ которыхъ привычки себялюбія искажаютъ самое стремленіе къ истинѣ, смѣшное простодушіе живетъ рядомъ съ жалкимъ лукавствомъ... однимъ изъ тѣхъ существъ, обезсиленной, безпокойной мысли которыхъ незнакомо во–вѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣжденія... Совмѣщая въ себѣ недостатки всѣхъ возрастовъ, мы лишаемъ каждый недостатокъ его хорошей, выкупающей стороны... Мы глупы какъ дѣти, но мы не искренни какъ они; мы холодны какъ старики, но старческаго благоразумія нѣтъ въ насъ... За–то мы психологи. О, да мы большіе психологи! Но наша психологія сбивается на патологію; наша психологія—это хитростное изученіе законовъ больнаго состоянія и больнаго развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла... А главное, мы не молоды, въ самой молодости не молоды!

И между–тѣмъ—зачѣмъ клеветать на себя? Будто ужь и мы никогда не были молоды, будто въ насъ никогда не играли, не кипѣли, не дрожали силы жизни? И мы бывали въ Аркадіи, и мы скитались по свѣтлымъ ея полямъ!.. Случалось ли вамъ, гуляя по кустарнику, натыкаться на тѣхъ темныхъ кузнечиковъ, которые, прыгнувъ изъ–подъ самыхъ ногъ, съ трескомъ раскрываютъ вдругъ ярко–красныя крылья, перелетятъ нѣсколько шаговъ и тутъ же падаютъ опять въ траву? Точно такъ и наша темная молодость иногда распускала на нѣсколько мгновеній и не на долгій полетъ свои пестрыя крылышки... Помните ли вы наши безмолвныя вечернія прогулки

вчетверомъ вдоль ограды вашего сада, послѣ какого-нибудь долгаго, теплаго, живаго, разговора? Помните ли вы тѣ благодатныя мгновенія? Природа ласково и величаво принимала насъ въ свое лоно. Мы входили, замирая, въ какія-то блаженныя волны. Кругомъ вечерняя заря разгаралась внезапнымъ и нѣжнымъ багрянцемъ; отъ заалѣвшагося неба, отъ просвѣтленной земли, отовсюду, казалось, вѣяло огнистымъ и свѣжимъ дыханьемъ молодости, радостнымъ торжествомъ какого-то безсмертнаго счастья; заря пылала; подобно ей, тихо и страстно пылали восторженныя наши сердца, и мелкіе листья молодыхъ деревьевъ чутко и смутно дрожали надъ нами, какъ-будто отвѣчая внутреннему трепету неясныхъ чувствъ и ожиданій въ насъ. Помните вы эту чистоту, эту доброту и довѣрчивость помысловъ, это умиленіе благородныхъ надеждъ, это молчаніе полноты? Неужели мы и тогда не стоили чего-нибудь лучшаго, чѣмъ то, къ чему насъ довела жизнь? Отчего намъ было суждено только изрѣдка завидѣть желанный берегъ и никогда не стать на него твердой ногою, не коснуться его,

Не плакать сладостно, какъ первый іудей
На рубежѣ страны обѣтованной?

Эти два стиха Фета напомнили мнѣ другіе, его же... Помните, какъ мы однажды, стоя на дорогѣ, увидѣли въ дали облачко розовой пыли, поднятой легкимъ вѣтромъ противъ заходящаго солнца? «Облакомъ волнистымъ», начали вы, и мы всѣ тотчасъ притихли и стали слушать:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ въ дали...
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли.
Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекій—
Вспомни обо мнѣ!

Вы замолкли... Мы такъ и вздрогнули всѣ, какъ-будто дуновеніе любви промчалось по нашимъ сердцамъ и каждаго изъ насъ—я въ томъ увѣренъ—неотразимо потянуло въ даль, въ ту неизвѣстную даль, гдѣ призракъ блаженства встаетъ и манитъ среди тумана. И между-тѣмъ, замѣтьте странность: зачѣмъ,

казалось, намъ было стремиться въ даль? Развѣ мы не были влюблены другъ въ друга? Развѣ счастіе не было «такъ близко, такъ возможно»? А я еще сейчасъ васъ спрашивалъ: отчего мы не коснулись желаннаго берега? Оттого, что ложь ходила рука–объ–руку съ нами, оттого, что она отравляла лучшія наши чувства; оттого, что все въ насъ было искусственно и натянуто, что мы вовсе не любили другъ друга, а только силились любить, воображали, что любимъ...

Но полно, полно! Къ–чему растравлять свои раны? Притомъ же все это прошло невозвратно. Что̀ было хорошаго въ нашемъ прошедшемъ—меня разстрогало, и на этомъ хорошемъ я пока прощаюсь съ вами. Пора же и кончить это длинное письмо. Пойду подышать здѣшнимъ майскимъ воздухомъ, въ которомъ сквозь зимнюю сухую крѣпость весна пробивается какой–то влажной и острой теплотой. Прощайте.

Вашъ А. С.

VII.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село..... но. 20-го мая

Я получила ваше письмо, Алексѣй Петровичъ, и знаете ли какое чувство оно во мнѣ возбудило?—негодованіе.... да! негодованіе.... и я вамъ сейчасъ объясню почему именно это чувство оно во мнѣ возбудило. Одна бѣда: я не владѣю перомъ, рѣдко писала, не умѣю точно и въ немногихъ словахъ выражать свои мысли; но вы, я надѣюсь, прійдете мнѣ на помощь. Вы сами постараетесь понять меня, хотя бы для того, чтобъ узнать, почему я на васъ негодую.

Скажите мнѣ—вы умный человѣкъ—спросили ли вы себя когда–нибудь, что̀ такое русская женщина? какая ея судьба, ея положеніе въ свѣтѣ—словомъ, что̀ такое ея жизнь? Я не знаю, имѣли ли вы время задать себѣ этотъ вопросъ, и не могу себѣ представить, ка̀къ бы вы на него отвѣтили.... Я, можетъ–быть, въ разговорѣ была бы въ состояніи сообщить

вамъ мои мысли на этотъ счетъ, но на бумагѣ едва-ли съумѣю. Впрочемъ, все-равно. Вотъ въ чемъ дѣло: вы со мной навѣрно согласитесь, что мы, женщины, по-крайней мѣрѣ тѣ изъ насъ, которыя не удовлетворяются обыкновенными заботами домашней жизни, получаемъ свое окончательное образованіе все-таки отъ васъ—мужчинъ: вы на насъ имѣете сильное и большое вліяніе. Теперь посмотрите, что̀ вы дѣлаете съ нами. Станемъ говорить о молодыхъ дѣвушкахъ, особенно о тѣхъ, которыя, какъ я, живутъ въ глуши, а такихъ очень много въ Россіи. Притомъ же я другихъ не знаю и не могу судить о нихъ. Представьте себѣ такую дѣвушку. Вотъ ея воспитаніе кончено; она начинаетъ жить, веселиться; но одного веселья ей мало. Она многаго требуетъ отъ жизни; она читаетъ, мечтаетъ о любви—все объ одной любви! скажите вы.... Положимъ; но для нея это слово много значитъ. Я опять-таки скажу, что говорю не о такой дѣвушкѣ, которой тягостно и скучно мыслить.... Она оглядывается, ждетъ, когда же придетъ тотъ, о комъ ея душа тоскуетъ.... Наконецъ онъ является: она увлечена; она въ рукахъ его какъ мягкій воскъ. Все—и счастье, и любовь, и мысль—все вмѣстѣ съ нимъ нахлынуло разомъ; всѣ ея тревоги успокоены, всѣ сомнѣнія разрѣшены имъ; устами его, кажется, говоритъ сама истина; она благоговѣетъ передъ нимъ, стыдится своего счастья, учится, любить. Велика его власть въ это время надъ нею!... Еслибъ онъ былъ героемъ, онъ бы воспламенилъ ее, онъ бы научилъ ее жертвовать собою, и легки были бы ей всѣ жертвы! Но героевъ въ наше время нѣтъ.... Все же онъ направляетъ ее куда ему угодно; она предается тому, что̀ его занимаетъ; каждое слово его западаетъ ей въ душу: она еще не знаетъ тогда, какъ ничтожно и пусто и ложно можетъ быть слово, какъ мало стоитъ оно тому, кто его произноситъ, и какъ мало заслуживаетъ вѣры! За этими первыми мгновеніями блаженства и надеждъ обыкновенно слѣдуетъ—по обстоятельствамъ—(обстоятельства всегда виновны)—слѣдуетъ разлука. Говорятъ, бывали примѣры, что двѣ родныя души, узнавъ другъ друга, тотчасъ соединялись неразрывно; слышала я также, что отъ этого имъ не всегда становилось легко.... Но чего я не видала сама, о томъ не говорю—а что разсчетъ самый мелкій,

осторожность самая жалкая могутъ жить въ молодомъ сердцѣ рядомъ съ самой страстной восторженностью—это я, къ сожалѣнію, испытала на опытѣ. И такъ, наступаетъ разлука.... Счастлива та дѣвушка, которая узнаётъ тотчасъ, что всему конецъ, которая не тѣшитъ себя ожиданіемъ! Но вы, храбрые, справедливые мужчины, большею-частью не имѣете ни духа, ни даже желанія сказать намъ истину.... вамъ спокойнѣе обмануть насъ.... Впрочемъ, я готова вѣрить, что вы сами себя обманываете вмѣстѣ съ нами.... Разлука! Разлуку переносить и трудно и легко. Была бы цѣла и неприкосновенна вѣра въ того, кого любишь—тоску разлуки побѣдитъ душа.... Скажу болѣе: только тогда, оставшись одною, узнаетъ она сладость уединенія, не безплоднаго, но исполненнаго воспоминаній и думъ; только тогда она себя узнаетъ, прійдетъ въ себя, окрѣпнетъ.... въ письмахъ далекаго друга найдетъ она себѣ опору; въ своихъ она, можетъ-быть, въ первый разъ выскажется вполнѣ.... Но какъ два человѣка, отправившіеся отъ источника рѣки по разнымъ ея берегамъ, сперва могутъ подать другъ другу руку, потомъ только сообщаются голосомъ, наконецъ уже теряютъ другъ друга изъ виду: такъ и два существа разъединяются наконецъ разукой. Такъ чтòжь! скажете вы: видно, имъ не было суждено идти вмѣстѣ.... Но тутъ то и является различіе между мужчиной и женщиной. Мужчинѣ ничего не значитъ начать новую жизнь, стряхнуть съ себя долой все прошедшее: женщина этого не можетъ. Нѣтъ, не можетъ она сбросить свое прошедшее, не можетъ оторваться отъ своего корня—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! И вотъ наступаетъ жалкое и смѣшное зрѣлище.... Постепенно теряя и надежду и вѣру въ себя—а какъ это тяжело, вы и представить не можете! — она гаснетъ и вянетъ одна, упорно придерживаясь своихъ воспоминаній и отворачиваясь ото всего, чтò окружающая жизнь ей представляетъ.... А онъ?... Ищите его! гдѣ онъ! И стòитъ ли ему останавливаться? когда ему оглядываться? Вѣдь это все для него дѣло прошлое. А то вотъ еще чтò бываетъ: бываетъ, что онъ вдругъ пожелаетъ встрѣтиться съ прежнимъ своимъ предметомъ, даже нарочно съѣздитъ къ нему.... Но, Боже мой! изъ какого мелкаго тщеславія онъ это дѣлаетъ! Въ его учтивомъ состраданіи, въ его будто-дружескихъ совѣтахъ, въ его снисходительномъ

объясненіи прошедшаго слышится такое сознаніе своего превосходства! Такъ ему пріятно и весело давать самому себѣ чувствовать каждую минуту—какой онъ умница и какъ онъ добръ! И какъ мало понимаетъ онъ, что онъ сдѣлалъ! Какъ онъ умѣетъ даже не догадываться о томъ, что происходитъ въ сердцѣ женщины, и какъ онъ обидно сожалѣетъ о ней, если и догадывается!...

Скажите, пожалуйста, откуда взять ей силу переносить все это? Вспомните еще вотъ что: большей-частью дѣвушка, у которой, на ея бѣду, мысль зашевелилась въ головѣ, эта дѣвушка, начавъ любить, подпавъ подъ вліяніе мужчины, невольно отдѣляется отъ своей семьи, отъ знакомыхъ. Она и прежде не удовлетворялась ихъ жизнью, однако шла рядомъ съ ними, сохраняя въ душѣ всѣ свои завѣтныя тайны.... Но разрывъ скоро дѣлается видимымъ.... Они перестаютъ ее понимать, готовы заподозрить каждое ея движеніе.... Сперва ей до этого дѣла нѣтъ, но потомъ, потомъ, когда она остается одна, когда то, къ чему она стремилась и для чего она пожертвовала всѣмъ, когда ей небо не далось, а все близкое, все возможное удалилось—что ее поддержитъ? Насмѣшки, намеки, пошлое торжество грубаго здраваго разсудка она еще какъ-нибудь перенесетъ.... но что ей дѣлать, къ чему прибѣгнуть, когда внутренній голосъ начнетъ шептать ей самой, что тѣ всѣ были правы, а она ошибалась, что жизнь, какая бы она ни была, лучше мечтаній, какъ здоровье лучше болѣзни.... когда любимыя занятія, любимыя книги ей опротивятъ, книги, изъ которыхъ не вычитаешь себѣ счастья—что, скажите, что ее поддержитъ? Какъ не изнемочь въ такой борьбѣ? какъ жить и продолжать жить въ такой пустынѣ? Сознавать себя побѣжденной и нищенски протягиваетъ руку къ людямъ равнодушнымъ: не подарятъ ли хоть они тѣмъ участіемъ, безъ котораго гордое сердце когда-то воображало, что можетъ обойдтись — это все еще ничего; но чувствовать себя смѣшною въ то самое мгновеніе, когда проливаешь горькія, горькія слезы.... ахъ! не дай Богъ испытать это....

Руки мои дрожатъ, и я вся въ лихорадкѣ.... Лицо горитъ. Пора перестать.... Поскорѣй отправлю это письмо, пока мнѣ не стало стыдно своей слабости. Но ради Бога, въ вашемъ

отвѣтѣ ни слова—слышите, ни слова сожалѣнья, а то я никогда къ вамъ писать не буду. Поймите меня: я бы не хотѣла, чтобъ вы приняли это письмо за изліяніе непонятой души, которая жалуется.... Ахъ! мнѣ все-равно! Прощайте.

М.

VIII.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ. 28-го мая 1840.

Марья Александровна, вы прекрасное существо.... вы.... ваше письмо открыло мнѣ наконецъ истину! Господи Боже мой! что̀ это за мученіе! Человѣкъ то-и-дѣло думаетъ, что вотъ теперь-то ужь онъ добился простоты, не рисуется болѣе, не ломается, не лжетъ.... а какъ всмотришься въ него по пристальнѣе—чуть-ли не хуже онъ прежняго сталъ. И вотъ что̀ еще должно замѣтить: человѣкъ самъ, одинъ то-есть, никогда не дойдетъ до этого сознанья, какъ онъ ни хлопочи; глазъ его не видитъ собственныхъ недостатковъ, какъ притупѣвшій глазъ наборщика не видитъ опечатокъ: тутъ нуженъ другой, свѣжій глазъ. Спасибо вамъ, Марья Александровна.... Вы видите, я говорю вамъ о себѣ; о васъ я говорить не смѣю.... Ахъ, какъ смѣшно мнѣ кажется теперь мое послѣднее письмо, столь краснорѣчивое и чувствительное! Продолжайте, прошу васъ убѣдительно, вашу исповѣдь; мнѣ сдается, что и вамъ отъ этого будетъ легче, и мнѣ оно принесетъ пользу. Пословица не даромъ гласитъ: «женскій умъ лучше многихъ думъ», а женское сердце и подавно—ей-Богу! Еслибъ женщины знали, на сколько онѣ добрѣе, великодушнѣе и умнѣе мужчинъ—именно умнѣе—онѣ бы возгордились и испортились бы; но онѣ, къ-счастью, этого не знаютъ, не знаютъ потому, что ихъ мысль не привыкла безпрестанно возвращаться къ самой-себѣ, какъ у нашего брата. Онѣ о себѣ мало думаютъ—это и слабость ихъ и сила; въ этомъ заключается вся тайна—не скажу нашего превосходства, а нашего могущества. Онѣ расточаютъ свою душу,

какъ щедрый наслѣдникъ отцовское золото, а мы съ каждаго вздора беремъ проценты.... Гдѣ жь имъ тягаться съ нами?... Это все не комплементы, а простая, опытомъ доказанная истина. Вторично прошу васъ, Марья Александровна, продолжать писать ко мнѣ.... Еслибъ вы знали все, что̀ мнѣ приходитъ въ голову!... Но мнѣ теперь не хочется говорить, мнѣ хочется васъ слушать.... Моя рѣчь будетъ впереди. Пишите, пишите

Преданный вамъ А. С.

IX.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село.....но. 12-го іюня.

Я не успѣла отправить къ вамъ мое послѣднее письмо, Алексѣй Петровичъ, какъ уже раскаялась; но дѣлать было нечего. Одно меня нѣсколько успокоиваетъ: я увѣрена, что вы поняли, подъ вліяніемъ какихъ давно-подавленныхъ чувствъ оно было написано, и извинили меня. Я даже не перечла тогда, что̀ я вамъ такое написала; помню, сердце мое стучало такъ сильно, что перо дрожало въ рукѣ. Впрочемъ, хотя я, вѣроятно, иначе бы выразилась, еслибъ дала себѣ время подумать, я все-таки не намѣрена отказаться ни отъ словъ своихъ, ни отъ чувствъ, которыя передала вамъ, какъ умѣла. Сегодня я гораздо-хладнокровнѣе и гораздо-болѣе владѣю собою....

Помнится, я въ концѣ письма говорила о тяжёломъ положеніи дѣвушки, которая сознаетъ себя одинокою даже между своими.... Я не стану больше распространяться объ этомъ, а лучше сообщу вамъ кой-какія подробности: мнѣ кажется, этакъ я вамъ меньше надоѣмъ.

Во-первыхъ, знайте, что меня во всемъ околоткѣ иначе не называютъ какъ философкой; особенно дамы меня величаютъ этимъ именемъ. Иные утверждаютъ, что я сплю съ латинской книгой въ рукахъ и въ очкахъ; другія—что я умѣю извлекать какіе-то кубическіе корни; ни одна изъ нихъ не сомнѣвается въ томъ, что я исподтишка ношу мужскую одежду и вмѣсто

«здравствуйте», отрывисто говорю «Жоржъ-Зандъ!»—и негодованіе на философку возрастаетъ. У насъ есть сосѣдъ, человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, большой острякъ.... по-крайней-мѣрѣ, онъ слыветъ большимъ острякомъ.... для него моя бѣдная особа—неистощимый предметъ насмѣшекъ. Онъ разсказываетъ обо мнѣ, что какъ-только луна взойдетъ на небо, такъ ужь я и не могу глазъ отъ нея отвести и самъ представляетъ, какъ я гляжу; что я даже кофе пью не со сливками, а съ луной, то-есть подставляю чашку подъ ея лучи. Онъ божится, что я употребляю фразы въ родѣ слѣдующей: «это легко, потому-что трудно, хотя, съ другой стороны, оно трудно, потому что легко».... Онъ увѣряетъ, что я все ищу какого-то слова, все стремлюсь «туда», и съ комическою яростью спрашиваетъ: «куда—туда? куда?» Онъ также распространилъ обо мнѣ слухъ, будто я по ночамъ ѣзжу верхомъ взадъ и впередъ по рѣкѣ вбродъ и пою при этомъ серенаду Шуберта, или просто стонаю: «Бетховенъ, Бетховенъ!» Такая она, дескать, пылкая старушка! и т. д. и т. д. Разумѣется, все это тотчасъ до меня доходитъ. Васъ это, можетъ-быть, удивляетъ, но не забудьте, что со времени вашего пребыванія въ здѣшнихъ краяхъ прошло четыре года. Помните, какъ всѣ тогда на насъ косились.... Теперь пришла ихъ очередь. И это еще все ничего. Мнѣ приходится слышать слова гораздо-больнѣе проникающія въ сердце. Не говорю уже о томъ, что моя бѣдная, добрая матушка никакъ не можетъ мнѣ простить равнодушіе вашего брата; но вся жизнь моя по огню бѣжитъ, какъ выражается моя няня. «Конечно», слышу я то-и-дѣло: «куда намъ за тобой! мы люди простые, руководствуемся однимъ здравымъ смысломъ; а впрочемъ, какъ подумаешь, всѣ эти умствованія, да книги, да знакомства тамъ съ учеными, къ чему тебя привели?» Вы, можетъ-быть, помните мою сестру—не ту, къ которой вы нѣкогда не были равнодушны, а другую—старшую, которая замужемъ. Мужъ ея, вы помните, такой простой, довольно-смѣшной человѣкъ; вы надъ нимъ тогда часто подтрунивали. А вѣдь она счастлива: мать семейства, любитъ мужа, мужъ въ ней души не чаетъ.... «Я какъ всѣ», говоритъ она мнѣ иногда: «а ты?» И она права: я ей завидую....

А между-тѣмъ, я чувствую, все-таки я бы не желала по-

мѣняться съ нею. Пусть зовутъ меня филосовкой, чудачкой, чѣмъ угодно—я останусь до конца вѣрна.... чему? — идеалу, что̀ ли?

Да́, идеалу. Да̀, я останусь до конца вѣрна тому, отъ чего въ первый разъ забилось мое сердце—тому, что̀ я признала и признаю правдой и добромъ.... Лишь бы силы мнѣ не измѣнили, лишь бы кумиръ мой не оказался бездушнымъ и нѣмымъ идоломъ....

Если вы точно чувствуете ко мнѣ дружбу, если вы точно меня не забыли, вы должны помочь мнѣ, вы должны разсѣять мои сомнѣнья, подкрѣпить мои вѣрованія....

А, впрочемъ, какую помощь можете вы подать мнѣ? «Все это пустяки, турусы на колесахъ» — говорилъ мнѣ вчера мой дядя—вы его, кажется, не знаете—отставной морякъ, очень-неглупый человѣкъ:—«мужъ, дѣти, горшокъ щей; за мужемъ и дѣтьми ухаживать, а за горшкомъ наблюдать—вотъ что̀ нужно женщинѣ».... Скажите, вѣдь онъ правъ?

Если онъ точно правъ, я еще могу исправить прошедшее, я еще могу попасть въ общую колею. Чего мнѣ еще ждать? на что̀ надѣяться? Въ одномъ вашемъ письмѣ вы говорили о крыльяхъ молодости. Какъ часто, какъ долго они бываютъ связаны! А потомъ приходитъ время, когда они отпадаютъ, и подняться надъ землею, полетѣть къ небу уже нельзя. Пишите мнѣ.

Ваша М.

X.

Отъ Алексѣя Петровича къ Маріѣ Александровнѣ.

Сактпетербургъ. 19-го іюня 1840 года.

Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, милая Марья Александровна. Признаюсь вамъ, что еслибъ.... не скажу дѣла — ихъ у меня нѣтъ—еслибъ не глупая привычка къ здѣшнему мѣсту, я бы уѣхалъ опять къ вамъ и наговорился бы до-сыта, а на бумагѣ все это выходитъ такъ холодно и мертво....

Марья Александровна, повторяю вамъ: женщины лучше муж-

щинъ, и вы должны доказать это на-дѣлѣ. Пускай нашъ братъ либо бросаетъ свои убѣжденія, какъ износившуюся одежду, либо мѣняетъ ихъ изъ за куска хлѣба, либо, наконецъ, даетъ имъ заснуть безпробуднымъ сномъ, и ставитъ надъ ними, какъ надъ мертвецомъ, нѣкогда милымъ, надгробный камень, къ которому лишь изрѣдка ходитъ молиться—пускай нашъ братъ все это дѣлаетъ; но вы, женщины, не измѣняйте себѣ, не измѣняйте своему идеалу.... Это слово стало смѣшно.... Смѣшнаго бояться—правды не любить. Случается, точно, что нелѣпый хохотъ глупца заставляетъ даже хорошихъ людей отказаться ото многаго.... хоть-бы, напримѣръ, отъ защиты отсутствующаго друга.... самъ я въ этомъ грѣшенъ. Но, повторяю, вы, женщины, лучше насъ.... Въ мелочахъ вы скорѣе насъ сдадитесь; но черту въ глаза посмотрѣть вы умѣете лучше насъ. Не совѣтъ и не помощь я вамъ хочу подать—гдѣ мнѣ! да вамъ и не того нужно; но я вамъ протягиваю руку, я говорю вамъ: терпите, боритесь до конца, и знайте, что, какъ чувство, сознанье честно выдержанной борьбы едва-ли не выше торжества побѣды.... Побѣда зависитъ не отъ насъ.

Конечно, вашъ дядя съ извѣстной точки зрѣнія правъ: семейная жизнь—все для женщины; для нея другой жизни нѣтъ. Но чтожь это доказываетъ? Одни іезуиты утверждаютъ, что всякое средство хорошо, лишь бы достигнуть цѣли. Неправда! неправда! Съ ногами, осквернеными грязью дороги, недостойно войдти въ чистый храмъ. Въ концѣ вашего письма есть фраза, которая мнѣ не нравится: вы хотите попасть въ общую колею; смотрите, не оступитесь! Притомъ не забудьте: прошедшаго изгладить не льзя; и какъ ни старайтесь, какъ ни принуждайте себя, сестрою вашей вы не сдѣлаетесь. Вы стали выше ея; но душа ваша надломлена, ея—цѣла. Ниспуститься до нея, нагнуться къ ней вы можете, но природа правъ своихъ не уступитъ, и надломленное мѣсто не заростетъ....

Вы боитесь—будемте говорить безъ обиняковъ—вы боитесь остаться старой дѣвушкой. Вамъ, я знаю, ужь двадцать-шесть лѣтъ. Дѣйствительно, положеніе старыхъ дѣвушекъ незавидно: всѣ такъ охотно смѣются надъ ними; всѣ съ такой невеликодушной радостью подмѣчаютъ ихъ странности и слабости; но если поглядѣть попристальнѣе на любаго ужь старѣющаго хо-

лостяка — и на него стоитъ уставиться пальцемъ: найдется и въ немъ надъ чѣмъ нахохотаться вдоволь. Что дѣлать? Съ бою счастья не возьмешь. Но не должно забывать, что не счастье, а достоинство человѣческое—главная цѣль въ жизни.

Вы описываете ваше положеніе съ большимъ юморомъ. Я хорошо понимаю всю горечь его; ваше положеніе можно, пожалуй, назвать трагическимъ. Но знайте, не вы однѣ въ немъ находитесь: почти нѣтъ современнаго человѣка, который бы не находился въ немъ. Вы скажете, что отъ этого вамъ не легче; а я такъ думаю, что страдать вмѣстѣ съ тысячами совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ страдать одному. Тутъ не въ эгоизмѣ дѣло, а въ чувствѣ общей необходимости.

Все это прекрасно, положимъ, скажете вы.... но въ дѣйствительности непримѣнимо. Почему же непримѣнимо? Я досихъ-поръ думаю и, надѣюсь, никогда не перестану думать, что въ Божьемъ мірѣ все честное, доброе, истинное примѣнимо и рано или поздно исполнится, и не только исполнится, но ужь теперь исполняется; держись только каждый крѣпко на своемъ мѣстѣ, не теряй терпѣнія, не желай невозможнаго, но дѣлай, на сколько хватаетъ силъ. Впрочемъ, я, кажется, ужь слишкомъ вдался въ отвлеченности. Отложу продолженіе моихъ разсужденій до другаго письма; но не хочу положить пера, не пожавъ вамъ крѣпко, крѣпко руки и не пожелавъ вамъ отъ души всего хорошаго на землѣ. Вашъ А. С.

P. S. Кстати! вы говорите, что вамъ нечего ждать, не на что надѣяться; почему вы это знаете, позвольте спросить?

XI.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но. 30-го іюня 1840 года.

Какъ я благодарна вамъ за ваше письмо, Алексѣй Петровичъ! Какъ много пользы оно принесло мнѣ! Я вижу, вы точно добрый и надежный человѣкъ, и потому не буду скрытничать передъ вами. Я вамъ вѣрю. Я знаю, вы не употребите

во зло моей откровенности и подадите мнѣ дружескій совѣтъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Вы замѣтили въ концѣ моего письма фразу, которая вамъ не совсѣмъ понравилась. Вотъ къ чему она относилась. Здѣсь есть сосѣдъ... при васъ онъ тутъ не былъ, и вы его не видали. Онъ.... я бы могла выйдти за него замужъ, еслибъ захотѣла; онъ человѣкъ еще молодой, образованный, съ состояніемъ. Препятствій со стороны моихъ родныхъ нѣтъ; напротивъ, они — я это навѣрное знаю — желаютъ этого брака; онъ человѣкъ хорошій и, кажется, меня любитъ.... но онъ такъ малъ и мелокъ, всѣ желанія его такъ ограничены, что я не могу не сознавать моего превосходства надъ нимъ; онъ это чувствуетъ, и какъ-будто радуется этому, а именно этото и отталкиваетъ меня отъ него; я его уважать не могу, хотя сердце у него прекрасное. Что мнѣ дѣлать, скажите? Подумайте за меня и напишите мнѣ искренно ваше мнѣніе.

Но какъ я вамъ благодарна за ваше письмо!... Знаете ли, меня иногда посѣщали такія горькія мысли.... Знаете ли, я доходила до того, что почти стыдилась всякаго—не скажу ужь восторженнаго, всякаго довѣрчиваго чувства, съ досадой закрывала книгу, когда въ ней говорилось о надеждѣ и счастіи, отворачивалась отъ безоблачнаго неба, отъ свѣжей зелени деревьевъ, ото всего, что́ улыбалось и радовалось. Какое это было тяжелое состояніе! Я говорю: было.... какъ-будто оно прошло!

Не знаю, прошло ли оно; знаю, что если оно не возвратится, я вамъ этимъ буду обязана. Видите ли, Алексѣй Петровичъ, какъ много вы надѣлали добра, можетъ-быть, сами того не подозрѣвая! Кстати, знаете ли, что мнѣ очень васъ жаль? Теперь самый разгаръ лѣта, дни стоятъ чудные, небо синее, яркое.... Въ Италіи оно не можетъ быть прекраснѣй, а вы сидите въ душномъ и пыльномъ городѣ, ходите по жгучей мостовой. Что вамъ за охота? Хотя бы на дачу вы куда нибудь переселились. Говорятъ, за Петергофомъ, на берегу моря, есть прелестныя мѣста.

Хотѣла бы еще писать къ вамъ, но невозможно: изъ сада повѣяло такимъ сладкимъ запахомъ, что нельзя оставаться въ

комнатѣ. Надѣваю шляпу и иду гулять.... До другаго раза, добрый Алексѣй Петровичъ.

Преданная вамъ М. Б.

P. S. Я забыла вамъ сказать.... вообразите вы себѣ, тотъ острякъ, о которомъ я вамъ писала, на-дняхъ — представьте, объяснился мнѣ въ любви, и въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ. Я сперва думала, что онъ смѣется надо мной, но онъ кончилъ формальнымъ предложеніемъ—каковъ, послѣ всѣхъ его клеветъ? Но онъ рѣшительно слишкомъ-старъ. Вчера ночью я, ему въ пику, сѣла за фортепьяно передъ раскрытымъ окномъ, при свѣтѣ луны и играла Бетховена. Мнѣ было такъ весело чувствовать ея холодный свѣтъ на моемъ лицѣ, такъ отрадно оглашать душистый ночной воздухъ благородными звуками музыки, сквозь которые по временамъ слышалось пѣніе соловья! Я давно не была такъ счастлива. А вы, однако, напишите мнѣ о чемъ я васъ просила въ началѣ письма: это очень-важно.

XII.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санкпетербургъ. 8-го іюля 1840 года.

Милая Марья Александровна, вотъ мое мнѣніе въ двухъ словахъ: и стараго холостяка и молодаго вздыхателя—обоихъ за бортъ! Объ этомъ и разсуждать нечего. Ни тотъ, ни другой васъ не стоютъ—это ясно, какъ дважды два—четыре. Молодой сосѣдъ, можетъ-быть, и добрый человѣкъ, да Богъ съ нимъ! Я увѣренъ, что между нимъ и вами нѣтъ ничего общаго, и можете себѣ вы представить, какъ вамъ весело будетъ жить вдвоемъ! Да и къ чему спѣшить? Сбыточное ли дѣло, чтобъ женщина, подобная вамъ—я не хочу говорить комплиментовъ, и потому не распространяюсь болѣе — чтобъ такая женщина не встрѣтила никого, кто съумѣлъ бы оцѣнить ее? Нѣтъ, Марья Александровна, послушайтесь меня, коли вы точ-

но думаете, что я вашъ другъ и мои совѣты полезны. А сознайтесь, пріятно вамъ было увидѣть у ногъ своихъ стараго клеветника?... Я, на вашемъ мѣстѣ, заставилъ бы его цѣлую ночь на-пролетъ пѣть Аделаиду Бетховена, глядя на луну.

Впрочемъ, Богъ съ ними, съ вашими обожателями! Не о нихъ мнѣ хочется говорить сегодня съ вами. Я нахожусь сегодня въ какомъ-то странномъ, полураздраженномъ, полувзволнованномъ расположеніи, вслѣдствіе письма, полученнаго мною вчера. Посылаю вамъ съ него копію. Письмо это написано однимъ моимъ давнишнимъ пріятелемъ и сослуживцемъ, добрымъ, но довольно-ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ, года два тому назадъ, уѣхалъ за-границу и до-сихъ поръ мнѣ ни разу не писалъ. Вотъ его письмо. NB. Онъ очень недуренъ собой.

«Cher Alexis,

«Я въ Неаполѣ, сижу въ своей комнатѣ, на Chiaja, передъ окномъ. Погода удивительная. Я сперва долго глядѣлъ на море, потомъ меня взяло нетерпѣнье, и вдругъ мнѣ пришла въ голову блестящая мысль написать къ тебѣ письмо. Я, дружище, всегда чувствовалъ къ тебѣ влеченіе—ей-Богу. Вотъ и захотѣлось теперь излиться въ твое лоно.... такъ вѣдь это, кажется, говорится на вашемъ возвышенномъ языкѣ. А нетерпѣніе меня взяло вотъ отчего. Я жду одну женщину; мы вмѣстѣ съ нею ѣдемъ въ Баію ѣсть устрицы и апельсины, смотрѣть, какъ темнобурые пастухи, въ красныхъ колпакахъ, пляшутъ тарантелу, жариться на солнцѣ не хуже ящерицъ — словомъ, наслаждаться жизнью вполнѣ. Милый другъ мой, я такъ счастливъ, что сказать невозможно. Еслибъ я владѣлъ твоимъ перомъ — о! какую картину я нарисовалъ бы передъ твоими глазами! Но, къ-сожалѣнію, ты знаешь, я человѣкъ безграмотный. Эта женщина, которую я жду и которая заставляетъ меня вотъ ужь болѣе часа безпрестанно вздрагивать и оглядываться на дверь, меня любитъ, а ужь какъ я ее люблю— этого, мнѣ кажется, даже и ты своимъ краснорѣчивымъ перомъ описать бы не могъ.

«Надобно тебѣ сказать, что я ужь три мѣсяца какъ съ ней познакомился, и съ самаго перваго дня нашего знакомства моя любовь идетъ все crescendo, въ видѣ хроматической гаммы, все

выше и выше, и въ настоящую минуту зашла ужь за седьмое небо. Я шучу, но въ-самомъ-дѣлѣ, моя привязанность къ этой женщинѣ — это что-то необыкновенное, сверхъестественное. Представь себѣ, я вѣдь почти не говорю съ ней, все такъ гляжу на нее и смѣюсь, какъ дуракъ. Сяду къ ея ногамъ, чувствую, что глупъ ужасно, и счастливъ, просто, непозволительно-счастливъ. Иногда случается, что она мнѣ руку на голову положитъ.... Ну тутъ, я тебѣ скажу.... Да, впрочемъ, ты этого понять не можешь: ты вѣдь философъ и весь свой вѣкъ былъ философомъ. Зовутъ ее Ниной, Нинеттой—какъ хочешь; она дочь одного здѣшняго богатаго купца. Хороша, что твои всѣ Рафаэли; жива, какъ порохъ, весела, умна такъ, что даже удивительно, какъ она меня дурака полюбила; поетъ какъ птичка, а глаза —

«Извини, пожалуйста, это невольное тире.... Мнѣ показалось, что дверь скрипнула.... Нѣтъ, не йдетъ еще, злодѣйка! Ты меня спросишь, чѣмъ же это все кончится, и что я намѣренъ съ собою дѣлать, и долго ли я здѣсь останусь? Я этого ничего, братъ, не знаю, да и знать не хочу. Будетъ что будетъ.... Вѣдь если этакъ безпрестанно останавливаться да разсуждать....

«Она!... Бѣжитъ по лѣстницѣ и поетъ.... Пришла. — Ну, братъ, прощай.... Не до тебя. Извини — это она все письмо забрызгала: ударила мокрымъ букетомъ по бумагѣ. Сперва она думала, что я писалъ къ женщинѣ; а какъ узнала, что къ другу — велѣла тебѣ кланяться и спросить, есть ли у васъ цвѣты и пахнутъ ли? Ну, прощай.... Еслибъ ты слышалъ, какъ она смѣется.... Серебро такъ не звенитъ; и что за доброта въ каждомъ звукѣ—такъ и хочется ножки у ней расцаловать. Ѣдемъ, ѣдемъ. Не сердись на мое безалаберное маранье и позавидуй твоему

М....»

Письмо дѣйствительно было все забрызгано и пахло померанцовымъ цвѣтомъ.... два бѣлые лепестка прилипли къ бумагѣ. Это письмо меня взволновало.... Я вспомнилъ свое пребываніе въ Неаполѣ.... Погода и тогда стояла великолѣпная, май только-что начинался; мнѣ недавно минуло двадцать-

два года; но я не зналъ никакой Нинетты. Я скитался одинъ, сгарая жаждой блаженства, и томительной и сладостной, до-того сладостной, что она сама какъ-будто походила на блаженство.... Что̀ значитъ молодость!... Помню, разъ я ночью поѣхалъ кататься по заливу. Насъ было двое: лодочникъ и я.... а вы что̀ думали? Что̀ это была за ночь, и что̀ за небо, что̀ за звѣзды, какъ онѣ дрожали и дробились на волнахъ! какимъ жидкимъ пламенемъ переливалась и вспыхивала вода подъ веслами, какимъ благовоніемъ вѣяло по всему морю—не мнѣ это описать, какъ ни «краснорѣчиво» мое перо. На рейдѣ стоялъ французскій линейный корабль. Онъ весь смутно рдѣлъ огнями; длинныя полосы краснаго цвѣта, отраженье озаренныхъ оконъ, тянулись, чуть зыблясь, по темному морю. Капитанъ корабля давалъ балъ. Веселая музыка долетала до меня рѣдкими приливами; особенно помню я трель маленькой флейты среди глухихъ возгласовъ трубъ; она, казалось, порхала, какъ бабочка, вокругъ моей лодки. Я велѣлъ грести къ кораблю; два раза объѣхалъ его кругомъ. Женскія очертанія мелькали въ окнахъ, рѣзво-проносимыя вихремъ вальса.... Я велѣлъ лодочнику пуститься прочь, вдаль, прямо въ темноту.... Помню, звуки долго и неотвязно гнались за мною.... Наконецъ они замерли. Я всталъ въ лодкѣ и съ нѣмою тоской желанья простеръ мои объятія надъ моремъ.... О! какъ сердце мое ныло тогда! Какъ тяжело мнѣ было мое одиночество! Съ какою радостью отдался бы я весь тогда, весь, весь, еслибъ было кому отдаться! Съ какимъ горькимъ чувствомъ на душѣ я бросился ницъ на дно лодки и, какъ Репетиловъ, попросилъ, чтобъ везли меня куда-нибудь....

А вотъ мой другъ ничего подобнаго не испыталъ. Да и съ какой стати? Онъ гораздо умнѣе меня распорядился. Онъ живетъ... а я.... Не даромъ онъ меня назвалъ философомъ.... Странно! васъ также зовутъ философкой.... Отчего бы это надъ нами такая бѣда стряслась?...

Я не живу.... Да кто же въ этомъ виноватъ? зачѣмъ я сижу здѣсь, въ Петербургѣ? что̀ я здѣсь дѣлаю? къ-чему убиваю день за днемъ? отчего мнѣ не поѣхать въ деревню? Чѣмъ нехороши наши степи? или въ нихъ дышать не привольно? или тѣсно въ нихъ? Охота гоняться за мечтами, когда, быть-можетъ, счастье подъ рукой! Рѣшено! я ѣду,

ѣду завтра же, если можно; ѣду къ себѣ домой, то-есть къ вамъ—это все равно: мы вѣдь въ двадцати верстахъ другъ отъ друга. Что, въ-самомъ дѣлѣ, здѣсь киснуть! И какъ эта мысль раньше ко мнѣ не пришла! Милая Марья Александровна, мы скоро увидимся. Это, однако, необыкновенно, что мнѣ эта мысль до сихъ поръ въ голову не приходила! Давнымъ давно слѣдовало уѣхать. До свиданья, Марья Александровна.

9-го іюля.

Я нарочно далъ себѣ двадцать четыре часа на размышленіе и теперь убѣдился окончательно, что мнѣ здѣсь оставаться не зачѣмъ. Пыль на улицахъ такая ѣдкая, что глазамъ больно. Сегодня же начинаю укладываться, послѣ завтра, вѣроятно, отсюда выѣду и дней черезъ десять буду имѣть удовольствіе васъ видѣть. Надѣюсь, вы меня пріймете попрежнему.

Кстати, сестра ваша все еще у тетушки гостить—не правда ли?

Марья Александровна, позвольте вамъ крѣпко пожать руку и отъ души сказать: до скораго свиданья. Я ужь и такъ собирался ѣхать, но письмо это ускорило мое намѣреніе. Положимъ, это письмо ничего не доказываетъ, положимъ даже, Нинетта другому, мнѣ, напримѣръ, не понравилась бы, а все-таки я ѣду; ужь это несомнѣнно. До свиданья. Вашъ А. С.

XIII.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село.....но, 16-го іюля 1840.

Вы ѣдете сюда, Алексѣй Петровичъ, вы скоро у насъ будете—точно ли? Не скрою вамъ, что это извѣстіе меня и радуетъ и волнуетъ.... Какъ мы увидимся? Поддержится ли та духовная связь, которая, сколько мнѣ кажется, ужь начиналась между нами? Не перервется ли она при свиданіи? Не знаю, мнѣ отчего-то жутко. Не отвѣчаю вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя сказать могла бы многое; отлагаю все это

до нашего свиданья. Матушка очень радуется вашему пріѣзду... Она знала, что мы переписываемся съ вами. Погода прелестная; мы много будемъ гулять, я покажу вамъ новыя, открытыя мною мѣста.... особенно хороша одна узкая, длинная долина; она лею житъ между холмами, покрытыми лѣсомъ... Она какъ-будто прячется въ ихъ изгибахъ. Небольшой ручеекъ течетъ по ней и едва можетъ пробраться сквозь густые травы и цвѣты.... Вы увидите. Пріѣзжайте; можетъ-быть, вамъ не будетъ скучно.

М. Б.

P. S. Сестры моей вы, я думаю, не увидите: она продолжаетъ гостить у тётки. Кажется (но это между нами), она выходитъ замужъ за очень-любезнаго молодаго человѣка — за офицера. Зачѣмъ вы мнѣ прислали это письмо изъ Неаполя? Здѣшняя жизнь поневолѣ покажется тусклой и бѣдной противъ той роскоши и того блеска. Но mademoiselle Ninette не права: цвѣты ростутъ и пахнутъ и у насъ.

XIV.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село.....но, январь, 1841

Я вамъ писала нѣсколько разъ, Алексѣй Петровичъ... Вы мнѣ не отвѣчали. Живы ли вы? Или, можетъ-быть, вамъ ужь наскучила наша переписка; можетъ-быть, вы нашли себѣ развлеченіе болѣе пріятное, чѣмъ то, которое могутъ доставить вамъ письма уѣздной барышни? Вы, видно, и вспомнили-то обо мнѣ отъ-нечего дѣлать. Если такъ, желаю вамъ счастья. Если вы мнѣ не отвѣтите и теперь, я не буду больше васъ безпокоить; мнѣ останется только сожалѣть о моей неосторожности, о томъ, что я напрасно позволила расшевелить себя, протянула другому руку и вышла, хотя на минуту, изъ моего уединеннаго уголка. Я должна въ немъ остаться навсегда, запереться на ключъ—это мой удѣлъ, удѣлъ всѣхъ старыхъ дѣвушекъ. Я должна привыкнуть къ этой мысли. Не зачѣмъ выходить на

свѣтъ Божій, нѣчего желать свѣжаго воздуха, когда грудь не выноситъ его. Кстати жь, мы теперь занесены кругомъ мертвыми сугробами снѣга. Впередъ буду умнѣй... Отъ скуки не умираютъ, а съ тоски, пожалуй, пропасть можно. Если я ошибаюсь — докажите это мнѣ. Но мнѣ кажется, я не ошибаюсь. Во всякомъ случаѣ, прощайте, желаю вамъ счастья.

М. Б.

XV.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Дрезденъ, сентября 1842.

Пишу къ вамъ, любезная Марья Александровна, и пишу только потому, что мнѣ не хочется умереть не простившись съ вами, не напомнивъ вамъ о себѣ. Я осужденъ докторами... да я и самъ чувствую, что жизнь моя на исходѣ. На столѣ моемъ стоитъ розанъ; онъ не успѣетъ отцвѣсти, какъ ужь меня не станетъ. Впрочемъ, это сравненіе несовсѣмъ удачно. Розанъ гораздо интереснѣе меня.

Я, какъ видите, за-границей. Вотъ ужь мѣсяцевъ шесть, какъ я въ Дрезденѣ. Я получилъ ваши послѣднія письма—совѣстно признаться, болѣе года тому назадъ; нѣкоторыя изъ нихъ затерялъ и не отвѣчалъ вамъ... сейчасъ скажу почему. Но, видно, вы мнѣ всегда были дороги: мнѣ, кромѣ васъ, ни съ кѣмъ не хочется проститься, а можетъ быть, мнѣ и не съ кѣмъ прощаться.

Скоро послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ (я совсѣмъ собрался было ѣхать въ ваши края, и ужь заранѣе строилъ различные планы), со мной случилось происшествіе, имѣвшее, ужь точно можно сказать, сильное вліяніе на мою судьбу, до того сильное, что я вотъ умираю по милости этого происшествія. А именно: я отправился въ театръ смотрѣть балетъ. Я балетовъ никогда не любилъ и ко всѣмъ возможнымъ актрисамъ, пѣвицамъ, танцоркамъ чувствовалъ всегда тайное отвращеніе... Но видно, ни судьбы своей перемѣнить нельзя, ни са-

мого себя никто не знаетъ, да и будущее тоже предвидѣть невозможно. По настоящему, въ жизни случается одно только неожиданное, и мы цѣлый вѣкъ только и дѣлаемъ, что приноравливаемся къ событіямъ... Но я, кажется, опять пустился въ философію. Старая привычка! Словомъ, я влюбился въ эту танцовщицу.

Это было тѣмъ болѣе странно, что и красавицей ее нельзя было назвать. Правда, у ней были удивительные, золотисто-пепельные волосы и большіе свѣтлые глаза, съ задумчивымъ и въ то же время дерзкимъ взоромъ... Мнѣ ли не знать выраженія этого взора? Я цѣлый годъ замиралъ и гасъ въ его лучахъ! Сложена она была прекрасно, и когда она плясала свой народный танецъ, зрители, бывало, топали и кричали отъ восторга... Но, кажется, кромѣ меня, никто въ нее не влюблялся — по-крайней-мѣрѣ, никто такъ не влюбился, какъ я. Съ той самой минуты, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ— (повѣрите ли, мнѣ даже и теперь стоитъ только закрыть глаза, и тотчасъ передо мною театръ, почти пустая сцена, изображающая внутренность лѣса, и она выбѣгаетъ изъ-за кулисъ направо, съ виноградным вѣнкомъ на головѣ и тигровой кожей по плечамъ) — съ той роковой минуты я принадлежалъ ей весь, вотъ какъ собака принадлежитъ своему хозяину; и если я и теперь, умирая, не принадлежу ей, такъ это только потому, что она меня бросила.

Говоря правду, она никогда особенно и не заботилась обо мнѣ. Она едва замѣчала меня, хотя весьма-добродушно пользовалась моими деньгами. Я былъ для нея, какъ она выражалась на своемъ ломаномъ французскомъ нарѣчіи, «Oun Rousse, boun enfan»—и больше ничего. Но я... я уже не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила; я оторвался разомъ ото всего мнѣ дорогаго, отъ самой родины, и пустился вслѣдъ за этой женщиной.

Вы, можетъ-быть, думаете, что она была умна?—нисколько! Стоило взглянуть на ея низкій лобъ, стоило хоть разъ подмѣтить ея лѣнивую и безпечную усмѣшку, чтобы тотчасъ убѣдиться въ скудости ея умственныхъ способностей. И я никогда не воображалъ ея необыкновенной женщиной. Я вообще ни одного мгновенья не ошибался на ея счетъ; но это ни чему не помогало. Что бъ я ни думалъ о ней въ ея отсутствіи—при ней,

я ощущалъ одно подобострастное обожаніе... Въ нѣмецкихъ сказкахъ рыцари впадаютъ часто въ подобное оцѣпенѣніе... Я не могъ отвести взора отъ чертъ ея лица, не могъ наслушаться ея рѣчей, налюбоваться каждымъ ея движеньемъ; я, право, и дышалъ-то вслѣдъ за ней. Впрочемъ, она была добра, непринужденна, даже слишкомъ непринужденна, не ломалась, какъ бо́льшею частью ломаются артисты. Въ ней было много жизни, то есть много крови, той южной, славной крови, въ которую тамошнее солнце, должно-быть, заронило часть своихъ лучей. Она спала девять часовъ въ сутки, любила покушать, никогда не читали ни одной печатной строчки, кромѣ развѣ журнальныхъ статей, гдѣ о ней говорили, и едва-ли не единственнымъ нѣжнымъ чувствомъ въ ея жизни была привязанность ея къ il signore Carlino, маленькому и жадненькому итальянцу, служившему у ней секретаремъ, за котораго она потомъ и вышла замужъ. И въ такую женщину я, въ столь различныхъ умственныхъ ухищреніяхъ искусившійся, уже устарѣвшій человѣкъ, могъ влюбиться!... Кто́бъ это могъ ожидать? Я, по-крайней-мѣрѣ, никакъ не ожидалъ этого. Я не ожидалъ, какую роль мнѣ прійдется разыгрывать. Я не ожидалъ, что буду таскаться по репетиціямъ, мерзнуть и скучать за кулисами, дышать копотью театральной, знакомиться съ разными, совершенно-неблаговидными личностями.... что́ я говорю, знакомиться—кланяться имъ; я не ожидалъ, что буду носить шаль танцовщицы, покупать ей новыя перчатки, чистить бѣлымъ хлѣбомъ старыя (я и это дѣлалъ, ей-ей!), отвозить домой ея букеты, бѣгать по переднимъ журналистовъ и директоровъ, тратиться, давать серенады, простужаться, занемогать.... Я не ожидалъ, что получу наконецъ въ одномъ нѣмецкомъ городишкѣ затѣйливое прозванье: der Kunst-Barbar.... И все это даромъ, въ самомъ полномъ смыслѣ слова—даромъ! Вотъ то-то вотъ и есть.... Помните, какъ мы съ вами словесно и письменно разсуждали о любви, въ какія тонкости вдавались, а на повѣрку выходитъ, что настоящая любовь— чувство, вовсе не похожее на то́, какимъ мы ее себѣ представляли. Любовь даже вовсе не чувство; она—болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить, хотя она проявляет-

ся не всегда одинаково; обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли — ни дать ни взять холера или лихорадка.... Подцѣпитъ его, голубчика, какъ коршунъ цыплёнка, и понесетъ его куда угодно, какъ онъ тамъ ни бейся и ни упирайся.... Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ–называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей, придуманныхъ на–досугѣ нѣмецкими профессорами.... Нѣтъ, въ любви одно лицо—рабъ, а другое—властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь — цѣпь, и самая тяжелая. По–крайней–мѣрѣ я дошелъ до этого убѣжденія, и дошелъ до него путемъ опыта, купилъ это убѣжденіе цѣною жизни, потому–что умираю рабомъ.

А впрочемъ, пора отвернуться отъ всего этого, давно пора! Пусть эта ноша вмѣстѣ съ жизнью свалится съ моей души! Хочу въ послѣдній разъ, хотя на мгновенье, насладиться тѣмъ добрымъ, кроткимъ чувствомъ, которое разливается во мнѣ тихимъ свѣтомъ, какъ–только вспомню о васъ. Вашъ образъ теперь вдвойнѣ для меня дорогъ.... Вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ передо мною образъ моей родины, и я шлю и ей и вамъ мой прощальный привѣтъ. Живите, живите долго и счастливо и помните одно: останетесь ли вы въ той степной глуши, гдѣ вамъ иногда такъ тяжело бываетъ, но гдѣ бы мнѣ такъ хотѣлось провести мой послѣдній день; выступите ли вы на другое поприще — помните: жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите вдередъ, пока можете, а подкосятся ноги, сядьте близь дороги, да глядите на прохожихъ безъ досады и зависти: вѣдь и они не далеко уйдутъ! Я прежде вамъ не то говорилъ, да смерть хоть кого научитъ. А впрочемъ, кто скажетъ, что̀ такое жизнь, что̀ такое истина? Вспомните, Кто не далъ на этотъ вопросъ отвѣта.... Прощайте, Марья Александровна, прощайте въ послѣдній разъ, и не поминайте лихомъ бѣднаго.

Алексѣя.

1854.

ЯКОВЪ ПАСЫНКОВЪ.

—

I.

Дѣло было въ Петербургѣ, зимой, въ первый день масляницы. Меня пригласилъ къ себѣ обѣдать одинъ мой пансіонскій товарищъ, слывшій въ молодости за красную дѣвицу и оказавшійся впослѣдствіи человѣкомъ вовсе-незастѣнчивымъ. Онъ ужь теперь умеръ, какъ большая часть моихъ товарищей. Кромѣ меня, обѣщали прійдти къ обѣду нѣкто Константинъ Александровичъ Асановъ, да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала наконецъ записку, что не будетъ, а на мѣсто ея явился маленькій, бѣлокурый господинъ, одинъ изъ тѣхъ вѣчныхъ незваныхъ гостей, которыми Петербургъ изобилуетъ.

Обѣдъ продолжался долго; хозяинъ не жалѣлъ винъ, и наши головы понемногу разгорячились. Все, что каждый изъ насъ таилъ у себя на душѣ — а кто не таитъ чего-нибудь на душѣ?—выступило наружу. Лицо хозяина внезапно потеряло свое стыдливое и сдержанное выраженіе; глаза его нагло заблистали и пошлая усмѣшка скривила его губы; бѣлокурый господинъ смѣялся какъ-то дрянно, съ глупымъ визгомъ; но Асановъ больше всѣхъ удивилъ меня. Этотъ человѣкъ всегда отличался

чувствомъ приличія, а тутъ началъ вдругъ проводить рукою по лбу, ломаться, хвастаться своими связями, безпрестанно упоминать о какомъ-то дядюшкѣ своемъ, очень важномъ человѣкѣ.... Я рѣшительно не узнавалъ его; онъ явно подтрунивалъ надъ нами.... онъ чуть не брезгалъ нашимъ обществомъ. Нахальство Асанова меня разсердило.

— Послушайте, сказалъ я ему:—если мы такъ ничтожны въ вашихъ глазахъ, ступайте къ вашему знатному дядюшкѣ. Но, можетъ-быть, онъ васъ не пускаетъ къ себѣ?

Асановъ ничего мнѣ не отвѣтилъ и продолжалъ проводить рукою по лбу.

— И что́ это за люди! говорилъ онъ опять: — вѣдь ни въ одномъ порядочномъ обществѣ не бываютъ, ни съ одной порядочной женщиной незнакомы, а у меня тутъ (воскликнулъ онъ, проворно вытащивъ изъ боковаго кармана бумажникъ и стуча по немъ рукой)—цѣлый пукъ писемъ отъ такой дѣвушки, какой въ цѣломъ мірѣ не найдешь подобной!

Хозяинъ и бѣлокурый господинъ не обратили вниманія на послѣднія слова Асанова; они оба держали другъ друга за пуговицу и оба что-то разсказывали, но я навострилъ уши.

— Вотъ вы и схвастнули, г. племянникъ знатнаго лица! сказалъ я, придвинувшись къ Асанову: — писемъ у васъ никакихъ нѣтъ.

— Вы думаете? возразилъ онъ, свысока поглядѣвъ на меня: — а это что́? Онъ раскрылъ бумажникъ и показалъ мнѣ около десятка писемъ, адресованныхъ на его имя.... «Знакомый почеркъ!» подумалъ я....

Я чувствую, что румянецъ стыда выступаетъ на мои щеки... мое самолюбіе страдаетъ сильно.... Кому охота сознаться въ неблагородномъ поступкѣ?... Но дѣлать нечего: начавъ свой разсказъ, я зналъ наперед, что мнѣ прійдется покраснѣть до ушей. И такъ, скрѣпя сердце, я долженъ сознаться, что....

Вотъ въ чемъ дѣло: я воспользовался нетрѣзвостью Асанова, небрежно-кинувшаго письма на залитую шампанскимъ скатерть (у меня у самаго въ головѣ порядкомъ шумѣло), и быстро пробѣжалъ одно изъ этихъ писемъ....

Сердце во мнѣ сжалось.... Увы! я самъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которая писала къ Асанову, и теперь ужь я не могъ

сомнѣваться въ томъ, что она его любитъ. Все письмо, написанное по-французски, дышало нѣжностью и преданностью...

«Mon cher ami Constantin!» такъ начиналось оно.... а кончалась словами: «будьте осторожны попрежнему, а я буду ни чья, или ваша».

Оглушенный, какъ громомъ, я нѣсколько мгновеній просидѣлъ неподвижно, однако наконецъ опомнился, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты....

Черезъ четверть часа я уже былъ на своей квартирѣ.

—

Семейство Злотницкихъ было одно изъ первыхъ, съ которымъ я познакомился послѣ переѣзда моего изъ Петербурга въ Москву. Оно состояло изъ отца, матери, двухъ дочерей и сына. Отецъ уже сѣдой, но еще свѣжій мужчина, бывшій военный, занималъ довольно важное мѣсто, утромъ находился на службѣ, послѣ обѣда спалъ, а вечеромъ игралъ въ карты въ клубѣ.... Дома онъ бывалъ рѣдко, разговаривалъ мало и неохотно, посматривалъ исподлобья не то угрюмо, не то равнодушно, и, кромѣ путешествій и географій, не читалъ ничего, а когда занемогалъ, раскрашивалъ картинки, запершись въ своемъ кабинетѣ, или дразнилъ стараго сѣраго попугая Попку. Жена его, больная и чахоточная женщина, съ черными впалыми глазами и острымъ носомъ, по цѣлымъ днямъ не сходила съ дивана и все вышивала подушки по канвѣ; она, сколько я могъ замѣтить, побаивалась мужа, точно она въ чемъ предъ нимъ когда-то провинилась. Старшая дочь, Варвара, полная, румяная и русая дѣвушка, лѣтъ весьмнадцати, все сидѣла у окна и разглядывала прохожихъ. Сынокъ воспитывался въ казенномъ заведеніи, являлся домой только по воскресеньямъ, и тоже не любилъ понапрасну тратить слова; даже младшая дочь, Софья, именно та дѣвица, въ которую я влюбился, была свойства молчаливаго. Въ домѣ Злотницкихъ постоянно царствовала тишина; одни пронзительные крики Попки прерывали ее, но гости скоро привыкали къ нимъ и снова ощущали на себѣ тяжесть и гнетъ этой вѣчной тишины. Впрочемъ, гости рѣдко заглядывали къ Злотницкимъ: скучно было у нихъ. Самая мебель, красные съ желтоватыми разводами обои въ гостиной,

множество плетенныхъ стульевъ въ столовой, гарусныя полинялыя подушки съ изображеніемъ дѣвицъ и собакъ по диванамъ, рогатыя лампы и сумрачные портреты на стѣнахъ —все внушало невольную тоску, отъ всего вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и кислымъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я почелъ долгомъ явиться къ Злотницкимъ: они доводились съ-родни моей матушкѣ. Я съ трудомъ высидѣлъ часъ и долго не возвращался; но понемногу сталъ ходить все чаще-и-чаще. Меня привлекала Софья, которая сперва мнѣ не понравилась и въ которую я, наконецъ, влюбился.

Это была дѣвушка небольшаго роста, стройная, почти-худая, съ блѣднымъ лицомъ, густыми, черными волосами и большими, карими, всегда полузакрытыми глазами. Ея черты, строгія и рѣзкія, особенно ея сжатыя губы выражали твердость и силу воли. Въ домѣ знали ее за дѣвушку съ характеромъ.... «По старшей сестрѣ пошла, по Катеринѣ», сказала однажды г-жа Злотницкая, сидя со мной наединѣ (при мужѣ она не смѣла упоминать объ этой Катеринѣ). «Вы ея не знаете: она на Кавказѣ, замужемъ. Тринадцати лѣтъ, представьте, влюбилась въ своего теперешняго мужа, и тогда же намъ объявила, что за другаго не пойдетъ. Ужь мы что ни дѣлали—ничего не помогло! До 23-хъ лѣтъ ждала, отца прогнѣвила, и пошла-таки за своего идола. Долго ли до грѣха и съ Сонечкой! Сохрани ея Господь отъ такого упрямства! А боюсь я за нее: вѣдь ей только шестнадцать лѣтъ минуло, а ужь ея не переломишь»....

Вошелъ г. Злотницкій; жена его тотчасъ замолкла.

Собственно мнѣ Софья полюбилась не за силу воли—нѣтъ, но въ ней, при всей ея сухости, при недостаткѣ живости и воображенія, была своего рода прелесть, прелесть прямодушія, честной искренности и чистоты душевной. Я столько же уважалъ ее, сколько любилъ.... Мнѣ казалось, что и она ко мнѣ благоволила, и разочароваться въ ея привязанности, убѣдиться въ ея любви къ другому было мнѣ очень больно.

Неожиданное открытіе, сдѣланное мною, тѣмъ болѣе удивило меня, что г. Асановъ посѣщалъ домъ Злотницкихъ не часто, гораздо рѣже меня, и никакого особаго предпочтенія къ Сонечкѣ не оказывалъ. Это былъ красивый брюнетъ съ выразительными, хотя нѣсколько тяжелыми чертами лица, съ блестя-

щими глазами навыкатѣ, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и пухлыми, красными губками подъ тонкими усами. Онъ держалъ себя весьма скромно, но строго, говорилъ и судилъ самоувѣренно, молчалъ съ достоинствомъ. Видно было, что онъ много о себѣ думалъ. Асановъ смѣялся рѣдко, и то сквозь зубы, и никогда не танцовалъ. Сложенъ онъ былъ довольно мѣшковато. Онъ когда-то служилъ въ ....мъ полку и слылъ за дѣльнаго офицера.

«Странное дѣло!» размышлялъ я, лежа на диванѣ: «какъ же это я ничего не замѣтилъ?...» «Будьте осторожны попрежнему»: эти слова софьина письма вдругъ пришли мнѣ на память. «А! подумалъ я: вотъ что! Вишь, хитрая дѣвчонка! А я считалъ ее откровенной и искренней.... Ну, такъ постойте же, я покажу вамъ»....

Но тутъ я, сколько мнѣ помнится, заплакалъ горько и до утра не могъ заснуть.

—

На другой день, часу во второмъ, отправился я къ Злотницкимъ. Старика не было дома, и жена его не сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ: у ней, послѣ блиновъ, разболѣлась голова, и она пошла полежать къ себѣ въ спальню. Варвара стояла, прислонившись плечомъ къ окну, и глядѣла на улицу; Софья ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ на груди руки; Попка кричалъ.

— А! здравствуйте! лѣниво проговорила Варвара, какъ-только я вошелъ въ комнату, и тотчасъ прибавила вполголоса:—а вонъ мужикъ идетъ съ лоткомъ на головѣ.... (У ней была привычка произносить изрѣдка и, словно про себя, замѣчанія о прохожихъ).

— Здравствуйте, отвѣтилъ я:—здравствуйте, Софья Николаевна. А гдѣ Татьяна Васильевна?

— Пошла отдохнуть, возразила Софья, продолжая расхаживать по комнатѣ.

— У насъ блины были, замѣтила Варвара, не оборачиваясь.— Что вы не пришли?... Куда этотъ писарь идетъ?

— Да некогда было.—«На кра-улъ!» рѣзко закричалъ попугай.—Какъ вашъ Попка сегодня кричитъ!

— Онъ всегда такъ кричитъ, промолвила Софья.

Всѣ мы помолчали.

— Зашелъ въ ворота, проговорила Варвара, и вдругъ встала на оконницу и отворила форточку.

— Что ты? спросила Софья.

— Нищій, отвѣтила Варвара, нагнулась, достала съ окна мѣдный пятакъ, на которомъ еще возвышался сѣренькой кучкой пепелъ курительной свѣчки, бросила пятакъ на улицу, захлопнула форточку и тяжело спрыгнула на полъ....

— А я вчера очень пріятно время провелъ, началъ я, садясь въ кресла: — я обѣдалъ у одного пріятеля; тамъ былъ Константинъ Александрычъ.... Я посмотрѣлъ на Софью: у ней даже бровь не поморщилась.

— И, надобно, сознаться, продолжалъ я:—мы таки-покутили: вчетверомъ бутылокъ восемь выпили.

— Вотъ какъ! спокойно произнесла Софья и покачала головой.

— Да, продолжалъ я, слегка раздраженный ея равнодушіемъ: — и знаете ли что, Софья Николаевна? вѣдь точно не даромъ гласитъ пословица: что истина въ винѣ.

— А что?

— Константинъ Александрычъ насъ разсмѣшилъ. Представьте себѣ: вдругъ принялся этакъ рукою по лбу проводить и приговаривать: «какой я молодецъ! у меня дядя знатный человѣкъ!...»

— Ха-ха! раздался короткій, отрывистый смѣхъ Варвары.... «Попка! попка! попка!» забарабанилъ ей въ отвѣтъ попугай.

Софья остановилась передо мною и посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— А вы что говорили, спросила она:—не помните?

Я невольно покраснѣлъ.

— Не помню; должно-быть, и я хорошъ былъ.—Дѣйствительно, прибавилъ я съ значительной разстановкой:—пить вино опасно: какъ-разъ проболтаешься, и то скажешь, что бы никому не слѣдовало знать. Будешь раскаяваться послѣ, да ужь поздно.

— А вы развѣ проболтались? спросила меня Софья.

— Я не о себѣ говорю.

Софья отвернулась и снова принялась ходить по комнатѣ. Я

глядѣлъ на нее и внутренно бѣсился. «Вѣдь вишь, думалъ я, ребенокъ, дитя, а какъ собой владѣетъ! Каменная, просто! Да вотъ постой»....

— Софья Николаевна.... проговорилъ я громко.

Софья остановилась.

— Что̀ вамъ?

— Не сыграете ли вы что-нибудь на фортепьяно? Кстати, мнѣ вамъ нужно что-то сказать, прибавилъ я, понизивъ голосъ.

Софья, ни слова не говоря, пошла въ залу; я отправился вслѣдъ за ней. Она остановилась у рояля.

— Что̀ же мнѣ вамъ сыграть? спросила она.

— Что́ хотите.... ноктюрнъ Шопена.

Софья начала ноктюрнъ. Она играла довольно-плохо, но съ чувствомъ. Сестра ея играла одни польки и вальсы, и то рѣдко. Подойдетъ, бывало, своей лѣнивой походкой къ роялю, сядетъ, спуститъ бурнусъ съ плечъ на локти (я не видалъ ея безъ бурнуса), заиграетъ громко одну польку, не кончитъ, начнетъ другую, потомъ вдругъ вздохнетъ, встанетъ и отправится опять къ окну. Странное существо была эта Варвара!

Я сѣлъ подлѣ Софьи.

— Софья Николаевна, началъ я, пристально посматривая на нее сбоку: — я долженъ вамъ сообщить одну непріятную для меня новость.

— Новость? какую?

— А вотъ какую.... Я до сихъ поръ въ васъ ошибался, совершенно ошибался.

— Какимъ это образомъ? возразила она, продолжая играть и устремивъ глаза на свои пальцы.

— Я думалъ, что вы откровенны; я думалъ, что вы не умѣете хитрить, скрывать свои чувства, лукавить....

Софья приблизила лицо свое къ нотамъ.

— Я васъ не понимаю.

— А главное, продолжалъ я:—я никакъ не могъ вообразить, что вы, въ ваши годы, уже умѣете такъ мастерски разыгрывать роль.....

Руки Софьи слегка задрожали надъ клавишами.

— Что́ вы это говорите? проговорила она, все не глядя на меня:—я разыгрываю роль?

— Да́, вы. (Она усмѣхнулась.... Злость меня взяла). Вы притворяетесь равнодушной къ одному человѣку и.... и пишете къ нему письма, прибавилъ я шопотомъ.

Щеки Софьи поблѣднѣли, но она не обернулась ко мнѣ, доиграла ноктюрнъ до конца, встала и закрыла крышу рояля.

— Куда же вы? спросилъ я ее не безъ смущенія. — Вы мнѣ не отвѣчаете?

— Что́ мнѣ вамъ отвѣчать? Я не знаю о чемъ вы говорите.... А притворяться я не умѣю.

Она начала укладывать ноты.

Кровь мнѣ бросилась въ голову.

— Нѣтъ, вы знаете, о чемъ я говорю, промолвилъ я, также вставая:—и хотите ли, я вамъ сейчасъ напомню нѣкоторыя ваши выраженія въ одномъ письмѣ: — «будьте осторожны по прежнему»....

Софья слегка вздрогнула.

— Я этого никакъ отъ васъ не ожидала, проговорила она наконецъ.

— И я никакъ не ожидалъ, подхватилъ я: — что вы, вы, Софья Николаевна, удостоили вашимъ вниманіемъ чэловѣка, который....

Софья быстро ко мнѣ обернулась; я невольно отступилъ отъ нея: глаза ея, всегда полузакрытые, расширились до того, что казались огромными и гнѣвно сверкали изъ-подъ бровей.

— А! коли такъ, проговорила она:—знайте же, что я люблю этого человѣка и что мнѣ совершенно все-равно какого вы мнѣнія о немъ и моей любви къ нему. И съ чего вы взяли?... Какое вы имѣете право это говорить? А если я на что рѣшилась....

Она умолкла и проворно вышла вонъ изъ залы.

Я остался. Мнѣ вдругъ стало такъ неловко и такъ совѣстно, что я закрылъ лицо руками. Я понялъ все неприличіе, всю низость своего поведенія и, задыхаясь отъ стыда и раскаянія, стоялъ какъ опозоренный. «Боже мой!» думалъ я: «что я надѣлалъ»!

— Антонъ Никитичъ, послышался голосъ горничной къ передней:—пожалуйте скорѣе стаканъ воды для Софьи Николаевны.

— А что? отвѣтилъ буфетчикъ.

— Кажись, плачутъ-съ....

Я содрогнулся и пошелъ въ гостиную за своей шляпой.

— О чемъ вы толковали съ Сонечкой? равнодушно спросила меня Варвара и, помолчавъ немного, прибавила вполголоса:— опять этотъ писарь идетъ.

Я началъ раскланиваться.

— Куда же вы? Погодите: маменька сейчасъ выйдетъ,

— Нѣтъ, ужь мнѣ нельзя, проговорилъ я: — я ужь лучше въ другой разъ.

Въ это мгновеніе, къ ужасу моему, именно къ ужасу, Софья твердыми шагами вошла въ гостиную. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго и вѣки чуть-чуть покраснѣли. На меня она и не взглянула.

— Посмотри, Соня, промолвила Варвара:—какой-то писарь все около нашего дома ходитъ.

— Шпіонъ какой-нибудь.... холодно и презрительно замѣтила Софья.

Это ужь было слишкомъ! Я ушелъ и, право, не помню, какъ дотащился домой.

—

Мнѣ было очень тяжело, такъ тяжело и горько, что и описать не возможно. Въ одни сутки два такіе жестокіе удара! Я узналъ, что Софья любитъ другаго, и навсегда лишился ея уваженія. Я чувствовалъ себя до того уничтоженнымъ и пристыженнымъ, что даже негодовать на себя не могъ. Лежа на диванѣ и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, я съ какимъ-то жгучимъ наслажденіемъ придавался первымъ порывамъ отчаянной тоски, какъ вдругъ услыхалъ шаги въ комнатѣ. Я поднялъ голову и увидѣлъ одного изъ самыхъ короткихъ моихъ друзей— Якова Пасынкова.

Я готовъ былъ разсердиться на каждаго человѣка, который вошелъ бы ко мнѣ въ комнату въ этотъ день, но на Пасынкова сердиться не могъ никогда; напротивъ, не смотря на пожиравшее меня горе, я внутренно обрадовался его приходу и

кивнулъ ему головой. Онъ, по обыкновенію, прошелъ раза два по комнатѣ, хряхтя и вытягивая свои длинные члены, молча постоялъ передо мною и молча сѣлъ въ уголъ.

Я зналъ Пасынкова очень давно, почти съ дѣтства. Онъ воспитывался въ томъ же частномъ пансіонѣ нѣмца Винтеркеллера, въ которомъ и я прожилъ три года. Отецъ Якова, бѣдный отставной майоръ, человѣкъ весьма честный, но нѣсколько поврежденный въ умѣ, привезъ его, семилѣтняго мальчика, къ этому нѣмцу, заплатилъ за него за годъ впередъ, уѣхалъ изъ Москвы да и пропалъ безъ вѣсти.... Изрѣдка ходили о немъ темные, странные слухи. Только лѣтъ черезъ восемь узнали съ достовѣрностью, что онъ утонулъ въ половодьѣ, переправляясь черезъ Иртышъ. Что̀ его занесло въ Сибирь— Господь вѣдаетъ. У Якова другихъ родныхъ не было; мать его давнымъ-давно умерла. Онъ такъ и остался на рукахъ Винтеркеллера. Правда, была у Якова отдаленная родственница, тётка, но до того бѣдная, что сначала боялась ходить къ своему племяннику, какъ бы не навязали его ей на шею. Страхъ ея оказался напраснымъ: добродушный нѣмецъ оставилъ у себя Якова, позволилъ ему учиться вмѣстѣ съ другими воспитанниками, кормилъ его (за столомъ его, однако, обносили десертомъ по буднямъ) и платье ему перешивалъ изъ поношенныхъ камлотовыхъ капотовъ (бо̀льшей частью табачнаго цвѣта) своей матери, престарѣлой, но еще очень бойкой и распорядительной лифляндки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и вообще вслѣдствіе подчиненнаго положенія Якова въ пансіонѣ, товарищи обращались съ нимъ небрежно, глядѣли на него свысока̀, и называли его то бабьимъ капотомъ, то племянникомъ чепца (тётка его постоянно носила весьма странный чепецъ съ торчавшимъ кверху пучкомъ желтыхъ лентъ въ видѣ артишока), то сыномъ Ермака (такъ-какъ отецъ его утонулъ въ Иртышѣ). Но, не смотря на эти прозвища, не смотря на смѣшныя его платья, на его крайнюю бѣдность, всѣ его очень любили, да и невозможно было не любить: болѣе доброй, благородной души, я думаю, и на свѣтѣ не было. Учился онъ также очень хорошо.

Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, ему было лѣтъ шестнадцать, а мнѣ только-что минулъ тринадцатый годъ. Я былъ

очень самолюбивый и избалованный мальчикъ, выросъ въ довольно богатомъ домѣ и потому, поступивъ въ пансіонъ, поспѣшилъ сблизиться съ однимъ князькомъ, предметомъ особенныхъ попеченій Винтеркеллера, да еще съ двумя–тремя маленькими аристократами, а со всѣми другими важничалъ. .. Пасынкова я не удостоилъ даже вниманія. Этотъ длинный и неловкій малый, въ безобразной курткѣ и короткихъ панталонахъ, изъ–подъ которыхъ выглядывали толстые нитяные чулки, казался мнѣ чѣмъ–то въ родѣ казачка изъ дворовыхъ, или мѣщанскаго сына. Пасынковъ былъ очень вѣжливъ и кротокъ со всѣми, хотя ни въ комъ никогда не заискивалъ; если его отталкивали—онъ не унижался, и не дулся, а держался въ сторонѣ, какъ бы сожалѣя и выжидая. Такъ онъ поступилъ и со мной. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Однажды, въ лѣтній, ясный день, проходя, послѣ шумной игры въ лапту, со двора въ садъ, увидѣлъ я Пасынкова, сидѣвшаго на скамейкѣ, подъ высокимъ кустомъ сирени. Онъ читалъ книгу. Я взглянулъ мимоходомъ на переплетъ и прочелъ на спинкѣ имя Шиллера: «Schiller's Werke». Я остановился.

— Развѣ вы знаете по-нѣмецки? спросилъ я Пасынкова.... Мнѣ до сихъ поръ становится совѣстно, когда я вспомню, сколько пренебреженія было въ самомъ звукѣ моего голоса.... Пасынковъ тихо поднялъ на меня свои небольшіе, но выразительные глаза, и отвѣтилъ:

— Да, знаю; а вы?

— Еще бы! возразилъ я, ужь обиженный, и хотѣлъ–было идти дальше, да что–то удержало меня.

— А что именно читаете вы изъ Шиллера? спросилъ я съ прежней надменностью.

— Теперь? я читаю «Resignation», прекрасное стихотвореніе. Хотите, я вамъ его прочту? Сядьте вотъ здѣсь, подлѣ меня, на скамейкѣ.

Я немного поколебался, однако сѣлъ. Пасынковъ началъ читать. По нѣмецки онъ зналъ гораздо лучше меня: ему пришлось толковать мнѣ смыслъ нѣкоторыхъ стиховъ; но я ужь не стыдился ни своего незнанія, ни его превосходства передо мною. Съ того дня, съ самаго того чтеніе вдвоемъ въ саду, въ тѣни

сирени, я всей душой полюбилъ Пасынкова, сблизился съ нимъ и подчинился ему вполнѣ.

Живо помню его тогдашнюю наружность. Впрочемъ, онъ и послѣ мало измѣнился Онъ былъ высокаго роста, худъ, долговязъ и довольно неуклюжъ. Узкія плеча и впалая грудь придавали ему болѣзненный видъ, хотя онъ не могъ пожаловаться на свое здоровье. Его большая, кверху закруглённая голова слегка склонялась набокъ, мягкіе русые волосы висѣли жидкими косицами вокругъ тонкой шеи. Лицо его не было красиво и даже могло показаться смѣшнымъ, благодаря длинному, пухлому и красноватому носу, какъ бы нависшему надъ широкими и прямыми губами; но открытый лобъ его былъ прекрасенъ, и когда онъ улыбался, его маленькіе сѣрые глазки свѣтились такимъ кроткимъ и ласковымъ добродушіемъ, что, при взглядѣ на него, у всякаго становилось тепло и весело на сердцѣ. Помню я также его голосъ, тихій и ровный, съ какою-то особенно пріятной сипотой. Онъ говорилъ вообще мало и съ замѣтнымъ затрудненіемъ; но когда одушевлялся, рѣчь его лилась свободно и—странное дѣло!—голосъ его становился еще тише, взоръ его какъ будто уходилъ внутрь и погасалъ, а все лицо слабо разгоралось. Въ устахъ его слова: «добро», «истина», «жизнь», «наука», «любовь», какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ. Безъ напряженія, безъ усилія вступалъ онъ въ область идеала; его цѣломудренная душа во всякое время была готова предстать предъ «святыню красоты»; она ждала только привѣта, прикосновенія другой души.... Пасынковъ былъ романтикъ, одинъ изъ послѣднихъ романтиковъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣтиться. Романтики теперь, какъ ужь извѣстно, почти вывелись; по крайней мѣрѣ, между нынѣшними молодыми людьми ихъ нѣтъ. Тѣмъ хуже для нынѣшнихъ молодыхъ людей!

Около трехъ лѣтъ провелъ я съ Пасынковымъ, какъ говорится, душа въ душу Я былъ повѣреннымъ его первой любви. Съ какимъ благодарнымъ вниманіемъ и участіемъ выслушивалъ я его признанья! Предметомъ его страсти была племянница Винтеркеллера, бѣлокурая, миленькая нѣмочка, съ пухленькимъ, почти дѣтскимъ личикомъ и довѣрчиво нѣжными голубыми глазками. Она была очень добра и чувствительна, любила Маттис-

сона, Уланда и Шиллера и весьма пріятно произносила стихи ихъ своимъ робкимъ и звонкимъ голосомъ. Любовь Пасынкова была самая платоническая; онъ видѣлъ свою возлюбленную только по воскресеньямъ (она пріѣзжала играть въ фанты съ винтеркеллеровыми дѣтьми) и мало съ ней разговаривалъ; зато, однажды, когда она ему сказала: «mein lieber, lieber Herr Jacob!» онъ всю ночь не могъ заснуть отъ избытка благополучія. Ему и въ голову не пришло тогда, что она всѣмъ его товарищамъ говорила: «mein lieber». Помню я также скорбь его и уныніе, когда вдругъ распространилось извѣстіе, что фрейлейнъ Фридерике (такъ ее звали) выходитъ замужъ за герра Книфтуса, владѣльца богатой мясной лавки, очень красиваго и даже образованнаго мужчину, и выходитъ не по одному повиновенію родительской волѣ, но и по любви. Очень тяжело было тогда Пасынкову, и особенно страдалъ онъ въ день перваго посѣщенія молодыхъ. Бывшая фрейлейнъ, теперь уже фрау Фридерике, представила его, опять подъ именемъ lieber Herr Jacob, своему мужу, у котораго все блестѣло: и глаза, и завитые въ кокъ черные волосы, и лобъ, и зубы, и пуговицы на фракѣ, и цѣпочка на жилетѣ, и самые сапоги на довольно, впрочемъ, большихъ, носками врозь поставленныхъ ногахъ. Пасынковъ пожалъ господину Книфтусу руку и пожелалъ ему (и искренно пожелалъ—я въ этомъ увѣренъ) полнаго и продолжительнаго счастья. Это происходило при мнѣ. Помню я, съ какимъ удивленіемъ и сочувствіемъ глядѣлъ я тогда на Якова. Онъ казался мнѣ героемъ!... И потомъ, какія грустныя происходили между нами бесѣды!—«Ищи утѣшенія въ искусствѣ», говорилъ я ему.—«Да», отвѣчалъ онъ мнѣ:—«и въ поэзіи».—«И въ дружбѣ», прибавлялъ я.—«И въ дружбѣ», повторялъ онъ. О, счастливые дни!...

Горестно было мнѣ разстаться съ Пасынковымъ! Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ онъ, послѣ долгихъ хлопотъ и заботъ, послѣ переписки, часто забавной, досталъ наконецъ свои бумаги и поступилъ въ университетъ. Онъ продолжалъ состоять на иждивеніи Винтеркеллера, но, вмѣсто камлотовыхъ куртокъ и брюкъ, получалъ уже обыкновенную одежду, въ воздаяніе за уроки по разнымъ предметамъ, которые преподавалъ младшимъ воспитанникамъ. Пасынковъ не перемѣнилъ своего обращенія

со мной до самаго конца моего пребыванія въ пансіонѣ, хотя разница въ годахъ между нами уже начинала сказываться, и я, помнится, принимался ревновать его къ нѣкоторымъ изъ его новыхъ товарищей-студентовъ. Вліяніе его на меня было самое благотворное. Къ сожалѣнію, оно не было продолжительно. Приведу одинъ только примѣръ. Въ дѣтствѣ я привыкъ лгать.... Передъ Яковомъ у меня языкъ не поворачивался на ложь. Но особенно отрадно было мнѣ гулять съ нимъ вдвоемъ, или ходить возлѣ него взадъ и впередъ по комнатѣ и слушать, какъ онъ, не глядя на меня, читалъ стихи своимъ тихимъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Право, мнѣ тогда казалось, что мы съ нимъ медленно, понемногу отдѣлялись отъ земли и неслись куда-то, въ какой-то лучезарный, таинственно прекрасный край... Помню я одну ночь. Мы сидѣли съ нимъ подъ тѣмъ же кустомъ сирени: мы полюбили это мѣсто. Всѣ наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ощупью одѣлись впотьмахъ и украдкой вышли «помечтать». На дворѣ было довольно тепло, но свѣжій вѣтерокъ дулъ повременамъ и заставлялъ насъ еще ближе прижиматься другъ къ дружкѣ. Мы говорили, мы говорили много и съ жаромъ, такъ что даже перебивали другъ друга, хотя и не спорили. На небѣ сіяли безчисленныя звѣзды. Яковъ поднялъ глаза и, стиснувъ мнѣ руку, тихо воскликнулъ:

Надъ нами
Небо съ вѣчными звѣздами....
А надъ звѣздами ихъ Творецъ....

Благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по мнѣ; я весь похолодѣлъ и припалъ къ его плечу... Сердце переполнилось...

Гдѣ тѣ восторги? Увы! тамъ же, гдѣ и молодость.

Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Якова лѣтъ восемь спустя. Я только что опредѣлился на службу, и ему кто-то доставилъ мѣстечко въ какомъ-то департаментѣ. Встрѣча наша была самая радостная. Никогда мнѣ не забыть того мгновенья, когда я, сидя однажды у себя дома, услыхалъ внезапно въ передней его голосъ... Какъ я вздрогнулъ, съ какимъ біеніемъ сердца вскочилъ и бросился ему на шею, не давъ ему времени снять съ себя шубу и раскатать шарфъ! Какъ жадно глядѣлъ

я на него сквозь невольныя, свѣтлыя слезы умиленія! Онъ немного постарѣлъ въ послѣднія семь лѣтъ; морщины тонкія, какъ слѣдъ иглы, кой-гдѣ прорѣзали лобъ его, щеки слегка впали и волосы порѣдѣли, но бороды почти не прибавилось, и улыбка его осталась та же; и смѣхъ его милый, внутренній, словно задыхающійся смѣхъ, остался тотъ же...

Боже мой! чего, чего, мы не переговорили въ тотъ день... Сколько любимыхъ стиховъ прочли мы другъ другу! Я началъ его упрашивать переѣхать ко мнѣ на житье, но онъ не согласился, за то обѣщалъ заходить ко мнѣ ежедневно и сдержалъ свое обѣщаніе.

И душою Пасынковъ не измѣнился. Онъ предсталъ предо мною тѣмъ же романтикомъ, какимъ я зналъ его. Какъ ни охватывалъ его жизненный холодъ, горькій холодъ опыта, нѣжный цвѣтокъ, рано-разцвѣтшій въ сердцѣ моего друга, уцѣлѣлъ во всей своей нетронутой красѣ. Даже грусти, даже задумчивости не проявилось въ немъ; онъ попрежнему былъ тихъ, но вѣчно веселъ душою.

Въ Петербургѣ жилъ онъ какъ-бы въ пустынѣ, не размышляя о будущемъ и не знаясь почти ни съ кѣмъ. Я его свелъ съ Злотницкими. Онъ къ нимъ ходилъ довольно часто. Не будучи самолюбивъ, онъ не былъ застѣнчивъ; но и у нихъ, какъ и вездѣ, говорилъ мало, однако полюбился имъ. Тяжелый старикъ, мужъ Татьяны Васильевны, и тотъ обходился съ нимъ ласково, и обѣ молчаливыя дѣвушки скоро къ нему привыкли.

Бывало, онъ придетъ, принесетъ съ собой въ заднемъ карманѣ сюртука какое нибудь вновь вышедшее сочиненіе и долго не рѣшается читать, все вытягиваетъ шею на бокъ, какъ птица, да высматриваетъ: можно ли? наконецъ умѣстится въ уголку (онъ вообще любилъ сидѣть по угламъ), достанетъ книжку и примется читать, сперва шопотомъ, потомъ громче и громче, изрѣдка перерывая самого себя короткими сужденіями или восклицаніями. Я замѣчалъ, что Варвара охотнѣе сестры къ нему подсаживалась и слушала его, хотя, конечно, мало его понимала: литература не занимала ея. Сидитъ бывало, передъ Пасынковымъ, опершись на руки подбородкомъ, глядитъ ему—не въ глаза, а такъ, во все лицо и словечка не промолвитъ, только шумно вздохнетъ вдругъ.—По вечерамъ, мы

играли въ фанты, особенно въ воскресенія и въ праздники. Къ намъ тогда присоединялись двѣ барышни, сестры, отдаленныя ростевенницы Злотницкихъ, маленькія, кругленькія, хохотуньи страшныя, да нѣсколько кадетовъ и юнкеровъ, очень добрыхъ и тихихъ мальчиковъ. Пасынковъ всегда садился подлѣ Татьяны Васильевны, и вмѣстѣ съ ней придумывалъ что дѣлать тому, чей фантъ вынется.

Софья не любила нѣжностей и поцалуевъ, которыми обыкновенно выкупаются фанты, а Варвара досадовала, когда ей приходилось что нибудь отыскивать или отгадывать. Барышни знай себѣ хохотали—откуда у нихъ смѣхъ брался,—меня иногда досада разбирала на нихъ глядя, а Пасынковъ только улыбался и головой покачивалъ. Старикъ Злотницкій въ наши игры не вмѣшивался и даже не совсѣмъ ласково посматривалъ на насъ изъ-за дверей своего кабинета. Разъ только, совершенно неожиданно, вышелъ онъ къ намъ и предложилъ, чтобы та особа, чей фантъ вынется, провальсировала вмѣстѣ съ нимъ; мы разумѣется согласились. Вышелъ фантъ Татьяны Васильевны; она вся покраснѣла, смѣшалась и застыдилась, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка—но мужъ ея тотчасъ приказалъ Софьѣ сѣсть за фортепьяно, подошелъ къ женѣ и сдѣлалъ съ ней два тура, по старинному, въ три темпа. Помню я, какъ его желчное, темное лицо, съ неулыбавшимися глазами, то показывалось, то скрывалось, медленно оборачиваясь и не мѣняя своего строгаго выраженія. Вальсируя, онъ широко шагалъ и подпрыгивалъ; а жена его быстро сѣменила ногами и прижималась, какъ бы отъ страха, лицомъ къ его груди. Онъ довелъ её до ея мѣста, поклонился ей, ушелъ къ себѣ и заперся. Софья хотѣла было встать. Но Варвара попросила её продолжать вальсъ, подошла къ Пасынкову и, протянувъ руку, съ неловкой усмѣшкой сказала: хотите? Пасынковъ удивился, однако вскочилъ—онъ всегда отличался утонченной вѣжливостью—взялъ Варвару за талью, но съ перваго же шага поскользнулся и, быстро отдѣлившись отъ своей дамы, покатился прямо подъ тумбочку, на которой стояла клѣтка попугая... Клѣтка упала, попугай испугался и закричалъ: на кра-улъ! Поднялся общій хохотъ... Злотницкій показался на порогѣ кабинета, поглядѣлъ сурово и захлопнулъ дверь. Съ тѣхъ поръ стоило только вспомнить

при Варварѣ объ этомъ происшествіи и она тотчасъ начинала смѣяться и съ такимъ выраженіемъ поглядывать на Пасынкова, какъ будто умнѣе того, что онъ тогда сдѣлалъ, не возможно было ничего придумать.

Пасынковъ очень любилъ музыку. Онъ часто просилъ Софью сыграть ему что нибудь, садился къ сторонкѣ и слушалъ, изрѣдка подтягивая тонкимъ голоскомъ на чувствительныхъ ноткахъ. Особенно любилъ онъ «Созвѣздія» Шуберта. Онъ увѣрялъ, что когда при немъ играли «Созвѣздія», ему всегда казалось, что вмѣстѣ съ звуками, какіе то голубые длинные лучи лились съ вышины ему прямо въ грудь. Я еще до сихъ поръ, при видѣ безоблачнаго ночнаго неба съ тихо шевелящимися звѣздами, всегда вспоминаю мелодію Шуберта и Пасынкова... Приходитъ мнѣ еще на умъ одна загородная прогулка. Мы поѣхали цѣлымъ обществомъ въ двухъ ямскихъ четверомѣстныхъ каретахъ въ Парголово. Помнится, кареты взяли съ Владимірской; онѣ были очень стары, голубого цвѣта, на круглыхъ рессорахъ, съ широкими козлами и клочками сѣна внутри; бурыя разбитыя лошади везли насъ тяжолой рысью, хромая каждая на разную ногу. Мы долго гуляли по сосновымъ рощамъ вокругъ Парголово, пили молоко изъ гличяныхъ кувшинчиковъ и ѣли землянику съ сахаромъ. Погода была чудесная. Варвара не любила много ходить, она скоро утомлялась, но на этотъ разъ она отъ насъ не отставала. Она сняла шляпу, волосы ея развились, тяжолыя черты оживились и щоки покраснѣли. Встрѣтивши въ лѣсу двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ, она вдругъ сѣла на землю, подозвала ихъ и не приласкала, а усадила ихъ возлѣ себя. Софья посмотрѣла на нихъ издали съ холодной улыбкой и не подошла къ нимъ. Она гуляла съ Асановымъ, а Злотницкій замѣтилъ, что Варвара настоящая насѣдка. Варвара встала и пошла прочь. Въ теченіи прогулки она нѣсколько разъ подходила къ Пасынкову и говорила ему: Яковъ Иванычъ, я вамъ что то хочу сказать, но что она хотѣла ему сказать—осталось неизвѣстнымъ.

Впрочемъ, пора мнѣ возвратиться къ моему разсказу.

—

Я обрадовался приходу Пасынкова; но когда вспомнилъ о томъ, что сдѣлалъ наканунѣ, мнѣ стало невыразимо совѣстно, и я поспѣшно отвернулся опять къ стѣнѣ. Погодя немного, Яковъ спросилъ меня, здоровъ ли я.

— Здоровъ, отвѣчалъ я сквозь зубы: — только голова не много болитъ.

Яковъ ничего не отвѣтилъ и взялъ книгу. Прошло болѣе часу; я ужь собирался во всемъ сознаться Якову... вдругъ въ передней прозвенѣлъ колокольчикъ.

Дверь на лѣстницу растворилась... я прислушался... Асановъ спрашивалъ моего человѣка, дома ли я.

Пасынковъ всталъ; онъ не любилъ Асанова, и, сказавъ мнѣ шопотомъ, что пойдетъ полежать на моей постели, отправился ко мнѣ въ спальню.

Минуту спустя, вошелъ Асановъ.

По одному покраснѣвшему лицу его, по короткому и сухому поклону, я догадался, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ не спроста. «Что-то будетъ?» подумалъ я.

— Милостивый государь, началъ онъ, быстро садясь въ кресло:—я явился къ вамъ для того, чтобъ вы разрѣшили мнѣ одно сомнѣніе.

— А именно?

— А именно: я желаю знать, честный ли вы человѣкъ?

Я вспыхнулъ.

— Это что значитъ? спросилъ я.

— А вотъ что это значитъ... возразилъ онъ, словно отчеканивая каждое слово:—вчера я вамъ показывалъ бумажникъ съ письмами одной особы ко мнѣ... Сегодня вы съ упрекомъ—замѣтьте, съ упрекомъ—пересказывали этой особѣ нѣсколько выраженій изъ этихъ писемъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права. Я желаю знать, какъ вы это объясните?

— А я желаю знать, какое *вы* имѣете право меня разспрашивать? отвѣтилъ я, весь дрожа отъ бѣшенства и внутренняго стыда.—Вольно вамъ было щеголять вашимъ дядюшкой, вашей перепиской; я то тутъ что? Вѣдь всѣ ваши письма цѣлы?

— Письма-то цѣлы; но я былъ вчера въ такомъ состояніи, что вы легко могли...

— Однимъ словомъ, милостивый государь, заговорилъ я,

нарочно, какъ можно громче:—я прошу васъ оставить меня въ покоѣ, слышите ли? Я ничего знать не хочу и объяснять вамъ ничего не стану. Ступайте къ той особѣ за объясненіями! (Я чувствовалъ, что у меня голова начинала кружиться).

Асановъ устремилъ на меня взглядъ, которому видимо старался придать выраженіе насмѣшливой проницательности, пощипалъ свои усики и всталъ не спѣша.

— Я теперь знаю, что́ мнѣ думать, промолвилъ онъ:—ваше лицо—лучшая вамъ улика. Но я долженъ вамъ замѣтить, что благородные люди такъ не поступаютъ... Прочесть украдкой письмо и потомъ идти къ благородной дѣвушкѣ безпокоить ее...

— Убирайтесь вы къ чорту! закричэлъ я, затопавъ ногами:—и присылайте мнѣ секунданта; съ вами я не намѣренъ разговаривать.

— Прошу не учить меня, холодно возразилъ Асановъ:—а секунданта я и самъ хотѣлъ къ вамъ прислать.

Онъ ушелъ. Я упалъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Кто-то тронулъ меня за плечо; я принялъ руки—передо мной стоялъ Пасынковъ.

— Что это? правда?... спросилъ онъ меня:—ты прочелъ чужое письмо?

Я не имѣлъ силъ отвѣтить ему, но качнулъ утвердительно головой.

Пасынковъ подошелъ къ окну и, стоя ко мнѣ спиною, медленно проговорилъ:—Ты прочелъ письмо одной дѣвушки къ Асанову. Кто же была эта дѣвушка?

— Софья Злотницкая, отвѣчалъ я, какъ подсудимый отвѣчаетъ судьѣ.

Пасынковъ долго не вымолвилъ ни слова.

— Одна страсть можетъ до нѣкоторой степени извинить тебя, началъ онъ наконецъ.—Развѣ ты влюбленъ въ Злотницкую?

— Да.

Пасынковъ опять помолчалъ.

— Я это думалъ. И ты сегодня пошелъ къ ней и началъ упрекать ее...

— Да, да, д... проговорилъ я съ отчаяньемъ.—Ты теперь можешь меня презирать....

Пасынковъ прошелся раза два по комнатѣ.

— А она его любитъ? спросилъ онъ.

— Любитъ...

Пасынковъ потупился и долго смотрѣлъ неподвижно на полъ.

— Ну, этому надо помочь, началъ онъ, поднявъ голову:— этого нельзя такъ оставить.

И онъ взялся за шляпу.

— Куда же ты?

— Къ Асанову.

Я вскочилъ съ дивана.

— Да я тебѣ не позволю. Помилуй! какъ можно? что̀ онъ подумаетъ?

Пасынковъ поглядѣлъ на меня.

— А по твоему развѣ лучше дать этой глупости ходъ, себя погубить, дѣвушку опозорить?

— Да что̀ ты скажешь Асанову?

— Я постараюсь вразумить его, скажу, что ты просишь у него извиненія...

— Да я не хочу извиняться предъ нимъ!

— Не хочешь? Развѣ ты не виноватъ?

Я посмотрѣлъ на Пасынкова: спокойное и строгое, хотя грустное выраженіе лица его меня поразило; оно было ново для меня. Я ничего не отвѣчалъ и сѣлъ на диванъ.

Пасынковъ вышелъ.

Съ какимъ мучительнымъ томленіемъ ожидалъ я его возвращенія! Съ какой жестокой медленностью проходило время! Наконецъ, онъ вернулся поздно.

— Ну, что̀? спросилъ я робкимъ голосомъ.

— Слава Богу! отвѣчалъ онъ:—все улажено.

— Ты былъ у Асанова?

— Былъ.

— Что̀ онъ? чай, ломался? промолвилъ я съ усиліемъ.

— Нѣтъ, не скажу. Я ожидалъ больше... Онъ... онъ не такой пошлый человѣкъ, какимъ я почиталъ его.

— Ну, а кромѣ его, ты ни у кого не былъ? спросилъ я, погодя немного.

— Я былъ у Злотницкихъ.

— А!... Сердце у меня забило. Я не смѣлъ взглянуть Пасынкову въ глаза.—Что жь она?

— Софья Николаевна — дѣвушка благоразумная, добрая... Да, она добрая дѣвушка. Ей сначала было немного неловко, но потомъ она успокоилась. Впрочемъ, весь нашъ разговоръ продолжался не болѣе пяти минутъ.

— И ты... ей все сказалъ... обо мнѣ... все?

— Я сказалъ, что̀ было нужно.

— Мнѣ ужь теперь нельзя будетъ больше ходить къ нимъ! проговорилъ я уныло.

— Отчего же? Нѣтъ, изрѣдка можно. Напротивъ, ты долженъ къ нимъ непремѣнно пойдти, чтобъ не подумали чего-нибудь....

— Ахъ, Яковъ, ты меня теперь презирать будешь! воскликнулъ я, чуть сдерживая слезы.

— Я? презирать тебя?... (Его ласковые глаза затеплились любовью)—Тебя презирать... глупый человѣкъ! Развѣ тебѣ легко было? Развѣ ты не страдаешь?

Онъ протянулъ мнѣ руку, я бросился къ нему на шею и зарыдалъ.

—

Спустя нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ я могъ замѣтить, что Пасынковъ былъ очень не въ духѣ, я рѣшился, наконецъ, пойдти къ Злотницкимъ. Что̀ я чувствовалъ вступая къ нимъ въ гостиную, это словами передать трудно; помню, что я едва различалъ лица, и голосъ прерывался въ груди. И Софьѣ было не легче; она видимо принуждала себя заговаривать со мною, но глаза ея также избѣгали моихъ, какъ мои—ея, и въ каждомъ ея движеньи, во всемъ существѣ проглядывало принужденіе, смѣшанное... что̀ таить правду? съ тайнымъ отвращеніемъ. Я постарался какъ можно скорѣе избавить и ее и себя отъ такихъ тягостныхъ ощущеній. Это свиданіе было, къ счастію, послѣднимъ... передъ ея бракомъ. Внезапная перемѣна въ судьбѣ моей увлекла меня въ другой конецъ Россіи и я надолго простился съ Петербургомъ, съ семействомъ Злотницкихъ, и, что̀ мнѣ было всего больнѣе, съ добрымъ Яковомъ Пасынковымъ.

II.

Прошло лѣтъ семь. Не считаю нужнымъ разсказывать, что́ именно происходило со мною въ теченіе всего этого времени. Помаялся я таки по Россіи, заѣзжалъ въ глушь и въ даль и, слава Богу! Глушь и даль не такъ страшны, какъ думаютъ иные, и въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ дремучаго лѣса, подъ валежникомъ и дромомъ, растутъ душистые цвѣты.

Однажды, весной, проѣзжая по дѣламъ службы, черезъ небольшой уѣздный городокъ одной изъ отдаленныхъ губерній Восточной Россіи, я, сквозь тусклое стеклышко тарантаса, увидѣлъ на площади, передъ лавкой, человѣка, лицо котораго мнѣ показалось чрезвычайно знакомымъ. Я вглядѣлся въ этого человѣка и, къ не малой своей радости, узналъ въ немъ Елисея, слугу Пасынкова. Я тотчасъ велѣлъ ямщику остановиться, выскочилъ изъ тарантаса и подошелъ къ Елисею.

— Здравствуй, братъ! проговорилъ я, съ трудомъ скрывая волненье:—ты здѣсь съ своимъ бариномъ?

— Съ бариномъ, возразилъ онъ медленно и вдругъ воскликнулъ:—Ахъ, батюшка, это вы! Я и не узналъ васъ!

— Ты здѣсь съ Яковомъ Иванычемъ?

— Съ нимъ, батюшка, съ нимъ.... А то съ кѣмъ же?

— Веди меня скорѣй къ нему.

— Извольте, извольте! Сюда, пожалуйте сюда... Мы здѣсь въ трактирѣ стоимъ. И Елисей повелъ меня черезъ площадь, безпрестанно приговаривая: «Ну, какъ же Яковъ Иванычъ обрадуется!»

Этотъ Елисей, калмыкъ по происхожденію, человѣкъ на видъ крайне-безобразный и даже дикій, но добрѣйшей души и неглупый, страстно любилъ Пасынкова и служилъ ему лѣтъ десять.

— Какъ здоровье Якова Иваныча? спросилъ я его.

Елисей обернулъ ко мнѣ свое темно-жолтое личико.

— Ахъ, батюшка, плохо... плохо, батюшка! Вы ихъ не узнаете... Недолго имъ, кажется, остается на свѣтѣ пожить. Оттого-то мы здѣсь и засѣли, а то мы вѣдь въ Одессу ѣхали лечиться.

— Откуда же вы ѣдете?

— Изъ Сибири, батюшка.

— Изъ Сибири?

— Точно такъ–съ. Яковъ Иванычъ тамъ на службѣ состояли–съ. Тамъ они и рану свою получили–съ.

— Развѣ онъ въ военную службу поступилъ?

— Никакъ нѣтъ–съ. Въ штатской служили–съ.

«Что за чудеса!» подумалъ я. Между тѣмъ мы подошли къ трактиру, и Елисей побѣжалъ впередъ доложить обо мнѣ. Въ первые годы нашей разлуки, мы съ Пасынковымъ переписывались довольно часто, но послѣднее письмо его я получилъ года четыре назадъ, и съ тѣхъ поръ ничего не зналъ о немъ.

— Пожалуйте–съ, пожалуйте–съ! кричалъ мнѣ Елисей съ лѣстницы:—Яковъ Иванычъ очень желаютъ васъ видѣть–съ.

Я поспѣшно взбѣжалъ по шаткимъ ступенямъ, вошелъ въ темную, маленькую комнату—и сердце во мнѣ перевернулось.... На узкой постели, подъ шинелью, блѣдный какъ мертвецъ, лежалъ Пасынковъ и протягивалъ мнѣ обнаженную, исхудалую руку. Я бросился къ нему и судорожно его обнялъ.

— Яша! воскликнулъ я наконецъ:—что̀ съ тобой?

— Ничего, отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ:—прихворнулъ немного. Ты какимъ случаемъ сюда попалъ?

Я сѣлъ на стулъ подлѣ постели Пасынкова и, не выпуская его руки изъ своихъ рукъ, началъ глядѣть ему въ лицо. Я узналъ дорогія мнѣ черты: выраженіе его глазъ, его улыбки не измѣнилось; но что̀ съ нимъ сдѣлала болѣзнь!

Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, которое произвелъ на меня.

— Я дня три не брился, промолвилъ онъ:—ну, да и не причесанъ, а то я.... еще ничего.

— Скажи, пожалуйста, Яша, началъ я:—что̀ это мнѣ сказалъ Елисей.... Ты раненъ?

— А! да это цѣлая исторія, возразилъ онъ.—Я тебѣ послѣ разскажу. Точно я раненъ и, вообрази, чѣмъ? стрѣлой.

— Стрѣлой?

— Да, стрѣлой только не миѳологической, не стрѣлою амура, а настоящей стрѣлой изъ какого–то прегибкаго дерева, съ искуснымъ остріемъ на концѣ.... Очень непріятное ощущеніе производитъ такая стрѣла, особенно когда попадетъ въ легкія.

— Да какимъ это образомъ? помилуй!...

— А вотъ какимъ. Ты знаешь, въ моей судьбѣ было всег-

да много смѣшного. Помнишь мою комическую переписку по дѣлу вытребованія бумагъ? Вотъ я и раненъ смѣшно. И въ самомъ дѣлѣ, какой порядочный человѣкъ, въ наше просвѣщенное столѣтіе, позволитъ себя ранить стрѣлой? И не случайно— замѣть, не во время какихъ-нибудь игрищъ, а на сраженіи.

— Да ты все мнѣ не говоришь....

— А вотъ постой, перебилъ онъ. — Ты знаешь, что меня скоро послѣ твоего отъѣзда изъ Петербурга перевели въ Новгородъ. Въ Новгородѣ я провелъ довольно много времени и, признаться, скучалъ, хотя я и тамъ встрѣтился съ однимъ существомъ.... (Онъ вздохнулъ).... Но теперь не до того; а года два назадъ, вышло мнѣ прекрасное мѣстечко, правда, далеко немножко, въ Иркутской губерніи, да что за бѣда? Видно, намъ съ отцомъ на роду было написано посѣтить Сибирь. Славный край Сибирь! Богатый, привольный—это тебѣ всякій скажетъ. Очень мнѣ тамъ понравилось. Инородцы у меня подъ началомъ состояли; народъ смирный; да на мою бѣду, вздумалось имъ, человѣкамъ десяти, не больше, контрабанду провезти. Меня послали ихъ перехватить. Перехватить-то я ихъ перехватилъ, да одинъ изъ нихъ, съ-дуру, должно-быть, захотѣлъ защищаться да и поподчивалъ меня этой стрѣлой.... Я было чуть не умеръ, однако оправился. Теперь вотъ ѣду окончательно вылечиться.... Начальство, дай Богъ имъ всѣмъ здоровья, денегъ дало.

Пасынковъ въ изнеможеніи опустилъ голову на подушку и умолкъ. Слабый румянецъ разлился по его щекамъ. Онъ закрылъ глаза.

— Много говорить не могутъ, проговорилъ вполголоса Елисей, не выходившій изъ комнаты.

Наступило молчаніе; только и слышалось, что тяжелое дыханіе больного.

— Да вотъ, продолжалъ онъ, опять открывъ глаза:—вторую недѣлю сижу въ этомъ городишкѣ.... простудился, должно быть. Меня лечитъ здѣшній уѣздный врачъ —ты его увидишь; онъ, кажется, дѣло свое знаетъ. Впрочемъ, я очень этому случаю радъ, а то какъ бы я съ тобою встрѣтился? (И онъ взялъ меня за руку. Его рука, еще недавно холодная, какъ ледъ, теперь пылала).—Разскажи ты мнѣ что-нибудь о себѣ, заго-

ворилъ онъ опять, откидывая отъ груди одѣяло:—вѣдь мы съ тобой Богъ знаетъ когда видѣлись.

Я поспѣшилъ исполнить желаніе его, лишь бы не дать ему говорить, и принялся разсказывать. Онъ сперва слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, потомъ попросилъ пить, а тамъ опять началъ закрывать глаза и метаться головой по подушкѣ. Я посовѣтовалъ ему соснуть немного, прибавивъ, что не поѣду дальше, пока онъ не поправится, и помѣщусь въ комнатѣ съ нимъ рядомъ. — Здѣсь очень скверно.... началъ было Пасынковъ; но я зажалъ ему ротъ и тихо вышелъ. Елисей тоже вышелъ вслѣдъ за мной.

— Что же это, Елисей? вѣдь онъ умираетъ? спросилъ я вѣрнаго слугу.

Елисей только махнулъ рукой и отвернулся.

Отпустивъ ямщика и наскоро перебравшись въ смежную комнату, я отправился посмотрѣть, не заснулъ ли Пасынковъ. У двери его я столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста, очень толстымъ и грузнымъ. Лицо его, рябое и пухлое, выражало лѣнь—и больше ничего; крохотные глазки такъ и слипались, и губы лоснились какъ послѣ сна.

— Позвольте узнать, спросилъ я его:—вы не докторъ ли?

Толстый человѣкъ посмотрѣлъ на меня, усиленно приподнявъ бровями свой нависшій лобъ.

— Точно такъ-съ, промолвилъ онъ наконецъ.

— Сдѣлайте одолженіе, г. докторъ, не угодно ли вамъ пожаловать сюда, ко мнѣ въ комнату? Яковъ Иванычъ, кажется, теперь спитъ; я его пріятель и желалъ бы поговорить съ вами о его болѣзни, которая меня очень безпокоитъ.

— Очень хорошо-съ, отвѣчалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто желая сказать: «Охота тебѣ такъ много говорить; я бы и такъ пошелъ» и направился вслѣдъ за мной.

— Скажите, пожалуйста, началъ я, какъ только онъ опустился на стулъ:—состояніе моего пріятеля опасно? какъ вы находите?

— Да, спокойно отвѣчалъ толстякъ.

— И.... очень оно опасно?

— Да, опасно.

— Такъ что онъ даже.... умереть можетъ?

— Можетъ.

Признаюсь, я почти съ ненавистью посмотрѣлъ на моего собесѣдника.

— Такъ помилуйте, началъ я: — надобно прибѣгнуть къ какимъ-нибудь мѣрамъ, консиліумъ созвать, что ли.... Вѣдь нельзя же такъ.... Помилуйте!

— Консиліумъ, можно. Отчего жь? Можно. Ивана Ефремыча позвать....

Докторъ говорилъ съ трудомъ и безпрестанно вздыхалъ. Желудокъ его замѣтно приподнимался, когда онъ говорилъ, какъ бы выпирая каждое слово.

— Кто такой Иванъ Ефремычъ?

— Городовой врачъ.

— Не послать ли въ губернскій городъ — какъ вы думаете? Тамъ навѣрное есть хорошіе доктора.

— Чтожь? можно.

— А кто тамъ лучшимъ врачомъ почитается?

— Лучшимъ? Былъ тамъ Кольрабусъ докторъ.... только его чуть-ли не перевели куда-то. Впрочемъ, признаться, оно и не нужно посылать-то.

— Почему же?

— Вашему пріятелю и губернскій докторъ не поможетъ.

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Да, таки-наткнулся.

— Чѣмъ же онъ собственно боленъ?

— Рану получилъ.... Легкія, значитъ, пострадали.... ну тутъ еще простудился; сдѣлался жаръ.... ну и прочее. А запасной экономіи нѣтъ: безъ запасной экономіи, вы сами знаете, человѣку невозможно.

Мы оба помолчали.

— Развѣ гомеопатіей попробовать.... проговорилъ толстякъ, искоса взглянувъ на меня.

— Какъ гомеопатіей? Вѣдь вы аллопатъ?

— Такъ чтожь что аллопатъ? Вы думаете, что я гомеопатію не знаю? Не хуже другого. Здѣсь, у насъ, аптекарь гомеопатіей лечитъ, а онъ и ученой степени никакой не имѣетъ.

«Ну, подумалъ я: плохо дѣло!...»—Нѣтъ, г. докторъ, про-

молвилъ я: — вы ужь лучше лечите по вашей обыкновенной методѣ.

— Какъ угодно–съ.

Толстякъ всталъ и вздохнулъ.

— Вы идете къ нему? спросилъ я.

— Да, надо посмотрѣть.

И онъ вышелъ.

Я не пошелъ за нимъ: видѣть его у постели моего бѣднаго больного друга было свыше силъ моихъ. Я кликнулъ своего человѣка и приказалъ ему тотчасъ же ѣхать въ губернскій городъ, спросить тамъ лучшаго врача и привезти его непремѣнно. Что–то застучало въ корридорѣ; я быстро отворилъ дверь. Докторъ уже выходилъ отъ Пасынкова.

— Ну, что? спросилъ я его шопотомъ.

— Ничего, микстурку прописалъ.

— Я, г. докторъ, рѣшился послать въ губернскій городъ. Не сомнѣваюсь въ вашемъ искусствѣ, но вы знаете сами: умъ хорошо, а два лучше.

— Ну, чтожь? это похвально! возразилъ толстякъ и началъ спускаться по лѣстницѣ. Я ему видимо надоѣдалъ.

Я вошелъ къ Пасынкову.

— Видѣлъ ты здѣшняго эскулапа? спросилъ онъ меня.

— Видѣлъ, отвѣчалъ я.

— Мнѣ что́ нравится въ немъ, заговорилъ Пасынковъ:—это его удивительное спокойствіе. Доктору слѣдуетъ быть флегматикомъ, не правда ли? Это очень ободрительно для больного.

— Я разумѣется, не сталъ разувѣрять его.

—

Къ вечеру Пасынкову, противъ ожиданія моего, сдѣлалось легче. Онъ попросилъ Елисея поставить самоваръ, объявилъ мнѣ, что будетъ угощать меня чаемъ и самъ выпьетъ чашечку, и замѣтно повеселѣлъ. Я, однако, все–таки старался не давать ему разговаривать, и видя, что онъ никакъ не хочетъ угомониться, спросилъ его, не желаетъ ли онъ, чтобъ я ему прочелъ что–нибудь?

— Какъ у Винтеркеллера—помнишь? отвѣтилъ онъ:—ну, из–

воль, съ удовольствіемъ. Что же мы будемъ читать? Посмотрика тамъ у меня на окнѣ книги....

Я подошелъ къ окну и взялъ первую книгу, попавшуюся мнѣ подъ руку....

— Что это? спросилъ онъ.

— Лермонтовъ.

— А! Лермонтовъ! Прекрасно! Пушкинъ выше, конечно.... Помнишь: «Снова тучи надо мною собралися въ тишинѣ».... или: «Въ послѣдній разъ твой образъ милый дерзаю мысленно ласкать». Ахъ, чудо! чудо! Но и Лермонтовъ хорошъ. Ну, знаешь что, братъ, возьми, раскрой на-удачу и читай!

Я раскрылъ книгу и смутился; мнѣ попалось «Завѣщаніе». Я хотѣлъ было перевернуть страницу, но Пасынковъ замѣтилъ мое движеніе и торопливо проговорилъ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, читайте что вскрылось».

Дѣлать было нечего: я прочелъ «Завѣщаніе».

— Славная вещь! проговорилъ Пасынковъ, какъ только я произнесъ послѣдній стихъ.—Славная вещь! А странно, прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — странно, что тебѣ именно «Завѣщаніе» попалось.... Странно!

Я началъ читать другое стихотвореніе, но Пасынковъ не слушалъ меня, глядѣлъ куда-то въ сторону и раза два еще повторилъ «странно!»

Я опустилъ книгу на колѣни.

— «Сосѣдка есть у нихъ одна», прошепталъ онъ, и вдругъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ: — А что, помнишь ты Софью Злотницкую?

Я покраснѣлъ.

— Какъ не помнить!

— Вѣдь она замужъ вышла?...

— За Асанова, давнымъ-давно. Я тебѣ писалъ объ этомъ.

— Точно, точно, писалъ. Отецъ ее простилъ наконецъ?

— Простилъ, но Асанова не принялъ.

— Упрямый старикъ! Ну, а какъ слышно, счастливо они живутъ?

— Не знаю, право.... кажется счастливо. Они въ деревнѣ живутъ, въ ***ой губерніи; я ихъ не видалъ, но проѣзжалъ мимо.

— И дѣти есть у нихъ?

— Кажется, есть.... Пасынковъ? спросилъ я.

Онъ взглянулъ на меня.

— Признайся, ты, помнится, тогда не хотѣлъ отвѣчать на мой вопросъ: вѣдь ты сказалъ ей, что я ее любилъ?

— Я все ей сказалъ, всю правду.... Я ей всегда правду говорилъ. Скрытничать передъ ней—это былъ бы грѣхъ!

Пасынковъ помолчалъ.

— Ну, а скажи мнѣ, началъ онъ опять: — скоро ты разлюбилъ ее, или нѣтъ?

— Не скоро, но разлюбилъ. Что пользы вздыхать понапрасну?

Пасынковъ перевернулся ко мнѣ лицомъ.

— А я, братъ, началъ онъ—и губы его задрожали:—не тебѣ чета: я до-сихъ-поръ не разлюбилъ ея.

— Какъ! воскликнулъ я съ невыразимымъ изумленіемъ:— развѣ ты любилъ ее?

— Любилъ, медленно проговорилъ Пасынковъ, и занесъ обѣ руки за голову. — Какъ я ее любилъ, это извѣстно одному Богу. Никому я не говорилъ объ этомъ, никому въ мірѣ, и не хотѣлъ никому говорить.... да ужь такъ! «На свѣтѣ мало, говорятъ, мнѣ остается жить»... Куда ни шло!

Неожиданное признаніе Пасынкова до того меня удивило, что я рѣшительно не могъ ничего сказать и только думалъ: «возможно ли? какъ же я этого не подозрѣвалъ?»

— Да, продолжалъ онъ, какъ-бы говоря съ самимъ собою:—я ее любилъ. Я не переставалъ ее любить даже тогда, когда узналъ, что сердце ея принадлежитъ Асанову. Но тяжело мнѣ было узнать это! Еслибъ она тебя полюбила, я бы, покрайней-мѣрѣ, за тебя порадовался; но Асановъ.... Чѣмъ онъ могъ ей понравиться? Его счастье! А измѣнить своему чувству, разлюбить она ужь не могла. Честная душа не мѣняется....

Я вспомнилъ посѣщеніе Асанова послѣ роковаго обѣда, вмѣшательство Пасынкова, и невольно всплеснулъ руками.

— Ты отъ меня все это узналъ, бѣднякъ! воскликнулъ я:— и ты же взялся пойдти къ ней тогда!

— Да, заговорилъ опять Пасынковъ: — это объясненіе съ

ней.... я его никогда не забуду. Вотъ когда я узналъ, вотъ когда я понялъ, что̀ значитъ давно мною избранное слово: Résignation. Но все же она осталась моей постоянной мечтой, моимъ идеаломъ.... А жалокъ тотъ, кто живетъ безъ идеала!

Я глядѣлъ на Пасынкова: глаза его, словно устремленные въ даль, блестѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Я любилъ ее, продолжалъ онъ:—я любилъ ее, ее, спокойную, честную, недоступную, неподкупную; когда она уѣхала, я чуть не помѣшался съ горя.... Съ тѣхъ поръ я ужь никого не любилъ....

И, вдругъ отвернувшись, онъ прижалъ лицо къ подушкѣ и тихо заплакалъ.

Я вскочилъ, нагнулся къ нему и началъ утѣшать его....

— Ничего, промолвилъ онъ, приподнявъ голову и встряхнувъ волосами:—это такъ; немножко горько стало, немножко жалко.... себя то-есть.... Но это все ничего. Все стихи виноваты. Прочти-ка мнѣ другіе, повеселѣе.

Я взялъ Лермонтова, сталъ быстро переворачивать страницы; но мнѣ, какъ нарочно, все попадались стихотворенія, которыя могли опять взволновать Пасынкова. Наконецъ я прочелъ ему «Дары Терека».

— Трескотня реторическая! проговорилъ мой бѣдный другъ тономъ наставника: — а есть хорошія мѣста. Я, братъ, безъ тебя самъ попытался въ поэзію пуститься и началъ одно стихотвореніе: «Кубокъ жизни» — ничего не вышло! Наше дѣло, братъ, сочувствовать, не творить.... Однако, я что-то усталъ; сосну-ка я маленько—какъ ты полагаешь? Экая славная вещь сонъ, подумаешь! Вся жизнь наша сонъ, и лучшее въ ней опять-таки сонъ.

— А поэзія? спросилъ я.

— И поэзія сонъ, только райскій.

Пасынковъ закрылъ глаза.

Я постоялъ немного у его постели. Не думалъ я, чтобъ онъ могъ скоро уснуть, однако дыханіе его становилось ровнѣе и продолжительнѣе. Я на цыпочкахъ вышелъ вонъ, вернулся въ свою комнату и легъ на диванъ. Долго думалъ я о томъ, что̀ мнѣ сказалъ Пасынковъ, припоминалъ многое, дивился, наконецъ заснулъ самъ....

Кто-то толкнулъ меня; я очнулся: передо мной стоялъ Елисей.

— Пожалуйте къ барину, сказалъ онъ.

Я тотчасъ всталъ.

— Что съ нимъ?

— Бредитъ.

— Бредитъ! А прежде съ нимъ этого не бывало?

— Нѣтъ, и въ прошедшую ночь бредилъ, только сегодня что-то страшно.

Я вошелъ въ комнату Пасынкова. Онъ не лежалъ, а сидѣлъ на своей постели, наклонясь всѣмъ туловищемъ впередъ, тихо разводилъ руками, улыбался и говорилъ, все говорилъ голосомъ беззвучнымъ и слабымъ, какъ шелестъ тростника. Глаза его блуждали. Печальный свѣтъ ночника, поставленнаго на полу и загороженнаго книгою, лежалъ недвижнымъ пятномъ на потолкѣ; лицо Пасынкова казалось еще блѣднѣе въ полумракѣ.

Я подошелъ къ нему, окликнулъ его—онъ не отозвался. Я сталъ прислушиваться къ его лепету: онъ бредилъ о Сибири, о ея лѣсахъ. Повременамъ былъ смыслъ въ его бредѣ.

«Какія деревья!» шепталъ онъ: «до самаго неба. Сколько на нихъ инею. Серебро.... Сугробы.... А вотъ слѣды маленькіе.... то зайка скакалъ, то бѣлъ горностай.... Нѣтъ, это отецъ пробѣжалъ съ моими бумагами. Вонъ онъ.... Вонъ онъ! Надо идти; луна свѣтитъ. Надо идти сыскать бумаги.... А! Цвѣтокъ, алый цвѣтокъ — тамъ Софья.... Вотъ колокольчики звенятъ, то морозъ звенитъ.... Ахъ, нѣтъ! это глупые снигири по кустамъ прыгаютъ, свистятъ.... Вишь, краснозобые! Холодно.... А! вотъ Асановъ.... Ахъ да вѣдь онъ пушка —мѣдная пушка, и лафетъ у него зеленый. Вотъ отчего онъ нравится. Звѣзда покатилась? Нѣтъ, это стрѣла летитъ.... Ахъ, какъ скоро и прямо мнѣ въ сердце!... Кто это выстрѣлилъ? Ты, Сонечка?»

Онъ нагнулъ голову и началъ шептать безсвязныя слова. Я взглянулъ на Елисея: онъ стоялъ, заложивъ руки за спину и жалостно глядѣлъ на своего господина.

— А что, братъ, ты сдѣлался практическимъ человѣкомъ? —спросилъ онъ вдругъ, устремивъ на меня такой ясный, такой

сознательный взглядъ, что я невольно вздрогнулъ и хотѣлъ было отвѣтить, но онъ тотчасъ же продолжалъ:—А я, братъ, не сдѣлался практическимъ человѣкомъ, не сдѣлался, что ты будешь дѣлать? Мечтателемъ родился, мечтателемъ! Мечта, мечта.... Что такое мечта? Мужикъ Собакевича—вотъ мечта. Охъ!...

Почти до самаго утра бредилъ Пасынковъ; наконецъ онъ понемногу утихъ, опустился на подушку и задремалъ. Я вернулся къ себѣ въ комнату. Измученный жестокою ночью, я заснулъ крѣпко.

Елисей опять меня разбудилъ.

— Ахъ, батюшка! заговорилъ онъ трепетнымъ голосомъ:—мнѣ сдается, Яковъ Иванычъ помираетъ....

Я побѣжалъ къ Пасынкову. Онъ лежалъ неподвижно. При свѣтѣ начинавшагося дня онъ ужь казался мертвецомъ. Онъ узналъ меня.

— Прощай, прошепталъ онъ:—поклонись ей, умираю....

— Яша! воскликнулъ я:—полно! ты будешь жить....

— Нѣтъ, куда! Умираю.... Вотъ возьми себѣ на память.... (Онъ указалъ рукой на грудь)...

— Что это? заговорилъ онъ вдругъ:—посмотри-ка море.... все золотое и по немъ голубые острова, мраморные храмы, пальмы, ѳиміамъ.

Онъ умолкъ.... потянулся....

Черезъ полчаса его не стало. Елисей съ плачемъ припалъ къ его ногамъ. Я закрылъ ему глаза.

На шеѣ у него была небольшая шелковая ладонка на чорномъ шнуркѣ. Я взялъ ее къ себѣ.

На третій день его похоронили.... Благороднѣйшее сердце скрылось навсегда въ могилѣ! Я самъ бросилъ на него первую горсть земли.

III.

Прошло еще полтора года. Дѣла заставили меня заѣхать въ Москву. Я поселился въ одной изъ хорошихъ тамошнихъ гостинницъ. Однажды, проходя по корридору, взглянулъ я на чорную доску съ именами проѣзжихъ и чуть не вскрикнулъ

отъ изумленія: противъ 12-го нумера, стояло, четко написанное мѣломъ, имя Софьи Николаевны Асановой. Въ послѣднее время я случайно услышалъ много нехорошаго о ея мужѣ: узналъ, что онъ пристрастился къ вину, къ картамъ, разорился, и вообще дурно ведетъ себя. О его женѣ отзывались съ уваженіемъ.... Не безъ волненія вернулся я къ себѣ въ комнату. Давнымъ-давно застывшая страсть какъ-будто шевельнулась въ сердцѣ, и оно забилось. Я рѣшился сходить къ Софьѣ Николаевнѣ. «Столько времени протекло со дня нашей разлуки» думалъ я: «она вѣроятно забыла все, что было тогда между нами».

Я послалъ къ ней Елисея, котораго послѣ смерти Пасынкова взялъ къ себѣ въ услуженіе, съ моей визитной карточкой, и велѣлъ спросить, дома ли она и могу ли я ее видѣть. Елисей скоро вернулся и объявилъ, что Софья Николаевна дома и принимаетъ.

Я отправился къ Софьѣ Николаевнѣ. Когда я вошелъ къ ней, она стояла посреди комнаты и прощалась съ какимъ-то высокимъ и плотнымъ господиномъ. «Какъ вы хотите», говорилъ онъ густымъ и зычнымъ голосомъ:—«онъ небезвредный человѣкъ, онъ безполезный человѣкъ; а всякій безполезный человѣкъ въ благоустроенномъ обществѣ вреденъ, вреденъ, вреденъ!»

Съ этими словами высокій господинъ вышелъ. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Какъ давно мы не видались! проговорила она.—Сядьте, прошу васъ....

Мы сѣли. Я посмотрѣлъ на нее.... Увидѣть, послѣ долгой разлуки, черты лица, нѣкогда дорогого, быть можетъ, любимаго, узнавать ихъ и не узнавать; какъ будто сквозь прежній, все еще не забытый обликъ—выступилъ другой, хотя похожій, но чуждый; мгновенно, почти невольно замѣтить слѣды, наложенные временемъ — все это довольно грустно. И я должно-быть, также измѣнился, думаетъ каждый про-себя....

Впрочемъ, Софья Николаевна не очень постарѣла; но когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ—ей минулъ 16-й годъ, а съ-тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Черты лица ея стали еще правильнѣе и строже; онѣ попрежнему выражали искренность

чувствъ и твердость; но, вмѣсто прежняго спокойствія, въ нихъ высказывались какая-то затаенная боль и тревога. Глаза ея немного углубились и потемнѣли. Она стала походить на свою мать....

Софья Николаевна первая начала разговоръ.

— Перемѣнились мы оба, начала она. — Гдѣ вы были все это время?

— Скитался кой-гдѣ.... отвѣтилъ я. — А вы все въ деревнѣ жили?

— Большею частью въ деревнѣ. Я и теперь здѣсь только проѣздомъ.

— Что ваши родители?

— Матушка моя скончалась, а батюшка все въ Петербургѣ; братъ на службѣ; Варя съ ними живетъ.

— А вашъ супругъ?

— Мой мужъ?... заговорила она нѣсколько торопливымъ голосомъ: онъ теперь въ Южной Россіи, на ярмаркахъ. Онъ, вы знаете, всегда любилъ лошадей, и конскій заводъ у себя завелъ.... такъ вотъ для этого.... онъ лошадей теперь покупаетъ.

Въ это мгновенье вошла въ комнату дѣвочка лѣтъ восьми, причесанная покитайски, съ очень острымъ и живымъ личикомъ, съ большими темно-сѣрыми глазами. Увидѣвъ меня, она тотчасъ отставила свою маленькую ножку, проворно присѣла и подошла къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, рекомендую вамъ, моя дочка, сказала Софья Николаевна, тронувъ дѣвочку пальцемъ подъ кругленькій подбородокъ:—никакъ не хотѣла дома остаться—упросила меня взять ее съ собой.

Дѣвочка окинула меня своими быстрыми глазами и чуть-чуть прищурилась.

— Она у меня молодецъ, продолжала Софья Николаевна: —ничего не боится. И учится хорошо; за это я должна ее похвалить.

— Comment se nomme monsieur? спросила вполголоса дѣвочка, нагнувшись къ своей матери.

Софья Николаевна назвала меня. Дѣвочка опять на меня взглянула.

— Васъ какъ зовутъ? спросилъ я ее.

— Меня зовутъ Лидіей, отвѣчала дѣвочка, смѣло глядя мнѣ въ глаза.

— Васъ, должно быть, балуютъ, замѣтилъ я.

— Кто меня балуетъ?

— Какъ кто? да я думаю всѣ, начиная съ вашихъ родителей. (Дѣвочка молча посмотрѣла на свою мать). Я воображаю, Константинъ Александрычъ, продолжалъ я....

— Да, да, подхватила Софья Николаевна, между тѣмъ какъ дочка ея не спускала съ нея внимательнаго взора:—мужъ мой, конечно.... онъ очень любитъ дѣтей.

Странное выраженіе промелькнуло на умномъ личикѣ Лидіи. Ея губки слегка надулись; она потупилась.

— Скажите, поспѣшно прибавила Софья Николаевна:—вѣдь вы здѣсь по дѣламъ?

— По дѣламъ.... И вы также?

— И я.... въ отсутствіе мужа, вы понимаете, по неволѣ займешься дѣлами.

— Maman! начала было Лидія....

— Quoi, mon enfant?

— Non—rien.... Je te dirai après.

Софья Николаевна усмѣхнулась и пожала плечомъ.

Мы оба помолчали, а Лидія съ важностью скрестила руки на груди.

— Скажите, пожалуйста, начала опять Софья Николаевна:—помнится, у васъ былъ пріятель.... какъ его бишь звали? такое доброе у него было лицо; онъ все стихи читалъ; такой восторженный....

— Не Пасынковъ ли?

— Да, да, Пасынковъ.... гдѣ онъ теперь?

— Онъ умеръ.

— Умеръ? повторила Софья Николаевна:—какъ жаль!...

— Я его видѣла? спросила торопливымъ шопотомъ дѣвочка.

— Нѣтъ, Лидія, не видала. Какъ жаль! повторила Софья Николаевна.

— Вы жалѣете о немъ.... началъ я:—Что̀жь, еслибъ вы его знали, какъ я зналъ его?... Но позвольте спросить: почему вы заговорили именно о немъ?

— Такъ, не знаю право.... (Софья Николаевна опустила глаза).—Лидія, прибавила она:—ступай къ своей нянѣ.

— Ты меня позовешь, когда можно будетъ? спросила дѣвочка.

— Позову.

Дѣвочка вышла. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, все, что́ вы знаете о Пасынковѣ.

Я началъ разсказывать. Я очертилъ въ краткихъ словахъ всю жизнь моего друга, постарался, на сколько съумѣлъ, изобразить душу его, описалъ его послѣднюю встрѣчу со мной, его кончину.—И вотъ какой человѣкъ, воскликнулъ я, оканчивая свой разсказъ:—отошелъ отъ насъ, незамѣченный, почти неоцѣненный! И это бы еще не бѣда. Что́ значитъ людская оцѣнка? Но мнѣ больно, мнѣ обидно то́, что такой человѣкъ, съ такимъ любящимъ и преданнымъ сердцемъ, умеръ, не испытавъ ни разу блаженства взаимной любви, не возбудивъ участія ни въ одномъ женскомъ сердцѣ, его достойномъ!... Пускай нашъ братъ не извѣдаетъ этого блаженства: онъ его и не стоитъ; но Пасынковъ!... И притомъ, развѣ не встрѣчалъ я на своемъ вѣку тысячу людей, которые ни въ какомъ отношеніи не могли съ нимъ сравниться, и которыхъ любили? Неуже-ли же должно думать, что нѣкоторые недостатки въ человѣкѣ—самоувѣренность, напримѣръ, или легкомысліе—необходимы для того, чтобъ женщина къ нему привязалась? Или любовь боится совершенства, возможнаго на землѣ совершенства, какъ чего-то чуждаго и страшнаго для нея?

Софья Николаевна выслушала меня до конца, не спуская съ меня своихъ строгихъ и проницательныхъ глазъ и не разжимая губъ; только брови ея изрѣдка морщились.

— Почему вы полагаете, промолвила она, помолчавъ немного:—что вашего друга ни одна женщина не полюбила?

— Потому-что я это знаю, знаю навѣрное.

— Софья Николаевна хотѣла было что́-то сказать и остановилась. Она, казалось, боролась сама съ собой.

— Вы ошибаетесь, заговорила она наконецъ:—я знаю женщину, которая горячо полюбила вашего покойнаго друга; она

любитъ и помнитъ его до-сихъ-поръ.... и вѣсть о его кончинѣ поразитъ ее глубоко.

— Кто эта женщина? позвольте узнать.

— Моя сестра, Варя.

— Варвара Николаевна! воскликнулъ я съ изумленіемъ.

— Да.

— Какъ? Варвара Николаевна? повторилъ я:—эта....

— Я договорю вашу мысль, продолжала Софья Николаевна:—эта холодная, равнодушная, вялая, повашему, дѣвушка любила вашего друга: оттого она не вышла замужъ и не выйдетъ. До нынѣшняго дня я одна про это знала: Варя умерла бы скорѣе, чѣмъ выдать свою тайну. Въ нашей семьѣ мы умѣемъ молчать и терпѣть.

Я долго и пристально посмотрѣлъ на Софью Николаевну, невольно размышляя о горькомъ значеніи ея послѣднихъ словъ.

— Вы меня удивили, промолвилъ я наконецъ.—Но знаете ли, Софья Николаевна, еслибъ я не боялся возбудить въ васъ непріятныхъ воспоминаній, я тоже, въ свою очередь, могъ бы удивить васъ....

— Я васъ не понимаю, возразила она медленно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Вы точно меня не понимаете, сказалъ я, поспѣшно вставая: и потому позвольте мнѣ, вмѣсто словеснаго объясненія, прислать вамъ одну вещь....

— Но что такое? спросила она.

— Не безпокойтесь, Софья Николавна , рѣчь идетъ не обо мнѣ.

Я поклонился, вернулся къ себѣ въ комнату, досталъ ладонку, снятую мною съ Пасынкова, и послалъ ее къ Софьѣ Николаевнѣ съ слѣдующей запиской:

«Ладонку эту покойный мой другъ носилъ постоянно на груди и скончался съ нею. Въ ней находится одна ваша записка къ нему, совершенно-незначительная по содержанію; вы можете прочесть ее. Онъ носилъ ее потому, что любилъ васъ страстно, въ чемъ онъ признался мнѣ только наканунѣ своей смерти. Теперь, когда онъ умеръ, почему вамъ не узнать, что и его сердце вамъ принадлежало?»

Елисей скоро вернулся и принесъ мнѣ обратно ладонку.

— Что? спросилъ я:—она ничего не велѣла сказать мнѣ?

— Ничего-съ.

Я помолчалъ.

— Прочла она мою записку?

— Должно-быть прочитали-съ; ихняя дѣвушка къ нимъ носила.

«Недоступная!» подумалъ я, вспомнивъ послѣднія слова Пасынкова.—Ну, ступай, промолвилъ я громко.

Елисей улыбнулся какъ-то странно и не вышелъ.

— Къ вамъ-съ.... началъ онъ:—пришла одна дѣвушка.

— Какая дѣвушка?

Елисей помолчалъ.

— Вамъ покойный баринъ ничего не говорили-съ?

— Нѣтъ.... Что такое?

— Они, какъ въ Новгородѣ были, продолжалъ онъ, трогая рукой притолку:—съ одной, примѣрно сказать, дѣвушкой знакомство свели. Такъ вотъ эта дѣвушка васъ видѣть желаютъ-съ. Я ее намедни на улицѣ встрѣтилъ. Я ей сказалъ: «приходи, коли баринъ прикажетъ, я пущу».

— Проси, проси ее, разумѣется. Да что... какая она?

— Простая-съ... изъ мѣщанокъ-съ... русская.

— Покойный Яковъ Иванычъ любилъ ее?

— Ничего... любили-съ. Ну и она... Какъ узнала, что баринъ скончался, оченно убивалась. Дѣвушка, ничего, хорошая-съ.

— Проси ее, проси.

Елисей вышелъ и тотчасъ же возвратился. За нимъ шла дѣвушка въ ситцевомъ пестромъ платьѣ и съ темнымъ платкомъ на головѣ, до половины закрывавшемъ ея лицо. Увидѣвъ меня, она застыдилась и отвернулась.

— Чего ты? сказалъ ей Елисей:—ступай, не бойся.

Я подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ я ее.

— Машей, отвѣчала она тихимъ голосомъ, украдкой взглянувъ на меня.

На видъ она казалась лѣтъ 22-хъ или 23-хъ; лицо имѣла круглое, довольно простое, но пріятное, нѣжныя щеки, кроткіе голубые глаза и маленькія, очень красивыя и чистыя руки. Одѣта она была опрятно.

— Вы знавали Якова Иваныча? продолжалъ я.

— Знавала–съ, проговорила она, подергивая кончики платка, и слезы выступили на ея вѣки.

Я просилъ ее сѣсть. Она тотчасъ сѣла на край стула, не чинясь и не жеманясь. Елисей вышелъ.

— Вы съ нимъ въ Новгородѣ познакомились?

— Въ Новгородѣ–съ, отвѣчала она, заложивъ обѣ руки подъ платокъ. — Я только третьяго дня отъ Елисея Тимоѳеича узнала о ихъ кончинѣ–съ. Яковъ Иванычъ, какъ въ Сибирь отъѣхали, писать обѣщались, и два раза писали, а больше не писали–съ. Я бы за ними и въ Сибирь поѣхала, да они не хотѣли-съ.

— У васъ въ Новгородѣ есть родственники?

— Есть.

— Вы съ ними жили?

— Я жила съ матушкой и съ сестрой съ замужней; а послѣ матушка на меня прогнѣвалась, да и сестрѣ тѣсно стало: у нихъ дѣтей много; я и переѣхала. Я всегда надѣялась на Якова Иваныча и ничего не желала, какъ только его видѣть; а они со мной завсегда были ласковы—спросите хоть Елисея Тимоѳеича.

Маша помолчала.

— У меня и письма ихъ есть, продолжала она.—Вотъ посмотрите–съ.—Она достала изъ кармана нѣсколько писемъ и подала мнѣ:—прочтите–съ, прибавила она.

Я развернулъ одно письмо и узналъ руку Пасынкова.

«Милая Маша! (писалъ онъ крупнымъ, разборчивымъ почеркомъ) ты вчера прислонилась своей головкой къ моей головѣ, и когда я спросилъ: зачѣмъ ты это дѣлаешь? ты мнѣ сказала: хочу послушать, о чемъ вы думаете. Я тебѣ скажу, о чемъ я думалъ: я думалъ, какъ хорошо бы выучиться Машѣ грамотѣ! Она бы вотъ это письмо разобрала...»

Маша заглянула въ письмо.

— Это они мнѣ еще въ Новѣгородѣ писали-съ, проговорила она:—когда они меня грамотѣ учить собирались. Посмотрите другія–съ. Тамъ есть одно изъ Сибири–съ. Вотъ то прочтите-съ.

Я прочелъ письма. Всѣ они были очень ласковы, даже нѣжны. Въ одномъ изъ нихъ, именно въ первомъ письмѣ изъ Си-

бири, Пасынковъ называлъ Машу своимъ лучшимъ другомъ, обѣщался выслать ей деньги на поѣздку въ Сибирь, и кончалъ слѣдующими словами: «Цалую твои хорошенькія ручки; у здѣшнихъ дѣвушекъ такихъ ручекъ нѣту; да и головы ихъ не чета твоей, и сердца тоже... Читай книжки, которыя я тебѣ подарилъ, и помни меня, а я тебя не забуду. Ты одна, одна меня любила: такъ и я жь тебѣ одной принадлежать хочу...»

— Я вижу, онъ къ вамъ очень былъ привязанъ, сказалъ я, возвращая ей письма.

— Они меня очень любили, возразила Маша, тщательно укладывая письма въ карманъ, и слезы тихонько потекли по ея щекамъ.—Я всегда на нихъ надѣялась; еслибъ Господь продлилъ имъ вѣку, они бы не оставили меня. Дай Богъ ему царство небесное!...

Она утерла глаза кончикомъ платка.

— Гдѣ же вы теперь живете? спросилъ я.

— Теперь я здѣсь, въ Москвѣ; пріѣхала съ барыней, а теперь безъ мѣста. Къ Яковъ Иванычевой тетенькѣ ходила, да онѣ сами очень бѣдны. Мнѣ Яковъ Иванычъ часто объ васъ говаривали–съ, прибавила она вставая и кланяясь:—они очень васъ всегда любили и помнили. Я вотъ Елисея Тимоѳеича третьягодня встрѣтила и подумала: не захотите ли вы помочь мнѣ, такъ–какъ я безъ мѣста теперь стала....

— Съ большимъ удовольствіемъ, Марья... позвольте спросить, какъ васъ по отчеству?

— Петрова, отвѣтила Маша и потупилась.

— Все сдѣлаю для васъ, что могу, Марья Петровна, продолжалъ я:—мнѣ жаль только, что я здѣсь проѣздомъ, мало знаю домовъ хорошихъ.

Маша вздохнула.

— Мнѣ хоть бы какое–нибудь мѣсто–съ... Кроить я не умѣю, а сшить, такъ все сошью... ну, за дѣтьми ходить тоже могу.

«Денегъ ей дать» подумалъ я: «но какъ это сдѣлать?»— Послушайте, Марья Петровна, началъ я не безъ замѣшательства:—вы, пожалуйста, извините меня, но вы изъ словъ Пасынкова знаете, какъ я былъ съ нимъ друженъ... Не позво-

лите ли вы мнѣ предложить вамъ... на первый случай небольшую сумму?...

Маша взглянула на меня.

— Чего-съ? спросила она.

— Не нужно ли вамъ денегъ? проговорилъ я.

Маша покраснѣла вся и наклонила голову.

— На что деньги? прошептала она:—лучше мнѣ мѣсто достаньте-съ.

— Мѣсто я вамъ постараюсь достать, но навѣрное отвѣчать не могу; а вамъ грѣшно совѣститься, право... Вѣдь я для васъ не чужой какой-нибудь... Пріймите это отъ меня на память о нашемъ другѣ...

Я отвернулся, поспѣшно досталъ изъ бумажника нѣсколько ассигнацій и подалъ ей.

Маша стояла неподвижно, еще ниже потупивъ голову.

— Возьмите же, твердилъ я.

Она тихо возвела на меня свои глаза, посмотрѣла мнѣ въ лицо печальнымъ взоромъ, тихо высвободила блѣдную руку изъ-подъ платка и протянула ее мнѣ.

Я положилъ ассигнаціи на ея холодные пальцы. Она молча спрятала руку опять подъ платокъ и опустила глаза.

— Вы и впередъ, Марья Петровна, продолжалъ я:—если вамъ что нибудь будетъ нужно, пожалуйста, обращайтесь прямо ко мнѣ.—Я вамъ доставлю мой адресъ.

— Покорно благодарствуйте-съ, проговорила она и, помолчавъ немного, прибавила:

— Они съ вами обо мнѣ не говорили-съ?

— Я съ нимъ встрѣтился наканунѣ его смерти, Марья Петровна. Впрочемъ, не помню... кажется, говорилъ.

Маша провела рукой по волосамъ, слегка подперла щеку, подумала и, сказавъ: «Прощайте-съ», пошла вонъ изъ комнаты.

Я сѣлъ у стола и принялся думать горькую думу. Эта Маша, ея сношенія съ Пасынковымъ, его письма, скрытая любовь къ нему сестры Софьи Николаевны... Бѣднякъ! бѣднякъ! шепталъ я, тяжело вздыхая. Я вспомнилъ всю жизнь Пасынкова, его дѣтство, его молодость, фрейлейнъ Фридерику... «Вотъ», думалъ я: «много дала тебѣ судьба! многимъ тебя порадовала!»

На другой день я опять пошелъ къ Софьѣ Николаевнѣ.

Меня заставили подождать въ передней, и когда я вошелъ, Лидія уже сидѣла рядомъ съ своею матерью. Я понялъ, что Софья Николаевна не желала возобновлять вчерашняго разговора.

Мы начали толковать—право, не помню о чемъ, о городскихъ слухахъ, о дѣлахъ... Лидія часто ввертывала свое словечко и лукаво на меня посматривала. Забавная важность проявлялась вдругъ на ея подвижномъ личикѣ... Умная дѣвочка, должно быть, догадывалась, что мать нарочно посадила ее подлѣ себя.

Я всталъ и началъ прощаться. Софья Николаевна проводила меня до двери.

— Я вамъ ничего не отвѣчала вчера, сказала она, остановясь на порогѣ:—да и что было отвѣчать? Наша жизнь не отъ насъ зависитъ; но у насъ у всѣхъ есть одинъ якорь, съ котораго, если самъ не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

Я безмолвно наклонилъ голову, въ знакъ согласія, и простился съ молодой пуританкой.

Весь этотъ вечеръ остался я дома, но я не думалъ о ней: я думалъ, все думалъ о моемъ миломъ, незабвенномъ Пасынковѣ—объ этомъ послѣднемъ изъ романтиковъ, и чувства, то грустныя, то нѣжныя, приникали съ сладостной болью въ грудь мою, звучали въ струнахъ еще несовсѣмъ устарѣвшаго сердца... Миръ праху твоему, непрактическій человѣкъ, добродушный идеалистъ! и дай Богъ всѣмъ практическимъ господамъ, которымъ ты всегда былъ чуждъ и которые, можетъ быть, даже посмѣются теперь надъ твоею тѣнью, дай имъ Богъ извѣдать хотя сотую долю тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми, наперекоръ судьбѣ и людямъ, украсилась твоя бѣдная и смиренная жизнь!

1855

ФАУСТЪ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ.

—

«Entsagen sollst du, sollst entsagen».
Фаустъ (*часть 1-я*).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

(Отъ Павла Александрыча Б.... къ Семену Николаичу В....)

Сельцо М....ое, 6 іюня 1850.

Четвертаго дня прибылъ я сюда, любезный другъ, и, по обѣщанію, берусь за перо и пишу къ тебѣ. Мелкій дождь сѣетъ съ утра: выйти невозможно; да и мнѣ же хочется поболтать съ тобой. Вотъ я опять въ своемъ старомъ гнѣздѣ, въ которомъ не былъ — страшно вымолвить — цѣлыхъ девять лѣтъ. Право, какъ подумаешь, я точно другой человѣкъ сталъ. Да и въ самомъ дѣлѣ другой: помнишь ты въ гостинной маленькое темненькое зеркальце моей прабабушки, съ такими странными завитушками по угламъ,—ты все, бывало, раздумывалъ о томъ, что̀ оно видѣло сто лѣтъ тому назадъ. Я, какъ только пріѣхалъ, подошелъ къ нему и невольно смутился. Я вдругъ увидѣлъ, какъ я постарѣлъ и перемѣнился въ послѣднее время. Впрочемъ, не я одинъ постарѣлъ. Домишко мой, уже давно ветхій, теперь чуть держится, покривился, вросъ въ землю. Добрая моя Васильевна, ключница (ты ее, навѣрно, не забылъ: она тебя такимъ славнымъ вареньемъ подчивала), со-

всѣмъ высохла и сгорбилась; увидавъ меня, она вскрикнуть не могла и не заплакала, а только заохала и раскашлялась, сѣла въ изнеможеніи на стулъ и замахала рукою. Старикъ Терентій еще бодрится, по прежнему держится прямо и на ходу выворачиваетъ ноги, вдѣтыя въ тѣ же самыя желтыя нанковыя панталошки и обутыя въ тѣ же самые скрыпучіе козловые башмаки, съ высокимъ подъемомъ и бантиками, отъ которыхъ не однажды приходилъ въ умиленіе... Боже мой! — какъ болтаются теперь эти панталошки на его худенькихъ ногахъ! какъ волосы у него побѣлѣли! и лицо совсѣмъ съежилось въ кулачокъ; а когда онъ заговорилъ со мной, когда онъ началъ распоряжаться и отдавать приказанія въ сосѣдней комнатѣ, мнѣ и смѣшно и жалко его стало. Всѣ зубы у него пропали, и онъ шамкаетъ съ присвистомъ и шипѣньемъ. За то садъ удивительно похорошѣлъ: скромные кустики сирени, акаціи, жимолости (помнишь, мы ихъ съ тобой сажали) разрослились въ великолѣпные, сплошные кусты; березы, клены,—все это вытянулось и раскинулось; липовыя аллеи особенно хороши стали. Люблю я эти аллеи, люблю сѣро-зеленый нѣжный цвѣтъ и тонкій запахъ воздуха подъ ихъ сводами; люблю пестрѣющую сѣтку свѣтлыхъ кружковъ по темной землѣ — песку у меня, ты знаешь, нѣту. Мой любимый дубокъ сталъ уже молодымъ дубомъ. Вчера, среди дня, я болѣе часа сидѣлъ въ его тѣни на скамейкѣ. Мнѣ очень хорошо было. Кругомъ трава такъ весело цвѣла; на всемъ лежалъ золотой свѣтъ, сильный и мягкій; даже въ тѣнь проникалъ онъ.... а что слышалось птицъ! Ты, я надѣюсь, не забылъ, что птицы — моя страсть. Горлинки немолчно ворковали, изрѣдка свистала иволга, зябликъ выдѣлывалъ свое милое коленце, дрозды сердились и трещали, кукушка отзывалась вдали; вдругъ, какъ сумасшедшій, пронзительно кричалъ дятелъ. Я слушалъ, слушалъ весь этотъ мягкій, слитный гулъ и пошевельнуться не хотѣлось, а на сердцѣ не то лѣнь, не то умиленіе. И не одинъ садъ выросъ: мнѣ на глаза безпрестанно попадаются плотные, дюжіе ребята, въ которыхъ я никакъ не могу признать прежнихъ знакомыхъ мальчишекъ. А твой фаворитъ Тимоша сталъ теперь такимъ Тимоѳеемъ, что ты себѣ представить не можешь. Ты тогда боялся за его здоровье и предсказывалъ ему чахотку; а посмотрѣлъ бы ты те-

перь на его огромныя, красныя руки, какъ онѣ торчатъ изъ узенькихъ рукавовъ нанковаго сюртука, и какія у него повсюду выпираются круглыя и толстыя мышцы! Затылокъ какъ у быка, и голова вся въ крутыхъ, бѣлокурыхъ завиткахъ—совершенный Геркулесъ Фарнезскій! Впрочемъ, лицо его измѣнилось меньше, чѣмъ у другихъ, даже не очень увеличилось въ объемѣ, и веселая, какъ ты говорилъ, «зѣвающая» улыбка осталась та же. Я его взялъ къ себѣ въ камердинеры; своего петербургскаго я бросилъ въ Москвѣ: очень ужь онъ любилъ стыдить меня и давать чувствовать свое превосходство въ столичномъ обращеніи. Собакъ моихъ я не нашелъ ни одной: всѣ перевелись. Одна Нефка дольше всѣхъ жила—и та не дождалась меня, какъ Аргосъ не дождался Улисса; не пришлось ей увидѣть бывшаго хозяина и товарища по охотѣ своими потускнѣвшими глазами. А Шавка цѣла и также лаетъ сипло, и одно ухо также прорвано, и репейники въ хвостѣ, какъ быть слѣдутъ. Я поселился въ бывшей твоей комнаткѣ. Правда, солнце въ нее ударяетъ, и мухъ въ ней много; за то меньше пахнетъ старымъ домомъ, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ. Странное дѣло! этотъ затхлый, немного кислый и вялый запахъ сильно дѣйствуетъ на мое воображеніе: не скажу, чтобы онъ былъ мнѣ непріятенъ, напротивъ, но онъ возбуждаетъ во мнѣ грусть, а наконецъ унылость. Я, такъ же, какъ и ты, очень люблю старые пузатые комоды съ мѣдными бляхами, бѣлыя кресла съ овальными спинками и кривыми ножками, засиженныя мухами стеклянныя люстры, съ большимъ яйцомъ изъ лиловой фольги по серединѣ,—словомъ, всякую дѣдовскую мебель; но постоянно видѣть все это не могу: какая-то тревожная скука (именно такъ!) овладѣетъ мною. Въ комнатѣ, гдѣ я поселился, мебель самая обыкновенная, домодѣльщина; однако, я оставилъ въ углу узкій и длинный шкапъ, съ полочками, на которыхъ сквозь пыль едва виднѣется разная старозавѣтная дутая посуда изъ зеленаго и синяго стекла; а на стѣнѣ я приказалъ повѣсить, помнишь, тотъ женскій портретъ, въ черной рамѣ, который ты называлъ портретомъ Манонъ Леско. Онъ немного потемнѣлъ въ эти девять лѣтъ; но глаза глядятъ также задумчиво, лукаво и нѣжно, губы также легкомысленно и грустно смѣются, и полу-ощипанная роза

также тихо валится изъ тонкихъ пальцевъ. Очень забавляютъ меня шторы въ моей комнатѣ. Онѣ когда-то были зеленыя, но пожелтѣли отъ солнца; по нимъ черными красками написаны сцены изъ д'арленкуровскаго «Пустынника». На одной шторѣ этотъ пустынникъ, съ огромнѣйшей бородой, глазами на выкатѣ и въ сандаліяхъ, увлекаетъ въ горы какую-то растрепанную барышню; на другой — происходитъ ожесточенная драка между четырьмя витязями въ беретахъ и съ буфами на плечахъ; одинъ лежитъ, en rassourci, убитый, — словомъ, все ужасы представлены, а кругомъ такое невозмутимое спокойствіе, и отъ самыхъ шторъ ложатся такіе кроткіе отблески на потолокъ.... Какая-то душевная тишь нашла на меня съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь поселился: ничего не хочется дѣлать, никого не хочется видѣть, мечтать не о чемъ, лѣнь мыслить; но думать не лѣнь: это двѣ вещи разныя, какъ ты самъ хорошо знаешь. Воспоминанія дѣтства сперва нахлынули на меня.... куда я ни шелъ, на что я ни взглядывалъ, онѣ возникали отвсюду, ясныя, до малѣйшихъ подробностей ясныя, и какъ бы неподвижныя въ своей отчетливой опредѣленности.... Потомъ эти воспоминанія смѣнились другими, потомъ.... потомъ я тихонько отвернулся отъ прошедшаго, и только осталось у меня въ груди какое-то пріятное томленіе, какое-то дремотное бремя. Вообрази! сидя на плотинѣ, подъ ракитой, я вдругъ неожиданно заплакалъ и долго бы проплакалъ, несмотря на свои уже преклонныя лѣта, если бы не устыдился проходившей бабы, которая съ любопытствомъ посмотрѣла на меня, потомъ, не обращая ко мнѣ лица, прямо и низко поклонилась и прошлась мимо. Я бы очень желалъ остаться въ такомъ настроеніи (плакать, разумѣется, я уже больше не буду) до самаго моего отъѣзда отсюда, т. е. до сентября мѣсяца, и очень былъ бы огорченъ, еслибъ кто-нибудь изъ сосѣдей вздумалъ посѣтить меня. Впрочемъ, опасаться этого, кажется, нечего; у меня же и нѣтъ близкихъ сосѣдей. Ты, я увѣренъ, поймешь меня; ты знаешь самъ по опыту, какъ часто бываетъ благотворно уединеніе.... Оно мнѣ нужно теперь, послѣ всяческихъ странствованій.

А скучать я не буду. Я привезъ съ собой нѣсколько книгъ, и здѣсь у меня библіотека порядочная. Вчера я раскрылъ всѣ шкапы и долго рылся въ заплеснѣвшихъ книгахъ. Я нашелъ

много любопытныхъ, прежде мною не замѣченныхъ, вещей: «Кандида» въ рукописномъ переводѣ 70-хъ годовъ, вѣдомости, и журналы того же времени, «Торжествующаго Хамелеона» (то есть: Мирабо), Le Paysan perverti и т. д. Попались мнѣ дѣтскія книжки, и мои собственныя, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себѣ, моей прабабки: на одной ветхой-ветхой французской грамматикѣ, въ пестромъ переплетѣ, написано крупными буквами: Ce livre appartient à m-lle Eudoxie de Lavrine, и выставленъ годъ—1741. Я увидалъ книги, привезенныя мною когда-то изъ-за-границы, между прочими гётевскаго «Фауста». Тебѣ, можетъ быть, неизвѣстно, что, было время, я зналъ «Фауста» наизусть (первую часть, разумѣется) отъ слова до слова; я не могъ начитаться имъ.... Но другіе дни, другіе сны, и втеченіе послѣднихъ девяти лѣтъ мнѣ едва ли пришлось взять Гёте въ руки. Съ какимъ неизъяснимымъ чувствомъ увидалъ я маленькую, слишкомъ мнѣ знакомую книжку (дурнаго изданія 1828 года)! Я унесъ ее съ собою, легъ на постель и началъ читать. Какъ подѣйствовала на меня вся великолѣпная первая сцена! Появленіе Духа Земли, его слова, помнишь: «На жизненныхъ волнахъ, въ вихрѣ творенія», возбудили во мнѣ давно неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга. Я вспомнилъ все: и Берлинъ, и студенческое время, и фрейлейнъ Клару Штихъ, и Зейдельманна въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все и вся.... Долго не могъ я заснуть: моя молодость пришла и стала передо мною, какъ призракъ; огнемъ, отравой побѣжала она по жилямъ, сердце расширилось и не хотѣло сжаться, что-то рвануло по его струнамъ, и закипѣли желанія....

Вотъ какимъ грёзамъ предавался твой почти сорокалѣтній другъ, сидя, одинокій, въ своемъ одинокомъ домишкѣ! Что, если бы кто подсмотрѣлъ меня? Ну, такъ что жь? Я бы нисколько не устыдился. Стыдиться — это тоже признакъ молодости; а я, знаешь ли почему, сталъ замѣчать, что старѣюсь? Вотъ почему. Я теперь стараюсь преувеличивать передъ самимъ собою свои веселыя ощущенія и укрощать грустныя, а въ дни молодости я поступалъ совершенно наоборотъ. Бывало, носишься съ своей грустью, какъ съ кладомъ, и совѣстишься веселаго порыва....

А все-таки мнѣ кажется, что, несмотря на весь мой жизненный опытъ, есть еще что-то такое на свѣтѣ, другъ Горацію, чего я не испыталъ, и это «что-то»—чуть ли не самое важное.

Экъ до чего я дописался! Прощай. До другаго раза. Что ты дѣлаешь въ Петербургѣ? Кстати: Савелій, мой деревенскій поваръ, велитъ тебѣ кланяться. Онъ тоже постарѣлъ, но не слишкомъ, потолстѣлъ и обрюзгъ немного. Также хорошо дѣлаетъ куриные супы съ разварными луковицами, ватрушки съ узорчатой каймой и пигусъ, знаменитое степное блюдо пигусъ, отъ котораго у тебя языкъ побѣлѣлъ и стоялъ коломъ втеченіе цѣлыхъ сутокъ. Зато жареное онъ, по прежнему, засушиваетъ такъ, что хоть стучи имъ по тарелкѣ—настоящій картонъ. Однако, прощай.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

(Отъ того же къ тому же).

Сельцо М.....ое, 12 іюня 1850.

Имѣю сообщить тебѣ довольно важную новость, любезный другъ.—Слушай.—Вчера, передъ обѣдомъ, захотѣлось мнѣ погулять — только не въ саду; я пошелъ по дорогѣ въ городъ. Идти безъ всякой цѣли быстрыми шагами по длинной, прямой дорогѣ—очень пріятно. Точно дѣло дѣлаешь, спѣшишь куда-то.— Смотрю: ѣдетъ навстрѣчу коляска. Не ко мнѣ ли? подумалъ я съ тайнымъ страхомъ.... Однако, нѣтъ: въ коляскѣ сидитъ господинъ съ усами, мнѣ незнакомый. Я успокоился. Но вдругъ этотъ господинъ, поровнявшись со мною, велитъ кучеру остановить лошадей, учтиво приподнимаетъ фуражку и еще учтивѣе спрашиваетъ меня: «не я ли такой-то?» называя меня по имени. Я, въ свою очередь, останавливаюсь и съ бодростью подсудимаго, котораго ведутъ къ допросу, отвѣчаю: «я такой-то», а самъ гляжу, какъ баранъ, на господина съ усами и думаю про себя: «а вѣдь я его видалъ гдѣ-то!»

— Вы меня не узнаете? произноситъ онъ, вылѣзая, между тѣмъ, изъ коляски.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А я такъ узналъ васъ тотчасъ.

Слово за слово: оказывается, что это былъ Пріимковъ, помнишь, бывшій нашъ университетскій товарищъ. «Что же это за важная новость?» думаешь ты въ это мгновеніе, любезный Семенъ Николаичъ.—«Пріимковъ, сколько мнѣ помнится, малый былъ довольно пустой, хотя не злой и не глупый.»—Все такъ, дружище, но слушай продолженіе разговора.

— Я, говоритъ, очень обрадовался, когда услыхалъ, что вы пріѣхали въ свою деревню, къ намъ въ сосѣдство. Впрочемъ, не я одинъ обрадовался.

— Позвольте узнать, спросилъ я:—кто же еще былъ такъ любезенъ....

— Моя жена.

— Ваша жена?

— Да, моя жена: она ваша старая знакомая.

— А позвольте узнать, какъ зовутъ вашу супругу.

— Ее зовутъ Вѣрой Николаевной; она Ельцова урожденная....

— Вѣра Николаевна! восклицаю я невольно.

Вотъ это-то и есть самая та важная новость, о которой я говорилъ тебѣ въ началѣ письма....

Но, можетъ быть, ты и въ этомъ ничего не находишь важнаго.... Прійдется мнѣ разсказать тебѣ кое-что изъ моей прошедшей.... давно прошедшей жизни.

Когда мы вмѣстѣ съ тобой вышли изъ университета въ 183... году, мнѣ было двадцать-три года. Ты поступилъ на службу; я, какъ тебѣ извѣстно, рѣшился отправиться въ Берлинъ. Но въ Берлинѣ раньше октября нечего было дѣлать. Мнѣ захотѣлось провести лѣто въ Россіи, въ деревнѣ, полѣниться хорошенько въ послѣдній разъ, а тамъ уже приняться за работу не шутя. На сколько сбылось это послѣднее предположеніе, объ этомъ теперь распространяться нечего.... «Но гдѣ мнѣ провести лѣто?» спрашивалъ я себя. Въ свою деревню мнѣ ѣхать не хотѣлось: отецъ мой недавно скончался, близкихъ родныхъ у меня не было, я боялся одиночества, скуки... А потому я съ радостью принялъ предложеніе одного моего родственника, двоюроднаго дяди, погостить у него въ имѣніи, въ Тв....ой губерніи. Онъ былъ человѣкъ зажиточный, добрый и простой, жилъ бариномъ и палаты имѣлъ барскія. Я

поселился у него. Семейство у дяди было большое: два сына и пять дочерей. Кромѣ того, въ домѣ у него проживало пропасть народу. Гости безпрестанно наѣзжали! а все-таки весело не было. Дни протекали шумно, уединиться не было возможности. Все дѣлалось сообща, всѣ старались чѣмъ-нибудь разсѣяться, что нибудь придумать и къ концу дня всѣ уставали страшно. Пошлымъ чѣмъ то отзывалась эта жизнь. Я уже начиналъ мечтать объ отъѣздѣ и ждалъ только, чтобы прошли дядины именины, но въ самый день этихъ именинъ на балѣ я увидѣлъ Вѣру Николаевну Ельцову,—и остался.

Ей было тогда шестнадцать лѣтъ. Она жила съ своею матерью въ маленькомъ имѣньицѣ, верстахъ въ пяти отъ моего дяди. Отецъ ея—человѣкъ, говорятъ, весьма замѣчательный—быстро достигъ полковничьяго чина и пошелъ бы еще далѣе, но погибъ въ молодыхъ лѣтахъ, нечаянно застрѣленный на охотѣ товарищемъ. Вѣра Николаевна осталась послѣ него ребенкомъ. Мать ея была тоже женщина необыкновенная: она говорила на нѣсколькихъ языкахъ, много прочла и много знала. Она была семью или восемью годами старше своего мужа, за котораго вышла по любви; онъ тайно увезъ ее изъ родительскаго дома. Она едва перенесла его потерю и до самой смерти (по словамъ Пріимкова, она умерла скоро послѣ свадьбы дочери) носила одни черныя платья. Я живо помню ея лицо: выразительное, темное, съ густыми, посѣдѣлыми волосами, большими, строгими, какъ бы потухшими глазами и прямымъ, тонкимъ носомъ. Ея отецъ—фамилія его была Ладановъ—лѣтъ пятнадцать прожилъ въ Италіи. Мать Вѣры Николаевны родилась отъ простой крестьянки изъ Альбано, которую, на другой день послѣ ея родовъ, убилъ трастеверинецъ, ея женихъ, у котораго Ладановъ ее похитилъ.... Эта исторія въ свое время надѣлала много шуму. Вернувшись въ Россію, Ладановъ не только изъ дома, изъ кабинета своего не выходилъ, занимался химіей, анатоміей, кабалистикой, хотѣлъ продлить жизнь человѣческую, воображалъ, что можно вступать въ сношенія съ духами, вызывать умершихъ.... Сосѣди считали его за колдуна. Онъ чрезвычайно любилъ дочь свою, самъ училъ ее всему, но не простилъ ей ея побѣга съ Ельцовымъ, не пустилъ къ себѣ на глаза ни ее, ни ея мужа, предсказалъ

имъ обоимъ жизнь печальную и умеръ одинъ. Оставшись вдовою, г–жа Ельцова посвятила весь свой досугъ на воспитаніе дочери и почти никого не принимала. Когда я познакомился съ Вѣрой Николаевной, она, представь себѣ, ни въ одномъ городѣ не бывала отъ роду, даже въ своемъ уѣздномъ.

Вѣра Николаевна не походила на обыкновенныхъ русскихъ барышень: на ней лежалъ какой-то особый отпечатокъ. Меня съ перваго раза поразило въ ней удивительное спокойствіе всѣхъ ея движеній и рѣчей. Она, казалось, ни о чемъ не хлопотала, не тревожилася, отвѣчала просто и умно, слушала внимательно. Выраженіе ея лица было искреннее и правдивое, какъ у ребенка, но нѣсколько холодно и однообразно, хотя и не задумчиво. Веселою она бывала рѣдко и не такъ, какъ другія: ясность невинной души, отраднѣе веселости, свѣтилась во всемъ ея существѣ. Она была небольшаго роста, очень хорошо сложена, немного тонка, черты имѣла правильныя и нѣжныя, прекрасный ровный лобъ, золотисто-русые волосы, носъ прямой, какъ у матери, довольно полныя губы; сѣрые съ чернотой глаза глядѣли какъ–то слишкомъ прямо изъ-подъ пушистыхъ, кверху загнутыхъ рѣсницъ. Руки у ней были невелики, но не очень красивы: у людей съ талантами такихъ рукъ не бываетъ, и, дѣйствительно, за Вѣрой Николаевной никакихъ особенныхъ талантовъ не водилось. Голосъ у ней звенѣлъ, какъ у семилѣтней дѣвочки. Я на балѣ у дяди былъ представленъ ея матери и, нѣсколько дней спустя, въ первый разъ поѣхалъ къ нимъ.

Г–жа Ельцова была женщина очень странная, съ характеромъ, настойчивая и сосредоточенная. На меня она имѣла вліяніе сильное; я и уважалъ ее и побаивался ея. Все у ней дѣлалось по системѣ, и дочь свою она воспитывала по системѣ, но не стѣсняла ея свободы. Дочь любила ее и вѣрила ей слѣпо. Стоило г-жѣ Ельцовой дать ей книжку и сказать: вотъ этой страницы не читай,—она скорѣе предъидущую страницу пропуститъ, а ужь не заглянетъ въ запрещенную. Но и у г-жи Ельцовой были свои idées fixes, свои коньки. Она, напримѣръ, какъ огня боялась всего, что можетъ дѣйствовать на воображенье; а потому ея дочь до семнадцатилѣтняго возраста не прочла ни одной повѣсти, ни одного стихотворенія, а

въ географіи, исторіи и даже въ естественной исторіи частенько ставила втупикъ меня, кандидата, и кандидата не изъ послѣднихъ, какъ ты, можетъ быть, помнишь. Я было разъ попытался потолковать съ г-жей Ельцовой объ ея конькѣ, хотя трудно было вовлечь ее въ разговоръ: она очень была молчалива. Она только головой покачала.

— Вы говорите, сказала она наконецъ:—читать поэтическія произведенія *и* полезно *и* пріятно.... Я думаю, надо заранѣе выбрать въ жизни: *или* полезное, *или* пріятное, и такъ уже рѣшиться разъ навсегда. И я когда-то хотѣла соединить и то и другое.... Это невозможно и ведетъ къ гибели или къ пошлости.

Да, удивительное существо была эта женщина, существо честное, гордое, не безъ фанатизма и суевѣрія своего рода. «Я боюсь жизни»,—сказала она мнѣ однажды.—И точно, она ея боялась — боялась тѣхъ тайныхъ силъ, на которыхъ построена жизнь, и которыя изрѣдка, но внезапно пробиваются наружу. Горе тому, надъ кѣмъ онѣ разыграются! Страшно сказались эти силы Ельцовой: вспомни смерть ея матери, ея мужа, ея отца.... Это хотя бы кого запугало. Я не видалъ, чтобъ она когда нибудь улыбнулась. Она какъ будто заперлась на замокъ и ключъ бросила въ воду. Она, должно быть, много горя перенесла на своемъ вѣку и никогда, ни съ кѣмъ не подѣлилась имъ: все въ себѣ затаила. Она дотого пріучила себя не давать воли своимъ чувствамъ, что даже стыдилась выказывать страстную любовь свою къ дочери: она ни разу не поцаловала ее при мнѣ, никогда не называла ее уменьшительнымъ именемъ, всегда: Вѣра. Помню одно ея слово: я какъ-то сказалъ ей, что всѣ мы, современные люди, надломанные....—«Надламывать себя не для чего, промолвила она: — надо всего себя переломить или ужь не трогать....»

Весьма немногіе ѣздили къ Ельцовой; но я посѣщалъ ее часто. Я втайнѣ сознавалъ, что она ко мнѣ благоволила; а Вѣра Николаевна мнѣ очень нравилась. Мы съ ней разговаривали, гуляли.... Мать не мѣшала намъ; сама дочь не любила быть безъ матери, и я, съ своей стороны, тоже не чувствовалъ потребности уединенной бесѣды. У Вѣры Николаевны была странная привычка думать вслухъ; по ночамъ она во снѣ

громко и явственно говорила о томъ, что ее поразило втеченіе дня. — Однажды, поглядѣвъ на меня внимательно и, по обыкновенію своему, тихонько подпершись рукою, она сказала: «Мнѣ сдается, что Б. хорошій человѣкъ; но положиться на него нельзя.» Отношенія между нами были самыя дружелюбныя и тихія; только однажды мнѣ показалось, что я подмѣтилъ тамъ, гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ ея свѣтлыхъ глазъ, что-то странное, какую-то нѣгу и нѣжность.... Но, можетъ быть, я ошибся.

Между тѣмъ, время шло, и мнѣ уже пора было собираться въ отъѣздъ. Но я все медлилъ. Бывало, какъ подумаю, какъ вспомню, что скоро я не увижу болѣе этой милой дѣвушки, къ которой я такъ привязался,—жутко мнѣ станетъ.... Берлинъ начиналъ терять свою притягательную силу. Я не смѣлъ самому себѣ сознаться въ томъ, что во мнѣ происходило; да я и не понималъ, что происходило во мнѣ, — точно туманъ бродилъ въ душѣ. Наконецъ, въ одно утро, мнѣ вдругъ все стало ясно. «Чего еще искать», подумалъ я, «куда стремиться? Вѣдь истина все-таки въ руки не дастся. Не остаться ли лучше здѣсь, не жениться ли?» И, вообрази себѣ, эта мысль о женитьбѣ нисколько не испугала меня тогда. Напротивъ, я обрадовался ей. Мало того: въ тотъ же день я объявилъ о своемъ намѣреніи, только не Вѣрѣ Николаевнѣ, какъ бы слѣдовало ожидать, а самой Ельцовой. Старуха посмотрѣла на меня.

— Нѣтъ, сказала она:—мой милый, поѣзжайте въ Берлинъ, надломитесь-ка еще. Вы добры; но не такой мужъ нуженъ для Вѣры.

Я потупился, покраснѣлъ и, что тебя, вѣроятно, увидитъ еще болѣе, тотчасъ же внутренно согласился съ Ельцовой. Черезъ недѣлю я уѣхалъ и съ тѣхъ поръ уже не видалъ ни ея, ни Вѣры Николаевны.

Я описалъ тебѣ мои похожденія вкратцѣ, потому что знаю, ты не любишь ничего «пространственнаго». Пріѣхавъ въ Берлинъ, я очень скоро забылъ Вѣру Николаевну.... Но, признаюсь, неожиданное извѣстіе о ней меня взволновало. Меня поразила мысль, что она такъ близко, что она моя сосѣдка, что я ее на дняхъ увижу. Прошедшее, словно изъ земли, вне-

запно выросло передо мною, такъ и надвинулось на меня. Пріимковъ объявилъ мнѣ, что онъ посѣтилъ меня именно съ цѣлью возобновить наше старинное знакомство, и что онъ надѣется въ самомъ скоромъ времени увидать меня у себя. Онъ мнѣ сообщилъ, что служилъ въ кавалеріи, вышелъ въ отставку поручикомъ, купилъ имѣніе въ восьми верстахъ отъ меня и намѣренъ заниматься хозяйствомъ, что у него было трое дѣтей, но что двое умерли, осталась пятилѣтняя дочь.

— И жена ваша меня помнитъ? спросилъ я.

— Да, помнитъ, отвѣчалъ онъ съ небольшой запинкой.— Конечно, она тогда была еще, можно сказать, ребенокъ; но ея матушка васъ всегда очень хвалила, а вы знаете, какъ она дорожитъ каждымъ словомъ покойницы.— Пришли мнѣ на память слова Ельцовой, что я не гожусь для ея Вѣры....— «Стало быть, *ты* годился», подумалъ я, съ-избока посматривая на Пріимкова.— Онъ у меня пробылъ нѣсколько часовъ. Онъ очень хорошій, милый малый, такъ скромно говоритъ, такъ добродушно смотритъ; его нельзя не полюбить.... Но умственныя способности его не развились съ тѣхъ поръ, какъ мы его знали. Я непремѣнно къ нему поѣду, можетъ-быть, завтра же. Чрезвычайно любопытно мнѣ посмотрѣть, что такое вышло изъ Вѣры Николаевны.

Ты, злодѣй, вѣроятно, смѣешься теперь надо мною, сидя за своимъ директорскимъ столомъ; а я все-таки тебѣ напишу, какое впечатлѣніе она произведетъ на меня. Прощай, до слѣдующаго письма.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

(Отъ того же къ тому же.)

Сельцо М....ое, 16 іюня 1850.

Ну, братъ, былъ я у ней, видѣлъ ее. Прежде всего долженъ сообщить тебѣ удивительное обстоятельство: вѣрь мнѣ или не вѣрь, какъ хочешь, но онэ почти ничего не измѣнилась ни въ лицѣ, ни въ станѣ. Когда она вышла мнѣ навстрѣчу, я чуть не ахнулъ: семнадцатилѣтняя дѣвочка, да и полно! Только глаза не какъ у дѣвочки; впрочемъ, у ней и въ

молодости глаза были не дѣтскіе, слишкомъ свѣтлы. Но то же спокойствіе, та же ясность, голосъ тотъ же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу. А ей теперь двадцать-восемь лѣтъ, и трое дѣтей у нея было.... Непонятно! Ты, пожалуйста, не думай, что я изъ предубѣжденья преувеличиваю; напротивъ, мнѣ эта «неизмѣненность» въ ней вовсе не понравилась.

Женщина въ 28 лѣтъ, жена и мать, не должна походить на дѣвочку: не даромъ же она жила. Она очень привѣтливо меня встрѣтила; но Пріимкова мой пріѣздъ просто обрадовалъ: этотъ добрякъ такъ и смотритъ, какъ бы къ кому привязаться. Домъ у нихъ очень уютный и чистый. Вѣра Николаевна и одѣта была дѣвочкой: вся въ бѣломъ, съ голубымъ поясомъ и тоненькой золотой цѣпочкой на шеѣ. Ея дочка очень мила и на нее нисколько не похожа: она напоминаетъ свою бабку. Въ гостиной, надъ диваномъ, виситъ портретъ этой странной женщины, поразительно схожій. Онъ мнѣ бросился въ глаза, какъ только я вошелъ. Казалось, она строго и внимательно смотрѣла на меня. Мы усѣлись, вспомнили старину и понемногу разговорились. Я, по неволѣ, то и дѣло, взглядывалъ на сумрачный портретъ Ельцовой. Вѣра Николаевна сидѣла прямо подъ нимъ: это ея любимое мѣсто. Представь мое изумленіе: Вѣра Николаевна до сихъ поръ не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія,—словомъ, ни одного, какъ она выражается, выдуманнаго сочиненія! Это непостижимое равнодушіе къ возвышеннѣйшимъ удовольствіямъ ума меня разсердило. Въ женщинѣ умной и, сколько я могу судить, тонко чувствующей, это просто непростительно.

— Что же, спросилъ я: — вы положили себѣ за правило никогда такихъ книгъ не читать?

— Не пришлось, отвѣчала она:—некогда было.

— Некогда! Я удивляюсь! Хотя бы вы, продолжалъ я, обратившись къ Пріимкову:—пріохотили вашу жену.

— Я съ удовольствіемъ.... началъ было Пріимковъ; но Вѣра Николаевна его перебила.

— Не притворяйся: ты самъ небольшой охотникъ до стиховъ.

— До стиховъ, точно, началъ онъ: — я не очень; но романы, напримѣръ....

— Да что же вы дѣлаете, чѣмъ вы занимаетесь по вечерамъ? спросилъ я:—въ карты играете?

— Иногда играемъ, отвѣчала она:— да мало-ли есть чѣмъ заняться? Мы тоже читаемъ: есть хорошія сочиненія кромѣ стиховъ.

— Что вы на стихи такъ нападаете?

— Я на нихъ не нападаю: я съ-дѣтства привыкла не читать этихъ выдуманныхъ сочиненій; матушкѣ такъ было угодно, а я чѣмъ больше живу, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что все, что матушка ни дѣлала, все, что она ни говорила, была правда, святая правда.

— Ну, какъ вы хотите, а я съ вами согласиться не могу: я убѣжденъ, что вы напрасно лишаете себя самаго чистаго, самаго законнаго наслажденія. Вѣдь вы не отвергаете музыки, живописи: отчего же вы отвергаете поэзію?

— Я ея не отвергаю: я до сихъ поръ съ ней не познакомилась—вотъ и все.

— Такъ я возьмусь за это! Вѣдь ваша матушка не на всю жизнь запретила вамъ знакомство съ произведеніями изящной словесности.

— Нѣтъ, какъ я вышла замужъ, матушка сняла съ меня всякое запрещеніе; мнѣ самой въ мысли не приходило читать... какъ вы это сказали?... ну, словомъ, читать романы.

Я съ недоумѣніемъ слушалъ Вѣру Николаевну: я этого не ожидалъ. Она смотрѣла на меня своимъ спокойнымъ взоромъ. Птицы такъ смотрятъ, когда не боятся.

— Я вамъ принесу книгу! воскликнулъ я. (У меня въ головѣ мелькнулъ недавно мной прочтенный «Фаустъ».)

Вѣра Николаевна тихонько вздохнула.

— Это.... это не будетъ Жоржъ Сандъ? спросила она не безъ робости.

— А! значитъ вы слыхали о ней? Ну, хоть бы она, что же за бѣда?... Нѣтъ, я вамъ принесу другаго автора. Вѣдь вы по-нѣмецки не забыли?

— Нѣтъ, не забыла.

— Она говоритъ какъ нѣмка, подхватилъ Пріимковъ.

— Ну и прекрасно! я вамъ принесу.... да вотъ вы увидите, какую я вамъ удивительную вещь принесу.

— Ну, хорошо, увижу. А теперь пойдемте въ садъ, а то Наташѣ на мѣстѣ не сидится.

Она надѣла круглую соломенную шляпку, дѣтскую шляпку, точно такую же, какую надѣла ея дочь, только побольше немного, и мы отправились въ садъ. Я шелъ съ ней рядомъ. На свѣжемъ воздухѣ, въ тѣни высокихъ липъ, ея лицо мнѣ показалось еще милѣе, особенно, когда она слегка поворачивалась и закидывала голову, чтобъ посмотрѣть на меня изъподъ края шляпки. Если бы не шедшій за нами Пріимковъ, если бы не прыгавшая передъ нами дѣвочка, я бы, право, могъ подумать, что мнѣ не 36 лѣтъ, а 22 года; что я только собираюсь еще въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что и садъ, въ которомъ мы находились, весьма походилъ на садъ въ имѣніи Ельцовой. Я не удержался и передалъ мое впечатлѣніе Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Мнѣ всѣ говорятъ, что я наружно мало измѣнилась, отвѣчала она:—впрочемъ, я и внутренно осталась та же.

Мы подошли къ небольшому китайскому домику.

— Вотъ такого домика у насъ въ Осиновкѣ не было, сказала она:—но вы не смотрите, что онъ такъ обвалился и полинялъ: внутри очень хорошо и прохладно.

Мы вошли въ домикъ. Я оглянулся.

— Знаете ли что, Вѣра Николаевна, промолвилъ я:—велите къ моему пріѣзду принести сюда столъ и нѣсколько стульевъ. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, чудесно. Я вамъ здѣсь прочту... гётева «Фауста».... вотъ какую вещь я вамъ прочту.

— Да, здѣсь мухъ нѣту, замѣтила она простодушно: — а когда вы пріѣдете?

— Послѣ-завтра.

— Хорошо, возразила она:—прикажу.

Наташа, которая вмѣстѣ съ нами вошла въ домикъ, вдругъ вскрикнула и отскочила, вся блѣдная.

— Что такое? спросила Вѣра Николаевна.

— Ахъ, мама, проговорила дѣвочка, указывая въ уголъ пальцемъ:—посмотри, какой страшный паукъ!...

Вѣра Николаевна взглянула въ уголъ: большой пестрый паукъ вихо всползалъ по стѣнѣ.

— Чего же тутъ бояться? сказала она:—онъ не кусается, посмотри.

И, прежде чѣмъ я успѣлъ остановить ее, она взяла безобразное насѣкомое въ руку, дала ему побѣгать по ладони и выбросила его вонъ.

— Ну, какая же вы храбрая! воскликнулъ я.

— Въ чемъ же тутъ храбрость? Этотъ паукъ не изъ ядовитыхъ.

— Видно, вы попрежнему сильны въ естественной исторіи; а я бы его въ руки не взялъ.

— Его нечего бояться, повторила Вѣра Николаевна.

Наташа молча посмотрѣла на насъ обоихъ и усмѣхнулась.

— Какъ она похожа на вашу матушку! замѣтилъ я.

— Да, возразила Вѣра Николаевна съ улыбкой удовольствія:—это меня очень радуетъ. Дай Богъ, чтобъ она не однимъ лицомъ на нее походила!

Насъ позвали обѣдать, и послѣ обѣда я уѣхалъ. NB. Обѣдъ былъ очень хорошъ и вкусенъ—это я въ скобкахъ замѣчаю для тебя, объѣдало! Завтра я къ нимъ свезу «Фауста». Боюсь я, какъ бы мы со старикомъ Гёте не провалились. Опишу тебѣ все подробно.

Ну, а теперь что ты думаешь обо всѣхъ «сихъ преизшествіяхъ?» Небось, что она произвела на меня сильное впечатлѣніе, что я готовъ влюбиться и т. д.? Пустяки, братъ! Пора и честь знать. Довольно подурачился; полно! Не въ мои годы начинать жизнь съ-изнова. При томъ же, мнѣ и прежде не такія женщины нравились.... Впрочемъ, какія женщины мнѣ нравились!!

«Я содрагаюсь—сердцу больно—
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.»

Во всякомъ случаѣ я очень радъ этому сосѣдству, радъ возможности видѣться съ умнымъ, простымъ, свѣтлымъ существомъ; а что будетъ дальше, узнаешь въ свое время.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

(Отъ того же къ тому же.)

Сельцо М....ое, 20-го Іюня 1850 г.

Чтеніе произошло вчера, милый другъ, и какъ именно, о томъ слѣдуютъ пункты. Прежде всего спѣшу сказать: успѣхъ неожиданный... то есть «успѣхъ»—не то слово.... Ну, слушай. Я пріѣхалъ къ обѣду. За столомъ насъ было шестеро: она, Пріимковъ, дочка, гувернантка (незначительная бѣлая фигурка), я и какой-то старый нѣмецъ, въ коротенькомъ коричневомъ фракѣ, чистый, выбритый, потертый, съ самымъ смирнымъ и честнымъ лицомъ, съ беззубой улыбкой, съ запахомъ цикорнаго кофе.... всѣ старые нѣмцы такъ пахнутъ. Меня съ нимъ познакомили: это былъ нѣкто Шиммель, учитель нѣмецкаго языка у сосѣдей Пріимкова, князей Х...хъ. Вѣра Николаевна, кажется, благоволитъ къ нему и пригласила его присутствовать на чтеніи. Мы обѣдали поздно и долго не выходили изъ-за стола, потомъ гуляли. Погода была чудесная. Утромъ шелъ дождь и вѣтеръ шумѣлъ, а къ вечеру все утихло. Мы вмѣстѣ съ нею вышли на окрытую поляну. Прямо надъ нею легко и высоко стояло большое розовое облако; какъ дымъ тянулись по немъ сѣрыя полосы; на самомъ краю его, то показываясь, то исчезая, дрожала звѣздочка; а не много подалѣе виднѣлся бѣлый серпъ мѣсяца на слегко поалѣвшей лазури. Я указалъ Вѣрѣ Николаевнѣ на это облако.

— Да, сказала она:—это прекрасно; но посмотрите-ка сюда.

Я оглянулся. Закрывая собою заходившее солнце, вздымалась огромная, темно-синяя туча; видомъ своимъ она представляла подобіе огнедышащей горы; ея верхъ широкимъ сноповъ раскидывался по небу; яркой каймой окружалъ ее зловѣщій багрянецъ и въ одномъ мѣстѣ, на самой серединѣ, пробивалъ насквозь ея тяжелую громаду, какъ бы вырываясь изъ раскаленнаго жерла....

— Быть грозѣ, замѣтилъ Пріимковъ.

Но я отдаляюсь отъ главнаго. Я въ послѣднемъ письмѣ забылъ тебѣ сказать, что, пріѣхавъ домой отъ Пріимковыхъ, я

раскаявался, что назвалъ именно «Фауста»; для перваго раза Шиллеръ гораздо бы лучше годился, ужь коли дѣло пошло на нѣмцевъ. Особенно пугали меня первыя сцены до знакомства съ Гретхенъ; насчетъ Мефистофеля я тоже не былъ покоенъ. Но я находился подъ вліяніемъ «Фауста» и ничего другаго не могъ бы прочесть съ охотой. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы отправились въ китайскій домикъ; его наканунѣ привели въ порядокъ. Прямо противъ двери, передъ диванчикомъ, стоялъ круглый столъ, покрытый ковромъ; кругомъ разставлены были кресла и стулья; на столѣ горѣла лампа. Я сѣлъ на диванчикъ, досталъ книжку. Вѣра Николаевна помѣстилась на креслахъ нѣсколько поодаль, недалеко отъ двери. За дверью среди тьмы, выставлялась, слегка качаясь, зеленая вѣтка акаціи, освѣщенная лампой; изрѣдка вливалась въ комнату струя ночнаго воздуха. Пріимковъ сѣлъ близъ меня у стола, нѣмецъ возлѣ него. Гувернантка осталась съ Наташей въ домѣ. Я произнесъ небольшую вступительную рѣчь: упомянулъ о старинной легендѣ доктора Фауста, о значеніи Мефистофеля, о самомъ Гёте и попросилъ остановить меня, если что покажется непонятнымъ. Потомъ я откашлянулся.... Пріимковъ спросилъ меня, не нужно ли мнѣ воды съ сахаромъ и, по всему можно было замѣтить, остался очень собой доволенъ, что сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ. Я отказался. Глубокое молчаніе воцарилось. Я началъ читать, не поднимая глазъ; мнѣ было неловко, сердце билось и голосъ дрожалъ. Первое восклицаніе сочувствія вырвалось у нѣмца, и впродолженіе чтенія онъ одинъ нарушалъ тишину... «Удивительно! возвышенно!» твердилъ онъ, изрѣдка прибавляя: «а вотъ это грубо.» Пріимковъ, какъ я могъ замѣтить, скучалъ: по-нѣмецки понимаетъ онъ довольно плохо и самъ сознавался, что стиховъ не любитъ.... Вольно жь было ему!—Я за столомъ хотѣлъ было намекнуть, что чтеніе можетъ обойтись безъ него, да посовѣстился. Вѣра Николаевна не шевелилась; раза два я украдкой взглянулъ на нее: глаза ея внимательно и прямо были устремлены на меня; ея лицо мнѣ показалось блѣднымъ. Послѣ первой встрѣчи Фауста съ Гретхенъ она отдѣлилась отъ спинки креселъ, сложила руки и въ такомъ положеніи осталась неподвижной до конца. Я чувствовалъ, что Пріимкову тошно приходилось, и

это меня сперва охлаждало, но понемногу я забылъ о немъ, разгорячился и читалъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ.... Я читалъ для одной Вѣры Николаевны: внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что «Фаустъ» на нее дѣйствуетъ. Когда я кончилъ (интермеццо я пропустилъ: эта штука по манерѣ принадлежитъ уже ко второй части; да и изъ «Ночи на Брокенѣ» я кое-что выкинулъ).... когда я кончилъ, когда прозвучало это послѣднее «Генрихъ!» нѣмецъ съ умиленіемъ произнесъ: «Боже! какъ прекрасно!» Пріимковъ, словно обрадованный (бѣднякъ!) вскочилъ, вздохнулъ и началъ благодарить меня за доставленное удовольствіе... Но я не отвѣчалъ ему: я глядѣлъ на Вѣру Николаевну.... Я хотѣлъ услыхать, что она скажетъ. Она встала, подошла нерѣшительными шагами къ двери, постояла на порогѣ и тихонько вышла въ садъ. Я бросился за нею вслѣдъ. Она успѣла уже отойти нѣсколько шаговъ; платье ея чуть бѣлѣло въ густой тѣни.

— Что же? крикнулъ я:—вамъ не понравилось?

Она остановилась.

— Можете вы оставить мнѣ эту книгу? раздался ея голосъ.

— Я вамъ ее подарю, Вѣра Николаевна, если вы желаете имѣть ее.

— Благодарствуйте! отвѣчала она и скрылась.

Пріимковъ и нѣмецъ подошли ко мнѣ.

— Какъ удивительно тепло! замѣтилъ Пріимковъ:—даже душно. Но куда жена пошла?

— Кажется, домой, отвѣчалъ я,

— Я думаю, скоро пора ужинать, возразилъ онъ.—Вы превосходно читаете, прибавилъ онъ, погодя немного.

— Вѣрѣ Николаевнѣ, кажется, понравился «Фаустъ», проговорилъ я.

— Безъ сомнѣнія! воскликнулъ Пріимковъ.

— О, конечно! подхватилъ Шиммель.

Мы пришли въ домъ.

— Гдѣ барыня? спросилъ Пріимковъ у попавшейся намъ навстрѣчу горничной.

— Въ спальню пойти изволили.

Пріимковъ отправился въ спальню.

Я вышелъ на террасу вмѣстѣ съ Шиммелемъ. Старикъ поднялъ глаза къ небу.

— Сколько звѣздъ! медленно проговорилъ онъ, понюхавъ табаку:—и это все міры, прибавилъ онъ и понюхалъ въ другой разъ.

Я не почелъ за нужное отвѣчать ему и только молча посмотрѣлъ вверхъ. Тайное недоумѣніе тяготило мою душу.... Звѣзды, мнѣ казалось, серьезно глядѣли на насъ. Минутъ черезъ пять явился Пріимковъ и позвалъ насъ въ столовую. Скоро пришла и Вѣра Николаевна. Мы сѣли.

— Посмотрите-ка на Вѣрочку, сказалъ мнѣ Пріимковъ.

Я взглянулъ на нее.

— Что? ничего не замѣчаете?

Я, дѣйствительно, замѣтилъ перемѣну въ ея лицѣ, но, не знаю, почему, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ничего.

— Глаза у ней не красны? продолжалъ Пріимковъ.

Я промолчалъ.

— Вообразите, я пришелъ къ ней наверхъ и застаю ее: она плачетъ. Этого съ ней давно не случалось. Я вамъ могу сказать, когда она въ послѣдній разъ плакала: когда Саша у насъ скончалась. Вотъ что вы надѣлали съ вашимъ «Фаустомъ»! прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Стало быть, Вѣра Николаевна, началъ я:—вы теперь видите, что я былъ правъ, когда....

— Я этого не ожидала, перебила она меня:—но Богъ еще знаетъ, правы ли вы. Можетъ быть, оттого матушка и запрещала мнѣ читать подобныя книги, что она знала....

Вѣра Николаевна остановилась.

— Что знала? повторилъ я.—Говорите.

— Къ чему? Мнѣ и такъ совѣстно: о чемъ это я плакала? Впрочемъ, мы еще съ вами потолкуемъ. Я многое не совсѣмъ поняла.

— Отчего же вы меня не остановили?

— Слова-то я всѣ поняла, и смыслъ ихъ, но....

Она не докончила рѣчи и задумалась. Въ это мгновеніе изъ саду пронесся шумъ листьевъ, внезапно поколебленныхъ нале-

тѣвшимъ вѣтромъ. Вѣра Николаевна вздрогнула и повернулась лицомъ къ раскрытому окну.

— Я вамъ говорилъ, что будетъ гроза! воскликнулъ Пріимковъ.—А ты, Вѣрочка, чего это такъ вздрагиваешь?

Она взглянула на него молча. Слабо и далеко сверкнувшая молнія таинственно отразилась на ея недвижномъ лицѣ.

— Все по милости «Фауста», продолжалъ Пріимковъ. Послѣ ужина надо будетъ сейчасъ на боковую.... не правда ли, г. Шиммель?

— Послѣ нравственнаго удовольствія физическій отдыхъ столь же благодѣтеленъ, сколь полезенъ, возразилъ добрый нѣмецъ и выпилъ рюмку водки.

Послѣ ужина мы тотчасъ разошлись. Прощаясь съ Вѣрой Николаевной, я пожалъ ей руку: рука у ней была холодна. Я пришелъ въ отведенную мнѣ комнату и долго стоялъ передъ окномъ, прежде чѣмъ раздѣлся и легъ въ постель. Предсказаніе Пріимкова сбылось: гроза надвинулась и разразилась. Я слушалъ шумъ вѣтра, стукъ и хлопанье дождя, глядѣлъ, какъ, при каждой вспышкѣ молніи, церковь вблизи, построенная надъ озеромъ, то вдругъ являлась черною на бѣломъ фонѣ, то бѣлою на черномъ, то опять поглощалась мракомъ.... Но мысли мои были далеко. Я думалъ о Вѣрѣ Николаевнѣ, думалъ о томъ, что она мнѣ скажетъ, когда прочтетъ сама «Фауста», думалъ о ея слезахъ, вспоминалъ, какъ она слушала....

Гроза уже давно прошла—звѣзды засіяли, все замолкло кругомъ. Какая-то неизвѣстная мнѣ птица пѣла на разные голоса, нѣсколько разъ сряду повторяя одно и то же колѣно. Ея звонкій, одинокій голосъ странно звучалъ среди глубокой тишины; а я все еще не ложился....

На другое утро я раньше всѣхъ сошелъ въ гостиную и остановился передъ портретомъ Ельцовой. «Что взяла—подумалъ я съ тайнымъ чувствомъ насмѣшливаго торжества—вѣдь вотъ же прочелъ твоей дочери запрещенную книгу!» Вдругъ мнѣ почудилось.... Ты, вѣроятно, замѣтилъ, что глаза en face всегда кажутся устремленными прямо на зрителя... но на этотъ разъ, мнѣ, право, почудилось, что старуха съ укоризной обратила ихъ на меня. Я отвернулся, подошелъ къ окну и увидѣлъ Вѣру Николаевну. Съ зонтикомъ на плечѣ, съ легкой

бѣлой косынкой на головѣ, шла она по саду. Я тотчасъ вышелъ изъ дому и поздоровался съ нею.

— Я всю ночь не спала, сказала она мнѣ:—у меня голова болитъ; я вышла на воздухъ—авось, пройдетъ.

— Неужели это отъ вчерашняго чтенія? спросилъ я.

— Конечно: я къ этому не привыкла. Въ этой вашей книгѣ есть вещи, отъ которыхъ я никакихъ отдѣлаться не могу; мнѣ кажется, это онѣ мнѣ такъ жгутъ голову, прибавила она, приложивъ руку ко лбу.

— И прекрасно промолвилъ я:—но вотъ что дурно: боюсь я, какъ бы эта безсонница и головная боль не отбили у васъ охоты читать такія вещи.

— Вы думаете? возразила она и сорвала мимоходомъ вѣтку дикаго жасмина.—Богъ знаетъ! Мнѣ кажется, кто разъ ступитъ на эту дорогу, тотъ уже назадъ не вернется.

Она вдругъ бросила вѣтку въ сторону.

— Пойдемте, сядемте въ эту бесѣдку, продолжала она: — и, пожалуйста, до тѣхъ поръ, пока я не заговорю съ вами сама, не упоминайте мнѣ.... объ этой книгѣ. (Она какъ будто боялась произнести имя «Фауста».)

Мы вошли въ бесѣдку, сѣли.

— Я не буду говорить вамъ о «Фаустѣ», началъ я:— но вы позвольте мнѣ поздравить васъ и сказать вамъ, что я вамъ завидую.

— Вы мнѣ завидуете?

— Да; вамъ, какъ я теперь васъ знаю, съ вашей душою, сколько предстоитъ наслажденій! Есть великіе поэты, кромѣ Гёте: Шекспиръ, Шиллеръ.... да и нашъ Пушкинъ.... и съ нимъ вамъ надо познакомиться.

Она молчала и чертила зонтикомъ по песку.

О, другъ мой Семенъ Николаичъ! еслибъ ты могъ видѣть, какъ она была мила въ это мгновеніе: блѣдная почти до прозрачности, слегка наклоненная, усталая, внутренно разстроенная — и все-таки ясная, какъ небо! Я говорилъ, говорилъ долго, потомъ умолкъ — и такъ сидѣлъ молча да глядѣлъ на нее.... Она не поднимала глазъ и продолжала то чертить зонтикомъ, то стирать начерченное. Вдругъ раздались проворные дѣтскіе шаги: Наташа вбѣжала въ бесѣдку. Вѣра Николаевна

выпрямилась, встала и, къ удивленію моему, съ какой-то порывистой нѣжностью обняла свою дочь.... Это не въ ея привычкахъ. Потомъ явился Пріимковъ. Сѣдовласый, но аккуратный младенецъ Шиммель уѣхалъ до свѣта, чтобъ не пропустить урока. Мы пошли пить чай.

Однако, я усталъ: пора кончить это письмо. Оно должно показаться тебѣ нелѣпымъ, смутнымъ. Я самъ чувствую себя смутнымъ. Мнѣ не по себѣ. Я не знаю, что со мною. Мнѣ то и дѣло мерещатся маленькая комната съ голыми стѣнами, лампа, раскрытая дверь, запахъ и свѣжесть ночи, а тамъ, возлѣ двери, внимательное молодое лицо, легкія бѣлыя одежды.... Я понимаю теперь, почему я хотѣлъ на ней жениться: я, видно, не такъ былъ глупъ передъ поѣздкой въ Берлинъ, какъ я до сихъ поръ думалъ. Да, Семенъ Николаичъ, въ странномъ состояніи духа находится вашъ другъ. Все это, я знаю, пройдетъ.... а если не пройдетъ — ну, что жъ? не пройдетъ. Но я все-таки собой доволенъ: во-первыхъ, я удивительный провелъ вечеръ; а во-вторыхъ, если я разбудилъ эту душу, кто можетъ меня обвинить? Старуха Ельцова пригвождена къ стѣнѣ и должна молчать. Старуха!... подробности ея жизни не всѣ мнѣ извѣстны; но я знаю, что она убѣжала изъ отцовскаго дома: видно, не даромъ она родилась отъ итальянки. Ей хотѣлось застраховать свою дочь.... Посмотримъ.

Бросаю перо. Ты, насмѣшливый человѣкъ, пожалуйста, думай обо мнѣ, что хочешь, но не глумись надо мною письменно. Мы съ тобой старые пріятели и должны щадить другъ друга. Прощай.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

(Отъ того же къ тому же.)

Сельцо М.....ое. 26-го іюля 1850 г.

Я давно къ тебѣ не писалъ, милый Семенъ Николаичъ: кажется, больше мѣсяца. Писать было о чемъ, да лѣнь одолѣла. Говоря правду, я почти не вспомнилъ о тебѣ все это время. Но изъ послѣдняго твоего письма ко мнѣ я могу заключить, что ты дѣлаешь предположенія на мой счетъ, кото-

рыя несправедливы, то есть не совсѣмъ справедливы. Ты думаешь, что я увлеченъ Вѣрой (мнѣ какъ-то неловко называть ее Вѣрой Николаевной); ты ошибаешься. Конечно, я вижусь съ ней часто, она мнѣ нравится чрезвычайно.... да кому бы она не понравилась? Хотѣлъ бы я тебя посмотрѣть на моемъ мѣстѣ. Удивительное созданіе! Проницательность мгновенная, рядомъ съ неопытностью ребенка, ясный, здоровый смыслъ и врожденное чувство красоты, постоянное стремленіе къ правдѣ, къ высокому и пониманіе всего, даже порочнаго, даже смѣшнаго, и надо всѣмъ этимъ, какъ бѣлыя крылья ангела, тихая женская прелесть.... Да что и говорить! Мы много читали, много толковали съ ней втеченіе этого мѣсяца. Читать съ ней — наслажденіе, какого я еще не испытывалъ. Точно новыя страны открываешь. Въ восторгъ она ни отъ чего не приходитъ: все шумное ей чуждо; она тихо свѣтится вся, когда ей что нравится, и лицо принимаетъ такое благородное и доброе.... именно доброе выраженіе. Съ самаго ранняго дѣтства Вѣра не знала, что такое ложь: она привыкла къ правдѣ, она дышитъ ею, а потому и въ поэзіи одна правда кажется ей естественной; она тотчасъ, безъ труда и напряженія, узнаетъ ее, какъ знакомое лицо.... великое преимущество и счастіе! Нельзя за это не помянуть добромъ ея матери. Сколько разъ, думалъ я, глядя на Вѣру: да, правъ Гёте — «добрый человѣкъ и въ неясномъ своемъ стремленіи всегда чувствуетъ, гдѣ настоящая дорога» (*). Одно досадно: мужъ все тутъ вертится. (Пожалуйста, не смѣйся глупымъ смѣхомъ, не оскверняй даже мыслью нашей чистой дружбы.) Онъ столь же способенъ понимать поэзію, какъ я расположенъ играть на флейтѣ, а не хочетъ отстать отъ жены, просвѣтиться тоже желаетъ. Иногда она сама меня выводитъ изъ терпѣнья: вдругъ найдетъ на нее стихъ какой-то: ни читать не хочетъ, ни разговаривать, шьетъ въ пяльцахъ, возится съ Наташей, съ ключницей, въ кухню вдругъ сбѣгаетъ или просто сидитъ, поджавъ руки, и посматриваетъ въ окошко, а не то примется играть съ няней въ дурачки.... Я замѣтилъ: въ этихъ случаяхъ къ ней приставать не должно; а лучше подо—

(*) «Фаустъ», прологъ 1-й части.

ждать, пока она сама подойдетъ, заговоритъ или возьмется за книжку. Самостоятельности въ ней много, и я очень этому радъ. Бывало, помнишь, въ дни нашей юности, какая нибудь дѣвочка повторяетъ тебѣ, какъ умѣетъ, твои же слова, а ты восхищаешься этимъ эхомъ и, пожалуй, поклоняешься ему, пока не раскусишь, въ чемъ дѣло; а эта.... нѣтъ: эта сама по себѣ. На вѣру она ничего не приметъ; авторитетомъ ея не запугаешь; спорить она не станетъ, но и не поддастся. О «Фаустѣ» мы съ ней разсуждали не однажды; но — странное дѣло! — о Гретхенъ она ничего сама не говоритъ, а только слушаетъ, что я ей скажу. Мефистофель ее пугаетъ не какъ чортъ, а какъ «что-то такое, что въ каждомъ человѣкѣ можетъ быть....» Это ея собственныя слова. Я началъ было толковать ей, что это «что-то» мы называемъ рефлексіей; но она не поняла слова рефлексія, въ нѣмецкомъ смыслѣ: она только знаетъ одну французскую «réflexion» и привыкла почитать ее полезной. Удивительныя наши отношенія! Съ нѣкоторой точки зрѣнія я могу сказать, что имѣю на нее вліяніе большое и какъ бы воспитываю ее; но и она, сама того не замѣчая, во многомъ меня передѣлываетъ къ лучшему. Я, напримѣръ, только по ея милости недавно открылъ, какая бездна условнаго, риторическаго во многихъ прекрасныхъ, извѣстныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Къ чему она остается холодною, то уже въ моихъ глазахъ заподозрѣно. Да, я сталъ лучше, яснѣе. Быть къ ней близкимъ, видаться съ нею и оетаться прежнимъ человѣкомъ—невозможно.

Что же изъ этого всего выйдетъ? спросишь ты. Да, право, я думаю, ничего. Я весьма пріятно проведу время до сентября, а тамъ уѣду. Темна и скучна покажется мнѣ жизнь въ первые мѣсяцы.... Привыкну. Я знаю, какъ опасна какая бы то ни было связь между мужчиной и молодой женщиной, какъ незамѣтно одно чувство смѣняется другимъ.... Я бы съумѣлъ оторваться, еслибъ я не сознавалъ, что мы оба совершенно покойны. Правда, однажды между нами произошло что-то странное. Не знаю, какъ и вслѣдствіе чего—помнится, мы читали «Онѣгина»—я у ней поцаловалъ руку. Она слегка отодвинулась; устремила на меня взглядъ (я, кромѣ ея, ни у кого не видалъ такого взгляда: въ немъ и задумчивость, и вниманіе,

и какая-то строгость....), вдругъ покраснѣла, встала и ушла. Въ тотъ день мнѣ ужь не удалось быть съ ней наединѣ. Она избѣгала меня и битыхъ четыре часа играла съ мужемъ, нянней и гувернанткой въ свои козыри! На другое утро она предложила мнѣ идти въ садъ. Мы прошли его весь до самаго озера. Она вдругъ, не оборачиваясь ко мнѣ, тихо прошептала: «Пожалуйста, впередъ не дѣлайте этого!» и тотчасъ начала мнѣ что-то разсказывать.... Я былъ очень пристыженъ.

Я долженъ сознаться, что образъ ея не выходитъ у меня изъ головы, и я едва ли не съ тѣмъ намѣреніемъ сталъ писать къ тебѣ письмо, чтобы имѣть возможность думать и говорить о ней. Я слышу фырканье и топотъ лошадей: это мнѣ подаютъ коляску. Ѣду къ нимъ. Кучеръ мой уже не спрашиваетъ меня теперь, куда ѣхать, когда я сажусь въ экипажъ— прямо везетъ къ Пріимковымъ. За двѣ версты до ихъ села, на крутомъ поворотѣ дороги, усадьба ихъ внезапно выглядываетъ изъ-за березовой рощи.... У меня всякій разъ радостно станетъ на сердцѣ, какъ только блеснутъ вдали ея окна. Шиммель (безвредный этотъ старикъ изрѣдка къ нимъ пріѣзжаетъ: князей Х...хъ они, слава Богу, видѣли всего разъ).... Шиммель не даромъ говоритъ со свойственною ему скромною торжественностью, указывая на домъ, гдѣ живетъ Вѣра: «это обитель мира!» Въ этомъ домѣ, точно, поселился мирный ангелъ....

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненье сердца утиши,—
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души....

Ну, однако, довольно; а то ты Богъ знаетъ что подумаешь. До слѣдующаго раза.... Что-то напишу я въ слѣдующій разъ?— Прощай. — Кстати, она никогда не скажетъ: прощайте, а всегда: ну, прощайте.—Мнѣ это ужасно нравится.

Твой П. Б.

P. S. Я не помню, сказывалъ ли я тебѣ, что она знаетъ, что я за нее сватался.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

(Отъ того же къ тому же.)

Сельцо М....ое, 10 августа.

Сознайся, ты ожидаешь отъ меня письма либо отчаяннаго, либо восторженнаго.... Не тутъ-то было. Письмо мое будетъ, какъ всѣ письма. Новаго ничего не произошло, да, кажется и произойти не можетъ. На дняхъ мы катались въ лодкѣ по озеру. Опишу тебѣ это катанье. Насъ было трое: она, Шиммель и я. Не понимаю, что ей за охота такъ часто приглашать этого старика. Х...іе дуются на него, говорятъ, что онъ сталъ пренебрегать своими уроками. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ былъ забавенъ. Пріимковъ не поѣхалъ съ нами: у него болѣла голова. Погода была славная, веселая: большія, точно разодранныя бѣлыя тучи по синему небу, вездѣ блескъ, шумъ въ деревьяхъ, плесканье и шлёпанье воды у берега, на волнахъ бѣглыя, золотыя змѣйки, свѣжесть и солнце! — Сперва мы съ нѣмцемъ гребли; потомъ мы подняли парусъ и помчались. Ноєъ лодки такъ и занырялъ, а за кормою слѣдъ шипѣлъ и пѣнился. Она сѣла у руля и стала править; на голову она повязала платокъ: шляпу бы снесло; кудри вырывались изъ-подъ него и мягко бились по воздуху. Она твердо держала руль своей загорѣлой ручкой и улыбалась брызгамъ, изрѣдка летѣвшимъ ей въ лицо. Я прикорнулъ на днѣ лодки, не далеко отъ ея ногъ; нѣмецъ досталъ трубку, закурилъ свой кнастеръ и — вообрази— запѣлъ, довольно пріятнымъ басомъ. Сперва онъ спѣлъ старинную пѣсенку: «Freu't euch des Lebens», потомъ арію изъ «Волшебной Флейты», потомъ романсъ, подъ названіемъ: «Азбука Любви»—«das A B C der Liebe». Въ этомъ романсѣ проходится—съ приличными прибаутками, разумѣется—вся азбука, начиная съ А, Бе, Це, Де— Венъ ихъ дихъ зѐ — и кончая: У, Фау, Ве, Иксъ—Махъ эйненъ кникъ.—Онъ пропѣлъ всѣ куплеты съ чувствительнымъ выраженіемъ; но надо было видѣть, какъ плутовски онъ прищурилъ лѣвый глазъ на словѣ: кникъ!—Вѣра засмѣялась и погрозила ему пальцемъ. Я замѣтилъ, что, сколько мнѣ кажется, г. Шиммель, въ свое время, былъ малый не про-

махъ.... «О, да, и я могъ постоять за себя!» возразилъ онъ съ важностью, выколотилъ пепелъ трубки себѣ на ладонь и, полѣзая пальцами въ кисетъ, ухорски, съ боку, укусилъ мундштукъ чубука. «Когда я былъ студентомъ»—прибавилъ онъ—«о–хо–хо!» Больше онъ ничего не сказалъ. Но что это было за о–хо–хо!—Вѣра попросила его спѣть какую нибудь студентскую пѣсню, и онъ спѣлъ ей «Knaster den gelben», но на послѣдней нотѣ сфальшилъ. Очень ужъ онъ раскутился. Между тѣмъ, вѣтеръ усилился, волны покатились довольно большія, лодку слегка накренило; ласточки зашныряли низко вокругъ насъ. Мы переставили парусъ, начали лавировать. Вѣтеръ вдругъ перескочилъ, мы не успѣли справиться — волна шлёпнула черезъ бортъ, лодка сильно зачерпнула. И тутъ нѣмецъ показалъ себя молодцомъ: вырвалъ у меня веревку и поставилъ парусъ какъ слѣдовало, промолвивъ при томъ: «Вотъ какъ это дѣлается въ Куксгафенѣ!—«So macht's man in Cuxhafen!»—Вѣра, вѣроятно, испугалась, потому что поблѣднѣла, но, по своему обыкновенію, не произнесла ни слова, подобрала платье и поставила носки на перекладину лодки. Мнѣ вдругъ пришло въ голову стихотвореніе Гёте (я съ нѣкоторыхъ поръ весь зараженъ имъ).... помнишь: «На волнахъ сверкаютъ тысячи колеблющихся звѣздъ», и прочелъ его громко. Когда я дошелъ до стиха: «Глаза мои зачѣмъ, вы опускаетесь?» она слегка приподняла свои глаза (я сидѣлъ ниже ея: взоръ ея падалъ на меня сверху) и долго смотрѣла вдаль, щурясь отъ вѣтра.... Легкій дождь налетѣлъ мгновенно и запрыгалъ пузырями по водѣ. Я предложилъ ей свое пальто: она накинула его себѣ на плечи. Мы пристали къ берегу—не у пристани—и до дому дошли пѣшкомъ. Я велъ ее подъ руку. Мнѣ все какъ будто хотѣлось сказать ей что–то; но я молчалъ. Однако я, помнится, спросилъ ее, зачѣмъ она, когда бываетъ дома, всегда сидитъ подъ портретомъ г-жи Ельцовой, словно птенчикъ подъ крыломъ матери? — «Ваше сравненіе очень вѣрно—возразила она—я бы никогда не желала выйдти изъ–подъ ея крыла.» «Не желали бы выйдти на волю?» спросилъ я опять. Она ничего не отвѣчала.

Я не знаю, зачѣмъ я разсказалъ тебѣ эту прогулку,—потому развѣ, что она осталась въ моей памяти, какъ одно изъ

самыхъ свѣтлыхъ событій прошедшихъ дней, хотя, въ сущности, какое же это событіе? Мнѣ было такъ отрадно и безмолвно-весело, и слезы, слезы, легкія и счастливыя, такъ и просились на глаза.

Да! вообрази, на другой день, проходя въ саду мимо бесѣдки, слышу я вдругъ—чей-то пріятный, звучный женскій голосъ поетъ: «Freu't euch des Lebens»... Я заглянулъ въ бесѣдку: это была Вѣра. «Браво! воскликнулъ я:—я и не зналъ, что у васъ такой славный голосъ!» Она застыдилась и умолкла. Кромѣ шутокъ, у ней отличный, сильный сопрано. А она, я думаю, и не подозрѣвала, что у ней хорошій голосъ. Сколько нетронутыхъ богатствъ еще таится въ ней! Она сама себя не знаетъ. Но не правда ли, что такая женщина въ наше время рѣдкость?

12 августа.

Престранный разговоръ былъ у насъ вчера. Рѣчь зашла сперва о привидѣніяхъ. Вообрази: она въ нихъ вѣритъ и говоритъ, что имѣетъ на то свои причины. Пріимковъ, который тутъ же сидѣлъ, опустилъ глаза и покачалъ головою, какъ бы подтверждая ея слова. Я сталъ было ее распрашивать, но скоро замѣтилъ, что этотъ разговоръ былъ ей непріятенъ. Мы начали говорить о воображеніи, о силѣ воображенія. Я разсказалъ, что въ молодости я много мечталъ о счастіи (обыкновенное занятіе людей, которымъ въ жизни не повезло или не повезетъ), между прочимъ, мечталъ о томъ, какое было бы блаженство провести вмѣстѣ съ любимой женщиной нѣсколько недѣль въ Венеціи. Я такъ часто думалъ объ этомъ, особенно по ночамъ, что у меня понемногу сложилась въ головѣ цѣлая картина, которую я могъ, по желанію, вызвать передъ собою: стоило только закрыть глаза. Вотъ что мнѣ представлялось: ночь, луна, свѣтъ отъ луны бѣлый и нѣжный, запахъ.... ты думаешь, лимона? нѣтъ, ванили, запахъ кактуса, широкая водная гладь, плоскій островъ, заросшій оливами; на островѣ, у самаго берега, небольшой мраморный домъ, съ раскрытыми окнами; слышится музыка, Богъ знаетъ откуда; въ домѣ деревья, съ темными листьями, и свѣтъ полузавѣшенной лампы; изъ одного окна перекинулась тяжолая бархатная мантія съ

золотой бахрамой и лежитъ однимъ концомъ на водѣ; а облокотясь на мантію, рядомъ сидятъ *онъ* и *она* и глядятъ вдаль, туда, гдѣ виднѣется Венеція. Все это такъ ясно мнѣ представлялось, какъ будто я все это видѣлъ собственными глазами. Она выслушала мои бредни и сказала, что и она тоже часто мечтаетъ, но что ея мечтанія другаго рода: она либо воображаетъ себя въ степяхъ Африки, съ какимъ нибудь путешественникомъ, либо отыскиваетъ слѣды Франклина на Ледовитомъ океанѣ, живо представляетъ себѣ всѣ лишенія, которымъ должна подвергаться, всѣ трудности, съ которыми приходится бороться....

— Ты начиталась путешествій, замѣтилъ ея мужъ.

— Можетъ быть, возразила она: — но коли ужь мечтать, что за охота мечтать о несбыточномъ?

— А почему же нѣтъ? подхватилъ я.—Чѣмъ бѣдное несбыточное виновато?

— Я не такъ выразилась, промолвила она:—я хотѣла сказать, что за охота мечтать о самой себѣ, о своемъ счастіи? О немъ думать нечего: оно не приходитъ—что за нимъ гоняться! Оно какъ здоровье; когда его не замѣчаешь, значитъ, оно есть.

Эти слова меня удивили. Въ этой женщинѣ великая душа, повѣрь мнѣ.... Отъ Венеціи разговоръ перешелъ къ Италіи, къ итальянцамъ. Пріимковъ вышелъ, мы съ Вѣрой остались одни.

— И въ вашихъ жилахъ течетъ итальянская кровь, замѣтилъ я.

— Да, возразила она:—хотите, я покажу вамъ портретъ моей бабушки?

— Сдѣлайте одолженіе.

Она пошла въ свой кабинетъ и принесла оттуда довольно большой золотой медальонъ. Раскрывъ этотъ медальонъ, я увидѣлъ превосходно написанные миніатюрные портреты отца Ельцовой и его жены—этой крестьянки изъ Альбано. Дѣдъ Вѣры поразилъ меня сходствомъ съ своей дочерью. Только черты у него, окаймленныя бѣлымъ облакомъ пудры, казались еще строже, заостреннѣе и рѣзче, а въ маленькихъ жолтыхъ глазахъ просвѣчивало какое-то угрюмое упрямство. Но что за лицо

было у итальянки! сладострастное, раскрытое, какъ расцвѣтшая роза, съ большими влажными глазами на выкатѣ и самодовольно улыбавшимися, румяными губами! Тонкія, чувствительныя ноздри, казалось, дрожали и расширялись, какъ послѣ недавнихъ поцалуевъ; отъ смуглыхъ щекъ такъ и вѣяло зноемъ и здоровьемъ, роскошью молодости и женской силы.... Этотъ лобъ не мыслилъ никогда, да и слава Богу! Она нарисована въ своемъ альбанскомъ нарядѣ; живописецъ (мастеръ!) помѣстилъ виноградную вѣтку въ ея волосахъ, черныхъ, какъ смоль, съ ярко-сѣрыми отблесками: это вакхическое украшеніе идетъ какъ нельзя болѣе къ выраженію ея лица. И знаешь ли, кого мнѣ напомнило это лицо? Мою Манонъ Леско въ черной рамкѣ. И что всего удивительнѣе: глядя на этотъ портретъ, я вспомнилъ, что и у Вѣры, не смотря на совершенное несходство очертаній, мелькаетъ иногда что-то похожее на эту улыбку, на этотъ взглядъ....

Да, повторяю: ни она сама, ни другой кто на свѣтѣ не знаетъ еще всего, что таится въ ней....

Кстати! Ельцова, передъ свадьбой своей дочери, разсказала ей всю свою жизнь, смерть своей матери и т. д., вѣроятно, съ поучительной цѣлью. На Вѣру особенно подѣйствовало то, что она услыхала о дѣдѣ, объ этомъ таинственномъ Ладановѣ. Не отъ этого ли она вѣритъ въ привидѣнія? Странно! сама она такая чистая и свѣтлая, а боится всего мрачнаго, подземнаго и вѣритъ въ него....

Но довольно. Къ чему писать все это? Впрочемъ, такъ какъ уже написалось, то пусть и отправляется къ тебѣ.

Твой П. Б.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

(Отъ того же къ тому же.)

Сельцо М.....ое, 22 августа.

Берусь за перо спустя десять дней послѣ послѣдняго письма.... О, мой другъ, я не могу скрываться болѣе.... Какъ мнѣ тяжело! какъ я ее люблю! Ты можешь себѣ представить, съ какимъ горькимъ содроганьемъ пишу я это роковое слово.

Я не мальчикъ, даже не юноша; я уже не въ той порѣ, когда обмануть другаго почти невозможно, а самого себя обмануть ничего не стóитъ. Я все знаю и вижу ясно. Я знаю, что мнѣ подъ сорокъ лѣтъ, что она жена другаго, что она любитъ своего мужа; я очень хорошо знаю, что отъ несчастнаго чувства, которое мною овладѣло, мнѣ, кромѣ тайныхъ терзаній и окончательной растраты жизненныхъ силъ, ожидать нечего,— я все это знаю, я ни на что не надѣюсь и ничего не хочу; но отъ этого мнѣ не легче. Уже съ мѣсяцъ тому назадъ началъ я замѣчать, что влеченіе мое къ ней становилось все сильнѣй и сильнѣй. Это меня отчасти смущало, отчасти даже радовало.... Но могъ ли я ожидать, что со мною повторится все то, чему, казалось, такъ же, какъ и молодости, нѣтъ возврата? Да что я говорю! Такъ я никогда не любилъ, нѣтъ, никогда! Манонъ Леско, Фретильоны—вотъ были мои кумиры. Такіе кумиры разбить легко; а теперь.... я только теперь узналъ, что значитъ полюбить женщину. Стыдно мнѣ даже говорить объ этомъ; но оно такъ. Стыдно мнѣ.... Любовь все-таки эгоизмъ; а въ мои годы эгоистомъ быть непозволительно: нельзя въ тридцать-семь лѣтъ жить для себя, должно жить съ пользой, съ цѣлью на землѣ, исполнять свой долгъ, свое дѣло. И я принялся было за работу.... Вотъ опять все развѣяно, какъ вихремъ! Теперь я понимаю, о чемъ я писалъ тебѣ въ первомъ моемъ письмѣ; я понимаю, какого испытанія мнѣ недоставало. Какъ внезапно обрушился этотъ ударъ на мою голову! Стою и безсмысленно гляжу впередъ: черная завѣса виситъ передъ сами глазами; на душѣ тяжело и страшно. Я могу себя сдерживать, я наружно спокоенъ, и не только при другихъ, даже наединѣ: не бѣсноваться же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, какъ мальчику! Но червь вползъ въ мое сердце и сосетъ его днемъ и ночью. Чѣмъ это кончится? До сихъ поръ я въ ея отсутствіе тосковалъ и волновался и при ней утихалъ тотчасъ.... Теперь я и при ней не покоенъ—вотъ что меня пугаетъ. О, другъ мой! какъ тяжело стыдиться слезъ своихъ, скрывать ихъ!... Одной молодости позволительно плакать; слезы идутъ къ ней одной....

Я не могу перечесть это письмо; оно у меня вырвалось невольно, какъ стонъ. Я не могу ничего прибавить, ничего разсказать.... Дай срокъ: я приду въ себя, овладѣю своею душею,

я буду говорить съ тобой, какъ мужчина, а теперь мнѣ бъ хотѣлось прислонить мою голову къ твоей груди и....

О, Мефистофель! и ты мнѣ не помогаешь. Я остановился съ намѣреніемъ, съ намѣреніемъ раздражалъ въ себѣ ироническую жилу, напоминалъ самому себѣ, какъ смѣшны и приторны покажутся мнѣ черезъ годъ, черезъ полгода эти жалобы, эти изліянія.... Нѣтъ! Мефистофель безсиленъ, и зубъ его притупѣлъ.... Прощай.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

(Отъ него же къ тому же.)

Сельцо М....ое, 8 сентября 1850.

Любезный другъ мой, Семенъ Николаичъ!

Ты слишкомъ къ сердцу принялъ мое послѣднее письмо. Ты знаешь, какъ я всегда былъ склоненъ къ преувеличиванію моихъ ощущеній. Это у меня какъ-то невольно дѣлается: бабья натура! Съ годами это, конечно, пройдетъ; но, признаюсь со вздохомъ, до сихъ поръ я все еще не исправился. А потому успокойся. Не буду отрицать впечатлѣнія, произведеннаго на меня Вѣрой, но опять-таки скажу: во всемъ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Пріѣзжать тебѣ сюда, какъ ты пишешь, совсѣмъ не слѣдуетъ. Скакать за тысячу верстъ, Богъ знаетъ изъ-за чего—да это было бы безуміе! Но я очень благодаренъ тебѣ за это новое доказательство твоей дружбы и, повѣрь мнѣ, никогда его не забуду. Твое путешествіе сюда потому еще неумѣстно, что я самъ скоро намѣренъ выѣхать въ Петербургъ. Сидя на твоемъ диванѣ, я разскажу тебѣ много, а теперь, право, не хочется: чего добраго, опять разболтаюсь и напутаю. Передъ выѣздомъ я тебѣ еще напишу. Итакъ, до скораго свиданія. Будь здоровъ и веселъ и не сокрушайся слишкомъ объ участи

Преданнаго тебѣ П. Б.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

(Отъ него же къ тому же.)

Село П.....во, 10 марта 1853.

Я долго не отвѣчалъ на твое письмо; я всѣ эти дни думалъ о немъ. Я чувствовалъ, что оно внушено тебѣ не праздным

любопытствомъ, а истиннымъ дружескимъ участіемъ; но я все-таки колебался: послѣдовать ли мнѣ твоему совѣту, исполнить ли твое желаніе? Наконецъ я рѣшился: я все разскажу тебѣ. Облегчитъ ли меня моя исповѣдь, какъ ты полагаешь, не знаю; но мнѣ кажется, что я не вправѣ скрыть отъ тебя то, что навсегда измѣнило жизнь мою; мнѣ кажется, что я даже остался бы виновнымъ.... увы! еще болѣе виновнымъ передъ той незабвенной, милой тѣнью, еслибъ я неповѣрилъ печальной нашей тайны единственному сердцу, которымъ я еще дорожу. Ты одинъ, можетъ быть, на землѣ помнишь о Вѣрѣ и ты судишь о ней легкомысленно и ложно: этого я допустить не могу. Узнай же все. Увы! это все можно передать двумя словами. То, что было между нами, промелькнуло мгновенно, какъ молнія, и, какъ молнія, принесло смерть и гибель....

Съ тѣхъ поръ, какъ ея не стало, съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ эту глушь, которой уже не покину до конца дней моихъ, прошло слишкомъ два года, и все такъ ясно въ моей памяти, такъ еще живы мои раны, такъ горько мое горе.... Я не стану жаловаться. Жалобы, раздражая, утоляютъ печаль, но не мою. Стану разсказывать.

Помнишь ты мое послѣднее письмо—то письмо, въ которомъ я вздумалъ было разсѣять твои опасенія и отсовѣтывалъ тебѣ выѣзжать изъ Петербурга? Ты заподозрилъ его принужденную развязность, ты не повѣрилъ нашему скорому свиданію: ты былъ правъ. Наканунѣ того дня, когда я написалъ къ тебѣ, я узналъ, что я любимъ.

Начертавъ эти слова, я понялъ, какъ трудно мнѣ будетъ продолжать мой разсказъ до конца. Неотступная мысль объ ея смерти будетъ терзать меня съ удвоенной силой, меня будутъ жечь эти воспоминанія.... Но я постараюсь совладѣть съ собою и либо брошу писать, либо не скажу ненужнаго слова.

Вотъ какъ я узналъ, что Вѣра меня любитъ. Прежде всего я долженъ тебѣ сказать (и ты мнѣ повѣришь), что до того дня я рѣшительно ничего не подозрѣвалъ. Правда, она иногда стала задумываться, чего съ ней прежде не бывало; но я не понималъ, отчего это съ ней дѣлалось. Наконецъ, въ одинъ день, 7 сентября—памятный для меня день—вотъ что случилось. Ты знаешь, какъ я любилъ ее и какъ мнѣ было тяжело. Я бродилъ,

какъ тѣнь, мѣста не могъ найдти. Я хотѣлъ было остаться дома, но не вытерпѣлъ и отправился къ ней. Я засталъ ее одну въ ея кабинетѣ. Пріимкова не было дома: онъ уѣхалъ на охоту. Когда я вошелъ къ Вѣрѣ, она пристально посмотрѣла на меня и не отвѣтила на мой поклонъ. Она сидѣла у окна; на колѣняхъ у ней лежала книга, которую я узналъ тотчасъ: это былъ мой «Фаустъ». Лицо ея выражало усталость. Я сѣлъ противъ нея. Она попросила меня прочесть вслухъ ту сцену Фауста съ Гретхенъ, гдѣ она спрашиваетъ его, вѣритъ ли онъ въ Бога. Я взялъ книгу и началъ читать. Когда я кончилъ, я взглянулъ на нее. Прислонивъ голову къ спинкѣ креселъ и скрестивъ на груди руки, она все также пристально смотрѣла на меня.

Не знаю, отчего у меня сердце вдругъ забилось.

— Что вы со мной сдѣлали! проговорила она медленнымъ гососомъ.

— Какъ? произнесъ я съ смущеньемъ.

— Да, что вы со мной сдѣлали! повторила она.

— Вы хотите сказать, началъ я:—зачѣмъ я убѣдилъ васъ читать такія книги.

Она встала молча и пошла вонъ изъ комнаты. Я глядѣлъ за нею вслѣдъ.

На порогѣ двери она остановилась и обернулась ко мнѣ.

— Я васъ люблю, сказала она: вотъ что вы со мною сдѣлали.

Кровь мнѣ бросилась въ голову....

— Я васъ люблю, я въ васъ влюблена, повторила Вѣра.

Она ушла и заперла за собою дверь. Не стану тебѣ описывать, что произошло тогда со мною. Помню, я вышелъ въ садъ, забрался въ глушь, прислонился къ дереву и сколько я тамъ простоялъ, сказать не могу. Я словно замеръ; чувство блаженства повременамъ волной пробѣгало по сердцу.... Нѣтъ, не стану говорить объ этомъ. Голосъ Пріимкова вызвалъ меня изъ оцѣпенѣнья; ему послали сказать, что я пріѣхалъ; онъ вернулся съ охоты и искалъ меня. Онъ изумился, найдя меня въ саду одного безъ шляпы, и повелъ меня въ домъ. «Жена въ гостиной—промолвилъ онъ—пойдемте къ ней.» Ты можешь себѣ представить, съ какими чувствами переступилъ я порогъ

гостиной. Вѣра сидѣла въ углу, за пяльцами: я взглянулъ на нее украдкой и долго потомъ не поднималъ глазъ. Къ удивленію моему, она казалась спокойной; въ томъ, что она говорила, въ звукахъ ея голоса не слышалось тревоги. Я наконецъ рѣшился посмотрѣть на нее. Взоры наши встрѣтились.... Она чуть-чуть покраснѣла и наклонилась надъ канвой. Я сталъ наблюдать за нею. Она какъ будто недоумѣвала; невеселая усмѣшка изрѣдка трогала ея губы. Пріимковъ вышелъ. Она вдругъ подняла голову и довольно громко спросила меня:

— Что вы теперь намѣрены сдѣлать?

Я смутился и торопливо, глухимъ голосомъ, отвѣчалъ, что намѣренъ исполнить долгъ честнаго человѣка—удалиться, «потому что—прибавилъ я—я васъ люблю, Вѣра Николаевна, вы, вѣроятно, давно это замѣтили.» Она опять наклонилась къ канвѣ и задумалась.

— Я должна переговорить съ вами, промолвила она:—приходите сегодня вечеромъ послѣ чаю въ нашъ домикъ.... знаете, гдѣ вы читали «Фауста».

Она сказала это такъ внятно, что я теперь не постигаю, какимъ образомъ Пріимковъ, который въ это самое мгновенье входилъ въ комнату, не услыхалъ ничего. Тихо, томительно тихо прошелъ этотъ день. Вѣра иногда озиралась съ такимъ выраженіемъ, какъ будто спрашивала себя: не во снѣ ли она? И въ то же время на лицѣ ея была написана рѣшимость. А я.... я не могъ придти въ себя. Вѣра меня любитъ! Эти слова безпрестанно вращались въ моемъ умѣ; но я не понималъ ихъ,—ни себя не понималъ я, ни ея. Я не вѣрилъ такому неожиданному, такому потрясающему счастію; съ усиліемъ припоминалъ прошедшее и тоже глядѣлъ, говорилъ, какъ во снѣ....

Послѣ чаю, когда я уже начиналъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно выскользнуть изъ дому, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ—я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось—мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее—ко мнѣ.

При потухшемъ свѣтѣ дня, ея лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкой самозабвенія и нѣги, и наши губы слились въ поцалуй....

Этотъ поцалуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ и, съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ....

— Оглянитесь, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ:—вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? что?

— Мою мать, медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновенье?

— Полноте! началъ я:—что вы это? Скажите мнѣ лучше....

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! перебила она и схватила себя за голову.—Это сумасшествіе.... Я съ ума схожу.. . Этимъ шутить нелязя—это смерть... Прощайте....

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога , на мгновенье, воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. — Я не зналъ, что говорилъ и едва держался на ногахъ.—Ради Бога.... вѣдь это жестоко.

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ, поспѣшно проговорила она:— не сегодня, прошу васъ... уѣзжайте сегодня... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду.... я клянусь тебѣ, что приду, прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ея блеснули... кто бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пусти меня сегодня.

И прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово,она исчезла.

Потрясенный до основанія, я остался на мѣстѣ. Голова моя кружилась. Сквозь безумную радость, наполнявшую все мое существо, прокрадывалось тоскливое чувство.... Я оглянулся. Страшна мнѣ показалась глухая, сырая комната, въ которой я стоялъ, съ ея низкимъ сводомъ и темными стѣнами.

Я вышелъ вонъ и направился тяжолыми шагами къ дому. Вѣра дожидалась меня на террасѣ; она вошла въ домъ, какъ только я приблизился, и тотчасъ же удалилась къ себѣ въ спальню. Я уѣхалъ.

Какъ я провелъ ночь и слѣдующій день до вечера—этого передать нельзя. Помню только, что я лежалъ ничкомъ, спрятавъ лицо въ руки, вспоминалъ ея улыбку передъ поцалуемъ, шепталъ: «вотъ она наконецъ...»

Вспоминалъ я также слова Ельцовой, переданныя мнѣ Вѣрой. Она ей сказала однажды: «ты какъ ледъ: пока не растаешь, крѣпка, какъ камень; а растаешь, и слѣда отъ тебя не останется.»

Еще вотъ что мнѣ приходило на память: мы какъ-то толковали съ Вѣрой о томъ, что̀ значитъ умѣнье, талантъ.

— Я умѣю только одно, сказала она:—молчать до послѣдней минуты.

Я тогда ничего не понималъ.

«Но что значитъ ея испугъ? спрашивалъ я себя.... Неужели она точно видѣла Ельцову? Воображеніе!» думалъ я и снова предавался замирающимъ ощущеніямъ ожиданія.

Въ тотъ же день я написалъ тебѣ —съ какими мыслями, жутко вспомнить—то лукавое письмо.

Вечеромъ—солнце еще не садилось—я уже стоялъ шагахъ въ пятидесяти отъ калитки сада, въ высокомъ и густомъ лозникѣ на берегу озера. Я изъ дому пришелъ пѣшкомъ. Сознаюсь, къ стыду моему: страхъ, страхъ самый малодушный, наполнялъ мою грудь, я безпрестанно вздрагивалъ.... но я не чувствовалъ раскаянія. Спрятавшись между вѣтвями, я неотступно глядѣлъ на калитку. Она не растворялась. Вотъ сѣло солнце, вотъ завечерѣло; вотъ уже звѣзды выступили, и небо почернѣло. Никто не показывался. Лихорадка меня била. Наступила ночь. Я не могъ терпѣть долѣе, осторожно вышелъ изъ лозника и подкрался къ калиткѣ. Все было тихо въ саду. Я крикнулъ шопотомъ Вѣру, крикнулъ въ другой разъ, въ третій.... Ни чей голосъ не отозвался. Прошло еще полчаса, прошелъ часъ; совсѣмъ темно стало. Ожиданіе меня истомило; я потянулъ къ себѣ калитку, разомъ отворилъ ее и на цы-

почкахъ, словно воръ, направился къ дому. Я остановился въ тѣни липъ. Въ домѣ почти всѣ окна были освѣщены; люди ходили взадъ и впередъ по комнатамъ. Это удивило меня: часы мои, сколько я могъ различить при тускломъ свѣтѣ звѣздъ, показывали половину двѣнадцатаго. Вдругъ раздался стукъ за домомъ: экипажъ съѣзжалъ со двора.

«Видно, гости», подумалъ я. Потерявъ всякую надежду видѣть Вѣру, я выбрался изъ сада и проворными шагами пошелъ домой. Ночь была темная, сентябрьская, но теплая и безъ вѣтра. Чувство не столько досады, сколько печали, которое овладѣло было мною, разсѣялось понемногу, и я пришелъ къ себѣ домой, немного усталый отъ быстрой ходьбы, но успокоенный тишиною ночи, счастливый и почти веселый. Я вошелъ въ спальню, отослалъ Тимофея, не раздѣваясь бросился на постель и погрузился въ думу.

Сперва мечты мои были отрадны; но скоро я замѣтилъ въ себѣ странную перемѣну. Я началъ ощущать какую-то тайную, грызущую тоску, какое-то глубокое, внутреннее безпокойство. Я не могъ понять, отчего оно происходило; но мнѣ становилось жутко и тошно, точно близкое несчастіе мнѣ грозило, точно кто-то милый страдалъ въ это мгновенье и звалъ меня на помощь. На столѣ восковая свѣчка горѣла небольшимъ неподвижнымъ пламенемъ; маятникъ стучалъ тяжело и мѣрно. Я оперъ голову на руку и принялся глядѣть въ пустой полумракъ моей одинокой комнаты. Я подумалъ о Вѣрѣ, и душа во мнѣ заныла: все, чему я такъ радовался, показалось мнѣ, какъ оно и слѣдовало, несчастіемъ, безвыходной пагубой. Чувство тоски во мнѣ росло и росло; я не могъ лежать долѣе; мнѣ вдругъ опять почудилось, что кто-то зоветъ меня умоляющимъ голосомъ.... Я приподнялъ голову и вздрогнулъ: точно, я не обманывался: жалобный крикъ примчался издалека и прильнулъ, слабо дребезжа, къ чернымъ стекламъ оконъ. Мнѣ стало страшно: я вскочилъ съ постели, раскрылъ окно. Явственный стонъ ворвался въ комнату и словно закружился надо мной. Весь похолодѣвъ отъ ужаса, внималъ я его послѣднимъ, замиравшимъ переливамъ. Казалось, кого-то рѣзали въ отдаленьи, и несчастный напрасно молилъ о пощадѣ. Сова ли это закричала въ рощѣ, другое ли какое существо издало этотъ стонъ, я не далъ

себѣ тогда отчета, но, какъ Мазепа Кочубею, отвѣчалъ крикомъ на зловѣщій звукъ.

— Вѣра, Вѣра! воскликнулъ я: — ты ли это зовешь меня?

Тимоѳей, заспанный и изумленный, явился передо мною.

Я опомнился, выпилъ стаканъ воды, перешелъ въ другую комнату: но сонъ не посѣтилъ меня. Сердце во мнѣ билось болѣзненно, хоть и не часто. Я уже не могъ предаваться мечтамъ о счастіи; я уже не смѣлъ вѣрить ему.

На другой день передъ обѣдомъ я отправился къ Пріимкову. Онъ встрѣтилъ меня съ озабоченнымъ лицомъ.

— Жена у меня больна, началъ онъ:—въ постели лежитъ; я посылалъ за докторомъ.

— Что съ ней?

— Не понимаю. Вчера ввечеру пошла было въ садъ и вдругъ вернулась внѣ себя, перепуганная. Горничная за мной прибѣжала. Я прихожу, спрашиваю жену: что съ тобой? Она ничего не отвѣчаетъ и тутъ же слегла; ночью открылся бредъ. Въ бреду Богъ знаетъ что говорила, васъ поминала. Горничная мнѣ сказала удивительную вещь: будто бы Вѣрочкѣ въ саду ея мать покойница привидѣлась, будто бы ей показалось, что она идетъ къ ней навстрѣчу съ раскрытыми руками.

Ты можешь себѣ представить, что я почувствовалъ при этихъ словахъ.

— Конечно, это вздоръ, продолжалъ Пріимковъ: — однако, я долженъ сознаться, что съ моей женой въ этомъ родѣ случались необыкновенныя вещи.

— И, скажите, Вѣра Николаевна очень нездорова?

— Да, нездорова; ночью плохо было; теперь она въ забытьи.

— Что же сказалъ докторъ?

— Докторъ сказалъ, что болѣзнь еще не опредѣлилась.....

12 марта.

Я не могу продолжать такъ, какъ началъ, любезный другъ: это стоитъ мнѣ слишкомъ большихъ усилій и слишкомъ растравляетъ мои раны. Болѣзнь, говоря словами доктора, опре-

дѣлилась, и Вѣра умерла отъ этой болѣзни. Она двухъ недѣль не прожила послѣ роковаго дня нашего мгновеннаго свиданія. Я ее видѣлъ еще разъ передъ ея кончиной. У меня нѣтъ воспоминанія болѣе жестокаго. Я уже зналъ отъ доктора, что надежды нѣтъ. Поздно вечеромъ, когда уже всѣ улеглись въ домѣ, я подкрался къ дверямъ ея спальни и заглянулъ въ нее. Вѣра лежала на постели, съ раскрытыми глазами, худая, маленькая, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ. Какъ окаменѣлый, смотрѣлъ я на нее. Вдругъ она раскрыла глаза, устремила ихъ на меня, вглядѣлась и, протянувъ исхудалую руку —

«Чего хочетъ онъ на освященномъ мѣстѣ,
Этотъ..... вотъ этотъ....» (*)

произнесла она голосомъ до того страшнымъ, что я бросился бѣжать. Она почти все время своей болѣзни бредила «Фаустомъ» и матерью своей, которую называла то Мартой, то матерью Гретхенъ.

Вѣра умерла. Я былъ на ея похоронахъ. Съ тѣхъ поръ я покинулъ все и поселился здѣсь навсегда.

Подумай теперь о томъ, что я разсказалъ тебѣ; подумай о ней, объ этомъ существѣ, такъ скоро погибшемъ. Какъ это случилось, какъ растолковать это непонятное вмѣшательство мертваго въ дѣла живыхъ, я не знаю и никогда знать не буду; но ты согласись, что не припадокъ прихотливой хандры, какъ ты выражаешься, заставилъ меня удалиться отъ общества. Я сталъ не тотъ, какимъ ты зналъ меня: я многому вѣрю теперь, чему не вѣрилъ прежде. Я все это время столько думалъ объ этой несчастной женщинѣ (я чуть не сказалъ: дѣвушкѣ), объ ея происхожденіи, о тайной игрѣ судьбы, которую мы, слѣпые, величаемъ слѣпымъ случаемъ. Кто знаетъ, сколько каждый живущій на землѣ оставляетъ сѣмянъ, которымъ суждено взойти только послѣ его смерти? Кто скажетъ, какой таинственной цѣпью связана судьба человѣка съ судьбой его дѣтей, его по-

---

(*) Was will er an dem heiligen Ort
Der da.... der dort...
Фаустъ. 1 часть. Послѣдняя сцена.

томства, и какъ отражаются на нихъ его стремленія, какъ взыскиваются съ нихъ его ошибки? Мы всѣ должны смириться и приклонить головы передъ Невѣдомымъ.

Да, Вѣра погибла, а я уцѣлѣлъ. Помню, когда я былъ еще ребенокъ, у насъ въ домѣ была красивая ваза изъ прозрачнаго алебастра. Ни одно пятнышко не позорило ея дѣвственной бѣлизны. Однажды, оставшись наединѣ, я началъ качать цоколь, на которомъ она стояла.... ваза вдругъ упала и разбилась въ дребезги. Я обмеръ отъ испуга и стоялъ неподвижно передъ осколками. Отецъ мой вошелъ, увидалъ меня и сказалъ: «вотъ посмотри, что ты сдѣлалъ; ужь не будетъ у насъ нашей прекрасной вазы; теперь уже ничѣмъ ее поправить нельзя.» Я зарыдалъ. Мнѣ показалось, что я совершилъ преступленіе.

Я возмужалъ—и легкомысленно разбилъ сосудъ въ тысячу разъ драгоцѣннѣйшій.

Напрасно говорю я себѣ, что я не могъ ожидать такой мгновенной развязки, что она меня самого поразила своей внезапностью, что я не подозрѣвалъ, какое существо была Вѣра. Она точно умѣла молчать до послѣдней минуты. Мнѣ слѣдовало бѣжать, какъ только я почувствовать, что люблю ее, люблю замужнюю женщину; но я остался,—и въ вдребезги разбилось прекрасное созданіе, и съ нѣмымъ отчаяніемъ гляжу я на дѣло рукъ своихъ.

Да, Ельцова ревниво сторожила свою дочь. Она сберегла ее до конца и, при первомъ неосторожномъ шагѣ, унесла ее съ собой въ могилу.

Пора кончить.... Я тебѣ и сотой доли не сказалъ того, что бы слѣдовало; но съ меня и этого было довольно. Пускай же опять упадетъ на дно души все, что всплыло.... Кончая, скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ—жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе.... жизнь тяжолый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышены ни были,—исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку: не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь. Молодости

позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло наконецъ тебѣ въ глаза.

Прощай. Прежде я прибавилъ бы: будь счастливъ; теперь скажу тебѣ: старайся жить, оно не такъ легко, какъ кажется. Вспоминай обо мнѣ, не въ часы печали—въ часы раздумья, и сохраняй въ душѣ твоей образъ Вѣры во всей его чистой непорочности.... Еще разъ прощай.

Твой П. Б.

1856.

АСЯ.

РАЗСКАЗЪ Н. Н.

I.

Мнѣ было тогда лѣтъ двадцать-пять, началъ Н. Н:—дѣла давно минувшихъ дней, какъ видите. Я только что вырвался на волю и уѣхалъ за границу, не для того, чтобы «окончить мое воспитаніе», какъ говаривалось тогда, а просто, мнѣ захотѣлось посмотрѣть на міръ Божій. Я былъ здоровъ, молодъ, веселъ, деньги у меня не переводились, заботы еще не успѣли завестись — я жилъ безъ оглядки, дѣлалъ что хотѣлъ, процвѣталъ, однимъ словомъ. Мнѣ тогда и въ голову не приходило, что человѣкъ не растеніе, и процвѣтать ему долго нельзя. Молодость ѣстъ пряники золоченые, да и думаетъ, что это-то и есть хлѣбъ насущный;— а придетъ время, и хлѣбца напросишься. Но толковать объ этомъ не для чего.

Я путешествовалъ безо всякой цѣли, безъ плана; останавливался вездѣ, гдѣ мнѣ нравилось, и отправлялся тотчасъ далѣе, какъ только чувствовалъ желаніе видѣть новыя лица— именно: лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидѣлъ любопытные памятники, замѣчательныя собранія, одинъ видъ лонъ-лакея возбуждалъ во мнѣ ощущеніе тоски и злобы; я чуть съ ума не сошелъ въ дрезденскомъ «Грюне-Гевёлбе». Природа дѣйствовала на меня чрезвычайно, но я не любилъ такъ называемыхъ ея красотъ, необыкновенныхъ горъ,

утесовъ, водопадовъ; я не любилъ, чтобы она навязывалась мнѣ, чтобы она мнѣ мѣшала. За то лица, живыя, человѣческія лица—рѣчи людей, ихъ движенія, смѣхъ—вотъ безъ чего я обойтись не могъ. Въ толпѣ мнѣ было всегда особенно легко и отрадно; мнѣ было весело идти куда шли другіе, кричать, когда другіе кричали, и въ тоже время я любилъ смотрѣть, какъ эти другіе кричатъ. Меня забавляло наблюдать людей.... да я даже не наблюдалъ ихъ—я ихъ разсматривалъ съ какимъ–то радостнымъ и ненасытнымъ любопытствомъ. Но я опять сбиваюсь въ сторону.

И такъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, я проживалъ въ нѣмецкомъ небольшомъ городкѣ З. на лѣвомъ берегу Рейна. Я искалъ уединенія: я только что былъ пораженъ въ сердце одной молодой вдовой, съ которой познакомился на водахъ. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всѣми — и со мною грѣшнымъ,—сперва даже поощряла меня — а потомъ жестоко меня уязвила, пожертвовавъ мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почелъ долгомъ предаться на нѣкоторое время печали и одиночеству—чѣмъ молодость не тѣшится!—и поселился въ З.

Городокъ этотъ мнѣ понравился своимъ мѣстоположеніемъ, у подошвы двухъ высокихъ холмовъ, своими дряхлыми стѣнами и башнями, вѣковыми липами, крутымъ мостомъ надъ свѣтлой рѣчкой, впадавшей въ Рейнъ — а главное, своимъ хорошимъ виномъ. По его узкимъ улицамъ гуляли вечеромъ, тотчасъ послѣ захожденія солнца (дѣло было въ іюнѣ), прехорошенькія бѣлокурыя нѣмочки и, встрѣтясь съ иностранцемъ, произносили пріятнымъ голоскомъ: «Guten Abend!» — а нѣкоторыя изъ нихъ не уходили даже тогда, когда луна поднималась изъза острыхъ крышъ старенькихъ домовъ, и мелкіе каменья мостовой четко рисовались въ ея неподвижныхъ лучахъ. Я любилъ бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядѣла на него съ чистаго неба; и городъ чувствовалъ этотъ взглядъ и стоялъ чутко и мирно, весь облитый ея свѣтомъ, этимъ безмятежнымъ и въ тоже время тихо душу волнующимъ свѣтомъ. Пѣтухъ на высокой готической колокольнѣ блестѣлъ блѣднымъ золотомъ; такимъ же золотомъ переливались струйки

по черному глянцу рѣчки; тоненькія свѣчки (нѣмецъ бережливъ!) скромно теплились въ узкихъ окнахъ подъ грифельными кровлями; виноградныя лозы таинственно высовывали свои завитые усики изъ-за каменныхъ оградъ; что-то пробѣгало въ тѣни около стариннаго колодца на трехъ-угольной площади, внезапно раздавался сонливый свистокъ ночнаго сторожа, добродушная собака ворчала въ полъ-голоса, а воздухъ такъ и ластился къ лицу, и липы пахли такъ сладко, что грудь, по неволѣ, все глубже и глубже дышала и слово: «Гретхенъ»— не то восклицаніе, не то вопросъ — такъ и просилось на уста.

Городокъ З. лежитъ въ двухъ верстахъ отъ Рейна. Я часто ходилъ смотрѣть на величавую рѣку, и не безъ нѣкотораго напряженія мечтая о коварной вдовѣ, просиживалъ долгіе часы на каменной скамьѣ подъ одинокимъ огромнымъ ясенемъ. Маленькая статуя Мадонны съ почти дѣтскомъ лицомъ и краснымъ сердцемъ на груди, пронзеннымъ мечами, печально выглядывала изъ его вѣтвей. На противоположномъ берегу находился городокъ Л., немного побольше того, въ которомъ я поселился. Однажды вечеромъ, сидѣлъ я на своей любимой скамьѣ и глядѣлъ то на рѣку, то на небо, то на виноградники. Передо мной бѣлоголовые мальчишки карабкались по бокамъ лодки, вытащенной на берегъ и опрокинутой насмоленнымъ брюхомъ къ верху. Кораблики тихо бѣжали на слабонадувшихся парусахъ; зеленоватыя волны скользили мимо, чуть чуть вздуваясь и урча. Вдругъ донеслись до меня звуки музыки: я прислушался. Въ городѣ Л. играли вальсъ; контрбасъ гудѣлъ отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? спросилъ я у подошедшаго ко мнѣ старика въ плисовомъ жилетѣ, синихъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками.

— Это, отвѣчалъ онъ мнѣ, предварительно передвинувъ мундштукъ своей трубки изъ одного угла губъ въ другой:— студенты пріѣхали изъ Б. на коммершъ.

«А посмотрю-ко я на этотъ коммершъ, подумалъ я:—кстати же я въ Л. не бывалъ.» Я отыскалъ перевозчика и отправился на другую сторону.

II.

Можетъ быть, не всякій знаетъ, что такое коммершъ. Это особеннаго рода торжественный пиръ, на который сходятся студенты одной земли или братства (Landsmannschaft). Почти всѣ участники въ коммершѣ носятъ издавна установленный костюмъ нѣмецкихъ студентовъ: венгерки, большіе сапоги и маленькія шапочки съ околышами извѣстныхъ цвѣтовъ. Собираются студенты обыкновенно къ обѣду подъ предсѣдательствомъ сеніора, т. е. старшины, — и пируютъ до утра, пьютъ, поютъ пѣсни, Landesvater, Gaudeamus, курятъ, бранятъ филистеровъ; иногда они нанимаютъ оркестръ.

Такой точно коммершъ происходилъ въ г. Л. передъ небольшой гостинницей подъ вывѣскою Солнца, въ саду, выходившемъ на улицу. Надъ самой гостинницей и надъ садомъ вѣяли флаги; студенты сидѣли за столами подъ обстриженными липками; огромный бульдогъ лежалъ подъ однимъ изъ столовъ; въ сторонѣ, въ бесѣдкѣ изъ плюща, помѣщались музыканты и усердно играли, то и дѣло подкрѣпляя себя пивомъ. На улицѣ, передъ низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотѣли пропустить случая поглазѣть на заѣзжихъ гостей. Я тоже вмѣшался въ толпу зрителей. Мнѣ было весело смотрѣть на лица студентовъ; ихъ объятія, восклицанія, невинное кокетничанье молодости, горящіе взгляды, смѣхъ безъ причины—лучшій смѣхъ на свѣтѣ, все это радостное кипѣніе жизни юной, свѣжей, этотъ порывъ впередъ—куда бы то ни было, лишь бы впередъ, это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. Ужь не пойти ли къ нимъ? спрашивалъ я себя....

— Ася, довольно тебѣ? вдругъ произнесъ за мною мужской голосъ по-русски.

— Подождемъ еще, отвѣчалъ другой, женскій голосъ на томъ же языкѣ.

Я быстро обернулся.... Взоръ мой упалъ на красиваго молодаго человѣка въ фуражкѣ и широкой куркѣ; онъ держалъ подъ руку дѣвушку невысокаго роста, въ соломенной шляпѣ, закрывавшей всю верхнюю часть ея лица.

— Вы русскіе? сорвалось у меня невольно съ языка.

Молодой человѣкъ улыбнулся и промолвилъ:

— Да, русскіе.

— Я никакъ не ожидалъ.... въ такомъ захолустьѣ, началъ было я....

— И мы не ожидали, перебилъ онъ меня: — чтожь? тѣмъ лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовутъ Гагинымъ, а вотъ это моя.... Онъ запнулся на мгновенье:—моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвалъ себя, и мы разговорились. Я узналъ, что Гагинъ, путешествуя, такъ же какъ я, для своего удовольствія, недѣлю тому назадъ заѣхалъ въ городокъ Л., да и застрялъ въ немъ. Правду сказать, я неохотно знакомился съ русскими за границей. Я ихъ узнавалъ даже издали по ихъ походкѣ, покрою платья, а, главное, по выраженію ихъ лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдругъ смѣнялось выраженіемъ осторожности и робости.... Человѣкъ внезапно настораживался весь, глазъ безпокойно бѣгалъ.... «Батюшки мои! не совралъ ли я, не смѣются ли надо мною», казалось, говорилъ этотъ утопленный взглядъ.... Проходило мгновенье,—и снова возстановлялось величіе физіономіи, изрѣдка чередуясь съ тупымъ недоумѣньемъ. Да, я избѣгалъ русскихъ, но Гагинъ мнѣ понравился тотчасъ. Есть на свѣтѣ такія счастливыя лица: глядѣть на нихъ всякому любо: точно они грѣютъ васъ или гладятъ. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, съ большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорилъ онъ такъ, что даже не видя его лица, вы, по одному звуку его голоса, чувствовали, что онъ улыбается.

Дѣвушка, которую онъ назвалъ своей сестрою, съ перваго взгляда показалась мнѣ очень миловидной. Было что-то свое, особенное въ складѣ ея смугловатаго, круглаго лица, съ небольшимъ тонкимъ носомъ, почти дѣтскими щечками и черными, свѣтлыми глазами. Она была граціозно сложена, но какъ будто не вполнѣ еще развтта. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти къ намъ? сказалъ мнѣ Гагинъ: — кажется, довольно мы насмотрѣлись на нѣмцевъ. Наши бы, правда, стекла разбили и поломали стулья, но эти ужь больно скромны. Какъ ты думаешь, Ася, пойти намъ домой?

Дѣвушка утвердительно качнула головой.

— Мы живемъ загородомъ, продолжалъ Гагинъ: — въ виноградникѣ, въ одинокомъ домишкѣ, высоко. У насъ славно, посмотрите. Хозяйка обѣщала приготовить намъ кислаго молока. Теперь же скоро стемнѣетъ и вамъ лучше будетъ переѣзжать Рейнъ при лунѣ.

Мы отправились. Черезъ низкія ворота города (старинная стѣна изъ булыжника окружала его со всѣхъ сторонъ, даже бойницы не всѣ еще обрушились) мы вышли въ поле и, пройдя шаговъ сто, вдоль каменной ограды, остановились передъ узенькой калиткой. Гагинъ отворилъ ее и повелъ насъ въ гору по крутой тропинкѣ. Съ обѣихъ сторонъ, на уступахъ росъ виноградъ; солнце только что сѣло, и алый тонкій свѣтъ лежалъ на зеленыхъ лозахъ, на высокихъ тычинкахъ, на сухой землѣ, усѣянной сплошь крупнымъ и мелкимъ плитнякомъ, и на бѣлой стѣнѣ небольшаго домика, съ косыми черными перекладинами и четырьмя свѣтлыми окошками, стоявшаго на самомъ верху горы, по которой мы взбирались.

— Вотъ и наше жилище! воскликнулъ Гагинъ, какъ только мы стали приближаться къ домику:—а вотъ и хозяйка несетъ молоко. Guten Abend, Madame. Мы сейчасъ примемся за ѣду; но прежде, прибавилъ онъ:—оглянитесь: каковъ видъ?

Видъ былъ, точно, чудесный. Рейнъ лежалъ передъ нами, весь серебряный, между зелеными берегами; въ одномъ мѣстѣ онъ горѣлъ багрянымъ золотомъ заката. Пріютившійся къ берегу городокъ показывалъ всѣ свои дома и улицы; широко разбѣгались холмы и поля. Внизу было хорошо, но на верху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сіяющая прозрачность воздуха. Свѣжій и легкій, онъ тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнѣе на высотѣ.

— Отличную вы выбрали квартиру, промолвилъ я.

— Это Ася ее нашла, отвѣчалъ Гагинъ: — ну-ко, Ася, продолжалъ онъ: — распоряжайся. Вели все сюда подать. Мы станемъ ужинать на воздухѣ. Тутъ музыка слышнѣе. Замѣтили ли вы, прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ: — вблизи иной вальсъ никуда не годится—пошлые, грубые звуки, а въ отдаленьи, чудо! такъ и шевелитъ въ васъ всѣ романтическія струны.

Ася (собственно имя ея было Анна, но Гагинъ называлъ ее Асей и ужь вы позвольте мнѣ ее такъ называть), Ася отправилась въ домъ и скоро вернулась, вмѣстѣ съ хозяйкой. Онѣ вдвоемъ несли большой подносъ съ горшкомъ молока, тарелками, ложками, сахаромъ, ягодами, хлѣбомъ. Мы усѣлись и принялись за ужинъ. Ася сняла шляпу; ея черные волосы, остриженные и причесанные, какъ у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагинъ сказалъ ей:

— Ася, полно ёжиться! онъ не кусается.

Она улыбнулась и, немного спустя, уже сама заговаривала со мной. Я не видалъ существа, болѣе подвижнаго. Ни одно мгновенье она не сидѣла смирно; вставала, убѣгала въ домъ и прибѣгала снова, напѣвала въ-полъ-голоса, часто смѣялась, и престраннымъ образомъ: казалось, она смѣялась не тому, что̀ слышала, а разнымъ мыслямъ, приходившимъ ей въ голову. Ея большіе глаза глядѣли прямо, свѣтло, смѣло, но иногда вѣки ея слегка щурились, и тогда взоръ ея внезапно становился глубокъ и нѣженъ.

Мы проболтали часа два. День давно погасъ, и вечеръ, сперва весь огнистый, потомъ ясный и алый, потомъ блѣдный и смутный, тихо таялъ и переливался въ ночь, а бесѣда наша все продолжалась, мирная и кроткая, какъ воздухъ, окружавшій насъ. Гагинъ велѣлъ принести бутылку рейнвейна; мы ее роспили, не спѣша. Музыка, по прежнему, долетала до насъ; звуки ея казались слаще и нѣжнѣе; огни зажигались въ городѣ и надъ рѣкою. Ася вдругъ опустила голову, такъ что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула; а потомъ сказала намъ, что хочетъ спать и ушла въ домъ; я однако видѣлъ какъ она, не зажигая свѣчи, долго стояла за нераскрытымъ окномъ. Наконецъ луна встала и заиграла по Рейну; все освѣтилось, потемнѣло, измѣнилось, даже вино въ нашихъ граненыхъ стаканахъ заблестѣло таинственнымъ блескомъ. Вѣтеръ упалъ, точно крылья сложилъ, и замеръ; ночнымъ, душистымъ теплом повѣяло отъ земли.

— Пора! воскликнулъ я: — а то, пожалуй, перевозчика не съищешь.

— Пора, повторилъ Гагинъ.

Мы пошли внизъ по тропинкѣ. Камни вдругъ посыпались за нами: это Ася насъ догоняла.

— Ты развѣ не спишь? спросилъ ее братъ, но она, не отвѣтивъ ему ни слова, пробѣжала мимо. Послѣднія умиравшія плошки, зажженныя студентами въ саду гостинницы, освѣщали снизу листья деревьевъ, что придавало имъ праздничный и фантастическій видъ. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала съ перевозчикомъ. Я прыгнулъ въ лодку и простился съ новыми моими друзьями. Гагинъ обѣщалъ навѣстить меня на слѣдующій день; я пожалъ его руку и протянулъ свою Асѣ; но она только посмотрѣла на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой рѣкѣ. Перевозчикъ, бодрый старикъ, съ напряженіемъ погружалъ весла въ темную воду.

— Вы въ лунный столбъ въѣхали, вы его разбили закричала мнѣ Ася.

Я опустилъ глаза; вокругъ лодки, чернѣя, колыхались волны.

— Прощайте! раздался опять ея голосъ.

— До завтра, проговорилъ за нею Гагинъ.

Лодка причалила. Я вышелъ и оглянулся. Никого ужь не было видно за противоположномъ берегу. Лунный столбъ опять тянулся золотымъ мостомъ черезо всю рѣку. Словно на прощаніе примчались звуки стариннаго ланнеровскаго вальса. Гагинъ былъ правъ: я почувствовалъ, что всѣ струны сердца моего задрожали въ отвѣтъ на тѣ заискивающіе напѣвы. Я отправился домой черезъ потемнѣвшія поля, медленно вдыхая пахучій воздухъ, и пришолъ въ свою комнатку весь разнѣженный сладостнымъ томленіемъ безпредметныхъ и безконечныхъ ожиданій. Я чувствовалъ себя счастливымъ.... Но отчего я былъ счастливъ? Я ничего не желалъ, я ни о чемъ не думалъ.... Я былъ счастливъ.

Чуть не смѣясь отъ избытка пріятныхъ и игривыхъ чувствъ, я нырнулъ въ постель и уже закрылъ было глаза, какъ вдругъ мнѣ пришло на умъ, что въ теченіе вечера я ни разу не вспомнилъ о моей жестокой красавицѣ.... «Что же это значитъ?» спросилъ я самого себя:—«развѣ я не влюбленъ?» Но, задавъ себѣ этотъ вопросъ, я, кажется, немедленно заснулъ какъ дитя въ колыбели.

III.

На другое утро (я уже проснулся, но еще не вставалъ) стукъ палки раздался у меня подъ окномъ, и голосъ, который я тотчасъ призналъ за голосъ Гагина, запѣлъ:

«Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу....»

Я поспѣшилъ отворить ему дверь.

— Здравствуйте, сказалъ Гагинъ, входя:—я васъ раненько потревожилъ, но посмотрите, какое утро. Свѣжесть, роса, жаворонки поютъ ...

Съ своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками, онъ самъ былъ свѣжъ, какъ утро.

Я одѣлся; мы вышли въ садикъ, сѣли на лавочку, велѣли подать себѣ кофе и принялись бесѣдовать. Гагинъ сообщилъ мнѣ свои планы на будущее: владѣя порядочнымъ состояніемъ и ни отъ кого не завися, онъ хотѣлъ посвятить себя живописи, и только сожалѣлъ о томъ, что поздно хватился за умъ и много времени потратилъ по пустому; я также упомянулъ о моихъ предположеніяхъ, да кстати повѣрилъ ему тайну моей несчастной любви. Онъ выслушалъ меня съ снисхожденіемъ, но, сколько я могъ замѣтить, сильнаго сочувствія къ моей страсти я въ немъ не возбудилъ. Вздохнувши вслѣдъ за мной раза два изъ вѣжливости, Гагинъ предложилъ мнѣ пойти къ нему посмотрѣть его этюды. Я тотчасъ согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словамъ хозяйки, отправилась на «развалину». Верстахъ въ двухъ отъ городка Л. находились остатки феодальнаго замка. Гагинъ раскрылъ мнѣ всѣ свои картоны. Въ его этюдахъ было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни одинъ изъ нихъ не былъ оконченъ и рисунокъ показался мнѣ небреженъ и невѣренъ. Я откровенно высказалъ ему мое мнѣніе.

— Да, да, подхватилъ онъ со вздохомъ: — вы правы; все это очень плохо и незрѣло. Что дѣлать! Не учился я какъ слѣдуетъ, да и проклятая славянская распущенность беретъ свое. Пока мечтаешь о работѣ, такъ и паришь орломъ:

землю, кажется, сдвинулъ бы съ мѣста, а въ исполненіи тотчасъ ослабѣешь и устаешь.

Я началъ было ободрять его, но онъ махнулъ рукой и, собравши картоны въ охапку, бросилъ ихъ на диванъ.

— Коли хватитъ терпѣнія, изъ меня выйдетъ что нибудь, промолвилъ онъ сквозь зубы:—не хватитъ—останусь недорослемъ изъ дворянъ. Пойдемте-ко лучше Асю отъискивать.

Мы пошли.

IV.

Дорога къ развалинѣ вилась по скату узкой лѣсистой долины; на днѣ ея бѣжалъ ручей и шумно прядалъ черезъ камни, какъ бы торопясь слиться съ великой рѣкой, спокойно сіявшей за темной гранью круто разсѣченныхъ горныхъ гребней. Гагинъ обратилъ мое вниманіе на нѣкоторыя счастливо освѣщенныя мѣста; въ словахъ его слышался, если не живописецъ, то ужь навѣрное художникъ. Скоро показалась развалина. На самой вершинѣ голой скалы возвышалась четыреугольная башня, вся черная, еще крѣпкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистыя стѣны примыкали къ башнѣ; кой-гдѣ лѣпился плющъ; искривленныя деревца свѣшивались съ сѣдыхъ бойницъ и рухнувшихъ сводовъ. Каменистая тропинка вела къ уцѣлѣвшимъ воротамъ. Мы уже подходили къ нимъ, какъ вдругъ впереди насъ мелькнула женская фигура, быстро перебѣжала по грудѣ обломковъ и помѣстилась на уступѣ стѣны, прямо надъ пропастью.

— А вѣдь это Ася! воскликнулъ Гагинъ: — экая съумасшедшая!

Мы вошли въ ворота и очутились на небольшомъ дворикѣ, до половины заросшемъ дикими яблонями и крапивой. На уступѣ сидѣла, точно, Ася. Она повернулась къ намъ лицомъ и засмѣялась, но не тронулась съ мѣста. Гагинъ погрозилъ ей пальцемъ, а я громко упрекнулъ ее въ неосторожности.

— Полноте, сказалъ мнѣ шопотомъ Гагинъ: — не дразните ее; вы ее не знаете: она, пожалуй, еще на башню взберется. А вотъ, вы лучше подивитесь смышлености здѣшнихъ жителей.

Я оглянулся: въ уголку, пріютившись въ крошечномъ деревянномъ балаганчикѣ, старушка вязала чулокъ и косилась на насъ черезъ очки. Она продавала туристамъ пиво, пряники и зельцерскую воду. Мы умѣстились на лавочкѣ и принялись пить изъ тяжелыхъ оловянныхъ кружекъ довольно холодное пиво. Ася продолжала сидѣть неподвижно, подобравъ подъ себя ноги и закутавъ голову кисейнымъ шарфомъ; стройный обликъ ея отчетливо и красиво рисовался на ясномъ небѣ; но я съ непріязненнымъ чувствомъ посматривалъ на нее. Уже наканунѣ замѣтилъ я въ ней что-то напряженное, не совсѣмъ естественное.... «Она хочетъ удивить насъ», думалъ я:—«къ чему это? Что за дѣтская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдругъ бросила на меня быстрый и пронзительный взглядъ, засмѣялась опять, въ два прыжка соскочила со стѣны, и, подойдя къ старушкѣ, попросила у ней стаканъ воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? промолвила она, обратившись къ брату:—нѣтъ; тутъ есть цвѣты на стѣнахъ, которые непремѣнно полить надо.

Гагинъ ничего не отвѣчалъ ей; а она, съ стаканомъ въ рукѣ, пустилась карабкаться по развалинамъ, изрѣдка останавливаясь, наклоняясь и съ забавной важностью роняя нѣсколько капель воды, ярко блестѣвшихъ на солнцѣ. Ея движенья были очень милы, но мнѣ, по-прежнему, было досадно на нее, хотя я невольно любовался ея легкостью и ловкостью. На одномъ опасномъ мѣстѣ она нарочно вскрикнула и потомъ захохотала.... Мнѣ стало еще досаднѣе.

— Да она какъ коза лазитъ, пробормотала себѣ подъ носъ старушка, оторвавшись на мгновенье отъ своего чулка.

Наконецъ Ася опорожнила весь свой стаканъ, и, шаловливо покачиваясь, возвратилась къ намъ. Странная усмѣшка слегка подергивала ея брови, ноздри и губы; полу-дерзко, полу-весело щурились темные глаза.

— Вы находите мое поведеніе неприличнымъ, казалось говорило ея лицо:—все равно: я знаю, вы мной любуетесь.

— Искусно, Ася, искусно, промолвилъ Гагинъ въ полголоса.

Она вдругъ какъ будто застыдилась, опустила свои длинныя рѣсницы и скромно подсѣла къ намъ, какъ виноватая. Я тутъ въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ ея лицо, самое измѣн-

чивое лицо, какое я только видѣлъ. Нѣсколько мгновеній спустя оно уже все поблѣднѣло и приняло сосредоточенное, почти печальное выраженіе; самыя черты ея мнѣ показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругомъ (Ася шла за нами слѣдомъ) и полюбовались видами. Между тѣмъ часъ обѣда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагинъ спросилъ еще кружку пива, и, обернувшись ко мнѣ, воскликнулъ съ лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А развѣ у него,—развѣ у васъ есть такая дама? спросила вдругъ Ася.

— Да у кого же ея нѣтъ? возразилъ Гагинъ.

Ася задумалась на мгновенье; ея лицо опять измѣнилось, опять появилась на немъ вызывающая, почти дерзкая усмѣшка.

На возвратномъ пути она еще пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную вѣтку, положила ее къ себѣ на плечо какъ ружье, повязала себѣ голову шарфомъ. Помнится, намъ встрѣтилась многочисленная семья бѣлокурыхъ и чопорныхъ англичанъ: всѣ они, словно по командѣ, съ холоднымъ изумленіемъ, проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, какъ бы имъ на зло, громко запѣла. Воротясь домой, она тотчасъ ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ самому обѣду, одѣтая въ лучшее свое платье, тщательно причесанная, перетянутая и въ перчаткахъ. За столомъ она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отвѣдывала кушанья и пила воду изъ рюмки. Ей явно хотѣлось разъиграть передо мною новую роль, — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагинъ не мѣшалъ ей; замѣтно было, что онъ привыкъ потакать ей во всемъ. Онъ только по временамъ добродушно взглядывалъ на меня и слегка пожималъ плечомъ, какъ бы желая сказать: «Она ребенокъ; будьте снисходительны.» Какъ только кончился обѣдъ, Ася встала, сдѣлала намъ книксенъ и, надѣвая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти къ Фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? отвѣчалъ онъ съ своей неизмѣнной, на этотъ разъ нѣсколько смущенной улыбкой: — развѣ тебѣ скучно съ нами?

— Нѣтъ, но я вчера еще обѣщала Фрау Луизе побывать

у ней; притомъ же, я думала, вамъ будетъ лучше вдвоемъ: г. Н. (она указала на меня) что нибудь еще тебѣ разскажетъ.

Она ушла.

— Фрау Луизе, началъ Гагинъ, стараясь избѣгать моего взора: — вдова бывшаго здѣшняго бургомистра, добрая, впрочемъ, пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться съ людьми круга нисшаго; я замѣтилъ, причиною этому всегда бываетъ гордость. Она у меня порядкомъ избалована, какъ видите, прибавилъ онъ помолчавъ немного: — да что прикажете дѣлать? Взыскивать я ни съ кого не умѣю, а съ нея и подавно. Я *обязанъ* быть снисходительнымъ съ нею.

Я промолчалъ. Гагинъ перемѣнилъ разговоръ. Чѣмъ больше я узнавалъ его, тѣмъ сильнѣе я къ нему привязывался. Я скоро его понялъ. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, къ сожалѣнію, немного вялая, безъ цѣпкости и внутренняго жара. Молодость не кипѣла въ немъ ключомъ; она свѣтилась тихимъ свѣтомъ. Онъ былъ очень милъ и уменъ, но я не могъ себѣ представить, что́ съ нимъ станется, какъ только онъ возмужаетъ. Быть художникомъ.... Безъ горькаго, постояннаго труда не бываетъ художниковъ, а трудиться, думалъ я, глядя на его мягкія черты, слушая его неспѣшную рѣчь, — нѣтъ! трудиться ты не будешь, сжаться ты не съумѣешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце такъ и влеклось къ нему. Часа четыре провели мы съ нимъ вдвоемъ, то сидя рядомъ на диванѣ, то медленно расхаживая передъ домомъ, и въ эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце сѣло и мнѣ уже пора было идти домой. Ася все еще не возвращалась.

— Экая она у меня вольница, промолвилъ Гагинъ: — хотите; я пойду провожать васъ; мы по пути завернемъ къ Фрау Луизе; я спрошу, тамъ ли она? Крюкъ не великъ.

Мы спустились въ городъ, и, свернувши въ узкій, кривой переулочекъ, остановились передъ домомъ въ два окна ширины и вышиною въ четыре этажа. Второй этажъ выступалъ на улицу больше перваго, третій и четвертый еще больше вто-

раго; весь домъ съ своей ветхой рѣзьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутымъ въ видѣ клюва воротомъ на чердакѣ, казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася! крикнулъ Гагинъ: — ты здѣсь?

Освѣщенное окошко въ третьемъ этажѣ стукнуло и отворилось, и мы увидали темную головку Аси. Изъ за нея выглядывало беззубое и подслѣповатое лицо старой нѣмки.

— Я здѣсь, проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу:—мнѣ здѣсь хорошо. На, тебѣ, возьми, прибавила она, бросая Гагину вѣтку гераніума: — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмѣялась.

— Н. уходитъ, возразилъ Гагинъ:—онъ хочетъ съ тобой проститься.

— Будто? промолвила Ася: — въ такомъ случаѣ дай ему мою вѣтку, а я сейчасъ вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцаловала Фрау Луизе. Гагинъ протянулъ мнѣ, молча, вѣтку. Я, молча, положилъ ее въ карманъ, дошелъ до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шелъ домой, ни о чемъ не размышляя, но съ странной тяжестью на сердцѣ, какъ вдругъ меня поразилъ сильный, знакомый, но въ Германіи рѣдкій запахъ. Я остановился и увидалъ возлѣ дороги небольшую грядку конопли. Ея степной запахъ мгновенно напомнилъ мнѣ родину и возбудилъ въ душѣ страстную тоску по ней Мнѣ захотѣлось дышать русскимъ воздухомъ, ходить по русской землѣ. «Что я здѣсь дѣлаю, зачѣмъ таскаюсь я въ чужой сторонѣ, между чужими?» воскликнулъ я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущалъ на сердцѣ, разрѣшилась внезапно въ горькое и жгучее волненіе. Я пришелъ домой совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ наканунѣ. Я чувствовалъ себя почти разсерженнымъ и долго не могъ успокоиться. Непонятная мнѣ самому досада меня разбирала. Наконецъ я сѣлъ и, вспомнивъ о своей коварной вдовѣ (оффиціальнымъ воспоминаніемъ объ этой дамѣ заключался каждый мой день), досталъ одну изъ ея записокъ. Но я даже не раскрылъ ея; мысли мои тотчасъ

приняли иное направленіе. Я началъ думать.... думать объ Асѣ. Мнѣ пришло въ голову, что Гагинъ, въ теченіе разговора, намекнулъ мнѣ на какія-то затрудненія, препятствующія его возвращенію въ Россію.... «Полно, сестра ли она его?» произнесъ я громко.

Я раздѣлся, легъ и старался заснуть; но часъ спустя я опять сидѣлъ въ постели, облокотившись локтемъ на подушку, и снова думалъ объ этой «капризной дѣвочкѣ съ натянутымъ смѣхомъ....» «Она сложена какъ маленькая рафаэлевская Галатея въ Фарнезинѣ», шепталъ я: — «да; и она ему не сестра....»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, бѣлѣя въ лучахъ луны.

V.

На слѣдующее утро я опять пошелъ въ Л. Я увѣрялъ себя что мнѣ хочется повидаться съ Гагинымъ, но втайнѣ меня тянуло посмотрѣть, что̀ станетъ дѣлать Ася, также ли она будетъ «чудить», какъ наканунѣ. Я засталъ обоихъ въ гостиной, и, странное дѣло! — оттого ли, что я ночью и утромъ много размышлялъ о Россіи—Ася показалась мнѣ совершенно русской дѣвушкой, да, простою дѣвушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидѣла, не шевелясь, у окна, да шила въ пяльцахъ, скромно, тихо, точно она вѣкъ свой ничѣмъ другимъ не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу и черты ея приняли такое незначительное, будничное выраженіе, что мнѣ невольно вспомнились наши доморощенныя Кати и Маши. Для довершенія сходства, она принялась напѣвать въ полголоса «Матушку, голубушку». Я глядѣлъ на ея желтоватое, угасшее личико, вспоминалъ о вчерашнихъ мечтаніяхъ, и жаль мнѣ было чего-то. Погода была чудесная. Гагинъ объявилъ намъ, что пойдетъ сегодня рисовать этюдъ съ натуры; я спросилъ его, позволитъ ли онъ мнѣ провожать его, не помѣшаю ли ему?

— Напротивъ, возразилъ онъ: — вы мнѣ можете хорошій совѣтъ дать.

Онъ надѣлъ круглую шляпу à la Van Dyck, блузу, взялъ картонъ подъ мышку и отправился; я поплелся вслѣдъ за нимъ. Ася осталась дома. Гагинъ, уходя, попросилъ ее позаботиться о томъ, чтобы супъ не былъ слишкомъ жидокъ: Ася обѣщалась побывать на кухнѣ. Гагинъ добрался до знакомой уже мнѣ долины, присѣлъ на камень, и началъ срисовывать старый дуплистый дубъ съ раскидистыми сучьями. Я легъ на траву и досталъ книжку; но я двухъ страницъ не прочелъ, а онъ только бумагу измаралъ; мы все больше разсуждали, и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко разсуждали о томъ, какъ именно должно работать, чего слѣдуетъ избѣгать, чего придерживаться, и какое собственно значеніе художника въ нашъ вѣкъ. Гагинъ наконецъ рѣшилъ, что онъ «сегодня не въ ударѣ», легъ рядомъ со мною, и ужь тутъ свободно потекли молодыя наши рѣчи, тѣ горячія, то задумчивыя, то восторженныя, но почти всегда неясныя рѣчи, въ которыхъ такъ охотно разливается русскій человѣкъ. Наболтавшись до сыта и наполнившись чувствомъ удовлетворенія, словно мы что-то сдѣлали, успѣли въ чемъ-то, вернулись мы домой. Я нашелъ Асю точно такою же, какою я ее оставилъ; какъ я ни старался наблюдать за нею — ни тѣни кокетства, ни признака намѣренно-принятой роли я въ ней не замѣтилъ; на этотъ разъ не было возможности упрекнуть ее въ неестественности.

— А-га! говорилъ Гагинъ: — постъ и покаяніе на себя наложила.

Къ вечеру она нѣсколько разъ непритворно зѣвнула и рано ушла къ себѣ. Я самъ скоро простился съ Гагинымъ, и, возвратившись домой, не мечталъ уже ни о чемъ: этотъ день прошелъ въ трезвыхъ ощущеніяхъ. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвилъ вслухъ:

— Что за хамелеонъ эта дѣвушка!—и, подумавъ немного, прибавилъ:—а все-таки она ему не сестра.

VI.

Прошли цѣлыя двѣ недѣли. Я каждый день посѣщалъ Гагиныхъ. Ася словно избѣгала меня, но уже не позволяла себѣ

ни одной изъ тѣхъ шалостей, которыя такъ удивили меня въ первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайнѣ огорченной или смущенной ; она и смѣялась меньше. Я съ любопытствомъ наблюдалъ за ней.

Она довольно хорошо говорила по французски и по нѣмецки; но по всему было замѣтно , что она съ дѣтства не была въ женскихъ рукахъ и воспитаніе получила странное, необычное, не имѣвшее ничего общаго съ воспитаніемъ самого Гагина. Отъ него , не смотря на его à la Van Dyck и блузу, такъ и вѣяло мягкимъ, полуизнѣженнымъ, великорусскимъ дворяниномъ, а она не походила на барышню ; во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то неспокойное: этотъ дичокъ недавно былъ привитъ, это вино еще бродило. По природѣ стыдливая и робкая , она досадовала на свою застѣнчивость и съ досады насильственно старалась быть развязной и смѣлой , что ей не всегда удавалось. Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ ней объ ея жизни въ Россіи, объ ея прошедшемъ: она неохотно отвѣчала на мои разспросы ; я узналъ однако , что до отъѣзда за границу она долго жила въ деревнѣ. Я засталъ ее разъ за книгой , одну. Опершись головой на обѣ руки и запустивъ пальцы глубоко въ волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво! сказалъ я подойдя къ ней:—какъ вы прилежны.

Она приподняла голову , важно и строго посмотрѣла на меня.

— Вы думаете, я только смѣяться умѣю, промолвила она, и хотѣла удалиться.

Я взглянулъ на заглавіе книги: это былъ какой-то французскій романъ.

— Однако я вашъ выборъ похвалить не могу, замѣтилъ я.

— Что же читать ! воскликнула она, и бросивъ книгу на столъ, прибавила:—такъ лучше пойду дурачиться, и побѣжала въ садъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я читалъ Гагину «Германа и Доротею.» Ася сперва все только шныряла мимо насъ, потомъ вдругъ остановилась , приникла ухомъ , тихонько подсѣла ко мнѣ и прослушала чтеніе до конца. На слѣдующій день я опять не узналъ ея , пока не догадался , что ей вдругъ вошло въ голову: быть домовитой и степенной, какъ Доротея. Словомъ,

она являлась мнѣ полузагадочнымъ существомъ. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на нее. Въ одномъ только я болѣе и болѣе убѣждался, а именно въ томъ, что она не сестра Гагина. Онъ обходился съ нею не по братски: слишкомъ ласково, слишкомъ снисходительно и въ тоже время нѣсколько принужденно.

Странный случай, по видимому, подтвердилъ мои подозрѣнья.

Однажды вечеромъ, подходя къ винограднику, гдѣ жили Гагины, я нашелъ калитку запертою. Не долго думавши, добрался я до одного обрушеннаго мѣста въ оградѣ, уже прежде замѣченнаго мною, и перескочилъ черезъ нее. Недалеко отъ этого мѣста, въ сторонѣ отъ дорожки, находилась небольшая бесѣдка изъ акацій; я поровнялся съ нею и уже прошелъ было мимо.... вдругъ меня поразилъ голосъ Аси, съ жаромъ и сквозь слезы произносившей слѣдующія слова:

— Нѣтъ, я никого не хочу любить кромѣ тебя, нѣтъ, нѣтъ, одного тебя я хочу любить—и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, говорилъ Гагинъ:—ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

Голоса ихъ раздавались въ бесѣдкѣ. Я увидалъ ихъ обоихъ сквозь негустой переплетъ вѣтвей. Они меня не замѣтили.

— Тебя, тебя одного, повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала цаловать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно, твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ея волосамъ.

Нѣсколько мгновеній остался я неподвижнымъ.... Вдругъ я встрепенулся. — Подойти къ нимъ?... Ни за что! сверкнуло у меня въ головѣ. Быстрыми шагами вернулся я къ оградѣ, перескочилъ черезъ нее на дорогу и чуть не бѣгомъ пустился домой. Я улыбался, потиралъ руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновенье не усомнился въ ихъ справедливости), а между тѣмъ на сердцѣ у меня было очень горько. Однако, думалъ я, умѣютъ же они притворяться! Но къ чему? Что за охота меня морочить? Не ожидалъ я этого отъ него.... И что за чувствительное объясненіе?

VII.

Я спалъ дурно, и на другое утро всталъ рано, привязалъ походную котомочку за спину и, объявивъ своей хозяйкѣ, чтобы она не ждала меня къ ночи, отправился пѣшкомъ въ горы, вверхъ по теченію рѣки, на которой лежитъ городокъ З. Эти горы, отрасли хребта, называемаго Собачьей спиной (Hundsrück), очень любопытны въ геологическомъ отношеніи; въ особенности замѣчательны онѣ правильностью и чистотой базальтовыхъ слоевъ; но мнѣ было не до геологическихъ наблюденій. Я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что во мнѣ происходило; одно чувство было мнѣ ясно: нежеланіе видѣться съ Гагиными. Я увѣрялъ себя, что единственной причиной моего внезапнаго нерасположенія къ нимъ была досада на ихъ лукавство. Кто ихъ принуждалъ вылавать себя за родственниковъ? Впрочемъ, я старался о нихъ не думать; бродилъ не спѣша, по горамъ и долинамъ, засиживался въ деревенскихъ харчевняхъ, мирно бесѣдуя съ хозяевами и гостями, или ложился на плоскій, согрѣтый камень и смотрѣлъ, какъ плыли облака, благо погода стояла удивительная. Въ такихъ занятіяхъ я провелъ три дня, и не безъ удовольствія, — хотя на сердцѣ у меня щемило по временамъ. Настроеніе моихъ мыслей приходилось какъ разъ подъ стать спокойной природѣ того края.

Я отдалъ себя всего тихой игрѣ случайности, набѣгавшимъ впечатлѣніямъ: неторопливо смѣняясь, протекали они по душѣ, и оставили въ ней наконецъ одно общее чувство, въ которомъ слилось все, что я видѣлъ, ощутилъ, слышалъ въ эти три дня — все: тонкій запахъ смолы по лѣсамъ, крикъ и стукъ дятловъ, немолчная болтовня свѣтлыхъ ручейковъ съ пестрыми форелями на песчаномъ днѣ, не слишкомъ смѣлыя очертанія горъ, хмурыя скалы, чистенькія деревеньки съ почтенными старыми церквами и деревьями, аисты въ лугахъ, уютныя мельницы съ проворно-вертящимися колесами, радушныя лица поселянъ, ихъ синіе камзолы и сѣрые чулки, скрипучіе, медлительные возы, запряженные жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинно-волосые странники по чистымъ дорогамъ, обсаженнымъ яблонями и грушами.

Даже и теперь мнѣ пріятно вспоминать мои тогдашнія впечатлѣнія. Привѣтъ тебѣ, скромный уголокъ Германской земли, съ твоимъ незатѣйливымъ довольствомъ, съ повсемѣстными слѣдами прилежныхъ рукъ, терпѣливой, хотя не спѣшной работы... Привѣтъ тебѣ и миръ!

Я пришолъ домой къ самому концу третьяго дня. Я забылъ сказать, что съ досады на Гагиныхъ, я попытался воскресить въ себѣ образъ жестокосердой вдовы;—но мои усилія остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидѣлъ передъ собою крестьянскую дѣвочку лѣтъ пяти, съ круглымъ любопытнымъ личикомъ, съ невинно выпученными глазенками. Она такъ дѣтски простодушно смотрѣла на меня.... Мнѣ стало стыдно ея чистаго взора, я не хотѣлъ лгать въ ея присутствіи и тотчасъ же окончательно и навсегда разсталнялся съ моимъ прежнимъ предметомъ.

Дома я нашолъ записку отъ Гагина. Онъ удивлялся неожиданности моего рѣшенія, пенялъ мнѣ, зачѣмъ я не взялъ его съ собою, и просилъ придти къ нимъ какъ только я вернусь. Я съ неудовольствіемъ прочелъ эту записку, но на другой же день отправился въ Л.

VIII.

Гагинъ встрѣтилъ меня по пріятельски, осыпалъ меня ласковыми упреками; но Ася, точно нарочно, какъ только увидала меня, расхохоталась безо всякаго повода и, по своей привычкѣ, тотчасъ убѣжала. Гагинъ смутился, пробормоталъ ей вслѣдъ, что она съумасшедшая, попросилъ меня извинить ее. Признаюсь, мнѣ стало очень досадно на Асю; ужь и безъ того мнѣ было не по себѣ, а тутъ опять этотъ неестественный смѣхъ, эти странныя ужимки. Я, однако, показалъ видъ, будто ничего не замѣтилъ, и сообщилъ Гагину подробности моего небольшого путешествія. Онъ разсказалъ мнѣ, что дѣлалъ въ мое отсутствіе. Но рѣчи наши не клеились; Ася входила въ комнатку и убѣгала снова; я объявилъ наконецъ, что у меня есть спѣшная работа и что мнѣ пора вернуться домой. Гагинъ сперва меня удерживалъ, потомъ, посмотрѣвъ на меня пристально, вызвался провожать меня. Въ передней Ася вдругъ

подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку; я слегка пожалъ ея пальцы и едва поклонился ей. Мы вмѣстѣ съ Гагинымъ переправились черезъ Рейнъ и, проходя мимо любимаго моего ясеня съ статуйкой Мадонны, присѣли на скамью, чтобы полюбоваться видомъ. Замѣчательный разговоръ произошолъ тутъ между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потомъ замолкли, глядя на свѣтлую рѣку.

— Скажите, началъ вдругъ Гагинъ, съ своей обычной улыбкой:—какого вы мнѣнія объ Асѣ? Неправда ли, она должна казаться вамъ немного странной?

— Да, отвѣтилъ я не безъ нѣкотораго недоумѣнія.—Я не ожидалъ, что онъ заговоритъ о ней.

— Ее надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, промолвилъ онъ:—у нея сердце очень доброе, но голова бѣдовая. Трудно съ нею ладить. Впрочемъ, ее нельзя винить, и еслибъ вы узнали ея исторію....

— Ея исторію? перебилъ я.... Развѣ она не ваша. ..

Гагинъ взглянулъ на меня.

— Ужь не думаете ли вы, что она не сестра мнѣ?... нѣтъ, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое замѣшательство:— она точно мнѣ сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую къ вамъ довѣріе, и разскажу вамъ все.

«Отецъ мой былъ человѣкъ весьма добрый, умный, образованный— и несчастливый. Судьба обошлась съ нимъ не хуже, чѣмъ со многими другими: но онъ и перваго удара ея не вынесъ. Онъ женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался послѣ нея шести мѣсяцевъ. Отецъ увезъ меня въ деревню и цѣлыя двѣнадцать лѣтъ не выѣзжалъ никуда. Онъ самъ занимался моимъ воспитаніемъ и никогда бы со мной не разстался, еслибъ братъ его, мой родной дядя, не заѣхалъ къ намъ въ деревню. Дядя этотъ жилъ постоянно въ Петербургѣ и занималъ довольно важное мѣсто. Онъ уговорилъ отца отдать меня къ нему на руки, такъ какъ отецъ ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представилъ ему, что мальчику моихъ лѣтъ вредно жить въ совершенномъ уединеніи, что съ такимъ вѣчно унылымъ и молчаливымъ наставникомъ, каковъ былъ мой отецъ, я непремѣнно отстану отъ моихъ сверст-

никовъ, да и самый нравъ мой легко можетъ испортиться. Отецъ долго противился увѣщаніямъ своего брата, однако уступилъ наконецъ. Я плакалъ, разставаясь съ отцомъ; я любилъ его, хотя никогда не видалъ улыбки на лицѣ его, но попавши въ Петербургъ, скоро позабылъ наше темное и невеселое гнѣздо. Я поступилъ въ Юнкерскую школу, а изъ школы перешелъ въ гвардейскій полкъ. Каждый годъ пріѣзжалъ я въ деревню на нѣсколько недѣлъ и съ каждымъ годомъ находилъ отца моего все болѣе и болѣе грустнымъ, въ себя углубленнымъ, задумчивымъ до робости. Онъ каждый день ходилъ въ церковь и почти разучился говорить. Въ одно изъ моихъ посѣщеній (мнѣ уже было лѣтъ двадцать слишкомъ), я въ первый разъ увидалъ у насъ въ домѣ худенькую, черноглазую дѣвочку лѣтъ десяти—Асю. Отецъ сказалъ, что она сирота, и взята имъ на прокормленіе—онъ именно такъ выразился. Я не обратилъ особеннаго вниманія на нее; она была дика, проворна и молчалива какъ звѣрокъ, и какъ только я входилъ въ любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, гдѣ скончалась моя мать и гдѣ даже днемъ зажигались свѣчки, она тотчасъ пряталась за вольтеровское кресло его или за шкапъ съ книгами. Случилось такъ, что въ послѣдовавшіе за тѣмъ три, четыре года обязанности службы помѣшали мнѣ побывать въ деревнѣ. Я получалъ отъ отца ежемѣсячно по короткому письму; объ Асѣ онъ упоминалъ рѣдко и то вскользь. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ казался еще молодымъ человѣкомъ. Представьте мой ужасъ: вдругъ я, ничего не подозрѣвавшій, получаю отъ приказчика письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о смертельной болѣзни моего отца и умоляетъ пріѣхать какъ можно скорѣе, если хочу проститься съ нимъ. Я поскакалъ, сломя голову, и засталъ отца въ живыхъ, но уже при послѣднемъ издыханіи. Онъ обрадовался мнѣ чрезвычайно, обнялъ меня своими исхудалыми руками, долго поглядѣлъ мнѣ въ глаза какимъ-то, не то испытующимъ, не то умоляющимъ взоромъ и, взявъ съ меня слово, что я исполню его послѣднюю просьбу, велѣлъ своему старому каммердинеру привести Асю. Старикъ привелъ ее, она едва держалась на ногахъ и дрожала всѣмъ тѣломъ.

«— Вотъ, сказалъ мнѣ съ усиліемъ отецъ:—завѣщаю тебѣ

мою дочь—твою сестру. Ты все узнаешь отъ Якова, прибавилъ онъ, указавъ на каммердинера.

«Ася зарыдала и упала лицомъ на кровать.... Полчаса спустя, мой отецъ скончался.

«Вотъ, что я узналъ. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню ея высокую стройную фигуру, ея благообразное, строгое, умное лицо, съ большими темными глазами. Она слыла дѣвушкой гордой и неприступной. Сколько я могъ понять изъ почтительныхъ недомолвокъ Якова, отецъ мой сошелся съ нею нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда въ господскомъ домѣ, а въ избѣ у замужней сестры своей, скотницы. Отецъ мой сильно къ ней привязался и послѣ моего отъѣзда изъ деревни хотѣлъ даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

«— Покойница Татьяна Власьевна, такъ докладывалъ мнѣ Яковъ, стоя у двери съ закинутыми назадъ руками:—во всемъ были разсудительны и не захотѣли батюшку вашего обидѣть. Что, молъ, я вамъ за жена? какая я барыня? такъ онѣ говорить изволили, при мнѣ говорили-съ.» — Татьяна даже не хотѣла переселиться къ намъ въ домъ и продолжала жить у своей сестры, вмѣстѣ съ Асей. Въ дѣтствѣ, я видывалъ Татьяну только по праздникамъ, въ церкви. Повязанная темнымъ платкомъ, съ желтой шалью на плечахъ, она становилась въ толпѣ возлѣ окна,—ея строгій профиль четко вырѣзывался на прозрачномъ стеклѣ,—и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по старинному. Когда дядя увезъ меня, Асѣ было всего два года, а на девятомъ году она лишилась матери.

«Какъ только Татьяна умерла, отецъ взялъ Асю къ себѣ въ домъ. Онъ и прежде изъявилъ желаніе имѣть ее при себѣ, но Татьяна ему и въ этомъ отказала. Представьте же себѣ, что должно было произойти въ Асѣ, когда ее взяли къ барину. Она до сихъ поръ не можетъ забыть ту минуту, когда ей въ первый разъ надѣли шелковое платье и поцаловали у ней ручку. Мать, пока была жива держала ее очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Онъ былъ ея учителемъ; кромѣ его, она никого не видала. Онъ не баловалъ ея, то есть,

не нянчился съ нею; но онъ любилъ ее страстно и никогда ничего ей не запрещалъ: онъ въ душѣ считалъ себя передъ ней виноватымъ. Ася скоро поняла, что она главное лицо въ домѣ, она знала, что баринъ ея отецъ; но она также скоро поняла свое ложное положеніе; самолюбіе развилось въ ней сильно, недовѣрчивость тоже; дурныя привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотѣла (она сама мнѣ разъ призналась въ этомъ) заставить *цѣлый міръ* забыть ея происхожденіе, она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы.... Но развѣ она виновата? Молодыя силы разъигрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила.... Полная независимость во всемъ! да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень. Она бросилась на книги. Что тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизни слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ.

«И вотъ я двадцатилѣтній малый, очутился съ тринадцатилѣтней дѣвочкой на рукахъ! Въ первые дни послѣ смерти отца, при одномъ звукѣ моего голоса, ее била лихорадка, ласки мои повергали ее въ тоску, и только понемногу, исподоволь, привыкла она ко мнѣ. Правда, потомъ, когда она убѣдилась, что я точно признаю ее за сестру и полюбилъ ее, какъ сестру, она страстно ко мнѣ привязалась: у ней ни одно чувство не бываетъ вполовину.

«Я привезъ ее въ Петербургъ. Какъ мнѣ ни больно съ ней разстаться,—жить съ ней вмѣстѣ я никакъ не могъ; я помѣстилъ ее въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ; Ася поняла необходимость нашей разлуки; но начала съ того, что заболѣла и чуть не умерла. Потомъ она обтерпѣлась и выжила въ пансіонѣ четыре года; но, противъ моихъ ожиданій, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансіона часто жаловалась мнѣ на нее: «И наказать ее нельзя», говаривала она мнѣ:—«и на ласку она не подается.» Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всѣхъ; но никакъ не хотѣла подойти подъ общій уровень, упрямилась, глядѣла букой.... Я не могъ слишкомъ винить ее: въ ея положеніи,

ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Изо всѣхъ своихъ подругъ она сошлась только съ одной, некрасивой, загнанной и бѣдной дѣвушкой. Остальныя барышни, съ которыми она воспитывалась, большей частью изъ хорошихъ фамилій, не любили ее, язвили ее и кололи, какъ только могли; Ася имъ на волосъ не уступала. Однажды, на урокѣ изъ Закона Божія, преподаватель заговорилъ о порокахъ. «Лесть и трусость самые дурные пороки», громко промолвила Ася. Словомъ, она продолжала идти своей дорогой; только манеры ея стали лучше, хотя и въ этомъ отношеніи она, кажется, не много успѣла.

«Наконецъ ей минуло семнадцать лѣтъ; оставаться ей долѣе въ пансіонѣ было невозможно. Я находился въ довольно большомъ затрудненіи. Вдругъ мнѣ пришла благая мысль: выдти въ отставку, поѣхать за границу на годъ или на два и взять Асю съ собою. Задумано—сдѣлано, и вотъ мы съ ней на берегахъ Рейна, гдѣ я стараюсь заниматься живописью, а она... шалитъ и чудитъ по-прежнему. Но теперь я надѣюсь, что вы не станете судить ее слишкомъ строго; а она, хоть и притворяется, что ей все ни по чемъ,—мнѣніемъ каждаго дорожитъ, вашимъ же въ особенности.»

И Гагинъ опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крѣпко стиснулъ ему руку.

— Все такъ, заговорилъ опять Гагинъ: — но съ нею мнѣ бѣда. Порохъ она настоящій. До сихъ поръ ей никто не нравился, но бѣда, если она кого полюбитъ! Я иногда не знаю, какъ съ ней быть. На дняхъ она что вздумала: начала вдругъ увѣрять меня, что я къ ней сталъ холоднѣе прежняго, и что она одного меня любитъ и вѣкъ будетъ меня одного любить... И при этомъ такъ расплакалась...

— Такъ вотъ что.... промолвилъ было я, и прикусилъ языкъ.

— А скажите-ко мнѣ, спросилъ я Гагина: — дѣло между нами пошло на откровенность. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей до сихъ поръ никто не нравился? Въ Петербургѣ видала же она молодыхъ людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нѣтъ, Асѣ нуженъ герой, необыкновенный человѣкъ или живописный пастухъ въ

горномъ ущельи. А впрочемъ, я заболтался съ вами, задержалъ васъ, прибавилъ онъ, вставая.

— Послушайте, началъ я:—пойдемте къ вамъ, мнѣ домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего ни отвѣчалъ; Гагинъ добродушно усмѣхнулся и мы вернулись въ Л. Увидѣвъ знакомый виноградникъ и бѣлый домикъ на верху горы, я почувствовалъ какую-то сладость — именно, сладость на сердцѣ: точно мнѣ втихомолку меду туда налили. Мнѣ стало легко послѣ Гагинскаго разсказа.

IX.

Ася встрѣтила насъ на самомъ порогѣ дома; я снова ожидалъ смѣха; но она вышла къ намъ вся блѣдная, молчаливая, съ потупленными глазами.

— Вотъ онъ опять, заговорилъ Гагинъ:—и замѣть, самъ захотѣлъ вернуться.

Ася вопросительно посмотрѣла на меня. Я въ свою очередь протянулъ ей руку и на этотъ разъ крѣпко пожалъ ея холодные пальчики. Мнѣ стало очень жаль ея; теперь я многое понималъ въ ней, что прежде сбивало меня съ толку: ея внутреннее безпокойство, неумѣнье держать себя, желаніе порисоваться, —все мнѣ стало ясно. Я заглянулъ въ эту душу: тайный гнётъ давилъ ее постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбіе, но все существо ея стремилось къ правдѣ. Я понялъ, почему эта странная дѣвочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему ея тонкому тѣлу, привлекала она меня: ея душа мнѣ нравилась.

Гагинъ началъ копаться въ своихъ рисункахъ; я предложилъ Асѣ погулять со мною по винограднику. Она тотчасъ согласилась съ веселой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присѣли на широкую плиту.

— И вамъ не скучно было безъ насъ? начала Ася.

— А вамъ безъ меня было скучно? спросилъ я.

Ася взглянула на меня съ боку.

— Да, отвѣчала она.—Хорошо въ горахъ? продолжала она

тотчасъ:—онѣ высоки? Выше облаковъ? Разскажите мнѣ, что вы видѣли. Вы разсказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно жь вамъ было уходить, замѣтилъ я.

— Я уходила.... потому что.... Я теперь вотъ не уйду, прибавила она съ довѣрчивой лаской въ голосѣ: — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте....

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мнѣ было очень досадно, что вы такъ ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я радъ, что вернулся, промолвилъ я.

Ася повела плечами, какъ это часто дѣлаютъ дѣти, когда имъ хорошо.

— О, я умѣю отгадывать! продолжала она:—бывало, я по одному папашину кашлю изъ другой комнаты узнавала, доволенъ ли онъ мной, или нѣтъ.

До того дня Ася ни разу не говорила мнѣ о своемъ отцѣ. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? проговорилъ я, и вдругъ, къ великой моей досадѣ, почувствовалъ, что краснѣю.

Она ничего не отвѣчала и покраснѣла тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бѣжалъ и дымился пароходъ. Мы принялись глядѣть на него.

— Что же вы не разсказываете? прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня разсмѣялись, какъ только увидѣли меня? спросилъ я.

— Сама не знаю. Иногда мнѣ хочется плакать, а я смѣюсь. Вы не должны судить меня.... по тому, что я дѣлаю. Ахъ, кстати, что это за сказка о Лорелеѣ? Вѣдь это ея скала виднѣется? Говорятъ, она прежде всѣхъ топила, а какъ полюбила, сама бросилась въ воду. Мнѣ нравится эта сказка. Фрау Луизе мнѣ всякія сказки сказываетъ. У Фрау Луизе есть черный котъ съ желтыми глазами....

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ахъ, мнѣ хорошо, проговорила она.

Въ это мгновенье долетѣли до насъ отрывочные, однообраз-

ные звуки. Сотни голосовъ разомъ и съ мѣрными разстановками повторяли молитвенный напѣвъ: толпа богомольцевъ тянулась внизу по дорогѣ съ крестами и хоругвями.

— Вотъ бы пойти съ ними, сказала Ася, прислушиваясь къ постепенно ослабѣвавшимъ взрывамъ голосовъ.

— Развѣ вы такъ набожны?

— Пойти куда нибудь далеко, на молитву, на трудный подвигъ, продолжала она. А то дни уходятъ, жизнь уйдетъ, а что мы сдѣлали?

— Вы честолюбивы, замѣтилъ я:—вы хотите прожить не даромъ, слѣдъ за собой оставить....

— А развѣ это невозможно?

«Невозможно», чуть было не повторилъ я.... Но я взглянулъ въ ея свѣтлые глаза и только промолвилъ:

— Попытайтесь!

— Скажите, заговорила Ася, послѣ небольшаго молчанія, въ теченіе котораго какія-то тѣни пробѣжали у ней по лицу, уже успѣвшему поблѣднѣть:—вамъ очень нравилась та дама.... Вы помните, братъ пилъ ея здоровье въ развалинѣ, на второй день нашего знакомства?

Я засмѣялся.

— Вашъ братъ шутилъ; мнѣ ни одна дама не нравилась; по крайней мѣрѣ, теперь ни одна мнѣ не нравится.

— А что вамъ нравится въ женщинахъ? спросила Ася, закинувъ голову съ невиннымъ любопытствомъ.

— Какой странный вопросъ! воскликнулъ я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сдѣлать вамъ такой вопросъ, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать все, что мнѣ въ голову входитъ. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите, ради Бога, не бойтесь, подхватилъ я:—я такъ радъ, что вы наконецъ перестаете дичиться.

Ася потупилась и засмѣялась тихимъ и легкимъ смѣхомъ; я не зналъ за ней такого смѣха.

— Ну, разсказывайте же, продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая ихъ себѣ на ноги, точно она усаживалась на долго:—разсказывайте или прочтите что нибудь, какъ, помните, вы намъ читали изъ «Онѣгина»....

Она вдругъ задумалась.

«Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
«Надъ бѣдной матерью моей,»

проговорила она въ полголоса.

— У Пушкина не такъ, замѣтилъ я.

— А я хотѣла бы быть Татьяной, продолжала она все также задумчиво.—Разсказывайте, подхватила она съ живостью.

Но мнѣ было не до разсказовъ. Я глядѣлъ на нее, всю облитую яснымъ солнечнымъ лучомъ, всю успокоенную и кроткую. Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ нами—небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо! такъ же тихо отвѣчала она, не смотря на меня.—Еслибъ мы съ вами были птицы—какъ бы мы взвились, какъ бы полетѣли.... Такъ бы и утонули въ этой синевѣ.... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырости, возразилъ я

— Какъ такъ?

— Поживите—узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать.... Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? спросила она вдругъ.

— Умѣю, отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте.... Я попрошу брата съиграть намъ вальсъ.... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за нею—и нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ, подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувство-

вала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ея ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, на оживленномъ лицѣ, рѣзво обвѣянномъ кудрями.

X.

Весь этотъ день прошолъ какъ нельзя лучше. Мы веселились, какъ дѣти. Ася была очень мила и проста. Гагинъ радовался, глядя на нее. Я ушолъ поздно. Въѣхавши на средину Рейна, я попросилъ перевозчика пустить лодку внизъ по теченію. Старикъ поднялъ весла—и царственная рѣка понесла насъ. Глядя кругомъ, слушая, вспоминая, я вдругъ почувствовалъ тайное безпокойство на сердцѣ.... поднялъ глаза къ небу — но и въ небѣ не было покоя; испещренное звѣздами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился къ рѣкѣ.... но и тамъ, и въ этой темной, холодной глубинѣ, тоже колыхались, дрожали звѣзды; тревожное оживленіе мнѣ чудилось повсюду—и тревога росла во мнѣ самомъ. Я облокотился на край лодки.... Шопотъ вѣтра въ моихъ ушахъ, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свѣжее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запѣлъ на берегу, и заразилъ меня сладкимъ ядомъ своихъ звуковъ. Слезы закипали у меня на глазахъ; но то не были слезы безпредметнаго восторга. Что я чувствовалъ, было не то смутное, еще недавно испытанное ощущеніе необъемлющихъ желаній, когда душа ширится, звучитъ, когда ей кажется, что она все понимаетъ и все любитъ.... Нѣтъ! во мнѣ зажглась жажда счастія. Я еще не смѣлъ назвать его по имени, — но счастья, счастья до пресыщенія—вотъ чего хотѣлъ я, вотъ о чемъ томился.... А лодка все неслась, и старикъ-перевозчикъ сидѣлъ и дремалъ, наклонясь надъ веслами.

XI.

Отправляясь на слѣдующій день къ Гагинымъ, я не спрашивалъ себя, влюбленъ ли я въ Асю, но я много размышлялъ о

ней; ея судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближенію. Я чувствовалъ, что только со вчерашняго дня я узналъ ее; до тѣхъ поръ она отворачивалась отъ меня. И вотъ, когда она раскрылась наконецъ передо мною, какимъ плѣнительнымъ свѣтомъ озарился ея образъ, какъ онъ былъ новъ для меня, какія тайныя обаянія стыдливо въ немъ сквозили....

Бодро шолъ я по знакомой дорогѣ, безпрестанно посматривая на издали бѣлѣвшій домикъ; я не только о будущемъ—я о завтрашнемъ днѣ не думалъ; мнѣ было очень хорошо.

Ася покраснѣла, когда я вошелъ въ комнату; я замѣтилъ, что она опять принарядилась, но выраженіе ея лица не шло къ ея наряду: оно было печально. А я пришолъ такимъ веселымъ! Мнѣ показалось даже, что она, по обыкновенію своему, собралась было бѣжать, но сдѣлала усиліе надъ собою — и осталась. Гагинъ находился въ томъ особенномъ состояніи художническаго жара и ярости, которое, въ видѣ припадка, внезапно овладѣваетъ дилеттантами, когда они вообразятъ, что имъ удалось, какъ они выражаются: «поймать природу за хвостъ». Онъ стоялъ, весь взъерошенный и выпачканный красками, передъ натянутымъ холстомъ и, широко размахивая по немъ кистью, почти свирѣпо кивнулъ мнѣ головой, отодвинулся, прищурилъ глаза и снова накинулся на свою картину. Я не сталъ мѣшать ему и подсѣлъ къ Асѣ. Медленно обратились ко мнѣ ея темные глаза.

— Вы сегодня не такая, какъ вчера, замѣтилъ я, послѣ тщетныхъ усилій вызвать улыбку на ея губы.

— Нѣтъ, не такая, возразила она, неторопливымъ и глухимъ голосомъ.—Но это ничего. Я не хорошо спала, всю ночь думала.

— О чемъ?

— Ахъ, я о многомъ думала. Это у меня привычка съ дѣтства: еще съ того времени, когда я жила съ матушкой....

Она съ усиліемъ выговорила это слово, и потомъ еще разъ повторила:

— Когда я жила съ матушкой.... Я думала, отчего это никто не можетъ знать, что съ нимъ будетъ; а иногда и видишь бѣду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать

всей правды?... Потомъ я думала, что я ничего не знаю, что мнѣ надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умѣю играть на фортепьяно, не умѣю рисовать, я даже шью плохо. У меня нѣтъ никакихъ способностей, со мной должно быть очень скучно.

— Вы несправедливы къ себѣ, возразилъ я. — Вы много читали, вы образованы, и съ вашимъ умомъ....

— А я умна? спросила она съ такой наивной любознательностью, что я невольно засмѣялся, но она даже не улыбнулась. —Братъ, я умна? спросила она Гагина.

Онъ ничего не отвѣчалъ ей и продолжалъ трудиться, безпрестанно мѣняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня въ головѣ, продолжала Ася съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ.—Я иногда самой себя боюсь, ей Богу. Ахъ, я хотѣла бы.... Правда ли, что женщинамъ не слѣдуетъ читать много?

— Много не нужно, но....

— Скажите мнѣ, что я должна читать? скажите, что я должна дѣлать? Я все буду дѣлать, что вы мнѣ скажете, прибавила она, съ невинной довѣрчивостью обратясь ко мнѣ.

Я не тотчасъ нашолся, что сказать ей.

— Вѣдь вамъ не будетъ скучно со мной?

— Помилуйте, началъ я.

— Ну, спасибо! возразила Ася: — а я думала, что вамъ скучно будетъ.

И ея маленькая горячая рука крѣпко стиснула мою.

— Н.! вскрикнулъ въ эго мгновеніе Гагинъ: — не теменъ этотъ фонъ?

Я подошелъ къ нему. Ася встала и удалилась.

XII.

Она вернулась черезъ часъ, остановилась въ дверяхъ и подозвала меня рукою.

— Послушайте, сказала она:—еслибъ я умерла, вамъ было бы жаль меня?

— Что у васъ за мысли сегодня! воскликнулъ я.

— Я воображаю, что я скоро умру, мнѣ иногда кажется, что все вокругъ меня со мною прощается. Умереть лучше, чѣмъ жить такъ.... Ахъ! не глядите такъ на меня; я, право, не притворяюсь. А то я васъ опять бояться буду.

— Развѣ вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата, возразила она.—Видите, я ужь и смѣятся не могу....

Она осталась печальной и озабоченной до самаго вечера. Что-то происходило въ ней, чего я не понималъ. Ея взоръ часто останавливался на мнѣ; сердце мое тихо сжималось подъ этимъ загадочнымъ взоромъ. Она казалась спокойною — а мнѣ, глядя на нее, все хотѣлось сказать ей, чтобы она не волновалась.—Я любовался ею, я находилъ трогательную прелесть въ ея поблѣднѣвшихъ чертахъ, въ ея нерѣшительныхъ, замедленныхъ движеніяхъ — а ей по чему-то воображалось, что я не въ духѣ.

— Послушайте, сказала она мнѣ не за долго до прощанья:— меня мучитъ мысль, что вы меня считаете легкомысленной.... Вы впередъ всегда вѣрьте тому, что̀ я вамъ говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вамъ всегда буду говорить правду, даю вамъ честное слово....

Это «честное слово» опять заставило меня засмѣяться.

— Ахъ, не смѣйтесь, проговорила она съ живостью: — а то̀ я вамъ скажу сегодня то, что̀ вы мнѣ сказали вчера: — «зачѣмъ вы смѣетесь?»—и помолчавъ немного, она прибавила: — помните, вы вчера говорили о крыльяхъ?... Крылья у меня выросли—да летѣть некуда.

— Помилуйте, промолвилъ я:—передъ вами всѣ пути открыты....

Ася посмотрѣла мнѣ прямо и пристально въ глаза.

— Вы сегодня дурного мнѣнія обо мнѣ, сказала она, нахмуривъ брови.

— Я? дурного мнѣнія? о васъ!...

— Что это вы точно въ воду опущенные, перебилъ меня Гагинъ:—хотите, я, повчерашнему, съиграю вамъ вальсъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Ася и стиснула руки:—сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся....

— Ни за что, повторила она, блѣднѣя.

. . . . . .

«Неужели она меня любитъ?» думалъ я, подходя къ Рейну, быстро катившему темныя волны.

XIII.

«Неужели она меня любитъ?» спрашивалъ я себя на другой день, только что проснулся.—Я не хотѣлъ заглядывать въ самого себя. Я чувствовалъ, что ея образъ, образъ «дѣвушки съ натянутымъ смѣхомъ», втѣснился мнѣ въ душу, и что мнѣ отъ него не скоро отдѣлаться. — Я пошелъ въ Л. и остался тамъ цѣлый день; но Асю видѣлъ только мелькомъ. Ей нездоровилось; у ней голова болѣла. Она сошла внизъ, на минутку, съ повязаннымъ лбомъ, блѣдная, худенькая, съ почти-закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала:—«Это пройдетъ, это ничего, все пройдетъ, не правда ли?»—и ушла.—Мнѣ стало скучно и какъ-то грустно-пусто; я однако долго не хотѣлъ уходить и вернулся поздно, не увидавъ ея болѣе.

Слѣдующее утро прошло въ какомъ-то полу-снѣ сознанія; я хотѣлъ приняться за работу — не могъ; хотѣлъ ничего не дѣлать и не думать.... и это не удалось. Я бродилъ по городу, возвращался домой, выходилъ снова.

— Вы ли г-нъ Н?—раздался вдругъ за мною дѣтскій голосъ. Я оглянулся; передо мною стоялъ мальчикъ.—Это вамъ отъ фрейлейнъ Annette, прибавилъ онъ, подавая мнѣ записку.

Я развернулъ ее—и узналъ неправильный и быстрый почеркъ Аси.—«Я непремѣнно должна васъ видѣть, писала мнѣ она,—приходите сегодня въ четыре часа къ каменной часовнѣ на дорогѣ возлѣ развалины. Я сдѣлала сегодня большую неосторожность.... Придите, ради Бога, вы все узнаете.... Скажите посланному: да.»

— Будетъ отвѣтъ? спросилъ меня мальчикъ.

— Скажи, что: да, отвѣчалъ я. Мальчикъ убѣжалъ.

XIV.

Я пришолъ къ себѣ въ комнату, сѣлъ и задумался. Серд-

це во мнѣ сильно билось. Нѣсколько разъ перечелъ я записку Аси. Я посмотрѣлъ на часы: и двѣнадцати еще не было.

Дверь отворилась—вошолъ Гагинъ.

Лицо его было пасмурно. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее. Онъ казался очень взволнованнымъ.

— Что́ съ вами? спросилъ я.

Гагинъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ меня.—Четвертаго дня, началъ онъ съ принужденной улыбкой и запинаясь: — я удивилъ васъ своимъ разсказомъ; сегодня удивлю еще болѣе. — Съ другимъ я, вѣроятно, не рѣшился бы.... такъ прямо.... Но вы благородный человѣкъ, вы мнѣ другъ, не такъ ли?—Послушайте: моя сестра, Ася, въ васъ влюблена.

Я весь вздрогнулъ и приподнялся....

— Ваша сестра, говорите вы....

— Да, да, перебилъ меня Гагинъ. — Я вамъ говорю, она съумасшедшая, и меня съ ума сведетъ. Но, къ счастью, она не умѣетъ лгать—и довѣряетъ мнѣ. — Ахъ, что за душа у этой дѣвочки.... но она себя погубитъ, непремѣнно.

— Да вы ошибаетесь, началъ я....

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти цѣлый день пролежала, ничего не ѣла, впрочемъ не жаловалась.... Она никогда не жалуется.—Я не безпокоился, хотя къ вечеру у ней сдѣлался небольшой жаръ. Сегодня, въ два часа ночи, меня разбудила наша хазяйка: ступайте, говоритъ, къ вашей сестрѣ: съ ней что-то худо.—Я побѣжалъ къ Асѣ и нашелъ ее нераздѣтою, въ лихорадкѣ, въ слезахъ; голова у ней горѣла, зубы стучали. «Что съ тобой? спросилъ я: — ты больна?»—Она бросилась мнѣ на шею и начала умолять меня увезти ее, какъ можно скорѣе, если я хочу, чтобы она осталась въ живыхъ.... Я ничего не понимаю, стараюсь ее успокоить.... Рыданія ея усиливаются.... и вдругъ, сквозь эти рыданія, услышалъ я.... Ну словомъ, я услышалъ, что она васъ любитъ. — Увѣряю васъ, мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства; это находитъ на нее также неожиданно и также неотразимо, какъ гроза. — Вы очень милый человѣкъ, продолжалъ Гагинъ:—но почему она васъ такъ полюбила,—этого я, при-

знаюсь, не понимаю. Она говоритъ, что привязалась къ вамъ съ перваго взгляда. Отъ того она и плакала на дняхъ, когда увѣряла меня, что, кромѣ меня, никого любить не хочетъ. — Она воображаетъ, что вы ее презираете, что вы вѣроятно знаете, кто она; она спрашивала меня, не разсказалъ ли я вамъ ея исторію—я, разумѣется, сказалъ, что нѣтъ; но чуткость ея—просто страшна. Она желаетъ одного: уѣхать, уѣхать тотчасъ. — Я просидѣлъ съ ней до утра; она взяла съ меня слово, что насъ завтра же здѣсь не будетъ—и тогда только она заснула.—Я подумалъ, подумалъ, и рѣшился—поговорить съ вами. По моему, Ася права: самое лучшее — уѣхать намъ обоимъ отсюда. И я сегодня же бы увезъ ее, еслибъ не пришла мнѣ въ голову мысль, которая меня остановила. Можетъ быть... какъ знать?—вамъ сестра моя нравится?—Если такъ, съ какой стати я увезу ее? — Я вотъ и рѣшился, отбросивъ въ сторону всякій стыдъ.... Притомъ же я самъ кое-что замѣтилъ.... Я рѣшился.... узнать отъ васъ.... Бѣдный Гагинъ смутился.—Извините меня, пожалуйста, прибавилъ онъ: я не привыкъ къ такимъ передрягамъ.

Я взялъ его за руку.

— Вы хотите знать, произнесъ я твердымъ голосомъ: — нравится ли мнѣ ваша сестра?—Да, она мнѣ нравится....

Гагинъ взглянулъ на меня. — Но, проговорилъ онъ запинаясь:—вѣдь вы не женитесь на ней?

— Какъ вы хотите, чтобы я отвѣчалъ на такой вопросъ? Посудите сами, могу ли я теперь....

— Знаю, знаю, перебилъ меня Гагинъ.—Я не имѣю никакого права требовать отъ васъ отвѣта, и вопросъ мой—верхъ неприличія. — Но что прикажете дѣлать? Съ огнемъ шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она въ состояніи занемочь, убѣжать, свиданье вамъ назначить.... Другая умѣла бы все скрыть и выждать—но не она. Съ нею это въ первый разъ, — вотъ что бѣда! Еслибъ вы видѣли, какъ она сегодня рыдала у ногъ моихъ, вы бы поняли мои опасенія.

Я задумался. Слова Гагина: «свиданье вамъ назначить», кольнули меня въ сердце. Мнѣ показалось постыднымъ не отвѣчать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, сказалъ я наконецъ: — вы правы. Часъ тому на-

задъ, я получилъ отъ вашей сестры записку. Вотъ она.

Гагинъ взялъ записку, быстро пробѣжалъ ее и уронилъ руки на колѣни. Выраженіе изумленія на его лицѣ было очень забавно, но мнѣ было не до смѣху.

— Вы, повторяю, благородный человѣкъ, проговорилъ онъ: —но что же теперь дѣлать? Какъ? она сама хочетъ уѣхать, и пишетъ къ вамъ и упрекаетъ себя въ неосторожности.... и когда это она успѣла написать? Чегожь она хочетъ отъ васъ?

Я успокоилъ его, и мы принялись толковать, хладнокровно, по мѣрѣ возможности, о томъ, что̀ намъ слѣдовало предпринять.

Вотъ на чемъ мы остановились наконецъ: во избѣжаніе бѣды, я долженъ былъ идти на свиданье и честно объясниться съ Асей; Гагинъ обязался сидѣть дома и не подать вида, что ему извѣстна ея записка; а вечеромъ мы положили сойтись опять.

— Я твердо надѣюсь на васъ, сказалъ Гагинъ и стиснулъ мнѣ руку:—пощадите и ее, и меня. А уѣзжаемъ мы все таки завтра, прибавилъ онъ вставая:—потому что вѣдь вы на Асѣ не женитесь.

— Дайте мнѣ сроку до вечера, возразилъ я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Онъ ушелъ, а я бросился на диванъ и закрылъ глаза. Голова у меня ходила кругомъ: слишкомъ много впечатлѣній въ нее нахлынуло разомъ. Я досадовалъ на откровенность Гагина, я досадовалъ на Асю, ея любовь меня и радовала и смущала. Я не могъ понять, что̀ заставило ее все высказать брату; неизбѣжность скораго, почти мгновеннаго рѣшенія, терзала меня....

«Жениться на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, съ ея нравомъ, какъ это можно?» сказалъ я, вставая.

XV.

Въ условленный часъ переправился я черезъ Рейнъ и первое лицо, встрѣтившее меня на противоположномъ берегу, былъ самый тотъ мальчикъ, который приходилъ ко мнѣ по утру. Онъ, повидимому, ждалъ меня.

— Отъ фрейлейнъ Annette, сказалъ онъ шопотомъ, и подалъ мнѣ другую записку.

Ася извѣщала меня о перемѣнѣ мѣста нашего свиданія. Я долженъ былъ придти черезъ полтора часа, не къ часовнѣ, а въ домъ къ Фрау Луизе, постучаться внизу и войти въ третій этажъ.

— Опять: да? спросилъ меня мальчикъ.

— Да, повторилъ я, и пошелъ къ берегу Рейна. Вернуться домой было некогда, я не хотѣлъ бродить по улицамъ. За городской стѣною находился маленькій садъ съ навѣсомъ для кеглей и столами для любителей пива. Я вошелъ туда. Нѣсколько уже пожилыхъ нѣмцевъ играли въ кегли; со стукомъ катились деревянные шары, изрѣдка раздавались одобрительныя восклицанія. Хорошенькая служанка съ заплаканными глазами принесла мнѣ кружку пива; я взглянулъ въ ея лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да, промолвилъ тутъ же сидѣвшій толстый и краснощекій гражданинъ:—Ганнхенъ наша сегодня очень огорчена. Женихъ ея пошелъ въ солдаты. Я посмотрѣлъ не нее: она прижалась въ уголокъ и подперла рукою щеку; слезы капали одна за другой по ея пальцамъ. Кто-то спросилъ пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на свое мѣсто. Ея горе подѣйствовала на меня; я началъ думать объ ожидавшемъ меня свиданіи: но мои думы были заботливыя, невеселыя думы. Не съ легкимъ сердцемъ шолъ я на это свиданіе; не предаваться радостямъ взаимной любви предстояло мнѣ; мнѣ предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. «Съ ней шутить нельзя»—эти слова Гагина, какъ стрѣлы, впились въ мою душу. А еще четвертаго дня, въ этой лодкѣ, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможнымъ—и я колебался, я отталкивалъ, я долженъ былъ оттолкнуть его прочь.... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, съ ея огненной головой, съ ея прошедшимъ, съ ея воспитаніемъ, это привлекательное, но странное существо—признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мнѣ чувства. Назначенный срокъ приближался. «Я не могу на ней жениться», рѣшилъ я наконецъ:—«она не узнаетъ, что и я полюбилъ ее».

Я всталъ,—и, положивъ талеръ въ руку бѣдной Ганнхенъ,

(она даже не поблагодарила меня), направился къ дому Фрау Луизе. Вечернія тѣни уже разливались въ воздухѣ и узкая полоса неба, надъ темной улицей, алѣла отблескомъ зари. Я слабо стукнулъ въ дверь; она тотчасъ отворилась. Я переступилъ порогъ и очутился въ совершенной темнотѣ.

— Сюда! послышался старушечій голосъ. Васъ ждутъ.

Я шагнулъ раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, Фрау Луизе? спросилъ я.

— Я, отвѣчалъ мнѣ тотъ же голосъ:—я, мой прекрасный молодой человѣкъ. Старуха повела меня опять вверхъ, по крутой лѣстницѣ, и остановилась на площадкѣ третьяго этажа. При слабомъ свѣтѣ, падавшаго изъ крошечнаго окошка, я увидалъ морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно лукавая улыбка растягивала ея ввалившіяся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мнѣ на маленькую дверь. Судорожнымъ движеніемъ руки отворилъ я ее и захлопнулъ за собою.

XVI.

Въ небольшой комнаткѣ, куда я вошолъ, было довольно темно, и я не тотчасъ увидѣлъ Асю. Закутанная въ длинную шаль, она сидѣла на стулѣ, возлѣ окна, отвернувъ и почти спрятавъ голову, какъ испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мнѣ стало несказанно жалко ея. Я подошелъ къ ней. Она еще больше отвернула голову....

— Анна Николаевна, сказалъ я.

Она вдругъ вся выпрямилась, хотѣла взглянуть на меня— и не могла. Я схватилъ ея руку, она была холодна и лежала какъ мертвая на моей ладони.

— Я желала.... начала Ася, стараясь улыбнуться, но ея блѣдныя губы не слушались ея:—я хотѣла.... Нѣтъ, не могу, проговорила она и умолкла. Дѣйствительно, голосъ ея прерывался на каждомъ словѣ.

Я сѣлъ подлѣ нея.

— Анна Николаевна, повторилъ я, и тоже не могъ ничего прибавить.

Настало молчаніе. Я продолжалъ держать ея руку и глядѣлъ на нее. Она, по прежнему, вся сжималась, дышала съ трудомъ и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы незаплакать, чтобы удержать накипавшія слезы.... Я глядѣлъ на нее: было что-то трогательно-безпомощное въ ея робкой неподвижности: точно она отъ усталости едва добралась до стула и такъ и упала на него. Сердце во мнѣ растаяло....

— Ася, сказалъ я, едва слышно....

Она медленно подняла на меня свои глаза.... О, взглядъ женщины, которая полюбила,—кто тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались.... Я не могъ противиться ихъ обоянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами; я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ....

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ, дрожавшей руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все, я потянулъ ее къ себѣ —покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ, и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы....

— Ваша.... прошептала она, едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана.... Но вдругъ воспоминаніе о Гагинѣ, какъ молнія, меня озарило.—Что мы дѣлаемъ! воскликнулъ я и судорожно отодвинулся назадъ.... Вашъ братъ.... вѣдь онъ все знаетъ.... Онъ знаетъ, что я вижусь съ вами.

Ася опустилась на стулъ.

— Да, продолжалъ я, вставая и отходя на другой уголъ комнаты. — Вашъ братъ все знаетъ.... Я долженъ былъ ему все сказать.

— Должны? проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще придти въ себя и плохо меня понимала.

— Да, да, повторилъ я съ какимъ-то ожесточеніемъ: — и въ этомъ вы однѣ виноваты, вы однѣ.—Зачѣмъ вы сами вы-

дали вашу тайну? Кто заставлялъ васъ все высказать вашему брату? Онъ сегодня былъ самъ у меня и передалъ мнѣ вашъ разговоръ съ нимъ. — Я старался не глядѣть на Асю и ходилъ большими шагами по комнатѣ. Теперь все пропало, все, все.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, воскликнулъ я: — останьтесь, прошу васъ. Вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ—да, съ честнымъ человѣкомъ.—Но, ради Бога, что взволновало васъ? Развѣ вы замѣтили во мнѣ какую перемѣну? А я не могъ скрываться передъ вашимъ братомъ, когда онъ пришелъ сегодня ко мнѣ.

«Что я такое говорю?» думалъ я про себя и мысль, что я безнравственный обманщикъ, что Гагинъ знаетъ о нашемъ свиданіи, что все искажено, обнаружено, перепутано,—такъ и звенѣла у меня въ головѣ.

— Я не звала брата, послышался испуганный шопотъ Аси: онъ пришелъ самъ.

— Посмотрите же, что вы надѣлали, продолжалъ я. Теперь вы хотите уѣхать.

— Да, я должна уѣхать, такъ же тихо проговорила она:— я и попросила васъ сюда для того только, чтобы проститься съ вами.

— И вы думаете, возразилъ я:—мнѣ будетъ легко съ вами разстаться?

— Но зачѣмъ же вы сказали брату? съ недоумѣніемъ повторила Ася.

— Я вамъ говорю—я не могъ поступить иначе. Еслибъ вы сами не выдали себя....

— Я заперлась въ моей комнатѣ, возразила она простодушно:—я не знала, что у моей хозяйки былъ другой ключъ....

Это невинное извиненіе, въ ея устахъ, въ такую минуту— меня тогда чуть не разсердило.... а теперь я безъ умиленія не могу его вспомнить. Бѣдное, честное, искреннее дитя!

— И вотъ теперь все кончено! началъ я снова.—Все. Теперь намъ должно разстаться. Я украдкой взглянулъ на Асю... лицо ея быстро краснѣло. Ей, я это чувствовалъ, и стыдно становилось, и страшно. Я самъ ходилъ и говорилъ какъ въ лихорадкѣ.—Вы не дали развиться чувству, которое начинало

созрѣвать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имѣли ко мнѣ довѣрія, вы усомнились во мнѣ....

Пока я говорилъ, Ася все больше и больше наклонялась впередъ—и вдругъ упала на колѣни, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбѣжалъ къ ней, пытался поднять ее, но она мнѣ не давалась. Я не выношу женскихъ слезъ: при видѣ ихъ я теряюсь тотчасъ.

— Анна Николаевна, Ася, твердилъ я:—пожалуйста, умоляю васъ, ради Бога, перестаньте.... Я снова взялъ ее за руку....

Но къ величайшему моему изумленію, она вдругъ вскочила, —съ быстротою молніи бросилась къ двери и исчезла....

Когда нѣсколько минутъ спустя, Фрау Луизе вошла въ комнату—я все еще стоялъ по самой серединѣ ея, ужь точно какъ громомъ пораженный. Я не понималъ, какъ могло это свиданіе такъ быстро, такъ глупо кончиться—кончиться, когда и я сотой доли не сказалъ того, что хотѣлъ, что долженъ былъ сказать, когда я еще самъ не зналъ, чѣмъ оно могло разрѣшиться...,

— Фрейлейнъ ушла? спросила меня Фрау Луизе, приподнявъ свои желтыя брови до самой накладки.

Я посмотрѣлъ на нее какъ дуракъ—и вышелъ вонъ.

XVII.

Я выбрался изъ города и пустился прямо въ поле. Досада, досада бѣшеная, меня грызла. Я осыпалъ себя укоризнами. Какъ я могъ не понять причину, заставившую Асю перемѣнить мѣсто нашего свиданія, какъ не оцѣнить, чего ей стоило придти къ этой старухѣ, какъ я не удержалъ ее! Наединѣ съ ней, въ той глухой, едва освѣщенной комнатѣ, у меня достало силы, достало духа—оттолкнуть ее отъ себя, даже упрекать ее.... А теперь ея образъ меня преслѣдовалъ, я просилъ у ней прощенія, воспоминанія объ этомъ блѣдномъ лицѣ, объ этихъ влажныхъ и робкихъ глазахъ, о развитыхъ волосахъ на наклоненной шеѣ, о легкомъ прикосновеніи ея головы къ моей груди—жгли меня. «Ваша».... слышался мнѣ ея ше-

потъ. «Я поступилъ по совѣсти» — увѣрялъ я себя.... Неправда! Развѣ я точно хотѣлъ такой развязки? развѣ я въ состояньи съ ней разстаться? Развѣ я могу лишиться ея? Безумецъ! Безумецъ! повторялъ я съ озлобленіемъ....

Между тѣмъ ночь наступала. Большими шагами направился я къ дому, гдѣ жила Ася.

XVIII.

Гагинъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу.

— Видѣли вы сестру? закричалъ онъ мнѣ еще издали.

— Развѣ ея нѣтъ дома? спросилъ я.

— Нѣтъ!

— Она не возвращалась?

— Нѣтъ. Я, виноватъ, продолжалъ Гагинъ: — не могъ утерпѣть: противъ нашего уговора, ходилъ къ часовнѣ; тамъ ея не было; стало-быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы ея не видѣли?

Я долженъ былъ сознаться, что я ее видѣлъ.

— Гдѣ?

— У Фрау Луизе.—Я разстался съ ней часъ тому назадъ, прибавилъ я:—я былъ увѣренъ, что она домой вернулась.

— Подождемъ, сказалъ Гагинъ.

Мы вошли въ домъ и сѣли другъ подлѣ друга. Мы молчали. Намъ очень неловко было обоимъ. Мы безпрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконецъ Гагинъ всталъ.

— Это ни на что не похоже! воскликнулъ онъ: — у меня сердце не на мѣстѣ. Она меня уморитъ, ей-Богу.... пойдемте искать ее.

Мы вышли. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло.

— О чемъ же вы съ ней говорили? спросилъ меня Гагинъ, надвигая шляпу на глаза.

— Я видѣлся съ ней всего минутъ пять, отвѣчалъ я: — я говорилъ съ ней, какъ было условлено.

— Знаете ли что? возразилъ онъ:—лучше намъ разойтись, эдакъ мы скорѣе на нее наткнуться можемъ. — Во всякомъ случаѣ, приходите сюда черезъ часъ.

XIX.

Я проворно спустился съ виноградника и бросился въ городъ. Быстро обошелъ я всѣ улицы, заглянулъ всюду, даже въ окна Фрау-Луизе, вернулся къ Рейну и побѣжалъ по берегу.... Изрѣдка попадались мнѣ женскія фигуры; но Аси нигдѣ не было видно. Уже не досада меня грызла,—тайный страхъ терзалъ меня, и не одинъ страхъ я чувствовалъ.... нѣтъ, я чувствовалъ раскаяніе, сожалѣніе самое жгучее, любовь—да! самую нѣжную любовь. Я ломалъ руки, я звалъ Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва въ полъ-голоса, потомъ все громче и громче; я повторялъ сто разъ, что я ее люблю, я клялся никогда съ ней не разставаться; я бы далъ все на свѣтѣ, чтобы опять держать ея холодную руку, опять слышать ея тихій голосъ, опять видѣть ее передъ собою.... Она была такъ близка, она пришла ко мнѣ съ полной рѣшимостью, въ полной невинности сердца и чувствъ, она принесла мнѣ свою нетронутую молодость.... и я не прижалъ ее къ своей груди, я лишилъ себя блаженства увидать, какъ ея милое лицо разцвѣло бы радостью и тишиною восторга.... Эта мысль меня съ ума сводила.

«Куда могла она пойти, что̀ она съ собою сдѣлала?» восклицалъ я въ тоскѣ безсильнаго отчаянія.... Что-то бѣлое мелькнуло вдругъ на самомъ берегу рѣки.—Я зналъ это мѣсто: тамъ, надъ могилой человѣка, утонувшаго лѣтъ семдесятъ тому назадъ, стоялъ до половины вросшій въ землю каменный крестъ съ старинной надписью. — Сердце во мнѣ замерло.... Я подбѣжалъ къ кресту: бѣлая фигура исчезла; я крикнулъ: «Ася!» Дикій голосъ мой испугалъ меня самого— но никто не отозвался....

Я рѣшился пойти узнать, не нашелъ ли ее Гагинъ.

XX.

Быстро взбираясь по тропинкѣ виноградника, я увидѣлъ свѣтъ въ комнатѣ Аси.... Это меня нѣсколько успокоило.

Я подошелъ къ дому; дверь внизу была заперта; я постучался. Неосвѣщенное окошко въ нижнемъ этажѣ осторожно отворилось и показалась голова Гагина.

— Нашли? спросилъ я его.

— Она вернулась, отвѣчалъ онъ мнѣ шопотомъ: — она въ своей комнатѣ и раздѣвается. Все въ порядкѣ.

— Слава Богу! воскликнулъ я съ несказаннымъ порывомъ радости:—слава Богу! Теперь все прекрасно. Но вы знаете, мы должны еще переговорить.

— Въ другое время, возразилъ онъ, тихо потянувъ къ себѣ раму:—въ другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, промолвилъ я:—завтра все будетъ рѣшено.

— Прощайте, повторилъ Гагинъ. Окно затворилось.

Я чуть было не постучалъ въ окно. Я хотѣлъ тогда же сказать Гагину, что я прошу руку его сестры. Но такое сватанье, въ такую пору.... До завтра, подумалъ я:—завтра я буду счастливъ....

Завтра я буду счастливъ! У счастья нѣтъ завтрашняго дня; у него нѣтъ и вчерашняго; оно не помнитъ прошедшаго, не думаетъ о будущемъ; у него есть настоящее,—и то не день, а мгновенье.

Я не помню, какъ дошелъ я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какія-то широкія, сильныя крылья. Я прошелъ мимо куста, гдѣ пѣлъ соловей; я остановился и долго слушалъ: мнѣ казалось, онъ пѣлъ мою любовь и мое счастье.

XXI.

Когда на другой день утромъ я сталъ подходить къ знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: всѣ окна въ немъ были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какія-то

бумажки валялись передъ порогомъ; служанка съ метлой показалась за дверью.

Я приблизился къ ней....

— Уѣхали! брякнула она, прежде чѣмъ я успѣлъ спросить ее: дома ли Гагинъ?

— Уѣхали?... повторилъ я.... Какъ уѣхали? Куда?

— Уѣхали сегодня утромъ въ шесть часовъ и не сказали куда. Постойте, вѣдь вы, кажется, г-нъ Н?

— Я г-нъ Н.

— Къ вамъ есть письмо у хозяйки. Служанка пошла на верхъ и вернулась съ письмомъ.—Вотъ-съ, извольте.

— Да не можетъ быть.... Какъ же это такъ?... началъ было я. Служанка тупо посмотрѣла на меня и принялась мести.

Я развернулъ письмо. Ко мнѣ писалъ Гагинъ; отъ Аси не было строчки. Онъ началъ съ того, что просилъ не сердиться на него за внезапный отъѣздъ; онъ былъ увѣренъ, что, по зрѣломъ соображеніи, я одобрю его рѣшеніе. Онъ не находилъ другаго выхода изъ положенія, которое могло сдѣлаться затруднительнымъ и опаснымъ. — «Вчера вечеромъ, писалъ онъ, пока «мы оба молча ожидали Асю, я убѣдился окончательно въ не«обходимости разлуки. Есть предразсудки, которые я уважаю; «я понимаю, что вамъ нельзя жениться на Асѣ. Она мнѣ все «сказала; для ея спокойствія я долженъ былъ уступить ея пов«тореннымъ, усиленнымъ просьбамъ».—Въ концѣ письма онъ изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что наше знакомство такъ скоро прекратилось, желалъ мнѣ счастья, дружески жалъ мнѣ руку и умолялъ меня не стараться ихъ отыскивать.

«Какіе предразсудки? вскричалъ я, какъ будто онъ могъ меня слышать:—что за вздоръ! Кто далъ право похитить ее у меня».... Я схватилъ себя за голову....

Служанка начала громко кликать хозяйку: ея испугъ заставилъ меня придти въ себя. Одна мысль во мнѣ загорѣлась: сыскать ихъ, сыскать, во что бы то ни стало. Принять этотъ ударъ, примириться съ такою развязкой было невозможно. Я узналъ отъ хозяйки, что они въ шесть часовъ утра сѣли на пароходъ и поплыли внизъ по Рейну. Я отправился въ контору: тамъ мнѣ сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошелъ домой съ тѣмъ, чтобы тотчасъ уложиться и поплыть

вслѣдъ за ними. Мнѣ пришлось идти мимо дома Фрау Луизе... Вдругъ я слышу: меня кличетъ кто-то. Я поднялъ голову и увидалъ въ окнѣ той самой комнаты, гдѣ я наканунѣ видѣлся съ Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошелъ было мимо; но она мнѣ крикнула вслѣдъ, что у ней есть что-то для меня. Эти слова меня остановили и я вошелъ въ ея домъ. Какъ передать мои чувства, когда я увидалъ опять эту комнатку....

— По настоящему, начала старуха, показывая мнѣ маленькую записку: — я бы должна была дать вамъ это только въ случаѣ, еслибъ вы зашли ко мнѣ сами, но вы такой прекрасный молодой человѣкъ. Возмите.

Я взялъ записку.

На крошечномъ клочкѣ бумаги стояли слѣдующія слова, торопливо начерченныя карандашомъ:

«Прощайте, мы не увидимся болѣе. Не изъ гордости я уѣзжаю—нѣтъ, мнѣ нельзя иначе. Вчера, когда я плакала передъ вами, еслибъ вы мнѣ сказали одно слово, одно только слово—я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, такъ лучше... Прощайте навсегда».

Одно слово.... О, я безумецъ! Это слово.... я со слезами повторялъ его наканунѣ, я расточалъ его на вѣтеръ, я твердилъ его среди пустыхъ полей.... но я не сказалъ его ей, я не сказалъ ей, что я люблю ее.... Да я и не могъ произнести тогда это слово. Когда я встрѣтился съ ней въ той роковой комнатѣ, во мнѣ еще не было яснаго сознанія моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидѣлъ съ ея братомъ въ безсмысленномъ и тягостномъ молчаніи.... оно вспыхнуло съ неудержимой силой, лишь нѣсколько мгновеній спустя, когда испуганный возможностью несчастья, я сталъ искать и звать ее, но ужь тогда было поздно. «Да это невозможно!» скажутъ мнѣ; не знаю, возможно ли это—знаю, что это правда. Ася бы не уѣхала, еслибъ въ ней была хоть тѣнь кокетства, и еслибъ ея положеніе не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы: я этого не понялъ. Недобрый мой геній остановилъ признаніе на устахъ моихъ при послѣднемъ свиданіи съ Гагинымъ передъ потемнѣвшимъ окномъ,

и послѣдняя нить, за которую я еще могъ ухватиться—выскользнула изъ рукъ моихъ.

Въ тотъ же день вернулся я съ уложеннымъ чемоданомъ въ городъ Л. и поплылъ въ Кёльнъ. Помню, пароходъ уже отчаливалъ, и я мысленно прощался съ этими улицами, со всѣми этими мѣстами, которыя я уже никогда не долженъ былъ позабыть, я увидѣлъ Ганнхенъ. Она сидѣла возлѣ берега на скамьѣ. Лицо ея было блѣдно, но не грустно; молодой красивый парень стоялъ съ ней рядомъ и, смѣясь, разсказывалъ ей что-то; а на другой сторонѣ Рейна, маленькая моя Мадонна все такъ же печально выглядывала изъ темной зелени стараго ясеня.

XXII.

Въ Кёльнѣ я напалъ на слѣдъ Гагиныхъ; я узналъ, что они поѣхали въ Лондонъ; я пустился вслѣдъ за ними; но въ Лондонѣ всѣ мои розыски остались тщетными. Я долго не хотѣлъ смириться, долго упорствовалъ, но я долженъ былъ отказаться наконецъ отъ надежды настигнуть ихъ.

И я не увидѣлъ ихъ болѣе — я не увидѣлъ Аси. Темные слухи доходили до меня о немъ, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, я мелькомъ увидалъ за границей, въ вагонѣ желѣзной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мнѣ незабвенныя черты.... но я, вѣроятно, былъ обманутъ случайнымъ сходствомъ. Ася осталась въ моей памяти той самой дѣвочкой, какою я знавалъ ее въ лучшую пору моей жизни, какой я ее видѣлъ въ послѣдній разъ наклоненной на спинку низкаго деревяннаго стула.

Впрочемъ, я долженъ сознаться, что я не слишкомъ долго грустилъ по ней: я даже нашелъ, что судьба хорошо распорядилась, не соединивъ меня съ Асей; я утѣшался мыслію, что я вѣроятно не былъ бы счастливъ съ такой женой. Я былъ тогда молодъ и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мнѣ безпредѣльнымъ. Развѣ не можетъ повториться то, что было, думалъ я, и еще лучше, еще прекраснѣе?... Я зналъ другихъ женщинъ, — но чувство, возбужденное во мнѣ

Асей, то жгучее, нѣжное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нѣтъ! ни одни глаза не замѣнили мнѣ тѣхъ, когда-то съ любовью устремленныхъ на меня глазъ, ни на чье сердце, припавшее къ моей груди, не отвѣчало мое сердце такимъ радостнымъ и сладкимъ замираніемъ! Осужденный на одиночество безсемейнаго бобыля, доживаю я скучные годы; но я храню, какъ святыню, ея записочки и высохшій цвѣтокъ гераніума, тотъ самый цвѣтокъ, который она нѣкогда мнѣ бросила изъ окна. Онъ до сихъ поръ издаетъ слабый запахъ, а рука, мнѣ давшая его, та рука, которую мнѣ только разъ пришлось прижать къ губамъ моимъ, быть можетъ, давно уже тлѣетъ въ могилѣ.... И я самъ—что сталось со мною? Что осталось отъ меня, отъ тѣхъ блаженныхъ и тревожныхъ дней, отъ тѣхъ крылатыхъ надеждъ и стремленій? Такъ легкое испареніе ничтожной травки переживаетъ всѣ радости и всѣ горести человѣка—переживаетъ самаго человѣка.

Римъ, 1857 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

—

....Гости давно разъѣхались. Часы пробили половину перваго. Въ комнатѣ остались только хозяинъ, да Сергѣй Николаевичъ, да Владиміръ Петровичъ.

Хозяинъ позвонилъ и велѣлъ принять остатки ужина. — И такъ это дѣло рѣшенное, промолвилъ онъ, глубже усаживаясь въ кресло и закуривъ сигару:—каждый изъ насъ обязанъ разсказать исторію своей первой любви. За вами очередь, Сергѣй Николаевичъ.

Сергѣй Николаевичъ, кругленькій человѣкъ съ пухленькимъ бѣлокурымъ лицомъ, посмотрѣлъ сперва на хозяина, потомъ поднялъ глаза къ потолку. — У меня не было первой любви, сказалъ онъ наконецъ: я прямо началъ со второй.

— Это какимъ образомъ?

— Очень просто. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ приволокнулся за одной весьма миленькой барышней; но я ухаживалъ за ней такъ, какъ будто дѣло это было мнѣ не вновѣ: точно такъ, какъ я ухаживалъ потомъ за другими. Собственно говоря, въ первый и послѣдній разъ я влюбился, лѣтъ шести, въ свою няню; — но этому очень давно. Подробности нашихъ отношеній изгладились изъ моей памяти, да еслибъ я ихъ и помнилъ, кого это можетъ интересовать?

— Такъ какъ же быть? началъ хозяинъ.—Въ моей первой любви тоже не много занимательнаго: я ни въ кого не влюблялся до знакомства съ Анной Ивановной, моей теперешней женой—и все у насъ шло какъ по маслу: отцы насъ сосватали, мы очень скоро полюбились другъ другу и вступили въ бракъ, не мѣшкая. Моя сказка двумя словами сказывается. Я, господа, признаюсь, поднимая вопросъ о первой любви — надѣялся на васъ, не скажу старыхъ, но и не молодыхъ холостяковъ. Развѣ вы насъ чѣмъ нибудь потѣшите, Владиміръ Петровичъ?

— Моя первая любовь принадлежитъ дѣйствительно къ числу не совсѣмъ обыкновенныхъ, отвѣтилъ съ небольшой запинкой Владиміръ Петровичъ, человѣкъ лѣтъ сорока, черноволосый съ просѣдью.

— А! промолвили хозяинъ и Сергѣй Николаевичъ въ одинъ голосъ.—Тѣмъ лучше.... Разсказывайте.

— Извольте.... или нѣтъ: разсказывать я не стану; я не мастеръ разсказывать: выходитъ сухо и коротко или пространно и фальшиво; а если позволите, я запишу, все что вспомню въ тетрадку—и прочту вамъ.

Пріятели сперва не согласились, но Владиміръ Петровичъ настоялъ на своемъ. Черезъ двѣ недѣли они опять сошлись, и Владиміръ Петровичъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Вотъ что стояло въ его тетрадкѣ:

I.

Мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ. Дѣло происходило лѣтомъ 1833 года.

Я жилъ въ Москвѣ у моихъ родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, противъ Нескучнаго.—Я готовился въ университетъ, но работалъ очень мало и не торопясь.

Никто не стѣснялъ моей свободы. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ послѣднимъ моимъ гувернеромъ французомъ, который никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что онъ упалъ, «какъ бомба» (comme une bombe) въ Россію, и съ ожесточеннымъ выраженіемъ на лицѣ, по цѣ-

лымъ днямъ валялся на постелѣ. Отецъ обходился со мной равнодушно-лесково; матушка почти не обращала на меня вниманія, хотя у нея кромѣ меня не было дѣтей: другія заботы ее поглощали. Мой отецъ, человѣкъ еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: безпрестанно волновалась, ревновала, сердилась — но не въ присутствіи отца; она очень его боялась, а онъ держался строго, холодно, отдаленно.... Я не видалъ человѣка болѣе изысканно-спокойнаго, самоувѣреннаго и самовластнаго.

Я никогда не забуду первыхъ недѣль, проведенныхъ мною на дачѣ. Погода стояла чудесная; мы переѣхали изъ города 9 мая, въ самый Николинъ день. Я гулялъ—то въ саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; бралъ съ собою какую-нибудь книгу—курсъ Кайданова, напримѣръ,—но рѣдко ее развертывалъ, а больше вслухъ читалъ стихи, которыхъ зналъ очень много на память; кровь бродила во мнѣ, и сердце ныло—такъ сладко и смѣшно; я все ждалъ, робѣлъ чего-то и всему дивился и весь былъ наготовѣ; фантазія играла и носилась быстро вокругъ однихъ и тѣхъ-же представленій, какъ на зарѣ стрижи вокругъ колокольни; я задумывался, грустилъ и даже плакалъ; но и сквозь слезы и сквозь грусть, навѣянную то нѣвучимъ стихомъ, то красотою вечера, проступало, какъ весенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни.

У меня была верховая лошадка; я самъ ее сѣдлалъ и уѣзжалъ одинъ куда нибудь подальше, пускался вскачь и воображалъ себя рыцаремъ на турнирѣ — какъ весело дулъ мнѣ въ уши вѣтеръ! — или, обративъ лицо къ небу, принималъ его сіяющій свѣтъ и лазурь въ разверстую душу.

Помнится, въ то время, образъ женщины, призракъ женской любви почти никогда не возникалъ опредѣленными очертаніями въ моемъ умѣ; но во всемъ, что я думалъ, во всемъ, что я ощущалъ, таилось полусознанное, стыдливое предчувствіе чего-то новаго, несказанно-сладкаго, женскаго....

Это предчувствіе, это ожиданіе проникло весь мой составъ; я дышалъ имъ, оно катилось по моимъ жиламъ въ каждой каплѣ крови.... ему было суждено скоро сбыться.

Дача наша состояла изъ деревяннаго барскаго дома съ ко-

лонами и двухъ низенькихъ флигельковъ; во флигелѣ налѣво помѣщалась крохотная фабрика дешевыхъ обоевъ.... Я не разъ хаживалъ туда смотрѣть какъ десятокъ худыхъ и взъерошенныхъ мальчишекъ въ засаленныхъ халатахъ и съ испитыми лицами то-и-дѣло вскакивали на деревянные рычаги, нажимавшіе четырехъ-угольные обрубки прессъ, и такимъ образомъ тяжестью своихъ щедушныхъ тѣлъ вытискивали пестрые узоры обоевъ. Флигелекъ направо стоялъ пустой и отдавался въ наймы. Въ одинъ день—недѣли три спустя послѣ 9 мая—ставни въ окнахъ этого флигелька открылись, показались въ нихъ женскія лица—какое-то семейство въ немъ поселилось. Помнится, въ тотъ же день за обѣдомъ, матушка освѣдомилась у дворецкаго о томъ, кто были наши новые сосѣди и, услыхавъ фамилію княгини Засѣкиной, сперва промолвила не безъ нѣкотораго уваженія: а! княгиня.... а потомъ прибавила: должно быть, бѣдная какая нибудь.

— На трехъ извощикахъ пріѣхали-съ, замѣтилъ, почтительно подавая блюдо, дворецкій; своего экипажа не имѣютъ-съ, и мебель самая пустая.

— Да, возразила матушка, а все-таки лучше.

Отецъ холодно взглянулъ на нее: она умолкла.

Дѣйствительно, княгиня Засѣкина не могла быть богатой женщиной: нанятый ею флигелекъ былъ такъ ветхъ, и малъ, и низокъ, что люди, хотя нѣсколько зажиточные, не согласились бы поселиться въ немъ.—Впрочемъ, я тогда пропустилъ это все мимо ушей. Княжескій титулъ на меня мало дѣйствовалъ: я недавно прочелъ «Разбойниковъ» Шиллера.

II.

У меня была привычка бродить каждый вечеръ съ ружьемъ по нашему саду и караулить воронъ. — Къ этимъ осторожнымъ, хищнымъ и лукавымъ птицамъ я издавна чувствовалъ ненависть. Въ день, о которомъ зашла рѣчь, я также отправился въ садъ—и, напрасно исходивъ всѣ аллеи (вороны меня признали и только издали отрывисто каркали), случайно приблизился къ низкому забору, отдѣлявшему собственно *наши* владѣнія отъ узень-

кой полосы сада, простиравшейся за флигелькомъ направо и принадлежавшей къ нему. Я шелъ, потупя голову. Вдругъ мнѣ послышались голоса; я взглянулъ черезъ заборъ—и окаменѣлъ.... Мнѣ представилось странное зрѣлище.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня — на полянѣ, между кустами зеленой малины, стояла высокая, стройная дѣвушка въ полосатомъ, розовомъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ; вокругъ нея тѣснилось четыре молодыхъ человѣка и она поочередно хлопала ихъ по лбу тѣми небольшими сѣрыми цвѣтками, которыхъ имени я не знаю, но которые хорошо знакомы дѣтямъ: эти цвѣтки образуютъ небольшіе мѣшечки и разрываются съ трескомъ, когда хлопнешь ими по чему нибудь твердому. Молодые люди такъ охотно подставляли свои лбы — а въ движеніяхъ дѣвушки (я ее видѣлъ съ боку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмѣшливое и милое, что я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и удовольствія и, кажется, тутъ же бы отдалъ все на свѣтѣ, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу. Ружье мое соскользнуло на траву, я все забылъ, я пожиралъ взоромъ этотъ стройный станъ, и шейку, и красивыя руки, и слегка растрепанные бѣлокурые волосы подъ бѣлымъ платочкомъ, и этотъ полузакрытый, умный глазъ, и эти рѣсницы, и нѣжную щеку подъ ними....

— Молодой человѣкъ, а молодой человѣкъ, проговорилъ вдругъ подлѣ меня чей-то голосъ:—развѣ позволительно глядѣть такъ на чужихъ барышень?

Я вздрогнулъ весь, я обомлѣлъ.... Возлѣ меня за заборомъ стоялъ какой-то человѣкъ съ коротко остриженными черными волосами и иронически посматривалъ на меня. Въ это самое мгновеніе и дѣвушка обернулась ко мнѣ.... Я увидалъ огромные сѣрые глаза на подвижномъ, оживленномъ лицѣ — и все это лицо вдругъ задрожало, засмѣялось, бѣлые зубы сверкнули на немъ, брови какъ-то забавно поднялись.... Я вспыхнулъ, схватилъ съ земли ружье и, преслѣдуемый звонкимъ, но не злымъ хохотаньемъ, убѣжалъ къ себѣ въ комнату, бросился на постель и закрылъ лицо руками. Сердце во мнѣ такъ и прыгало; мнѣ было очень стыдно и весело: я чувствовалъ небывалое волненіе.

Отдохнувъ, я причесался, почистился и сошелъ внизъ къ чаю. Образъ молодой дѣвушки носился передо мною; сердце перестало прыгать, но какъ-то пріятно сжималось.

— Что съ тобой? внезапно спросилъ меня отецъ.—Убилъ ворону?

Я хотѣлъ было все разсказать ему, но удержался и только улыбнулся про себя. Ложась спать, я, самъ не знаю зачѣмъ, раза три повернулся на одной ногѣ, напомадился, легъ и всю ночь спалъ какъ убитый. Передъ утромъ я проснулся на мгновенье, приподнялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ себя съ восторгомъ—и опять заснулъ.

III.

«Какъ бы съ ними познакомиться?» было первою моею мыслію, какъ только я проснулся поутру. Я передъ чаемъ отправился въ садъ, но не подходилъ слишкомъ близко къ забору и никого не видѣлъ. Послѣ чаю я прошелся нѣсколько разъ по улицѣ передъ дачей—и издали заглядывалъ въ окна.... Мнѣ почудилось за занавѣской *ея* лицо, и я съ испугомъ поскорѣе удалился. «Однако надо же познакомиться», думалъ я, безпорядочно расхаживая по песчаной равнинѣ, растилавшейся передъ Нескучнымъ.... «но какъ? Вотъ въ чемъ вопросъ.» Я припоминалъ малѣйшія подробности вчерашней встрѣчи: мнѣ почему-то особенно ясно представлялось, какъ это она посмѣялась надо мною.... Но пока я волновался и строилъ различные планы, судьба уже порадѣла обо мнѣ.

Въ мое отсутствіе матушка получила отъ новой своей сосѣдки письмо на сѣрой бумагѣ, запечатанной бурымъ сургучемъ, какой употребляется только на почтовыхъ повѣсткахъ, да на пробкахъ дешеваго вина. Въ этомъ письмѣ, написанномъ безграмотнымъ языкомъ и не опрятнымъ почеркомъ, княгиня просила матушку оказать ей покровительство: матушка моя, по словамъ княгини, была хорошо знакома съ значительными людьми, отъ которыхъ зависѣла ея участь и участь ея дѣтей, такъ какъ у ней были очень важные процессы. «Я къ вамъ обращаюсь, писала она, какъ благородная дама къ благородной

даме, и при томъ мнѣ пріятно воспользоватцa симъ случаемъ.» Кончая, она просила у матушки позволенія явиться къ ней. Я засталъ матушку въ непріятномъ расположеніи духа: отца не было дома и ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Не отвѣчать «благородной дамѣ», да еще княгинѣ, было невозможно—а какъ отвѣчать — матушка недоумѣвала. Написать записку по французски казалось ей неумѣстнымъ, а въ русской орфографіи сама матушка не была сильна—и знала это—и не хотѣла компрометироваться. Она обрадовалась моему приходу, и тотчасъ приказала мнѣ сходить къ княгинѣ и на словахъ объяснить ей, что матушка-молъ моя всегда готова оказать ея сіятельству, по мѣрѣ силъ, услугу, и проситъ ее пожаловать къ ней часу въ первомъ. Неожиданно-быстрое исполненіе моихъ тайныхъ желаній меня и обрадовало и испугало: однако я не выказалъ овладѣвшаго мною смущенія — и предварительно отправился къ себѣ въ комнату, чтобы надѣть новенькій галстукъ и сюртучекъ: дома я еще ходилъ въ куртцѣ и въ отложныхъ воротничкахъ, хотя очень ими тяготился.

IV.

Въ тѣсной и неопрятной передней флигелька, куда я вступилъ съ невольной дрожью во всемъ тѣлѣ — встрѣтилъ меня старый и сѣдой слуга съ темнымъ, мѣднаго цвѣта, лицомъ, свиными угрюмыми глазками и такими глубокими морщинами на лбу и на вискахъ, какихъ я въ жизни не видывалъ. Онъ несъ на тарелкѣ обглоданный хребетъ селедки и, притворяя ногою дверь, ведущую въ другую комнату, отрывисто проговорилъ: чего вамъ?

— Княгиня Засѣкина дома? спросилъ я.

— Вонифатій! закричалъ изъ-за двери дребезжащій женскій голосъ.

Слуга, молча, повернулся ко мнѣ спиною, при чемъ обнаружилась сильно истертая спинка его ливреи, съ одинокой порыжѣлой гербовой пуговицей, и ушелъ, поставивъ тарелку на полъ.

— Въ кварталъ ходилъ? повторилъ тотъ же женскій го-

лосъ. Слуга пробормоталъ что-то. — А?... Пришелъ кто-то? послышалось опять.... Барчукъ сосѣдній. — Ну, проси.

— Пожалуйте-съ въ гостинную, проговорилъ слуга, появившись снова предо мною и поднимая тарелку съ полу. Я оправился и вошелъ въ «гостинную».

Я очутился въ небольшой и не совсѣмъ опрятной комнатѣ съ бѣдной, словно на-скоро разставленной, мебелью. У окна, на креслѣ съ отломанной ручкой, сидѣла женщина лѣтъ пятидесяти, простоволосая и некрасивая, въ зеленомъ старомъ платьѣ и съ пестрой, гарусной косынкой вокругъ шеи. Ея небольшіе черные глазки такъ и впились въ меня.

Я подошелъ къ ней и раскланялся.

— Я имѣю честь говорить съ княгиней Засѣкиной?

— Я княгиня Засѣкина; а вы сынъ г-на В.?

— Точно такъ-съ. Я пришелъ къ вамъ съ порученьемъ отъ матушки.

— Садитесь, пожалуйста. Вонифатій! гдѣ мои ключи, не видалъ?

Я сообщилъ г-жѣ Засѣкиной отвѣтъ моей матушки на ея записку. Она выслушала меня, постукивая толстыми красными пальцами по оконницѣ, я когда я кончилъ, еще разъ уставилась на меня.

— Очень хорошо; непремѣнно буду, промолвила она наконецъ. А какъ вы еще молоды! Сколько вамъ лѣтъ, позвольте спросить?

— Шестнадцать лѣтъ, отвѣчалъ я съ невольной запинкой.

Княгиня достала изъ кармана какія-то исписанныя, засаленныя бумаги, поднесла ихъ къ самому носу и принялась перебирать ихъ.

— Годы хорошіе, произнесла она внезапно, неварачиваясь и ерзая на стулѣ.—А вы, пожалуйста, будьте безъ церемоніи. У меня просто.

— Слишкомъ просто, подумалъ я, съ невольной гадливостью окидывая взоромъ всю ея неблагообразную фигуру.

Въ это мгновенье другая дверь гостинной быстро распахнулась и на порогѣ появилась дѣвушка, которую я видѣлъ наканунѣ въ саду. Она подняла руку и на лицѣ ея мелькнула усмѣшка.

— А вотъ и дочь моя, промолвила княгиня, указавъ на нее локтемъ.—Зиночка, сынъ нашего сосѣдя, г–на В. Какъ васъ зовутъ, позвольте узнать?

— Владиміромъ, отвѣчалъ я, вставая и пришептывая отъ волненія.

— А по батюшкѣ?

— Петровичемъ:

— Да! У меня былъ полиціймейстеръ знакомый, тоже Владиміромъ Петровичемъ звали. Вонифатій! не ищи ключей! ключи у меня въ карманѣ.

Молодая дѣвушка продолжала глядѣть на меня съ прежней усмѣшкой, слегка щурясь и склонивъ голову немного на бокъ.

— Я уже видѣла мсье Вольдемара, начала она. (Серебристый звукъ ея голоса пробѣжалъ по мнѣ какимъ-то сладкимъ холодкомъ).—Вы мнѣ позволите такъ называть васъ?

— Помилуйте–съ, пролепеталъ я.

— Гдѣ это? спросила княгиня.

Княжна не отвѣчала своей матери.

— Вы теперь заняты? промолвила она, не спуская съ меня глазъ.

— Никакъ нѣтъ–съ.

— Хотите вы мнѣ помочь шерсть распутать? подите сюда, ко мнѣ.

Она кивнула мнѣ головой и пошла вонъ изъ гостинной. Я отправился вслѣдъ за ней.

Въ комнатѣ, куда мы вошли, мебель была немного получше и разставлена съ бо̀льшимъ вкусомъ.—Впрочемъ, въ это мгновенье я почти ничего замѣтить не могъ: я двигался какъ во снѣ и ощущалъ во всемъ составѣ своемъ какое-то до глупости напряженное благополучіе.

Княжна сѣла, достала связку красной шерсти и, указавъ мнѣ на стулъ противъ нея, старательно развязала связку и положила мнѣ ее на руки. Все это она дѣлала молча, съ какой-то забавной медлительностью и съ тою же свѣтлой и лукавой усмѣшкой на чуть-чуть раскрытыхъ губахъ. Она начала наматывать шерсть на перегнутую карту и вдругъ озарила меня такимъ яснымъ и быстрымъ взглядомъ, что я невольно потупился. Когда ея глаза, большею частію полуприщуренные,

открывались во всю величину свою—ея лицо измѣнялось совершенно: точно свѣтъ проливался по немъ.

— Что вы подумали обо мнѣ вчера, мосье Вольдемаръ? спросила она, погодя немного.—Вы навѣрно осудили меня?

— Я.... княжна.... я ничего не думалъ.... какъ я могу.... отвѣчалъ я съ смущеніемъ.

— Послушайте, возразила она—Вы меня еще не знаете: я престранная, я хочу, чтобъ мнѣ всегда правду говорили. Вамъ, я слышала, шестнадцать лѣтъ, а мнѣ двадцать одинъ: вы видите, я гораздо старше васъ, и потому вы всегда должны мнѣ говорить правду.... и слушаться меня, прибавила она.—Глядите на меня; отъ чего вы на меня не глядите?

Я смутился еще болѣе, однако поднялъ на нее глаза. Она улыбнулась, только не прежней, а другой, одобрительной улыбкой.—Глядите на меня, промолвила она, ласково понижая голосъ: мнѣ это не непріятно. Мнѣ ваше лицо нравится; я предчувствую, что мы будемъ друзьями. А я вамъ нравлюсь? прибавила она лукаво.

— Княжна.... началъ было я....

— Во-первыхъ, называйте меня Зинаидой Александровной, а во вторыхъ — что это за привычка у дѣтей (она поправилась) — у молодыхъ людей — не говорить прямо то, что они чувствуютъ? Это хорошо для взрослыхъ. Вѣдь я вамъ нравлюсь?

Хотя мнѣ очень было пріятно, что она такъ откровенно со мной говорила, однако я немного обидѣлся. Я хотѣлъ показать ей, что она имѣетъ дѣло не съ мальчикомъ и, принявъ по возможности развязный и серьезный видъ, промолвилъ: — конечно, вы очень мнѣ нравитесь, Зинаида Александровна; я не хочу это скрывать.

Она съ разстановкой покачала головой.—У васъ есть гувернеръ? спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, у меня уже давно нѣтъ гувернера.

Я лгалъ; еще мѣсяца не прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ моимъ Французомъ.

— О! да я вижу—вы совсѣмъ большой.

Она легонько ударила меня по пальцамъ. — Держите прямо руки!—И она прилежно занялась наматываніемъ клубка.

Я воспользовался тѣмъ, что она не поднимала глазъ и принялся ее разсматривать, сперва украдкой, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Лицо ея показалось мнѣ еще прелестнѣе, чѣмъ наканунѣ: такъ все въ немъ было тонко, умно и мило. Она сидѣла спиной къ окну, завѣшенному бѣлой сторой; солнечный лучъ, пробиваясь сквозь эту стору, обливалъ мягкимъ свѣтомъ ея пушистые, золотистые волосы, ея невинную шею, покатыя плечи и нѣжную, спокойную грудь. — Я глядѣлъ на нее — и какъ дорога̀ и близка становилась она мнѣ! Мнѣ сдавалось, что и давно-то я ее знаю и ничего не зналъ и не жилъ до нея.... На ней было темненькое, уже поношенное платье съ передникомъ: я, кажется, охотно поласкалъ бы каждую складку этого платья и этого передника. Кончики ея ботинокъ выглядывали изъ-подъ ея платья: я бы съ обожаніемъ преклонился къ этимъ ботинкамъ..... И вотъ я сижу передъ ней — подумалъ я—я съ ней познакомился.... какое счастіе, Боже мой! Я чуть не соскочилъ со стула отъ восторга, но только ногами немного поболталъ, какъ ребенокъ, который лакомится.

Мнѣ было хорошо, какъ рыбѣ въ водѣ, и я бы вѣкъ не ушелъ изъ этой комнаты, не покинулъ бы этого мѣста.

Ея вѣки тихо поднялись, и опять ласково засіяли передо мною ея свѣтлые глаза—и опять она усмѣхнулась.

— Какъ вы на меня смотрите—медленно проговорила она и погрозила мнѣ пальцемъ.

Я покраснѣлъ.... «Она все понимаетъ, она все видитъ», мелькнуло у меня въ головѣ.—И какъ ей всего не понимать и не видѣть!

Вдругъ что-то застучало въ сосѣдней комнатѣ — зазвенѣла сабля.

— Зина! закричала въ гостинной княгиня — Бѣловзоровъ принесъ тебѣ котенка.

— Котенка! воскликнула Зинаида и, стремительно поднявшись со стула, бросила клубокъ мнѣ на колѣни и выбѣжала вонъ.

Я тоже всталъ и, положивъ связку шерсти и клубокъ на оконницу, вышелъ въ гостинную и остановился въ недоумѣніи. По срединѣ комнаты лежалъ, растопыря лапки, полосатый котенокъ; Зинаида стояла передъ нимъ на колѣняхъ и осторожно

поднимала ему мордочку. Возлѣ княгини, заслонивъ почти весь простѣнокъ между окнами, виднѣлся бѣлокурый и курчавый молодецъ гусаръ съ румянымъ лицомъ и глазами на выкатѣ.

— Какой смѣшной! твердила Зинаида:—и глаза у него не сѣрые, а зеленые, и уши какія большія! Спасибо вамъ, Викторъ Егорычъ! Вы очень милы.

Гусаръ, въ которомъ я узналъ одного изъ видѣнныхъ мною наканунѣ молодыхъ людей, улыбнулся и поклонился, при чемъ щелкнулъ шпорами и брякнулъ колечками сабли.

— Вамъ угодно было вчера сказать, что вы желаете имѣть полосатаго котенка съ большими ушами.... вотъ я и досталъ-съ. Слово—законъ.—И онъ опять поклонился.

Котенокъ слабо пискнулъ и началъ нюхать полъ.

— Онъ голоденъ! воскликнула Зинаида. —Вонифатій! Соня! принесите молока.

Горничная, въ старомъ желтомъ платьѣ и съ полинялымъ платочкомъ на шеѣ, вошла съ блюдечкомъ молока въ рукѣ и поставила его передъ котенкомъ. Котенокъ дрогнулъ, зажмурился и принялся лакать.

— Какой у него розовой язычекъ, замѣтила Зинаида, пригнувъ голову почти къ полу и заглядывая ему съ боку подъ самый носъ.

Котенокъ насытился и замурлыкалъ, жеманно перебирая лапками. Зинаида встала и, обернувшись къ горничной, равнодушно промолвила: унеси его.

— За котенка — ручку, проговорилъ гусаръ, осклабясь и передернувъ всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ, туго затянутымъ въ новый мундиръ.

— Обѣ, возразила Зинаида и протянула къ нему руки. Пока онъ цаловалъ ихъ, она смотрѣла на меня черезъ плечо.

Я стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и не зналъ—засмѣяться ли мнѣ, сказать ли что-нибудь или такъ промолчать. Вдругъ, сквозь раскрытую дверь передней, мнѣ бросилась въ глаза фигура нашего лакея Ѳедора. Онъ дѣлалъ мнѣ знаки. Я машинально вышелъ къ нему.

— Что ты? спросилъ я.

— Маменька прислали за вами, проговорилъ онъ шопотомъ. Онѣ гнѣваются, что вы съ отвѣтомъ не ворочаетесь.

— Да развѣ я давно здѣсь?

— Часъ слишкомъ.

— Часъ слишкомъ! повторилъ я невольно и, вернувшись въ гостинную, началъ раскланиваться и шаркать ногами.

— Куда вы? спросила меня княжна, взглянувъ изъ-за гусара.

— Мнѣ нужно домой-съ. Такъ я скажу, прибавилъ я, обращаясь къ старухѣ, что вы пожалуете къ намъ во второмъ часу.

— Такъ и скажите, батюшка.

Княгиня торопливо достала табакерку и такъ шумно понюхала, что я даже вздрогнулъ. — Такъ и скажите, повторила она, слезливо моргая и кряхтя.

Я еще разъ поклонился, повернулся и вышелъ изъ комнаты съ тѣмъ чувствомъ неловкости въ спинѣ, которое ощущаетъ очень молодой человѣкъ, когда онъ знаетъ, что ему глядятъ въ слѣдъ.

— Смотрите же, мсье Вольдемаръ, заходите къ намъ, крикнула Зинаида и опять разсмѣялась.

— Что это она все смѣется? думалъ я, возвращаясь домой въ сопровожденіи Ѳедора, который ничего мнѣ не говорилъ, но двигался за мной неодобрительно. Матушка меня побранила и удивилась: что я могъ такъ долго дѣлать у этой княгини? Я ничего не отвѣчалъ ей и отправился къ себѣ въ комнату. Мнѣ вдругъ стало очень грустно.... Я силился не плакать.... Я ревновалъ къ гусару!

V.

Княгиня, по обѣщанію, навѣстила матушку и не понравилась ей. Я не присутствовалъ при ихъ свиданіи, но за столомъ матушка разсказывала отцу, что эта княгиня Засѣкина ей кажется une femme très vulgaire, что она очень надоѣла своими просьбами ходатайствовать за нее у князя Сергія, что у ней все какія-то тяжбы и дѣла—de vilaines affaires d'argent—и что она должна быть великая кляузница. Матушка однако же прибавила, что она позвала ее съ дочерью на завтрешній день обѣдать (услыхавъ слово: «съ дочерью», я уткнулъ носъ въ

тарелку),—потому что она все-таки сосѣдка и съ именемъ. На это отецъ объявилъ матушкѣ, что онъ теперь припоминаетъ, какая это госпожа; что онъ въ молодости зналъ покойнаго князя Засѣкина, отлично воспитаннаго, но пустаго и вздорнаго человѣка; что его въ обществѣ звали «le Parisien», по причинѣ его долгаго житья въ Парижѣ; что онъ былъ очень богатъ, но проигралъ все свое состояніе — и неизвѣстно почему, чуть ли не изъ-за денегъ, — впрочемъ, онъ бы могъ лучше выбрать, прибавилъ отецъ и холодно улыбнулся — женился на дочери какого-то приказнаго, а женившись, пустился въ спекуляціи и раззорился окончательно.

— Какъ бы она денегъ взаймы не попросила, замѣтила матушка.

— Это весьма возможно, спокойно промолвилъ отецъ.— Говоритъ она по французски?

— Очень плохо.

— Гмъ. Впрочемъ, это все равно. Ты мнѣ, кажется, сказала, что ты и дочь ея позвала; меня кто-то увѣрялъ, что она очень милая и образованная дѣвушка.

— А! Стало быть она не въ мать.

— И не въ отца, возразилъ отецъ. — Тотъ былъ тоже образованъ, да глупъ.

Матушка вздохнула и задумалась. Отецъ умолкъ. Мнѣ было очень неловко въ теченіи этого разговора.

Послѣ обѣда я отправился въ садъ, но безъ ружья. Я далъ-было себѣ слово не подходить къ «Засѣкинскому саду», но неотразимая сила влекла меня туда—и не даромъ. Не успѣлъ я приблизиться къ забору, какъ увидѣлъ Зинаиду. На этотъ разъ она была одна. Она держала въ рукахъ книжку и медленно шла по дорожкѣ. Она меня не замѣчала.

Я чуть-чуть не пропустилъ ея, но вдругъ спохватился и и кашлянулъ.

Она обернулась, но не остановилась, отвела рукою широкую голубую ленту своей круглой соломенной шляпы, посмотрѣла на меня, тихонько улыбнулась и опять устремила глаза въ книжку.

Я снялъ фуражку и, помявшись немного на мѣстѣ, пошелъ

прочь съ тяжелымъ сердцемъ. «Que suis-je pour elle?» подумалъ я (Богъ знаетъ почему) по французски.

Знакомые шаги раздались за мною: я оглянулся — ко мнѣ, своею быстрой и легкой походкой, шелъ отецъ.

— Это княжна? спросилъ онъ меня.

— Княжна.

— Развѣ ты ее знаешь?

— Я ее видѣлъ сегодня утромъ у княгини.

Отецъ остановился и, круто повернувшись на каблукахъ, пошелъ назадъ. Поровнявшись съ Зинаидой, онъ вѣжливо ей поклонился. Она также ему поклонилась, не безъ нѣкотораго изумленія на лицѣ, и опустила книгу. Я видѣлъ, какъ она провожала его глазами. Мой отецъ всегда одѣвался очень изящно, своеобразно и просто; но никогда его фигура не показалась мнѣ болѣе стройной, никогда его сѣрая шляпа не сидѣла красивѣе на его едва порѣдѣвшихъ кудряхъ.

Я направился–было къ Зинаидѣ, но она даже не взглянула не меня, снова приподняла книгу и удалилась.

VI.

Цѣлый вечеръ и слѣдующее утро я провелъ въ какомъ–то уныломъ онѣмѣніи. Помнится, я попытался работать и взялся за Кайданова—но напрасно мелькали предо мною разгонистыя строки и страницы знаменитаго учебника. Десять разъ съ ряду прочелъ я слова: «Юлій Цезарь отличался воинской отвагой» — не понялъ ничего и бросилъ книгу. Передъ обѣдомъ я опять напомадился и опять надѣлъ сюртучекъ и галстукъ.

— Это зачѣмъ? спросила матушка.—Ты еще не студентъ и Богъ знаетъ, выдержишь-ли ты экзаменъ. Да и давно ли тебѣ сшили куртку? Не бросать же ее!

— Гости будутъ, прошепталъ я почти съ отчаяніемъ.

— Вотъ вздоръ! какіе это гости!

Надо было покориться. Я замѣнилъ сюртучекъ курткой, но галстука не снялъ. Княгиня съ дочерью явилась за полчаса до обѣда: старуха, сверхъ зеленаго, уже знакомаго мнѣ платья, накинула желтую шаль и надѣла старомодный чепецъ съ лен–

тами огненнаго цвѣта. Она тотчасъ заговорила о своихъ вексе-ляхъ, вздыхала, жаловалась на свою бѣдность, «канючила», но нисколько не чинилась: также шумно нюхала табакъ, также свободно поворачивалась и ерзала на стулѣ. Ей какъ будто и въ голову не входило, что она княгиня. За то Зинаида держала себя очень строго, почти надменно, настоящей княжной. На лицѣ ея появилась холодная неподвижность и важность—и я не узнавалъ ея, не узнавалъ ея взглядовъ, ея улыбки, хотя и въ этомъ новомъ видѣ она мнѣ казалась прекрасной. На ней было легкое барежевое платье съ блѣдно-синими развод-дами; волосы ея падали длинными локонами вдоль щекъ на англійскій манеръ: эта прическа шла къ холодному выраженію ея лица.—Отецъ мой сидѣлъ возлѣ нея во время обѣда и со свойственной ему изящной и спокойной вѣжливостью занималъ свою сосѣдку. Онъ изрѣдка взглядывалъ на нее — и она изрѣдка на него взглядывала, да такъ странно, почти враждебно. Разговоръ у нихъ шелъ по французски;—меня, помнится, удивила чистота Зинаидина произношенія. Княгиня, во время стола, по прежнему ничѣмъ не стѣснялась, много ѣла и хвалила кушанья. Матушка видимо ею тяготилась и отвѣчала ей съ какимъ-то грустнымъ пренебреженіемъ; отецъ изрѣдка чуть чуть морщилъ брови. Зинаида также не понравилась матушкѣ.— Это какая-то гордячка—говорила она на слѣдующій день. — И подумаешь — чего гордиться — avec sa mine de grisette!

— Ты видно не видала гризетокъ, замѣтилъ ей отецъ.

— И слава Богу!

— Разумѣется, слава Богу.... только какже ты можешь судить о нихъ?

На меня Зинаида не обращала рѣшительно никакого вниманія. Скоро послѣ обѣда княгиня стала прощаться.

— Буду надѣяться на ваше покровительство, Марья Николаевна, Петръ Васильичъ, сказала она на-распѣвъ матушкѣ и отцу. — Что дѣлать! Были времена, да прошли. Вотъ и я — сіятельная—прибавила она съ непріятнымъ смѣхомъ, — да что за честь, коли нечего ѣсть. — Отецъ почтительно ей поклонился и проводилъ ее до двери передней. Я стоялъ тутъ же въ своей куцой курткѣ, и глѣдѣлъ на полъ, словно къ смерти приговоренный. Обращеніе Зинаиды со мной меня окончательно

убило. Каково же было мое удивленіе, когда, проходя мимо меня, она скороговоркой и съ прежнимъ ласковымъ выраженіемъ въ глазахъ, шепнула мнѣ: приходите къ намъ въ восемь часовъ, слышите, непремѣнно.... Я только развелъ руками — но она уже удалялась, накинувъ на голову бѣлый шарфъ.

VII.

Ровно въ восемь часовъ, я, въ сюртукѣ и съ приподнятымъ на головѣ кокомъ, входилъ въ переднюю флигелька, гдѣ жила княгиня. Старикъ слуга угрюмо посмотрѣлъ на меня и неохотно поднялся съ лавки. Въ гостинной раздавались веселые голоса. Я отворилъ дверь и отступилъ въ изумленіи. Посреди комнаты, на стулѣ, стояла княжна и держала передъ собой мужскую шляпу; вокругъ стула толпилось пятеро мужчинъ. Они старались запустить руки въ шляпу, а она поднимала ее къ верху и сильно встряхивала ею. Увидѣвши меня, она вскрикнула: «постойте, постойте! новый гость, надо и ему дать билетъ» — и, легко соскочивъ со стула, взяла меня за обшлагъ сюртука. — Пойдемте же, сказала она, что вы стоите? Messieurs, позвольте васъ познакомить: это мсьё Вольдемаръ, сынъ нашего сосѣда. А это—прибавила она, обращаясь ко мнѣ и указывая поочередно на гостей — графъ Малевскій, докторъ Лушинъ, поэтъ Майдановъ, отставной капитанъ Нирмацкій и Бѣловзоровъ, гусаръ, котораго вы уже видѣли. Прошу любить да жаловать.

Я до того сконфузился, что даже не поклонился ни кому; въ докторѣ Лушинѣ я узналъ того самаго черномазаго господина, который такъ безжалостно меня пристыдилъ въ саду; остальные были мнѣ незнакомы.

— Графъ! продолжала Зинаида—напишите мсьё Вольдемару билетъ.

— Это несправедливо, возразилъ съ легкимъ польскимъ акцентомъ графъ, очень красивый и щегольски одѣтый брюнетъ, съ выразительными карими глазами, узкимъ бѣлымъ носикомъ и тонкими усиками надъ крошечнымъ ртомъ.—Они не играли съ нами фанты.

— Несправедливо, повторили Бѣловзоровъ и господинъ названный отставнымъ капитаномъ, человѣкъ лѣтъ сорока, рябой до безобразія, курчавый какъ арабъ, сутуловатый, кривоногій и одѣтый въ военный сюртукъ безъ эполетъ, на распашку.

— Пишите билетъ, говорятъ вамъ, повторила княжна. — Это что за бунтъ? Мсьё Вольдемаръ съ нами въ первый разъ, и сегодня для него законъ не писанъ. Нечего ворчать, пишите, я такъ хочу.

Графъ пожалъ плечами, но наклонилъ покорно голову, взялъ перо въ бѣлую, перстнями украшенную руку, оторвалъ клочекъ бумаги и сталъ писать на немъ.

— По крѣйней мѣрѣ, позвольте объяснить г-ну Вольдемару, въ чемъ дѣло, началъ насмѣшливымъ голосомъ Лушинъ,—а то онъ совсѣмъ растерялся. Видите ли, молодой человѣкъ, мы играемъ въ фанты; княжна подверглась штрафу, и тотъ, кому вынется счастливый билетъ, будетъ имѣть право поцаловать у ней ручку. Поняли ли вы, что я вамъ сказалъ?

Я только взглянулъ на него и продолжалъ стоять какъ отуманенный, а княжна снова вскочила на стулъ и снова принялась встряхивать шляпой. Всѣ къ ней потянулись — и я за другими.

— Майдановъ, сказала княжна высокому молодому человѣку съ худощавымъ лицомъ, маленькими слѣпыми глазками и чрезвычайно длинными черными волосами. — Вы, какъ поэтъ, должны быть великодушны и уступить вашъ билетъ мсьё Вольдемару, такъ чтобы у него было два шанса вмѣсто одного.

Но Майдановъ отрицательно покачалъ головой и взмахнулъ волосами. Я послѣ всѣхъ опустилъ руку въ шляну, взялъ и развернулъ билетъ.... Господи! что сталось со мною, когда я увидалъ не немъ слово: поцалуй!

— Поцалуй! вскрикнулъ я невольно.

— Браво! онъ выигралъ, подхватила княжна. — Какъ я рада! Она сошла со стула и такъ ясно и сладко заглянула мнѣ въ глаза, что у меня сердце покатилось. — А вы рады? спросила она меня.

— Я? пролепеталъ я....

— Продайте мнѣ свой билетъ, брякнулъ вдругъ надъ самымъ моимъ ухомъ Бѣловзоровъ. — Я вамъ сто рублей дамъ.

Я отвѣчалъ гусару такимъ негодующимъ взоромъ, что Зинаида захлопала въ ладоши, а Лушинъ воскликнулъ: молодецъ!— Но, продолжалъ онъ, я, какъ церемоніймейстеръ, обязанъ наблюдать за исполненіемъ всѣхъ правилъ. Мсьё Вольдемаръ, опуститесь на одно колѣно. Такъ у насъ заведено.

Зинаида стала передо мной, наклонила немного голову на бокъ, какъ бы для того, чтобы лучше разсмотрѣть меня, и съ важностью протянула мнѣ руку. У меня помутилось въ глазахъ; я хотѣлъ было опуститься на одно колѣно, упалъ на оба, и такъ неловко прикоснулся губами къ пальцамъ Зинаиды, что слегка оцарапалъ себѣ конецъ носа ея ногтемъ.

— Добре! закричалъ Лушинъ и помогъ мнѣ встать.

Игра въ фанты продолжалась. Зинаида посадила меня возлѣ себя. Какихъ ни придумывала она штрафовъ! Ей пришлось, между прочимъ, представлять «статую»—и она въ пьедесталъ себѣ выбрала безобразнаго Нирмацкаго, велѣла ему лечь ничкомъ, да еще уткнуть лицо въ грудь. Хохотъ не умолкалъ ни на мгновеніе. Мнѣ, уединенно и трезво воспитанному мальчику, выросшему въ барскомъ степенномъ домѣ, весь этотъ шумъ и гамъ, эта безцеремонная, почти буйная веселость, эти небывалыя сношенія съ незнакомыми людьми такъ и бросились въ голову. Я просто опьянѣлъ, какъ отъ вина. Я сталъ хохотать и болтать громче другихъ, такъ что даже старая княгиня, сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ съ какимъ-то приказнымъ отъ Иверскихъ воротъ, позваннымъ для совѣщанія, вышла посмотрѣть на меня. Но я чувствовалъ себя до такой степени счастливымъ, что, какъ говорится, въ усъ не дулъ и въ грошъ не ставилъ ни чьихъ насмѣшекъ и ни чьихъ косыхъ взглядовъ. Зинаида продолжала оказывать мнѣ предпочтеніе и не отпускала меня отъ себя. Въ одномъ штрафѣ мнѣ довелось сидѣть съ ней рядомъ, накрывшись однимъ и тѣмъ же шелковымъ платкомъ: я долженъ былъ сказать ей *свой секретъ*. Помню я, какъ наши обѣ головы вдругъ очутились въ душной, полупрозрачной, пахучей мглѣ, какъ въ этой мглѣ близко и мягко свѣтились ея глаза и горячо дышали раскрытыя губы, и зубы виднѣлись, и концы ея волосъ меня щекотали и жгли. Я

молчалъ. Она улыбалась таинственно и лукаво и наконецъ шепнула мнѣ: ну, что же? а я только краснѣлъ и смѣялся, и отворачивался, и едва переводилъ духъ. Фанты наскучили намъ — мы стали играть въ веревочку. Боже мой! какой я почувствовалъ восторгъ, когда зазѣвавшись, получилъ отъ нея сильный и рѣзкій ударъ по пальцамъ, и какъ потомъ я нарочно старался показывать видъ, что зазѣвываюсь, а она дразнила меня и не трогала подставляемыхъ рукъ!

Да то-ли мы еще продѣлывали въ теченіи этого вечера! Мы и на фортепьяно играли, и пѣли, и танцовали, и представляли цыганскій таборъ, Нирмацкаго одѣли медвѣдемъ и напоили водою съ солью. Графъ Малевскій показывалъ намъ разные карточные фокусы и кончилъ тѣмъ, что, перетасовавши карты, сдалъ себѣ въ вистъ всѣхъ козырей, съ чѣмъ Лушинъ «имѣлъ честь его поздравить». Майдановъ декламировалъ намъ отрывки изъ поэмы своей «Убійца» (дѣло происходило въ самомъ разгарѣ романтизма), которую онъ намѣревался издать въ черной оберткѣ съ заглавными буквами кроваваго цвѣта; у приказнаго отъ Иверскихъ воротъ украли съ колѣнъ шапку и заставили его, въ видѣ выкупа, проплясать казачка; старика Вонифатія нарядили въ чепецъ — а княжна надѣла мужскую шляпу.... Всего не перечислишь. Одинъ Бѣловзоровъ все больше держался въ углу, нахмуренный и сердитый.... Иногда глаза его наливались кровью, онъ весь краснѣлъ и казалось, что вотъ-вотъ онъ сей часъ ринется на всѣхъ насъ и расшвыряетъ насъ какъ щепки во всѣ стороны; но княжна взглядывала на него, грозила ему пальцемъ, и онъ снова забивался въ свой уголъ.

Мы наконецъ выбились изъ силъ. Княгиня ужь на что была, какъ сама выражалась, ходка—никакіе крики ее не смущали—однако и она почувствовала усталость и пожелала отдохнуть. Въ двѣнадцатомъ часу ночи подали ужинъ, состоявшій изъ куска стараго сухаго сыру и какихъ-то холодныхъ пирожковъ съ рубленной ветчиной, которые мнѣ показались вкуснѣе всякихъ паштетовъ; вина было всего одна бутылка, и та какая-то странная: темная, съ раздутымъ горлышкомъ, и вино въ ней отдавало розовой краской; впрочемъ, его никто не пилъ. Усталый и счастливый до изнеможенія, я вышелъ изъ флигеля: на прощанье Зинаида мнѣ крѣпко пожала руку и опять загадочно улыбнулась.

Ночь тяжело и сыро пахнула мнѣ въ разгорячённое лицо; казалось, готовилась гроза; черныя тучи росли и ползли по небу, видимо мѣняя свои дымныя очертанія. Вѣтерокъ безпокойно содрогался въ темныхъ деревьяхъ и гдѣ-то далеко за небосклономъ, словно про себя, ворчалъ громъ сердито и глухо.

Черезъ заднее крыльцо пробрался я въ свою комнату. Дядька мой спалъ на полу и мнѣ пришлось перешагнуть черезъ него; онъ проснулся, увидалъ меня и доложилъ, что матушка опять на меня разсердилась и опять хотѣла послать за мною, но что отецъ ее удержалъ. (Я никогда не ложился спать, не простившись съ матушкой и не испросивши ея благословенія). Нечего было дѣлать!

Я сказалъ дядькѣ, что раздѣнусь и лягу самъ—и погасилъ свѣчку. Но я не раздѣлся и не легъ.

Я присѣлъ на стулъ и долго сидѣлъ какъ очарованный. То, что я ощущалъ, было такъ ново и такъ сладко.... Я сидѣлъ, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышалъ и только по временамъ то молча смѣялся, вспоминая, то внутренно холодѣлъ при мысли, что я влюбленъ, что вотъ она, вотъ эта любовь. Лицо Зинаиды тихо плыло передо мной во мракѣ—плыло и не проплывало; губы ея все также загадочно улыбались, глаза глядѣли на меня немного съ боку, вопросительно, задумчиво и нѣжно.... какъ въ то мгновеніе, когда я разстался съ ней. Наконецъ я всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ своей постели и осторожно, не раздѣваясь, положилъ голову на подушку, какъ бы страшась рѣзкимъ движеніемъ потревожить то, чѣмъ я былъ переполненъ....

Я легъ, но даже глазъ не закрылъ. Скоро я замѣтилъ, что ко мнѣ въ комнату безпрестанно западали какіе-то слабые отсвѣты.... Я приподнялся и глянулъ въ окно. Переплетъ его четко отдѣлялся отъ таинственно и смутно бѣлѣвшихъ стеколъ. Гроза — подумалъ я; и точно была гроза; но она проходила очень далеко, такъ что и грома не было слышно; только на небѣ непрерывно вспыхивали неяркія, длинныя, словно развѣтвленныя, молніи: онѣ не столько вспыхивали, сколько трепетали и подергивались, какъ крыло умирающей птицы. Я всталъ, подошелъ къ окну и простоялъ тамъ до утра.... Молніи не прекращались ни на мгновеніе; была, что называется въ на-

родѣ, *воробьиная* ночь. Я глядѣлъ на нѣмое песчаное поле, на темную массу Нескучнаго сада, на желтоватые фасады далекихъ зданій, тоже какъ будто вздрагивавшихъ при каждой слабой вспышкѣ.... Я глядѣлъ — и не могъ оторваться; эти нѣмыя молніи, эти сдержанныя блистанія, казалось, отвѣчали тѣмъ нѣмымъ и тайнымъ порывамъ, которые вспыхивали также во мнѣ. Утро стало заниматься; алыми пятнами выступала заря. Съ приближеніемъ солнца все блѣднѣли и сокращались молніи: онѣ вздрагивали все рѣже и рѣже и исчезли наконецъ, затопленныя отрезвляющимъ и несомнительнымъ свѣтомъ возникавшаго дня....

И во мнѣ исчезли мои молніи. Я почувствовалъ большую усталость и тишину.... но образъ Зинаиды продолжалъ носиться, торжествуя, надъ моею душой. Только онъ самъ, этотъ образъ, казался успокоеннымъ; какъ полетѣвшій лебедь — отъ болотныхъ травъ, отдѣлился онъ отъ окружавшихъ его другихъ неблаговидныхъ фигуръ, и я, засыпая, въ послѣдній разъ припалъ къ нему съ прощальнымъ и довѣрчивымъ обожаніемъ....

О, кроткія чувства, мягкіе звуки, доброта и утиханіе тронутой души, тающая радость первыхъ умиленій любви, — гдѣ вы, гдѣ вы?

VIII.

На слѣдующее утро, когда я сошелъ къ чаю, матушка побранила меня—меньше однако, чѣмъ я ожидалъ — и заставила меня разсказать, какъ я провелъ наканунѣ вечеръ. Я отвѣчалъ ей въ немногихъ словахъ, выпуская многія подробности и стараясь придать всему видъ самый невинный.

— Все-таки они люди не comme il faut, замѣтила матушка, и тебѣ нечего къ нимъ таскаться, вмѣсто того, чтобъ готовиться къ экзамену, да заниматься.

Такъ какъ я зналъ, что заботы матушки о моихъ занятіяхъ ограничатся этими немногими словами, то я и не почелъ нужнымъ возражать ей; но послѣ чаю, отецъ меня взялъ подъ руку и, отправившись вмѣстѣ со мною въ садъ, заставилъ меня разсказать все, что я видѣлъ у Засѣкиныхъ.

Странное вліяніе имѣлъ на меня отецъ — и странныя были

наши отношенія. Онъ почти не занимался моимъ воспитаніемъ, даже рѣко говорилъ со мной; но онъ никогда не притѣснялъ, не оскорблялъ меня; онъ уважалъ мою свободу—онъ даже былъ, если можно такъ выразиться, вѣжливъ со мною. .. только онъ не допускалъ меня до себя. Я любилъ его, я любовался имъ; онъ казался мнѣ образцомъ мужчины—и, Боже мой, какъ бы я страстно къ нему привязался, еслибъ я постоянно не чувствовалъ его отклоняющей руки! За то, когда онъ хотѣлъ, онъ умѣлъ почти мгновенно, однимъ словомъ, однимъ движеніемъ, возбудить во мнѣ неограниченное довѣріе къ себѣ. Душа моя раскрывалась—я болталъ съ нимъ какъ съ разумнымъ другомъ, какъ съ снисходительнымъ наставникомъ.... потомъ онъ также внезапно покидалъ меня — и рука его опять отклоняла меня—ласково и мягко—но отклоняла.

На него находила иногда веселость, и тогда онъ готовъ былъ рѣзвиться и шалить со мной какъ мальчикъ (онъ любилъ всякое сильное тѣлесное движеніе); разъ—всего только разъ!—онъ приласкалъ меня съ такою нѣжностью, что я чуть не заплакалъ.... Но и веселость его и нѣжность исчезали безъ слѣда—и то, что происходило между нами не давало мнѣ никакихъ надеждъ на будущее — точно я все это во снѣ видѣлъ. Бывало, стану я разсматривать его умное, красивое, свѣтлое лицо.... сердце мое задрожитъ и все существо мое устремится къ нему.... онъ словно почувствуетъ, что во мнѣ происходитъ, мимоходомъ потреплетъ меня по щекѣ—и либо уйдетъ, либо займется чѣмъ-нибудь, либо вдругъ весь застынетъ, какъ онъ одинъ умѣлъ застывать, и я тотчасъ сожмусь и тоже похолодѣю. Рѣдкіе припадки его расположенія ко мнѣ никогда не были вызваны моими безмолвными, но понятными мольбами: они приходили всегда неожиданно. Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни; онъ любилъ другое и наслаждался этимъ другимъ вполнѣ. «Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать—въ этомъ вся штука жизни»—сказалъ онъ мнѣ однажды. Въ другой разъ, я, въ качествѣ молодаго демократа, пустился въ его присутствіи разсуждать о свободѣ (онъ въ тотъ день былъ, какъ я это называлъ, «добрый»; тогда съ нимъ можно было

говорить о чемъ угодно).—Свобода! повторилъ онъ, а знаешь ли ты, что̀ можетъ человѣку дать свободу?

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть—и будешь свободнымъ и командовать будешь.

Отецъ мой прежде всего и больше всего хотѣлъ жить — и жилъ.... Быть можетъ, онъ предчувствовалъ, что ему не придется долго пользоваться «штукой» жизни: онъ умеръ сорока двухъ лѣтъ.

Я подробно разсказалъ отцу мое посѣщеніе у Засѣкиныхъ. Онъ полувнимательно, полуразсѣянно слушалъ меня, сидя на скамьѣ и рисуя концемъ хлыстика на пескѣ. Онъ изрѣдка посмѣивался, какъ-то свѣтло и забавно поглядывалъ на меня и подзадоривалъ меня короткими вопросами и возраженіями. Я сперва не рѣшался даже выговорить имя Зинаиды, но не удержался и началъ превозносить ее. Отецъ все продолжалъ посмѣиваться. Потомъ онъ задумался, потянулся и всталъ.

Я вспомнилъ, что, выходя изъ дому, онъ велѣлъ сѣдлать себѣ лошадь. Онъ былъ отличный ѣздокъ — и умѣлъ, гораздо раньше г. Рери, укрощать самыхъ дикихъ лошадей.

— Я съ тобой поѣду, папаша? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, и лицо его приняло обычное, равнодушно-ласковое выраженіе.—Ступай одинъ, коли хочешь; а кучеру скажи, что я не поѣду.

Онъ повернулся ко мнѣ спиной и быстро удалился. Я слѣдилъ за нимъ глазами—онъ скрылся за воротами. Я видѣлъ, какъ его шляпа двигалась вдоль забора: онъ вошелъ къ Засѣкинымъ.

Онъ остался у нихъ не болѣе часа, но тотчасъ же отправился въ городъ и вернулся домой только къ вечеру.

Послѣ обѣда я самъ пошелъ къ Засѣкинымъ. Въ гостинной я засталъ одну старуху княгиню. Увидѣвъ меня, она почесала себѣ въ головѣ подъ чепцомъ концомъ спицы и вдругъ спросила меня, могу ли я переписать ей одну просьбу.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я и присѣлъ на кончикъ стула.

— Только смотрите, покрупнѣе буквы ставьте, промолвила

княгиня, подавая мнѣ измаранный листъ; да нельзя ли сегодня, батюшка?

— Сегодня же перепишу-съ.

Дверь изъ сосѣдней комнаты чуть-чуть отворилась — и въ отверстіи показалось лицо Зинаиды — блѣдное, задумчивое, съ небрежно откинутыми назадъ волосами: она посмотрѣла на меня большими холодными глазами и тихо закрыла дверь.

— Зина, — а Зина! проговорила старуха. Зинаида не откликнулась. Я унесъ просьбу старухи и цѣлый вечеръ просидѣлъ надъ ней.

IX.

Моя «страсть» началась съ того дня. Я, помнится, почувствовалъ тогда нѣчто подобное тому, что̀ долженъ чувствовать человѣкъ, поступившій на служ̀бу: я уже пересталъ быть просто молодымъ мальчикомъ; я былъ влюбленный. Я сказалъ, что съ того дня началась моя страсть, я бы могъ прибавить, что и страданія мои начались съ того же самаго дня. Я изнывалъ въ отсутствіи Зинаиды: ничего мнѣ на умъ не шло, все изъ рукъ валилось, я по цѣлымъ днямъ напряженно думалъ о ней.... Я изнывалъ.... но въ ея присутствіи мнѣ не становилось легче. Я ревновалъ, я сознавалъ свое ничтожество, я глупо дулся и глупо раболѣпствовалъ—и все-таки непреодолимая сила влекла меня къ ней — и я всякій разъ, съ невольной дрожью счастья, переступалъ порогъ ея комнаты. Зинаида тотчасъ же догадалась, что я въ нее влюбился, да я и не думалъ скрываться; она потѣшалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня. Сладко быть единственнымъ источникомъ, самовластной и безотвѣтной причиной величайшихъ радостей и глубочайшаго горя для другаго—а я въ рукахъ Зинаиды былъ какъ мягкій воскъ. Впрочемъ, не я одинъ влюбился въ нее; всѣ мужчины, посѣщавшіе ея домъ, были отъ нея безъ ума—и она ихъ всѣхъ держала на привязи—у своихъ ногъ. Ее забавляло возбуждать въ нихъ то надежды, то опасенія, вертѣть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей другъ о друга)—а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всемъ ея существѣ, жи-

вучемъ и красивомъ, была какая-то особенно обаятельная смѣсь хитрости и безпечности, искусственности и простоты, тишины и рѣзвости; надо всѣмъ, что она дѣлала, говорила, надъ каждымъ ея движеніемъ носилась тонкая, легкая прелесть, во всемъ сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо ея безпрестанно мѣнялось, играло тоже: оно выражало почти въ одно и тоже время — насмѣшливость, задумчивость и страстность. Разнообразнѣйшія чувства, легкія, быстрыя какъ тѣни облаковъ въ солнечный вѣтреный день, перебѣгали, то и дѣло, по ея глазамъ и губамъ.

Каждый изъ ея поклонниковъ былъ ей нуженъ. Бѣловзоровъ, котораго она иногда называла «мой звѣрь», а иногда просто «мой» — охотно кинулся бы за нее въ огонь; не надѣясь на свои умственныя способности и прочія достоинства, онъ все предлагалъ ей жениться на ней, намекая на то, что другіе только болтаютъ. Майдановъ отвѣчалъ поэтическимъ струнамъ ея души; человѣкъ довольно холодный, какъ почти всѣ сочинители, онъ напряженно увѣрялъ ее, а можетъ быть и себя, что онъ ее обожаетъ, воспѣвалъ ее въ нескончаемыхъ стихахъ и читалъ ихъ ей съ какимъ-то, и неестественнымъ и искреннимъ, восторгомъ. Она и сочувствовала ему и чуть-чуть трунила надъ нимъ; она плохо ему вѣрила и, наслушавшись его изліяній, заставляла его читать Пушкина, чтобы, какъ она говорила, очистить воздухъ. Лушинъ, насмѣшливый, циническій на словахъ докторъ, зналъ ее лучше всѣхъ — и любилъ ее больше всѣхъ, хотя бранилъ ее за глаза и въ глаза. Она его уважала, но не спускала ему — и подъ часъ, съ особеннымъ, злораднымъ удовольствіемъ давала ему чувствовать, что и онъ у ней въ рукахъ. «Я кокетка, я безъ сердца, я актерская натура,» сказала она ему однажды въ моемъ присутствіи:—«а, хорошо! такъ подайте-жъ вашу руку, я воткну въ нее булавку, вамъ будетъ стыдно этого молодаго человѣка, вамъ будетъ больно, а все-таки вы, г-нъ правдивый человѣкъ, извольте смѣяться.» Лушинъ покраснѣлъ, отворотился, закусилъ губы, но кончилъ тѣмъ, что подставилъ руку. Она его уколола и онъ точно сталъ смѣяться.... и она смѣялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему въ глаза, которыми онъ напрасно бѣгалъ по сторонамъ....

Хуже всего я понималъ отношенія, существовавшія между Зинаидой и графомъ Малевскимъ. Онъ былъ хорошъ собою, ловокъ и уменъ, но что-то сомнительное, что-то фальшивое чудилось въ немъ даже мнѣ, шестнадцатилѣтнему мальчику, и я дивился тому, что Зинаида этого не замѣчаетъ. А можетъ быть она и замѣчала эту фальшь и не гнушалась ею. Неправильное воспитаніе, странныя знакомства и привычки, постоянное присутствіе матери, бѣдность и безпорядокъ въ домѣ, все, начиная съ самой свободы, которою пользовалась молодая дѣвушка, съ сознанія ея превосходства надъ окружавшими ее людьми, развило въ ней какую-то полупрезрительную небрежность и невзыскательность. Бывало, что̀ ни случится— придетъ ли Вонифатій доложить, что сахару нѣтъ, выдетъ ли наружу какая-нибудь дрянная сплетня, поссорятся ли гости— она только кудрями встряхнетъ, скажетъ: пустяки! — и горя ей мало.

За то у меня, бывало, вся кровь загоралась, когда Малевскій подойдетъ къ ней, хитро покачиваясь какъ лиса, изящно обопрется на спинку ея стула и начнетъ шептать ей на ухо съ самодовольной и заискивающей улыбочкой,—а она скреститъ руки на груди, внимательно глядитъ на него, и сама улыбается и качаетъ головой.

— Что вамъ за охота принимать г. Малевскаго? спросилъ я ее однажды.

— А у него такіе прекрасные усики—отвѣчала она.—Да это не по вашей части.

— Вы не думаете ли, что я его люблю, сказала она мнѣ въ другой разъ.—Нѣтъ; я такихъ любить не могу, на которыхъ мнѣ приходится глядѣть сверху внизъ. Мнѣ надобно такого, который самъ бы меня сломилъ... Да я на такого не наткнусь, Богъ милостивъ! Не попадусь ни кому въ лапы, ни ни!

— Стало-быть вы никогда не полюбите?

— А васъ-то? Развѣ я васъ не люблю? сказала она и ударила меня по носу концемъ перчатки.

Да, Зинаида очень потѣшалась надо мной. Въ теченіи трехъ недѣль я ее видѣлъ каждый день—и чего, чего она со мной не выдѣлывала! Къ намъ она ходила рѣдко, и я объ этомъ не со-

жалѣлъ: въ нашемъ домѣ она превращалась въ барышню, въ княжну—и я ея дичился. Я боялся выдать себя передъ матушкой; она очень не благоволила къ Зинаидѣ, и непріязненно наблюдала за нами. Отца я не такъ боялся: онъ словно не замѣчалъ меня, а съ ней говорилъ мало, но какъ-то особенно умно и значительно. Я пересталъ работать, читать—я даже пересталъ гулять по окрестностямъ, ѣздить верхомъ. Какъ привязанный за ножку жукъ, я кружился постоянно вокругъ любимаго флигелька: казалось, остался бы тамъ навсегда... но это было невозможно; матушка ворчала на меня, иногда сама Зинаида меня прогоняла. Тогда я запирался у себя въ комнатѣ, или уходилъ на самый конецъ сада, взбирался на уцѣлѣвшую развалину высокой каменной оранжереи и, свѣсивъ ноги со стѣны, выходившей на дорогу, сидѣлъ по часамъ и глядѣлъ, глядѣлъ, ничего не видя. Возлѣ меня, по запыленной крапивѣ лѣниво перепархивали бѣлыя бабочки; бойкій воробей садился недалеко на полусломанномъ красномъ кирпичѣ и раздражительно чирикалъ, безпрестанно поворачиваясь всѣмъ тѣломъ и распустивъ хвостикъ; все еще недовѣрчивыя вороны изрѣдка каркали, сидя высоко, высоко на обнаженной макушкѣ березы; солнце и вѣтеръ тихо играли въ ея жидкихъ вѣткахъ; звонъ колоколовъ Донскаго монастыря прилеталъ по временамъ, спокойный и унылый — а я сидѣлъ, глядѣлъ, слушалъ — и наполнялся весь какимъ-то безъимяннымъ ощущеніемъ, въ которомъ было все: и грусть, и радость, и предчувствіе будущаго, и желаніе и страхъ жизни. Но я тогда ничего этого не понималъ и ничего бы не съумѣлъ назвать изо всего того, что во мнѣ бродило— или бы назвалъ это все однимъ именемъ—именемъ Зинаиды.

А Зинаида все играла со мной, какъ кошка съ мышью. Она то кокетничала со мной—и я волновался и таялъ—то она вдругъ меня отталкивала—и я не смѣлъ приблизиться къ ней, не смѣлъ взглянуть на нее.

Помнится, она нѣсколько дней сряду была очень холодна со мною; я совсѣмъ заробѣлъ и, трусливо забѣгая къ нимъ во флигель, старался держаться около старухи княгини, не смотря на то, что она очень бранилась и кричала именно въ это время: ея вексельныя дѣла шли плохо, и она уже имѣла два объясненія съ квартальнымъ.

Однажды я проходилъ въ саду мимо извѣстнаго забора—и увидѣлъ Зинаиду: подпершись обѣими руками, она сидѣла на травѣ и не шевелилась. Я хотѣлъ было осторожно удалиться, но она взезапно подняла голову и сдѣлала мнѣ повелительный знакъ. Я замеръ на мѣстѣ: я не понялъ ея съ перваго разу. Она повторила свой знакъ. Я немедленно перескочилъ черезъ заборъ и радостно подбѣжалъ къ ней; но она остановила меня взглядомъ и указала мнѣ на дорожку въ двухъ шагахъ отъ нея. Въ смущеніи, не зная что дѣлать, я сталъ на колѣни на краю дорожки. Она до того была блѣдна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась въ каждой ея чертѣ, что сердце у меня сжалось и я невольно прошепталъ: что съ вами?

Зинаида протянула руку, сорвала какую-то травку, укусила ее и бросила ее прочь, подальше.

— Вы меня очень любите? спросила она наконецъ.—Да?

Я ничего не отвѣчалъ—да и зачѣмъ мнѣ было отвѣчать?

— Да, повторила она, по прежнему глядя на меня. — Это такъ. Такіе же глаза, прибавила она, задумалась и закрыла лицо руками.—Все мнѣ опротивѣло, прошептала она, ушла бы я на край свѣта, не могу я это вынести, не могу сладить.... И что ждетъ меня впереди!... Ахъ мнѣ тяжело... Боже мой, какъ тяжело!

— Отчего? спросилъ я робко.

Зинаида мнѣ не отвѣчала и только пожала плечами. Я продолжалъ стоять на колѣняхъ и съ глубокимъ унынiемъ глядѣлъ на нее. Каждое ея слово такъ и врѣзалось мнѣ въ сердце. Въ это мгновенье, я, кажется, охотно бы отдалъ жизнь свою, лишь бы она не горевала. Я глядѣлъ на нее—и, все таки не понимая, отчего ей было тяжело, живо воображалъ себѣ, какъ она вдругъ, въ припадкѣ неудержимой печали, ушла въ садъ—и упала на землю, какъ подкошенная.— Кругомъ было свѣтло и зелено; вѣтеръ шелестилъ въ листьяхъ деревьевъ, изрѣдка качая длинную вѣтку малины надъ головой Зинаиды. Гдѣ-то ворковали голуби — и пчелы жужжали, низко перелетывая по рѣдкой травѣ. Сверху ласково синѣло небо—а мнѣ было такъ грустно...

— Прочтите мнѣ какіе нибудь стихи, промолвила въ полголоса Зинаида и оперлась на локоть. — Я люблю, когда вы

стихи читаете. Вы поете, но это ничего, это молодо. Прочтите мнѣ: «На холмахъ Грузіи.»—Только сядьте сперва.

Я сѣлъ и прочелъ «На холмахъ Грузіи».

— «Что не любить оно не можетъ» повторила Зинаида.— Вотъ чѣмъ поэзія хороша: она говоритъ намъ то, чего нѣтъ, и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду... Что не любить оно не можетъ—и хотѣло бы, да не можетъ! — Она опять умолкла и вдругъ встрепенулась и встала. — Пойдемте. У мамаши сидитъ Майдановъ; онъ мнѣ принесъ свою поэму, а я его оставила. Онъ также огорченъ теперь... что дѣлать! вы когда нибудь узнаете... только не сердитесь на меня!

Зинаида торопливо пожала мнѣ руку, и побѣжала впередъ. Мы вернулись во флигель. Майдановъ принялся читать намъ своего только что отпечатаннаго «Убійцу», но я не слушалъ его. Онъ выкрикивалъ на распѣвъ свои четырехъ-стопные ямбы, рифмы чередовались и звенѣли какъ бубенчики, пусто и громко, а я все глядѣлъ на Зинаиду и все старался понять значеніе ея послѣднихъ словъ.

«Иль, можетъ быть, соперникъ тайный
«Тебя нежданно покорилъ?»

воскликнулъ вдругъ въ носъ Майдановъ—и мои глаза и глаза Зинаиды встрѣтились. Она опустила ихъ и слегка покраснѣла. Я увидалъ, что она покраснѣла и похолодѣлъ отъ испуга. Я уже прежде ревновалъ къ ней, но только въ это мгновеніе мысль о томъ, что она полюбила, сверкнула у меня въ головѣ. «Боже мой! она полюбила!»

X.

Настоящія мои терзанія начались съ того мгновенья. Я ломалъ себѣ голову, раздумывалъ, передумывалъ—и неотступно, хотя по мѣрѣ возможности скрытно, наблюдалъ за Зинаидой. Въ ней произошла перемѣна—это было очевидно. Она уходила гулять одна и гуляла долго. Иногда она гостямъ не показыва-

лась: по цѣлымъ часамъ сидѣла у себя въ комнатѣ. Прежде этого за ней не водилось. Я вдругъ сдѣлался,—или мнѣ показалось, что я сдѣлался—чрезвычайно проницателенъ. «Не онъ ли? или ужъ не онъ ли?» спрашивалъ я самого себя, тревожно перебѣгая мыслію отъ одного ея поклонника къ другому. Графъ Малевскій (хоть я и стыдился за Зинаиду въ этомъ сознаться) втайнѣ казался мнѣ опаснѣе другихъ.

Моя наблюдательность не видѣла дальше своего носа, и моя скрытность, вѣроятно, никого не обманула; но крайней мѣрѣ, докторъ Лушинъ скоро меня раскусилъ. Впрочемъ, и онъ измѣнился въ послѣднее время: онъ похудѣлъ, смѣялся также часто, но какъ-то глуше, злѣе и короче—и невольная, нервическая раздражительность смѣнила въ немъ прежнюю легкую иронію и напущенный цинизмъ.

— Что вы это безпрестанно таскаетесь сюда, молодой человѣкъ—сказалъ онъ мнѣ однажды, оставшись со мною въ гостинной Засѣкиныхъ. (Княжна еще не возвращалась съ прогулки, а крикливый голосъ княгини раздавался въ мезонинѣ: она бранилась со своей горничной).—Вамъ бы надобно учиться, работать—пока вы молоды—а вы что дѣлаете?

— Вы не можете знать, работаю ли я дома—возразилъ я ему не безъ надмѣнности, но и не безъ замѣшательства.

— Какая ужь тутъ работа! у васъ не то на умѣ. Ну, я не спорю... въ ваши годы это въ порядкѣ вещей. Да выборъ-то вашъ больно неудаченъ. Развѣ вы не видите, что это за домъ?

— Я васъ не понимаю, замѣтилъ я.

— Не понимаете? тѣмъ хуже для васъ. Я считаю долгомъ предостеречь васъ. Нашему брату, старому холостяку, можно сюда ходить: что намъ дѣлается? мы народъ прокаленный, насъ ничѣмъ не проберешь; а у васъ кожица еще нѣжная; здѣсь для васъ воздухъ вредный—повѣрьте мнѣ, заразиться можете.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Развѣ вы здоровы теперь? Развѣ вы въ нормальномъ положеніи? Развѣ то, что вы чувствуете—полезно вамъ, хорошо?

— Да что же я чувствую? сказалъ я—а самъ въ душѣ сознавалъ, что докторъ правъ.

— Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, продолжалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ этихъ двухъ словахъ заключалось что-то для меня весьма обидное:—гдѣ вамъ хитрить, вѣдь у васъ еще, слава Богу, что̀ на душѣ, то и на лицѣ. А впрочемъ, что толковать? Я бы самъ сюда не ходилъ, еслибъ... (докторъ стиснулъ зубы)... еслибъ я не былъ такой же чудакъ. Только вотъ чему я удивляюсь: какъ вы съ вашимъ умомъ не видите, что̀ дѣлается вокругъ васъ?

— А что же такое дѣлается, подхватилъ я и весь насторожился.

Докторъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то насмѣшливымъ сожалѣніемъ.

— Хорошъ и я—промолвилъ онъ словно про себя—очень нужно это ему говорить. Однимъ словомъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ—повторяю вамъ: здѣшняя атмосфера вамъ не годится. Вамъ здѣсь пріятно, да мало чего нѣтъ? и въ оранжереѣ тоже пріятно пахнетъ—да жить въ ней нельзя. Эй! послушайтесь, возмитесь опять за Кайданова!

Княгиня вошла и начала жаловаться доктору на зубную боль. Потомъ явилась Зинаида.

— Вотъ—прибавила княгиня—г. докторъ, побраните-ка ее. Цѣлый день пьетъ воду со льдомъ; развѣ ей это здорово, при ея слабой груди?

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? спросилъ Лушинъ.

— А что изъ этого можетъ выйти?

— Что? вы можете простудиться и умереть.

— Въ самомъ дѣлѣ? Неужели? Ну чтожъ—туда и дорога!

— Вотъ какъ! проворчалъ докторъ.

— Вотъ какъ, повторила она. Развѣ жить такъ весело? оглянитесь-ка кругомъ... Что̀—хорошо? Или вы думаете, что я этого не понимаю, не чувствую? Мнѣ доставляетъ удовольствіе—пить воду со льдомъ, и вы серьезно можете увѣрять меня, что такая жизнь стоитъ того, чтобъ не рискнуть ею за мигъ удовольствія—я уже о счастіи не говорю.

— Ну да, замѣтилъ Лушинъ:—капризъ и независимость... Эти два слова васъ исчерпываютъ; вся ваша натура въ этихъ двухъ словахъ.

Зинаида нервически засмѣялась.

— Опоздали почтой, любезный докторъ. Наблюдаете плохо; отстаете.—Надѣньте очки.—Не до капризовъ мнѣ теперь; васъ дурачить, себя дурачить... куда какъ весело!—а что до независимости... Мсьё Вольдемаръ, прибавила вдругъ Зинаида и топнула ножкой—не дѣлайте меланхолической физіономіи. Я терпѣть не могу, когда обо мнѣ сожалѣютъ.—Она быстро удалилась.

— Вредна, вредна вамъ здѣшняя атмосфера, молодой человѣкъ, еще разъ сказалъ мнѣ Лушинъ.

XI.

Вечеромъ того же дня собрались у Засѣкиныхъ обычные гости; я былъ въ ихъ числѣ.

Разговоръ зашелъ о поэмѣ Майданова; Зинаида чистосердечно ее хвалила.—Но знаете ли что? сказала она ему:—еслибъ я была поэтомъ—я бы другіе брала сюжеты. Можетъ быть, все это вздоръ—но мнѣ иногда приходятъ въ голову странныя мысли, особенно когда я не сплю, передъ утромъ, когда небо начинаетъ становиться и розовымъ и сѣрымъ.— Я бы напримѣръ... Вы не будете надо мной смѣяться?

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнули мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Я бы представила, продолжала она, скрестивъ руки на груди и устремивъ глаза въ сторону,—цѣлое общество молодыхъ дѣвушекъ, ночью, въ большой лодкѣ — на тихой рѣкѣ. Луна свѣтитъ, а онѣ всѣ въ бѣломъ и въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, и поютъ, знаете, что нибудь въ родѣ гимна.

— Понимаю, понимаю, продолжайте, значительно и мечтательно промолвилъ Майдановъ.

— Вдругъ—шумъ, хохотъ, факелы, бубны на берегу.... Это толпа вакханокъ бѣжитъ съ пѣснями, съ крикомъ. Ужь тутъ ваше дѣло нарисовать картину, господинъ поэтъ.... только я бы хотѣла, чтобы факелы были красны и очень бы дымились и чтобы глаза у вакханокъ блестѣли подъ вѣнками, а вѣнки должны быть темные. Не забудьте также тигровыхъ кожъ и чашъ—и золота, много золота.

— Гдѣ же должно быть золото? спросилъ Майдановъ, откидывая назадъ свои плоскіе волосы и расширяя ноздри.

— Гдѣ? на плечахъ, на рукахъ, на ногахъ, вездѣ. Говорятъ, въ древности женщины золотыя кольца носили на щиколоткахъ. Вакханки зовутъ къ себѣ дѣвушекъ въ лодкѣ. Дѣвушки перестали пѣть свой гимнъ—онѣ не могутъ его продолжать—но онѣ не шевелятся: рѣка подноситъ ихъ къ берегу. И вотъ, вдругъ одна изъ нихъ тихо поднимается.... Это надо хорошо описать: какъ она тихо встаетъ при лунномъ свѣтѣ и какъ ея подруги пугаются.... Она перешагнула край лодки, вакханки ее окружили, умчали въ ночь, въ темноту.... Представьте тутъ дымъ клубами, и все смѣшалось. Только слышится ихъ визгъ, да вѣнокъ ея остался на берегу.

Зинаида умолкла. (О! она полюбила! подумалъ я опять).

— И только? спросилъ Майдановъ.

— Только, отвѣчала она.

— Это не можетъ быть сюжетомъ для цѣлой поэмы, важно замѣтилъ онъ,—но для лирическаго стихотворенія я вашей мыслію воспользуюсь.

— Въ романтическомъ родѣ? спросилъ Малевскій.

— Конечно, въ романтическомъ родѣ, въ Байроновскомъ.

— А по моему Гюго лучше Байрона, небрежно промолвилъ молодой графъ:—интереснѣе.

— Гюго писатель первокласный, возразилъ Майдановъ,—и мой пріятель Тонкошеевъ въ своемъ испанскомъ романѣ Эль-Тровадоръ....

— Ахъ, это та книга съ опрокинутыми вопросительными знаками? перебила Зинаида.

— Да. Это такъ принято у испанцевъ. Я хотѣлъ сказать, что Тонкошеевъ....

— Ну! вы опять заспорите о классицизмѣ и романтизмѣ, вторично перебила его Зинаида.—Давайте лучше играть....

— Въ фанты? подхватилъ Лушинъ.

— Нѣтъ, въ фанты скучно; а въ сравненья. (Эту игру придумала сама Зинаида: назывался какой нибудь предметъ, всякій старался сравнить его съ чѣмъ нибудь и тотъ, кто подбиралъ лучшее сравненіе, получалъ призъ). Она подошла къ окну.

Солнце только что сѣло: на небѣ высоко стояли длинныя красныя облака.

— На что похожи эти облака? спросила Зинаида и, не дожидаясь нашего отвѣта, сказала: я нахожу, что онѣ похожи на тѣ пурпуровые паруса, которые были на золотомъ кораблѣ у Клеопатры, когда она ѣхала на встрѣчу Антонію. Помните, Майдановъ, вы недавно мнѣ объ этомъ разсказывали?

Всѣ мы, какъ Полоній въ «Гамлетѣ», рѣшили, что облака напоминали именно эти паруса и что лучшаго сравненія никто изъ насъ не пріищетъ.

— А сколько лѣтъ было тогда Антонію? спросила Зинаида.

— Ужъ навѣрное былъ молодой человѣкъ, замѣтилъ Малевскій.

— Да, молодой, увѣрительно подтвердилъ Майдановъ.

— Извините, воскликнулъ Лушинъ, ему было за сорокъ лѣтъ.

— За сорокъ лѣтъ, повторила Зинаида, взглянувъ на него быстрымъ взглядомъ....

Я скоро ушелъ домой.—«Она полюбила», невольно шептали мои губы.... «Но кого?»

XII.

Дни проходили. Зинаида становилась все страннѣй, все непонятнѣй. Однажды я вошелъ къ ней и увидалъ ее сидящей на соломенномъ стулѣ, съ головой, прижатой къ острому краю стола. Она выпрямилась.... все лицо ея было облито слезами.

— А! вы! сказала она съ жестокой усмѣшкой.—Подите-ка сюда.

Я подошелъ къ ней: она положила мнѣ руку на голову и, внезапно ухвативъ меня за волосы, начала крутить ихъ.

— Больно.... проговорилъ я наконецъ.

— А! больно! а мнѣ не больно? не больно? повторила она.

— Ай! вскрикнула она вдругъ, увидавъ что выдернула у меня маленькую прядь волосъ. — Что это я сдѣлала? Бѣдный мсьё Вольдемаръ!

Она осторожно расправила вырванные волосы, обмотала ихъ вокругъ пальца и свернула ихъ въ колечко.

— Я ваши волосы къ себѣ въ медальонъ положу и носить

ихъ буду—сказала она, а у самой на глазахъ все блестѣли слезы.—Это васъ, быть можетъ, утѣшитъ не много.... а теперь прощайте.

Я вернулся домой и засталъ тамъ непріятность. У матушки происходило объясненіе съ отцомъ: она въ чемъ-то упрекала его, а онъ, по своему обыкновенію, холодно и вѣжливо отмалчивался—и скоро уѣхалъ. Я не могъ слышать, о чемъ говорила матушка, да и мнѣ было не до того; помню только, что по окончаніи объясненія, она велѣла позвать меня къ себѣ въ кабинетъ и съ большимъ неудовольствіемъ отозвалась о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ у княгини, которая, по ея словамъ, была une femme capable de tout. Я подошелъ къ ней къ ручкѣ (это я дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ прекратить разговоръ) и ушелъ къ себѣ. Слезы Зинаиды меня совершенно сбили съ толку: я рѣшительно не зналъ на какой мысли остановиться и самъ готовъ былъ плакать: я все таки былъ ребенкомъ, несмотря на мои шестнадцать лѣтъ. Уже я не думалъ болѣе о Малевскомъ, хотя Бѣловзоровъ съ каждымъ днемъ становился все грознѣе и грознѣе и глядѣлъ на увертливаго графа какъ волкъ на барана; да я ни о чемъ и ни о комъ не думалъ. Я терялся въ соображеніяхъ и все искалъ уединенныхъ мѣстъ. Особенно полюбилъ я развалины оранжереи. Взберусь, бывало, на высокую стѣну, сяду и сижу тамъ такимъ несчастнымъ, одинокимъ и грустнымъ юношей, что мнѣ самому становится себя жалко—и такъ мнѣ были отрадны эти горестныя ощущенія, такъ упивался я ими!...

Вотъ однажды сижу я на стѣнѣ, гляжу вдаль и слушаю колокольный звонъ.... вдругъ что-то пробѣжало по мнѣ—вѣтерокъ не вѣтерокъ и не дрожь, а словно дуновеніе, словно ощущеніе чьей-то близости.... Я опустилъ глаза. Внизу, по дорогѣ въ легкомъ сѣренькомъ платьѣ, съ розовымъ зонтикомъ на плечѣ, поспѣшно шла Зинаида. Она увидѣла меня, остановилась и, откинувъ край соломенной шляпы, подняла на меня свои бархатные глаза.

— Что это вы дѣлаете тамъ на такой вышинѣ? спросила она меня съ какой-то странной улыбкой. — Вотъ, продолжала она, вы все увѣряете, что вы меня любите—спрыгните ко мнѣ на дорогу, если вы дѣйствительно любите меня.

Не успѣла Зинаида произнести эти слова, какъ я уже летѣлъ внизъ, точно кто подтолкнулъ меня сзади. Въ стѣнѣ было около двухъ саженъ вышины. Я пришелся о землю ногами, но толчокъ былъ такъ силенъ, что я не могъ удержаться: я упалъ и на мгновенье лишился сознанья. Когда я пришелъ въ себя, я, не раскрывая глазъ, почувствовалъ возлѣ себя Зинаиду. «Милый мой мальчикъ»—говорила она, наклоняясь надо мною—и въ голосѣ ея звучала встревоженная нѣжность, «какъ могъ ты это сдѣлать, какъ могъ ты послушаться.... вѣдь я люблю тебя.... встань....»

Ея грудь дышала возлѣ моей, ея руки прикасались моей головы и вдругъ—что сталось со мной тогда!—ея мягкія, свѣжія губы начали покрывать все мое лицо поцалуями.... онѣ коснулись моихъ губъ.... Но тутъ Зинаида вѣроятно догадалась, по выраженію моего лица, что я уже пришелъ въ себя, хотя я все глазъ не раскрывалъ—и, быстро приподнявшись, промолвила: «Ну, вставайте, шалунъ, безумный; что это вы лежите въ пыли?» Я поднялся.—Подайте мнѣ мой зонтикъ—сказала Зинаида, вишь я его куда бросила; да не смотриге на меня такъ.... что за глупости? вы не ушиблись? чай, обожглись въ крапивѣ? Говорятъ вамъ, не смотрите на меня.... Да онъ ничего не понимаетъ, не отвѣчаетъ, прибавила она, словно про себя....—Ступайте домой, мсьё Вольдемаръ, почиститесь, да не смѣйте идти за мной—а то я разсержусь и никогда уже больше....

Она не договорила своей рѣчи и проворно удалилась, а я присѣлъ на дорогу.... ноги меня не держали. Крапива обожгла мнѣ руки, спина ныла и голова кружилась; но чувство блаженства, которое я испыталъ тогда, уже не повторилось въ моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всѣхъ моихъ членахъ и разрѣшилось наконецъ восторженными прыжками и восклицаніями. Точно: я былъ еще ребенокъ.

XIII.

Я такъ былъ веселъ и гордъ весь этотъ день, я такъ живо сохранялъ на моемъ лицѣ ощущеніе Зинаидиныхъ поцалуевъ, я съ такимъ содроганіемъ восторга вспоминалъ каждое ея слово,

я такъ лелѣялъ свое неожиданное счастіе, что мнѣ становилось даже страшно, не хотѣлось даже увидѣть ее, виновницу этихъ новыхъ ощущеній. Мнѣ казалось, что уже больше ничего нельзя требовать отъ судьбы, что теперь бы слѣдовало «взять, вздохнуть хорошенько въ послѣдній разъ да и умереть». За то, на слѣдующій день, отправляясь во флигель, я чувствовалъ большое смущеніе, которое напрасно старался скрыть подъ личиною скромной развязности, приличной человѣку, желающему дать знать, что онъ умѣетъ сохранить тайну. Зинаида приняла меня очень просто, безо всякаго волненія, только погрозила мнѣ пальцемъ и спросила: нѣтъ ли у меня синихъ пятенъ? Вся моя скромная развязность и таинственность исчезли мгновенно, а вмѣстѣ съ ними и смущеніе мое. Конечно, я ничего не ожидалъ особеннаго, но спокойствіе Зинаиды меня точно холодной водой окатило. Я понялъ, что я дитя въ ея глазахъ—и мнѣ стало очень тяжело! Зинаида ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, всякой разъ быстро улыбалась, какъ только взглядывала на меня; но мысли ея были далеко, я это ясно видѣлъ.... «Заговорить самому о вчерашнемъ дѣлѣ, подумалъ я—спросить ее, куда она такъ спѣшила, чтобъ узнать окончательно....» но я только махнулъ рукой и присѣлъ въ уголокъ.

Бѣловзоровъ вошелъ; я ему обрадовался.

— Не нашелъ я вамъ верховой лошади, смирной—заговорилъ онъ суровымъ голосомъ.—Фрейтагъ мнѣ ручается за одну, да я не увѣренъ. Боюсь.

— Чего же вы боитесь—спросила Зинаида—позвольте спросить?

— Чего? Вѣдь вы не умѣете ѣздить. Сохрани Богъ, что случится! И что за фантазія пришла вамъ вдругъ въ голову?

— Ну, это мое дѣло, мсьё мой звѣрь. Въ такомъ случаѣ я попрошу Петра Васильевича.... (Моего отца звали Петромъ Васильевичемъ.) Я удивился тому, что она такъ легко и свободно упомянула его имя, точно она была увѣрена въ его готовности услужить ей.

— Вотъ какъ, возразилъ Бѣловзоровъ. — Вы это съ нимъ хотите ѣздить?

— Съ нимъ или съ другимъ—это для васъ все равно. Только не съ вами.

— Не со мной, повторилъ Бѣловзоровъ. — Какъ хотите. Чтожъ? Я вамъ лошадь доставлю.

— Да только смотрите, не корову какую-нибудь. Я васъ предувѣдомляю, что я хочу скакать.

— Скачите пожалуй.... Съ кѣмъ же это, съ Малевскимъ, что ли, вы поѣдете?

— А почему бы и не съ нимъ, воинъ? Ну, успокойтесь, прибавила она, и не сверкайте глазами. Я и васъ возьму. Вы знаете, что для меня теперь Малевскій — фи! —Она тряхнула головой.

— Вы это говорите, чтобы меня утѣшить, проворчалъ Бѣловзоровъ.

Зинаида прищурилась.—Это васъ утѣшаетъ? О.... о.... о.... воинъ! сказала она наконецъ, какъ бы не найдя другаго слова.— А вы, мсьё Вольдемаръ, поѣхали ли бы вы съ нами?

— Я не люблю.... въ большомъ обществѣ.... пробормоталъ я, не поднимая глазъ.

— Вы предпочитаете tête-à-tête?... Ну, вольному воля, спасенному.... рай, промолвила она, вздохнувши.—Ступайте же, Бѣловзоровъ, хлопочите. Мнѣ лошадь нужна къ завтрашнему дню.

— Да; а деньги откуда взять? вмѣшалась княгиня.

Зинаида наморщила брови.

— Я у васъ ихъ не попрошу; Бѣловзоровъ мнѣ повѣритъ.

— Повѣритъ, повѣритъ.... проворчала княгиня — и вдругъ во все горло закричала: Дуняшка!

— Матап, я вамъ подарила колокольчикъ, замѣтила княжна.

— Дуняшка! повторила старуха.

Бѣловзоровъ откланялся; я ушелъ вмѣстѣ съ нимъ. Зинаида меня не удерживала.

XIV.

На слѣдующее утро я всталъ рано, вырѣзалъ себѣ палку и отправился за заставу. Пойду-молъ, размыкаю свое горе. День былъ прекрасный, свѣтлый и не слишкомъ жаркій; веселый, свѣжій вѣтеръ гулялъ надъ землею и въ мѣру шумѣлъ и игралъ, все шевеля и ничего не тревожа. Я долго бродилъ по горамъ,

по лѣсамъ; я не чувствовалъ себя счастливымъ, я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ предаться унынію,—но молодость, прекрасная погода, свѣжій воздухъ, потѣха быстрой хотьбы, нѣга уединеннаго лежанія на густой травѣ—взяли свое: воспоминаніе о тѣхъ незабвенныхъ словахъ, о тѣхъ поцалуяхъ опять втѣснилось мнѣ въ душу. Мнѣ пріятно было думать, что Зинаида не можетъ, однако, не отдать справедливости моей рѣшимости, моему героизму... Другіе для нея лучше меня, думалъ я, пускай! За то другіе только скажутъ, что сдѣлаютъ, а я сдѣлалъ. И то ли я въ состояніи еще сдѣлать для нея! — Воображеніе мое заиграло. Я началъ представлять себѣ, какъ я буду спасать ее изъ рукъ непріятелей, какъ я, весь облитый кровью, исторгну ее изъ темницы, какъ умру у ея ногъ. Я вспомнилъ картину, висѣвшую у насъ въ гостинной: Малекъ-Аделя, уносящаго Матильду—и тутъ же занялся появленіемъ большаго пестраго дятла, который хлопотливо поднимался по тонкому стволу березы и съ безпойкойствомъ выглядывалъ изъ-за нея , то на право, то на лѣво, точно музыкантъ изъ за шейки контробаса.

Потомъ я запѣлъ: «Не бѣлы снѣги» и свелъ на извѣстный въ то время романсъ: «Я жду тебя, когда зефиръ игривый»; потомъ я началъ громко читать обращеніе Ермака къ звѣздамъ изъ трагедіи Хомякова; попытался было сочинить что нибудь въ чувствительномъ родѣ, придумалъ даже строчку, которой должно было заканчиваться все стихотвореніе: «о Зинаида! Зинаида!» но ничего не вышло. Между тѣмъ наступало время обѣда. Я спустился въ долину; узкая песчаная дорожка вилась по ней и вела въ городъ. Я пошелъ по ней.... Глухой стукъ лошадиныхъ копытъ раздался за мною. Я оглянулся и невольно остановился и снялъ фуражку: я увидѣлъ моего отца и Зинаиду. Они ѣхали рядомъ. Отецъ говорилъ ей что-то, перегнувшись къ ней всѣмъ станомъ и опершись рукою на шею лошади; онъ улыбался, Зинаида слушала его молча, строго опустивъ глаза и сжавши губы. Я сперва увидалъ ихъ однихъ; только черезъ нѣсколько мгновеній, изъ-за поворота долины показался Бѣловзоровъ въ гусарскомъ мундирѣ съ ментикомъ, на опѣненномъ ворономъ конѣ. Добрый конь моталъ головою, фыркалъ и плясалъ: всадникъ и сдерживалъ его, и шпорилъ. Я посторонился. Отецъ подобралъ поводья, отклонился отъ

Зинаиды, она медленно подняла на него глаза—и оба поскакали.... Бѣловзоровъ промчался вслѣдъ за ними, гремя саблей. «Онъ красенъ какъ ракъ, подумалъ я—а она.... Отчего она такая блѣдная? ѣздила верхомъ цѣлое утро, и блѣдная?»

Я удвоилъ шаги и поспѣлъ домой передъ самымъ обѣдомъ. Отецъ уже сидѣлъ переодѣтый, вымытый и свѣжій возлѣ матушкинаго кресла и читалъ ей своимъ ровнымъ и звучнымъ голосомъ фельетонъ Journal des Débats; но матушка слушала его безъ вниманія и, увидавши меня, спросила, гдѣ я пропадалъ цѣлый день и прибавила, что не любитъ когда таскаются Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ съ кѣмъ. Да я гулялъ одинъ, хотѣлъ было я отвѣтить, но посмотрѣлъ на отца и почему-то промолчалъ.

XV.

Въ теченіи слѣдующихъ пяти, шести дней я почти не видѣлъ Зинаиды: она сказывалась больною, что не мѣшало, однако, обычнымъ посѣтителямъ флигеля являться — какъ они выражались — на свое дежурство — всѣмъ, кромѣ Майданова, который тотчасъ падалъ духомъ и скучалъ, какъ только не имѣлъ случая восторгаться. Бѣловзоровъ сидѣлъ угрюмо въ углу, весь застегнутый и красный; на тонкомъ лицѣ графа Малевскаго постоянно бродила какая-то недобрая улыбка; онъ, дѣйствительно, впалъ въ немилость у Зинаиды и съ особеннымъ стараньемъ подслуживался старой княгинѣ, ѣздилъ съ ней въ ямской каретѣ къ генералъ-губернатору. Впрочемъ, эта поѣздка оказалась неудачной и Малевскому вышла даже непріятность: ему напомнили какую-то исторію съ какими-то путейскими офицерами—и онъ долженъ былъ въ объясненіяхъ своихъ сказать, что былъ тогда неопытенъ. Лушинъ пріѣзжалъ раза по два въ день, но оставался недолго: я немножко боялся его послѣ нашего послѣдняго объясненія и, въ тоже время, чувствовалъ къ нему искреннее влеченіе. Онъ однажды пошелъ гулять со мною по Нескучному саду, былъ очень добродушенъ и любезенъ, сообщалъ мнѣ названія и свойства разныхъ травъ и цвѣтовъ, и вдругъ, какъ говорится — ни къ

селу ни къ городу—воскликнулъ, ударивъ себя по лбу: а я, дуракъ, думалъ, что она кокетка! видно — жертвовать собою сладко—для иныхъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ я.

— Вамъ я ничего не хочу сказать, отрывисто возразилъ Лушинъ.

Меня Зинаида избѣгала: мое появленіе — я не могъ этого не замѣтить—производило на нее впечатлѣніе непріятное. Она невольно отворачивалась отъ меня.... невольно; вотъ что было горько, вотъ что меня сокрушало! Но дѣлать было нечего—и я старался не попадаться ей на глаза, и лишь издали ее подкарауливалъ, что не всегда мнѣ удавалось. Съ ней по прежнему происходило что-то непонятное; ея лицо стало другое, вся она другая стала. Особенно поразила меня происшедшая въ ней перемѣна — въ одинъ теплый тихій вечеръ. Я сидѣлъ на низенькой скамеечкѣ подъ широкимъ кустомъ бузины; я любилъ это мѣстечко: оттуда было видно окно Зинаидиной комнаты. Я сидѣлъ: надъ моей головой въ потемнѣвшей листвѣ хлопотливо ворошилась маленькая птичка; сѣрая кошка, вытянувъ спину, осторожно кралась въ садъ, и первые жуки тяжело гудѣли въ воздухѣ, еще прозрачномъ, хотя уже не свѣтломъ. Я сидѣлъ и смотрѣлъ на окно и ждалъ, не отворится ли оно: точно—оно отворилось и въ немъ появилась Зинаида. На ней было бѣлое платье—и сама она, ея лицо, плечи, руки—были блѣдны до бѣлизны. Она долго осталась неподвижной и долго глядѣла неподвижно и прямо изъ подъ сдвинутыхъ бровей. Я и не зналъ за ней такого взгляда. Потомъ она стиснула руки, крѣпко-крѣпко, поднесла ихъ къ губамъ, ко лбу — и вдругъ, раздернувъ пальцы, откинула волосы отъ ушей, встряхнула ими и съ какой-то рѣшительностью кивнувъ сверху внизъ головою, захлопнула окно.

Дня три спустя, она встрѣтила меня въ саду. Я хотѣлъ уклониться въ сторону, но она сама меня остановила.

— Дайте мнѣ руку—сказала она мнѣ съ прежней лаской—мы давно съ вами не болтали.

Я взглянулъ на нее: глаза ея тихо свѣтились и лицо улыбалось, но точно сквозь дымку.

— Вы все еще нездоровы? спросилъ я ее.

— Нѣтъ, теперь все прошло, отвѣчала она и сорвала небольшую красную розу.—Я немножко устала, но и это пройдетъ.

— И вы опять будете такая же, какъ прежде? спросилъ я.

Зинаида поднесла розу къ лицу — и мнѣ показалось, какъ будто отблескъ яркихъ лепестковъ упалъ ей на щеки.—Развѣ я измѣнилась? спросила она меня.

— Да, измѣнились—отвѣтилъ я въ полголоса.

— Я съ вами была холодна—я знаю, начала Зинаида—но вы не должны были обращать на это вниманія.... Я не могла иначе.... Ну, да что объ этомъ говорить!

— Вы не хотите, чтобъ я любилъ васъ — вотъ что! воскликнулъ я мрачно, съ невольнымъ порывомъ.

— Нѣтъ, любите меня, но не такъ какъ прежде.

— Какъ же?

— Будемъ-те друзьями — вотъ какъ! — Зинаида дала мнѣ понюхать розу.—Послушайте, вѣдь я гораздо старше васъ—я могла бы быть вашей тетушкой, право; ну, не тетушкой, старшей сестрой. А вы....

— Я для васъ ребенокъ, перебилъ я ее.

— Ну да, ребенокъ, но милый, хорошій, умный, котораго я очень люблю. Знаете ли что? Я васъ съ нынѣшняго же дня жалую къ себѣ въ пажи; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться отъ своихъ госпожъ. Вотъ вамъ знакъ вашего новаго достоинства—прибавила она, вдѣвая розу въ петлю моей курточки;—знакъ нашей къ вамъ милости.

— Я отъ васъ прежде получалъ другія милости, пробормоталъ я.

— А! промолвила Зинаида и съ боку посмотрѣла на меня.... Какая у него память! Что-жь? я и теперь готова.

И, склонившись ко мнѣ, она напечатлѣла мнѣ на лобъ чистый, спокойный поцалуй.

Я только посмотрѣлъ на нее—а она отвернулась и сказавши: ступайте за мной, мой пажъ—пошла къ флигелю. Я отправился вслѣдъ за нею — и все недоумѣвалъ. Неужели—думалъ я—эта кроткая, разсудительная дѣвушка—та самая Зи-

наида, которую я зналъ? и походка ея мнѣ казалась тише—и вся ея фигура величественнѣе и стройнѣй....

И Боже мой! съ какой новой силой разгаралась во мнѣ любовь!

XVI.

Послѣ обѣда опять собрались во флигелѣ гости — и княжна вышла къ нимъ. Все общество было на лицо, въ полномъ составѣ, какъ въ тотъ первый, незабвенный для меня вечеръ: даже Нирмацкій приташился; Майдановъ пришелъ въ этотъ разъ раньше всѣхъ—онъ принесъ новые стихи. Начались опять игры въ фанты, но уже безъ прежнихъ странныхъ выходокъ, безъ дурачествъ и шума—цыганскій элементъ исчезъ. Зинаида дала новое настроеніе нашей сходкѣ. Я сидѣлъ подлѣ нея по праву пажа. Между прочимъ она предложила, чтобы тотъ, чей фантъ вынется, разсказалъ свой сонъ; но это не удалось. Сны выходили либо не интересные (Бѣловзоровъ видѣлъ во снѣ, что накормилъ свою лошадь карасями, и что у ней была деревянная голова), либо неестественные, сочиненные. Майдановъ угостилъ насъ цѣлою повѣстью: тутъ были и могильные склепы, и ангелы съ лирами, и говорящіе цвѣты, и несущіеся издалека звуки. Зинаида не дала ему докончить. Коли ужь дѣло пошло на сочиненія—сказала она — такъ пускай каждый разскажетъ что нибудь непремѣнно выдуманное.—Первому досталось говорить тому же Бѣловзорову.

Молодой гусаръ смутился. — Я ничего выдумать не могу! воскликнулъ онъ.

— Какіе пустяки! подхватила Зинаида. — Ну, вообразите себѣ напримѣръ, что вы женаты и раскажите намъ, какъ бы вы проводили время съ вашей женой. Вы бы ее заперли?

— Я бы ее заперъ.

— И сами бы сидѣли съ ней?

— И самъ непремѣнно сидѣлъ бы съ ней.

— Прекрасно. Ну, а еслибы ей это надоѣло, и она бы измѣнила вамъ?

— Я бы ее убилъ.

— А еслибъ она убѣжала?

— Я бы догналъ ее и все таки бы убилъ.

— Такъ. Ну, а положимъ, я была бъ вашей женой, что бы вы тогда сдѣлали?

Бѣловзоровъ помолчалъ.—Я бы себя убилъ....

Зинаида засмѣялась.—Я вижу, у васъ недолга пѣсня.

Второй фантъ вышелъ Зинаидинъ. Она подняла глаза къ потолку и задумалась.—Вотъ, послушайте, начала она наконецъ, что я выдумала. Представьте себѣ великолѣпный чертогъ, лѣтнюю ночь и удивительный балъ. Балъ этотъ даетъ молодая королева. Вездѣ золото, мраморъ, хрусталь, шелкъ, огни, алмазы, цвѣты, куренья, всѣ прихоти роскоши.

— Вы любите роскошь? перебилъ ее Лушинъ.

— Роскошь красива, возразила она — я люблю все красивое.

— Больше прекраснаго? спросилъ онъ.

— Это что-то хитро, не понимаю. Не мѣшайте мнѣ. Итакъ балъ великолѣпный. Гостей множество, всѣ они молоды, прекрасны, храбры, всѣ безъ памяти влюблены въ королеву.

— Женщинъ нѣтъ въ числѣ гостей? спросилъ Малевскій.

— Нѣтъ—или погодите—есть.

— Все некрасивыя?

— Прелестныя. Но мужчины всѣ влюблены въ королеву. Она высока и стройна; у ней маленькая золотая діадема на черныхъ волосахъ.

Я посмотрѣлъ на Зинаиду—и въ это мгновеніе она мнѣ показалась на столько выше всѣхъ насъ; отъ ея бѣлаго лба, отъ ея недвижныхъ бровей вѣяло такимъ свѣтлымъ умомъ и такою властію, что я подумалъ: «ты сама эта королева!»

— Всѣ толпятся вокругъ нея—продолжала Зинаида, — всѣ расточаютъ передъ ней самыя льстивыя рѣчи.

— А она любитъ лесть? спросилъ Лушинъ

— Какой несносный! все перебиваетъ.... Кто жъ не любитъ лести?

— Еще одинъ послѣдній вопросъ — замѣтилъ Малевскій. У королевы есть мужъ?

— Я объ этомъ и не подумала. Нѣтъ, зачѣмъ мужъ?

— Конечно—подхватилъ Малевскій—зачѣмъ мужъ?

— Silence! воскликнулъ Майдановъ, который по французски говорилъ плохо.

— Мегсі, сказала ему Зинаида. Итакъ, королева слушаетъ эти рѣчи, слушаетъ музыку, но не глядитъ ни на кого изъ гостей. Шесть оконъ раскрыты сверху до низу, отъ потолка до полу; а за ними темное небо съ большими звѣздами, да темный садъ съ большими деревьями. Королева глядитъ въ садъ. Тамъ, около деревьевъ, фонтанъ: онъ бѣлѣетъ во мракѣ— длинный, длинный, какъ привидѣніе. Королева слышитъ сквозь говоръ и музыку тихій плескъ воды. Она смотритъ и думаетъ: вы всѣ, господа, благородны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждымъ моимъ словомъ, вы всѣ готовы умереть у моихъ ногъ, я владѣю вами.... а тамъ возлѣ фонтана, возлѣ этой плещущей воды, стоитъ и ждетъ меня тотъ, кого я люблю, кто мною владѣетъ. На немъ нѣтъ ни богатаго платья, ни драгоцѣнныхъ камней, никто его не знаетъ, но онъ ждетъ меня и увѣренъ, что я приду—и я приду, и нѣтъ такой власти, которая бы остановила меня, когда я захочу пойти къ нему, и остаться съ нимъ, и потеряться съ нимъ тамъ, въ темнотѣ сада, подъ шорохъ деревьевъ, подъ плескъ фонтана....

Зинаида умолкла.

— Это выдумка? хитро спросилъ Малевскій.

Зинаида даже не посмотрѣла на него.

— А что бы мы сдѣлали господа,—вдругъ заговорилъ Лушинъ — еслибы мы были въ числѣ гостей и знали про этого счастливца у фонтана?

— Постойте, постойте,— перебила Зинаида; я сама скажу вамъ, что бы каждый изъ васъ сдѣлалъ. Вы, Бѣловзоровъ, вызвали бы его на дуэль; вы, Майдановъ, написали бы на него эпиграмму.... Впрочемъ, нѣтъ — вы не умѣете писать эпиграммъ: вы сочинили бы на него длинный ямбъ въ родѣ Барбье и помѣстили бы ваше произведеніе въ «Телеграфѣ». Вы, Нирмацкій, заняли бы у него — нѣтъ, вы бы дали ему взаймы денегъ за проценты; вы, докторъ.... она остановилась....—Вотъ я про васъ не знаю, что бы вы сдѣлали.

— По званію лейбъ-медика, отвѣчалъ Лушинъ, я бы присовѣтовалъ королевѣ не давать баловъ, когда ей не до гостей.

— Можетъ быть, вы были бы правы. А вы, графъ....

— А я? повторилъ со своей недоброй улыбкой Малевскій...

— А вы бы поднесли ему отравленную конфетку.

Лице Малевскаго слегка перекосилось и приняло на мигъ жидовское выраженіе, но онъ тотчасъ же захохоталъ.

— Что же касается до васъ, Вольдемаръ, продолжала Зинаида.... впрочемъ, довольно; давайте играть въ другую игру.

— Мсьё Вольдемаръ, въ качествѣ пажа королевы, держалъ бы ей шлейфъ, когда бы она побѣжала въ садъ—ядовито замѣтилъ Малевскій.

Я вспыхнулъ, но Зинаида проворно положила мнѣ на плечо руку и, приподнявшись, промолвила слегка дрожавшимъ голосомъ: Я никогда не давала вашему сіятельству права быть дерзкимъ, и потому прошу васъ удалиться.—Она указала ему на дверь.

— Помилуйте, княжна—пробормоталъ Малевскій и весь поблѣднѣлъ....

— Княжна права—воскликнулъ Бѣловзоровъ и тоже поднялся.

— Я, ей Богу, никакъ не ожидалъ—продолжалъ Малевскій; въ моихъ словахъ, кажется, ничего не было такого.... У меня и въ мысляхъ не было оскорбить васъ.... Простите меня.

Зинаида окинула его холоднымъ взглядомъ и холодно усмѣхнулась.—Пожалуй, останьтесь, промолвила она съ небрежнымъ движеніемъ руки.—Мы съ мсьё Вольдемаромъ напрасно разсердились. Вамъ весело жалиться.... на здоровье.

— Простите меня—еще разъ повторилъ Малевскій; а я, вспоминая движеніе Зинаиды, подумалъ опять, что настоящая королева не могла бы съ большимъ достоинствомъ указать дерзновенному на дверь.

Игра въ фанты продолжалась не долго послѣ этой небольшой сцены; всѣмъ немного стало неловко, не столько отъ самой этой сцены, сколько отъ другаго, не совсѣмъ опредѣленнаго, но тяжелаго чувства. Никто о немъ не говорилъ, но всякій сознавалъ его и въ себѣ, и въ своемъ сосѣдѣ. Майдановъ прочелъ намъ свои стихи — и Малевскій съ преувеличеннымъ жаромъ расхвалилъ ихъ. «Какъ ему теперь хочется показаться добрымъ», шепнулъ мнѣ Лушинъ. Мы скоро разошлись. На Зинаиду внезапно напало раздумье; княгиня выслала сказать, что у

ней голова болитъ; Нирмацкій сталъ жаловаться на свои ревматизмы....

Я долго не могъ заснуть; меня поразилъ разсказъ Зинаиды. Неужели въ немъ заключался намекъ? спрашивалъ я самаго себя; и на кого, на что она намекала? И если точно есть, на что намекнуть, какже рѣшиться.... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть—шепталъ я, переворачиваясь съ одной горячей щеки на другую.... Но я вспоминалъ выраженіе лица Зинаиды во время ея разсказа.... я вспоминалъ восклицаніе, вырвавшееся у Лушина въ Нескучномъ, внезапныя перемѣны въ ея обращеніи со мною—и терялся въ догадкахъ. Кто онъ? Эти два слова точно стояли передъ моими глазами, начертанныя во мракѣ;—точно низкое, зловѣщее облако повисло надо мною—и я чувствовалъ его давленіе — и ждалъ, что вотъ – вотъ оно разразится. Ко многому я привыкъ въ послѣднее время, на многое насмотрѣлся у Засѣкиныхъ: ихъ безпорядочность, сальные огарки, сломанные ножи и вилки, мрачный Вонифатій, обтёрханныя горничныя, манеры самой княгини—вся эта странная жизнь уже не поражала меня болѣе.... Но къ тому, что мнѣ смутно чудилось теперь въ Зинаидѣ—я привыкнуть не могъ... Авантюрьерка—сказала про нее однажды моя мать. Авантюрьерка — она, мой идолъ, мое божество! Это названіе жгло меня, я старался уйти отъ него въ подушку, я негодовалъ—и въ тоже время, на что бы я ни согласился, чего бы я ни далъ, чтобы только быть тѣмъ счастливцемъ у фонтана!...

Кровь во мнѣ загорѣлась и расходилась. «Садъ... фонтанъ»... подумалъ я... «Пойду-ка я въ садъ.» Я проворно одѣлся и выскользнулъ изъ дому. Ночь была темна, деревья чуть шептали; съ неба падалъ тихій холодокъ, отъ огорода тянуло запахомъ укропа. Я обошелъ всѣ аллеи; легкій звукъ моихъ шаговъ меня и смущалъ и бодрилъ; я останавливался, ждалъ и слушалъ, какъ стукало мое сердце—крупно и скоро. Наконецъ я приблизился къ забору и оперся на тонкую жердь. Вдругъ — или это мнѣ почудилось? — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня промелькнула женская фигура.... Я усиленно устремилъ взоръ въ темноту—я притаилъ дыханіе. Что это? Шаги ли мнѣ слышатся или это опять стучитъ мое сердце? «Кто здѣсь?» пролепеталъ я едва внятно. Что это опять? подавленный ли смѣхъ?... или шорохъ

въ листьяхъ.... или вздохъ надъ самымъ ухомъ? Мнѣ стало страшно.... «Кто здѣсь?» повторилъ я еще тише.

Воздухъ заструился на мгновеніе; по небу сверкнула огненная полоска: звѣзда покатилась. «Зинаида?» хотѣлъ спросить я, но звукъ замеръ у меня на губахъ. И вдругъ все стало глубоко безмолвно кругомъ, какъ это часто бываетъ въ середину ночи.... Даже кузнечики перестали трещать въ деревьяхъ — только окошко гдѣ-то звякнуло. Я постоялъ, постоялъ и вернулся въ свою комнату, къ своей простывшей постелѣ. Я чувствовалъ странное волненіе: точно я ходилъ на свиданіе—и остался одинокимъ и прошелъ мимо чужаго счастія.

XVII.

На слѣдующій день я видѣлъ Зинаиду только мелькомъ: она ѣздила куда-то съ княгинею на извощикѣ. За то я видѣлъ Лушина, который, впрочемъ, едва удостоилъ меня привѣта, и Малевскаго. Молодой графъ осклабился и дружелюбно заговорилъ со мною. Изо всѣхъ посѣтителей флигелька онъ одинъ умѣлъ втереться къ намъ въ домъ и полюбился матушкѣ. Отецъ его не жаловалъ и обращался съ нимъ до оскорбительности вѣжливо.

— Ah, monsieur le page — началъ Малевскій—очень радъ васъ встрѣтить. Что дѣлаетъ ваша прекрасная королева?

Его свѣжее, красивое лицо такъ мнѣ было противно въ эту минуту—и онъ глядѣлъ на меня такъ презрительно-игриво, что я не отвѣчалъ ему вовсе.

— Вы все сердитесь? продолжалъ онъ.—Напрасно. Вѣдь не я васъ назвалъ пажомъ, а пажи бываютъ преимущественно у королевъ. Но позвольте вамъ замѣтить, что вы худо исполняете свою обязанность.

— Какъ такъ?

— Пажи должны быть неотлучны при своихъ владычицахъ; пажи должны все знать, что онѣ дѣлаютъ, они должны даже наблюдать за ними—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ—днемъ и ночью.

— Что вы хотите сказать?

— Что я хочу сказать? Я, кажется, ясно выражаюсь. Днемъ —и ночью. Днемъ еще такъ и сякъ; днемъ свѣтло и людно; но ночью—тутъ какъ разъ жди бѣды. Совѣтую вамъ не спать по ночамъ и наблюдать, наблюдать изо всѣхъ силъ. Помните— въ саду, ночью, у фонтана—вотъ гдѣ надо караулить. Вы мнѣ спасибо скажете.

Малевскій засмѣялся и повернулся ко мнѣ спиной. Онъ, вѣроятно, не придавалъ особеннаго значенья тому, что сказалъ мнѣ; онъ имѣлъ репутацію отличнаго мистификатора и славился своимъ умѣніемъ дурачить людей на маскарадахъ; чему весьма способствовала та, почти безсознательная, лживость, которою было проникнуто все его существо.... Онъ хотѣлъ только подразнить меня; но каждое его слово протекло ядомъ по всѣмъ моимъ жаламъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову. А! вотъ что! сказалъ я самому себѣ: добро! Стало быть, мои вчерашнія предчувствія были справедливы! стало быть меня не даромъ тянуло въ садъ! Такъ не бывать же этому, воскликнулъ я громко и ударилъ кулакомъ себя въ грудь, хотя я собственно и не зналъ — чему не бывать. — Самъ ли Малевскій пожалуетъ въ садъ—думалъ я (онъ, можетъ быть, проболтался: на это дерзости у него станетъ) — другой ли кто — (ограда нашего сада была очень низка и никакого труда не стоило перелѣзть черезъ нее)—но только не сдоброватъ тому, кто мнѣ попадется! Никому не совѣтую встрѣчаться со мною! Я докажу всему свѣту и ей, измѣнницѣ (я такъ-таки и назвалъ ее измѣнницей)—что я умѣю мстить!

Я вернулся къ себѣ въ комнату, досталъ изъ письменнаго стола недавно купленый англійскій ножикъ, пощупалъ остріе лезвія и, нахмуривъ брови, съ холодной и сосредоточенной рѣшительностью сунулъ его къ себѣ въ карманъ, точно мнѣ такія дѣла дѣлать было не въ диво и не въ первой. Сердце во мнѣ злобно приподнялось и окаменѣло; я до самой ночи не раздвинулъ бровей и не разжалъ губъ, и то и дѣло похаживалъ взадъ и впередъ, стискивая рукою въ карманѣ разогрѣвшійся ножъ и заранѣе приготовляясь къ чему-то страшному. Эти новыя, небывалыя ощущенія до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаидѣ я мало думалъ. Мнѣ все мерещились—Алеко, молодой цыганъ—«куда, красавецъ моло-

дой? — Лежи!» а потомъ: «ты весь обрызганъ кровью!... О, что ты сдѣлалъ?... Ничего!»—Съ какой жестокой улыбкой я повторилъ это: ничего! Отца не было дома; но матушка, которая съ нѣкотораго времени находилась въ состояніи почти постояннаго глухаго раздраженія, обратила вниманіе на мой фатальный видъ и сказала мнѣ за ужиномъ: чего ты дуешься, какъ мышь на крупу? Я только снисходительно усмѣхнулся ей въ отвѣтъ и подумалъ: еслибъ они знали! Пробило 11 часовъ; я ушелъ къ себѣ, но не раздѣвался, я выжидалъ полночи; наконецъ пробила и она. Пора! шепнулъ я сквозь зубы и, застегнувшись до верху, засучивъ даже рукава, отправился въ садъ.

Я уже заранѣе выбралъ себѣ мѣсто, гдѣ караулить. На концѣ сада, тамъ гдѣ заборъ, раздѣлявшій наши и Засѣкинскія владѣнія, упирался въ общую стѣну, росла одинокая ель; стоя подъ ея низкими густыми вѣтвями, я могъ хорошо видѣть, на сколько позволяла ночная темнота, что происходило вокругъ; тутъ же вилась дорожка, которая мнѣ всегда казалась таинственной: она змѣей проползала подъ заборомъ, носившемъ въ этомъ мѣстѣ слѣды перелѣзавшихъ ногъ, и вела къ круглой бесѣдкѣ изъ сплошныхъ акацій. Я добрался до ели, прислонился къ ея стволу и началъ караулить.

Ночь стояла такая же тихая, какъ и наканунѣ; но на небѣ было меньше тучъ—и очертанья кустовъ, даже высокихъ цвѣтовъ, яснѣе виднѣлись. Первыя мгновенья ожиданья были томительны, почти страшны. Я на все рѣшился, я только соображалъ: какъ мнѣ поступить: загремѣть ли: «Куда идешь? Стой! сознайся—или смерть!»—или просто поразить.... Каждый звукъ, каждый шорохъ и шелестъ казался мнѣ значительнымъ, необычайнымъ... Я готовился... Я наклонялся впередъ... Но прошло полчаса, прошолъ часъ; кровь моя утихала, голова холодѣла; созваніе, что я напрасно все это дѣлаю, что я даже нѣсколько смѣшонъ, что Малевскій подшутилъ надо мною—начало прокрадываться мнѣ въ душу. Я покинулъ мою засаду и обошелъ весь садъ. Какъ нарочно, нигдѣ не было слышно малѣйшаго шума; все покоилось; даже собака наша спала, свернувшись въ клубочекъ у калитки. Я взобрался на развалину оранжереи, увидалъ передъ собою далекое поле, вспомнилъ мою встрѣчу съ Зинаидой и задумался...

Я вздрогнулъ.... Мнѣ почудился скрипъ отворявшейся двери, потомъ легкій трескъ переломаннаго сучка. Я въ два прыжка спустился съ развалины—и замеръ на мѣстѣ. Быстрые, легкіе, но осторожные шаги явственно раздавались въ саду. Они приближались ко мнѣ. «Вотъ онъ.... Вотъ онъ наконецъ!» промчалось у меня по сердцу. Я судорожно выдернулъ ножъ изъ кармана, судорожно раскрылъ его—какія-то красныя искры закрутились у меня въ глазахъ, отъ страха и злости на головѣ зашевелились волосы.... Шаги направлялись прямо на меня—я сгибался, я тянулся имъ на встрѣчу.... Показался человѣкъ... Боже мой! Это былъ мой отецъ!

Я тотчасъ узналъ его, хотя онъ весь закутался въ темный плащъ, и шляпу надвинулъ на лицо. На цыпочкахъ прошолъ онъ мимо. Онъ не замѣтилъ меня, хотя меня ничего не скрывало, но я такъ скорчился и съежился, что, кажется, сравнялся съ самою землею. Ревнивый, готовый на убійство Отелло внезапно превратился въ школьника.... Я до того испугался неожиданнаго появленія отца, что даже на первыхъ порахъ не замѣтилъ, откуда онъ шолъ и куда исчезъ. Я только тогда выпрямился и подумалъ: «зачѣмъ это отецъ ходитъ ночью по саду,»—когда опять все утихло вокругъ. Со страху я уронилъ ножъ въ траву, но даже искать его не сталъ: мнѣ было очень стыдно. Я разомъ отрезвился. Возвращаясь домой, я однако подошелъ къ моей скамеечкѣ подъ кустомъ бузины и взглянулъ на окошко Зинаидиной спальни. Небольшія, не много выгнутыя стекла окошка тускло синѣли при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночнаго неба. Вдругъ—цвѣтъ ихъ сталъ измѣняться... За ними—я это видѣлъ, видѣлъ явственно—осторожно и тихо спускалась бѣловатая штора, спустилась до оконницы—и такъ и осталась неподвижной.

— Что жъ это такое? проговорилъ я вслухъ, почти невольно, когда снова очутился въ своей комнатѣ. Сонъ, случайность, или... Предположенія, которыя внезапно вошли мнѣ въ голову, такъ были новы и странны, что я не смѣлъ даже предаться имъ.

XVIII.

Я всталъ по утру съ головною болью. Вчерашнее волненіе исчезло. Оно замѣнилось тяжелымъ недоумѣніемъ и какою-то, еще небывалою грустью—точно во мнѣ что-то умирало.

— Что это вы смотрите кроликомъ, у котораго вынули половину мозга? сказалъ мнѣ, встрѣтившись со мною, Лушинъ. За завтракомъ я украдкой взглядывалъ то на отца, то на мать: онъ былъ спокоенъ, по обыкновенію; она, по обыкновенію, тайно раздражалась. Я ждалъ, не заговоритъ ли отецъ со мною дружелюбно, какъ это иногда съ нимъ случалось.. Но онъ даже не поласкалъ меня своею вседневною, холодною лаской. Разсказать все Зинаидѣ? подумалъ я.... Вѣдь ужь все равно— все кончено между нами.—Я отправился къ ней, но не только ничего не разсказалъ ей—даже побесѣдовать съ ней мнѣ не удалось, какъ бы хотѣлось. Къ княгинѣ на вакансію пріѣхалъ изъ Петербурга родной ея сынъ, кадетъ, лѣтъ двѣнадцати; Зинаида тотчасъ поручила мнѣ своего брата.—Вотъ вамъ, сказала она, мой милый Володя—(она въ первый разъ такъ меня называла) товарищъ. Его тоже зовутъ Володей. Пожалуйста, полюбите его; онъ еще дичокъ, но у него сердце доброе. Покажите ему Нескучное, гуляйте съ нимъ, возьмите его подъ свое покровительство. Не правда ли, вы это сдѣлаете? вы тоже такой добрый!—Она ласково положила мнѣ обѣ руки на плечи— а я совсѣмъ потерялся. Прибытіе этого мальчика превращало меня самаго въ мальчика. Я глядѣлъ молча на кадета, который такъ-же безмолвно уставился на меня. Зинаида расхохоталась и толкнула насъ другъ на друга. «Да обнимитесь же, дѣти!» Мы обнялись.—Хотите, я васъ поведу въ садъ? спросилъ я кадета.

— Извольте-съ, отвѣчалъ онъ сиплымъ, прямо кадетскимъ голосомъ. Зинаида опять разсмѣялась... Я успѣлъ замѣтить, что никогда еще не было у ней на лицѣ такихъ прелестныхъ красокъ. Мы съ кадетомъ отправились. У насъ въ саду стояли старенькія качели. Я его посадилъ на тоненькую дощечку и началъ его качать. Онъ сидѣлъ неподвижно въ новомъ своемъ мундирчикѣ изъ толстаго сукна, съ широкими золотыми позу-

ментами, и крѣпко держался за веревки. — Да вы растегните свой воротникъ, сказалъ я ему.—Ничего-съ, мы привыкли-съ, проговорилъ онъ и откашлялся. Онъ походилъ на свою сестру: особенно глаза ее напоминали. Мнѣ было и пріятно ему услуживать, и въ тоже время таже ноющая грусть тихо грызла мнѣ сердце. Теперь ужь я точно ребенокъ, думалъ я— а вчера... Я вспомнилъ, гдѣ я наканунѣ уронилъ ножикъ и отыскалъ его. Кадетъ выпросилъ его у меня, сорвалъ толстый стебель зори, вырѣзалъ изъ него дудку и принялся свистать. Отелло посвисталъ тоже.

Но за то вечеромъ, какъ онъ плакалъ, этотъ самый Отелло, на рукахъ Зинаиды, когда, отыскавъ его въ уголку сада, она спросила его, отъ чего онъ такъ печаленъ? Слезы мои хлынули съ такой силой, что она испугалась. Что съ вами? что съ вами, Володя? твердила она—и видя, что я не отвѣчаю ей и не перестаю плакать—вздумала было поцаловать мою мокрую щеку. Но я отвернулся отъ нея и прошепталъ сквозь рыданія: я все знаю; зачѣмъ же вы играли мною?... На что вамъ нужна была моя любовь?

— Я виновата передъ вами, Володя, промолвила Зинаида.... Ахъ, я очень виновата, прибавила она и стиснула руки...— Сколько во мнѣ дурнаго, темнаго, грѣшнаго... Но я теперь не играю вами, я васъ люблю—вы и не подозрѣваете, почему и какъ... Однако, что же вы знаете?

Что могъ я сказать ей? Она стояла передо мною и глядѣла на меня—а я принадлежалъ ей весь, съ головы до ногъ, какъ только она на меня глядѣла... Четверть часа спустя, я уже бѣгалъ съ кадетомъ и съ Зинаидой въ запуски; я не плакалъ, я смѣялся, хотя напухшія вѣки отъ смѣха роняли слезы; у меня на шеѣ вмѣсто галстучка была повязана лента Зинаиды, и я закричалъ отъ радости, когда мнѣ удалось поймать ее за талію. Она дѣлала со мной все, что хотѣла.

XIX.

Я пришелъ бы въ большое затрудненіе, еслибы меня заставили разсказать подробно, что происходило со мною въ тече-

ніи недѣли, послѣ моей наудачной ночной экспедиціи. Это было странное, лихорадочное время, хаосъ какой-то, въ которомъ самыя противуположныя чувства, мысли, подозрѣнья, надежды, радости и страданья кружились вихремъ; я страшился загляну̀ть въ себя, если только шестнадцатилѣтній мальчикъ можетъ въ себя заглянуть, страшился отдать себѣ отчетъ въ чемъ бы то ни было; я просто спѣшилъ прожить день до вечера; за то ночью я спалъ... дѣтское легкомысліе мнѣ помогало. Я не хотѣлъ знать, любятъ ли меня, и не хотѣлъ сознаться самому себѣ, что меня не любятъ; отца я избѣгалъ—но Зинаиду избѣгать я не могъ... Меня жгло какъ огнемъ въ ея присутствіи... но къ чему мнѣ было знать, что это былъ за огонь, на которомъ я горѣлъ и таялъ—благо мнѣ было сладко таять и горѣть. Я отдавался всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ, и самъ съ собой лукавилъ, отворачивался отъ воспоминаній, и закрывалъ глаза передъ тѣмъ, что предчувствовалъ впереди... Это томленіе вѣроятно долго бы не продолжилось; громовой ударъ разомъ все прекратилъ и перебросилъ меня въ новую колею.

Вернувшись однажды къ обѣду съ довольно продолжительной прогулки, я съ удивленьемъ узналъ, что буду обѣдать одинъ; что отецъ уѣхалъ, а матушка нездорова, не желаетъ кушать и заперлась у себя въ спальнѣ. По лицамъ лакеевъ я догадывался, что произошло нѣчто необыкновенное... Распрашивать ихъ я не смѣлъ, но у меня былъ пріятель, молодой буфетчикъ, Филиппъ, страстный охотникъ до стиховъ и артистъ на гитарѣ—я къ нему обратился. Отъ него я узналъ, что между отцомъ и матушкой произошла страшная сцена (а въ дѣвичьей все было слышно до единого слова; многое было сказано по французски — да горничная Маша пять лѣтъ жила у швеи изъ Парижа и все понимала): что матушка моя упрекала отца въ невѣрности, въ знакомствѣ съ сосѣдней барышней, что отецъ сперва оправдывался, потомъ вспыхнулъ и въ свою очередь сказалъ какое-то жестокое слово, «яко бы объ ихнихъ лѣтахъ», отъ чего матушка заплакала; что матушка также упомянула о векселѣ, будто бы данномъ старой княгинѣ, и очень о ней дурно отзывалась и о барышнѣ также, и что тутъ отецъ ей пригрозилъ.—А произошла вся бѣда, продолжалъ Филиппъ, отъ

безъимяннаго письма; а кто его написалъ—неизвѣстно: а то бы какъ этимъ дѣламъ наружу выдти, причины никакой нѣтъ.

— Да развѣ что нибудь было, съ трудомъ проговорилъ я—между тѣмъ какъ руки и ноги у меня холодѣли, и что-то задрожало въ самой глубинѣ груди.

Филиппъ знаменательно мигнулъ.—Было. Этихъ дѣловъ не скроешь; ужь на что батюшка вашъ въ этомъ разѣ остороженъ—да вѣдь надобно жъ, примѣрно, карету нанять или тамъ что... безъ людей не обойдешься, тоже.

Я услалъ Филиппа—и повалился на постель. Я не зарыдалъ, не предался отчаянію; я не спрашивалъ себя, когда и какъ все это случилось; не удивлялся, какъ я прежде, какъ я давно не догадался—я даже не роптalъ на отца... То, что я узналъ, было мнѣ не подъ силу: это внезапное откровеніе раздавило меня... Все было кончено. Всѣ цвѣты мои были вырваны разомъ и лежали вокругъ меня, разбросанные и истоптанные.

XX.

Матушка на слѣдующій день объявила, что переѣзжаетъ въ городъ. Утромъ отецъ вошелъ къ ней въ спальню и долго сидѣлъ съ нею наединѣ. Никто не слышалъ, что онъ сказалъ ей, но матушка ужъ не плакала больше; она успокоилась, и кушать потребовала—однако не показалась и рѣшенія своего не перемѣнила. Помнится, я пробродилъ цѣлый день, но въ садъ не заходилъ, и ни разу не взглянулъ на флигель—а вечеромъ я былъ свидѣтелемъ удивительнаго происшествія: отецъ мой вывелъ графа Малевскаго подъ руку черезъ залу въ переднюю и, въ присутствіи лакея, холодно сказалъ ему: «Нѣсколько дней тому назадъ вашему сіятельству въ одномъ домѣ указали на дверь; а теперь я не буду входить съ вами въ объясненія, но имѣю честь вамъ доложить, что если вы еще разъ пожалуете ко мнѣ, то я васъ выброшу въ окошко. Мнѣ вашъ почеркъ не нравится.» Графъ наклонился, стиснулъ зубы, съежился и исчезъ.

Начались сборы къ переселенію въ городъ, на Арбатъ, гдѣ у насъ былъ домъ. Отцу, вѣроятно, самому уже не хотѣлось

болѣе оставаться на дачѣ; но видно онъ успѣлъ упросить матушку не затѣвать исторіи. Все дѣлалось тихо, не спѣша; матушка велѣла даже поклониться княгинѣ и изъявить ей сожалѣніе, что по нездоровью не увидится съ ней до отъѣзда. Я ходилъ какъ шальной—и одного только желалъ, какъ бы поскорѣе все это кончилось. Одна мысль не выходила у меня изъ головы: какъ могла она, молодая дѣвушка—ну, и все таки княжна, рѣшиться на такой поступокъ, зная что мой отецъ человѣкъ несвободный—и имѣя возможность выдти замужъ, хоть напримѣръ за Бѣловзорова? На что же она надѣялася? Какъ не побоялась погубить всю свою будущность? Да, думалъ я, вотъ это—любовь, это—страсть, это—преданность—и вспоминались мнѣ слова Лушина: жертвовать собою сладко для иныхъ. Какъ-то пришлось мнѣ увидѣть въ одномъ изъ оконъ флигеля блѣдное пятно... неужели это лицо Зинаиды? подумалъ я... точно, это было ея лицо. Я не вытерпѣлъ. Я не могъ разстаться съ нею, не сказавъ ей послѣдняго прости. Я улучилъ удобное мгновеніе и отправился во флигель.

Въ гостинной княгиня встрѣтила меня своимъ обычнымъ, неопрятно-небрежнымъ привѣтомъ.

— Что это, батюшка, ваши такъ рано всполошились? промолвила она, забивая табакъ въ обѣ ноздри. Я посмотрѣлъ на нее и у меня отлегло отъ сердца. Слово: вексель, сказанное Филиппомъ, мучило меня. Она ничего не подозрѣвала, по крайней мѣрѣ мнѣ тогда такъ показалось. Зинаида появилась изъ сосѣдней комнаты, въ черномъ платьѣ, блѣдная, съ развитыми волосами; она молча взяла меня за руку и увела съ собой.

— Я услышала вашъ голосъ, начала она, и тотчасъ вышла. И вамъ такъ легко было насъ покинуть, злой мальчикъ?

— Я пришелъ съ вами проститься, княжна, отвѣчалъ я, вѣроятно навсегда. Вы, можетъ быть, слышали—мы уѣзжаемъ.

Зинаида пристально посмотрѣла на меня.

— Да, я слышала. Спасибо, что пришли. Я уже думала, что не увижу васъ. Не поминайте меня лихомъ. Я иногда мучила васъ; но все таки я не такая, какою вы меня воображаете.

Она отвернулась и прислонилась къ окну.—Право, я не такая. Я знаю, вы обо мнѣ дурнаго мнѣнія.

— Я?

— Да, вы... вы.

— Я? повторилъ я горестно и сердце у меня задрожало по прежнему, подъ вліяніемъ неотразимаго, невыразимаго обоянія.—Я? Повѣрьте, Зинаида Александровна, что бы вы ни сдѣлали, какъ бы вы ни мучили меня, я буду любить и обожать васъ до конца дней моихъ.

Она быстро обернулась ко мнѣ и, раскрывъ широко руки, обняла мою голову, и крѣпко, и горячо поцѣловала меня. Богъ знаетъ, кого искалъ этотъ долгій прощальный поцалуй, но я жадно вкусилъ его сладость. Я зналъ, что онъ уже никогда не повторится. Прощайте, прощайте, твердилъ я...

Она вырвалась и ушла. И я удалился. Я не въ состояніи передать чувство, съ которымъ я удалился. Я бы не желалъ, чтобы оно когда нибудь повторилось; но я почелъ бы себя несчастливымъ, еслибъ я никогда его не испыталъ.

Мы переѣхали въ городъ. Нескоро я отдѣлался отъ прошедшаго, нескоро принялся за работу. Рана моя медленно заживала; но собственно противъ отца у меня не было никакого дурнаго чувства. Напротивъ: онъ какъ будто еще выросъ въ моихъ глазахъ... пускай психологи объяснятъ это противорѣчіе, какъ знаютъ. Однажды я шелъ по бульвару и, къ неописанной моей радости, столкнулся съ Лушинымъ. Я его любилъ за его прямой и нелицемѣрный нравъ, да притомъ онъ былъ мнѣ дорогъ по воспоминаніямъ, которыя онъ во мнѣ возбуждалъ. Я бросился къ нему.

— Ага! промолвилъ онъ и нахмурилъ брови.—Это вы, молодой человѣкъ! Покажите-ка себя. Вы все еще желты, а все таки въ глазахъ нѣтъ прежней дряни. Человѣкомъ смотрите, не комнатной собачкой. Это хорошо. Ну что же вы? работаете?

Я вздохнулъ. Лгать мнѣ не хотѣлось, а правду сказать я стыдился.

— Ну, ничего, продолжалъ Лушинъ, не робѣйте. Главное дѣло жить нормально и не поддаваться увлеченіямъ. А то, что пользы? Куда бы волна ни понесла—все худо; человѣкъ, хоть на камнѣ стой, да на своихъ ногахъ. Я, вотъ кашляю... а Бѣловзоровъ—слыхали вы?

— Что такое? нѣтъ.

— Безъ вѣсти пропалъ, говорятъ на Кавказъ уѣхалъ. Урокъ вамъ, молодой человѣкъ. А вся штука оттого, что не умѣютъ во

время разстаться, разорвать сѣти. Вотъ, вы, кажется, выскочили благополучно. Смотрите же, не попадитесь опять. Прощайте

— Не попадусь, думалъ я... не увижу ее больше; но мнѣ было суждено еще разъ увидѣть Зинаиду.

XXI.

Отецъ мой каждый день выѣзжалъ верхомъ; у него была славная рыжечалая англійская лошадь, съ длинной тонкой шеей и длинными ногами, неутомимая и злая. Ее звали Электрикъ. Кромѣ отца на ней никто ѣздить не могъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ добромъ расположеніи духа, чего съ нимъ давно не бывало; онъ сбирался выѣхать и уже надѣлъ шпоры. Я сталъ просить его взять меня съ собою.

— Давай лучше играть въ чехарду, отвѣчалъ мнѣ отецъ, а то ты на своемъ клеперѣ за мной не поспѣешь.

— Поспѣю; я тоже шпоры надѣну.

— Ну, пожалуй.

Мы отправились. У меня былъ вороненькій, косматый конекъ, крѣпкій на ноги и довольно рѣзвый; правда, ему приходилось скакать во всѣ лапатки, когда Электрикъ шелъ полной рысью; но я все-таки не отставалъ. Я не видывалъ всадника подобнаго отцу; онъ сидѣлъ такъ красиво и небрежно-ловко, что, казалось, сама лошадь подъ нимъ это чувствовала и щеголяла имъ. Мы проѣхали по всѣмъ бульварамъ, побывали на Дѣвичьемъ полѣ, перепрыгнули черезъ нѣсколько заборовъ (сперва я боялся прыгать, но отецъ презиралъ робкихъ людей, — и я пересталъ бояться) переѣхали дважды черезъ Москву-рѣку — и я уже думалъ, что мы возвращаемся домой, тѣмъ болѣе, что самъ отецъ замѣтилъ, что лошадь моя устала, какъ вдругъ онъ повернулъ въ сторону отъ Крымскаго броду и поскакалъ вдоль берега.—Я пустился вслѣдъ за нимъ. Поровнявшись съ высокой грудой сложенныхъ старыхъ бревенъ, онъ проворно соскочилъ съ Электрика, велѣлъ мнѣ слѣзть и, отдавъ мнѣ поводья своего коня, сказалъ, чтобы я подождалъ его тутъ же у бревенъ, а самъ повернулъ въ небольшой переулокъ и исчезъ. Я принялся расхаживать взадъ и впередъ

вдоль берега, ведя за собой лошадей и бранясь съ Электрикомъ, который на ходу то и дѣло дергалъ головой, встряхивался, фыркалъ, ржалъ; а когда я останавливался, попеременно рылъ копытомъ землю, съ визгомъ кусалъ моего клепера въ шею, словомъ, велъ себя какъ избалованный pur sang. Отецъ не возвращался. Отъ рѣки несло непріятной сыростью; мелкій дождикъ тихонько набѣжалъ и испестрилъ крошечными темными пятнами сильно надоѣвшія мнѣ глупыя сѣрыя бревна, около которыхъ я скитался. Тоска меня брала, а отца все не было. Какой-то буточникъ изъ чухонцевъ, тоже весь сѣрый, съ огромнымъ старымъ киверомъ въ видѣ горшка на головѣ и съ алебардой (за чѣмъ, кажется, было буточнику находиться на берегу Москвы-рѣки!) приблизился ко мнѣ и, обративъ ко мнѣ свое старушечье, сморщенное лицо, промолвилъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете съ лошадьми, барчукъ? Дайте-ка, я подержу.

Я не отвѣчалъ ему; онъ попросилъ у меня табаку. Чтобы отвязаться отъ него (къ тому же и нетерпѣнье меня мучило), я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, куда удалился отецъ; потомъ прошелъ переулочекъ до конца, повернулъ за уголъ и остановился. На улицѣ, въ сорока шагахъ отъ меня, передъ раскрытымъ окномъ деревяннаго домика, спиной ко мнѣ, стоялъ мой отецъ; онъ опирался грудью на оконницу, а въ домикѣ, до половины скрытая занавѣской, сидѣла женщина въ темномъ платьѣ и разговаривала съ отцемъ; эта женщина была Зинаида.

Я остолбенѣлъ. Этого я, признаюсь, никакъ не ожидалъ. Первымъ движеніемъ моимъ было убѣжать. «Отецъ оглянется, подумалъ я, и я пропалъ....» но странное чувство, чувство сильнѣе любопытства, сильнѣе даже ревности, сильнѣе страха— остановило меня. Я сталъ глядѣть, я силился прислушаться. Казалось, отецъ настаивалъ на чемъ-то. Зинаида не соглашалась. Я какъ теперь вижу ея лицо — печальное, серьезное, красивое и съ непередаваемымъ отпечеткомъ преданности, грусти, любви и какого-то отчаянія—я другаго слова подобрать не могу. Она произносила односложныя слова, не поднимала глазъ и только улыбалась—покорно и упрямо. По одной этой улыбкѣ я узналъ мою прежнюю Зинаиду. Отецъ повелъ пле-

чами и поправилъ шляпу на головѣ—что у него всегда служило признакомъ нетерпѣнія.... Потомъ мнѣ послышались слова: Vous devez vous séparer de cette.... Зинаида выпрямилась и протянула руку.... вдругъ въ глазахъ моихъ совершилось невѣроятное дѣло: отецъ внезапно поднялъ хлыстъ, которымъ сбивалъ пыль съ полы своего сюртука—и послышался рѣзкій ударъ по этой обнаженной до локтя рукѣ. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрѣла на моего отца и медленно поднеся свою руку къ губамъ, поцаловала заалѣвшійся на ней рубецъ. Отецъ швырнулъ въ сторону хлыстъ и торопливо взбѣжавъ на ступеньки крылечка, ворвался въ домъ.... Зинаида обернулась—и протянувъ руки, закинувъ голову, тоже отошла отъ окна.

Съ замираніемъ испуга, съ какимъ-то ужасомъ недоумѣнія на сердцѣ, бросился я назадъ и, пробѣжавъ переулокъ, чуть не упустивъ Электрика, вернулся на берегъ рѣки. Я не могъ ничего сообразить. Я зналъ, что на моего холоднаго и сдержаннаго отца находили иногда порывы бѣшенства—и все-таки я никакъ не могъ понять, что я такое видѣлъ.... Но я тутъ же почувствовалъ, что сколько бы я не жилъ, забыть это движеніе, взглядъ, улыбку Зинаиды было для меня навсегда невозможно, что образъ ея, этотъ новый, внезапно представшій передо мною образъ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Я глядѣлъ безсмысленно на рѣку и не замѣчалъ, что у меня слезы лились. Ее бьютъ, думалъ я.... бьютъ.... бьютъ....

— Ну, что же ты—давай мнѣ лошадь! раздался за мной голосъ отца.

Я машинально подалъ ему поводья. Онъ вскочилъ на Электрика.... прозябшій конь взвился на дыбы и прыгнулъ впередъ на полторы сажени.... но отецъ скоро укротилъ его; онъ вонзилъ ему шпоры въ бока и ударилъ его кулакомъ по шеѣ.... Эхъ, хлыста нѣту! пробормоталъ онъ.

Я вспомнилъ недавній свистъ и ударъ этого самаго хлыста и содрогнулся.

— Куда жъ ты дѣлъ его? спросилъ я отца, погодя немного.

Отецъ не отвѣчалъ мнѣ и поскакалъ впередъ. Я нагналъ его. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть его лицо.

— Ты соскучился безъ меня? проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Немножко. Гдѣ жъ ты уронилъ свой хлыстъ? спросилъ я его опять.

Отецъ быстро глянулъ на меня.—Я его не уронилъ, промолвилъ онъ, я его бросилъ.—Онъ задумался и опустилъ голову.... и тутъ-то я въ первый и едва ли не въ послѣдній разъ увидѣлъ, сколько нѣжности и сожалѣнія могли выразить его строгія черты.

Онъ опять поскакалъ и ужь я не могъ его догнать; я пріѣхалъ домой четверть часа послѣ него.

«Вотъ это любовь,» говорилъ я себѣ снова, сидя ночью передъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ уже начали появляться тетради и книги, «это страсть!... Какъ кажется не возмутиться, какъ снести ударъ отъ какой бы то ни было.... отъ самой милой руки! А видно можно, если любишь.... А я—то.... я—то воображалъ....»

Послѣдній мѣсяцъ меня очень состарѣлъ—и моя любовь со всѣми своими волненіями и страданіями показалась мнѣ самому чѣмъ-то такимъ маленькимъ и дѣтскимъ и мизернымъ передъ тѣмъ другимъ неизвѣстнымъ чѣмъ-то, о которомъ я едва могъ догадываться и которое меня пугало, какъ незнакомое, красивое, но грозное лице, которое напрасно силишься разглядѣть въ полумракѣ....

Странный и страшный сонъ мнѣ приснился въ эту самую ночь. Мнѣ чудилось, что я вхожу въ низкую, темную комнату... Отецъ стоитъ съ хлыстомъ въ рукѣ и топаетъ ногами; въ углу прижалась Зинаида и не на рукѣ, а на лбу у ней красная черта.... а сзади ихъ обоихъ поднимается весь окровавленный Бѣловзоровъ, раскрываетъ блѣдныя губы и гнѣвно грозитъ отцу.

Два мѣсяца спустя я поступилъ въ университетъ, а черезъ полгода отецъ мой скончался (отъ удара) въ Петербургѣ, куда только что переселился съ моей мятерью и со мною. За нѣсколько дней до своей смерти онъ получилъ письмо изъ Москвы, которое его чрезвычайно взволновало.... Онъ ходилъ просить о чемъ-то матушку и, говорятъ, даже заплакалъ, онъ, мой отецъ! Въ самое утро того дня, когда съ нимъ сдѣлался ударъ, онъ началъ-было письмо ко мнѣ на французскомъ языкѣ:

«Сынъ мой, писалъ онъ мнѣ, бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы»... Матушка послѣ его кончины послала довольно значительную сумму денегъ въ Москву.

XXII.

Прошло года четыре. Я только что вышелъ изъ университета и не зналъ еще хорошенько, что̀ мнѣ начать съ собою, въ какую дверь стучаться: шлялся пока, безъ дѣла. Въ одинъ прекрасный вечеръ я въ театрѣ встрѣтилъ Майданова. Онъ успѣлъ жениться и поступить на службу: но я не нашелъ въ немъ перемѣны. Онъ также не нужно восторгался и также внезапно падалъ духомъ.

— Вы знаете, сказалъ онъ мнѣ, между прочимъ, госпожа Дольская здѣсь.

— Какая госпожа Дольская?

— Вы развѣ забыли? бывшая княжна Засѣкина, въ которую мы всѣ были влюблены, да и вы тоже. Помните, на дачѣ, возлѣ Нескучнаго.

— Она замужемъ за Дольскимъ?

— Да.

— И она здѣсь въ театрѣ?

— Нѣтъ, въ Петербургѣ; она на дняхъ сюда пріѣхала; собирается за границу.

— Что за человѣкъ ея мужъ? спросилъ я.

— Прекрасный малый, съ состояніемъ. Сослуживецъ мой Московскій. Вы понимаете — послѣ той исторіи.... вамъ это все должно быть хорошо извѣстно.... (Майдановъ значительно улыбнулся) ей не легко было составить себѣ партію; были послѣдствія.... но съ ея умомъ все возможно. Ступайте къ ней: она вамъ будетъ очень рада. Она еще похорошѣла.

Майдановъ далъ мнѣ адресъ Зинаиды. Она остановилась въ гостинницѣ Демутъ. Старыя воспоминанія во мнѣ разшевелились.... я далъ себѣ слово на другой же день посѣтить бывшую мою «пассію». Но встрѣтились какія-то дѣла: прошла недѣля, другая, и когда я наконецъ отправился въ гостинницу Демутъ и спросилъ госпожу Дольскую — я узналъ, что она четыре дня тому назадъ умерла почти внезапно отъ родовъ.

Меня какъ будто что-то въ сердце толкнуло. Мысль, что я могъ ее увидѣть и не увидѣлъ и не увижу ея никогда— эта горькая мысль впилась въ меня со всею силою неотразимаго упрека. Умерла! повторилъ я, тупо глядя на швейцара, тихо выбрался на улицу и пошелъ, не зная самъ куда. Все прошедшее разомъ всплыло и встало передо мною. И вотъ чѣмъ разрѣшилась, вотъ къ чему, спѣша и волнуясь, стремилась эта молодая, горячая, блистательная жизнь! Я это думалъ, я воображалъ себѣ эти дорогія черты, эти глаза, эти кудри — въ тѣсномъ ящикѣ, въ сырой подземной тьмѣ тутъ же недалеко отъ меня, пока еще живаго, и можетъ быть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего отца.... Я все это думалъ, я напрягалъ свое воображеніе, а между тѣмъ:

«Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
«И равнодушно ей внималъ я»

звучало у меня въ душѣ. О молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто бы обладаешь всѣми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу, ты самоувѣренна и дерзка, ты говоришь: я одна живу—смотрите! а у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ.... И можетъ быть вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать—а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь—состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить бы не умѣла,—въ томъ, что каждый изъ насъ не шутя считаетъ себя расточителемъ, не шутя полагаетъ, что онъ вправѣ сказать: О, что бъ я сдѣлалъ, еслибъ я не потерялъ времени даромъ!

Вотъ и я.... на что я надѣялся, чего я ожидалъ, какую богатую будущность предвидѣлъ, когда едва проводилъ однимъ вздохомъ, однимъ унылымъ ощущеніемъ на мигъ возникшій призракъ моей первой любви?

А что сбылось изо всего того, на что я надѣялся? И теперь, когда уже на жизнь мою начинаютъ набѣгать вечернія тѣни, что у меня осталось болѣе свѣжаго, болѣе дорогаго, чѣмъ воспоминанія о той быстро-пролетѣвшей, утренней, весенней грозѣ?

Но я напрасно клевещу на себя. И тогда, въ то легкомысленное молодое время, я не остался глухъ на печальный голосъ, воззвавшій ко мнѣ, на торжественный звукъ, долетѣвшій до меня изъ-за могилы. Помнится, нѣсколько дней спустя послѣ того дня, когда я узналъ о смерти Зинаиды, я самъ, по собственному неотразимому влеченію, присутствовалъ при смерти одной бѣдной старушки, жившей въ одномъ съ нами домѣ. Покрытая лохмотьями, на жесткихъ доскахъ, съ мѣшкомъ подъ головою, она трудно и тяжело кончалась. Вся жизнь ея протла въ горькой борьбѣ съ ежедневной нуждою; не видѣла она радости, не вкушала отъ меду счастія — казалось, какъ бы ей не обрадоваться смерти, ея свободѣ, ея покою? А между тѣмъ, пока ея ветхое тѣло еще упорствовало, пока грудь еще мучительно вздымалась подъ налегшей на нее леденящей рукою, пока ее не покинули послѣднія силы, — старушка все крестилась и все шептала: Господи, отпусти мнѣ грѣхи мои, — и только съ послѣдней искрой сознанія исчезло въ ея глазахъ выраженіе страха и ужаса кончины. И помню я, что тутъ, у одра этой бѣдной старушки, мнѣ стало страшно за Зинаиду и захотѣлось мнѣ помолиться за нее—и за себя.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ:

	СТР.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
Томъ I,	118,	18 сверху,	надъ вами	подъ вами
— IV,	134,	15 —	показали	покидали
— — —		6 снизу,	Riens!	Tiens!
— —	445,	14 —	какъ-то	какая-то

—

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Дневникъ лишняго человѣка. 5
Два пріятеля. 57
Переписка. 114
Яковъ Пасынковъ. 146
Фаустъ. 188
Ася. 231
Первая любовь. 280

СОЧИНЕНІЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ИСПРАВЛЕННЫЯ И ДОПОЛНЕННЫЯ.

ТОМЪ IV.

Изданіе И. А. Основскаго.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. РЫШКОВА.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 30 дня 1860 года.

Цензоръ *И. Гиляровъ-Платоновъ*.

РУДИНЪ.

РУДИНЪ.

—

I.

Было тихое лѣтнее утро: Солнце уже довольно высоко стояло на чистомъ небѣ; но поля еще блестѣли росой, изъ недавно проснувшихся долинъ вѣяло душистой свѣжестью, и въ лѣсу, еще сыромъ и не шумномъ, весело распѣвали раннія птички. На вершинѣ пологаго холма, сверху донизу покрытаго только что зацвѣтшею рожью, виднѣлась небольшая деревенька. Къ этой деревенькѣ, по узкой проселочной дорожкѣ, шла молодая женщина, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, круглой соломенной шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Казачекъ издали слѣдовалъ за ней.

Она шла не торопясь и какъ бы наслаждаясь прогулкой. Кругомъ, по высокой, зыбкой ржи, переливаясь то серебристо-зеленой, то красноватой рябью, съ мягкимъ шелестомъ бѣжали длинныя волны; въ вышинѣ звенѣли жаворонки. Молодая женщина шла изъ собственнаго своего села, отстоявшаго не болѣе версты отъ деревеньки, куда она направляла путь; звали ее Александрой Павловной Липиной. Она была вдова, бездѣтна и довольно богата, жила вмѣстѣ съ своимъ братомъ, отставнымъ штабъ-ротмистромъ Сергѣемъ Павлычемъ Волынцевымъ. Онъ не былъ женатъ и распоряжался ея имѣніемъ.

Александра Павловна дошла до деревеньки, остановилась у

крайней избушки, весьма ветхой и низкой, и, подозвавъ своего казачка, велѣла ему войдти въ нее и спросить о здоровьи хозяйки. Онъ скоро вернулся, въ сопровожденіи дряхлаго мужика съ бѣлой бородой.

— Ну, что? спросила Александра Павловна.

— Жива еще.... проговорилъ старикъ.

— Можно войдти?

— Отчего же? можно.

Александра Павловна вошла въ избу. Въ ней было и тѣсно, и душно, и дымно.... Кто-то закопошился и застоналъ на лежанкѣ. Александра Павловна оглянулась и увидѣла въ полумракѣ желтую и сморщенную голову старушки, повязанной клѣтчатымъ платкомъ. Покрытая по самую грудь тяжелымъ армякомъ, она дышала съ трудомъ, слабо разводя худыми руками.

Александра Павловна приблизилась къ старушкѣ и прикоснулась пальцами до ея лба; онъ такъ и пылалъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Матрена? спросила она, наклонившись надъ лежанкой.

— О-охъ! простонала старушка, всмотрѣвшись въ Александру Павловну.—Плохо, плохо, родная! Смертный часикъ пришелъ, голубушка!

— Богъ милостивъ, Матрена: можетъ быть, ты поправишься. Ты приняла лекарство, которое я тебѣ прислала?

Старушка тоскливо заохала и не отвѣчала. Она не разслышала вопроса.

— Приняла, проговорилъ старикъ, остановившійся у двери.

Александра Павловна обратилась къ нему.

— Кромѣ тебя при ней никого нѣтъ? спросила она.

— Есть дѣвочка—ея внучка, да все вотъ отлучается. Не посидитъ: такая егозливая. Воды подать испить бабкѣ—и то лѣнь. А я самъ старъ: куда мнѣ?

— Не перевести ли ее ко мнѣ въ больницу?

— Нѣтъ! зачѣмъ въ больницу! все одно помирать-то. Пожила довольно; видно, ужь такъ Богу угодно. Съ лежанки не сходитъ. Гдѣ жь ей въ больницу! Ее станутъ поднимать, она и помретъ.

— Охъ, застонала больная:—красавица-барыня, сироточку-то мою не оставь; наши господа далеко, а ты....

Старушка умолкла. Она говорила черезъ силу.

— Не безпокойся, промолвила Александра Павловна: — все будетъ сдѣлано. Вотъ я тебѣ чаю и сахару принесла. Если захочется, выпей.... Вѣдь самоваръ у васъ есть? прибавила она, взглянувъ на старика.

— Самоваръ–то? Самовара у насъ нѣту, а достать можно.

— Такъ достань, а то я пришлю свой. Да прикажи внучкѣ, чтобы она не отлучалась. Скажи ей, что это стыдно.

Старикъ ничего не отвѣчалъ, а свертокъ съ чаемъ и сахаромъ взялъ въ обѣ руки.

— Ну, прощай, Матрена! проговорила Александра Павловна: —я къ тебѣ еще приду, а ты не унывай и лекарство принимай аккуратно....

Старуха приподняла голову и потянулась къ Александрѣ Павловнѣ.

— Дай, барыня, ручку, пролепетала она.

Александра Павловна не дала ей руки, нагнулась и поцаловала ее въ лобъ.

— Смотрите же, сказала она, уходя, старику:—лекарство ей давайте непремѣнно, какъ написано.... И чаемъ ее напойте.....

Старикъ опять ничего не отвѣчалъ и только поклонился.

Свободно вздохнула Александра Павловна, очутившись на свѣжемъ воздухѣ. Она раскрыла зонтикъ и хотѣла было идти домой, какъ вдругъ изъ–за угла избушки выѣхалъ, на низенькихъ бѣговыхъ дрожкахъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, въ старомъ пальто, изъ сѣрой коломянки, и такой же фуражкѣ. Увидѣвъ Александру Павловну, онъ тотчасъ остановилъ лошадь и обернулся къ ней лицомъ. Широкое, безъ румянца, съ небольшими, блѣдно–сѣрыми глазками и бѣлесоватыми усами, оно подходило подъ цвѣтъ его одежды.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ, съ лѣнивой усмѣшкой:— что̀ это вы тутъ такое дѣлаете, позвольте узнать?

— Я навѣщала больную.... А вы откуда, Михайло Михайлычъ?

Человѣкъ, называвшійся Михайлой Михайлычемъ, посмотрѣлъ ей въ глаза и опять усмѣхнулся.

— Это вы хорошо дѣлаете, продолжалъ онъ:—что больную навѣщаете; только не лучше ли вамъ ее въ больницу перевести?

— Она слишкомъ слаба: ее нельзя тронуть.

— А больницу свою вы не намѣрены уничтожить?

— Уничтожить? зачѣмъ?

— Да такъ.

— Что за странная мысль! Съ чего это вамъ въ голову пришло?

— Да вы вотъ съ Ласунской все знаетесь и, кажется, находитесь подъ ея вліяніемъ. А по ея словамъ, больницы, училища—это все пустяки, ненужныя выдумки. Благотвореніе должно быть личное, и просвѣщеніе тоже; это все дѣло души.... такъ, кажется, она выражается. Съ чьего это голоса она поетъ, желалъ бы я знать?

Александра Павловна засмѣялась.

— Дарья Михайловна умная женщина, я ее очень люблю и уважаю; но и она можетъ ошибаться, и я не каждому ея слову вѣрю.

— И прекрасно дѣлаете, возразилъ Михайло Михайлычъ, все не слѣзая съ дрожекъ: — потому что она сама словамъ своимъ плохо вѣритъ. А я очень радъ, что встрѣтилъ васъ.

— А что?

— Хорошъ вопросъ! Какъ будто не всегда пріятно васъ встрѣтить! Сегодня вы такъ же свѣжи и милы, какъ это утро.

Александра Павловна опять засмѣялась.

— Чему же вы смѣетесь?

— Какъ чему? Еслибъ вы могли видѣть, съ какой вялой и холодной миной вы произнесли вашъ комплиментъ! Удивляюсь, какъ вы не зѣвнули на послѣднемъ словѣ.

— Съ холодной миной.... Вамъ все огня нужно; а огонь никуда не годится. Вспыхнетъ, надымитъ и погаснетъ.

— И согрѣетъ, подхватила Александра Павловна.

— Да.... и обожжетъ.

— Ну, чтожь, что обожжетъ! И это не бѣда. Все же лучше чѣмъ....

— А вотъ я посмотрю, то ли вы заговорите, когда хоть разъ хорошенько обожжетесь, перебилъ ее съ досадой Михайло Михайлычъ и хлоннулъ возжей по лошади.—Прощайте!

— Михайло Михайлычъ, постойте! закричала Александра Павловна:—когда вы у насъ будете?

— Завтра, поклонитесь вашему брату.

И дрожки покатились.

Александра Павловна посмотрѣла вслѣдъ Михайлу Михайловичу.

«Какой мѣшокъ!» подумала она. Сгорбленный, запыленный, съ фуражкой на затылкѣ, изъ-подъ которой безпорядочно торчали косицы желтыхъ волосъ, онъ, дѣйствительно, походилъ на большой мучной мѣшокъ.

Александра Павловна отправилась тихонько назадъ по дорогѣ домой. Она шла съ опущенными глазами. Близкій топотъ лошади заставилъ ее остановиться и поднять голову.... Ей на встрѣчу ѣхалъ ея братъ верхомъ; рядомъ съ нимъ шелъ молодой человѣкъ, небольшого роста, въ легонькомъ сюртучкѣ на распашку, легонькомъ галстучкѣ и легонькой сѣрой шляпѣ, съ тросточкой въ рукѣ. Онъ уже давно улыбался Александрѣ Павловнѣ, хотя и видѣлъ, что она шла въ раздумьи, ничего не замѣчая, а какъ только она остановилась, подошелъ къ ней и радостно, почти нѣжно произнесъ:

— Здравствуйте, Александра Павловна, здравствуйте!

— А! Константинъ Діомидычъ! здравствуйте! отвѣтила она. —Вы отъ Дарьи Михайловны?

— Точно такъ-съ, точно такъ-съ, подхватилъ, съ сіящимъ лицомъ, молодой человѣкъ: — отъ Дарьи Михайловны. Дарья Михайловна послала меня къ вамъ-съ; я предпочелъ идти пѣшкомъ.... Утро такое чудесное, всего четыре версты разстоянія. Я прихожу—васъ дома нѣтъ-съ. Мнѣ вашъ братецъ говоритъ, что вы пошли въ Семеновку, и сами собираются въ поле; я вотъ съ ними и пошелъ-съ, къ вамъ на встрѣчу. Да-съ. Какъ это пріятно!

Молодой человѣкъ говорилъ по-русски чисто и правильно, но съ иностраннымъ произношеніемъ, хотя трудно было опредѣлить, съ какимъ именно. Въ чертахъ лица его было нѣчто азіятское. Длинный носъ съ горбиной, большіе неподвижные глаза на выкатѣ, крупныя красныя губы, покатый лобъ, черные какъ смоль волосы,— все въ немъ изобличало восточное происхожденіе; но молодой человѣкъ именовался по фамиліи

Пандалевскимъ и называлъ своею родиной Одессу, хотя и воспитывался гдѣ-то въ Бѣлоруссіи, на счетъ благодѣтельной и богатой вдовы. Другая вдова опредѣлила его на службу. Вообще дамы среднихъ лѣтъ охотно покровительствовали Константину Діомидычу: онъ умѣлъ искать, умѣлъ находить въ нихъ. Онъ и теперь жилъ у богатой помѣщицы, Дарьи Михайловны Ласунской, въ качествѣ пріемыша или нахлѣбника. Онъ былъ весьма ласковъ, услужливъ, чувствителенъ и втайнѣ сластолюбивъ, обладалъ пріятнымъ голосомъ, порядочно игралъ на фортепьяно и имѣлъ привычку, когда говорилъ съ кѣмъ нибудь, такъ и впиваться въ него глазами. Онъ одѣвался очень чистенько и платье носилъ чрезвычайно долго, тщательно выбривалъ свой широкій подбородокъ и причесывалъ волосокъ къ волоску.

Александра Павловна выслушала его рѣчь до конца и обратилась къ брату.

— Сегодня мнѣ все встрѣчи: сейчасъ я разговаривала съ Лежневымъ.

— А, съ нимъ! онъ ѣхалъ куда нибудь?

— Да; и, вообрази, на бѣговыхъ дрожкахъ, въ какомъ-то полотняномъ мѣшкѣ, весь въ пыли.... Какой онъ чудакъ!

— Да, быть можеть; только онъ славный человѣкъ.

— Кто это? Г. Лежневъ? спросилъ Пандалевскій, какъ бы удивясь.

— Да, Михайло Михайлычъ Лежневъ, возразилъ Волынцевъ.—Однако, прощай, сестра: мнѣ пора ѣхать въ поле; у тебя гречиху сѣютъ. Г. Пандалевскій тебя проведетъ домой....

И Волынцевъ пустилъ лошадь рысью.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! воскликнулъ Константинъ Діомидычъ и предложилъ Александрѣ Павловнѣ руку.

Она подала ему свою, и оба отправились по дорогѣ въ ея усадьбу.

—

Вести подъ руку Александру Павловну доставляло, повидимому, большее удовольствіе Константину Діомидычу: онъ выступалъ маленькими шагами, улыбался, а восточные глаза его даже покрылись влагой, что, впрочемъ, къ ними случалось

нерѣдко: Константину Діомидычу ничего не стоило умилиться и пролить слезу. И кому бы не было пріятно вести подъ руку хорошенькую женщину, молодую и стройную? Объ Александрѣ Павловнѣ вся ....ая губернія единогласно говорила, что она прелесть, и ....ая губернія не ошибалась. Одинъ ея прямой, чуть-чуть вздернутый носикъ могъ свести съ ума любого смертнаго, не говоря уже о ея бархатныхъ, карихъ глазкахъ, золотисто-русыхъ волосахъ, ямкахъ на круглыхъ щечкахъ и другихъ красотахъ. Но лучше всего въ ней было выраженіе ея миловиднаго лица: довѣрчивое, добродушное и кроткое, оно и трогало, и привлекало. Александра Павловна глядѣла и смѣялась, какъ ребенокъ; барыни находили ее простенькой.... Можно ли было чего нибудь еще желать?

— Васъ Дарья Михайловна ко мнѣ прислала? говорите вы, спросила она Пандалевскаго.

— Да-съ, прислала-съ, отвѣчалъ онъ, выговаривая букву с, какъ англійское th: — онѣ непремѣнно желаютъ и велѣли васъ убѣдительно просить, чтобы вы пожаловали сегодня къ нимъ обѣдать.... Онѣ (Пандалевскій, когда говорилъ о третьемъ лицѣ, особенно о дамѣ, строго придерживался множественнаго числа):—онѣ ждутъ къ себѣ новаго гостя, съ которымъ непремѣнно желаютъ васъ познакомить.

— Кто это?

— Нѣкто Муффель, баронъ, камеръ-юнкеръ изъ Петербурга. Дарья Михайловна недавно съ нимъ познакомились у князя Гарина и съ большой похвалой о немъ отзываются, какъ о любезномъ и образованномъ молодомъ человѣкѣ. Г. баронъ занимаются такъ же литературой, или лучше сказать.... ахъ, какая прелесная бабочка! извольте обратить ваше вниманіе.... лучше сказать, политической экономіей. Онъ написалъ статью о какомъ-то очень интересномъ вопросѣ—и желаетъ подвергнуть ее на судъ Дарьѣ Михайловнѣ.

— Политико-экономическую статью?

— Съ точки зрѣнія языка-съ, Александра Павловна, съ точки зрѣнія языка-съ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что и въ этомъ Дарья Михайловна знатокъ-съ. Жуковскій съ ними совѣтовался, а благодѣтель мой, проживающій въ Одессѣ, благо-

потребный старецъ Роксоланъ Медіаровичъ Ксандрыка.... Вамъ, навѣрное, извѣстно имя этой особы?

— Нисколько, и не слыхивала.

— Не слыхивали о такомъ мужѣ? Удивительно! Я хотѣлъ сказать, что и Роксоланъ Медіаровичъ очень былъ всегда высокаго мнѣнія о познаніяхъ Дарьи Михайловны въ россійскомъ языкѣ.

— А не педантъ этотъ баронъ? спросила Александра Павловна.

— Никакъ нѣтъ–съ: Дарья Михайловна разсказываютъ, что, напротивъ, свѣтскій человѣкъ въ немъ сейчасъ видѣнъ. О Бетховенѣ говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, что даже старый князь почувствовалъ восторгъ.... Это я, признаюсь, послушалъ бы: вѣдь это по моей части. Позвольте вамъ предложить этотъ прекрасный полевой цвѣтокъ.

Александра Павловна взяла цвѣтокъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, уронила его на дорогу.... До дому ея оставалось шаговъ двѣсти, не болѣе. Недавно выстроенный и выбѣленный, онъ привѣтливо выглядывалъ своими широкими свѣтлыми окнами изъ густой зелени старинныхъ липъ и кленовъ.

— Такъ какже-съ прикажете доложить Дарьѣ Михайловнѣ, заговорилъ Пандалевскій, слегка обиженный участью поднесеннаго имъ цвѣтка:—пожалуете вы къ обѣду? Онѣ и братца вашего просятъ.

— Да, мы пріѣдемъ, непремѣнно. А что̀ Наташа?

— Наталья Алексѣевна, слава Богу, здоровы–съ.... Но мы уже прошли поворотъ къ имѣнью Дарьи Михайловны. Позвольте мнѣ раскланяться.

Александра Павловна остановилась.

— А вы развѣ не зайдете къ намъ? спросила она, нерѣшительнымъ голосомъ.

— Душевно бы желалъ–съ, но боюсь опоздать. Дарьѣ Михайловнѣ угодно послушать новый этюдъ Тальберга: такъ надо приготовиться и подучить. Притомъ, я, признаюсь, сомнѣваюсь, чтобы моя бесѣда могла доставить вамъ какое–нибудь удовольствіе.

— Да нѣтъ.... почему же....

Пандалевскій вздохнулъ и выразительно опустилъ глаза.

— До свиданія, Александра Павловна! проговорилъ онъ, помолчавъ немного, поклонился и отступилъ шагъ назадъ.

Александра Павловна повернулась и пошла домой.

Константинъ Діомидычъ также пустился восвояси. Съ лица его тотчасъ исчезла вся сладость: самоувѣренное, почти суровое выраженіе появилось на немъ. Даже походка Константина Діомидыча измѣнилась. Онъ теперь и шагалъ шире, и наступалъ тяжелѣе. Онъ прошелъ версты двѣ, развязно помахивая палочкой, и вдругъ опять осклабился: онъ увидѣлъ возлѣ дороги молодую, довольно смазливую крестьянскую дѣвушку, которая выгоняла телятъ изъ овса. Константинъ Діомидычъ осторожно, какъ котъ, подошелъ къ дѣвушкѣ и заговорилъ съ ней. Та сперва молчала, краснѣла и посмѣивалась, наконецъ закрыла губы рукавомъ, отворотилась и промолвила:

— Ступай, баринъ, право....

Константинъ Діомидычъ погрозилъ ей пальцемъ и велѣлъ ей принести себѣ васильковъ.

— На что тебѣ васильковъ? вѣнки что-ль, плесть? возразила дѣвушка:—да ну, ступай же, право....

— Послушай, моя любезная красоточка, началъ было Константинъ Діомидычъ...

— Да ну, ступай, перебила его дѣвушка: — вонъ баричи идутъ.

Константинъ Діомидычъ оглянулся. Дѣйствительно, по дорогѣ бѣжали Ваня и Петя, сыновья Дарьи Михайловны; за ними шелъ ихъ учитель, Басистовъ, молодой человѣкъ, двадцати-двухъ лѣтъ, только что кончившій курсъ. Басистовъ былъ рослый малый, съ простымъ лицомъ, большимъ носомъ, крупными губами и свиными глазками, некрасивый и неловкій, но добрый, честный и прямой. Онъ одѣвался небрежно, не стригъ волосъ, — не изъ щегольства, а отъ лѣни; любилъ поѣсть, любилъ поспать, но любилъ такъ же хорошую книгу, горячую бесѣду и всей душой ненавидѣлъ Пандалевскаго.

Дѣти Дарьи Михайловны обожали Басистова и ужь нисколько его не боялись; со всѣми остальными въ домѣ онъ былъ на короткой ногѣ, что̀ не совсѣмъ нравилось хозяйкѣ, какъ она ни толковала о томъ, что для нея предразсудковъ не существуетъ.

— Здравствуйте, мои миленькіе! заговорилъ Константинъ Діомидычъ:—какъ вы рано сегодня гулять пошли! А я, прибавилъ онъ, обращаясь къ Басистову: — уже давно вышелъ; моя страсть—наслаждаться природой.

— Видѣли мы, какъ вы наслаждаетесь природой, пробормоталъ Басистовъ

— Вы матеріалистъ: уже сейчасъ Богъ знаетъ, что думаете. Я васъ знаю!

Пандалевскій, когда говорилъ съ Басистовымъ или подобными ему людьми, легко раздражался и букву *с* произносилъ чисто, даже съ маленькимъ свистомъ.

— Что же вы у этой дѣвки, небось, дорогу спрашивали? проговорилъ Басистовъ, поводя глазами и вправо и влѣво.

Онъ чувствовалъ, что Пандалевскій глядитъ ему прямо въ лицо, а это ему было крайне-непріятно.

— Я повторяю, вы матеріалистъ и больше ничего. Вы непремѣнно желаете во всемъ видѣть одну прозаическую сторону....

— Дѣти! скомандовалъ вдругъ Басистовъ: — видите вы на лугу ракиту: посмотримъ, кто скорѣе до нея добѣжитъ.... разъ! два! три!

И дѣти бросились во всѣ ноги къ ракитѣ. Басистовъ устремился за ними....

«Мужикъ!» подумалъ Пандалевскій:—«испортитъ онъ этихъ мальчишекъ.... Совершенный мужикъ!»

И съ самодовольствіемъ окинувъ взглядомъ свою собственную опрятную и изящную фигурку, Константинъ Діомидычъ ударилъ раза два растопыренными пальцами по рукаву сюртука, встряхнулъ воротникомъ и отправился далѣе. Вернувшись къ себѣ въ комнату, онъ надѣлъ старенькій халатъ и съ озабоченнымъ лицомъ сѣлъ за фортепьяно.

II.

Домъ Дарьи Михайловны Ласунской считался чуть ли не первымъ по всей .....ой губерніи. Огромный, каменный, сооруженный по рисункамъ Растрелли, во вкусѣ прошедшаго сто-

лѣтія, онъ величественно возвышался на вершинѣ холма, у подошвы котораго протекала одна изъ главныхъ рѣкъ средней Россіи. Сама Дарья Михайловна была знатная и богатая барыня, вдова тайнаго совѣтника. Хотя Пандалевскій и разсказывалъ про нее, что она знаетъ всю Европу, да и Европа ее знаетъ!—однако, Европа ее знала мало, даже въ Петербургѣ она важной роли не играла; за то въ Москвѣ ее всѣ знали и ѣздили къ ней. Она принадлежала къ высшему свѣту и слыла за женщину нѣсколько странную, не совсѣмъ добрую, но чрезвычайно умную. Въ молодости она была очень хороша собою. Поэты писали ей стихи, молодые люди въ нее влюблялись, важные господа волочились за ней. Но съ-тѣхъ-поръ прошло лѣтъ двадцать-пять или тридцать, и прежнихъ прелестей не осталось и слѣда. «Неужели, спрашивалъ себя невольно всякій, кто только видѣлъ ее въ первый разъ, — неужели эта худенькая, желтенькая, востроносая и еще нестарая женщина была когда-то красавицей? Неужели это она, та самая, о которой бряцали лиры?».... И всякій внутренно удивлялся перемѣнчивости всего земного. Правда, Пандалевскій находилъ, что у Дарьи Михайловны удивительно сохранились ея великолѣпные глаза; но вѣдь тотъ же Пандалевскій утверждалъ, что ее вся Европа знаетъ.

Дарья Михайловна пріѣзжала каждое лѣто къ себѣ въ деревню съ своими дѣтьми (у нея ихъ было трое: дочь Наталья, семнадцати лѣтъ, и два сына, десяти и девяти лѣтъ) и жила открыто, то-есть принимала мужчинъ, особенно холостыхъ; провинціальныхъ барынь она терпѣть не могла. За то и доставалось же ей отъ этихъ барынь! Дарья Михайловна, по ихъ словамъ, была и горда, и безнравственна, и тиранка страшная; а главное—она позволяла себѣ такія вольности въ разговорѣ, что ужасти! Дарья Михайловна, дѣйствительно, не любила стѣснять себя въ деревнѣ, и въ свободной простотѣ ея обхожденія замѣчался легкій оттѣнокъ презрѣнія столичной львицы къ окружавшимъ ее, довольно темнымъ и мелкимъ существамъ.... Она и съ городскими знакомыми обходилась очень развязно, даже насмѣшливо; но оттѣнка презрѣнія не было.

Кстати, читатель, замѣтили ли вы, что человѣкъ, необыкновенно разсѣянный въ кружкѣ подчиненныхъ, никогда не бы-

ваетъ разсѣянъ съ лицами высшими? Отчего бы это? Впрочемъ, подобные вопросы ни къ чему не ведутъ.

Когда Константинъ Діомидычъ, вытвердивъ наконецъ тальберговской этюдъ, спустился изъ своей чистой и веселенькой комнаты въ гостиную, онъ уже засталъ все домашнее общество собраннымъ. *Салонъ* уже начался. На широкой кушеткѣ, подобравъ подъ себя ноги и вертя въ рукахъ новую французскую брошюру, расположилась хозяйка; у окна за пяльцами сидѣли—съ одной стороны дочь Дарьи Михайловны, а съ другой m-lle Boncourt — гувернантка, старая и сухая дѣва лѣтъ шестидесяти, съ накладкой черныхъ волосъ подъ разноцвѣтнымъ чепцомъ и хлопчатой бумагой въ ушахъ; въ углу, возлѣ двери, помѣстился Басистовъ и читалъ газету; подлѣ него Петя и Ваня играли въ шашки, а прислонясь къ печкѣ и заложивъ руки за спину, стоялъ господинъ небольшого роста, взъерошенный и сѣдой, съ смуглымъ лицомъ и бѣглыми черными глазками—нѣкто Африканъ Семенычъ Пигасовъ.

Странный человѣкъ былъ этотъ господинъ Пигасовъ. Озлобленный противу всего и всѣхъ—особенно противъ женщинъ—онъ бранился съ утра до вечера, иногда очень мѣтко, иногда довольно тупо, но всегда съ наслажденіемъ. Раздражительность его доходила до ребячества; его смѣхъ, звукъ его голоса, все его существо казалось пропитаннымъ жолчью. Дарья Михайловна охотно принимала Пигасова: онъ потѣшалъ ее своими выходками. Онѣ точно были довольно забавны. Все преувеличивать было его страстью. Напримѣръ: о какомъ бы несчастьи при немъ ни говорили—разсказывали ли ему, что громомъ зажгло деревню, что вода прорвала мельницу, что мужикъ себѣ топоромъ руку отрубилъ—онъ всякій разъ съ сосредоточеннымъ ожесточеніемъ спрашивалъ: «А какъ ее зовутъ?» то-есть, какъ зовутъ женщину, отъ которой произошло то несчастіе, потому что, по его увѣреніямъ, всякому несчастію причиной женщина, стоитъ только хорошенько вникнуть въ дѣло. Онъ однажды бросился на колѣни передъ почти незнакомой ему барыней, которая приставала къ нему съ угощеніемъ, и началъ слезно, но съ написанной на лицѣ яростью, умолять ее, чтобы она его пощадила, что онъ ничѣмъ передъ ней не провинился и впередъ у ней никогда не будетъ. Разъ

лошадь помчала подъ-гору одну изъ прачекъ Дарьи Михайловны, опрокинула въ ровъ и чуть не убила. Пигасовъ съ-тѣхъ-поръ иначе не называлъ эту лошадь, какъ добрый, добрый конекъ, а самую гору и ровъ находилъ чрезвычайно живописными мѣстами. Пигасову въ жизни не повезло — онъ эту дурь и напустилъ на себя. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его занималъ разныя мелкія должности, едва зналъ грамотѣ и не заботился о воспитаніи сына, кормилъ, одѣвалъ его—и только. Мать его баловала, но скоро умерла. Пигасовъ самъ себя воспиталъ, самъ опредѣлилъ себя въ уѣздное училище, потомъ въ гимназію, выучился языкамъ французскому, нѣмецкому и даже латинскому, а выйдя изъ гимназіи, съ отличнымъ аттестатомъ, отправился въ Дерптъ, гдѣ постоянно боролся съ нуждою, но выдержалъ трехгодичный курсъ до конца. Способности Пигасова не выходили изъ разряду обыкновенныхъ; терпѣніемъ и настойчивостью онъ отличался, но особенно сильно было въ немъ чувство честолюбія, желаніе попасть въ хорошее общество, не отстать отъ другихъ, на зло судьбѣ. Онъ и учился прилежно, и въ Дерптскій университетъ поступилъ изъ честолюбія. Бѣдность его сердила и развила въ немъ наблюдательность и лукавство. Онъ выражался своеобразно; онъ съ молоду присвоилъ себѣ особый родъ жолчнаго и раздражительнаго краснорѣчія. Мысли его не возвышались надъ общимъ уровнемъ; а говорилъ онъ такъ, что могъ казаться не только умнымъ, но даже очень умнымъ человѣкомъ. Получивъ степень кандидата, Пигасовъ рѣшился посвятить себя ученому званію: онъ понялъ, что на всякомъ другомъ поприщѣ онъ бы никакъ не могъ угнаться за своими товарищами (отъ старался выбирать ихъ изъ высшаго круга и умѣлъ къ нимъ поддѣлаться, даже льстилъ имъ, хотя все ругался). Но тутъ въ немъ, говоря попросту, матеріалу не хватило. Самоучка не изъ любви къ наукѣ, Пигасовъ въ сущности зналъ слишкомъ мало. Онъ жестоко провалился на диспутѣ, между тѣмъ, какъ жившій съ нимъ въ одной комнатѣ другой студентъ, надъ которымъ онъ постоянно смѣялся, человѣкъ весьма ограниченный, но получившій правильное и прочное воспитаніе, восторжествовалъ вполнѣ. Неудача эта взбѣсила Пигасова: онъ бросилъ въ огонь всѣ свои книги и тет-

ради и поступилъ на службу. Сначала дѣло пошло не дурно: чиновникъ онъ былъ хоть куда, не очень распорядительный, за то крайне самоувѣренный и бойкій; но ему захотѣлось поскорѣе выскочить въ люди—онъ запутался, споткнулся и принужденъ былъ выйдти въ отставку. Года три просидѣлъ онъ у себя въ благопріобрѣтенной деревенькѣ и вдругъ женился на богатой, полуобразованной помѣщицѣ, которую поймалъ на удочку своихъ развязныхъ и насмѣшливыхъ манеръ. Но нравъ Пигасова уже слишкомъ раздражился и окисъ; онъ тяготился семейной жизнью.... Жена его, поживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, уѣхала тайкомъ въ Москву и продала какому-то ловкому аферисту свое имѣніе, а Пигасовъ только что построилъ въ немъ усадьбу. Потрясенный до основанія этимъ послѣднимъ ударомъ, Пигасовъ затѣялъ было тяжбу съ женою, но ничего не выигралъ.... Онъ доживалъ свой вѣкъ одиноко, разъѣзжалъ по сосѣдямъ, которыхъ бранилъ за глаза и даже въ глаза, и которые принимали его съ какимъ-то напряженнымъ полухохотомъ, хотя серьёзнаго страха онъ имъ не внушалъ, — и никогда книги въ руки не бралъ. У него было около ста душъ; мужики его не бѣдствовали.

— А! Constantin! проговорила Дарья Михайловна, какъ только Пандалевскій вошелъ въ гостиную:—Alexandrine будетъ?

— Александра Павловна велѣли васъ благодарить и за особенное удовольствіе себѣ поставляютъ, возразилъ Константинъ Діомидычъ, пріятно раскланиваясь на всѣ стороны и прикасаясь толстой, но бѣлой ручкой съ ногтями, остриженными трехугольникомъ, къ превосходно причесаннымъ волосамъ.

— И Волынцевъ тоже будетъ?

— И они-съ.

— Такъ какже, Африканъ Семенычъ, продолжала Дарья Михайловна, обратясь къ Пигасову:—по вашему, всѣ барышни неестественны?

У Пигасова губы скрутились на бокъ, и онъ нервически задергалъ локтемъ.

— Я говорю, началъ онъ неторопливымъ голосомъ—онъ въ самомъ сильномъ припадкѣ ожесточенія говорилъ медленно и отчетливо:—я говорю, что барышни вообще—о присутствующихъ, разумѣется, я умалчиваю....

— Но это не мѣшаетъ вамъ и о нихъ думать, перебила Дарья Михайловна.

— Я о нихъ умалчиваю, повторилъ Пигасовъ.

Всѣ барышни вообще неестественны въ высшей степени— неестественны въ выраженіи чувствъ своихъ. Испугается ли, напримѣръ, барышня, обрадуется ли чему, или опечалится, она непремѣнно сперва придастъ тѣлу своему какой–нибудь эдакій изящный изгибъ (и Пигасовъ пребезобразно выгнулъ свой станъ и оттопырилъ руки) и потомъ уже крикнетъ: ахъ! или засмѣется, или заплачетъ. Мнѣ, однако (и тутъ Пигасовъ самодовольно улыбнулся), удалось-таки добиться однажды истиннаго, неподдѣльнаго выраженія ощущенія отъ одной замѣчательно-неестественной барышни!

— Какимъ это образомъ?

Глаза Пигасова засверкали.

— Я ее хватилъ въ бокъ осиновымъ коломъ сзади. Она какъ взвизгнетъ, а я ей: браво! браво! Вотъ это голосъ природы, это былъ естественный крикъ. Вы и впередъ всегда такъ поступайте.

Всѣ въ комнатѣ засмѣялись.

— Что вы за пустяки говорите, Африканъ Семенычъ! воскликнула Дарья Михайловна. — Повѣрю ли я, что вы станете дѣвушку толкать коломъ въ бокъ!

— Ей–Богу, коломъ, пребольшимъ коломъ, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются при защитѣ крѣпостей.

— Mais c'est une horreur ce que vous dites là, monsieur, возопила m-lle Boncourt, грозно посматривая на расхохотавшихся дѣтей.

— Да вы не вѣрьте ему, промолвила Дарья Михайловна:— развѣ вы его не знаете?

Но негодующая француженка долго не могла успокоиться и все что–то бормотала себѣ подъ носъ.

— Вы можете мнѣ не вѣрить, продолжалъ хладнокровнымъ голосомъ Пигасовъ: — но я утверждаю, что я сказалъ сущую правду. Кому жь это знать, коли не мнѣ? Послѣ этого вы, пожалуй, также не повѣрите, что наша сосѣдка Чепузова, Елена Антоновна, сама, замѣтьте сама, мнѣ разсказала, какъ она уморила своего роднаго племянника?

— Вотъ еще выдумали!

— Позвольте, позвольте! Выслушайте и судите сами. Замѣтьте, я на нее клеветать не желаю, я ее даже люблю, на сколько то-есть можно любить женщину; у ней во всемъ домѣ нѣтъ ни одной книги, кромѣ календаря, и читать она не можетъ иначе, какъ вслухъ—чувствуетъ отъ этого упражненія испарину и жалуется потомъ, что у ней глаза пупомъ полѣзли.... Словомъ, женщина она хорошая, и горничныя у ней толстыя. Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?

— Ну! замѣтила Дарья Михайловна: — взобрался Африканъ Семенычъ на своего конька — теперь не слѣзетъ съ него до вечера.

— Мой конекъ.... А у женщинъ ихъ цѣлыхъ три, съ которыхъ онѣ никогда не слѣзаютъ,—развѣ когда спятъ.

— Какіе же это три конька?

— Попрекъ, намекъ и упрекъ.

— Знаете ли что, Африканъ Семенычъ, начала Дарья Михайловна:—вы не даромъ такъ озлоблены на женщинъ. Какая нибудь, должно быть, васъ....

— Обидѣла, вы хотите сказать? перебилъ ее Пигасовъ.

— Дарья Михайловна немного смутилась: она вспомнила о несчастномъ бракѣ Пигасова..... и только головой кивнула.

— Меня одна женщина, точно, обидѣла, промолвилъ Пигасовъ:—хоть и добрая была, очень добрая....

— Кто же это такая?

— Мать моя, произнесъ Пигасовъ, понизивъ голосъ.

— Ваша мать? Чѣмъ же она могла васъ обидѣть?

— А тѣмъ, что родила....

Дарья Михайловоа наморщила брови.

— Мнѣ кажется, заговорила она:—разговоръ нашъ принимаетъ невеселый оборотъ.... Constantin, сыграйте намъ новый этюдъ Тальберга.... Авось звуки музыки укротятъ Африкана Семеныча. Орфей укрощалъ же дикихъ звѣрей.

Константинъ Діомидычъ сѣлъ за фортепьяно и сыгралъ этюдъ весьма удовлетворительно. Сначала Наталья Алексѣевна слушала со вниманіемъ, потомъ опять принялась за работу.

— Мегсі, c'est charmant, промолвила Дарья Михайловна:—

люблю Тальберга. Il est si distingué. Что вы задумались, Африканъ Семенычъ?

— Я думаю, началъ медленно Пигасовъ: — что есть три разряда эгоистовъ: эгоисты, которые сами живутъ и жить даютъ другимъ; эгоисты, которые сами живутъ и не даютъ жить другимъ; наконецъ, эгоисты, которые и сами не живутъ и другимъ не даютъ.... Женщины бо́льшею частію принадлежатъ къ третьему разряду.

— Какъ это любезно! Одному я только удивляюсь, Африканъ Семенычъ, какая у васъ самоувѣренность въ сужденіяхъ: точно вы никогда ошибиться не можете.

— Кто говоритъ! и я ошибаюсь; мужчина тоже можетъ ошибаться. Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вотъ какая: мужчина можетъ, напримѣръ, сказать, что дважды-два не четыре, а пять или три съ половиною, а женщина скажетъ, что дважды-два — стеариновая свѣчка.

— Я уже это, кажется, слышала отъ васъ.... Но позвольте спросить, какое отношеніе имѣетъ ваша мысль о трехъ родахъ эгоистовъ къ музыкѣ, которую вы сейчасъ слышали?

— Никакого, да я и не слушалъ музыки.

— Ну, ты, батюшка, я вижу неисправимъ, хоть брось, возразила Дарья Михайловна, слегка искажая грибоѣдовскій стихъ. — Что же вы любите, коли вамъ и музыка не нравится? литературу, что ли?

— Я литературу люблю, да только не нынѣшнюю.

— Почему?

— А вотъ почему. Я недавно переѣзжалъ черезъ Оку на паромѣ съ какимъ-то бариномъ. Паромъ присталъ къ крутому мѣсту: надо было втаскивать экипажи на рукахъ. У барина была коляска, претяжолая. Пока перевозчики надсаживались, встаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось.... Вотъ, подумалъ я, новое примѣненіе системы раздѣленія работъ! Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она крехтитъ.

Дарья Михайловна улыбнулась.

— И это называется воспроизведеніемъ современнаго быта,

продолжалъ неугомонный Пигасовъ: — глубокимъ сочувствіемъ къ общественнымъ вопросамъ и еще какъ-то.... Охъ, ужь эти мнѣ громкія слова!

— А вотъ женщины, на которыхъ вы такъ нападаете— тѣ, по-крайней-мѣрѣ, не употребляютъ громкихъ словъ.

Пигасовъ пожалъ плечомъ.

— Не употребляютъ, потому что не умѣютъ.

Дарья Михайловна слегка покраснѣла.

— Вы начинаете дерзости говорить, Африканъ Семенычъ! замѣтила она съ принужденной улыбкой.

Все затихло въ комнатѣ.

— Гдѣ это Золотоноша? спросилъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ у Басистова.

— Въ Полтавской губерніи, мой милѣйшій, подхватилъ Пигасовъ:—въ самой Хохландіи. (Онъ обрадовался случаю перемѣнить разговоръ). — Вотъ мы толковали о литературѣ, продолжалъ онъ:—еслибъ у меня были лишнія деньги, я бы сейчасъ сдѣлался малороссійскимъ поэтомъ.

— Это что̀ еще! хорошъ поэтъ! возразила Дарья Михайловна:—развѣ вы знаете по-малороссійски?

— Нимало; да оно и не нужно.

— Какъ не нужно?

— Да также не нужно. Сто̀итъ только взять листъ бумаги и написать наверху: дума, потомъ начать такъ: гой, ты доля моя, доля! или: сѣде козачына Наливайко на курганѣ; а тамъ: по̀ пидъ хорою, по́ пидъ зеленою, грае, грае воропае, гопъ! гопъ! или что нибудь въ этомъ родѣ. И дѣло въ шляпѣ. Печатай и издавай. Малороссъ прочтетъ, подопретъ рукою щеку и непремѣнно заплачетъ,—такая чувствительная душа!

— Помилуйте! воскликнулъ Басистовъ.—Что вы это такое говорите? Это ни съ чѣмъ несообразно. Я жилъ въ Малороссіи, люблю ее и языкъ ея знаю.... грае, грае воропае — совершенная безсмыслица.

— Можетъ быть, а хохолъ все таки заплачетъ. Вы говорите: языкъ.... Да развѣ существуетъ малороссійскій языкъ? Я попросилъ разъ одного хохла перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: грамматика есть искусство правильно читать и писать. Знаете, какъ онъ это перевелъ: храматыка е

ыскусьтво правылно чытаты ы пысаты.... Чтóжь, это языкъ, по вашему? самостоятельный языкъ? Да скорѣй, чѣмъ съ этимъ согласиться, я готовъ позволить лучшаго своего друга истолочь въ ступѣ....

Басистовъ хотѣлъ возражать.

— Оставьте его, промолвила Дарья Михайловна,—вѣдь, вы знаете, отъ него кромѣ парадоксовъ ничего не услышишь.

Пигасовъ язвительно улыбнулся. Лакей вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Александры Павловны и ея брата.

Дарья Михайловна встала на встрѣчу гостямъ.

— Здравствуйте, Alexandrine! заговорила она, подходя къ ней: — какъ вы умно сдѣлали, что пріѣхали.... Здравствуйте, Сергѣй Павлычъ!

Волынцевъ пожалъ Дарьѣ Михайловнѣ руку и подошелъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ.

— А что, этотъ баронъ, вашъ новый знакомый, пріѣдетъ сегодня? спросилъ Пигасовъ.

— Да, пріѣдетъ.

— Онъ, говорятъ, великій филозóвъ: такъ Гегелемъ и брызжетъ.

— Дарья Михайловна ничего не отвѣчала, усадила Александру Павловну на кушетку и сама помѣстилась возлѣ нея.

— Философія, продолжалъ Пигасовъ:— высшая точка зрѣнія! Вотъ еще смерть моя: эти высшія точки зрѣнія. И чтò можно увидать сверху? Небось, коли захочешь лошадь купить, не съ каланчи на нее смотрѣть станешь!

— Вамъ этотъ баронъ хотѣлъ привезти статью какую-то? спросила Александра Павловна.

— Да, статью, отвѣчала съ преувеличенною небрежностью Дарья Михайловна:— объ отношеніяхъ торговли къ промышленности въ Россіи.... Но не бойтесь: мы ее здѣсь читать не станемъ.... я васъ не за тѣмъ позвала. Le baron est aussi aimable que savant. И такъ хорошо говоритъ по-русски! C'est un vrai torrent.... il vous entraîne.

— Такъ хорошо по-русски говоритъ, проворчалъ Пигасовъ:— что заслуживаетъ французской похвалы.

— Поворчите еще, Африканъ Семенычъ, поворчите.... Это очень идетъ къ вашей взъерошенной прическѣ.... Однако, что

же онъ не ѣдетъ? Знаете ли что, messieurs et mesdames, прибавила Дарья Михайловна, взглянувъ кругомъ: — пойдемте въ садъ.... До обѣда еще около часу осталось, а погода славная....

Все общество поднялось и отправилось въ садъ.

—

Садъ у Дарьи Михайловны доходилъ до самой рѣки. Въ немъ было много старыхъ липовыхъ аллей, золотисто-темныхъ и душистыхъ, съ изумрудными просвѣтами по концамъ, много бесѣдокъ изъ акацій и сирени.

Волынцевъ вмѣстѣ съ Натальей и m-lle Boncourt забрались въ самую глушь сада. Волынцевъ шелъ рядомъ съ Натальей и молчалъ. M-lle Boncourt слѣдовала немного поодаль.

— Что же вы дѣлали сегодня? спросилъ наконецъ Волынцевъ, подергивая концы своихъ прекрасныхъ темно-русыхъ усовъ.

Онъ чертами лица очень походилъ на сестру; но въ выраженіи ихъ было меньше игры и жизни, и глаза его, красивые и ласковые, глядѣли какъ-то грустно.

— Да ничего, отвѣчала Наталья: — слушала, какъ Пигасовъ бранится, вышивала по канвѣ, читала.

— А что такое вы читали?

— Я читала.... исторію крестовыхъ походовъ, проговорила Наталья съ небольшой запинкой.

Волынцевъ посмотрѣлъ на нее.

— А! произнесъ онъ наконецъ: — это должно быть интересно.

Онъ сорвалъ вѣтку и началъ вертѣть ею по воздуху. Они прошли еще шаговъ двадцать.

— Что это за баронъ, съ которымъ ваша матушка познакомилась? спросилъ опять Волынцевъ.

— Камеръ-юнкеръ, пріѣзжій; maman его очень хвалитъ.

— Ваша матушка способна увлекаться.

— Это доказываетъ, что она еще очень молода сердцемъ, замѣтила Наталья.

— Да. Я скоро пришлю вамъ вашу лошадь. Она уже почти

совсѣмъ выѣзжена. Мнѣ хочется, чтобы она съ мѣста поднимала въ галопъ, и я этого добьюсь.

— Mercі.... Однако, мнѣ совѣстно. Вы сами ее выѣзжаете.... это, говорятъ, очень трудно.

— Чтобы доставить вамъ малѣйшее удовольствіе, вы знаете, Наталья Алексѣевна, я готовъ.... я.... и не такіе пустяки....

Волынцевъ замялся.

Наталья дружелюбно взглянула на него и еще разъ сказала: mercі.

— Вы знаете, продолжалъ Сергѣй Павлычъ, послѣ долгаго молчанья: — что нѣтъ такой вещи.... Но къ чему я это говорю! вѣдь вы все знаете.

Въ это мгновеніе въ домѣ прозвенѣлъ колоколъ.

— Ah! la cloche du dіner! воскликнула m-lle Boncourt:— retournons.

«Quel dommage», подумала про себя старая француженка, взбираясь на ступеньки балкона вслѣдъ за Волынцевымъ и Натальей:— «quel dommage que ce charmant garçon ait si peu de ressources dans la conversation.... что по-русски можно такъ перевести: ты, мой милый, милъ, но плохъ немножко.

Баронъ къ обѣду не пріѣхалъ. Его прождали съ полчаса. Разговоръ за столомъ не клеился. Сергѣй Павлычъ только посматривалъ на Наталью, возлѣ которой сидѣлъ, и усердно наливалъ ей воды въ стаканъ. Пандалевскій тщетно старался занять сосѣдку свою, Александру Павловну: онъ весь закипалъ сладостью, а она чуть не зѣвала.

Басистовъ каталъ шарики изъ хлѣба и ни о чемъ не думалъ; даже Пигасовъ молчалъ и, когда Дарья Михайловна замѣтила ему, что онъ очень нелюбезенъ сегодня, угрюмо отвѣтилъ: когда же я бываю любезнымъ? Это не мое дѣло.... и, усмѣхнувшись горько, прибавилъ: — потерпите маленько. Вѣдь я квасъ, du prostoï русскій квасъ; а вотъ вашъ камеръ-юнкеръ....

— Браво! воскликнула Дарья Михайловна.—Пигасовъ ревнуетъ, заранѣе ревнуетъ!

Но Пигасовъ ничего не отвѣтилъ ей и только посмотрѣлъ изъ подлобья.

Пробило семь часовъ, и всѣ опять собрались въ гостинную.

— Видно не будетъ, сказала Дарья Михайловна....

Но вотъ раздался стукъ экипажа, небольшой тарантасъ въѣхалъ на дворъ, и черезъ нѣсколько мгновеній лакей вошелъ въ гостиную и подалъ Дарьѣ Михайловнѣ письмо на серебряномъ блюдечкѣ.

Она пробѣжала его до конца и, обратясь къ лакею, спросила:

— А гдѣ же господинъ, который привезъ это письмо?

— Въ экипажѣ сидитъ-съ. Прикажете принять-съ?

— Проси.

Лакей вышелъ.

— Вообразите, какая досада, продолжала Дарья Михайловна: — баронъ получилъ предписаніе тотчасъ вернуться въ Петербургъ. Онъ прислалъ мнѣ свою статью съ однимъ господиномъ Рудинымъ, своимъ пріятелемъ. Баронъ хотѣлъ мнѣ его представить—онъ очень его хвалилъ. Но какъ это досадно! я надѣялась, что баронъ поживетъ здѣсь....

— Дмитрій Николаичъ Рудинъ, доложилъ лакей.

III.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, курчавый, смуглый, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и умнымъ, съ жидкимъ блескомъ въ быстрыхъ, темно-синихъ глазахъ, съ прямымъ широкимъ носомъ и красиво очерченными губами. Платье на немъ было не ново и узко, словно онъ изъ него выросъ.

Онъ проворно подошелъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и, поклонясь короткимъ поклономъ, сказалъ ей, что онъ давно желалъ имѣть честь представиться ей, и что пріятель его, баронъ, очень сожалѣлъ о томъ, что не могъ проститься лично.

Тонкій звукъ голоса Рудина не соотвѣтствовалъ его росту и его широкой груди.

— Садитесь.... очень рада, промолвила Дарья Михайловна и, познакомивъ его со всѣмъ обществомъ, спросила, здѣшній ли онъ, или заѣзжій.

— Мое имѣніе въ Т****ой губерніи, отвѣчалъ Рудинъ, держа шляпу на колѣняхъ: — а здѣсь я недавно. Я пріѣхалъ по дѣлу и поселился пока въ вашемъ уѣздномъ городѣ.

— У кого?

— У доктора. Онъ мой старинный товарищъ по университету.

— А! у доктора.... Его хвалятъ. Онъ, говорятъ, свое дѣло разумѣетъ. А съ барономъ вы давно знакомы?

— Я нынѣшней зимой въ Москвѣ съ нимъ встрѣтился и теперь провелъ у него около недѣли.

— Онъ очень умный человѣкъ — баронъ.

— Да-съ.

Дарья Михайловна понюхала узелокъ носоваго платка, напитанный одеколономъ.

— Вы служите? спросила она.

— Кто? я-съ?

— Да.

— Нѣтъ.... Я въ отставкѣ.

Наступило небольшое молчаніе. Общій разговоръ возобновился.

— Позвольте полюбопытствовать, началъ Пигасовъ, обратясь къ Рудину:—вамъ извѣстно содержаніе статьи, присланной господиномъ барономъ?

— Извѣстно.

— Статья эта трактуетъ объ отношеніяхъ торговли.... или нѣтъ, бишь, промышленности къ торговлѣ въ нашемъ отечествѣ.... Такъ, кажется, вы изволили выразиться, Дарья Михайловна?

— Да. Она объ этомъ, проговорила Дарья Михайловна и приложила руку ко лбу.

— Я, конечно, въ этихъ дѣлахъ судья плохой, продолжалъ Пигасовъ: — но я долженъ сознаться, что мнѣ самое заглавіе статьи кажется чрезвычайно.... какъ бы это сказать деликатнѣе?... чрезвычайно темнымъ и запутаннымъ.

— Почему же оно вамъ такъ кажется?

Пигасовъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ вскользь на Дарью Михайловну.

— А вамъ оно ясно? проговорилъ онъ, снова обративъ свое лисье личико къ Рудину.

— Мнѣ? Ясно.

— Гм.... Конечно, это вамъ лучше знать.

— У васъ голова болитъ? спросила Алескандра Павловна Дарью Михайловну.

— Нѣтъ. Это у меня такъ.... C'est nerveux.

— Позвольте полюбопытствовать, заговорилъ опять носовымъ голоскомъ Пигасовъ:—вашъ знакомецъ, господинъ баронъ Муффель.... такъ, кажется, ихъ зовутъ?

— Точно такъ.

— Господинъ баронъ Муффель спеціально занимается политической экономіей или только такъ, посвящаетъ этой интересной наукѣ часы досуга, остающагося среди свѣтскихъ удовольствій и занятій по службѣ?

Рудинъ пристально посмотрѣлъ на Пигасова.

— Баронъ въ этомъ дѣлѣ диллетантъ, отвѣчалъ онъ, слегка краснѣя:—но въ его статьѣ много справедливаго и любопытнаго.

— Не могу спорить съ вами, не зная статьи.... Но смѣю спросить, сочиненіе вашего пріятеля, барона Муффеля, вѣроятно, болѣе придерживается общихъ разсужденій, нежели фактовъ?

— Въ немъ есть и факты и разсужденія, основанныя на фактахъ.

— Такъ-съ, такъ-съ. Доложу вамъ, по моему мнѣнію.... а я могу-таки, при случаѣ, свое слово молвить: я три года въ Дерптѣ выжилъ.... всѣ эти, такъ называемыя, общія разсужденія, гипотезы тамъ, системы.... извините меня, я провинціалъ, правду-матку рѣжу прямо.... никуда не годятся. Это все одно умствованіе—этимъ только людей морочатъ. Передавайте, господа, факты, и будетъ съ васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! возразилъ Рудинъ.—Ну, а смыслъ фактовъ передавать слѣдуетъ?

— Общія разсужденія? продолжалъ Пигасовъ:—смерть моя эти общія разсужденія, обозрѣнія, заключенія! Все это основано на такъ называемыхъ убѣжденіяхъ; всякій толкуетъ о своихъ

убѣжденіяхъ и еще уваженія къ нимъ требуетъ, носится съ ними.... Эхъ!...

И Пигасовъ потрясъ кулакомъ въ воздухѣ. Пандалевскій разсмѣялся.

— Прекрасно! промолвилъ Рудинъ:—стало быть, по вашему, убѣжденій нѣтъ?

— Нѣтъ—и не существуетъ.

— Это ваше убѣжденіе?

— Да.

— Какже вы говорите, что ихъ нѣтъ? Вотъ, вамъ уже одно, на первый случай.

Всѣ въ комнатѣ улыбнулись и переглянулись.

— Позвольте, позвольте, однако, началъ было Пигасовъ....

Но Дарья Михайловна захлопала въ ладоши, воскликнула: браво, браво, разбитъ Пигасовъ, разбитъ! и тихонько вынула шляпу изъ рукъ Рудина.

— Погодите радоваться, сударыня: успѣете! заговорилъ съ досадой Пигасовъ. — Недостаточно сказать, съ видомъ превосходства, острое словцо: надобно доказать, опровергнуть.... Мы отбились отъ предмета спора.

— Позвольте, хладнокровно замѣтилъ Рудинъ:—дѣло очень просто. Вы не вѣрите въ пользу общихъ разсужденій, вы не вѣрите въ убѣжденія....

— Не вѣрю, не вѣрю, ни во что́ не вѣрю.

— Очень хорошо. Вы скептикъ.

— Не вижу необходимости употреблять такое ученое слово. Впрочемъ....

— Не перебивайте же! вмѣшалась Дарья Михайловна.

— Кусь, кусь, кусь! сказалъ про себя въ это мгновенье Пандалевскій и весь осклабился.

— Это слово выражаетъ мою мысль, продолжалъ Рудинъ.— Вы его понимаете: отчего же не употреблять его? Вы ни во что́ не вѣрите.... Почему же вѣрите вы въ факты?

— Какъ почему? вотъ прекрасно! Факты дѣло извѣстное, всякій знаетъ, что̀ такое факты.... Я сужу о нихъ по опыту, по собственному чувству.

— Да развѣ чувство не можетъ обмануть васъ? Чувство вамъ говоритъ, что солнце вокругъ земли ходитъ.... или, мо-

жетъ быть, вы не согласны съ Коперникомъ? Вы и ему не вѣрите?

Улыбка опять промчалась по всѣмъ лицамъ, и глаза всѣхъ устремились на Рудина. «А онъ человѣкъ неглупый», подумалъ каждый.

— Вы все изволите шутить, заговорилъ Пигасовъ.—Конечно, это очень оригинально, но къ дѣлу нейдетъ.

— Въ томъ, что я сказалъ до сихъ поръ, возразилъ Рудинъ:—къ сожалѣнію, слишкомъ мало оригинальнаго. Это все очень давно извѣстно и тысячу разъ было говорено. Дѣло не въ томъ....

— А въ чемъ же? спросилъ не безъ наглости Пигасовъ.

Въ спорѣ онъ сперва подтрунивалъ надъ противникомъ, потомъ становился грубымъ, а наконецъ дулся и умолкалъ.

— Вотъ въ чемъ, продолжалъ Рудинъ:—я, признаюсь, не могу не чувствовать искренняго сожалѣнія, когда умные люди при мнѣ нападаютъ....

— На системы? перебилъ Пигасовъ.

— Да, пожалуй, хоть на системы. Что васъ пугаетъ такъ это слово? Всякая система основана на знаніи основныхъ законовъ, началъ жизни....

— Да ихъ узнать, открыть ихъ нельзя.... помилуйте!

— Позвольте. Конечно, не всякому онѣ доступны, и человѣку свойственно ошибаться. Однако, вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что, напримѣръ, Ньютонъ открылъ хотя нѣкоторые изъ этихъ основныхъ законовъ. Онъ былъ геній, положимъ; но открытія геніевъ тѣмъ и велики, что становятся достояніемъ всѣхъ. Стремленіе къ отысканію общихъ началъ въ частныхъ явленіяхъ есть одно изъ коренныхъ свойствъ человѣческаго ума, и вся наша образованность....

— Вотъ вы куда-съ! перебилъ растянутымъ голосомъ Пигасовъ. —Я практической человѣкъ и во всѣ эти метафизическія тонкости не вдаюсь и не хочу вдаваться.

— Прекрасно! Это въ вашей волѣ. Но замѣтьте, что самое ваше желаніе быть исключительно практическимъ человѣкомъ есть уже своего рода система, теорія...

— Образованность! говорите вы, подхватилъ Пигасовъ:— вотъ еще чѣмъ удивить вздумали! Очень нужна она, эта хва-

леная образованность! Гроша мѣднаго не дамъ я за вашу образованность!

— Однако, какъ вы дурно спорите, Африканъ Семенычъ! замѣтила Дарья Михайловна, внутренно весьма довольная спокойствіемъ и изящной учтивостью новаго своего знакомца.—«C'est un homme come il faut», подумала она, съ доброжелательнымъ вниманіемъ взглянувъ въ лицо Рудину. «Надо его приласкать.» Эти послѣднія слова она мысленно произнесла по-русски.

— Образованность я защищать не стану, продолжалъ, помолчавъ немного, Рудинъ:—она не нуждается въ моей защитѣ. Вы ея не любите.... у всякаго свой вкусъ. Притомъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Позвольте вамъ только напомнить старинную поговорку: «Юпитеръ, ты сердишься: стало быть, ты виноватъ.» Я хотѣлъ сказать, что всѣ эти нападенія на системы, на общія разсужденія и т. д. потому особенно огорчительны, что, вмѣстѣ съ системами, люди отрицаютъ вообще знаніе, науку и вѣру въ нее, стало быть, и вѣру въ самихъ себя, съ свои силы. А людямъ нужна эта вѣра: имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался безплодностью и безсиліемъ ...

— Это все слова! пробормоталъ Пигасовъ.

— Можетъ быть. Но позвольте вамъ замѣтить, что, говоря: «это все слова!» мы часто сами желаемъ отдѣлаться отъ необходимости сказать что нибудь подѣльнѣе однихъ словъ.

— Чего-съ? спросилъ Пигасовъ и прищурилъ глаза.

— Вы поняли, что я хотѣлъ сказать вамъ, возразилъ съ невольнымъ, но тотчасъ сдержаннымъ, нетерпѣніемъ Рудинъ.— Повторяю, если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, какъ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ потребностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? какъ можетъ онъ знать, что онъ долженъ самъ дѣлать, если....

— Честь и мѣсто! отрывисто проговорилъ Пигасовъ, поклонился и отошелъ въ сторону, ни на кого не глядя.

Рудинъ посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся слегка и умолкъ.

— Ага! обратился въ бѣгство! заговорила Дарья Михайлов-

на.—Не безпокойтесь, Дмитрій.... Извините, прибавила она съ привѣтливой улыбкой:—какъ васъ по батюшкѣ?

— Николаичъ.

— Не безпокойтесь, любезный Дмитрій Николаичъ! Онъ никого изъ насъ не обманулъ. Онъ желаетъ показать видъ, что не *хочетъ* больше спорить.... Онъ чувствуетъ, что не *можетъ* спорить съ вами. А вы лучше подсядьте-ка къ намъ поближе да поболтаемте.

Рудинъ пододвинулъ свое кресло.

— Какъ это мы до сихъ поръ не познакомились? продолжала Дарья Михайловна. Это меня удивляетъ.... Читали-ли вы эту книгу? C'est de Tocqueville, vous savez?

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру.

Рудинъ взялъ тоненькую книжонку въ руки, перевернулъ въ ней нѣсколько страницъ и, положивъ ее обратно на столъ, отвѣчалъ, что собственно этого сочиненія г. Токвиля онъ не читалъ, но часто размышлялъ о затронутомъ имъ вопросѣ. Разговоръ завязался. Рудинъ сперва какъ будто колебался, не рѣшался высказываться, не находилъ словъ, но наконецъ разогрѣлся и заговорилъ. Черезъ четверть часа одинъ его голосъ раздавался въ комнатѣ. Всѣ столпились въ кружокъ около него.

Одинъ Пигасовъ оставался въ отдаленіи, въ углу, подлѣ камина. Рудинъ говорилъ умно, горячо, дѣльно; выказалъ много знанія, много начитанности. Никто не ожидалъ найти въ немъ человѣка замѣчательнаго.... Онъ былъ такъ посредственно одѣтъ, о немъ такъ мало ходило слуховъ. Всѣмъ непонятно казалось и странно, какимъ это образомъ вдругъ, въ деревнѣ, могъ проявиться такой умница. Тѣмъ болѣе удивилъ онъ и, можно сказать, очаровалъ всѣхъ, начиная съ Дарьи Михайловны.... Она гордилась своей находкой и уже заранѣе думала о томъ, какъ она выведетъ Рудина въ свѣтъ. Въ первыхъ ея впечатлѣніяхъ было много почти дѣтскаго, не смотря на ея года. Александра Павловна, правду сказать, поняла мало изо всего, что̀ говорилъ Рудинъ, но была очень удивлена и обрадована; братъ ея тоже дивился; Пандалевскій наблюдалъ за Дарьей Михайловной и завидовалъ; Пигасовъ думалъ: «дамъ пятьсотъ рублей—еще лучше соловья достану!»... Но больше всѣхъ были поражены Ба-

ситовъ и Наталья. У Басистова чуть дыханье не захватило; онъ сидѣлъ все время съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами—и слушалъ, слушалъ, какъ отроду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ и заблисталъ....

— Какіе у него славные глаза! шепнулъ ей Волынцевъ.

— Да, хороши.

— Жаль только, что руки велики и красны.

Наталья ничего не отвѣчала.

Подали чай. Разговоръ сталъ болѣе общимъ, но уже по одной внезапности, съ которой всѣ замолкали, лишь только Рудинъ раскрывалъ ротъ, можно было судить о силѣ произведеннаго имъ впечатлѣнія. Дарьѣ Михайловнѣ вдругъ захотѣлось поздразнить Пигасова. Она подошла къ нему и вполголоса проговорила: «Что же вы молчите и только улыбаетесь язвительно? Попытайтесь-ка, схватитесь съ нимъ опять», и не дождавшись его отвѣта, подозвала рукою Рудина.

— Вы про него еще одной вещи не знаете, сказала она ему, указывая на Пигасова:—онъ ужасный ненавистникъ женщинъ, безпрестанно нападаетъ на нихъ; пожалуйста, обратите его на путь истины.

Рудинъ посмотрѣлъ на Пигасова.... поневолѣ свысока: онъ былъ выше его двумя головами.

Пигасова чуть не покоробило со злости, и желчное лицо его поблѣднѣло.

— Дарья Михайловна ошибается, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—я не на однѣхъ женщинъ нападаю: я до всего человѣческаго рода небольшой охотникъ.

— Что же вамъ могло дать такое дурное мнѣніе о немъ? спросилъ Рудинъ.

Пигасовъ глянулъ ему прямо въ глаза.

— Вѣроятно, изученіе собственнаго сердца, въ которомъ я съ каждымъ днемъ открываю все болѣе и болѣе дряни. Я сужу о другихъ по себѣ. Можетъ быть, это и несправедливо, и я гораздо хуже другихъ; но что прикажите дѣлать? привычка!

— Я васъ понимаю и сочувствую вамъ, возразилъ Рудинъ.— Какая благородная душа не испытала жажды самоуничиженія?

Но не слѣдуетъ останавливаться на этомъ безвыходномъ положеніи.

— Покорно благодарю за выдачу моей душѣ аттестата въ благородствѣ, возразилъ Пигасовъ: — а положеніе мое ничего, недурно, такъ что если даже есть изъ него выходъ, то Богъ съ нимъ! я его искать не стану.

— Но это значитъ—извините за выраженіе — предпочитать удовлетвореніе своего самолюбія желанію быть и жить въ истинѣ....

— Да еще бы! воскликнулъ Пигасовъ: — самолюбіе—это и я понимаю, и вы, надѣюсь, понимаете, и всякій понимаетъ; а истина—что̀ такое истина? Гдѣ она, эта истина?

— Вы повторяетесь, предупреждаю васъ, замѣтила Дарья Михайловна.

Пигасовъ поднялъ плечи.

— Такъ что̀жъ за бѣда? Я спрашиваю гдѣ истина? Даже философы не знаютъ, что̀ она такое. Кантъ говоритъ: вотъ она, молъ, что̀; а Гегель—нѣтъ, врешь, она вотъ что̀.

— А вы знаете, что̀ говоритъ о ней Гегель? спросилъ, не возвышая голоса, Рудинъ.

— Я повторяю, продолжалъ разгорячившійся Пигасовъ:—что я не могу понять, что̀ такое истина. По моему, ея вовсе и нѣтъ на свѣтѣ, то есть слово-то есть, да самой вещи нѣту.

— Фи! фи! воскликнула Дарья Михайловна:—какъ вамъ не стыдно это говорить, старый вы грѣшникъ! Истины нѣтъ? Для чего же жить послѣ этого на свѣтѣ.

— Да ужь я думаю, Дарья Михайловна, возразилъ съ досадой Пигасовъ:—что вамъ, во всякомъ случаѣ, легче было бы жить безъ истины, чѣмъ безъ вашего повара Степана, который такой мастеръ варить бульоны! И на что̀ вамъ истина, скажите на милость? вѣдь чепчика изъ нея сшить нельзя!

— Шутка не возраженіе, замѣтила Дарья Михайловна:—особенно, когда сбивается на клевету....

— Не знаю, какъ истина, а правда, видно, глаза колетъ, пробормоталъ Пигасовъ и съ сердцемъ отошелъ въ сторону.

А Рудинъ заговорилъ о самолюбіи, и очень дѣльно заговорилъ. Онъ доказывалъ, что человѣкъ безъ самолюбія ничтоженъ, что самолюбіе—архимедовъ рычагъ, которымъ землю съ мѣста можно сдвинуть, но что въ тоже время тотъ только заслуживаетъ названіе

человѣка, кто умѣетъ овладѣть своимъ самолюбіемъ, какъ всадникъ конемъ, кто свою личность приноситъ въ жертву общему благу....

— Себялюбіе, такъ заключилъ онъ: — самоубійство. Себялюбивый человѣкъ засыхаетъ словно одинокое, безплодное дерево; но самолюбіе, какъ дѣятельнее стремленіе къ совершенству, есть источникъ всего великаго.... Да! человѣку надо надломить упорный эгоизмъ своей личности, чтобы дать ей право себя высказывать!

— Не можете ли вы одолжить мнѣ карандашика? обратился Пигасовъ къ Басистову.

Басистовъ не тотчасъ понялъ, что у него спрашивалъ Пигасовъ.

— Зачѣмъ вамъ карандашъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— Хочу записать вотъ эту послѣднюю фразу г. Рудина. Не записавъ, позабудешь, чего добраго! А согласитесь сами, такая фраза все равно, что большой шлемъ въ ералаши.

— Есть вещи, надъ которыми смѣяться и трунить грѣшно, Африканъ Семенычъ! съ жаромъ проговорилъ Басистовъ и отвернулся отъ Пигасова.

Между тѣмъ, Рудинъ подошелъ къ Натальѣ. Она встала; лицо ея выразило замѣшательство.

Волынцевъ, сидѣвшій подлѣ нея, тоже всталъ.

— Я вижу фортепьяно, началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ:—не вы ли играете на немъ?

— Да, я играю, проговорила Наталья: — но не очень хорошо. Вотъ Константинъ Діомидычъ гораздо лучше меня играетъ.

Пандалевскій выставилъ свое лицо и оскалилъ зубы.

— Напрасно вы это говорите, Наталья Алексѣевна: вы играете нисколько не хуже меня.

— Знаете ли вы «Erlkönig» Шуберта? спросилъ Рудинъ.

— Знаетъ, знаетъ! подхватила Дарья Михайловна. —Садитесь, Constantin.... А вы любите музыку, Дмитрій Николаичъ?

Рудинъ только наклонилъ слегка голову и провелъ рукой по волосамъ, какъ бы готовясь слушать.... Пандалевскій заигралъ.

Наталья стала возлѣ фортепьяно, прямо напротивъ Рудина. Съ первымъ звукомъ лицо его приняло прекрасное выраженіе. Его темно-синіе глаза медленно блуждали, изрѣдка останавливаясь на Натальѣ. Пандалевскій кончилъ.

Рудинъ ничего не сказалъ и подошелъ къ раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою надъ садомъ; дремотной свѣжестью дышали близкія деревья. Звѣзды тихо теплились. Лѣтняя ночь и нѣжилась и нѣжила.

Рудинъ поглядѣлъ въ темный садъ—и обернулся.

— Эта музыка и эта ночь, заговорилъ онъ:—напомнили мнѣ мое студенческое время въ Германіи: наши сходки, наши серенады....

— А вы были въ Германіи? спросила Дарья Михайловна.

— Я провелъ годъ въ Гейдельбергѣ и около года въ Берлинѣ.

— И одѣвались студентомъ? Говорятъ, они тамъ какъ-то особенно одѣваются.

— Въ Гейдельбергѣ я носилъ большіе сапоги со шпорами и венгерку со шнурками и волосы отростилъ до самыхъ плечъ.... Въ Берлинѣ студенты одѣваются, какъ всѣ люди.

— Разскажите намъ что нибудь изъ вашей студенческой жизни, промолвила Александра Павловна.

Рудинъ началъ разсказывать. Разсказывалъ онъ не совсѣмъ удачно. Въ описаніяхъ его недоставало красокъ. Онъ не умѣлъ смѣшить. Впрочемъ, Рудинъ отъ разсказа своихъ заграничныхъ похожденій скоро перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще. Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадную картину. Всѣ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ мастерски, увлекательно, не совсѣмъ ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его рѣчамъ,

Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. Не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна — вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили къ нему на уста, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва ли не высшей тайной—музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердецъ, заставлять смутно звенѣть и

дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь; но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди....

Всѣ мысли Рудина казались обращенными въ будущее; это придавало имъ что-то стремительное и молодое.... Стоя у окна, не глядя ни на кого въ особенности, онъ говорилъ и, вдохновенный общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, близостію молодыхъ женщинъ, красотою ночи, увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній, онъ возвысился до краснорѣчія, до поэзіи.... Самый звукъ его голоса, сосредоточенный и тихій, увеличивалъ обаяніе; казалось, его устами говорило что-то высшее, для него самого неожиданное.... Рудинъ говорилъ о томъ, что̀ придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка.

— Помню я одну скандинавскую легенду, такъ кончилъ онъ: — царь сидитъ съ своими воинами въ темномъ и длинномъ сараѣ, вокругъ огня. Дѣло происходитъ ночью, зимой. Вдругъ небольшая птичка влетаетъ въ раскрытыя двери и вылетаетъ въ другія. Царь замѣчаетъ, что эта птичка, какъ человѣкъ въ мірѣ: прилетѣла изъ темноты и улетѣла въ темноту и недолго побыла въ теплѣ и въ свѣтѣ.... «Царь—возражаетъ самый старый изъ воиновъ — птичка и во тьмѣ не пропадетъ и гнѣздо свое сыщетъ....» Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ тѣхъ высшихъ силъ должно замѣнить человѣку всѣ другія радости; въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо....

Рудинъ остановился и потупилъ глаза съ улыбкой невольнаго смущенія.

— Vous êtes un poète, вполголоса проговорила Дарья Михайловна.

И всѣ съ ней внутренно согласились,—всѣ, исключая Пигасова. Не дождавшись конца длинной рѣчи Рудина, онъ тихонько взялъ шапку и, уходя, озлобленно прошепталъ стоявшему близъ двери Пандалевскому:

— Нѣтъ! поѣду къ дуракамъ!

Впрочемъ, никто его не удерживалъ и не замѣтилъ его отсутствія.

Люди внесли ужинъ, и, полчаса спустя, всѣ разъѣхались и разошлись. Дарья Михайловна упросила Рудина остаться ночевать. Александра Павловна, возвращаясь съ братомъ домой въ каретѣ, нѣсколько разъ принималась ахать и удивляться необыкновенному уму Рудина. Волынцевъ соглашался съ ней, однако замѣтилъ, что онъ иногда выражается немного темно... то-есть не совсѣмъ вразумительно, прибавилъ онъ, желая, вѣроятно, пояснить свою мысль; но лицо его омрачилось, и взглядъ, устремленный въ уголъ кареты, казался еще грустнѣе.

Пандалевскій, ложась спать и снимая свои вышитыя шелкомъ помочи, проговорилъ вслухъ: «очень ловкій человѣкъ!» и вдругъ, сурово взглянувъ на своего казачка-камердинера, приказалъ ему выйти. Басистовъ цѣлую ночь не спалъ и не раздѣвался, онъ до самаго утра все писалъ письмо къ одному своему товарищу въ Москву; а Наталья хотя и раздѣлась и легла въ постель, но тоже ни на минуту не уснула и не закрывала даже глазъ. Подперши голову рукою, она глядѣла пристально въ темноту; лихорадочно бились ея жилы, и тяжелый вздохъ часто приподнималъ ея грудь.

IV.

На другое утро, Рудинъ только что успѣлъ одѣться, какъ явился къ нему человѣкъ отъ Дарьи Михайловны съ приглашеніемъ пожаловать къ ней въ кабинетъ и откушать съ ней чай. Рудинъ засталъ ее одну. Она очень любезно съ нимъ поздоровалась, освѣдомилась, хорошо ли онъ провелъ ночь, сама налила ему чашку чаю, спросила даже, довольно ли сахару, предложила ему папироску и раза два опять повторила, что удивляется, какъ она давно съ нимъ не познакомилась. Рудинъ сѣлъ—было нѣсколько поодаль; но Дарья Михайловна указала ему на небольшое патѣ, стоявшее подлѣ ея кресла, и, слегка наклонясь въ его сторону, начала распрашивать его объ его семействѣ, объ его намѣреніяхъ и предположеніяхъ. Дарья Михайловна говорила небрежно, слушала разсѣянно; но Рудинъ очень хорошо понималъ, что она ухаживала за нимъ, чуть не льстила ему. Недаромъ же она устроила это утреннее свиданіе, недаромъ одѣлась просто, но изящно, à la madame Récamier!

Впрочемъ, Дарья Михайловна скоро перестала его распрашивать: она начала разсказывать ему о себѣ, о своей молодости, о людяхъ, съ которыми она знялась. Рудинъ съ участіемъ внималъ ея разглагольствованіямъ, хотя — странное дѣло! — о какомъ бы лицѣ ни заговорила Дарья Михайловна, на первомъ планѣ оставалась все-таки она, она одна, а то лицо какъ-то скрадывалось и исчезало. За то, Рудинъ узналъ въ подробности, что̀ именно Дарья Михайловна говорила такому-то извѣстному сановнику, какое она имѣла вліяніе на такого-то знаменитаго поэта. Судя по разсказамъ Дарьи Михайловны, можно было подумать, что всѣ замѣчательные люди, послѣдняго двадцатипятилѣтія, только о томъ и мечтали, какъ бы повидаться съ ней, какъ бы заслужить ея расположеніе. Она говорила о нихъ просто, безъ особенныхъ восторговъ и похвалъ, какъ о своихъ, называя иныхъ чудаками. Она говорила о нихъ, и, какъ богатая оправа вокругъ драгоцѣннаго камня, имена ихъ ложились блестящей каймой вокругъ главнаго имени — вокругъ имени Дарьи Михайловны....

А Рудинъ слушалъ, покуривалъ папироску и молчалъ, лишь изрѣдка вставляя въ рѣчь разболтавшейся барыни небольшія замѣчанія. Онъ умѣлъ и любилъ говорить; вести разговоръ было не по немъ, но онъ умѣлъ также слушать. Всякій, кого онъ только не запугивалъ сначала, довѣрчиво распускался въ его присутствіи: такъ охотно и одобрительно слѣдилъ онъ за нитью чужаго разсказа. Въ немъ было много добродушія,—того особеннаго добродушія, которымъ исполнены люди, привыкшіе чувствовать себя выше другихъ. Въ спорахъ онъ рѣдко давалъ высказываться своему противнику и подавлялъ его своей стремительной и страстной діалектикой.

Дарья Михайловна изъяснялась по-русски. Она щеголяла знаньемъ роднаго языка, хотя галлицизмы, французскія словечки попадались у ней частенько. Она съ намѣреніемъ употребляла простые народные обороты, но не всегда удачно. Ухо Рудина не оскорблялось странной пестротою рѣчи въ устахъ Дарьи Михайловны, да и врядъ ли имѣлъ онъ на это ухо.

Дарья Михайловна утомилась наконецъ и, прислонясь головой къ задней подушкѣ креселъ, устремила глаза на Рудина и умолкла.

— Я теперь понимаю, началъ медленнымъ голосомъ Рудинъ:—я понимаю, почему вы каждое лѣто пріѣзжаете въ деревню. Вамъ этотъ отдыхъ необходимъ ; деревенская тишина, послѣ столичной жизни, освѣжаетъ и укрѣпляетъ васъ. Я увѣренъ, что вы должны глубоко сочувствовать красотамъ природы.

Дарья Михайловна изкоса посмотрѣла на Рудина.

— Природа.... да.... да, конечно.... я ужасно ее люблю; но знаете ли, Дмитрій Николаичъ, и въ деревнѣ нельзя безъ людей. А здѣсь почти никого нѣтъ. Пигасовъ самый умный человѣкъ здѣсь.

— Вчерашній сердитый старикъ? спросилъ Рудинъ.

— Да, этотъ. Въ деревнѣ, впрочемъ, и онъ годится—хоть разсмѣшитъ иногда.

— Онъ человѣкъ не глупый, возразилъ Рудинъ: — но онъ на ложной дорогѣ. Я не знаю, согласитесь ли вы со мною, Дарья Михайловна, но въ отрицаніи—въ отрицаніи полномъ и всеобщемъ—нѣтъ благодати. Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что̀ отрицаете. А это часто неправда. Во-первыхъ во всемъ можно сыскать пятна, а во–вторыхъ, если даже вы и дѣло говорите, вамъ же хуже: вашъ умъ, направленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ. Удовлетворяя ваше самолюбіе, вы лишаетесь истинныхъ наслажденій созерцанія: жизнь—сущность жизни — ускользаетъ отъ вашего мелкаго и желчнаго наблюденія, и вы кончите тѣмъ, что будете лаяться и смѣшить. Порицать, бранить имѣетъ право только тотъ, кто любитъ.

— Voilà m–r Pigassoff enterré, проговорила Дарья Михайловна. Какой вы мастеръ опредѣлять человѣка! Впрочемъ, Пигасовъ, вѣроятно, и не понялъ бы васъ. А любитъ онъ только собственную свою особу.

— И бранитъ ее для того, чтобы имѣть право бранить другихъ, подхватилъ Рудинъ.

Дарья Михайловна засмѣялась.

— Съ больной.... какъ это говорится.... съ больнаго на здороваго. Кстати, что̀ вы думаете о баронѣ?

— О баронѣ? Онъ хорошій человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ и знающій.... но въ немъ нѣтъ характера.... и онъ весь свой

вѣкъ останется полу-ученымъ, полу-свѣтскимъ человѣкомъ, т. е. диллетантомъ, т. е., говоря безъ обиняковъ—ничѣмъ.... А жаль!

— Я сама того же мнѣнія, возразила Дарья Михайловна. Я читала его статью.... Entre nous... cela a assez peu de fond.

— Кто же еще у васъ тутъ есть? спросилъ, помолчавъ, Рудинъ.

Дарья Михайловна отряхнула пятымъ пальцемъ пепелъ съ пахитоски.

— Да больше почти никого нѣтъ. Липина, Александра Павловна, которую вы вчера видѣли: она очень мила, но и только. Братъ ее — тоже прекрасный человѣкъ, un parfait honnête homme. Князя Гарина вы знаете. Вотъ и всѣ. Есть еще два-три сосѣда, но тѣ уже совсѣмъ ничего. Либо ломаются—претензіи страшныя—либо дичатся, или ужь не кстати развязны. Барынь я, вы знаете, не вижу. Есть еще одинъ сосѣдъ, очень, говорятъ, образованный, даже ученый человѣкъ, но чудакъ ужасный, фантазёръ. Alexandrine его знаетъ и, кажется, къ нему неравнодушна.... Вотъ вамъ бы заняться ею, Дмитрій Николаичъ: это милое существо; ее надобно только развить немножко, непремѣнно надо ее развить!

— Она очень симпатична, замѣтилъ Рудинъ.

— Совершенное дитя, Дмитрій Николаичъ, ребенокъ настоящій. Она была замужемъ, mais c'est tout comme. Еслибъ я была мужчина, я только въ такихъ бы женщинъ влюблялась.

— Неужели?

— Непремѣнно. Такія женщины, по крайней мѣрѣ, свѣжи, а ужь подъ свѣжесть поддѣлаться нельзя.

— А подо все другое можно? спросилъ Рудинъ и засмѣялся, что̀ съ нимъ случалось довольно рѣдко. Когда онъ смѣялся, лицо его принимало странное, почти старческое выраженіе, глаза ежились, носъ морщился....

— А кто же такой этотъ, какъ вы говорите, чудакъ, къ которому г–жа Липина неравнодушна? спросилъ онъ.

— Нѣкто Лежневъ, Михайло Михайлычъ, здѣшній помѣщикъ.

Рудинъ изумился и поднялъ голову.

— Лежневъ, Михайло Михайлычъ, спросилъ онъ: — развѣ онъ сосѣдъ вашъ?

— Да. А вы его знаете?

Рудинъ помолчалъ.

— Я его знавалъ прежде.... тому давно. Вѣдь онъ, кажется, богатый человѣкъ? прибавилъ онъ, пощипывая рукою бахрому кресла.

— Да, богатый, хотя одѣвается ужасно и ѣздитъ на бѣговыхъ дрожкахъ, какъ прикащикъ. Я желала залучить его къ себѣ: онъ, говорятъ, уменъ; у меня же съ нимъ дѣло есть.... Вѣдь, вы знаете, я сама распоряжаюсь моимъ имѣніемъ?

Рудинъ наклонилъ голову.

— Да, сама, продолжала Дарья Михайловна: — я никакихъ иностранныхъ глупостей не ввожу, придерживаюсь своего, русскаго, и, вы видите, дѣла, кажется, идутъ недурно, прибавила она, проведя рукой кругомъ.

— Я всегда былъ убѣжденъ, замѣтилъ вѣжливо Рудинъ:— въ крайней несправедливости тѣхъ людей, которые отказываютъ женщинамъ въ практическомъ смыслѣ.

Дарья Михайловна пріятно улыбнулась.

— Вы очень снисходительны, промолвила она:—но что бишь я хотѣла сказать? О чемъ мы говорили? Да! о Лежневѣ. У меня съ нимъ дѣло по размежеванію. Я его нѣсколько разъ приглашала къ себѣ и даже сегодня я его жду; но онъ, Богъ его знаетъ, не ѣдетъ.... такой чудакъ!

Пологъ передъ дверью тихо распахнулся, и вошелъ дворецкій, человѣкъ высокаго роста, сѣдой и плѣшивый, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстухѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Что ты? спросила Дарья Михайловна и, слегка обратясь къ Рудину, прибавила вполголоса: — n'est ce pas, comme il ressemble à Canning?

— Михайло Михайлычъ Лежневъ пріѣхали, доложилъ дворецкій:—прикажете принять?

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Дарья Михайловна:—вотъ легокъ на поминѣ. Проси!

Дворецкій вышелъ.

— Такой чудакъ, пріѣхалъ наконецъ, и то не кстати: нашъ разговоръ перервалъ.

Рудинъ поднялся съ мѣста; но Дарья Михайловна его остановила.

— Куда же вы? Мы можемъ толковать и при васъ. А я

желаю, чтобы вы и его опредѣлили, какъ Пигасова. Когда вы говорите, vous gravez comme avec un burin. Останьтесь.

Рудинъ хотѣлъ было что-то сказать, но подумалъ и остался.

Михайло Михайлычъ, уже знакомый читателю, вошелъ въ кабинетъ. На немъ было то же сѣрое пальто, и въ загорѣлыхъ рукахъ онъ держалъ ту же старую фуражку. Онъ спокойно поклонился Дарьѣ Михайловнѣ и подошелъ къ чайному столу.

— Наконецъ-то вы пожаловали къ намъ, мосьё Лежневъ! проговорила Дарья Михайловна. Прошу садиться. Вы, я слышала, знакомы, продолжала она, указывая на Рудина.

Лежневъ взглянулъ на Рудина и какъ-то странно улыбнулся.

— Я знакомъ съ господиномъ Рудинымъ, промолвилъ онъ съ небольшимъ поклономъ.

— Мы вмѣстѣ были въ университетѣ, замѣтилъ вполголоса Рудинъ и опустилъ глаза.

— Мы и послѣ встрѣчались, холодно проговорилъ Лежневъ.

Дарья Михайловна посмотрѣла съ нѣкоторымъ изумленіемъ на обоихъ и попросила Лежнева сѣсть. Онъ сѣлъ.

— Вы желали меня видѣть, началъ онъ: — на счетъ размежеванія?

— Да, на счетъ размежеванія, но я и такъ-таки желала васъ видѣть. Вѣдь мы близкіе сосѣди и чуть ли не съ родни.

— Очень вамъ благодаренъ, возразилъ Лежневъ: — что-же касается до размежеванія, то мы съ вашимъ управляющимъ совершенно покончили это дѣло: я на всѣ его предложенія согласенъ.

— Я это знала.

— Только онъ мнѣ сказалъ, что безъ личнаго свиданія съ вами бумаги подписать нельзя.

— Да; это у меня ужь такъ заведено. Кстати, позвольте спросить, вѣдь у васъ, кажется, всѣ мужики на оброкѣ?

— Точно такъ.

— И вы сами хлопочете о размежеваніи? Это похвально.

Лежневъ помолчалъ.

— Вотъ я и явился для личнаго свиданія, проговорилъ онъ.

Дарья Михайловна усмѣхнулась.

— Вижу, что явились. Вы говорите это такимъ тономъ... Вамъ, должно быть, очень не хотѣлось ко мнѣ ѣхать.

— Я никуда не ѣзжу, возразилъ флегматически Лежневъ.

— Никуда? А къ Александрѣ Павловнѣ вы ѣздите?

— Я съ ея братомъ давно знакомъ.

— Съ ея братомъ! Впрочемъ, я никого не принуждаю.... Но, извините меня, Михайло Михайлычъ, я старше васъ годами и могу васъ пожурить: что̀ вамъ за охота жить эдакимъ бирюкомъ? Или собственно *мой* домъ вамъ не нравится? я вамъ не нравлюсь?

— Я васъ не знаю, Дарья Михайловна, и потому вы мнѣ не нравиться не можете. Домъ у васъ прекрасный; но, признаюсь вамъ откровенно, я не люблю стѣснять себя. У меня и фрака порядочнаго нѣтъ, перчатокъ нѣтъ; да я и не принадлежу къ вашему кругу.

— По рожденію, по воспитанію, вы принадлежите къ нему, Михайло Михайлычъ! vous êtes des nôtres.

— Рожденіе и воспитаніе въ сторону, Дарья Михайловна! Дѣло не въ томъ....

— Человѣкъ долженъ жить съ людьми, Михайло Михайлычъ! Что̀ за охота сидѣть, какъ Діогенъ въ бочкѣ?

— Во-первыхъ, ему тамъ было очень хорошо; а во-вторыхъ, почему вы знаете, что я не съ людьми живу?

Дарья Михайловна закусила губы.

— Это другое дѣло! Мнѣ остается только сожалѣть о томъ, что я не удостоилась попасть въ число людей, съ которыми вы знаетесь.

— Мосьё Лежневъ, вмѣшался Рудинъ:—кажется, преувеличиваетъ весьма похвальное чувство—любовь къ свободѣ.

Лежневъ ничего не отвѣчалъ и только взглянулъ на Рудина. Наступило небольшое молчаніе.

— И такъ-съ, началъ Лежневъ, поднимаясь:—я могу считать наше дѣло покончennымъ и сказать вашему управляющему, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ бумаги.

— Можете.... хотя, признаться, вы такъ не любезны.... мнѣ бы слѣдовало отказать вамъ.

— Да вѣдь это размежеваніе гораздо выгоднѣе для васъ, чѣмъ для меня.

Дарья Михайловна пожала плечами.

— Вы не хотите даже позавтракать у меня? спросила она.

— Покорно васъ благодарю: я никогда не завтракаю, да и тороплюсь домой.

Дарья Михайловна встала.

— Я васъ не удерживаю, промолвила она, подходя къ окну:—не смѣю васъ удерживать.

Лежневъ началъ раскланиваться.

— Прощайте, мосьё Лежневъ! Извините, что обезпокоила васъ.

— Ничего, помилуйте! возразилъ Лежневъ и вышелъ.

— Каковъ? спросила Дарья Михайловна у Рудина.... Я слыхала про него, что онъ чудакъ; но вѣдь ужь это изъ рукъ вонъ!

— Онъ страдаетъ той же болѣзнью, какъ и Пигасовъ, проговорилъ Рудинъ: — желаньемъ быть оригинальнымъ. Тотъ прикидывается Мефистофелемъ, этотъ циникомъ. Во всемъ этомъ много эгоизма, много самолюбія и мало истины, мало любви. Вѣдь это тоже своего рода разсчетъ: надѣлъ на себя человѣкъ маску равнодушія и лѣни, авось, молъ, кто-нибудь подумаетъ: вотъ человѣкъ, сколько талантовъ въ себѣ погубилъ! А поглядѣть попристальнѣе — и талантовъ-то въ немъ никакихъ нѣтъ.

— Et de deux! промолвила Дарья Михайловна.—Вы ужасный человѣкъ на опредѣленія. Отъ васъ не скроешься.

— Вы думаете? промолвилъ Рудинъ.... Впрочемъ, продолжалъ онъ:—по настоящему, мнѣ бы не слѣдовало говорить о Лежневѣ: я его любилъ, любилъ, какъ друга.... но потомъ, вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній....

— Вы разсорились?

— Нѣтъ. Но мы разстались, и разстались, кажется, навсегда.

— То-то, я замѣтила, вы во все время его посѣщенія были какъ будто не по себѣ.... Однако, я весьма вамъ благодарна за сегоднешнее утро. Я чрезвычайно пріятно провела время. Но надо же и честь знать. Отпускаю васъ до завтрака, а сама иду заниматься дѣлами. Мой секретарь, вы видѣли—Constantin, c'est lui qui est mon sécrétaire—должно быть, уже

ждетъ меня. Рекомендую его вамъ: онъ прекрасный, преуслужливый молодой человѣкъ и въ совершенномъ восторгѣ отъ васъ. До свиданія, cher Дмитрій Николаичъ! Какъ я благодарна барону за то, что онъ познакомилъ меня съ вами!

И Дарья Михайловна протянула Рудину руку. Онъ сперва пожалъ ее, потомъ поднесъ ее къ губамъ и вышелъ въ залу, а изъ залы на террасу. На террасѣ онъ встрѣтилъ Наталью.

V.

Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексѣевна, съ перваго взгляда не могла понравиться. Она еще не успѣла развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ея лица были красивы и правильны, хотя слишкомъ велики для семнадцатилѣтней дѣвушки. Особенно хорошъ былъ ея чистый и ровный лобъ надъ тонкими, какъ бы надломленными по серединѣ бровями. Она говорила мало, слушала и глядѣла внимательно, почти пристально, — точно она себѣ во всемъ хотѣла дать отчетъ. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лицѣ ея выражалась тогда внутренняя работа мыслей.... Едва замѣтная улыбка появится вдругъ на губахъ и скроется; большіе, темные глаза тихо подымутся. «Qu'avez vous? спроситъ ее m-lle Boncourt и начнетъ бранить ее, говоря, что молодой дѣвицѣ неприлично задумываться и принимать разсѣянный видъ. Но Наталья не была разсѣянна: напротивъ, она училась прилежно, читала и работала охотно. Она чувствовала глубоко и сильно, но тайно; она и въ дѣтствѣ рѣдко плакала, а теперь даже вздыхала рѣдко и только блѣднѣла слегка, когда что нибудь ее огорчало. Мать ее считала добронравной, благоразумной дѣвушкой, называла ее въ шутку: mon honnête homme de fille, но не была слишкомъ высокаго мнѣнія объ ея умственныхъ способностяхъ.

«Наташа у меня, къ счастью, холодна — говаривала она— не въ меня.... тѣмъ лучше. Она будетъ счастлива.» Дарья Михайловна ошибалась. Впрочемъ, рѣдкая мать понимаетъ дочь свою.

Наталья любила Дарью Михайловну и не вполнѣ ей довѣряла.

— Тебѣ нечего отъ меня скрывать, сказала ей однажды Дарья Михайловна:—а то бы ты скрытничала: ты—таки себѣ на умѣ....

Наталья поглядѣла матери въ лицо и подумала: «для чего же не быть себѣ на умѣ?»

Когда Рудинъ встрѣтилъ ее на террасѣ, она вмѣстѣ съ m-lle Boncourt шла въ комнату, чтобы надѣть шляпку и отправиться въ садъ. Утреннія ея занятія уже кончились. Наталью перестали держать, какъ дѣвочку, m-lle Boncourt давно уже не давала ей уроковъ изъ миѳологіи и географіи; но Наталья должна была каждое утро читать историческія книги, путешествія и другія назидательныя сочиненія при ней. Выбирала ихъ Дарья Михайловна, будто бы придерживаясь особой, своей системы. На самомъ дѣлѣ она просто передавала Натальѣ все, что ей присылалъ французъ-книгопродавецъ изъ Петербурга, исключая, разумѣется, романовъ Дюма-фиса и Комп. Эти романы Дарья Михайловна читала сама. M-lle Boncourt особенно строго и кисло посматривала черезъ очки свои, когда Наталья читала историческія книги: по понятіямъ старой француженки, вся исторія была наполнена непозволительными вещами, хотя она сама изъ великихъ мужей древности знала почему-то только одного Камбиза, а изъ новѣйшихъ временъ—Людовика XIV и Наполеона, котораго терпѣть не могла. Но Наталья читала и такія книги, существованіе которыхъ m-lle Boncourt не подозрѣвала: она знала наизустъ всего Пушкина...

Наталья слегка покраснѣла при встрѣчѣ съ Рудинымъ.

— Вы идете гулять? спросилъ онъ ее.

— Да. Мы идемъ въ садъ.

— Можно идти съ вами?

Наталья взглянула на m-lle Boncourt.

— Mais certainement, monsieur, avec plaisir, поспѣшно проговорила старая дѣва.

Рудинъ взялъ шляпу и пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Натальѣ было сперва неловко идти рядомъ съ Рудинымъ по одной дорогѣ; потомъ ей немного легче стало. Онъ началъ разспрашивать ее о ея занятіяхъ, о томъ, какъ ей нравится деревня. Она отвѣчала не безъ робости, но безъ той торо-

пливой застѣнчивости, которую такъ часто и выдаютъ и принимаютъ за стыдливость. Сердце у ней билось.

— Вы не скучаете въ деревнѣ? спросилъ Рудинъ, окидывая ее боковымъ взоромъ.

— Какъ можно скучать въ деревнѣ? Я очень рада, что мы здѣсь. Я здѣсь очень счастлива.

— Вы счастливы.... Это великое слово. Впрочемъ, это понятно: вы молоды.

Рудинъ произнесъ это послѣднее слово какъ-то странно: не то онъ завидовалъ Натальѣ, не то сожалѣлъ о ней.

— Да! молодость! прибавилъ онъ.—Вся цѣль науки—дойти сознательно до того, что̀ молодости дается даромъ.

Наталья внимательно посмотрѣла на Рудина: она не поняла его.

— Я сегодня цѣлое утро разговаривалъ съ вашей матушкой, продолжалъ онъ: — она необыкновенная женщина. Я понимаю, почему всѣ наши поэты дорожили ея дружбой. А вы любите стихи? прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

«Онъ меня экзаменуетъ», подумала Наталья и промолвила: — да, очень люблю.

— Поэзія—языкъ боговъ. Я самъ люблю стихи. Но не въ однихъ стихахъ поэзія: она разлита вездѣ, она вокругъ насъ... Взгляните на эти деревья, на это небо—отовсюду вѣетъ красотою и жизнью; а гдѣ красота и жизнь, тамъ и поэзія.

— Сядемте здѣсь на скамью, продолжалъ онъ.—Вотъ такъ. Мнѣ почему-то кажется, что когда вы попривыкнете ко мнѣ (и онъ съ улыбкой посмотрѣлъ ей въ лицо), мы будемъ пріятели съ вами. Какъ вы полагаете?

«Онъ обращается со мной, какъ съ дѣвочкой», подумала опять Наталья и, не зная, что̀ сказать, спросила его, долго ли онъ намѣренъ остаться въ деревнѣ.

— Все лѣто, осень, а можетъ быть и зиму. Я, вы знаете, человѣкъ очень небогатый; дѣла мои разстроены, да и притомъ мнѣ уже наскучило таскаться съ мѣста на мѣсто. Пора отдохнуть.

Наталья изумилась.

— Неужели вы находите, что вамъ пора отдыхать? спросила она робко.

Рудинъ повернулся лицомъ къ Натальѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, возразила она съ нѣкоторымъ смущеньемъ:—что отдыхать могутъ другіе; а вы.... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ...

— Благодарю за лестное мнѣніе, перебилъ ее Рудинъ. — Быть полезнымъ.... легко сказать! (Онъ провелъ рукою по лицу.) Быть полезнымъ! повторилъ онъ.— Еслибъ даже было во мнѣ твердое убѣжденіе—какъ я могу быть полезнымъ? еслибъ я даже вѣрилъ въ свои силы—гдѣ найти искреннія, сочувствующія души?...

И Рудинъ такъ безнадежно махнулъ рукою и такъ печально поникъ головою, что Наталья невольно спросила себя: полно, его ли восторженныя, дышащія надеждой, рѣчи она слышала наканунѣ?

— Впрочемъ, нѣтъ, прибавилъ онъ, внезапно встряхнувъ своей львиной гривой: — это вздоръ, и вы правы. Благодарю васъ, Наталья Алексѣевна, благодарю васъ искренно. (Наталья рѣшительно не знала, за что онъ ее благодаритъ.) Ваше одно слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу.... Да, я долженъ дѣйствовать. Я не долженъ скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть; я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, безполезную болтовню, на одни слова....

И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно — о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками, доказывалъ, что разсуждать напередъ о томъ, что хочешь сдѣлать, такъ же вредно, какъ накалывать булавкой наливающійся плодъ, что это только напрасная трата силъ и соковъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ благородной мысли, которая бы не нашла себѣ сочувствія, что непонятыми остаются только тѣ люди, которые либо еще сами не знаютъ, чего хотятъ, либо не стоютъ того, чтобы ихъ понимали. Онъ говорилъ долго и окончилъ тѣмъ, что еще разъ поблагодарилъ Наталью Алексѣевну и совершенно неожиданно стиснулъ ей руку, промолвивъ:

— Вы прекрасное, благородное существо!

Эта вольность поразила m-lle Boncourt, которая, не смотря на сороколѣтнее пребываніе въ Россіи, съ трудомъ понимала по-русски и только удивлялась красивой быстротѣ и плавности рѣчи въ устахъ Рудина. Впрочемъ, онъ въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста; а отъ подобнаго рода людей, по ея понятіямъ, невозможно было требовать соблюденія приличій.

Она встала и, порывисто поправивъ на себѣ платье, объявила Натальѣ, что пора идти домой, тѣмъ болѣе, что monsieur Volinsoff (такъ она называла Волынцева) хотѣлъ быть къ завтраку.

— Да вотъ и онъ! прибавила она, взглянувъ въ одну изъ аллей, ведущихъ отъ дому.

Дѣйствительно, Волынцевъ показался не вдалекѣ.

Онъ подошелъ нерѣшительнымъ шагомъ, издали раскланялся со всѣми и съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ, обратясь къ Натальѣ, проговорилъ:

— А! вы гуляете?

— Да, отвѣчала Наталья,—мы уже шли домой.

— А! произнесъ Волынцевъ.—Чтожь, пойдемте.

И всѣ пошли къ дому.

— Какъ здоровье вашей сестры? спросилъ, какимъ-то особенно ласковымъ голосомъ, Рудинъ у Волынцева. Онъ и наканунѣ былъ очень съ нимъ любезенъ.

— Покорно благодарю. Она здорова. Она сегодня, можетъ быть, будетъ.... Вы, кажется, о чемъ-то разсуждали, когда я подошелъ?

— Да, у насъ былъ разговоръ съ Натальей Алексѣевной. Она мнѣ сказала одно слово, которое сильно на меня подѣйствовало....

Волынцевъ не спросилъ, какое это было слово, и всѣ въ глубокомъ молчаньи возвратились въ домъ Дарьи Михайловны.

—

Передъ обѣдомъ опять составился салонъ. Пигасовъ, однако, не пріѣхалъ. Рудинъ не былъ въ ударѣ; онъ все заставлялъ Пандалевскаго игр.ть изъ Бетховена. Волынцевъ молчалъ и

поглядывалъ на полъ. Наталья не отходила отъ матери и то задумывалась, то принималась за работу. Басистовъ не спускалъ глазъ съ Рудина, все выжидая, не скажетъ ли онъ чего нибудь умнаго? Такъ прошло часа три довольно однообразно. Александра Павловна не пріѣхала къ обѣду—и Волынцевъ, какъ только встали изъ-за стола, тотчасъ велѣлъ заложить свою коляску и ускользнулъ, не простясь ни съ кѣмъ.

Ему было тяжело. Онъ давно любилъ Наталью и все собирался сдѣлать ей предложеніе.... Она къ нему благоволила —но сердце ея оставалось спокойнымъ: онъ это ясно видѣлъ. Онъ и не надѣялся внушить ей чувство болѣе нѣжное и ждалъ только мгновенья, когда она совершенно привыкнетъ къ нему, сблизится съ нимъ. Что же могло взволновать его? какую перемѣну замѣтилъ онъ въ эти два дня? Наталья обращалась съ нимъ точно такъ же, какъ и прежде....

Запала ли ему въ душу мысль, что онъ, быть можетъ, вовсе не знаетъ нрава Натальи, что она ему еще болѣе чужда, чѣмъ онъ думалъ — ревность ли проснулась въ немъ, смутно ли почуялъ онъ что-то недоброе.... но только онъ страдалъ, какъ ни уговаривалъ самого себя.

Когда онъ вошелъ къ своей сестрѣ, у ней сидѣлъ Лежневъ.

— Что это ты такъ рано вернулся? спросила Александра Павловна.

— Такъ! соскучилось.

— Рудинъ тамъ?

— Тамъ.

Волынцевъ бросилъ фуражку и сѣлъ.

Александра Павловна съ живостью обратилась къ нему.

— Пожалуйста, Сережа, помоги мнѣ убѣдить этого упрямаго человѣка (она указала на Лежнева) въ томъ, что Рудинъ необыкновенно уменъ и краснорѣчивъ.

Волынцевъ промычалъ что-то.

— Да я нисколько съ вами не спорю, началъ Лежневъ:— я не сомнѣваюсь въ умѣ и краснорѣчіи г. Рудина: я говорю только, что онъ мнѣ не нравится.

— А ты его развѣ видѣлъ? спросилъ Волынцевъ.

— Видѣлъ сего дня поутру, у Дарьи Михайловны. Вѣдь *онъ* у ней теперь великимъ визиремъ. Придетъ время, она и

съ нимъ разстанется — она съ однимъ Пандалевскимъ никогда не разстанется—но теперь онъ царитъ. Видѣлъ его, какъ же! Онъ сидитъ — а она меня ему показываетъ: глядите, молъ, батюшка, какіе у насъ водятся чудаки. Я не заводская лошадь— къ выводкѣ не привыкъ. Я взялъ да уѣхалъ.

— Да за чѣмъ ты былъ у ней?

— По размежеванію; да это вздоръ: ей просто хотѣлось посмотрѣть на мою физіономію. Барыня—извѣстно!

— Васъ оскорбляетъ его превосходство—вотъ что! заговорила съ жаромъ Александра Павловна: вотъ что вы ему простить не можете. А я увѣрена, что кромѣ ума, у него и сердце должно быть отличное. Вы взгляните на его глаза, когда онъ....

— «О честности высокой говоритъ....» подхватилъ Лежневъ.

— Вы меня разсердите, и я заплачу. Я отъ души сожалѣю, что не поѣхала къ Дарьѣ Михайловнѣ и осталась съ вами. Вы этого не стоите. Полноте дразнить меня, прибавила она жалобнымъ голосомъ.—Вы лучше разскажите мнѣ объ его молодости.

— О молодости Рудина?

— Ну да. Вѣдь вы мнѣ сказали, что хорошо его знаете и давно съ нимъ знакомы.

Лежневъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Да, началъ онъ: — я его хорошо знаю. Вы хотите — чтобы я разсказалъ вамъ его молодость? Извольте. Родился онъ въ Т....вѣ отъ бѣдныхъ помѣщиковъ. Отецъ его скоро умеръ. Онъ остался одинъ у матери. Она была женщина добрѣйшая и души въ немъ не чаяла: толокномъ однимъ питалась и всѣ какія были у ней денежки употребляла на него. Получилъ онъ свое воспитаніе въ Москвѣ, сперва на счетъ какого-то дяди, а потомъ, когда онъ подросъ и оперился, на счетъ одного богатаго князька, съ которымъ снюхался.... ну извините, не буду.... съ которымъ сдружился. Потомъ онъ поступилъ въ университетъ. Въ университетѣ я узналъ его и сошелся съ нимъ очень тѣсно. О нашемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ я поговорю съ вами когда нибудь послѣ. Теперь не могу. Потомъ онъ уѣхалъ за границу....

Лежневъ продолжалъ расхаживать по комнатѣ; Александра Павловна слѣдила за нимъ взоромъ.

— Изъ-за границы, продолжалъ онъ: — Рудинъ писалъ къ своей матери чрезвычайно рѣдко и посѣтилъ ее всего одинъ разъ, дней на десять.... Старушка и скончалась безъ него, на чужихъ рукахъ, но до самой смерти не спускала глазъ съ его портрета. Я къ ней ѣзжалъ, когда проживалъ въ Т....вѣ. Добрая была женщина и прегостепріимная, вишневымъ вареньемъ, бывало, все меня подчивала. Она любила своего Митю безъ памяти. Господа печоринской школы скажутъ вамъ, что мы всегда любимъ тѣхъ, которые сами мало способны любить; а *мнѣ* такъ кажется, что всѣ матери любятъ своихъ дѣтей, особенно отсутствующихъ. Потомъ, я встрѣтился съ Рудинымъ за границей. Тамъ къ нему одна барыня привязалась, изъ нашихъ русскихъ, синій чулокъ какой-то, уже не молодой и некрасивый, какъ оно и слѣдуетъ синему чулку. Онъ довольно долго съ ней возился и наконецъ ее бросилъ.... или нѣтъ, бишь, виноватъ: она его бросила. И я тогда его бросилъ. Вотъ и все.

Лежневъ умолкъ, провелъ рукою по лбу и, словно усталый, опустился на кресла.

— А знаете ли что́, Михайло Михайлычъ, начала Александра Павловна: — вы, я вижу, злой человѣкъ; право, вы не лучше Пигасова. Я увѣрена, что все, что́ вы сказали, правда, что вы ничего не присочинили, и, между тѣмъ, въ какомъ непріязненномъ свѣтѣ вы все это представили! Эта бѣдная старушка, ея преданность, ея одинокая смерть, эта барыня.... Къ чему это все?... Знаете ли, что можно жизнь самаго лучшаго человѣка изобразить въ такихъ краскахъ — и ничего не прибавляя, замѣтьте — что всякій ужаснется! Вѣдь это тоже своего рода клевета!

Лежневъ всталъ и опять прошелся по комнатѣ.

— Я вовсе не желалъ заставить васъ ужаснуться, Александра Павловна! проговорилъ онъ наконецъ. — Я не клеветникъ. А, впрочемъ, прибавилъ онъ, подумавъ немного: — дѣйствительно, въ томъ, что вы сказали, есть доля правды. Я не клеветалъ на Рудина; но — кто знаетъ! — можетъ быть,

онъ съ тѣхъ поръ успѣлъ измѣниться — можетъ быть, я несправедливъ къ нему.

— А! вотъ видите.... Такъ обѣщайте же мнѣ, что вы возобновите съ нимъ знакомство, узнаете его хорошенько и тогда уже выскажете мнѣ свое окончательное мнѣніе о немъ.

— Извольте.... Но что же ты молчишь, Сергѣй Павлычъ?

Волынцевъ вздрогнулъ и поднялъ голову, какъ будто его разбудили.

— Что мнѣ говорить? Я его не знаю. Притомъ у меня сегодня голова болитъ.

— Ты, точно, что-то блѣденъ сегодня, замѣтила Александра Павловна:—здоровъ ли ты?

— У меня голова болитъ, повторилъ Волынцевъ и вышелъ вонъ.

Александра Павловна и Лежневъ посмотрѣли ему вслѣдъ и обмѣнялись взглядомъ, но ничего не сказали другъ другу. Ни для него, ни для нея не было тайной, что происходило въ сердцѣ Волынцева.

VI.

Прошло два мѣсяца слишкомъ. Втеченіе всего этого времени Рудинъ почти не выѣзжалъ отъ Дарьи Михайловны. Она не могла обойтись безъ него. Разсказывать ему о себѣ, слушать его разсужденія стало для нея потребностью. Онъ однажды хотѣлъ уѣхать, подъ тѣмъ предлогомъ, что у него вышли всѣ деньги: она дала ему пятьсотъ рублей. Онъ занялъ также у Волынцева рублей двѣсти. Пигасовъ гораздо рѣже прежняго посѣщалъ Дарью Михайловну: Рудинъ давилъ его своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, давленіе это испытывалъ не одинъ Пигасовъ.

— Не люблю я этого умника, говаривалъ онъ:—выражается онъ неестественно, ни дать, ни взять, лицо изъ русской повѣсти; скажетъ: я, и съ умиленьемъ остановится.... «Я, молъ, я....» Слова употребляетъ все такія длинныя. Ты чихнешь, онъ тебѣ сейчасъ станетъ доказывать, почему ты именно чихнулъ, а не кашлянулъ.... Хвалитъ онъ тебя, точно въ чинъ производитъ.... Начнетъ самого себя бранить, съ грязью себя

смѣшаетъ — ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя поподчивалъ.

Пандалевскій побаивался Рудина и осторожно за нимъ ухаживалъ. Волынцевъ находился въ странныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Рудинъ называлъ его рыцаремъ, превозносилъ его въ глаза и за глаза; но Волынцевъ не могъ полюбить его и всякій разъ чувствовалъ невольное нетерпѣніе и досаду, когда тотъ принимался въ его же присутствіи разбирать его достоинства. «Ужь не смѣется ли онъ надо мною?» думалъ онъ, и враждебно шевелилось въ немъ сердце. Волынцевъ старался переломить себя; но онъ ревновалъ его къ Натальѣ. Да и самъ Рудинъ, хотя всегда шумно привѣтствовалъ Волынцева, хотя называлъ его рыцаремъ и занималъ у него деньги, едва ли былъ къ нему расположенъ. Трудно было бы опредѣлить, что̀ собственно чувствовали эти два человѣка, когда, стискивая по пріятельски одинъ другому руки, они глядѣли другъ другу въ глаза....

Басистовъ продолжалъ благоговѣть передъ Рудинымъ и ловить на лету каждое его слово. Рудинъ мало обращалъ на него вниманія. Какъ-то разъ онъ провелъ съ нимъ цѣлое утро, толковалъ съ нимъ о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ и возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ; но потомъ онъ его бросилъ.... Видно, онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ. Съ Лежневымъ, который началъ ѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ, Рудинъ даже въ споръ не вступалъ и какъ будто избѣгалъ его. Лежневъ также обходился съ нимъ холодно, а, впрочемъ, не высказывалъ своего окончательнаго мнѣнія о немъ, что̀ очень смущало Александру Павловну. Она преклонялась передъ Рудинымъ; но и Лежневу она вѣрила. Всѣ въ домѣ Дарьи Михайловны покорялись прихоти Рудина: малѣйшія желанія его исполнялись. Порядокъ дневныхъ занятій отъ него зависѣлъ. Ни одна partie de plaisir не составлялась безъ него. Впрочемъ, онъ небольшой былъ охотникъ до всякихъ внезапныхъ поѣздокъ и затѣй и участвовалъ въ нихъ, какъ взрослые въ дѣтскихъ играхъ, съ ласковымъ и слегка скучающимъ благоволеніемъ. Зато онъ входилъ во все: толковалъ съ Дарьей Михайловной о распоряженіяхъ

по имѣнію, о воспитаніи дѣтей, о хозяйствѣ, вообще о дѣлахъ; выслушивалъ ея предположенія, не тяготился даже мелочами, предлагалъ преобразованія и нововведенія. Дарья Михайловна восхищалась ими на словахъ — и только. Въ дѣлѣ хозяйства она придерживалась совѣтовъ своего управляющаго, пожилого одноглазаго малоросса, добродушнаго и хитраго плута.—«Старенькое-то жирненько, молоденькое худенько», говаривалъ онъ, спокойно ухмыляясь и подмигивая глазомъ.

Послѣ самой Дарьи Михайловны Рудинъ ни съ кѣмъ такъ часто и такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ Натальей. Онъ тайкомъ давалъ ей книги, повѣрялъ ей свои планы, читалъ ей первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій. Смыслъ ихъ часто оставался недоступнымъ для Натальи. Впрочемъ, Рудинъ, кажется, и не очень заботился о томъ, чтобы она его понимала, — лишь бы слушала его. Близость его съ Натальей была не совсѣмъ понутру Дарьѣ Михайловнѣ. Но—думала она — пускай она съ нимъ поболтаетъ въ деревнѣ. Она забавляетъ его, какъ дѣвочка. Бѣды большой нѣтъ, а она все-таки поумнѣетъ.... Въ Петербургѣ я это все перемѣню....

Дарья Михайловна ошибалась. Не какъ дѣвочка болтала Наталья съ Рудинымъ: она жадно внимала его рѣчамъ, она старалась вникнуть въ ихъ значеніе, она повергала на судъ его свои мысли, свои сомнѣнія; онъ былъ ея наставникомъ, ея вождемъ. Пока—одна голова у ней кипѣла.... но молодая голова недолго кипитъ одна. Какія сладкія мгновенія переживала Наталья, когда, бывало, въ саду, на скамейкѣ, въ легкой, сквозной тѣни ясеня, Рудинъ начнетъ читать ей гётевскаго «Фауста», «Гоффмана» или «Письма Беттины», или «Новалиса», безпрестанно останавливаясь и толкуя то, что ей казалось темнымъ! Она по-нѣмецки говорила плохо, какъ почти всѣ наши барышни, но понимала хорошо, а Рудинъ былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ и увлекалъ ее за собой въ тѣ заповѣдныя страны. Невѣдомыя, прекрасныя, раскрывались онѣ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивные образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ

ея, потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга....

—

— Скажите, Дмитрій Николаичъ, начала она, однажды, сидя у окна за пяльцами:—вѣдь вы на зиму поѣдете въ Петербургъ?

— Не знаю, возразилъ Рудинъ, опуская на колѣни книгу, которую держалъ въ рукѣ:—если соберусь со средствами, поѣду.

— Онъ говорилъ вяло: онъ чувствовалъ усталость и бездѣйствовалъ съ самаго утра.

— Мнѣ кажется, какъ не найти вамъ средства?

Рудинъ покачалъ головой.

— Вамъ такъ кажется!

И онъ значительно глянулъ въ сторону.

Наталья хотѣла было что-то сказать и удержалась.

— Посмотрите, началъ Рудинъ и указалъ ей рукой въ окно: — видите вы эту яблоню: она сломилась отъ тяжести и множества своихъ плодовъ. Вѣрная эмблема генія....

— Она сломилась оттого, что у ней не было подпоры, возразила Наталья.

— Я васъ понимаю, Наталья Алексѣевна; но человѣку не такъ легко сыскать ее, эту подпору.

— Мнѣ кажется, сочувствіе другихъ.... во всякомъ случаѣ, одиночество....

Наталья немного запуталась и покраснѣла.

— И что вы будете дѣлать зимой въ деревнѣ? поспѣшно прибавила она.

— Что я буду дѣлать? Окончу мою большую статью — вы знаете — о трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ — я вамъ третьяго-дня планъ разсказывалъ — и пришлю ее вамъ.

— И напечатаете?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Для кого же вы будете трудиться?

— А хоть бы для васъ.

Наталья опустила глаза.

— Это не по моимъ силамъ, Дмитрій Николаичъ!

— О чемъ, позвольте спросить, статья? скромно спросилъ Басистовъ, сидѣвшій поодаль.

— О трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ, повторилъ Рудинъ.—Вотъ и г. Басистовъ прочтетъ. Впрочемъ, я не совсѣмъ еще сладилъ съ основною мыслью. Я до сихъ поръ еще не довольно уяснилъ самому себѣ трагическое значеніе любви.

Рудинъ охотно и часто говорилъ о любви. Сначала, при словѣ: любовь, m-lle Boncourt вздрагивала и навостривала уши, какъ старый полковой конь, заслышавшій трубу, но потомъ привыкла и только, бывало, съежитъ губы и съ разстановкой понюхаетъ табаку.

— Мнѣ кажется, робко замѣтила Наталья: — трагическое въ любви — это несчастная любовь.

— Вовсе нѣтъ! возразилъ Рудинъ:—это скорѣе комическая сторона любви.... Вопросъ этотъ надобно совсѣмъ иначе поставить.... надо поглубже зачерпнуть.... Любовь, продолжалъ онъ:—въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ. То является она вдругъ, несомнѣнная, радостная, какъ день, то долго тлѣетъ, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, когда уже все разрушено; то вползетъ она въ сердце, какъ змѣя, то вдругъ выскользнетъ изъ него вонъ.... Да, да; это вопросъ важный. Да и кто любитъ въ наше время? кто дерзаетъ любить?

И Рудинъ задумался.

— Что это Сергѣя Павлыча давно не видать? спросилъ онъ вдругъ.

Наталья вспыхнула и нагнула голову къ пяльцамъ.

— Не знаю, прошептала она.

— Какой это прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ! промолвилъ Рудинъ, вставая.—Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ настоящаго русскаго дворянина....

M-lle Boncourt посмотрѣла на него вкось своими французскими глазками.

Рудинъ прошелся по комнатѣ.

— Замѣтили ли вы, заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ:—что на дубѣ—а дубъ крѣпкое дерево—старые листья только тогда отпадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?

— Да, медленно возразила Наталья:—замѣтила.

— Точно то же случается и съ старой любовью, въ сильномъ сердцѣ: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить.

Наталья ничего не отвѣтила.

«Что это значитъ?» подумала она.

Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился.

А Наталья пошла къ себѣ въ комнату. Долго сидѣла она въ недоумѣніи на своей кроваткѣ, долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала. О чемъ она плакала—Богъ вѣдаетъ! Она сама не знала, отчего у ней такъ внезапно лились слезы. Она утирала ихъ; но онѣ бѣжали вновь, какъ вода изъ давно накопившагося родника.

—

Въ тотъ же самый день и у Александры Пэвловны происходилъ разговоръ о Рудинѣ съ Лежневымъ. Сперва онъ все отмалчивался; но она рѣшилась добиться толку.

— Я вижу, сказала она ему:—вамъ Дмитрій Николаевичъ, по прежнему, не нравится. Я нарочно до сихъ поръ васъ не распрашивала; но вы теперь уже успѣли убѣдиться, произошла ли въ немъ перемѣна, и я желаю знать, почему онъ вамъ не нравится.

— Извольте, возразилъ съ обычной флегмой Лежневъ: — коли ужь вамъ такъ не терпится; только, смотрите, не сердитесь....

— Ну, начинайте, начинайте.

— И дайте мнѣ выговорить все до конца.

— Извольте, извольте; начинайте.

— И такъ-съ, началъ Лежневъ, медлительно опускаясь на диванъ:—доложу вамъ, мнѣ Рудинъ, дѣйствительно, не нравится. Онъ умный человѣкъ....

— Еще бы!

— Онъ замѣчательно умный человѣкъ, хотя въ сущности пустой....

— Это легко сказать!

— Хотя въ сущности пустой, повторилъ Лежневъ:—но это

еще не бѣда: всѣ мы пустые люди. Я даже не ставлю въ вину ему то, что онъ деспотъ въ душѣ, лѣнивъ, не очень свѣдущъ....

Александра Павловна всплеснула руками.

— Не очень свѣдущъ Рудинъ! воскликнула она.

— Не очень свѣдущъ, точно тѣмъ же голосомъ повторилъ Лежневъ:—любитъ пожить на чужой счетъ, разыгриваетъ роль, и такъ далѣе.... это все въ порядкѣ вещей. Но дурно то, что онъ холоденъ, какъ лёдъ.

— Онъ, эта пламенная душа, холоденъ! перебила Александра Павловна.

— Да, холоденъ, какъ ледъ, и знаетъ это, и прикидывается пламеннымъ. Худо то, продолжалъ Лежневъ, постепенно оживляясь:—что онъ играетъ опасную игру, — опасную не для него, разумѣется, самъ копейки, волоска не ставитъ на карту—а другіе ставятъ душу....

— О комъ, о чемъ вы говорите? я васъ не понимаю, проговорила Александра Павловна.

— Худо то, что онъ не честенъ. Вѣдь онъ умный человѣкъ: онъ долженъ же знать цѣну словъ своихъ,—а произноситъ ихъ такъ, какъ будто они ему что-нибудь стоятъ.... Спору нѣтъ, онъ краснорѣчивъ; только краснорѣчіе его не русское. Да и, наконецъ, красно говорить простительно юношѣ, а въ его года стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться!

— Мнѣ кажется, Михайло Михайлычъ, для слушателя все равно рисуетесь ли вы, или нѣтъ....

— Извините, Александра Павловна, не все равно. Иной скажетъ мнѣ слово, меня всего прошибетъ, другой тоже самое слово скажетъ или еще красивѣе—я и ухомъ не поведу. Отчего это?

— То есть *вы* не поведете, перебила Александра Павловна.

— Да, не поведу, возразилъ Лежневъ:—хотя можетъ быть, у меня и большія уши. Дѣло въ томъ, что слова Рудина такъ и остаются словами и никогда не станутъ поступкомъ; а между тѣмъ, эти самыя слова могутъ смутить, погубить молодое сердце.

— Да о комъ, о комъ вы говорите, Михайло Михайлычъ?

Лежневъ остановился.

— Вы желаете знать, о комъ я говорю? О Натальѣ Алексѣевнѣ.

Александра Павловна смутилась на мгновеніе, но тотчасъ же усмѣхнулась.

— Помилуйте, начала она:—какія у васъ всегда странныя мысли! Наталья еще ребенокъ; да наконецъ, еслибъ что нибудь и было, неужели вы думаете, что Дарья Михайловна....

— Дарья Михайловна, во-первыхъ, эгоистка и живетъ для себя; а во-вторыхъ, она такъ увѣрена въ своемъ умѣньи воспитывать дѣтей, что ей и въ голову не приходитъ безпокоиться о нихъ. Фи! какъ можно! Одно мановенье, одинъ величественный взглядъ—и все пойдетъ, какъ по ниточкѣ. Вотъ что думаетъ эта барыня, которая и меценаткой себя воображаетъ, и умницей, и Богъ знаетъ чѣмъ, а на дѣлѣ она больше ничего, какъ свѣтская старушонка. А Наталья не ребенокъ; она, повѣрьте, чаще и глубже размышляетъ, чѣмъ мы съ вами. И надобно же, чтобы эдакая честная, страстная и горячая натура наткнулась на такого актера, на такую кокетку! Впрочемъ, и это въ порядкѣ вещей.

— Кокетка! Это вы его называете кокеткой?

— Конечно его.... Ну, скажите сами, Александра Павловна, что за роль его у Дарьи Михайловны? Быть идоломъ, оракуломъ въ домѣ, вмѣшиваться въ распоряженія, въ семейныя сплетни и дрязги—неужели это достойно мужчины?

Александра Павловна съ изумленіемъ посмотрѣла Лежневу въ лицо.

— Я не узнаю васъ, Михайло Михайлычъ, проговорила она. Вы покраснѣли, вы пришли въ волненіе.... Право, тутъ что нибудь должно скрываться другое....

— Ну, такъ и есть! Ты говоришь женщинѣ дѣло, по убѣжденію; а она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не придумаетъ какой нибудь мелкой, посторонней причины, заставляющей тебя говорить именно такъ, а не иначе.

Александра Павловна разсердилась.

— Браво! мосьё Лежневъ! вы начинаете преслѣдовать женщинъ не хуже г. Пигасова; но, воля ваша, какъ вы ни проницательны, все-таки мнѣ трудно повѣрить, чтобы вы въ та-

кое короткое время могли всѣхъ и все понять. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь. По вашему, Рудинъ Тартюфъ какой–то.

— Въ томъ–то и дѣло, что онъ даже не Тартюфъ. Тартюфъ, тотъ, по-крайней-мѣрѣ, зналъ, чего добивался; а этотъ, при всемъ своемъ умѣ....

Лежневъ умолкъ.

— Что же, что же онъ? Доканчивайте вашу рѣчь, несправедливый, гадкій человѣкъ!

Лежневъ всталъ.

— Послушайте, Александра Павловна, началъ онъ: — несправедливы-то вы, а не я. Вы досадуете на меня за мои рѣзкія сужденія о Рудинѣ: я имѣю право говорить о немъ рѣзко! Я, можетъ быть, не дешевой цѣной купилъ это право. Я хорошо его знаю: я долго жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Помните, я обѣщался разсказать вамъ когда нибудь наше житье въ Москвѣ. Видно, придется теперь это сдѣлать. Но будете ли вы имѣть терпѣніе меня выслушать?

— Говорите, говорите!

— Ну, извольте.

— Лежневъ принялся ходить медленными шагами по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь и наклоняя голову впередъ.

— Вы, можетъ быть, знаете, заговорилъ онъ:—а можетъ быть, и не знаете, что я осиротѣлъ рано и уже на семнадцатомъ году не имѣлъ надъ собою нáбольшаго. Я жилъ въ домѣ тетки въ Москвѣ и дѣлалъ, что̀ хотѣлъ. Малый я былъ довольно пустой и самолюбивый, любилъ порисоваться и похвастать. Вступивъ въ университетъ, я велъ себя, какъ школьникъ, и скоро попался въ исторію. Я вамъ ее разсказывать не стану: не стоитъ. Я солгалъ и довольно гадко солгалъ.... Меня вывели на свѣжую воду, уличили, пристыдили.... Я потерялся и заплакалъ, какъ дитя. Это происходило на квартирѣ одного знакомаго, въ присутствіи многихъ товарищей. Всѣ принялись хохотать надо мною, всѣ, исключая одного студента, который, замѣтьте, больше прочихъ негодовалъ на меня, пока я упорствовалъ и не сознавался въ своей лжи. Жаль ему, что–ли, меня стало, только онъ взялъ меня подъ руку и увелъ къ себѣ.

— Это былъ Рудинъ? спросила Александра Павловна.

— Нѣтъ, это не былъ Рудинъ.... это былъ человѣкъ.... онъ уже теперь умеръ.... это былъ человѣкъ необыкновенный. Звали его Покорскимъ. Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начавъ говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покорскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало, онъ даже чашкой чаю не могъ поподчивать гостя; а единственный его диванъ до того провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, несмотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа. Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ! У него я познакомился съ Рудинымъ. Онъ уже отсталъ тогда отъ своего князька.

— Что же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ? спросила Александра Павловна.

— Какъ вамъ сказать? Поэзія и правда—вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ тоже время онъ

«Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра....»

Такъ выразился о немъ одинъ полу-сумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка.

— А какъ онъ говорилъ? спросила опять Александра Павловна,

— Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но неудивительно. Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его.

Лежневъ остановился и скрестилъ руки.

— Покорскій и Рудинъ не походили другъ на друга. Въ Рудинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, больше энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Покорскаго, а на самомъ дѣлѣ, онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ. Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски; но мысли его рождались не въ его голо—

вѣ: онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Покорскаго. Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ — и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не дался бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя общихъ началъ и идей, и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ; одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили.... Покорскому всѣ отдавались сами собой. Зато Рудинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ.... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Покорскій и всѣ мы, притомъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею.... молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя на половину вѣрили, что обладаете истиной.... Оттого-то Рудинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ—и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи ихъ, этихъ понятій, общаго закона мірового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ.... Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь; что поднялась наконецъ завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло!

но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду.... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ тоже время таинственное, каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной Истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому.... Вамъ все это не смѣшно?

— Нисколько! медленно возразила Александра Павловна:— почему вы это думаете? Я васъ не совсѣмъ понимаю, но мнѣ не смѣшно.

— Мы съ тѣхъ поръ успѣли поумнѣть, конечно, продолжалъ Лежневъ:—все это намъ теперь можетъ казаться дѣтствомъ.... Но, я повторяю, Рудину мы тогда были обязаны многимъ. Покорскій былъ несравненно выше его, безспорно; Покорскій вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу, но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый; но когда онъ расправлялъ свои крылья— Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Рудинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ; страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась.... политическая натура-съ! Я о немъ говорю, какимъ я его зналъ тогда. Впрочемъ, онъ, къ несчастію, не измѣнился. За то онъ и въ вѣрованіяхъ своихъ не измѣнился.... въ тридцать-пять лѣтъ!... Не всякій можетъ сказать это о себѣ.

— Сядьте, проговорила Александра Павловна : — что вы, какъ маятникъ, по комнатѣ ходите?

— Эдакъ мнѣ лучше, возразилъ Лежневъ.—Ну-съ, попавъ въ кружокъ Покорскаго, я, доложу вамъ, Александра Павловна, я совсѣмъ переродился: смирился, разспрашивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ—однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ вспомню я наши сходки, ну, ей-Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трога-

тельнаго. Вы представьте, сошлось человѣкъ пять, шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи,—говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что за бѣда!... Покорскій сидитъ, поджавъ ноги, подпираетъ блѣдную щеку рукой; а глаза его такъ и свѣтятся. Рудинъ стоитъ по серединѣ комнаты и говоритъ, говоритъ прекрасно, ни дать ни взять молодой Демосѳенъ передъ шумящимъ моремъ; взъерошенный поэтъ Субботинъ издаетъ по временамъ, и какъ бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; сороколѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, по милости своего вѣчнаго, ничѣмъ не нарушимаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ—самъ веселый Щитовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется; два-три новичка слушаютъ съ восторженнымъ наслажденіемъ.... А ночь летитъ, летитъ тихо и плавно, какъ на крылахъ. Вотъ ужь и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостью на душѣ.... Помнится, идешь по пустымъ улицамъ, весь умиленный, и даже на звѣзды какъ-то довѣрчивѣе глядишь, словно онѣ и ближе стали и понятнѣе.... Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало, — не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ.... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ; а стóитъ только произнести при немъ имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами....

Лежневъ умолкъ; его безцвѣтное лицо раскраснѣлось.

— Но отчего же, когда, вы поссорились съ Рудинымъ? заговорила Александра Павловна, съ изумленіемъ глядя на Лежнева.

— Я съ нимъ не поссорился; я съ нимъ разстался, когда

узналъ его окончательно за границей. А уже въ Москвѣ я бы могъ разсориться съ нимъ. Онъ со мной уже тогда сыгралъ недобрую штуку.

— Что такое?

— А вотъ что. Я.... какъ бы это сказать?... къ моей фигурѣ оно нейдетъ.... но я всегда былъ очень способенъ влюбиться.

— Вы?

— Я. Это странно, не правда ли? А между тѣмъ, оно такъ.... Ну-съ, вотъ я и влюбился тогда въ одну очень миленькую дѣвочку.... Да что вы на меня такъ глядите? Я бы могъ сказать вамъ о себѣ вещь, гораздо болѣе удивительную.

— Какую это вещь, позвольте узнать?

— А хоть бы вотъ какую вещь. Я, въ то, московское-то время, хаживалъ по ночамъ на свиданіе.... съ кѣмъ бы, вы думали? съ молодой липой на концѣ моего сада. Обниму ея тонкій и стройный стволъ, и мнѣ кажется, что я обнимаю всю природу, а сердце расширяется и млѣетъ такъ, какъ будто, дѣйствительно, вся природа въ него вливается.... Вотъ-съ я былъ какой!... Да что! Вы, можетъ, думаете, я стиховъ не писалъ? Писалъ-съ и даже цѣлую драму сочинилъ въ подражаніе Манфреду. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ былъ призракъ съ кровью на груди, и не съ своей кровью, замѣтьте, а съ кровью человѣчества вообще.... Да-съ, да-съ, не извольте удивляться.... Но я началъ разсказывать о моей любви. Я познакомился съ одной дѣвушкой....

— И перестали ходить на свиданіе съ липой? спросила Александра Павловна.

— Перестали. Дѣвушка эта была предобренькое и прехорошенькое существо, съ веселыми, ясными глазками и звенящимъ голоскомъ.

— Вы хорошо описываете, замѣтила съ усмѣшкой Александра Павловна.

— А вы очень строгій критикъ, возразилъ Лежневъ. Ну-съ, жила эта дѣвушка со старикомъ-отцомъ.... Впрочемъ, я въ подробности вдаватьея не стану. Скажу вамъ только, что эта дѣвушка была точно предобренькая — вѣчно, бывало, нальетъ тебѣ три-четверти стакана чаю, когда ты просишь только половину!... На третій день, послѣ первой встрѣчи съ ней, я

уже пылалъ, а на седьмой день не выдержалъ и во всемъ сознался Рудину. Молодому человѣку, влюбленному, невозможно не проболтаться; а я Рудину исповѣдывался во всемъ. Я тогда находился весь подъ его вліяніемъ, и это вліянія, скажу безъ обиняковъ, было благотворно во многомъ. Онъ первый не побрезгалъ мною, обтесалъ меня. Покорскаго я любилъ страстно и ощущалъ нѣкоторый страхъ передъ его душевной чистотой; а къ Рудину я стоялъ ближе. Узнавъ о моей любви, онъ пришелъ въ восторгъ неописанный: поздравилъ, обнялъ меня и тотчасъ же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія. Я уши развѣсилъ.... Ну, да вѣдь вы знаете, какъ онъ умѣетъ говорить. Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возъимѣлъ удивительное, видъ принялъ серьёзный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожнѣе, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоцѣнной влаги, которую я боялся расплескать.... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно. Рудинъ пожелалъ познакомиться съ моимъ предметомъ; да чуть ли не я самъ настоялъ на томъ, чтобы представить его....

— Ну, вижу, вижу теперь, въ чемъ дѣло, перебила Александра Павловна.—Рудинъ отбилъ у васъ вашъ предметъ, и вы до сихъ поръ ему простить не можете.... Держу пари, что не ошиблась!

— И проиграли бы пари, Александра Павловна: вы ошибаетесь. Рудинъ не отбилъ у меня моего предмета, да онъ и не хотѣлъ его у меня отбивать, а все-таки онъ разрушилъ мое счастье, хотя, разсудивъ хладнокровно, я теперь готовъ сказать ему спасибо за это. Но тогда я чуть не рехнулся. Рудинъ нисколько не желалъ повредить мнѣ,—напротивъ! но вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни, и своей и чужой, пришпиливать словомъ, какъ бабочку булавкой, онъ пустился обоимъ намъ объяснять насъ самихъ, наши отношенія, какъ мы должны вести себя, деспотически заставлялъ отдавать себѣ отчетъ въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ, хвалилъ насъ, порицалъ, вступилъ даже въ переписку съ нами, вообразите!... ну, сбилъ насъ съ толку совершенно! Я бы едва ли женился тогда на моей барышнѣ (столько-то во мнѣ еще здраваго смы-

сла оставалось), но, по крайней мѣрѣ, мы бы съ ней славно провели нѣсколько мѣсяцевъ, въ родѣ Павла и Виргиніи; а тутъ пошли недоразумѣнія, напряженности всякія,—чепуха пошла, однимъ словомъ. Кончилось тѣмъ, что Рудинъ, въ одно прекрасное утро, договорился до того убѣжденія, что ему, какъ другу, предстоитъ священнѣйшій долгъ извѣстить обо всемъ старика-отца, и онъ это сдѣлалъ.

— Неужели? воскликнула Александра Павловна.

— Да, и, замѣтьте, съ моего согласія сдѣлалъ—вотъ что чудно!... Помню до сихъ поръ, какой хаосъ носилъ я тогда въ головѣ: просто, все кружилось и переставлялось, какъ въ камеръ-обскурѣ: бѣлое казалось чернымъ, черное—бѣлымъ, ложь—истиной, фантазія—долгомъ.... Э! даже и теперь совѣстно вспоминать объ этомъ! Рудинъ—тотъ не унывалъ.... куда! носится, бывало, среди всякаго рода недоразумѣній и путаницы, какъ ласточка надъ прудомъ.

— И такъ вы и разстались съ вашей дѣвицей? спросила Александра Павловна, наивно склонивъ головку на бокъ и приподнявъ брови.

— Разстался.... и нехорошо разстался, оскорбительно, неловко, гласно, и безъ нужды гласно.... Самъ я плакалъ, и она плакала, и чортъ знаетъ что̀ произошло.... Гордіевъ узелъ какой-то затянулся—пришлось перерубить, а больно было! Впрочемъ, все на свѣтѣ устроивается къ лучшему. Она вышла замужъ за хорошаго человѣка и благоденствуетъ теперь....

— А признайтесь, вы все-таки не могли простить Рудину.... начала было Александра Павловна.

— Какое! перебилъ Лежневъ:—я плакалъ, какъ ребенокъ, когда провожалъ его за границу. Однако, правду сказать, сѣмя тамъ у меня на душѣ залегло тогда же. И когда я встрѣтилъ его потомъ за границей.... ну, я тогда уже и постарѣлъ.... Рудинъ предсталъ мнѣ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

— Что̀ же именно вы открыли въ немъ?

— Да все то, о чемъ я говорилъ вамъ съ часъ тому назадъ.... Впрочемъ, довольно объ немъ. Можетъ быть, все обойдется благополучно. Я только хотѣлъ доказать вамъ, что если я сужу о немъ строго, такъ не потому, что его не знаю.... Что же ка-

сается до Натальи Алексѣевны, я не буду тратить лишнихъ словъ; но вы обратите вниманіе на вашего брата.

— На моего брата! А что?

— Да посмотрите на него. Развѣ вы ничего не замѣчаете?

Александра Павловна потупилась.

— Вы правы, промолвила она:—точно братъ... съ нѣкоторыхъ поръ я его не узнаю.... Но неужели вы думаете....

— Тише! онъ, кажется, идетъ сюда, произнесъ шопотомъ Лежневъ. А Наталья не ребенокъ, повѣрьте мнѣ, хотя, къ несчастію, неопытна, какъ ребенокъ. Вы увидите, эта дѣвочка удивитъ всѣхъ насъ.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какимъ образомъ.... Знаете ли, что именно такія дѣвочки топятся, принимаютъ яду и такъ далѣе? Вы не глядите, что она такая тихая: страсти въ ней сильныя и характеръ тоже ой–ой!

— Ну ужь это, мнѣ кажется, вы въ поэзію вдаетесь. Такому флегматику, какъ вы, пожалуй, и я покажусь вулканомъ.

— Ну нѣтъ! проговорилъ съ улыбкой Лежневъ... А что до характера, у васъ, слава Богу, характера нѣтъ вовсе.

— Это еще что за дерзость?

— Это? Это величайшій комплиментъ, помилуйте....

Волынцевъ вошелъ и подозрительно посмотрѣлъ на Лежнева и на сестру. Онъ похудѣлъ въ послѣднее время. Они оба заговорили съ нимъ; но онъ едва улыбался въ отвѣтъ на ихъ шутку и глядѣлъ, какъ выразился о немъ однажды Пигасовъ, грустнымъ зайцемъ. Впрочемъ, вѣроятно, не было еще на свѣтѣ человѣка, который, хотя разъ въ жизни, не глядѣлъ еще хуже того. Волынцевъ чувствовалъ, что Наталья отъ него удалялась, а вмѣстѣ съ ней, казалось, и земля бѣжала у него изъ–подъ ногъ.

VII.

На другой день было воскресенье, и Наталья поздно встала. Наканунѣ она была очень молчалива до самаго вечера, втайнѣ стыдилась слезъ своихъ и очень дурно спала. Сидя, полуодѣтая, передъ своимъ маленькимъ фортепьяно, она то брала аккорды,

едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Boncourt, то приникала лбомъ къ холоднымъ клавишамъ и долго оставалась неподвижной. Она все думала не о самомъ Рудинѣ, но о какомъ нибудь словѣ, имъ сказанномъ, и погружалась вся въ свою думу. Изрѣдка приходилъ ей Волынцевъ на память. Она знала что онъ ее любитъ. Но мысль ея тотчасъ его покидала.... Странное она чувствовала волненіе. Утромъ она поспѣшно одѣлась, сошла внизъ и, поздоровавшись съ своей матерью, улучила время и ушла одна въ садъ.... День былъ жаркій, свѣтлый, лучезарный день, несмотря на перепадавшіе дождики. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкія, дымчатыя тучи и, повременамъ, роняли на поля обильные потоки внезапнаго и мгновеннаго ливня. Крупныя, сверкающія капли сыпались быстро, съ какимъ-то сухимъ шумомъ, точно алмазы; солнце играло сквозь ихъ мелькающую сѣтку; трава, еще недавно взволнованная вѣтромъ, не шевелилась, жадно поглощая влагу; орошенныя деревья томно трепетали всѣми своими листочками; птицы не переставали пѣть, и отрадно было слушать ихъ болтливое щебетанье при свѣжемъ гулѣ и ропотѣ пробѣгавшаго дождя. Пыльныя дороги дымились и слегка пестрѣли подъ рѣзкими ударами частыхъ брызгъ. Но вотъ тучка пронеслась, запорхалъ вѣтерокъ; изумрудомъ и золотомъ начала переливать трава.... Прилипая другъ къ дружкѣ, засквозили листья деревьевъ.... Сильный запахъ поднялся отовсюду....

Небо почти все очистилось, когда Наталья пошла въ садъ. Отъ него вѣяло свѣжестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человѣка отзывается сладкимъ томленіемъ тайнаго сочувствія и неопредѣленныхъ желаній...

Наталья шла вдоль пруда по длинной аллеѣ серебристыхъ тополей; внезапно, передъ ней, словно изъ земли, выросъ Рудинъ.

Она смутилась. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Вы однѣ? спросилъ онъ.

— Да, я одна, отвѣчала Наталья:—впрочемъ, я вышла на минуту.... Мнѣ пора домой.

— Я васъ провожу.

И онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Вы какъ будто печальны? промолвилъ онъ.

— Я?... А я хотѣла вамъ замѣтить, что вы, мнѣ кажется, не въ духѣ.

— Можетъ быть.... это со мною бываетъ. Мнѣ это извинительнѣе, чѣмъ вамъ.

— Почему же? Развѣ вы думаете, что мнѣ не отъ чего быть печальной?

— Въ ваши годы надо наслаждаться жизнью.

Наталья сдѣлала нѣсколько шаговъ молча.

— Дмитрій Николаевичъ! проговорила она.

— Что?

— Помните вы.... сравненіе, которое вы сдѣлали вчера.... помните.... съ дубомъ.

— Ну да, помню. Что же?

Наталья взглянула украдкой на Рудина.

— Зачѣмъ вы.... что вы хотѣли сказать этимъ сравненіемъ?

Рудинъ наклонилъ голову и устремилъ глаза вдаль.

— Наталья Алексѣевна! началъ онъ, съ свойственнымъ ему сдержаннымъ и значительнымъ выраженіемъ, которое всегда заставляло слушателя думать, что Рудинъ не высказывалъ и десятой доли того, что тѣснилось ему въ душу:—Наталья Алексѣевна! вы могли замѣтить, я мало говорю о своемъ прошедшемъ. Есть нѣкоторыя струны, до которыхъ я не касаюсь вовсе. Мое сердце.... кому какая нужда знать о томъ, что въ немъ происходило? Выставлять это напоказъ мнѣ всегда казалось святотатствомъ. Но съ вами я откровененъ: вы возбуждаете мое довѣріе.... Не могу утаить отъ васъ, что и я любилъ и страдалъ, какъ всѣ.... когда и какъ? объ этомъ говорить не стоитъ; но сердце мое испытало много радостей и много горестей.

Рудинъ помолчалъ немного.

— То, что я вамъ сказалъ вчера, продолжалъ онъ:—можетъ быть до нѣкоторой степени примѣнено ко мнѣ, къ теперешнему моему положенію. Но опять-таки объ этомъ говорить не стоитъ. Эта сторона жизни для меня уже изчезла. Мнѣ остается теперь тащиться по знойной и пыльной дорогѣ, со станціи до станціи, въ тряской телѣгѣ.... Когда я доѣду, и доѣду ли— Богъ знаетъ.... Поговоримте лучше о васъ.

— Неужели же, Дмитрій Николаичъ, перебила его Наталья:—вы ничего не ждете отъ жизни?

— О, нѣтъ! я жду многаго, но не для себя.... Отъ дѣятельности, отъ блаженства дѣятельности я никогда не откажусь; но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты и собственное мое счастіе не имѣютъ ничего общаго. Любовь (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ).... любовь — не для меня; я.... ея не стою; женщина, которая любитъ, вправѣ требовать всего человѣка, а я ужь весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться—это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на плечахъ!

— Я понимаю, промолвила Наталья:—кто стремится къ великой цѣли, уже не долженъ думать о себѣ; но развѣ женщина не въ состояніи оцѣнить такого человѣка? Мнѣ кажется, напротивъ, женщина скорѣе отвернется отъ эгоиста.... Всѣ молодые люди, эти юноши, по вашему, всѣ — эгоисты, всѣ только собою заняты, даже когда любятъ. Повѣрьте, женщина не только способна понять самопожертвованіе: она сама умѣетъ пожертвовать собою.

Щеки Натальи слегка зарумянились, и глаза ея заблестѣли. До знакомства съ Рудинымъ она никогда бы не произнесла такой длинной рѣчи и съ такимъ жаромъ.

— Вы не разъ слышали мое мнѣніе о призваніи женщинъ, возразилъ, съ снисходительной улыбкой, Рудинъ:—вы знаете, что, по моему, одна Жанна д'Аркъ могла спасти Францію.... но дѣло не въ томъ. Я хотѣлъ поговорить о васъ. Вы стоите на порогѣ жизни.... Разсуждать о вашей будущности и весело и не безплодно. Послушайте, вы знаете, я вашъ другъ; я принимаю въ васъ почти родственное участіе.... А потому я надѣюсь, вы не найдете моего вопроса нескромнымъ: скажите, ваше сердце до сихъ поръ совершенно спокойно?

Наталья вся вспыхнула и ничего не сказала. Рудинъ остановился, и она остановилась.

— Вы не сердитесь на меня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, проговорила она:—но я никакъ не ожидала....

— Впрочемъ, продолжалъ онъ: — вы можете не отвѣчать мнѣ. Ваша тайна мнѣ извѣстна.

Наталья почти съ испугомъ взглянула на него.

— Да.... да; я знаю, кто вамъ нравится. И я долженъ сказать—лучшаго выбора вы сдѣлать не могли. Онъ человѣкъ прекрасный; онъ съумѣетъ оцѣнить васъ; онъ не измятъ жизнью—онъ простъ и ясенъ душою.... онъ составитъ ваше счастіе.

— О комъ говорите вы, Дмитрій Николаичъ?

— Будто вы не понимаете, о комъ я говорю? Разумѣется, о Волынцевѣ. Что̀жь? развѣ это неправда?

Наталья отвернулась немного отъ Рудина. Она совершенно растерялась.

— Развѣ онъ не любитъ васъ? Помилуйте! онъ не сводитъ съ васъ глазъ, слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ; да и наконецъ, развѣ можно скрыть любовь? И вы сами развѣ не благосклонны къ нему? Сколько я могъ замѣтить, и матушкѣ вашей онъ также нравится.... Вашъ выборъ....

— Дмитрій Николаичъ! перебила его Наталья, въ смущеніи протягивая руку къ близь стоявшему кусту:—мнѣ, право такъ неловко говорить объ этомъ; но я васъ увѣряю, вы ошибаетесь.

— Я ошибаюсь? повторилъ Рудинъ.... Не думаю.... Я съ вами познакомился недавно; но я уже хорошо васъ знаю. Что̀ же значитъ перемѣна, которую я вижу въ васъ, вижу ясно? Развѣ вы такая, какою я засталъ васъ шесть недѣль тому назадъ?... Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, сердце ваше не спокойно.

— Можетъ быть, отвѣтила Наталья едва внятно: — но вы все-таки ошибаетесь.

— Какъ это? спросилъ Рудинъ

— Оставьте меня, не спрашивайте меня! возразила Наталья и быстрыми шагами направилась къ дому.

Ей самой стало страшно всего того, что̀ она вдругъ почувствовала въ себѣ.

Рудинъ догналъ и остановилъ ее.

— Наталья Алексѣевна! заговорилъ онъ:—этотъ разговоръ не можетъ такъ кончиться: онъ слишкомъ важенъ и для меня.... Какъ мнѣ понять васъ?

— Оставьте меня! повторила Наталья.

— Наталья Алексѣевна, ради Бога!

На лицѣ Рудина изобразилось волненіе. Онъ поблѣднѣлъ.

— Вы все понимаете, вы и меня должны понять! сказала Наталья, вырвала у него руку и пошла, не оглядываясь.

— Одно только слово! крикнулъ ей вслѣдъ Рудинъ.

Она остановилась, но не обернулась.

— Вы меня спрашивали, что я хотѣлъ сказать вчерашнимъ сравненіемъ. Знайте же, я обманывать васъ не хочу. Я говорилъ о себѣ, о своемъ прошедшемъ—и о васъ.

— Какъ? обо мнѣ?

— Да, о васъ; я, повторяю, не хочу васъ обманывать.... Вы теперь знаете, о какомъ чувствѣ, о какомъ новомъ чувствѣ, я говорилъ тогда.... До нынѣшняго дня я никогда бы не рѣшился....

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и побѣжала къ дому.

Она такъ была потрясена неожиданной развязкой разговора съ Рудинымъ, что и не замѣтила Волынцева, мимо котораго пробѣжала. Онъ стоялъ неподвижно, прислонясь спиною къ дереву. Четверть часа тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и засталъ ее въ гостинной, сказалъ слова два, незамѣтно удалился и отправился отыскивать Наталью. Руководимый чутьемъ, свойственнымъ влюбленнымъ людямъ, онъ пошелъ прямо въ садъ и наткнулся на нее и на Рудина въ то самое мгновеніе, когда она вырвала у него руку. У Волынцева потемнѣло въ глазахъ. Проводивъ Наталью взоромъ, онъ отдѣлился отъ дерева и шагнулъ раза два, самъ не зная, куда и зачѣмъ. Рудинъ увидѣлъ его, поровнялся съ нимъ. Оба посмотрѣли другъ другу въ глаза, поклонились и разошлись молча.

«Это такъ не кончится», подумали оба.

Волынцевъ пошелъ на самый конецъ сада. Ему горько и тошно стало; а на сердцѣ залегъ свинецъ, и кровь поременамъ поднималась злобно. Дождикъ сталъ опять накрапывать. Рудинъ вернулся къ себѣ въ комнату. И онъ не былъ спокоенъ: вихремъ кружились въ немъ мысли. Довѣрчивое, неожиданное прикосновеніе молодой, честной души смутитъ хоть кого.

За столомъ все шло какъ-то неладно. Наталья, вся блѣдная, едва держалась на стулѣ и не поднимала глазъ. Волынцевъ сидѣлъ, по обыкновенію, возлѣ нея и, время отъ времени, принужденно заговаривалъ съ нею. Случилось такъ, что Пигасовъ въ тотъ день обѣдалъ у Дарьи Михайловны. Онъ больше всѣхъ говорилъ за столомъ. Между прочимъ, онъ началъ

доказывать, что людей, какъ собакъ, можно раздѣлить на куцыхъ и длиннохвостыхъ. Куцыми бываютъ люди — говорилъ онъ—и отъ рожденія и по собственной винѣ. Куцымъ плохо: имъ ничего не удается,—они не имѣютъ самоувѣренности. Но человѣкъ, у котораго длинный, пушистый хвостъ—счастливецъ. Онъ можетъ быть и плоше и слабѣе куцаго, да увѣренъ въ себѣ; распуститъ хвостъ—всѣ любуются. И вѣдь вотъ что достойно удивленія: вѣдь хвостъ совершенно безполезная часть тѣла, согласитесь; на что можетъ пригодиться хвостъ? а всѣ судятъ о вашихъ достоинствахъ по хвосту.

— Я, прибавилъ онъ со вздохомъ: — принадлежу къ числу куцыхъ, и, что досаднѣе всего, я самъ отрубилъ себѣ хвостъ.

— То-есть вы хотите сказать, замѣтилъ небрежно Рудинъ:—что, впрочемъ, уже давно до васъ сказалъ ла-Рошфуко: будь увѣренъ въ себѣ, другіе въ тебя повѣрятъ. Къ чему тутъ было примѣшивать хвостъ, я не понимаю.

— Позвольте же каждому, рѣзко заговорилъ Волынцевъ, и глаза его загорѣлись: — позвольте каждому выражаться, какъ ему вздумается. Толкуютъ о деспотизмѣ.... По моему, нѣтъ хуже деспотизма такъ называемыхъ умныхъ людей. Чортъ бы ихъ побралъ!

Всѣхъ изумила выходка Волынцева, всѣ притихли. Рудинъ посмотрѣлъ было на него, но не выдержалъ его взора, отворотился, улыбнулся и рта не разинулъ.

«Эге! да и ты куцъ!» подумалъ Пигасовъ; а у Натальи душа замерла отъ страха. Дарья Михайловна долго, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Волынцева и наконецъ первая заговорила: начала разсказывать о какой-то необыкновенной собакѣ ея друга, министра N. N....

Волынцевъ уѣхалъ скоро послѣ обѣда. Раскланиваясь съ Натальей, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ ей:

— Отчего вы такъ смущены, словно виноваты? Вы ни передъ кѣмъ виноваты быть не можете!...

Наталья ничего не поняла и только посмотрѣла ему вслѣдъ. Передъ чаемъ, Рудинъ подошелъ къ ней и, нагнувшись надъ столомъ, какъ будто разбирая газеты, шепнулъ:

— Все это, какъ сонъ, не правда ли? Мнѣ непремѣнно нужно видѣть васъ наединѣ.... хотя минуту.—Онъ обратился

къ m-lle Boncourt.—Вотъ, сказалъ онъ ей:—тотъ фельетонъ, который вы искали—и снова наклонясь къ Натальѣ, онъ прибавилъ шопотомъ: — постарайтесь быть около десяти часовъ возлѣ террасы, въ сиреневой бесѣдкѣ: я буду ждать васъ....

Героемъ вечера былъ Пигасовъ. Рудинъ уступилъ ему поле сраженія. Онъ очень смѣшилъ Дарью Михайловну; сперва онъ разсказывалъ объ одномъ своемъ сосѣдѣ, который, состоя лѣтъ тридцать подъ башмакомъ жены, до того обабился, что, переходя однажды, въ присутствіи Пигасова, мелкую лужицу, занесъ назадъ руку и отвелъ въ бокъ фалды сюртука, какъ женщины это дѣлаютъ съ своими юпками. Потомъ онъ обратился къ другому помѣщику, который сначала былъ масономъ, потомъ меланхоликомъ, потомъ желалъ быть банкиромъ.

— Какъ же это вы были масономъ, Филиппъ Степанычъ? спросилъ его Пигасовъ.

— Извѣстно какъ: я носилъ длинный ноготь на пятомъ пальцѣ.

Но больше всего смѣялась Дарья Михайловна, когда Пигасовъ пустился разсуждать о любви и увѣрять, что и о немъ вздыхали, что одна пылкая нѣмка называла его даже «аппетитнымъ Африканчикомъ и хрипунчикомъ». Дарья Михайловна смѣялась, а Пигасовъ не лгалъ: онъ дѣйствительно, имѣлъ право хвастаться своими побѣдами. Онъ утверждалъ, что ничего не можетъ быть легче, какъ влюбить въ себя какую угодно женщину: стоитъ только повторять ей десять дней сряду, что у ней въ устахъ рай, а въ очахъ блаженство, и что остальныя женщины передъ ней простыя тряпки, и на одиннадцатый день она сама скажетъ, что у ней въ устахъ рай и въ очахъ блаженство, и полюбитъ васъ. Все на свѣтѣ бываетъ. Почему знать, можетъ быть, Пигасовъ и правъ.

—

Въ половинѣ десятаго Рудинъ уже былъ въ бесѣдкѣ. Въ далекой и блѣдной глубинѣ неба только что проступали звѣздочки; на западѣ еще алѣло—тамъ и небосклонъ казался яснѣй и чище; полукругъ луны блестѣлъ золотомъ сквозь черную сѣтку плакучей березы. Другія деревья либо стояли угрюмыми

великанами, съ тысячью просвѣтами, наподобіе глазъ, либо сливались въ сплошныя мрачныя громады. Ни одинъ листокъ не шевелился; верхнія вѣтки сиреней и акацій какъ будто прислушивались къ чему-то и вытягивались въ тепломъ воздухѣ. Домъ темнѣлъ вблизи; пятнами красноватаго свѣта рисовались на немъ освѣщенныя длинныя окна. Кротокъ и тихъ былъ вечеръ; но сдержанный, страстный вздохъ чудился въ этой тишинѣ.

Рудинъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Сердце въ немъ билось сильно, и онъ невольно удерживалъ дыханіе. Наконецъ ему послышались легкіе, торопливые шаги, и въ бесѣдку вошла Наталья.

Рудинъ бросился къ ней, взялъ ее за руки. Онѣ были холодны, какъ ледъ.

— Наталья Алексѣевна! заговорилъ онъ трепетнымъ шопотомъ:—я хотѣлъ васъ видѣть.... я не могъ дождаться завтрашняго дня. Я долженъ вамъ сказать, чего я не подозрѣвалъ, чего я не сознавалъ даже сегодня утромъ: я люблю васъ.

Руки Натальи слабо вздрогнули въ его рукахъ.

— Я люблю васъ, повторилъ онъ: — и какъ я могъ такъ долго обманываться, какъ я давно не догадался, что люблю васъ!... А вы?... Наталья Алексѣевна, скажите, вы?...

Наталья едва переводила духъ.

— Вы видите, я пришла сюда, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, скажите, вы любите меня?

— Мнѣ кажется.... да.... прошептала она.

Рудинъ еще крѣпче стиснулъ ея руки и хотѣлъ было привлечь ее къ себѣ....

Наталья быстро оглянулась.

— Пустите меня, — мнѣ страшно, — мнѣ кажется, кто-то насъ подслушиваетъ.... Ради Бога, будьте осторожны. Волынцевъ догадывается.

— Богъ съ нимъ! Вы видѣли, я и не отвѣчалъ ему сегодня.... Ахъ, Наталья Алексѣевна, какъ я счастливъ! Теперь уже ничто насъ не разъединитъ!

Наталья взглянула ему въ глаза,

— Пустите меня, прошептала она:—мнѣ пора.

— Одно мгновенье, началъ Рудинъ.

— Нѣтъ, пустите, пустите меня....

— Вы какъ будто меня боитесь?

— Нѣтъ; но мнѣ пора....

— Такъ повторите, по-крайней-мѣрѣ, еще разъ....

— Вы говорите, вы счастливы? спросила Наталья.

— Я? Нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня. Неужели вы сомнѣваетесь?

Наталья приподняла голову. Прекрасно было ея блѣдное лицо, благородное, молодое и взволнованное — въ таинственной тѣни бесѣдки, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночнаго неба.

— Знайте же, сказала она: — я буду ваша.

— О, Боже! воскликнулъ Рудинъ....

Но Наталья уклонилась и ушла.

Рудинъ постоялъ немного, потомъ вышелъ медленно изъ бесѣдки. Луна ясно освѣтила его лицо; на губахъ его блуждала улыбка.

— Я счастливъ, произнесъ онъ вполголоса.—Да, я счастливъ, повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя.

Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками.

А между тѣмъ, въ сиреневой бесѣдкѣ тихонько раздвинулись кусты и показался Пандалевскій. Онъ осторожно оглянулся, покачалъ головой, сжалъ губы, произнесъ значительно: «Вотъ какъ-съ. Это надобно будетъ довести до свѣденія Дарьи Михайловны», и скрылся.

VIII.

Возвратясь домой, Волынцевъ былъ такъ унылъ и мраченъ, такъ неохотно отвѣчалъ своей сестрѣ и такъ скоро заперся къ себѣ въ кабинетъ, что она рѣшилась послать гонца за Лежневымъ. Она прибѣгала къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Лежневъ велѣлъ ей сказать, что пріѣдетъ на слѣдующій день.

Волынцевъ и къ утру не повеселѣлъ. Онъ хотѣлъ было послѣ чаю отправиться на работы, но остался, легъ на диванъ и принялся читать книгу, что съ нимъ случалось не часто. Волынцевъ къ литературѣ влеченія не чувствовалъ, а стиховъ просто боялся.

— Это непонятно, какъ стихи, говаривалъ онъ и, въ подтвержденіе словъ своихъ, приводилъ слѣдующія строки поэта Айбулата:

И до конца печальныхъ дней
Ни гордый опытъ, ни разсудокъ
Не изомнутъ рукой своей
Кровавыхъ жизни незабудокъ.

Александра Павловна тревожно посматривала на своего брата, но не безпокоила его вопросами. Экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу. «Ну—подумала она—слава Богу, Лежневъ....» Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Рудина.

Волынцевъ бросилъ книгу на полъ и поднялъ голову.

— Кто пріѣхалъ? спросилъ онъ.

— Рудинъ, Дмитрій Николаичъ, повторилъ слуга.

Волынцевъ всталъ.

— Проси, промолвилъ онъ:—а ты, сестра, прибавилъ онъ, обратясь къ Александрѣ Павловнѣ: — оставь насъ.

— Да почему же? начала она....

— Я знаю, перебилъ онъ съ запальчивостью.—я прошу тебя.

Вошелъ Рудинъ. Волынцевъ холодно поклонился ему, стоя посреди комнаты, и не протянулъ ему руки.

— Вы меня не ждали, признайтесь, началъ Рудинъ и поставилъ шляпу на окно.

Губы его слегка подергивало. Ему было неловко; но онъ старался скрыть свое замѣшательство.

— Я васъ не ждалъ, точно, возразилъ Волынцевъ: — я скорѣе послѣ вчерашняго дня могъ ждать кого нибудь—съ порученіемъ отъ васъ.

— Я понимаю, что́ вы хотите сказать, промолвилъ Рудинъ, садясь: — и очень радъ вашей откровенности. Этакъ гораздо лучше. Я самъ пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ благородному человѣку....

— Нельзя ли безъ комплиментовъ? замѣтилъ Волынцевъ.

— Я желаю объяснить вамъ, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Мы съ вами знакомы: почему же вамъ и не пріѣхать ко мнѣ? Притомъ же, вы не въ первый разъ удостоиваете меня своимъ посѣщеніемъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ благородный человѣкъ къ благородному человѣку, повторилъ Рудинъ:—и хочу теперь сослаться на собственный вашъ судъ.... Я довѣряю вамъ вполнѣ....

— Да въ чемъ дѣло? проговорилъ Волынцевъ, который все еще стоялъ въ прежнемъ положеніи и сумрачно глядѣлъ на Рудина, изрѣдка подергивая концы усовъ.

— Позвольте.... я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы объясниться, конечно, но все-таки это нельзя разомъ.

— Отчего же нельзя?

— Здѣсь замѣшано третье лицо....

— Какое третье лицо?

— Сергѣй Павлычъ, вы меня понимаете.

— Дмитрій Николаичъ, я васъ нисколько не понимаю.

— Вамъ угодно....

— Мнѣ угодно, чтобы вы говорили безъ обиняковъ! подхватилъ Волынцевъ.

Онъ начиналъ сердиться не на шутку.

Рудинъ нахмурился.

— Извольте.... мы одни.... Я долженъ вамъ сказать — впрочемъ, вы, вѣроятно, уже догадываетесь (Волынцевъ нетерпѣливо пожалъ плечами) — я долженъ вамъ сказать, что я люблю Наталью Алексѣевну и имѣю право предполагать, что и она меня любитъ.

Волынцевъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣтилъ, отошелъ къ окну и отвернулся.

— Вы понимаете, Сергѣй Павлычъ, продолжалъ Рудинъ:— что если бы я не былъ увѣренъ....

— Помилуйте! поспѣшно перебилъ Волынцевъ:—я нисколько не сомнѣваюсь.... Что жь! на здоровье! Только, я удивляюсь, съ какого дьявола вамъ вздумалось ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ пожаловать.... Я-то тутъ что? Что мнѣ за дѣло, кого вы любите и кто васъ любитъ? Я просто не могу понять....

Волынцевъ продолжалъ глядѣть въ окно. Голосъ его звучалъ глухо.

Рудинъ всталъ.

— Я вамъ скажу, Сергѣй Павлычъ, почему я рѣшился пріѣхать къ вамъ, почему я не почелъ себя даже въ правѣ скрыть отъ васъ нашу.... наше взаимное расположеніе. Я

слишкомъ глубоко уважаю васъ — вотъ почему я пріѣхалъ; я не хотѣлъ.... мы оба не хотѣли разъигрывать передъ вами комедію. Чувство ваше къ Натальѣ Алексѣевнѣ было мнѣ извѣстно.... Повѣрьте, я знаю себѣ цѣну: я знаю, какъ мало достоинъ я того, чтобы замѣнить васъ въ ея сердцѣ; но если ужь этому суждено было случиться, неужели же лучше хитрить, обманывать, притворяться? Неужели лучше подвергаться недоразумѣніямъ или даже возможности такой сцены, какая произошла вчера за обѣдомъ, Сергѣй Павлычъ, скажите сами?

Волынцевъ скрестилъ руки на груди, какъ бы усиливаясь укротить самого себя.

— Сергѣй Павлычъ! продолжалъ Рудинъ:—я огорчилъ васъ, я это чувствую.... но поймите насъ.... поймите, что мы не имѣли другаго средства доказать вамъ наше уваженіе, доказать, что мы умѣемъ цѣнить ваше прямодушное благородство. Откровенность, полная откровенность со всякимъ другимъ, была бы неумѣстна, но съ вами она становится обязанностью. Намъ пріятно думать, что наша тайна въ вашихъ рукахъ....

Волынцевъ принужденно захохоталъ.

— Спасибо за довѣренность! воскликнулъ онъ:—хотя, прошу замѣтить, я не желалъ ни знать вашей тайны, ни своей вамъ выдать; а вы ею распоряжаетесь, какъ своимъ добромъ. Но, позвольте, вы говорите, какъ бы отъ общаго лица. Стало быть, я могу предполагать, что Натальѣ Алексѣевнѣ извѣстно ваше посѣщеніе и цѣль этого посѣщенія?

Рудинъ немного смутился.

— Нѣтъ, я не сообщилъ Натальѣ Алексѣевнѣ моего намѣренія; но, я знаю, она раздѣляетъ мой образъ мыслей.

— Все это прекрасно, заговорилъ, помолчавъ немного, Волынцевъ и забарабанилъ пальцами по стеклу:—хотя, признаться, было бы гораздо лучше, если бы вы поменьше меня уважали. Мнѣ, поправдѣ сказать, ваше уваженіе ни къ чорту не нужно; но что же вы теперь хотите отъ меня?

— Я ничего не хочу.... или, нѣтъ! я хочу одного: я хочу, чтобы вы не считали меня коварнымъ и хитрымъ человѣкомъ, чтобы вы поняли меня.... Я надѣюсь, что вы теперь уже не можете сомнѣваться въ моей искренности.... Я хочу, Сергѣй

Павлычъ, чтобы мы разстались друзьями.... чтобы вы, по прежнему, протянули мнѣ руку....

И Рудинъ приблизился къ Волынцеву.

— Извините меня, милостивый государь! промолвилъ Волынцевъ, обернувшись и отступивъ шагъ назадъ: — я готовъ отдать полную справедливость вашимъ намѣреніямъ, все это прекрасно, положимъ, даже возвышенно, но мы люди простые, ѣдимъ пряники неписаные, не въ состояніи слѣдить за полетомъ такихъ великихъ умовъ, каковъ вашъ.... Что̀ вамъ кажется искреннимъ, намъ кажется навязчивымъ и нескромнымъ.... Что̀ для васъ просто и ясно, для насъ запутанно и темно ... Вы хвастаетесь тѣмъ, что̀ мы скрываемъ: гдѣ же намъ понять васъ! Извините меня: ни другомъ я васъ считать не могу, ни руки я вамъ не подамъ.... Это, можетъ быть, мелко; да вѣдь я самъ мелокъ.

Рудинъ взялъ шляпу съ окна.

— Сергѣй Павлычъ! проговорилъ онъ печально:—прощайте; я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Посѣщеніе мое, дѣйствительно, довольно странно; но я надѣялся, что вы (Волынцевъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе).... Извините, я больше говорить объ этомъ не стану. Сообразивъ все, я вижу, точно, вы правы и иначе поступить не могли. Прощайте и позвольте, по-крайней-мѣрѣ еще разъ, въ послѣдній разъ, увѣрить васъ въ чистотѣ моихъ намѣреній.... Въ вашей скромности я убѣжденъ....

— Это уже слишкомъ! воскликнулъ Волынцевъ и затрясся отъ гнѣва:—я нисколько не напрашивался на ваше довѣріе; а потому разсчитывать на мою скромность вы не имѣете никакого права!

Рудинъ хотѣлъ что-то сказать, но только руками развелъ, поклонился и вышелъ, а Волынцевъ бросился на диванъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Можно войти къ тебѣ? послышался у двери голосъ Александры Павловны.

Волынцевъ не тотчасъ отвѣчалъ и украдкой провелъ рукой по лицу.

— Нѣтъ, Саша, проговорилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ:—погоди еще немножко.

Полчаса спустя, Александра Павловна опять подошла къ двери.

— Михайло Михайлычъ пріѣхалъ, сказала она:—хочешь ты его видѣть?

— Хочу, отвѣтилъ Волынцевъ:—пошли его сюда.

Лежневъ вошелъ.

— Что ты, нездоровъ? спросилъ онъ, усаживаясь на кресла, возлѣ дивана.

Волынцевъ приподнялся, оперся на локоть, долго, долго посмотрѣлъ своему пріятелю въ лицо и тутъ же передалъ ему весь разговоръ съ Рудинымъ, отъ слова до слова. Онъ никогда до тѣхъ поръ и не намекалъ Лежневу о своихъ чувствахъ къ Натальѣ, хотя и догадывался, что они для него не были скрыты.

— Ну, братъ, удивилъ ты меня, проговорилъ Лежневъ, какъ только Волынцевъ кончилъ свой разсказъ.—Много странностей ожидалъ я отъ него, но ужь это.... Впрочемъ, узнаю его и тутъ.

— Помилуй! говорилъ взволнованный Волынцевъ:—вѣдь это просто наглость! Вѣдь я чуть-чуть его за окно не выбросилъ. Похвастаться, что-ли, онъ хотѣлъ передо мной, или струсилъ? Да съ какой стати? Какъ рѣшиться ѣхать къ человѣку....

Волынцевъ закинулъ руки за голову и умолкъ.

— Нѣтъ, братъ, это не то, спокойно возразилъ Лежневъ.— Ты вотъ мнѣ не повѣришь, а вѣдь онъ это сдѣлалъ изъ хорошаго побужденія. Право... Оно, вишь ты, и благородно и откровенно, ну, да и поговорить представляется случай, краснорѣчіе въ ходъ пустить; а вѣдь намъ вотъ чего нужно, вотъ безъ чего мы жить не въ состояніи.... Охъ, языкъ его—врагъ его.... Ну, за то же онъ и слуга ему.

— Съ какой торжественностью онъ вошелъ и говорилъ, ты себѣ представить не можешь!....

— Ну, да, безъ этого ужь нельзя. Онъ сюртукъ застегиваетъ, словно священный долгъ исполняетъ. Я бы посадилъ его на необитаемый островъ и посмотрѣлъ бы изъ-за угла, какъ бы онъ тамъ распоряжаться сталъ. А все толкуетъ о простотѣ!

— Да, скажи мнѣ, братъ, ради Бога, спросилъ Волынцевъ:— что это такое, философія, что ли?

— Какъ тебѣ сказать? съ одной стороны, пожалуй, это точ-

но, философія, а съ другой ужь это совсѣмъ не то. На философію всякій вздоръ сваливать тоже не приходится.

Волынцевъ взглянулъ на него.

— А не солгалъ ли онъ, какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, сынъ мой, не солгалъ. А впрочемъ, знаешь ли что? Довольно разсуждать объ этомъ. Давай-ка, братецъ, закуримъ трубочки да попросимъ сюда Александру Павловну.... При ней и говорится лучше и молчится легче. Она насъ чаемъ напоитъ.

— Пожалуй, возразилъ Волынцевъ. — Саша, войди! крикнулъ онъ.

Александра Павловна вошла. Онъ схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ ее къ своимъ губамъ.

—

Рудинъ вернулся домой въ состояніи духа смутномъ и странномъ. Онъ досадовалъ на себя, упрекалъ себя въ непростительной опрометчивости, въ мальчишествѣ. Недаромъ сказалъ кто-то: нѣтъ ничего тягостнѣе сознанія только что сдѣланной глупости.

Раскаяніе грызло Рудина.

«Чортъ меня дернулъ», шепталъ онъ сквозь зубы, «съѣздить къ этому помѣщику! Вотъ пришла мысль! Только на дерзости напрашиваться!...»

А въ домѣ Дарьи Михайловны происходило что-то необыкновенное. Сама хозяйка цѣлое утро не показывалась и къ обѣду не вышла: у ней, по увѣренію Пандалевскаго, единственнаго допущеннаго до ней лица, голова болѣла. Наталью Рудинъ также почти не видалъ: она сидѣла въ своей комнатѣ съ m-lle Boncourt.... Встрѣтясь съ нимъ въ столовой, она такъ печально на него посмотрѣла, что у него сердце дрогнуло. Ея лицо измѣнилось, словно несчастье обрушилось на нее со вчерашняго дня. Тоска неопредѣленныхъ предчувствій начала томить Рудина. Чтобы какъ-нибудь развлечься, онъ занялся съ Басистовымъ, много съ нимъ разговаривалъ и нашелъ въ немъ горячаго, живаго малаго, съ восторженными надеждами и нетронутой еще вѣрой. Къ вечеру Дарья Михайловна появилась часа на два въ гостинной. Она была любезна съ Рудинымъ, но держалась какъ-то отдаленно и то посмѣивалась, то хмурилась, говорила въ носъ,

и все больше намеками.... Такъ отъ нея придворной дамой и вѣяло. Въ послѣднее время она какъ будто охладѣла немного къ Рудину. — «Что́ за загадка?» думалъ онъ, глядя съ боку на ея закинутую головку.

Онъ недолго дожидался разрѣшенія этой загадки. Возвращаясь, часу въ двѣнадцатомъ ночи, въ свою комнату, шелъ онъ по темному корридору. Вдругъ кто-то сунулъ ему въ руку записку. Онъ оглянулся: отъ него удалялась дѣвушка, какъ ему показалось, натальина горничная Онъ пришелъ къ себѣ, услалъ человѣка, развернулъ записку и прочелъ слѣдующія строки, начертанныя рукою Натальи:

«Приходите завтра въ седьмомъ часу утра, не позже, къ Авдюхину пруду, за дубовымъ лѣсомъ. Всякое другое время невозможно. Это будетъ наше послѣднее свиданіе, и все будетъ кончено, если.... Приходите. Надо будетъ рѣшиться....

P. S. Если я не приду, значитъ мы не увидимся больше: тогда я вамъ дамъ знать....»

Рудинъ задумался, повертѣлъ записку въ рукахъ, положилъ ее подъ подушку, раздѣлся, легъ, но заснулъ не скоро, спалъ чуткимъ сномъ, и не было еще пяти часовъ, когда онъ проснулся.

IX.

Авдюхинъ прудъ, возлѣ котораго Наталья назначила свиданіе Рудину, давно пересталъ быть прудомъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, его прорвало, и съ тѣхъ поръ его забросили. Только по ровному и плоскому дну оврага, нѣкогда затянутаго жирнымъ иломъ, да по остаткамъ плотины можно было догадаться, что здѣсь былъ прудъ. Тутъ же существовала усадьба. Она давнымъ-давно исчезла. Двѣ огромныя сосны напоминали о ней; вѣтеръ вѣчно шумѣлъ и угрюмо гудѣлъ въ ихъ высокой, тощей зелени.... Въ народѣ ходили таинственные слухи о страшномъ преступленіи, будто бы совершенномъ у ихъ корня; поговаривали также, что ни одна изъ нихъ не упадетъ, не причинивъ кому-нибудь смерти; что тутъ прежде стояла третья сосна, которая въ бурю повалилась и задавила дѣвочку. Все мѣсто около стараго пруда считалось нечистымъ, пустое и го-

лое, но глухое и мрачное, даже въ солнечный день—оно казалось еще мрачнѣе и глуше отъ близости дряхлаго, дубоваго лѣса, давно вымершаго и засохшаго. Рѣдкіе сѣрые остовы громадныхъ деревьевъ высились какими-то унылыми призраками надъ низкой порослью кустовъ. Жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, злые старики сошлись и замышляютъ что-то недоброе. Узкая, едва проторенная дорожка вилась въ сторонѣ. Безъ особенной нужды никто не проходилъ мимо Авдюхина пруда. Наталья съ намѣреніемъ выбрала такое уединенное мѣсто. До него отъ дома Дарьи Михайловны было не болѣе полуверсты.

Солнце уже давно встало, когда Рудинъ пришелъ къ Авдюхину пруду; но не веселое было утро. Сплошныя тучи молочнаго цвѣта покрывали все небо; вѣтеръ быстро гналъ ихъ, свистя и взвизгивая. Рудинъ началъ ходить взадъ и впередъ по плотинѣ, покрытой цѣпкимъ лопушникомъ и почернѣлой крапивой. Онъ не былъ спокоенъ. Эти свиданія, эти новыя ощущенія занимали, но и волновали его, особенно послѣ вчерашней записки. Онъ видѣлъ, что развязка приближалась, и втайнѣ смущался духомъ, хотя никто бы этого не подумалъ, глядя, съ какой сосредоточенной рѣшимостью онъ скрещивалъ руки на груди и поводилъ кругомъ глазами. Недаромъ про него сказалъ однажды Пигасовъ, что, его, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшивала голова. Но съ одной головой, какъ бы она сильна ни была, человѣку трудно узнать даже то, что въ немъ самомъ происходитъ.... Рудинъ, умный, проницательный Рудинъ, не въ состояніи былъ сказать навѣрное, любитъ ли онъ Наталью, страдаетъ ли онъ, будетъ ли страдать, разставшись съ нею. Зачѣмъ же, не прикидываясь даже Ловласомъ—эту справедливость отдать ему слѣдуетъ—сбилъ онъ съ толку бѣдную дѣвушку? Отчего ожидалъ ее съ тайнымъ трепетомъ? На это одинъ отвѣтъ: никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди.

Онъ ходилъ по плотинѣ, а Наталья спѣшила къ нему прямо черезъ поле, по мокрой травѣ.

— Барышня! барышня! вы себѣ ноги замочите, говорила ей ея горничная, Маша, едва поспѣвая за ней.

Наталья не слушала ее и бѣжала безъ оглядки.

— Ахъ, какъ бы не подсмотрѣли насъ! твердила Маша.—

Ужь и тому дивиться надо, какъ мы изъ дому–то вышли. Какъ бы мамзель не проснулась.... Благо недалеко.... А ужь онѣ ждутъ–съ, прибавила она, увидѣвъ внезапно статную фигуру Рудина, картинно стоявшаго на плотинѣ:—только напрасно они этакъ на юру стоятъ—сошли бы въ лощину.

Наталья остановилась.

— Подожди здѣсь, Маша, у сосенъ, промолвила она и спустилась къ пруду.

Рудинъ подошелъ къ ней и остановился въ изумленіи. Такого выраженія онъ еще не замѣчалъ на ея лицѣ. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, глаза глядѣли прямо и строго.

— Дмитрій Николаичъ! начала она: — намъ время терять некогда. Я пришла на пять минутъ. Я должна сказать вамъ, что матушка все знаетъ. Г. Пандалевскій подсмотрѣлъ насъ третьяго–дня и разсказалъ ей о нашемъ свиданіи. Онъ всегда былъ шпіономъ у матушки. Она вчера позвала меня къ себѣ....

— Боже мой! воскликнулъ Рудинъ:—это ужасно.... Что же сказала ваша матушка?

— Она не сердилась на меня, не бранила меня, только попеняла мнѣ за мое легкомысліе.

— Только?

— Да, и объявила мнѣ, что она скорѣе согласится видѣть меня мертвою, чѣмъ вашей женою.

— Неужели она это сказала?

— Да; и еще прибавила, что вы сами нисколько не желаете жениться на мнѣ, что вы только такъ, отъ скуки, приволокнулись за мной, и что она этого отъ васъ не ожидала; что, впрочемъ, она сама виновата: зачѣмъ позволила мнѣ такъ часто видѣться съ вами.... что она надѣется на мое благоразуміе, что я ее очень удивила.... да ужь я и не помню всего, что она говорила мнѣ.

Наталья произнесла все это какимъ–то ровнымъ, почти беззвучнымъ голосомъ.

— А вы, Наталья Алексѣевна, что вы ей отвѣтили? спросилъ Рудинъ.

— Что я ей отвѣтила? повторила Наталья. Что *вы* теперь намѣрены дѣлать?

— Боже мой! Боже мой! возразилъ Рудинъ:—это жестоко!

Такъ скоро!... такой внезапный ударъ!... И ваша матушка пришла въ такое негодованіе?

— Да.... да, она слышать о васъ не хочетъ.

— Это ужасно! Стало быть, никакой надежды нѣтъ?

— Никакой.

— За что̀ мы такъ несчастливы! Гнусный этотъ Пандалевскій!.... Вы меня спрашиваете, Наталья Алексѣевна, что я намѣренъ дѣлать? У меня голова кругомъ идетъ—я ничего сообразить не могу.... Я чувствую только свое несчастіе.... удивляюсь, какъ вы можете сохранять хладнокровіе!...

— Вы думаете, мнѣ легко? проговорила Наталья.

Рудинъ началъ ходить по плотинѣ. Наталья не спускала съ него глазъ

— Ваша матушка васъ не разспрашивала? промолвилъ онъ наконецъ.

— Она меня спросила, люблю ли я васъ.

— Ну.... и вы?

Наталья помолчала.

— Я не солгала.

Рудинъ взялъ ее за руку.

— Всегда, во всемъ благородна и великодушна. О, сердце дѣвушки—это чистое золото! Но неужели ваша матушка такъ рѣшительно объявила свою волю насчетъ невозможности нашего брака?

— Да, рѣшительно. Я ужь вамъ сказала, она убѣждена, что вы сами не думаете жениться на мнѣ.

— Стало быть, она считаетъ меня за обманщика! Чѣмъ я заслужилъ это?

И Рудинъ схватилъ себя за голову.

— Дмитрій Николаичъ! промолвила Наталья:—мы тратимъ попусту время. Вспомните, я въ послѣдній разъ вижусь съ вами. Я пришла сюда не плакать, не жаловаться—вы видите, я не плачу—я пришла за совѣтомъ.

— Да какой совѣтъ могу я дать вамъ, Наталья Алексѣевна?

— Какой совѣтъ? Вы мужчина; я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вѣрить вамъ. Скажите мнѣ, какія ваши намѣренія?

— Мои намѣренія! Ваша матушка, вѣроятно, откажетъ мнѣ отъ дому.

— Можетъ быть. Она уже вчера объявила мнѣ, что должна будетъ раззнакомиться съ вами.... Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ.

— На какой вопросъ?

— Какъ вы думаете, что̀ намъ надобно теперь дѣлать?

— Что̀ намъ дѣлать? возразилъ Рудинъ:—разумѣется, покориться.

— Покориться, медленно повторила Наталья, и губы ея поблѣднѣли.

— Покориться судьбѣ, продолжалъ Рудинъ.—Что̀ же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но посудите сами, Наталья Алексѣевна, я бѣденъ.... Правда, я могу работать; но еслибъ я былъ даже богатый человѣкъ, въ состояніи ли вы перенести насильственное расторженіе съ вашимъ семействомъ, гнѣвъ вашей матери?... Нѣтъ, Наталья Алексѣевна! объ этомъ и думать нечего. Видно, намъ не суждено было жить вмѣстѣ, и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня.

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и заплакала. Рудинъ приблизился къ ней.

— Наталья Алексѣевна! милая Наталья! заговорилъ онъ съ жаромъ: —не плачьте, ради Бога, не терзайте меня, утѣшьтесь....

Наталья подняла голову.

— Вы мнѣ говорите, чтобы я утѣшилась, начала она, и глаза ея заблестѣли сквозь слезы: — я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете.... Мнѣ не то больно: мнѣ больно то, что я въ васъ обманулась.... Какъ? я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту, и первое ваше слово: покориться.... Покориться! Такъ вотъ какъ вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, о жертвахъ, которыя....

Ея голосъ прервался.

— Но, Наталья Алексѣевна, началъ смущенный Рудинъ:— вспомните, я не отказываюсь отъ словъ моихъ; только....

— Вы спрашивали меня, продолжала она съ новой силой:— что̀ я отвѣтила моей матери, когда она объявила мнѣ, что скорѣе согласится на мою смерть, чѣмъ на бракъ мой съ вами: я ей

отвѣтила, что скорѣе я умру, чѣмъ выйду за другого замужъ.... А вы говорите: покориться! Стало быть, она была права: вы, точно, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, пошутили со мной....

— Клянусь вамъ, Наталья Алексѣевна.... увѣряю васъ.... твердилъ Рудинъ.... Но она его не слушала.

— Зачѣмъ же вы не остановили меня? зачѣмъ вы сами ... Или вы не разсчитывали на препятствія? Мнѣ стыдно говоритъ объ этомъ.... но вѣдь все уже кончено.

— Вамъ надо успокоиться, Наталья Алексѣевна, началъ было Рудинъ:—намъ надо вдвоемъ подумать, какія мѣры....

— Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи, перебила она: но, знаете ли, еслибъ вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: «я тебя люблю, но я жениться не могу: я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной» — знаете ли, что я бы пошла за вами, знаете ли, что я на все рѣшилась? Но, вѣрно, отъ слова до дѣла еще далеко, и вы теперь струсили точно такъ же, какъ струсили третьяго дня за обѣдомъ передъ Волынцевымъ!

Краска бросилась въ лицо Рудину. Неожиданная восторженность Натальи его поразила; но послѣднія слова ея уязвили его самолюбіе.

— Вы слишкомъ раздражены теперь, Наталья Алексѣевна, началъ онъ:—вы не можете понять, какъ вы жестоко оскорбляете меня. Я надѣюсь, что со временемъ вы отдадите мнѣ справедливость, вы поймете, чего мнѣ стоило отказаться отъ счастія, которое, какъ вы говорите сами, не налагало на меня никакихъ обязанностей. Ваше спокойствіе дороже мнѣ всего въ мірѣ, и я былъ бы человѣкомъ самымъ низкимъ, еслибъ рѣшился воспользоваться....

— Можетъ быть, можетъ быть, перебила Наталья:—можетъ быть, вы правы; я не знаю, что̀ говорю. Но я до сихъ поръ вамъ вѣрила, каждому вашему слову вѣрила.... Впередъ, пожалуйста, взвѣшивайте ваши слова, не произносите ихъ на вѣтеръ. Когда я вамъ сказала, что я люблю васъ, я знала, что̀ значитъ это слово: я на все была готова.... Теперь мнѣ остается благодарить васъ за урокъ и проститься.

— Остановитесь, ради Бога, Наталья Алексѣевна, умоляю васъ. Я не заслуживаю вашего презрѣнія, клянусь вамъ. Вой-

дите же и вы въ мое положеніе. Я отвѣчаю за васъ и за себя. Еслибъ я не любилъ васъ самой преданной любовью— да Боже мой! я бы тотчасъ самъ предложилъ вамъ бѣжать со мною.... рано или поздно, матушка ваша проститъ насъ.... и тогда.... Но прежде, чѣмъ думать о собственномъ счастьи.... Онъ остановился. Взоръ Натальи, прямо на него устремленный, смущалъ его.

— Вы стараетесь мнѣ доказать, что вы честный человѣкъ, Дмитрій Николаичъ, промолвила она:—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вы не въ состояніи дѣйствовать изъ разсчета; но развѣ въ этомъ я желала убѣдиться, развѣ для этого я пришла сюда....

— Я не ожидалъ, Наталья Алексѣевна....

— А! вотъ когда вы проговорились! Да, вы не ожидали всего этого—вы меня не знали. Не безпокойтесь.... вы не любите меня, а я никому не навязываюсь.

— Я васъ люблю! воскликнулъ Рудинъ.

Наталья выпрямилась.

— Можетъ быть; но какъ вы меня любите? Я помню всѣ ваши слова, Дмитрій Николаичъ. Помните, вы мнѣ говорили, безъ полнаго равенства нѣтъ любви.... Вы для меня слишкомъ высоки, вы не мнѣ чета.... Я подѣломъ наказана. Вамъ предстоятъ занятія, болѣе достойныя васъ. Я не забуду нынѣшняго дня.... Прощайте....

— Наталья Алексѣевна, вы уходите? Неужели мы такъ разстанемся?

Онъ протянулъ къ ней руки. Она остановилась. Его умоляющій голосъ, казалось, поколебалъ ее.

— Нѣтъ, промолвила она наконецъ: — я чувствую, что-то во мнѣ надломилось.... Я шла сюда, я говорила съ вами точно въ горячкѣ; надо опомниться. Этому не должно быть, вы сами сказали, этого не будетъ. Боже мой! когда я шла сюда, я мысленно прощалась съ моимъ домомъ, — и что же? кого я встрѣтила здѣсь? малодушнаго человѣка.... И почему вы знали, что я не въ состояніи буду перенести разлуку съ семействомъ? «Ваша матушка не согласна... Это ужасно!» Вотъ все, что я слышала отъ васъ. Вы ли это, вы ли это Рудинъ? Нѣтъ! прощайте.... Ахъ! если бы вы меня любили, я бы почувст-

вовала это теперь, въ это мгновенье.... Нѣтъ, нѣтъ, прощайте!...

Она быстро повернулась и побѣжала къ Машѣ, которая уже давно начала безпокоиться и дѣлать ей знаки.

— *Вы* трусите, а не я! крикнулъ Рудинъ вслѣдъ Натальѣ.

Но она уже не обращала на него вниманія и спѣшила черезъ поле домой.

Она благополучно возвратилась къ себѣ въ спальню; но только лишь переступила порогъ, силы ей измѣнили, и она безъ чувствъ упала на руки Машѣ.

А Рудинъ долго еще стоялъ на плотинѣ. Наконецъ, онъ встрепенулся, медленными шагами добрался до дорожки и тихо пошелъ по ней. Онъ былъ очень пристыженъ.... и огорченъ. «Какова?» думалъ онъ.... «Въ восемнадцать лѣтъ!... Нѣтъ, «я ея не зналъ.... Она замѣчательная дѣвушка. Какая сила «воли!.... Она права; она стоитъ не такой любви, какую я «къ ней чувствовалъ.... Чувствовалъ?...» спросилъ онъ самого себя. «Развѣ я уже больше не чувствую любви? Такъ вотъ «какъ это все должно было кончиться! Какъ я былъ жалокъ «и ничтоженъ передъ ней!»

Легкій стукъ бѣговыхъ дрожекъ заставилъ Рудина поднять глаза. Къ нему на встрѣчу, на неизмѣнномъ своемъ рысачкѣ, ѣхалъ Лежневъ. Рудинъ молча съ нимъ раскланялся, и какъ бы пораженный внезапной мыслью, свернулъ съ дороги и быстро пошелъ по направленію къ дому Дарьи Михайловны.

Лежневъ далъ ему отойти, посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ и, подумавъ немного, тоже поворотилъ назадъ свою лошадь—и поѣхалъ обратно къ Волынцеву, у котораго провелъ ночь. Онъ засталъ его спящимъ, не велѣлъ будить его и, въ ожиданіи утренняго чая, сѣлъ на балконъ и закурилъ трубку.

X.

Волынцевъ всталъ часу въ десятомъ и, узнавъ, что Лежневъ сидитъ у него на балконѣ, очень удивился и велѣлъ его попросить къ себѣ.

— Что случилось? спросилъ онъ его. Вѣдь ты хотѣлъ къ себѣ поѣхать.

— Да, хотѣлъ, да встрѣтилъ Рудина.... Одинъ, шагаетъ по полю, и лицо такое разстроенное. Я взялъ, да и вернулся.

— Ты вернулся оттого, что встрѣтилъ Рудина?

— То есть, правду сказать, я самъ не знаю, почему я вернулся—вѣроятно, потому, что о тебѣ вспомнилъ: хотѣлось съ тобой посидѣть, а къ себѣ я еще успѣю.

Волынцевъ горько усмѣхнулся.

— Да, о Рудинѣ нельзя теперь подумать, не подумавъ также и обо мнѣ.... Человѣкъ! крикнулъ онъ громко, — дай намъ чаю.

Пріятели начали пить чай. Лежневъ заговорилъ было о хозяйствѣ, о новомъ способѣ крыть амбары бумагой....

Вдругъ Волынцевъ вскочилъ съ креселъ и съ такой силой ударилъ по столу, что чашки и блюдечки зазвенѣли.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ:—я этого дольше выносить не въ силахъ! Я вызову этого умника, и пусть онъ меня застрѣлитъ, либо ужь я постараюсь влѣпить пулю въ его ученый лобъ.

— Что ты, что ты, помилуй! пробормоталъ Лежневъ: — какъ можно такъ кричать! я чубукъ уронилъ.... Что съ тобой?

— А то, что я слышать равнодушно имени его не могу: вся кровь у меня такъ и заходитъ.

— Полно, братъ, полно! какъ тебѣ не стыдно! возразилъ Лежневъ, поднимая съ полу трубку. Брось.—Ну, его....

— Онъ меня оскорбилъ, продолжалъ Волынцевъ, расхаживая по комнатѣ.... да! онъ оскорбилъ меня. Ты самъ долженъ съ этимъ согласиться. На первыхъ порахъ я не нашелся: онъ озадачилъ меня; да и кто могъ ожидать этого? Но я ему докажу, что шутить со мной нельзя.... Я его, проклятаго философа, какъ куропатку, застрѣлю.

— Много ты этимъ выиграешь, какже! Я ужь о сестрѣ твоей не говорю. Извѣстно, ты обуреваемъ страстью.... гдѣ тебѣ о сестрѣ думать, да въ отношеніи къ другой особѣ, что, ты думаешь, убивши философа, ты дѣла свои поправишь?

Волынцевъ бросился въ кресла.

— Такъ уѣду я куда нибудь! А то здѣсь тоска мнѣ просто сердце отдавила, просто мѣста нигдѣ найти не могу.

— Уѣдешь.... вотъ это другое дѣло! Вотъ съ этимъ я согласенъ. И знаешь ли, что́ я тебѣ предлагаю? Поѣдемъ-ка вмѣстѣ—на Кавказъ или такъ просто въ Малороссію, галушки ѣсть. Славное, братъ, дѣло!

— Да; а сестру-то съ кѣмъ оставишь?

— А почему же Александрѣ Павловнѣ не поѣхать съ нами? Ей-Богу, отлично выйдетъ. Ухаживать за ней, ужь за это я берусь: ни въ чемъ недостатка имѣть не будетъ; коли захочетъ, каждый вечеръ серенаду подъ окномъ устрою, ямщиковъ одеколономъ надушу, цвѣты по дорогамъ натыкаю. А ужь мы, братъ, съ тобой просто переродимся; такъ наслаждаться будемъ, брюханами такими назадъ пріѣдемъ, что никакая любовь насъ уже не пройметъ!

— Ты все шутишь, Миша!

— Вовсе не шучу. Это тебѣ блестящая мысль въ голову пришла.

— Нѣтъ! вздоръ! вскринулъ опять Волынцевъ:—я драться, драться съ нимъ хочу!...

— Опять! Экой ты, братъ, сегодня съ колеромъ!...

Человѣкъ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ.

— Отъ кого? спросилъ Лежневъ.

— Отъ Рудина, Дмитрія Николаевича. Ласунскихъ человѣкъ привезъ.

— Отъ Рудина? повторилъ Волынцевъ:—къ кому?

— Къ вамъ-съ.

— Ко мнѣ.... подай.

Волынцевъ схватилъ письмо, быстро распечаталъ его, сталъ читать. Лежневъ внимательно глядѣлъ на него: странное, почти радостное изумленіе изобразилось на лицѣ Волынцева: онъ опустилъ руки:

— Что́ такое? спросилъ Лежневъ.

— Прочти, проговорилъ Волынцевъ вполголоса и протянулъ ему письмо.

Лежневъ началъ читать. Вотъ что́ писалъ Рудинъ:

«Милостивый государь, Сергѣй Павловичъ!

«Я сегодня уѣзжаю изъ дома Дарьи Михайловны, и уѣз-

жаю навсегда. Это васъ, вѣроятно, удивитъ, особенно послѣ того, что̀ произошло вчера. Я не могу объяснить вамъ, что̀ именно заставляетъ меня поступить такъ; но мнѣ почему-то кажется, что я долженъ извѣстить васъ о моемъ отъѣздѣ. Вы меня не любите и даже считаете меня за дурного человѣка. Я не намѣренъ оправдываться: меня оправдаетъ время. По моему, и недостойно мужчины и безполезно доказывать предубѣжденному человѣку несправедливость его предубѣжденій. Кто захочетъ меня понять, тотъ извинитъ меня, а кто понять меня не хочетъ или не можетъ—обвиненія того меня не трогаютъ. Я ошибся въ васъ. Въ глазахъ моихъ вы по прежнему остаетесь благороднымъ и честнымъ человѣкомъ; но я полагалъ, что вы съумѣете стать выше той среды, въ которой развились.... Я ошибся. Что̀ дѣлать! Не въ первый и не въ послѣдній разъ. Повторяю вамъ: я уѣзжаю. Желаю вамъ счастія. Согласитесь, что это желаніе совершенно безкорыстно, и надѣюсь, что вы теперь будете счастливы. Можетъ быть, вы со временемъ измѣните свое мнѣніе обо мнѣ. Увидимся ли мы когда нибудь, не знаю, но, во всякомъ случаѣ, остаюсь искренно васъ уважающій

«Д. Р.»

«P. S. Должные мною вамъ двѣсти рублей я вышлю, какъ только пріѣду къ себѣ въ деревню, въ Т .... ую губернію. Также прошу васъ не говорить при Дарьѣ Михайловнѣ объ этомъ письмѣ.»

«P. S. S. Еще одна послѣдняя, но важная просьба: такъ какъ я теперь уѣзжаю, то, я надѣюсь, вы не будете упоминать передъ Натальей Алексѣевной о моемъ посѣщеніи у васъ....»

— Ну, что̀ ты скажешь? спросилъ Волынцевъ, какъ только Лежневъ окончилъ письмо.

— Что̀ тутъ сказать! возразилъ Лежневъ: — воскликнуть по восточному: «Аллахъ! Аллахъ!» и положить въ ротъ палецъ изумленія — вотъ все, что можно сдѣлать. Онъ уѣзжаетъ.... Ну! дорога скатертью. Но вотъ что̀ любопытно: вѣдь и это письмо онъ почелъ за *долгъ* написать, и являлся онъ къ тебѣ по чувству долга.... У этихъ господъ на каждомъ шагу долгъ, и все долгъ—да долги, прибавилъ Лежневъ, съ усмѣшкой указывая на post-scriptum.

— А каковы онъ фразы отпускаетъ! воскликнулъ Волын-

цевъ. Онъ ошибся во мнѣ: онъ ожидалъ, что я стану выше среды.... Что за ахинея, Господи! хуже стиховъ!

Лежневъ ничего не отвѣтилъ; одни глаза его улыбнулись.

Волынцевъ всталъ.

— Я хочу съѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ, промолвилъ онъ:— я хочу узнать, что все это значитъ....

— Погоди, братъ: дай ему убраться. Къ чему тебѣ опять съ нимъ сталкиваться? Вѣдь онъ изчезаетъ—чего тебѣ еще? Лучше поди-ка лягъ да усни, вѣдь ты, чай, всю ночь съ боку на бокъ проворочался. А теперь дѣла твои поправляются....

— Изъ чего ты это заключаешь?

— Да такъ, мнѣ кажется. Право, усни, а я пойду къ твоей сестрѣ—посижу съ ней.

— Я вовсе спать не хочу. Съ какой стати мнѣ спать!... Я лучше поѣду поля осмотрю, сказалъ Волынцевъ, одергивая полы пальто.

— И то добрѣ. Поѣзжай, братъ, поѣзжай, осмотри поля.... И Лежневъ отправился на половину Александры Павловны.

—

Онъ засталъ ее въ гостиной. Она ласково его привѣтствовала. Она всегда радовалась его приходу; но лицо ея осталось печально. Ее безпокоило вчерашнее посѣщеніе Рудина.

— Вы отъ брата? спросила она Лежнева: — каковъ онъ сегодня?

— Ничего, поѣхалъ поля осматривать.

Александра Павловна помолчала.

— Скажите, пожалуйста, начала она, внимательно разсматривая кайму носоваго платка:—вы не знаете, зачѣмъ....

— Пріѣзжалъ Рудинъ? подхватилъ Лежневъ. — Знаю: онъ пріѣзжалъ проститься.

Александра Павловна подняла голову.

— Какъ—проститься?

— Да. Развѣ вы не слыхали? Онъ уѣзжаетъ отъ Дарьи Михайловны.

— Уѣзжаетъ?

— Навсегда; по-крайней-мѣрѣ, онъ такъ говоритъ.

— Да помилуйте, какже это понять, послѣ всего того....

— А это другое дѣло! Понять этого нельзя, но оно такъ. Должно быть, что нибудь тамъ у нихъ произошло. Струну слишкомъ натянулъ—она и лопнула.

— Михайло Михайлычъ! начала Александра Павловна: я ничего не понимаю, вы, мнѣ кажется, смѣетесь надо мной....

— Да ей-Богу же нѣтъ.... Говорятъ вамъ, онъ уѣзжаетъ и даже письменно извѣщаетъ объ этомъ своихъ знакомыхъ. Оно, если хотите, съ нѣкоторой точки зрѣнія, недурно; но отъѣздъ его помѣшалъ осуществиться одному удивительнѣйшему предпріятію, о которомъ мы начали было толковать съ вашимъ братомъ.

— Что такое? какое предпріятіе?

— А вотъ какое. Я предлагалъ вашему брату поѣхать для развлеченія путешествовать и взять васъ съ собой. Ухаживать, собственно за вами, брался я....

— Вотъ прекрасно! воскликнула Александра Павловна:—воображаю себѣ, какъ бы вы за мною ухаживали. Да вы бы меня съ голоду уморили.

— Вы это потому такъ говорите, Александра Павловна, что не знаете меня. Вы думаете, что я чурбанъ, чурбанъ совершенный, деревяшка какая–то; а извѣстно ли вамъ, что я способенъ таять, какъ сахаръ, дни простаивать на колѣняхъ?

— Вотъ это бы я, признаюсь, посмотрѣла!

Лежневъ вдругъ поднялся.

— Да выйдьте за меня замужъ, Александра Павловна, вы все это и увидите.

Александра Павловна покраснѣла до ушей.

— Что вы это такое сказали, Михайло Михайлычъ? повторила она съ смущеніемъ.

— А то я сказалъ, отвѣтилъ Лежневъ: — что уже давнымъ–давно и тысячу разъ у меня на языкѣ было. Я проговорился наконецъ, и вы можете поступить, какъ знаете. А чтобы не стѣснять васъ, я теперь выйду. Если вы хотите быть моей женою.... Удаляюсь. Если вамъ не противно, вы только велите меня позвать: я уже пойму....

Александра Павловна хотѣла было удержать Лежнева, но

онъ проворно ушелъ, безъ шапки отправился въ садъ, оперся на калитку и началъ глядѣть куда-то.

— Михайло Михайлычъ! раздался за нимъ голосъ горничной:—пожалуйте къ барынѣ. Онѣ васъ велѣли позвать.

Михайло Михайлычъ обернулся, взялъ горничную, къ великому ея изумленію, обѣими руками за голову, поцаловалъ ее въ лобъ и пошелъ къ Александрѣ Павловнѣ.

XI.

Вернувшись домой, тотчасъ послѣ встрѣчи съ Лежневымъ, Рудинъ заперся въ своей комнатѣ и написалъ два письма: одно—къ Волынцеву (оно уже извѣстно читателямъ) и другое — къ Натальѣ. Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ вторымъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустію на лицѣ, прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступила на его рѣсницы... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть. Человѣкъ скоро вернулся и доложилъ, что Дарья Михайловна приказала его просить. Рудинъ пошелъ къ ней.

Она приняла его въ кабинетѣ, какъ въ первый разъ, два мѣсяца тому назадъ. Но теперь она не была одна: у ней сидѣлъ Пандалевскій, скромный, свѣжій, чистый и умиленный, какъ всегда.

Дарья Михайловна любезно встрѣтила Рудина, и Рудинъ любезно ей поклонился, но, при первомъ взглядѣ на улыбавшіяся лица обоихъ, всякій хотя нѣсколько опытный человѣкъ понялъ бы, что между ними, если и не высказалось, то произошло что-то неладное. Рудинъ зналъ, что Дарья Михайловна на него сердится. Дарья Михайловна подозрѣвала, что ему уже все извѣстно.

Донесеніе Пандалевскаго очень ее разстроило. Свѣтская

спѣсь въ ней зашевелилась. Рудинъ, бѣдный, нечиновный и пока неизвѣстный человѣкъ, дерзалъ назначать свиданія ея дочери—дочери Дарьи Михайловны Ласунской!!

— Положимъ, онъ уменъ, онъ геній! говорила она: — да что же это доказываетъ? Послѣ этого всякій можетъ надѣяться быть моимъ зятемъ?

— Я долго глазамъ своимъ не вѣрилъ, подхватилъ Пандалевскій.—Какъ это не знать своего мѣста, удивляюсь!

Дарья Михайловна очень волновалась, и Натальѣ досталось отъ нея.

Она попросила Рудина сѣсть. Онъ сѣлъ, но уже не какъ прежній Рудинъ, почти хозяинъ въ домѣ, даже не какъ хорошій знакомый, а какъ гость, и не какъ близкій гость. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе.... Такъ вода внезапно превращается въ твердый ледъ.

— Я пришелъ къ вамъ, Дарья Михайловна, началъ Рудинъ: — поблагодарить васъ за ваше гостепріимство. Я получилъ сегодня извѣстіе изъ моей деревеньки и долженъ непремѣнно сегодня же ѣхать туда.

Дарья Михайловна пристально посмотрѣла на Рудина.

«Онъ предупредилъ меня, должно быть, догадывается», подумала она. «Онъ избавляетъ меня отъ тягостнаго объясненія, тѣмъ лучше. Да здравствуютъ умные люди!»

— Неужели? промолвила она громко.—Ахъ, какъ это непріятно! Ну, что дѣлать! Надѣюсь увидѣть васъ нынѣшней зимой въ Москвѣ. Мы сами скоро отсюда ѣдемъ.

— Я не знаю, Дарья Михайловна, удастся ли мнѣ быть въ Москвѣ; но если соберусь со средствами, за долгъ почту явиться къ вамъ.

«Ага, братъ!» подумалъ въ свою очередь Пандалевскій: «давно ли ты здѣсь распоряжался бариномъ, а теперь вотъ какъ пришлось выражаться!»

— Вы, стало-быть, неудовлетворительныя извѣстія изъ вашей деревни получили? произнесъ онъ съ обычной разстановкой.

— Да, сухо возразилъ Рудинъ.

— Неурожай, можетъ быть?

— Нѣтъ.... другое.... Повѣрьте, Дарья Михайловна, при-

бавилъ Рудинъ: — я никогда не забуду времени, проведеннаго мною въ вашемъ домѣ.

— И я, Дмитрій Николаичъ, всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать наше знакомство съ вами.... Когда вы ѣдете?

— Сегодня послѣ обѣда.

— Такъ скоро!... Ну, желаю вамъ счастливаго пути. Впрочемъ, если ваши дѣла не задержатъ васъ, можетъ быть, вы еще насъ застанете здѣсь.

— Я едва ли успѣю, возразилъ Рудинъ и всталъ.—Извините меня, прибавилъ онъ: — я не могу тотчасъ выплатить вамъ мой долгъ, но какъ только пріѣду въ деревню....

— Полноте, Дмитрій Николаичъ! перебила его Дарья Михайловна: — какъ вамъ не стыдно!... Но который-то часъ? спросила она.

Пандалевскій досталъ изъ кармана жилета золотые часики съ эмалью и посмотрѣлъ на нихъ, осторожно налегая розовой щекой на твердый и бѣлый воротничекъ.

— Два часа и тридцать-три минуты, промолвилъ онъ.

— Пора одѣваться, замѣтила Дарья Михайловна.—До свиданья, Дмитрій Николаичъ!

Рудинъ всталъ. Весь разговоръ между нимъ и Дарьей Михайловной носилъ особый отпечатокъ. Актеры такъ репетируютъ свои роли, дипломаты такъ на конференціяхъ мѣняются заранѣе условленными фразами....

Рудинъ вышелъ. Онъ теперь зналъ по опыту, какъ свѣтскіе люди даже не бросаютъ, а просто роняютъ человѣка, ставшаго имъ ненужнымъ: какъ перчатку послѣ бала, какъ бумажку съ конфетки, какъ невыигравшій билетъ лотереи-томболы.

Онъ наскоро уложился и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать мгновенія отъѣзда. Всѣ въ домѣ очень удивились, узнавъ объ его намѣреніи; даже люди глядѣли на него съ недоумѣніемъ. Басистовъ не скрывалъ своей горести. Наталья явно избѣгала Рудина. Она старалась даже не встрѣчаться съ нимъ взорами; однако онъ успѣлъ всунуть ей въ руку свое письмо. За обѣдомъ Дарья Михайловна еще разъ повторила, что надѣется увидѣть его передъ отъѣздомъ въ Москву, но Рудинъ ничего не отвѣчалъ ей. Пандалевскій чаще всѣхъ съ нимъ заговари-

валъ. Рудина не разъ подмывало броситься на него и поколотить его цвѣтущее и румяное лицо. М-lle Boncourt частенько посматривала на Рудина, съ лукавымъ и страннымъ выраженіемъ въ глазахъ: у старыхъ, очень умныхъ лягавыхъ собакъ можно иногда замѣтить такое выраженіе.... «Эге!» казалось, говорила она про себя:—«вотъ какъ тебя!»

Наконецъ пробило шесть часовъ и подали тарантасъ Рудина. Онъ сталъ торопливо прощаться со всѣми. На душѣ у него было очень скверно. Не ожидалъ онъ, что такъ выѣдетъ изъ этого дома: его какъ будто выгоняли.... «Какъ это все сдѣлалось! и къ чему было спѣшить? А впрочемъ, одинъ конецъ» — вотъ что думалъ онъ, раскланиваясь на всѣ стороны съ принужденной улыбкой. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на Наталью, и сердце его шевельнулось: глаза ея были устремлены на него съ печальнымъ, прощальнымъ упрекомъ....

Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ въ тарантасъ. Басистовъ вызвался проводить его до первой станціи и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Помните ли вы, началъ Рудинъ, какъ только тарантасъ выѣхалъ со двора на широкую дорогу, обсаженную елками: — помните вы, что говоритъ донъ-Кихотъ своему оруженосцу, когда выѣзжаетъ изъ дворца герцогини? «Свобода — говоритъ онъ—другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній человѣка, и счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно быть за него обязаннымъ другому!» Что донъ-Кихотъ чувствовалъ тогда, я чувствую теперь.... Дай Богъ и вамъ, добрый мой Басистовъ, испытать когда нибудь это чувство!

Басистовъ стиснулъ руку Рудину, и сердце честнаго юноши забилось сильно въ его растроганной груди. До самой станціи говорилъ Рудинъ о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы,—говорилъ горячо, благородно и правдиво — и когда наступило мгновеніе разлуки, Басистовъ не выдержалъ, бросился ему на шею и зарыдалъ. У самого Рудина полились слезы; но онъ не плакалъ о томъ, что разставался съ Басистовымъ, и слезы его были самолюбивыя слезы.

—

Наталья ушла къ себѣ и прочла письмо Рудина.

«Любезная Наталья Алексѣевна—писалъ онъ ей—я рѣшился уѣхать. Мнѣ другаго выхода нѣтъ. Я рѣшился уѣхать, пока мнѣ не сказали ясно, чтобы я удалился. Отъѣздомъ моимъ прекращаются всѣ недоразумѣнія; а сожалѣть обо мнѣ едва ли кто-нибудь будетъ. Чего же ждать?... Все такъ; но для чего же писать къ вамъ?

«Я разстаюсь съ вами, вѣроятно, навсегда, и оставить вамъ о себѣ память еще хуже той, которую я заслуживаю, было бы слишкомъ горько. Вотъ для чего я пишу къ вамъ. Я не хочу ни оправдываться, ни обвинять кого бы то ни было, кромѣ самого себя; я хочу, по мѣрѣ возможности, объясниться.... Происшествія послѣднихъ дней были такъ неожиданны, такъ внезапны....

«Сегодняшнее свиданіе послужитъ мнѣ памятнымъ урокомъ. Да, вы правы: я васъ не зналъ, а я думалъ, что зналъ васъ! Втеченіи моей жизни я имѣлъ дѣло съ людьми всякаго рода, я сближался со многими женщинами и дѣвушками; но, встрѣтясь съ вами, я въ первый разъ встрѣтился съ душой *совершенно* честной и прямой. Мнѣ это было не въ привычку, и я не съумѣлъ оцѣнить васъ. Я почувствовалъ влеченіе къ вамъ съ перваго дня нашего знакомства — вы это могли замѣтить. Я проводилъ съ вами часы за часами, и я не узналъ васъ; я едва ли даже старался узнать васъ.... и я могъ вообразить, что полюбилъ васъ!! За этотъ грѣхъ я теперь наказанъ.

«Я и прежде любилъ одну женщину, и она меня любила... Чувство мое къ ней было сложно, какъ и ея ко мнѣ; но, такъ какъ она сама не была проста, оно и пришлось кстати. Истина мнѣ тогда не сказалась: я не узналъ ея и теперь, когда она предстала передо мною.... Я ее узналъ наконецъ, да слишкомъ поздно.... Прошедшаго не воротишь.... Наши жизни могли бы слиться—и не сольются никогда. Какъ доказать вамъ, что я могъ бы полюбить васъ настоящей любовью — любовью сердца, не воображенія—когда я самъ не знаю, способенъ ли я на такую любовь!

«Мнѣ природа дала много—я это знаю и изъ ложнаго стыда не стану скромничать передъ вами, особенно теперь, въ такія горькія, въ такія постыдныя для меня мгновенія.... Да, при-

рода мнѣ много дала ; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ , не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ. Мнѣ не достаетъ.... я самъ не могу сказать , чего именно не достаетъ мнѣ.... мнѣ не достаетъ, вѣроятно, того, безъ чего также нельзя двигать сердцами людей , какъ и овладѣть женскимъ сердцемъ; а господство надъ одними умами и непрочно и безполезно. Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, съ жадностью, вполнѣ—и не могу отдаться. Я кончу тѣмъ , что пожертвую собой за какой–нибудь вздоръ , въ который даже вѣрить не буду.... Боже мой! въ тридцать-пять лѣтъ все еще собираться что-нибудь сдѣлать !...

«Я еще ни передъ кѣмъ такъ не высказывался — это моя исповѣдь.

«Но довольно обо мнѣ. Мнѣ хочется говорить о васъ, дать вамъ нѣсколько совѣтовъ: больше я ни на что не годенъ.... Вы еще молоды; но, сколько бы вы ни жили, слѣдуйте всегда внушеніямъ вашего сердца , не подчиняйтесь ни своему, ни чужому уму. Повѣрьте, чѣмъ проще, чѣмъ тѣснѣе кругъ, по которому пробѣгаетъ жизнь , тѣмъ лучше ; не въ томъ дѣло, чтобы отыскивать въ ней новыя стороны , но въ томъ, чтобы всѣ переходы ея совершались своевременно. «Блаженъ , кто съ молоду былъ молодъ».... Но я замѣчаю , что эти совѣты относятся гораздо болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ вамъ.

«Признаюсь вамъ, Наталья Алексѣевна, мнѣ очень тяжело. Я никогда не обманывалъ себя въ свойствѣ того чувства, которое я внушалъ Дарьѣ Михайловнѣ ; но я надѣялся, что нашелъ хотя временную пристань ,—теперь опять придется мыкаться по свѣту. Что мнѣ замѣнитъ вашъ разговоръ , ваше присутствіе, вашъ внимательный и умный взглядъ?... Я самъ виноватъ ; но согласитесь , что судьба какъ бы нарочно подсмѣялась надъ нами. Недѣлю тому назадъ я самъ едва догадывался, что люблю васъ. Третьяго–дня , вечеромъ, въ саду, я въ первый разъ услыхалъ отъ васъ.... но къ чему напоминать вамъ то, что вы тогда сказали — и вотъ уже я уѣзжаю сегодня, уѣзжаю съ позоромъ, послѣ жестокаго объясненія съ вами , не унося съ собой никакой надежды.... И вы еще

не знаете, до какой степени я виноватъ передъ вами.... Во мнѣ есть какая-то глупая откровенность, какая–то болтливость.... Но къ чему говорить объ этомъ! я уѣзжаю навсегда.»

(Здѣсь Рудинъ разсказалъ было Натальѣ свое посѣщеніе у Волынцева, но подумалъ и вымаралъ все это мѣсто, а въ письмѣ къ Волынцеву прибавилъ второй post-scriptum.)

«Я остаюсь одинокъ на землѣ для того, чтобы предаться, какъ вы сказали мнѣ сегодня поутру, съ жестокой усмѣшкой, другимъ, болѣе свойственнымъ мнѣ занятіямъ. Увы! еслибъ я могъ, дѣйствительно, предаться этимъ занятіямъ, побѣдить наконецъ свою лѣнь.... Но нѣтъ! я останусь тѣмъ же неконченнымъ существомъ, какимъ былъ до сихъ поръ.... Первое препятствіе—и я весь разсыпался: происшествіе съ вами мнѣ это доказало. Еслибъ я, по–крайней–мѣрѣ, принесъ мою любовь въ жертву моему будущему дѣлу, моему призванію; но я просто испугался отвѣтственности, которая на меня падала, и потому я точно не достоинъ васъ. Я не стою того, чтобы вы для меня отторглись отъ вашей сферы.... А впрочемъ, все это, можетъ быть, къ лучшему. Изъ этого испытанія я, можетъ быть, выйду чище и сильнѣй.

«Желаю вамъ полнаго счастія. Прощайте! Иногда вспоминайте обо мнѣ. Надѣюсь, что вы еще услышите обо мнѣ.

«Рудинъ.»

Наталья опустила письмо Рудина къ себѣ на колѣни и долго сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на полъ. Письмо это, яснѣе всѣхъ возможныхъ доводовъ, доказало ей, какъ она была права, когда поутру, разставаясь съ Рудинымъ, она невольно воскликнула, что онъ ее не любитъ! Но отъ этого ей не было легче. Она сидѣла не шевелясь; ей казалось, что какія–то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ ея головой и она шла ко дну, застывая и нѣмѣя. Всякому тяжело первое разочарованіе; но для души искренней, не желавшей обманывать себя, чуждой легкомыслія и преувеличенія, оно почти нестерпимо. Вспомнила Наталья свое дѣтство, когда, бывало, гуляя вечеромъ, она всегда старалась идти по направленію къ свѣтлому краю неба, тамъ, гдѣ заря горѣла, а не къ темному. Темно стояла теперь жизнь передъ нею, и спиной она обратилась къ свѣту....

Слезы навернулись на глазахъ Натальи. Не всегда благотворны бываютъ слезы. Отрадны и цѣлебны онѣ, когда, долго накипѣвъ въ груди, потекутъ онѣ наконецъ—сперва съ усиліемъ, потомъ все легче, все слаще; нѣмое томленіе тоски разрѣшается ими.... Но есть слезы холодныя, скупо льющіяся слезы: ихъ по каплѣ выдавливаетъ изъ сердца тяжелымъ и недвижнымъ бременемъ налегшее на него горе; онѣ безотрадны и не приносятъ облегченія. Нужда плачетъ такими слезами, и тотъ еще не былъ несчастливъ, кто не проливалъ ихъ. Наталья узнала ихъ въ этотъ день.

Прошло часа два. Наталья собралась съ духомъ, встала, отерла глаза, засвѣтила свѣчку, сожгла на ея пламени письмо Рудина до конца и пепелъ выкинула за окно. Потомъ она раскрыла наудачу Пушкина и прочла первыя попавшіяся ей строки (она часто загадывала такъ по немъ). Вотъ что̀ ей вышло:

. . . . . .
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней....
Тому ужь нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ....

Она постояла, посмотрѣла съ холодной улыбкой на себя въ зеркало и, сдѣлавъ небольшое движеніе головою сверху внизъ, сошла въ гостиную.

Дарья Михайловна, какъ только ее увидѣла, повела ее въ кабинетъ, посадила подлѣ себя, ласково потрепала по щекѣ, а между тѣмъ, внимательно, почти съ любопытствомъ, заглядывала ей въ глаза. Дарья Михайловна чувствовала тайное недоумѣніе: въ первый разъ ей пришло въ голову, что она дочь свою въ сущности не знаетъ. Услышавъ отъ Пандалевскаго объ ея свиданіи съ Рудинымъ, она не столько разсердилась, сколько удивилась тому, какъ могла благоразумная Наталья рѣшиться на такой поступокъ. Но когда она ее призвала къ себѣ и принялась бранить ее—вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало ожидать отъ европейской женщины, а довольно крикливо и неизящно—твердые отвѣты Натальи, рѣшимость ея взоровъ и движеній смутили, даже испугали Дарью Михайловну. Вне-

запный, тоже не совсѣмъ понятный отъѣздъ Рудина снялъ большую тяжесть съ ея сердца; но она ожидала слезъ, истерическихъ припадковъ.... Наружное спокойствіе Натальи опять ее сбило съ толку.

— Ну, что, дитя, начала Дарья Михайловна: — какъ ты сегодня?

Наталья посмотрѣла на мать свою.

— Вѣдь онъ уѣхалъ.... твой предметъ. Ты не знаешь, отчего онъ такъ скоро собрался?

— Маменька! заговорила Наталья тихимъ голосомъ: — даю вамъ слово, что если вы сами не будете упоминать о немъ, отъ меня вы никогда ничего не услышите.

— Стало-быть, ты сознаешься, что была виновата передо мною?

Наталья опустила голову и повторила:

— Вы отъ меня никогда ничего не услышите.

— Ну, смотри же! возразила съ улыбкой Дарья Михайловна.—Я тебѣ вѣрю. А третьяго-дня помнишь ли ты, какъ... Ну, не буду. Кончено, рѣшено и похоронено. Не правда ли? Вотъ я опять тебя узнаю; а то я совсѣмъ было втупикъ пришла. Ну, поцалуй же меня, моя умница!...

Наталья поднесла руку Дарьи Михайловны къ своимъ губамъ, а Дарья Михайловна поцаловала ее въ наклоненную голову.

— Слушайся всегда моихъ совѣтовъ, не забывай, что ты Ласунская и моя дочь, прибавила она:—и будешь счастлива. А теперь ступай.

Наталья вышла молча. Дарья Михайловна поглядѣла ей вслѣдъ и подумала: «она въ меня—тоже будетъ увлекаться: mais elle aura moins d'abandon». И Дарья Михайловна погрузилась въ воспоминанія о прошедшемъ.... о давно прошедшемъ....

Потомъ она велѣла кликнуть m-lle Boncourt и долго сидѣла съ ней, запершись вдвоемъ. Отпустивъ ее, она позвала Пандалевскаго. Ей непремѣнно хотѣлось узнать настоящую причину отъѣзда Рудина.... но Пандалевскій ее успокоилъ совершенно. Это было по его части.

—

На другой день Волынцевъ съ сестрою пріѣхалъ къ обѣду. Дарья Михайловна была всегда очень любезна съ нимъ , а на этотъ разъ она особенно ласково съ нимъ обращалась. Натальѣ было невыносимо тяжело; но Волынцевъ такъ былъ почтителенъ, такъ робко съ ней заговаривалъ, что она въ душѣ не могла не поблагодарить его.

День прошелъ тихо, довольно скучно, но всѣ, разъѣзжаясь, почувствовали , что попали въ прежнюю колею ; а это много значитъ, очень много.

Да, всѣ попали въ прежнюю колею.... всѣ, кромѣ Натальи. Оставшись наконецъ одна, она съ трудомъ дотащилась до своей кровати и, усталая, разбитая , упала лицомъ на подушки. Ей такъ горько, и противно, и пошло казалось жить, такъ стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали , что въ это мгновеніе она бы , вѣроятно , согласилась умереть.... Много еще предстояло ей тяжелыхъ дней , ночей безсонныхъ , томительныхъ волненій; но она была молода — жизнь только что начиналась для нея, а жизнь рано или поздно свое возьметъ. Какой бы ударъ ни поразилъ человѣка, онъ въ тотъ же день, много на другой—извините за грубость выраженія—поѣстъ, и вотъ вамъ уже первое утѣшеніе....

Наталья страдала мучительно; она страдала впервые.... Но первыя страданія, какъ первая любовь, не повторяются, — и слава Богу!

XII.

Минуло около двухъ лѣтъ. Настали первые дни мая. На балконѣ своего дома сидѣла Александра Павловна , но уже не Липина , а Лежнева ; она болѣе году какъ вышла замужъ за Михайла Михайловича. Она, по прежнему, была мила , только пополнѣла въ послѣднее время. Передъ балкономъ , отъ котораго въ садъ вели ступени, расхаживала кормилица, съ краснощекимъ ребенкомъ на рукахъ, въ бѣлой шинелькѣ и съ бѣлымъ помпономъ на шляпѣ. Александра Павловна то-и-дѣло взглядывала на него. Ребенокъ не пищалъ, съ важностью сосалъ свой палецъ и спокойно посматривалъ кругомъ. Достойный сынъ Михайла Михайлыча уже сказывался въ немъ.

Возлѣ Александры Павловны сидѣлъ на балконѣ старый нашъ знакомецъ, Пигасовъ. Онъ замѣтно посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, сгорбился, похудѣлъ и шипѣлъ, когда говорилъ: одинъ передній зубъ у него вывалился; шипѣніе придавало еще болѣе ядовитости его рѣчамъ.... Озлобленіе не уменьшалось въ немъ съ годами, но остроты его притуплялись, и онъ чаще прежняго повторялся. Михайла Михайлыча не было дома; его ждали къ чаю. Солнце уже сѣло. Тамъ, гдѣ оно закатилось, полоса блѣдно-золотаго, лимоннаго цвѣта тянулась вдоль небосклона; на противоположной сторонѣ ихъ было двѣ: одна, пониже, голубая, другая, выше, красно-лиловая. Легкія тучки таяли въ вышинѣ. Все обѣщало постоянную погоду.

Вдругъ Пигасовъ засмѣялся.

— Чему вы, Африканъ Семенычъ! спросила Александра Павловна.

— Да такъ.... Вчера, слышу я, одинъ мужикъ говоритъ женѣ—а она, этакъ, разболталась—не скрыпи!... Очень это мнѣ понравилось. Не скрыпи! Да и въ самомъ дѣлѣ, о чемъ можетъ разсуждать женщина? Я, вы знаете, никогда не говорю о присутствующихъ. Наши старики умнѣе насъ были. У нихъ въ сказкахъ красавица сидитъ подъ окномъ, во лбу звѣзда, а сама ни гугу. Вотъ это какъ слѣдуетъ. А то, посудите сами: третьяго-дня наша предводительша какъ изъ пистолета мнѣ въ лобъ выстрѣлила, говоритъ мнѣ, что ей не нравится моя *тенденція!* Тенденція! Ну, не лучше ли было и для нея и для всѣхъ, еслибъ какимъ-нибудь благодѣтельнымъ распоряженіемъ природы она лишалась вдругъ употребленія языка?

— А вы все такой же, Африканъ Семенычъ: все нападаете на насъ, бѣдныхъ.... Знаете ли, вѣдь это, въ своемъ родѣ, несчастье, право. Я о васъ сожалѣю.

— Несчастье? Что вы это изволите говорить! Во-первыхъ, по моему, на свѣтѣ только три несчастья и есть: жить зимой въ холодной квартирѣ, лѣтомъ носить узкіе сапоги, да ночевать въ комнатѣ, гдѣ пищитъ ребенокъ, котораго нельзя посыпать персидскимъ порошкомъ; а во-вторыхъ, помилуйте, я самый смирный сталъ теперь человѣкъ. Хоть прòписи съ меня пиши! Вотъ какъ я нравственно веду себя!

— Хорошо вы ведете себя, нечего сказать! Не дальше, какъ вчера, Елена Антоновна мнѣ на васъ жаловалась.

— Вотъ какъ-съ? А что она вамъ такое говорила, позвольте узнать.

— Она говорила мнѣ, что вы, втеченіи цѣлаго утра, на всѣ ея вопросы только и отвѣчали, что «чего-съ? чего-съ?» да еще такимъ пискливымъ голоскомъ....

Пигасовъ засмѣялся.

— А вѣдь хорошая это была мысль, согласитесь, Александра Павловна.... а?

— Удивительная! Развѣ можно быть этакъ съ женщиной невѣжливымъ, Африканъ Семенычъ?

— Какъ? Елена Антоновна, по вашему, женщина?

— Что же она, по вашему?

— Барабанъ, помилуйте, обыкновенный барабанъ, вотъ по которому бьютъ палками....

— Ахъ, да! перебила Александра Павловна, желая перемѣнить разговоръ:—васъ, говорятъ, поздравить можно?

— Съ чѣмъ?

— Съ окончаніемъ тяжбы. Глиновскіе луга остались за вами....

— Да, за мною, мрачно возразилъ Пигасовъ.

— Вы столько лѣтъ этого добивались, а теперь словно недовольны?

— Доложу вамъ, Александра Павловна, медленно промолвилъ Пигасовъ: — ничего не можетъ быть хуже и обиднѣе слишкомъ поздно пришедшаго счастія. Удовольствія оно все-таки вамъ доставить не можетъ, а зато лишаетъ васъ права, драгоцѣннѣйшаго права—браниться и проклинать судьбу. Да, сударыня, горькая и обидная штука — позднее счастіе.

Александра Павловна только плечами пожала.

— Нянюшка, начала она:—я думаю, Мишѣ пора спать лечь. Подай его сюда.

И Александра Павловна занялась своимъ сыномъ, а Пигасовъ отошелъ, ворча, на другой уголъ балкона.

Вдругъ не вдалекѣ, по дорогѣ, идущей вдоль сада, показался Михайло Михайлычъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ. Передъ лошадью его бѣжали двѣ огромныя дворныя собаки: одна

желтая, другая сѣрая ; онъ недавно завелъ ихъ. Онѣ безпрестанно грызлись и жили въ неразлучной дружбѣ. Имъ навстрѣчу вышла изъ воротъ старая шавка, раскрыла ротъ, какъ бы собираясь залаять, а кончила тѣмъ, что зѣвнула и отправилась назадъ, дружелюбно повиливая хвостомъ.

— Глядь-ка, Саша, закричалъ Лежневъ издали своей женѣ: кого я къ тебѣ везу....

Александра Павловна не съ разу узнала человѣка , сидѣвшаго за спиной ея мужа.

— А! г. Басистовъ! воскликнула она наконецъ.

— Онъ, онъ ! отвѣчалъ Лежневъ:—и какія славныя вѣсти привезъ. Вотъ, погоди, сейчасъ узнаешь.

И онъ взъѣхалъ на дворъ.

Нѣсколько мгновеній спустя , онъ съ Басистовымъ явился на балконѣ.

— Ура! воскликнулъ онъ и обнялъ жену. — Сережа женится!

— На комъ? съ волненіемъ спросила Александра Павловна.

— Разумѣется , на Натальѣ.... Вотъ пріятель привезъ это извѣстіе изъ Москвы , и письмо къ тебѣ есть.... Слышишь, Мишукъ? прибавилъ онъ , схвативъ сына на руки:—дядя твой женится !... Экая флегма злодѣйская ! и тутъ только глазами хлопаетъ!

— Онѣ спать хотятъ, замѣтила няня.

— Да-съ , промолвилъ Басистовъ , подойдя къ Александрѣ Павловнѣ: — я сегодня пріѣхалъ изъ Москвы , по порученію Дарьи Михайловны — счеты по имѣнію ревизовать. А вотъ и письмо.

Александра Павловна поспѣшно распечатала письмо своего брата. Оно состояло въ нѣсколькихъ строкахъ. Въ первомъ порывѣ радости, онъ увѣдомлялъ сестру, что сдѣлалъ предложенье Натальѣ , получилъ ея согласіе и согласіе Дарьи Михайловны, обѣщался больше написать съ первой почтой и заочно всѣхъ обнималъ и цаловалъ. Видно было, что онъ писалъ въ какомъ-то чаду.

Подали чай, усадили Басистова. Разспросы посыпались на него градомъ. Всѣхъ , даже Пигасова , обрадовало извѣстіе , привезенное имъ.

— Скажите, пожалуйста, сказалъ, между прочимъ, Лежневъ:—до насъ доходили слухи о какомъ-то господинѣ Карчагинѣ. Стало быть, это было вздоръ?

(Карчагинъ былъ красивый молодой человѣкъ—свѣтскій левъ, чрезвычайно надутый и важный; онъ держался необыкновенно величественно, точно онъ былъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпискѣ.)

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ вздоръ, съ улыбкою возразилъ Басистовъ.—Дарья Михайловна очень къ нему благоволила; но Наталья Алексѣевна и слышать о немъ не хотѣла.

— Да вѣдь я его знаю, подхватилъ Пигасовъ: — вѣдь онъ махровый болванъ, съ трескомъ болванъ..... помилуйте! Вѣдь еслибъ всѣ люди были на него похожи, надо бы большія деньги брать, чтобы согласиться жить.... помилуйте!

— Можетъ быть, возразилъ Басистовъ:—а въ свѣтѣ онъ играетъ роль не изъ послѣднихъ.

— Ну, все равно! воскликнула Александра Павловна:—Богъ съ нимъ! Ахъ, какъ я рада за брата!... И Наталья весела, счастлива?

— Да—съ.—Она спокойна, какъ всегда—вы вѣдь ее знаете—но, кажется, довольна.

Вечеръ прошелъ въ пріятныхъ и оживленныхъ разговорахъ. Сѣли за ужинъ.

— Да, кстати, спросилъ Лежневъ у Басистова, наливая ему лафиту:—вы знаете, гдѣ Рудинъ?

— Теперь навѣрное не знаю. Онъ пріѣзжалъ прошлой зимой въ Москву на короткое время, потомъ отправился съ однимъ семействомъ въ Симбирскъ; мы съ нимъ нѣкоторое время переписывались: въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ извѣщалъ меня, что уѣзжаетъ изъ Симбирска—не сказалъ куда—и вотъ съ тѣхъ поръ я ничего о немъ не слышу.

— Не пропадетъ! подхватилъ Пигасовъ:—гдѣ нибудь сидитъ да проповѣдуетъ. Этотъ господинъ всегда найдетъ себѣ двухъ или трехъ поклонниковъ, которые будутъ его слушать, разиня ротъ, и давать ему въ займы деньги. Посмотрите, онъ кончитъ тѣмъ, что умретъ гдѣ нибудь въ Царевококшайскѣ или въ Чухломѣ—на рукахъ престарѣлой дѣвы въ парикѣ, которая будетъ думать о немъ, какъ о геніальнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ....

— Вы очень рѣзко о немъ отзываетесь! замѣтилъ вполголоса и съ неудовольствіемъ Басистовъ.

— Ничуть не рѣзко! возразилъ Пигасовъ: — а совершенно справедливо. По моему мнѣнію, онъ, просто, ни что иное, какъ лизоблюдъ. Я забылъ вамъ сказать, продолжалъ онъ, обращаясь къ Лежневу:—вѣдь я познакомился съ этимъ Терлаховымъ , съ которымъ Рудинъ за границу ѣздилъ. Какже! какже! Что онъ мнѣ разсказывалъ о немъ, вы себѣ представить не можете—умора , просто ! Замѣчательно, что всѣ друзья и послѣдователи Рудина современемъ становятся его врагами.

— Прошу меня исключить изъ числа такихъ друзей! съ жаромъ перебилъ Басистовъ.

— Ну, вы—другое дѣло! О васъ и рѣчи нѣтъ.

— А что такое вамъ разсказывалъ Терлаховъ? спросила Александра Павловна.

— Да многое разсказывалъ: всего не упомнишь. Но самый лучшій вотъ какой случился съ Рудинымъ анекдотъ. Безпрерывно развиваясь да развиваясь (эти господа все развиваются; другіе, напримѣръ, просто спятъ или ѣдятъ, а они находятся въ моментѣ развитія спанья или ѣды; не такъ ли, г. Басистовъ?—Басистовъ ничего не отвѣчалъ).... Итакъ, развиваясь постоянно, Рудинъ дошелъ путемъ философіи до того умозаключенія, что ему должно влюбиться. Началъ онъ отыскивать предметъ, достойный такого удивительнаго умозаключенія. Фортуна ему улыбнулась. Познакомился онъ съ одной француженкой, прехорошенькой модисткой. Дѣло происходило въ одномъ нѣмецкомъ городѣ, на Рейнѣ, замѣтьте. Началъ онъ ходить къ ней, носить ей разныя книги, говорить ей о природѣ и Гегелѣ. Можете себѣ представить положеніе модистки? Она считала его за астранома. Однако, вы знаете, малый онъ изъ себя ничего: ну—иностранецъ, русскій—понравился. Вотъ наконецъ назначаетъ онъ свиданіе и очень поэтическое свиданіе: въ гондолѣ на рѣкѣ. Француженка согласилась: пріодѣлась получше и поѣхала съ нимъ въ гондолѣ. Такъ они катались часа два. Чѣмъ же, вы думаете, занимался онъ все это время? Гладилъ француженку по головѣ, задумчиво глядѣлъ въ небо и нѣсколько разъ повторилъ, что чувствуетъ къ ней отеческую нѣж-

ность. Француженка вернулась домой взбѣшенная и сама потомъ все разсказала Терлахову. Вотъ онъ какой господинъ!

И Пигасовъ засмѣялся.

— Вы старый циникъ! замѣтила съ досадой Александра Павловна:—а я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что про Рудина даже тѣ, которые его бранятъ, ничего дурнаго сказать не могутъ.

— Ничего дурнаго? Помилуйте! а его вѣчное житье на чужой счетъ, его займы.... Михайло Михайлычъ? вѣдь онъ и у васъ, навѣрное, занялъ?

— Послушайте, Африканъ Семенычъ! началъ Лежневъ, и лицо его приняло серьёзное выраженіе:—послушайте: вы знаете, и жена моя знаетъ, что я въ послѣднее время особеннаго расположенія къ Рудину не чувствовалъ и даже часто осуждалъ его. Со-всѣмъ-тѣмъ (Лежневъ разлилъ шампанское по бокаламъ), вотъ что я вамъ предлагаю: мы сейчасъ пили за здоровье дорогого нашего брата и его невѣсты; я предлагаю вамъ выпить теперь за здоровье Дмитрія Рудина!

Александра Павловна и Пигасовъ съ изумленіемъ посмотрѣли на Лежнева, а Басистовъ встрепенулся весь, покраснѣлъ отъ радости и глаза вытаращилъ.

— Я знаю его хорошо, продолжалъ Лежневъ:—недостатки его мнѣ хорошо извѣстны. Они тѣмъ болѣе выступаютъ наружу, что самъ онъ не мелкій человѣкъ.

— Рудинъ—геніальная натура! подхватилъ Басистовъ.

— Геніальность въ немъ, пожалуй, есть, возразилъ Лежневъ:—а натура.... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло. Я хочу говорить теперь о томъ, что въ немъ есть хорошаго, рѣдкаго. Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ! Пора! Помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобой о немъ и упрекалъ его въ холодности. Я былъ и правъ и неправъ тогда. Холодность эта у него въ крови—это не его вина—а не въ головѣ. Онъ не актеръ, какъ я называлъ его, не надувало, не плутъ; онъ живетъ на чужой счетъ не какъ проныра, а

какъ ребенокъ.... Да, онъ, дѣйствительно, умретъ гдѣ нибудь въ нищетѣ и въ бѣдности; но неужели жь и за это пускать въ него камнемъ? Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего, именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ; но кто вправѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять свои замыслы? Да я самъ, я первый, все это испыталъ на себѣ.... Саша знаетъ, чѣмъ былъ для меня въ молодости Рудинъ. Я, помнится, также утверждалъ, что слова Рудина не могутъ дѣйствовать на людей; но я говорилъ тогда о людяхъ, подобныхъ мнѣ, въ теперешніе мои годы, о людяхъ уже пожившихъ и поломанныхъ жизнью. Одинъ фальшивый звукъ въ рѣчи, и вся ея гармонія для насъ исчезла; а въ молодомъ человѣкѣ, къ счастію, слухъ еще не такъ развитъ, не такъ избалованъ. Если сущность того, что онъ слышитъ, ему кажется прекрасной, что̀ ему за дѣло до тона! Тонъ онъ самъ въ себѣ найдетъ,

— Браво! браво! воскликнулъ Басистовъ:—какъ это справедливо сказано! А что̀ касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигивалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!

— Вы слышите? продолжалъ Лежневъ, обращаясь къ Пигасову:—какого вамъ еще доказательства нужно? Вы нападаете на философію; говоря о ней, вы не находите довольно презрительныхъ словъ. Я самъ ее не больно жалую и плохо ее понимаю; но не отъ философіи наши главныя невзгоды! Философическія хитросплетенія и бредни никогда не привьются къ русскому: на это у него слишкомъ много здраваго смысла; но нельзя же допустить, чтобы подъ именемъ философіи нападали на всякое честное стремленіе къ истинѣ и къ сознанію. Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества,

ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужь винить его не станемъ. Насъ бы очень далеко повело, если бы мы хотѣли разобрать, отчего у насъ являются Рудины. А за то, что̀ въ немъ есть хорошаго, будемъ же ему благодарны. Это легче, чѣмъ быть несправедливыми къ нему, а мы были къ нему несправедливы. Наказывать его не наше дѣло, да и не нужно: онъ самъ себя наказалъ гораздо жесточе, чѣмъ заслуживалъ.... И дай Богъ, чтобы несчастье вытравило изъ него все дурное и оставило одно прекрасное въ немъ! Пью за здоровье Рудина! Пью за здоровье товарища моихъ лучшихъ годовъ, пью за молодость, за ея надежды, за ея стремленія, за ея довѣрчивость и честность, за все то, отъ чего и въ двадцать лѣтъ бились наши сердца̀, и лучше чего мы все-таки ничего не узнали и не узнаемъ въ жизни!... Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина!

Всѣ чокнулись съ Лежневымъ. Басистовъ сгоряча чуть не разбилъ своего стакана и осушилъ его разомъ, а Александра Павловна пожала Лежневу руку.

— Я, Михайло Михайлычъ, и не подозрѣвалъ, что вы такъ краснорѣчивы, замѣтилъ Пигасовъ:—хоть бы самому г. Рудину подъ-стать! Даже меня проняло.

— Я вовсе некраснорѣчивъ, возразилъ Лежневъ не безъ досады:—а васъ, я думаю, пронять мудрено. Впрочемъ, довольно о Рудинѣ: давайте говорить о чемъ нибудь другомъ.... Что̀.... какъ бишь его?... Пандалевскій все у Дарьи Михайловны живетъ? прибавилъ онъ, обратясь къ Басистову.

— Какже, все у ней! Она выхлопотала ему очень выгодное мѣсто.

Лежневъ усмѣхнулся.

— Вотъ этотъ не умретъ въ нищетѣ, за это можно поручиться.

Ужинъ кончился. Гости разошлись. Оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, Александра Павловна съ улыбкой посмотрѣла ему въ лицо.

— Какъ ты хорошъ былъ сегодня, Миша! промолвила она, лаская его рукою по лбу:—какъ ты умно и благородно гово-

рилъ! Но сознайся, что ты немного увлекся въ пользу Рудина, какъ прежде увлекался противъ него....

— Лежачаго не бьютъ.... а я тогда боялся, какъ бы онъ тебѣ голову не вскружилъ.

— Нѣтъ, простодушно возразила Александра Павловна: — онъ мнѣ казался всегда слишкомъ ученымъ, я боялась его и не знала, что̀ говорить въ его присутствіи. А вѣдь Пигасовъ довольно зло подсмѣялся надъ нимъ сегодня, сознайся?

— Пигасовъ? проговорилъ Лежневъ. — Я оттого именно и заступился такъ горячо за Рудина, что Пигасовъ былъ тутъ. Онъ смѣетъ называть Рудина лизоблюдомъ! А по моему, его роль, роль Пигасова, во сто разъ хуже. Имѣетъ независимое состояніе, надо всѣмъ издѣвается, а ужь какъ льнетъ къ знатнымъ да къ богатымъ! Знаешь ли, что этотъ Пигасовъ, который съ такимъ озлобленіемъ все и всѣхъ ругаетъ, и на философію нападаетъ, и на женщинъ,—знаешь ли ты, что онъ, когда служилъ, бралъ взятки, и какъ еще! А! Вотъ то-то вотъ и есть!

— Неужели? воскликнула Александра Павловна. Этого я никакъ не ожидала!... Послушай, Миша, прибавила она, помолчавъ немного:—что̀ я хочу у тебя спросить....

— Что̀?

— Какъ ты думаешь, будетъ ли братъ счастливъ съ Натальей?

— Какъ тебѣ сказать.... вѣроятности всѣ есть.... командовать будетъ она. Она—между нами таить это не для чего—она умнѣй его; но онъ славный человѣкъ и любитъ ее отъ души. Чего же больше? Вѣдь вотъ мы другъ друга любимъ и счастливы, не правда ли?

Александра Павловна улыбнулась и стиснула руку Михайлѣ Михайлычу.

—

Въ тотъ самый день, когда все разсказанное нами происходило въ домѣ Александры Павловны—въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи, тащилась, въ самый зной, по большой дорогѣ, плохенькая рогожная кибитка, запряженная тройкой обывательскихъ лошадей. На облучкѣ торчалъ, упираясь искоса

ногами въ валекъ, сѣдой мужичокъ въ дырявомъ армякѣ и то-и-дѣло подергивалъ веревочными возжами и помахивалъ кнутикомъ; а въ самой кибиткѣ сидѣлъ, на тощемъ чемоданѣ, человѣкъ высокаго роста въ фуражкѣ и старомъ запыленномъ плащѣ. То былъ Рудинъ. Онъ сидѣлъ понуривъ голову и нахлобучивъ козырекъ фуражки на глаза. Неровные толчки кибитки бросали его съ стороны на сторону, онъ казался совершенно безчувственнымъ, словно дремалъ. Наконецъ онъ выпрямился.

— Когда же это мы до станціи доѣдемъ? спросилъ онъ мужика, сидѣвшаго на облучкѣ.

— А вотъ, батюшка, заговорилъ мужикъ и еще сильнѣе задергалъ возжами: — какъ на взволочекъ взберемся, версты двѣ останется не болѣ.... Ну, ты! думай.... Я тебя подумаю, прибавилъ онъ тоненькимъ голосомъ, принимаясь стегать правую пристяжную.

— Ты, кажется, очень плохо ѣдешь, замѣтилъ Рудинъ:— мы съ самаго утра тащимся и никакъ доѣхать не можемъ. Ты бы хоть спѣлъ что нибудь.

— Да что́ будешь дѣлать, батюшка! лошади, вы сами видите, замореныя.... опять жара. А пѣть не можемъ: мы не ямщики.... Барашекъ, а барашекъ! воскликнулъ вдругъ мужичокъ, обращаясь къ прохожему въ бурой свитченкѣ и стоптаныхъ лаптишкахъ:—посторонись, барашекъ!

— Вишь ты.... кучеръ! пробормоталъ ему вслѣдъ прохожій и остановился.—Московская косточка! прибавилъ онъ голосомъ исполненнымъ укоризны, тряхнулъ головой и заковылялъ далѣе.

— Куда ты! подхватилъ мужичокъ съ разстановкой дергая коренную:—ахъ ты лукавая! право лукавая....

Измученныя лошаденки кое-какъ доплелись, наконецъ, до почтоваго двора. Рудинъ вылѣзъ изъ кибитки, расплатился съ мужикомъ (которой ему не поклонился и деньги долго пошвыривалъ на ладони — знать на водку мало досталось) и самъ внесъ чемоданъ въ станціонную комнату.

Одинъ мой знакомый, много покатавшійся на своемъ вѣку по Россіи, сдѣлалъ замѣчаніе, что если въ станціонной комнатѣ на стѣнахъ висятъ картинки, изображающія сцены изъ Кавказскаго Плѣнника или русскихъ генераловъ, то лошадей скоро

достать можно; но если на картинкахъ представлена жизнь извѣстнаго игрока Жоржа-де-Жермани, то путешественнику нечего надѣяться на быстрый отъѣздъ: успѣетъ онъ налюбоваться на закрученный кокъ, бѣлый раскидной жилетъ и чрезвычайно узкіе и короткіе панталоны игрока въ молодости, на его изступленную физіономію, когда онъ, будучи уже старцемъ, убиваетъ, высоко взмахнувъ стуломъ, въ хижинѣ съ крутою крышей своего сына. Въ комнатѣ, куда вошелъ Рудинъ, висѣли именно эти картины: картины изъ тридцати лѣтъ или «Жизни Игрока». На крикъ его явился смотритель, заспанный (кстати—видѣлъ ли кто нибудь смотрителя незаспаннаго?) и, не выждавъ даже вопроса Рудина, вялымъ голосомъ объявилъ, что лошадей нѣтъ.

— Какже вы говорите, что лошадей нѣтъ, промолвилъ Рудинъ:—а даже не знаете, куда я ѣду? Я сюда на обывательскихъ пріѣхалъ.

— У насъ никуда лошадей нѣтъ, отвѣчалъ смотритель. А вы куда ѣдете?

— Въ....скъ.

— Нѣтъ лошадей, повторилъ смотритель и вышелъ вонъ.

Рудинъ съ досадой приблизился къ окну и бросилъ фуражку на столъ. Онъ не много измѣнился, но пожелтѣлъ въ послѣдніе два года; серебряныя нити заблистали кой-гдѣ въ кудряхъ, и глаза, все еще прекрасные, какъ будто потускнѣли; мелкія морщины, слѣды горькихъ и тревожныхъ чувствъ, легли около губъ, на щекахъ, на вискахъ.

Платье на немъ было изношенное и старое, и бѣлья не виднѣлось нигдѣ. Пора его цвѣтѣнія видимо прошла: онъ, какъ выражаются садовники, пошелъ въ сѣмя.

Онъ принялся читать надписи по стѣнамъ.... извѣстное развлеченіе скучающихъ путешественниковъ.... вдругъ дверь заскрипѣла, и вошелъ смотритель.

— Лошадей въ....скъ нѣтъ и долго еще не будетъ, заговорилъ онъ, а вотъ въ....овъ есть обратныя.

— Въ....овъ? промолвилъ Рудинъ.—Да помилуйте! это мнѣ совсѣмъ не по дорогѣ. Я ѣду въ Пензу, а....овъ лежитъ, кажется, въ направленіи къ Тамбову.

— Чтожь? вы изъ Тамбова можете тогда проѣхать, а не то изъ....ова какъ нибудь свернете.

Рудинъ подумалъ.

— Ну, пожалуй, проговорилъ онъ наконецъ:—велите закладывать лошадей. Мнѣ все равно; поѣду въ Тамбовъ.

Лошадей скоро подали. Рудинъ вынесъ свой чемоданчикъ, взлѣзъ на телѣгу, сѣлъ, понурился по прежнему. Было что-то безпомощное и грустно-покорное въ его нагнутой фигурѣ... И тройка поплелась неторопливой рысью, отрывисто позвякивая бубенчиками.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Былъ осенній холодный день. Къ крыльцу главной гостинницы губернскаго города С....а подъѣхала дорожная коляска, и изъ нея, слегка потягиваясь и покряхтывая, вылѣзъ господинъ, еще не пожилой, но уже успѣвшій пріобрѣсть ту полноту въ туловищѣ, которую привыкли называть почтенной. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ остановился у входа въ широкій корридоръ и, не видя никого передъ собою, громкимъ голосомъ спросилъ себѣ нумеръ. Дверь гдѣ-то стукнула, изъ-за низкихъ ширмочекъ выскочилъ длинный лакей и пошелъ впередъ проворной, боковой походкой, мелькая въ полутьмѣ корридора глянцовитой спиной и подвороченными рукавами. Войдя въ нумеръ, проѣзжій тотчасъ сбросилъ съ себя шинель и шарфъ, сѣлъ на диванъ и, опершись въ колѣни кулаками, сперва поглядѣлъ кругомъ, какъ бы съ просонья, потомъ велѣлъ позвать своего слугу. Лакей сдѣлалъ уклончивое движеніе и исчезъ. Проѣзжій этотъ былъ ни кто иной, какъ Лежневъ. Рекрутскій наборъ вызвалъ его изъ деревни въ С....ъ.

Слуга Лежнева, малый молодой, курчавый и краснощекій, въ сѣрой шинели, подпоясанной голубымъ кушачкомъ и мягкихъ валенкахъ, вошелъ въ комнату.

— Ну вотъ, братъ, мы и доѣхали, промолвилъ Лежневъ:—а ты все боялся, что шина съ колеса соскочитъ.

— Доѣхали! возразилъ слуга, силясь улыбнуться черезъ поднятый воротникъ шинели:— а ужь отчего эта шина не соскочила....

— Никого здѣсь нѣтъ? раздался голосъ въ корридорѣ.

Лежневъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться.

— Эй! кто тамъ? повторилъ голосъ.

Лежневъ всталъ, подошелъ къ двери и быстро отворилъ ее. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ высокаго роста, почти совсѣмъ сѣдой и сгорбленный, въ старомъ плисовомъ сюртукѣ съ бронзовыми пуговицами. Лежневъ узналъ его тотчасъ.

— Рудинъ! воскликнулъ онъ съ волненіемъ.

Рудинъ обернулся. Онъ не могъ разобрать черты Лежнева, стоявшаго къ свѣту спиною, и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на него.

— Вы меня не узнаете? заговорилъ Лежневъ.

— Михайло Михайлычъ! воскликнулъ Рудинъ, и протянулъ руку, но смутился, и отвелъ ее было назадъ....

Лежневъ поспѣшно ухватилъ за нее своими обѣими.

— Войдите, войдите ко мнѣ! сказалъ онъ Рудину, и ввелъ его въ нумеръ.

— Какъ вы измѣнились! произнесъ Лежневъ, помолчавъ и невольно понизивъ голосъ.

— Да, говорятъ! возразилъ Рудинъ, блуждая по комнатѣ взоромъ.—Года.... А вотъ вы—ничего. Какъ здоровье Александры.... вашей супруги?

— Благодарствуйте,—хорошо. Но какими судьбами вы здѣсь?

— Я? Это долго разсказывать. Собственно сюда я зашелъ случайно. Я искалъ одного знакомаго. Впрочемъ, я очень радъ....

— Гдѣ вы обѣдаете?

— Я? не знаю. Гдѣ нибудь въ трактирѣ. Я долженъ сегодня же выѣхать отсюда.

— Должны?

Рудинъ значительно усмѣхнулся.

— Да-съ, долженъ. Меня отправляютъ къ себѣ въ деревню на жительство.

— Пообѣдайте со мной.

Рудинъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ глаза Лежневу.

— Вы мнѣ предлагаете съ собой обѣдать? проговорилъ онъ.

— Да, Рудинъ, по старинному, по товарищески. Хотите?

Не ожидалъ я васъ встрѣтить, и Богъ знаетъ, когда мы увидимся опять. Не разстаться же намъ съ вами такъ!

— Извольте, я согласенъ.

Лежневъ пожалъ Рудину руку, кликнулъ слугу, заказалъ обѣдъ и велѣлъ поставить въ ледъ бутылку шампанскаго.

—

Втеченіи обѣда, Лежневъ и Рудинъ, какъ бы сговорившись, все толковали о студенческомъ своемъ времени, припоминали многое и многихъ—мертвыхъ и живыхъ. Сперва Рудинъ говорилъ неохотно, но онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина и кровь въ немъ разгорѣлась. Наконецъ, лакей вынесъ послѣднее блюдо. Лежневъ всталъ, заперъ дверь и, вернувшись къ столу, сѣлъ прямо напротивъ Рудина и тихонько оперся подбородкомъ на обѣ руки.

— Ну, теперь, началъ онъ: — разсказывайте-ка мнѣ все, что̀ съ вами случилось съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ.

Рудинъ посмотрѣлъ на Лежнева.

«Боже мой!—подумалъ опять Лежневъ—какъ онъ измѣнился, бѣднякъ!»

Черты Рудина измѣнились мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его на станціи, хотя печать приближающейся старости уже успѣла лечь на нихъ; но выраженіе ихъ стало другое. Иначе глядѣли глаза; во всемъ существѣ его, въ движеніяхъ, то замедленныхъ, то безсвязно порывистыхъ, въ похолодѣвшей, какъ бы разбитой рѣчи высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь, далеко различная отъ той полупритворной грусти, которою онъ щеголялъ, бывало, какъ вообще щеголяетъ ею молодежь, исполненная надеждъ и довѣрчиваго самолюбія.

— Разсказать вамъ все, что̀ со мною случилось? заговорилъ онъ. — Всего разсказать нельзя и не стоитъ.... Маялся я много, скитался не однимъ тѣломъ — душой скитался. Въ чемъ и въ комъ я не разочаровался, Богъ мой! съ кѣмъ не сближался!... Да, съ кѣмъ! повторилъ Рудинъ, замѣтивъ, что Лежневъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо. — Сколько разъ мои собственныя слова становились

мнѣ противными — не говорю уже въ моихъ устахъ, но и въ устахъ людей, раздѣлявшихъ мои мнѣнія! Сколько разъ переходилъ я отъ нетерпѣливости, отъ раздражительности ребенка къ тупой безчувственности лошади, которая уже и хвостомъ не дрыгаетъ, когда ее сѣчетъ кнутъ.... Сколько разъ я радовался, надѣялся, враждовалъ и унижался напрасно! Сколько разъ вылеталъ соколомъ—и возвращался ползкомъ, какъ улитка, у которой раздавили раковину!... Гдѣ не бывалъ я, по какимъ дорогамъ не ходилъ!... А дороги бываютъ грязныя, прибавилъ Рудинъ, и слегка отвернулся. — Вы знаете.... продолжалъ онъ....

— Послушайте, перебилъ его Лежневъ:—мы когда-то говорили: ты другъ другу.... Хочешь? возобновимъ старину.... Выпьемъ на *ты!*

Рудинъ встрепенулся, приподнялся, а въ глазахъ его промелькнуло что-то, чего слово выразить не можетъ.

— Выпьемъ, сказалъ онъ:—спасибо тебѣ, братъ, выпьемъ.

Лежневъ и Рудинъ вышли по бокалу.

— *Ты* знаешь, началъ опять, съ удареніемъ на словѣ: ты и съ улыбкою Рудинъ:—во мнѣ сидитъ какой-то червь, который грызетъ меня и гложетъ и не дастъ мнѣ успокоиться до конца. Онъ наталкиваетъ меня на людей—они сперва подвергаются моему вліянію, а потомъ....

Рудинъ провелъ рукой по воздуху.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами.... съ тобою, я переиспыталъ и переизвѣдалъ многое.... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать — и вотъ видишь!

— Выдержки въ тебѣ не было, проговорилъ, какъ бы про себя, Лежневъ.

— Какъ ты говоришь? выдержки во мнѣ не было?... Строить я никогда ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда и почвы-то подъ ногами нѣту. Всѣхъ моихъ похожденій, то-есть, собственно говоря, всѣхъ моихъ неудачъ, я тебѣ описывать не буду. Передамъ тебѣ два-три случая.... тѣ случаи изъ моей жизни, когда, казалось, успѣхъ уже улыбался мнѣ, или, нѣтъ, когда я начиналъ надѣяться на успѣхъ — что не совсѣмъ одно и то же....

Рудинъ откинулъ назадъ свои сѣдые и уже жидкіе волосы

тѣмъ самымъ движеніемъ руки, какимъ онъ нѣкогда отбрасывалъ свои темныя и густыя кудри.

— Ну, слушай, началъ онъ: — сошелся я, въ Москвѣ, съ однимъ довольно страннымъ господиномъ. Онъ былъ очень богатъ и владѣлъ обширными помѣстьями; не служилъ. Главная, единственная его страсть была любовь къ наукѣ, къ наукѣ вообще. До сихъ поръ я постигнуть не могу, почему эта страсть въ немъ проявилась! Шла она къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Самъ онъ съ усиліемъ держался на высотѣ ума и говорить почти не умѣлъ, только поводилъ выразительно глазами и значительно покачивалъ головой. Я, братъ, не встрѣчалъ бездарнѣе и бѣднѣй его природы.... Въ Смоленской губерніи есть такія мѣста—песокъ, и больше ничего, да изрѣдка трава, которую ни одно животное ѣсть не станетъ. Ничего ему въ руки не давалось—все такъ и ползло отъ него прочь, подальше; а онъ еще помѣшанъ былъ на томъ, чтобы все легкое дѣлать труднымъ. Если бы это зависѣло отъ его распоряженій, у него бы люди ѣли пятками, право. Работалъ, писалъ и читалъ онъ неутомимо. Онъ ухаживалъ за наукой съ какою-то упрямой настойчивостью, съ терпѣніемъ страшнымъ; самолюбіе въ немъ было огромное, и характеръ онъ имѣлъ желѣзный. Онъ жилъ одинъ и слылъ чудакомъ. Я познакомился съ нимъ.... ну, и понравился ему. Я, признаюсь, скоро его понялъ, но рвеніе его меня тронуло. Притомъ, онъ владѣлъ такими средствами, столько можно было черезъ него сдѣлать добра, принести пользы существенной.... Я поселился у него и уѣхалъ съ нимъ, наконецъ, въ его деревню. — Планы, братъ у меня были громадные: я мечталъ о разныхъ усовершенствованіяхъ, нововведеніяхъ....

— Какъ у Ласунской, помнишь, замѣтилъ Лежневъ съ добродушной улыбкой.

— Какое! Тамъ я зналъ, въ душѣ, что изъ словъ моихъ ничего не выйдетъ; а тутъ.... тутъ совсѣмъ другое поле раскрывалось передо мною.... Я навезъ съ собой агрономическихъ книгъ.... правда, я до конца не прочелъ ни одной.... ну, и приступилъ къ дѣлу. Сначала оно не пошло, какъ я и ожидалъ, а потомъ оно какъ будто и пошло. Мой новый другъ все помалчивалъ, да посматривалъ, не мѣшалъ мнѣ, т. е. до

извѣстной степени не мѣшалъ мнѣ. Онъ принималъ мои предложенія и исполнялъ ихъ, но съ упорствомъ, туго, съ тайной недовѣрчивостью, и все гнулъ на свое. Онъ чрезвычайно дорожилъ каждой своей мыслью. Взберется на нее съ усиліемъ, какъ Божья коровка на конецъ былинки, и сидитъ, сидитъ на ней, все какъ будто крылья расправляетъ и полетѣть собирается—и вдругъ свалится и опять полѣзетъ... Не удивляйся всѣмъ этимъ сравненіямъ. Они еще тогда накипѣли у меня на душѣ. Такъ я вотъ и бился года два. Дѣло подвигалось плохо, не смотря на всѣ мои хлопоты. Началъ я уставать, пріятель мой надоѣдалъ мнѣ, я сталъ язвить его, онъ давилъ меня, словно перина; недовѣрчивость его перешла въ глухое раздраженіе, непріязненное чувство охватывало насъ обоихъ, мы уже не могли говорить ни о чемъ; онъ изъ-подтишка, но безпрестанно старался доказать мнѣ, что не подчиняется моему вліянію: распоряженія мои либо искажались, либо отмѣнялись вовсе.... Я замѣтилъ наконецъ, что состою у господина помѣщика въ качествѣ проживальщика по части умственныхъ упражненій. Горько мнѣ стало тратить попусту время и силы, горько почувствовать, что я опять и опять обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Я зналъ очень хорошо, что̀ я терялъ, уѣзжая; но я не могъ сладить съ собою, и въ одинъ день, вслѣдствіе тяжелой и возмутительной сцены, которой я былъ свидѣтелемъ и которая показала мнѣ моего пріятеля со стороны уже слишкомъ невыгодной, я разсорился съ нимъ окончательно и уѣхалъ, бросилъ барича-педанта, вылѣпленнаго изъ степной муки съ примѣсью нѣмецкой патоки....

— То есть бросилъ насущный кусокъ хлѣба, проговорилъ Лежневъ и положилъ обѣ руки на плечи Рудину.

— Да, и очутился опять легокъ и голъ, въ пустомъ пространствѣ. Лети, молъ, куда хочешь.... Эхъ, выпьемъ!

— За твое здоровье! промолвилъ Лежневъ, приподнялся и поцаловалъ Рудина въ лобъ. — За твое здоровье и въ память Покорскаго.... Онъ также умѣлъ остаться нищимъ.

— Вотъ тебѣ и нумеръ первый моихъ похожденій, началъ, спустя немного, Рудинъ. — Продолжать, что ли?

— Продолжай, пожалуйста.

— Эхъ! да говорить-то не хочется. Усталъ я говорить,

братъ!... Ну, однако, такъ и быть. Потолкавшись еще по разнымъ мѣстамъ.... кстати, я бы могъ разсказать тебѣ, какъ я попалъ было въ секретари къ благонамѣренному сановному лицу, и что̀ изъ этого вышло; но это завело бы насъ слишкомъ далеко.... потолкавшись по разнымъ мѣстамъ, я рѣшился сдѣлаться, наконецъ.... не смѣйся, пожалуйста.... дѣловымъ человѣкомъ, практическимъ. Случай такой вышелъ: я сошелся съ однимъ.... ты, можетъ быть, слыхалъ о немъ.... съ однимъ Курбѣевымъ, нѣтъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Но, помилуй, Рудинъ, какже ты съ своимъ умомъ не догадался, что твое дѣло не въ томъ состоитъ, чтобы быть.... извини за каламбуръ.... дѣловымъ человѣкомъ?

— Знаю, братъ, что не въ томъ; а впрочемъ, въ чемъ оно состоитъ-то?... Но еслибъ ты видѣлъ Курбѣева! Ты, пожалуйста, не воображай его себѣ какимъ нибудь пустымъ болтуномъ. Говорятъ, я былъ краснорѣчивъ когда-то. Я передъ нимъ просто ничего не значу Это былъ человѣкъ удивительно ученый, знающій, голова, творческая, братъ, голова, въ дѣлѣ промышленности и предпріятій торговыхъ. Проекты самые смѣлые, самые неожиданные, такъ и кипѣли у него въ умѣ. Мы соединились съ нимъ и рѣшились употребить свои силы на общеполезное дѣло....

— На какое, позволь узнать?

Рудинъ опустилъ глаза.

— Ты засмѣешься.

— Почему же? Нѣтъ, не засмѣюсь.

— Мы рѣшились одну рѣку въ К....ой губерніи превратить въ судоходную, проговорилъ Рудинъ съ неловкой улыбкой.

— Вотъ какъ! Стало быть, этотъ Курбѣевъ капиталистъ?

— Онъ былъ бѣднѣе меня, возразилъ Рудинъ и тихо поникнулъ своей сѣдой головой.

Лежневъ захохоталъ, но вдругъ остановился и взялъ за руку Рудина.

— Извини меня, братъ, пожалуйста, заговорилъ онъ: — но я этого никакъ не ожидалъ. Ну, что̀жь, это предпріятіе ваше такъ и осталось на бумагѣ?

— Не совсѣмъ. Начало исполненія было. Мы наняли ра-

ботниковъ, ну и приступили. Но тутъ встрѣтились различныя препятствія. Во-первыхъ, владѣльцы мельницъ никакъ не хотѣли понять насъ, да сверхъ того мы съ водой безъ машины справиться не могли, а на машину не хватило денегъ. Шесть мѣсяцевъ прожили мы въ землянкахъ. Курбѣевъ однимъ хлѣбомъ питался, я тоже не доѣдалъ. Впрочемъ, я объ этомъ не сожалѣю: природа тамъ удивительная. Мы бились, бились, уговаривали купцовъ, письма писали, циркуляры. Кончилось тѣмъ, что я послѣдній грошъ свой добилъ на этомъ проэктѣ.

— Ну! замѣтилъ Лежневъ:—я думаю, добить твой послѣдній грошъ было не мудрено.

— Не мудрено, точно.

Рудинъ глянулъ въ окно.

— А проэктъ, ей Богу, былъ недуренъ и могъ бы принесть огромныя выгоды.

— Куда же Курбѣевъ этотъ дѣлся? спросился Лежневъ.

— Онъ? онъ въ Сибири теперь, золотопромышленникомъ сдѣлался. И ты увидишь, онъ себѣ составитъ состояніе; онъ не пропадетъ.

— Можетъ быть; но ты, вотъ ужь навѣрное, состоянія себѣ не составишь.

— Я? Что дѣлать! Впрочемъ, я знаю, я всегда въ глазахъ твоихъ былъ пустымъ человѣкомъ.

— Ты? Полно, братъ!... Было время, точно, когда мнѣ въ глаза бросались однѣ твои темныя стороны; но теперь, повѣрь мнѣ, я научился цѣнить тебя. Ты себѣ состоянія не составишь.... Да я люблю тебя за это.... помилуй!

Рудинъ слабо усмѣхнулся.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Я уважаю тебя за это! повторилъ Лежневъ: — понимаешь ли ты меня?

Оба помолчали.

— Что́жь, переходить къ нумеру третьему? спросилъ Рудинъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Изволь. Нумеръ третій и послѣдній. Съ этимъ нумеромъ я только теперь раздѣлался. Но не наскучилъ ли я тебѣ?

— Говори, говори.

— Вотъ видишь ли, началъ Рудинъ:—я однажды подумалъ

на досугѣ.... досуга-то у меня всегда много было.... я подумалъ: свѣдѣній у меня довольно, желанія добра.... послушай, вѣдь и ты не станешь отрицать во мнѣ желанія добра?

— Еще бы!

— На другихъ всѣхъ пунктахъ я болѣе или менѣе срѣзался.... отчего бы мнѣ не сдѣлаться педагогомъ, или, говоря попросту, учителемъ... чѣмъ такъ жить даромъ....

Рудинъ остановился и вздохнулъ.

— Чѣмъ жить даромъ, не лучше ли постараться передать другимъ, что́ я знаю: можетъ быть, они извлекутъ изъ моихъ познаній хотя нѣкоторую пользу. Способности мои не дюжинныя же наконецъ, языкомъ я владѣю.... Вотъ я и рѣшился посвятить себя этому новому дѣлу. Хлопотно мнѣ было достать мѣсто; частныхъ уроковъ давать я не хотѣлъ; въ низшихъ училищахъ мнѣ дѣлать было бы нечего. Наконецъ, мнѣ удалось достать мѣсто преподавателя въ здѣшней гимназіи.

— Преподавателя—чего? спросилъ Лежневъ.

— Преподавателя русской словесности. Скажу тебѣ, ни за одно дѣло не принимался я съ такимъ жаромъ, какъ за это. Мысль дѣйствовать на юношество меня воодушевила. Три недѣли просидѣлъ я надъ составленіемъ вступительной лекціи.

— Ея нѣтъ у тебя? перебилъ Лежневъ.

— Нѣтъ: затерялась куда-то. Она вышла недурна и понравилась. Какъ теперь вижу лица моихъ слушателей,—лица добрыя, молодыя, съ выраженіемъ чистосердечнаго вниманія, участія, даже изумленія. Взошелъ я на каѳедру, прочелъ лекцію въ лихорадкѣ; я думалъ, ее хватитъ на часъ слишкомъ, а я ее въ двадцать минутъ кончилъ. Инспекторъ тутъ же сидѣлъ,—сухой старикъ въ серебряныхъ очкахъ и короткомъ парикѣ; онъ изрѣдка наклонялъ голову въ мою сторону. Когда я кончилъ и соскочилъ съ креселъ, онъ мнѣ сказалъ: «Хорошо—съ, только высоко немножко, темновато, да и о самомъ предметѣ мало сказано». А гимназисты съ уваженіемъ проводили меня взорами.... право. Вѣдь вотъ чѣмъ драгоцѣнна молодежь! Вторую лекцію я принесъ написанную и третью тоже.... потомъ я сталъ импровизировать.

— И имѣлъ успѣхъ? спросилъ Лежневъ.

— Имѣлъ большой успѣхъ. Слушатели приходили толпами.

Я имъ передавалъ все что у меня было въ душѣ. Между ними было три–четыре мальчика, дѣйствительно замѣчательныхъ; остальные меня понимали плохо. Впрочемъ, сознаться надо, что и тѣ, которые меня понимали, иногда смущали меня своими вопросами. Но я не унывалъ. Любить–то меня всѣ любили; я на репетиціяхъ ставилъ полные балы всѣмъ. Но тутъ началась противъ меня интрига.... или нѣтъ! никакой интриги не было; а я, просто, попалъ не въ свою сферу. Я стѣснялъ другихъ, и меня тѣснили. Я читалъ гимназистамъ, какъ и студентамъ не всегда читаютъ; слушатели мои выносили мало изъ моихъ лекцій; факты я самъ зналъ плохо. Притомъ, я не удовлетворялся кругомъ дѣйствій, который былъ мнѣ назначенъ.... ужь это, ты знаешь, моя слабость. Я хотѣлъ коренныхъ преобразованій, и, клянусь тебѣ, эти преобразованія были и дѣльны и легки. Я надѣялся провести ихъ черезъ директора, добраго и честнаго человѣка, на котораго я сначала имѣлъ вліяніе. Его жена мнѣ помогала. Я, братъ, въ жизни своей немного встрѣчалъ такихъ женщинъ. Ей уже было лѣтъ подъ сорокъ; но она вѣрила въ добро, любила все прекрасное, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка, и не боялась высказывать свои убѣжденія, передъ кѣмъ бы то ни было. Я никогда не забуду ея благородной восторженности и чистоты. По ея совѣту, я написалъ было планъ.... Но тутъ подъ меня подкопались, очернили меня передъ ней. Особенно повредилъ мнѣ учитель математики, маленькій человѣкъ, острый, желчный и ни во что не вѣрившій, въ родѣ Пигасова, только гораздо дѣльнѣе его.... Кстати, что, Пигасовъ живъ?

— Живъ и, вообрази, женился на мѣщанкѣ, которая, говорятъ, его бьетъ.

— Подѣломъ! Ну, а Наталья Алексѣевна здорова?

— Да.

— Счастлива?

— Да.

Рудинъ помолчалъ.

— О чемъ, бишь, я говорилъ?.... да! объ учителѣ математики. Онъ меня возненавидѣлъ, сравнивалъ мои лекціи съ фейерверкомъ, подхватывалъ на лету каждое не совсѣмъ ясное выраженіе, разъ даже сбилъ меня на какомъ–то памятникѣ

XVI–го вѣка, а главное, онъ заподозрилъ мои намѣренія; послѣдній мой мыльный пузырь наткнулся на него, какъ на булавку, и лопнулъ. Инспекторъ, съ которымъ я съ разу не поладилъ, возстановилъ противъ меня директора; вышла сцена, я не хотѣлъ уступить, погорячился, дѣло дошло до свѣдѣнія начальства; я принужденъ былъ выйти въ отставку. Я этимъ не ограничился, я хотѣлъ показать, что со мной нельзя поступить такъ.... но со мной можно было поступить, какъ угодно.... Я теперь долженъ выѣхать отсюда.

Наступило молчаніе. Оба пріятеля сидѣли, понуривъ головы.

Первый заговорилъ Рудинъ.

— Да, братъ, началъ онъ: — я теперь могу сказать съ Кольцовымъ: «До чего ты, моя молодость, довела меня, домыкала, что ужь шагу ступить нѣкуда....» И между тѣмъ, неужели я ни на что не былъ годенъ, неужели для меня такъ-таки нѣтъ дѣла на землѣ? Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и какъ я ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ, не всѣмъ людямъ данныхъ? Отчего же эти силы остаются безплодными? И вотъ еще что: помнишь, когда мы съ тобой были за границей, я былъ тогда самонадѣянъ и ложенъ.... Точно, я тогда ясно не сознавалъ, чего я хотѣлъ, я упивался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь тебѣ, я могу громко, передо всѣми высказать все, чего я желаю. Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я вполнѣ, и въ самой сущности слова, человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удается! что это значитъ? Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе.... Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой.... Я сталъ бояться ея—моей судьбы.... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!

— Загадку! повторилъ Лежневъ. — Да, это правда. Ты и для меня былъ всегда загадкой. Даже въ молодости, когда, бывало, послѣ какой нибудь мелочной выходки, ты вдругъ заговоришь такъ, что сердце(о гнетъ, а тамъ, опять начнешь....

ну, ты знаешь, что я хочу сказать.... даже тогда я тебя не понималъ: оттого я и разлюбилъ тебя.... Силъ въ тебѣ такъ много, стремленіе къ идеалу такое неутомимое....

— Слова, все слова! дѣлъ не было! прервалъ Рудинъ.

— Дѣлъ не было! Какія же дѣла....

— Какія дѣла? Слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормить, какъ, помнишь, Пряженцовъ.... Вотъ тебѣ и дѣло.

— Да; но доброе слово—тоже дѣло.

Рудинъ посмотрѣлъ молча на Лежнева и тихо покачалъ головой.

Лежневъ хотѣлъ было что-то сказать и провелъ рукой по лицу.

— Итакъ, ты ѣдешь въ деревню? спросилъ онъ наконецъ.

— Въ деревню.

— Да развѣ у тебя осталась деревня?

— Тамъ что-то такое осталось. Двѣ души съ половиною. Уголъ есть, гдѣ умереть. Ты, можетъ быть, думаешь въ эту минуту: «И тутъ не обошелся безъ фразы!» Фраза, точно, меня сгубила, она заѣла меня, я до конца не могъ отъ нея отдѣлаться.... Но то, что я сказалъ, не фраза. Не фраза, братъ, эти бѣлые волосы, эти морщины; эти прорванные локти —не фраза. Ты всегда былъ строгъ ко мнѣ, и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ, вотъ сейчасъ докурится фитиль.... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ....

Лежневъ вскочилъ.

— Рудинъ! воскликнулъ онъ, зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ это отъ тебя? Что я за судья такой и что бы я былъ за человѣкъ, еслибъ, при видѣ твоихъ впалыхъ щекъ и морщинъ, слово: фраза—могло прійти мнѣ въ голову? Ты хочешь знать, что я думаю о тебѣ? Изволь! я думаю: вотъ человѣкъ.... съ его способностями, чего бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ бы теперь, еслибъ захотѣлъ!... а я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища....

— Я возбуждаю твое сожалѣніе, промолвилъ глухо Рудинъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься. Ты уваженіе мнѣ внушаешь—

вотъ что. Кто тебѣ мѣшалъ проводить годы за годами у этого помѣщика, твоего пріятеля, который, я вполнѣ увѣренъ, еслибъ ты только захотѣлъ подъ него подлаживаться, упрочилъ бы твое состояніе? Отчего ты не могъ ужиться въ гимназіи, отчего ты—странный человѣкъ! — съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была?

— Я родился перекати-полемъ, продолжалъ Рудинъ, съ унылой усмѣшкой.—Я не могу остановиться.

— Это правда; но ты не можешь остановиться не отъ того, что въ тебѣ червь живетъ, какъ ты сказалъ мнѣ сначала.... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ празднаго безпокойства: огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ, и, видно, несмотря на всѣ твои дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый на твоемъ мѣстѣ давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось, и ты, я увѣренъ, сегодня же, сейчасъ, готовъ опять приняться за новую работу, какъ юноша.

— Нѣтъ, братъ, я теперь усталъ, проговорилъ Рудинъ.— Съ меня довольно.

— Усталъ! Другой бы умеръ давно. Ты говоришь, смерть примиряетъ, а жизнь, ты думаешь, не примиряетъ? Кто пожилъ, да не сдѣлался снисходительнымъ къ другимъ, тотъ самъ не заслуживаетъ снисхожденія. А кто можетъ сказать, что онъ въ снисхожденіи не нуждается? Ты сдѣлалъ, что могъ, боролся пока могъ.... Чего же больше? Наши дороги разошлись....

— Ты, братъ, совсѣмъ другой человѣкъ, нежели я, перебилъ Рудинъ со вздохомъ.

— Наши дороги разошлись, продолжалъ Лежневъ:—можетъ быть, именно оттого, что, благодаря моему состоянію, холодной крови да другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, ничто мнѣ не мѣшало сидѣть сиднѣмъ да оставаться зрителемъ, сложивъ руки, а ты долженъ былъ выйти на поле, засучить рукава, трудиться, работать. Наши дороги разошлись.... но по-

смотри, какъ мы близки другъ къ другу. Вѣдь мы говоримъ съ тобой почти однимъ языкомъ, съ полунамека понимаемъ другъ друга, на однихъ чувствахъ выросли. Вѣдь ужь мало насъ остается, братъ; вѣдь мы съ тобой послѣдніе Могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать въ старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа рѣдѣетъ вокругъ насъ, когда новыя поколѣнія идутъ мимо насъ, къ не нашимъ цѣлямъ, намъ надобно крѣпко держаться другъ за друга. Чокнемся, братъ, и давай-ка, по старинному: Gaudeamus igitur!

Пріятели чокнулись стаканами и пропѣли растроганными и фальшивыми, прямо русскими голосами старинную студенческую пѣсню.

— Вотъ ты теперь въ деревню ѣдешь, заговорилъ опять Лежневъ.—Не думаю, чтобъ ты долго въ ней остался, и не могу себѣ представить, чѣмъ, гдѣ и какъ ты кончишь.... Но помни, что бы съ тобою ни случилось, у тебя всегда есть мѣсто, есть гнѣздо, куда ты можешь укрыться. Это мой домъ.... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтобъ и у нихъ былъ пріютъ.

Рудинъ всталъ.

— Спасибо тебѣ, братъ, продолжалъ онъ. — Спасибо! Не забуду я тебѣ этого. Да только пріюта я не стою. Испортилъ я свою жизнь и не служилъ мысли, какъ слѣдуетъ....

— Молчи! продолжалъ Лежневъ.—Каждый остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, и больше требовать отъ него нельзя! Ты назвалъ себя Вѣчнымъ Жидомъ.... А почему ты знаешь, можетъ-быть, тебѣ и слѣдуетъ такъ вѣчно странствовать, можетъ-быть, ты исполняешь этимъ высшее, для тебя самого неизвѣстное назначеніе: народная мудрость гласитъ не даромъ, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.—Ты ѣдешь, продолжалъ Лежневъ, видя, что Рудинъ брался за шапку.—Ты не останешься ночевать?

— Ѣду! Прощай. Спасибо.... А кончу я скверно.

— Это знаетъ Богъ.... Ты рѣшительно ѣдешь?

— Ѣду. Прощай. Не поминай меня лихомъ.

— Ну, не поминай же лихомъ и меня.... и не забудь, что я сказалъ тебѣ. Прощай....

Пріятели обнялись. Рудинъ быстро вышелъ.

Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполголоса: «бѣднякъ!» и, сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступала долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ.... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!

—

Въ знойный полдень 26 іюня 1848 года, въ Парижѣ, когда уже возстаніе «національныхъ мастерскихъ» было почти подавлено, въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ предмѣстія св. Антонія, баталіонъ линейнаго войска бралъ баррикаду. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже разбили ее; ея защитники, оставшіеся въ живыхъ, её покинули и только думали о собственномъ спасеніи, какъ вдругъ, на самой ея вершинѣ, на продавленномъ кузовѣ поваленнаго омнибуса, появился высокій человѣкъ въ старомъ сюртукѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ, и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ, растрепанныхъ волосахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой— кривую и тупую саблю, и кричалъ что-то напряженнымъ, тонкимъ голосомъ, карабкаясь кверху и помавая и знаменемъ и саблей.—Венсеннскій стрѣлокъ прицѣлился въ него—выстрѣлилъ.... Высокій человѣкъ выронилъ знамя—и, какъ мѣшокъ, повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги кому-то поклонился... Пуля прошла ему сквозь самое сердце.

Viens! сказалъ одинъ изъ убѣгавшихъ insurgés другому:— on vient de tuer le Polonais.

Bigre! отвѣтилъ тотъ и оба бросились въ подвалъ дома, у котораго всѣ ставни были закрыты и стѣны пестрѣли слѣдами пуль и ядеръ.

Этотъ «Polonais» былъ—Дмитрій Рудинъ.

1855 г.

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру, небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ краснваго дома, въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О.... (дѣло происходило въ 1842 году), сидѣли двѣ женщины: одна лѣтъ пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ, — человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый,—умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетѣ, но, рожденный въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньгу. Марья Дмитріевна вышла за него по любви: онъ былъ недуренъ собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезенъ. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ институтѣ и, вернувшись оттуда, жила въ пятидесяти верстахъ отъ О..., въ родовомъ своемъ селѣ Покровскомъ, съ теткой да съ старшимъ братомъ. Братъ этотъ скоро переселился въ Петербургъ на службу и держалъ и сестру и тетку въ черномъ тѣлѣ, пока внезапная смерть не положила предѣла

его поприщу. Марья Дмитріевна наслѣдовала Покровское, но не долго жила въ немъ; на второй же годъ послѣ ея свадьбы съ Калитинымъ, который въ нѣсколько дней успѣлъ покорить ея сердце, Покровское было промѣнено на другое имѣніе, гораздо болѣе доходное, но некрасивое и безъ усадьбы; и въ тоже время Калитинъ пріобрѣлъ домъ въ городѣ О..., гдѣ и поселился съ женою на постоянное жительство. При домѣ находился большой садъ; одной стороной онъ выходилъ прямо въ поле, за городъ. Стало быть,—рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины, — въ деревню таскаться не за чѣмъ. Марья Дмитріевна не разъ въ душѣ пожалѣла о своемъ хорошенькомъ Покровскомъ съ веселой рѣчкой, широкими лугами и зелеными рощицами; но она ни въ чемъ не прекословила мужу и благоговѣла предъ его умомъ и знаніемъ свѣта. Когда же, послѣ пятнадцатилѣтняго брака, онъ умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, Марья Дмитріевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ О....

Марья Дмитріевна въ молодости пользовалась репутаціей миленькой блондинки; и въ пятьдесятъ лѣтъ черты ея не были лишены пріятности, хотя немного распухли и сплылись. Она была болѣе чувствительна, нежели добра, и до зрѣлыхъ лѣтъ сохранила институтскія замашки; она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ея привычки: за то она была очень ласкова и любезна, когда всѣ ея желанія исполнялись и никто ей не прекословилъ. Домъ ея принадлежалъ къ числу пріятнѣйшихъ въ городѣ. Состояніе у ней было весьма хорошее, не столько наслѣдственное, сколько благопріобрѣтенное мужемъ. Обѣ дочери жили съ нею; сынъ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Старушка, сидѣвшая съ Марьей Дмитріевной подъ окошкомъ, была та самая тетка, сестра ея отца, съ которою она провела нѣкогда нѣсколько уединенныхъ лѣтъ въ Покровскомъ. Звали ее Мароой Тимофеевной Пестовой. Она слыла чудачкой, нравъ имѣла независимый, говорила всѣмъ правду въ глаза и при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. Она терпѣть не могла покойнаго Калитина,

и какъ только ея племянница вышла за него за-мужъ, удалилась въ свою деревушку, гдѣ прожила цѣлыхъ десять лѣтъ у мужика въ курной избѣ. Марья Дмитріевна ея побаивалась. Черноволосая и быстроглазая даже въ старости, маленькая, востроносая, Мароа Тимофеевна ходила живо, держалась прямо, и говорила скоро и внятно, тонкимъ и звучнымъ голоскомъ. Она постоянно носила бѣлый чепецъ и бѣлую кофту.

— О чемъ ты это? спросила она вдругъ Марью Дмитріевну. О чемъ вздыхаешь, мать моя?

— Такъ! промолвила та.—Какія чудесныя облака!

— Такъ тебѣ ихъ жалко, что ли?

Марья Дмитріевна ничего не отвѣчала.

— Что это Гедеоновскій нейдетъ? проговорила Мароа Тимофеевна, проворно шевеля спицами. (Она вязала большой шерстяной шарфъ). Онъ бы повздыхалъ вмѣстѣ съ тобою,—не то, совралъ бы что-нибудь.

— Какъ вы всегда строго о немъ отзываетесь! Сергѣй Петровичъ—почтенный человѣкъ.

— Почтенный! повторила съ укоризной старушка.

— И какъ онъ покойному мужу былъ преданъ! проговорила Марья Дмитріевна: — до сихъ поръ вспомнить о немъ равнодушно не можетъ.

— Еще бы! тотъ его за уши изъ грязи вытащилъ, проворчала Мароа Тимофеевна, и спицы еще быстрѣе заходили въ ея рукахъ.

— Глядитъ такимъ смиренникомъ, начала она снова,—голова вся сѣдая, а что ротъ раскроетъ, то солжетъ или наплетничаетъ. А еще статскій совѣтникъ! Ну, и то сказать: поповичъ!

— Кто же безъ грѣха, тетушка? Эта слабость въ немъ есть конечно. Сергѣй Петровичъ воспитанія, конечно, не получилъ, по-французски не говоритъ; но онъ, воля ваша, пріятный человѣкъ.

— Да, онъ ручки у тебя все лижетъ. По-французски не говоритъ, — эка бѣда! Я сама не сильна во французскомъ «діалехтѣ». Лучше бы онъ ни покаковски не говорилъ: не лгалъ бы. Да вотъ онъ, кстати, легокъ на поминѣ, приба-

вила Марфа Тимофеевна, глянувъ на улицу.—Вонъ онъ шагаетъ, твой пріятный человѣкъ. Экой длинный, словно аистъ!

Марья Дмитріевна поправила свои локоны. Марфа Тимофеевна съ усмѣшкой посмотрѣла на нее.

— Что это у тебя, никакъ сѣдой волосъ, мать моя? Ты побрани свою Палашку. Чего она смотритъ?

— Ужь вы, тетушка, всегда.... пробормотала съ досадой Марья Дмитріевна и застучала пальцами по ручкѣ креселъ.

— Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій! пропищалъ краснощекій казачокъ, выскочивъ изъ-за двери.

II.

Вошелъ человѣкъ высокаго роста, въ опрятномъ сюртукѣ, коротенькихъ панталонахъ, сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ и двухъ галстукахъ — одномъ черномъ сверху, другомъ бѣломъ снизу. Все въ немъ дышало приличіемъ и пристойностью, начиная съ благообразнаго лица и гладко причесанныхъ висковъ до сапоговъ безъ каблуковъ и безъ скрыпу. Онъ поклонился сперва хозяйкѣ дома, потомъ Марфѣ Тимофеевнѣ и, медленно стащивъ перчатки, подошелъ къ ручкѣ Марьи Дмитріевны. Поцѣловавъ ее почтительно и два раза сряду, онъ сѣлъ не торопясь на кресла и съ улыбкой, потирая самые кончики пальцевъ, проговорилъ:

— А Елизавета Михайловна здоровы?

— Да, отвѣчала Марья Дмитріевна,—она въ саду.

— И Елена Михайловна?

— Леночка въ саду тоже.—Нѣтъ ли чего новенькаго?

— Какъ не быть-съ, какъ не быть-съ, возразилъ гость, медленно моргая и вытягивая губы. Гмъ!... да вотъ пожалуйте, есть новость, и преудивительная: Лаврецкій Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ.

— Ѳедя! воскликнула Марфа Тимофеевна.—Да ты, полно, не сочиняешь ли, отецъ мой?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ самолично видѣлъ.

— Ну, это еще не доказательство.

— Очень поздоровѣли, продолжалъ Гедеоновскій, показывая

видъ будто не слышалъ замѣчанія Маѳы Тимофеевны: въ плечахъ еще шире стали, и румянецъ во всю щеку.

— Поздоровѣлъ, произнесла съ разстановкой Марья Дмитріевна:—кажется, съ чего бы ему здоровѣть?

— Да-съ, возразилъ Гедеоновскій:—другой, на его мѣстѣ, и въ свѣтъ-то показаться посовѣстился бы.

— Это отчего? перебила Маѳа Тимофеевна? это что за вздоръ? человѣкъ возвратился на родину—куда жь ему дѣться прикажете? И благо онъ въ чемъ виноватъ былъ!

— Мужъ всегда виноватъ, сударыня, осмѣлюсь вамъ доложить, когда жена нехорошо ведетъ себя.

— Это ты, батюшка, оттого говоришь, что самъ женатъ не былъ. Гедеоновскій принужденно улыбнулся.

— Позвольте полюбопытствовать, спросилъ онъ послѣ небольшаго молчанія:—кому назначается этотъ миленькій шарфъ?

Маѳа Тимофеевна быстро взглянула на него.

— А тому назначается, возразила она: — кто никогда не сплетничаетъ, не хитритъ и не сочиняетъ, если только есть на свѣтѣ такой человѣкъ. Ѳедю я знаю хорошо; онъ только тѣмъ и виноватъ, что баловалъ жену. Ну да и женился онъ по любви, а изъ этихъ изъ любовныхъ свадебъ ничего путнаго никогда не выходитъ, прибавила старушка, косвенно взглянувъ на Марью Дмитріевну и вставая.—А ты теперь, мой батюшка, на комъ угодно зубки точи, хоть на мнѣ; я уйду, мѣшать не буду. И Маѳа Тимофеевна удалилась.

— Вотъ она всегда такъ, проговорила Марья Дмитріевна, проводивъ свою тетку глазами:—всегда!

— Лѣта ихнія! Что дѣлать-съ замѣтилъ Гедеоновскій.— Вотъ онѣ изволятъ говорить: кто не хитритъ. Да кто нонеча не хитритъ? вѣкъ ужь такой. Одинъ мой пріятель, препочтенный, и, доложу вамъ, не малаго чина человѣкъ, говаривалъ: что нонеча, молъ, курица—и та съ хитростью къ зерну приближается — все наровитъ, какъ бы съ боку подойти. А какъ погляжу я на васъ, моя барыня, нравъ то у васъ истинно ангельскій; пожалуйте ка мнѣ вашу бѣлоснѣжную ручку.

Марья Дмитріевна слабо улыбнулась и протянула Гедеоновскому свою пухлую руку съ отдѣленнымъ пятымъ пальчикомъ.

Онъ приложился къ ней губами, а она пододвинула къ нему свое кресло и, слегка нагнувшись, спросила въ полголоса:

— Такъ видѣли вы его? Въ самомъ дѣлѣ онъ — ничего, здоровъ, веселъ?

— Веселъ-съ, ничего-съ, возразилъ Гедеоновскій шепотомъ.

— А не слыхали вы, гдѣ его жена теперь?

— Въ послѣднее время въ Парижѣ была-съ; теперь, слышно, въ итальянское государство переселилась.

— Это ужасно, право,—Одино положеніе; я не знаю, какъ онъ переноситъ. Случаются, точно, несчастья со всякимъ; но вѣдь его, можно сказать, на всю Европу распубликовали.

Гедеоновскій вздохнулъ,

— Да-съ, да-съ. Вѣдь она, говорятъ, и съ артистами, и съ піанистами, и, какъ тамъ по ихнему, со львами да со звѣрями знакомство вела. Стыдъ потеряла совершенно....

— Очень, очень жалко, проговорила Марья Дмитріевна. По родственному: вѣдь онъ мнѣ, Сергѣй Петровичъ, вы знаете, внучатный племянникъ.

— Какже-съ, какже-съ. Какъ мнѣ не знать-съ всего, что до вашего семейства относится? Помилуйте-съ.

— Придетъ онъ къ намъ,—какъ вы думаете?

— Должно полагать-съ; а впрочемъ они, слышно, къ себѣ въ деревню собираются.

Марья Дмитріевна подняла глаза къ небу.

— Ахъ Сергѣй Петровичъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я подумаю, какъ намъ женщинамъ нужно осторожно вести себя!

— Женщина женщинѣ рознь, Марья Дмитріевна. Есть, къ несчастію, такія, — нрава непостояннаго.... ну и лѣта; опять правила не внушены съ-измала. Сергѣй Петровичъ досталъ изъ кармана клѣтчатый синій платокъ и началъ его развертывать.— Такія женщины, конечно, бываютъ. Сергѣй Петровичъ поднесъ уголъ платка поочередно къ своимъ глазамъ.—Но вообще говоря, если разсудить, то-есть.... Пыль въ городѣ необыкновенная, заключилъ онъ.

— *Maman*, *maman*, вскричала, вбѣгая въ комнату, смазливая дѣвочка лѣтъ одиннадцати:—къ намъ Владиміръ Николаичъ верхомъ ѣдетъ!

Марья Дмитріевна встала; Сергѣй Петровичъ тоже всталъ и

поклонился.—Еленѣ Михайловнѣ наше нижайшее, проговорилъ онъ и, отойдя въ уголокъ для приличія, принялся сморкать свой длинный и правильный носъ.

— Какая у него чудесная лошадь! продолжала дѣвочка. — Онъ сейчасъ былъ у калитки и сказалъ намъ съ Лизой, что къ крыльцу подъѣдетъ.

Послышался топотъ копытъ, и стройный всадникъ на красивомъ гнѣдомъ конѣ показался на улицѣ и остановился передъ раскрытомъ окномъ.

III.

— Здравствуйте, Марья Дмитріевна! воскликнулъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ всадникъ. — Какъ вамъ нравится моя новая покупка?

Марья Дмитріевна подошла къ окну.

— Здравствуйте, Woldemar! Ахъ, какая славная лошадь! У кого вы ее купили?

— У ремонтера.... Дорого взялъ, разбойникъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Орландомъ.... Да это имя глупо; я хочу перемѣнить.... Eh bien, eh bien, mon garçon.... Какой неугомонный!

Конь фыркалъ, переступалъ ногами и махалъ опѣненною мордой.

— Леночка, погладьте ее, не бойтесь....

Дѣвочка протянула изъ окна руку, но Орландъ вдругъ взвился на дыбы и бросился въ сторону. Всадникъ не потерялся, взялъ коня въ шенкеля, вытянулъ его хлыстомъ по шеѣ и, не смотря на его сопротивленіе, поставилъ его опять передъ окномъ.

— Prenez garde, prenez garde, твердила Марья Дмитріевна.

— Леночка, поласкайте его, возразилъ всадникъ; я не позволю ему вольничать.

Дѣвочка опять протянула руку и робко коснулась трепетавшихъ ноздрей Орланда, который безпрестанно вздрагивалъ и грызъ удила.

— Браво! воскликнула Марья Дмитріевна; а теперь слѣзьте и придите къ намъ.

Всадникъ лихо повернулъ коня, далъ ему шпоры и, проскакавъ короткимъ галопомъ по улицѣ, въѣхалъ на дворъ. Минуту спустя, онъ вбѣжалъ, помахивая хлыстикомъ, изъ двери передней въ гостинную; въ то же время на порогѣ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая дѣвушка лѣтъ девятнадцати,—старшая дочь Марьи Дмитріевны, Лиза.

IV.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы только-что познакомили читателей, прозывался Владиміромъ Николаичемъ Паншинымъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ городъ О.... онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человѣкъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и нервической дерготней въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и задушевнаго малаго. Несмотря на всю свою ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищеты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстроенное. Зато онъ, по-своему, позаботился объ его воспитаніи: Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо понѣмецки; но пускать въ ходъ германское словцо въ нѣкоторыхъ, большею частью забавныхъ, случаяхъ — можно: c'est même très chic, какъ выражаются петербургскіе парижане. Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ не смущаясь войдти въ любую гостинную, пріятно повертѣться въ ней и кстати удалиться. Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между двумя робберами или послѣ удачнаго «большаго шлема», онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ «Володькѣ» какому-нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ.

Съ своей стороны Владиміръ Николаичъ во время пребыванія въ университетѣ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента, познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали; онъ былъ очень недуренъ собою, развязенъ, забавенъ, всегда здоровъ и на все готовъ; гдѣ нужно—почтителенъ, гдѣ можно—дерзокъ, отличный товарищъ, un charmant garçon. Завѣтная область раскрылась передъ нимъ. Паншинъ скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проникнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ, умѣлъ съ полунасмѣшливой важностью заниматься вздоромъ и показать видъ, что почитаетъ все важное за вздоръ,—танцовалъ отлично, одѣвался по англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и ловкихъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ,—не хуже отца; но онъ былъ также очень даровитъ. Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ. Ему всего пошелъ двадцать-восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою проницательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело, полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и воображалъ, что знаетъ людей, особенно женщинъ; онъ хорошо зналъ ихъ обыденныя слабости. Какъ человѣкъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ и жаръ, и нѣкоторое увлеченіе, и восторженность, и вслѣдствіе этого позволялъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, непринадлежавшими къ свѣту, и вообще держался вольно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитръ, и во время самаго буйнаго кутежа, его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ; этотъ смѣлый, этотъ свободный юноша никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ никогда не хвастался своими побѣдами. Въ домъ Марьи Дмитріевны онъ попалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ О.... и скоро освоился въ немъ совершенно. Марья Дмитріевна въ немъ души не чаяла.

Паншинъ любезно раскланялся со всѣми находившимися въ

комнатѣ, пожалъ руку у Марьи Дмитріевны и у Лизаветы Михайловны, слегка потрепалъ Гедеоновскаго по плечу и, повернувшись на каблукахъ, поймалъ Леночку за голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— И вы не боитесь ѣздить на такой злой лошади? спросила его Марья Дмитріевна.

— Помилуйте, она пресмирная; а вотъ, я доложу вамъ, чего я боюсь: я боюсь играть въ преферансъ съ Сергѣемъ Петровичемъ; вчера у Бѣленицыныхъ онъ обыгралъ меня въ пухъ.

Гедеоновскій засмѣялся тоненькимъ и подобострастнымъ смѣхомъ: онъ заискивалъ въ молодомъ блестящемъ чиновникѣ изъ Петербурга, губернаторскомъ любимцѣ. Въ разговорахъ своихъ съ Марьей Дмитріевной онъ часто упоминалъ о замѣчательныхъ способностяхъ Паншина. Вѣдь вотъ, разсуждалъ онъ, какъ не похвалить? И въ высшей сферѣ жизни успѣваетъ молодой человѣкъ, и служитъ примѣрно, и гордости ни малѣйшей. Впрочемъ, Паншина и въ Петербургѣ считали дѣльнымъ чиновникомъ: работа кипѣла у него въ рукахъ; онъ говорилъ о ней шутя, какъ оно и слѣдуетъ свѣтскому человѣку, не придающему особеннаго значенія своимъ трудамъ, но былъ «исполнитель». Начальники любятъ такихъ подчиненныхъ; самъ онъ не сомнѣвался въ томъ, что, если захочетъ, будетъ со временемъ министромъ.

— Вы изволите говорить, что я обыгралъ васъ, промолвилъ Гедеоновскій:—а на прошлой недѣлѣ кто у меня выигралъ двѣнадцать рублей? да еще....

— Злодѣй, злодѣй, перебилъ его Паншинъ съ ласковой, но чуть-чуть презрительной небрежностью и, не обращая болѣе на него вниманія, подошелъ къ Лизѣ.

— Я не могъ найдти здѣсь увертюру Оберона, началъ онъ.—Бѣленицына только хвасталась, что у ней вся классическая музыка,—на дѣлѣ у ней кромѣ полекъ и вальсовъ ничего нѣтъ; но я уже написалъ въ Москву и черезъ недѣлю вы будете имѣть эту увертюру. Кстати, продолжалъ онъ, я написалъ вчера новый романсъ; слова тоже мои. Хотите, я вамъ спою? Не знаю, что изъ этого вышло; Бѣленицына нашла

его премиленькимъ, но ея слова ничего не значатъ,—я желаю знать ваше мнѣніе. Впрочемъ, я думаю лучше послѣ.

— Зачѣмъ же послѣ? вмѣшалась Марья Дмитріевна:—отчего же не теперь?

— Слушаю-съ, промолвилъ Паншинъ съ какой-то свѣтлой и сладкой улыбкой, которая у него и появлялась и пропадала вдругъ,—пододвинулъ колѣнкомъ стулъ, сѣлъ за фортепьяно и, взявши нѣсколько аккордовъ, запѣлъ, четко отдѣляя слова, слѣдующій романсъ:

Луна плыветъ высоко надъ землею
Межь блѣдныхъ тучъ;
Но движетъ съ вышины волной морскою
Волшебный лучъ.

Моей души тебя признало море
Своей луной.
И движется,—и въ радости, и въ горѣ,—
Тобой одной.

Тоской любви, тоской нѣмыхъ стремленій
Душа полна;
Мнѣ тяжело.... Но ты чужда смятенія,
Какъ та луна.

Второй куплетъ былъ спѣтъ Паншинымъ съ особеннымъ выраженіемъ и силой; въ бурномъ акомпаниментѣ слышались переливы волнъ. Послѣ словъ: мнѣ тяжело.... онъ вздохнулъ слегка, опустилъ глаза и понизилъ голосъ — morendo. Когда онъ кончилъ, Лиза похвалила мотивъ, Марья Дмитріевна сказала: прелестно,—а Гедеоновскій даже крикнулъ: восхитительно! и поэзія, и гармонія одинаково восхитительны!... Леночка съ дѣтскимъ благоговѣніемъ посмотрѣла на пѣвца. Словомъ, всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодаго диллетанта; но за дверью гостиной въ передней стоялъ только-что пришедшій, уже старый человѣкъ, которому, судя по выраженію его потупленнаго лица и движеніямъ плечей, романсъ Паншина, хотя и премиленькій, не доставилъ удовольствія. Подождавъ немного и смахнувъ пыль съ сапоговъ толстымъ носовымъ платкомъ, человѣкъ этотъ внезапно съежилъ глаза, угрюмо сжалъ губы, согнулъ свою, и безъ того сутулую, спину и медленно вошелъ въ гостинную.

— А! Христофоръ Ѳедорычъ, здравствуйте! воскликнулъ прежде всѣхъ Паншинъ и быстро вскочилъ со стула.—Я и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь,—я бы при васъ ни за что не рѣшился спѣть свой романсъ. Я знаю, вы не охотникъ до легкой музыки.

— Я не слушиль, произнесъ дурнымъ русскимъ языкомъ вошедшій человѣкъ и, раскланявшись со всѣми, неловко остановился посреди комнаты.

— Вы, мосье Леммъ, сказала Марья Дмитріевна:—пришли дать урокъ музыки Лизѣ?

— Нѣтъ, не Лисафетъ Михайловнѣ, а Еленъ Михайловнѣ.

— А! Ну чтожь—прекрасно. Леночка, ступай наверхъ съ г-мъ Леммомъ.

Старикъ пошелъ было вслѣдъ за дѣвочкой; но Паншинъ остановилъ его.

— Не уходите послѣ урока, Христофоръ Ѳедорычъ, сказалъ онъ:—мы съ Лизаветой Михайловной сыграемъ бетговенскую сонату въ четыре руки.

Старикъ проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, а Паншинъ продолжалъ по-нѣмецки, плохо выговаривая слова:

— Мнѣ Лизавета Михайловна показала духовную кантату, которую вы ей поднесли, — прекрасная вещь! Вы пожалуйста не думайте, что я не умѣю цѣнить серьезную музыку, — напротивъ: она иногда скучна, но за то очень пользительна.

Старикъ покраснѣлъ до ушей, бросилъ косвенный взглядъ на Лизу и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна попросила Паншина повторить романсъ; но онъ объявилъ, что не желаетъ оскорблять ушей ученаго нѣмца, и предложилъ Лизѣ заняться бетговенской сонатой. Тогда Марья Дмитріевна вздохнула и съ своей стороны предложила Гедеоновскому пройдтись съ ней по саду.—Мнѣ хочется, сказала она, — еще поговорить и посовѣтоваться съ вами о бѣдномъ нашемъ Ѳедѣ. Гедеоновскій осклабился, поклонился, взялъ двумя пальцами свою шляпу съ акуратно положенными на одномъ изъ ея полей перчатками и удалился вмѣстѣ съ Марьей Дмитріевной. Въ комнатѣ остались Паншинъ и Лиза; она достала и раскрыла сонату; оба молча сѣли за фортепьяно. —

Съ верху доносились слабые звуки гаммъ, разыгрываемыхъ невѣрными пальчиками Леночки.

V.

Христоформъ Теодоръ Готлибъ Леммъ родился въ 1786 году, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ городѣ Хемницѣ, отъ бѣдныхъ музыкантовъ. Отецъ его игралъ на волторнѣ, мать на арфѣ; самъ онъ уже по пятому году упражнялся на трехъ различныхъ инструментахъ. Восьми лѣтъ онъ осиротѣлъ, а съ десяти началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба своимъ искусствомъ. Онъ долго велъ бродячую жизнь, игралъ вездѣ—и въ трактирахъ, и на ярмаркахъ, и на крестьянскихъ свальбахъ, и на балахъ; наконецъ попалъ въ оркестръ и, подвигаясь всё выше и выше, достигъ дирижерскаго мѣста. Исполнитель онъ былъ довольно плохой; но музыку зналъ основательно. На двадцать-восьмомъ году переселился онъ въ Россію. Его выписалъ большой баринъ, который самъ терпѣть не могъ музыки, но держалъ оркестръ изъ чванства. Леммъ прожилъ у него лѣтъ семь въ качествѣ капельмейстера и отошелъ отъ него съ пустыми руками: баринъ разорился, хотѣлъ дать ему на себя вексель, но впослѣдствіи отказалъ ему и въ этомъ,—словомъ, не заплатилъ ему ни копѣйки. Ему совѣтовали уѣхать; но онъ не хотѣлъ вернуться домой нищимъ изъ Россіи, изъ великой Россіи, этого золотаго дна артистовъ; онъ рѣшился остаться и испытать свое счастье. Въ теченіи двадцати лѣтъ бѣдный нѣмецъ пыталъ свое счастье: побывалъ у различныхъ господъ, жилъ и въ Москвѣ, и въ губернскихъ городахъ, терпѣлъ и сносилъ многое, узналъ нищету, бился, какъ рыба объ лёдъ; но мысль о возвращеніи на родину не покидала его среди всѣхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался; она только одна его и поддерживала. Судьбѣ однако не было угодно порадовать его этимъ послѣднимъ и первымъ счастьемъ: 50-ти лѣтъ, больной, до времени одряхлѣвшій, застрялъ онъ въ городѣ О., и остался въ немъ навсегда, уже окончательно потерявъ всякую надежду покинуть ненавистную ему Россію и кое-какъ поддерживая уроками свое скудное существованіе. Наружность Лемма

не располагала въ его пользу. Онъ былъ небольшаго роста, сутуловатъ, съ криво-выдавшимися лопатками и втянутымъ животомъ, съ большими плоскими ступнями, съ блѣдно-синими ногтями на твердыхъ, неразгибавшихся пальцахъ жилистыхъ красныхъ рукъ; лицо имѣлъ морщинистое, впалыя щеки и сжатыя губы, которыми онъ безпрестанно двигалъ и жевалъ, что, при его обычной молчаливости, производило впечатлѣніе почти зловѣщее; сѣдые его волосы висѣли клочьями надъ невысокимъ лбомъ; какъ только-что залитые угольки, глухо тлѣли его крошечные, неподвижные глазки; ступалъ онъ тяжело, на каждомъ шагу перекидывая все свое неповоротливое тѣло. Иныя его движенія напоминали неуклюжее охорашиваніе совы въ клѣткѣ, когда она чувствуетъ, что на нее глядятъ, а сама едва видитъ своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами. Застарѣлое, неумолимое горе положило на бѣднаго музикуса свою неизгладимую печать, искривило и обезобразило его, и безъ того невзрачную, фигуру; но для того, кто умѣлъ не останавливаться на первыхъ впечатлѣніяхъ, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное виднѣлось въ этомъ полу-разрушенномъ существѣ. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Леммъ со временемъ—кто знаетъ?—сталъ бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, еслибъ жизнь иначе его повела; но не подъ счасливой звѣздой онъ родился! Онъ много написалъ на своемъ вѣку—и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ: не умѣлъ онъ приняться за дѣло, какъ слѣдовало, поклониться кстати, похлопотать во время. Какъ-то, давнымъ-давно тому назадъ, одинъ его поклонникъ и другъ, тоже нѣмецъ и тоже бѣдный, издалъ на свой счетъ двѣ его сонаты,—да и тѣ остались цѣликомъ въ подвалахъ музыкальныхъ магазиновъ; глухо и безслѣдно провалились онѣ, словно ихъ ночью кто въ рѣку бросилъ. Леммъ наконецъ махнулъ рукой на все; притомъ и годы брали свое: онъ зачерствѣлъ, одеревенѣлъ, какъ пальцы его одеревенѣли. Одинъ, съ старой кухаркой, взятой имъ изъ богадѣльни (онъ никогда женатъ не былъ), проживалъ онъ въ О., въ небольшомъ домишкѣ, недалеко отъ Калитинскаго дома; много гулялъ, читалъ библію, да собраніе протестантскихъ

псалмовъ, да Шекспира въ шлегелевскомъ переводѣ. Онъ давно ничего не сочинялъ; но видно Лиза, лучшая его ученица, умѣла его расшевелить: онъ написалъ для нея кантату, о которой упомянулъ Паншинъ. Слова этой кантаты были имъ заимствованы изъ собранія псалмовъ; нѣкоторые стихи онъ самъ присочинилъ. Ее пѣли два хора,—хоръ счастливцевъ и хоръ несчастливцевъ; оба они къ концу примирялись и пѣли вмѣстѣ: «Боже милостивый, помилуй насъ грѣшныхъ и отжени отъ насъ «всякія лукавыя мысли и земныя надежды».—На заглавномъ листѣ, весьма тщательно написанномъ и даже разрисованномъ, стояло: «Только праведные правы. Духовная кантата. Сочинена и посвящена дѣвицѣ Елизаветѣ Калитиной, моей любезной ученицѣ, ея учителемъ, Х. Т. Г. Леммомъ». Слова: «только праведныя правы» и «Елизаветѣ Калитиной» были окружены лучами. Внизу было приписано: «Для васъ однихъ, für Sie allein».—Оттого-то Леммъ и покраснѣлъ и взглянулъ искоса на Лизу; ему стало очень больно, когда Паншинъ заговорилъ при немъ объ его кантатѣ.

VI.

Паншинъ громко и рѣшительно взялъ первые аккорды сонаты (онъ игралъ вторую руку), но Лиза не начинала своей партіи. Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее. Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствіе; губы ея не улыбались, все лицо было строго, почти печально.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы не сдержали своего слова? сказала она.— Я вамъ показала кантату Христофора Ѳедорыча подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы не говорили ему о ней.

— Виноватъ, Лизавета Михайловна,—къ слову пришлось.

— Вы его огорчили—и меня тоже. Теперь онъ и мнѣ довѣрять не будетъ.

— Что прикажете дѣлать, Лизавета Михайловна! Отъ младыхъ ногтей не могу видѣть равнодушно нѣмца: такъ и подмываетъ меня его подразнить.

— Что вы это говорите, Владиміръ Николаичъ! Этотъ нѣ-

мецъ, бѣдный, одинокій, убитый человѣкъ—и вамъ его не жаль? Вамъ хочется дразнить его?

Паншинъ смутился.

— Вы правы, Лизавета Михайловна, промолвилъ онъ.— Всему виною—моя вѣчная необдуманность. Нѣтъ, не возражайте мнѣ; я себя хорошо знаю. Много зла мнѣ надѣлала моя необдуманность. По ея милости я прослылъ за эгоиста.

Паншинъ помолчалъ. Съ чего бы ни начиналъ онъ разговоръ,—онъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что говорилъ о самомъ себѣ, и это выходило у него какъ-то мило и мягко, задушевно, словно невольно.

— Вотъ и въ вашемъ домѣ, продолжалъ онъ:—матушка ваша, конечно, ко мнѣ благоволитъ—она такая добрая; вы.... впрочемъ я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; за то ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. Я ее тоже, должно быть, обидѣлъ какимъ-нибудь необдуманнымъ, глупымъ словомъ. Вѣдь она меня не любитъ, не правда-ли?

— Да, произнесла Лиза съ небольшой запинкой:—вы ей не нравитесь.

Паншинъ быстро провелъ пальцами по клавишамъ; едва замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Ну, а вы? промолвилъ онъ:—я вамъ тоже кажусь эгоистомъ?

— Я васъ еще мало знаю, возразила Лиза:—но я васъ не считаю за эгоиста; я, напротивъ, должна быть благодарна вамъ...,.

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать, перебилъ ее Паншинъ, и снова пробѣжалъ пальцами по клавишамъ:—за ноты, за книги, которыя я вамъ приношу, за плохіе рисунки, которыми я украшаю вашъ альбомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я могу все это дѣлать—и все-таки быть эгоистомъ. Смѣю думать, что вы не скучаете со мною и что вы не считаете меня за дурнаго человѣка; но все же вы полагаете, что я—какъ бишь это сказано?—для краснаго словца не пожалѣю ни отца, ни пріятеля.

— Вы разсѣянны и забывчивы, какъ всѣ свѣтскіе люди, промолвила Лиза:—вотъ и все.

Паншинъ немного нахмурился.

— Послушайте, сказалъ онъ:—не будемте больше говорить

обо мнѣ; станемте разыгрывать нашу сонату. Объ одномъ только прошу я васъ, прибавилъ онъ, разглаживая рукою листы лежавшей на пюпитрѣ тетради: — думайте обо мнѣ, что̀ хотите, называйте меня даже эгоистомъ—такъ и быть! но не называйте меня свѣтскимъ человѣкомъ: эта кличка мнѣ нестерпима.... Anch'io sono pittore. Я тоже артистъ, хотя плохой, и это, а именно то, что я плохой артистъ,—я вамъ докажу сейчасъ же на дѣлѣ. Начнемъ же.

— Начнемъ, пожалуй, сказала Лиза.

Первое adagio прошло довольно благополучно, хотя Паншинъ неоднократно ошибался. Свое и заученое онъ игралъ очень мило, но разбиралъ плохо. Зато вторая часть сонаты—довольно быстрое allegro—совсѣмъ не пошла: на двадцатомъ тактѣ, Паншинъ, отставшій такта на два, не выдержалъ и со смѣхомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ:—я не могу сегодня играть; хорошо, что Леммъ насъ не слышалъ: онъ бы въ обморокъ упалъ.

Лиза встала, закрыла фортепьяно и обернулась къ Паншину.

— Что̀ же мы будемъ дѣлать? спросила она.

— Узнаю васъ въ этомъ вопросѣ! Вы никакъ не можете сидѣть сложа руки. Чтожь, если хотите, давайте рисовать, пока еще не совсѣмъ стемнѣло. Авось другая муза—муза рисованія — какъ бишь ее звали? позабылъ.... будетъ ко мнѣ благосклоннѣе. Гдѣ вашъ альбомъ? Помнится, тамъ мой пейзажъ не конченъ.

Лиза пошла въ другую комнату за альбомомъ, а Паншинъ, оставшись одинъ, досталъ изъ кармана батистовый платокъ, потеръ себѣ ногти и посмотрѣлъ какъ-то скосясь, на свои руки. Онѣ у него были очень красивы и бѣлы; на большомъ пальцѣ лѣвой руки носилъ онъ винтообразное золотое кольцо. Лиза вернулась; Паншинъ усѣлся къ окну, развернулъ альбомъ.

— Аға! воскликнулъ онъ:—я вижу, вы начали срисовывать мой пейзажъ — и прекрасно. Очень хорошо! Вотъ тутъ только — дайте-ка карандашъ — не довольно сильно положены тѣни. Смотрите.

И Паншинъ размашисто проложилъ нѣсколько длинныхъ штриховъ. Онъ постоянно рисовалъ одинъ и тотъ же пейзажъ: на первомъ планѣ большія растрепанныя деревья, въ отдаленьи

поляну и зубчатыя горы на небосклонѣ. Лиза глядѣла черезъ его плечо на его работу.

— Въ рисункѣ, да и вообще въ жизни, говорилъ Паншинъ, сгибая голову то на право, то на лѣво:—легкость и смѣлость—первое дѣло.

Въ это мгновеніе вошелъ въ комнату Леммъ и, сухо поклонившись, хотѣлъ удалиться; но Паншинъ бросилъ альбомъ и карандашъ въ сторону и преградилъ ему дорогу.

— Куда же вы, любезный Христофоръ Ѳедорычъ? развѣ вы не остаетесь чай пить?

— Мнѣ домой, проговорилъ Леммъ угрюмымъ голосомъ:—голова болитъ.

— Ну, что́ за пустяки,—останьтесь. Мы съ вами поспоримъ о Шекспирѣ.

— Голова болитъ, повторилъ старикъ.

— А мы безъ васъ принялись-было за бетговенскую сонату, продолжалъ Паншинъ, любезно взявъ его за талію и свѣтло улыбаясь:—но дѣло совсѣмъ на ладъ не пошло. Вообразите, я не могъ двѣ ноты сряду взять вѣрно.

— Вы бы опять спѣлъ сфой романце лутчи, возразилъ Леммъ, отводя руки Паншина,—и вышелъ вонъ.

Лиза побѣжала вслѣдъ за нимъ. Она догнала его на крыльцѣ.

— Христофоръ Ѳедорычъ, послушайте, сказала она ему понѣмецки, провожая его до воротъ по зеленой короткой травкѣ двора:—я виновата передъ вами—простите меня.

Леммъ ничего не отвѣчалъ.

— Я показала Владиміру Николаичу вашу кантату; я была увѣрена, что онъ ее оцѣнитъ,—и она, точно, очень ему понравилась.

Леммъ остановился.

— Это ничего, сказалъ онъ по-русски и потомъ прибавилъ на родномъ своемъ языкѣ:—но онъ не можетъ ничего понимать; какъ вы этого не видите? Онъ диллетантъ—и все тутъ!

— Вы къ нему несправедливы, возразила Лиза:—онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать.

— Да, все второй нумеръ, легкій товаръ, спѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ—

ну и браво. А я не сержусь; эта кантата и я—мы оба старые дураки; мнѣ немножко стыдно, но это ничего.

— Простите меня, Христофоръ Ѳедорычъ, проговорила снова Лиза.

— Ничего, ничего, повторилъ онъ опять по-русски:—вы добрая дѣвушка.... а вотъ кто-то къ вамъ идетъ. Прощайте. Вы очень добрая дѣвушка.

И Леммъ утопленнымъ шагомъ направился къ воротамъ, въ которыя входилъ какой-то незнакомый ему господинъ, въ сѣромъ пальто и широкой соломенной шляпѣ. Вѣжливо поклонившись ему (онъ кланялся всѣмъ новымъ лицамъ въ городѣ О.; отъ знакомыхъ онъ отворачивался на улицѣ — такое ужь онъ положилъ себѣ правило), Леммъ прошелъ мимо и исчезъ за заборомъ. Незнакомецъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, вглядѣвшись въ Лизу, подошелъ прямо къ ней.

VII.

Вы меня не узнаете, промолвилъ онъ, снимая шляпу, — а я васъ узналъ, даромъ что уже восемь лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Вы были тогда ребенкомъ. Я Лаврецкій. Матушка ваша дома? Можно ее видѣть?

— Мамаша будетъ очень рада, возразила Лиза:—она слышала о вашемъ пріѣздѣ.

— Вѣдь васъ, кажется, зовутъ Елизаветой? промолвилъ Лаврецкій, взбираясь по ступенямъ крыльца.

— Да.

— Я помню васъ хорошо; у васъ уже тогда было такое лицо, котораго не забываешь; я вамъ тогда возилъ конфекты.

Лиза покраснѣла и подумала: какой онъ странный. Лаврецкій остановился на минуту въ передней. Лиза вошла въ гостиную, гдѣ раздавался голосъ и хохотъ Паншина; онъ сообщалъ какую-то городскую сплетню Марьѣ Дмитріевнѣ и Гедеоновскому, уже успѣвшимъ вернуться изъ сада, и самъ громко смѣялся тому, что̀ разсказывалъ. При имени Лаврецкаго, Марья Дмитріевна вся всполошилась, поблѣднѣла и пошла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой милый cousin! воскликнула она растянутымъ и почти слезливымъ голосомъ:— какъ я рада васъ видѣть!

— Здравствуйте, моя добрая кузина, возразилъ Лаврецкій, и дружелюбно пожалъ ея протянутую руку: — какъ васъ Господь милуетъ?

— Садитесь, садитесь, мой дорогой Ѳедоръ Иванычъ. Ахъ, какъ я рада! Позвольте во-первыхъ представить вамъ мою дочь, Лизу....

— Я ужь самъ отрекомендовался Лизаветѣ Михайловнѣ, перебилъ ее Лаврецкій.

— Мсьё Паншинъ.... Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій.... Да садитесь же! Гляжу на васъ и, право, даже глазамъ не вѣрю. Какъ здоровье ваше?

— Какъ изволите видѣть: процвѣтаю. Да и вы, кузина— какъ бы васъ не сглазить—не похудѣли въ эти восемь лѣтъ.

— Какъ подумаешь, сколько времени не видались,—мечтательно промолвила Марья Дмитріевна. — Вы откуда теперь? Гдѣ вы оставили.... то есть, я хотѣла сказать, торопливо подхватила она,—я хотѣла сказать, надолго ли вы къ намъ?

— Я пріѣхалъ теперь изъ Берлина, возразилъ Лаврецкій, и завтра же отправляюсь въ деревню—вѣроятно, надолго.

— Вы, конечно, въ Лаврикахъ жить будете?

— Нѣтъ, не въ Лаврикахъ; а есть у меня, верстахъ въ двадцати пяти отсюда, деревушка; такъ я туда ѣду.

— Это деревушка, что̀ вамъ отъ Глафиры Петровны досталась?

— Та самая.

— Помилуйте, Ѳедоръ Иванычъ! У васъ въ Лаврикахъ такой чудесный домъ!

Лаврецкій чуть-чуть нахмурилъ брови.

— Да.... но и въ той деревушкѣ есть флигелекъ; а мнѣ пока больше ничего не нужно. Это мѣсто — для меня теперь самое удобное.

Марья Дмитріевна опять до того смѣшалась, что даже выпрямилась и руки развела. Паншинъ пришелъ ей на помощь и вступилъ въ разговоръ съ Лаврецкимъ. Марья Дмитріевна успокоилась, опустилась на спинку креселъ и лишь изрѣдка встав-

ляла свое словечко; но при этомъ такъ жалостливо глядѣла на своего гостя, такъ значительно вздыхала и такъ уныло покачивала головой, что тотъ наконецъ не вытерпѣлъ и довольно рѣзко спросилъ ее: здорова ли она?

— Слава Богу, возразила Марья Дмитріевна,—а что?

— Такъ, мнѣ показалось, что вамъ не по себѣ.

Марья Дмитріевна приняла видъ достойный и нѣсколько обиженный.— А коли такъ, подумала она:—мнѣ совершенно все равно; видно тебѣ, мой батюшка, все, какъ съ гуся вода; иной бы съ горя исчахъ, а тебя еще разнесло. Марья Дмитріевна сама съ собой не церемонилась; вслухъ она говорила изящнѣе.

Лаврецкій, дѣйствительно, не походилъ на жертву рока. Отъ его краснощекаго, чисто-русскаго лица, съ большимъ бѣлымъ лбомъ, немного толстымъ носомъ и широкими правильными губами такъ и вѣяло степнымъ здоровьемъ, крѣпкой, долговѣчной силой. Сложенъ онъ былъ на славу,—и бѣлокурые волосы вились на его головѣ, какъ у юноши. Въ однихъ только его глазахъ, голубыхъ, на выкатѣ и нѣсколько неподвижныхъ, замѣчалась—не то задумчивость, не то усталость, и голосъ его звучалъ какъ-то слишкомъ ровно.

Паншинъ между тѣмъ продолжалъ поддерживать разговоръ. Онъ навелъ рѣчь на выгоды сахароварства, о которомъ недавно прочелъ двѣ французскія брошюрки, и съ спокойной скромностью принялся излагать ихъ содержаніе, не упоминая, впрочемъ, о нихъ ни единымъ словомъ.

— А вѣдь это Ѳедя! раздался вдругъ въ сосѣдней комнатѣ за полу-раскрытой дверью голосъ Маоы Тимофеевны:— Ѳедя, точно! И старушка проворно вошла въ гостиную. Лаврецкій не успѣлъ еще подняться со стула, какъ ужь она обняла его.—Покажи-ка себя, покажи-ка, промолвила она, отодвигаясь отъ его лица. Э! да какой же ты славный. Постарѣлъ, а не подурнѣлъ нисколько, право. Да что ты руки у меня цалуешь—ты меня самое цалуй, коли тебѣ мои сморщенныя щеки не противны. Небось, не спросилъ обо мнѣ; что, дескать, жива ли тетка? А вѣдь ты у меня на рукахъ родился, пострѣлъ эдакой. Ну, да это все равно; гдѣ тебѣ было обо мнѣ вспомнить? Только ты умница, что пріѣхалъ. А что, мать

моя, прибавила она, обращаясь къ Марьѣ Дмитріевнѣ, — угостила ты его чѣмъ нибудь?

— Мнѣ ничего не нужно, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.

— Ну, хоть чаю напейся, мой батюшка. Господи Боже мой! Пріѣхалъ нивѣсть откуда, и чашки чаю ему не дадутъ. Лиза, пойди похлопочи, да поскорѣй. Я помню, маленькій онъ былъ обжора страшный,—да и теперь, должно быть, покушать любитъ.

— Мое почтеніе, Мароа Тимофеевна, промолвилъ Паншинъ, приближаясь съ бокукъ расходившейся старушкѣ и низко кланяясь.

— Извините меня, государь мой, возразила Мароа Тимофеевна, не замѣтила васъ на радости.—На мать ты свою похожъ сталъ, на голубушку, продолжала она, снова обратившись къ Лаврецкому:—только носъ у тебя отцовскій былъ, отцовскимъ и остался. Ну—и на долго ты къ намъ?

— Я завтра ѣду, тетушка.

— Куда?

— Къ себѣ, въ Васильевское.

— Завтра?

— Завтра.

— Ну, коли завтра, такъ завтра. Съ Богомъ,—тебѣ лучше знать. Только ты, смотри, зайди проститься. Старушка потрепала его по щекѣ.—Не думала я дождаться тебя; и не то, чтобъ я умирать собиралась; нѣтъ — меня еще годовъ на десять, пожалуй, хватитъ; всѣ мы, Пестовы, живучи; дѣдъ твой покойный, бывало, двужильными насъ прозывалъ; да вѣдь Господь тебя зналъ, сколько бъ ты еще за границей проболтался. Ну, а молодецъ ты, молодецъ; чай по прежнему десять пудовъ одной рукой поднимаешь? Твой батюшка покойный, извини, ужь на что былъ вздорный, а хорошо сдѣлалъ, что швейцарца тебѣ нанялъ; помнишь, вы съ нимъ на кулачки бились; гимнастикой, что ли, это прозывается? — Но однако, что это я такъ раскудахталась; только г. Паншину (она никогда не называла его, какъ слѣдовало Паншинымъ) разсуждать помѣшала. А впрочемъ станемте-ка лучше чай пить; да на терассу пойдемте его, батюшку, пить; у насъ сливки славныя—не то что въ вашихъ Лондонахъ да Парижахъ. Пойдемте-пойдемте, а ты, Ѳедюша, дай мнѣ руку. О! да какая же она у тебя толстая! Небось, съ тобой не упадешь.

Всѣ встали и отправились на террассу, за исключеніемъ Гедеоновскаго, который втихомолку удалился. Во все продолженіе разговора Лаврецкаго съ хозяйкой дома, Паншинымъ и Маѳой Тимофеевной, онъ сидѣлъ въ уголку, внимательно моргая и съ дѣтскимъ любопытствомъ вытянувъ губы: онъ спѣшилъ теперь разнести вѣсть о новомъ гостѣ по городу.

—

Въ тотъ же день, въ одинадцать часовъ вечера, вотъ что происходило въ домѣ г-жи Калитиной. Внизу, на порогѣ гостинной, улучивъ удобное мгновеніе, Владиміръ Николаичъ прощался съ Лизой и говорилъ ей, держа ее за руку: вы знаете, кто меня привлекаетъ сюда; вы знаете, зачѣмъ я безпрестанно ѣзжу въ вашъ домъ; къ чему тутъ слова, когда и такъ все ясно. Лиза ничего не отвѣчала ему и не улыбаясь, слегка приподнявъ брови и краснѣя, глядѣла на полъ, но не отнимала своей руки,—а на верху, въ комнатѣ Маѳы Тимофеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на креслахъ, облокотившись на колѣна и положивъ лицо на руки; старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ. Болѣе часу провелъ онъ у ней, простившись съ хозяйкой дома; онъ почти ничего не сказалъ своей старинной доброй пріятельницѣ, и она его не распрашивала.... Да и къ чему было говорить, о чемъ распрашивать? Она и такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чѣмъ переполнялось его сердце.

VIII.

Ѳедоръ Иванычъ Лаврецкій (мы должны попросить у читателя позволеніе перервать на время нить нашего разсказа) происходилъ отъ старинаго дворянскаго племени. Родоначальникъ Лаврецкихъ выѣхалъ въ княженіе Василія Темнаго изъ Пруссіи и былъ пожалованъ двумя стами четвертями земли въ Бѣжецкомъ верху. Многіе изъ его потомковъ числились въ въ разныхъ службахъ, сидѣли подъ князьями и людьми именитыми на отдаленныхъ воеводствахъ; но ни одинъ изъ нихъ не

поднялся выше стольника и не пріобрѣлъ значительнаго достоянія. Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Ѳедора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ее и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но досыта, напивалось до пьяна и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей—дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. Поставятъ тебѣ, разсказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ,—не отмоешся потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя—обидятся,—мука! — Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копѣечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги

отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его, какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего mr. Courtin de Vaucelles, ловкаго и тонкаго проныру, — самую, какъ она выражалась, fine fleur эмиграціи, и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла за мужъ за этого финь-флёра; перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушенная амброй à la Richelieu, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Лудовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткиномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика; въ Петербургѣ, общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра); — пришлось ему, по неволѣ вернуться въ деревню, къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родимое гнѣздо; глушь и коноть степнаго житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — Все здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ: за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людскаго запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстроиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ: слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка эдакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ. Старикъ осо-

бенно не жаловалъ Вольтера да еще «изувѣра» Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. Петръ Андреичъ не ошибался: точно, и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни—и Руссо́, и Рейналь, и Гельвецій, и много другихъ, подобныхъ имъ, сочинителей сидѣли въ его головѣ,—но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость 18-го вѣка, и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденьемъ.... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодаго малаго 30 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко-раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми, быстрыми движеніями, напоминала свою бабку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить по крайней мѣрѣ половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабку. Сверхъ того, Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: бонжуръ, да команъ ву порте ву? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. Иванъ Петровичъ не зналъ куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ. Случилось такъ, что въ числѣ горничныхъ Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая дѣвушка, съ ясными, кроткими глазками и

тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу; онъ полюбилъ ее: онъ полюбилъ ея робкую походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку; съ каждымъ днемъ она ему казалась милѣй. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязываться—и отдалась ему. Въ помѣщичьемъ деревенскомъ домѣ никакая тайна долго держаться не можетъ: скоро всѣ узнали о связи молодаго барина съ Маланьей; вѣсть объ этой связи дошла наконецъ до самого Петра Андреича. Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ: Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожіи, въ притворствѣ; кстати выместилъ на немъ всю накипѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. «Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ,—подумалъ онъ,—такъ пущу же я его въ дѣло, постойте; я васъ всѣхъ удивлю». И тутъ же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хоть съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укоряетъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ, а именно—готовъ жениться на Маланьѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли: онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который какъ нарочно въ тотъ день причесался à la Titus и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосинные

панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики. Стой мошенникъ! вопилъ онъ,— стой! прокляну! Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможенный и въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія и наслѣдства, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню. Нашлись добрые люди, отыскали Ивана Петровича, извѣстили его обо всемъ. Пристыженный, взбѣшенный, онъ поклялся отомстить отцу, и въ ту же ночь, подкаравливъ крестьянскую телѣгу, на которой везли Маланью, отбилъ ее силой, поскакалъ съ нею въ ближайшій городъ и обвѣнчался съ ней. Деньгами его снабдилъ сосѣдъ, вѣчно-пьяный и добрѣйшій отставной морякъ, страшный охотникъ до всякой, какъ онъ выражался, благородной исторіи. На другой день Иванъ Петровичъ написалъ язвительно-холодное и учтивое письмо Петру Андреичу, а самъ отправился въ деревню, гдѣ жилъ его троюродный братъ, Дмитрій Пестовъ, съ своею сестрой, уже знакомою читателямъ, Марфой Тимофеевной. Онъ разсказалъ имъ все, объявилъ, что намѣренъ ѣхать въ Петербургъ искать мѣста и упросилъ ихъ хотя на время пріютить его жену. При словѣ: жена — онъ всплакнулъ горько и, несмотря на свое столичное образованіе и философію, униженно, бѣднячкомъ-русачкомъ поклонился своимъ родственникамъ въ ноги и даже стукнулъ объ полъ лбомъ. Пестовы, люди жалостливые и добрые, охотно согласились на его просьбу; онъ прожилъ у нихъ недѣли три, втайнѣ ожидая отвѣта отъ отца; но отвѣта не пришло,—и притти не могло. Петръ Андреичъ, узнавъ о свадьбѣ сына, слегъ въ постель и запретилъ упоминать при себѣ имя Ивана Петровича; только мать, тихонько отъ мужа, заняла у благочиннаго и прислала 500 рублей ассигнаціями да образокъ его женѣ; написать она побоялась, но велѣла сказать Ивану Петровичу, черезъ посланнаго сухопараго мужичка, умѣвшаго уходить въ сутки по

шестидесяти верстъ, чтобъ онъ не очень огорчался, что, Богъ дастъ, все устроится и отецъ преложитъ гнѣвъ на милость; что и ей другая невѣстка была бы желательнѣе, но что видно Богу такъ было угодно, а что она посылаетъ Маланьѣ Сергѣевнѣ свое родительское благословеніе. Сухопарый мужичекъ получилъ рубль, попросилъ позволенья повидаться съ новою барыней, которой онъ доводился кумомъ, поцѣловалъ у ней ручку и побѣжалъ во-свояси.

А Иванъ Петровичъ отправился въ Петербургъ съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность, быть можетъ, грозила ему, но онъ разстался съ ненавистною деревенской жизнью, а главное — не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно «пустилъ въ ходъ» и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота и La déclaration des droits de l'homme. Чувство совершоннаго долга, торжества, чувство гордости наполняло его душу; да и разлука съ женой не очень пугала его; его бы скорѣе смутила необходимость постоянно жить съ женою. То дѣло было сдѣлано; надобно было приняться за другія дѣла. Въ Петербургѣ, вопреки его собственнымъ ожиданіямъ, ему повезло: княжна Кубенская,—которую мусье Куртенъ успѣлъ уже бросить, но которая не успѣла еще умереть, — чтобы чѣмъ-нибудь загладить свою вину передъ племянникомъ, отрекомендовала его всѣмъ своимъ друзьямъ и подарила ему 5,000 рублей—едва ли не послѣднія свои денежки—да Лепиковскіе часы съ его вензелемъ въ гирляндѣ амуровъ. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ ужь онъ получилъ мѣсто при русской миссіи въ Лондонѣ и съ первымъ отходившимъ англійскимъ кораблемъ (пароходовъ тогда еще въ поминѣ не было) уплылъ за море. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ онъ письмо отъ Пестова. Добрый помѣщикъ поздравлялъ Ивана Петровича съ рожденіемъ сына, явившагося на свѣтъ въ селѣ Покровскомъ 20 августа 1807 года и нареченнаго Ѳедоромъ, въ честь святаго мученика Ѳеодора Стратилата. По причинѣ большой слабости Маланья Сергѣевна приписывала только нѣсколько строкъ; но и эти немногія строки удивили Ивана Петровича: онъ не зналъ, что Мароа Тимофеевна выучила его жену грамотѣ. Впрочемъ, Иванъ Петровичъ не долго предавался сладостному волненію родительскихъ чувствъ: онъ ухаживалъ

за одной изъ знаменитыхъ тогдашнихъ Фринъ или Лаисъ (классическія названія еще процвѣтали въ то время). Тильзитскій миръ былъ только-что заключенъ, и все спѣшило наслаждаться, все крутилось въ какомъ-то бѣшеномъ вихрѣ; черные глаза бойкой красавицы вскружили и его голову. Денегъ у него было очень мало; но онъ счастливо игралъ въ карты, заводилъ знакомства, участвовалъ во всѣхъ возможныхъ увеселеніяхъ, словомъ, плылъ на всѣхъ парусахъ.

IX.

Старикъ Лаврецкій долго не могъ простить сыну его свадьбу; еслибъ, пропустя полгода, Иванъ Петровичъ явился къ нему съ повинной головой и бросился ему въ ноги, онъ бы, пожалуй, помиловалъ его, выбранивъ его сперва хорошенько и постучавъ по немъ для страху клюкою; но Иванъ Петровичъ жилъ за границей и повидимому въ усъ себѣ не дулъ.—«Молчи! не смѣй! твердилъ Петръ Андреичъ всякій разъ женѣ, какъ только та пыталась склонить его на милость; ему щенку должно вѣчно за меня Бога молить, что я клятвы на него не положилъ; покойный батюшка изъ собственныхъ рукъ убилъ бы его негоднаго, и хорошо бы сдѣлалъ.» Анна Павловна, при такихъ страшныхъ рѣчахъ, только крестилась украдкой. Что же касается до жены Ивана Петровича, то Петръ Андреичъ сначала и слышать о ней не хотѣлъ и даже въ отвѣтъ на письмо Пестова, въ которомъ тотъ упоминалъ о его невѣсткѣ, велѣлъ ему сказать, что онъ никакой яко бы своей невѣстки не вѣдаетъ, а что законами воспрещается держать бѣглыхъ дѣвокъ, о чемъ онъ считаетъ долгомъ его предупредить; но потомъ, узнавъ о рожденьи внука, смягчился, приказалъ подъ рукой освѣдомиться о здоровьи родильницы и послалъ ей, тоже будто не отъ себя, немного денегъ. Отдѣ еще году не минуло, какъ Анна Павловна занемогла смертельной болѣзнью. За нѣсколько дней до кончины, уже не вставая съ постели, съ робкими слезинками на погасающихъ глазахъ, объявила она мужу при духовникѣ, что желаетъ повидаться и проститься съ невѣсткой, благословить внука. Огорченный старикъ успокоилъ ее и тотчасъ же

послалъ собственный свой экипажъ за невѣсткой, въ первый разъ называя ее Маланьей Сергѣевной. Она пріѣхала съ сыномъ и съ Мароой Тимофеевной, которая ни за что не хотѣла отпустить ее одну и не дала бы ее въ обиду. Полуживая отъ страха, вошла Маланья Сергѣевна въ кабинетъ Петра Андреича. Нянька несла за ней Ѳедю. Петръ Андреичъ молча поглядѣлъ на нее; она подошла къ его рукѣ; ея трепетныя губы едва сложились въ беззвучный поцалуй.

— Ну, сыромолотная дворянка, проговорилъ онъ наконецъ:— здравствуй; пойдемъ къ барынѣ.

Онъ всталъ и нагнулся къ Ѳедѣ; ребенокъ улыбнулся и протянулъ къ нему свои блѣдныя ручонки. Старика перевернуло.

— Охъ, промолвилъ онъ, сиротливый! Умолилъ ты меня за отца; не оставлю я тебя, птенчикъ.

Маланья Сергѣевна, какъ вошла въ спальню Анны Павловны, такъ и стала на колѣни возлѣ двери. Анна Павловна подманила ее къ постели, обняла ее, благословила ея сына; потомъ, обративъ обглоданное жестокою болѣзнью лицо къ своему мужу, хотѣла было заговорить....

— Знаю, знаю, о чемъ ты просить хочешь, промолвилъ Петръ Андреичъ:—не печалься: она останется у насъ и Ваньку для нея помилую....

Анна Павловна съ усиліемъ поймала руку мужа и прижалась къ ней губами. Въ тотъ же вечеръ ея не стало.

Петръ Андреичъ сдержалъ свое слово. Онъ извѣстилъ сына, что для смертнаго часу его матери, для младенца Ѳедора, онъ возвращаетъ ему свое благословеніе, и Маланью Сергѣевну оставляетъ у себя въ домѣ. Ей отвели двѣ комнаты въ антресоляхъ, онъ представилъ ее своимъ почетнѣйшимъ гостямъ, кривому бригадиру Скурехину и женѣ его; подарилъ ей двухъ дѣвокъ и казачка для посылокъ. Мароа Тимофеевна съ ней простилась: она возненавидѣла Глафиру и въ теченіи одного дня раза три поссорилась съ нею.

Тяжело и неловко было сперва бѣдной женщинѣ; но потомъ она обтерпѣлась и привыкла къ своему тестю, онъ тоже привыкъ къ ней, даже полюбилъ ее, хотя почти никогда не говорилъ съ ней, хотя въ самыхъ его ласкахъ къ ней замѣчалось какое-то невольное пренебреженіе. Больше всего тер-

пѣла Маланья Сергѣевна отъ своей золовки. Глафира еще при жизни матери успѣла понемногу забрать весь домъ въ руки: всѣ, начиная съ отца, ей покорялись; безъ ея разрѣшенія куска сахару не выдавалось; она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ подѣлиться властью съ другой хозяйкой,—и какою еще хозяйкой! Свадьба брата раздражила ее еще больше, чѣмъ Петра Андреича: она взялась проучить выскочку, и Маланья Сергѣевна съ перваго же часа стала ея рабой. Да и гдѣ жъ ей было бороться съ самовольной, надменной Глафирой, ей, безотвѣтной, постоянно смущенной и запуганной, слабой здоровьемъ? Дня не проходило, чтобъ Глафира не напомнила ей прежняго ея положенія, не похвалила бы ее за то, что она не забывается. Маланья Сергѣевна охотно помирилась бы на этихъ напоминовеніяхъ и похвалахъ, какъ горьки онѣ ни были.... но Ѳедю у нея отняли: вотъ что ее сокрушало. Подъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ, ее почти не допускали до него; Глафира взялась за это дѣло; ребенокъ поступилъ въ ея полное распоряженіе. Маланья Сергѣевна съ горя начала въ своихъ письмахъ умолять Ивана Петровича, чтобы онъ вернулся поскорѣе; самъ Петръ Андреичъ желалъ увидѣть своего сына; но онъ все только отписывался, благодарилъ отца за жену, за присылаемыя деньги, обѣщалъ пріѣхать вскорѣ,—и не ѣхалъ. Двѣнадцатый годъ вызвалъ его наконецъ изъ-за границы. Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись и даже словомъ не помянули о прежнихъ раздорахъ; не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага, и оба они почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Петръ Андреичъ на свой счетъ одѣлъ цѣлый полкъ ратниковъ. Но война кончилась, опасность миновалась; Иванъ Петровичъ опять заскучалъ, опять потянуло его въ даль, въ тотъ міръ, съ которымъ онъ сросся и гдѣ чувствовалъ себя дома. Маланья Сергѣевна не могла удержать его: она слишкомъ мало для него значила. Даже надежды ея не сбылись: мужъ ея также нашелъ, что гораздо приличнѣе поручить Глафирѣ воспитаніе Ѳеди. Бѣдная жена Ивана Петровича не перенесла этого удара, не перенесла вторичной разлуки: безропотно, въ нѣсколько дней угасла она. Въ теченіи всей своей жизни не умѣла она ничему сопротив-

ляться, и съ недугомъ она не боролась. Она уже не могла говорить, уже могильныя тѣни ложились на ея лицо, но черты ея попрежнему выражали терпѣливое недоумѣніе и постоянную кротость смиренія; съ той же нѣмой покорностью глядѣла она на Глафиру, и, какъ Анна Павловна на смертномъ одрѣ поцаловала руку Петра Андреича, такъ и она приложилась къ Глафириной рукѣ, поручая ей, Глафирѣ, своего единственнаго сына. Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ. Пожалѣли о Маланьѣ Сергѣевнѣ ея горничныя, да еще Петръ Андреичъ. Старику недоставало ея добраго лица, ея молчаливаго присутствія. «Прости—прощай, моя безотвѣтная!» прошепталъ онъ, кланяясь ей въ послѣдній разъ. Онъ плакалъ, бросая горсть земли въ ея могилу.

Онъ самъ недолго пережилъ ее, не болѣе пяти лѣтъ. Зимой 1819 года, онъ тихо скончался въ Москвѣ, куда переѣхалъ съ Глафирой и внукомъ, и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Анной Павловной, да съ «Малашей». Иванъ Петровичъ находился тогда въ Парижѣ, для своего удовольствія; онъ вышелъ въ отставку скоро послѣ 1815 года. Узнавъ о смерти отца, онъ рѣшился возвратиться въ Россію. Надобно было подумать объ устройствѣ имѣнія, да и Ѳедѣ, по письму Глафиры, минуло двѣнадцать лѣтъ и наступило время серьезно заняться его воспитаніемъ.

X.

Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ, со множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну—все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей; весь

онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но—чудное дѣло! превратившись въ англомона, Иванъ Петровичъ сталъ въ тоже время патріотомъ, по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: «оказать новые опыты самоусердія», «сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства» и т. д. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ,—отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: «куда же я—то дѣнусь?»—Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. Въ домѣ точно произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подвергались немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна—слѣпая, другая—разбитая параличемъ, да еще дряхлый майоръ Очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей. Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появились новыя мебели изъ Москвы; завелись плевальницы, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась подпись: «in recto virtus» ... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась: всѣ выдачи, покупки по прежнему отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался—было съ нею потягаться,—и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же касается до хо-

зяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ,—все осталось по старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патріотъ очень ужь презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось «коренному преобразованію»: отецъ исключительно занялся имъ.

XI.

До возвращенія Ивана Петровича изъ-за границы, Ѳедя находился, какъ уже сказано, на рукахъ Глафиры Петровны. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день и полюбилъ ее страстно; память о ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между имъ и ею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его; дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ его букой и считалъ дурачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Ѳедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только что зашевелится на своемъ стулѣ, ужь она и шипитъ: «куда? сиди смирно». По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, позволяли ему играть, то-есть, давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: «Символы и Эмблемы». Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ подъ названіемъ: «Шафранъ и Радуга»

относилось толкованіе: «дѣйствіе сего есть бо́льшее»; противъ другаго, изображавшаго «Цаплю, летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту», стояла надпись: «Тебѣ всѣ они суть извѣстны.»—«Купидонъ и медвѣдь, лижущій своего медвѣженка» означали: «Мало-по-малу.» Ѳедя разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей; нѣкоторые, всегда одни и тѣже, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, шведку съ заячьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепьяно, да сверхъ того отлично солила огурцы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими «Эмблемами»—сидитъ.... сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь уградкой скребется и грызетъ за обоями, а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Ѳедю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ, — настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; за то по-временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Ѳедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его.... Горе сердцу, не любившему съ-молоду!

Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему.—«Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ:—и не только человѣка, но Спартанца.» Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцати-лѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на

складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой Швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ,—вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій «человѣкъ»; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодною водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ, съ своей стороны, писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его mon fils и говорилъ ему vous. По-русски Ѳедя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. «Система» сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но за то на его здоровье новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчіи: сынъ натуры, произведеніе мое. Когда Ѳедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу,—и молодой Спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Иванъ Петровичъ бо́льшую часть года проводилъ въ Лаврикахъ (такъ называлось главное его родовое имѣніе), а по зимамъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, останавливался въ трактирѣ, прилежно посѣщалъ клубъ, ораторствовалъ и развивалъ свои планы въ гостинныхъ и болѣе чѣмъ когда либо держался англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. Но насталъ 1825 годъ и много принесъ съ собою горя. Близкіе знакомые и пріятели Ивана Петровича подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ос-

лабѣлъ, опустился: здоровье ему измѣнило. Вольнодумецъ—началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ—сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ—сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленною волей—хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супу. Глафира Петровна опять завладѣла всѣмъ въ домѣ; опять начали ходить съ задняго крыльца прикащики, бурмистры, простые мужики къ «старой колотовкѣ», — такъ прозывали ее дворовые люди. Перемѣна въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына; ему уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвобождаться изъ-подъ гнета давившей его руки; онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутаго перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь. Молодой Лаврецкій собирался ѣхать въ Москву, подготовиться въ университетъ,—неожиданное, новое бѣдствіе обрушилось на голову Ивана Петровича: онъ ослѣпъ, и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день.

Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, прислугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денёчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себѣ, ни кому не давалъ покоя. Онъ молился, ропталъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣритъ, и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенія одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобъ они постоянно,

днемъ и ночью сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: вы все врете,—экая чепуха!

Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойдтись безъ нея; и она до конца исполняла всѣ прихоти больнаго, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. «Глаша, Глашка! буліонцу, буліонцу, старая дур....» пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ на вѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку буліону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотаго весенняго солнца. Ему было двадцать три года; какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронеслись эти двадцать три года!... Жизнь открывалась передъ нимъ,

XII.

Схоронивъ отца и поручивъ той же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за прикащиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и вознамѣрился по возможности воротить упущенное. Въ послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ тоже время онъ не зналъ многаго, что̀ каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чудакомъ. Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же, наконецъ, онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились; онъ не умѣлъ сходиться

съ людьми; двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи.... И вотъ заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ; но онъ не боялся насмѣшекъ: его спартанское воспитаніе хоть на то пригодилось, что развило въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ, — и онъ надѣлъ, не смущаясь, студентскій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе. Здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они и не подозрѣвали того, что въ въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ; они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки въ латинскомъ языкѣ. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемѣны въ его судьбѣ.

Однажды, въ театрѣ (Мочаловъ находился тогда на высотѣ своей славы, и Лаврецкій не пропускалъ ни одного представленія) увидѣлъ онъ въ ложѣ бельэтажа дѣвушку,—и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце, никогда еще оно такъ сильно не забилось. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая, молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, миловиднаго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ-подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно. Рядомъ съ нею сидѣла сморщенная и желтая женщина

лѣтъ 45, декольте, въ черномъ токѣ, съ беззубою улыбкой на напряженно-озабоченномъ и пустомъ лицѣ, а въ углубленіи ложи виднѣлся пожилой мужчина, въ широкомъ сюртукѣ и высокомъ галстухѣ, съ выраженіемъ тупой величавости и какой-то заискивающей подозрительности въ маленькихъ глазкахъ, съ крашеными усами и бакенбардами, незначительнымъ огромнымъ лбомъ и измятыми щеками, по всѣмъ признакамъ отставной генералъ. Лаврецкій не отводилъ взора отъ поразившей его дѣвушки; вдругъ дверь ложи отворилась и вошелъ Михалевичъ. Появленіе этого человѣка, почти единственнаго его знакомаго во всей Москвѣ, появленіе его въ обществѣ единственной дѣвушки, поглотившей все его вниманіе, показалось Лаврецкому знаменательно и странно. Продолжая посматривать на ложу, онъ замѣтилъ, что всѣ находившіяся въ ней лица обращались съ Михалевичемъ, какъ съ стариннымъ пріятелемъ. Представленіе на сценѣ перестало занимать Лаврецкаго; самъ Мочаловъ, хотя и былъ въ тотъ вечеръ «въ ударѣ», не производилъ на него обычнаго впечатлѣнія. Въ одномъ очень патетическомъ мѣстѣ Лаврецкій невольно взглянулъ на свою красавицу: она вся наклонилась впередъ; щеки ея пылали; подъ вліяніемъ его упорнаго взора, глаза ея, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились въ немъ.... Всю ночь мерещились ему эти глаза. Прорвалась наконецъ, искусственно возведенная плотина: онъ и дрожалъ, и горѣлъ, и на другой же день отправился къ Михалевичу. Онъ узналъ отъ него, что красавицу звали Варварой Павловной Коробьиной; что старикъ и старуха, сидѣвшіе съ ней въ ложѣ, были отецъ ея и мать, и что самъ онъ, Михалевичъ, познакомился съ ними годъ тому назадъ, во время своего пребыванія въ подмосковной на «кондиціи» у графа Н. Съ величайшей похвалой отозвался энтузіастъ о Варварѣ Павловнѣ.—Это, братъ ты мой, воскликнулъ онъ со свойственною ему порывистой пѣвучестью въ голосѣ,—эта дѣвушка—изумительное, геніальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая. Замѣтивъ изъ распросовъ Лаврецкаго, какое впечатлѣніе произвела на него Варвара Павловна, онъ самъ предложилъ ему познакомить его съ нею, прибавивъ, что онъ у нихъ, какъ свой, что генералъ человѣкъ совсѣмъ не гордый, а мать такъ глупа,

что только тряпки не сосетъ. Лаврецкій покраснѣлъ, пробормоталъ что-то невнятное и убѣжалъ. Цѣлыхъ пять дней боролся онъ съ своею робостью; на шестой день молодой Спартанецъ надѣлъ новенькій мундиръ и отдался въ распоряженіе Михалевичу, который, будучи своимъ человѣкомъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ себѣ волосы,—и оба отправились къ Коробьинымъ.

XIII.

Отецъ Варвары Павловны, Павелъ Петровичъ Коробьинъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, весь свой вѣкъ провелъ въ Петербургѣ на службѣ, слылъ въ молодости ловкимъ танцоромъ и фрунтовикомъ, находился, по бѣдности, адъютантомъ при двухъ-трехъ невзрачныхъ генералахъ, женился на дочери одного изъ нихъ, взявъ тысячь двадцать пять приданаго, до тонкости постигъ всю премудрость ученій и смотровъ; тянулъ, тянулъ лямку и, наконецъ, годиковъ черезъ двадцать, добился генеральскаго чина, получилъ полкъ. Тутъ бы ему отдохнуть и упрочить, не спѣша , свое благосостояніе; онъ на это и разсчитывалъ, да немножко неосторожно повелъ дѣло; онъ придумалъ-было новое средство пустить въ оборотъ казенныя деньги,—средство оказалось отличное, но онъ не вóвремя поскупился: на него донесли; вышла болѣе чѣмъ непріятная, вышла скверная исторія. Кое-какъ отвертѣлся генералъ отъ исторіи, но карьера его лопнула; ему посовѣтовали выйдти въ отставку. Года два потолкался онъ еще въ Петербургѣ, въ надеждѣ, не наскочитъ ли на него тепленькое статское мѣсто; но мѣсто на него не наскакивало; дочь вышла изъ института, расходы увеличивались съ каждымъ днемъ.... Скрѣпя сердце, рѣшился онъ переѣхать въ Москву на дешевые хлѣба, нанялъ въ Старой Конюшенной крошечный низенькій домъ съ саженнымъ гербомъ на крышѣ, и зажилъ московскимъ отставнымъ генераломъ, тратя 2750 руб. сер. въ годъ. Москва — городъ хлѣбосольный, рада принимать встрѣчныхъ и поперечныхъ, а генераловъ и подавно; грузная, но не безъ военной выправки, фигура Павла Петровича скоро стала появляться въ лучшихъ московскихъ гостинныхъ. Его голый затылокъ, съ косицами

крашеныхъ волосъ и засаленной анненской лентой на галстухѣ цвѣта воронова крыла, сталъ хорошо извѣстенъ всѣмъ скучливымъ и блѣднымъ юношамъ, угрюмо скитающимся во время танцевъ вокругъ игорныхъ столовъ. Павелъ Петровичъ съумѣлъ поставить себя въ обществѣ; говорилъ мало, но, по старой привычкѣ, въ носъ,—конечно, не съ лицами чиновъ высшихъ; осторожно игралъ въ карты, дома ѣлъ умѣренно, а въ гостяхъ за шестерыхъ. О женѣ его почти сказать нечего: звали ее Калліопой Карловной; изъ лѣваго ея глаза сочилась слезинка, въ силу чего Калліопа Карловна (притомъ же она была нѣмецкаго происхожденія) сама считала себя за чувствительную женщину; она постоянно чего-то все боялась, словно не доѣла, и носила узкія бархатныя платья, токъ и тусклые дутые браслеты. Единственной дочери Павла Петровича и Калліопы Карловны, Варварѣ Павловнѣ только-что минулъ семнадцатый годъ, когда она вышла изъ ....скаго института, гдѣ считалась, если не первою красавицей, то ужь навѣрное первою умницей и лучшею музыкантшей, и гдѣ получила шифръ; ей еще девятнадцати лѣтъ не было, когда Лаврецкій увидѣлъ ее въ первый разъ.

XIV.

Ноги подкашивались у Спартанца, когда Михалевичъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостинную Коробьиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замараннымъ людямъ; генеральша какъ-то скоро стушевалась; что же касается до Варвары Павловны, то она была такъ спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ тоже время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго, — вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ, вкрадчивой прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то та-

кимъ, что̀ словами передать трудно, но что трогало и возбуждало,—и уже, конечно, возбуждало не робость. Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній на счетъ его игры. Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо сыграла нѣсколько шопеновскихъ мазурокъ, тогда только что входившихъ въ моду. Насталъ часъ обѣда; Лаврецкій хотѣлъ удалиться, но его удержали; за столомъ генералъ потчивалъ его хорошимъ лафитомъ, за которымъ генеральскій лакей на извощикѣ скакалъ къ Депре. Поздно вечеромъ вернулся Лаврецкій домой и долго сидѣлъ, не раздѣваясь и закрывъ глаза рукою, въ оцѣпенѣніи очарованія. Ему казалось, что онъ теперь только понималъ, для чего стоитъ жить; всѣ его предположенія, намѣренія, весь этотъ вздоръ и прахъ, исчезли разомъ; вся душа его слилась въ одно чувство, въ одно желаніе, въ желаніе счастья, обладанія, любви, сладкой женской любви. Съ того дня онъ часто сталъ ходить къ Коробьинымъ. Полгода спустя, онъ объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей свою руку. Предложеніе его было принято: генералъ давнымъ-давно, чуть ли не наканунѣ перваго посѣщенія Лаврецкаго, спросилъ у Михалевича, сколько у него, Лаврецкаго, душъ; да и Варварѣ Павловнѣ, которая во все время ухаживанія молодаго человѣка и даже въ самое мгновеніе признанія, сохранила обычную безмятежность и ясность души, и Варварѣ Павловнѣ хорошо было извѣстно, что женихъ ея богатъ; а Калліопа Карловна подумала: meine Tocher macht eine schöne Partie,—и купила себѣ новый токъ.

XV.

И такъ, предложеніе его было принято, но съ нѣкоторыми условіями. Во-первыхъ, Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ: кто жь выходитъ за студента, да и что за странная мысль — помѣщику, богатому, въ 26 лѣтъ, брать уроки, какъ школьнику? Во-вторыхъ, Варвара Павловна

взяла на себя трудъ заказать и закупить приданое, выбрать даже жениховы подарки. У ней было много практическаго смысла, много вкуса, и очень много любви къ комфорту, много умѣнья доставлять себѣ этотъ комфортъ. Это умѣнье особенно поразило Лаврецкаго, когда, тотчасъ послѣ свадьбы, онъ вдвоемъ съ женою отправился въ удобной, ею купленной кареткѣ, въ Лаврики. Какъ все, что окружало его, было обдумано, предугадано, предусмотрѣно Варварой Павловной! Какіе появились въ разныхъ уютныхъ уголкахъ прелестные дорожные несессеры; какіе восхитительные туалетные ящики и кофейники, и какъ мило Варвара Павловна сама варила кофе по утрамъ! Впрочемъ, Лаврецкому было тогда не до наблюденій: онъ блаженствовалъ, упоевался счастьемъ; онъ предавался ему, какъ дитя.... Онъ и былъ невиненъ, какъ дитя, этотъ юный Алкидъ. Недаромъ вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены; недаромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій: она сдержала больше, чѣмъ сулила. Пріѣхавши въ Лаврики въ самый разгаръ лѣта, она нашла домъ грязнымъ и темнымъ, прислугу смѣшною и устарѣлою, но не почла за нужное даже намекнуть о томъ мужу. Если бы она располагала основаться въ Лаврикахъ, она бы все въ нихъ передѣлала, начиная, разумѣется, съ дома; но мысль остаться въ этомъ степномъ захолустьи ни на мигъ не приходила ей въ голову; она жила въ немъ, какъ въ палаткѣ, кротко перенося всѣ неудобства и забавно подтрунивая надъ ними. Марфа Тимофеевна пріѣхала повидаться съ своимъ воспитанникомъ; она очень понравилась Варварѣ Павловнѣ, но ей Варвара Павловна не понравилась. Съ Глафирой Петровной новая хозяйка тоже не поладила; она бы ее оставила въ покоѣ, но старику Коробьину захотѣлось запустить руки въ дѣла зятя: управлять имѣніемъ такого близкаго родственника, говорилъ онъ, не стыдно даже генералу. Полагать должно, что Павелъ Петровичъ не погнушался бы заняться имѣніемъ и вовсе чуждаго ему человѣка. Варвара Павловна повела свою атаку весьма искусно; не выдаваясь впередъ, повидимому вся погруженная въ блаженство медовыхъ мѣсяцевъ, въ деревенскую тихую жизнь, въ музыку и чтеніе, она по-немногу довела Глафиру до того, что та въ одно утро вбѣжала, какъ бѣшеная,

въ кабинетъ Лаврецкаго и, швырнувъ связку ключей на столъ, объявила, что не въ силахъ больше заниматься хозяйствомъ и не хочетъ оставаться въ деревнѣ. Надлежащимъ образомъ подготовленный Лаврецкій тотчасъ согласился на ея отъѣздъ. Этого Глафира Петровна не ожидала. «Хорошо—сказала она, и глаза ее потемнѣли,—я вижу, что я здѣсь лишняя; знаю, кто меня отсюда гонитъ, съ родоваго моего гнѣзда. Только ты помяни мое слово, племянникъ: не свить же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ ввѣкъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ.» Въ тотъ же день она удалилась въ свою деревеньку, а черезъ недѣлю прибылъ генералъ Коробьинъ и съ пріятною меланхоліей во взглядахъ и движеніяхъ принялъ управленіе всѣмъ имѣніемъ на свои руки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Варвара Павловна увезла своего мужа въ Петербургъ. Двѣ зимы провела она въ Петербургѣ (на лѣто они переселялись въ Царское Село) въ прекрасной, свѣтлой, изящно меблированной квартирѣ; много завели они знакомствъ въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества, много выѣзжали и принимали, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцовальныя вечеринки. Варвара Павловна привлекала гостей, какъ огонь бабочекъ. Ѳедору Иванычу не совсѣмъ-то нравилась такая разсѣянная жизнь. Жена совѣтовала ему вступить на службу; онъ, по старой отцовской памяти да и по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ служить, но въ угоду Варварѣ Павловнѣ оставался въ Петербургѣ. Впрочемъ, онъ скоро догадался, что никто не мѣшалъ ему уединиться, что не даромъ у него самый покойный и уютный кабинетъ во всемъ Петербургѣ, что заботливая жена даже готова помочь ему уединяться, — и съ тѣхъ поръ все пошло прекрасно. Онъ принялся опять за собственное, по его мнѣнію недоконченное, воспитаніе, опять сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка. Странно было видѣть его могучую, широко-плечую фигуру, вѣчно согнутую надъ письменнымъ столомъ, его полное, волосатое, румяное лицо до половины закрытое листами словаря или тетради. Каждое утро онъ проводилъ за работой, обѣдалъ отлично (Варвара Павловна была хозяйка хоть куда), а по вечерамъ вступалъ въ очарованный, пахучій, свѣтлый міръ, весь населенный молодыми веселыми лицами,—и средоточіемъ этого міра

была таже рачительная хозяйка, его жена. Она порадовала его рожденіемъ сына, но бѣдный мальчикъ жилъ недолго; онъ умеръ весной, а лѣтомъ, по совѣту врачей, Лаврецкій повезъ жену за границу, на воды. Разсѣяніе было ей необходимо послѣ такого насчастья, да и здоровье ея требовало теплаго климата. Лѣто и осень они провели въ Германіи и Швейцаріи, а на зиму, какъ оно и слѣдовало ожидать, поѣхали въ Парижъ. Въ Парижѣ Варвара Павловна разцвѣла, какъ роза, и такъ же скоро и ловко, какъ въ Петербургѣ, съумѣла свить себѣ гнѣздышко. Квартиру она нашла премиленькую, въ одной изъ тихихъ, но модныхъ улицъ Парижа; мужу сшила такой шлафрокъ, какого онъ еще и не нашивалъ; наняла щегольскую служанку, отличную повариху, расторопнаго лакея; пріобрѣла восхитительную каретку, прелестный піанино. Не прошло недѣли, какъ уже она перебиралась черезъ улицу, носила шаль, раскрывала зонтикъ и надѣвала перчатки не хуже самой чистокровной парижанки. И знакомыми она скоро обзавелась. Сперва къ ней ѣздили одни Русскіе, потомъ стали появляться Французы, весьма любезные, учтивые, холостые, съ прекрасными манерами, съ благозвучными фамиліями; всѣ они говорили скоро и много, развязно кланялись, пріятно щурили глаза; бѣлые зубы сверкали у всѣхъ подъ розовыми губами,—и какъ они умѣли улыбаться! Каждый изъ нихъ приводилъ своихъ друзей и la belle madame de Lavretzki скоро стала извѣстна отъ Chausseé d'Antin до Rue de Lille. Въ тѣ времена (дѣло происходило въ 1836 году) еще не успѣло развестись племя фѣльетонистовъ и хроникёровъ, которое теперь кишитъ повсюду, какъ муравьи въ разрытой кочкѣ; но уже тогда появлялся въ салонѣ Варвары Павловны нѣкто m-r Jules, не благовидной наружности господинъ, съ скандалёзной репутаціей, наглый и низкій, какъ всѣ дуелисты и битые люди. Этотъ m-r Jules былъ очень противенъ Варварѣ Павловнѣ, но она его принимала, потому что онъ пописывалъ въ разныхъ газетахъ и безпрестанно упоминалъ о ней, называя ее то m-me de L...tzki, то m-me de***, cette grande dame russe si distinguée, qui demeure rue de P....; разсказывалъ всему свѣту, т. е. нѣсколькимъ сотнямъ подписчиковъ, которымъ не было никакого дѣла до m-me de L...tzki, какъ эта дама, настоящая по уму француженка (une vraie française par l'esprit)—

выше этого у французовъ похвалъ нѣтъ—мила и любезна, какая она необыкновенная музыкантша и какъ она удивительно вальсируетъ (Варвара Павловна, дѣйствительно, такъ вальсировала, что увлекала всѣ сердца за краями своей легкой, улетающей одежды).... словомъ, пускалъ о ней молву по міру,—а вѣдь это, что ни говорите — пріятно. Дѣвица Марсъ уже сошла тогда со сцены, а дѣвица Рашель еще не появлялась; тѣмъ не менѣе Варвара Павлова прилежно посѣщала театры. Она приходила въ восторгъ отъ итальянской музыки и смѣялась надъ развалинами Одри, прилично зѣвала во французской комедіи и плакала отъ игры г-жи Дорваль въ какой-нибудь ультра-романтической мелодрамѣ; а главное, Листъ у ней игралъ два раза и такъ былъ милъ, такъ простъ—прелесть! Въ такихъ пріятныхъ ощущеніяхъ прошла зима, къ концу которой Варвара Павловна была даже представлена ко двору. Ѳедоръ Иванычъ съ своей стороны не скучалъ, хотя жизнь подъ часъ тажела становилась у него на плечахъ,—тяжела, потому что пуста. Онъ читалъ газеты, слушалъ лекціи въ Sorbonne и Collège de France, слѣдилъ за преніями палатъ, принялся за переводъ извѣстнаго ученаго сочиненія объ ирригаціяхъ. «Я не теряю времени,»—думалъ онъ,—«все это полезно; но къ будущей зимѣ надобно непремѣнно вернуться въ Россію и приняться за дѣло». Трудно сказать, ясно ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло, и—Богъ знаетъ, удалось ли бы ему вернутся въ Россію къ зимѣ; пока, онъ ѣхалъ съ женою въ Баденъ-Баденъ.... Неожиданный случай разрушилъ всѣ его планы.

XVI.

Войдя однажды въ отсутствіи Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ.

«Милый ангелъ Бетти! (я никакъ не рѣшаюсь назвать тебя «Barbe или Варвара (Varvara). Я напрасно прождалъ тебя на «углу бульвара; приходи завтра въ половинѣ втораго на нашу

«квартирку. Твой добрый толстякъ (ton gros bonhomme de mari) «объ эту пору обыкновенно зарывается въ свои книги; мы опять «споемъ ту пѣсенку вашего поэта *Пускина* (de votre poëte «Pouskine), которой ты меня научила: Старый мужъ, грозный мужъ! — Тысячу поцалуевъ твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я жду тебя».

«*Эрнестъ*».

Лаврецкій не сразу понялъ, что̀ такое онъ прочелъ; прочелъ во второй разъ—и голова у него закружилась, полъ заходилъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновеніе.

Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны никогда не представлялась его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣлокурый смазливый мальчикъ лѣтъ 23–хъ, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, едва ли не самый ничтожный изо всѣхъ ея знакомыхъ. Прошло нѣсколько минутъ, прошло полъ–часа; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ рукѣ и безсмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдныя лица; мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ падалъ, падалъ, падалъ... и конца не было. Знакомый, легкій шумъ шелковаго платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнія; Варвара Павловна въ шляпѣ и шали торопливо возвращалась съ прогулки. Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ; онъ почувствовалъ, что въ это мгновенье онъ былъ въ состояніи истерзать ее, избить ее до полу-смерти, по-мужицки, задушить ее своими руками. Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ могъ только прошептать: Бетти,—и выбѣжалъ изъ дому.

Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за–городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ будто смѣшно, даже какъ будто весело. Утромъ онъ прозябъ и зашелъ въ дрянной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. Судорожная зѣвота напала на него. Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогало,—а онъ и не чувствовалъ

усталости,—за то усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не понималъ; не понималъ, что̀ съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревенѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что̀ заставило ее, Варю, отдаться этому французу, и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть попрежнему спокойной, попрежнему ласковой и довѣрчивой съ нимъ! «Ничего не понимаю!» шептали его засохшія губы. «Кто мнѣ поручится теперь, что и въ Петербургѣ....» И онъ не доканчивалъ вопроса и зѣвалъ опять, дрожа и пожимаясь всѣмъ тѣломъ. Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что на дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепьяно и спѣла: «Старый мужъ, грозный мужъ!» Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ, —и онъ поднялся со стула, онъ хотѣлъ пойдти сказать имъ: «вы со мной напрасно пошутили; прадѣдъ мой мужиковъ за рёбра вѣшалъ, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ»—да убить ихъ обоихъ. То вдругъ ему казалось, что все, что̀ съ нимъ дѣлается, сонъ, и даже не сонъ, а такъ вздоръ какой; что стоитъ только встряхнуться, оглянуться.... Онъ оглядывался, и, какъ ястребъ когтитъ пойманную птицу, глубже и глубже врѣзывалась тоска въ его сердце. Къ довершенію всего, Лаврецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надѣялся быть отцомъ.... Прошедшее, будущее, вся жизнь была отравлена. Онъ вернулся, наконецъ, въ Парижъ, остановился въ гостиницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г–на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:

«Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ всё. Кстати скажу «вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда аккуратная, «роняете такія важныя бумаги». (Эту фразу бѣдный Лаврецкій «готовилъ и лелѣялъ въ теченьи нѣсколькихъ часовъ). «Я не «могу больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны же«лать свиданія со мною. Назначаю вамъ 15,000 франковъ въ «годъ; больше дать не могу. Присылайте вашъ адрессъ въ де«ревенскую контору. Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. «Желаю вамъ счастья. Отвѣта не нужно».

Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ....

но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла. Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія исчезли,—и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ее безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кой-гдѣ виднѣлись пятна слезъ. Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя, его уже не было въ Парижѣ; но онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію. Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію; ему въ сущности было все равно куда ни ѣхать,—лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру на счетъ женниной пенсіи, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ, и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгоняемаго генерала и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность; но Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама напечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что было совершенно излишне. Скрываясь въ небольшомъ итальянскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Баденъ-Баденъ; имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мусье Жюлемъ. Въ этой статейкѣ, сквозь обычную игривость, проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Ѳедора Иваныча при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ онъ отъ бурмистра извѣщеніе о томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья. Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ, съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ трагикомическая исторія, въ которой жена его играла незавидную роль. Все было кончено: Варвара Павловна стала «извѣстностью».

Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. Иногда такая брала его тоска по женѣ, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже, пожалуй.... простилъ бы ее, лишь бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку въ своей рукѣ. Однако время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ; его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвиднымъ; онъ понялъ свою жену, — близкаго человѣка только тогда и поймешь вполнѣ, когда съ нимъ разстанешься. Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться съ своими. Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, прибылъ онъ въ городъ О., гдѣ мы разстались съ нимъ и куда мы просимъ теперь благосклоннаго читателя вернуться вмѣстѣ съ нами.

XVII.

На другое утро послѣ описаннаго нами дня, часу въ десятомъ, Лаврецкій всходилъ на крыльцо Калитинскаго дома. Ему навстрѣчу вышла Лиза въ шляпкѣ и въ перчаткахъ.

— Куда вы? спросилъ онъ ее.

— Къ обѣднѣ. Сегодня воскресенье.

— А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?

Лиза молча, съ изумленіемъ, посмотрѣла на него.

— Извините пожалуйста, проговорилъ Лаврецкій, я.... я не то хотѣлъ сказать, я пришелъ проститься съ вами, я черезъ часъ ѣду въ деревню.

— Вѣдь это отсюда не далеко? спросила Лиза.

— Верстъ двадцать пять.

На порогѣ двери появилась Леночка въ сопровожденіи горничной.

— Смотрите, не забывайте насъ, промолвила Лиза и спустилась съ крыльца.

— И вы не забывайте меня. Да послушайте, прибавилъ онъ, вы идете въ церковь: помолитесь кстати и за меня.

Лиза остановилась и обернулась къ нему.

— Извольте, сказала она, прямо глядя ему въ лицо:—я помолюсь и за васъ. Пойдемъ, Леночка.

Въ гостинной Лаврецкій засталъ Марью Дмитріевну одну. Отъ нея пахло одеколономъ и мятой. У ней, по ея словамъ, болѣла голова, и ночь она провела безпокойно. Она приняла его съ обычною своею томной любезностью и понемногу разговорилась.

— Не правда ли, спросила она его:—какой Владиміръ Николаевичъ пріятный молодой человѣкъ?

— Какой это Владиміръ Николаичъ?

— Да Паншинъ, вотъ, что вчера здѣсь былъ. Вы ему ужасно понравились; я вамъ скажу по секрету, mon cher cousin, онъ просто безъ ума отъ моей Лизы. Чтожь? Онъ хорошей фамиліи, служитъ прекрасно, уменъ, ну камеръ-юнкеръ, и если на то будетъ воля Божія.... я съ своей стороны, какъ мать, очень буду рада. Отвѣтственность, конечно, большая; конечно, отъ родителей зависитъ счастіе дѣтей, да вѣдь и то сказать: до сихъ поръ, худо ли, хорошо ли, а вѣдь все я, вездѣ я одна, какъ есть: и воспитала-то дѣтей, и учила ихъ, все я.... я вотъ и теперь мамзель отъ г-жи Бюлюсъ выписала....

Марья Дмитріевна пустилась въ описаніе своихъ заботъ, стараній, своихъ материнскихъ чувствъ. Лаврецкій слушалъ ее молча и вертѣлъ въ рукахъ шляпу. Его холодный, тяжелый взглядъ смутилъ разболтавшуюся барыню.

— А Лиза какъ вамъ нравится? спросила она.

— Лизавета Михайловна прекраснѣйшая дѣвица, возразилъ Лаврецкій, всталъ, откланялся и зашелъ къ Маѳѣ Тимофеевнѣ. Марья Дмитріевна съ неудовольствіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: экой тюлень, мужикъ! Ну, теперь я понимаю, почему его жена не могла остаться ему вѣрной.

Маѳа Тимофеевна сидѣла у себя въ комнатѣ, окруженная своимъ штатомъ. Онъ состоялъ изъ пяти существъ, почти одинаково-близкихъ ея сердцу: изъ толстозобаго ученаго снѣгиря, котораго она полюбила за то, что онъ пересталъ свистать и таскать воду,—маленькой, очень пугливой и смирной

собаченки Роски,—сердитаго кота Матроса,— черномазой вертлявой дѣвочки лѣтъ девяти, съ огромными глазами и вострымъ носикомъ, которую звали Шурочкой, — и пожилой женщины лѣтъ пятидесяти пяти, въ бѣломъ чепцѣ и коричневой кургузой кацавейкѣ на темномъ платьѣ, по имени Настасьи Карповны Огарковой. Шурочка была мѣщаночка, круглая сирота. Мароа Тимофеевна взяла ее къ себѣ изъ жалости, какъ и Роску: и собаченку, и дѣвочку она нашла на улицѣ; обѣ были худы и голодны, обѣихъ мочилъ осенній дождь; за Роской никто не погнался, а Шурочку даже охотно уступилъ Марфѣ Тимофеевнѣ ея дядя, пьяный башмачникъ, который самъ не доѣдалъ и племянницу не кормилъ, а колотилъ по головѣ колодкой. Съ Настасьей Карповной Мароа Тимофеевна свела знакомство на богомольи, въ монастырѣ; сама подошла къ ней въ церкви (она понравилась Мароѣ Тимофеевнѣ за то, что, по ея словамъ, очень вкусно молилась), сама съ ней заговорила и пригласила ее къ себѣ на чашку чаю. Съ того дня она уже не разставалась съ ней. Настасья Карповна была женщина самаго веселаго и кроткаго нрава, вдова бездѣтная, изъ бѣдныхъ дворянокъ; голову имѣла круглую, сѣдую, мягкія бѣлыя руки, мягкое лицо съ крупными, добрыми чертами и нѣсколько смѣшнымъ, вздернутымъ носомъ; она благоговѣла передъ Мароой Тимофеевной, и та ее очень любила, хотя подтрунивала надъ ея нѣжнымъ сердцемъ: она чувствовала слабость ко всѣмъ молодымъ людямъ и невольно краснѣла, какъ дѣвочка, отъ самой невинной шутки. Весь ея капиталецъ состоялъ изъ 1200 рублей ассигнаціями; она жила на счетъ Мароы Тимофеевны, но на ровной съ ней ногѣ: Мароа Тимофеевна не вынесла бы подобострастья.

— А! Ѳедя! начала она, какъ только увидала его:—вчера вечеромъ ты не видѣлъ моей семьи: полюбуйся. Мы всѣ къ чаю собрались; это у насъ второй, праздничный чай. Всѣхъ поласкать можешь: только Шурочка не дастся, а котъ оцарапаетъ. Ты сегодня ѣдешь?

— Сегодня. Лаврецкій присѣлъ на низкое стульце. Я уже съ Марьей Дмитріевной простился. Я и Лизавету Михайловну видѣлъ.

— Зови ее Лизой, отецъ мой; что за Михайловна она для тебя? Да сиди смирно, а то ты Шурочкинъ стулъ сломаешь.

— Она къ обѣднѣ шла, продолжалъ Лаврецкій. Развѣ она богомольна?

— Да, Ѳедя, очень. Больше насъ съ тобою, Ѳедя.

— А вы развѣ не богомольны? замѣтила, пришепетывая, Настасья Карповна. И сегодня къ ранней обѣднѣ не пошли, а къ поздней пойдете.

— Анъ нѣтъ,—ты одна пойдешь: облѣнилась я, мать моя, возразила Марѳа Тимофеевна,—чаемъ ужь очень себя балую.— Она говорила Настасьѣ Карповнѣ: ты, хотя и жила съ ней на ровной ногѣ, — недаромъ же она была Пестова: трое Пестовыхъ значатся въ синодикѣ Ивана Васильевича Грознаго: Марѳа Тимофеевна это знала.

— Скажите пожалуйста, началъ опять Лаврецкій: — мнѣ Марья Дмитріевна сейчасъ говорила объ этомъ.... какъ бишь его?... Паншинѣ. Что́ это за господинъ?

— Экая она болтушка, прости Господи! проворчала Марѳа Тимофеевна:—чай, подъ секретомъ тебѣ сообщила, что вотъ, молъ, какой навертывается женихъ. Шушукала бы съ своимъ поповичемъ; нѣтъ, видно, ей мало. И вѣдь нѣтъ еще ничего, да и слава Богу! а она уже болтаетъ.

— Почему же слава Богу? спросилъ Лаврецкій.

— А потому, что молодецъ мнѣ не нравится; да и чему тутъ радоваться?

— Не нравится онъ вамъ?

— Да, не всѣхъ же ему плѣнять. Будетъ съ него и того, что вотъ Настасья Карповна въ него влюблена.

Бѣдная вдова вся всполошилась.

— Что́ вы это, Марѳа Тимофеевна, Бога вы не боитесь! воскликнула она, и румянецъ мгновенно разлился у ней по лицу и по шеѣ.

— И вѣдь знаетъ, плутъ—перебила ее Марѳа Тимофеевна— знаетъ чѣмъ ее прельстить: табакерку ей подарилъ. Ѳедя попроси у ней табачку понюхать; ты увидишь, табакерка какая славная: на крышкѣ гусаръ на конѣ представленъ. Ужь ты лучше, мать моя, не оправдывайся.

Настасья Карповна только руками отмахивалась.

— Ну, а Лиза, спросилъ Лаврецкій, къ нему неравнодушна?

— Кажется, онъ ей нравится,—а, впрочемъ, Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подавно. Вотъ и Шурочкину душу, — поди, разбери! Зачѣмъ она прячется, а не уходитъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты пришелъ?

Шурочка фыркнула подавленнымъ смѣхомъ и выскочила вонъ, а Лаврецкій поднялся съ своего мѣста.

— Да, промолвилъ онъ съ разстановкой: — дѣвичью душу не разгадаешь.

Онъ сталъ прощаться.

— Чтожь? скоро мы тебя увидимъ? спросила Марѳа Тимофеевна.

— Какъ придется, тетушка: тутъ вѣдь недалеко.

— Да, вѣдь ты въ Васильевское ѣдешь. Ты не хочешь жить въ Лаврикахъ:—ну, это твое дѣло; только съѣзди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати. Ты тамъ за границей всякаго ума набрался, а кто знаетъ, можетъ быть, онѣ и почувствуютъ въ своихъ могилкахъ, что ты къ нимъ пришелъ. Да не забудь, Оедя, по Глафирѣ Петровнѣ тоже панафиду отслужить; вотъ тебѣ и цѣлковый. Возьми, возьми, это *я* по ней хочу отслужить панафиду. Я ее при жизни не любила, а нечего сказать, съ характеромъ была дѣвка. Умница была; ну и тебя не обидѣла. А теперь ступай съ Богомъ, а то я тебѣ надоѣмъ.

И Марѳа Тимофеевна обняла своего племянника.

— А Лизѣ за Паншинымъ не быть, не безпокойся; не такого мужа она стоитъ.

— Да я нисколько и не безпокоюсь, отвѣчалъ Лаврецкій и удалился.

XVIII.

Часа четыре спустя, онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ, какъ стояла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухѣ и застилалъ отдаленные лѣса; отъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно-обрисованными краями расползались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій вѣтеръ мчал-

ся сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣеромъ загоны полей, на медленно-мелькавшія ракиты, на глупыхъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностью взиравшихъ бокомъ на проѣзжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія чернобыльникомъ, полынью и полевой рябиной; онъ глядѣлъ.... и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы—вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ тоже время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили; очертанія ихъ были также неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто бы бродившихъ, тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начало-было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну—и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодраго, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ,—потомъ слѣпаго, плаксиваго, съ неопрятной сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себѣ салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мигая ничего-не-видѣвшими глазами и краснѣя, разсказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павловну, — и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ.

«Вотъ,— подумалъ онъ,— новое существо только что вступаетъ въ жизнь. Славная дѣвушка, что-то изъ нея выйдетъ? Она и собой хороша. Блѣдное, свѣжее лицо, глаза и губы такіе серьезные и взглядъ честный и невинный. Жаль, она, кажется, восторженна немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходитъ, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманіемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинетъ назадъ свои волосы. Точно, мнѣ самому сдается, Паншинъ ея не стоитъ. Однако, чѣмъ же онъ дуренъ? А, впрочемъ, чего я размечтался? Побѣжитъ и она по

той же дорожкѣ, по какой всѣ бѣгаютъ. Лучше я сосну.» И Лаврецкій закрылъ глаза.

Заснуть онъ не могъ, но погрузился въ дремотное дорожное онѣмѣніе. Образы прошедшаго, по прежнему, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ.... о французской исторіи.... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики.... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза.... Тѣже поля, тѣже степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ поперемѣнно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра.... «Хорошъ возвращаюсь я на родину» — промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: «пошелъ!» запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій амбарчикъ. Это было Васильевское.

Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай; но даже собаки не показалось; лакей снова приготовился соскочить и закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и, спустя мгновенье, на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человѣкъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ на дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ. Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги на по лѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ къ верху кожу и помогая барину спуститься на землю, поцаловалъ у него руку.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, проговорилъ Лаврецкій:— тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ спрыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безо всякой нужды изгибаясь, какъ змѣя, и высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

— Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, подумалъ Лаврецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ, и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.

XIX.

Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи, изъ прочнаго сосноваго лѣсу; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ вялыхъ мухъ съ бѣлой пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ притолками, велѣлъ всюду открыть окна; съ самой смерти Глафиры Петровны никто не отпиралъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостинной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатерининскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась. На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Ѳедорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, желчное лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покороблennаго фона; небольшіе злые глаза угрюмо глядѣли изъ-подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щоткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей. «Сами Глафира Петровна изволили плести», доложилъ Антонъ. Въ

спальнѣ возвышалась узкая кровать подъ пологомъ изъ старо-давней, весьма добротной полосатой матеріи; горка полинялыхъ подушекъ и стеганое жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальней находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углѣ; на полу лежалъ истертый и закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна клала на немъ земные поклоны. Антонъ отправился съ лакеемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ тоже время—какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ ручкѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда нибудь; оказалось, что ее звали Апраксѣей; лѣтъ сорокъ тому назадъ, таже Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ, она говорила мало,—словно изъ ума выжила,—а глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ, да трехъ пузатыхъ ребятишекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужичонка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; немногимъ полезнѣе его была драхлая собака, привѣтствовавшая лаемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны, и едва-едва была въ состояніи двигаться и влачить свою ношу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много тѣни, много старыхъ липъ, которыя поражали своею громадностью и страннымъ расположеніемъ сучьевъ; онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то — лѣтъ сто тому назадъ —

стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймой изъ высокаго красноватаго тростника. Слѣды человѣческой жизни глохнутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрёму, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Ѳедоръ Иванычъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порогу своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись, дѣти бѣжали прочь, собаки равнодушно лаяли. Ему, наконецъ, захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лавриковъ еще не прибывалъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ощипалъ старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, стирала ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положила ее въ кастрюлю; когда она, наконецъ, сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аплике о трехъ ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово, — и самъ сталъ за его стуломъ, обвернувъ правый кулакъ салфеткой и распространяя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ супу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырушками; толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отзывалось древесиной и щолокомъ. Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что онъ выпилъ бы чаю, если.... «Сею минутою-съ подамъ-съ», перебилъ его старикъ,—и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки; сыскался небольшой, но прерьяный и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости, — и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга; — Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кровати; онъ велѣлъ постлать себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ не веселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому

человѣку, которому приходится въ первый разъ ночевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома не доумѣваютъ. Наконецъ, онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ много шептался съ Апраксѣей, охалъ въ полъ-голоса, раза два перекрестился; они оба не-ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подъ-бокомъ было такое славное имѣнье съ от-лично-устроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у анбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прик-рывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова, —и сладко спалось старику.

XX.

На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолко-валъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворной собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей кануры, — и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. «Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки», ска-залъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченью тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивой кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжаніе мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, который то-и-дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закри-чалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту, простучала телѣга, на деревнѣ скрыпятъ ворота. «Чего?» задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. «Охъ ты мой сударикъ», говоритъ Антонъ двухъ-лѣтней дѣвочкѣ, которую нянчитъ на рукахъ. «Квасъ неси»,

повторяетъ тотъ же бабій голосъ,—и вдругъ находитъ тишина мертвая; ни что не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго налета. «Вотъ когда я на днѣ рѣки», думаетъ опять Лаврецкій. «И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь», думаетъ онъ:—«кто входитъ въ ея кругъ—покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мучить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ окномъ корнастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель; богородицыны слёзки еще выше выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и шйрится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. «На женскую любовь ушли мои лучшіе годы», продолжаетъ думать Лаврецкій:—«пусть же вытрезвитъ меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло». И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, —и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ: кажется, онѣ знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ, кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь таже жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ,— и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.

XXI.

Въ теченьи двухъ недѣль Ѳедоръ Иванычъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ, разчистилъ дворъ, садъ; изъ

Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Ѳедоръ Иванычъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить—не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ, онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать разсказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки, —и начиналъ свои неторопливые разсказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копѣйки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны, даже подъ городомъ, тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи. «А теперь», жаловался старикъ, которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесять: — «такъ все вырубили да распахали, что проѣхать негдѣ.» Также разсказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петровнѣ: какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддѣлывался–было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать,—и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами цвѣту массакà и желтое платье изъ трю–трю–левантина; но какъ потомъ, разгнѣвавшись на господина сосѣда за неприличный вопросъ: «что, молъ, должòнъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?» приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины до самомалѣйшей тряпицы, было представлено Ѳедору Ивановичу. И точно Лаврецкій нашелъ весь теткинъ скарбъ въ цѣлости, не выключая праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массакà и желтаго платья изъ трю-трю-левантина. Старинныхъ бумагъ и любопытныхъ документовъ, на которые разсчитывалъ Лаврецкій, не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его, Петръ Андреичъ, вписывалъ—тò: «Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александръ Александровичемъ Прозоровскимъ»; тò рецептъ груднаго *декохта* съ примѣчаніемъ: «Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковьѣ

Ѳедоровнѣ Салтыковой отъ протопресвитера церкви Живоначальныя Троицы Ѳеодора Авксентьевича»; то политическую новость слѣдующаго рода: «О тиграхъ французахъ что-то замолкло»;—и тутъ же рядомъ: «Въ Московскихъ вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ премiеръ – маiоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?» Лаврецкiй нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненiе г. Амбодика; много воспоминанiй возбудили въ немъ давно-забытыя, но знакомыя «Символы и Эмблемы.» Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкiй нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями, разсыпанными по лбу, съ длинными томными глазами о полу-раскрытымъ ртомъ,—и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ, —его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволяла снять портрета. «Я, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ», говаривалъ Лаврецкому Антонъ:—«хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Аѳанасьича, помню,—какъ же: мнѣ, когда они скончались, восьмнадцатый годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣлся,—такъ даже поджилки затряслись; однако, они ничего, только спросили, какъ зовутъ,—и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. Баринъ былъ, что̀ и говорить,—и старшо̀го надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего прадѣдушки чудная така ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, бояринъ, радушiе сiе тебѣ дарю; носи—и суда не бойся. Ну, да вѣдь тогда, батюшка, извѣстно, какiя были времена: что̀ баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него да скажутъ: мелко плаваешь,—самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженныя памяти прадѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что̀ добра послѣ себя оставилъ, серебра что̀, всякихъ запасовъ, — всѣ подвалы биткомъ набиты были. Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ,

что вы похвалить изволили,—ихъ былъ: изъ него водку кушали. А вотъ дѣдушка вашъ, Петръ Андреичъ, и палаты себѣ поставилъ каменныя, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло *хинею*; и жили они хуже паненькинаго, и удовольствій никакихъ себѣ не производили,—а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ, ложки серебряной отъ нихъ не осталось,—и то еще спасибо, Глафира Петровна порадѣла.»

— А правда ли перебивалъ его Лаврецкій:—ее старой колотовкой звали?

— Да вѣдь кто звалъ! возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ.

— А что, батюшка,—рѣшился спросить однажды старикъ,—что наша барынька, гдѣ изволитъ свое пребываніе имѣть?

— Я развелся съ женою, проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій:—пожалуйста, не спрашивай о ней.

— Слушаю-съ, печально возразилъ старикъ.

По прошествіи трехъ недѣль. Лаврецкій поѣхалъ верхомъ въ О..... къ Калитинымъ и провелъ у нихъ вечеръ. Леммъ былъ у нихъ; онъ очень понравился Лаврецкому. Хотя, по милости отца, онъ ни на какомъ инструментѣ не игралъ, однако страстно любилъ музыку, музыку дѣльную, классическую. Паншина въ тотъ вечеръ у Калитиныхъ не было. Губернаторъ услалъ его куда-то за городъ. Лиза играла одна, и очень отчетливо; Леммъ оживился, расходился, свернулъ бумажку трубочкой и дирижировалъ. Марья Дмитріевна сперва смѣялась, глядя на него, потомъ ушла спать; но ея словамъ, Бетговенъ слишкомъ волновалъ ея нервы. Въ полночь Лаврецкій проводилъ Лемма на квартиру и просидѣлъ у него до трехъ часовъ утра. Леммъ много говорилъ; сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблистали, самые волосы приподнялись надо лбомъ. Уже такъ давно никто не принималъ въ немъ участья, а Лаврецкій видимо интересовался имъ, заботливо и внимательно разспрашивалъ его. Старика это тронуло; онъ кончилъ тѣмъ, что показалъ гостю свою музыку, сыгралъ и даже спѣлъ мертвеннымъ голосомъ нѣкоторые отрывки изъ своихъ сочиненій, между прочимъ цѣлую положенную имъ на музыку балладу Шиллера: Фридолинъ. Лаврецкій похвалилъ его, заставилъ кое-что повторить и, уѣзжая, при-

гласилъ его къ себѣ погостить на нѣсколько дней. Леммъ, проводившій его до улицы, тотчасъ согласился и крѣпко пожалъ его, руку; но, оставшись одинъ на свѣжемъ и сыромъ воздухѣ, при только что занимавшейся зарѣ, оглянулся, прищурился, съежился и, какъ виноватый, побрелъ въ свою комнатку. «Ich bien wohl nicht klug» (я не въ своемъ умѣ) пробормоталъ онъ, ложась въ свою жосткую и короткую постель. Онъ попытался сказаться больнымъ, когда, нѣсколько дней спустя, Лаврецкій заѣхалъ за нимъ въ коляскѣ; но Ѳедоръ Иванычъ вошелъ къ нему въ комнату и уговорилъ его. Сильнѣе всего подѣйствовало на Лемма то обстоятельство, что Лаврецкій собственно для него велѣлъ привести къ себѣ въ деревню фортепьяно изъ города. Они вдвоемъ отправились къ Калитинымъ и провели у нихъ вечеръ, но уже не такъ пріятно, какъ въ послѣдній разъ. Паншинъ былъ тамъ, много разсказывалъ о своей поѣздкѣ, очень забавно передразнивалъ и представлялъ видѣнныхъ имъ помѣщиковъ; Лаврецкій смѣялся, но Леммъ не выходилъ изъ своего угла, молчалъ, тихо шевелился весь, какъ паукъ, глядѣлъ угрюмо и тупо, и оживился только тогда, когда Лаврецкій сталъ прощаться. Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дичиться и ёжиться; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, березовыхъ почекъ, мирное сіянье безлуннаго звѣзднаго неба, дружный топотъ и фырканіе лошадей, всѣ обаянія дороги, весны, ночи—спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ.

XXII.

Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ. Онъ какъ будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ. Лаврецкій навелъ рѣчь на его сочиненія и, полушутя, предложилъ ему написать для него либретто.

— Гмъ, либретто! возразилъ Леммъ:—нѣтъ, это не по мнѣ: у меня уже нѣтъ той живости, той игры воображенія, которая необходима для оперы; я уже теперь лишился силъ моихъ ... Но еслибъ я могъ еще что-нибудь сдѣлать,—я бы удовольствовался романсомъ; конечно, я желалъ бы хорошихъ словъ....

Онъ умолкъ и долго сидѣлъ неподвижно и поднявъ глаза на небо.

— Напримѣръ, проговорилъ онъ наконецъ:—что-нибудь въ такомъ родѣ: вы, звѣзды, о вы, чистыя звѣзды!...

Лаврецкій слегка обернулся къ нему лицомъ и сталъ глядѣть на него.

— Вы, звѣзды, чистыя звѣзды, повторилъ Леммъ.... Вы взираете одинаково на правыхъ и на виновныхъ.... но одни невинные сердцемъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.... васъ понимаютъ, то-есть, нѣтъ, — васъ любятъ. Впрочемъ, я не поэтъ,—куда мнѣ! Но что-нибудь въ этомъ родѣ, что-нибудь высокое.

Леммъ отодвинулъ шляпу на затылокъ; въ тонкомъ сумракѣ свѣтлой ночи лицо его казалось блѣднѣе и моложе.

— И вы тоже, продолжалъ онъ постепенно утихавшимъ голосомъ:—вы знаете, кто любитъ, кто умѣетъ любить, потому что вы, чистыя, вы однѣ можете утѣшить.... Нѣтъ, это все не то! Я не поэтъ, промолвилъ онъ:—но что-нибудь въ этомъ родѣ....

— Мнѣ жаль, что и я не поэтъ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Пустыя мечтанья! возразилъ Леммъ и углубился въ уголъ коляски. Онъ закрылъ глаза, какъ бы собираясь заснуть.

Прошло нѣсколько мгновеній.... Лаврецкій прислушался.... «Звѣзды, чистыя звѣзды, любовь», шепталъ старикъ.

— Любовь, повторилъ про себя Лаврецкій, задумался,—и тяжело стало у него на душѣ.

— Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофоръ Ѳедорычъ, промолвилъ онъ громко:—а какъ вы полагаете, этотъ Фридолинъ, послѣ того, какъ графъ привелъ его къ женѣ, вѣдь онъ тутъ-то и сдѣлался ея любовникомъ,—а?

— Это вы такъ думаете, возразилъ Леммъ:—потому что, вѣроятно, опытъ.... Онъ вдругъ умолкъ и въ смущеніи отвернулся. Лаврецкій принужденно засмѣялся, тоже отвернулся и сталъ глядѣть на дорогу.

Звѣзды уже начинали блѣднѣть и небо сѣрѣло, когда коляска подъѣхала къ крыльцу домика въ Васильевскомъ. Лаврецкій проводилъ своего гостя въ назначенную ему комнату, вернулся въ кабинетъ и сѣлъ передъ окномъ. Въ саду пѣлъ

соловей свою послѣднюю, передразсвѣтную пѣснь. Лаврецкій вспомнилъ, что у Калитиныхъ въ саду пѣлъ соловей; онъ вспомнилъ также тихое движеніе Лизиныхъ глазъ, когда, при первыхъ его звукахъ, они обратились къ темному окну. Онъ сталъ думать о ней, и сердце въ немъ утихло. «Чистая дѣвушка проговорилъ онъ въ полголоса:—чистыя звѣзды», прибавилъ онъ съ улыбкой и спокойно легъ спать.

А Леммъ долго сидѣлъ на своей кровати съ нотной тетрадкой на колѣняхъ. Казалось, небывалая, сладкая мелодія собиралась посѣтить его: онъ уже горѣлъ и волновался, онъ чувствовалъ уже истому и сладость ея приближенія.... но онъ не дождался ея.

— Не поэтъ и не музыкантъ! прошепталъ онъ, наконецъ...

И усталая голова его тяжело опустилась на подушку.

XXIII.

На другое утро хозяинъ и гость пили чай въ саду подъ старой липой.

— Маэстро! сказалъ между прочимъ Лаврецкій:—вамъ придется скоро сочинять торжественную кантату.

— По какому случаю?

— А по случаю бракосочетанія г. Паншина съ Лизой. Замѣтили ли вы, какъ онъ вчера за ней ухаживалъ? Кажется, у нихъ уже все идетъ на ладъ.

— Этого не будетъ! воскликнулъ Леммъ.

— Почему?

— Потому что это невозможно. Впрочемъ, прибавилъ онъ, погодя немного:—на свѣтѣ все возможно. Особенно здѣсь у васъ, въ Россіи.

— Россію мы оставимъ пока въ сторонѣ; но что же дурнаго находите вы въ этомъ бракѣ?

— Все дурно, все. Лизавета Михайловна дѣвица справедливая, серьезная, съ возвышенными чувствами,—а онъ.... онъ дил-лет-тантъ, однимъ словомъ.

— Да вѣдь она его любитъ?

Леммъ всталъ со скамейки.

— Нѣтъ, она его не любитъ, то-есть, она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что̀ это значитъ: любить. Мадамъ фонъ-Калитинъ ей говоритъ, что онъ хорошій молодой человѣкъ, а она слушается мадамъ фонъ-Калитинъ, потому что она еще совсѣмъ дитя, хоть ей и девятнадцать лѣтъ: молится утромъ, молится вечеромъ,—и это очень похвально; но она его не любитъ. Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, то-есть, душа его не прекрасна.

Леммъ произнесъ всю эту рѣчь связно и съ жаромъ, расхаживая маленькими шагами взадъ и впередъ передъ чайнымъ столикомъ и бѣгая глазами по землѣ.

— Дражайшій маэстро! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій:—мнѣ сдается, что вы сами влюблены въ мою кузину.

Леммъ вдругъ остановился.

— Пожалуйста, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ: я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность.

Лаврецкому стало жаль старика; онъ попросилъ у него прощенія. Леммъ послѣ чая съигралъ ему свою кантату, а за обѣдомъ, вызванный самимъ Лаврецкимъ, опять разговорился о Лизѣ. Лаврецкій слушалъ его со вниманіемъ и любопытствомъ.

— Какъ вы думаете, Христофоръ Ѳедорычъ, сказалъ онъ наконецъ:—вѣдь у насъ теперь, кажется, все въ порядкѣ? садъ въ полномъ цвѣту. Не пригласить ли ее сюда на день вмѣстѣ съ ея матерью и моей старушкой теткой, — а? Вамъ это будетъ пріятно?

Леммъ наклонилъ голову надъ тарелкой.

— Пригласите, проговорилъ онъ.

— А Паншина не надобно?

— Не надобно, возразилъ старикъ съ почти-дѣтской улыбкой.

Дня два спустя, Ѳедоръ Иванычъ отправился въ городъ къ Калитинымъ.

XXIV.

Онъ засталъ всѣхъ дома; но онъ не тотчасъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи; онъ хотѣлъ сперва переговорить наединѣ съ Лизой. Случай помогъ ему: ихъ оставили вдвоемъ въ го-

стинной. Они разговорились ; она успѣла уже привыкнуть къ нему,—да она и вообще никого не дичилась. Онъ слушалъ ее, глядѣлъ ей въ лицо и мысленно твердилъ слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу, человѣка внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, — и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. «Вотъ онъ какой», подумала она, ласково глядя на него; «вотъ ты какая», подумалъ и онъ. А потому онъ не очень удивился, когда она, не безъ маленькой однако запинки, объявила ему, что давно имѣетъ на сердцѣ сказать ему что-то, но боится его разсердить.

— Не бойтесь, говорите, промолвилъ онъ и остановился передъ ней.

Лиза подняла на него свои ясные глаза.

— Вы такіе добрые, начала она и въ то же время подумала: «да, онъ точно добрый....» — вы извините меня, я бы не должна смѣть говорить объ этомъ съ вами.... но какъ могли вы.... отчего вы разстались съ вашей женой?

Лаврецкій дрогнулъ, поглядѣлъ на Лизу и подсѣлъ къ ней.

— Дитя мое, заговорилъ онъ:—не прикасайтесь пожалуйста къ этой ранѣ; руки у васъ нѣжныя, а все-таки мнѣ будетъ больно.

— Я знаю, продолжала Лиза, какъ будто не разслушавъ его: — она передъ вами виновата, я не хочу ее оправдывать; но какъ же можно разлучать то, что Богъ соединилъ?

— Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лизавета Михайловна, произнесъ Лаврецкій довольно рѣзко:— мы не поймемъ другъ друга.

Лиза поблѣднѣла; все тѣло ея слегка затрепетало, но она не замолчала.

— Вы должны простить, промолвила она тихо:— если хотите, чтобы и васъ простили.

— Простить! подхватилъ Лаврецкій.—Вы бы сперва должны были узнать, за кого вы просите? Простить эту женщину, принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное

существо! И кто вамъ сказалъ, что она хочетъ возвратиться ко мнѣ? Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положеніемъ.... Да что тутъ толковать! Имя ея не должно быть произносимо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять такое существо.

— Зачѣмъ оскорблять! съ усиліемъ проговорила Лиза. Дрожь ея рукъ становились видимой. — Вы сами ее оставили, Ѳедоръ Иванычъ.

— Но я же вамъ говорю, возразилъ съ невольнымъ взрывомъ нетерпѣнья Лаврецкій: — вы не знаете, какое это созданіе!

— Такъ зачѣмъ же вы женились на ней? прошептала Лиза и потупила глаза.

Лаврецкій быстро поднялся со стула.

— Зачѣмъ я женился? Я былъ тогда молодъ и неопытенъ; я обманулся, я увлекся красивой внѣшностью. Я не зналъ женщинъ, я ничего не зналъ. Дай вамъ Богъ заключить болѣе счастливый бракъ! но повѣрьте, ни за что нельзя ручаться.

— И я могу также быть несчастной, промолвила Лиза (голосъ ея начиналъ прерываться):—но тогда надо будетъ покориться; я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться....

Лаврецкій стиснулъ руки и топнулъ ногой.

— Не сердитесь, простите меня, торопливо произнесла Лиза.

Въ это мгновенье вошла Марья Дмитріевна. Лиза встала и хотѣла удалиться.

— Постойте, неожиданно крикнулъ ей вслѣдъ Лаврецкій. У меня есть до вашей матушки и до васъ великая просьба: посѣтите меня на моемъ новосельи. Вы знаете, я завелъ фортепьяно; Леммъ гоститъ у меня, сирень теперь цвѣтетъ; вы подышете деревенскимъ воздухомъ и можете вернуться въ тотъ же день,—согласны вы?

Лиза взглянула на мать, а Марья Дмитріевна приняла болѣзненный видъ; но Лаврецкій не далъ ей разинуть рта и тутъ же поцаловалъ у ней объ руки. Марья Дмитріевна, всегда чувствительная на ласку и уже вовсе не ожидавшая такой любезности отъ «тюленя», умилилась душою и согласилась. Пока она соображала, какой бы назначить день, Лаврецкій

подошелъ къ Лизѣ и, все еще взволнованный, украдкой шепнулъ ей: «спасибо, вы добрая дѣвушка; я виноватъ....» И ея блѣдное лицо заалѣлось веселой и стыдливой улыбкой; глаза ея тоже улыбнулись, — она до того мгновенья боялась, не оскорбила ли она его.

— Владиміръ Николаичъ съ нами можетъ ѣхать? спросила Марья Дмитріевна.

— Конечно, возразилъ Лаврецкій: — но не лучше ли намъ быть въ своемъ семейномъ кружкѣ?

— Да вѣдь, кажется.... начала было Марья Дмитріевна.... впрочемъ, какъ хотите, прибавила она.

Рѣшено было взять Леночку и Шурочку. Марѳа Тимофеевна отказалась отъ поѣздки.

— Тяжело мнѣ, свѣтъ, сказала она: — кости старыя ломать; и ночевать у тебя, чай, негдѣ; да мнѣ и не спится въ чужой постели. Пусть эта молодежь скачетъ.

Лаврецкому уже не удалось болѣе побывать наединѣ съ Лизой; но онъ такъ глядѣлъ на нее, что ей и хорошо становилось, и стыдно немножко, и жалко его. Прощаясь съ ней, онъ крѣпко пожалъ ей руку: она задумалась, оставшись одна.

XXV.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на дорогѣ гостинной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. Они не видѣлись съ Москвы. Посыпались восклицанія, разспросы; выступили на свѣтъ Божій давно-заглохшія воспоминанія. Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похожденія; въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ,—а онъ безпрестанно смѣялся

сиплымъ нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ, получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О.... и, узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ такъ же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ попрежнему. Лаврецкій упомянулъ было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: «слышалъ, братъ, слышалъ,—кто этого могъ ожидать?»—и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ, промолвилъ онъ:—завтра долженъ ѣхать; сегодня мы, ужь ты извини меня, ляжемъ поздно. Мнѣ хочется непремѣнно узнать, что̀ ты, какія твои мнѣнія, убѣжденья, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ: волны жизни упали на мою грудь,—кто бишь это сказалъ?—хотя въ важномъ, въ существенномъ я не измѣнился; я по прежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю,—я вѣрую теперь, да—я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піэсу; въ ней я выразилъ самыя задушевныя мои убѣжденія. Слушай. Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ:
И я сжегъ все, чему покланялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣдніе два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги—признакъ сильнаго чувства—пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло. Лаврецкій слушалъ его, слушалъ.... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ: его раздражала всегда-готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверти-часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной

въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ,—и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ: голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возражалъ Лаврецкій: тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные, — а, хочешь, я тебя одной рукой подниму?

— Ну, если не *разочарованій*, то *скептикъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было: ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ: первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы,— впрочемъ, что это я вру,—судьбы нѣту; старая привычка неточно выражаться. Но чтожь это доказываетъ?

— Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули.

— А ты себя вправь!—на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергіи тебѣ не занимать-стать! — Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно — частный, такъ сказать, фактъ, возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій; я не признаю....

— Нѣтъ, это твое правило, правило, —перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что! гремѣлъ онъ часъ спустя:—ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя....

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

— Что такое самонаслажденье, спрашиваю я тебя?

— И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя; ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ....

— Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* я тебя не понимаю.

— Ибо,—пожалуй, смѣйся,—ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копѣечный умъ.... ты, просто, жалкій, отсталый вольтеріянецъ—вотъ ты кто!

— Кто, я вольтеріянецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозрѣваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій:—я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеньемъ Михалевичъ, — я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія....

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ же Михалевичъ въ 3-мъ часу ночи: — ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріянецъ, ты—байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаньемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человѣкъ — и лежишь; ты могъ бы что нибудь дѣлать—и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ, лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, — все вздоръ и ни къ чему неведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій:— почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія, продолжалъ неугомонный Михалевичъ: — начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ; знаете, что плохо у англичанъ и у французовъ, — и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что, молъ, вотъ умница—лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ. Да!—А то есть у насъ такіе господа,—впрочемъ, я это говорю не на твой счетъ,— которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи ску-

ки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ.... какъ грыбъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію. — О, это млѣніе скуки — гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать, противный байбакъ....

— Да чтожь ты бранишься? вопилъ въ свою очередь Лаврецкій. Работать.... дѣлать.... Скажи лучше, что̀ дѣлать, а не бранись, Демосоенъ полтавскій!

— Вишь чего захотѣлъ! Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ ироніей Демосоенъ. Помѣщикъ, дворянинъ—и не знаетъ, что̀ дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ, вѣры нѣтъ—и нѣтъ откровенія.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды! возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды!— Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ: у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ....

— Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, промолвилъ Лаврецкій:— что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. «До завтра», проговорилъ онъ съ улыбкой,— и всунулъ трубку въ кисетъ. «До завтра», повторилъ Лаврецкій. Но друзья еще болѣе часу бесѣдовали.... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душою не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣньемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади на сюртукѣ не доставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ,

въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ «образованнаго человѣка». Со всѣмъ тѣмъ, Михалевичъ не унывалъ и жилъ-себѣ циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи, — и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ; но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ одну таинственную, чернокудрую «панну».... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо извѣстная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ.... но какъ подумаешь—развѣ и это не все равно?

Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся: нѣмца, съ непривычки, запугали его многошумныя рѣчи, его рѣзкія манеры.... Горемыка издали тотчасъ чуетъ другаго горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ,—и это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться,—даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ,— и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины....

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ, не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичъ:—а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи....

— Спасибо, братъ, промолвилъ Лаврецкій:—съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *цыпыкъ*! воскликнулъ Михалевичъ.

— «Циникъ», поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цынык, повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ.

Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣевая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ.... «Помни мои послѣднія три слова», закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ:—«религія, прогрессъ, человѣчность!... Прощай!» Голова его, съ нахлобученной на глаза фуражкой, исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ — и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ», думалъ онъ возвращаясь въ домъ:— «пожалуй, что я байбакъ.» Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хоть онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ, — его никто отразить не можетъ.

XXVI.

Дня два спустя, Марья Дмитріевна, по обѣщанію, прибыла со всей своей молодежью въ Васильевское. Дѣвочки побѣжали тотчасъ въ садъ, а Марья Дмитріевна томно прошлась по комнатамъ и томно все похвалила. Визитъ свой Лаврецкому она считала знакомъ великаго снисхожденья, чуть не добрымъ поступкомъ. Она привѣтливо улыбнулась, когда Антонъ и Апраксѣя, по старинной дворовой привычкѣ, подошли къ ней къ ручкѣ, — и разслабленнымъ голосомъ, въ носъ, попросила напиться чаю. Къ великой досадѣ Антона, надѣвшаго вязаныя бѣлыя перчатки, чай подалъ пріѣзжей барынѣ не онъ, а наемный камердинеръ Лаврецкаго, не понимавшій, по словамъ старика, никакихъ порядковъ. За то Антонъ за обѣдомъ взялъ свое: твердой стопою сталъ онъ за кресло Марьи Дмитріевны— и уже никому не уступилъ своего мѣста. Давно-небывалое появленіе гостей въ Васильевскомъ — и встревожило, и обрадовало старика: ему было пріятно видѣть, что съ его бари-

номъ хорошіе господа знаются. Впрочемъ, не онъ одинъ волновался въ тотъ день: Леммъ волновался тоже. Онъ надѣлъ коротенькій табачнаго цвѣту фракъ съ острымъ хвостикомъ, туго затянулъ свой шейный платокъ и безпрестанно откашливался и сторонился, съ пріятнымъ и привѣтливымъ видомъ. Лаврецкій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что сближеніе между нимъ и Лизой продолжалось: она, какъ только вошла, дружелюбно протянула ему руку. Послѣ обѣда Леммъ досталъ изъ задняго кармана фрака, куда онъ то-и-дѣло запускалъ руку, небольшой свертокъ нотной бумаги и, сжавъ губы, молча, положилъ его на фортепьяно. Это былъ романсъ, сочиненный имъ наканунѣ на старомодныя нѣмецкія слова, въ которыхъ упоминалось о звѣздахъ. Лиза тотчасъ сѣла за фортепьяно и разобрала романсъ.... Увы! музыка оказалась запутанной и непріятно-напряженной; видно было, что композиторъ силился выразить что-то страстное, глубокое, но ничего не вышло: усиліе такъ и осталось однимъ усиліемъ. Лаврецкій и Лиза оба это почувствовали, — и Леммъ это понялъ: ни слова не сказавъ, положилъ онъ свой романсъ обратно въ карманъ и— въ отвѣтъ на предложеніе Лизы сыграть его еще разъ—покачалъ только головой, значительно сказалъ: «теперь—баста!»— сгорбился, съежился и отошелъ.

Къ вечеру пошли всѣмъ обществомъ ловить рыбу. Въ прудѣ за садомъ водилось много карасей и гольцовъ. Марью Дмитріевну посадили на кресло возлѣ берега, въ тѣни, постлали ей коверъ подъ ноги, дали лучшую удочку; Антонъ, какъ старый опытный рыболовъ, предложилъ ей свои услуги. Онъ усердно насаживалъ червяковъ, шлепалъ по нимъ рукою, плевалъ на нихъ и даже самъ закидывалъ удочку, граціозно наклоняясь впередъ всѣмъ корпусомъ. Марья Дмитріевна въ тотъ же день отозвалась о немъ Ѳедору Ивановичу слѣдующей фразой на институтско-французскомъ языкѣ: «il n'y a plus maintenant de ces gens—ça comme autrefois.» Леммъ съ двумя дѣвочками отправился подальше, къ самой плотинѣ; Лаврецкій помѣстился возлѣ Лизы. Рыба клевала безпрестанно; выхваченные караси то-и-дѣло сверкали въ воздухѣ своими то золотыми, то серебряными боками; радостныя восклицанія дѣвочекъ не умолкали; сама Марья Дмитріевна изнѣженно взвиз-

гнула раза два. Рѣже всѣхъ бралось у Лаврецкаго и у Лизы; вѣроятно, это происходило отъ того, что они меньше другихъ обращали вниманія на ловлю и дали поплавкамъ своимъ подплыть къ самому берегу. Красноватый высокій камышъ тихо шелестилъ вокругъ нихъ, впереди тихо сіяла неподвижная вода, и разговоръ у нихъ шелъ тихій. Лиза стояла на маленькомъ плоту; Лаврецкій сидѣлъ на наклоненномъ стволѣ ракиты; на Лизѣ было бѣлое платье, перехваченное вокругъ пояса широкой, тоже бѣлой, лентой; соломенная шляпа висѣла у ней на одной рукѣ,—другою она съ нѣкоторымъ усиліемъ поддерживала гнуткое удилище. Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько строгій профиль, на закинутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка, — и думалъ: «о, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!» Лиза не оборачивалась къ нему, а смотрѣла на воду — и не то щурилась, не то улыбалась. Тѣнь отъ близкой липы падала на обоихъ.

— А знаете ли, началъ Лаврецкій: — я много размышлялъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ съ вами и пришелъ къ тому заключенію, что вы чрезвычайно добры.

— Я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, возразила было Лиза,—и застыдилась.

— Вы добры, повторилъ Лаврецкій. Я топорный человѣкъ, а чувствую, что всѣ должны васъ любить. Вотъ хоть бы Леммъ: онъ просто влюбленъ въ васъ.

Брови у Лизы—не то, чтобы нахмурились, а дрогнули; это съ ней всегда случалось, когда она слышала что-нибудь непріятное.

— Очень онъ мнѣ былъ жалокъ сегодня, подхватилъ Лаврецкій:— съ своимъ неудавшимся романсомъ Быть молодымъ и не умѣть — это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ — это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходятъ силы. Старику трудно переносить такіе удары!... Берегитесь, у васъ клюетъ.... Говорятъ, прибавилъ Лаврецкій, помолчавъ немного: — Владиміръ Николаичъ написалъ очень милый романсъ.

— Да, отвѣчала Лиза:—это бездѣлка, но недурная.

— А какъ по вашему, спросилъ Лаврецкій: — хорошій онъ музыкантъ?

— Мнѣ кажется, у него большія способности къ музыкѣ; но онъ до сихъ поръ не занимался ею, какъ слѣдуетъ.

— Такъ. А человѣкъ онъ хорошій?

Лиза засмѣялась и быстро взглянула на Ѳедора Иваныча.

— Какой странный вопросъ! воскликнула она, вытащила удочку и далеко закинула ее снова.

— Отчего же странный? Я спрашиваю о немъ у васъ, какъ человѣкъ, недавно сюда пріѣхавшій, какъ родственникъ.

— Какъ родственникъ?

— Да. Вѣдь я вамъ, кажется, довожусь дядей.

— У Владиміра Николаича доброе сердце, заговорила Лиза:— онъ умнъ; maman его очень любитъ.

— А вы его любите?

— Онъ хорошій человѣкъ; отчего же мнѣ его не любить?

— А! промолвилъ Лаврецкій и умолкъ. Полу-печальное, полу-насмѣшливое выраженіе промелькнуло у него на лицѣ. Упорный взглядъ его смущалъ Лизу, но она продолжала улыбаться.—«Ну и дай Богъ имъ счастья!»—пробормоталъ онъ, наконецъ, какъ будто про себя,—и отворотилъ голову.

Лиза покраснѣла.

— Вы ошибаетесь, Ѳедоръ Иванычъ, сказала она: — вы напрасно думаете... А развѣ вамъ Владиміръ Николаичъ не нравится? спросила она вдругъ.

— Не нравится.

— Отчего же?

— Мнѣ кажется, сердца-то у него и нѣту.

Улыбка сошла съ лица Лизы.

— Вы привыкли строго судить людей, промолвила она послѣ долгаго молчанья.

— Я не думаю. Какое право имѣю я строго судить другихъ, помилуйте, когда я самъ нуждаюсь въ снисхожденіи? Или вы забыли, что надо мной одинъ лѣнивый не смѣется?... А что, прибавилъ онъ, сдержали вы свое обѣщаніе?

— Какое?

— Помолились вы за меня?

— Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы пожалуйста не говорите легко объ этомъ.

Лаврецкій началъ увѣрять Лизу, что ему это и въ голову не приходило, что онъ глубоко уважаетъ всякія убѣжденія; потомъ онъ пустился толковать о религіи, о ея значеніи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства....

— Христіаниномъ нужно быть, заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза:—не для того, чтобы познавать небесное..., тамъ.... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть.

Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Какое это вы промолвили слово? сказалъ онъ.

— Это слово не мое, отвѣчала она.

— Не ваше.... Но почему вы заговорили о смерти?

— Не знаю. Я часто о ней думаю.

— Часто?

— Да.

— Этого не скажешь, глядя на васъ теперь: у васъ такое веселое, свѣтлое лицо, вы улыбаетесь....

— Да, мнѣ очень весело теперь, наивно возразила Лиза.

Лаврецкому захотѣлось взять ея обѣ руки и крѣпко стиснуть ихъ....

— Лиза, Лиза, закричала Марья Дмитріевна, поди сюда, посмотри какого карася я поймала.

— Сейчасъ, maman, отвѣчала Лиза и пошла къ ней, а Лаврецкій остался на своей ракитѣ. «Я говорю съ ней, словно я не отжившій человѣкъ», думалъ онъ. Уходя, Лиза повѣсила свою шляпу на вѣтку; съ страннымъ, почти нѣжнымъ чувствомъ посмотрѣлъ Лаврецкій на эту шляпу, на ея длинныя, немного помятыя ленты. Лиза скоро къ нему вернулась и опять стала на плотъ.

— Почему же вамъ кажется, что у Владиміра Николаича сердца нѣтъ? спросила она, нѣсколько мгновеній спустя.

— Я вамъ уже сказалъ, что я могъ ошибиться; а, впрочемъ, время все покажетъ.

Лиза задумалась. Лаврецкій заговорилъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Васильевскомъ, о Михалевичѣ, объ Антонѣ; онъ

чувствовалъ потребность говорить съ Лизой, сообщить ей все, что приходило ему въ душу: она такъ мило, такъ внимательно его слушала; ея рѣдкія замѣчанія и возраженія казались ему такъ просты и умны. Онъ даже сказалъ ей это.

Лиза удивилась.

— Право? промолвила она:—а я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, *своихъ* словъ нѣтъ. Она однажды сказала своему жениху: тебѣ должно быть скучно со мной: ты мнѣ говоришь все такое хорошее, а у меня своихъ словъ нѣту.

«И слава Богу!» подумалъ Лаврецкій.

XXVII.

Между тѣмъ вечеръ наступалъ и Марья Дмитріевна изъявила желаніе возвратиться домой. Дѣвочекъ съ трудомъ оторвали отъ пруда, снарядили. Лаврецкій объявилъ, что проводитъ гостей до полъ-дороги и велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь. Усаживая Марью Дмитріевну въ карету, онъ хватился Лемма; но старика нигдѣ не могли найти. Онъ тотчасъ исчезъ, какъ только кончилось уженье. Антонъ, съ замѣчательной для его лѣтъ силой, захлопнулъ дверцы и сурово закричалъ: пошелъ, кучеръ! Карета тронулась. На заднихъ мѣстахъ помѣщались Марья Дмитріевна и Лиза; на переднихъ—дѣвочки и горничная. Вечеръ стоялъ теплый и тихій, и окна съ обѣихъ сторонъ были опущены. Лаврецкій ѣхалъ рысью возлѣ кареты со стороны Лизы, положивъ руку на дверцы. Онъ бросилъ поводья на шею плавно бѣжавшей лошади, изрѣдка мѣняясь двумя-тремя словами съ молодой дѣвушкой. Заря исчезала; наступила ночь, а воздухъ даже потеплѣлъ. Марья Дмитріевна скоро задремала; дѣвочки и горничная заснули тоже. Быстро и ровно катилась карета; Лиза наклонилась впередъ; только-что поднявшійся мѣсяцъ свѣтилъ ей въ лицо, ночной пахучій вѣтерокъ дышалъ ей въ глаза и щеки. Ей было хорошо. Рука ея опиралась на дверцы кареты рядомъ съ рукою Лаврецкаго. И ему было хорошо: онъ несся по спокойной ночной теплыни, не спуская глазъ съ добраго молодаго лица, слушая молодой и въ шопотѣ звенѣвшій голосъ,

говорившій простыя, добрыя вещи; онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ полъ-дороги. Онъ не захотѣлъ будить Марью Дмитріевну, пожалъ слегка руку Лизы, сказалъ: «вѣдь мы друзья теперь, не правда ли?» Она кивнула головой, онъ остановилъ лошадь. Карета покатилась дальше, тихонько колыхаясь и ныряя; Лаврецкій отправился шагомъ домой. Обоянье лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно-странно, и въ тоже время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали,—а далеко было видно, хотя глазъ многаго не понималъ изъ того что̀ видѣлъ,—все покоилось; молодая, разцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецкаго бодро шла, мѣрно раскачиваясь направо и налѣво; большая, черная тѣнь ея шла съ ней рядомъ; было что-то таинственно-пріятное въ топотѣ ея копытъ, что-то веселое и чудное въ гремящемъ крикѣ перепеловъ. Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяцъ блестѣлъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію. «Ну! мы еще поживемъ, думалъ онъ:—не совсѣмъ еще насъ заѣла...» Онъ не договорилъ: кто или что.... Потомъ онъ сталъ думать о Лизѣ, о томъ, что врядъ ли она любитъ Паншина; что встрѣться онъ съ ней при другихъ обстоятельствахъ,—Богъ знаетъ, что могло бы изъ изъ этого выйти; что она понимаетъ Лемма, хотя у ней «своихъ» словъ нѣтъ. Да и это неправда: у ней есть свои слова.... «Не говорите объ этомъ легкомысленно», вспомнилось Лаврецкому. Онъ долго ѣхалъ, понуривъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся;
Поклонился всему что сжигалъ....

но тотчасъ же ударилъ лошадь хлыстомъ и скакалъ вплоть до дому.

Слѣзая съ коня, онъ въ послѣдній разъ оглянулся, съ невольной благодарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь,

лежала на холмахъ и на долинахъ; издали, изъ ея благовонной глубины, Богъ знаетъ откуда—съ неба ли, съ земли—тянуло тихимъ и мягкимъ тепломъ. Лаврецкій послалъ послѣдній поклонъ Лизѣ—и взбѣжалъ на крыльцо.

Слѣдующій день прошелъ довольно вяло. Съ утра падалъ дождь; Леммъ глядѣлъ исподлобья и все крѣпче и крѣпче стискивалъ губы, точно онъ давалъ себѣ зарокъ никогда не открывать ихъ. Ложась спать, Лаврецкій взялъ съ собою на постель цѣлую груду французскихъ журналовъ, которые уже болѣе двухъ недѣль лежали у него на столѣ нераспечатанные. Онъ принялся равнодушно рвать куверты и пробѣгать столбцы газетъ, въ которыхъ, впрочемъ, не было ничего новаго. Онъ уже хотѣлъ бросить ихъ—и вдругъ вскочилъ съ постели, какъ ужаленный. Въ фельетонѣ одной изъ газетъ, извѣстный уже намъ мусьё Жюль сообщалъ своимъ читателямъ «горестную новость»: прелестная, очаровательная москвитянка, писалъ онъ, — одна изъ царицъ моды, украшеніе парижскихъ салоновъ, madame de Lavretzki скончалась почти внезапно,—и вѣсть эта, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрная, только-что дошла до него, г-на Жюля. Онъ былъ,— такъ продолжалъ онъ,— можно сказать, другомъ покойницы....

Лаврецкій одѣлся, вышелъ въ садъ и до самаго утра ходилъ взадъ и впередъ все по одной аллеѣ.

XXVIII.

На слѣдующее утро, за чаемъ, Леммъ попросилъ Лаврецкаго дать ему лошадей для того, чтобы возвратиться въ городъ. «Мнѣ пора приняться за дѣло, то-есть за уроки», замѣтилъ старикъ:—«а то я здѣсь только даромъ время теряю». Лаврецкій не сразу отвѣчалъ ему: онъ казался разсѣяннымъ. «Хорошо, сказалъ онъ наконецъ:—я съ вами самъ поѣду».—Безъ помощи слуги, крехтя и сердясь, уложилъ Леммъ свой небольшой чемоданъ, изорвалъ и сжегъ нѣсколько листовъ нотной бумаги. Подали лошадей. Выходя изъ кабинета, Лаврецкій положилъ въ карманъ вчерашній нумеръ газеты. Во все время дороги, и Леммъ, и Лаврецкій мало говорили другъ съ дру-

гомъ: каждаго изъ нихъ занимали собственныя мысли, и каждый былъ радъ, что другой его не безпокоитъ. И разстались они довольно сухо, что́ впрочемъ часто случается между пріятелями на Руси. Лаврецкій подвезъ старика къ его домику: тотъ вылѣзъ, досталъ свой чемоданъ и, не протягивая своему пріятелю руки (онъ держалъ чемоданъ обѣими руками передъ грудью), не глядя даже на него, сказалъ ему по-русски: прощайте-съ. Прощайте, повторилъ Лаврецкій и велѣлъ кучеру ѣхать къ себѣ на квартиру. Онъ нанималъ на всякій случай квартиру въ городѣ О. Написавши нѣсколько писемъ и наскоро пообѣдавъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ засталъ у нихъ въ гостинной одного Паншина, который объявилъ ему, что Марья Дмитріевна сейчасъ выдетъ, и тотчасъ съ самой радушной любезностью вступилъ съ нимъ въ разговоръ. До того дня Паншинъ обращался съ Лаврецкимъ—не то, чтобъ свысока, а снисходительно; но Лиза, разсказывая Паншину свою вчерашнюю поѣздку, отозвалась о Лаврецкомъ, какъ о прекрасномъ и умномъ человѣкѣ; этого было довольно: слѣдовало завоевать «прекраснаго» человѣка. Паншинъ началъ съ комплиментовъ Лаврецкому, съ описанія восторга, съ которымъ, по его словамъ, все семейство Марьи Дмитріевны отзывалось о Васильевскомъ, и потомъ, по обыкновенію своему, ловко перейдя къ самому себѣ, началъ говорить о своихъ занятіяхъ, о воззрѣніяхъ своихъ на жизнь, на свѣтъ и на службу; сказалъ слова два о будущности Россіи, о томъ, какъ слѣдуетъ губернаторовъ въ рукахъ держать; тутъ же весело подтрунилъ надъ самимъ собою и прибавилъ, что между прочимъ ему въ Петербургѣ поручили—«de populariser l'idée du cadastre». Онъ говорилъ довольно долго, съ небрежной самоувѣренностью разрѣшая всѣ затрудненія и, какъ фокусникъ шарами, играя самыми важными административными и политическими вопросами. Выраженія: «вотъ что бы я сдѣлалъ, еслибъ я былъ правительствомъ»; «вы, какъ умный человѣкъ, тотчасъ со мной согласитесь»—не сходили у него съ языка. Лаврецкій холодно слушалъ разглагольствованія Паншина: не нравился ему этотъ красивый, умный и непринужденно-изящный молодой человѣкъ, съ своей свѣтлой улыбкой, вѣжливымъ голосомъ и пытливыми глазами. Паншинъ скоро догадался, съ свойственнымъ ему быстрымъ пониманіемъ

ощущеній другаго, что не доставляетъ особеннаго удовольствія своему собесѣднику и, подъ благовиднымъ предлогомъ, скрылся, рѣшивъ про себя, что Лаврецкій, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, но не симпатичный, «aigri» и, «en somme», нѣсколько смѣшной.—Марья Дмитріевна появилась въ сопровожденіи Гедеоновскаго; потомъ пришла Марфа Тимофеевна съ Лизой, за ними пришли остальные домочадцы; потомъ пріѣхала и любительница музыки, Бѣленицына, маленькая, худенькая дама, съ почти-ребяческимъ, усталымъ и красивымъ личикомъ, въ шумящемъ черномъ платьѣ, съ пестрымъ вѣеромъ и толстыми золотыми браслетами; пріѣхалъ и мужъ ея, краснощекій, пухлый человѣкъ, съ большими ногами и руками, съ бѣлыми рѣсницами и неподвижной улыбкой на толстыхъ губахъ; въ гостяхъ жена никогда съ нимъ не говорила, а дома, въ минуты нѣжности, называла его своимъ поросеночкомъ; Паншинъ вернулся: очень стало людно и шумно въ комнатахъ. Лаврецкому такое множество народа было не понутру; особенно сердила его Бѣленицына, которая то-и-дѣло глядѣла на него въ лорнетъ. Онъ бы тотчасъ ушелъ, еслибъ не Лиза: ему хотѣлось сказать ей два слова наединѣ, но онъ долго не могъ улучить удобное мгновенье и довольствовался тѣмъ, что съ тайной радостью слѣдилъ за нею взоромъ; никогда ея лицо не казалось ему благороднѣй и милѣй. Она много выигрывала отъ близости Бѣленицыной. Та безпрестанно двигалась на стулѣ, поводила своими узкими плечиками, смѣялась изнѣженнымъ смѣхомъ и то щурилась, то вдругъ широко раскрывала глаза. Лиза сидѣла смирно, глядѣла прямо и вовсе не смѣялась. Хозяйка сѣла играть въ карты съ Маріей Тимофеевной, Бѣленицынымъ и Гедеоновскимъ, которой игралъ очень медленно, безпрестанно ошибался, моргалъ глазами и утиралъ лицо платкомъ. Паншинъ принялъ меланхолическій видъ, выражался кратко, многозначительно и печально,—ни дать ни взять невысказавшійся художникъ,—но, не смотря на просьбы Бѣленицыной, которая очень съ нимъ кокетничала, не соглашался спѣть свой романсъ: Лаврецкій его стѣснялъ. Ѳедоръ Иванычъ тоже говорилъ мало; особенное выраженіе его лица поразило Лизу, какъ только онъ вошелъ въ комнату: она тотчасъ почувствовала, что онъ имѣетъ сообщить ей что-то, но, сама не зная почему, боялась распросить его.

Наконецъ, переходя въ залу наливать чай, она невольно повернула голову въ его сторону. Онъ тотчасъ пошелъ вслѣдъ за ней.

— Что съ вами? промолвила она, ставя чайникъ на самоваръ.

— А развѣ вы что замѣтили? проговорилъ онъ.

— Вы сегодня не такой, какимъ я васъ видѣла до сихъ поръ.

Лаврецкій наклонился надъ столомъ.

— Я хотѣлъ, началъ онъ: — передать вамъ одно извѣстіе, но теперь не возможно.—Впрочемъ, прочтите вотъ что отмѣчено карандашомъ въ этомъ фельетонѣ, прибавилъ онъ, подавая ей номеръ взятаго съ собою журнала.—Прошу хранить это въ тайнѣ, я зайду завтра утромъ.

Лиза изумилась.... Паншинъ показался на порогѣ двери: она положила журналъ къ себѣ въ карманъ.

— Читали вы Обермана, Лизавета Михайловна? задумчиво спросилъ ее Паншинъ.

Лиза отвѣчала ему вскользь и пошла изъ залы на верхъ. Лаврецкій вернулся въ гостинную и приблизился къ игорному столу. Марѳа Тимофеевна, распустивъ ленты чепца и покраснѣвъ, начала ему жаловаться на своего партнера, Гедеоновскаго, который, по ея словамъ, ступить не умѣлъ.

— Видно, въ карты играть, говорила она: — не то, что выдумки сочинять.

Тотъ продолжалъ моргать глазами и утираться. Лиза пришла въ гостинную и сѣла въ уголъ; Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла,—и обоимъ стало почти жутко. Онъ прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ. Поговорить съ нею, какъ бы ему хотѣлось, онъ не могъ; оставаться въ одной комнатѣ съ нею, гостемъ въ числѣ другихъ гостей—было тяжело: онъ рѣшился уйти. Прощаясь съ нею, онъ успѣлъ повторить, что придетъ завтра, и прибавилъ, что надѣется на ея дружбу.

— Приходите, отвѣчала она съ тѣмъ же недоумѣніемъ на лицѣ.

Паншинъ оживился по уходѣ Лаврецкаго; онъ началъ давать совѣты Гедеоновскому, насмѣшливо любезничалъ съ Бѣлени-

цыной и, наконецъ, спѣлъ свой романсъ. Но съ Лизой онъ говорилъ и глядѣлъ на неё попрежнему: значительно и немного печально.

А Лаврецкій опять не спалъ всю ночь. Ему не было грустно, онъ не волновался, онъ затихъ весь; но онъ не могъ спать. Онъ даже не вспоминалъ прошедшаго времени; онъ просто глядѣлъ въ свою жизнь, сердце его билось тяжело и ровно, часы летѣли, онъ и не думалъ о снѣ. По-временамъ только всплывала у него въ головѣ мысль: «да вѣдь это неправда, это все вздоръ»,—и онъ останавливался, поникалъ головою и снова принимался глядѣть въ свою жизнь.

XXIX.

Марья Дмитріевна не слишкомъ ласково приняла Лаврецкаго, когда онъ явился къ ней на слѣдующій день. «Вишь, повадился», подумала она. Онъ ей самъ по себѣ не очень нравился, да и Паншинъ, подъ вліяніемъ котораго она находилась, весьма коварно и небрежно похвалилъ его наканунѣ. Такъ какъ она не считала его гостемъ и не полагала нужнымъ занимать родственника, почти домашняго человѣка, то и получаса не прошло, какъ онъ уже шелъ съ Лизой въ саду по аллеѣ. Леночка и Шурочка бѣгали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ по цвѣтнику.

Лиза была спокойна по обыкновенію, но болѣе обыкновеннаго блѣдна. Она достала изъ кармана и протянула Лаврецкому мелко сложенный листъ журнала.

— Это ужасно! промолвила она.

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ.

— Да можетъ быть это еще и неправда, прибавила Лиза.

— Оттого-то я и просилъ васъ не говорить объ этомъ никому.

Лиза прошлась немного.

— Скажите, начала она: —вы не огорчены? нисколько?

— Я самъ не знаю, что я чувствую, отвѣчалъ Лаврецкій.

— Но вѣдь вы ее любили прежде?

— Любилъ.

— Очень?

— Очень.

— И не огорчены ея смертью?

— Она не теперь для меня умерла.

— Это грѣшно, что̀ вы говорите.... Не сердитесь на меня. Вы меня назвали своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно.... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо.... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее?— а ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано.

Лаврецкій горько усмѣхнулся.

— Вы думаете?... По крайней мѣрѣ я теперь свободенъ.

Лиза слегка вздрогнула.

— Полноте, не говорите такъ. На что̀ вамъ ваша свобода? Вамъ не объ этомъ теперь надо думать, а о прощеніи....

— Я давно ее простилъ, перебилъ Лаврецкій и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не то, возразила Лиза, и покраснѣла. Вы не такъ меня поняли. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы васъ простили....

— Кому меня прощать?

— Кому?—Богу. Кто же можетъ насъ простить кромѣ Бога?

Лаврецкій схватилъ ее за руку.

— Ахъ, Лизавета Михайловна, повѣрьте, воскликнулъ онъ:— я и такъ довольно былъ наказанъ. Я уже все искупилъ, повѣрьте.

— Это вы не можете знать, проговорила Лиза въ полголоса. Вы забыли,—еще недавно, вотъ когда вы со мной говорили, вы не хотѣли ее прощать.

Оба молча прошлись по аллеѣ.

— А что́ же ваша дочь? спросила вдругъ Лиза и остановилась.

Лаврецкій встрепенулся.

— О, не безпокойтесь! Я уже послалъ письма во всѣ мѣста. Будущность моей дочери, какъ вы ее.... какъ вы говорите.... обезпечена. Не безпокойтесь.

Лиза печально улыбнулась.

— Но вы правы, продолжалъ Лаврецкій:—что̀ мнѣ дѣлать съ моей свободой? На что̀ мнѣ она?

— Когда вы получили этотъ журналъ? промолвила Лиза, не отвѣчая на его вопросъ.

— На другой день послѣ вашего посѣщенія.

— И неужели..... неужели вы даже не заплакали?

— Нѣтъ. Я былъ пораженъ; но откуда было взяться слезамъ? Плакать о прошедшемъ,—да вѣдь оно у меня все выжжено!... Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастіе, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда и не бывало. О чемъ же тутъ было плакать? Впрочемъ кто знаетъ? — я, можетъ быть, былъ бы болѣе огорченъ, еслибъ я получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше...

— Двумя недѣлями? возразила Лиза. Да что́жь такое случилось въ эти двѣ недѣли?

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.

— Да, да, вы угадали, подхватилъ внезапно Лаврецкій:— въ теченіи этихъ двухъ недѣль я узналъ, что́ значитъ чистая женская душа, и мое прошедшее еще больше отъ меня отодвинулось.

Лиза смутилась и тихонько пошла въ цвѣтникъ къ Леночкѣ и Шурочкѣ.

— А я доволенъ тѣмъ, что показалъ вамъ этотъ журналъ, говорилъ Лаврецкій, идя за нею слѣдомъ: — я уже привыкъ ничего не скрывать отъ васъ и надѣюсь, что и вы отплатите мнѣ такимъ же довѣріемъ.

— Вы думаете? промолвила Лиза и становилась. Въ такомъ случаѣ я бы должна была.... да нѣтъ! Это невозможно.

— Что такое? Говорите, говорите.

— Право, мнѣ кажется, я не должна.... А, впрочемъ, прибавила Лиза и съ улыбкой оборотилась къ Лаврецкому:—что́ за откровенность въ половину?—Знаете ли? я получила сегодня письмо.

— Отъ Паншина?

— Да, отъ него.... Почему вы знаете?....

— Онъ проситъ вашей руки?

— Да, произнесла Лиза и прямо и серьёзно посмотрѣла Лаврецкому въ глаза.

Лаврецкій, въ свою очередь, серьёзно посмотрѣлъ на Лизу.

— Ну, и что же вы ему отвѣчали? проговорилъ онъ, наконецъ.

— Я не знаю, что отвѣчать, возразила Лиза и опустила сложенныя руки.

— Какъ? Вѣдь вы его любите?

— Да, онъ мнѣ нравится; онъ, кажется, хорошій человѣкъ.

— Вы тоже самое и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ сказали мнѣ четвертаго дня. Я желаю знать, любите ли вы его тѣмъ сильнымъ, страстнымъ чувствомъ, которое мы привыкли называть любовью?

— Какъ *вы* понимаете,—нѣтъ.

— Вы въ него не влюблены?

— Нѣтъ. Да развѣ это нужно?

— Какъ?

— Маменькѣ онъ нравится, продолжала Лиза: — онъ добрый; я ничего противъ него не имѣю.

— Однако вы колеблетесь?

— Да.... и, можетъ быть,—вы, ваши слова тому причиной. Помните, что вы третьяго дня говорили? Но это слабость....

— О, дитя мое! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій—и голосъ его задрожалъ: — не мудрствуйте лукаво, не называйте слабостью крикъ вашего сердца, которое не хочетъ отдаться безъ любви. Не берите на себя такой страшной отвѣтственности передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы не любите и которому хотите принадлежать ...

— Я слушаюсь, я ничего не беру на себя, произнесла было Лиза....

— Слушайтесь вашего сердца; оно одно вамъ скажетъ правду, перебилъ ее Лаврецкій.... Опытъ, разсудокъ—все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственнаго счастья на землѣ....

— Вы ли это говорите, Ѳедоръ Иванычъ? Вы сами женились по любви—и были ли вы счастливы?

Лаврецкій всплеснулъ руками.

— Ахъ, не говорите обо мнѣ! Вы и понять не можете всего того, что молодой, неискушенный, безобразно воспитанный мальчикъ можетъ принять за любовь!... Да и, наконецъ, къ чему клеветать на себя? Я сейчасъ вамъ говорилъ, что я не зналъ счастья.... нѣтъ! я былъ счастливъ!

— Мнѣ кажется, Ѳедоръ Иванычъ, произнесла, понизивъ

голосъ, Лиза (когда она не соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, она всегда понижала голосъ; притомъ, она чувствовала большое волненіе):—счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ....

— Отъ насъ, отъ насъ, повѣрьте мнѣ (онъ схватилъ ее за обѣ руки. Лиза поблѣднѣла и почти съ испугомъ, но внимательно глядѣла на него):—лишь бы мы не портили сами своей жизни. Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ нравомъ, съ вашей ясной душой! Умоляю васъ, не выходите за-мужъ безъ любви, по чувству долга, отреченья, что̀ ли.... Это то-же безвѣріе, тотъ же разсчетъ, — и еще худшій. Повѣрьте мнѣ,—я имѣю право̀ это говорить: я дорого заплатилъ за это право. И если вашъ Богъ....

Въ это мгновенье Лаврецкій замѣтилъ, что Леночка и Шурочка стояли подлѣ Лизы и съ нѣмымъ изумленьемъ уставились на него. Онъ выпустилъ Лизины руки, торопливо проговорилъ: извините меня пожалуйста,—и направился къ дому.

— Объ одномъ только прошу я васъ, промолвилъ онъ, возвращаясь къ Лизѣ:—не рѣшайтесь тотчасъ, подождите, подумайте о томъ, что̀ я вамъ сказалъ. Еслибъ даже вы не повѣрили мнѣ, еслибъ вы рѣшились на бракъ по разсудку,—и въ такомъ случаѣ не за г-на Паншина вамъ выходить: онъ не можетъ быть вашимъ мужемъ.... Не правда ли, вы обѣщаетесь мнѣ не спѣшить?

Лиза хотѣла отвѣтить Лаврецкому и ни слова не вымолвила — не оттого, что она рѣшилась «спѣшить»; но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе.

XXX.

Уходя отъ Калитиныхъ, Лаврецкій встрѣтился съ Паншинымъ; они холодно поклонились другъ другу. Лаврецкій пришелъ къ себѣ на квартиру и заперся. Онъ испытывалъ ощущенія, едва ли когда-нибудь имъ испытанныя. Давно ли находился онъ въ состояніи «мирнаго оцѣпенѣнія»? давно ли чувствовалъ себя, какъ онъ выражался, на самомъ днѣ рѣки?

Что же измѣнило его положеніе? что вынесло его наружу, на поверхность? самая обыкновенная, неизбѣжная, хотя всегда неожиданная, случайность: смерть? Да; но онъ не столько думалъ о смерти жены, о своей свободѣ, сколько о томъ,— какой отвѣтъ дастъ Паншину Лиза? Онъ чувствовалъ, что въ теченіи трехъ послѣднихъ дней онъ сталъ глядѣть на нее другими глазами; онъ вспоминалъ, какъ, возвращаясь домой и думая о ней въ тишинѣ ночи, онъ говорилъ самому себѣ: «если бы!...» Это «еслибы», отнесенное имъ къ прошедшему, къ невозможному, сбылось, хоть и не такъ, какъ онъ полагалъ, — но одной его свободы было мало. «Она послушается матери», думалъ онъ, «она выйдетъ за Паншина; но если даже «она ему откажетъ, — не все ли равно для меня?» Проходя передъ зеркаломъ, онъ мелькомъ взглянулъ на свое лицо и пожалъ плечами.

День пронесся быстро въ этихъ размышленіяхъ; насталъ вечеръ. Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ шелъ поспѣшно, но къ дому ихъ приблизился замедленными шагами. Передъ крыльцомъ стояли дрожки Паншина. «Ну, подумалъ Лаврецкій, не буду эгоистомъ»—и вошелъ въ домъ. Въ домѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ гостинной было тихо; онъ отворилъ дверь и увидѣлъ Марью Дмитріевну, игравшую въ пикетъ съ Паншинымъ. Паншинъ молча ему поклонился, а хозяйка дома воскликнула: вотъ неожиданно! — и слегка нахмурила брови. Лаврецкій подсѣлъ къ ней и сталъ глядѣть ей въ карты.

— Вы развѣ умѣете въ пикетъ? спросила она его съ какою-то скрытной досадой и тутъ же объявила, что разнеслась.

Паншинъ счелъ девяносто и началъ учтиво и спокойно брать взятки, съ строгимъ и достойнымъ выраженіемъ на лицѣ. Такъ должны играть дипломаты; вѣроятно, такъ и онъ игралъ въ Петербургѣ съ какимъ-нибудь сильнымъ сановникомъ, которому желалъ внушить выгодное мнѣніе о своей солидности и зрѣлости. «Сто-одинъ, сто-два, черви, сто-три», мѣрно раздавался его голосъ, и Лаврецкій не могъ понять, чѣмъ онъ звучалъ: укоризной или самодовольствіемъ.

— Можно видѣть Марѳу Тимофеевну? спросилъ онъ, замѣчая, что Паншинъ еще съ бо́льшимъ достоинствомъ принимался

тасовать карты. Художника въ немъ уже не замѣчалось и тѣни.

— Я думаю, можно. Она у себя, на верху, отвѣчала Марья Дмитріевна:—освѣдомьтесь.

Лаврецкій отправился на верхъ. И Марѳу Тимофеевну онъ засталъ за картами: она играла въ дурачки съ Настасьей Карповной. Роска залаяла на него; но обѣ старушки привѣтливо его приняли; особенно Марѳа Тимофеевна казалась въ духѣ.

— А! Ѳедя! Милости просимъ, промолвила она: — садись, мой батюшка. А мы сейчасъ доиграемъ. Хочешь варенья? Шурочка, достань ему банку съ клубникой. Не хочешь? Ну, такъ сиди такъ; а курить — не кури; не могу я табачища вашего терпѣть, да и Матросъ отъ него чихаетъ.

Лаврецкій поспѣшилъ объявить, что вовсе не желаетъ курить.

— Былъ ты внизу? продолжала старушка:—кого тамъ видѣлъ? Паншинъ все тамъ торчитъ? А Лизу видѣлъ? Нѣтъ. Она сюда хотѣла придти.... Да вотъ и она; легка на поминѣ.

Лиза вошла въ комнату и, увидѣвъ Лаврецкаго, покраснѣла.

— Я къ вамъ на минутку, Марѳа Тимофеевна, начала было она....

— Зачѣмъ на минутку? возразила старушка Что это вы всѣ, молодыя дѣвки, за непосѣды за такія? Ты видишь, у меня гость: покалякай съ нимъ, займи его.

Лиза присѣла на край стула, подняла глаза на Лаврецкаго — и почувствовала, что ей нельзя было не дать ему знать, чѣмъ кончилось ея свиданіе съ Паншинымъ. Но какъ это сдѣлать? Ей и стыдно было, и неловко. Давно ли она познакомилась съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который и въ церковь рѣдко ходитъ, и такъ равнодушно переноситъ кончину жены,— и вотъ уже она сообщаетъ ему свои тайны.... Правда, онъ принимаетъ въ ней участіе; она сама вѣритъ ему и чувствуетъ къ нему влеченье; но все-таки ей стыдно стало, точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнатку.

Марѳа Тимофеевна пришла ей на помощь.

— Вѣдь если ты его занимать не будешь, заговорила она, кто жь его, бѣдненькаго, займетъ? Я для него слишкомъ стара, онъ для меня слишкомъ уменъ, а для Настасьи Карповны онъ слишкомъ старъ: ей все молоденькихъ подавай.

— Чѣмъ же я могу занять Ѳедора Иваныча? промолвила Лиза. Если онъ хочетъ, я лучше ему что-нибудь на фортепьяно съиграю, прибавила она нерѣшительно.

— И прекрасно; ты у меня умница, возразила Марѳа Тимофеевна.—Ступайте, мои милые, внизъ; когда кончите, приходите; а я вотъ въ дурахъ осталась, мнѣ обидно, я отыграться хочу.

Лиза встала. Лаврецкій пошелъ за ней. Спускаясь съ лѣстницы, Лиза остановилась.

— Правду говорятъ, начала она:—что женщины исполнены противорѣчій. Вашъ примѣръ долженъ былъ испугать меня, сдѣлать меня недовѣрчивой къ бракамъ по любви, а я....

— Вы отказали ему? перебилъ Лаврецкій.

— Нѣтъ; но и не согласилась. Я ему все сказала все, что я чувствовала, и попросила его подождать. Довольны вы? прибавила она съ быстрой улыбкой—и, слегка трогая перила рукою, сбѣжала съ лѣстницы.

— Что мнѣ съиграть вамъ? спросила она, поднимая крышку фортепьяно.

— Что хотите, отвѣчалъ Лаврецкій и сѣлъ такъ, что могъ смотрѣть на нее.

Лиза начала играть и долго не отводила глазъ отъ своихъ пальцевъ. Она взглянула, наконецъ, на Лаврецкаго и остановилась: такъ чудно и странно показалось ей его лицо.

— Что съ вами? спросила она.

— Ничего, возразилъ онъ:—мнѣ очень хорошо; я радъ за васъ, я радъ васъ видѣть, — продолжайте.

— Мнѣ кажется, говорила Лиза нѣсколько мгновеній спустя: — если бы онъ точно меня любилъ, онъ бы не написалъ этого письма; онъ долженъ былъ бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь.

— Это не важно, промолвилъ Лаврецкій:—важно то, что вы его не любите.

— Перестаньте, что это за разговоръ! Мнѣ все мерещется ваша покойная жена, и вы мнѣ страшны.

— Не правда ли, Вольдемаръ, какъ мило играетъ моя Лизетъ? говорила въ то же время Марья Дмитріевна Паншину.

— Да, отвѣчалъ Паншинъ: — очень мило.

Марья Дмитріевна съ нѣжностью посмотрѣла на молодаго своего партнёра; но тотъ принялъ еще болѣе важный и озабоченный видъ и объявилъ четырнадцать королей.

XXXI.

Лаврецкій не былъ молодымъ человѣкомъ; онъ не могъ долго обманываться на счетъ чувства, внушеннаго ему Лизой; онъ окончательно въ тотъ же день убѣдился въ томъ, что полюбилъ ее. Не много радости принесло ему это убѣжденіе. «Неужели, подумалъ онъ, мнѣ въ тридцать-пять лѣтъ нечего другаго дѣлать, какъ опять отдать свою душу въ руки женщины? Но Лиза не чета *той*; она бы не потребовала отъ меня постыдныхъ жертвъ; она не отвлекала бы меня отъ моихъ занятій; она бы сама воодушевила меня на честный, строгій трудъ, и мы пошли бы оба впередъ, къ прекрасной цѣли. Да, кончилъ онъ свои размышленія: — все это хорошо, но худо то, что она вовсе не захочетъ пойти со мной. Не даромъ она сказала мнѣ, что я ей страшенъ. За то и Паншина она не любитъ.... слабое утѣшеніе»!

Лаврецкій поѣхалъ въ Васильевское; но и четырехъ дней тамъ не выжилъ, — такъ ему показалось скучно. Его томило также ожиданіе: извѣстіе, сообщенное г-мъ Жюлемъ, требовало подтвержденія, а онъ не получалъ никакихъ писемъ. Онъ вернулся въ городъ и просидѣлъ вечеръ у Калитиныхъ. Ему легко было замѣтить, что Марья Дмитріевна была противъ него возстановлена; но ему удалось нѣсколько умилостивить ее, проигравъ ей рублей пятнадцать въ пикетъ, — и онъ провелъ около получаса почти наединѣ съ Лизой, не смотря на то, что мать ей еще наканунѣ совѣтовала не быть слишкомъ фамильярной съ человѣкомъ «qui a un si grand ridicule». Онъ нашелъ въ ней перемѣну: она стала какъ будто задумчивѣе, попеняла ему за его отсутствіе и спросила его — не пойдетъ ли онъ на другой день къ обѣднѣ? (на другой день было воскресенье).

— Ступайте, сказала она прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить: — мы вмѣстѣ помолимся за упокой *ея* души. — Потомъ

она прибавила, что не знаетъ, какъ ей быть, — не знаетъ, имѣетъ ли она право заставлять Паншина долѣе ждать ея рѣшенія.

— Почему же? спросилъ Лаврецкій.

— Потому, сказала она: — что я уже теперь начинаю подозрѣвать, какое будетъ это рѣшеніе.

Она объявила, что голова у ней болитъ, и ушла къ себѣ на верхъ, нерѣшительно протянувъ Лаврецкому кончики пальцевъ.

На другой день Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась: тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за него,—и чудное умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно-стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладану, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ — все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ,—онъ безъ словъ даже не молился, — но хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего-то свѣжаго прикосновенія; это, думалъ онъ тогда, ангелъ-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу.... «Ты меня сюда привела, подумалъ онъ,—коснись же меня, коснись моей души.» Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ — покоя, своей — прощенья....

Они встрѣтились на паперти; она привѣтствовала его съ веселой и ласковой важностью. Солнце ярко освѣщало молодую траву на церковномъ дворѣ, пестрыя платья и платки женщинъ; колокола сосѣднихъ церквей гудѣли въ вышинѣ; воробьи чирикали по заборамъ. Лаврецкій стоялъ съ непокрытой головой и улыбался; легкій вѣтерокъ вздымалъ его волосы и концы лентъ Лизиной шляпы. Онъ посадилъ Лизу и бывшую съ ней

Леночку въ карету, раздалъ всѣ свои деньги нищимъ и тихонько побрелъ домой.

XXXII.

Настали трудные дни для Ѳедора Иваныча. Онъ находился въ постоянной лихорадкѣ. Каждое утро отправлялся онъ на почту, съ волненьемъ распечатывалъ письма, журналы, — и нигдѣ не находилъ ничего, что бы могло подтвердить или опровергнуть роковой слухъ. Иногда онъ самъ себѣ становился гадокъ: «что это я,—думалъ онъ,— жду, какъ воронъ крови, вѣрной вѣсти о смерти жены!» Къ Калитинымъ онъ ходилъ каждый день; но и тамъ ему не становилось легче: хозяйка явно дулась на него, принимала его изъ снисхожденія; Паншинъ обращался съ нимъ преувеличенно-вѣжливо; Леммъ напустилъ на себя мизантропію и едва кланялся ему,—а главное: Лиза какъ будто его избѣгала. Когда же ей случалось остаться съ нимъ наединѣ, въ ней, вмѣсто прежней довѣрчивости, проявлялось замѣшательство; она не знала, что сказать ему, и онъ самъ чувствовалъ смущеніе. Лиза въ нѣсколько дней стала не та, какою онъ ее зналъ: въ ея движеніяхъ, голосѣ, въ самомъ смѣхѣ замѣчалась тайная тревога, небывалая прежде неровность. Марья Дмитріевна, какъ истая эгоистка, ничего не подозрѣвала; но Марѳа Тимофеевна начинала присматривать за своей любимицей. Лаврецкій не разъ упрекнулъ себя въ томъ, что показалъ Лизѣ полученный имъ номеръ журнала: онъ не могъ не сознаться, что въ его душевномъ состояніи было что-то возмутительное для чистаго чувства. Онъ полагалъ также, что перемѣна въ Лизѣ происходила отъ ея борьбы съ самой собою, отъ ея сомнѣній: какой отвѣтъ дать Паншину? Однажды она принесла ему книгу, романъ Вальтеръ-Скотта, который она сама у него спросила.

— Вы прочли эту книгу? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ теперь не до книгъ, отвѣчала она и хотѣла уйти.

— Постойте на минуту; я съ вами такъ давно не былъ наединѣ. — Вы словно меня боитесь.

— Да.

— Отчего же, помилуйте?

— Не знаю.

Лаврецкій помолчалъ.

— Скажите, началъ онъ: — вы еще не рѣшились?

— Что́ вы хотите сказать? промолвила она, не поднимая глазъ.

— Вы понимаете меня....

Лиза вдругъ вспыхнула.

— Не спрашивайте меня ни о чемъ, произнесла она съ живостью:—я ничего не знаю; я сама себя не знаю.... И она тотчасъ же удалилась.

На слѣдующій день, Лаврецкій пріѣхалъ къ Калитинымъ послѣ обѣда и засталъ у нихъ всѣ приготовленія ко всенощной. Въ углу столовой на четыреугольномъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, уже находились прислоненные къ стѣнѣ небольшіе образа въ золотыхъ окладахъ, съ маленькими тусклыми алмазами на вѣнчикахъ. Старый слуга, въ сѣромъ фракѣ и башмакахъ, прошелъ, не спѣша и не стуча каблуками, черезъ всю комнату, поставилъ двѣ восковыя свѣчи въ тонкихъ подсвѣчникахъ передъ образами, перекрестился, поклонился и тихо вышелъ. Неосвѣщенная гостинная была пуста. Лаврецкій походилъ по столовой, спросилъ — не именинница ли кто? Ему отвѣчали шопотомъ, что нѣтъ, а что всенощную заказали по желанію Лизаветы Михайловны да Марфы Тимофеевны; что хотѣли было чудотворную икону поднять, но что она уѣхала за тридцать верстъ къ больному. Скоро прибылъ вмѣстѣ съ дьячками и священникъ, человѣкъ уже не молодой, съ большой лысиной, и громко кашлянулъ въ передней; дамы тотчасъ вереницей потянулись изъ кабинета и подошли къ нему подъ благословеніе; Лаврецкій молча имъ поклонился, и онѣ ему поклонились молча. Священникъ постоялъ немного, еще разъ откашлянулся и спросилъ въ полголоса басомъ:

— Приступать прикажете?

— Приступите, батюшка, возразила Марья Дмитріевна.

Онъ началъ облачаться; дьячокъ въ стихарѣ подобострастно попросилъ уголька; запахло ладаномъ. Изъ передней вышли горничныя и лакеи и остановились сплошной кучкой передъ дверями. Роска, никогда не сходившая съ верху, вдругъ по-

явилась въ столовой: ее стали выгонять—она испугалась, завертѣлась и сѣла; лакей подхватилъ ее и унесъ. Всенощная началась. Лаврецкій прижался въ уголокъ; ощущенія его были странны, почти грустны; онъ самъ не могъ хорошенько разобрать, что̀ онъ чувствовалъ. Марья Дмитріевна стояла впереди всѣхъ, передъ креслами; она крестилась изнѣженно-небрежно, по-барски—то оглядывалась, то вдругъ поднимала взоры кверху: она скучала. Марѳа Тимофеевна казалась озабоченной; Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала съ какимъ-то скромнымъ и мягкимъ шумомъ; Лиза, какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не шевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась. Прикладываясь ко кресту по окончаніи всенощной, она также поцаловала большую красную руку священника. Марья Дмитріевна пригласила его откушать чаю; онъ снялъ эпитрахиль; принялъ нѣсколько свѣтскій видъ и вмѣстѣ съ дамами перешелъ въ гостинную. Начался разговоръ, неслишкомъ оживленный. Священникъ выпилъ четыре чашки, безпрестанно отирая платкомъ свою лысину; разсказалъ между прочимъ, что купецъ Авошниковъ пожертвовалъ семь сотъ рублей на позолоту церковнаго «кумпола», и сообщилъ вѣрное средство противъ веснушекъ. Лаврецкій подсѣлъ было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово и ни разу не взглянула на него. Она какъ будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее. Лаврецкому почему-то все хотѣлось улыбнуться и сказать что-нибудь забавное; но на сердцѣ у него было смущеніе, и онъ ушелъ, наконецъ, тайно недоумѣвая.... Онъ чувствовалъ: что-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ.

Въ другой разъ Лаврецкій, сидя въ гостинной и слушая вкрадчивыя, но тяжелыя разглагольствованія Гедеоновскаго, внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокій, внимательный, вопросительный взглядъ въ глазахъ Лизы.... Онъ былъ устремленъ на него, этотъ загадочный взглядъ. Лаврецкій цѣлую ночь потомъ о немъ думалъ. Онъ любилъ не какъ мальчикъ, не къ лицу ему было вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувство возбуждала; но любовь на всякій возрастъ имѣетъ свои страданья,—и онъ испыталъ ихъ вполнѣ.

XXXIII.

Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, сидѣлъ у Калитиныхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой прекрасный вечеръ, что Марья Дмитріевна, не смотря на свое отвращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери въ садъ и объявила, что въ карты играть не станетъ, что въ такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. Настроенный вечеромъ и не желая пѣть передъ Лаврецкимъ, но чувствуя приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію: прочелъ хорошо, но слишкомъ сознательно и съ ненужными тонкостями, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ не успѣлъ еще опять войти въ моду)—и вдругъ, какъ бы устыдясь своихъ изліяній, началъ, по поводу извѣстной «Думы», укорять и упрекать новѣйшее поколѣніе, при чемъ не упустилъ случая изложить, какъ бы онъ все повернулъ по своему, еслибъ власть у него была въ рукахъ. «Россія,—говорилъ онъ,—отстала отъ Европы; нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы молоды — это вздоръ; да и притомъ у насъ изобрѣтательности нѣтъ; самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки не выдумали. Слѣдовательно, мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ. Мы больны, говоритъ Лермонтовъ,—я согласенъ съ нимъ; но мы больны оттого, что только на-половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ мы и лечиться должны («le cadastre» подумалъ Лаврецкій).—У насъ,—продолжалъ онъ,—лучшія головы—les meilleures têtes—давно въ этомъ убѣдились; всѣ народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія учрежденія—и дѣло съ концомъ. Пожалуй, можно приноравливаться къ существующему народному быту; это наше дѣло, дѣло людей (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ) служащихъ; но въ случаѣ нужды, не безпокойтесь: учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ.» Марья Дмитріевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину. «Вотъ какой,—думала она,—умный человѣкъ у меня бесѣдуетъ.» Лиза молчала, прислонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже; Марѳа Тимоѳеевна, игравшая въ уголку въ карты

съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. Паншинъ расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленьемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣнье, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей. Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени, жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ надъ неподвижными верхушками липъ. Лаврецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя, свое поколѣніе на жертву,—но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденья и желанія; Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявилъ, что умные люди должны все передѣлать, и занесся наконецъ до того, что, забывъ свое каммеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, назвалъ Лаврецкаго отсталымъ консерваторомъ, даже намекнулъ—правда, весьма отдаленно—на его ложное положеніе въ обществѣ. Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса (онъ вспомнилъ, что Михалевичъ тоже называлъ его отсталымъ—только вольтеріанцемъ) —и спокойно разбилъ Паншина на всѣхъ пунктахъ. Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надмѣнныхъ передѣлокъ съ высоты чиновничьяго самосознанья,—передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею,—того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна; не отклонился, наконецъ, отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

— Все это прекрасно! воскликнулъ, наконецъ, раздосадованный Паншинъ:—вотъ вы вернулись въ Россію, — что же вы намѣрены дѣлать?

— Пахать землю, отвѣчалъ Лаврецкій: — и стараться какъ можно лучше ее пахать.

— Это очень похвально, безспорно, возразилъ Паншинъ:— и мнѣ сказывали, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части; но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія....

— Une nature poétique, заговорила Марья Дмитріевна,— конечно, не можетъ пахать.... et puis, вы призваны, Владиміръ Николаичъ, дѣлать все en grand.

Этого было слишкомъ даже для Паншина: онъ замялся — и замялъ разговоръ. Онъ попытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на музыку Шуберта — все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ.—«Какъ! въ такой вечеръ?» слабо возразила она; однако велѣла принести карты.

Паншинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Марфы Тимофеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться вдвоемъ,—и въ то же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе. Старушка потрепала украдкой Лаврецкаго по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая шопотомъ: «отдѣлалъ умника, спасибо.» Все затихло въ комнатѣ; слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей, да иногда стукъ руки по столу, да восклицаніе или счетъ очковъ,—да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая пѣснь соловья.

XXXIV.

Лиза не вымолвила ни одного слова въ теченіи спора между Лаврецкимъ и Паншинымъ, но внимательно слѣдила за нимъ и вся была на сторонѣ Лаврецкаго. Политика ее занимала очень мало; но самонадѣянный тонъ свѣтскаго чиновника (онъ никогда еще такъ не высказывался) ее отталкивалъ; его презрѣніе къ Россіи ее оскорбило. Лизѣ и въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія. Лаврецкій все это чувствовалъ; онъ бы не сталъ возражать одному Паншину; онъ говорилъ

только для Лизы. Другъ другу они ничего не сказали, даже глаза ихъ рѣдко встрѣчались; но оба они поняли, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что и любятъ и не любятъ одно и тоже. Въ одномъ только они расходились; но Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу. Они сидѣли возлѣ Маріы Тимофеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой; да они и дѣйствительно за ней слѣдили, — а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропадало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ — и радовался; но слово не выразитъ того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же останется оно и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и разцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли.

Пробило десять часовъ. Марья Тимофеевна отправилась къ себѣ на верхъ съ Настасьей Карповной; Лаврецкій и Лиза прошлись по комнатѣ, остановились передъ раскрытой дверью сада, взглянули въ темную даль, потомъ другъ на друга—и улыбнулись: такъ, кажется, взялись бы они за руки, наговорились бы досыта. Они вернулись къ Маріѣ Дмитріевнѣ и къ Паншину, у которыхъ пикетъ затянулся. Послѣдній «король» кончился, наконецъ, и хозяйка встала, крехтя и охая, съ обложеннаго подушками кресла; Паншинъ взялъ шляпу, поцаловалъ у Маріи Дмитріевны руку, замѣтилъ что инымъ счастливцамъ теперь ничто не мѣшаетъ спать или наслаждаться ночью, а ему придется до утра просидѣть надъ глупыми бумагами, холодно раскланялся съ Лизой (онъ не ожидалъ, что въ отвѣтъ на его предложеніе она попроситъ его подождать, —и потому дулся на нее) — и удалился. Лаврецкій отправился вслѣдъ за нимъ. У воротъ они разстались; Паншинъ разбудилъ своего кучера, толкнувъ его концомъ палки въ шею, сѣлъ на дрожки и покатилъ. Лаврецкому не хотѣлось идти домой: онъ вышелъ изъ города въ поле. Ночь была тиха и свѣтла, хотя луны не было; Лаврецкій долго бродилъ по росистой травѣ: узкая тропинка попалась ему; онъ пошелъ по ней. Она привела его къ длинному забору, къ калиткѣ; онъ попытался, самъ не

зная зачѣмъ, толкнуть ее: она слабо скрыпнула и отворилась, словно ждала прикосновенія его руки. Лаврецкій очутился въ саду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по липовой аллеѣ и вдругъ остановился въ изумленіи: онъ узналъ садъ Калитиныхъ.

Онъ тотчасъ же вошелъ въ черное пятно тѣни, падавшей отъ густаго орѣховаго куста и долго стоялъ неподвижно, дивясь и пожимая плечами.

«Это не даромъ», подумалъ онъ.

Все было тихо кругомъ; со стороны дома не приносилось никакого звука. Онъ осторожно пошелъ впередъ. Вотъ, на поворотѣ аллеи, весь домъ вдругъ глянулъ на него своимъ темнымъ фасомъ; въ двухъ только окнахъ на верху мерцалъ свѣтъ: у Лизы горѣла свѣча за бѣлымъ занавѣсомъ, да у Марѳы Тимофеевны въ спальнѣ передъ образомъ теплилась краснымъ огонькомъ лампадка, отражаясь ровнымъ сіяніемъ на золотѣ оклада; внизу дверь на балконъ широко зѣвала, раскрытая настежь. Лаврецкій сѣлъ на деревянную скамейку, подперся рукою и сталъ глядѣть на эту дверь да на окно Лизы. Въ городѣ пробило полночь; въ домѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать; сторожъ дробно поколотилъ по доскѣ. Лаврецкій ничего не думалъ, ничего не ждалъ; ему пріятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидѣть въ ея саду на скамейкѣ, гдѣ и она сидѣла не однажды.... Свѣтъ изчезъ въ Лизиной комнатѣ.

«Спокойной ночи, моя милая дѣвушка», прошепталъ Лаврецкій, продолжая сидѣть неподвижно и не сводя взора съ потемнѣвшаго окна.

Вдругъ свѣтъ появился въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, перешелъ въ другое, въ третье.... Кто-то шелъ со свѣчкой по комнатамъ. «Неужели Лиза? Не можетъ быть....» Лаврецкій приподнялся.... Мелькнулъ знакомый обликъ, и въ гостинной появилась Лиза. Въ бѣломъ платьѣ, съ нерасплетенными косами по плечамъ, она тихонько подошла къ столу нагнулась надъ нимъ, поставила свѣчку и чего-то поискала; потомъ, обернувшись лицомъ къ саду, она приблизилась къ раскрытой двери и вся бѣлая, легкая, стройная, остановилась на порогѣ. Трепетъ пробѣжалъ по членамъ Лаврецкаго.

— Лиза! сорвалось едва внятно съ его губъ.

Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— Лиза! повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи.

Лиза съ испугомъ вытянула голову и пошатнулась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отдѣлилась отъ двери и вступила въ садъ.

— Вы? проговорила она.—Вы здѣсь?

— Я.... я.... выслушайте меня, прошепталъ Лаврецкій и, схвативъ ея руку, повелъ ее къ скамейкѣ.

Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— Я не думалъ прійти сюда, началъ онъ: — меня привело.... Я.... я.... я люблю васъ, произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновеніе поняла, гдѣ она и что съ нею. Она хотѣла подняться, не могла и закрыла лицо руками.

— Лиза, произнесъ Лаврецкій: — Лиза, повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ....

Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдныхъ рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— Что съ вами? промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло.... Онъ понялъ, что значили эти слезы.—Неужели вы меня любите? прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте, послышался ея голосъ: — встаньте, Ѳедоръ Иванычъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— Мнѣ страшно; что это мы дѣлаемъ? повторила она.

— Я васъ люблю, проговорилъ онъ снова: — я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, какъ будто ее что-то ужалило, и подняла взоры къ небу.

— Это все въ Божьей власти, промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? Мы будемъ счастливы?

Она опустила глаза; онъ тихо привлекъ ее къ себѣ, и голова ея упала къ нему на плечо.... Онъ отклонилъ немного свою голову и отыскалъ ея губы....

—

Полчаса спустя, Лаврецкій стоялъ уже передъ калиткой сада. Онъ нашелъ ее запертою и принужденъ былъ перепрыгнуть черезъ заборъ. Онъ вернулся въ городъ и пошелъ по заснувшимъ улицамъ. Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; всѣ сомнѣнія въ немъ замерли. «Исчезни, прошедшее, темный призракъ, думалъ онъ:—она меня любитъ, она будетъ моя». Вдругъ ему почудилось, что въ воздухѣ надъ его головою разлились какіе-то дивные, торжествующіе звуки; онъ остановился: звуки загремѣли еще великолѣпнѣй; пѣвучимъ, сильнымъ потокомъ струились они, — и въ нихъ, казалось, говорило и пѣло все его счастье. Онъ оглянулся: звуки неслись изъ двухъ верхнихъ оконъ небольшаго дома.

— Леммъ! вскрикнулъ Лаврецкій и подбѣжалъ къ дому.— Леммъ! Леммъ! повторилъ онъ громко.

Звуки замерли, и фигура старика въ шлафрокѣ, съ раскрытой грудью и растрепанными волосами, показалась въ окнѣ.

— Ага! проговорилъ онъ съ достоинствомъ:—это вы?

— Христоforъ Ѳедоровичъ, что̀ это за чудная музыка! ради Бога, впустите меня.

Старикъ, ни слова не говоря, величественнымъ движеніемъ руки кинулъ изъ окна ключь отъ двери на улицу. Лаврецкій проворно вбѣжалъ наверхъ, вошелъ въ комнату и хотѣлъ было броситься къ Лемму; но тотъ повелительно указалъ ему на стулъ, отрывисто сказалъ по-русски: «Садитесь и слушить»; самъ сѣлъ за фортепьяно, гордо и строго взглянулъ кругомъ и заигралъ. Давно Лаврецкій не слышалъ ничего подобнаго: сладкая, страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что̀ есть на землѣ дорогаго, тайнаго, святаго; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса. Лаврецкій выпрямился

и стоялъ, похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и впивались въ его душу, только что потрясенную счастьемъ любви; они сами пылали любовью. «Повторите», прошепталъ онъ, какъ только раздался послѣдній аккордъ. Старикъ бросилъ на него орлиный взоръ, постучалъ рукой по груди и, проговоривъ не спѣша на родномъ своемъ языкѣ: «это я сдѣлалъ, ибо я великій музыкантъ», снова съигралъ свою чудную композицію. Въ комнатѣ не было свѣчей; свѣтъ поднявшейся луны косо падалъ въ окна; звонко трепеталъ чуткій воздухъ; маленькая бѣдная комнатка казалась святилищемъ, и высоко, и вдохновенно поднималась въ серебристой полутьмѣ голова старика. Леврецкій подошелъ къ нему и обнялъ его. Сперва Леммъ не отвѣчалъ на его объятіе, даже отклонилъ его локтемъ; долго, не шевелясь ни однимъ членомъ, глядѣлъ онъ все такъ же строго, почти грубо, и только раза два промычалъ: ага! Наконецъ его преобразившееся лицо успокоилось, опустилось, и онъ, въ отвѣтъ на горячія поздравленія Лаврецкаго, сперва улыбнулся немного, потомъ заплакалъ, слабо всхлипывая, какъ дитя.

— Это удивительно, сказалъ онъ:—что вы именно теперь пришли; но я знаю, все знаю.

— Вы все знаете? произнесъ съ смущеніемъ Лаврецкій.

— Вы меня слышали, возразилъ Леммъ:—развѣ вы не поняли, что я все знаю?

Лаврецкій до утра не могъ заснуть: онъ всю ночь просидѣлъ на постели. И Лиза не спала: она молилась.

XXXV.

Читатель знаетъ, какъ выросъ и развивался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ; но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернёровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, нянчиться съ писклятами,—да и некогда ему было нянчиться съ

ними: онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадью, запряженной въ молотильную машину. «Скоренько жизнь моя проскочила», промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ, съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности немного больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитала дѣтей своихъ: она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой—и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Моро̀ изъ Парижа; а послѣ его смерти поступила въ вѣденіе Маріи Тимофеевны. Марію Тимофеевну читатель знаетъ; а дѣвица Моро̀ была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ. Въ молодости она вела жизнь очень разсѣянную, а подъ старость у ней остались только двѣ страсти—къ лакомству да къ картамъ. Когда она была сыта, не играла въ карты и не болтала,—лицо у ней тотчасъ принимало выраженіе почти мертвенное: сидитъ, бывало, смотритъ, дышетъ — и такъ и видно, что никакой мысли не пробѣгаетъ въ головѣ. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бываютъ же добры птицы. Вслѣдствіе ли легкомысленно-проведенной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надышалась съ дѣтства, — въ ней гнѣздилось что-то въ родѣ всеобщаго дешевенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно словами: «tout ça c'est des bêtises». Она говорила неправильнымъ, но чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала,—чего же больше можно желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Судьба этой женщины была замѣчательна. Она происходила изъ крестьянскаго семейства; 16-ти лѣтъ ее выдали за мужика; но отъ своихъ сестеръ крестьянокъ она отличалась рѣзко. Отецъ ея лѣтъ двадцать былъ старостой, нажилъ денегъ много и баловалъ ее. Красавица она была необыкновенная, первая щеголиха по всему околотку, умница, рѣчистая, смѣлая. Ея баринъ, Дмитрій Пестовъ, отецъ Марьи Дмитріевны, человѣкъ скромный и тихій, увидалъ ее однажды на молотьбѣ,

поговорилъ съ ней и страстно въ нее влюбился. Она скоро овдовѣла; Пестовъ, хотя и женатый былъ человѣкъ, взялъ ее къ себѣ въ домъ, одѣлъ ее по дворовому. Агафья тотчасъ освоилась съ новымъ своимъ положеніемъ, точно она вѣкъ свой иначе не жила. Она побѣлѣла, пополнѣла; руки у ней подъ кисейными рукавами стали «крупичатыя», какъ у купчихи; самоваръ не сходилъ со стола; кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла, спала на пуховыхъ перинахъ. Лѣтъ пять продолжалась эта блаженная жизнь; но Дмитрій Пестовъ умеръ; вдова его, барыня добрая, жалѣя память покойника, не хотѣла поступить съ своей соперницей нечестно, тѣмъ болѣе, что Агафья никогда передъ ней не забывалась; однако выдала ее за скотника и сослала съ глазъ долой. Прошло года три. Разъ какъ-то, въ жаркій лѣтній день, барыня заѣхала къ себѣ на скотный дворъ. Агафья попотчивала ее такими славными холодными сливками, такъ скромно себя держала и сама была такая опрятная, веселая, всѣмъ довольная, что барыня объявила ей прощеніе и позволила ходить въ домъ; а мѣсяцевъ черезъ шесть такъ къ ней привязалась, что произвела ее въ экономки и поручила ей все хозяйство. Агафья опять вошла въ силу, опять раздобрѣла и побѣлѣла; барыня совсѣмъ ей ввѣрилась. Такъ прошло еще лѣтъ пять. Несчастье вторично обрушилось на Агафью. Мужъ ея, котораго она вывела въ лакеи, запилъ, сталъ пропадать изъ дому и кончилъ тѣмъ, что укралъ шесть господскихъ серебряныхъ ложекъ и запряталъ ихъ—до случая—въ женинъ сундукъ. Это открылось. Его опять повернули въ скотники, а на Агафью наложили опалу; изъ дома ее не выгнали, но разжаловали изъ экономокъ въ швеи и велѣли ей вмѣсто чепца носить на головѣ платокъ. Къ удивленію всѣхъ, Агафья съ покорнымъ смиреніемъ приняла поразившій ее ударъ. Ей уже было тогда за тридцать лѣтъ, дѣти у ней всѣ померли, и мужъ жилъ не долго. Пришла ей пора опомниться; она опомнилась. Она стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздарила всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смирно, степенно, ни съ кѣмъ ни ссорясь, всѣмъ уступая. Нагрубитъ ли ей кто — она только поклонится и поблагодаритъ за ученіе. Барыня давно ей про-

стила, и опалу сложила съ нея, и съ своей головы чепецъ ей подарила; но она сама не захотѣла снять свой платокъ и все ходила въ темномъ платьѣ; а послѣ смерти барыни она стала еще тише и ниже. Русскій человѣкъ боится и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому; Агафью всѣ въ домѣ очень уважали; никто и не вспоминалъ о прежнихъ грѣхахъ, словно ихъ вмѣстѣ съ старымъ бариномъ въ землю похоронили.

Сдѣлавшись мужемъ Марьи Дмитріевны, Калитинъ хотѣлъ было поручить Агафьѣ домашнее хозяйство; но она отказалась «ради соблазна»; онъ прикрикнулъ на нее: она низко поклонилась и вышла вонъ. Умный Калитинъ понималъ людей: онъ и Агафью понялъ и не забылъ ее. Переселившись въ городъ, онъ съ ея согласія приставилъ ее въ качествѣ няни къ Лизѣ, которой только что пошелъ пятый годъ.

Лизу сперва испугало серьёзное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко ее полюбила. Она сама была серьёзный ребенокъ; черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что̀ рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась; чувство ея къ матери было неопредѣленно,—она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслецѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что̀ разсказываетъ ей Агафья; а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и

ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду, — и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали. — «Желтофіоли?» спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты.... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агафья и молится ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку,—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясала дѣвочку, проникла въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала, и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими—Марьей ли Дмитріевной, самимъ ли Калитинымъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвица Моро̀ ее смѣнила; но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: tout ça c'est des bêtises — не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Притомъ Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто видалась съ своей воспитанницей, которая ей вѣрила по прежнему.

Агафья однако не ужилась съ Мароой Тимофеевной, когда та переѣхала въ Калитинскій домъ. Строгая важность бывшей «панёвницы» не нравилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Хо-

дили темные слухи, будто она удалилась въ раскольничій скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марѳа Тимофеевна хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то-есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно, но одинъ Леммъ зналъ, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было «своихъ словъ», но были свои мысли и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что̀ ему дѣлать. Такъ росла она—покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцати-лѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеньи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога, восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь.

Такова была Лиза.

XXXVI.

На слѣдующій день, часу въ двѣнадцатомъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Паншина, который проскакалъ мимо его верхомъ, нахлобучивъ шляпу на самыя брови. У Калитиныхъ Лаврецкаго не приняли—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ними познакомился. Марья Дмитріевна «почивали»,—такъ доложилъ лакей; у «нихъ» голова болѣла. Марѳы Тимофеевны и Лизаветы Михайловны не

было дома. Лаврецкій походилъ около сада въ смутной надеждѣ встрѣтиться съ Лизой, но не увидалъ никого. Онъ вернулся черезъ два часа и получилъ тотъ же отвѣтъ, при чемъ лакей какъ-то косо посмотрѣлъ на него. Лаврецкому показалось неприличнымъ навѣдываться въ тотъ же день въ третій разъ— и онъ рѣшился съѣздить въ Васильевское, гдѣ у него безъ того были дѣла. На дорогѣ онъ строилъ различные планы, одинъ прекраснѣе другаго: но въ сельцѣ его тетки, на него напала грусть; онъ вступилъ въ разговоръ съ Антономъ; у старика, какъ нарочно, все невеселыя мысли на умѣ были. Онъ разсказалъ Лаврецкому, какъ Глафира Петровна передъ смертью сама себя за руку укусила, — и, помолчавъ, сказалъ со вздохомъ: «всякъ человѣкъ, баринъ-батюшка, самъ себѣ на съѣденіе преданъ». Было уже поздно, когда Лаврецкій пустился въ обратный путь. Вчерашніе звуки охватили его, образъ Лизы возсталъ въ его душѣ во всей своей кроткой ясности; онъ умилился при мысли, что она его любитъ, — и подъѣхалъ къ своему городскому домику, успокоенный и счастливый.

Первое, что̀ поразило его при входѣ въ переднюю, былъ запахъ пачули, весьма ему противный; тутъ же стояли какіе-то высокіе сундуки и баулы. Лицо выскочившаго къ нему на встрѣчу камердинера показалось ему страннымъ. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, переступилъ онъ порогъ гостинной.... Ему на встрѣчу съ дивана поднялась дама въ черномъ шелковомъ платьѣ съ воланами и, поднеся батистовый платокъ къ блѣдному лицу, переступила нѣсколько шаговъ, склонила тщательно-расчесанную, душистую голову — и упала къ его ногамъ.... Тутъ только онъ узналъ ее: эта дама была его жена.

Дыханіе у него захватило.... Онъ прислонился къ стѣнѣ.

— Теодоръ, не прогоняйте меня! сказала она по-французски, и голосъ ея какъ ножемъ рѣзанулъ его по сердцу.

Онъ глядѣлъ на нее безсмысленно, и однако тотчасъ же невольно замѣтилъ, что она и побѣлѣла и отекла.

— Теодоръ! продолжала она, изрѣдка вскидывая глазами и осторожно ломая свои удивительно-красивые пальцы съ розовыми лощеными ногтями,—Теодоръ, я передъ вами виновата,

глубоко виновата, — скажу болѣе: я преступница; но вы выслушайте меня; раскаяніе меня мучитъ; я стала самой себѣ въ тягость, я не могла болѣе переносить мое положеніе; сколько разъ я думала обратиться къ вамъ, но я боялась вашего гнѣва; я рѣшилась разорвать всякую связь съ прошедшимъ.... puis, j'ai été si malade,—я была такъ больна, прибавила она и провела рукой по лбу и по щекѣ—я воспользовалась распространившимся слухомъ о моей смерти, я покинула все; не останавливаясь, день и ночь спѣшила я сюда; я долго колебалась предстать предъ васъ, моего судью—paraître devant vous, mon juge; но я рѣшилась наконецъ, вспомнивъ вашу всегдашнюю доброту, ѣхать къ вамъ; я узнала вашъ адресъ въ Москвѣ. Повѣрьте, продолжала она, тихонько поднимаясь съ полу и садясь на самый край кресла: — я часто думала о смерти и я бы нашла въ себѣ довольно мужества, чтобы лишить себя жизни—ахъ, жизнь теперь для меня несное бремя!—но мысль о моей дочери, о моей Адочкѣ—меня останавливала; она здѣсь, она спитъ въ сосѣдней комнатѣ, бѣдный ребенокъ! Она устала —вы ее увидите: она, по крайней мѣрѣ, передъ вами невиновата, а такъ несчастна, такъ несчастна! воскликнула г-жа Лаврецкая и залилась слезами.

Лаврецкій пришелъ, наконецъ, въ себя; онъ отдѣлился отъ стѣны и повернулся къ двери.

— Вы уходите? съ отчаяньемъ проговорила его жена:—о, это жестоко! Не сказавши мнѣ ни одного слова, ни одного даже упрека.... Это презрѣніе меня убиваетъ, это ужасно!

Лаврецкій остановился.

— Что вы хотите слышать отъ меня? произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, съ живостью подхватила она:—я знаю, я не въ правѣ ничего требовать; я не безумная, повѣрьте; я не надѣюсь, я не смѣю надѣяться на ваше прощеніе; я только осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы приказали мнѣ, что мнѣ дѣлать, гдѣ мнѣ жить? Я, какъ рабыня, исполню ваше приказаніе, какое бы оно ни было.

— Мнѣ нечего вамъ приказывать, возразилъ тѣмъ же голосомъ Лаврецкій:—вы знаете—между нами все кончено.... и

теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь. Вы можете жить, гдѣ вамъ угодно; и если вамъ мало вашей пенсіи....

— Ахъ, не говорите такихъ ужасныхъ словъ, перебила его Варвара Павловна:— пощадите меня, хотя.... хотя ради этого ангела.... И, сказавши эти слова, Варвара Павловна стремительно выбѣжала въ другую комнату и тотчасъ же вернулась съ маленькой, очень изящно одѣтой дѣвочкой на рукахъ. Крупныя русыя кудри падали ей на хорошенькое румяное личико, на большіе черные заспанные глаза; она и улыбалась, и щурилась отъ огня, и упиралась пухлой ручонкой въ шею матери.

— Ada, vois, c'est ton père, проговорила Варвара Павловна, отводя отъ ея глазъ кудри и крѣпко цалуя ее: — prie le avec moi....

— C'est ça papa, залепетала дѣвочка, картавя.

— Oui, mon enfant, n'est ce pas, que tu l'aimes?

Но тутъ стало не въ мочь Лаврецкому.

— Въ какой это мелодрамѣ есть совершенно такая сцена? пробормоталъ онъ—и вышелъ вонъ.

Варвара Павловна постояла нѣкоторое время на мѣстѣ, слегка повела плечами, отнесла дѣвочку въ другую комнату, раздѣла и уложила ее. Потомъ она достала книжку, сѣла у лампы, подождала около часу и наконецъ сама легла въ постель.

— Eh bien, madame? спросила ее ея служанка, француженка, вывезенная ею изъ Парижа, снимая съ нея корсетъ.

— Eh bien, Justine, возразила она:—онъ очень постарѣлъ, но, мнѣ кажется, онъ все такой же добрый. Подайте мнѣ перчатки на ночь, приготовьте къ завтрешнему дню сѣрое платье до верху, да не забудьте бараньихъ котлетъ для Ады.... Правда, ихъ здѣсь трудно найти; но надо постараться.

— A la guerre, comme à la guerre, возразила Жюстина и загасила свѣчу.

XXXVII.

Болѣе двухъ часовъ скитался Лаврецкій по улицамъ города. Пришла ему на память ночь, проведенная въ окрестностяхъ Парижа. Сердце у него надрывалось и въ головѣ, пустой и словно оглушенной, кружились все однѣ и тѣ же мысли, тем-

ныя, вздорныя, злыя. «Она жива, она здѣсь», шепталъ онъ съ постоянно возраждавшимся изумленіемъ. Онъ чувствовалъ, что потерялъ Лизу. Желчь его душила; слишкомъ внезапно поразилъ его этотъ ударъ. Какъ могъ онъ такъ легко повѣрить вздорной болтовнѣ фельетона, лоскуту бумаги? «Ну, я бы не повѣрилъ, подумалъ онъ:— какая была бы разница? Я бы не зналъ, что Лиза меня любитъ; она сама бы этого не знала». Онъ не могъ отогнать отъ себя образа, голоса, взоровъ своей жены.... и онъ проклиналъ себя, проклиналъ все на свѣтѣ.

Измученный, пришелъ онъ передъ утромъ къ Лемму. Долго онъ не могъ достучаться; наконецъ, въ окнѣ показалась голова старика въ колпакѣ, кислая, сморщенная, уже нисколько не похожая на ту вдохновенно-суровую голову, которая, двадцать четыре часа тому назадъ, со всей высоты своего художническаго величія царски глянула на Лаврецкаго.

— Что вамъ надо? спросилъ Леммъ: — я не могу каждую ночь играть, я декоктъ принялъ. Но видно лицо у Лаврецкаго было очень странно: старикъ сдѣлалъ себѣ изъ руки надъ глазами козырекъ, вглядѣлся въ своего ночнаго посѣтителя и впустилъ его.

Лаврецкій вошелъ въ комнату и опустился на стулъ; старикъ остановился передъ нимъ, запахнувъ полы своего пестраго дряхлаго халата, ёжась и жуя губами.

— Моя жена пріѣхала, проговорилъ Лаврецкій, поднялъ голову и вдругъ самъ невольно разсмѣялся.

Лицо Лемма выразило изумленіе, но онъ даже не улыбнулся, только крѣпче завернулся въ халатъ.

— Вѣдь вы не знаете, продолжалъ Лаврецкій:—я воображалъ.... я прочелъ въ газетѣ, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

— О–о, это вы недавно прочли? спросилъ Леммъ.

— Недавно.

— О–о, повторилъ старикъ и высоко поднялъ брови. — И она пріѣхала?

— Пріѣхала. Она теперь у меня, а я.... я несчастный человѣкъ.

И онъ опять усмѣхнулся.

— Вы несчастный человѣкъ, медленно повторилъ Леммъ.

— Христіанъ Ѳедорычъ, началъ Лаврецкій: — возьметесь вы доставить записку?

— Гмъ. Можно узнать, кому?

— Лизав....

— А, — да, да, понимаю. Хорошо. А когда нужно будетъ доставить записку?

— Завтра, какъ можно раньше.

— Гмъ. Можно послать Катринъ, мою кухарку. Нѣтъ, я самъ пойду.

— И принесете мнѣ отвѣтъ?

— И принесу отвѣтъ.

Леммъ вздохнулъ.

— Да, мой бѣдный молодой другъ; вы, точно, — несчастный молодой человѣкъ.

Лаврецкій написалъ два слова Лизѣ: онъ извѣстилъ ее о пріѣздѣ жены, просилъ ее назначить ему свиданіе, — и бросился на узенькій диванъ лицомъ къ стѣнѣ; а старикъ легъ на постель и долго ворочался, кашляя и отпивая глотками свой декоктъ.

Настало утро; оба они поднялись. Странными глазами поглядѣли они другъ на друга. Лаврецкому хотѣлось въ этотъ мигъ убить себя. Кухарка Катринъ принесла имъ скверную кофе. Пробило восемь часовъ. Леммъ надѣлъ шляпу и, сказавши, что урокъ онъ даетъ у Калитиныхъ въ десять часовъ, но что онъ найдетъ приличный предлогъ, отправился. Лаврецкій опять бросился на диванчикъ и опять со дна его души зашевелился горестный смѣхъ. Онъ думалъ о томъ, какъ жена выгнала его изъ дому; онъ представлялъ себѣ положеніе Лизы, закрывалъ глаза и закидывалъ руки за голову. Наконецъ Леммъ вернулся и принесъ ему клочокъ бумаги, на которомъ Лиза начертила карандашомъ слѣдующія слова: «Мы сегодня не можемъ видѣться; можетъ быть — завтра вечеромъ. Прощайте». Лаврецкій сухо и разсѣянно поблагодарилъ Лемма и пошелъ къ себѣ домой.

Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ, въ бѣленькомъ платьицѣ съ голубыми ленточками, кушала баранью котлетку. Варвара Павловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, и съ покорностью на лицѣ подошла

къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; она сѣла, скромно положила одну руку на другую и принялась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.

Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовалъ, что не владѣлъ собою; онъ видѣлъ ясно, что Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ.

— Послушайте, сударыня, началъ онъ наконецъ, тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы: — намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю; да если бы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами—мнѣ невозможно.

Варвара Павловна сжала губы и прищурилась. «Это отвращеніе, подумала она:—кончено: я для него даже не женщина».

— Невозможно, повторилъ Лаврецкій и застегнулся до верху. — Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣроятно, у васъ денегъ больше не стало.

— Увы! вы оскорбляете меня, прошептала Варвара Павловна.

— Какъ бы то ни было — вы все таки, къ сожалѣнію, моя жена. — Не могу же я васъ прогнать.... и вотъ что я вамъ предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться въ Лаврики, живите тамъ; тамъ, вы знаете, хорошій домъ; вы будете получать все нужное, сверхъ пенсіи.... Согласны вы?

Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

— Я вамъ уже сказала, промолвила она, нервически подергивая губами: — что я на все буду согласна, что бы вамъ ни угодно было сдѣлать со мной; на этотъ разъ остается мнѣ спросить у васъ: позволите ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ поблагодарить васъ за ваше великодушіе?

— Безъ благодарности, прошу васъ—эдакъ лучше, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій. — Стало быть, продолжалъ онъ, приближаясь къ двери:—я могу разсчитывать....

— Завтра же я буду въ Лаврикахъ, промолвила Варвара

Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста. — Но Ѳедоръ Иванычъ.... (Теодоромъ она его больше не называла).

— Что вамъ угодно?

— Я знаю, я еще ничемъ не заслужила своего прощенія; могу ли я надѣяться покрайней мѣрѣ, что со временемъ....

— Эхъ, Варвара Павловна, перебилъ ее Лаврецкій: — вы умная женщина, да вѣдь и я не дуракъ; я знаю, что этого вамъ совсѣмъ не нужно. А я давно васъ простилъ, но между нами всегда была бездна.

— Я съумѣю покориться, возразила Варвара Павловна и склонила голову.—Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если бы узнала, что вы даже обрадовались извѣстію о моей смерти, — кротко прибавила она, слегка указывая рукой на лежавшій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, номеръ журнала.

Ѳедоръ Иванычъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ карандашемъ. Варвара Павловна еще съ большимъ уничиженіемъ посмотрѣла на него. Она была очень хороша въ это мгновенье. Сѣрое парижское платье стройно охватывало ея гибкій, почти семнадцати-лѣтній станъ; ея тонкая, нѣжная шея, окруженная бѣлымъ воротничкомъ, ровно дышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и колецъ, — вся ея фигура, отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки, была такъ изящна....

Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть не воскликнулъ: Ьгаvа! чуть не ударилъ ее кулакомъ по темени—и удалился. Часъ спустя, онъ уже ѣхалъ въ Васильевское, а два часа спустя, Варвара Павловна велѣла нанять себѣ лучшую карету въ городѣ, надѣла простую соломенную шляпу съ чернымъ вуалемъ и скромную мантилью, поручила Аду Жюстинѣ и отправилась къ Калитинымъ: изъ разспросовъ, сдѣланныхъ ею прислугѣ, она узнала, что мужъ ея ѣздилъ къ нимъ каждый день.

XXXVIII.

День пріѣзда жены Лаврецкаго въ городъ О., невеселый для него день, былъ также тягостнымъ днемъ для Лизы. Не успѣла она сойти внизъ и поздороваться съ матерью, какъ уже

подъ окномъ раздался конскій топотъ, и она съ тайнымъ страхомъ увидѣла Паншина, въѣзжавшаго на дворъ. «Онъ явился такъ рано для окончательнаго объясненія», — подумала она и не обманулась; повертѣвшись въ гостинной, онъ предложилъ ей пойти съ нимъ въ садъ и потребовалъ рѣшенія своей участи. Лиза собралась съ духомъ и объявила ему, что не можетъ быть его женой. Онъ выслушалъ ее до конца, стоя къ ней бокомъ и надвинувъ на лобъ шляпу; вѣжливо, но измѣненнымъ голосомъ спросилъ ее: послѣднее ли это ея слово, и не подалъ ли онъ чѣмъ нибудь повода къ подобной перемѣнѣ въ ея мысляхъ? потомъ прижалъ руку къ глазамъ, коротко и отрывисто вздохнулъ и отдернулъ руку отъ лица.

— Я не хотѣлъ пойти по избитой дорогѣ, проговорилъ онъ глухо:—я хотѣлъ найти себѣ подругу по влеченію сердца; но видно этому не должно быть. Прощай, мечта! Онъ глубоко поклонился Лизѣ и вернулся въ домъ.

Она надѣялась, что онъ тотчасъ же уѣдетъ; но онъ пошелъ въ кабинетъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ и около часа просидѣлъ у ней. Уходя, онъ сказалъ Лизѣ: votre mère vous appelle — adieu à jamais.... сѣлъ на лошадь и отъ самаго крыльца поскакалъ во всю прыть. Лиза вошла къ Марьѣ Дмитріевнѣ и и застала ее въ слезахъ: Паншинъ сообщилъ ей свое несчастіе.

— За что ты меня убила? За что ты меня убила? такъ начала свои жалобы огорченная вдова.—Кого тебѣ еще нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ? Каммеръ-юнкеръ! не интересанъ! Онъ въ Петербургѣ на любой фрейлинѣ могъ бы жениться. А я-то, я-то надѣялась! И давно ли ты къ нему измѣнилась? Откуда нибудь эта туча надута, не сама собой пришла. Ужь не тотъ ли фофанъ? Вотъ нашла совѣтчика!

— А онъ-то, мой голубчикъ, продолжала Марья Дмитріевна:— какъ онъ почтителенъ, въ самой печали какъ внимателенъ! Обѣщался не оставлять меня. Ахъ, я этого не перенесу! Ахъ, у меня голова смертельно разболѣлась! Пошли ко мнѣ Палашку. Ты убьешь меня, если не одумаешься,—слышишь? И назвавъ ее раза два неблагодарною, Марья Дмитріевна услала Лизу.

Она отправилась въ свою комнату. Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Паншинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны, откуда

она меньше всего ее ожидала. Марѳа Тимофеевна вошла къ ней въ комнату и тотчасъ захлопнула за собою дверь. Лицо старушки было блѣдно, чепецъ сидѣлъ на боку, глаза ея блестѣли, руки, губы дрожали. Лиза изумилась: она никогда еще не видала своей умной и разсудительной тетки въ такомъ состояніи.

— Прекрасно, сударыня, начала Марѳа Тимофеевна трепетнымъ и прерывистымъ шопотомъ:—прекрасно! У кого ты это только выучилась, мать моя.... Дай мнѣ воды; я говорить не могу.

— Успокойтесь, тетушка; что̀ съ вами? говорила Лиза, подавая ей стаканъ воды. Вѣдь вы сами, кажется, не жаловали г-на Паншина.

Марѳа Тимофеевна оставила стаканъ.

— Пить не могу: зубы себѣ послѣдніе выбью. Какой тутъ Паншинъ? Къ чему тутъ Паншинъ? А ты лучше мнѣ скажи, кто тебя научилъ свиданія по ночамъ назначать—а? мать моя?

Лиза поблѣднѣла.

— Ты пожалуйста не вздумай отговориться, продолжала Марѳа Тимофеевна. Шурочка сама все видѣла и мнѣ сказала. Я ей запретила болтать, а она не солжетъ.

— Я и не отговариваюсь, тетушка, чуть слышно промолвила Лиза.

— А, а! Такъ вотъ какъ, мать моя; ты свиданіе ему назначила, этому старому грѣховоднику, смиреннику этому?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Я сошла внизъ въ гостинную за книжкой: онъ былъ въ саду—и позвалъ меня.

— И ты пошла? Прекрасно. Да ты любишь его, что ли?

— Люблю, отвѣчала тихимъ голосомъ Лиза.

— Матушки мои! Она его любитъ! Марѳа Тимофеевна сдернула съ себя чепецъ. — Женатаго человѣка любитъ! а? любитъ!

— Онъ мнѣ сказывалъ, начала Лиза....

— Что онъ тебѣ сказывалъ, соколикъ эдакой, что-о?

— Онъ мнѣ сказывалъ, что жена его скончалась.

Марѳа Тимофеевна перекрестилась. — Царство ей небесное, прошептала она:—пустая была бабенка—не тѣмъ будь помя-

нута. Вотъ какъ; вдовый онъ, стало быть. Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ тихоня? Только вотъ что скажу тебѣ, племянница: въ наши времена, какъ я молода была, дѣвкамъ за такія продѣлки больно доставалось. Ты не сердись на меня, мать моя; за правду одни дураки сердятся. Я и отказать ему велѣла сегодня. Я его люблю, но этого я ему никогда не прощу. Вишь, вдовый! Дай-ка мнѣ воды. А что ты Паншина съ носомъ отослала, за это ты у меня молодецъ; только не сиди ты по ночамъ съ этой козьей породой съ мужчинами; не сокрушай ты меня старуху! А то вѣдь я не все ласкаться — я и кусаться умѣю.... Вдовый!

Марфа Тимофеевна ушла, а Лиза сѣла въ уголокъ и заплакала. Горько ей стало на душѣ; не заслужила она такого униженья. Не веселостью сказывалась ей любовь: во второй разъ плакала она со вчерашняго вечера. Въ ея сердцѣ едва только родилось то новое, нежданное чувство, и уже какъ тяжело поплатилась она за него, какъ грубо коснулись чужіе руки ея завѣтной тайны! Стыдно, и горько, и больно было ей: но ни сомнѣнья, ни страха въ ней не было,—и Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того свиданія, послѣ того поцалуя—она уже колебаться не могла; она знала, что любитъ,—и полюбила честно, не шутя, привязалась крѣпко, на всю жизнь—и не боялась угрозъ: она чувствовала, что насилію не расторгнуть этой связи.

XXXIX.

Марья Дмитріевна очень встревожилась, когда ей доложили о пріѣздѣ Варвары Павловны Лаврецкой; она даже не знала—принять ли ее: она боялась оскорбить Ѳедора Иваныча. Наконецъ, любопытство превозмогло. Чтожь, подумала она, вѣдь она тоже родная,—и усѣвшись въ креслахъ, сказала лакею: проси! Прошло нѣсколько мгновеній; дверь отворилась; Варвара Павловна быстро, чуть слышными шагами приблизилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ и, не давая ей встать съ креселъ, почти склонила передъ ней колѣни.

— Благодарствуйте, тетушка, начала она тронутымъ и тихимъ голосомъ по-русски: — благодарствуйте; я не надѣялась на такое снисхожденье съ вашей стороны; вы добры, какъ ангелъ.

Сказавши эти слова, Варвара Павловна неожиданно овладѣла одной рукой Марьи Дмитріевны и, слегка стиснувъ ее въ своихъ блѣдно-лиловыхъ жувеневскихъ перчаткахъ, подобострастно поднесла ее къ розовымъ и полнымъ губамъ. Марья Дмитріевна совсѣмъ потерялась, увидѣвъ такую красивую, прелестно-одѣтую женщину почти у ногъ своихъ; она не знала, какъ ей быть: и руку-то свою она у ней отнять хотѣла, и усадить-то ее она желала, и сказать ей что нибудь ласковое; она кончила тѣмъ, что приподнялась и поцаловала Варвару Павловну въ гладкій и пахучій лобъ. Варвара Павловна вся сомлѣла подъ этимъ поцалуемъ.

— Здравствуйте, bonjour, сказала Марья Дмитріевна:—конечно, я не воображала.... впрочемъ я, конечно, рада васъ видѣть. Вы понимаете, милая моя,—не мнѣ быть судьею между женой и мужемъ....

— Мой мужъ во всемъ правъ, перебила ее Варвара Павловна:—я одна виновата.

— Это очень похвальныя чувства, возразила Марья Дмитріевна:—очень. Давно вы пріѣхали? Видѣли вы его? Да сядьте же пожалуйста.

— Я вчера пріѣхала, отвѣчала Варвара Павловна, смиренно садясь на стулъ; я видѣла Ѳедора Иваныча, я говорила съ нимъ.

— А! Ну, и что же онъ?

— Я боялась, что мой внезапный пріѣздъ возбудитъ его гнѣвъ, продолжала Варвара Павловна:—но онъ не лишилъ меня своего присутствія.

— То есть, онъ не.... Да, да, понимаю, промолвила Марья Дмитріевна. Онъ только свиду немного грубъ, а сердце у него мягкое.

— Ѳедоръ Иванычъ не простилъ меня; онъ не хотѣлъ меня выслушать.... Но онъ былъ такъ добръ, что назначилъ мнѣ Лаврики мѣстомъ жительства.

— А! прекрасное имѣнье!

— Я завтра же отправляюсь туда, въ исполненіе его воли; но я почла долгомъ побывать прежде у васъ.

— Очень, очень вамъ благодарна, моя милая. Родныхъ никогда забывать не слѣдуетъ. А знаете ли, я удивляюсь, какъ вы хорошо говорите по-русски. C'est étonnant.

Варвара Павловна вздохнула.

— Я слишкомъ долго пробыла за границей, Марья Дмитріевна, я это знаю: но сердце у меня всегда было русское, и я не забывала своего отечества.

— Такъ, такъ; это лучше всего. Ѳедоръ Иванычъ васъ однако вовсе не ожидалъ.... Да; повѣрьте моей опытности: la patrie avant tout. Ахъ, покажите пожалуйста, что это у васъ за прелестная мантилья?

— Вамъ она нравится? Варвара Павловна проворно спустила ее съ плечъ. — Она очень простенькая, отъ madame Baudran.

— Это сейчасъ видно. Отъ madame Baudran.... Какъ мило и съ какимъ вкусомъ! Я увѣрена, вы привезли съ собой множество восхитительныхъ вещей. Я бы хоть посмотрѣла.

— Весь мой туалетъ къ вашимъ услугамъ, любезнѣйшая тетушка. Если позволите, я могу кое-что показать вашей камеристкѣ. Со мной служанка изъ Парижа,—удивительная швея.

— Вы очень добры, моя милая. Но, право, мнѣ совѣстно....

— Совѣстно.... повторила съ упрекомъ Варвара Павловна. Хотите вы меня осчастливить—распоряжайтесь мною, какъ вашей собственностью.

Марья Дмитріевна растаяла.

— Vous êtes charmante, проговорила она.—Да что же вы не снимаете вашу шляпу, перчатки?

— Какъ? вы позволяете? спросила Варвара Павловна и слегка, какъ бы съ умиленьемъ, сложила руки.

— Разумѣется; вѣдь вы обѣдаете съ нами, я надѣюсь. Я.... я васъ познакомлю съ моей дочерью. Марья Дмитріевна немного смутилась. «Ну! куда ни шло!» подумала она.— Она сегодня что-то нездорова у меня.

— О, ma tante, какъ вы добры! воскликнула Варвара Павловна—и поднесла платокъ къ глазамъ.

Казачокъ доложилъ о приходѣ Гедеоновскаго. Старый бол-

тунъ вошелъ, отвѣшивая поклоны и ухмыляясь. Марья Дмитріевна представила его своей гостьѣ. Онъ сперва было сконфузился; но Варвара Павловна такъ кокетливо-почтительно обошлась съ нимъ, что у него ушки разгорѣлись, и выдумки, сплетни, любезности медомъ потекли съ его устъ. Варвара Павловна слушала его, сдержанно улыбалась и сама понемногу разговорилась. Она скромно разсказывала о Парижѣ, о своихъ путешествіяхъ, о Баденѣ; раза два разсмѣшила Марью Дмитріевну и всякій разъ потомъ слегка вздыхала и какъ будто мысленно упрекала себя въ неумѣстной веселости; выпросила позволеніе привести Аду; снявши перчатки, показывала своими гладкими, вымытыми мыломъ à la guimauve руками, — какъ и гдѣ носятся воланы, рюши, кружева, шу; обѣщалась привести стклянку съ новыми англійскими духами Victoria's Essence и обрадовалась, какъ дитя, когда Марья Дмитріевна согласилась принять ее въ подарокъ; всплакнула при воспоминаніи о томъ, какое чувство она испытала, когда въ первый разъ услыхала русскіе колокола: «такъ глубоко поразили они меня въ самое сердце», промолвила она.

Въ это мгновенье вошла Лиза.

Съ утра, съ самой той минуты, когда она, вся похолодѣвъ отъ ужаса, прочла записку Лаврецкаго, Лиза готовилась къ встрѣчѣ съ его женою; она предчувствовала, что увидитъ ее. Она рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе своимъ, какъ она назвала ихъ, преступнымъ надеждамъ. Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ-нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. «По дѣломъ!» говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самое пугавшіе порывы.—«Ну, надо идти!» подумала она, какъ только узнала о пріѣздѣ Лаврецкой, и она пошла.... Долго стояла она передъ дверью гостинной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: «я передъ нею виновата»—переступила она порогъ и заставила себя посмотрѣть на нее, заставила себя улыбнуться. Варвара Павловна пошла ей на встрѣчу, какъ только увидала ее, и склонилась передъ ней слегка, но все-таки почтительно.—Позвольте мнѣ рекомендовать себя, заговорила она вкрадчивымъ голосомъ:—ваша maman такъ снисходительна ко мнѣ, что я

надѣюсь, что и вы будете.... добры. Выраженіе лица Варвары Павловны, когда она сказала это послѣднее слово, ея хитрая улыбка, холодный и въ тоже время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо—возбудили такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить, и черезъ силу протянула ей руку. «Эта барышня брезгаетъ мною», подумала Варвара Павловна, крѣпко стискивая холодные пальцы Лизы и, обернувшись къ Марьѣ Дмитріевнѣ, промолвила въ полголоса: mais elle est délicieuse! Лиза слабо вспыхнула: насмѣшка, обида, послышались ей въ этомъ восклицаніи; но она рѣшилась не вѣрить своимъ впечатлѣніямъ и сѣла къ окну за пяльцы. Варвара Павловна и тутъ не оставила ее въ покоѣ: подошла къ ней, начала хвалить ея вкусъ, ея искусство.... Сильно и болѣзненно забилось сердце у Лизы: она едва переломила себя, едва усидѣла на мѣстѣ. Ей казалось, что Варвара Павловна все знаетъ и, тайно торжествуя, подтруниваетъ надъ ней. Къ счастью ея, Гедеоновскій заговорилъ съ Варварой Павловной и отвлекъ ея вниманіе. Лиза склонилась надъ пяльцами и украдкой наблюдала за нею. «Эту женщину,—думала она,—любилъ онъ.» Но она тотчасъ же изгнала изъ головы самую мысль о Лаврецкомъ: она боялась потерять власть надъ собою, она чувствовала, что голова у ней тихо кружилась. Марья Дмитріевна заговорила о музыкѣ.

— Я слышала, моя милая, начала она: — вы удивительная виртуозка.

— Я давно не играла, возразила Варвара Павловна, немедленно садясь за фортепьяно, и бойко пробѣжала пальцами по клавишамъ.—Прикажете?

— Сдѣлайте одолженіе.

Варвара Павловна мастерски съиграла блестящій и трудный этюдъ Герца. У ней было очень много силы и проворства.

— Сильфида! воскликнулъ Гедеоновскій.

— Необыкновенно! подтвердила Марья Дмитріевна. — Ну, Варвара Павловна, признаюсь, промолвила она, въ первый разъ называя ее по имени:—удивили вы меня; вамъ хоть бы концерты давать. Здѣсь у насъ есть музыкантъ, старикъ, изъ

нѣмцовъ, чудакъ, очень ученый; онъ Лизѣ уроки даетъ; тотъ просто отъ васъ съ ума сойдетъ.

— Лизавета Михайловна тоже музыкантша? спросила Варвара Павловна, слегка обернувъ къ ней голову.

— Да, она играетъ недурно и любитъ музыку; но что̀ это значитъ передъ вами? Но здѣсь есть еще одинъ молодой человѣкъ: вотъ съ кѣмъ вы должны познакомиться. Это—артистъ въ душѣ и сочиняетъ премило. Онъ одинъ можетъ васъ вполнѣ оцѣнить.

— Молодой человѣкъ? проговорила Варвара Павловна.—Кто онъ такой? Бѣдный какой нибудь?

— Помилуйте, первый кавалеръ у насъ, да не только у насъ — et à Pétersbourg. Камеръ-юнкеръ, въ лучшемъ обществѣ принятъ. Вы навѣрное слыхали о немъ: Паншинъ, Владиміръ Николаичъ. Онъ здѣсь по казенному порученію... будущій министръ, помилуйте!

— И артистъ?

— Артистъ въ душѣ и такой любезный. Вы его увидите. Онъ все это время очень часто у меня бывалъ; я пригласила его на сегоднишній вечеръ; *надѣюсь*, что онъ пріѣдетъ, прибавила Марья Дмитріевна съ короткимъ вздохомъ и косвенной горькой улыбкой.

Лиза поняла значеніе этой улыбки; но ей было не до того.

— И молодой? повторила Варвара Павловна, слегла модулируя изъ тона въ тонъ.

— Двадцати восьми лѣтъ—и самой счастливой наружности. Un jeune homme accompli, помилуйте.

— Образцовый, можно сказать, юноша, замѣтилъ Гедеоновскій.

Варвара Павловна внезапно заиграла шумный Штрауссовскій вальсъ, начинавшійся такой сильной и быстрой трелью, что Гедеоновскій даже вздрогнулъ; въ самой серединѣ вальса она вдругъ перешла въ грустный мотивъ и кончила аріею изъ «Лучіи»: Fra poco: она сообразила, что веселая музыка нейдетъ къ ея положенію. Арія изъ «Лучіи», съ ударѐніями на чувствительныхъ ноткахъ очень растрогала Марью Дмитріевну.

— Какая душа, проговорила она въ полголоса Гедеоновскому.

— Сильфида! повторилъ Гедеоновскій и поднялъ глаза къ небу.

Насталъ часъ обѣда. Марѳа Тимофеевна сошла съ верху, когда уже супъ стоялъ на столѣ. Она очень сухо обошлась съ Варварой Павловной, отвѣчала полу-словами на ея любезности, не глядѣла на нее. Варвара Павловна сама скоро поняла, что отъ этой старухи толку не добьешься и перестала заговаривать съ нею; за то Марья Дмитріевна стала еще ласковѣй съ своей гостьей: невѣжливость тетки ее разсердила. Впрочемъ, Марѳа Тимофеевна не на одну Варвару Павловну не глядѣла: она и на Лизу не глядѣла, хотя глаза такъ и блестѣли у ней. Она сидѣла, какъ каменная, вся желтая, блѣдная, съ сжатыми губами—и не ѣла ничего. Лиза казалась спокойной; и точно: у ней на душѣ тише стало; странная безчувственность, безчувственность осужденнаго нашла на нее. За обѣдомъ Варвара Павловна говорила мало: она словно опять обробѣла и распространила по лицу своему выраженіе скромной меланхоліи. Одинъ Гедеоновскій оживлялъ бесѣду своими разсказами, хотя то-и-дѣло трусливо посматривалъ на Марѳу Тимофеевну и перхалъ, — перхота нападала на него всякій разъ, когда онъ въ ея присутствіи собирался лгать, — но она ему не мѣшала, не перебивала его. Послѣ обѣда оказалось, что Варвара Павловна большая любительница преферанса; Марьѣ Дмитріевнѣ это до того понравилось, что она даже умилилась и подумала про себя: «какой же однако дуракъ долженъ быть Ѳедоръ Иванычъ: не умѣлъ такую женщину понять!»

Она сѣла играть въ карты съ нею и Гедеоновскимъ, а Марѳа Тимофеевна увела Лизу къ себѣ на верхъ, сказавъ, что на ней лица нѣту, что у ней, должно быть, болитъ голова.

— Да, у ней ужасно голова болитъ, промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Варварѣ Павловнѣ и закатывая глаза.—У меня самой такіе бываютъ мигрени....

— Скажите! возразила Варвара Павловна.

Лиза вошла въ теткину комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Марѳа Тимофеевна долго, молча, посмотрѣла на нее, тихонько стала передъ нею на колѣни—и начала, все такъ же молча, цаловать попеременно ея руки. Лиза подалась впередъ, покраснѣла—и заплакала, но не подняла Марѳы

Тимофеевны, не отняла своихъ рукъ: она чувствовала, что не имѣла права отнять ихъ, не имѣла права помѣшать старушкѣ выразить свое раскаяніе, участіе, испросить у ней прощеніе за вчерашнее; и Мароа Тимофеевна не могла нацаловаться этихъ бѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ — и безмолвныя слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконой,—и въ сосѣдней комнаткѣ за дверью стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ.

XL.

А между тѣмъ внизу, въ гостинной шелъ преферансъ; Марья Дмитріевна выигрывала и была въ духѣ. Человѣкъ вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Паншина.

Марья Дмитріевна уронила карты и завозилась на креслѣ; Варвара Павловна посмотрѣла на нее съ полу-усмѣшкой, потомъ обратила взоры на дверь. Появился Паншинъ, въ черномъ фракѣ, въ высокихъ англійскихъ воротничкахъ, застегнутый до верху. «Мнѣ было тяжело повиноваться; но вы видите, я пріѣхалъ»: вотъ что выражало его неулыбавшееся, только-что выбритое лицо.

— Помилуйте, Вольдемаръ, воскликнула Марья Дмитріевна:— прежде вы безъ докладу входили!

Паншинъ отвѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ однимъ только взглядомъ, вѣжливо поклонился ей, но къ ручкѣ не подошелъ. Она представила его Варварѣ Павловнѣ; онъ отступилъ на шагъ, поклонился ей также вѣжливо, но съ оттѣнкомъ изящества и уваженія, и подсѣлъ къ карточному столу. Преферансъ скоро кончился. Паншинъ освѣдомился о Лизаветѣ Михайловнѣ, узналъ, что она не совсѣмъ здорова, изъявилъ сожалѣнье; потомъ онъ заговорилъ съ Варварой Павловной, дипломатически взвѣшивая и отчеканивая каждое слово, почтительно выслушивая ея отвѣты до конца. Но важность его дипломатическаго тона не дѣйствовала на Варвару Павловну, не сообщалась ей.

Напротивъ: она съ веселымъ вниманіемъ глядѣла ему въ лицо, говорила развязно, и тонкія ея ноздри слегка трепетали, какъ отъ сдержаннаго смѣха. Марья Дмитріевна начала превозносить ея талантъ; Паншинъ учтиво, на сколько позволяли ему воротнички, наклонилъ голову, объявилъ, что «онъ былъ въ этомъ заранѣе увѣренъ»—и завелъ рѣчь чуть ли не о самомъ Меттернихѣ. Варвара Павловна прищурила свои бархатные глаза и, сказавши въ-полголоса: «да вѣдь вы тоже артистъ, un confrère»,—прибавила еще тише: «venez!»—и качнула головой въ сторону фортепьяно. Это одно брошенное слово: venez! — мгновенно, какъ бы по волшебству, измѣнило всю наружность Паншина. Озабоченная осанка его исчезла; онъ улыбнулся, оживился, разстегнулъ фракъ и, повторяя: «какой я артистъ, увы! вотъ вы, я слышалъ, артистка истинная» — направился вслѣдъ за Варварой Павловной къ фортепьяно.

— Заставьте его спѣть романсъ—какъ луна плыветъ, воскликнула Марья Дмитріевна.

— Вы поете? промолвила Варвара Павловна, озаривъ его свѣтлымъ и быстрымъ взоромъ.— Садитесь.

Паншинъ сталъ отговариваться.

— Садитесь, повторила она, настойчиво постучавъ по спинкѣ стула.

Онъ сѣлъ, кашлянулъ, оттянулъ воротнички и спѣлъ свой романсъ.

— Charmant, проговорила Варвара Павловна:—вы прекрасно поете, vous avez du style,—повторите.

Она обошла вокругъ фортепьяно и стала прямо напротивъ Паншина. Онъ повторилъ романсъ, придавая мелодраматическое дрожаніе своему голосу. Варвара Павловна пристально глядѣла на него, облокотясь на фортепьяно и держа свои бѣлыя руки въ уровень своихъ губъ. Паншинъ кончилъ.

— Charmante, charmante idée—сказала она съ спокойной увѣренностью знатока. — Скажите, вы написали что-нибудь для женскаго голоса, для mezzo-soprano?

— Я почти ничего не пишу, возразилъ Паншинъ:—я вѣдь это только такъ, между дѣломъ.... а развѣ вы поете?

— Пою.

— О! спойте намъ что-нибудь, проговорила Марья Дмитріевна.

Варвара Павловна отвела рукою волосы отъ заалѣвшихся щекъ и встряхнула головой.

— Наши голоса должны идти другъ къ другу, промолвила она, обращаясь къ Паншину: — споемте дуэтъ. Знаете ли вы Son geloso, или La ci darem, или Miга la bianca luna?

— Я пѣвалъ когда-то Miга la bianca luna, отвѣчалъ Паншинъ:—да давно, забылъ.

— Ничего, мы прорепетируемъ въ полголоса. Пустите меня.

Варвара Павловна сѣла за фортепьяно. Паншинъ сталъ возлѣ нея. Они спѣли въ полголоса дуэтъ, при чемъ Варвара Павловна нѣсколько разъ его поправляла, потомъ спѣли громко, потомъ два раза повторили: Miга la bianca lu....u....una. Голосъ у Варвары Павловны утратилъ свѣжесть, но она владѣла имъ очень ловко. Паншинъ сперва робѣлъ и слегка фальшивилъ, потомъ вошелъ въ азартъ, и если пѣлъ не безукоризненно, то шевелилъ плечами, покачивалъ всѣмъ туловищемъ и поднималъ повременамъ руку, какъ настоящій пѣвецъ. Варвара Павловна съиграла двѣ-три Тальберговскія вещицы и кокетливо «сказала» французскую аріетку. Марья Дмитріевна уже не знала, какъ выразить свое удовольствіе; она хотѣла нѣсколько разъ послать за Лизой; Гедеоновскій также не находилъ словъ и только головой качалъ, —но вдругъ неожиданно зѣвнулъ и едва успѣлъ прикрыть ротъ рукою. Зѣвокъ этотъ не ускользнулъ отъ Варвары Павловны; она вдругъ повернулась спиной къ фортепьяно, промолвила: «assez de musique comme са; будемъ болтать»,—и скрестила руки. «Oui, assez de musique», весело повторилъ Паншинъ и завязалъ съ ней разговоръ—бойкій, легкій, на французскомъ языкѣ. «Совершенно, какъ въ лучшемъ парижскомъ салонѣ», думала Марья Дмитріевна, слушая ихъ уклончивыя и вертлявыя рѣчи. Паншинъ чувствовалъ полное удовольствіе; глаза его сіяли, онъ улыбался; сначала онъ проводилъ рукой по лицу, хмурилъ брови и отрывисто вздыхалъ, когда ему случалось встрѣтиться взглядами съ Марьей Дмитріевной; но потомъ онъ совсѣмъ забылъ о ней и отдался весь наслажденью полу-свѣтской, полу-художественной болтовни. Варвара Павловна показала себя большой философ-

кой: на все у нея являлся готовый отвѣтъ, она ни надъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Паншинъ навелъ разговоръ на литературу: оказалось, что она такъ же, какъ и онъ, читала однѣ французскія книжки: Жоржъ Сандъ приводилъ ее въ негодованіе, Бальзака она уважала, хоть онъ ее утомлялъ, въ Сю и Скрибѣ видѣла великихъ сердцевѣдцевъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Поль-де-Кока, но, разумѣется, даже имени его не упомянула. Собственно говоря, литература ее не слишкомъ занимала. Варвара Павловна очень искусно избѣгала всего, что могло хотя отдаленно напомнить ея положеніе; о любви въ ея рѣчахъ и помину не было: напротивъ, онѣ скорѣе отзывались строгостью къ увлеченіямъ страстей, разочарованьемъ, смиреніемъ. Паншинъ возражалъ ей; она съ нимъ не соглашалась.... Но, странное дѣло! — въ то самое время, какъ изъ устъ ея исходили слова осужденія, часто суроваго, звукъ этихъ словъ ласкалъ и нѣжилъ, и глаза ея говорили.... что̀ именно говорили эти прелестные глаза,—трудно было сказать; но то были не строгія, не ясныя и сладкія рѣчи. Паншинъ старался понять ихъ тайный смыслъ, старался самъ говорить глазами, но онъ чувствовалъ, что у него ничего не выходило; онъ сознавалъ, что Варвара Павловна, въ качествѣ настоящей, заграничной львицы, стояла выше его, а потому онъ и не вполнѣ владѣлъ собою. У Варвары Павловны была привычка во время разговора чуть-чуть касаться рукава своего собесѣдника; эти мгновенныя прикосновенія очень волновали Владиміра Николаича. Варвара Павловна обладала умѣньемъ легко сходиться со всякимъ; двухъ часовъ не прошло, какъ уже Паншину казалось, что онъ зналъ ее вѣкъ, а Лиза, та самая Лиза, которую онъ все таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку,— исчезала какъ бы въ туманѣ. Подали чай; разговоръ сталъ еще непринужденнѣе. Марья Дмитріевна позвонила казачка и велѣла сказать Лизѣ, чтобы она сошла внизъ, если ея головѣ стало легче. Паншинъ, услышавъ имя Лизы, пустился толковать о самопожертвованіи, о томъ, кто болѣе способенъ на жертвы — мужчина или женщина. Марья Дмитріевна тотчасъ

пришла въ волненье, начала утверждать, что женщина болѣе способна, объявила, что она это въ двухъ словахъ докажетъ, запуталась и кончила какимъ-то довольно неудачнымъ сравненіемъ. Варвара Павловна взяла тетрадь нотъ, до половины закрылась ею и, нагнувшись въ сторону Паншина, покусывая бисквитъ, съ спокойной улыбочкой на губахъ и во взорѣ, въ полголоса промолвила: «elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame». Паншинъ немножко испугался и удивился смѣлости Варвары Павловны; но онъ не понялъ, сколько презрѣнія къ нему самому таилось въ этомъ неожиданномъ изліяніи и, позабывъ ласки и преданность Марьи Дмитріевны, позабывъ обѣды, которыми она его кормила, деньги, которыя она ему давала взаймы,—онъ съ той же улыбочкой и тѣмъ же голосомъ возразилъ (несчастный!): «je crois bien»—и даже не: «je crois bien», а—«j'crois ben»!

Варвара Павловна бросила на него дружелюбный взглядъ и встала. Лиза вошла; Мароа Тимоѳеевна напрасно ее удерживала: она рѣшилась выдержать испытаніе до конца. Варвара Павловна пошла ей на встрѣчу вмѣстѣ съ Паншинымъ, на лицѣ котораго появилось прежнее дипломатическое выраженіе.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ Лизу.

— Мнѣ лучше теперь, благодарствуйте, отвѣчала она.

— А мы здѣсь немного занялись музыкой; жаль, что вы не слыхали Варвары Павловны. Она поетъ превосходно, en artiste consommée.

— Пойдите-ка сюда, раздался голосъ Марьи Дмитріевны.

Варвара Павловна тотчасъ, съ покорностью ребенка, подошла къ ней и присѣла на небольшой табуретъ у ея ногъ. Марья Дмитріевна позвала ее для того, чтобы оставить, хотя на мгновенье, свою дочь наединѣ съ Паншинымъ: она все еще втайнѣ надѣялась, что она опомнится. Кромѣ того, ей въ голову пришла мысль, которую ей непремѣнно захотѣлось тотчасъ высказать.

— Знаете ли, шепнула она Варварѣ Павловнѣ: — я хочу попытаться помирить васъ съ вашимъ мужемъ; не отвѣчаю за успѣхъ, но попытаюсь. Онъ меня, вы знаете, очень уважаетъ.

Варвара Павловна медленно подняла глаза на Марью Дмитріевну и красиво сложила руки.

— Вы были бы моей спасительницей, ma tante, проговорила она печальнымъ голосомъ:—я не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ ваши ласки; но я слишкомъ виновата передъ Ѳедоромъ Иванычемъ; онъ простить меня не можетъ.

— Да развѣ вы.... въ самомъ дѣлѣ.... начала было съ любопытствомъ Марья Дмитріевна....

— Не спрашивайте меня, перебила ее Варвара Павловна и потупилась.—Я была молода, легкомысленна.... Впрочемъ, я не хочу оправдываться.

— Ну, все таки, отчего же не попробовать? Не отчаивайтесь, возразила Марья Дмитріевна и хотѣла потрепать ее по щекѣ, но взглянула ей въ лицо—и оробѣла. «Скромна, скромна, подумала она,—а ужь точно львица.»

— Вы больны? говорилъ между тѣмъ Паншинъ Лизѣ.

— Да, я нездорова.

— Я понимаю васъ, промолвилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанья.—Да, я понимаю васъ.

— Какъ?

— Я понимаю васъ, повторилъ значительно Паншинъ, который просто не зналъ, что̀ сказать.

Лиза смутилась, а потомъ подумала: «пусть!» Паншинъ принялъ таинственный видъ и умолкъ, съ строгостью посматривая въ сторону.

— Однако уже, кажется, одиннадцать часовъ пробило, замѣтила Марья Дмитріевна.

Гости поняли намекъ и начали прощаться. Варвара Павловна должна была обѣщать, что пріѣдетъ обѣдать на слѣдующій день и привезетъ Аду; Гедеоновскій, который чуть было не заснулъ, сидя въ углу, вызвался ее проводить до дому. Паншинъ торжественно раскланялся со всѣми, а на крыльцѣ, подсаживая Варвару Павловну въ карету, пожалъ ей руку и закричалъ въ слѣдъ: au revoir! Гедеоновскій сѣлъ съ ней рядомъ; она всю дорогу забавлялась тѣмъ, что ставила будто не нарочно кончикъ своей ножки на его ногу; онъ конфузился, говорилъ ей комплименты; она хихикала и дѣлала ему глазки, когда свѣтъ отъ уличнаго фонаря западалъ въ карету. Съигранный ею самою вальсъ звенѣлъ у ней въ головѣ, волновалъ ее; гдѣ бы она ни находилась, стоило ей только представитъ себѣ

огни, бальную залу, быстрое кружень подъ звуки музыки — и душа въ ней такъ и загоралась, глаза странно меркли, улыбка блуждала по губамъ, что-то граціозно-вакхическое разливалось по всему тѣлу. Пріѣхавши домой, Варвара Павловна легко выскочила изъ кареты — только львицы умѣютъ такъ выскакивать—обернулась къ Гедеоновскому и вдругъ расхохоталась звонкимъ хохотомъ прямо ему въ носъ.

«Любезная особа, — думалъ статскій совѣтникъ, пробираясь къ себѣ на квартиру, гдѣ ожидалъ его слуга со стклянкой оподельдока: — хорошо, что я степенный человѣкъ.... только чему жъ она смѣялась?»

Марфа Тимофеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы.

XLI.

Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ и почти все время пробродилъ по окрестностямъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанья непрестанныхъ, стремительныхъ и безсильныхъ порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ пріѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія и сильно негодовалъ на себя. Что могло оторвать его отъ того, что онъ призналъ своимъ долгомъ, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья—опять-таки жажда счастья!—«Видно Михалевичъ правъ», думалъ онъ. —«Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни, говорилъ онъ самъ себѣ,—ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть онъ доволенъ своей судьбою.... Чтожь? захотѣлъ ли бы ты помѣняться съ нимъ? Вспомни мать свою: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова вышала ей доля? Ты видно только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Россію за тѣмъ, чтобы пахать землю; ты пріѣхалъ волочиться на ста-

рости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ за бабочкой»... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему посреди его размышленій; онъ съ усиліемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невозмутимо-лукавыя, красивыя и ненавистныя черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогѣ, онъ рѣшился подойти къ нему, посовѣтовалъ ему напиться чего-нибудь тепленькаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лаврецкій не могъ сидѣть въ гостинной: ему такъ и чудилось, что прадѣдъ Андрей презрительно глядитъ съ полотна на хилаго своего потомка.—«Эхъ ты! мелко плаваешь!», казалось говорили его на бокъ скрученныя губы. «Неужели же, думалъ онъ,—я не слажу съ собою,—поддамся этому.... вздору?» (Тяжело-раненые на войнѣ всегда называютъ «вздоромъ» свои раны. Не обманывать себя человѣку — не жить ему на землѣ). «Мальчишка я, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастія на всю жизнь—оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лотереѣ — повернись колесо еще немного, и бѣднякъ пожалуй сталъ бы богачемъ. Не бывать, такъ не бывать—и кончено. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать, благо мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я бѣжалъ, зачѣмъ сижу здѣсь, забивши, какъ страусъ, голову въ кустъ? Страшно бѣдѣ въ глаза взглянуть—вздоръ! —«Антонъ! закричалъ онъ громко,—прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ».—«Да, подумалъ онъ опять,—надо велѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя рукавицы»....

Такими-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изо всякаго чувства, Апраксѣя покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали; онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ на дорогу.

XLII.

Лиза наканунѣ написала Лаврецкому, чтобы онъ явился къ нимъ вечеромъ; но онъ сперва отправился къ себѣ на квартиру. Онъ не засталъ дома ни жены, ни дочери; отъ людей онъ узналъ, что она отправилась съ ней къ Калитинымъ. Это извѣстіе и поразило его, и взбѣсило. «Видно, Варвара Павловна рѣшилась не давать мнѣ жить», подумалъ онъ, съ волненіемъ злобы на сердцѣ. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ, безпрестанно отталкивая ногами и руками попадавшіяся ему дѣтскія игрушки, книжки, разныя женскія принадлежности; онъ позвалъ Жюстину и велѣлъ ей убрать весь этотъ «хламъ».—Oui, monsieur, сказала она съ ужимкой и начала прибирать комнату, граціозно наклоняясь и каждымъ своимъ движеніемъ давая Лаврецкому чувствовать, что она считаетъ его за необтесаннаго медвѣдя. Съ ненавистью смотрѣлъ онъ на ея истасканное, но все еще «пикантное», насмѣшливое парижское лицо, на ея бѣлые нарукавнички, шелковый фартукъ и легкій чепчикъ. Онъ услалъ ее наконецъ и, послѣ долгихъ колебаній (Варвара Павловна все не возвращалась), рѣшился отправиться къ Калитинымъ,—не къ Марьѣ Дмитріевнѣ (онъ бы ни за что не вошелъ въ ея гостинную, въ ту гостинную, гдѣ находилась его жена), но къ Маѳѣ Тимофеевнѣ; онъ вспомнилъ, что задняя лѣстница съ дѣвичьяго крыльца вела прямо къ ней. Лаврецкій такъ и сдѣлалъ. Случай помогъ ему: онъ на дворѣ встрѣтилъ Шурочку; она провела его къ Маѳѣ Тимофеевнѣ. Онъ засталъ ее, противъ ея обыкновенія, одну; она сидѣла въ уголку, простоволосая, сгорбленная, съ скрещенными на груди руками. Увидѣвъ Лаврецкаго, старушка очень всполошилась, проворно встала и начала ходить туда и сюда по комнатѣ, какъ будто отыскивая свой чепецъ.

— А, вотъ ты, вотъ, заговорила она, избѣгая его взора и суетясь: — ну, здравствуй. Ну, чтожь? Что же дѣлать? Гдѣ ты былъ вчера? Ну, она пріѣхала, ну да. Ну, надо ужь такъ... какъ-нибудь.

Лаврецкій опустился на стулъ.

— Ну, садись, садись, продолжала старушка. Ты прямо на

верхъ прошелъ? Ну, да, разумѣется. Чтожь? ты на меня пришелъ посмотрѣть? Спасибо.

Старушка помолчала; Лаврецкій не зналъ, что̀ сказать ей; но она его понимала.

— Лиза.... да, Лиза сейчасъ здѣсь была, продолжала Марѳа Тимофеевна, завязывая и развязывая шнурки своего ридикюля. Она не совсѣмъ здорова. Шурочка, гдѣ ты? Поди сюда, мать моя, что̀ это ты посидѣть не можешь? И у меня голова болитъ. Должно быть отъ *эфтаго* отъ пѣнья, да отъ музыки.

— Отъ какого пѣнья, тетушка?

— Да какъ же; тутъ ужь эти они, какъ бишь они по вашему, дуэты пошли. И все по-итальянски: *чи-чи* да *ча-ча*, настоящія сороки. Начнутъ ноты выводить, просто такъ за душу и тянутъ. Паншинъ этотъ, да вотъ твоя. И какъ это все скоро уладилось: ужь точно по родственному, безъ церемоній. А впрочемъ, и то̀ сказать: собака — и та пристанища ищетъ; не пропадать же, благо люди не гонятъ.

— Все-таки, признаюсь, я этого не ожидалъ, возразилъ Лаврецкій:—тутъ смѣлость нужна была большая.

— Нѣтъ, душа моя, это не смѣлость, это разсчетъ. Да Господь съ ней! Ты ее, говорятъ, въ Лаврики посылаешь, правда?

— Да, я предоставляю это имѣнье Варварѣ Павловнѣ.

— Денегъ спрашивала?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, это не затянется. А я тебя только теперь разглядѣла. Здоровъ ты?

— Здоровъ.

— Шурочка, воскликнула вдругъ Марѳа Тимофеевна:—поди-ка скажи Лизаветѣ Михайловнѣ — то-есть, нѣтъ, спроси у ней.... вѣдь она внизу?

— Внизу-съ.

— Ну, да; такъ спроси у ней: куда, молъ, она мою книжку дѣла? она ужь знаетъ.

— Слушаю-съ.

Старушка опять засуетилась, начала раскрывать ящики въ комодѣ. Лаврецкій сидѣлъ неподвижно на своемъ стулѣ.

Вдругъ послышались легкіе шаги по лѣстницѣ—и вошла Лиза.

Лаврецкій всталъ и поклонился; Лиза остановилась у двери.

— Лиза, Лизачка, хлопотливо заговорила Марѳа Тимофеевна:—куда ты мою книжку, книжку куда положила?

— Какую книжку, тетенька?

— Да книжку, Боже мой! Я тебя, впрочемъ, не звала.... Ну, все равно. Что вы тамъ внизу дѣлаете? Вотъ и Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ.—Что твоя голова?

— Ничего.

— Ты все говоришь: ничего. Что у васъ тамъ внизу,—опять музыка?

— Нѣтъ—въ карты играютъ.

— Да, вѣдь она на всѣ руки. Шурочка, я вижу, тебѣ по саду бѣгать хочется. Ступай.

— Да нѣтъ, Марѳа Тимоѳеевна....

— Не разсуждай, пожалуйста, ступай. Настасья Карповна въ садъ пошла одна: ты съ ней побудь. Уважь старуху.—Шурочка вышла.—Да гдѣжь это мой чепецъ? Куда это онъ дѣлся, право?

— Позвольте, я поищу, промолвила Лиза.

— Сиди, сиди; у меня самой ноги еще не отвалились. Должно быть, онъ у меня тамъ въ спальнѣ.

И, бросивъ исподлобья взоръ на Лаврецкаго, Марѳа Тимофеевна удалилась. Она оставила было дверь отворенной; но вдругъ вернулась къ ней и заперла ее.

Лиза прислонилась къ спинкѣ кресла и тихо занесла себѣ руки на лицо; Лаврецкій остался, гдѣ былъ.

— Вотъ какъ мы должны были увидѣться, проговорилъ онъ наконецъ.

Лиза приняла руки отъ лица.

— Да, сказала она глухо:—мы скоро были наказаны.

— Наказаны, повторилъ Лаврецкій.... За что же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклѣй. Лицо ея было блѣдно; слегка раскрытыя губы тоже поблѣднѣли.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— Вы мнѣ написали: все кончено, — прошепталъ онъ:—да, все кончено—прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть—проговорила Лиза:—я рада, что вы пришли; я хотѣла вамъ написать, но этакъ лучше. Только надо скорѣе пользоваться этими минутами. Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Иванычъ, должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить.... все, что было. Вы подумаете — и не откажете мнѣ.

— Лиза, ради Бога—вы требуете невозможнаго. Я готовъ сдѣлать все, что вы прикажете; но *теперь* примириться съ нею!... Я согласенъ на все, я все забылъ; но не могу же я заставить свое сердце... Помилуйте, это жестоко.

— Я и не требую отъ васъ.... того, что вы говорите; не живите съ ней, если вы не можете; но примиритесь, возразила Лиза и снова занесла руку на глаза. — Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для меня.

— Хорошо, проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій: — это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы— въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужь не собираетесь ли вы выйти за Паншина? спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ! промолвила она.

— Ахъ, Лиза, Лиза! воскликнулъ Лаврецкій:—какъ бы мы могли быть счастливы!

Лиза опять взглянула на него.

— Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Иванычъ, что счастіе зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

— Да, потому что вы....

Дверь изъ сосѣдней комнаты быстро растворилась и Марѳа Тимофеевна вошла съ чепцомъ въ рукѣ.

— Насилу нашла, сказала она, становясь между Лаврецкимъ и Лизой.—Сама его заложила. Вотъ что значитъ старость–то, бѣда! А, впрочемъ, и молодость не лучше. Что, ты самъ съ женой въ Лаврики поѣдешь? прибавила она, оборотясь къ Ѳедору Иванычу.

— Съ нею въ Лаврики? я? Не знаю, промолвилъ онъ, погодя немного.

— Ты внизъ не сойдешь?

— Сегодня—нѣтъ.

— Ну, хорошо, какъ знаешь; а тебѣ, Лиза, я думаю, надо бы внизъ пойти. Ахъ, батюшки-свѣты, я и забыла снѣгирю корму насыпать. Да вотъ постойте, я сейчасъ....

И Марѳа Тимофеевна выбѣжала, не надѣвъ чепца.

Лаврецкій быстро подошелъ къ Лизѣ.

— Лиза, началъ онъ умоляющимъ голосомъ:—мы разстаемся навсегда, сердце мое разрывается,—дайте мнѣ вашу руку на прощаніе.

Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ....

— Нѣтъ, промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку:—нѣтъ, Лаврецкій (она въ первый разъ такъ его называла)—не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ. Вы знаете, я васъ люблю.... да, я люблю васъ, прибавила она съ усиліемъ; но нѣтъ.... нѣтъ.

И она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ этотъ платокъ.... Дверь скрыпнула.

— Возьмите, поспѣшно проговорила Лиза.

Платокъ скользнулъ по ея колѣнямъ. Лаврецкій подхватилъ его прежде чѣмъ онъ успѣлъ упасть на полъ, быстро сунулъ его въ боковой карманъ и, обернувшись, встрѣтился глазами съ Марфой Тимофеевной.

— Лизочка, мнѣ кажется, тебя мать зоветъ, промолвила старушка.

Лиза тотчасъ встала и ушла.

Марѳа Тимофеевна опять сѣла въ свой уголокъ. Лаврецкій началъ прощаться съ нею.

— Ѳедя, сказала она вдругъ.

— Что тетушка?

— Ты честный человѣкъ?

— Какъ?

— Я спрашиваю тебя: честный ли ты человѣкъ?

— Надѣюсь, да.

— Гм. А дай мнѣ честное слово, что ты честный человѣкъ.

— Извольте.—Но къ чему это?

— Ужь я знаю, къ чему. Да и ты, мой кормилецъ, коли подумаешь хорошенько, вѣдь ты не глупъ, самъ поймешь, къ чему я это у тебя спрашиваю. А теперь прощай, батюшка. Спасибо, что навѣстилъ; а слово сказанное помни, Ѳедя, да поцалуй меня. Охъ, душа моя, тяжело тебѣ, знаю; да вѣдь и всѣмъ не легко. Ужь на что я, бывало, завидовала мухамъ: вотъ, думала я, кому хорошо на свѣтѣ пожить; да услыхала разъ ночью, какъ муха у паука въ лапкахъ ноетъ,—нѣтъ, думаю, и на нихъ есть гроза. Что дѣлать, Ѳедя; а слово свое все таки помни.—Ступай, ступай.

Лаврецкій вышелъ съ задняго крыльца и уже приближался къ воротамъ.... его нагналъ лакей.

— Марья Дмитріевна приказали просить васъ къ ней пожаловать, доложилъ онъ Лаврецкому.

— Скажи, братецъ, что я не могу теперь.... началъ было Ѳедоръ Иванычъ.

— Приказали очинно просить, продолжалъ лакей: — приказали сказать, что онѣ однѣ.

— А развѣ гости уѣхали? спросилъ Лаврецкій.

— Точно такъ-съ, возразилъ лакей и осклабился.

Лаврецкій пожалъ плечами и отправился вслѣдъ за нимъ.

XLIII.

Марья Дмитріевна сидѣла одна у себя въ кабинетѣ на вольтеровскомъ креслѣ и нюхала одеколонъ; стаканъ воды съ флеръ-д'оранжемъ стоялъ возлѣ нея на столикѣ. Она волновалась и какъ будто трусила.

Лаврецкій вошелъ.

— Вы желали меня видѣть, сказалъ онъ, холодно кланяясь.

— Да, возразила Марья Дмитріевна и отпила немного воды. —Я узнала, что вы прошли прямо къ тетушкѣ; я приказала васъ просить къ себѣ: мнѣ нужно переговорить съ вами. Садитесь пожалуйста. — Марья Дмитріевна перевела дыханіе.— Вы знаете, продолжала она:—ваша жена пріѣхала.

— Это мнѣ извѣстно, промолвилъ Лаврецкій.

— Ну, да, то-есть, я хотѣла сказать: она ко мнѣ пріѣхала, и я приняла ее: вотъ о чемъ я хочу теперь объясниться съ вами, Ѳедоръ Иванычъ. Я, слава Богу, заслужила, могу сказать, всеобщее уваженіе, и ничего неприличнаго ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю. Хоть я и предвидѣла, что это будетъ вамъ непріятно, однако я не рѣшилась отказать ей, Ѳедоръ Иванычъ; она мнѣ родственница — по васъ; войдите въ мое положеніе, какое же я имѣла право отказать ей отъ дома,— согласитесь?

— Вы напрасно волнуетесь, Марья Дмитріевна, возразилъ Лаврецкій: вы очень хорошо сдѣлали; я нисколько не сержусь. Я вовсе не намѣренъ лишать Варвару Павловну возможности видѣть своихъ знакомыхъ; сегодня я не вошелъ къ вамъ только потому, что не хотѣлъ встрѣтиться съ нею—вотъ и все.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, Ѳедоръ Иванычъ, воскликнула Марья Дмитріевна:—впрочемъ, я всегда этого ожидала отъ вашихъ благородныхъ чувствъ. А что я волнуюсь—это не удивительно: я женщина и мать. А ваша супруга.... конечно, я не могу судить васъ съ нею—это я ей самой сказала; но она такая любезная дама, что кромѣ удовольствія ничего доставить не можетъ.

Лаврецкій усмѣхнулся и поигралъ шляпой.

— И вотъ что я хотѣла вамъ еще сказать, Ѳедоръ Иванычъ, продолжала Марья Дмитріевна, слегка подвигаясь къ нему: — еслибъ вы видѣли, какъ она скромно себя держитъ, какъ почтительна! — Право, это даже трогательно. А еслибъ вы слышали, какъ она объ васъ отзывается! Я, говоритъ, передъ нимъ кругомъ виновата; я, говоритъ, не умѣла цѣнить его, говоритъ; это, говоритъ, ангелъ, а не человѣкъ. Право, такъ и говоритъ: ангелъ. Раскаяніе у ней такое.... Я, ей-Богу, и не видывала такого раскаянія!

— А что, Марья Дмитріевна, промолвилъ Лаврецкій:—позвольте полюбопытствовать: говорятъ, Варвара Павловна у васъ пѣла; во время своего раскаянія она пѣла,—или какъ?...

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Она пѣла и играла для того только, чтобы сдѣлать мнѣ угодное, потому что я настоятельно ее просила объ этомъ, почти приказывала ей. Я

вижу, что ей тяжело, такъ тяжело; думаю, чѣмъ бы ее развлечь, — да и слышала-то я, что талантъ у ней такой прекрасный!—Помилуйте, Ѳедоръ Иванычъ, она совсѣмъ уничтожена, спросите хоть Сергѣя Петровича; убитая женщина, tout-a-fait, что́ вы это?

Лаврецкій только плечами пожалъ.

— А потомъ, что это у васъ за ангелочикъ эта Адочка, что за прелесть!—Какъ она мила, какая умненькая; по-французски какъ говоритъ; и по-русски понимаетъ—меня тетенькой назвала. И знаете ли, эдакъ, чтобы дичиться, какъ всѣ почти дѣти въ ея годы дичатся,—совсѣмъ этого нѣтъ. На васъ такъ похожа, Ѳедоръ Иванычъ, что ужасъ. Глаза, брови.... ну,— вы, какъ есть — вы. Я маленькихъ такихъ дѣтей не очень люблю, признаться; но въ вашу дочку просто влюбилась.

— Марья Дмитріевна, произнесъ вдругъ Лаврецкій. Позвольте васъ спросить, для чего вы это все мнѣ говорить изволите?

— Для чего?—Марья Дмитріевна опять понюхала одеколонъ и отпила воды.—А для того, Ѳедоръ Иванычъ, я это говорю, что.... вѣдь я вамъ родственница, я принимаю въ васъ самое близкое участіе.... я знаю, сердце у васъ добрѣйшее. Послушайте, mon cousin,—я все таки женщина опытная и не буду говорить на вѣтеръ: простите, простите вашу жену.—Глаза Марьи Дмитріевны вдругъ наполнились слезами.—Подумайте, молодость, неопытность.... ну, можетъ быть, дурной примѣръ; не было такой матери, которая наставила бы ее на путь. Простите ее, Ѳедоръ Иванычъ, она довольно была наказана.

Слезы закапали по щекамъ Марьи Дмитріевны; она не утирала ихъ: она любила плакать. Лаврецкій сидѣлъ, какъ на угольяхъ. «Боже мой, думалъ онъ,—что же это за пытка, что за день мнѣ выдался сегодня!»

— Вы не отвѣчаете, заговорила снова Марья Дмитріевна:— какъ я должна васъ понять?—Неужели вы можете быть такъ жестоки? Нѣтъ, я этому вѣрить не хочу. Я чувствую, что мои слова васъ убѣдили. Ѳедоръ Иванычъ, Богъ васъ наградитъ за вашу доброту, а вы примите теперь изъ рукъ моихъ вашу жену....

Лаврецкій невольно поднялся со стула; Марья Дмитріевна

тоже встала и, проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну. Блѣдная, полуживая, съ опущенными глазами, она, казалось, отреклась отъ всякой собственной мысли, отъ всякой воли—отдалась вся въ руки Марьи Дмитріевны.

Лаврецкій отступилъ шагъ назадъ.

— Вы были здѣсь! воскликнулъ онъ.

— Не вините ея, поспѣшно проговорила Марья Дмитріевна: —она ни за что не хотѣла остаться, но я приказала ей остаться, я посадила ее за ширмы. Она увѣряла меня, что это еще больше васъ разсердитъ; я и слушать ее не стала; я лучше ея васъ знаю. Примите же изъ рукъ моихъ вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите къ вашему мужу (она дернула ее за руку) — и мое благословленіе...

— Постойте, Марья Дмитріевна, перебилъ ее Лаврецкій глухимъ, но потрясающимъ голосомъ.— Вы, вѣроятно, любите чувствительныя сцены (Лаврецкій не ошибался: Марья Дмитріевна еще съ института сохранила страсть къ нѣкоторой театральности); онѣ васъ забавляютъ; но другимъ отъ нихъ плохо приходится. Впрочемъ, я съ вами говорить не буду: въ *этой* сценѣ не вы главное дѣйствующее лицо. Что *вы* хотите отъ меня, сударыня? прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ. Не сдѣлалъ ли я для васъ, что могъ? Не возражайте мнѣ, что не вы затѣяли это свиданіе; я вамъ не повѣрю, — и вы знаете, что я вамъ вѣрить не могу. Что же вы хотите? Вы умны,— вы ничего не дѣлаете безъ цѣли. Вы должны понять, что жить съ вами, какъ я жилъ прежде,—я не въ состояніи, не оттого, что я на васъ сержусь, а оттого, что я сталъ другимъ человѣкомъ. Я сказалъ вамъ это на второй же день вашего возвращенія, и вы сами, въ это мгновенье, въ душѣ со мной согласны. Но вы желаете возстановить себя въ общемъ мнѣніи; вамъ мало жить у меня въ домѣ, вы желаете жить со мной подъ одной кровлей—не правда ли?

— Я желаю, чтобы вы меня простили, проговорила Варвара Павловна, не поднимая глазъ.

— Она желаетъ, чтобы вы ее простили, повторила Марья Дмитріевна.

— И не для себя, для Ады, шепнула Варвара Павловна.

— Не для нея, для вашей Ады, повторила Марья Дмитріевна.

— Прекрасно. Вы этого хотите? произнесъ съ усиліемъ Лаврецкій. Извольте, я и на это согласенъ.

Варвара Павловна бросила на него быстрый взоръ, а Марья Дмитріевна воскликнула:—Ну, слава Богу!—и опять потянула Варвару Павловну за руку. Примите же теперь отъ меня....

— Постойте, говорю вамъ, перебилъ ее Лаврецкій. Я соглашаюсь жить съ вами, Варвара Павловна,—продолжалъ онъ, — то есть я васъ привезу въ Лаврики и проживу съ вами, сколько силъ хватитъ, — а потомъ уѣду — и буду наѣзжать. Вы видите, я васъ обманывать не хочу; но не требуйте больше ничего. Вы бы сами разсмѣялись, если бы я исполнилъ желаніе почтенной нашей родственницы и прижалъ бы васъ къ своему сердцу, сталъ бы увѣрять васъ, что.... что прошедшаго не было, что срубленное дерево опять зацвѣтетъ. Но я вижу: надо покориться. Вы это слово не такъ поймете.... это все равно. Повторяю, я буду жить съ вами.... или, нѣтъ, я этого обѣщать не могу.... Я сойдусь съ вами, буду васъ снова считать моей женой....

— Дайте же ей по крайней мѣрѣ на томъ руку, промолвила Марья Дмитріевна, у которой давно высохли слезы.

— Я до сихъ поръ не обманывалъ Варвару Павловну, возразилъ Лаврецкій: — она мнѣ повѣритъ и такъ. Я ее отвезу въ Лаврики, — и помните, Варвара Павловна: уговоръ нашъ будетъ считаться нарушеннымъ, какъ только вы выѣдете оттуда. А теперь позвольте мнѣ удалиться.

Онъ поклонился обѣимъ дамамъ и торопливо вышелъ вонъ.

— Вы не берете ея съ собою, крикнула ему вслѣдъ Марья Дмитріевна.... — Оставьте его, шепнула ей Варвара Павловна и тотчасъ же обняла ее, начала ее благодарить, цаловать у ней руки, называть ее своей спасительницей.

Марья Дмитріевна снисходительно принимала ея ласки; но въ душѣ она не была довольна ни Лаврецкимъ, ни Варварой Павловной, ни всей подготовленной ею сценой. Чувствительности вышло мало; Варвара Павловна, по ея мнѣнію, должна была броситься къ ногамъ мужа.

— Какъ это вы меня не поняли? толковала она: — вѣдь я вамъ сказала: припадите.

— Эдакъ лучше, милая тетушка; не безпокойтесь — все прекрасно, твердила Варвара Павловна.

— Ну, да вѣдь и онъ — холодный, какъ ледъ, замѣтила Марья Дмитріевна. Положимъ, вы не плакали, да вѣдь я передъ нимъ разливалась. Въ Лаврикахъ запереть васъ хочетъ. Чтожь,—и ко мнѣ вамъ нельзя будетъ ѣздить? Всѣ мужчины безчувственны, сказала она въ заключеніе и значительно покачала головой.

— За то женщины умѣютъ цѣнить доброту и великодушіе, промолвила Варвара Павловна и, тихонько опустившись на колѣни передъ Марьей Дмитріевной, обняла ея полный станъ руками и прижалась къ ней лицомъ. Лицо это втихомолку улыбалось, а у Марьи Дмитріевны опять закапали слезы.

А Лаврецкій отправился къ себѣ, заперся въ комнаткѣ своего камердинера, бросился на диванъ и пролежалъ такъ до утра.

XLIV.

На слѣдующій день было воскресенье. Колокольный звонъ къ ранней обѣднѣ не разбудилъ Лаврецкаго— онъ не смыкалъ глазъ всю ночь—но напомнилъ ему другое воскресенье, когда онъ, по желанію Лизы, ходилъ въ церковь. Онъ поспѣшно всталъ; какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что онъ и сегодня увидитъ ее тамъ же. Онъ безъ шума вышелъ изъ дома, велѣлъ сказать Варварѣ Павловнѣ, которая еще спала, что онъ вернется къ обѣду, и большими шагами направился туда, куда звалъ его однообразно-печальный звонъ. Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дьячокъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно гудѣлъ, то упадая, то вздуваясь. Лаврецкій помѣстился недалеко отъ входа. Богомольцы приходили по одиночкѣ, останавливались, крестились, кланялись на всѣ стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капишономъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась;

ея беззубое, желтое, сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красные глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образа иконостаса; костлявая рука безпрестанно выходила изъ капота и медленно и крѣпко клала большой широкій крестъ. Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ каждаго поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что̀ съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него.... «Сынъ померъ», произнесъ онъ скороговоркой, — и снова принялся класть поклоны.... «Что̀ для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви»,— подумалъ Лаврецкій,—и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко. Онъ все ждалъ Лизы,—но Лиза не приходила. Церковь стала наполняться народомъ; ея все не было. Обѣдня началась, дьяконъ уже прочиталъ Евангеліе, зазвонили къ Достойной; Лаврецкій подвинулся немного впередъ—и вдругъ увидѣлъ Лизу. Она пришла раньше его, но онъ ея не замѣтилъ; прижавшись въ промежуточекъ между стѣной и клиросомъ, она не оглядывалась, не шевелилась. Лаврецкій не свелъ съ нея глазъ до самаго конца обѣдни: онъ прощался съ нею. Народъ сталъ расходиться, а она все стояла; казалось, она ожидала ухода Лаврецкаго. Наконецъ, она перекрестилась въ послѣдній разъ и пошла, не оборачиваясь; съ ней была одна горничная. Лаврецкій вышелъ вслѣдъ за ней изъ церкви и догналъ ее на улицѣ; она шла очень скоро, наклонивъ голову и спустивъ вуаль на лицо.

— Здравствуйте, Лизета Михайловна, сказалъ онъ громко съ насильственной развязностью:—можно васъ проводить?

Она ничего не сказала; онъ отправился съ ней рядомъ.

— Довольны вы мной? спросилъ онъ ее, понизивъ голосъ. Вы слышали, что̀ вчера произошло?

— Да, да, проговорила она шопотомъ: — это хорошо.

И она пошла еще быстрѣй.

— Вы довольны?

Лиза только головой кивнула.

— Ѳедоръ Иванычъ, начала она спокойнымъ, но слабымъ голосомъ: — я хотѣла васъ просить: не приходите больше къ намъ, уѣзжайте поскорѣй; мы можемъ послѣ увидѣться,— когда нибудь, черезъ годъ. А теперь, сдѣлайте это для меня; исполните мою просьбу, ради Бога.

— Я вамъ во всемъ готовъ повиноваться, Лизавета Михайловна; но неужели мы такъ должны разстаться: неужели вы мнѣ не скажете ни одного слова?...

— Ѳедоръ Иванычъ, вотъ вы теперь идете возлѣ меня.... А ужь вы такъ далеко, далеко отъ меня. И не вы одни, а....

— Договаривайте, прошу васъ! воскликнулъ Лаврецкій: — что́ вы хотите сказать?

— Вы услышите, можетъ быть.... но что́ бы ни было, забудьте.... нѣтъ, не забывайте меня, помните обо мнѣ.

— Мнѣ васъ забыть....

— Довольно, прощайте. Нейдите за мной.

— Лиза, началъ-было Лаврецкій ...

— Прощайте, прощайте! повторила она, еще ниже спустила вуаль и почти бѣгомъ пустилась впередъ.

— Лаврецкій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, понуривъ голову, отправился назадъ по улицѣ. Онъ наткнулся на Лемма, который тоже шелъ, надвинувъ шляпу на носъ и глядя себѣ подъ ноги.

Они молча посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, что́ скажете? проговорилъ наконецъ Лаврецкій.

— Что́ я скажу? угрюмо возразилъ Леммъ: — ничего я не скажу. Все умерло, и мы умерли. (Alles ist todt und wir sind todt). Вѣдь вамъ направо идти?

— Направо.

— А мнѣ налѣво. Прощайте.

—

На слѣдующее утро Ѳедоръ Иванычъ съ женою отправился въ Лаврики. Она ѣхала впередъ въ каретѣ, съ Адой и съ Жюстиной; онъ сзади — въ тарантасѣ. Хорошенькая дѣвочка все время дороги не отходила отъ окна кареты; она удивлялась всему: мужикамъ, бабамъ, избамъ, колодцамъ, дугамъ,

колокольчикамъ и множеству грачей: Жюстина раздѣляла ея удивленіе; Варвара Павловна смѣялась ихъ замѣчаніямъ и восклицаніямъ. Она была въ духѣ; передъ отъѣздомъ изъ города О. она имѣла объясненіе съ своимъ мужемъ.

— Я понимаю ваше положеніе, сказала она ему,— и онъ, по выраженію ея умныхъ глазъ, могъ заключить, что она понимала его положеніе вполнѣ; — но вы отдадите мнѣ хоть ту справедливость, что со мной легко живется; я не стану вамъ навязываться, стѣснять васъ; я хотѣла обезпечить будущность Ады; больше мнѣ ничего не нужно.

— Да, вы достигли всѣхъ вашихъ цѣлей, промолвилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Я объ одномъ только мечтаю теперь: зарыться навсегда въ глуши; я буду вѣчно помнить ваши благодѣянія....

— Фи! полноте, перебилъ онъ ее.

— И съумѣю уважать вашу независимость и вашъ покой, докончила она свою приготовленную фразу.

Лаврецкій ей низко поклонился. Варвара Павловна поняла, что мужъ въ душѣ благодарилъ ее.

На второй день къ вечеру прибыли они въ Лаврики; недѣлю спустя, Лаврецкій отправился въ Москву, оставивъ женѣ тысячъ пять на прожитокъ; а на другой день послѣ отъѣзда Лаврецкаго, явился Паншинъ, котораго Варвара Павловна просила не забывать ее въ уединеніи. Она его приняла какъ нельзя лучше, и до поздней ночи высокія комнаты дома и самый садъ оглашались звуками музыки, пѣнья и веселыхъ французскихъ рѣчей. Три дня прогостилъ Паншинъ у Варвары Павловны; прощаясь съ нею и крѣпко пожимая ея прекрасныя руки, онъ обѣщался очень скоро вернуться—и сдержалъ свое обѣщаніе.

XLV

и послѣдняя.

У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и предъ окнами, съ маленькимъ

письменнымъ столомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Мароа Тимофеевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, промолвила Мароа Тимофеевна, низко наклоняясь къ горшку съ молодымъ розаномъ.—Какъ славно пахнетъ!

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово? прошептала она.

— Какое слово, какое? съ живостью подхватила старушка.— Что ты хочешь сказать? Это ужасно, заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиной кроваткѣ:—это сверхъ силъ моихъ; четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю,—не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь,— не могу, не могу.

— Да что съ вами, тетушка? промолвила Лиза:—я ничего....

— Ничего? воскликнула Мароа Тимофеевна:—это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя, что ты сдѣлала съ своимъ лицомъ, куда глаза свои дѣвала?—Ничего! развѣ я не все знаю?

— Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Боже, мой Владыко! неужели ты такъ его полюбила? да вѣдь онъ старикъ, Лизачка.

Ну, я не спорю, онъ хорошій человѣкъ, не кусается; да вѣдь чтожь такое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, этого добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.

— Слушай, Лизачка, что́ я тебѣ скажу, промолвила вдругъ Марѳа Тимофеевна, усаживая Лизу подлѣ себя на кровати и поправляя то ея волосы, то косынку.—Это тебѣ только такъ сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа моя, на одну смерть лекарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: «не поддамся–молъ я,—ну его!» и сама потомъ, какъ диву дашься,—какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка, возразила Лиза:—оно уже прошло; все прошло!

— Прошло! какое прошло! Вотъ у тебя носикъ даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!

— Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь, произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Марѳы Тимофеевны.—Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ, не сердитесь, поймите меня....

— Да что́ такое, что́ такое, мать моя? Не пугай меня ножалуйста; я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня; говори скорѣе, что́ такое!

— Я.... я хочу.... Лиза спрятала свое лицо на груди Марѳы Тимофеевны...—Я хочу идти въ монастырь, проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка; опомнись: что́ ты это, Богъ съ тобою, пролепетала она наконецъ:—лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.

Лиза подняла голову; щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка, промолвила она:—не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ недаромъ; да я ужь не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки; но дѣлать нечего; чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже

со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду....

Маpоа Тимофеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу. «Она больна, бредитъ, думала она:—надо послать за докторомъ, да за какимъ? Гедеоновскій намедни хвалилъ какого-то; онъ все вретъ—а, можетъ быть, на этотъ разъ и правду сказалъ». Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ, когда на всѣ ея возраженья Лиза постоянно отвѣчала однимъ и тѣмъ же, Маpоа Тимофеевна испугалась и опечалилась не на шутку.—Да вѣдь ты не знаешь, голубушка ты моя, начала она ее уговаривать:—какова жизнь-то въ монастыряхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслищемъ конопляным зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ толстое-претолстое; по холоду ходить заставятъ; вѣдь ты всего этого не перенесешь, Лизачка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила, и въ свое удовольствіе пожила; поживи и ты. Дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть спокойно, а тамъ дѣлай, что хочешь. И ктожь это видывалъ, чтобъ изъ-за эдакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ такъ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебенъ отслужи, да не надѣвай ты чернаго шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя....

И Маpоа Тимофеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной. Съ отчаянья Маpоа Тимофеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери.... но и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки, Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; за то Маpоа Тимофеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны, если черезъ шесть мѣсяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенья.

—

Съ наступившими первыми холодами, Варвара Павловна, не

смотря на свое обѣщаніе зарыться въ глуши, запасшись денежками, переселилась въ Петербургъ, гдѣ наняла скромную, но миленькую квартиру, отысканную для нея Паншинымъ, который еще раньше ея покинулъ О....скую губернію. Въ послѣднее время своего пребыванія въ О, онъ совершенно лишился расположенія Марьи Дмитріевны; онъ вдругъ пересталъ ее посѣщать и почти не выѣзжалъ изъ Лавриковъ. Варвара Павловна его поработила; именно поработила: другимъ словомъ нельзя выразить ея неограниченную, безвозвратную, безотвѣтную власть надъ нимъ.

Лаврецкій прожилъ зиму въ Москвѣ, а весною слѣдующаго года дошла до него вѣсть, что Лиза постриглась въ Б.....мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло восемь лѣтъ. Опять настала весна.... Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о судьбѣ Михалевича, Паншина, г-жи Лаврецкій,—и разстанемся съ ними. Михалевичъ, послѣ долгихъ странствованій, попалъ, наконецъ, на настоящее свое дѣло: онъ получилъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Онъ очень доволенъ своей судьбой, и воспитанники его «обожаютъ», хотя и передразниваютъ его. Паншинъ сильно подвинулся въ чинахъ и мѣтитъ уже въ директоры; ходитъ нѣсколько согнувшись; должно быть, Владимірскій крестъ, пожалованный ему на шею, оттягиваетъ его впередъ. Чиновникъ въ немъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ художникомъ; его все еще моложавое лицо пожелтѣло, волосы порѣдѣли и онъ уже не поетъ, не рисуетъ, но втайнѣ занимается литературой: написалъ комедійку, въ родѣ «пословицъ»,—и такъ какъ теперь всѣ пишущіе непремѣнно «выводятъ» кого-нибудь или что-нибудь, то и онъ вывелъ въ ней кокетку и читаетъ ее исподтишка двумъ-тремъ благоволящемъ къ нему дамамъ. Въ бракъ онъ однако не вступилъ, хотя много представлялось къ тому прекрасныхъ случаевъ: въ этомъ виновата Варвара Павловна. Что касается до нея, то она по прежнему постоянно живетъ въ Парижѣ: Ѳедоръ Иванычъ далъ ей на себя век-

сель и откупился отъ нея, отъ возможности вторичнаго неожиданнаго наѣзда. Она постарѣла и потолстѣла, но все еще мила и изящна. У каждаго человѣка есть свой идеалъ; Варвара Павловна нашла свой—въ драматическихъ произведеніяхъ г–на Дюма–сына. Она прилежно посѣщаетъ театръ, гдѣ выводятся на сцену чахоточныя и чувствительныя камеліи; быть г-жею Дошъ кажется ей верхомъ человѣческаго благополучія: она однажды объявила, что не желаетъ для своей дочери лучшей участи. Должно надѣяться, что судьба избавитъ mademoiselle Ada отъ подобнаго благополучія: изъ румянаго, пухлаго ребенка она превратилась въ слабогрудую, блѣдненькую дѣвочку; нервы ея уже разстроены. Число поклонниковъ Варвары Павловны уменьшилось, но они не перевелись; нѣкоторыхъ она, вѣроятно, сохранитъ до конца своей жизни. Самымъ рьянымъ изъ нихъ въ послѣднее время былъ нѣкто Закурдало-Скубырниковъ, изъ отставныхъ гвардейскихъ усоносовъ, человѣкъ лѣтъ тридцати–восьми, необыкновенной крѣпости сложенія. Французскіе посѣтители салона г–жи Лаврецкой называютъ его «le gros taureau de l'Ukraïne»; Варвара Павловна никогда не приглашаетъ его на свои модные вечера, но онъ пользуется ея благорасположеніемъ вполнѣ.

И такъ.... прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяющимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и запѣло. Городъ О. мало измѣнился въ теченіе этихъ восьми лѣтъ; но домъ Марьи Дмитріевны какъ будто помолодѣлъ: его недавно–выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтно, и стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блестѣли на заходившемъ солнце: изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Марѳа Тимофеевна не долго пережила свою племянницу; рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы.... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ.

Но домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную, красивую дѣвушку, и ея женихъ—бѣлокурый гусарскій офицеръ; сынъ Марьи Дмитріевны, только-что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну въ О..., сестра его жены, шестнадцати-лѣтняя институтка въ алыми щеками и ясными глазками, Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая — вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подъ-ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ нѣкогда важно расхаживала зажирѣвшая Роска, двѣ ляговыхъ собаки бѣшено возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженью сосѣдей, «порядки небывалые».

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху Леночки, было всего двадцать четыре года) занимались немногосложной, но, судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки тоже бѣгали и лаяли, и висѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами канарейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подъѣхалъ загрязненный тарантасъ, и человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, въ дорожномъ платьѣ, вылѣзъ изъ него и остановился въ изумленьи. Онъ постоялъ нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взобрался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ; но дверь залы быстро распахнулось;—изъ нея, вся раскраснѣвшаяся, выскочила Шурочка—и мгновенно, вслѣдъ за ней, съ звонкимъ крикомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла, при видѣ незнакомаго; но свѣтлые глаза, устремленные на него, глядѣли также ласково, свѣжія лица не перестали смѣяться. — Сынъ Марьи Дмит-

ріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно?

— Я Лаврецкій, промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ — и не потому, чтобы вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника, а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили; Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко—и она непремѣнно его бы узнала, и представила ему все остальное общество, называя каждаго, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостинную. Обои въ обѣихъ комнатахъ были другіе, но мебель уцѣлѣла; Лаврецкій узналъ фортепьяно; даже пяльцы у окна стояли тѣже, въ томъ же положеніи—и чуть ли не съ тѣмъ же неконченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, разсказы посыпались наперерывъ.

— А давно мы васъ не видали, наивно замѣтила Леночка:— и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! поспѣшно подхватилъ ея братъ. — Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Ѳедоръ Иванычъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Мароа Тимофеевна, промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна, возразила Леночка: — и мосьё Леммъ....

— Какъ? и Леммъ умеръ? спросилъ Лаврецкій.

— Да, отвѣчалъ молодой Калитинъ: — онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу; говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете,—музыки послѣ него не осталось?

— Не знаю; едва ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодыя лица.

— А Матроска живъ,—заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ,—прибавилъ ея братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и лжетъ попрежнему, продолжалъ сынъ Марьи Дмитріевны:—и вообразите, вотъ эта егоза (онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табакерку насыпала.

— Какъ онъ чихалъ! воскликнула Леночка — и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы объ Лизѣ недавно имѣли вѣсти, промолвилъ молодой Калитинъ—и опять кругомъ все притихло: — ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той же обители? спросилъ не безъ усилія Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ пишетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ черезъ людей вѣсти доходятъ. Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; «вотъ, тихій ангелъ пролетѣлъ», подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ? обратился Калитинъ къ Лаврецкому:—онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что́ бросилось ему въ глаза—была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновеній; она почернѣла, искривилась; но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ сладости, и въ горести, — чувство живой грусти объ изчезнувшей молодости, о счастьи, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодежью прошелся онъ по аллеямъ: липы немного постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла—вскрикнула вдругъ Леночка, войдя на небольшую зеленую поляну, окруженную липами:—насъ, кстати, пятеро.

— А Ѳедора Ивановича ты забыла? замѣтилъ ей братъ.... Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Ѳедоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ.... начала она.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій:— не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего; у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью,—точно имъ учитель урокъ прочелъ,—и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ по серединѣ— и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ; раздался слабый, но чистый звукъ и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостинную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія; но грусть о ней была томительна и нелегка; въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладана. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьи, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и—къ чему таить правду?—постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно и почти смѣшно; тотъ

уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ—и на этомъ дорогомъ мѣстѣ передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья,—онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодаго поколѣнія,—оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего. «Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы», думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ:—«жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить, вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣляло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать,—и благословенія нашего брата старика будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегоднишняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!»

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился; его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

—

«И конецъ?» спроситъ, можетъ быть, неудовлетворенный читатель. «А что же сталось потомъ съ Лаврецкимъ? Съ Лизой?» Но что сказать о людяхъ еще живыхъ, но уже сошедшихъ съ земнаго поприща, зачѣмъ возвращаться къ нимъ? Го-

ворятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза — и увидалъ ее. Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него; прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини—и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лице — и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые чотками, еще крѣпче прижались другъ къ другу. Что̀ подумали, что̀ почувствовали оба? Кто узнаетъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенія въ жизни, такія чувства.... На нихъ можно только указать — и пройти мимо.

1858 г.

НАКАНУНѢ.

НАКАНУНѢ.

I.

Въ тѣни высокой липы, на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Кунцова, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней 1853 года, лежали на травѣ два молодыхъ человѣка. Одинъ, на видъ лѣтъ двадцати-трехъ, высокаго роста, черномазый, съ острымъ и немного кривымъ носомъ, высокимъ лбомъ и сдержанною улыбкой на широкихъ губахъ, лежалъ на спинѣ и задумчиво глядѣлъ вдаль, слегка прищуривъ свои небольшіе сѣрые глазки; другой лежалъ на груди, подперевъ обѣими руками кудрявую бѣлокурую голову, и тоже глядѣлъ куда-то вдаль. Онъ былъ тремя годами старше своего товарища, но казался гораздо моложе: усы его едва пробились и на подбородкѣ вился легкій пухъ. Было что-то дѣтски-миловидное, что-то привлекательно-изящное въ мелкихъ чертахъ его свѣжаго, круглаго лица, въ его сладкихъ, карихъ глазахъ, красивыхъ, выпуклыхъ губкахъ и бѣлыхъ ручкахъ. Все въ немъ дышало счастливою веселостью здоровья, дышало молодостью, безпечностью, самонадѣянностью, избалованностью, прелестью молодости. Онъ и поводилъ глазами, и улыбался, и подпиралъ голову, какъ это дѣлаютъ мальчики, которые знаютъ, что на нихъ охотно заглядываются. На немъ было просторное бѣлое

пальто въ родѣ блузы; голубой платокъ охватывалъ его тонкую шею, измятая соломенная шляпа валялась въ травѣ возлѣ него.

Въ сравненіи съ нимъ его товарищъ казался старикомъ, и никто бы не подумалъ, глядя на его угловатую фигуру, что и онъ наслаждается, что и ему хорошо. Онъ лежалъ неловко; его большая, къ верху широкая, къ низу заостренная голова неловко сидѣла на длинной шеѣ; неловкость сказывалась въ самомъ положеніи его рукъ, его туловища, плотно охваченнаго короткимъ чернымъ сюртучкомъ, его длинныхъ ногъ съ поднятыми колѣнями, подобныхъ заднимъ ножкамъ стрекозы. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя было не признать въ немъ хорошо воспитаннаго человѣка; отпечатокъ «порядочности» замѣчался во всемъ его неуклюжемъ существѣ, и лицо его, некрасивое и даже нѣсколько смѣшное, выражало привычку мыслить и доброту. Звали его Андреемъ Петровичемъ Берсеневымъ; его товарищъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, прозывался Шубинымъ, Павломъ Яковличемъ.

— Отчего ты не лежишь, какъ я, на груди? началъ Шубинъ. Такъ гораздо лучше. Особенно когда поднимешь ноги и стучишь каблуками дружку о дружку — вотъ такъ. Трава подъ носомъ: надоѣстъ глазѣть на пейзажъ, смотри на какую-нибудь пузатую козявку, какъ она ползетъ по былинкѣ, или на муравья, какъ онъ суетится. Право такъ лучше. А то ты принялъ теперь какую-то псевдо-классическую позу, ни дать, ни взять танцовщица въ балетѣ, когда она облакачивается на картонный утесъ. Ты вспомни, что ты теперь имѣешь полное право отдыхать. Шутка сказать: вышелъ третьимъ кандидатомъ! Отдохните, сэръ; перестаньте напрягаться, раскиньте свои члены!

Шубинъ произнесъ всю эту рѣчь въ носъ, полу-лѣниво, полу-шутливо (балованныя дѣти говорятъ такъ съ друзьями дома, которые привозятъ имъ конфекты), и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:

— Меня больше всего поражаетъ въ муравьяхъ, жукахъ и другихъ господахъ насѣкомыхъ ихъ удивительная серьезность: бѣгаютъ взадъ и впередъ съ такими важными физіономіями, точно и ихъ жизнь что-то значитъ! Помилуйте, человѣкъ, царь

созданья, существо высшее, на нихъ взираетъ, а имъ и дѣла до него нѣтъ: еще, пожалуй, иной комаръ сядетъ на носъ царю созданія и станетъ употреблять его себѣ въ пищу. Это обидно. А съ другой стороны, чѣмъ ихъ жизнь хуже нашей жизни? И отчего же имъ не важничать, если мы позволяемъ себѣ важничать? Ну-ка, философъ, разрѣши мнѣ эту задачу! Что жь ты молчишь? А?

— Что?... проговорилъ, встрепенувшись, Берсеневъ.

— Что! повторилъ Шубинъ. Твой другъ излагаетъ передъ тобою глубокія мысли, а ты его не слушаешь.

— Я любовался видомъ. Посмотри, какъ эти поля горячо блестятъ на солнцѣ! (Берсеневъ немного пришепетывалъ.)

— Важный пущенъ колеръ, промолвилъ Шубинъ. — Одно слово, натура!

Берсеневъ покачалъ головой.

Тебѣ бы еще больше меня слѣдовало восхищаться всѣмъ этимъ. Это по твоей части: ты артистъ.

— Нѣтъ-съ; это не по моей части-съ, возразилъ Шубинъ, и надѣлъ шляпу на затылокъ. — Я мясникъ-съ; мое дѣло — мясо, мясо лѣпить, плечи, ноги, руки, а тутъ и формы нѣтъ, законченности нѣтъ, разъѣхалось во всѣ стороны.... Пойди, поймай!

— Да вѣдь и тутъ красота, замѣтилъ Берсеневъ.—Кстати, кончилъ ты свой барельефъ?

— Какой?

— Ребенка съ козломъ.

— Къ чорту! къ чорту! къ чорту! воскликнулъ на распѣвъ Шубинъ.—Посмотрѣлъ на настоящихъ, на стариковъ, на антики, да и разбилъ свою чепуху. Ты указываешь мнѣ на природу и говоришь: «И тутъ красота». Конечно, во всемъ красота, даже и въ твоемъ носѣ красота, да за всякою красотой не угоняешься. Старики — тѣ за ней и не гонялись; она сама сходила въ ихъ созданія: откуда, Богъ вѣсть, съ неба, что-ли. Имъ весь міръ принадлежалъ; намъ такъ широко распространяться не приходится: коротки руки. Мы закидываемъ удочку на одной точечкѣ, да и караулимъ. Клюнетъ, браво! а не клюнетъ....

Шубинъ высунулъ языкъ.

— Постой, постой, возразилъ Берсеневъ. Это парадоксъ. Если ты не будешь сочувствовать красотѣ, любить ее всюду, гдѣ бы ты ея ни встрѣтилъ, такъ она тебѣ и въ твоемъ искусствѣ не дастся. Если прекрасный видъ, прекрасная музыка ничего не говорятъ твоей душѣ, я хочу сказать, если ты имъ не сочувствуешь....

— Эхъ, ты, сочувственникъ! брякнулъ Шубинъ и самъ засмѣялся новоизобрѣтенному слову, а Берсеневъ задумался.— Нѣтъ, братъ, продолжалъ Шубинъ, ты умница, философъ, третій кандидатъ Московскаго университета, съ тобой спорить страшно, особенно мнѣ, недоучившемуся студенту; но я тебѣ вотъ что скажу: кромѣ своего искусства, я люблю красоту только въ женщинахъ.... въ дѣвушкахъ, да и то съ нѣкоторыхъ поръ....

Онъ перевернулся на спину и заложилъ руки за голову.

Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи. Тишина полуденнаго зноя тяготѣла надъ сіяющей и заснувшей землей.

— Кстати о женщинахъ, заговорилъ опять Шубинъ.— Что это никто не возьметъ Стахова въ руки? Ты видѣлъ его въ Москвѣ?

— Нѣтъ.

— Совсѣмъ съ ума сошелъ старецъ. Сидитъ по цѣлымъ днямъ у своей Августины Христіановны, скучаетъ страшно, а сидитъ. Глазѣютъ другъ на друга,—такъ глупо.... Даже противно смотрѣть. Вотъ поди ты! Какимъ семействомъ Богъ благословилъ этого человѣка; нѣтъ, подай ему Августину Христіановну! Я ничего не знаю гнуснѣе ея утиной физіономіи. На дняхъ я вылѣпилъ ея каррикатуру, въ дантановскомъ вкусѣ. Очень вышло недурно. Я тебѣ покажу.

— А Елены Николаевны бюстъ, спросилъ Берсеневъ,—подвигается?

— Нѣтъ, братъ, не подвигается. Отъ этого лица можно въ отчаяніе придти. Посмотришь: линіи чистыя, строгія, прямыя, кажется, не трудно схватить сходство! Не тутъ-то было.... Не дается, какъ кладъ въ руки. Замѣтилъ ты, какъ она слушаетъ? Ни одна черта не тронется, только выраженіе взгляда безпрестанно мѣняется, а отъ него мѣняется вся фигура. Что тутъ прикажешь дѣлать скульптору, да еще пло-

хому? Удивительное существо.... странное существо, прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Да; она удивительная дѣвушка, повторилъ за нимъ Берсеневъ.

— А дочь Николая Артемьевича Стахова! Вотъ послѣ этого и разсуждай о крови, о породѣ. И вѣдь забавно то, что она точно его дочь, похожа на него, и на мать похожа, на Анну Васильевну. Я Анну Васильевну уважаю отъ всего сердца, она же моя благодѣтельница; но вѣдь она курица. Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажегъ этотъ огонь? Вотъ опять тебѣ задача, философъ!

Но «философъ» по прежнему ничего не отвѣчалъ. Берсеневъ, вообще, не грѣшилъ многоглаголаніемъ, и когда говорилъ, выражался неловко, съ запинками, безъ нужды разводя руками; а въ этотъ разъ какая-то особенная тишина нашла на его душу, тишина, похожая на усталость и на грусть. Онъ недавно переселился за городъ послѣ долгой и трудной работы, отнимавшей у него по нѣскольку часовъ въ день. Бездѣйствіе, нѣга и чистота воздуха, сознаніе достигнутой цѣли, прихотливый и небрежный разговоръ съ пріятелемъ, внезапно-вызванный образъ милаго существа, всѣ эти разнородныя, и въ тоже время почему-то сходныя впечатлѣнія слились въ немъ въ одно общее чувство, которое и успокоивало его, и волновало, и обезсиливало.... Онъ былъ очень нервическій молодой человѣкъ.

Подъ липой было прохладно и спокойно; залетавшія въ кругъ ея тѣни мухи и пчелы, казалось, жужжали тише; чистая мелкая трава изумруднаго цвѣта, безъ золотыхъ отливовъ, не колыхалась; высокіе стебельки стояли неподвижно, какъ очарованные; какъ очарованные, какъ мертвые, висѣли маленькіе гроздья желтыхъ цвѣтовъ на нижнихъ вѣткахъ липы. Сладкій запахъ съ каждымъ дыханіемъ втѣснялся въ самую глубь груди, но грудь имъ охотно дышала. Вдали, за рѣкой, до небосклона все сверкало, все горѣло; изрѣдка пробѣгалъ тамъ вѣтерокъ и дробилъ и усиливалъ сверканіе; лучистый паръ колебался надъ землей. Птицъ не было слышно: онѣ не поютъ въ часы зноя; но кузнечики трещали повсемѣстно, и пріятно было слу-

шать этотъ горячій звукъ жизни, сидя въ прохладѣ, на покоѣ: онъ клонилъ ко сну и будилъ мечтанія.

— Замѣтилъ ли ты, началъ вдругъ Берсеневъ, помогая своей рѣчи движеніями рукъ,—какое странное чувство возбуждаетъ въ насъ природа? Все въ ней такъ полно, такъ ясно, я хочу сказать, такъ удовлетворено собою, и мы это понимаемъ и любуемся этимъ, и въ тоже время она, по крайней мѣрѣ во мнѣ, всегда возбуждаетъ какое-то безпокойство, какую-то тревогу, даже грусть. Что это значитъ? Сильнѣе ли сознаемъ мы передъ нею, передъ ея лицомъ, всю нашу неполноту, нашу неясность, или же намъ мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другаго, то-есть я хочу сказать, того, чего намъ нужно, у нея нѣтъ?

— Гмъ, возразилъ Шубинъ,— я тебѣ скажу, Андрей Петровичъ, отчего все это происходитъ. Ты описалъ ощущенія одинакаго человѣка, который не живетъ, а только смотритъ, да млѣетъ. Чего смотрѣть? Живи самъ и будешь молодцомъ. Сколько ты ни стучись природѣ въ дверь, не отзовется она понятнымъ словомъ, потому что она нѣмая. Будетъ звучать и ныть, какъ струна, а пѣсни отъ нея не жди. Живая душа— та отзовется, и по преимуществу женская душа. А потому, благородный другъ мой, совѣтую тебѣ запастись подругой сердца, и всѣ твои тоскливыя ощущенія тотчасъ исчезнутъ. Вотъ что намъ «нужно», какъ ты говоришь. Вѣдь эта тревога, эта грусть, вѣдь это просто, своего рода голодъ. Дай желудку настоящую пищу, и все тотчасъ придетъ въ порядокъ. Займи свое мѣсто въ пространствѣ, будь тѣломъ, братецъ ты мой. Да и что такое, къ чему «природа?» Ты послушай самъ: любовь! какое сильное, горячее слово! Природа! какое холодное, школьное выраженіе! А потому (Шубинъ запѣлъ): «Да здравствуетъ Марья Петровна!» или нѣтъ, прибавилъ онъ, не Марья Петровна, ну да все равно! Ву ме компрене.

Берсеневъ приподнялся и оперся подбородкомъ на сложенныя руки.—Зачѣмъ насмѣшка, проговорилъ онъ, не глядя на своего товарища, — зачѣмъ глумленіе? Да, ты правъ: любовь — великое слово, великое чувство.... Но о какой любви говоришь ты?

Шубинъ тоже приподнялся.—О какой любви? О какой угодно,

лишь бы она была на лицо. Признаюсь тебѣ, по моему, вовсе нѣтъ различныхъ родовъ любви. Коли ты полюбилъ....

— Ото всей души подхватилъ Берсеневъ.

— Ну да, это само собой разумѣется: душа не яблоко: ея не раздѣлишь. Коли ты полюбилъ, ты и правъ. А я не думалъ глумиться. У меня на сердцѣ теперь такая нѣжность, такъ оно смягчено.... Я хотѣлъ только объяснить, почему природа , по твоему, такъ на насъ дѣйствуетъ. Потому что она будитъ въ насъ потребность любви, и не въ силахъ удовлетворить ее. Она насъ тихо гонитъ въ другія, живыя объятія, а мы ея не понимаемъ и чего–то ждемъ отъ нея самой. Ахъ, Андрей, Андрей, прекрасно это солнце, это небо, все, все вокругъ насъ прекрасно, а ты грустишь; но еслибы въ это мгновеніе ты держалъ въ своей рукѣ руку любимой женщины, еслибъ эта рука и вся эта женщина были твои, еслибы ты даже глядѣлъ *ея* глазами, чувствовалъ не своимъ, одинокимъ, а *ея* чувствомъ,—не грусть, Андрей , не тревогу возбуждала бы въ тебѣ природа, и не сталъ бы ты замѣчать ея красоты; она бы сама радовалась и пѣла, она бы вторила твоему гимну, потому что ты въ нее, въ нѣмую, вложилъ бы тогда языкъ!

Шубинъ вскочилъ на ноги и прошелся раза два взадъ и впередъ , а Берсеневъ наклонилъ голову, и лицо его покрылось слабой краской.

— Я не совсѣмъ согласенъ съ тобою, началъ онъ:—не всегда природа намекаетъ намъ на.... любовь. (Онъ не сразу произнесъ это слово). Она также грозитъ намъ, она напоминаетъ о страшныхъ.... да, о недоступныхъ тайнахъ. Не она ли должна поглотить насъ, не безпрестанно ли она поглащаетъ насъ? Въ ней и жизнь и смерть; и смерть въ ней также громко говоритъ, какъ и жизнь.

— И въ любви жизнь и смерть, перебилъ Шубинъ.

— А потомъ, продолжалъ Берсеневъ,—когда я, напримѣръ, стою весной, въ лѣсу, въ зеленой чащѣ , когда мнѣ чудятся романтическіе звуки Оберонова рога (Берсеневу стало немножко совѣстно, когда онъ выговорилъ эти слова), развѣ и это....

— Жажда любви, жажда счастія, больше ничего! подхватилъ Шубинъ.—Знаю и я эти звуки, знаю и я то умиленіе и ожиданіе, которыя находятъ на душу подъ сѣнью лѣса, въ его

нѣдрахъ, или вечеромъ, въ открытыхъ поляхъ, когда заходитъ солнце и рѣка дымится за кустами. Но и отъ лѣса, и отъ рѣки, и отъ земли, и отъ неба, отъ всякаго облачка, отъ всякой травки я жду, я хочу счастія, я во всемъ чую его приближеніе, слышу его призывъ. «Мой богъ—богъ свѣтлый и веселый!» Я было такъ началъ одно стихотвореніе; сознайся: славный первый стихъ, да втораго никакъ подобрать не могъ. Счастья! счастья! пока жизнь не прошла, пока всѣ наши члены въ нашей власти, пока мы идемъ не подъ гору, а въ гору! Чортъ возьми! продолжалъ Шубинъ съ внезапнымъ порывомъ,—мы молоды, не уроды, не глупы: мы завоюемъ себѣ счастіе!

Онъ встряхнулъ кудрями и самоувѣренно, почти съ вызовомъ, глянулъ вверхъ, на небо. Берсеневъ поднялъ на него глаза.

— Будто нѣтъ ничего выше счастья? проговорилъ онъ тихо.

— А напримѣръ? спросилъ Шубинъ и остановился.

— Да вотъ, напримѣръ, мы съ тобой, какъ ты говоришь, молоды, мы хорошіе люди, положимъ; каждый изъ насъ желаетъ для себя счастья.... Но такое ли это слово: «счастье», которое соединило, воспламенило бы насъ обоихъ, заставило бы насъ подать другъ другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

— А ты знаешь такія слова, которыя соединяютъ?

— Да; и ихъ не мало; и ты ихъ знаешь.

— Ну-ка; какія это слова?

— Да хоть бы искусство,—такъ какъ ты художникъ,—родина, наука, свобода, справедливость.

— А любовь? спросилъ Шубинъ.

— И любовь соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь: не любовь—наслажденіе, любовь—жертва.

Шубинъ нахмурился.

— Это хорошо для Нѣмцевъ; я хочу любить для себя; я хочу быть номеромъ первымъ.

— Номеромъ первымъ, повторилъ Берсеневъ.—А мнѣ кажется, поставить себя номеромъ вторымъ—все назначеніе нашей жизни.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, какъ ты совѣтуешь,

промолвилъ съ жалобною гримасой Шубинъ,—никто на землѣ не будетъ ѣсть ананасовъ: всѣ другимъ ихъ предоставлять будутъ.

— Значитъ, ананасы не нужны; а впрочемъ не бойся: всегда найдутся любители даже хлѣбъ отъ чужаго рта отнимать.

Оба пріятеля помолчали.

— Я на дняхъ опять встрѣтилъ Инсарова, началъ Берсеневъ:—я пригласилъ его къ себѣ; я непремѣнно хочу познакомить его съ тобой.... и съ Стаховыми.

— Какой это Инсаровъ? Ахъ да, этотъ Сербъ или Болгаръ, о которомъ ты мнѣ говорилъ? Патріотъ этотъ? Ужь не онъ ли внушилъ тебѣ всѣ эти философическія мысли?

— Можетъ-быть.

— Необыкновенный онъ индивидуумъ, что ли?

— Да.

— Умный? Даровитый?

— Умный?... да. Даровитый?... не знаю, не думаю.

— Нѣтъ? Что же въ немъ замѣчательнаго?

— Вотъ увидишь. А теперь, я думаю, намъ пора идти. Анна Васильевна насъ, чай, дожидается. Который-то часъ?

— Третій. Пойдемъ. Какъ душно! Этотъ разговоръ во мнѣ всю кровь зажегъ. И у тебя была минута.... я не даромъ артистъ: я на все замѣтливъ. Признайся, занимаетъ тебя женщина?...

Шубинъ хотѣлъ заглянуть въ лицо Берсеневу, но онъ отвернулся и вышелъ изъ-подъ липы. Шубинъ отправился вслѣдъ за нимъ, развалисто-граціозно переступая своими маленькими ножками. Берсеневъ двигался неуклюже, высоко поднималъ на ходу плеча, вытягивалъ шею; а все-таки онъ казался болѣе порядочнымъ человѣкомъ, чѣмъ Шубинъ, болѣе джентльменомъ, сказали бы мы, еслибъ это слово не было у насъ такъ опошлено.

II.

Молодые люди спустились къ Москвѣ рѣкѣ и пошли вдоль ея берега. Отъ воды вѣяло свѣжестью, и тихій плескъ небольшихъ волнъ ласкалъ слухъ.

— Я бы опять выкупался, заговорилъ Шубинъ,—да боюсь

опоздать. Посмотри на рѣку: она словно насъ манитъ. Древніе Греки въ ней признали бы нимфу. Но мы не Греки, о нимфа! мы толстокожіе Скиоы.

— У насъ есть русалки, замѣтилъ Берсеневъ.

— Поди ты съ своими русалками! На что мнѣ, ваятелю, эти исчадія запуганной холодной фантазіи, эти образы, рожденные въ духотѣ избы, во мракѣ зимнихъ ночей? Мнѣ нужно свѣта, простора.... Когда же, Боже мой, поѣду я въ Италію? Когда....

— То-есть, ты хочешь сказать, въ Малороссію?

— Стыдно тебѣ, Андрей Петровичъ, упрекать меня въ необдуманной глупости, въ которой я, и безъ того, горько раскаиваюсь. Ну да, я поступилъ какъ дуракъ: добрѣйшая Анна Васильевна дала мнѣ денегъ на поѣздку въ Италію, а я отправился къ Хохламъ, ѣсть галушки, и....

— Не договаривай, пожалуйста, перебилъ Берсеневъ.

— И все-таки я скажу, что эти деньги не были истрачены даромъ. Я увидалъ тамъ такіе типы, особенно женскіе.... Конечно, я знаю: внѣ Италіи нѣтъ спасенія!

— Ты поѣдешь въ Италію, проговорилъ Берсеневъ, не оборачиваясь къ нему,—и ничего не сдѣлаешь. Будешь все только крыльями размахивать и не полетишь. Знаемъ мы васъ!

— Ставассеръ полетѣлъ же.... И не онъ одинъ. А не полечу, значитъ, я пингуинъ морской, безъ крыльевъ. Мнѣ душно здѣсь, въ Италію хочу, продолжалъ Шубинъ, — тамъ солнце, тамъ красота....

Молодая дѣвушка, въ широкой соломенной шляпѣ, съ розовымъ зонтикомъ на плечѣ, показалась въ это мгновеніе на тропинкѣ, по которой шли пріятели.

— Но что я вижу? И здѣсь къ намъ на встрѣчу идетъ красота! Привѣтъ смиреннаго художника очаровательной Зоѣ! крикнулъ вдругъ Шубинъ, театрально размахнувъ шляпой.

Молодая дѣвушка, къ которой относилось это восклицаніе, остановилась, погрозила ему пальцемъ и, допустивъ до себя обоихъ пріятелей, проговорила звонкимъ голоскомъ и чуть-чуть картавя:

— Что же вы это, господа, обѣдать не идете? Столъ накрытъ.

— Что я слышу? заговорилъ, всплеснувъ руками, Шубинъ. —Неужели вы, восхитительная Зоя, въ такую жару рѣшились идти насъ отыскивать? Такъ ли я долженъ понять смыслъ вашей рѣчи? Скажите: неужели? Или нѣтъ, лучше не произносите этого слова: раскаяніе убьетъ меня мгновенно.

— Ахъ, перестаньте, Павелъ Яковлевичъ, возразила не безъ досады, дѣвушка: — отчего вы никогда не говорите со мной серіозно? Я разсержусь, прибавила она съ кокетливою ужимкой, и надула губки.

— Вы не разсердитесь на меня, идеальная Зоя Никитишна; вы не захотите повергнуть меня въ мрачную бездну изступленнаго отчаянія. А серіозно я говорить не умѣю, пототу что я не серіозный человѣкъ.

Дѣвушка пожала плечомъ и обратилась къ Берсеневу.

— Вотъ онъ всегда такъ: обходится со мной какъ съ ребенкомъ; а мнѣ ужь восьмнадцать лѣтъ минуло. Я уже большая.

— О Боже! простоналъ Шубинъ и закатилъ глаза подъ лобъ; а Берсеневъ усмѣхнулся молча.

Дѣвушка топнула ножкой.

— Павелъ Яковлевичъ! Я разсержусь! Hélène пошла было со мною, продолжала она,—да осталась въ саду. Ее жара испугала, но я не боюсь жары. Пойдемте.

Она отправилась впередъ по тропинкѣ, слегка раскачивая свой тонкій станъ при каждомъ шагѣ и откидывая хорошенькою ручкой, одѣтой въ черную митенку, мягкіе, длинные локоны отъ лица.

Пріятели пошли за нею (Шубинъ то безмолвно прижималъ руки къ сердцу, то поднималъ ихъ выше головы) и, нѣсколько мгновеній спустя, очутились передъ одною изъ многочисленныхъ дачъ, окружающихъ Кунцово. Небольшой деревянный домикъ съ мезониномъ, выкрашенный розовою краской, стоялъ посреди сада и какъ-то наивно выглядывалъ изъ-за зелени деревьевъ. Зоя первая отворила калитку, вбѣжала въ садъ и закричала: «привела скитальцевъ!» Молодая дѣвушка съ блѣднымъ и выразительнымъ лицомъ поднялась со скамейки, близь дорожки, а на порогѣ дома показалась дама въ лиловомъ шелковомъ платьѣ и, поднявъ вышитый батистовый платокъ надъ головой для защиты отъ солнца, улыбнулась томно и вяло.

III.

Анна Васильевна Стахова, урожденная Шубина, семи лѣтъ осталась круглой сиротою и наслѣдницей довольно значительнаго имѣнія. У нея были родственники очень богатые и очень бѣдные: бѣдные по отцу, богатые по матери: сенаторъ Волгинъ, князья Чикурасовы. Князь Ардаліонъ Чикурасовъ, назначенный къ ней опекуномъ, помѣстилъ ее въ лучшій московскій пансіонъ, а, по выходѣ ея изъ пансіона, взялъ ее къ себѣ въ домъ. Онъ жилъ открыто и давалъ зимой балы. Будущій мужъ Анны Васильевны, Николай Артемьевичъ Стаховъ, завоевалъ ее на одномъ изъ этихъ баловъ, гдѣ она была въ «прелестномъ розовомъ платьѣ съ куафюрой изъ маленькихъ розъ». Она берегла эту куафюру.... Николай Артемьевичъ Стаховъ, сынъ отставнаго капитана, раненаго въ двѣнадцатомъ году и получившаго доходное мѣсто въ Петербургѣ, шестнадцати лѣтъ поступилъ въ юнкерскую школу и вышелъ въ гвардію. Онъ былъ красивъ собою, хорошо сложенъ и считался едва ли не лучшимъ кавалеромъ на вечеринкахъ средней руки, которыя посѣщалъ преимущественно: въ большой свѣтъ ему не было дороги. Смолоду его занимали двѣ мечты: попасть въ флигель-адъютанты и выгодно жениться; съ первою мечтой онъ скоро разстался, но тѣмъ крѣпче держался за вторую. Вслѣдствіе этого, онъ каждую зиму ѣздилъ въ Москву. Николай Артемьевичъ порядочно говорилъ по-французски и слылъ философомъ, потому что не кутилъ. Будучи только прапорщикомъ, онъ уже любилъ настойчиво поспорить, напримѣръ о томъ, можно ли человѣку въ теченіе всей своей жизни объѣздить весь земной шаръ, можно ли ему знать, что происходитъ на днѣ морскомъ — и всегда держался того мнѣнія, что нельзя.

Николаю Артемьевичу минуло двадцать пять лѣтъ, когда онъ «подцѣпилъ» Анну Васильевну; онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ деревню хозяйничать. Деревенское житье ему скоро надоѣло, имѣніе же было оброчное; онъ поселился въ Москвѣ въ домѣ жены. Въ молодости онъ ни въ какія игры не игралъ, а тутъ пристрастился къ лото, а когда запретили лото, къ ералашу. Дома онъ скучалъ; сошелся со вдовой нѣмецкаго происхожденія и проводилъ у ней почти все время. На лѣто 53-го

года онъ не переѣхалъ въ Кунцово: онъ остался въ Москвѣ, будто бы для того, чтобы пользоваться минеральными водами; въ сущности, ему не хотѣлось разстаться съ своею вдовой. Впрочемъ онъ и съ ней разговаривалъ мало, а также больше спорилъ о томъ, можно ли предвидѣть погоду и т. д. Разъ кто-то назвалъ его frondeur; это названіе очень ему понравилось. Да, думалъ онъ, самодовольно, опуская углы губъ и покачиваясь, «меня удовлетворить не легко; меня не надуешь». Фрондерство Николая Артемьевича состояло въ томъ, что онъ услышитъ, напримѣръ, слово: нервы, и скажетъ: «а что такое нервы?» или кто-нибудь упомянетъ при немъ объ успѣхахъ астрономіи, а онъ скажетъ: «а вы вѣрите въ астрономію»? Когда же онъ хотѣлъ окончательно сразить противника, онъ говорилъ: «все это однѣ фразы». Должно сознаться, что многимъ лицамъ такого рода возраженія казались (и до сихъ поръ кажутся) неопровержимыми; но Николай Артемьевичъ никакъ не подозрѣвалъ того, что Августина Христіановна въ письмахъ къ своей кузинѣ, Ѳеодолиндѣ Петерзиліусъ, называла его: Mein Pinselchen.

Жена Николая Артемьевича, Анна Васильевна, была маленькая и худенькая женщина съ тонкими чертами лица, склонная къ волненію и грусти. Въ пансіонѣ она занималась музыкой и читала романы, потомъ все это бросила; стала рядиться и это оставила; занялась было воспитаніемъ дочери, и тутъ ослабѣла и передала ее на руки къ гувернанткѣ; кончилось тѣмъ, что она только и дѣлала, что грустила и тихо волновалась. Рожденіе Елены Николаевны разстроило ея здоровье, и она уже не могла больше имѣть дѣтей; Николай Артемьевичъ намѣкалъ на это обстоятельство, оправдывая свое знакомство съ Августиной Христіановой. Невѣрность мужа очень огорчала Анну Васильевну; особенно больно ей было то, что онъ однажды обманомъ подарилъ своей нѣмкѣ пару сѣрыхъ лошадей съ ея, Анны Васильевны, собственнаго завода. Въ глаза она его никогда не упрекала, но украдкой жаловалась на него поочередно всѣмъ въ домѣ, даже дочери. Анна Васильевна не любила выѣзжать; ей было пріятно, когда у ней сидѣлъ гость и разсказывалъ что-нибудь; въ одиночествѣ она тотчасъ занемогала. Сердце у ней было очень любящее и мягкое: жизнь ее скоро перемолола.

Павелъ Яковлевичъ Шубинъ доводился ей троюроднымъ пле-

мянникомъ. Отецъ его служилъ въ Москвѣ. Братья его поступили въ кадетскіе корпуса; онъ былъ самый младшій, любимецъ матери, нѣжнаго тѣлосложенія: онъ остался дома. Его назначали въ университетъ и съ трудомъ поддерживали въ гимназіи. Съ раннихъ лѣтъ началъ онъ оказывать наклонность къ ваянію; тяжеловѣсный сенаторъ Волгинъ увидалъ однажды одну его статуэтку у его тетки (ему было тогда лѣтъ шестнадцать) и объявилъ, что намѣренъ покровительствовать юному таланту. Внезапная смерть отца Шубина чуть-было не измѣнила всей будущности молодаго человѣка. Сенаторъ, покровитель талантовъ, подарилъ ему гипсовый бюстъ Гомера — и только; но Анна Васильевна помогла ему деньгами, и онъ, съ грѣхомъ пополамъ, девятнадцати лѣтъ, поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ. Павелъ не чувствовалъ никакого расположенія къ медицинѣ, но по существовавшему въ то время штату студентовъ, ни въ какой другой факультетъ поступить было невозможно; притомъ онъ надѣялся поучиться анатоміи. Но онъ не выучился анатоміи; на второй курсъ онъ не перешелъ и, не дождавшись экзамена, вышелъ изъ университета съ тѣмъ, чтобы посвятиться исключительно своему призванію. Онъ трудился усердно, но урывками, скитался по окрестностямъ Москвы, лѣпилъ и рисовалъ портреты крестьянскихъ дѣвокъ, сходился съ разными лицами, молодыми и старыми, высокаго и низкаго полета, италіянскими формовщиками и русскими художниками, слышать не хотѣлъ объ академіи и не признавалъ ни одного профессора. Талантомъ онъ обладалъ положительнымъ: его начали знать по Москвѣ. Мать его, Парижанка родомъ, хорошей фамиліи, добрая и умная женщина, выучила его по-французски, хлопотала и заботилась о немъ денно и нощно, гордилась имъ и, умирая еще въ молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки, упросила Анну Васильевну взять его къ себѣ на руки. Ему тогда уже пошелъ двадцать первый годъ. Анна Васильевна исполнила ея послѣднее желаніе: онъ занималъ небольшую комнатку во флигелѣ дачи.

IV.

— Пойдемте же кушать, пойдемте, проговорила жалостнымъ голосомъ хозяйка, и всѣ отправились въ столовую. — Сядьте

подлѣ меня, Zoé, промолвила Анна Васильевна, а ты Hélène, займи гостя, а ты Paul, пожалуйста, не шали и не дразни Zoé. У меня голова болитъ сегодня.

Шубинъ опять возвелъ глаза къ небу; Zoé отвѣтила ему полу-улыбкой. Эта Zoé, или говоря точнѣе, Зоя Никитишна Мюллеръ, была миленькая, немного косенькая русская нѣмочка, съ раздвоеннымъ на концѣ носикомъ и красными крошечными губками, бѣлокурая, пухленькая. Она очень не дурно пѣла русскіе романсы, чистенько разыгрывала на фортепіано разныя, то веселенькія, то чувствительныя штучки; одѣвалась со вкусомъ, но какъ-то по дѣтски и уже слишкомъ опрятно. Анна Васильевна взяла ее въ компаньйонки къ свой дочери и почти постоянно держала ее при себѣ. Елена на это не жаловалась: она рѣшительно не знала, о чемъ ей говорить съ Зоей, когда ей случалось остаться съ ней наединѣ.

Обѣдъ продолжался довольно долго; Берсеневъ разговаривалъ съ Еленой объ университетской жизни, о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ; Шубинъ прислушивался, молчалъ, ѣлъ съ преувеличенною жадностію, изрѣдка бросая комически-унылые взоры на Зою, которая отвѣчала ему все тою же флегматической улыбочкой. Послѣ обѣда Елена съ Берсеневымъ и Шубинымъ отправились въ садъ; Зоя посмотрѣла имъ вслѣдъ и, слегка пожавъ плечикомъ, сѣла за фортепіано. Анна Васильевна проговорила было: «Отчего же вы не идете тоже гулять?» и не дождавшись отвѣта, прибавила: «сыграйти мнѣ что-нибудь такое грустное»....

— La dernière pensée de Weber? спросила Зоя.

— Ахъ, да, Вебера, промолвила Анна Васильевна, опустилась въ кресла, и слеза навернулась на ея рѣсницу.

Между тѣмъ Елена повела обоихъ пріятелей въ бесѣдку изъ акацій, съ деревяннымъ столикомъ по серединѣ и скамейками вокругъ. Шубинъ оглянулся, подпрыгнулъ нѣсколько разъ и, промолвивъ шепотомъ: «подождите!», сбѣгалъ къ себѣ въ комнату, принесъ кусокъ глины и началъ лѣпить фигуру Зои, покачивая головой, бормоча и посмѣиваясь.

— Опять старыя шутки, произнесла Елена, взглянувъ на его работу, и обратилась къ Берсеневу, съ которымъ продолжала разговоръ, начатый за обѣдомъ.

— Старыя шутки, повторилъ Шубинъ.—Предметъ-то больно неистощимый! Сегодня особенно она меня изъ терпѣнія выводитъ.

— Это почему? спросила Елена.—Подумаешь, вы говорите о какой-нибудь злой, непріятной старухѣ. Хорошенькая, молоденькая дѣвочка..,.

— Конечно, перебилъ Шубинъ, — она хорошенькая, очень хорошенькая; я увѣренъ, что всякій прохожій, взглянувъ на нее, непремѣнно долженъ подумать: вотъ бы съ кѣмъ отлично.... польку протанцовать; я также увѣренъ, что она это знаетъ и что это ей пріятно.... Къ чему же эти стыдливыя ужимки, эта скромность? Ну, да вамъ извѣстно, что̀ я хочу сказать, прибавилъ онъ сквозь зубы.—Впрочемъ, вы теперь другимъ заняты.

И, сломивъ фигуру Зои, Шубинъ принялся торопливо и словно съ досадой лѣпить и мять глину.

— И такъ вы желали бы быть профессоромъ? спросила Елена Берсенева.

— Да, возразилъ тотъ, втискивая между колѣнъ свои красныя руки.—Это моя любимая мечта. Конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ не достаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго.... я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ, но я надѣюсь получить позволеніе съѣздить за границу; пробуду тамъ три-четыре года, если нужно, а тогда....

Онъ остановился, потупился, потомъ быстро вскинулъ глаза и, неловко улыбаясь, поправилъ волосы. Когда Берсеневъ говорилъ съ женщиной, рѣчь его становилась еще медлительнѣе и онъ еще болѣе пришепетывалъ.

— Вы хотите быть профессоромъ исторіи? спросила Елена.

— Да, или философіи, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,— если это будетъ возможно.

— Онъ уже теперь силенъ, какъ чортъ, въ философіи, замѣтилъ Шубинъ, проводя глубокія черты ногтемъ по глинѣ,— на что ему за границу ѣздить?

— И вы будете вполнѣ довольны вашимъ положеніемъ? спросила Елена, подпершись локтемъ и глядя ему прямо въ лицо.

— Вполнѣ, Елена Николаевна, вполнѣ. Какое же можетъ

быть лучше призваніе? Подумайте, пойдти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича.... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостью и смущеніемъ, да.... смущеніемъ, котораго.... которое происходитъ отъ сознанія моихъ малыхъ силъ. Покойный батюшка благословилъ меня на это дѣло.... Я никогда не забуду его послѣднихъ словъ.

— Вашъ батюшка скончался нынѣшнею зимой?

— Да, Елена Николаевна, въ февралѣ.

— Говорятъ, продолжала Елена,—онъ оставилъ замѣчательное сочиненіе въ рукописи; правда ли это?

— Да, оставилъ. Это былъ чудесный человѣкъ. Вы бы полюбили его, Елена Николаевна.

— Я въ этомъ увѣрена. А какое содержаніе этого сочиненія?

— Содержаніе этого сочиненія, Елена Николаевна, передать вамъ въ немногихъ словахъ нѣсколько трудно. Мой отецъ былъ человѣкъ очень ученый, шеллингіанецъ, онъ употреблялъ выраженія не всегда ясныя....

— Андрей Петровичъ, перебила его Елена, — извините мое невѣжество, что̀ такое значитъ: шеллингіанецъ?

Берсеневъ слегка улыбнулся.

— Шеллингіанецъ, это значитъ послѣдователь Шеллинга, нѣмецкаго философа, а въ чемъ состояло ученіе Шеллинга....

— Андрей Петровичъ! воскликнулъ вдругъ Шубинъ:—ради самого Бога! Ужь не хочешь ли ты прочесть Еленѣ Николаевнѣ лекцію о Шеллингѣ? Пощади!

— Вовсе не лекцію, пробормоталъ Берсеневъ и покраснѣлъ,—я хотѣлъ....

— А почему жъ бы и не лекцію, подхватила Елена.—Намъ съ вами лекціи очень нужны, Павелъ Яковлевичъ.

Шубинъ уставился не нее, и вдругъ захохоталъ.

— Чему же вы смѣетесь? спросила она холодно и почти рѣзко.

Шубинъ умолкъ.

— Ну полноте, не сердитесь, промолвилъ онъ, спустя немного.—Я виноватъ. Но въ самомъ дѣлѣ, что̀ за охота, помилуйте, теперь, въ такую погоду, подъ этими деревьями, тол-

ковать о философіи? Давайте лучше говорить о соловьяхъ, о розахъ, о молодыхъ глазахъ и улыбкахъ.

— Да; и о французскихъ романахъ, о женскихъ тряпкахъ, продолжала Елена.

— Пожалуй, и о тряпкахъ, возразилъ Шубинъ, если онѣ красивы.

— Пожалуй. Но если намъ не хочется говорить о тряпкахъ? Вы величаете себя свободнымъ художникомъ, зачѣмъ же вы посягаете на свободу другихъ? И позвольте васъ спросить, при такомъ образѣ мыслей, зачѣмъ вы нападаете на Зою? Съ ней особенно удобно говорить о тряпкахъ и о розахъ.

Шубинъ вдругъ вспыхнулъ и приподнялся со скамейки.—А, вотъ какъ! началъ онъ невѣрнымъ голосомъ.—Я понимаю вашъ намекъ: вы меня отсылаете къ ней, Елена Николаевна. Другими словами, я здѣсь лишній?

— Я не думала отсылать васъ отсюда.

— Вы хотите сказать, продолжалъ запальчиво Шубинъ,— что я не стою другаго общества, что я ей подъ пару, что я также пустъ и вздоренъ и мелокъ, какъ эта сладковатая нѣмочка? Не такъ ли-съ?

Елена нахмурила брови.—Вы не всегда такъ о ней отзывались, Павелъ Яковлевичъ, замѣтила она.

— А! упрекъ! упрекъ теперь! воскликнулъ Шубинъ.—Ну да, я не скрываю, была минута, именно одна минута, когда эти свѣжія, пошлыя щечки.... Но еслибъ *я* захотѣлъ отплатить вамъ упрекомъ и напомнить вамъ.... Прощайте-съ, прибавилъ онъ вдругъ,—я готовъ завраться.

И, ударивъ рукой по слѣпленной въ видѣ головы глинѣ, онъ выбѣжалъ изъ бесѣдки и ушелъ къ себѣ въ комнату.

— Дитя, проговорила Елена, поглядѣвъ ему вслѣдъ.

— Художникъ, промолвилъ съ тихою улыбкой Берсеневъ.— Всѣ художники таковы. Надобно имъ прощать ихъ капризы. Это ихъ право.

— Да, возразила Елена,—но Павелъ до сихъ поръ еще ничѣмъ не упрочилъ за собой этого права. Что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ? Дайте мнѣ руку и пойдемте по аллеѣ. Онъ помѣшалъ намъ. Мы говорили о сочиненіи вашего батюшки.

Берсеневъ взялъ руку Елены и пошелъ за ней по саду, но

начатый разговоръ, слишкомъ рано прерванный, не возобновился; Берсеневъ снова принялся излагать свои воззрѣнія на профессорское званіе, на будущую свою дѣятельность. Онъ тихо двигался рядомъ съ Еленой, неловко выступалъ, неловко поддерживалъ ея руку, изрѣдка толкалъ ее плечомъ, и ни разу не взглянулъ на нее; но рѣчь его текла легко, если не совсѣмъ свободно, онъ выражался просто и вѣрно, и въ глазахъ его, медленно блуждавшихъ по стволамъ деревьевъ, по песку дорожки, по травѣ, свѣтилось тихое умиленіе благородныхъ чувствъ, а въ успокоенномъ голосѣ слышалась радость человѣка, который сознаетъ, что ему удается высказываться передъ другимъ, дорогимъ ему человѣкомъ. Елена слушала его внимательно, и, обернувшись къ нему въ половину, не отводила взора отъ его слегка поблѣднѣвшаго лица, отъ глазъ его, дружелюбныхъ и кроткихъ, хотя избѣгавшихъ встрѣчи съ ея глазами. Душа ея раскрывалась, и что-то нѣжное, справедливое, хорошее, не то вливалось въ ея сердце, не то выростало въ немъ.

V.

Шубинъ не выходилъ изъ своей комнаты до самой ночи. Уже совсѣмъ стемнѣло, неполный мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ, млечный путь забѣлѣлъ и звѣзды запестрѣли, когда Берсеневъ, простившись съ Анной Васильевной, Еленой и Зоей, подошелъ къ двери своего пріятеля. Онъ нашелъ ее запертою и постучался.

— Кто тамъ? раздался голосъ Шубина.

— Я, отвѣчалъ Берсеневъ.

— Чего тебѣ?

— Впусти меня, Павелъ, полно капризничать; какъ тебѣ не стыдно?

— Я не капризничаю, я сплю и вижу во снѣ Зою.

— Перестань, пожалуйста. Ты не ребенокъ. Впусти меня. Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Ты не наговорился еще съ Еленой?

— Полно же, полно; впусти меня!

Шубинъ отвѣчалъ притворнымъ храпѣньемъ. Берсеневъ пожалъ плечами и отправился домой.

Ночь была тепла и какъ-то особенно безмолвна, точно все кругомъ прислушивалось и караулило; и Берсеневъ, охваченный неподвижною мглой, невольно останавливался и тоже прислушивался и караулилъ. Легкій шорохъ, подобный шелесту женскаго платья, поднимался по временамъ въ верхушкахъ близкихъ деревьевъ и возбуждалъ въ Берсеневѣ ощущеніе сладкое и жуткое, ощущеніе полустраха. Мурашки пробѣгали по его щекамъ, глаза холодѣли отъ мгновенной слезы: ему бы хотѣлось выступать совсѣмъ неслышно, прятаться, красться. Рѣзкій вѣтерокъ набѣжалъ на него съ боку: онъ чуть-чуть вздрогнулъ и замеръ на мѣстѣ; сонный жукъ свалился съ вѣтки и стукнулся о дорогу; Берсеневъ тихо воскликнулъ: а! и опять остановился. Но онъ началъ думать о Еленѣ, и всѣ эти мимолетныя ощущенія исчезли разомъ: осталось одно живительное впечатлѣніе ночной свѣжести и ночной прогулки; всю душу его занялъ образъ молодой дѣвушки. Берсеневъ шелъ, потупя голову, и припоминалъ ея слова, ея вопросы. Топотъ быстрыхъ шаговъ почудился ему сзади. Онъ приникъ ухомъ: кто-то бѣжалъ, кто-то догонялъ его; послышалось прерывистое дыханіе, и вдругъ передъ нимъ, изъ чернаго круга тѣни, падавшей отъ большаго дерева, безъ шапки на растрепанныхъ волосахъ, весь блѣдный при свѣтѣ луны, вынырнулъ Шубинъ.

— Я радъ, что ты пошелъ по этой дорогѣ, съ трудомъ проговорилъ онъ:—я бы всю ночь не заснулъ, еслибъ я не догналъ тебя. Дай мнѣ руку. Вѣдь ты домой идешь?

— Домой.

— Я тебя провожу.

— Да какъ же ты пойдешь безъ шапки?

— Ничего. Я и галстукъ снялъ. Теперь тепло.

Пріятели сдѣлали нѣсколько шаговъ.

— Не правда ли, я былъ очень глупъ сегодня? спросилъ внезапно Шубинъ.

— Откровенно говоря, да. Я тебя понять не могъ. Я тебя такимъ никогда не видалъ. И отчего ты разсердился, помилуй! Изъ-за какихъ пустяковъ?

— Гмъ, промычалъ Шубинъ.—Вотъ какъ ты выражаешься, а мнѣ не до пустяковъ. Видишь ли, прибавилъ онъ,—я дол-

женъ тебѣ замѣтить, что я.... что.... Думай обо мнѣ, что хочешь.... я.... ну, да! я влюбленъ въ Елену.

— Ты влюбленъ въ Елену! повторилъ Берсеневъ, и остановился.

— Да, съ принужденною небрежностію продолжалъ Шубинъ. —Это тебя удивляетъ? Скажу тебѣ болѣе. До нынѣшняго вечера я могъ надѣяться, что и она, современемъ, меня полюбитъ. Но сегодня я убѣдился, что мнѣ надѣяться нечего. Она полюбила другаго.

— Другаго? кого же?

— Кого? Тебя! воскликнулъ Шубинъ и ударилъ Берсенева по плечу.

— Меня!

— Тебя! повторилъ Шубинъ.

Берсеневъ отступилъ шагъ назадъ и остался неподвиженъ. Шубинъ зорко посмотрѣлъ на него.

— И это тебя удивляетъ? Ты скромный юноша. Но она тебя любитъ. На этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ.

— Что за вздоръ ты мелешь! произнесъ наконецъ съ досадой Берсеневъ.

— Нѣтъ, не вздоръ. А впрочемъ, что же мы стоимъ? Пойдемъ впередъ. На ходу легче. Я ее давно знаю, и хорошо ее знаю. Я не могу ошибиться. Ты пришелся ей по сердцу. Было время, я ей нравился; но, вопервыхъ, я для нея слишкомъ легкомысленный молодой человѣкъ, а ты существо серіозное, ты нравственно и физически опрятная личность, ты.... постой, я не кончилъ, ты добросовѣстно-умѣренный энтузіастъ, истый представитель тѣхъ жрецевъ науки, которыми,—нѣтъ, не которыми,—*коими* столь справедливо гордится классъ средняго русскаго дворянства! А вовторыхъ, Елена на дняхъ застала меня цалующимъ руки у Зои.

— У Зои?

— Да, у Зои. Что прикажешь дѣлать? У нея плеча такъ хороши.

— Плеча?

— Ну да, плеча, руки, не все ли равно? Елена застала меня посреди этихъ свободныхъ занятій послѣ обѣда, а передъ обѣдомъ я въ ея присутствіи бранилъ Зою. Елена, къ сожалѣнію,

не понимаетъ всей естественности подобныхъ противорѣчій. Тутъ *ты* подвернулся: ты идеалистъ, ты вѣришь.... во что-бишь, ты вѣришь?... ты краснѣешь, смущаешься, толкуешь о Шиллерѣ, о Шеллингѣ (она же все отыскиваетъ замѣчательныхъ людей), вотъ ты и побѣдилъ, а я, несчастный, стараюсь шутить и.... и.... между тѣмъ....

Шубинъ вдругъ заплакалъ, отошелъ въ сторону, присѣлъ на землю и схватилъ себя за волосы.

Берсеневъ приблизился къ нему.

— Павелъ, началъ онъ, — что это за дѣтство? Помилуй! Что съ тобою сегодня? Богъ знаетъ, какой вздоръ взбрелъ тебѣ въ голову, и ты плачешь. Мнѣ, право, кажется, что ты притворяешься.

Шубинъ поднялъ голову. Слезы блистали на его щекахъ въ лучахъ луны, но лицо его улыбалось.

— Андрей Петровичъ, заговорилъ онъ,—ты можешь думать обо мнѣ, что тебѣ угодно. Я даже готовъ согласиться, что у меня теперь истерика, но я, ей-Богу, влюбленъ въ Елену, и Елена тебя любитъ. Впрочемъ, я обѣщалъ проводить тебя до дому, и сдержу свое обѣщаніе.

Онъ всталъ.

— Какая ночь! серебристая, темная, молодая! Какъ хорошо теперь тѣмъ, кого любятъ! Какъ имъ весело не спать! Ты будешь спать, Андрей Петровичъ?

Берсеневъ ничего не отвѣчалъ и ускорилъ шаги.

— Куда ты торопишься? продолжалъ Шубинъ.—Повѣрь моимъ словамъ, такой ночи въ твоей жизни не повторится, а дома ждетъ тебя Шеллингъ. Правда, онъ сослужилъ тебѣ сегодня службу; но ты все-таки не спѣши. Пой, если умѣешь, пой еще громче, если не умѣешь—сними шляпу, закинь голову и улыбайся звѣздамъ. Онѣ всѣ на тебя смотрятъ, на одного тебя: звѣзды только и дѣлаютъ, что смотрятъ на влюбленныхъ людей,—оттого онѣ такъ прелестны. Вѣдь ты влюбленъ, Андрей Петровичъ?... Ты не отвѣчаешь мнѣ.... Отчего ты не отвѣчаешь? заговорилъ опять Шубинъ. — О, если ты чувствуешь себя счастливымъ, молчи, молчи! Я болтаю, потому что я горемыка, я нелюбимый, я фокусникъ, артистъ, фигляръ; но какіе безмолвные восторги пилъ бы я въ этихъ ночныхъ струяхъ,

подъ этими звѣздами, подъ этими алмазами, еслибъ я зналъ, что меня любятъ!... Берсеневъ, ты счастливъ?

Берсеневъ по-прежнему молчалъ и быстро шелъ по ровной дорогѣ. Впереди, между деревьями, замелькали огни деревеньки, въ которой онъ жилъ; она вся состояла изъ десятка небольшихъ дачъ. При самомъ ея началѣ, направо отъ дороги, подъ двумя развѣсистыми березами, находилась мелочная лавочка; окна въ ней уже были всѣ заперты, но широкая полоса свѣта падала вѣеромъ изъ растворенной двери на притоптанную траву и била вверхъ по деревьямъ, рѣзко озаряя бѣловатую изнанку сплошныхъ листьевъ. Дѣвушка, одѣтая горничной, стояла въ лавкѣ спиной къ порогу и торговалась съ хозяиномъ: изъ-подъ краснаго платка, который она накинула себѣ на голову и придерживала обнаженной рукой у подбородка, едва виднѣлась ея круглая щечка и тонкая шейка. Молодые люди вступили въ полосу свѣта; Шубинъ глянулъ во внутренность лавки, остановился и кликнулъ: «Аннушка!» Дѣвушка живо обернулась. Показалось миловидное, немножко широкое, но свѣжее лицо съ веселыми карими глазами и черными бровями. «Аннушка!» повторилъ Шубинъ. Дѣвушка всмотрѣлась въ него, испугалась, застыдилась—и, не кончивъ покупки, спустилась съ крылечка, проворно скользнула мимо и, чуть-чуть озираясь, пошла черезъ дорогу, налѣво. Лавочникъ, человѣкъ пухлый и равнодушный ко всему на свѣтѣ, какъ всѣ загородные мелочные торговцы, крякнулъ и зѣвнулъ ей вслѣдъ, а Шубинъ обратился къ Берсеневу со словами: «это.... это, вотъ видишь... тутъ есть у меня знакомое семейство.... такъ это у нихъ.... ты не подумай».... и не докончивъ рѣчи, побѣжалъ за уходившею дѣвушкой.

— Утри, по крайней мѣрѣ, свои слезы, крикнулъ ему Берсеневъ, и не могъ удержаться отъ смѣха. Но когда онъ вернулся домой, на лицѣ его не было веселаго выраженія; онъ не смѣялся болѣе. Онъ ни на одно мгновеніе не повѣрилъ тому, что сказалъ ему Шубинъ, но слово, имъ произнесенное, запало глубоко ему въ душу. «Павелъ меня дурачилъ, думалъ онъ.... но она когда-нибудь полюбитъ.... Кого полюбитъ она?»

У Берсенева въ комнатѣ стояло фортепіяно, небольшое и не новое, но съ мягкимъ и пріятнымъ, хотя не совсѣмъ чистымъ

тономъ. Берсеневъ присѣлъ къ нему и началъ брать аккорды. Какъ всѣ русскіе дворяне, онъ въ молодости учился музыкѣ, и, какъ почти всѣ русскіе дворяне, игралъ очень плохо; но онъ страстно любилъ музыку. Собственно говоря, онъ любилъ въ ней не искусство, не формы, въ которыхъ она выражается (симфоніи и сонаты, даже оперы наводили на него уныніе), а ея стихію: любилъ тѣ смутныя и сладкія, безпредметныя и всеобъемлющія ощущенія, которыя возбуждаются въ душѣ сочетаніемъ и переливами звуковъ. Болѣе часа не отходилъ онъ отъ фортепьяно, много разъ повторяя одни и тѣ же аккорды, неловко отыскивая новые, останавливаясь и замирая на уменьшенныхъ септимахъ. Сердце въ немъ ныло, и глаза не однажды наполнялись слезами. Онъ не стыдился ихъ: онъ проливалъ ихъ въ темнотѣ. «Правъ Павелъ, думалъ онъ, я предчувствую: этотъ вечеръ не повторится.» Наконецъ онъ всталъ, зажегъ свѣчку, накинулъ халатъ, досталъ съ полки второй томъ *Исторіи Гогенштауфеновъ Раумера* — и, вздохнувъ раза два, прилежно занялся чтеніемъ.

VI.

Между тѣмъ Елена вернулась въ свою комнату, сѣла передъ раскрытымъ окномъ и оперлась головой на руки. Проводить каждый вечеръ около четверти часа у окна своей комнаты вошло у ней въ привычку. Она бесѣдовала сама съ собою въ это время, отдавала себѣ отчетъ въ протекшемъ днѣ. Ей недавно минулъ двадцатый годъ. Росту она была высокаго, лицо имѣла блѣдное и смуглое, большіе сѣрые глаза подъ круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лобъ и носъ совершенно прямые, сжатый ротъ и довольно острый подбородокъ. Ея темно-русая коса спускалась низко на тонкую шею. Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и неровномъ, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словомъ, что-то такое, что̀ не могло всѣмъ нравиться, что̀ даже отталкивало иныхъ. Руки у ней

были узкія, розовыя, съ длинными пальцами, ноги тоже узкія; она ходила быстро, почти стремительно, немного наклоняясь впередъ. Она росла очень странно; сперва обожала отца, потомъ страстно привязалась къ матери, и охладѣла къ обоимъ, особенно къ отцу. Въ послѣднее время она обходилась съ матерью, какъ съ больною бабушкой; а отецъ, который гордился ею, пока она слыла за необыкновеннаго ребенка, сталъ ея бояться, когда она выросла, и говорилъ о ней, что она какая-то восторженная, Богъ знаетъ въ кого! Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала «во вѣки вѣковъ»; требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали, самыя молитвы не разъ мѣшались съ укоромъ. Стоило человѣку потерять ея уваженіе, — а судъ произносила она скоро, часто слишкомъ скоро, — и ужь онъ переставалъ существовать для нея. Всѣ впечатлѣнія рѣзко ложились въ ея душу; не легко давалась ей жизнь.

Гувернантка, которой Анна Васильевна поручила докончить воспитаніе своей дочери,— воспитаніе, замѣтимъ въ скобкахъ, даже не начатое скучавшей барыней, — была изъ Русскихъ, дочь разорившагося взяточника, институтка, очень чувствительное, доброе и лживое существо; она то-и-дѣло влюблялась и кончила тѣмъ, что въ пятидесятомъ году (когда Еленѣ минуло семнадцать лѣтъ) вышла замужъ за какого-то офицера, который тутъ же ее и бросилъ. Гувернантка эта очень любила литературу и сама пописывала стишки; она пріохотила Елену къ чтенію, но чтеніе одно ея не удовлетворяло: она съ дѣтства жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра; нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала объ нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ; милостыню она подавала заботливо, съ невольною важностью, почти съ волненіемъ. Всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ покровительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими. Мать не мѣшала ей; за то отецъ очень негодовалъ на свою дочь за ея, какъ онъ выражался, пошлое нѣжничанье, и увѣрялъ, что отъ собакъ да кошекъ въ домѣ ступить негдѣ. «Леночка, кричалъ онъ ей бывало, иди скорѣй, паукъ муху со-

сетъ, освобождай несчастную!» И Леночка, вся встревоженная, прибѣгала, освобождала муху, расклеивала ей лапки. «Ну, теперь дай себя покусать, коли ты такая добрая», иронически замѣчалъ отецъ; но она его не слушала. На десятомъ году, Елена познакомилась съ нищею дѣвочкой, Катей, и тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривеннички—игрушекъ Катя не брала. Она садилась съ ней рядомъ на сухую землю, въ глуши за кустомъ крапивы; съ чувствомъ радостнаго смиренія ѣла ея черствый хлѣбъ, слушала ея разсказы. У Кати была тетка, злая старуха, которая ее часто била; Катя ее ненавидѣла и все говорила о томъ, какъ она убѣжитъ отъ тетки, какъ будетъ жить на *всей Божьей волѣ*; съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ внимала Елена этимъ невѣдомымъ, новымъ словамъ, пристально смотрѣла на Катю, и все въ ней тогда—ея черные, быстрые, почти звѣриные глаза, ея загорѣлыя руки, глухой голосокъ, даже ея изорванное платье—казалось Еленѣ чѣмъ-то особеннымъ, чуть не священнымъ. Елена возвращалась домой и долго потомъ думала о нищихъ, о Божьей волѣ; думала о томъ, какъ она вырѣжетъ себѣ орѣховую палку и сумку надѣнетъ и убѣжитъ съ Катей, какъ она будетъ скитаться по дорогамъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ: она однажды видѣла Катю въ такомъ вѣнкѣ. Входилъ ли въ это время кто-нибудь изъ родныхъ въ комнату, она дичилась и глядѣла букой. Однажды она въ дождь бѣгала на свиданье съ Катей и запачкала себѣ платье: отецъ увидалъ ее и назвалъ замарашкой, крестьянкой. Она вспыхнула вся—и страшно, и чудно стало ей на сердцѣ. Катя часто напѣвала какую-то полу-дикую, солдатскую пѣсенку; Елена выучилась у ней этой пѣсенкѣ.... Анна Васильевна подслушала ее и пришла въ негодованіе.

— Откуда ты набралась этой мерзости? спросила она свою дочь.

Елена только посмотрѣла на мать и ни слова не сказала: она почувствовала, что скорѣе позволитъ растерзать себя на части, чѣмъ выдастъ свою тайну, и опять стало ей и страшно и сладко на сердцѣ. Впрочемъ, знакомство ея съ Катей продолжалось не долго: бѣдная дѣвочка занемогла горячкой и черезъ нѣсколько дней умерла.

Елена очень тосковала и долго по ночамъ заснуть не могла, когда узнала о смерти Кати. Послѣднія слова нищей дѣвочки безпрестанно звучали у ней въ ушахъ и ей самой казалось, что ее зовутъ....

А годы шли да шли; быстро и неслышно, какъ подснѣжныя воды, протекала молодость Елены, въ бездѣйствіи внѣшнемъ, во внутренней борьбѣ и тревогѣ. Подругъ у ней не было: изо всѣхъ дѣвицъ, посѣщавшихъ домъ Стаховыхъ, она не сошлась ни съ одной. Родительская власть никогда не тяготѣла надъ Еленой, а съ шестнадцатилѣтняго возраста она стала почти совсѣмъ независима; она зажила собственною, своею жизнію, но жизнію одинокою. Ея душа и разгаралась и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было: никто не стѣснялъ ея, никто ея не удерживалъ, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя. Все, что̀ окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. «Какъ жить безъ любви? а любить не кого!» думала она, и страшно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній. Восьмнадцати лѣтъ она чуть не умерла отъ злокачественной лихорадки; потрясенный до основанія весь ея организмъ, отъ природы здоровый и крѣпкій, долго не могъ справиться: послѣдніе слѣды болѣзни исчезли наконецъ, но отецъ Елены Николаевны все еще не безъ озлобленія толковалъ объ ея нервахъ. Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи. Потомъ она утихала, даже смѣялась надъ собой, безпечно проводила день за днемъ, но внезапно что-то сильное, безыменное, съ чѣмъ она совладѣть не умѣла, такъ и закипало въ ней, такъ и просилось вырваться наружу. Гроза проходила, опускались усталыя, не взлетѣвшія крылья; но эти порывы не обходились ей даромъ. Какъ она ни старалась не выдать того, что̀ въ ней происходило, тоска взволнованной души сказывалась въ самомъ ея наружномъ спокойствіи, и родные ея часто были въ правѣ пожимать плечами, удивляться и не понимать ея «странностей».

Въ день, съ котораго начался нашъ разсказъ, Елена дольше обыкновеннаго не отходила отъ окна. Она много думала о

Берсеневѣ, о своемъ разговорѣ съ нимъ. Онъ ей нравился; она вѣрила теплотѣ его чувствъ, чистотѣ его намѣреній. Онъ никогда еще такъ не говорилъ съ ней, какъ въ тотъ вечеръ. Она вспомнила выраженіе его несмѣлыхъ глазъ, его улыбки— и сама улыбнулась и задумалась, но уже не о немъ. Она принялась глядѣть въ «ночь» черезъ открытое окно. Долго глядѣла она на темное, низко-нависшее небо; потомъ она встала, движеніемъ головы откинула отъ лица волосы и, сама не зная зачѣмъ, протянула къ нему, къ этому небу, свои обнаженныя, похолодѣвшія руки; потомъ она ихъ уронила, стала на колѣни передъ своею постелью, прижалась лицомъ къ подушкѣ и, не смотря на всѣ свои усилія не поддаться нахлынувшему на нее чувству, заплакала какими-то странными, недоумѣвающими, но жгучими слезами.

VII.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Берсеневъ отправился на обратномъ извощикѣ въ Москву. Ему нужно было получить съ почты деньги, купить кой-какія книги, да кстати ему хотѣлось повидаться съ Инсаровымъ и переговорить съ нимъ. Берсеневу, во время послѣдней бесѣды съ Шубинымъ, пришла мысль пригласить Инсарова къ себѣ на дачу. Но онъ не скоро отыскалъ его: съ прежней своей квартиры онъ переѣхалъ на другую, до которой добраться было нелегко: она находилась на заднемъ дворѣ безобразнаго каменнаго дома, построеннаго на петербургскій манеръ между Арбатомъ и Поварской. Тщетно Берсеневъ скитался отъ одного грязнаго крылечка къ другому, тщетно взывалъ то къ дворнику, то къ «кому-нибудь». Дворники и въ Петербургѣ стараются избѣгать взоровъ посѣтителей, а въ Москвѣ подавно: никто не откликнулся Берсеневу; только любопытный портной, въ одномъ жилетѣ и съ моткомъ сѣрыхъ нитокъ на плечѣ, выставилъ молча изъ высокой форточки свое тусклое и не бритое лицо съ подбитымъ глазомъ, да черная безрогая коза, взобравшаяся на навозную кучу, обернулась, проблеяла жалобно и проворнѣе прежняго зажевала свою жвачку. Какая-то женщина въ ста-

ромъ салопѣ и стоптанныхъ сапогахъ сжалилась, наконецъ, надъ Берсеневымъ и указала ему квартиру Инсарова. Берсеневъ засталъ его дома. Онъ нанималъ комнату у самаго того портнаго, который столь равнодушно взиралъ изъ форточки на затрудненіе забредшаго человѣка,—большую, почти совсѣмъ пустую комнату съ темнозелеными стѣнами, тремя квадратными окнами, крошечною кроваткой въ одномъ уголку, кожанымъ диванчикомъ въ другомъ и громадной клѣткой, подвѣшенной подъ самый потолокъ; въ этой клѣткѣ когда-то жилъ соловей. Инсаровъ пошелъ на встрѣчу Берсеневу, какъ только тотъ переступилъ порогъ дверей, но не воскликнулъ: «а это вы!» или: «ахъ, Боже мой! какими судьбами?» не сказалъ даже: «здравствуйте», а просто стиснулъ ему руку и подвелъ его къ единственному, находившемуся въ комнатѣ, стулу.

— Сядьте, сказалъ онъ, и самъ присѣлъ на край стола.— У меня, вы видите, еще безпорядокъ, прибавилъ Инсаровъ, указывая на груду бумагъ и книгъ на полу; еще не обзавелся, какъ должно. Некогда еще было.

Инсаровъ говорилъ по-русски совершенно правильно, крѣпко и чисто произнося каждое слово; но его гортанный, впрочемъ, пріятный голосъ звучалъ чѣмъ-то не русскимъ. Иностранное происхожденіе Инсарова (онъ былъ Болгаръ родомъ) еще яснѣе сказывалось въ его наружности: это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, худощавый и жилистый съ впалою грудью, съ узловатыми руками; черты лица имѣлъ онъ рѣзкія, носъ съ горбиной, изсиня-черные, прямые волосы, небольшой лобъ, небольшіе, пристально глядѣвшіе, углубленные глаза, густыя брови; когда онъ улыбался, прекрасные бѣлые зубы показывались на мигъ изъ-подъ тонкихъ, жесткихъ, слишкомъ отчетливо очерченныхъ губъ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, но опрятный сюртучокъ, застегнутый до верху.

— Зачѣмъ вы съ прежней вашей квартиры съѣхали? спросилъ его Берсеневъ.

— Эта дешевле; къ университету ближе.

— Да вѣдь теперь вакаціи, и что́ вамъ за охота жить въ городѣ лѣтомъ? Наняли бы дачу, коли ужь рѣшились переѣзжать.

Инсаровъ ничего не отвѣчалъ на это замѣчаніе и предло-

жилъ Берсеневу трубку, промолвивъ: «извините, папиросъ и сигаръ не имѣю».

Берсеневъ закурилъ трубку.

— Вотъ я, продолжалъ онъ, нанялъ себѣ домикъ возлѣ Кунцова. Очень дешево и очень удобно. Такъ что даже лишняя есть комната наверху.

Инсаровъ опять ничего не отвѣчалъ.

Берсеневъ затянулся.

— Я даже думалъ, заговорилъ онъ снова, выпуская дымъ тонкою струей, — что если бы, напримѣръ, нашелся кто-нибудь.... вы, напримѣръ, такъ думалъ я, который бы захотѣлъ.... который бы согласился помѣститься у меня тамъ на верху.... какъ бы это хорошо было! Какъ вы полагаете, Дмитрій Никанорычъ?

Инсаровъ вскинулъ на него свои небольшіе глазки. — Вы мнѣ предлагаете жить у васъ на дачѣ?

— Да; у меня на верху тамъ есть лишняя комната.

— Очень вамъ благодаренъ, Андрей Петровичъ; но я полагаю, средства мои мнѣ не позволяютъ этого.

— То-есть, какъ же не позволяютъ?

— Не позволяютъ жить на дачѣ. Мнѣ двѣ квартиры держать невозможно.

— Да вѣдь я.... началъ было Берсеневъ и остановился.— Вамъ отъ этого никакихъ лишнихъ расходовъ бы не было, продолжалъ онъ.— Здѣшняя квартира осталась бы, положимъ, за вами; за то тамъ все очень дешево; можно бы даже такъ устроиться, чтобъ обѣдать, напримѣръ, вмѣстѣ.

Инсаровъ молчалъ. Берсеневу стало неловко.

— По крайней мѣрѣ, навѣстите меня когда-нибудь, началъ онъ, погодя немного.—Отъ меня въ двухъ шагахъ живетъ семейство, съ которымъ мнѣ очень хочется васъ познакомить. Какая тамъ есть чудная дѣвушка, еслибы вы знали, Инсаровъ! Тамъ также живетъ одинъ мой близкій пріятель, человѣкъ съ большимъ талантомъ; я увѣренъ, что вы съ нимъ сойдетесь. (Русскій человѣкъ любитъ подчивать).—Право, пріѣзжайте. А еще лучше, переселяйтесь къ намъ, право. Мы бы могли вмѣстѣ работать, читать.... Я, вы знаете, занимаюсь исторіей, философіей. Все это васъ интересуетъ, у меня и книгъ много.

Инсаровъ всталъ и прошелся по комнатѣ. — Позвольте узнать, спросилъ онъ наконецъ, — сколько вы платите за вашу дачу?

— Сто рублей серебромъ.

— А сколько въ ней всего комнатъ?

— Пять.

— Стало-быть по разсчету, приходилось бы за одну комнату двадцать рублей?

— По разсчету.... Да помилуйте, она мнѣ совсѣмъ не нужна. Просто, стоитъ пустая.

— Можетъ-быть; но послушайте, прибавилъ Инсаровъ съ рѣшительнымъ и въ тоже время простодушнымъ движеніемъ головы:—я только въ такомъ случаѣ могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ, если вы согласитесь взять съ меня деньги по разсчету. Двадцать рублей дать я въ силахъ, тѣмъ болѣе, что, по вашимъ словамъ, я буду тамъ дѣлать экономію на всемъ прочемъ.

— Разумѣется; но право же, мнѣ совѣстно.

— Иначе нельзя, Андрей Петровичъ.

— Ну какъ хотите; только какой же вы упрямый!

Инсаровъ опять ничего не отвѣтилъ.

Молодые люди условились на счетъ дня, въ который Инсаровъ долженъ былъ переселиться. Позвали хозяина; но онъ сперва выслалъ свою дочку, дѣвочку лѣтъ семи, съ огромнымъ пестрымъ платкомъ на головѣ; она внимательно, чуть не съ ужасомъ выслушала все, что́ ей сказалъ Инсаровъ и ушла молча; вслѣдъ за ней появилась ея мать, беременная на сносѣ, тоже съ платкомъ на головѣ, только крошечнымъ. Инсаровъ объяснилъ ей, что онъ переѣзжаетъ на дачу возлѣ Кунцова, но оставляетъ квартиру за собой и поручаетъ ей всѣ свои вещи; портниха тоже словно испугалась и удалилась. Наконецъ пришелъ хозяинъ; этотъ сначала какъ-будто все понялъ и только задумчиво проговорилъ: «возлѣ Кунцова?» а потомъ вдругъ отперъ дверь и закричалъ: «За вами, штоль, фатера?» Инсаровъ его успокоилъ. «Потому, надо знать,» повторилъ портной сурово и скрылся.

Берсеневъ отправился во-свояси, очень довольный успѣхомъ своего предложенія. Инсаровъ проводилъ его до двери съ лю-

безною, въ Россіи мало употребительною вѣжливостью, и, оставшись одинъ, бережно снялъ сюртукъ и занялся раскладываніемъ своихъ бумагъ.

VIII.

Вечеромъ того же дня, Анна Васильевна сидѣла въ своей гостиной и собиралась плакать. Кромѣ ея, въ комнатѣ находился ея мужъ да еще нѣкто Уваръ Ивановичъ Стаховъ, троюродный дядя Николая Артемьевича, отставной корнетъ лѣтъ шестидесяти, человѣкъ тучный до неподвижности, съ сонливыми желтыми глазками и безцвѣтными толстыми губами на желтомъ пухломъ лицѣ. Онъ съ самой отставки постоянно жилъ въ Москвѣ процентами съ небольшаго капитала, оставленнаго ему женой изъ купчихъ. Онъ ничего не дѣлалъ и наврядъ ли думалъ, а если и думалъ, такъ берегъ свои думы про себя. Разъ только въ жизни онъ пришелъ въ волненіе и оказалъ дѣятельность, а именно: онъ прочелъ въ газетахъ о новомъ инструментѣ на всемірной лондонской выставкѣ: «контробомбардонѣ» и пожелалъ выписать себѣ этотъ инструментъ, даже спрашивалъ, куда послать деньги и черезъ какую контору? Уваръ Ивановичъ носилъ просторный сюртукъ табачнаго цвѣта и бѣлый платокъ на шеѣ, ѣлъ часто и много, и только въ затруднительныхъ случаяхъ, то-есть всякій разъ, когда ему приходилось выразить какое-либо мнѣніе, судорожно двигалъ пальцами правой руки по воздуху, сперва отъ большаго пальца къ мизинцу, потомъ отъ мизинца къ большому пальцу, съ трудомъ приговаривая: «надо бы... какъ-нибудь, того....»

Уваръ Ивановичъ сидѣлъ въ креслахъ возлѣ окна и дышалъ напряженно. Николай Артемьевичъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы; лицо его выражало неудовольствіе.

Онъ остановился наконецъ и покачалъ головой.—Да, началъ онъ, въ наше время молодые люди были иначе воспитаны. Молодые люди не позволяли себѣ манкировать старшимъ. (Онъ произнесъ: *манъ*, въ носъ, по-французски). А теперь я только гляжу и удивляюсь. Можетъ-быть, не правъ *я*, а они правы; можетъ-быть. Но все же у меня есть свой взглядъ на вещи:

не олухомъ же я родился. Какъ вы объ этомъ думаете, Уваръ Ивановичъ?

Уваръ Ивановичъ только поглядѣлъ на него и поигралъ пальцами.

— Елену Николаевну, напримѣръ, продолжалъ Николай Артемьевичъ,—Елену Николаевну я не понимаю, точно. Я для нея не довольно возвышенъ. Ея сердце такъ обширно, что обнимаетъ всю природу, до малѣйшаго таракана или лягушки, словомъ, все, за исключеніемъ роднаго отца. Ну, прекрасно; я это знаю и ужь не суюсь. Потому тутъ и нервы, и ученость, и паренье въ небеса, это все не по нашей части. Но г. Шубинъ... положимъ, онъ артистъ удивительный, необыкновенный, я объ этомъ не спорю; однако манкировать старшему, человѣку, которому онъ все-таки, можно сказать, обязанъ многимъ,—это я, признаюсь, dans mon gros bon sens, допустить не могу. Я отъ природы не взыскателенъ, нѣтъ; но всему есть мѣра.

Анна Васильевна позвонила съ волненіемъ. Вошелъ казачокъ.

— Что же Павелъ Яковлевичъ не идетъ, проговорила она. Что это я его дозваться не могу?

Николай Артемьевичъ пожалъ плечами.—Да на что, помилуйте, вы хотите его позвать? Я этого вовсе не требую, не желаю даже.

— Какъ на что, Николай Артемьевичъ? Онъ васъ обезпокоилъ, можетъ-быть, помѣшалъ курсу вашего лѣченія. Я хочу объясниться съ нимъ. Я хочу знать, чѣмъ онъ могъ васъ прогнѣвать.

— Я вамъ повторяю, что я это не требую. И что за охота.... devant les domestiques....

Анна Васильевна слегка покраснѣла.—Напрасно вы это говорите, Николай Артемьевичъ. Я никогда.... devant... les domestiques... Ступай, Ѳедюшка, да смотри сейчасъ приведи сюда Павла Яковлевича.

Казачокъ вышелъ.

— И нисколько это все не нужно, проговорилъ сквозь зубы Николай Артемьевичъ, и снова принялся шагать по комнатѣ. Я совсѣмъ не къ тому рѣчь велъ.

— Помилуйте, Paul долженъ извиниться передъ вами.

— Помилуйте, на что мнѣ его извиненія? И что такое извиненія? Это все фразы.

— Какъ на что? его вразумить надо.

— Вразумите его вы сами. Онъ васъ скорѣй послушаетъ. А я на него не въ претензіи.

— Нѣтъ, Николай Артемьевичъ, вы сегодня съ самаго вашего пріѣзда не въ духѣ. Вы даже на мои глаза похудѣли въ послѣднее время. Я боюсь, что курсъ лѣченія вамъ не помогаетъ.

— Курсъ лѣченія мнѣ необходимъ, замѣтилъ Николай Артемьевичъ: у меня печень не въ порядкѣ.

Въ это мгновеніе вошелъ Шубинъ. Онъ казался усталымъ. Легкая, чуть-чуть насмѣшливая улыбка играла на его губахъ.

— Вы меня спрашивали, Анна Васильевна? промолвилъ онъ.

— Да, конечно, спрашивала. Помилуй, Paul, это ужасно. Я тобой очень не довольна. Какъ ты можешь манкировать Николаю Артемьевичу?

— Николай Артемьевичъ вамъ жаловался на меня? спросилъ Шубинъ и съ тою же усмѣшкой на губахъ глянулъ на Стахова. Тотъ отвернулся и опустилъ глаза.

— Да, жаловался. Я не знаю, чѣмъ ты передъ нимъ провинился, но ты долженъ сейчасъ извиниться, потому что его здоровье очень теперь разстроено, и наконецъ мы всѣ въ молодыхъ лѣтахъ должны уважать своихъ благодѣтелей.

«Эхъ, логика!» подумалъ Шубинъ и обратился къ Стахову. Я готовъ извиниться передъ вами, Николай Артемьевичъ, проговорилъ онъ съ учтивымъ полупоклономъ,—если я васъ точно чѣмъ-нибудь обидѣлъ.

— Я вовсе.... не съ тѣмъ, возразилъ Николай Артемьевичъ, попрежнему избѣгая взоровъ Шубина. — Впрочемъ, я охотно васъ прощаю, потому что, вы знаете, я невзыскательный человѣкъ.

— О, это не подвержено никакому сомнѣнію! промолвилъ Шубинъ.—Но позвольте полюбопытствовать, извѣстно ли Аннѣ Васильевнѣ, въ чемъ именно состоитъ моя вина?

— Нѣтъ, я ничего не знаю, замѣтила Анна Васильевна и вытянула шею.

— О Боже мой! торопливо воскликнулъ Николай Артемье-

вичъ:—сколько разъ ужь я просилъ, умолялъ, сколько разъ говорилъ, какъ мнѣ противны всѣ эти объясненія и сцены! Въ кой-то вѣки пріѣдешь домой, хочешь отдохнуть,—говорятъ: семейный кругъ, intérieur, будь семьяниномъ, — а тутъ сцены, непріятности. Минуты нѣтъ покоя. Поневолѣ поѣдешь въ клубъ или... или куда-нибудь. Человѣкъ живой, у него физика, она имѣетъ свои требованія, а тутъ....

И не дончивъ начатой рѣчи, Николай Артемьевичъ быстро вышелъ вонъ и хлопнулъ дверью. Анна Васильевна посмотрѣла ему вслѣдъ.—Въ клубъ? горько прошептала она:—не въ клубъ вы ѣдете, вѣтренникъ! Въ клубѣ некому дарить лошадей собственнаго завода—да еще сѣрыхъ! Любимой моей масти. Да, да; легкомысленный человѣкъ, прибавила она, возвысивъ голосъ,—не въ клубъ вы ѣдете. А ты, Paul, продолжала она вставая,—какъ тебѣ не стыдно? Кажется, не маленькій. Вотъ теперь у меня голова заболѣла. Гдѣ Зоя, не знаешь?

— Кажется, у себя на верху. Разсудительная сія лисичка въ такую погоду всегда въ свою норку прячется.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста!—Анна Васильевна поискала вокругъ себя. — Рюмочку мою съ натертымъ хрѣномъ ты не видѣлъ? Paul, сдѣлай одолженіе, впередъ не серди меня.

— Гдѣ васъ разсердить, тетушка? Дайте мнѣ вашу ручку поцаловать. А хрѣнъ вашъ я видѣлъ въ кабинетѣ на столикѣ.

— Дарья его вѣчно гдѣ-нибудь позабудетъ, промолвила Анна Васильевна и удалилась, шумя шелковымъ платьемъ.

Шубинъ хотѣлъ было пойдти за ней, но остановился, услышавъ за собою медлительный голосъ Увара Ивановича.

— Не такъ бы тебя молокососа... слѣдовало, говорилъ въ перемежку отставной корнетъ.

Шубинъ подошелъ къ нему.—А за что же бы меня слѣдовало, дастохвальный Уваръ Ивановичъ?

— За что? Младъ ты, такъ уважай. Да.

— Кого?

— Кого? Извѣстно кого. Скаль зубы-то.

Шубинъ скрестилъ руки на груди.

— Ахъ вы, представитель хороваго начала, воскликнулъ онъ, — черноземная вы сила, фундаментъ вы общественнаго зданія!

Уваръ Ивановичъ заигралъ пальцами. — Полно, братъ, не искушай.

— Вѣдь вотъ, продолжалъ Шубинъ, не молодой, кажется, дворянинъ, а сколько въ немъ еще таится счастливой, дѣтской вѣры! Уважать! Да знаете ли вы, стихійный вы человѣкъ, за что Николай Артемьевичъ гнѣвается на меня? Вѣдь я съ нимъ сегодня цѣлое утро провелъ у его Нѣмки! вѣдь мы сегодня втроемъ пѣли: «не отходи отъ меня»; вотъ бы вы послушали. Васъ, кажется, это беретъ. Пѣли мы, сударь мой, пѣли—ну и скучно мнѣ стало; вижу я: дѣло неладно, нѣжности много. Я и началъ дразнить обоихъ. Хорошо вышло. Сперва она на меня разсердилась, а потомъ на него; а потомъ онъ на нее разсердился и сказалъ ей, что онъ только дома счастливъ и что у него тамъ рай; а она ему сказала, что онъ нравственности не имѣетъ; а я ей сказалъ: Ахъ! по-нѣмецки; онъ ушелъ, а я остался; онъ пріѣхалъ сюда, въ рай, то-есть, а въ раю ему томно. Вотъ онъ и принялся брюзжать. Ну-съ, кто теперь, по вашему, виноватъ?

— Конечно, ты, возразилъ Уваръ Ивановичъ.

Шубинъ уставился на него. — Осмѣлюсь спросить у васъ, почтенный витязь, началъ онъ подобострастнымъ голосомъ:—эти загадочныя слова вы изволили произнести вслѣдствіе какого-либо соображенія вашей мыслительной способности или же подъ напоромъ мгновенной потребности произвести сотрясеніе въ воздухѣ, называемое звукомъ?

— Не искушай, говоритъ, простоналъ Уваръ Ивановичъ....

Шубинъ засмѣялся и выбѣжалъ вонъ.—Эй, воскликнулъ, четверть часа спустя, Уваръ Ивановичъ:—того... рюмку водки.

Казачокъ принесъ водки и закуску на подносѣ. Уваръ Ивановичъ тихонько взялъ съ подноса рюмку и долго съ усиленнымъ вниманіемъ глядѣлъ на нее, какъ будто не понимая хорошенько, что у него такое въ рукѣ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на казачка и спросилъ: не Васькой ли его зовутъ? Потомъ онъ принялъ огорченный видъ, выпилъ водки, закусилъ и полѣзъ доставать носовой платокъ изъ кармана. Но казачокъ уже давно отнесъ подносъ и графинъ на мѣсто, и остатокъ селедки съѣлъ, и уже успѣлъ соснуть, прикорнувъ къ барскому пальто, а Уваръ Ивановичъ все еще держалъ платокъ передъ

собой на растопыренныхъ пальцахъ и съ тѣмъ же усиленнымъ вниманіемъ посматривалъ то въ окно, то на полъ и стѣны.

IX.

Шубинъ вернулся къ себѣ во флигель и раскрылъ было книгу. Камердинеръ Николая Артемьевича осторожно вошелъ въ его комнату и вручилъ ему небольшую трехъ-угольную записку, запечатанную крупною гербовою печатью. «Я надѣюсь, стояло въ этой запискѣ, что вы, какъ честный человѣкъ не позволите себѣ намекнуть даже единымъ словомъ на нѣкоторый вексель, о которомъ была сегодня утромъ рѣчь. Вамъ извѣстны мои отношенія и мои правила, незначительность самой суммы и другія обстоятельства, наконецъ есть семейныя тайны, которыя должно уважать, и семейное спокойствіе есть такая святыня, которую одни êtres sans coeur, къ которымъ я не имѣю причины васъ причислить, отвергаютъ! (Сію записку возвратите). Н. С.»

Шубинъ начертилъ внизу карандашемъ: «Не безпокойтесь, я еще пока платковъ изъ кармановъ не таскаю»; возвратилъ записку каммердинеру и снова взялся за книгу. Но она скоро выскользнула у него изъ рукъ. Онъ посмотрѣлъ на заалѣвшееся небо, на двѣ молодыя могучія сосны, стоявшія особнякомъ отъ остальныхъ деревьевъ, подумалъ: «днемъ сосны синеватыя бываютъ, а какія онѣ великолѣпно-зеленыя вечеромъ», и отправился въ садъ, съ тайною надеждой встрѣтить тамъ Елену. Онъ не обманулся. Впереди, на дорогѣ между кустами, мелькнуло ея платье. Онъ нагналъ ее и, поровнявшись съ нею, промолвилъ:

— Не глядите въ мою сторону, я не стою.

Она бѣгло взглянула на него, бѣгло улыбнулась и пошла дальше, въ глубь сада. Шубинъ отправился вслѣдъ за нею.

— Я прошу васъ не смотрѣть на меня, началъ онъ, — а заговариваю съ вами: противорѣчіе явное! Но это все равно; мнѣ не въ первой. Я сейчасъ вспомнилъ, что я еще не попросилъ у васъ, какъ слѣдуетъ, прощенія въ моей глупой вчерашней выходкѣ. Вы не сердитесь на меня, Елена Николаевна?

Она остановилась и не тотчасъ отвѣчала ему—не потому чтобъ она сердилась, а ея мысли были далеко.

— Нѣтъ, сказала она наконецъ,—я нисколько не сержусь.

Шубинъ закусилъ губу.

— Какое озабоченное и какое равнодушное лицо! пробормоталъ онъ.—Елена Николаевна, продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ:—позвольте мнѣ разсказать вамъ маленькій анекдотецъ. У меня былъ пріятель, а у этого пріятеля былъ тоже пріятель, который сперва велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, а потомъ запилъ. Вотъ однажды, рано поутру, мой пріятель встрѣчаетъ его на улицѣ (а ужь они, замѣтьте, раззнакомились), встрѣчаетъ его и видитъ, что онъ пьянъ. Мой пріятель взялъ да отвернулся отъ него. А тотъ–то подошелъ да и говоритъ: «Я бы не разсердился, говоритъ, еслибъ вы не поклонились, но зачѣмъ отвачиваться? Можетъ–быть, это я съ горя. Миръ моему праху!»

Шубинъ умолкъ.

— И только? спросила Елена.

— Только.

— Я васъ не понимаю. На что вы намекаете? Сейчасъ вы говорили мнѣ, чтобъ я не глядѣла въ вашу сторону.

— Да, а теперь я вамъ разсказалъ, какъ не хорошо отворачиваться.

— Да развѣ я.... начала было Елена.

— А развѣ нѣтъ?

Елена слегка покраснѣла и протянула Шубину руку. Онъ крѣпко пожалъ ее.

— Вотъ вы меня какъ будто поймали на дурномъ чувствѣ, сказала Елена, — а ваше подозрѣніе не справедливо. Я и не думала чуждаться васъ.

— Положимъ, положимъ. Но сознайтесь, что у васъ въ эту минуту тысяча мыслей въ головѣ, изъ которыхъ вы мнѣ ни одной не повѣрите. Что? небось, не правду я сказалъ?

— Можетъ -быть.

— Да отчего же это? отчего?

— Мои мысли мнѣ самой не ясны, проговорила Елена.

— Тутъ-то ихъ и довѣрять другому, подхватилъ Шубинъ. Но я вамъ скажу въ чемъ дѣло. Вы дурнаго мнѣнія обо мнѣ.

— Я?

— Да, вы. Вы воображаете, что во мнѣ все на половину притворно, потому что я художникъ; что я не способенъ не только ни на какое дѣло,—въ этомъ вы, вѣроятно, правы,— но даже ни къ какому истинному, глубокому чувству: что я и плакать-то искренно не могу, что я болтунъ и сплетникъ,—и все потому, что я художникъ. Что же мы, послѣ этого, за несчастные, Богомъ убитые люди? Вы, напримѣръ, я побожиться готовъ, не вѣрите въ мое раскаяніе.

— Нѣтъ, Павелъ Яковлевичъ, я вѣрю въ ваше раскаяніе и въ ваши слезы я вѣрю. Но мнѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже.

Шубинъ дрогнулъ.

— Ну, я вижу, это, какъ выражаются доктора, неизлѣчимый казусъ, casus incurabilis. Тутъ остается только поникнуть головой да покориться. А между тѣмъ, Господи! неужели это правда, неужели же я все съ собой вожусь, когда рядомъ живетъ такая душа? И знать, что никогда не проникнешь въ эту душу, никогда не будешь знать, отчего она груститъ, отчего она радуется, что въ ней бродитъ, чего ей хочется, куда она идетъ.... Скажите, промолвилъ онъ, послѣ небольшаго молчанія:—вы никогда, ни за что, ни въ какомъ случаѣ не полюбили бы художника?

Елена посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Не думаю, Павелъ Яковлевичъ; нѣтъ.

— Что́ и требовалось доказать, проговорилъ съ комической унылостію Шубинъ.—За симъ, я полагаю, мнѣ приличнѣе не мѣшать вашей уединенной прогулкѣ. Профессоръ спросилъ бы васъ: а на основаніи какихъ данныхъ вы сказали: нѣтъ? Но я не профессоръ, я дитя, по вашимъ понятіямъ; но отъ дѣтей не отворачиваются, помните. Прощайте. Миръ моему праху!

Елена хотѣла было остановить его, но подумала и тоже сказала:

— Прощайте.

Шубинъ вышелъ со двора. Въ недальнемъ разстояніи отъ дачи Стаховыхъ, встрѣтился ему Берсеневъ. Онъ шелъ проворными шагами, наклонивъ голову и сдвинувъ шляпу на затылокъ.

— Андрей Петровичъ! крикнулъ Шубинъ.

Тотъ остановился.

— Ступай, ступай, продолжалъ Шубинъ:—я только такъ, я тебя не задерживаю, и проберись прямо въ садъ, тамъ ты найдешь Елену. Она, кажется, тебя ждетъ.... кого-то она ждетъ во всякомъ случаѣ.... Понимаешь ты силу этихъ словъ: она ждетъ! А знаешь, братъ, какое удивительное обстоятельство? Представь, вотъ уже два года, какъ я живу съ ней въ одномъ домѣ, я въ нее влюбленъ, и только сейчасъ, сію минуту, не то что понялъ, а увидалъ ее. Увидалъ и руки разставилъ. Не взирай на меня, пожалуйста, съ этою лже-язвительною усмѣшкой, которая мало идетъ къ твоимъ степеннымъ чертамъ. Ну да, разумѣю, ты хочешь напомнить мнѣ объ Аннушкѣ. Что же? Я не отказываюсь. Нашему брату Аннушки подъ стать. Да здравствуютъ же Аннушки и Зои, и самыя даже Августины Христіановны! Ты ступай къ Еленѣ теперь, а я отправлюсь.... ты думаешь къ Аннушкѣ? Нѣтъ, братъ, хуже: къ князю Чикурасову. Есть такой меценатъ изъ казанскихъ Татаръ, въ родѣ Волгина. Видишь ты это пригласительное письмо, эти буквы: R. S. V. P? И въ деревнѣ мнѣ нѣтъ покоя. Addio!

Берсеневъ выслушалъ тираду Шубина молча и какъ будто конфузясь немножко за него; потомъ онъ вошелъ на дворъ Стаховской дачи. А Шубинъ дѣйствительно поѣхалъ къ князю Чикурасову, которому наговорилъ, съ самымъ любезнымъ видомъ, самыхъ колкихъ дерзостей. Меценатъ изъ казанскихъ Татаръ хохоталъ, гости мецената смѣялись, а никому не было весело и, разставшись, всѣ злились. Такъ два мало-знакомыхъ господина, встрѣтившись на Невскомъ, внезапно оскалятъ другъ передъ другомъ зубы, приторно съежатъ глаза, носъ и щеки, и тотчасъ же, миновавъ другъ друга, принимаютъ прежнее, равнодушное или угрюмое, большею частію геморроидальное выраженіе.

X.

Елена дружелюбно встрѣтила Берсенева, уже не въ саду, а въ гостиной, и тотчасъ же, почти нетерпѣливо, возобновила вчерашній разговоръ. Она была одна: Николай Артемьевичъ ти-

хонько скрылся куда-то, Анна Васильевна лежала на верху съ мокрою повязкой на головѣ, Зоя сидѣла возлѣ нея, аккуратно расправивъ юпку и сложивъ на колѣняхъ ручки; Уваръ Ивановичъ почивалъ въ мезонинѣ на широкомъ и удобномъ диванѣ, получившемъ прозвище: Самосонъ. Берсеневъ снова упомянулъ о своемъ отцѣ: онъ свято чтилъ его память. Скажемъ и мы нѣсколько словъ о немъ.

Владѣлецъ восьмидесяти двухъ душъ, которыхъ онъ освободилъ передъ смертію, иллюминатъ, старый геттингенскій студентъ, авторъ рукописнаго сочиненія о *Проступленіяхъ или прообразованіяхъ духа въ мірѣ*, сочиненія, въ которомъ шеллингіанизмъ, сведенборгіанизмъ и республиканизмъ смѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ, отецъ Берсенева привезъ его въ Москву еще мальчикомъ, тотчасъ послѣ кончины его матери, и самъ занялся его воспитаніемъ. Онъ подготовлялся къ каждому уроку, трудился необыкновенно добросовѣстно и совершенно неуспѣшно: онъ былъ мечтатель, книжникъ, мистикъ, говорилъ съ запинкой, глухимъ голосомъ, выражался темно и кудряво, все больше сравненіями, дичился даже сына, котораго любилъ страстно. Не мудрено, что сынъ только хлопалъ глазами за его уроками, и не подвигался ни на волосъ. Старикъ (ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ женился очень поздно) догадался наконецъ, что дѣло не идетъ на ладъ и помѣстилъ своего Андрюшу въ пансіонъ. Андрюша сталъ учиться, но изъ-подъ родительскаго присмотра не вышелъ; отецъ навѣщалъ его безпрестанно, надоѣдая содержателю своими наставленіями и бесѣдами; надзиратели также тяготились незваным гостемъ: онъ то и дѣло приносилъ имъ какія-то, по ихъ словамъ, премудреныя книги о воспитаніи. Даже школьникамъ становилось неловко при видѣ смуглаго и рябаго лица старика, его тощей фигуры, постоянно облеченной въ какой-то вострополый сѣрый фракъ. Школьники не подозрѣвали тогда, что этотъ угрюмый, никогда не улыбавшійся господинъ, съ журавлиной походкой и длиннымъ носомъ—сердцемъ сокрушался и болѣлъ о каждомъ изъ нихъ, почти такъ же какъ о собственномъ сынѣ. Онъ однажды вздумалъ побесѣдовать съ ними о Вашингтонѣ: «Юные питомцы!» началъ онъ, но при первыхъ звукахъ его страннаго голоса, юные питомцы разбѣжались. Честный

Геттингенецъ жилъ не на розахъ: онъ былъ постоянно подавленъ ходомъ исторіи, всякаго рода вопросами и соображеніями. Когда молодой Берсеневъ поступилъ въ университетъ, онъ ѣздилъ съ нимъ на лекціи; но уже здоровье начинало измѣнять ему. Событія 48–года потрясли его до основанія (надо было всю книгу передѣлать!), и онъ умеръ зимой 53–го года, не дождавшись выхода сына изъ университета, но заранѣе поздравивъ его кандидатомъ и благословивъ его на служеніе наукѣ. «Передаю тебѣ свѣточъ», говорилъ онъ ему за два часа до смерти, «я держалъ его покамѣстъ могъ, не выпускай и ты сей свѣточъ до конца.»

Берсеневъ долго говорилъ съ Еленой о своемъ отцѣ. Неловкость, которую онъ чувствовалъ въ ея присутствіи, исчезла, и пришепетывалъ онъ не такъ сильно. Разговоръ перешелъ къ университету.

— Скажите, спросила его Елена, — между вашими товарищами были замѣчательные люди?

Берсеневъ вспомнилъ снова Шубина.

— Нѣтъ, Елена Николаевна, сказать вамъ по правдѣ, не было между нами ни одного замѣчательнаго человѣка. Да и гдѣ! Было, говорятъ, время въ Московскомъ университетѣ! Только не теперь. Теперь, это училище — не университетъ. Мнѣ было тяжело съ моими товарищами, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Тяжело?... прошептала Елена.

— Впрочемъ, продолжалъ Берсеневъ,—я долженъ оговориться. Я знаю одного студента,—правда, онъ не моего курса,— это, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ.

— Какъ его зовутъ? съ живостью спросила Елена.

— Инсаровъ, Дмитрій Никаноровичъ. Онъ Болгаръ.

— Не Русскій?

— Нѣтъ, не Русскій.

— Зачѣмъ же онъ живетъ въ Москвѣ?

— Онъ пріѣхалъ сюда учиться. И знаете ли, съ какою цѣлью онъ учиться? У него одна мысль: освобожденіе его родины. И судьба его необыкновенная. Отецъ его былъ довольно зажиточный купецъ, родомъ изъ Тернова. Терновъ теперь небольшой городокъ, а въ старину это была столица Болгаріи,

когда еще Болгарія была независимымъ королевствомъ. Торговалъ онъ въ Софіи, имѣлъ сношенія съ Россіей; сестра его, родная тетка Инсарова, до сихъ поръ живетъ въ Кіевѣ, замужемъ за старшимъ учителемъ исторіи, въ тамошней гимназіи. Въ 1835 году, стало-быть восемнадцать лѣтъ тому назадъ, совершилось ужасное злодѣяніе: мать Инсарова вдругъ пропала безъ вѣсти; черезъ недѣлю ее нашли зарѣзанною.

Елена содрогнулась. Берсеневъ остановился.

— Продолжайте, продолжайте, проговорила она.

— Ходили слухи, что ее похитилъ и убилъ турецкій ага; ея мужъ, отецъ Инсарова, дознался правды, хотѣлъ отмстить, но онъ только ранилъ кинжаломъ агу.... Его разстрѣляли.

— Разстрѣляли? безъ суда?

— Да. Инсарову въ то время пошелъ восьмой годъ. Онъ остался на рукахъ у сосѣдей. Сестра узнала объ участи братниного семейства и пожелала имѣть племянника у себя. Его доставили въ Одессу, а оттуда въ Кіевъ. Въ Кіевѣ онъ прожилъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Оттого онъ такъ хорошо говоритъ по-русски.

— Онъ говоритъ по-русски?

— Какъ мы съ вами. Когда ему минуло двадцать лѣтъ (это было въ началѣ 48 года), онъ пожелалъ вернуться на родину. Былъ въ Софіи и Терновѣ, всю Болгарію исходилъ вдоль и поперекъ, провелъ въ ней два года, выучился опять родному языку. Турецкое правительство преслѣдовало его, и онъ, вѣроятно, въ эти два года подвергался большимъ опасностямъ: я разъ увидѣлъ у него на шеѣ широкій рубецъ, должно-быть, слѣдъ раны; но онъ объ этомъ говорить не любитъ. Онъ, тоже, въ своемъ родѣ молчальникъ. Я пытался его разспрашивать,—не тутъ-то было. Отвѣчаетъ общими фразами. Онъ ужасно упрямъ. Въ 50 году онъ опять пріѣхалъ въ Россію, въ Москву, съ намѣреніемъ образоваться вполнѣ, сблизиться съ Русскими, а потомъ, когда онъ выйдетъ изъ университета....

— Что же тогда? перебила Елена.

— А что Богъ дастъ. Мудрено впередъ загадывать.

Елена долго не спускала глазъ съ Берсенева.

— Вы очень заинтересовали меня своимъ разсказомъ, про-

молвила она. — Каковъ онъ изъ себя, этотъ вашъ, какъ вы его назвали.... Инсаровъ?

— Какъ вамъ сказать? по моему, не дуренъ. Да вотъ вы сами его увидите.

— Какъ такъ?

— Я его приведу сюда, къ вамъ. Онъ послѣ завтра переѣзжаетъ въ нашу деревеньку и будетъ жить со мной на одной квартирѣ.

— Неужели? Да захочетъ ли онъ придти къ намъ?

— Еще бы! Онъ очень будетъ радъ.

— Онъ не гордъ?

— Онъ? Нимало. То-есть, если хотите, онъ гордъ, только не въ томъ смыслѣ, какъ вы понимаете. Денегъ онъ, напримѣръ, взаймы ни отъ кого не возьметъ.

— А онъ бѣденъ?

— Да, не богатъ. Ѣздивши въ Болгарію, онъ собралъ кой-какія крохи, уцѣлѣвшія отъ отцовскаго достоянія, и тетка ему помогаетъ; но все это бездѣлица.

— У него, должно-быть, много характера, замѣтила Елена.

— Да. Это желѣзный человѣкъ. И въ то же время, вы увидите, въ немъ есть что-то дѣтское, искреннее, при всей его сосредоточенности и даже скрытности. Правда, его искренность—не наша дрянная искренность, искренность людей, которымъ скрывать рѣшительно нечего.... Да вотъ я его къ вамъ привезу, погодите.

— И не застѣнчивъ онъ? спросила опять Елена.

— Нѣтъ, не застѣнчивъ. Одни самолюбивые люди застѣнчивы.

— А развѣ вы самолюбивы?

Берсеневъ смѣшался и развелъ руками.

— Вы возбуждаете мое любопытство, продолжала Елена.— Ну, а скажите, не отомстилъ онъ этому турецкому агѣ?

Берсеневъ улыбнулся.

— Мстятъ только въ романахъ, Елена Николаевна, да и притомъ въ двѣнадцать лѣтъ этотъ ага могъ умереть.

— Однако, господинъ Инсаровъ вамъ ничего объ этомъ не говорилъ?

— Ничего.

— Зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Софію?

— Тамъ отецъ его жилъ.

Елена задумалась.

— Освободить свою родину! промолвила она. — Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики....

Въ это мгновеніе вошла въ комнату Анна Васильевна, и разговоръ прекратился.

Странныя ощущенія волновали Берсенева, когда онъ возвращался домой въ тотъ вечеръ. Онъ не раскаивался въ своемъ намѣреніи познакомить Елену съ Инсаровымъ, онъ находилъ весьма естественнымъ то глубокое впечатлѣніе, которое произвели на нее его разсказы о молодомъ Болгарѣ.... не самъ ли онъ старался усилить это впечатлѣніе! Но тайное и темное чувство скрытно гнѣздилось въ его сердцѣ, онъ грустилъ не хорошею грустію. Эта грусть не помѣшала ему однако взяться за *Исторію Гогенштауфеновъ* и начать читать ее съ самой той страницы, на которой онъ остановился наканунѣ.

XI.

Два дня спустя, Инсаровъ, по обѣщанію, явился къ Берсеневу съ своею поклажей. Слуги у него не было, но онъ безъ всякой помощи привелъ свою комнату въ порядокъ, уставилъ мебель, подтеръ пыль и вымелъ полъ. Особенно долго возился онъ съ письменнымъ столомъ, который никакъ не хотѣлъ помѣститься въ назначенный для него простѣнокъ; но Инсаровъ, съ свойственною ему молчаливою настойчивостью, добился своего. Устроившись, онъ попросилъ Берсенева взять съ него десять рублей впередъ и, вооружившись толстой палкой, отправился осматривать окрестности своего новаго жилища. Онъ вернулся часа черезъ три и, на приглашеніе Берсенева раздѣлить съ нимъ его трапезу, отвѣчалъ, что онъ не отказывается обѣдать съ нимъ сегодня, но что онъ уже переговорилъ съ хозяйкой дома и будетъ впередъ получать свою ѣду отъ нея.

— Помилуйте! возразилъ Берсеневъ:—васъ будутъ скверно кормить: эта баба совсѣмъ стряпать не умѣетъ. Отчего вы не хотите обѣдать со мною? мы бы расходъ пополамъ дѣлили.

— Мои средства не позволяютъ мнѣ обѣдать такъ, какъ вы обѣдаете, отвѣчалъ съ спокойной улыбкой Инсаровъ.

Въ этой улыбкѣ было что-то такое, что̀ не позволяло настаивать: Берсеневъ слова не прибавилъ. Послѣ обѣда онъ предложилъ Инсарову свести его къ Стаховымъ; но тотъ отвѣчалъ, что располагаетъ посвятить весь вечеръ на переписку съ своими Болгарами и потому проситъ его отсрочить посѣщеніе Стаховыхъ до другаго дня. Непреклонность воли Инсарова была уже прежде извѣстна Берсеневу; но только теперь, находясь съ нимъ подъ одной кровлей, онъ могъ окончательно убѣдиться въ томъ, что Инсаровъ никогда не мѣнялъ никакого своего рѣшенія, точно также, какъ никогда не откладывалъ исполненія даннаго обѣщанія. Берсеневу, какъ коренному русскому человѣку, эта, болѣе чѣмъ нѣмецкая, аккуратность сначала казалась нѣсколько дикою, немножко даже смѣшною; но онъ скоро привыкъ къ ней и кончилъ тѣмъ, что находилъ ее если не почтенною, то по крайней мѣрѣ весьма удобною.

На второй день послѣ своего переселенія, Инсаровъ всталъ въ четыре часа утра, обѣгалъ почти все Кунцово, искупался въ рѣкѣ, вышилъ стаканъ холоднаго молока и принялся за работу; а работы у него было не мало: онъ учился и русской исторіи, и праву, и политической экономіи, переводилъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собиралъ матеріялы о восточномъ вопросѣ, составлялъ русскую грамматику для Болгаръ, болгарскую для Русскихъ. Берсеневъ зашелъ къ нему и потолковалъ съ нимъ о Фейербахѣ. Инсаровъ слушалъ его внимательно, возражалъ рѣдко, но дѣльно; изъ возраженій его видно было, что онъ старался дать самому себѣ отчетъ въ томъ: нужно ли ему заняться Фейербахомъ, или же можно обойдтись безъ него. Берсеневъ навелъ потомъ рѣчь на его занятія и спросилъ: не покажетъ ли онъ ему что-нибудь? Инсаровъ прочелъ ему свой переводъ двухъ или трехъ болгарскихъ пѣсенъ и пожелалъ узнать его мнѣніе. Берсеневъ нашелъ переводъ правильнымъ, но не довольно оживленнымъ. Инсаровъ принялъ его замѣчаніе къ свѣденію. Отъ пѣсенъ Берсеневъ перешелъ къ современному положенію Болгаріи и тутъ онъ впервые замѣтилъ, какая совершалась перемѣна въ Инсаровѣ при одномъ упоминовеніи его родины: не то, чтобы лицо его разгоралось, или голосъ возвышался—нѣтъ!

но все существо его какъ-будто крѣпло и стремилось впередъ, очертаніе губъ обозначалось рѣзче и неумолимѣе, а въ глубинѣ глазъ зажигался какой–то глухой, неугасимый огонь. Инсаровъ не любилъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говорилъ охотно со всякимъ. Онъ говорилъ, не спѣша, о Туркахъ, объ ихъ притѣсненіяхъ, о горѣ и бѣдствіяхъ своихъ согражданъ, объ ихъ надеждахъ; сосредоточенная обдуманность единой и давней страсти слышалась на каждомъ его словѣ.

«А вѣдь чего добраго, подумалъ между тѣмъ Берсеневъ, турецкій ага, пожалуй, поплатился ему за смерть матери и отца».

Инсаровъ не успѣлъ еще умолкнуть, какъ дверь растворилась и на порогѣ появился Шубинъ.

Онъ вошелъ въ комнату какъ–то слишкомъ развязано и добродушно; Берсеневъ, который зналъ его хорошо, тотчасъ понялъ, что его что–то коробило.

— Рекомендуюсь безъ церемоній, началъ онъ съ свѣтлымъ и открытымъ выраженіемъ лица:—моя фамилія Шубинъ; я пріятель вотъ этого молодаго человѣка. (Онъ указалъ на Берсенева). Вѣдь вы господинъ Инсаровъ, не такъ ли?

— Я Инсаровъ.

— Такъ дайте же руку и познакомимтесь. Не знаю, говорилъ ли вамъ Берсеневъ обо мнѣ, а мнѣ онъ много говорилъ объ васъ. Вы здѣсь поселились? Отлично! Не сердитесь на меня, что я такъ пристально на васъ гляжу. Я по ремеслу моему ваятель и предвижу, что въ скоромъ времени попрошу у васъ позволеніе слѣпить вашу голову.

— Моя голова къ вашимъ услугамъ, проговорилъ Инсаровъ.

— Что же мы дѣлаемъ сегодня, а? заговорилъ Шубинъ, внезапно садясь на низенькій стулъ и опираясь обѣими руками на широко разставленныя колѣни. — Андрей Петровичъ, есть какой–нибудь планъ на нынѣшній день у вашего благородія? Погода славная; сѣномъ и сухою земляникой пахнетъ такъ, словно грудной чай пьешь. Надо бы сочинить какой–нибудь фокусъ. Покажемъ новому обитателю Кунцова всѣ его многочисленныя красоты. («А его коробитъ», продолжалъ думать про

себя Берсеневъ). Ну что жь ты молчишь, мой другъ Гораціо? Раскрой свои вѣщія уста. Сочинимъ мы фокусъ или нѣтъ?

— Я не знаю, замѣтилъ Берсеневъ:—какъ Инсаровъ. Онъ, кажется, собирается работать.

Шубинъ повернулся на стулѣ.

— Вы хотите работать? спросилъ онъ какъ-то въ носъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ:—нынѣшній день я могу посвятить прогулкѣ.

— А! промолвилъ Шубинъ. — Ну и прекрасно. Ступайте, другъ мой Андрей Петровичъ, прикройте шляпой вашу мудрую голову, и пойдемте куда глаза глядятъ. Наши глаза молодые— глядятъ далеко. Я знаю трактирчикъ прескверненькій, гдѣ намъ дадутъ обѣдишко препакостный; а намъ будетъ очень весело. Пойдемте.

Полчаса спустя, они всѣ трое шли по берегу Москвы рѣки. У Инсарова оказался довольно странный, ушастый картузъ, отъ котораго Шубинъ пришелъ въ не совсѣмъ естественный восторгъ. Инсаровъ выступалъ не спѣша, глядѣлъ, дышалъ, говорилъ и улыбался спокойно: онъ отдалъ этотъ день удовольствію и наслаждался вполнѣ. «Благоразумные мальчики такъ гуляютъ по воскресеньямъ», шепнулъ Шубинъ Берсеневу на ухо. Самъ Шубинъ очень дурачился, выбѣгалъ впередъ, становился въ позы извѣстныхъ статуй, кувыркался на травѣ: спокойствіе Инсарова не то, чтобы раздражало его, а заставляло его кривляться. «Что ты такъ егозишь, французъ!» раза два замѣтилъ ему Берсеневъ. «Да, я французъ, полу-французъ», возражалъ ему Шубинъ; а ты держи середину между шуткою и серіозомъ, какъ говаривалъ мнѣ одинъ половой». Молодые люди повернули прочь отъ рѣки и пошли по узкой и глубокой рытвинѣ, между двумя стѣнами золотой, высокой ржи; голубоватая тѣнь падала на нихъ отъ одной изъ этихъ стѣнъ; лучистое солнце, казалось, скользило по верхушкамъ колосьевъ; жаворонки пѣли, перепела кричали; повсюду зеленѣли травы; теплый вѣтерокъ шевелилъ и поднималъ ихъ листья, качалъ головки цвѣтовъ. Послѣ долгихъ странствованій, отдыховъ, болтовни (Шубинъ пробовалъ даже играть въ чехарду съ какимъ-то прохожимъ беззубымъ мужичкомъ, который все смѣялся, что съ нимъ ни дѣлали господа), молодые люди добрели до

«скверненькаго» трактирчика. Слуга чуть не сшибъ каждаго изъ нихъ съ ногъ, и дѣйствительно накормилъ ихъ очень дурнымъ обѣдомъ, съ какимъ-то забалканскимъ виномъ, что̀, впрочемъ, не мѣшало имъ веселиться отъ души, какъ предсказывалъ Шубинъ; самъ онъ веселился громче всѣхъ — и меньше всѣхъ. Онъ пилъ здоровье непонятнаго, но великаго Венелина, здоровье болгарскаго короля Крума, Хрума или Хрома, жившаго чуть не въ Адамовы времена.

— Въ девятомъ столѣтіи, поправилъ его Инсаровъ.

— Въ девятомъ столѣтіи? воскликнулъ Шубинъ.—О, какое счастье!

Берсеневъ замѣчалъ, что посреди всѣхъ своихъ проказъ, выходокъ и шутокъ, Шубинъ все какъ-будто бы экзаменовалъ Инсарова, какъ-будто щупалъ его и волновался внутренно, — а Инсаровъ оставался попрежнему спокойнымъ и яснымъ.

Наконецъ, они вернулись домой, переодѣлись и, чтобы уже не выходить изъ колеи, въ которую попали съ утра, рѣшились отправиться въ тотъ же вечеръ къ Стаховымъ. Шубинъ побѣжалъ впередъ извѣстить объ ихъ приходѣ.

XII.

— *Ирой* Инсаровъ сейчасъ сюда пожалуетъ! торжественно воскликнулъ онъ, входя въ гостиную Стаховыхъ, гдѣ въ ту минуту находились только Елена да Зоя.

— Wer? спросила по-нѣмецки Зоя. Взятая врасплохъ, она всегда выражалась на родномъ языкѣ. Елена выпрямилась. Шубинъ поглядѣлъ на нее съ игривою улыбочкой на губахъ. Ей стало досадно, но она ничего не сказала.

— Вы слышали, повторилъ онъ:—господинъ Инсаровъ сюда идетъ.

— Слышала, отвѣчала она,—и слышала какъ вы его назвали. Удивляюсь вамъ, право. Нога господина Инсарова еще здѣсь не была, а вы уже считаете за нужное ломаться.

Шубинъ вдругъ опустился.

— Вы правы, вы всегда правы, Елена Николаевна, пробормоталъ онъ:—но это я только такъ, ей Богу. Мы цѣлый день

съ нимъ вмѣстѣ гуляли, и онъ, я увѣряю васъ, отличный человѣкъ.

— Я объ этомъ васъ не спрашивала, промолвила Елена и встала.

— Господинъ Инсаровъ молодъ? спросила Зоя.

— Ему сто сорокъ четыре года, отвѣчалъ съ досадой Шубинъ.

Казачокъ доложилъ о приходѣ двухъ пріятелей. Они вошли. Берсеневъ представилъ Инсарова. Елена попросила ихъ сѣсть и сама сѣла, а Зоя отправилась наверхъ: надо было предувѣдомить Анну Васильевну. Начался разговоръ довольно незначительный, какъ всѣ первые разговоры. Шубинъ наблюдалъ молчкомъ изъ уголка, но наблюдать было не за чѣмъ. Въ Еленѣ онъ замѣчалъ слѣды сдержанной досады противъ него, Шубина—и только. Онъ глядѣлъ на Берсенева и на Инсарова и, какъ ваятель, сравнивалъ ихъ лица. Оба, думалъ онъ, не красивы собой: у Болгара характерное, скульптурное лицо; вотъ теперь оно хорошо освѣтилось; у Великоросса просится больше въ живопись: линій нѣту, физіономія есть. А, пожалуй, и въ того и въ другаго влюбиться можно. Она еще не любитъ, но полюбитъ Берсенева, рѣшилъ онъ про себя.—Анна Васильевна появилась въ гостиную, и разговоръ принялъ оборотъ совершенно *дачный*, именно дачный, не деревенскій. То былъ разговоръ весьма разнообразный по обилію обсуждаемыхъ предметовъ; но коротенькія, довольно томительныя паузы прерывали его каждыя три минуты. Въ одну изъ этихъ паузъ, Анна Васильевна обратилась къ Зоѣ. Шубинъ понялъ ея нѣмой намекъ и скорчилъ кислую рожу, а Зоя сѣла за фортепіяно, сыграла и спѣла всѣ свои штучки. Уваръ Ивановичъ показался было изъ-за двери, но пошевелилъ перстами и отретировался. Потомъ подали чай, потомъ прошлись всѣмъ обществомъ по саду.... На дворѣ стемнѣло, и гости удалились.

Инсаровъ дѣйствительно произвелъ на Елену меньше впечатлѣнія, чѣмъ она сама ожидала, или, говоря точнѣе, онъ произвелъ на нее не то впечатлѣніе, котораго ожидала она. Ей понравилась его прямота и непринужденность, — и лицо его ей понравилось; но все существо Инсарова, спокойно-твердое и обыденно-простое, какъ-то не ладилось съ тѣмъ образомъ, ко-

торый составился у нея въ головѣ отъ разсказовъ Берсенева. Елена, сама того не подозрѣвая, ожидала чего-то болѣе «фатальнаго». Но, думала она, онъ сегодня говорилъ очень мало, я сама виновата; я не разспрашивала его; подождемъ до другаго раза.... а глаза у него выразительные, честные глаза. Она чувствовала, что ей не преклониться передъ нимъ хотѣлось, а подать ему дружески руку, и она недоумѣвала: не такими воображала она себѣ людей, подобныхъ Инсарову, «героевъ». Это послѣднее слово напомнило ей Шубина, и она, уже лежа въ постели, вспыхнула и разсердилась.

— Какъ вамъ понравились ваши новые знакомые? спросилъ на возвратномъ пути Берсеневъ у Инсарова.

— Они мнѣ очень понравились, отвѣчалъ Инсаровъ,—особенно дочь. Славная, должно быть, дѣвушка. Она волнуется, но въ ней это хорошее волненіе.

— Надо будетъ къ нимъ ходить почаще, замѣтилъ Берсеневъ.

— Да, надо, проговорилъ Инсаровъ—и ничего больше не сказалъ до самаго дома. Онъ тотчасъ заперся въ своей комнатѣ, но свѣча горѣла у него далеко за полночь.

Берсеневъ не успѣлъ еще прочесть страницу изъ Раумера, какъ горсть брошеннаго мелкаго песку стукнула о стекла его окна. Онъ невольно вздрогнулъ, раскрылъ окно и увидалъ Шубина, блѣднаго, какъ полотно.

— Экой ты неугомонный! ночная ты бабочка! началъ было Берсеневъ.

— Тсъ! перебилъ его Шубинъ:—я пришелъ къ тебѣ украдкой, какъ Максъ къ Амаліи. Мнѣ непремѣнно нужно сказать тебѣ два слова наедину.

— Да войди же въ комнату.

— Нѣтъ, не нужно, возразилъ Шубинъ и облокотился на оконницу: — этакъ веселѣе, больше на Испанію похоже. Во-первыхъ поздравляю тебя: твои акціи поднялись. Твой хваленый, необыкновенный человѣкъ провалился. За это я тебѣ поручиться могу. А чтобъ тебѣ доказать мою безпристрастность, слушай: вотъ формулярный списокъ господина Инсарова. Талантовъ никакихъ, поэзіи *нема*, способностей къ работѣ пропасть, память большая, умъ не разнообразный и не глубокій,

но здравый и живой; сушь и сила, и даже даръ слова, когда рѣчь идетъ объ его, между нами сказать, скучнѣйшей Болгаріи. Что̀? ты скажешь, я несправедливъ? Еще замѣчаніе: ты съ нимъ никогда на *ты* не будешь и никто съ нимъ на *ты* не бывалъ; я, какъ артистъ, ему противенъ, чѣмъ я горжусь. Сушь, сушь, а всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ, Онъ съ своею землею связанъ — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся, молъ, въ насъ, живая вода! За то и задача его легче, удобопонятнѣе: стоитъ только Турокъ вытурить, велика штука! Но всѣ эти качества, слава Богу, не нравятся женщинамъ. Обаянія нѣтъ, *шарму*; не то, что въ насъ съ тобой

— Къ чему ты меня приплелъ? пробормоталъ Берсеневъ.— И въ остальномъ ты не правъ: ты ему нисколько не противенъ, и съ своими соотечественниками онъ на *ты*, я это знаю.

— Это другое дѣло! Для нихъ онъ герой; а, признаться сказать, я себѣ героевъ иначе представляю: герой не долженъ умѣть говорить; герой мычитъ, какъ быкъ; за то двинетъ рогомъ—стѣны валятся. И онъ самъ не долженъ знать, зачѣмъ онъ двигаетъ, а двигаетъ. Впрочемъ, можетъ-быть, въ наши времена требуются герои другаго калибра.

— Что тебя Инсаровъ такъ занимаетъ? спросилъ Берсеневъ. — Неужели ты только для того прибѣжалъ сюда, чтобъ описать мнѣ его характеръ?

— Я пришелъ сюда, началъ Шубинъ:—потому что мнѣ дома очень было грустно.

— Вотъ какъ! Ужь не хочешь ли ты опять заплакать?

— Смѣйся! я пришелъ сюда, потому что я готовъ локти себѣ кусать, потому что отчаяніе меня грызетъ, досада, ревность....

— Ревность? къ кому?

— Къ тебѣ, къ нему, ко всѣмъ. Меня терзаетъ мысль, что еслибъ я раньше понялъ ее, еслибъ я умѣючи взялся за дѣло.... Да что толковать! Кончится тѣмъ, что я буду все смѣяться, дурачиться, ломаться, какъ она говоритъ, а тамъ возьму да удавлюсь.

— Ну, удавиться ты не удавишься, замѣтилъ Берсеневъ.

— Въ такую ночь, конечно, нѣтъ; но дай намъ только до-

жить до осени. Въ такую ночь люди умираютъ тоже, только отъ счастья. Ахъ, счастье! Каждая вытянутая черезъ дорогу тѣнь отъ дерева такъ, кажется, и шепчетъ теперь: «Знаю я, гдѣ счастье.... Хочешь, скажу?» Я бы позвалъ тебя гулять, да ты теперь подъ вліяніемъ прозы. Спи, и да снятся тебѣ математическія фигуры! А у меня душа разрывается. Вы, господа, видите, что человѣкъ смѣется, значитъ, по вашему, ему легко; вы можете доказать ему, что онъ самому себѣ противорѣчитъ, значитъ, онъ не страдаетъ... Богъ съ вами!

Шубинъ быстро отошелъ отъ окошка. «Аннушка!» хотѣлъ было крикнуть ему вслѣдъ Берсеневъ, но удержался: на Шубинѣ, дѣйствительно, лица не было. Минуты двѣ спустя, Берсеневу даже почудились рыданія: онъ всталъ, отворилъ окно; все было тихо, только гдѣ-то вдали, какой-то, должно-быть, проѣзжій мужичокъ тянулъ *Степь Моздокскую*.

XIII.

Въ теченіи первыхъ двухъ недѣль послѣ переселенія Инсарова въ сосѣдство Кунцова, онъ не болѣе четырехъ или пяти разъ посѣтилъ Стаховыхъ; Берсеневъ ходилъ къ нимъ черезъ день. Елена всегда ему была рада, всегда завязывалась между имъ и ею живая и интересная бесѣда, и все-таки онъ возвращался домой часто съ печальнымъ лицомъ. Шубинъ почти не показывался; онъ съ лихорадочною дѣятельностію занялся своимъ искусствомъ: либо сидѣлъ взаперти у себя въ комнатѣ и выскакивалъ оттуда въ блузѣ, весь выпачканный глиной, либо проводилъ дни въ Москвѣ, гдѣ у него была студія, куда приходили къ нему модели и италіянскіе формовщики, его пріятели и учители. Елена ни разу не поговорила съ Инсаровымъ такъ, какъ бы она хотѣла; въ его отсутствіе, она готовилась разспросить его о многомъ, но когда онъ приходилъ, ей становилось совѣстно своихъ приготовленій. Самое спокойствіе Инсарова ее смущало: ей казалось, что она не имѣетъ права заставить его высказываться, и она рѣшалась ждать; со всѣмъ тѣмъ, она чувствовала, что съ каждымъ его посѣщеніемъ, какъ бы незначительны ни были обмѣненныя между ними слова,

онъ привлекалъ ее болѣе и болѣе; но ей не пришлось остаться съ нимъ наединѣ,—а чтобы сблизиться съ человѣкомъ, нужно хоть однажды побесѣдовать съ нимъ съ глазу на глазъ. Она много говорила о немъ съ Берсеневымъ. Берсеневъ понималъ, что воображеніе Елены поражено Инсаровымъ, и радовался, что его пріятель не провалился, какъ утверждалъ Шубинъ; онъ съ жаромъ, до малѣйшихъ подробностей, разказывалъ ей все, что̀ зналъ о немъ (мы часто, когда сами хотимъ понравиться другому человѣку, превозносимъ въ разговорѣ съ нимъ нашихъ пріятелей, почти никогда притомъ не подозрѣвая, что мы тѣмъ самихъ себя хвалимъ), и лишь изрѣдка, когда блѣдныя щеки Елены слегка краснѣли, а глаза свѣтлѣли и расширялись, та не хорошая, уже имъ испытанная, грусть щемила его сердце.

Однажды Берсеневъ пришелъ къ Стаховымъ не въ обычную пору, часу въ одиннадцатомъ утра. Елена вышла къ нему въ залу.

— Вообразите себѣ, началъ онъ съ принужденной улыбкой: —нашъ Инсаровъ пропалъ.

— Какъ пропалъ? проговорила Елена.

— Пропалъ. Третьяго дня вечеромъ ушелъ куда-то, и съ тѣхъ поръ его нѣтъ.

— Онъ не сказалъ вамъ, куда онъ пошелъ?

— Нѣтъ.

Елена опустилась на стулъ.

— Онъ, вѣроятно, въ Москву отправился, промолвила она, стараясь казаться равнодушной и въ тоже время сама дивясь тому, что она старается казаться равнодушной.

— Не думаю, возразилъ Берсеневъ.—Онъ ушелъ не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

— Къ нему третьяго дня, передъ обѣдомъ, явились два какихъ-то человѣка, должно-быть его соотечественники.

— Болгары? почему вы это думаете?

— А потому что, сколько я могъ разслышать, они говорили съ нимъ на языкѣ, мнѣ неизвѣстномъ, но славянскомъ.... Вотъ вы все находите, Елена Николаевна, что въ Инсаровѣ таинственнаго мало: ужь на что таинственнѣе этого посѣщенія?

Представьте: вошли къ нему—и ну кричать и спорить, да такъ дико, злобно... И онъ кричалъ.

— И онъ?

— И онъ. Кричалъ на нихъ. Они какъ будто жаловались другъ на друга. И еслибы вы взглянули на этихъ посѣтителей! Лица смуглыя, широкоскулыя, тупыя, съ ястребиными носами, лѣтъ каждому за сорокъ, одѣты плохо, въ пыли, въ поту; съ виду ремесленники — не ремесленники, и не господа.... Богъ знаетъ, что́ за люди.

— И онъ съ ними отправился?

— Съ ними. Накормилъ ихъ да ушелъ съ ними. Хозяйка мнѣ сказывала,—они вдвоемъ цѣлый огромный горшокъ каши съѣли. Такъ, говоритъ, въ перегонку и глотали, словно волки.

Елена слабо усмѣхнулась.

— Вы увидите, промолвила она:—все это разрѣшится чѣмъ-нибудь очень прозаическимъ.

— Дай Богъ! Только напрасно вы употребили это слово. Въ Инсаровѣ нѣтъ ничего прозаическаго, хотя Шубинъ и увѣряетъ...

— Шубинъ! перебила Елена и пожала плечомъ. — Но сознайтесь, что эти два господина, глотающіе кашу....

— И Ѳемистоклъ ѣлъ наканунѣ Саламинскаго сраженія, съ улыбкой замѣтилъ Берсеневъ.

— Такъ; но за то на другой день и было сраженіе.—А вы все-таки дайте мнѣ знать, когда онъ вернется, прибавила Елена и попыталась перемѣнить разговоръ,—но разговоръ не клеился. Появилась Зоя и стала ходить по комнатѣ на цыпочкахъ, давая тѣмъ знать, что Анна Васильевна еще не проснулась.

Берсеневъ ушелъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, принесли отъ него записку Еленѣ. «Вернулся, писалъ онъ ей:—загорѣлый и въ пыли по самыя брови, но зачѣмъ и куда ѣздилъ, не знаю; не узнаете ли вы?»

— Не узнаете ли вы! прошептала Елена.—Развѣ онъ говоритъ со мной?

XIV.

На слѣдующій день, часу во второмъ, Елена стояла въ саду передъ небольшою закуткой, гдѣ у ней воспитывались два дво-

ровые щенка. (Садовникъ нашелъ ихъ заброшенными подъ заборомъ и принесъ ихъ барышнѣ, про которую ему сказали прачки, что она, молъ, всякихъ звѣрей и скотовъ жалуетъ. Онъ не ошибся въ разсчетѣ: Елена дала ему четвертакъ). Она заглянула въ закутку, убѣдилась, что щенки живы и здоровы, и что солому имъ постлали свѣжую, обернулась и чуть не вскрикнула: прямо къ ней, по аллеѣ, шелъ Инсаровъ, одинъ.

— Здравствуйте, промолвилъ онъ, приближаясь къ ней и снимая картузъ. Она замѣтила, что онъ точно сильно загорѣлъ въ послѣдніе три дня. — Я хотѣлъ придти сюда съ Андреемъ Петровичемъ, да онъ что-то замѣшкался; вотъ я и отправился безъ него. Въ домѣ у васъ никого нѣтъ: всѣ спятъ или гуляютъ, я и пришелъ сюда.

— Вы какъ будто извиняетесь, отвѣчала Елена.—Это совсѣмъ не нужно. Мы всѣ очень рады васъ видѣть.... Сядемте тутъ на скамейкѣ, въ тѣни.

Она сѣла. Инсаровъ помѣстился возлѣ нея.

— Васъ, кажется, дома не было это время? начала она.

— Да, отвѣчалъ онъ:—я уходилъ.... Вамъ Андрей Петровичъ сказывалъ?

Инсаровъ глянулъ на нее, улыбнулся и началъ играть картузомъ. Улыбаясь, онъ быстро моргалъ глазами и выдвигалъ впередъ губы, что̀ придавало ему очень добродушный видъ.

— Андрей Петровичъ, вѣроятно, вамъ также сказалъ, что я ушелъ съ какими-то.... безобразными людьми, проговорилъ онъ, продолжая улыбаться.

Елена немного смутилась, но тотчасъ почувствовала, что Инсарову надо всегда говорить правду.

— Да, сказала она рѣшительно.

— Что̀ же вы подумали обо мнѣ? спросилъ онъ ее вдругъ.

Елена подняла на него глаза.

— Я подумала, промолвила она.... я подумала, что вы всегда знаете, что̀ дѣлаете, и что вы ничего дурнаго не въ состояніи сдѣлать.

— Ну, и спасибо вамъ за это. Вотъ видите ли, Елена Николаевна, началъ онъ, какъ-то довѣрчиво подсаживаясь къ ней: —нашихъ здѣсь небольшая семейка; есть между нами люди мало образованные, но всѣ крѣпко преданы общему дѣлу. Къ

несчастію, безъ ссоръ нельзя, а меня всѣ знаютъ, вѣрятъ мнѣ; вотъ и позвали меня разобрать одну ссору. Я отправился.

— Далеко отсюда?

— Я за шестьдесятъ верстъ ѣздилъ, въ Троицкій посадъ. Тамъ, при монастырѣ, тоже есть наши. По крайней мѣрѣ, не даромъ хлопоталъ: уладилъ дѣло.

— И трудно вамъ было?

— Трудно. Одинъ все упрямился. Деньги не хотѣлъ отдать.

— Какъ? Изъ-за денегъ была ссора?

— Да; и деньги-то небольшія. А вы что̀ полагали?

— И вы для такихъ пустяковъ за шестьдесятъ верстъ ѣздили? Три дня потеряли?

— То не пустяки, Елена Николаевна, когда свои земляки замѣшаны. Тутъ отказаться грѣхъ. Вы вотъ, я вижу, даже щенкамъ не отказываете въ помощи, и я васъ хвалю за это. А что̀ я время-то потерялъ, это не бѣда, потомъ наверстаю. Наше время не намъ принадлежитъ.

— Кому же?

— А всѣмъ, кому въ насъ нужда. Я вамъ все это такъ, съ бухта-барахта разсказалъ, потому что я дорожу вашимъ мнѣніемъ. Я воображаю, какъ Андрей Петровичъ васъ удивилъ!

— Вы дорожите моимъ мнѣніемъ, проговорила Елена въ полголоса:—почему?

Инсаровъ опять улыбнулся.

— Потому, что вы хорошая барышня, не аристократка.... вотъ и все.

Настало небольшое молчаніе.

— Дмитрій Никаноровичъ, сказала Елена:—знаете ли вы, что вы въ первый разъ со мной такъ откровенны?

— Какъ такъ? Мнѣ кажется, я всегда говорилъ вамъ все, что̀ думалъ.

— Нѣтъ, это въ первый разъ, и я очень этому рада,—и я тоже хочу быть откровенною съ вами. Можно?

Инсаровъ засмѣялся и сказалъ:

— Можно.

— Предваряю васъ, что я очень любопытна.

— Ничего, говорите.

— Мнѣ Андрей Петровичъ много разсказывалъ о вашей

жизни, о вашей молодости. Мнѣ извѣстно одно обстоятельство, одно ужасное обстоятельство... Я знаю, что вы ѣздили потомъ къ себѣ на родину.... Не отвѣчайте мнѣ, ради Бога, если мой вопросъ вамъ покажется нескромнымъ, но меня мучитъ одна мысль. Скажите, встрѣтились ли вы съ тѣмъ человѣкомъ...

Дыханіе захватило у Елены. Ей стало и стыдно и страшно своей смѣлости. Инсаровъ глядѣлъ на нее пристально, слегка прищуривъ глаза и трогая пальцами подбородокъ.

— Елена Николаевна, началъ онъ наконецъ, и голосъ его былъ тише обыкновеннаго, что̀ почти испугало Елену:—я понимаю, о какомъ человѣкѣ вы сейчасъ упомянули. Нѣтъ, я не встрѣтился съ нимъ, и слава Богу! Я не искалъ его. Я не искалъ его не потому, чтобъ я не почиталъ себя вправѣ убить его,—я бы очень спокойно убилъ его,—но потому, что тутъ не до частной мести, когда дѣло идетъ о народномъ, общемъ отмщеніи... или нѣтъ, это слово не годится.... когда дѣло идетъ объ освобожденіи народа. Одно помѣшало бы другому. Въ свое время и то не уйдетъ... И то не уйдетъ, повторилъ онъ—и покачалъ головой.

Елена посмотрѣла на него съ боку.

— Вы очень любите свою родину? произнесла она робко.

— Это еще не извѣстно, отвѣчалъ онъ.—Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любилъ.

— Такъ что, еслибы васъ лишили возможности возвратиться въ Болгарію, продолжала Елена:—вамъ было бы очень тяжело въ Россіи?

Инсаровъ потупился.

— Мнѣ кажется, я бы этого не вынесъ, проговорилъ онъ.

— Скажите, начала опять Елена:—трудно выучиться болгарскому языку?

— Нисколько. Русскому стыдно не знать по-болгарски. Русскій долженъ знать всѣ славянскія нарѣчія. Хотите, я вамъ принесу болгарскія книги? Вы увидите, какъ это легко. Какія у насъ пѣсни! не хуже сербскихъ. Да вотъ постойте, я вамъ переведу одну изъ нихъ. Въ ней говорится про.... Да вы знаете ли хоть немножко нашу исторію?

— Нѣтъ, я ничего не знаю, отвѣтила Елена.

— Постойте, я вамъ принесу книжку. Вы изъ нея хоть главные факты узнаете. Такъ слушайте же пѣсню.... Впрочемъ, я вамъ лучше принесу написанный переводъ. Я увѣренъ, вы полюбите насъ: вы всѣхъ притѣсненныхъ любите. Еслибы вы знали, какой нашъ край благодатный! А между тѣмъ его топчутъ, его терзаютъ, подхватилъ онъ съ невольнымъ движеніемъ руки, и лицо его потемнѣло:—у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо гоняютъ насъ поганые Турки, насъ рѣжутъ....

— Дмитрій Никаноровичъ! воскликнула Елена.

Онъ остановился.

— Извините меня. Я не могу говорить объ этомъ хладнокровно. Но вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога? И когда это родина нуждается въ тебѣ.... Замѣтьте: послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я,— мы желаемъ одного и того же. У всѣхъ у насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и крѣпость!

Инсаровъ замолкъ на мгновеніе, и снова заговорилъ о Болгаріи. Елена слушала его съ пожирающимъ, глубокимъ и печальнымъ вниманіемъ. Когда онъ кончилъ, она еще разъ спросила его:

— Такъ вы ни за что не остались бы въ Россіи?

А когда онъ ушелъ, она долго смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ въ этотъ день сталъ для нея другимъ человѣкомъ. Не такимъ она провожала его, какимъ встрѣтила его за два часа тому назадъ.

Съ того дня онъ сталъ ходить все чаще и чаще, а Берсеневъ все рѣже. Между обоими пріятелями завелось что-то странное, что они оба хорошо чувствовали, но назвать не могли, а разъяснить боялись. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

XV.

Анна Васильевна любила сидѣть дома, какъ уже извѣстно читателю; но иногда, совершенно неожиданно, проявлялось въ въ ней непреодолимое желаніе чего-нибудь необыкновеннаго,

какой-нибудь удивительной partie de plaisir; и чѣмъ затруднительнѣе была эта partie de plaisir, чѣмъ больше требовала она приготовленій и сборовъ, чѣмъ больше волновалась сама Анна Васильевна, тѣмъ ей было пріятнѣе. Находилъ ли на нее этотъ *стихъ* зимой—она приказывала нанять двѣ-три ложи рядомъ, забирала всѣхъ своихъ знакомыхъ и отправлялась въ театръ, или даже въ маскарадъ; лѣтомъ—она ѣхала за городъ, куда-нибудь подальше. На другой день она жаловалась на головную боль, кряхтѣла и не вставала съ постели, а мѣсяца черезъ два въ ней опять загоралась жажда «необыкновеннаго». То же случилось и теперь. Кто-то упомянулъ при ней о красотахъ Царицына, и Анна Васильевна внезапно объявила, что она послѣзавтра намѣрена ѣхать въ Царицыно. Поднялась тревога въ домѣ; нарочный поскакалъ къ Москву за Николаемъ Артемьевичемъ; съ нимъ же поскакалъ и дворецкій закупать вина, паштетовъ и всякихъ съѣстныхъ припасовъ; Шубину вышелъ приказъ нанять ямскую коляску (одной кареты было мало) и приготовить подставныхъ лошадей; казачокъ два раза сбѣгалъ къ Берсеневу и Инсарову, и снесъ имъ двѣ пригласительныя записки, написанныя сперва по-русски, потомъ по-французски, Зоей; сама Анна Васильевна хлопотала о дорожномъ туалетѣ барышень. Между тѣмъ partie de plaisir чуть не разстроилась: Николай Артемьевичъ прибылъ изъ Москвы въ кисломъ и недоброжелательномъ, фрондёрскомъ расположеніи духа (онъ все еще дулся на Августину Христіановну) и, узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшительно объявилъ, что онъ не поѣдетъ,—что скакать изъ Кунцова въ Москву, а изъ Москвы въ Царицыно, а изъ Царицына опять въ Москву, а изъ Москвы опять въ Кунцово—нелѣпость,—и наконецъ, прибавилъ онъ, пусть мнѣ сперва докажутъ, что на одномъ пунктѣ можетъ-быть веселѣе, чѣмъ на другомъ пунктѣ, тогда я поѣду. Это ему никто, разумѣется, доказать не могъ, и Анна Васильевна, за неимѣніемъ солиднаго кавалера, уже готова была отказаться отъ partie de plaisir, да вспомнила объ Уварѣ Ивановичѣ, и съ горя послала за нимъ въ его комнатку, говоря «утопающій и за соломенку хватается». Его разбудили; онъ сошелъ внизъ, выслушалъ молча предложеніе Анны Васильевны, поигралъ пальцами и, къ общему изумленію, согласился. Анна Васильевна поцаловала его въ

щеку и назвала миленькимъ; Николай Артемьевичъ улыбнулся презрительно и сказалъ: quelle bourde! (онъ любилъ при случаѣ употреблять «шикарныя» французскія слова), и на слѣдующее утро, въ семь часовъ, карета и коляска, нагруженныя до верху, выкатились со двора Стаховской дачи. Въ каретѣ сидѣли дамы, горничная и Берсеневъ; Инсаровъ помѣстился на козлахъ; а въ коляскѣ находились Уваръ Ивановичъ и Шубинъ. Уваръ Ивановичъ самъ движеніемъ пальца подозвалъ къ себѣ Шубина; онъ зналъ, что тотъ будетъ дразнить его всю дорогу, но между «черноземной силой» и молодымъ художникомъ существовала какая-то странная связь и бранчивая откровенность. Впрочемъ, на этотъ разъ Шубинъ оставилъ своего толстаго друга въ покоѣ: онъ былъ молчаливъ, разсѣянъ и мягокъ.

Солнце уже высоко стояло на безоблачной лазури, когда экипажи подкатили къ развалинамъ Царицынскаго замка, мрачнымъ и грознымъ даже въ полдень. Все общество спустилось на траву и тотчасъ же двинулось въ садъ. Впереди шли Елена и Зоя съ Инсаровымъ; за ними съ выраженіемъ полнаго счастія на лицѣ выступала Анна Васильевна подъ руку съ Уваромъ Ивановичемъ. Онъ пыхтѣлъ и переваливался, новая соломенная шляпа рѣзала ему лобъ и ноги горѣли въ сапогахъ, но и ему было хорошо; Шубинъ и Берсеневъ замыкали шествіе. «Мы будемъ, братецъ, въ резервѣ, какъ нѣкіе ветераны, шепнулъ Берсеневу Шубинъ. Тамъ теперь Болгарія», прибавилъ онъ, показавъ бровями на Елену.

Погода была чудесная. Все кругомъ цвѣло, жужжало и пѣло; вдали сіяли воды прудовъ; праздничное, свѣтлое чувство охватывало душу. «Ахъ хорошо! ахъ хорошо!» безпрестанно твердила Анна Васильевна; Уваръ Ивановичъ потряхивалъ одобрительно головой въ отвѣтъ на ея восторженныя восклицанія и разъ даже промолвилъ: «Что толковать!» Елена изрѣдка мѣнялась словами съ Инсаровымъ; Зоя придерживала двумя пальчиками край широкой шляпы, кокетливо выносила изъ-подъ розоваго барежеваго платья свои маленькія ножки, обутыя въ свѣтло-сѣрыя ботинки съ тупыми носками, и посматривала то вбокъ, то назадъ. «Эге!» воскликнулъ вдругъ въ полголоса Шубинъ, «Зоя Никитишна никакъ оглядывается. Пойду-ка я къ ней. Елена Николаевна теперь меня презираетъ, а тебя, Андрей

Петровичъ, уважаетъ, что̀ на одно выходитъ. Пойду; довольно я кисъ. Тебѣ же, мой другъ, совѣтую ботанизировать: въ твоемъ положеніи это самое лучшее, что̀ ты придумать можешь: оно же и въ ученомъ отношеніи полезно. Прощай!» Шубинъ подбѣжалъ къ Зоѣ, подставилъ ей руку кренделемъ и, сказавъ: «ihre Hand, Madame», подхватилъ ее и пустился съ ней впередъ. Елена остановилась, подозвала Берсенева и тоже взяла его руку, но продолжала говорить съ Инсаровымъ. Она спрашивала у него, какъ на его языкѣ называются ландышъ, кленъ , дубъ , липа.... (Болгарія! подумалъ бѣдный Андрей Петровичъ.)

Вдругъ впереди раздался крикъ; всѣ подняли голову: сигарочница Шубина летѣла въ кустъ, брошенная рукой Зои. «Погодите, я съ вами за это разсчитаюсь!» воскликнулъ онъ, полѣзъ въ кустъ, нашелъ тамъ сигарочницу и вернулся—было къ Зоѣ; но не успѣлъ онъ къ ней приблизиться, какъ уже опять его сигарочница летѣла черезъ дорожку. Разъ пять повторилась эта продѣлка, онъ все хохоталъ и грозился, а Зоя только втихомолку улыбалась и пожималась, какъ кошечка. Наконецъ онъ поймалъ ея пальцы и такъ ихъ тиснулъ, что она пискнула, и долго потомъ дула на руку, притворно сердилась, а онъ ей нашѣвалъ что-то на ухо.

— Шалуны, молодой народъ, весело замѣтила Анна Васильевна Увару Ивановичу.

Тотъ поигралъ перстами.

— Какова Зоя Никитишна? сказалъ Берсеневъ Еленѣ.

— А Шубинъ? отвѣчала она.

Между тѣмъ все общество подошло къ бесѣдкѣ , извѣстной подъ именемъ Миловидовой, и остановилось , чтобы полюбоваться зрѣлищемъ Царицынскихъ прудовъ. Они тянулись одинъ за другимъ на нѣсколько верстъ; сплошные лѣса темнѣли за ними. Мурава , покрывавшая весь скатъ холма до главнаго пруда, придавала самой водѣ необыкновенно-яркій, изумрудный цвѣтъ. Нигдѣ, даже у берега, не вспухала волна , не бѣлѣла пѣна; даже ряби не пробѣгало по ровной глади. Казалось , застывшая масса стекла тяжело и свѣтло улеглась въ огромной купели, и небо ушло къ ней на дно, и кудрявыя деревья неподвижно глядѣлись въ ея прозрачное лоно. Всѣ долго и молча любовались видомъ; даже Шубинъ притихъ, даже Зоя заду-

малась. Наконецъ всѣ единодушно захотѣли покататься по водѣ. Шубинъ, Инсаровъ и Берсеневъ побѣжали внизъ по травѣ взапуски. Они отыскали большую, хитро раскрашенную лодку, отыскали двухъ гребцовъ и позвали дамъ. Дамы сошли къ нимъ; Уваръ Ивановичъ осторожно спустился за дамами. Пока онъ входилъ въ лодку, пока усаживался, много было смѣху. «Смотрите, баринъ, не затопите насъ», замѣтилъ одинъ изъ гребцовъ, молодой курносый парень въ александрійской рубахѣ —Ну, ну, фуфыря! проговорилъ Уваръ Ивановичъ. Лодка отчалила. Молодые люди взялись было за весла, но грести умѣлъ изъ нихъ одинъ Инсаровъ. Шубинъ предложилъ спѣть хоромъ какую-нибудь русскую пѣсню и самъ затянулъ: «Внизъ по матушкѣ....» Берсеневъ, Зоя и даже Анна Васильевна подхватили (Инсаровъ не умѣлъ пѣть), но вышла разноголосица; на третьемъ стихѣ пѣвцы запутались, одинъ Берсеневъ пытался продолжать басомъ: «Ничего въ волнахъ не видно»,—но то же скоро сконфузился. Гребцы перемигнулись и оскалили зубы молча.—Что? обратился къ нимъ Шубинъ, видно господа пѣть-то не умѣютъ? Малый въ александрійской рубахѣ только головой тряхнулъ.—Такъ погоди жъ, гундосый, возразилъ Шубинъ, мы тебѣ покажемъ. Зоя Никитишна, спойте намъ Le lac Нидермейера. Не гребите, вы! Мокрыя весла поднялись на воздухъ, какъ крылья, и такъ и замерли, звонко роняя капли; лодка проплыла еще немного и остановилась, чуть-чуть закружившись на водѣ, какъ лебедь. Зоя поломалась.... Allons! ласково промолвила Анна Васильевна.... Зоя скинула шляпу и запѣла:

«O lac! l'année à peine a fini sa carrière....»

Ея небольшой, но чистый голосокъ такъ и помчался по зеркалу пруда; далеко въ лѣсахъ отзывалось каждое слово; казалось, и тамъ кто-то пѣлъ четкимъ и таинственнымъ, но не человѣческимъ, не здѣшнимъ голосомъ. Когда Зоя кончила, громкое браво раздалось изъ одной прибрежной бесѣдки и оттуда выскочило нѣсколько краснорожихъ Нѣмцевъ, пріѣхавшихъ *покнейпировать* въ Царицыно. Нѣкоторые изъ нихъ были безъ сюртуковъ, безъ галстуховъ, и даже безъ жилетовъ, и до того неистово кричали: bis! что Анна Васильевна велѣла поскорѣе отъѣхать на другой конецъ пруда. Но, прежде чѣмъ лодка пристала къ берегу, Увару Ивановичу еще разъ удалось уди-

вить своихъ знакомыхъ: замѣтивъ, что въ одномъ мѣстѣ лѣса эхо особенно ясно повторяло каждый звукъ, онъ вдругъ началъ кричать перепеломъ. Сперва всѣ вздрогнули, но тотчасъ же почувствовали истинное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что Уваръ Ивановичъ кричалъ очень вѣрно и похоже. Это его поощрило, и онъ попробовалъ мяукать; но мяуканье выходило у него не такъ хорошо; онъ крикнулъ еще разъ перепеломъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и умолкъ. Шубинъ бросился его цаловать: онъ оттолкнулъ его. Въ это мгновеніе лодка причалила, и все общество вышло на берегъ.

Между тѣмъ кучеръ съ лакеемъ и горничной принесли корзинки изъ кареты и приготовили обѣдъ на травѣ подъ старыми липами. Всѣ усѣлись вокругъ разостланной скатерти и принялись за паштетъ и прочія яства. У всѣхъ аппетитъ былъ отличный, а Анна Васильевна то-и-дѣло угащивала и уговаривала своихъ гостей, чтобы побольше ѣли, увѣряя, что на воздухѣ это очень здорово; она обращалась съ такими рѣчами къ самому Увару Ивановичу. «Будьте спокойны», промычалъ онъ ей съ набитымъ ртомъ. «Далъ же Господь такой славный день!» твердила она безпрестанно. Ее нельзя было узнать: она точно двадцатью годами помолодѣла. Берсеневъ замѣтилъ ей это. «Да, да, сказала она; была и я, въ мое время, хоть куда; изъ десятка бы меня не выкинули.» Шубинъ присосѣдился къ Зоѣ и безпрестанно наливалъ ей вина; она отказывалась, онъ ее подчивалъ и кончалъ тѣмъ, что самъ выпивалъ стаканъ и потомъ опять ее подчивалъ; онъ также увѣрялъ ее, что желаетъ приклонить свою голову къ ней на колѣни: она никакъ не хотѣла позволить ему «этакую большую вольность». Елена казалась серіознѣе всѣхъ, но на сердцѣ у ней было чудное спокойствіе, какого она давно не испытала. Она чувствовала себя безконечно доброю, и ей все хотѣлось имѣть возлѣ себя не одного только Инсарова, но и Берсенева.... Андрей Петровичъ смутно понималъ что это значило, и вздыхалъ украдкой.

Часы летѣли; вечеръ приближался. Анна Васильевна вдругъ всполошилась. «Ахъ, батюшки мои, какъ поздно», заговорила она. «Пожито, попито, господа; пора и бороду утирать.» Она засуетилась, и всѣ засуетились, встали и пошли въ направленіи къ замку, гдѣ находились экипажи. Проходя мимо прудовъ, всѣ ос-

тановились, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться Царицынымъ. Вездѣ горѣли яркія, передвечернія краски; небо рдѣло, листья переливчато блистали, возмущенные поднявшимся вѣтеркомъ; растопленнымъ золотомъ струились отдаленныя воды; рѣзко отдѣлялись отъ темной зелени деревьевъ красноватыя башенки и бесѣдки, кое-гдѣ разбросанныя по саду. «Прощай, Царицыно, не забудемъ мы сегодняшнюю поѣздку!» промолвила Анна Васильевна.... Но въ это мгновенье, и какъ бы въ подтвержденіе ея послѣднихъ словъ, случилось странное происшествіе, которое дѣйствительно не такъ-то легко было позабыть.

А именно: не успѣла Анна Васильевна послать свой прощальный привѣтъ Царицыну, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, за высокимъ кустомъ сирени, раздались нестройныя восклицанія, хохотня и крики—и цѣлая гурьба растрепанныхъ мущинъ, тѣхъ самыхъ любителей пѣнія, которые такъ усердно хлопали Зоѣ, высыпала на дорожку. Господа любители казались сильно на-веселѣ. Они остановились при видѣ дамъ; но одинъ изъ нихъ, огромнаго росту, съ бычачьей шеей и бычачьими воспаленными глазами, отдѣлился отъ своихъ товарищей и, неловко раскланиваясь и покачиваясь на ходу, приблизился къ окаменѣвшей отъ испуга Аннѣ Васильевнѣ.

— Бонжуръ, мадамъ, проговорилъ онъ сиплымъ голосомъ,— кэкъ ваше здоровье?

Анна Васильевна пошатнулась назадъ.

— А отчего вы, продолжалъ великанъ дурнымъ русскимъ языкомъ, не хотѣлъ пѣть bis, когда нашъ компани кричалъ bis, и браво, и форо?

— Да, да, отчего? раздалось въ рядахъ компаніи.

Инсаровъ шагнулъ было впередъ, но Шубинъ остановилъ его и самъ заслонилъ Анну Васильевну.

— Позвольте, началъ онъ,—почтенный незнакомецъ, выразить вамъ то неподдѣльное изумленіе, въ которое вы повергаете всѣхъ насъ своими поступками. Вы, сколько я могу судить, принадлежите къ саксонской отрасли кавказскаго племени; слѣдовательно, мы должны предполагать въ васъ знаніе свѣтскихъ приличій, а между тѣмъ вы заговариваете съ дамой, которой вы не были представлены. Повѣрьте, въ другое время я, въ особенности, былъ бы очень радъ сблизиться съ вами, ибо

замѣчаю въ насъ такое феноменальное развитіе мускуловъ: biceps, triceps и deltoideus, что, какъ ваятель, почелъ бы за истинное счастіе имѣть васъ своимъ натурщикомъ; но на сей разъ оставьте насъ въ покоѣ.

«Почтенный незнакомецъ» выслушалъ всю рѣчь Шубина, презрительно скрутивъ голову на сторону и упершн руки въ бока.

— Я ничего не понимайтъ, что̀ вы говоритъ такое, промолвилъ онъ наконецъ.—Вы думаетъ, можетъ-быть, я сапожникъ, или часовыхъ дѣлъ мастеръ? Э! Я официрь; я чиновникъ, да.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, началъ было Шубинъ....

— А я вотъ что̀ говорю, продолжалъ незнакомецъ, отстраняя его своею мощною рукой, какъ вѣтку съ дороги, — я говорю отчего вы не пѣлъ bis, когда мы кричалъ bis? А теперь я сейчасъ, сей минутой уйду, только вотъ нужна, штопъ эта фрейлейнъ, не эта мадамъ, нѣтъ, эта не нужна, а вотъ эта, или эта (онъ указалъ на Елену и Зою), дала мнѣ einen Kuss, какъ мы это говоримъ по-нѣмецки, поцалуйшикъ, да; что жь? это ничего.

— Ничего, einen Kuss, это ничего, раздалось опять въ рядахъ компаніи.—Ih! der Sacramenter! проговорилъ, давясь отъ смѣху, одинъ, уже совершенно чирый нѣмецъ.

Зоя схватилась за руку Инсарова, но онъ вырвался у нея и сталъ прямо передъ великорослымъ нахаломъ.

— Извольте идти прочь, сказалъ онъ ему негромкимъ, но рѣзкимъ голосомъ.

Нѣмецъ тяжело захохоталъ. — Какъ прочь? Вотъ это и я люблю! Развѣ я тоже не могу гуляйтъ? Какъ это прочь? Отчего прочь?

— Оттого, что вы осмѣлились безпокоить даму, проговорилъ Инсаровъ и вдругъ поблѣднѣлъ,—оттого, что вы пьяны.

— Какъ? я пьянъ? Слышить! Нören sie das, Herr Provisor? Я офицеръ, а онъ смѣетъ.... Теперь я требую Satisfaction. Ein Kuss will ich!

— Если вы сдѣлаете еще шагъ, началъ Инсаровъ....

— Ну? И что̀ тогда?

— Я васъ брошу въ воду.

— Въ воду? Herr Je! И только? Ну посмотримъ, это очень любопытно, какъ это въ воду....

Господинъ *офицеръ* поднялъ руки и подался впередъ, но вдругъ произошло нѣчто необыкновенное: онъ крякнулъ, все огромное туловище его покачнулось, поднялось отъ земли, ноги брыкнули на воздухѣ, и прежде чѣмъ дамы успѣли вскрикнуть, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ понять, какимъ образомъ это сдѣлалось, господинъ *офицеръ*, всей своей массой, съ тяжкимъ плескомъ бухнулся въ прудъ и тотчасъ же исчезъ подъ заклубившейся водой.

— Ай! дружно взвизгнули дамы.

— Mein Gott! послышалось съ другой стороны.

— Прошла минута.... и круглая голова, вся облѣпленная мокрыми волосами, показалась надъ водой; она пускала пузыри, эта голова; двѣ руки судорожно барахтались у самыхъ ея губъ.

— Онъ утонетъ, спасите его, спасите! закричала Анна Васильевна Инсарову, который стоялъ на берегу, разставивъ ноги и глубоко дыша.

— Выплыветъ, проговорилъ онъ съ презрительной и безжалостной небрежностью. — Пойдемте, прибавилъ онъ, взявши Анну Васильевну за руку,—пойдемте, Уваръ Ивановичъ, Елена Николаевна.—А.... а.... о.... о.... раздался въ это мгновеніе вопль несчастнаго нѣмца, успѣвшаго ухватиться за прибрежный тростникъ.

Всѣ двинулись вслѣдъ за Инсаровымъ, и всѣмъ пришлось пройдти мимо самой «компаніи». Но лишившись своего главы, гуляки присмирѣли и ни словечка не вымолвили; одинъ только, самый храбрый изъ нихъ, пробормоталъ, потряхивая головой: «Ну, это однако.... это, Богъ знаетъ, что.... послѣ этого»; а другой даже шляпу снялъ. Инсаровъ казался имъ очень грознымъ, и не даромъ: что-то недоброе, что-то опасное выступило у него на лицѣ. Нѣмцы бросились вытаскивать своего товарища, и тотъ, какъ только очутился на твердой землѣ, началъ слезливо браниться и кричать вслѣдъ этимъ «русскимъ мошенникамъ», что онъ жаловаться будетъ, что онъ къ самому его превосходительству, графу фонъ-Кизерицъ пойдетъ....

Но «русскіе мошенники» не обращали вниманія на его воз-

гласы и, какъ можно скорѣе, спѣшили къ замку. Всѣ молчали, пока шли по саду; только Анна Васильевна слегка охала. Но вотъ они приблизились къ экипажамъ, остановились, и неудержимый, несмолкаемый смѣхъ поднялся у нихъ, какъ у небожителей Гомера. Первый, визгливо, какъ безумный, залился Шубинъ, за нимъ горохомъ забарабанилъ Берсеневъ, тамъ Зоя разсыпалась тонкимъ бисеромъ, Анна Васильевна тоже вдругъ такъ и покатилась, даже Елена не могла не улыбнуться, даже Инсаровъ не устоялъ наконецъ. Но громче всѣхъ, и дольше всѣхъ, и неистовѣе всѣхъ хохоталъ Уваръ Ивановичъ: онъ хохоталъ до колотья въ боку, до чихоты, до удушья. Притихнетъ немного, да проговоритъ сквозь слезы: «я.... думаю.... что это хлопнуло.... а это.... онъ.... плашмя».... И вмѣстѣ съ послѣднимъ, судорожно выдавленнымъ словомъ, новый взрывъ хохота потрясалъ весь его составъ. Зоя его еще больше подзадоривала. «Я, говоритъ, вижу, ноги по воздуху»....—Да, да, подхватитъ Уваръ Ивановичъ,—ноги, ноги.... а тамъ хлопъ! а это онъ п-п-плашня! — »Да и какъ они это ухитрились, вѣдь нѣмецъ-то втрое больше ихъ былъ?» спросила Зоя.—А я вамъ доложу, отвѣтилъ, утирая глаза, Уваръ Ивановичъ,—я видѣлъ: одною рукой эдакъ за пояснику, ногу подставилъ, да какъ хлопъ! Я слышу: что̀ это?... а это онъ, плашмя....

Уже экипажи давно тронулись, уже Царицынскій замокъ скрылся изъ виду, а Уваръ Ивановичъ все не могъ успокоиться. Шубинъ, который опять съ нимъ поѣхалъ въ коляскѣ, пристыдилъ его наконецъ.

А Инсарову было совѣстно. Онъ сидѣлъ въ каретѣ противъ Елены (на козлахъ помѣстился Берсеневъ) и молчалъ; она тоже молчала. Онъ думалъ, что она его осуждаетъ; а она не осуждала его. Она очень испугалась въ первую минуту; потомъ ее поразило выраженіе его лица; потомъ она все размышляла. Ей не было совершенно ясно, о чемъ размышляла она. Чувство, испытанное ею въ теченіе дня, исчезло: это она сознавала; но оно замѣнилось чѣмъ-то другимъ, чего она пока не понимала. Partie de plaisir продолжалась слишкомъ долго: вечеръ незамѣтно перешелъ въ ночь. Карета быстро неслась то вдоль созрѣвающихъ нивъ, гдѣ воздухъ былъ душенъ и душистъ и отзывался хлѣбомъ, то вдоль широкихъ луговъ, и внезапная ихъ

свѣжесть била легкою волной по лицу. Небо словно дымилось по краямъ. Наконецъ выплылъ мѣсяцъ, тусклый и красный. Анна Васильевна дремала; Зоя высунулась изъ окна и глядѣла на дорогу. Еленѣ пришло наконецъ въ голову, что она болѣе часу не говорила съ Инсаровымъ. Она обратилась къ нему съ незначительнымъ вопросомъ: онъ тотчасъ радостно отвѣтилъ ей. Въ воздухѣ стали носиться какіе-то неясные звуки; казалось, будто вдали говорили тысячи голосовъ: Москва неслась имъ на встрѣчу. Впереди замелькали огоньки: ихъ становилось все болѣе и болѣе; наконецъ, подъ колесами застучали камни. Анна Васильевна проснулась; всѣ заговорили въ каретѣ, хотя никто уже не могъ разслышать, о чемъ шла рѣчь: такъ сильно гремѣла мостовая подъ двумя экипажами и тридцатью двумя лошадиными ногами. Длиннымъ и скучнымъ показался переѣздъ изъ Москвы въ Кунцово; всѣ спали или молчали, прижавшись головами къ разнымъ уголкамъ; одна Елена не закрывала глазъ: она не сводила ихъ съ темной фигуры Инсарова. На Шубина напала грусть: вѣтерокъ дулъ ему въ глаза и раздражалъ его: онъ завернулся въ воротникъ шинели и чуть-чуть было не всплакнулъ. Уваръ Ивановичъ благополучно похрапывалъ, качаясь направо и налѣво. Экипажи остановились наконецъ. Два лакея вынесли Анну Васильевну изъ кареты; она совсѣмъ расклеилась и, прощаясь съ своими спутниками, объявила имъ, что она чуть жива; они стали ее благодарить, а она только повторила: «чуть жива». Елена пожала въ первый разъ руку Инсарова, и долго не раздѣвалась, сидя подъ окномъ; а Шубинъ улучилъ время шепнуть уходившему Берсеневу:

— Ну какъ же не герой: въ воду пьяныхъ нѣмцевъ бросаетъ!

— А ты и того не сдѣлалъ, возразилъ Берсеневъ, и отправился домой съ Инсаровымъ.

Заря уже занималась въ небѣ, когда оба пріятеля возвратились на свою квартиру. Солнце еще не вставало, но уже заигралъ холодокъ, сѣдая роса покрыла травы, и первые жаворонки звенѣли высоко, высоко въ полусумрачной воздушной безднѣ, откуда, какъ глазъ, смотрѣла крупная, послѣдняя звѣзда.

XVI.

Елена, вскорѣ послѣ знакомства съ Инсаровымъ, начала (въ пятый или шестой разъ) дневникъ. Вотъ отрывки изъ этого дневника:

Іюня.... Андрей Петровичъ мнѣ приноситъ книги, но я ихъ читать не могу. Сознаться ему въ этомъ—совѣстно; отдать книги, солгать, сказать, что читала—не хочется. Мнѣ кажется, это его огорчитъ. Онъ все за мной замѣчаетъ. Онъ, кажется, очень ко мнѣ привязанъ. Очень хорошій человѣкъ Андрей Петровичъ.

.... Чего мнѣ хочется? Отчего у меня такъ тяжело на сердцѣ, такъ томно? Отчего я съ завистью гляжу на пролетающихъ птицъ? Кажется, полетѣла бы съ ними, полетѣла—куда, не знаю, только далеко, далеко отсюда. И не грѣшно ли это желаніе? У меня здѣсь мать, отецъ, семья. Развѣ я не люблю ихъ? Нѣтъ, я не люблю ихъ такъ, какъ бы хотѣлось любить. Мнѣ страшно вымолвить это, но это правда. Можетъ-быть, я большая грѣшница; можетъ-быть, оттого мнѣ такъ грустно, оттого мнѣ нѣтъ покоя. Какая-то рука лежитъ на мнѣ и давитъ меня. Точно я въ тюрьмѣ, и вотъ-вотъ сейчасъ на меня повалятся стѣны. Отчего же другіе этого не чувствуютъ? Кого же я буду любить, если я къ своимъ холодна? Видно, папенька правъ: онъ упрекаетъ меня, что я люблю однѣхъ собакъ да кошекъ. Надо объ этомъ подумать. Я мало молюсь; надо молиться... А, кажется, я бы умѣла любить!

.... Я все еще робѣю съ господиномъ Инсаровымъ. Не знаю отчего; я, кажется, не молоденькая, а онъ такой простой и добрый. Иногда у него очень серіозное лицо. Ему, должно-быть, не до насъ. Я это чувствую, и мнѣ какъ будто совѣстно отнимать у него время. Андрей Петровичъ—другое дѣло. Я съ нимъ готова болтать хоть цѣлый день. Но и онъ мнѣ все говоритъ объ Инсаровѣ. И какія страшныя подробности! Я его видѣла сегодня ночью съ кинжаломъ въ рукѣ. И будто онъ мнѣ говоритъ: «Я тебя убью и себя убью». Какія глупости!

.... О если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ: вотъ что ты должна дѣлать. Быть доброю—этого мало; дѣлать добро.... да: это главное въ жизни. Но какъ дѣлать добро? О, еслибъ я могла овла-

дѣть собою! Не понимаю, отчего я такъ часто думаю о господинѣ Инсаровѣ. Когда онъ приходитъ, и сидитъ и слушаетъ внимательно, а самъ не старается, не хлопочетъ, я гляжу на него, и мнѣ пріятно—но только; а когда онъ уйдетъ, я все припоминаю его слова, и досадую на себя и даже волнуюсь.... сама не знаю отчего. (Онъ плохо говоритъ по-французски, и не стыдится—это мнѣ нравится). Впрочемъ, я всегда много думаю о новыхъ лицахъ. Разговаривая съ нимъ, я вдругъ вспомнила нашего буфетчика Василія, который вытащилъ изъ горѣвшей избы безногаго старика и самъ чуть не погибъ. Папенька назвалъ его молодцомъ, мамаша дала ему пять рублей, а мнѣ хотѣлось ему въ ноги поклониться. И у него было простое, даже глупое лицо, и онъ потомъ сдѣлался пьяницей.

... Я сегодня подала грошъ одной нищей, а она мнѣ говоритъ: отчего ты такая печальная? А я и не подозрѣвала, что у меня печальный видъ. Я думаю, это отъ того происходитъ, что я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ. Не кому протянуть руку. Кто подходитъ ко мнѣ, того не надобно; а кого бы хотѣла.... тотъ идетъ мимо.

.... Я не знаю, что со мною сегодня; голова моя путается, я готова упасть на колѣни и просить и умолять пощады. Не знаю, кто и какъ, но меня какъ будто убиваютъ, и внутренно я кричу, я возмущаюсь, я плачу и не могу молчать.... Боже мой! Боже мой! укроти во мнѣ эти порывы! Ты одинъ это можешь, все другое безсильно: ни мои ничтожныя милостыни, ни занятія, ничего, ничего мнѣ помочь не можетъ. Пошла бы куда-нибудь въ служанки, право: мнѣ было бы легче.

Къ чему молодость, къ чему я живу, зачѣмъ у меня душа, зачѣмъ все это?

.... Инсаровъ, господинъ Инсаровъ,—я, право, не знаю какъ писать,—продолжаетъ занимать меня. Мнѣ хочется знать, что́ у него тамъ въ душѣ? Онъ, кажется, такъ открытъ, такъ доступенъ, а мнѣ ничего не видно. Иногда онъ глядитъ на меня какими-то испытующими глазами.... или это одна моя фантазія? Поль меня все дразнитъ—я сердита на Поля. Что́ ему надобно? Онъ въ меня влюбленъ.... да мнѣ не нужно его любви. Онъ и въ Зою влюбленъ. Я къ нему несправедлива; онъ мнѣ вчера

сказалъ, что я не умѣю быть несправедливой вполовину.... это правда. Это очень дурно.

Ахъ, я чувствую, человѣку нужно несчастье, или бѣдность, или болѣзнь, а то какъ-разъ зазнаешься.

.... Зачѣмъ Андрей Петровичъ разсказалъ мнѣ сегодня объ этихъ двухъ Болгарахъ! Онъ какъ будто съ намѣреніемъ разсказалъ мнѣ это. Что мнѣ до господина Инсарова? Я сердита на Андрея Петровича.

.... Берусь за перо и не знаю какъ начать. Какъ неожиданно онъ сегодня заговорилъ со мною въ саду! Какъ онъ былъ ласковъ и довѣрчивъ! Какъ это скоро сдѣлалось! Точно, мы старые, старые друзья, и только сейчасъ узнали другъ друга. Какъ я могла не понимать его до сихъ поръ! Какъ онъ теперь мнѣ близокъ! И вотъ что удивительно: я теперь гораздо спокойнѣе стала. Мнѣ смѣшно: вчера я сердилась на Андрея Петровича, на него, я даже назвала его: *господинъ Инсаровъ*, а сегодня.... Вотъ, наконецъ, правдивый человѣкъ; вотъ на кого положиться можно. Этотъ не лжетъ; это первый человѣкъ, котораго я встрѣчаю, который не лжетъ: всѣ другіе лгутъ, все лжетъ. Андрей Петровичъ, милый, добрый, за что же я васъ обижаю? Нѣтъ! Андрей Петровичъ, можетъ-быть, ученіе его, можетъ-быть, даже умнѣе.... Но, я не знаю, онъ передъ нимъ такой маленькій. Когда *тотъ* говоритъ о своей родинѣ, онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ, какъ сталь, и нѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, передъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ—онъ дѣлалъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу.... Какъ онъ вдругъ обернулся ко мнѣ и улыбнулся мнѣ!... Только братья такъ улыбаются. Ахъ, какъ я довольна! Когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ, я никакъ не думала, что мы такъ скоро сблизимся. А теперь мнѣ даже нравится, что я въ первый разъ осталась равнодушною.... Равнодушною! Развѣ я теперь не равнодушна?

.... Я давно не чувствовала такого внутренняго спокойствія. Такъ тихо во мнѣ, такъ тихо. И записывать нечего. Я его часто вижу, вотъ и все. Что еще записывать?

.... Поль зеперся; Андрей Петровичъ сталъ рѣже ходить.... бѣдный! Мнѣ кажется, онъ.... Впрочемъ, это быть не можетъ.

Я люблю говорить съ Андреемъ Петровичемъ: никогда ни слова о себѣ, все о чемъ-нибудь дѣльномъ, полезномъ. Не то, что Шубинъ. Шубинъ наряденъ, какъ бабочка, да любуется своимъ нарядомъ: этого бабочки не дѣлаютъ. Впрочемъ, и Шубинъ и Андрей Петровичъ.... я знаю, что я хочу сказать.

.... *Ему* пріятно къ намъ ходить, я это вижу. Но отчего? Что онъ нашелъ во мнѣ? Правда, у насъ вкусы похожи: и онъ, и я, мы оба стиховъ не любимъ; оба не знаемъ толка въ художествѣ. Но на сколько онъ лучше меня! Онъ спокоенъ, а я въ вѣчной тревогѣ: у него есть дорога, есть цѣль—а я, куда я иду? гдѣ мое гнѣздо? Онъ спокоенъ, но всѣ его мысли далеко. Придетъ время, и онъ покинетъ насъ навсегда, уйдетъ къ себѣ, туда, за море. Что жь? Дай Богъ ему! А я все-таки буду рада, что я его узнала, пока онъ здѣсь былъ.

Отчего онъ не Русскій? Нѣтъ, онъ не могъ бы быть Русскимъ.

И мамаша его любитъ, говоритъ: скромный человѣкъ. Добрая мамаша! Она его не понимаетъ. Поль молчитъ; онъ догадался, что мнѣ его намеки непріятны, но онъ къ нему ревнуетъ. Злой мальчикъ! И съ какаго права? Развѣ я когда-нибудь....

Все это пустяки! Зачѣмъ мнѣ это все въ голову приходитъ?

.... А вѣдь странно однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила! Мнѣ кажется, что у Д. (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Димитрій) отъ того такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь.... весь... весь.... тому горя мало, тотъ ужь ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу: *то* хочетъ. Кстати, и онъ и я, мы одни цвѣты любимъ. Я сегодня сорвала розу.... Одинъ листокъ упалъ, онъ его поднялъ.... Я ему отдала всю розу.

.... Я съ нѣкоторыхъ поръ вижу странные сны. Что бы это значило?

.... Д. къ намъ ходитъ часто. Вчера онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Онъ хочетъ учить меня по-болгарски. Мнѣ съ нимъ хорошо, какъ дома. Лучше, чѣмъ дома.

.... Дни летятъ.... И хорошо мнѣ, и почему-то жутко, и

Бога благодарить хочется, и слезы недалеко. О теплые, свѣтлые дни!

.... Мнѣ все попрежнему легко, и только изрѣдка, изрѣдка, немножко грустно. Я счастлива. Счастлива ли я?

.... Долго не забуду я вчерашней поѣздки. Какія странныя, новыя, страшныя впечатлѣнія! Когда онъ вдругъ взялъ этого великана и швырнулъ его, какъ мячикъ, въ воду, я не испугалась.... но онъ меня испугалъ. И потомъ—какое лицо зловѣщее, почти жестокое! Какъ онъ сказалъ: выплыветъ! Это меня перевернуло. Стало-быть, я его не понимала. И потомъ, когда всѣ смѣялись, когда я смѣялась, какъ мнѣ было больно за него! Онъ стыдился, я это чувствовала, онъ меня стыдился. Онъ мнѣ это сказалъ потомъ, въ каретѣ, въ темнотѣ, когда я старалась его разглядѣть и боялась его. Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ-быть, иначе нельзя? Нельзя быть мущиной, бойцомъ, и остаться кроткимъ и мягкимъ? Жизнь дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила это слово Андрею Петровичу; онъ не согласился съ Д. Кто изъ нихъ правъ? А какъ начался этотъ день! Какъ мнѣ было хорошо идти съ нимъ рядомъ, даже молча.... Но я рада тому, что случилось. Видно, такъ слѣдовало.

.... Опять безпокойство.... Я не совсѣмъ здорова.

.... Я всѣ эти дни ничего не записывала въ этой татрадкѣ, потому что писать не хотѣлось. Я чувствовала: что бы я ни написала, все будетъ не то, что у меня на душѣ.... А что у меня на душѣ? Я имѣла съ нимъ большой разговоръ, который мнѣ открылъ многое. Онъ мнѣ разсказалъ свои планы (кстати, я теперь знаю, отчего у него рана на шеѣ.... Боже мой! когда я подумаю, что онъ уже былъ приговоренъ къ смерти, что онъ едва спасся, что его изранили....). Онъ предчувствуетъ войну и радуется ей. И совсѣмъ тѣмъ, я никогда не видала Д. такимъ грустнымъ. О чемъ онъ.... онъ!... можетъ грустить? Папенька изъ города вернулся, засталъ насъ обоихъ, и какъ-то странно поглядѣлъ на насъ. Андрей Петровичъ пришелъ: я замѣтила, что онъ очень сталъ худъ и блѣденъ. Онъ упрекнулъ меня, будто бы я уже слишкомъ холодно и небрежно обращаюсь съ Шубинымъ. А я совсѣмъ забыла о Полѣ. Увижу

его, постараюсь заглади ть свою вину. Мнѣ теперь не до него и ни до кого въ мірѣ. Андрей Петровичъ говорилъ со мною съ какимъ–то сожалѣніемъ. Что̀ все это значитъ? Отчего такъ темно вокругъ меня и во мнѣ? Мнѣ кажется, что вокругъ меня и во мнѣ происходитъ что–то загадочное, что нужно найти слово....

.... Я не спала ночь, голова болитъ. Къ чему писать? Онъ сегодня ушелъ такъ скоро, а мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ нимъ.... Онъ какъ будто избѣгаетъ меня. Да, онъ меня избѣгаетъ.

.... Слово найдено, свѣтъ озарилъ меня! Боже! сжалься надо мною.... Я влюблена!

XVII.

Въ тотъ самый день, когда Елена вписывала это послѣднее, роковое слово въ свой дневникъ, Инсаровъ сидѣлъ у Берсеневa въ комнатѣ, а Берсеневъ стоялъ передъ нимъ, съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ. Инсаровъ только–что объявилъ ему о своемъ намѣреніи на другой же день переѣхать въ Москву.

— Помилуйте! воскликнулъ Берсеневъ:—теперь наступаетъ самое красное время. Что̀ вы будете дѣлать въ Москвѣ? Что̀ за внезапное рѣшеніе! Или вы получили какое–нибудь извѣстіе?

— Я никакого извѣстія не получалъ, возразилъ Инсаровъ—но, по моимъ соображеніямъ, мнѣ нельзя здѣсь оставаться.

— Да какъ же это можно....

— Андрей Петровичъ, проговорилъ Инсаровъ,—будьте такъ добры, не настаивайте, прошу васъ. Мнѣ самому тяжело разстаться съ вами, да дѣлать нечего.

Берсеневъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Я знаю, проговорилъ онъ наконецъ,—васъ не убѣдишь. И такъ, это дѣло рѣшеное?

— Совершенно рѣшеное, отвѣчалъ Инсаровъ, всталъ и удалился.

Берсеневъ прошелся по комнатѣ, взялъ шляпу и отправился къ Стаховымъ.

— Вы имѣете сообщить мнѣ что̀-то, сказала ему Елена, какъ только они остались вдвоемъ.

— Да; почему вы догадались?

— Это все равно. Говорите, что̀ такое?

Берсеневъ передалъ ей рѣшеніе Инсарова.

Елена поблѣднѣла.

— Что̀ это значитъ? произнесла она съ трудомъ.

— Вы знаете, промолвилъ Берсеневъ, — что Дмитрій Никаноровичъ не любитъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ. Но я думаю.... Сядемте, Елена Николаевна, вы какъ будто не совсѣмъ здоровы.... Я, кажется, могу догадаться, какая собственно причина этого внезапнаго отъѣзда.

— Какая, какая причина? повторила Елена, крѣпко стискивая, и сама того не замѣчая, руку Берсенева въ своей похолодѣвшей рукѣ.

— Вотъ видите ли, началъ Берсеневъ съ грустною улыбкой.—Какъ бы это вамъ объяснить? Придется мнѣ возвратиться къ нынѣшней веснѣ, къ тому времени, когда я ближе познакомился съ Инсаровымъ. Я тогда встрѣтился съ нимъ въ домѣ одного родственника; у этого родственника была дочка, очень хорошенькая. Мнѣ показалось, что Инсаровъ къ ней неравнодушенъ, и я сказалъ ему это. Онъ разсмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что я ошибался, что сердце его не пострадало, но что онъ немедленно бы уѣхалъ, еслибы что-нибудь подобное съ нимъ случилось, такъ какъ онъ не желаетъ,—это были его собственныя слова,—для удовлетворенія личнаго чувства измѣнить своему дѣлу и своему долгу. Я Болгаръ, сказалъ онъ, и мнѣ русской любви не нужно.

— Ну.... и что же.... вы теперь.... прошептала Елена, невольно отворачивая голову, какъ человѣкъ ожидающій удара, но все не выпуская схваченной руки Берсенева.

— Я думаю, промолвилъ онъ и самъ понизилъ голосъ,— я думаю, что теперь сбылось то, что̀ я тогда напрасно предполагалъ.

— То-есть.... вы думаете.... не мучьте меня! вырвалось вдругъ у Елены.

— Я думаю, поспѣшно подхватилъ Берсеневъ,—что Инсаровъ полюбилъ теперь одну русскую дѣвушку и, по обѣщанію своему, рѣшается бѣжать.

Елена еще крѣпче стиснула его руку и еще ниже наклонила

голову, какъ бы желая спрятать отъ чужаго взора румянецъ стыда, облившій внезапнымъ пламенемъ все лицо ея и шею.

— Андрей Петровичъ, вы добры какъ ангелъ, проговорила она,—но вѣдь онъ придетъ проститься?

— Да, я полагаю, навѣрное онъ придетъ, потому что не захочетъ уѣхать....

— Скажите ему, скажите....

Но тутъ бѣдная дѣвушка не выдержала: слезы хлынули у ней изъ глазъ, и она выбѣжала изъ комнаты.

«Такъ вотъ какъ она его любитъ, думалъ Берсеневъ, медленно возвращаясь домой. Я этого не ожидалъ; я не ожидалъ, что это уже такъ сильно. Я добръ, говоритъ она, продолжалъ онъ свои размышленія.... Кто скажетъ, въ силу какихъ чувствъ и побужденій я сообщилъ все это Еленѣ? Но не по добротѣ, не по добротѣ. Все проклятое желаніе убѣдиться, дѣйствительно ли кинжалъ сидитъ въ ранѣ? Я долженъ быть доволенъ —они любятъ другъ друга, и я имъ помогъ.... «Будущій посредникъ между наукой и россійскою публикой», зоветъ меня Шубинъ; видно мнѣ на роду написано быть посредникомъ. Но если я ошибся? Нѣтъ, я не ошибся....»

Горько было Андрею Петровичу, и не шелъ ему въ голову Раумеръ.

На слѣдующій день, часу во второмъ, Инсаровъ явился къ Стаховымъ. Какъ нарочно о ту пору въ гостиной Анны Васильевны сидѣла гостья, сосѣдка протопопица, очень хорошая и почтенная женщина, но имѣвшая маленькую непріятность съ полиціей за то, что вздумала въ самый припекъ жара выкупаться въ пруду, близъ дороги, по которой часто проѣзжало какое-то важное генеральское семейство. Присутствіе посторонняго лица было сперва даже пріятно Еленѣ, у которой кровинки въ лицѣ не осталось, какъ только она услышала походку Инсарова; но сердце у ней замерло при мысли, что онъ можетъ проститься, не поговоривши съ ней наединѣ. Онъ же казался смущенный и убѣгалъ ея взгляда. «Неужели онъ сейчасъ будетъ прощаться?» думала Елена. Дѣйствительно, Инсаровъ обратился было къ Аннѣ Васильевнѣ; Елена поспѣшно встала и отозвала его въ сторону, къ окну. Протопопица удивилась и попыталась обернуться; но она такъ туго затянулась,

что корсетъ скрипѣлъ на ней при каждомъ движеніи. Она осталась неподвижною.

— Послушайте, торопливо проговорила Елена, я знаю, за чѣмъ вы пришли; Андрей Петровичъ сообщилъ мнѣ ваше намѣреніе, но я прошу васъ, я васъ умоляю не прощаться съ нами сегодня, а придти завтра сюда пораньше, часовъ въ одиннадцать. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Инсаровъ молча наклонилъ голову.

— Я васъ не буду удерживать.... Вы мнѣ обѣщаете?

Инсаровъ опять поклонился, но ничего не сказалъ.

— Леночка, поди сюда, промолвила Анна Васильевна, посмотри, какой у матушки чудесный ридикюль.

— Сама вышивала, замѣтила протопопица.

Елена отошла отъ окна.

Инсаровъ остался не болѣе четверти часа у Стаховыхъ. Елена наблюдала за нимъ украдкой. Онъ переминался на мѣстѣ, попрежнему не зналъ, куда дѣвать глаза, и ушелъ какъ-то странно, внезапно: точно изчезъ.

Медлительно прошелъ этотъ день для Елены; еще медлительнѣе протянулась долгая, долгая ночь. Елена то сидѣла на кровати, обнявъ колѣни руками и положивъ на нихъ голову, то подходила къ окну, прикладывалась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу, и думала, думала, до изнуренія думала всё однѣ и тѣ же думы. Сердце у ней не то окаменѣло, не то изчезло изъ груди; она его не чувствовала, но въ головѣ тяжко бились жилы, и волосы ее жгли, и губы сохли. «Онъ придетъ.... онъ не простился съ мамашей.... онъ не обманетъ.... Неужели Андрей Петровичъ правду сказалъ? Быть не можетъ... Онъ словами не обѣщалъ придти.... Неужели я навсегда съ нимъ разсталась». Вотъ какія мысли не покидали ея.... именно не покидали: онѣ не приходили, не возвращались—онѣ безпрестанно колыхались въ ней, какъ туманъ. «Онъ меня любитъ!» вспыхивало вдругъ во всемъ ея существѣ, и она пристально глядѣла въ темноту; никому не видимая, тайная улыбка раскрывала ея губы, но она тотчасъ встряхивала головой, заносила къ затылку сложенные пальцы рукъ, и снова, какъ туманъ, колыхались въ ней прежнія думы. Передъ утромъ она раздѣлась и легла въ постель, но заснуть не могла. Первые

огнистые лучи солнца ударили въ ея комнату.... «О если онъ меня любитъ!» воскликнула она вдругъ, и, не стыдясь озарившаго ее свѣта, раскрыла свои объятія....

Она встала, одѣлась, сошла внизъ. Еще никто не просыпался въ домѣ. Она пошла въ садъ: но въ саду такъ было тихо и зелено и свѣжо, такъ довѣрчиво чирикали птицы, такъ радостно выглядывали цвѣты, что ей жутко стало. «О! подумала она, если это правда, нѣтъ ни одной травки счастливѣе меня, да правда ли это?» Она вернулась въ свою комнату, и, чтобъ какъ-нибудь убить время, стала мѣнять платье. Но все у ней падало и скользило изъ рукъ, и она еще сидѣла, полураздѣтая, передъ своимъ туалетнымъ зеркальцемъ, когда ее позвали чай пить. Она сошла внизъ; мать замѣтила ея блѣдность, но сказала только: какая ты сегодня интересная, и, окинувъ ее взглядомъ, прибавила: «Это платье очень къ тебѣ идетъ, ты его всегда надѣвай, когда вздумаешь кому понравиться.» Елена ничего не отвѣчала и сѣла въ уголокъ. Между тѣмъ пробило девять часовъ; до одиннадцати оставалось еще два часа. Елена взялась за книгу, потомъ за шитье, потомъ опять за книгу; потомъ она дала себѣ слово пройдтись сто разъ по одной аллеѣ, и прошлась сто разъ; потомъ она долго смотрѣла, какъ Анна Васильевна пасьянсъ раскладывала.... да взглянула на часы: еще десяти не было. Шубинъ пришелъ въ гостиную. Она попыталась заговорить съ нимъ, и извинилась передъ нимъ, сама не зная въ чемъ.... Каждое ея слово, не то чтобъ усилій ей стоило, но возбуждало въ ней самой какое-то недоумѣніе. Шубинъ нагнулся къ ней. Она ожидала насмѣшки, подняла глаза, и увидѣла передъ собою печальное и дружелюбное лицо.... Она улыбнулась этому лицу. Шубинъ тоже улыбнулся ей, молча, и тихонько вышелъ. Она хотѣла удержать его, но не тотчасъ вспомнила, какъ позвать его. Наконецъ пробило одиннадцать часовъ. Она стала ждать, ждать, ждать и прислушиваться. Она уже ничего не могла дѣлать; она перестала даже думать. Сердце въ ней ожило и стало биться громче, все громче, и странное дѣло! время какъ-будто помчалось быстрѣе. Прошло четверть часа, прошло полчаса, прошло еще нѣсколько минутъ, по мнѣнію Елены, и вдругъ она вздрогнула: часы пробили не двѣнадцать, они пробили часъ.

«Онъ не придетъ, онъ уѣдетъ, не простясь». Эта мысль, вмѣстѣ съ кровью, такъ и бросилась ей въ голову. Она почувствовала, что дыханіе ее захватываетъ, что она готова зарыдать.... Она побѣжала въ свою комнату и упала, лицомъ на сложенныя руки, на постель.

Полчаса пролежала она неподвижно; сквозь ея пальцы на подушку лились слезы. Она вдругъ приподнялась и сѣла; что-то странное совершалось въ ней: лицо ея измѣнилось, влажные глаза сами собою высохли и заблестѣли, брови надвинулись, губы сжались. Прошло еще полчаса. Елена въ послѣдній разъ приникла ухомъ: не долетитъ ли до нея знакомый голосъ? встала, надѣла шляпу, перчатки, накинула мантилью на плечи и, незамѣтно выскользнувъ изъ дома, пошла проворными шагами по дорогѣ, ведущей къ квартирѣ Берсенева.

XVIII.

Елена шла, потупивъ голову и неподвижно устремивъ глаза впередъ. Она ничего не боялась, она ничего не соображала: она хотѣла еще разъ увидаться съ Инсаровымъ. Она шла, не замѣчая, что солнце давно скрылось, заслоненное тяжелыми черными тучами, что вѣтеръ порывисто шумѣлъ въ деревьяхъ и клубилъ ея платье, что пыль внезапно поднималась и неслась столбомъ по дорогѣ.... Крупный дождикъ закапалъ, она и его не замѣчала; но онъ пошелъ все чаще, все сильнѣе, сверкнула молнія, громъ ударилъ. Елена остановилась, посмотрѣла вокругъ.... Къ ея счастію, невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ застала ее гроза, находилась ветхая, заброшенная часовенька надъ развалившимся колодцемъ. Она добѣжала до нея и вошла подъ низенькій навѣсъ. Дождь хлынулъ ручьями; небо кругомъ обложилось. Съ нѣмымъ отчаяніемъ глядѣла Елена на частую сѣтку быстро падавшихъ капель. Послѣдняя надежда увидѣться съ Инсаровымъ исчезала. Старушка нищая вошла въ часовеньку, отряхнулась, проговорила съ поклономъ: «отъ дождя, матушка», и, кряхтя и охая, присѣла на уступчикъ возлѣ колодца. Елена опустила руку въ карманъ: старушка замѣтила это движеніе, и лицо ея, сморщенное и желтое, но

когда-то красивое, оживилось. «Спасибо тебѣ, кормилица, родная», начала она. Въ карманѣ Елены не нашлось кошелька, а старушка протягивала уже руку....

— Денегъ у меня нѣтъ, бабушка, сказала Елена,—а вотъ возьми, на что-нибудь пригодится.

Она подала ей свой платокъ.

— О-охъ, красавица ты моя, проговорила нищая, да на что же мнѣ платочекъ твой? Развѣ внучкѣ подарить, когда замужъ выходить будетъ. Пошли тебѣ Господь за твою доброту!

Раздался ударъ грома.

— Господи, Іисусе Христе, пробормотала она и перекрестилась три раза.— Да никакъ я уже тебя видѣла, прибавила она, погодя немного. — Никакъ ты мнѣ Христову милостыню подавала?

Елена вглядѣлась въ старуху и узнала ее.

— Да, бабушка, отвѣчала она. — Ты еще меня спросила, отчего я такая печальная?

— Такъ, голубка, такъ. То-то я тебя признала. Да ты и теперь словно кручинна живешь. Вотъ и платочекъ твой мокрый, знать отъ слезъ. Охъ, вы молодушки, всѣмъ вамъ одна печаль, горе великое!

— Какая же печаль, бабушка?

— Какая? Эхъ, барышня хорошая, не моги ты со мной, со старухой, лукавить. Знаю я, о чемъ ты тужишь: не сиротское твое горе. Вѣдь и я была молода, свѣтикъ, мытарство-то эти я тоже проходила. Да. А я тебѣ, за твою доброту, вотъ что скажу: попался тебѣ человѣкъ хорошій, не вѣтреникъ, ты уже держись одного; крѣпче смерти держись. Ужь быть, такъ быть, а не быть, видно Богу такъ угодно. Да. Ты что на меня дивишься? я та же ворожея. Хошь, унесу съ твоимъ платочкомъ все твое горе? Унесу, и полно. Вишь, дождикъ рѣденькій пошелъ; ты-то подожди еще, а я пойду. Меня ему не въ первóй мочить. Помни же, голубка, была печаль, сплыла печаль, и помину ей нѣтъ. Господи, помилуй!

Нищая приподнялась съ уступчика, вышла изъ часовеньки и поплелась своею дорогой. Елена съ изумленіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ. «Что это значитъ?» прошептала она невольно.

Дождикъ сѣялся все мелче и мелче, солнце заиграло на мгновеніе. Елена уже собиралась покинуть свое убѣжище.... Вдругъ, въ десяти шагахъ отъ часовни, она увидѣла Инсарова. Закутанный плащемъ, онъ шелъ по той же самой дорогѣ, по которой пришла Елена; казалось, онъ спѣшилъ домой.

Она оперлась рукой о ветхое перильце крылечка, хотѣла позвать его, но голосъ измѣнилъ ей....Инсаровъ уже проходилъ мимо, не поднимая головы....

— Дмитрій Никаноровичъ! проговорила она наконецъ. Инсаровъ внезапно остановился, оглянулся.... Въ первую минуту онъ не узналъ Елены, но тотчасъ же подошелъ къ ней.—Вы! вы здѣсь! воскликнулъ онъ.

Она отступила, молча, въ часовню. Инсаровъ послѣдовалъ за Еленой.—Вы здѣсь? повторилъ онъ.

Она продолжала молчать, и только глядѣла на него какимъ-то долгимъ, мягкимъ взглядомъ. Онъ опустилъ глаза.

— Вы шли отъ насъ? спросила она его.

— Нѣтъ.... не отъ васъ.

— Нѣтъ? повторила Елена и постаралась улыбнуться. — Такъ-то вы держите ваши обѣщанія? Я васъ ждала съ утра.

— Я вчера, вспомните, Елена Николаевна, ничего не обѣщалъ.

Елена опять едва улыбнулась, и провела рукой по лицу. И лицо и руки были очень блѣдны. — Вы, стало-быть, хотѣли уѣхать, не простившись съ нами?

— Да, сурово и глухо промолвилъ Инсаровъ.

— Какъ? Послѣ нашего знакомства, послѣ этихъ разговоровъ, послѣ всего.... Стало-быть, еслибъ я васъ здѣсь не встрѣтила случайно (голосъ Елены зазвенѣлъ, и она умолкла на мгновеніе), такъ бы вы и уѣхали, и руки бы мнѣ не пожали въ послѣдній разъ, и вамъ бы не было жаль?

Инсаровъ отвернулся. — Елена Николаевна, пожалуйста, не говорите такъ. Мнѣ и безъ того не весело. Повѣрьте, мое рѣшеніе мнѣ стоило большихъ усилій. Еслибъ вы знали....

— Я не хочу знать, съ испугомъ перебила его Елена,— зачѣмъ вы ѣдете.... Видно, такъ нужно. Видно, намъ должно разстаться. Вы безъ причины не захотѣли бы огорчить вашихъ

друзей. Но развѣ такъ разстаются друзья? Вѣдь мы друзья съ вами, не правда ли?.

— Нѣтъ, сказалъ Инсаровъ.

— Какъ?... промолвила Елена. Щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ.

— Я именно отъ того и уѣзжаю, что мы не друзья. Не заставляйте меня сказать то, что́ я не хочу сказать, что́ я не скажу.

— Вы прежде были со мной откровенны, съ робкимъ упрекомъ произнесла Елена.—Помните?

— Тогда я могъ быть откровеннымъ, тогда мнѣ скрывать было нечего; а теперь....

— А теперь? спросила Елена.

— А теперь.... А теперь я долженъ удалиться. Прощайте.

Еслибы въ это мгновеніе Инсаровъ поднялъ глаза на Елену, онъ бы замѣтилъ, что лицо ея все больше свѣтлѣло, чѣмъ больше онъ самъ хмурился и темнѣлъ, но онъ упорно глядѣлъ на полъ.

— Ну, прощайте, Дмитрій Никаноровичъ, начала она.—Но по крайней мѣрѣ, такъ какъ мы уже встрѣтились, дайте мнѣ теперь вашу руку.

Инсаровъ протянулъ было руку.—Нѣтъ, и этого я не могу, промолвилъ онъ и отвернулся снова.

— Не можете?

— Не могу. Прощайте. И онъ направился къ выходу часовни.

— Погодите еще немножко, сказала Елена. — Вы какъ будто боитесь меня. А я храбрѣе васъ, прибавила она съ внезапной легкой дрожью во всемъ тѣлѣ. — Я могу вамъ сказать.... хотите?... отчего вы меня здѣсь застали? Знаете ли, куда я шла?

Инсаровъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Елену.

— Я шла къ вамъ.

— Ко мнѣ?

Елена закрыла лицо. — Вы хотѣли заставить меня сказать, что я васъ люблю, прошептала она:—вотъ.... я сказала.

— Елена! вскрикнулъ Инсаровъ.

Она приняла руки, взглянула на него, и упала къ нему на грудь.

Онъ крѣпко обнялъ ее и молчалъ. Ему не нужно было говорить ей, что онъ ее любитъ. Изъ одного его восклицанія, изъ этого мгновеннаго преобразованія всего человѣка, изъ того, какъ поднималась и опускалась эта грудь, къ которой она такъ довѣрчиво прильнула, какъ прикасались концы его пальцевъ къ ея волосамъ, Елена могла понять, что она любима. Онъ молчалъ, и ей не нужно было словъ. «Онъ тутъ, онъ любитъ.... Чего жь еще?» Тишина блаженства, тишина невозмутимой пристани, достигнутой цѣли, та небесная тишина, которая и самой смерти придаетъ и смыслъ и красоту, наполнила ее всю своей божественной волной. Она ничего не желала, потому что она обладала всѣмъ. «О мой братъ, мой другъ, мой милый!...» шептали ея губы, и она сама не знала, чье это сердце, его ли, ея ли, такъ сладостно билось и таяло въ ея груди.

А онъ стоялъ неподвижно, онъ окружалъ своими крѣпкими объятіями эту молодую, отдавшуюся ему жизнь, онъ ощущалъ на груди это новое, безконечно-дорогое бремя; чувство умиленія, чувство благодарности неизъяснимой разбило въ прахъ его твердую душу, и никогда еще не извѣданныя слезы навернулись на его глаза....

А она не плакала; она твердила только: «О мой другъ! о мой братъ!»

— Такъ ты пойдешь за мною всюду? говорилъ онъ ей, четверть часа спустя, по-прежнему окружая и поддерживая ее своими объятіями.

— Всюду, на край земли. Гдѣ ты будешь, тамъ я буду.

— И ты себя не обманываешь, ты знаешь, что родители твои никогда не согласятся на нашъ бракъ?

— Я себя не обманываю; я это знаю.

— Ты знаешь, что я бѣденъ, почти нищій?

— Знаю.

— Что я не Русскій, что мнѣ не суждено жить въ Россіи, что тебѣ придется разорвать всѣ твои связи съ отечествомъ, съ родными?

— Знаю, знаю.

— Ты знаешь также, что я посвятилъ себя дѣлу трудному, неблагодарному, что мнѣ.... что намъ придется подвергаться не однѣмъ опасностямъ, но и лишеніямъ, униженію, быть-можетъ?

— Знаю, все знаю.... Я тебя люблю.

— Что ты должна будешь отстать отъ всѣхъ твоихъ привычекъ, что тамъ, одна, между чужими, ты, можетъ-быть, принуждена будешь работать....

Она положила ему руку на губы. — Я люблю тебя, мой милый.

Онъ началъ горячо цаловать ея узкую, розовую руку. Елена не отнимала ея отъ его губъ, и съ какою-то дѣтскою радостью, съ смѣющимся любопытствомъ глядѣла, какъ онъ покрывалъ поцалуями то самую руку ея, то пальцы....

Вдругъ она покраснѣла и спрятала свое лицо на его груди.

Онъ ласково приподнялъ ея голову и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.—Такъ здравствуй же, сказалъ онъ ей, моя жена передъ людьми и передъ Богомъ!

XIX.

Часъ спустя, Елена съ шляпою въ одной рукѣ, съ мантиліей въ другой, тихо входила въ гостинную дачи. Волосы ея слегка развились, на каждой щекѣ виднѣлось маленькое розовое пятнышко, улыбка не хотѣла сойдти съ ея губъ, глаза смыкались и, полузакрытые, тоже улыбались. Она едва переступала отъ усталости, и ей была пріятна эта усталость: да и все ей было пріятно. Все казалось ей милымъ и ласковымъ. Уваръ Ивановичъ сидѣлъ подъ окномъ; она подошла къ нему, положила ему руку на плечо, потянулась немного и какъ-то невольно засмѣялась.

— Чему? спросилъ онъ, удивившись.

Она не знала, что̀ сказать. Ей хотѣлось поцаловать Увара Ивановича.

— Плашмя, промолвила она наконецъ.

Но Уваръ Ивановичъ даже бровью не повелъ и продолжалъ съ удивленіемъ глядѣть на Елену. Она уронила на него и мантилью и шляпу.

— Милый Уваръ Ивановичъ, проговорила она, — я спать хочу, я устала, — и она опять засмѣялась и упала на кресло возлѣ него.

— Гмъ, крякнулъ Уваръ Ивановичъ и заигралъ пальцами.— Это, надо бы, да....

А Елена глядѣла вокругъ себя и думала: «Со всѣмъ этимъ я скоро должна разстаться, и странно: нѣтъ во мнѣ ни страха, ни сомнѣнія, ни сожалѣнія.... Нѣтъ, мамаши жалко!» Потомъ опять возникла передъ ней часовенька, прозвучалъ опять его голосъ, она почувствовала вокругъ себя его руки. Сердце ея радостно, но слабо шевельнулось: истома счастія лежала и на немъ. Вспомнилась ей старушка нищая. «Точно, унесла она мое горе, подумала она. О, какъ я счастлива! какъ незаслуженно! какъ скоро!» Ей бы стоило дать себѣ крошечку воли, и полились бы у нея сладкія, нескончаемыя слезы. Она удерживала ихъ только тѣмъ, что посмѣивалась. Какое положеніе она ни принимала, ей казалось, что ужь лучше и ловчѣе нельзя: точно ее баюкали. Всѣ движенія ея были медленны и мягки; куда дѣвалась ея торопливость, ея угловатость? Вошла Зоя: Елена рѣшила, что она не видала прелестнѣе личика; Анна Васильевна вошла: что-то кольнуло Елену, но съ какою нѣжностію она обняла свою добрую мать и поцаловала ее въ лобъ, подлѣ волосъ, уже слегка посѣдѣлыхъ! Потомъ она отправилась въ свою комнатку: какъ тамъ ей все улыбнулось! Съ какимъ чувствомъ стыдливаго торжества и смиренія сѣла она на свою кроватку, на ту самую кроватку, гдѣ три часа тому назадъ, она провела такія горькія мгновенія! «А вѣдь ужь я тогда знала, что онъ меня любитъ, подумала она, да и прежде.... Ай, нѣтъ! нѣтъ! это грѣхъ. Ты моя жена».... прошептала она, закрывшись руками и бросилась на колѣни.

Къ вечеру она стала задумчивѣе. Грусть ее взяла при мысли, что она не скоро увидится съ Инсаровымъ. Онъ не могъ, не возбуждая подозрѣнія, оставаться у Берсенева, и потому вотъ на чемъ они съ Еленой порѣшили: Инсаровъ долженъ былъ вернуться въ Москву и пріѣхать къ нимъ въ гости раза два до осени; съ своей стороны, она обѣщалась писать ему письма, и, если будетъ можно, назначить ему свиданіе, гдѣ-нибудь около Кунцова. Къ чаю она сошла въ гостиную и за-

стала тамъ всѣхъ своихъ домашнихъ и Шубина, который зорко посмотрѣлъ на нее, какъ только она появилась; она хотѣла было заговорить съ нимъ дружески, по старому, да боялась его проницательности, боялась самой себя. Ей сдавалось, что онъ не даромъ болѣе двухъ недѣль оставлялъ ее въ покоѣ. Скоро пришелъ Берсеневъ и передалъ Аннѣ Васильевнѣ поклонъ отъ Инсарова вмѣстѣ съ извиненіемъ его въ томъ, что онъ вернулся въ Москву, не засвидѣтельствовавъ ей своего почтенія. Имя Инсарова въ первый разъ въ теченіи дня произносилось передъ Еленой; она почувствовала, что покраснѣла; она поняла въ тоже время, что ей слѣдовало выразить сожалѣніе о внезапномъ отъѣздѣ такого хорошаго знакомаго; но она не могла принудить себя къ притворству и продолжала сидѣть неподвижно и безмолвно, между тѣмъ какъ Анна Васильевна охала и горевала. Елена старалась держаться около Берсенева; она его не боялась, хоть онъ и зналъ часть ея тайны; она спасалась подъ его крылышко отъ Шубина, который все продолжалъ посматривать на нее—не насмѣшливо, но внимательно. На Берсенева въ теченіи вечера тоже находило недоумѣніе: онъ ожидалъ, что увидитъ Елену болѣе печальной. Къ счастію ея, между нимъ и Шубинымъ завязался споръ объ искусствѣ; она отодвинулась и, словно сквозь сонъ, слушала ихъ голоса. Понемногу, не только они, но и вся комната, все, что̀ окружало ее, показалось ей какъ бы сномъ—все: и самоваръ на столѣ, и коротенькій жилетъ Увара Ивановича, и гладкіе ногти Зои, и масляный портретъ великаго князя Константина Павловича на стѣнѣ: все уходило, все покрывалось дымкой, все переставало существовать. Только жаль ей было ихъ всѣхъ. «Для чего живутъ?» думала она.

— Ты спать хочешь, Леночка? спросила ея мать. Она не слышала вопроса матери.

— Полусправедливый намекъ, говоришь ты?... Эти слова, рѣзко произнесенныя Шубинымъ, внезапно возбудили вниманіе Елены.—Помилуй, продолжалъ онъ,—въ этомъ-то самый вкусъ и есть. Справедливый намекъ возбуждаетъ уныніе—это не по христіански, къ несправедливому человѣку равнодушенъ—это глупо, а отъ полусправедливаго онъ и досаду чувствуетъ и нетерпѣніе. Напримѣръ, если я скажу, что Елена Николаевна

влюблена въ одного изъ насъ, какого роду это будетъ намекъ, ась?

— Ахъ, мсье Поль, проговорила Елена,—я бы хотѣла показать вамъ мою досаду, да право не могу. Я очень устала.

— Что́ же ты не ляжешь? промолвила Анна Васильевна, которая вечеромъ сама всегда дремала и оттого охотно посылала спать другихъ.—Простись со мной, да ступай съ Богомъ. Андрей Петровичъ извинитъ.

Елена поцаловала свою мать, поклонилась всѣмъ и пошла. Шубинъ проводилъ ее до двери.—Елена Николаевна, шепнулъ онъ ей на порогѣ:—вы топчете мсье Поля, вы безжалостно ходите по немъ, а мсье Поль благословляетъ васъ, и ваши ножки, и башмаки на вашихъ ножкахъ, и подошвы вашихъ башмаковъ.

Елена пожала плечомъ, нехотя протянула ему руку — не ту, которую цаловалъ Инсаровъ — и, вернувшись къ себѣ въ комнату, тотчасъ раздѣлась, легла и заснула. Она спала глубокимъ, безмятежнымъ сномъ.... такъ даже дѣти не спятъ: такъ спитъ только выздоровѣвшій ребенокъ, когда мать сидитъ возлѣ его колыбелки и глядитъ на него и слушаетъ его дыханіе.

XX.

— Зайди ко мнѣ на минутку, сказалъ Берсеневу Шубинъ, какъ только тотъ простился съ Анной Васильевной:—у меня есть кое-что тебѣ показать.

Берсеневъ отправился къ нему во флигель. Его поразило множество студій, статуэтокъ и бюстовъ, окутанныхъ мокрыми тряпками и разставленныхъ по всѣмъ уголкамъ комнаты.

— Да ты, я вижу, работаешь не на шутку, замѣтилъ онъ Шубину.

— Что-нибудь надобно жь дѣлать, отвѣтилъ тотъ.—Одно не везетъ, надо пробовать другое. Впрочемъ, я, какъ Корсиканецъ, занимаюсь больше вендеттой, нежели чистымъ искусствомъ. Trema, Bisanzia!

— Я тебя не понимаю, проговорилъ Берсеневъ.

— А вотъ погоди. Вотъ извольте поглядѣть, любезный другъ и благодѣтель, мою месть: номеръ 1-й.

Шубинъ раскуталъ одну фигуру, и Берсеневъ увидѣлъ отмѣнно-схожій, отличный бюстъ Инсарова. Черты лица были схвачены Шубинымъ вѣрно до малѣйшей подробности, и выраженіе онъ имъ придалъ славное: честное, благородное и смѣлое.

Берсеневъ пришелъ въ восторгъ.

— Да это просто прелесть! воскликнулъ онъ.—Поздравляю тебя. Хоть на выставку. Почему ты называешь это великолѣпное произведеніе местью?

— А потому, сэръ, что я намѣренъ поднести это, какъ вы изволили выразиться, великолѣпное произведеніе, Еленѣ Николаевнѣ въ день ея именинъ. Понимаете вы сію аллегорію? Мы не слѣпые, мы видимъ, что около насъ происходитъ, но мы джентльмены, милостивый государь, и мстимъ по джентльменски.

— А вотъ, прибавилъ Шубинъ, раскутывая другую фигурку,—такъ какъ художникъ, по новѣйшимъ эстетикамъ, пользуется завиднымъ правомъ воплощать въ себѣ всякія мерзости, возводя ихъ въ перлъ созданія, то мы, при возведеніи сего перла, номера втораго, мстили уже вовсе не какъ джентльменты, а просто en canaille.

Онъ ловко сдернулъ полотно, и взорамъ Берсенева предстала статуэтка въ дантановскомъ вкусѣ того же Инсарова. Злѣе и остроумнѣе невозможно было ничего придумать. Молодой Болгаръ былъ представленъ бараномъ, поднявшимся на заднія ножки и склоняющимъ рога для удара. Тупая важность, задоръ, упрямство, неловкость, ограниченность, такъ и отпечатались на физіономіи «супруга овецъ тонкорунныхъ», и между тѣмъ сходство было до того поразительно, несомнѣнно, что Берсеневъ не могъ не расхохотаться.

— Что? забавно? промолвилъ Шубинъ: — узналъ героя? На выставку тоже совѣтуешь послать? Это, братецъ ты мой, я самъ себѣ въ собственныя именины подарю.... Ваше высокоблагородіе, позвольте выкинуть колѣнце!

И Шубинъ прыгнулъ раза три, ударяя себя сзади подошвами.

Берсеневъ поднялъ съ полу полотно и забросилъ имъ статуэтку.

— Охъ ты великодушный, началъ Шубинъ, — кто-бишь въ

исторіи считается особенно великодушнымъ? Ну все равно! А теперь, продолжалъ онъ, торжественно и печально раскутывая третью, довольно большую массу глины, — ты узришь нѣчто, что́ докажетъ тебѣ смиренномудріе и прозорливость твоего друга. Ты убѣдишься въ томъ, что онъ, опять-таки, какъ истинный художникъ, чувствуетъ потребность и пользу собственнаго заушенія. Взирай!

Полотно взвилось, и Берсеневъ увидѣлъ двѣ рядомъ и близко поставленныя, точно сросшіяся головы.... Онъ не тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, но, приглянувшись, узналъ въ одной изъ нихъ Аннушку, въ другой самого Шубина. Впрочемъ, это были скорѣе каррикатуры, чѣмъ портреты. Аннушка была представлена красивою, жирною дѣвкой съ низкимъ лбомъ, заплывшими глазами и бойко-вздернутымъ носомъ. Ея крупныя губы нагло ухмылялись; все лицо выражало чувственность, безпечность и удаль, не безъ добродушія. Себя Шубинъ изобразилъ испитымъ, исхудалымъ жуиромъ, съ ввалившимися щеками, съ безсильно-висящими косицами жидкихъ волосъ, съ безсмысленнымъ выраженіемъ въ погасшихъ глазахъ, съ заостреннымъ, какъ у мертвеца, носомъ.

Берсеневъ отвернулся съ отвращеніемъ. — Какова двоешка, братъ? промолвилъ Шубинъ. — Не соблаговолишь ли сочинить приличную подпись? Къ первымъ двумъ штукамъ я уже подписи придумалъ. Подъ бюстомъ будетъ стоять: «Герой, намѣревающійся спасти свою родину». Подъ статуэткой: «Берегитесь, колбасники!» А подъ этой штукой — какъ ты думаешь? —«Будущность художника Павла Яковлева Шубина»... Хорошо?

— Перестань, возразилъ Берсеневъ.—Стоило терять время на такую... Онъ не тотчасъ подобралъ подходящее слово.

— Гадость? хочешь ты сказать. Нѣтъ, братъ, извини, ужь коли чему на выставку идти, такъ этой группѣ.

— Именно гадость, повторилъ Берсеневъ. — Да и что за вздоръ? Въ тебѣ вовсе нѣтъ тѣхъ залоговъ подобнаго развитія, которыми до сихъ поръ, къ несчастію, такъ обильно одарены наши артисты. Ты, просто, наклеветалъ на себя.

— Ты полагаешь? мрачно проговорилъ Шубинъ. — Если во мнѣ ихъ нѣтъ и если они ко мнѣ привьются, то въ этомъ бу-

детъ виновата одна особа. Ты знаешь ли, прибавилъ онъ, трагически нахмуривъ брови,—что я уже пробовалъ пить?

— Врешь?!

— Пробовалъ, ей Богу, возразилъ Шубинъ и вдругъ осклабился и просвѣтлѣлъ,—да невкусно, братъ, въ горло не лѣзетъ, и голова потомъ, какъ барабанъ. Самъ великій Лущихинъ — Харлампій Лущихинъ, первая московская, а по другимъ, велико-россійская воронка, объявилъ, что изъ меня проку не будетъ. Мнѣ, по его словамъ, бутылка ничего не говоритъ.

Берсеневъ замахнулся было на группу, но Шубинъ остановилъ его.

— Полно, братъ, не бей, это какъ урокъ годится, какъ пугало.

Берсеневъ засмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуй, пощажу твое пугало, промолвилъ онъ,—и да здравствуетъ вѣчное, чистое искусство!

— Да здравствуетъ! подхватилъ Шубинъ.—Съ нимъ и хорошее лучше, и дурное не бѣда!

Пріятели крѣпко пожали другъ другу руку и разошлись.

XXI.

Первымъ ощущеніемъ Елены, когда она проснулась, былъ радостный испугъ. «Неужели? неужели?» спрашивала она себя, и сердце ея замирало отъ счастія. Воспоминанія нахлынули на нее... она потонула въ нихъ. Потомъ опять ее осѣнила та блаженная, восторженная тишина. Но въ теченіи утра Еленой понемногу овладѣло безпокойство, а въ слѣдующіе дни ей стало и томно и скучно. Правда, она теперь знала, чего она хотѣла, но отъ этого ей не было легче. То незабвенное свиданіе выбросило ее навсегда изъ старой колеи: она уже не стояла въ ней, она была далеко, а между тѣмъ кругомъ все совершалось обычнымъ порядкомъ, все шло своимъ чередомъ, какъ-будто ничего не измѣнилось; прежняя жизнь попрежнему двигалась, попрежнему разсчитывая на участіе и содѣйствіе Елены. Она пыталась начать письмо къ Инсарову, но и это не удалось: слова выходили на бумагѣ не то мертвыя, не то лжи-

выя. Дневникъ свой она покончила: она подъ послѣднею строкой провела большую черту. То было прошедшее, а она всѣми помыслами своими, всѣмъ существомъ ушла въ будущее. Ей было тяжело. Сидѣть съ матерью, ничего не подозрѣвающей, выслушивать ее, отвѣчать ей, говорить съ ней—казалось Еленѣ чѣмъ то преступнымъ; она чувствовала въ себѣ присутствіе какой–то фальши; она возмущалась, хотя краснѣть ей было не за что; не разъ поднималось въ ея душѣ почти непреодолимое желаніе высказать все безъ утайки, что бы тамъ ни было потомъ. «Для чего», думала она, «Дмитрій не тогда же, не изъ этой часовни увелъ меня, куда хотѣлъ? Не сказалъ ли онъ мнѣ, что я его жена передъ Богомъ? Зачѣмъ я здѣсь?» Она вдругъ стала дичиться всѣхъ, даже Увара Ивановича, который болѣе чѣмъ когда–либо недоумѣвалъ и игралъ перстами. Уже ни ласковымъ, ни милымъ, ни даже сномъ не казалось ей все окружающее: оно, какъ кошмаръ, давило ей грудь неподвижнымъ, мертвеннымъ бременемъ; оно какъ–будто и упрекало ее, и негодовало, и знать про нее не хотѣло... Ты, молъ, все–таки наша. Даже ея бѣдные питомцы, угнетенные птицы и звѣри глядѣли на нее,—по крайней мѣрѣ такъ чудилось ей,—недовѣрчиво и враждебно. Ей становилось совѣстно и стыдно своихъ чувствъ. «Вѣдь это все–таки мой домъ», думала она, «моя семья, моя родина...—Нѣтъ, это больше не твоя родина, не твоя семья,» твердилъ ей другой голосъ. Страхъ овладѣвалъ ею, и она досадовала на свое малодушіе. Бѣда только начиналась, а ужь она теряла терпѣніе... То ли она обѣщала?

Не скоро она совладѣла съ собою. Но прошла недѣля, другая... Елена немного успокоилась и привыкла къ новому своему положенію. Она написала двѣ маленькія записочки Инсарову, и сама отнесла ихъ на почту: она бы ни за что, и изъ стыдливости, и изъ гордости, не рѣшилась довѣриться горничной. Она начинала уже поджидать его самого... Но вмѣсто его, въ одно прекрасное утро, прибылъ Николай Артемьевичъ.

XXII.

Еще никто въ домѣ отставнаго гвардіи поручика Стахова не видалъ его такимъ кислымъ и въ то же время такимъ само–

увѣреннымъ и важнымъ, какъ въ тотъ день. Онъ вошелъ въ гостиную въ пальто и шляпѣ, вошелъ медленно, широко разставляя ноги и стуча каблуками; приблизился къ зеркалу и долго посмотрѣлъ на себя, съ спокойною строгостью покачивая головой и кусая губы. Анна Васильевна встрѣтила его съ наружнымъ волненіемъ и тайною радостью (она его иначе никогда не встрѣчала); онъ даже шляпы не снялъ, не поздоровался съ нею, и молча далъ Еленѣ поцаловать свою замшевую перчатку. Анна Васильевна стала его распрашивать о курсѣ лѣченія,—онъ ничего не отвѣчалъ ей; явился Уваръ Ивановичъ,—онъ взглянулъ на него и сказалъ: «ба!» Съ Уваромъ Ивановичемъ онъ вообще обходился холодно и свысока, хотя признавалъ въ немъ «слѣды настоящей Стаховской крови». Извѣстно, что почти всѣ русскія дворянскія фамиліи убѣждены въ существованіи исключительныхъ, породистыхъ особенностей, имъ однѣмъ свойственныхъ: намъ не однажды довелось слышать толки «между своими» о «подсаласкинскихъ» носахъ и «перепрѣевскихъ» затылкахъ. Зоя вошла и присѣла передъ Николаемъ Артемьевичемъ. Онъ крякнулъ, опустился въ кресла, потребовалъ себѣ кофею и только тогда снялъ шляпу. Ему принесли кофею; онъ выпилъ чашку и, посмотрѣвъ поочередно на всѣхъ, промолвилъ сквозь зубы: «sortez, s'il vous plaît» и, обратившись къ женѣ, прибавилъ: «et vous, madame, restez, je vous prie.»

Всѣ вышли, кромѣ Анны Васильевны. У нея голова задрожала отъ волненія. Торжественность пріемовъ Николая Артемьевича ее поразила. Она ожидала чего-то необыкновеннаго.

— Что такое! воскликнула она, какъ только дверь затворилась.

Николай Артемьевичъ бросилъ равнодушный взглядъ на Анну Васильевну.

— Ничего особеннаго, началъ онъ, безо всякой нужды опуская углы губъ на каждомъ словѣ.—Я только хотѣлъ васъ предувѣдомить, что у насъ сегодня будетъ обѣдать новый гость.

— Кто такое?

— Курнатовскій, Егоръ Андреевичъ. Вы его не знаете. Оберъ-секретарь въ сенатѣ.

— Онъ будетъ сегодня у насъ обѣдать?

— Да.

— И вы только для того, чтобы мнѣ это сказать, велѣли всѣмъ выдти?

Николай Артемьевичъ снова бросилъ на Анну Васильевну взглядъ, на этотъ разъ уже ироническій.

— Васъ это удивляетъ? Погодите удивляться.

Онъ умолкъ. Анна Васильевна тоже помолчала немного.

— Я желала бы, заговорила она....

— Я знаю, вы меня всегда считали за «иморальнаго» человѣка, началъ вдругъ Николай Артемьевичъ.

— Я! съ изумленіемъ пробормотала Анна Васильевна.

— И, можетъ-быть, вы и правы. Я не хочу отрицать, что дѣйствительно, я вамъ иногда подавалъ справедливый поводъ къ неудовольствію—(сѣрыя лошади! промелькнуло въ головѣ Анны Васильевны),—хотя вы сами должны согласиться, что при извѣстномъ вамъ состояніи вашей конституціи....

— Да я васъ нисколько не обвиняю, Николай Артемьевичъ.

— C'est possible. Во всякомъ случаѣ я не намѣренъ себя оправдывать. Меня оправдаетъ время. Но я почитаю своимъ долгомъ увѣрить васъ, что я знаю свои обязанности и умѣю радѣть о.... о пользахъ ввѣреннаго мнѣ.... ввѣреннаго мнѣ семейства.

«Что́ все это значитъ?» думала Анна Васильевна. (Она не могла знать, что наканунѣ, въ англійскомъ клубѣ, въ углу диванной, поднялось преніе о неспособности Русскихъ произносить *спичи*. «Кто у насъ умѣетъ говорить? Назовите кого-нибудь?» воскликнулъ одинъ изъ спорившихъ. — Да хоть бы Стаховъ, напримѣръ, отвѣчалъ другой и, указалъ на Николая Артемьевича, который тутъ же стоялъ и чуть не пискнулъ отъ удовольствія.)

— Напримѣръ, продолжалъ Николай Артемьевичъ,—дочь моя, Елена. Не находите ли вы, что пора ей наконецъ ступить твердой стопою на стезю.... выдти замужъ, я хочу сказать. Всѣ эти умствованія и филантропіи хороши, но до извѣстной степени, до извѣстныхъ лѣтъ. Пора ей покинуть свои туманы, выдти изъ общества разныхъ артистовъ, школяровъ, и какихъ-то Черногорцевъ, и сдѣлаться какъ всѣ.

— Какъ я должна понять ваши слова? спросила Анна Васильевна.

— А вотъ, извольте выслушать, отвѣчалъ Николай Артемьевичъ все съ тѣмъ же опусканіемъ губъ.—Скажу вамъ прямо, безъ обиняковъ: я познакомился, я сблизился съ этимъ молодымъ человѣкомъ, г–мъ Курнатовскимъ, въ надеждѣ имѣть его своимъ зятемъ. Смѣю думать, что, увидѣвши его, вы не обвините меня въ пристрастіи или въ опрометчивости сужденій. (Николай Артемьевичъ говорилъ и самъ любовался своимъ краснорѣчіемъ.) Образованія отличнаго, онъ правовѣдъ, манеры прекрасныя, тридцать три года, оберъ–секретарь, коллежскій совѣтникъ, и Станиславъ на шеѣ. Вы, надѣюсь, отдадите мнѣ справедливость, что я не принадлежу къ числу тѣхъ pères de comédie, которые бредятъ одними чинами; но вы сами мнѣ говорили, что Еленѣ Николаевнѣ нравятся дѣльные, положительные люди: Егоръ Андреевичъ первый по своей части дѣлецъ; теперь, съ другой стороны, дочь моя имѣетъ слабость къ великодушнымъ поступкамъ: такъ знайте же, что Егоръ Андреевичъ, какъ только достигъ возможности, вы понимаете меня, возможности безбѣдно существовать своимъ жалованьемъ, тотчасъ отказался въ пользу своихъ братьевъ отъ ежегодной суммы, которую назначалъ ему отецъ.

— А кто его отецъ? спросила Анна Васильевна.

— Отецъ его? Отецъ его тоже извѣстный въ своемъ родѣ человѣкъ, нравственности самой высокой, un vrai stoïcien, отставной, кажется, майоръ, всѣми имѣніями графовъ Б..... управляетъ.

— А! промолвила Анна Васильевна.

— А! что: а? подхватилъ Николай Артемьевичъ.—Ужели и вы заражены предразсудками?

— Да я ничего не сказала, начала было Анна Васильевна...

— Нѣтъ, вы сказали: а!... Какъ бы то ни было, я счелъ нужнымъ васъ предупредить о моемъ образѣ мыслей, и смѣю думать.... смѣю надѣяться, что г-нъ Курнатовскій будетъ принятъ à bras ouverts. Это не какой–нибудь Черногорецъ.

— Разумѣется; надо будетъ только Ваньку повара позвать, блюдо приказать прибавить.

— Вы понимаете, что я въ это не вхожу, проговорилъ Николай Артемьевичъ, всталъ, надѣлъ шляпу, и, посвистывая (онъ отъ кого–то слышалъ, что посвистывать можно только у

себя на дачѣ и въ манежѣ) отправился гулять въ садъ. Шубинъ поглядѣлъ на него изъ окошка своего флигеля, и, молча, высунулъ ему языкъ.

Въ четыре часа безъ десяти минутъ, къ крыльцу Стаховской дачи подъѣхала ямская карета, и человѣкъ еще молодой, благообразной наружности, просто и изящно одѣтый, вышелъ изъ нея и велѣлъ доложить о себѣ. Это былъ Егоръ Андреевичъ Курнатовскій.

Вотъ что, между прочимъ, писала на слѣдующій день Инсарову Елена:

«Поздравь меня, милый Дмитрій, у меня женихъ. Онъ вчера у насъ обѣдалъ; папенька познакомился съ нимъ, кажется, въ англійскомъ клубѣ и пригласилъ его. Разумѣется, онъ пріѣзжалъ вчера не женихомъ. Но добрая мамаша, которой папенька сообщилъ свои надежды, шепнула мнѣ на ухо, что̀ это за гость. Зозутъ его Егоръ Андреевичъ Курнатовскій; онъ служитъ оберъ-секретаремъ при сенатѣ. Опишу тебѣ сперва его наружность. Онъ небольшаго роста, меньше тебя, хорошо сложенъ; черты у него правильны, онъ коротко остриженъ, носитъ большіе бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ у тебя), каріе, быстрые, губы плоскія, широкія; на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, офиціальная какая-то: точно она у него дежуритъ. Держится онъ очень просто, говоритъ отчетливо, и все у него отчетливо: онъ ходитъ, смѣется, ѣстъ, словно дѣло дѣлаетъ. «Какъ она его изучила!» думаешь ты, можетъ-быть, въ эту минуту. Да; для того, чтобъ описать тебѣ его. Да и какъ же не изучать своего жениха! Въ немъ есть что-то желѣзное.... и тупое и пустое въ то же время—и честное; говорятъ, онъ, точно, очень честенъ. Ты у меня тоже желѣзный, да не такъ, какъ этотъ. За столомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, противъ насъ сидѣлъ Шубинъ. Сперва рѣчь зашла о какихъ-то коммерческихъ предпріятіяхъ: говорятъ, онъ въ нихъ толкъ знаетъ и чуть было не бросилъ своей службы, чтобы взять въ руки большую фабрику. Вотъ не догадался! Потомъ Шубинъ заговорилъ о театрѣ; г-нъ Курнатовскій объявилъ, и—я должна сознаться—безъ ложной скромности, что онъ въ художествѣ ничего не смыслитъ. Это мнѣ тебя напомнило.... но я подумала: нѣтъ, мы съ Дмитріемъ все-таки иначе не понимаемъ художества. Этотъ

какъ будто хотѣлъ сказать: я не понимаю его, да оно и не-нужно, но въ благоустроенномъ государствѣ допускается. Къ Петербургу и къ comme il faut онъ, впрочемъ, довольно равно-душенъ: онъ разъ даже назвалъ себя пролетаріемъ. Мы, говоритъ, чернорабочіе. Я подумала: еслибы Дмитрій это сказалъ, мнѣ бы это не понравилось , а этотъ пускай себѣ говоритъ! пусть хвастается! Со мной онъ былъ очень вѣжливъ; но мнѣ все казалось, что со мной бесѣдуетъ очень, очень снисходительный начальникъ. Когда онъ хочетъ похвалить кого, онъ говоритъ, что у такого-то *есть правила*—это его любимое слово. Онъ, долженъ быть, самоувѣренъ, трудолюбивъ, способенъ къ само-пожертвованію (ты видишь: я безпристрастна), то есть къ по-жертвованію своихъ выгодъ, но онъ большой деспотъ. Бѣда попасться ему въ руки! За столомъ заговорили о взяткахъ.

— «Я понимаю, сказалъ онъ, что во многихъ случаяхъ, берущій взятку не виноватъ: онъ иначе поступить не могъ. А все-таки, если онъ попался, должно его раздавить.

«Я вскрикнула.—Раздавить невиноватаго!

— «Да, ради принципа.

— «Какого? спросилъ Шубинъ. Курнатовскій не то смѣ-шался, не то удивился, и сказалъ: этого нечего объяснять.— Папаша, который, кажется, благоговѣетъ передъ нимъ, под-хватилъ, что конечно нечего, и, къ досадѣ моей, разговоръ этотъ прекратился. Вечеромъ пришелъ Берсеневъ и вступилъ съ нимъ въ ужасный споръ. Никогда я еще не видала на-шего добраго Андрея Петровича въ такомъ волненіи. Госпо-динъ Курнатовскій вовсе не отрицалъ пользы науки, универси-тетовъ и т. д. А между тѣмъ я понимала негодованіе Андрея Петровича. Тотъ смотритъ на все это какъ на гимнастику ка-кую-то. Шубинъ подошелъ ко мнѣ послѣ стола и сказалъ: вотъ этотъ и нѣкто другой (онъ твоего имени произнести не можетъ)—оба практическіе люди, а посмотрите, какая разница: тамъ настоящій, живой, жизнью данный идеалъ; а здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣльность безъ содержанія.—Шубинъ уменъ, и я, для тебя, запомнила его умныя слова; а по моему, что же общаго между вами? Ты *вѣришь*, а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя *вѣрить нельзя*.

«Онъ уѣхалъ поздно, но мамаша успѣла мнѣ сообщить, что я ему понравилась, что папенька въ восторгѣ.... Ужь не сказалъ ли онъ обо мнѣ, что и у меня есть правила? А я чуть было не отвѣтила мамашѣ, что мнѣ очень жалко, но что у меня уже есть мужъ. Отчего тебя папенька такъ не любитъ? Съ мамашей еще можно было бы какъ-нибудь....

«О мой милый! Я тебѣ такъ подробно описала этого господина для того, чтобы заглушить мою тоску. Я не живу безъ тебя, я безпрестанно тебя вижу, слышу.... Я жду тебя, только не у насъ, какъ ты было хотѣлъ—представь, какъ намъ будетъ тяжело и не ловко!—а знаешь, гдѣ я тебѣ писала—въ той рощѣ.... О мой милый! Какъ я тебя люблю!»

XXIII.

Недѣли три послѣ перваго посѣщенія Курнатовскаго, Анна Васильевна, къ великой радости Елены, переселилась въ Москву, въ свой большой деревянный домъ, возлѣ Пречистинки, домъ съ колоннами, бѣлыми лирами и вѣнками надъ каждымъ окномъ, съ мезониномъ, службами, палисадникомъ, огромнымъ зеленымъ дворомъ, колодцомъ на дворѣ и собачьей конуркой возлѣ колодца. Анна Васильевна никогда такъ рано не съѣзжала съ дачи, но въ тотъ годъ у ней отъ первыхъ осеннихъ холодовъ *разыгрались* флюсы; Николай Артемьевичъ, съ своей стороны, окончивши курсъ лѣченія, соскучился по женѣ; притомъ же Августина Христіановна уѣхала погостить къ своей кузинѣ въ Ревель; въ Москву прибыло какое-то иностранное семейство, показывавшее *пластическія позы*, des poses plastiques, описаніе которыхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* сильно возбудило любопытство Анны Васильевны. Словомъ, дальнѣйшее пребываніе на дачѣ оказалось неудобнымъ, и даже, по словамъ Николая Артемьевича, несовмѣстнымъ съ исполненіемъ его «предначертаній». Послѣднія двѣ недѣли показались очень длинными Еленѣ. Курнатовскій пріѣзжалъ два раза, по воскресеньямъ; въ другіе дни онъ былъ занятъ. Онъ пріѣзжалъ собственно для Елены, но разговаривалъ больше съ Зоей, которой онъ очень понравился. «Das ist ein Mann!» думала она про себя, глядя на его смуглое и мужественное лицо, слушая

его самоувѣренныя, снисходительныя рѣчи. По ея мнѣнію, ни у кого не было такого чуднаго голоса, никто не умѣлъ такъ отлично произнести: «я имѣлъ чесссть», или: «я весьма доволенъ». Инсаровъ не былъ у Стаховыхъ, но Елена видѣла его разъ украдкой въ небольшой рощицѣ надъ Москвой рѣкой, гдѣ она назначила ему свиданіе. Они едва успѣли сказать нѣсколько словъ другъ другу. Шубинъ возвратился въ Москву вмѣстѣ съ Анной Васильевной; Берсеневъ нѣсколькими днями позже.

Инсаровъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, и въ третій разъ перечитывалъ письма, доставленныя ему изъ Болгаріи съ «оказіей»; по почтѣ ихъ боялись посылать. Онъ былъ очень встревоженъ ими. Событія быстро развивались на Востокѣ; занятіе княжествъ русскими войсками волновало всѣ умы; гроза росла, слышалось уже вѣяніе близкой, неминуемой войны. Кругомъ занимался пожаръ, и никто не могъ предвидѣть, куда онъ пойдетъ, гдѣ остановится; старыя обиды, давнія надежды — все зашевелилось. Сердце Инсарова сильно билось: и *его* надежды сбывались. Но не рано ли? не напрасно ли? думалъ онъ, стискивая руки. Мы еще не готовы,—но такъ и быть! Надо будетъ ѣхать.

Что-то слегка зашумѣло за дверью, она быстро распахнулась—и въ комнату вошла Елена.

Инсаровъ затрепеталъ весь, бросился къ ней, упалъ передъ нею на колѣни, обнялъ ея станъ и крѣпко прижался къ нему головой.

— Ты меня не ждалъ? заговорила она, едва переводя духъ. (Она быстро взбѣжала по лѣстницѣ). Милый! милый! — Она положила ему обѣ руки на голову и оглянулась.—Такъ вотъ гдѣ ты живешь? Я тебя скоро нашла. Дочь твоего хозяина меня проводила. Мы третьяго дня переѣхали. Я хотѣла тебѣ написать, но подумала, лучше я сама пойду. Я къ тебѣ на четверть часа. Встань, запри дверь.

Онъ поднялся, проворно заперъ дверь, воротился къ ней и взялъ ее за руки. Онъ не могъ говорить: радость его душила. Она съ улыбкой глядѣла ему въ глаза.... Въ нихъ было столько счастія.... Она застыдилась.

— Постой, сказала она, ласково отнимая у него руки,— дай мнѣ шляпу снять.

Она развязала ленты шляпы, сбросила ее, спустила съ плечъ мантилью, поправила волосы, и сѣла на маленькій, старенькій диванчикъ. Инсаровъ не шевелился и глядѣлъ на нее, какъ очарованный.

— Сядь же, проговорила она, не поднимая на него глазъ и указывая ему на мѣсто возлѣ себя.

Инсаровъ сѣлъ, но не на дивинъ, а на полъ, у ея ногъ.

— На, сними съ меня перчатки, промолвила она неровнымъ голосомъ. Ей становилось страшно.

Онъ принялся сперва разстегивать, потомъ стаскивать одну перчатку, стащилъ ее до половины, и жадно прильнулъ губами къ забѣлѣвшей подъ нею тонкой и нѣжной кисти.

Елена вздрогнула и хотѣла отслонить его другой рукою, онъ началъ цаловать другую руку. Елена потянула ее къ себѣ, онъ откинулъ голову, она посмотрѣла ему въ лицо, нагнулась— и губы ихъ слились....

Прошло мгновеніе.... Она вырвалась, встала, шепнула: «нѣтъ, нѣтъ», и быстро подошла къ письменному столу.

— Вѣдь я здѣсь хозяйка, для меня не должно быть у тебя тайны, проговорила она, стараясь казаться безпечной и становясь къ нему спиной.—Сколько бумагъ! Это что за письма?

Инсаровъ наморщилъ брови.—Эти письма? промолвилъ онъ, вставая съ полу.—Ты можешь ихъ прочесть.

Елена повертѣла ихъ въ рукѣ. — Ихъ такъ много, и онѣ такъ мелко написаны, а я сейчасъ должна уйдти.... Богъ съ ними! Не отъ соперницы?... Да онѣ и не по-русски, прибавила она, перебирая тонкіе листы.

Инсаровъ приблизился къ ней и коснулся ея стана. Она вдругъ обернулась къ нему, свѣтло ему улыбнулась, и опер-лась на его плечо.

— Эти письма изъ Болгаріи, Елена; друзья мнѣ пишутъ, они меня зовутъ.

— Теперь? Туда?

— Да.... теперь. Пока еще время, пока проѣхать можно.

Она вдругъ бросила ему обѣ руки вокругъ шеи.—Вѣдь ты меня возьмешь съ собой?

Онъ прижалъ ее къ сердцу. — О, моя милая дѣвушка, о, моя героиня, какъ ты произнесла это слово! Но не грѣшно ли,

не безумно ли мнѣ, мнѣ бездомному, одинокому, увлекать тебя съ собою.... И куда же!

Она зажала ему ротъ.—Тссъ.. . или я разсержусь и никогда больше не приду къ тебѣ. Развѣ не все рѣшено, не все кончено между нами? Развѣ я не твоя жена? Развѣ жена разстается съ мужемъ?

— Жены не идутъ на войну, промолвилъ онъ съ полупечальной улыбкой.

— Да, когда онѣ могутъ остаться. А развѣ я могу остаться здѣсь?

— Елена, ты ангелъ!... Но подумай, мнѣ, можетъ быть, придется выѣхать изъ Москвы.... черезъ двѣ недѣли. Мнѣ уже нельзя помышлять ни объ университетскихъ лекціяхъ, ни объ окончаніи работъ.

— Что же такое? перебила Елена. — Ты долженъ скоро ѣхать? Да хочешь ли, я теперь же, сейчасъ, сію минуту, останусь у тебя, съ тобой навсегда, и домой не вернусь, хочешь? Поѣдемъ сейчасъ, хочешь?

Инсаровъ съ удвоенною силой заключилъ ее въ свои объятія.—Такъ пусть же Богъ накажетъ меня, воскликнулъ онъ,— если я дѣлаю дурное дѣло! Съ нынѣшняго дня мы соединены на вѣкъ!

— Я остаюсь? спросила Елена.

— Нѣтъ, моя чистая дѣвушка, нѣтъ, мое сокровище. Ты сегодня вернешься домой, но будь готова. Это дѣло нельзя разомъ сдѣлать; надо хорошенько все обдумать. Тутъ нужны деньги, паспортъ....

— Деньги у меня есть , перебила Елена , — восемдесятъ рублей.

— Ну это немного, замѣтилъ Инсаровъ:—а все годится.

— Да я могу достать, я займу, я попрошу у мамаши.... Нѣтъ, я у ней просить не буду.... Да можно часы продать.... У меня серьги есть, два браслета.... кружево.

— Не въ деньгахъ дѣло, Елена; паспортъ, твой паспортъ, какъ съ этимъ быть?

— Да, какъ съ этимъ быть? А непремѣнно нуженъ паспортъ?

— Непремѣнно.

Елена усмѣхнулась.—Что мнѣ въ голову пришло! Помнится, я была еще маленькая.... У насъ ушла горничная. Ее поймали, простили, и она долго жила у насъ.... а все-таки всѣ ее величали: Татьяна бѣглая. Не думала я тогда, что и я, можетъ-быть, буду бѣглая, какъ она.

— Елена, какъ тебѣ не стыдно!

— А что? Конечно, лучше поѣхать съ паспортомъ. Но если нельзя....

— Это мы все уладимъ послѣ, послѣ, погоди, промолвилъ Инсаровъ.—Дай мнѣ только осмотрѣться, дай подумать. Мы обо всемъ переговоримъ съ тобой, какъ слѣдуетъ. А деньги есть и у меня.

Елена отвела рукой волосы, падавшіе на его лобъ. — О, Дмитрій! какъ намъ весело будетъ ѣхать вдвоемъ!

— Да, сказалъ Инсаровъ:—а тамъ, куда мы пріѣдемъ....

— Что жь? перебила Елена:—развѣ умирать вдвоемъ тоже не весело? Да нѣтъ, зачѣмъ умирать? Мы будемъ жить, мы молоды.—Сколько тебѣ лѣтъ? Двадцать шесть?

— Двадцать шесть.

— А мнѣ двадцать. Еще много времени впереди. А! ты хотѣлъ бѣжать отъ меня? Тебѣ не нужно было русской любви, Болгаръ! Посмотримъ теперь, какъ ты отъ меня отдѣлаешься! Но что бы было съ нами, еслибъ я тогда не пошла къ тебѣ!

— Елена, ты знаешь, что заставляло меня удаляться.

— Знаю: ты полюбилъ и испугался. Но неужели ты не подозрѣвалъ, что и тебя любили?

— Честью клянусь, Елена, нѣтъ.

Она быстро и неожиданно его поцаловала.—Вотъ за это-то я тебя и люблю. А теперь прощай.

— Ты не можешь больше остаться? спросилъ Инсаровъ.

— Нѣтъ, мой милый. Ты думаешь, мнѣ легко было уйдти одной? Четверть часа давно минуло.—Она надѣла мантилью и шляпу.—А ты приходи къ намъ завтра вечеромъ. Нѣтъ, послѣзавтра. Будетъ натянуто, скучно, да дѣлать нечего: по крайней мѣрѣ увидимся. Прощай. Выпусти меня.—Онъ обнялъ ее въ послѣдній разъ.—Ай! смотри, ты мою цѣпочку сломалъ. О, мой неловкій! Ну, ничего. Тѣмъ лучше. Я пройду на Кузнецкій мостъ, отдамъ ее въ починку. Если меня спросятъ, я

скажу, что была на Кузнецкомъ мосту.—Она взялась за ручку двери.—Кстати, я тебѣ и забыла сказать: мусье Курнатовскій, вѣроятно, на дняхъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе. Но я сдѣлаю ему.... вотъ что. Она приставила большой палецъ лѣвой руки къ кончику носа и поиграла остальными пальцами на воздухѣ. —Прощай. До свиданія. Теперь я дорогу знаю.... А ты не теряй времени....

Елена открыла немножко дверь, прислушалась, обернулась къ Инсарову, кивнула головой и выскользнула изъ комнаты.

Съ минуту стоялъ Инсаровъ передъ затворившеюся дверью и тоже прислушивался. Дверь внизу на дворъ стукнула. Онъ подошелъ къ дивану, сѣлъ и закрылъ глаза рукой. Съ нимъ еще никогда ничего подобнаго не случалось. «Чѣмъ заслужилъ я такую любовь? думалъ онъ.—Не сонъ ли это?»

Но тонкій запахъ резеды, оставленный Еленой въ его бѣдной, темной комнаткѣ, напоминалъ ея посѣщеніе. Вмѣстѣ съ нимъ, казалось, еще оставались въ воздухѣ и звуки молодаго голоса, и шумъ легкихъ молодыхъ шаговъ, и теплота, и свѣжесть молодаго, дѣвственнаго тѣла.

XXIV.

Инсаровъ рѣшился подождать еще болѣе положительныхъ извѣстій, а самъ началъ готовиться къ отъѣзду. Дѣло было очень трудное. Собственно для него, не предстояло никакихъ препятствій: стоило вытребовать паспортъ,—но какъ быть съ Еленой? Достать ей паспортъ законнымъ путемъ было невозможно. Обвѣнчаться съ ней тайно, а потомъ явиться къ родителямъ.... «Они тогда отпустятъ насъ, думалъ онъ. А если нѣтъ? Мы все-таки уѣдемъ. А если они будутъ жаловаться... если... Нѣтъ, лучше постараться достать какъ-нибудь паспортъ.»

Онъ рѣшился посовѣтоваться (разумѣется, никого не называя) съ однимъ своимъ знакомымъ, отставнымъ, или отставленнымъ прокуроромъ, опытнымъ и старымъ докой по части всякихъ секретныхъ дѣлъ. Почтенный этотъ человѣкъ жилъ не близко: Инсаровъ тащился къ нему цѣлый часъ на скверномъ Ванькѣ, да еще въ добавокъ не засталъ его дома; а на воз-

вратномъ пути промокъ до костей, благодаря внезапно набѣжавшему ливню. На слѣдующее утро, Инсаровъ, не смотря на довольно сильную головную боль, вторично отправился къ отставному прокурору. Отставной прокуроръ выслушалъ его внимательно, понюхивая табачекъ изъ табакерки, украшенной изображеніемъ полногрудой нимфы, и искоса посматривая на гостя своими лукавыми, тоже табачнаго цвѣту, глазками; выслушалъ и потребовалъ «бо̀льшей опредѣлительности въ изложеніи фактическихъ данныхъ»; а замѣтивъ, что Инсаровъ неохотно вдавался въ подробности (онъ и пріѣхалъ къ нему, скрѣпя сердце), ограничился совѣтомъ вооружиться прежде всего «пенензами», и попросилъ побывать въ другой разъ, «когда у васъ», прибавилъ онъ, нюхая табакъ надъ раскрытою табакеркою, «прибудетъ довѣрчивости и убудетъ недовѣрчивости», (онъ говорилъ на о̀). «А паспортъ,» продолжалъ онъ, какъ бы про себя, «дѣло рукъ человѣческихъ; вы, напримѣръ, ѣдете: кто васъ знаетъ, Марья ли вы Бредихина, или же Каролина Фогельмейеръ?» Чувство гадливости шевельнулось въ Инсаровѣ, но онъ поблагодарилъ прокурора и обѣщался завернуть на дняхъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ къ Стаховымъ. Анна Васильевна встрѣтила его ласково, попеняла ему, что онъ совсѣмъ ихъ забылъ, и, найдя его блѣднымъ, освѣдомилась о его здоровьѣ; Николай Артемьевичъ ни слова ему не сказалъ, только поглядѣлъ на него съ задумчиво-небрежнымъ любопытствомъ; Шубинъ обошелся съ нимъ холодно; но Елена удивила его. Она его ждала; она для него надѣла то самое платье, которое было на ней въ день ихъ перваго свиданія въ часовнѣ; но она такъ спокойно его привѣтствовала и такъ была любезна и безпечно-весела, что, глядя на нее, никто бы не подумалъ, что судьба этой дѣвушки уже рѣшена, и что одно тайное сознаніе счастливой любви придавало оживленіе ея чертамъ, легкость и прелесть всѣмъ ея движеніямъ. Она разливала чай намѣсто Зои, шутила, болтала; она знала, что за ней будетъ наблюдать Шубинъ, что Инсаровъ не съумѣетъ надѣть маску, не съумѣетъ прикинуться равнодушнымъ, и вооружилась заранѣе. Она не ошиблась: Шубинъ не спускалъ съ нея глазъ, а Инсаровъ былъ очень молчаливъ и пасмуренъ въ теченіи всего вечера.

Елена чувствовала себя до того счастливой, что ей захотѣлось подразнить его.

— Ну, что? спросила она его вдругъ: — планъ вашъ подвигается?

Инсаровъ смутился.

— Какой планъ? проговорилъ онъ.

— А вы забыли? отвѣтила она, смѣясь ему въ лицо: онъ одинъ могъ понять значеніе этого счастливаго смѣха: — ваша болгарская хрестоматія для Русскихъ?

— Quelle bourde! пробормоталъ сквозь зубы Николай Артемьевичъ.

Зоя сѣла за фортепіяно. Елена едва замѣтно пожала плечомъ и показала Инсарову глазами на дверь, какъ бы отпуская его домой. Потомъ она съ разстановкой два раза коснулась пальцемъ стола и посмотрѣла на него. Онъ понялъ, что она ему назначала свиданіе черезъ два дня, и она быстро улыбнулась, когда увидѣла, что онъ ее понялъ. Инсаровъ всталъ и началъ прощаться: онъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Явился Курнатовскій. Николай Артемьевичъ вскочилъ, поднялъ правую руку выше головы и мягко опустилъ ее на ладонь оберъ-секретаря. Инсаровъ остался еще нѣсколько минутъ, чтобы посмотрѣть на своего соперника. Елена украдкой, лукаво покачала головой, хозяинъ не счелъ нужнымъ ихъ представить другъ другу, и Инсаровъ ушелъ, въ послѣдній разъ обмѣнявшись взоромъ съ Еленой. Шубинъ подумалъ, подумалъ—и яростно заспорилъ съ Курнатовскимъ о юридическомъ вопросѣ, въ которомъ ничего не смыслилъ.

Инсаровъ не спалъ всю ночь и утромъ чувствовалъ себя дурно; однако онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ и писаніемъ писемъ, но голова у него была тяжела и какъ-то запутана. Къ обѣду у него сдѣлался жаръ; онъ ничего ѣсть не могъ. Жаръ быстро усилился къ вечеру; появилась ломота во всѣхъ членахъ и мучительная головная боль. Инсаровъ легъ на тотъ самый диванчикъ, гдѣ такъ недавно сидѣла Елена; онъ подумалъ: «по дѣломъ я наказанъ, зачѣмъ таскался къ этому старому плуту,» и попытался заснуть... Но уже недугъ завладѣлъ имъ. Съ страшною силой забились въ немъ жилы, знойно вспыхнула кровь, какъ птицы закружились мы-

сли. Онъ впалъ въ забытье. Какъ раздавленный, навзничь лежалъ онъ, и вдругъ ему почудилось: кто-то надъ нимъ тихо хохочетъ и шепчетъ: онъ съ усиліемъ раскрылъ глаза, свѣтъ отъ нагорѣвшей свѣчки дернулъ по нимъ, какъ ножомъ... Что̀ это? старый прокуроръ передъ нимъ въ халатѣ изъ тармаламы, подпоясанный фуляромъ, какъ онъ видѣлъ его наканунѣ.... «Каролина Фогельмейеръ», бормочетъ беззубый ротъ. Инсаровъ глядитъ, а старикъ ширится, пухнетъ, ростетъ, ужь онъ не человѣкъ—онъ дерево... Инсарову надо лѣзть по крутымъ сучьямъ. Онъ цѣпляется, падаетъ грудью на острый камень, а Каролина Фогельмейеръ сидитъ на корточкахъ, въ видѣ торговки, и лепечетъ: пирожки, пирожки, пирожки,—а тамъ течетъ кровь, и сабли блестятъ нестерпимо... Елена! и все исчезло въ багровомъ хаосѣ.

XXV.

— Къ вамъ пришелъ какой–то, кто его знаетъ, слесарь, что ль, какой, говорилъ на слѣдующій вечеръ Берсеневу его слуга, отличавшійся строгимъ обхожденіемъ съ бариномъ и скептическимъ направленіемъ ума,—хочетъ васъ видѣть.

— Позови, промолвилъ Берсеневъ.

Вошелъ «слесарь». Берсеневъ узналъ въ немъ портнаго, хозяина квартиры, гдѣ жилъ Инсаровъ.

— Что ты? спросилъ онъ его.

— Я къ вашей милости, началъ портной, медленно переставляя ноги и по временамъ взмахивая правою рукой съ захваченнымъ тремя послѣдними пальцами обшлагомъ. — Нашъ жилецъ, кто его знаетъ, оченно боленъ.

— Инсаровъ?

— Точно такъ, нашъ жилецъ. Кто его знаетъ, вчера еще съ утра былъ на ногахъ, вечеромъ только пить попросилъ, наша хозяйка ему и воду носила, а ночью залопоталъ, намъ–то слышно, потому перегородка; а сегодня утромъ ужь и безъ языка, лежитъ, какъ пластъ, а жаръ отъ него, Боже ты мой! Я подумалъ, кто его знаетъ, умретъ того и гляди; въ кварталъ, думаю, надо дать знать, потому какъ онъ одинъ; да хозяйка мнѣ говоритъ: «Сходи, молъ, ты къ тому жильцу, у кого

нашъ-то на дачѣ нанимался: можетъ, онъ тебѣ что скажетъ, аль самъ придетъ». Вотъ я къ вашей милости и пришелъ, потому какъ намъ нельзя, то-есть...

Берсеневъ схватилъ фуражку, сунулъ портному въ руку цѣлковый и тотчасъ поскакалъ съ нимъ на квартиру Инсарова.

Онъ нашелъ его лежащаго на диванѣ въ безпамятствѣ, не раздѣтаго. Лицо его страшно измѣнилось. Берсеневъ тотчасъ приказалъ хозяину съ хозяйкой раздѣть его и перенесть на постель, а самъ бросился къ доктору и привезъ его. Докторъ прописалъ разомъ піявки, мушки, каломель и велѣлъ пустить кровь.

— Онъ опасенъ? спросилъ Берсеневъ.

— Да, очень, отвѣчалъ докторъ. — Сильнѣйшее воспаленіе въ легкихъ; перипневмонія въ полномъ развитіи, можетъ-быть и мозгъ пораженъ, а субъектъ молодой. Его же силы теперь противъ него направлены. Поздно послали, а, впрочемъ, мы все сдѣлаемъ, что требуетъ наука.

Докторъ былъ еще самъ молодъ и вѣрилъ въ науку.

Берсеневъ остался на ночь. Хозяинъ и хозяйка оказались добрыми и даже расторопными людьми, какъ только нашелся человѣкъ, который сталъ имъ говорить, что надо было дѣлать. Явился фельдшеръ и начались медицинскія истязанія.

Къ утру Исаровъ очнулся на нѣсколько минутъ, узналъ Берсенева, спросилъ: «я, кажется, нездоровъ?» посмотрѣлъ вокругъ себя съ тупымъ и вялымъ недоумѣніемъ трудно-больнаго и опять забылся. Берсеневъ поѣхалъ домой, переодѣлся, захватилъ съ собой кое-какія книги и вернулся на квартиру Инсарова. Онъ рѣшился поселиться у него по крайней мѣрѣ на первое время. Онъ огородилъ его кровать ширмами, а себѣ устроилъ мѣстечко около диванчика. Не весело и не скоро прошелъ день. Берсеневъ отлучился только для того, чтобы пообѣдать. Насталъ вечеръ. Онъ зажегъ свѣчку съ абажуромъ и принялся за чтеніе. Все было тихо кругомъ. У хозяевъ за перегородкой слышался то сдержанный шопотъ, то зѣвокъ, то вздохъ... Кто-то у нихъ чихнулъ, и его шопотомъ побранили; за ширмами раздавалось тяжелое и неровное дыханіе, изрѣдка прерываемое короткимъ стономъ, да тоскливымъ метаніемъ головы по подушкѣ... Странныя нашли на Берсенева думы. Онъ

находился въ комнатѣ человѣка, жизнь котораго висѣла на ниткѣ, человѣка, котораго, онъ это зналъ, любила Елена.... Вспомнилась ему та ночь, когда Шубинъ нагналъ его и объявилъ ему, что она его любитъ, его, Берсенева! А теперь... «Что мнѣ теперь дѣлать?» спрашивалъ онъ самого себя. «Извѣстить ли Елену объ его болѣзни? Подождать ли? Это извѣстіе печальнѣе того, которое я же ей сообщилъ когда-то: странно, какъ судьба меня все ставитъ третьимъ лицомъ между ними!» Онъ рѣшилъ, что лучше подождать. Взоры его упали на столъ, покрытый грудами бумагъ... «Исполнитъ ли онъ свои замыслы? подумалъ Берсеневъ. Неужели все исчезнетъ?» И жалко ему становилось молодой, погибающей жизни, и онъ давалъ себѣ слово ее спасти...

Ночь была не хороша. Больной много бредилъ. Нѣсколько разъ вставалъ Берсеневъ съ своего диванчика, приближался на цыпочкахъ къ постели и печально прислушивался къ его несвязному лепетанію. Разъ только Инсаровъ произнесъ съ внезапною ясностью: «я не хочу, я не хочу, ты не должна...» Берсеневъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на Инсарова: лицо его, страдальческое и мертвенное во то же время, было неподвижно, и руки лежали безсильно... «Я не хочу», повторилъ онъ едва слышно.

Докторъ пріѣхалъ поутру, покачалъ головой и прописалъ новыя лекарства.—Еще далеко до кризиса, сказалъ онъ, надѣвая шляпу.

— А послѣ кризиса? спросилъ Берсеневъ.

— Послѣ кризиса? Исходъ бываетъ двоякій: aut Caesar, aut nihil.

Докторъ уѣхалъ. Берсеневъ прошелся нѣсколько разъ по улицѣ: ему нуженъ былъ чистый воздухъ. Онъ вернулся и взялся за книгу. Раумера ужь онъ давно кончилъ: онъ теперь изучалъ Грота.

Вдругъ дверь тихо скрипнула и осторожно вдвинулась въ комнатку головка хозяйской дочери, покрытая, по обыкновенію, тяжелымъ платкомъ.

— Здѣсь, заговорила она вполголоса,—та барышня, что тогда мнѣ гривенничекъ...

Головка хозяйской дочери внезапно скрылась и на мѣсто ея появилась Елена.

Берсеневъ вскочилъ, какъ ужаленный; но Елена не шевельнулась, не вскрикнула... Казалось, она все поняла въ одно мгновеніе. Страшная блѣдность покрыла ея лицо, она подошла къ ширмамъ, заглянула за нихъ, всплеснула руками и окаменѣла. Еще мгновеніе, и она бы бросилась къ Инсарову, но Берсеневъ остановилъ ее.—Что вы дѣлаете? проговорилъ онъ трепещущимъ шопотомъ.—Вы его погубить можете!

Она зашаталась. Онъ подвелъ ее къ диванчику и посадилъ ее.

Она посмотрѣла ему въ лицо, потомъ окинула его взглядомъ, потомъ уставилась на полъ.

— Онъ умираетъ? спросила она такъ холодно и спокойно, что Берсеневъ испугался.

— Ради Бога, Елена Николаевна, началъ онъ, что вы это? Онъ боленъ, точно,—и довольно опасно... Но мы его спасемъ; за это я вамъ ручаюсь.

— Онъ безъ памяти? спросила она такъ же какъ въ первый разъ.

— Да, онъ теперь въ забытьи... Это всегда бываетъ въ началѣ этихъ болѣзней, но это ничего не значитъ, ничего, — увѣряю васъ. Выпейте воды.

Она подняла на него глаза, и онъ понялъ, что она не слышала его отвѣтовъ.

— Если онъ умретъ, проговорила она все тѣмъ же голосомъ,—и я умру.

Инсаровъ въ это мгновеніе простоналъ слегка; она затрепетала, схватила себя за голову, потомъ стала развязывать ленты шляпы.

— Что это вы дѣлаете? спросилъ ее Берсеневъ.

Она не отвѣчала.

— Что вы дѣлаете? повторилъ онъ.

— Я остаюсь здѣсь.

— Какъ... на долго?

— Не знаю, можетъ–быть на весь день, на ночь, навсегда... не знаю.

— Ради Бога, Елена Николаевна, придите въ себя. Я,

конечно, никакъ не могъ ожидать васъ здѣсь увидѣть; но я все-таки.... предполагаю, что вы зашли сюда на короткое время. Вспомните, васъ могутъ хватиться дома....

— И что же?

— Васъ будутъ искать.... Васъ найдутъ....

— И что́ же?

— Елена Николаевна! Вы видите.... Онъ васъ теперь защитить не можетъ.

Она опустила голову, словно задумалась, поднесла платокъ къ губамъ, и судорожныя рыданія, съ потрясающею силой, внезапно исторглись изъ ея груди.... Она бросилась лицомъ на диванъ, старалась заглушить ихъ, но все ея тѣло поднималось и билось, какъ только что пойманная птичка.

— Елена Николаевна.... ради Бога.... твердилъ надъ ней Берсеневъ.

— А? что́ такое? раздался вдругъ голосъ Инсарова.

Елена выпрямилась, а Берсеневъ такъ и замеръ на мѣстѣ.... Погодя немного, онъ подошелъ къ постели. Голова Инсарова попрежнему безсильно лежала на подушкѣ; глаза были закрыты.

— Онъ бредитъ? прошептала Елена

— Кажется, отвѣчалъ Берсеневъ,— но это ничего; это то же всегда такъ бываетъ, особенно если....

— Когда онъ занемогъ? перебила Елена.

— Третьяго дня; со вчерашняго дня я здѣсь. Положитесь на меня, Елена Николаевна. Я не отойду отъ него; всѣ средства будутъ употреблены. Если нужно, мы созовемъ консиліумъ.

— Онъ умретъ безъ меня, воскликнула она, ломая руки.

— Я вамъ даю слово извѣщать васъ ежедневно о ходѣ его болѣзни, и еслибы наступила дѣйствительная опасность....

— Клянитесь мнѣ, что вы тотчасъ пошлете за мною, когда бы то ни было, днемъ, ночью; пишите записку прямо ко мнѣ.... Мнѣ все равно теперь. Слышите ли вы? обѣщаетесь ли вы это сдѣлать?

— Обѣщаюсь, передъ Богомъ.

— Поклянитесь.

— Клянусь.

Она вдругъ схватила его руку, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее отдернуть, припала къ ней губами.

— Елена Николаевна.... что вы это, пролепеталъ онъ.

— Нѣтъ.... нѣтъ.... не надо.... произнесъ невнятно Инсаровъ и тяжело вздохнулъ.

Елена подошла къ ширмамъ, стиснула платокъ зубами и долго, долго глядѣла на больнаго. Безмолвныя слезы потекли по ея щекамъ.

— Елена Николаевна, сказалъ ей Берсеневъ,—онъ можетъ придти въ себя, узнать васъ, Богъ знаетъ, хорошо ли это будетъ. Притомъ же я съ часу на часъ жду доктора....

Елена взяла шляпу съ диванчика, надѣла ее и остановилась. Глаза ея печально блуждали по комнатѣ. Казалось, она вспоминала....

— Я не могу уйдти, прошептала она наконецъ.

Берсеневъ пожалъ ей руку. — Соберитесь съ силами, промолвилъ онъ,—успокойтесь; вы оставляете его на моемъ попеченіи. Я сегодня же вечеромъ заѣду къ вамъ.

Елена взглянула на него, проговорила: — о, мой добрый другъ! зарыдала и бросилась вонъ.

Берсеневъ прислонился къ двери. Чувство горестное и горькое, не лишенное какой-то странной отрады, сдавило ему сердце. «Мой добрый другъ!» подумалъ онъ, и повелъ плечомъ.

— Кто здѣсь? послышался голосъ Инсарова.

Берсеневъ подошелъ къ нему. — Я здѣсь, Дмитрій Никаноровичъ. Что вамъ? Какъ вы себя чувствуете?

— Одинъ? спросилъ больной.

— Одинъ.

— А она?

— Кто она? проговорилъ почти съ испугомъ Берсеневъ.

Инсаровъ помолчалъ. — Резеда, шепнулъ онъ, и глаза его опять закрылись.

XXVI.

Инсаровъ цѣлыхъ восемь дней находился между жизнію и смертію. Докторъ пріѣзжалъ безпрестанно, интересуясь, опять-

таки какъ молодой человѣкъ, тр днымъ больнымъ. Шубинъ услышалъ объ опасномъ положеніи Инсарова и навѣстилъ его; явились его соотечественники, Болгары; въ числѣ ихъ Берсеневъ узналъ объ странныя фигуры, возбудившія его изумленіе своимъ нежданнымъ посѣщеніемъ на дачѣ; всѣ изъявляли искреннее участіе, нѣкоторые предлагали Берсеневу смѣнить его у постели больнаго; но онъ не соглашался, помня обѣщаніе, данное Еленѣ. Онъ каждый день ее видѣлъ и украдкой передавалъ ей—иногда на словахъ, иногда въ маленькой записочкѣ—всѣ подробности хода болѣзни. Съ какимъ сердечнымъ замираніемъ она его ожидала, какъ она его выслушивала и распрашивала! Она сама все порывалась къ Инсарову; но Берсеневъ умолялъ ее этого не дѣлать: Инсаровъ рѣдко бывалъ одинъ. Въ первый день, когда она узнала объ его болѣзни, она сама чуть не занемогла; она, какъ только вернулась, заперлась у себя въ комнатѣ; но ее позвали къ обѣду, и она явилась въ столовую съ такимъ лицомъ, что Анна Васильевна испугалась и хотѣла непремѣнно уложить ее въ постель. Еленѣ однако удалось переломить себя. «Если онъ умретъ, подумала она, и меня не станетъ». Эта мысль ее успокоила и дала ей силу казаться равнодушною. Впрочемъ, никто ея слишкомъ не тревожилъ: Анна Васильевна возилась со своими флюсами; Шубинъ работалъ съ остервенѣніемъ; Зоя предавалась меланхоліи и собиралась прочесть *Вертера*; Николай Артемьевичъ очень былъ недоволенъ частыми посѣщеніями «школяра», тѣмъ болѣе, что его «предначертанія» на счетъ Курнатовскаго подвигались туго: практическій оберъ-секретарь надоумѣвалъ и выжидалъ. Елена даже не благодарила Берсенева: есть услуги, за которыя жутко и стыдно благодарить. Только однажды, въ четвертое свое свиданіе съ нимъ (Инсаровъ очень плохо провелъ ночь, докторъ намекнулъ на консиліумъ), только въ это свиданіе она напомнила ему объ его клятвѣ. «Ну, въ такомъ случаѣ, пойдемте», сказалъ онъ ей. Она встала и пошла было одѣваться. «Нѣтъ, промолвилъ онъ, подождемте еще до завтра». Къ вечеру Инсарову полегчило.

Восемь дней продолжалась эта пытка. Елена казалась покойной, но ничего не могла ѣсть, не спала по ночамъ. Тупая боль стояла во всѣхъ ея членахъ; какой-то сухой, горячій

дымъ, казалось, наполнялъ ея голову. «Наша барышня какъ свѣчка таетъ», говорила о ней ея горничная.

Наконецъ, на девятый день, утромъ, переломъ совершился: Елена сидѣла въ гостинной подлѣ Анны Васильевны, и, сама не понимая что̀ дѣлала, читала ей *Московскія Вѣдомости*. Берсеневъ вошелъ. Елена взглянула на него (какъ быстръ и робокъ, и проницателенъ, и тревоженъ былъ первый взглядъ, который она на него всякій разъ бросала!) и тотчасъ же догадалась, что онъ принесъ добрую вѣсть. Онъ улыбался; онъ слегка кивалъ ей: она приподнялась ему на встрѣчу.

— Онъ пришелъ въ себя, онъ спасенъ, онъ черезъ недѣлю будетъ совсѣмъ здоровъ, шепнулъ онъ ей.

Елена протянула руки, какъ будто отклоняя ударъ, и ничего не сказала, только губы ея задрожали, и алая краска разлилась по всему лицу. Берсеневъ заговорилъ съ Анной Васильевной, а Елена ушла къ себѣ, упала на колѣни и стала молиться, благодарить Бога.... Легкія, свѣтлыя слезы полились у ней изъ глазъ. Она вдругъ почувствовала крайнюю усталость, положила голову на подушку, шепнула: «бѣдный Андрей Петровичъ!» и тутъ же заснула, съ мокрыми рѣсницами и щеками. Она давно уже не спала и не плакала.

XXVII.

Слова Берсенева сбылись только отчасти: опасность миновалась, но силы Инсарова возстановлялись медленно, и докторъ поговаривалъ о глубокомъ и общемъ потрясеніи всего организма. Совсѣмъ тѣмъ больной оставилъ постель и началъ ходить по комнатѣ; Берсеневъ переѣхалъ къ себѣ на квартиру; но онъ каждый день заходилъ къ своему, все еще слабому, пріятелю, и каждый день, по прежнему, увѣдомлялъ Елену о состояніи его здоровья. Инсаровъ не смѣлъ писать къ ней, и только косвенно, въ разговорахъ съ Берсеневымъ, намекалъ на нее; а Берсеневъ, съ притворнымъ равнодушіемъ, разсказывалъ ему о своихъ посѣщеніяхъ у Стаховыхъ, стараясь однако дать ему понять, что Елена была очень огорчена и что теперь она успокоилась. Елена тоже не писала Инсарову; у ней иное было въ головѣ.

Однажды, Берсеневъ только что сообщилъ ей съ веселымъ лицомъ, что докторъ уже разрѣшилъ Инсарову съѣсть котлетку, и что онъ, вѣроятно, скоро выйдетъ,— она задумалась, потупилась.

— Угадайте, что́ я хочу сказать вамъ, промолвила она. Берсеневъ смутился. Онъ ее понялъ. — Вѣроятно, отвѣтилъ онъ, глянувъ въ сторону: — вы хотите мнѣ сказать, что вы желаете его видѣть.

Елена покраснѣла и едва слышно произнесла: — да.

— Такъ что́ жь. Это вамъ, я думаю, очень легко. «Фи! подумалъ онъ,—какое у меня гадкое чувство на сердцѣ!»

— Вы хотите сказать, что я уже прежде.... проговорила Елена.—Но я боюсь, теперь онъ, вы говорите, рѣдко бываетъ одинъ.

— Этому не трудно помочь, возразилъ Берсеневъ, все не глядя на нее.—Предувѣдомить я его, разумѣется, не могу; но дайте мнѣ записку. Кто вамъ можетъ запретить написать ему, какъ хорошему знакомому, въ которомъ вы принимаете участіе? Тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Назначьте ему.... то-есть, напишите ему, когда вы будете.

— Мнѣ совѣстно, шепнула Елена.

— Дайте записку, я отнесу.

— Это не нужно, а я хотѣла васъ попросить.... не сердитесь на меня, Андрей Петровичъ.... не приходите завтра къ нему.

Берсеневъ закусилъ губу.

— А! да, понимаю, очень хорошо, очень хорошо.— И прибавивъ два-три слова, онъ быстро удалился.

«Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, думалъ онъ, спѣша домой. Я не узналъ ничего новаго, но тѣмъ лучше. Что́ за охота лѣпиться къ краюшку чужаго гнѣзда? Я ни въ чемъ не раскаиваюсь, я сдѣлалъ что́ мнѣ совѣсть велѣла, но теперь полно. Пусть ихъ! Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики,—мы труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись за свой рабочій станокъ, въ своей темной ма-

стерской! А солнце пусть другимъ сіяетъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастіе!»

На другое утро Инсаровъ получилъ по городской почтѣ коротенькую записочку: «Жди меня, писала ему Елена, и вели всѣмъ отказывать. А. П. не придетъ».

XXVIII.

Инсаровъ прочелъ записку Елены и тотчасъ же сталъ приводить свою комнатку въ порядокъ, попросилъ хозяйку унести стклянки съ лекарствомъ, снялъ шлафрокъ, надѣлъ сюртукъ. Отъ слабости и отъ радости у него голова кружилась и сердце билось. Ноги у него подкосились: онъ опустился на диванъ и сталъ глядѣть на часы. «Теперь три четверти двѣнадцатаго, сказалъ онъ самому себѣ:—раньше двѣнадцати она никакъ придти не можетъ, буду думать о чемъ-нибудь другомъ въ теченіи четверти часа, а то я не вынесу. Раньше двѣнадцати она никакъ не можетъ»....

Дверь распахнулась, и въ легкомъ шелковомъ платьѣ, вся блѣдная и вся свѣжая, молодая, счастливая, вошла Елена и съ слабымъ радостнымъ крикомъ упала къ нему на грудь.

— Ты живъ, ты мой, твердила она, обнимая и лаская его голову. Онъ замеръ весь, онъ задыхался отъ этой близости, отъ этихъ прикосновеній, отъ этого счастія.

Она сѣла возлѣ него и прижалась къ нему и стала глядѣть на него тѣмъ смѣющимся и ласкающимъ и нѣжнымъ взглядомъ, который свѣтится въ однихъ только женскихъ любящихъ глазахъ.

Ея лицо внезапно опечалилось.

— Какъ ты похудѣлъ, мой бѣдный Дмитрій, сказала она, проводя рукой по его щекѣ,—какая у тебя борода!

— И ты похудѣла, моя бѣдная Елена, отвѣчалъ онъ, ловя губами ея пальцы.

Она весело встряхнула кудрями.

— Это ничего. Посмотри, какъ мы поправимся! Гроза налетѣла, какъ въ тотъ день, когда мы встрѣтились въ часовнѣ, налетѣла и прошла. Теперь мы будемъ живы!

Онъ отвѣчалъ ей одною улыбкой.

— Ахъ, какіе дни, Дмитрій, какіе жестокіе дни! Какъ это люди переживаютъ тѣхъ, кого они любятъ? Я напередъ всякій разъ знала, что мнѣ Андрей Петровичъ скажетъ, право: моя жизнь падала и поднималась вмѣстѣ съ твоей. Здравствуй, мой Дмитрій!

Онъ не зналъ, что сказать ей. Ему хотѣлось броситься къ ея ногамъ.

— Еще что я замѣтила, продолжала она, откидывая назадъ его волосы (я много дѣлала замѣчаній все это время, на досугѣ): когда человѣкъ очень, очень несчастливъ,—съ какимъ глупымъ вниманіемъ онъ слѣдитъ за всѣмъ, что около него происходитъ! Я, право, иногда заглядывалась на мухъ, а у самой на душѣ такой холодъ и ужасъ! Но это все прошло, прошло, не правда ли? Все свѣтло впереди, не правда ли?

— Ты для меня впереди, отвѣтилъ Инсаровъ, — для меня свѣтло.

— А для меня–то! А помнишь ли ты, тогда, когда я у тебя была, не въ послѣдній разъ.... нѣтъ! не въ послѣдній разъ, повторила она съ невольнымъ содроганіемъ,—а когда мы говорили съ тобой, я, сама не знаю отчего, упомянула о смерти и не подозрѣвала тогда, что она насъ караулила. Но вѣдь ты здоровъ теперь?

— Мнѣ гораздо лучше, я почти здоровъ.

— Ты здоровъ, ты не умеръ. О, какъ я счастлива!

Настало небольшое молчаніе.

— Елена? спросилъ ее Инсаровъ,

— Что, мой милый?

— Скажи мнѣ, не приходило ли тебѣ въ голову, что эта болѣзнь послана намъ въ наказаніе?

Елена серіозно взглянула на него.

— Эта мысль мнѣ въ голову приходила, Дмитрій. Но я подумала: за что же я буду наказана? Какой долгъ я преступила, противъ чего согрѣшила я? Можетъ–быть, совѣсть у меня не такая, какъ у другихъ, но она молчала, или, можетъ быть, я противъ тебя виновата?—Я тебѣ помѣшаю, я остановлю тебя....

— Ты меня не остановишь, Елена, мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Да, Дмитрій, мы пойдемъ вмѣстѣ, я пойду за тобой. .. Это мой долгъ. Я тебя люблю.... другаго долга я не знаю.

— О, Елена! промолвилъ Инсаровъ:—какія несокрушимыя цѣпи кладетъ на меня каждое твое слово!

— Зачѣмъ говорить о цѣпяхъ? подхватила она.—Мы съ тобой вольные люди. Да, продолжала она, задумчиво глядя на полъ, а одною рукой попрежнему разглаживая его волосы,—многое я испытала въ послѣднее время, о чемъ и понятія не имѣла никогда! Еслибы мнѣ предсказалъ кто-нибудь, что я, барышня, благовоспитанная, буду уходить одна изъ дома, подъ разными сочиненными предлогами, и куда же уходить? къ молодому человѣку на квартиру,—какое я почувствовала бы негодованіе! И это все сбылось, и я никакого не чувствую негодованія. Ей Богу! прибавила она и обернулась къ Инсарову.

Онъ глядѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ обожанія, что она тихо спустила руку съ его волосъ на его глаза.

— Дмитрій! начала она снова:—вѣдь ты не знаешь, вѣдь я тебя видѣла тамъ, на этой страшной постели, я видѣла тебя въ когтяхъ смерти, безъ памяти....

— Ты меня видѣла?

— Да.

Онъ помолчалъ.—И Берсеневъ былъ здѣсь?

Она кивнула головой.

Инсаровъ наклонился къ ней.—О Елена! прошепталъ онъ:—я не смѣю глядѣть на тебя.

— Отчего? Андрей Петровичъ такой добрый! Я его не стыдилась. И чего мнѣ стыдиться? Я готова сказать всему свѣту, что я твоя.... А Андрею Петровичу я довѣряю, какъ брату.

— Онъ меня спасъ! воскликнулъ Инсаровъ.—Онъ благороднѣйшій, добрѣйшій человѣкъ!

— Да.... И знаешь ли ты, что я ему всѣмъ обязана? Знаешь ли ты, что онъ мнѣ первый сказалъ, что ты меня любишь? И если бъ я могла все открыть.... Да, онъ благороднѣйшій человѣкъ.

Инсаровъ посмотрѣлъ пристально на Елену.—Онъ влюбленъ въ тебя, не правда ли?

Елена опустила глаза.—Онъ меня любилъ, проговорила она вполголоса.

Инсаровъ крѣпко стиснулъ ей руку.—О, вы, Русскіе, сказалъ онъ,—золотыя у васъ сердца! И онъ, онъ ухаживалъ за мной, онъ не спалъ ночи.... И ты, ты, мой ангелъ.... Ни упрека, ни колебанія.... и это все мнѣ, мнѣ....

— Да, да, все тебѣ, потому что тебя любятъ. Ахъ, Дмитрій! Какъ это странно! Я, кажется, тебѣ уже говорила объ этомъ, но все равно, мнѣ пріятно это повторить, а тебѣ будетъ пріятно это слушать, — когда я тебя увидала въ первый разъ....

— Отчего у тебя на глазахъ слезы? перебилъ ее Инсаровъ.

— У меня? слезы?—Она утерла глаза платкомъ.—О глупый! Онъ еще не знаетъ, что и отъ счастья плачутъ. Такъ я хотѣла сказать: когда я увидала тебя въ первый разъ, я въ тебѣ ничего особеннаго не нашла, право. Я помню, сначала Шубинъ мнѣ гораздо болѣе понравился, хотя я никогда его не любила, а что касается до Андрея Петровича — о! тутъ была минута, когда я подумала: ужь не онъ ли? А ты—ничего; за то.... потомъ....потомъ.... такъ ты у меня сердце обѣими руками и взялъ!

— Пощади меня.... проговорилъ Инсаровъ. Онъ хотѣлъ встать и тотчасъ же опустился на диванъ.

— Что съ тобой? заботливо спросила Елена.

— Ничего.... я еще немного слабъ.... Мнѣ это счастье еще не по силамъ.

— Такъ сиди смирно. Не извольте шевелиться, не волнуйтесь, прибавила она, грозя ему пальцемъ.—И зачѣмъ вы вашъ шлафрокъ сняли? Рано еще вамъ щеголять! Сидите, а я вамъ буду сказки разсказывать. Слушайте и молчите. Послѣ вашей болѣзни вамъ много разговаривать вредно.

Она начала говорить ему о Шубинѣ, о Курнатовскомъ, о томъ, что она дѣлала въ теченіи двухъ послѣднихъ недѣль, о томъ, что, судя по газетамъ, война неизбѣжна, и что, слѣдовательно, какъ только онъ выздоровѣетъ совсѣмъ, надо будетъ, не теряя ни минуты, найдти средства къ отъѣзду.... Она говорила все это, сидя съ нимъ рядомъ, опираясь на его плечо....

Онъ слушалъ ее, слушалъ, то блѣднѣя, то краснѣя.... онъ нѣсколько разъ хотѣлъ остановить ее, и вдругъ выпрямился.

— Елена, сказалъ онъ ей какимъ-то страннымъ и рѣзкимъ голосомъ,—оставь меня, уйди.

— Какъ? промолвила она съ изумленіемъ.—Ты дурно себя чувствуешь? прибавила она съ живостью.

— Нѣтъ.... мнѣ хорошо... но, пожалуйста, оставь меня.

— Я тебя не понимаю. Ты меня прогоняешь?... Что это ты дѣлаешь? проговорила она вдругъ: онъ склонился съ дивана почти до полу, и приникъ губами къ ея ногамъ. — Не дѣлай этого, Дмитрій.... Дмитрій....

Онъ приподнялся.

— Такъ оставь меня! Вотъ видишь ли, Елена, когда я сдѣлался болѣнъ, я не тотчасъ лишился сознанія; я зналъ, что я на краю гибели; даже въ жару, въ бреду, я понималъ, я смутно чувствовалъ, что это смерть ко мнѣ идетъ, я прощался съ жизнью, съ тобой, со всѣмъ, я разставался съ надеждой.... И вдругъ это возрожденіе, этотъ свѣтъ послѣ тьмы, ты.... ты.... возлѣ меня, у меня... твой голосъ, твое дыханіе.... Это свыше силъ моихъ! Я чувствую, что я люблю тебя страстно, я слышу, что ты сама называешь себя моею, я ни за что не отвѣчаю.... Уйди!

— Дмитрій.... прошептала Елена, и спрятала къ нему на плечо голову. Она только теперь его поняла.

— Елена, продолжалъ онъ,—я тебя люблю, ты это знаешь, я жизнь свою готовъ отдать за тебя... зачѣмъ же ты пришла ко мнѣ теперь, когда я слабъ, когда я не владѣю собою, когда вся кровь моя зажженна.... ты моя, говоришь ты.... ты меня любишь....

— Дмитрій, повторила она и вспыхнула вся и еще тѣснѣе къ нему прижалась.

— Елена, сжалься надо мной—уйди, я чувствую, я могу умереть—я не выдержу этихъ порывовъ.... вся душа моя стремится къ тебѣ.... подумай, смерть едва не разлучила насъ.... и теперь, ты здѣсь, ты въ моихъ объятіяхъ.... Елена....

Она затрепетала вся.—Такъ возмижь меня, прошептала она чуть слышно....

XXIX.

Николай Артемьевичъ ходилъ, нахмуривъ брови, взадъ и впередъ по своему кабинету. Шубинъ сидѣлъ у окна и, положивъ ногу на ногу, спокойно курилъ сигару.

— Перестаньте, пожалуйста, шагать изъ угла въ уголъ, промолвилъ онъ, отряхая пепелъ съ сигары. Я все ожидаю, что вы заговорите, слѣжу за вами—шея у меня заболѣла. Притомъ же въ вашей походкѣ есть что-то напряженное, мелодраматическое.

— Вамъ бы все только балагурить, отвѣтилъ Николай Артемьевичъ. Вы не хотите войдти въ мое положеніе; вы не хотите понять, что я привыкъ къ этой женщинѣ, что я привязанъ къ ней наконецъ, что отсутствіе ея меня должно мучить. Вотъ ужь октябрь на дворѣ, зима на носу.... Что она можетъ дѣлать въ Ревелѣ?

— Должно-быть, чулки вяжетъ.... себѣ; себѣ — не вамъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь; а я вамъ скажу, что я подобной женщины не знаю. Эта честность, это безкорыстіе....

— Подала она вексель ко взысканію? спросилъ Шубинъ.

— Это безкорыстіе, повторилъ, возвысивъ голосъ Николай Артемьевичъ—это удивительно. Мнѣ говорятъ, на свѣтѣ есть милліонъ другихъ женщинъ; а я скажу: покажите мнѣ этотъ милліонъ; покажите мнѣ этотъ милліонъ, говорю я: ces femmes—qu'on me les montre! И не пишетъ, вотъ что убійственно.

— Вы краснорѣчивы, какъ Пиоагоръ, замѣтилъ Шубинъ:—но знаете ли, что́ бы я вамъ присовѣтовалъ?

— Что́?

— Когда Августина Христіановна возвратится.... вы понимаете меня?

— Ну да; что̀ же?

— Когда вы ее увидите.... Вы слѣдите за развитіемъ моей мысли?

— Ну да, да.

— Попробуйте ее побить: что̀ изъ этого выйдетъ?

Николай Артемьевичъ отвернулся съ негодованіемъ.

— Я думалъ, онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь путный совѣтъ подастъ. Да что отъ него ожидать! Артистъ, человѣкъ безъ правилъ....

— Безъ правилъ! А вотъ, говорятъ, вашъ фаворитъ, господинъ Курнатовскій, человѣкъ съ правилами, вчера васъ на сто рублей серебромъ обыгралъ. Это ужь не деликатно, согласитесь.

— Что жь? Мы играли въ коммерческую. Конечно, я могъ бы ожидать.... Но его такъ мало умѣютъ цѣнить въ этомъ домѣ....

— Что онъ подумалъ: куда ни шла! подхватилъ Шубинъ:— тесть ли онъ мнѣ или нѣтъ—это еще скрыто въ урнѣ судьбы, а сто рублей хорошо человѣку, который взятокъ не беретъ.

— Тесть! Какой я къ чорту тесть? Vous rêvez, mon cher. Конечно, всякая другая дѣвушка обрадовалась бы такому жениху. Посудите сами: человѣкъ бойкій, умный, самъ собой въ люди вышелъ, въ двухъ губерніяхъ лямку теръ....

— Въ .....ой губерніи губернатора за носъ водилъ, замѣтилъ Шубинъ.

— Очень можетъ быть. Видно, такъ и слѣдовало. Практикъ, дѣлецъ....

— И въ карты хорошо играетъ, опять замѣтилъ Шубинъ.

— Ну да, и въ карты хорошо играетъ. Но Елена Николаевна.... Развѣ ее возможно понять? Желаю я знать, гдѣ тотъ человѣкъ, который бы взялся постигнуть, чего она хочетъ? То она весела, то скучаетъ; похудѣетъ вдругъ такъ, что не смотрѣлъ бы на нее, а тамъ вдругъ поправится, и все это безо всякой видимой причины....

Вошелъ неблаговидный лакей съ чашкой кофе, сливочникомъ и сухарями на подносѣ.

— Отцу нравится женихъ, продолжалъ Николай Артемьевичъ, размахивая сухаремъ,—а дочери что до этого за дѣло! Это было хорошо въ прежнія, патріархальныя времена, а теперь мы все это перемѣнили, nous avons changé tout ça. Теперь барышня разговариваетъ съ кѣмъ ей угодно; читаетъ, что ей угодно; отправляется одна по Москвѣ безъ лакея, безъ служанки, какъ въ Парижѣ: и все это принято. На дняхъ я спрашиваю: гдѣ Елена Николаевна? Говорятъ, изволила выдти. Куда? Неизвѣстно. Что это—порядокъ?

— Возьмите же вашу чашку да отпустите человѣка, промолвилъ Шубинъ. Сами же вы говорите, что не надо devant les domestiques, прибавилъ онъ въ полъ-голоса.

Лакей изъ подлобья взглянулъ на Шубина, а Николай Артемьевичъ взялъ чашку, налилъ себѣ сливокъ и сгребъ штукъ десять сухарей.

— Я хотѣлъ сказать, началъ онъ, какъ только лакей вышелъ, что я ничего въ этомъ домѣ не значу. Вотъ и все. Потому, въ наше время всѣ судятъ по наружности: иной человѣкъ и пустъ и глупъ, да важно себя держитъ — его уважаютъ; а другой, можетъ-быть, обладаетъ талантами, которые могли бы... могли бы принести великую пользу, но по скромности....

— Вы государственный человѣкъ, Николинька? спросилъ Шубинъ тоненькимъ голоскомъ.

— Полноте паясничать! воскликнулъ съ сердцемъ Николай Артемьевичъ. Вы забываетесь! Вотъ вамъ новое доказательство, что я въ этомъ домѣ ничего не значу, ничего!

— Анна Васильевна васъ притѣсняетъ.... бѣдненькій! проговорилъ, потагиваясь, Шубинъ. Эхъ, Николай Артемьевичъ, грѣшно намъ съ вами! Вы бы лучше какой-нибудь подарочекъ для Анны Васильевны приготовили. На дняхъ ея рожденіе, а вы знаете, какъ она дорожитъ малѣйшимъ знакомъ вниманія съ вашей стороны,

— Да, да, торопливо отвѣтилъ Николай Артемьевичъ, — очень вамъ благодаренъ, что напомнили. Какъ же, какъ же; непремѣнно. Да вотъ есть у меня вещица: фермуарчикъ, я его на дняхъ купилъ у Розенштрауха; только не знаю, право, годится ли?

— Вѣдь вы его для той, для ревельской жительницы купили?

— То-есть.... я.... да.... я думалъ....

— Ну, въ такомъ случаѣ, навѣрное годится.

Шубинъ поднялся со стула.

— Куда бы намъ сегодня вечеромъ, Павелъ Яковлевичъ, а? спросилъ его Николай Артемьевичъ, любезно заглядывая ему въ глаза.

— Да вѣдь вы въ клубъ поѣдете.

— Послѣ клуба.... послѣ клуба.

Шубинъ опять потянулся.

— Нѣтъ, Николай Артемьевичъ, мнѣ нужно завтра работать. До другого раза.—И онъ вышелъ.

Николай Артемьевичъ насупился, прошелся раза два по комнатѣ, досталъ изъ бюро бархатный ящичекъ съ «фермуарчикомъ», и долго его разсматривалъ и обтиралъ фуляромъ. По-

томъ онъ сѣлъ передъ зеркаломъ и принялся старательно расчесывать свои густые черные волосы, съ важностію на лицѣ, наклоняя голову то направо, то налѣво, упирая въ щеку языкомъ и не спуская глазъ съ пробора. Кто-то кашлянулъ за его спиною: онъ оглянулся и увидалъ лакея, который приносилъ ему кофе.

— Ты зачѣмъ? спросилъ онъ его.

— Николай Артемьевичъ! проговорилъ не безъ нѣкоторой торжественности лакей:—вы нашъ баринъ!

— Знаю: что же дальше?

— Николай Артемьевичъ, вы не извольте на меня прогнѣваться; только я, будучи у вашей милости на службѣ съ малыхъ лѣтъ, изъ рабскаго, значитъ, усердія долженъ вашей милости донести....

— Да что такое?

Лакей помялся на мѣстѣ.

— Вы вотъ изволите говорить, началъ онъ,—что не изволите знать, куда Елена Николаевна отлучаться изволятъ. Я про то извѣстенъ сталъ.

— Что ты врешь, дуракъ?

— Вся ваша воля, а только я ихъ четвертаго дня видѣлъ, какъ онѣ въ одинъ домъ изволили войдти.

— Гдѣ? что? какой домъ?

— Въ.....мъ переулкѣ, возлѣ Поварской. Недалече отсюда. Я и у дворника спросилъ, что молъ у васъ тутъ какіе жильцы?

Николай Артемьевичъ затопалъ ногами.

— Молчать, бездѣльникъ! Какъ ты смѣешь?... Елена Николаевна, по добротѣ своей, бѣдныхъ посѣщаетъ, а ты.., Вонъ, дуракъ!

Испуганный лакей бросился было къ двери.

— Стой! воскликнулъ Николай Артемьевичъ. Что тебѣ дворникъ сказалъ?

— Да ни.... ничего не сказалъ. Говоритъ, сту.... студентъ....

— Молчать, бездѣльникъ! Слушай, мерзавецъ, если ты хоть во снѣ кому-нибудь объ этомъ проговоришься....

— Помилуйте-съ....

— Молчать! если ты хоть пикнешь.... если кто-нибудь.... если я узнаю.... Ты у меня и подъ землей-то мѣста не найдешь! Слышишь? Убирайся!

Лакей исчезъ.

— Господи Боже мой! Что это значитъ? подумалъ Николай Артемьевичъ, оставшись одинъ:—что мнѣ сказалъ этотъ болванъ? А? Надо будетъ однако узнать, какой это домъ, и кто тамъ живетъ. Самому сходить. Вотъ до чего дошло наконецъ!... Un laquais! Quelle humiliation!

И повторивъ громко: un laquais! Николай Артемьевичъ заперъ фермуаръ въ бюро, и отправился къ Аннѣ Васильевнѣ. Онъ нашелъ ее въ постели, съ повязанною щекой. Но видъ ея страданій только раздражилъ его, и онъ очень скоро довелъ ее до слезъ.

XXX.

Между тѣмъ, гроза, собиравшаяся на Востокѣ, разразилась. Турція объявила Россіи войну; срокъ, назначенный для очищенія княжествъ, уже минулъ; уже не далекъ былъ день Синопскаго погрома. Послѣднія письма, полученныя Инсаровымъ, неотступно звали его на родину. Здоровье его все еще не поправилось: онъ кашлялъ, чувствовалъ слабость, легкіе приступы лихорадки, но онъ почти не сидѣлъ дома. Душа его загорѣлась; онъ уже не думалъ о болѣзни. Онъ безпрестанно разъѣзжалъ по Москвѣ, видѣлся украдкой съ разными лицами, писалъ по цѣлымъ ночамъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ; хозяину онъ объявилъ, что скоро выѣзжаетъ, и заранѣе подарилъ ему свою незатѣйливую мебель. Съ своей стороны, Елена также готовилась къ отъѣзду. Въ одинъ ненастный вечеръ она сидѣла въ своей комнаткѣ и, обрубая платки, съ невольнымъ унынiемъ прислушивалась къ завываніямъ вѣтра. Ея горничная вошла и сказала ей, что папенька въ маменькиной спальнѣ и зоветъ ее туда.... «Маменька плачутъ, шепнула она вслѣдъ уходившей Еленѣ, а папенька гнѣваются....»

Елена слегка пожала плечами и вошла въ спальню Анны Васильевны. Добродушная супруга Николая Артемьевича полуле-

жала въ откидномъ креслѣ и нюхала платокъ съ одеколономъ; самъ онъ стоялъ у камина, застегнутый на всѣ пуговицы, въ высокомъ, твердомъ галстухѣ и въ туго-накрахмаленныхъ воротничкахъ, смутно напоминая своей осанкой какого-то парламентскаго оратора. Ораторскимъ движеніемъ руки указалъ онъ своей дочери на стулъ, и когда та, не понявши его движенія, вопросительно посмотрѣла на него, онъ промолвилъ съ достоинствомъ, но не оборачивая головы: «прошу васъ сѣсть». (Николай Артемьевичъ всегда говорилъ женѣ *вы*, дочери — въ экстра-ординарныхъ случаяхъ.)

Елена сѣла.

Анна Васильевна слезливо высморкалась. Николай Артемьевичъ заложилъ правую руку за бортъ сюртука.

— Я васъ призвалъ, Елена Николаевна, началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, съ тѣмъ, чтобъ объясниться съ вами, или, лучше сказать, съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ васъ объясненій. Я вами недоволенъ, или нѣтъ, это слишкомъ мало сказано; ваше поведеніе огорчаетъ, оскорбляетъ меня — меня и вашу мать.... вашу мать, которую вы здѣсь видите.

Николай Артемьевичъ пускалъ въ ходъ однѣ басовыя ноты своего голоса. Елена молча посмотрѣла на него, потомъ на Анну Васильевну, и поблѣднѣла.

— Было время, началъ снова Николай Артемьевичъ,—когда дочери не позволяли себѣ глядѣть свысока на своихъ родителей,— когда родительская власть заставляла трепетать непокорныхъ. Это время прошло, къ сожалѣнію; такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ многіе; но повѣрьте, еще существуютъ законы, не позволяющіе.... не позволяющіе.... словомъ, еще существуютъ законы. Прошу васъ обратить на это вниманіе : законы существуютъ !

— Но, папенька, начала было Елена....

— Прошу васъ не перебивать меня. Перенесемся мыслію въ прошедшее. Мы съ Анной Васильевной исполнили свой долгъ. Мы съ Анной Васильевной ничего не жалѣли для вашего воспитанія: ни издержекъ , ни попеченій. Какую вы пользу извлекли изо всѣхъ этихъ попеченій, этихъ издержекъ—это другой вопросъ; но я имѣлъ право думать... мы съ Анной Васильевной имѣли право думать , что вы, по крайней мѣрѣ, свято

сохраните тѣ правила нравственности, которыя.... которыя мы вамъ, какъ нашей единственной дочери... que nousvous avonsinculqués, которыя мы вамъ внушили. Мы имѣли право думать, что никакія новыя «идеи» не коснутся этой, такъ сказать, завѣтной святыни. И что же? Не говорю уже о легкомыслiи, свойственномъ вашему полу, вашему возрасту... но кто могъ ожидать, что вы до того забудитесь....

— Папенька, проговорила Елена,—я знаю, что вы хотите сказать....

— Нѣтъ, ты не знаешь, что я хочу сказать! вскрикнулъ фальцетомъ Николай Артемьевичъ, внезапно измѣнивъ и величавости парламентской осанки, и плавной важности рѣчи, и басовымъ нотамъ:—ты не знаешь, дерзкая дѣвчонка!..

— Ради Бога, Nicolas, пролепетала Анна Васильевна,—vous me faites mourir.

— Не говорите мнѣ этого, que je vous fais mourir, Анна Васильевна! Вы себѣ и представить не можете, что вы сейчасъ услышите! Приготовьтесь къ худшему, предупреждаю васъ!

Анна Васильевна такъ и обомлѣла.

— Нѣтъ, продолжалъ Николай Артемьевичъ, обратившись къ Еленѣ:—ты не знаешь, что я хочу сказать!

— Я виновата передъ вами, начала она....

— А, наконецъ-то!

— Я виновата передъ вами, продолжала Елена,—въ томъ, что давно не призналась....

— Да ты знаешь ли, перебилъ ее Николай Артемьевичъ,—что я могу уничтожить тебя однимъ словомъ?

Елена подняла на него глаза.

— Да, сударыня, однимъ словомъ! Нечего глядѣть-то! (Онъ скрестилъ руки на груди.) Позвольте васъ спросить, извѣстенъ ли вамъ нѣкоторый домъ въ..... мъ переулкѣ, возлѣ Поварской? Вы посѣщали этотъ домъ? (Онъ топнулъ ногой). Отвѣчай же, негодная, и не думай хитрить! Люди, люди, лакеи, сударыня, de vils laquais видѣли васъ, какъ вы входили туда, къ вашему....

Елена вся вспыхнула и глаза ея заблистали.

— Мнѣ не за чѣмъ хитрить, промолвила она,—да, я посѣщала этотъ домъ.

— Прекрасно! Слышите, слышите, Анна Васильевна? И вы вѣроятно знаете, кто въ немъ живетъ?

— Да, знаю: мой мужъ....

Николай Артемьевичъ вытаращилъ глаза.

— Твой....

— Мой мужъ, повторила Елена.—Я замужемъ за Дмитріемъ Никаноровичемъ Инсаровымъ.

— Ты?... замужемъ?... едва проговорила Анна Васильевна.

— Да, мамаша.... Простите меня. Двѣ недѣли тому назадъ, мы обвѣнчались тайно.

Анна Васильевна упала въ кресла; Николай Артемьевичъ отступилъ на два шага.

— Замужемъ! За этимъ оборвышемъ, Черногорцемъ! Дочь столбоваго дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за разночинца! Безъ родительскаго благословенія! И ты думаешь, что я это такъ оставлю? что я не буду жаловаться? что я позволю тебѣ.... что ты.... что.... Въ монастырь тебя, а его на каторгу, въ арестантскія роты! Анна Васильевна, извольте сейчасъ сказать ей, что вы лишаете ее наслѣдства!

— Николай Артемьевичъ, ради Бога, простонала Анна Васильевна.

— И когда, какимъ образомъ это сдѣлалось? Кто васъ вѣнчалъ? гдѣ? какъ? Боже мой! Что скажутъ теперь всѣ знакомые, весь свѣтъ! И ты, безстыдная притворщица, могла послѣ эдакаго поступка жить подъ родительской кровлей! Ты не побоялась.... грома небеснаго!

— Папенька, проговорила Елена (она вся дрожала съ ногъ до головы, но голосъ ея былъ твердъ),—вы вольны дѣлать со мною все, что угодно, но напрасно вы обвиняете меня въ безстыдствѣ и въ притворствѣ. Я не хотѣла.... огорчать васъ заранѣе, но я поневолѣ на дняхъ сама бы все вамъ сказала, потому что мы на будущей недѣлѣ уѣзжаемъ отсюда съ мужемъ.

— Уѣзжаете? Куда это?

— На его родину, въ Болгарію.

— Къ Туркамъ! вскрикнула Анна Васильевна и лишилась чувствъ.

Елена бросилась къ матери.

— Прочь! возопилъ Николай Артемьевичъ, и схватилъ свою дочь за руку:—прочь, недостойная!

Но въ это мгновеніе дверь спальни отворилась и показалась блѣдная голова, съ сверкающими глазами: то была голова Шубина.

— Николай Артемьевичъ! крикнулъ онъ во весь голосъ:—Августина Христіановна пріѣхала и зоветъ васъ!

Николай Артемьевичъ съ бѣшенствомъ обернулся, погрозилъ Шубину кулакомъ, остановился на минуту и быстро вышелъ изъ комнаты.

Елена упала къ ногамъ матери и обняла ея колѣни.

—

Уваръ Ивановичъ лежалъ на своей постели. Рубашка безъ ворота, съ крупною запанкой, охватывала его полную шею и расходилась широкими, свободными складками на его почти женской груди, оставляя на виду большой кипарисовый крестъ и ладонку. Легкое одѣяло покрывало его пространные члены. Свѣчка тускло горѣла на ночномъ столикѣ, возлѣ кружки съ квасомъ, а въ ногахъ Увара Ивановича, на постели, сидѣлъ, подгорюнившись, Шубинъ.

— Да, задумчиво говорилъ онъ, — она замужемъ и собирается уѣхать. Вашъ племянничекъ шумѣлъ и оралъ на весь домъ; заперся, для секрету, въ спальню, а не только лакеи и горничныя—кучера все слышать могли. Онъ и теперь такъ и рветъ и мечетъ, со мной чуть не подрался, съ отцовскимъ проклятіемъ носится, какъ медвѣдь съ чурбаномъ, да не въ немъ сила. Анна Васильевна убита, но ее гораздо больше сокрушаетъ отъѣздъ дочери, чѣмъ ея замужество.

Уваръ Ивановичъ поигралъ пальцами.

— Мать, проговорилъ онъ:—ну.... и того.

— Племянникъ вашъ, продолжалъ Шубинъ, — грозится и митрополиту, и генералъ-губернатору, и министру жалобы подать, а кончится тѣмъ, что она уѣдетъ. Кому весело свою родную дочь губить! Попѣтушится и опуститъ хвостъ.

— Права.... не имѣютъ, замѣтилъ Уваръ Ивановичъ, и отпилъ изъ кружки.

— Такъ, такъ. А какая поднимется по Москвѣ туча осуж—

деній, пересудовъ, толковъ! Она ихъ не испугалась.... Впрочемъ, она выше ихъ. Уѣзжаетъ она — и куда? даже страшно подумать! Въ какую даль, въ какую глушь! Что ждетъ ее тамъ? Я гляжу на нее, точно она ночью, въ метель, въ тридцать градусовъ мороза, съ постоялаго двора съѣзжаетъ. Разстается съ родиной, съ семьей; а я ее понимаю. Кого она здѣсь оставляетъ? Кого видѣла? Курнатовскихъ да Берсеневыхъ, да нашего брата; и это еще лучшіе. Чего тутъ жалѣть? Одно худо: говорятъ ея мужъ, — чортъ знаетъ, языкъ какъ-то не поворачивается на это слово,—говорятъ, Инсаровъ кровью кашляетъ, это худо. Я его видѣлъ на дняхъ; лицо, хоть сейчасъ лѣпи съ него Брута.... Вы знаете, кто былъ Брутъ, Уваръ Ивановичъ?

— Что знать? человѣкъ.

— Именно: «человѣкъ онъ былъ». Да, лицо чудесное, а нездоровое, очень нездоровое.

— Сражаться-то.... все равно, проговорилъ Уваръ Ивановичъ.

— Сражаться-то все равно, точно; вы сегодня совершенно справедливо изволите выражаться, да жить-то не все равно. А вѣдь ей съ нимъ пожить захочется.

— Дѣло молодое, отозвался Уваръ Ивановичъ.

— Да, молодое, славное, смѣлое дѣло. Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина.... Хорошо, хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ дѣйствительно въ сущности все равно. А тамъ— натянуты струны, звени на весь міръ или порвись!

Шубинъ уронилъ голову на грудь.

— Да, продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія,—Инсаровъ ее стоитъ. А, впрочемъ, что за вздоръ! Никто ея не стоитъ. Инсаровъ.... Инсаровъ.... Къ чему ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя, хотя до сихъ поръ дѣлалъ тоже, что и мы грѣшные; да будто ужь мы такая совершенно дрянь? Ну хоть я, развѣ я дрянь, Уваръ Ивановичъ? Развѣ Богъ меня такъ-таки всѣмъ и обидѣлъ? Никакихъ способностей, никакихъ талантовъ мнѣ не далъ? Кто знаетъ, можетъ-быть, имя Павла Шубина будетъ со време-

немъ славное имя? Вотъ у васъ на столѣ лежитъ мѣдный грошъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, когда-нибудь, черезъ столѣтіе, эта мѣдь пойдетъ на статую Павла Шубина, воздвигнутую въ честь ему благодарнымъ потомствомъ?

Уваръ Ивановичъ оперся на локоть и уставился на разгорячившагося художника.

— Далека пѣсня, проговорилъ онъ наконецъ, съ обычною игрой пальцевъ:—о другихъ рѣчь, а ты.... того.... о себѣ.

— О, великій философъ земли русской! воскликнулъ Шубинъ.—Каждое ваше слово—чистое золото, и не мнѣ—вамъ слѣдуетъ воздвигнуть статую, и за это берусь я. Вотъ какъ вы теперь лежите, въ этой позѣ,—про которую не знаешь, что въ ней больше—лѣни или силы?—такъ я васъ и отолью. Справедливымъ укоромъ поразили вы мой эгоизмъ и мое самолюбіе! Да, да, нечего говорить о себѣ; нечего хвастаться. Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все-либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустаго въ порожнее переливатели да палки барабанныя! А то вотъ еще какіе бываютъ: до позорной тонкости самихъ себя изучили, щупаютъ безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію и докладываютъ самимъ себѣ: вотъ что я, молъ, чувствую, вотъ что я думаю. Полезное, дѣльное занятіе! Нѣтъ, кабы были между нами путные люди, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду! Что жь это, Уваръ Ивановичъ? Когда жь наша придетъ пора? Когда у насъ народятся люди?

— Дай срокъ, отвѣтилъ Уваръ Ивановичъ,—будутъ.

— Будутъ? Почва! черноземная сила! ты сказала: будутъ? Смотрите же, я запишу ваше слово. Да зачѣмъ же вы гасите свѣчку?

— Спать хочу, прощай.

XXXI.

Шубинъ сказалъ правду. Неожиданное извѣстіе о свадьбѣ Елены чуть не убило Анны Васильевны. Она слегла въ постель. Николай Артемьевичъ потребовалъ отъ нея, чтобъ она

не пускала своей дочери къ себѣ на глаза; онъ какъ будто обрадовался случаю показать себя въ полномъ значеніи хозяина дома, во всей силѣ главы семейства: онъ безпрерывно шумѣлъ и гремѣлъ на людей, то и дѣло приговаривая: «я вамъ докажу кто я таковъ, я вамъ дамъ знать—погодите!» Пока онъ сидѣлъ дома, Анна Васильевна не видѣла Елены и довольствовалась присутствіемъ Зои, которая очень усердно услуживала, а сама думала про себя: «Diesen Insaroff vorziehen und wem!» Но какъ только Николай Артемьевичъ уѣзжалъ (а это случалось довольно часто: Августина Христіановна взаправду вернулась), Елена являлась къ своей матери—и та, долго, молча, со слезами глядѣла на нее. Этотъ нѣмой укоръ глубже всякаго другаго проникалъ въ сердцѣ Елены; не раскаяніе чувствовала она тогда, но глубокую, безконечную жалость, похожую на раскаяніе.

— Мамаша, милая мамаша! твердила она, цалуя ея руки:— что же было дѣлать? Я не виновата, я полюбила его, я не могла поступить иначе. Вините судьбу: она меня свела съ человѣкомъ, который не нравится папенькѣ, который увозитъ меня отъ васъ.

— Охъ! перебивала ее Анна Васильевна: — не напоминай мнѣ объ этомъ. Какъ я вспомню, куда ты хочешь ѣхать, сердце у меня такъ и покатится!

— Милая мамаша, отвѣчала Елена,—утѣшьтесь хоть тѣмъ, что могло быть и хуже: я могла бы умереть.

— Да я и такъ не надѣюсь больше тебя видѣть. Либо ты кончишь жизнь тамъ, гдѣ-нибудь, подъ шалашомъ (Аннѣ Васильевнѣ Болгарія представлялась чѣмъ-то въ родѣ сибирскихъ тундръ), либо я не перенесу разлуки...

— Не говорите этого, добрая мамаша, мы еще увидимся, Богъ дастъ. А въ Болгаріи такіе же города, какъ и здѣсь.

— Какіе тамъ города! Тамъ война теперь идетъ, теперь тамъ, я думаю, куда ни поди, все изъ пушекъ стрѣляютъ.... Скоро ты ѣхать собираешься?

— Скоро... если только папенька... Онъ хочетъ жаловаться, онъ грозится развести насъ.

Анна Васильевна подняла глаза къ небу.

— Нѣтъ, Леночка, онъ не будетъ жаловаться. Я бы сама

ни за что не согласилась на эту свадьбу, скорѣе умерла бы; да вѣдь сдѣланнаго не воротишь, а я не дамъ позорить мою дочь.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ Анна Васильевна собралась съ духомъ, и въ одинъ вечеръ заперлась съ своимъ мужемъ наединѣ въ спальнѣ. Все въ домѣ притихло и приникло. Сперва ничего не было слышно; потомъ загудѣлъ голосъ Николая Артемьевича, потомъ завязался споръ, поднялись крики, почудились даже стенанія... Уже Шубинъ вмѣстѣ съ горничными и Зоей собирался снова явиться на выручку; но шумъ въ спальнѣ сталъ понемногу ослабѣвать, перешелъ въ говоръ, и умолкъ. Только изрѣдка раздавались слабыя всхлипыванья—и тѣ прекратились. Зазвенѣли ключи, послышался визгъ отворяемаго бюро... Дверь раскрылась и появился Николай Артемьевичъ. Сурово посмотрѣлъ онъ на всѣхъ встрѣчныхъ и отправился въ клубъ, а Анна Васильевна потребовала къ себѣ Елену, крѣпко обняла ее и, залившись горькими слезами, промолвила:

— Все улажено, онъ не будетъ поднимать исторіи, и ничего теперь тебѣ не мѣшаетъ уѣхать... бросить насъ.

— Вы позволите Дмитрію придти благодарить васъ, спросила Елена свою мать, какъ только та немного успокоилась.

— Подожди, душа моя, не могу я теперь видѣть нашего разлучника. Передъ отъѣздомъ, успѣемъ.

— Передъ отъѣздомъ, печально повторила Елена.

Николай Артемьевичъ согласился «не поднимать исторіи»; но Анна Васильевна не сказала своей дочери, какую цѣну онъ положилъ своему согласію. Она не сказала ей, что обѣщалась заплатить всѣ его долги, да съ рукъ на руки дала ему тысячу рублей серебромъ. Сверхъ того, онъ рѣшительно объявилъ Аннѣ Васильевнѣ, что не желаетъ встрѣтиться съ Инсаровымъ, котораго продолжалъ величать Черногорцемъ, а, пріѣхавши въ клубъ, безо всякой нужды заговорилъ о свадьбѣ Елены съ своимъ партнеромъ, отставнымъ инженернымъ генераломъ. «Вы слышали, промолвилъ онъ съ притворною небрежностію, — дочь моя, отъ очень большой учености, вышла замужъ за какого-то студента.» Генералъ посмотрѣлъ на него черезъ очки; промычалъ: «Гмъ!» и спросилъ его, въ чемъ онъ играетъ?

XXXII.

А день отъѣзда приближался. Ноябрь ужь истекалъ, проходили послѣдніе сроки. Инсаровъ давно кончилъ всѣ свои сборы, и горѣлъ желаніемъ поскорѣе вырваться изъ Москвы. И докторъ его торопилъ: «вамъ нуженъ теплый климатъ, говорилъ онъ ему, вы здѣсь не поправитесь.» Нетерпѣніе томило и Елену: ее тревожила блѣдность Инсарова, его худоба. Она часто съ невольнымъ испугомъ глядѣла на его измѣнившіяся черты. Положеніе ея въ родительскомъ домѣ становилось невыносимымъ. Мать причитала надъ ней какъ надъ мертвою, а отецъ обходился съ ней презрительно-холодно: близость разлуки втайнѣ мучила и его, но онъ считалъ своимъ долгомъ, долгомъ оскорбленнаго отца, скрывать свои чувства, свою слабость. Анна Васильевна пожелала наконецъ увидѣться съ Инсаровымъ. Его привели къ ней тихонько, черезъ заднее крыльцо. Когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, она долго не могла заговорить съ нимъ, не могла даже рѣшиться взглянуть на него: онъ сѣлъ возлѣ ея кресла, и съ спокойной почтительностію ожидалъ ея перваго слова. Елена сидѣла тутъ же и держала въ рукѣ своей руку матери. Анна Васильевна подняла наконецъ глаза, промолвила: «Богъ вамъ судья, Дмитрій Никаноровичъ...» и остановилась: упреки замерли на ея устахъ. — Да вы больны, воскликнула она:—Елена, онъ у тебя боленъ!

— Я былъ нездоровъ, Анна Васильевна, отвѣтилъ Инсаровъ,—и теперь еще не совсѣмъ поправился; но я надѣюсь, родной воздухъ меня возстановитъ окончательно.

— Да... Болгарія! пролепетала Анна Васильевна и подумала: «Боже мой, Болгаръ, умирающій, голосъ какъ изъ бочки, глаза какъ лукошко, скелетъ скелетомъ, сюртукъ на немъ съ чужаго плеча, желтъ какъ пупавка—и она его жена, она его любитъ... да это сонъ какой-то...» Но она тотчасъ же спохватилась.— Дмитрій Никоноровичъ, проговорила она: — вы непремѣнно.... непремѣнно должны ѣхать.

— Непремѣнно, Анна Васильевна.

Анна Васильевна посмотрѣла на него.

— Охъ, Дмитрій Никаноровичъ, не дай вамъ Богъ испытать

то, что́ я теперь испытываю... Но вы обѣщаетесь мнѣ беречь ее, любить ее... Нужды вы терпѣть не будете, пока я жива!

Слезы заглушили ея голосъ. Она раскрыла свои объятія, и Елена и Инсаровъ припали къ ней.

—

Роковой день наступилъ наконецъ. Положено было, чтобы Елена простилась съ родителями — дома, а пустилась бы въ путь—съ квартиры Инсарова. Отъѣздъ былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. За четверть часа до срока пришелъ Берсеневъ. Онъ полагалъ, что застанетъ у Инсарова его соотечественниковъ, которые захотятъ его проводить; но они уже всѣ впередъ уѣхали; уѣхали также и извѣстныя читателю двѣ таинственныя личности (они служили свидѣтелями на свадьбѣ Инсарова). Портной встрѣтилъ съ поклономъ «добраго барина»; онъ, должно быть, съ горя, а можетъ и съ радости, что мебель ему доставалась, сильно выпилъ; жена его скоро увела. Въ комнатѣ уже все было прибрано; чемоданъ, перевязанный веревкой, стоялъ на полу. Берсеневъ задумался: много воспоминаній прошло у него по душѣ.

Двѣнадцать часовъ давно пробило, и ямщикъ уже привелъ лошадей, а «молодые» все еще не являлись. Наконецъ послышались торопливые шаги на лѣстницѣ, и Елена вошла въ сопровожденіи Инсарова и Шубина. У Елены глаза были красны: она оставила мать свою лежащую въ обморокѣ; прощаніе было очень тяжело. Елена уже больше недѣли не видѣла Берсенева: въ послѣднее время онъ рѣдко ходилъ къ Стаховымъ. Она не ожидала его встрѣтить, вскрикнула: «вы! благодарствуйте!» и бросилась ему на шею; Инсаровъ тоже его обнялъ. Настало томительное молчаніе. Что̀ могли сказать эти три человѣка, что́ чувствовали эти три сердца? Шубинъ понялъ необходимость,— живымъ звукомъ, словомъ прекратить это томленіе.

— Собралось опять наше тріо, заговорилъ онъ,—въ послѣдній разъ! Покоримся велѣніямъ судьбы, помянемъ прошлое добромъ, и съ Богомъ на новую жизнь! «Съ Богомъ въ дальнюю дорогу», запѣлъ онъ и остановился. Ему вдругъ стало совѣстно и неловко. Грѣшно пѣть тамъ, гдѣ лежитъ покойникъ; а въ это мгновеніе, въ этой комнатѣ, умирало то прошлое, о

которомъ онъ упомянулъ, прошлое людей, собравшихся въ нее. Оно умирало для возрожденія къ новой жизни, положимъ.... но все-таки умирало.

— Ну, Елена, началъ Инсаровъ, обращаясь къ женѣ,—кажется, все? Все заплачено, уложено. Остается только этотъ чемоданъ стащить. Хозяинъ!

Хозяинъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ женой и дочерью. Онъ выслушалъ, слегка качаясь, приказаніе Инсарова, взвалилъ чемоданъ къ себѣ на плеча и быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, стуча сапогами.

— Теперь, по русскому обычаю, сѣсть надо, замѣтилъ Инсаровъ.

Всѣ сѣли: Берсеневъ помѣстился на старомъ диванчикѣ; Елена сѣла возлѣ него; хозяйка съ дочкой прикорнула на порогѣ. Всѣ умолкли; всѣ улыбались напряженно, и никто не зналъ, зачѣмъ онъ улыбается; каждому хотѣлось что-то сказать на прощанье, и каждый (за исключеніемъ, разумѣется, хозяйки и ея дочери: тѣ только глаза таращили), каждый чувствовалъ, что въ подобныя мгновенья позволительно сказать одну лишь пошлость, что всякое значительное, или умное, или просто задушевное слово, было бы чѣмъ-то неумѣстнымъ, почти ложнымъ. Инсаровъ поднялся первый и сталъ креститься... «Прощай, наша комнатка!» воскликнулъ онъ.

Раздались поцалуи, звонкіе, но холодные поцалуи разлуки, напутственныя, недосказанныя желанія, обѣщанія писать, послѣднія, полусдавленныя прощальныя слова...

Елена, вся въ слезахъ, уже садилась въ повозку; Инсаровъ заботливо покрывалъ ея ноги ковромъ; Шубинъ, Берсеневъ, хозяинъ, его жена, дочка, съ неизбѣжнымъ платкомъ на головѣ, дворникъ, посторонній мастеровой въ полосатомъ халатѣ— всѣ стояли у крыльца, какъ вдругъ на дворъ влетѣли богатыя сани, запряженныя лихимъ рысакомъ, и изъ саней, стряхая снѣгъ съ воротника шинели, выскочилъ Николай Артемьевичъ.

— Засталъ еще, слава Богу, воскликнулъ онъ, и подбѣжалъ къ повозкѣ.—Вотъ тебѣ, Елена, наше послѣднее родительское благословеніе, сказалъ онъ, нагнувшись подъ балчукъ, и, доставъ изъ кармана сюртука маленькій образокъ, зашитый въ бархатную сумочку, надѣлъ ей не шею. Она зарыдала и стала

цаловать его руки, а кучеръ между тѣмъ вынулъ изъ передка саней полубутылку шампанскаго и три бокала.

— Ну! сказалъ Николай Артемьевичъ,— а у самаго слезы такъ и капали на бобровый воротникъ шинели, — надо проводить... и пожелать... Онъ сталъ наливать шампанское; руки его дрожали, пѣна поднималась черезъ край и падала на снѣгъ. Онъ взялъ одинъ бокалъ, а два другіе подалъ Еленѣ и Инсарову, который уже успѣлъ помѣститься возлѣ нея.—Дай Богъ вамъ... началъ Николай Артемьевичъ, и не могъ договорить— и выпилъ вино; тѣ тоже выпили. — Теперь вамъ бы слѣдовало, господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ Шубину и Берсеневу, но въ это мгновеніе ямщикъ тронулъ лошадей. Николай Артемьевичъ побѣжалъ рядомъ съ повозкой. — Смотрижь, пиши намъ, говорилъ онъ прерывистымъ голосомъ. Елена выставила голову, промолвила: «прощайте, папенька, Андрей Петровичъ, Павелъ Яковлевичъ, прощайте всѣ, прощай Россія!» и откинулась назадъ. Ямщикъ взмахнулъ кнутомъ, засвисталъ; повозка, заскрипѣвъ полозьями, повернула изъ воротъ направо—и исчезла.

XXXIII.

Былъ свѣтлый апрѣльскій день. По широкой лагунѣ, отдѣляющей Венецію отъ узкой полосы наноснаго морскаго песку, называемой Лидо, скользила острогрудая гондола, мѣрно покачиваясь при каждомъ толчкѣ падавшаго на длинное весло гондольера. Подъ низенькою ея крышей, на мягкихъ коженыхъ подушкахъ, сидѣли Елена и Инсаровъ.

Черты лица Елены немного измѣнились со дня ея отъѣзда изъ Москвы; но выраженіе ихъ стало другое: оно было обдуманнѣе и строже, и глаза глядѣли смѣлѣе. Все ея тѣло расцвѣло, и волосы, казалось, пышнѣе и гуще лежали вдоль бѣлаго лба и свѣжихъ щекъ. Въ однѣхъ только губахъ, когда она не улыбалась, сказывалось едва замѣтною складкой присутствіе тайной, постоянной заботы. У Инсарова, напротивъ, выраженіе лица осталось то же, но черты его жестоко измѣнились. Онъ похудѣлъ, постарѣлъ, поблѣднѣлъ, сгорбился; онъ почти безпрестанно кашлялъ короткимъ, сухимъ кашлемъ, и

впалые глаза его блестѣли страннымъ блескомъ. На пути изъ Россіи, Инсаровъ пролежалъ почти два мѣсяца больной въ Вѣнѣ, и только въ концѣ марта пріѣхалъ съ женой въ Венецію: онъ оттуда надѣялся пробраться черезъ Зару въ Сербію, въ Болгарію: другіе пути ему были закрыты. Война уже кипѣла на Дунаѣ; Англія и Франція объявили Россіи войну, и всѣ Славянскія земли волновались и готовились къ возстанію.

Гондола пристала ко внутреннему краю Лидо. Елена и Инсаровъ отправились по узкой песчаной дорожкѣ, обсаженной чахоточными деревцами (ихъ каждый годъ сажаютъ, и онѣ умираютъ каждый годъ) на внѣшній край Лидо, къ морю.

Они пошли по берегу. Адріатика катила передъ ними свои мутно-синія волны; онѣ пѣнились, шипѣли, набѣгали, и, скатываясь назадъ, оставляли на пескѣ мелкія раковины и обрывки морскихъ травъ.

— Какое унылое мѣсто! замѣтила Елена. Я боюсь, не слишкомъ ли здѣсь холодно для тебя; но я догадываюсь, зачѣмъ ты хотѣлъ сюда пріѣхать.

— Холодно! возразилъ съ быстрою, но горькою усмѣшкой Инсаровъ.—Хорошъ я буду солдатъ, коли мнѣ холоду бояться. А пріѣхалъ я сюда... я тебѣ скажу зачѣмъ. Я гляжу на это море, и мнѣ кажется, что отсюда ближе до моей родины. Вѣдь она тамъ, прибавилъ онъ, протянувъ руку на востокъ. Вотъ и вѣтеръ оттуда тянетъ.

— Не пригонитъ ли этотъ вѣтеръ тотъ корабль, который ты ждешь? сказала Елена: — вонъ бѣлѣетъ парусъ, ужь не онъ ли это?

Инсаровъ посмотрѣлъ въ морскую даль, куда показывала ему Елена.

— Рендичъ обѣщался черезъ недѣлю все намъ устроить, замѣтилъ онъ. На него, кажется, положиться можно.... Слышала ты, Елена, прибавилъ онъ со внезапнымъ одушевленіемъ, —говорятъ, бѣдные далматскіе рыбаки пожертвовали своими свинчатками,—ты знаешь, этими тяжестями, отъ которыхъ невода на дно опускаются,—на пули? Денегъ у нихъ не было, они только и живутъ что рыбною ловлей; но они съ радостію отдали свое послѣднее достояніе, и голодаютъ теперь. Что за народъ!

— Aufgepasst! крикнулъ сзади ихъ надменный голосъ. Раздался глухой топотъ лошадиныхъ копытъ, и австрійскій офицеръ, въ короткой сѣрой тюникѣ и зеленомъ картузѣ, проскакалъ мимо ихъ.... Они едва успѣли посторониться.

Инсаровъ мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Онъ не виноватъ, промолвила Елена,—ты знаешь, у нихъ здѣсь нѣтъ другаго мѣста, чтобы наѣзжать лошадей.

— Онъ не виноватъ, возразилъ Инсаровъ,—да кровь онъ мнѣ расшевелилъ своимъ крикомъ, своими усами, своимъ картузомъ, всей своей наружностью. Вернемся.

— Вернемся, Дмитрій. Притомъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ дуетъ. Ты не поберегся послѣ твоей московской болѣзни, и поплатился за это въ Вѣнѣ. Надо теперь быть осторожнѣе.

Инсаровъ промолчалъ, только прежняя горькая усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Хочешь? продолжала Елена:—покатаемся по Canal Grande. Вѣдь мы съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, хорошенько не видѣли Венеціи. А вечеромъ поѣдемъ въ театръ: у меня есть два билета на ложу. Говорятъ, новую оперу даютъ. Хочешь, мы нынѣшній день отдадимъ другъ другу, позабудемъ о политикѣ, о войнѣ, обо всемъ, будемъ знать только одно: что мы живемъ, дышемъ, думаемъ вмѣстѣ, что мы соединены навсегда. Хочешь?

— Ты этого хочешь, Елена, отвѣчалъ Инсаровъ,—стало-быть, и я этого хочу.

— Я это знала, замѣтила съ улыбкой Елена. — Пойдемъ, пойдемъ.

Они вернулись къ гондолѣ, сѣли, и велѣли вести себя, не спѣша, по Canal Grande.

Кто не видалъ Венеціи въ апрѣлѣ, тому едва ли зракома вся несказанная прелесть этого волшебнаго города. Кротость и мягкость весны идутъ къ Венеціи, какъ яркое солнце лѣта къ великолѣпной Генуѣ, какъ золото и пурпуръ осени къ великому старцу—Риму. Подобно веснѣ, красота Венеціи и трогаетъ и возбуждаетъ желанія; она томитъ и дразнитъ неопытное сердце, какъ обѣщаніе близкаго, незагадочнаго, но таинственнаго счастія. Все въ ней свѣтло, понятно, и все обвѣяно дремотною дымкой какой-то влюбленной тишины; все въ ней молчитъ, и все привѣтно; все въ ней женственно, начиная съ

самаго имени: не даромъ ей одной дано названіе *Прекрасной* Громады дворцовъ, церквей, стоятъ легки и чудесны, какъ стройный сонъ молодаго бога; есть что-то сказочное, что-то плѣнительно-странное въ зелено-сѣромъ блескѣ и шелковистыхъ отливахъ нѣмой волны каналовъ, въ безшумномъ бѣгѣ гондолъ, въ отсутствіи грубыхъ городскихъ звуковъ, грубаго стука, треска и гама. «Венеція умираетъ, Венеція опустѣла,» говорятъ вамъ ея жители; но, быть-можетъ, этой-то послѣдней прелести, прелести увяданія въ самомъ расцвѣтѣ и торжествѣ красоты, не доставало ей. Кто ея не видѣлъ, тотъ ея не знаетъ: ни Каналетти, ни Гварди (не говоря уже о новѣйшихъ живописцахъ)—не въ силахъ передать этой серебристой нѣжности воздуха, этой улетающей и близкой дали, этого дивнаго созвучія изящнѣйшихъ очертаній и тающихъ красокъ. Отжившему, разбитому жизнію не для чего посѣщать Венецію: она будетъ ему горька, какъ память о несбывшихся мечтахъ первоначальныхъ дней; но сладка будетъ она тому, въ комъ кипятъ еще силы, кто чувствуетъ себя благополучнымъ; пусть онъ принесетъ свое счастіе подъ ея очарованныя небеса, и какъ бы оно ни было лучезарно, она еще озолотитъ его неувядаемымъ сіяніемъ.

Гондола, въ которой сидѣли Инсаровъ и Елена, тихонько минула Riva dei Schiavoni, дворецъ дожей, Піадзетту, и вошла въ большой каналъ. Съ обѣихъ сторонъ потянулись мраморные дворцы; они, казалось, тихо плыли мимо, едва давая взору обнять и понять всѣ свои красоты. Елена чувствовала себя глубоко-счастливою: въ лазурѣ ея неба стояло одно темное облачко, и оно удалялось—Инсарову было гораздо лучше въ тотъ день. Они доплыли до крутой арки Ріальто и вернулись назадъ. Елена боялась холода церквей для Инсарова; но она вспомнила объ академіи delle Belle Arti, и велѣла гондольеру ѣхать туда. Они скоро обошли всѣ залы этого небольшаго музея. Не будучи ни знатоками, ни делеттантами, они не останавливались передъ каждой картиной, не насиловали себя: какая-то свѣтлая веселость неожиданно нашла на нихъ. Имъ вдругъ все показалось очень забавно. (Дѣтямъ хорошо извѣстно это чувство.) Къ великому скандалу трехъ посѣтителей Англичанъ, Елена хохотала до слезъ надъ Святымъ Маркомъ Тинторета, прыгающимъ съ неба какъ лягушка въ воду, для спа-

сенія истязаемаго раба; съ своей стороны, Инсаровъ пришелъ въ восторгъ отъ спины и икръ того энергическаго мужа въ зеленой хламидѣ, который стоитъ на первомъ планѣ Тиціановскаго *Вознесенія* и воздымаетъ руки вослѣдъ Мадонны; за то сама Мадонна—прекрасная, сильная женщина, спокойно и величественно стремящаяся въ лоно Бога Отца—поразила и Инсарова и Елену; понравилась имъ также строгая и святая картина старика Чима да Конельяно. Выходя изъ академіи, они еще разъ оглянулись на шедшихъ за ними Англичанъ съ длинными, заячьими зубами и висячими бакенбардами—и засмѣялись; увидали своего гондольера съ куцою курткой и короткими панталонами—и засмѣялись; увидали торговку съ узелкомъ сѣдыхъ волосъ на самой вершинѣ головы — и засмѣялись пуще прежняго; посмотрѣли наконецъ другъ другу въ лицо—и залились смѣхомъ, а какъ только сѣли въ гондолу—крѣпко, крѣпко пожали другъ другу руку. Они пріѣхали въ гостинницу, побѣжали въ свою комнату, и велѣли подать себѣ обѣдать. Веселость не покидала ихъ и за столомъ. Они подчивали другъ друга, пили за здоровье московскихъ пріятелей, рукоплескали камеріеру за вкусное блюдо рыбы, и все требовали отъ него живыхъ frutti di mare; камеріере пожимался и шаркалъ ногами, а выходя отъ нихъ покачивалъ головой, и разъ даже со вздохомъ шепнулъ: poveritti! (бѣдняжки!) Послѣ обѣда они отправились въ театръ.

Въ театрѣ давали оперу Верди, довольно пошлую, сказать по совѣсти, но уже успѣвшую облетѣть всѣ европейскія сцены, оперу, хорошо извѣстную намъ Русскимъ—*Травіату*. Сезонъ въ Венеціи минулъ, и всѣ пѣвцы не возвышались надъ уровнемъ посредственности; каждый кричалъ, во сколько хватало силъ. Роль Віолетты исполняла артистка, не имѣвшая репутаціи, и, судя по холодности къ ней публики, мало любимая, но не лишенная дарованія. Это была молодая, не очень красивая, черноглазая дѣвушка съ не совсѣмъ ровнымъ и уже разбитымъ голосомъ. Одѣта она была до наивности пестро и плохо: красная сѣтка покрывала ея волосы, платье изъ полинялаго голубаго атласа давило ей грудь, толстыя шведскія перчатки восходили до острыхъ локтей; да и гдѣ жь было ей, дочери какого-нибудь бергамскаго пастуха, знать, какъ одѣ—

ваются парижскія камеліи! И держаться на сценѣ она не умѣла; но въ игрѣ ея было много правды и безхитростной простоты, и пѣла она съ той особенной страстностью выраженія и ритма, которая дается однимъ Италіянцамъ. Елена и Инсаровъ сидѣли вдвоемъ въ темной ложѣ, возлѣ самой сцены; игривое расположеніе духа, которое нашло на нихъ въ академіи delle Belle Arti, все еще не проходило. Когда отецъ несчастнаго юноши, попавшаго въ сѣти соблазнительницы, появился на сценѣ въ гороховомъ фракѣ и взъерошенномъ бѣломъ парикѣ, раскрылъ криво ротъ и, самъ заранѣе смущаясь, выпустилъ унылое басовое *тремоло*, они чуть оба не прыснули.... Но игра Віолетты подѣйствовала на нихъ.

— Этой бѣдной дѣвушкѣ почти не хлопаютъ, сказала Елена, —а я въ тысячу разъ предпочитаю ее какой-нибудь самоувѣренной второстепенной знаменитости, которая бы ломалась и кривлялась и все била бы на эффектъ. Этой какъ будто самой не до шутки; посмотри, она не замѣчаетъ публики.

Инсаровъ припалъ къ краю ложи и пристально посмотрѣлъ на Віолетту.

— Да, промолвилъ онъ,—она не шутитъ: смертью пахнетъ.

Елена умолкла.

Начался третій актъ. Занавѣсь поднялась.... Елена дрогнула при видѣ этой постели, этихъ завѣшенныхъ гардинъ, стклянокъ съ лекарствомъ, заслоненной лампы.... Вспомнилось ей близкое прошедшее ... «А будущее? а настоящее?» мелькнуло у ней въ головѣ. Какъ нарочно въ отвѣтъ на притворный кашель актрисы раздался въ ложѣ глухой, неподдѣльный кашель Инсарова.... Елена украдкой взглянула на него, и тотчасъ же придала своимъ чертамъ выраженіе безмятежное и спокойное; Инсаровъ ее понялъ, и самъ началъ улыбаться и чутъ-чуть подтягивать пѣнію.

Но онъ скоро притихъ. Игра Віолетты становилась все лучше, все свободнѣе. Она отбросила все постороннее, все ненужное и *нашла себя*: рѣдкое, высочайшее счастіе для художника! Она вдругъ переступила ту черту, которую опредѣлить невозможно, но за которой живетъ красота. Публика встрепенулась, удивилась, уставилась. Некрасивая дѣвушка съ разбитымъ голосомъ начинала забирать ее въ руки, овладѣвать

ею. Но уже и голосъ пѣвицы не звучалъ, какъ разбитый: онъ согрѣлся и окрѣпъ. Явился «Альфредо»; радостный крикъ Віолетты чуть не поднялъ той бури, имя которой fanatismo, и передъ которой ничто всѣ наши сѣверныя завыванія.... Мгновеніе,—и публика опять замерла. Начался дуэтъ, лучшій нумеръ оперы, въ которомъ удалось композитору выразить всѣ сожалѣнія безумно растраченной молодости, послѣднюю борьбу отчаянной и безсильной любви. Увлеченная, подхваченная дуновеніемъ общаго сочувствія, съ слезами художнической радости и дѣйствительнаго страданія на глазахъ, пѣвица отдалась поднимавшей ее волнѣ, лицо ея преобразилось, и передъ грознымъ призракомъ внезапно приблизившейся смерти, съ такимъ до неба достигающимъ порывомъ моленья исторглись у ней слова: «Lascia mi vivere.... morir si giovane» (дай мнѣ жить... умереть такой молодой!) что весь театръ затрещалъ отъ бѣшеныхъ рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ.

Елена вся похолодѣла. Она начала тихо искать своей рукою руку Инсарова, нашла ее и стиснула ее крѣпко. Онъ отвѣтилъ на ея пожатіе; но ни она не посмотрѣла на него, ни онъ на нее. Это пожатіе не походило на то, которымъ они, нѣсколько часовъ тому назадъ, привѣтствовали другъ друга въ гондолѣ.

Они поплыли въ свою гостинницу опять по Canal Grande. Ночь уже наступила, свѣтлая, мягкая ночь. Тѣ же дворцы потянулись имъ навстрѣчу, но они казались другими. Тѣ изъ нихъ, которые освѣщала луна, золотисто бѣлѣли, и въ самой этой бѣлизнѣ какъ будто исчезали подробности украшеній и очертанія оконъ и балконовъ; онѣ отчетливѣе выдавались на зданіяхъ, залитыхъ легкой мглою ровной тѣни. Гондолы съ своими маленькими красными огонечками, казалось, еще неслышнѣе и быстрѣе бѣжали; таинственно блистали ихъ стальные гребни, таинственно вздымались и опускались весла надъ серебряными рябками возмущенной струи; тамъ, самъ, коротко и негромко восклицали гондольеры (они теперь никогда не поютъ); другихъ звуковъ почти не было слышно. Гостинница, гдѣ жили Инсаровъ и Елена находилась на Riva dei Schiavoni; не доѣзжая до нея, они вышли изъ гондолы и прошлись нѣсколько разъ вокругъ площади Святаго Марка, подъ арками,

гдѣ передъ крошечными кофейными толпилось множество праздnаго народа. Ходить вдвоемъ съ любимымъ существомъ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ, какъ-то особенно пріятно: все кажется прекраснымъ и значительнымъ, всѣмъ желаешь добра, мира и того же счастія, которымъ исполненъ самъ. Но Елена уже не могла безпечно предаваться чувству своего счастія: сердце ея, потрясенное недавними впечатлѣніями, не могло успокоиться; а Инсаровъ, проходя мимо дворца дожей, указалъ, молча, на жерла австрійскихъ пушекъ, выглядывавшихъ изъ-подъ нижнихъ сводовъ, и надвинулъ шляпу на брови. Притомъ онъ чувствовалъ себя усталымъ — и, взглянувъ въ послѣдній разъ на церковь Св. Марка, на ея куполы, гдѣ подъ лучами луны на голубоватомъ свинцѣ зажигались пятна фосфорическаго свѣта, они медленно вернулись домой.

Комнатка ихъ выходила окнами на широкую лагуну, разстилающуюся отъ Riva dei Schiavoni до Джіудекки. Почти напротивъ ихъ гостинницы возвышалась остроконечная башня Св. Георгія, направо, высоко въ воздухѣ сверкалъ золотой шаръ Доганы—и разубранная, какъ невѣста, стояла красивѣйшая изъ церквей, Redentore Палладія; налѣво чернѣли мачты и реи кораблей, трубы пароходовъ; кой-гдѣ висѣлъ, какъ большое крыло, на половину подобранный парусъ, и вымпела едва шевелились. Инсаровъ присѣлъ передъ окномъ, но Елена не дала ему долго любоваться видомъ: у него вдругъ показался жаръ, его охватила какъ-то пожирающая слабость. Она уложила его въ постель и, дождавшись, пока онъ заснулъ, тихонько вернулась къ окну. О, какъ тиха и ласкова была ночь, какою голубиною кротостію дышалъ лазурный воздухъ, какъ всякое страданіе, всякое горе должно было замолкнуть и заснуть подъ этимъ яснымъ небомъ, подъ этими святыми, невинными лучами! «О, Боже, думала Елена, зачѣмъ смерть, зачѣмъ разлука, болѣзнь и слезы? или зачѣмъ эта красота, это сладостное чувство надежды, зачѣмъ успокоительное сознаніе прочнаго убѣжища, неизмѣнной защиты, безсмертнаго покровительства? Что же значитъ это улыбающееся, благословляющее небо, эта счастливая, отдыхающая земля? Уже ли это все только въ насъ, а внѣ насъ вѣчный холодъ и безмолвіе? Ужели мы одни.... одни.... а тамъ, повсюду, во всѣхъ этихъ недосягаемыхъ безднахъ и

глубинахъ—все, все намъ чуждо? Къ чему же тогда эта жажда и радость молитвы? («Morir si giovane» зазвучало у нея въ душѣ).... Неужели же нельзя умолить, отвратить, спасти.... О Боже! неужели нельзя вѣрить чуду?» Она положила голову на сжатыя руки. «Довольно?» шепнула она. «Неужели уже довольно! Я была счастлива, не однѣ только минуты, не часы, не цѣлые дни—нѣтъ, цѣлыя недѣли сряду. А съ какого права?» Ей стало страшно своего счастія. «А если этого нельзя? подумала она. Если это не дается даромъ? Вѣдь это было небо... а мы люди, бѣдные, грѣшные люди.... Morir si giovane.... О, темный призракъ, удались! Не для меня одной нужна его жизнь!»

«Но если это — наказаніе, подумала она опять, если мы должны теперь внести полную уплату за нашу вину? Моя совѣсть молчала, она теперь молчитъ, но развѣ это доказательство невинности? О, Боже, неужели мы такъ преступны! Неужели Ты, создавшій эту ночь, это небо, захочешь наказать насъ за то, что мы любили? А если такъ, если онъ виноватъ, если я виновата,—прибавила она съ невольнымъ порывомъ, — такъ дай ему, о, Боже, дай намъ обоимъ умереть по крайней мѣрѣ честной, славной смертью—тамъ, на родныхъ его поляхъ, а не здѣсь, не въ этой глухой комнатѣ.»

«А горе бѣдной, одинокой матери?» спросила она себя и сама смутилась, и не нашла возраженій на свой вопросъ. Елена не знала, что счастіе каждаго человѣка основано на несчастіи другаго, что даже его выгода и удобство требуютъ, какъ статуя—пьедестала, невыгоды и неудобства другихъ.

«Рендичъ!» пролепеталъ сквозь сонъ Инсаровъ.

Елена подошла къ нему на цыпочкахъ, нагнулась надъ нимъ и отерла потъ съ его лица. Онъ пометался немного на подушкѣ и затихъ.

Она опять подошла къ окну и опять взяли ее думы. Она начала самое себя уговаривать и увѣрять себя, что нѣтъ причинъ бояться. Она даже устыдилась своей слабости. «Развѣ есть опасность? развѣ ему не лучше? шептала она. Вѣдь если бы мы не были сегодня въ театрѣ, мнѣ бы все это въ голову не пришло», Въ это мгновеніе она увидѣла высоко надъ водой бѣлую чайку; ее, вѣроятно, вспугнулъ рыбакъ и она летала

молча, неровнымъ полетотъ, какъ бы высматривая мѣсто, гдѣ бы опуститься. «Вотъ если она полетитъ сюда, подумала Елена: «это будетъ хорошій знакъ»..... Чайка закружилась на мѣстѣ, сложила крылья—и, какъ подстрѣленная, съ жалобнымъ крикомъ пала куда-то далеко, за темный корабль. Елена вздрогнула, а потомъ ей стало совѣстно, что она вздрогнула, и она, не раадѣваясь, прилегла на постель возлѣ Инсарова, который дышалъ тяжело и часто.

XXXIV.

Инсаровъ проснулся поздно, съ глухою болью въ головѣ, съ чувствомъ, какъ онъ выразился, безобразной слабости во всемъ тѣлѣ. Однако онъ всталъ.

— Рендичъ не приходилъ? было его первымъ вопросомъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчала Елена и подала ему послѣдній нумеръ Osservatore Triestino, въ которомъ много говорилось о войнѣ, о славянскихъ земляхъ, о княжествахъ. Инсаровъ началъ читать; она занялась приготовленіемъ для него кофе.... Кто-то постучался въ дверь.

«Рединъ», подумали оба, но стучавшій проговорилъ по-русски: «можно войдти?» Елена и Инсаровъ переглянулись съ изумленіемъ, и, не дождавшись ихъ отвѣта, вошелъ въ комнату щегольски-одѣтый человѣкъ, съ маленькимъ, остренькимъ лицомъ и бойкими глазками. Онъ весь сіялъ, какъ будто только что выигралъ огромныя деньги или услышалъ пріятнѣйшую новость.

Инсаровъ приподнялся со стула.

— Вы не узнаете меня, заговорилъ незнакомецъ, развязно подходя къ нему и любезно кланяясь Еленѣ.—Лупояровъ, помните, мы въ Москвѣ встрѣтились у Е.....хъ?

— Да, у Е.....хъ, произнесъ Инсаровъ.

— Какже, какже! Прошу васъ представить меня вашей супругѣ. Сударыня, я всегда глубоко уважалъ Дмитрія Васильевича.... Онъ поправился: Никанора Васильевича, — и очень счастливъ, что имѣю наконецъ честь съ вами познакомиться. Вообразите, продолжалъ онъ, обратившись къ Инсарову, — я

только вчера вечеромъ узналъ, что вы здѣсь. Я тоже стою въ этой гостинницѣ. Что что за городъ, эта Венеція—поэзія, да и только! Одно ужасно: проклятые Австріаки на каждомъ шагу;—ужь эти мнѣ Австріаки! Кстати, слышали вы, на Дунаѣ произошло рѣшительное сраженіе: 300 турецкихъ офицеровъ убито, Силистрія взята, Сербія уже объявила себя независимою. Не правда ли, вы, какъ патріотъ, должны быть въ восторгѣ? Во мнѣ самомъ славянская кровь такъ и кипитъ! Однако, я совѣтую вамъ быть осторожнѣе; я увѣренъ, что за вами наблюдаютъ. Шпіонство здѣсь ужасное! Вчера подходитъ ко мнѣ какой-то подозрительный человѣкъ и спрашиваетъ: «Русскій ли я?» Я ему сказалъ, что я Датчанинъ.... А только вы должно-быть нездоровы, любезнѣйшій Никаноръ Васильевичъ. Вамъ надобно полѣчиться; сударыня, вы должны полѣчить вашего мужа. Я вчера, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по дворцамъ и по церквамъ—вѣдь вы были во дворцѣ дожей? Что за богатство вездѣ! Особенно эта большая зала, и мѣсто Марино Фаліеро: такъ и стоитъ: decapitati pro criminiBus. Я былъ и въ знаменитыхъ тюрьмахъ: вотъ гдѣ душа моя возмутилась—я вы, можетъ-быть, помните—всегда любилъ заниматься соціальными вопросами и возставалъ противъ аристократіи—вотъ бы я куда привелъ защитниковъ аристократіи: въ эти тюрьмы; справедливо сказалъ Байронъ: «I stood in Venice, on the bridge of sighs»; впрочемъ и онъ былъ аристократъ. Я всегда былъ за прогрессъ. Молодое поколѣніе все за прогрессъ. А каковы Англо–Французы? Посмотримъ, много ли они сдѣлаютъ: Бустрапà и Пальмерстонъ. Вы знаете, Пальмерстонъ сдѣлался первымъ министромъ. Нѣтъ, что ни говорите, русскій кулакъ не шутка. Ужасный плутъ этотъ Бустрапà! Хотите я вамъ дамъ les Châtiments de Victor Hugo — удивительно! L'avenir le gendarme de Dieu—смѣло немножко сказано — но сила, сила. Хорошо также сказалъ князь Вяземскій: Европа твердитъ Башъ–Кадыкъ–Ларъ, глазъ не сводя съ Синопа. Я люблю поэзію. У меня также есть послѣдняя книжка Прудона, у меня все есть. Незнаю, какъ вы, а я радъ войнѣ; только какъ бы домой не потребовали, а я собираюсь отсюда во Флоренцію, въ Римъ: во Францію нельзя — такъ я думаю въ Испанію — женщины тамъ говорятъ удивительныя, только

бѣдность и насѣкомыхъ много. Махнулъ бы въ Калифорнію, намъ Русскимъ все ни почемъ, до я одному редактору далъ слово изучить въ подробности вопросъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ. Вы скажете, предметъ не интересный, спеціальный, но намъ нужны, нужны спеціалисты, довольно мы философствовали, теперь нужна практика, практика... А вы очень нездоровы, Никаноръ Васильевичъ, я васъ, можетъ-быть, утомляю, но все равно, я еще посижу немножко....

И долго еще трещалъ такимъ образомъ Лупояровъ и, уходя, обѣщался побывать.

Измученный нежданнымъ посѣщеніемъ, Инсаровъ легъ на диванъ. — Вотъ, съ горечью промолвилъ онъ, взглянувъ на Елену,—вотъ ваше молодое поколѣніе! Иной и важничаетъ и рисуется, а въ душѣ такой же свистунъ, какъ этотъ господинъ.

Елена не возражала своему мужу: въ это мгновеніе ее гораздо больше безпокоила слабость Инсарова, чѣмъ состояніе всего молодаго поколѣнія Россіи.... Она сѣла возлѣ него, взяла работу. Онъ закрылъ глаза и лежалъ неподвижно, весь блѣдный и худой, Елена взглянула на его рѣзко обрисовавшійся профиль, на его вытянутыя руки, и внезапный страхъ защемилъ ей сердце.

— Дмитрій.... начала она.

Онъ встрепенулся.—Что? Рендичь пріѣхалъ?

— Нѣтъ еще.... но какъ ты думаешь—у тебя жаръ, ты, право, не совсѣмъ здоровъ, не послать ли за докторомъ?

— Тебя этотъ болтунъ напугалъ. Не нужно. Я отдохну немного и все пройдетъ. Мы послѣ обѣда опять поѣдемъ.... куда-нибудь.

Прошло два часа Инсаровъ все лежалъ на диванѣ, но заснуть не могъ, хотя не открывалъ глазъ. Елена не отходила отъ него; она уронила работу на колѣни и не шевелилась.

— Отчего ты не спишь? спросила она его наконецъ.

— А вотъ, погоди. — Онъ взялъ ея руку и положилъ ее себѣ подъ голову.—Вотъ такъ.... хорошо. Разбуди меня сейчасъ, какъ только Рендичь пріѣдетъ. Если онъ скажетъ, что корабль готовъ, мы тотчасъ отправимся.... Надобно все уложить.

— Уложить не долго, отвѣчала Елена.

— Что этотъ человѣкъ болталъ о сраженіи, о Сербіи, проговорилъ, спустя немного, Инсаровъ.—Должно-быть все выдумалъ. Но надо, надо ѣхать. Терять времени нельзя.... Будь готова.

Онъ заснулъ и все затихло въ комнатѣ.

Елена прислонилась головою къ спинкѣ кресла и долго глядѣла въ окно. Погода испортилась; вѣтеръ поднялся. Большія бѣлыя тучи быстро неслись по небу, тонкая мачта качалась въ отдаленіи, длинный вымпелъ съ краснымъ крестомъ безпрестанно взвивался, падалъ и взвивался снова. Маятникъ старинныхъ часовъ стучалъ тяжко, съ какимъ-то печальнымъ шипѣніемъ. Елена закрыла глаза. Она дурно спала; понемногу и она заснула.

Странный ей привидѣлся сонъ. Ей показалось, что онъ плыветъ въ лодкѣ по Царицынскому пруду съ какими-то незнакомыми людьми. Они молчатъ и сидятъ неподвижно, никто не гребетъ; лодка подвигается сама собою. Еленѣ не страшно, но скучно: ей бы хотѣлось узнать, что это за люди и зачѣмъ она съ ними? Она глядитъ, а прудъ ширится, берега пропадаютъ—ужь это не прудъ, а безпокойное море: огромныя, лазоревыя, молчаливыя волны величественно качаютъ лодку; что-то гремящее, грозное, поднимается со дна; неизвѣстные спутники вдругъ вскакиваютъ, кричатъ, махаютъ руками.... Елена узнаетъ ихъ лица; ея отецъ между ними. Но какой-то бѣлый вихорь налетаетъ на волны.... все закружилось, смѣшалось...

Елена осматривается: попрежнему все бѣло вокругъ; но это снѣгъ, снѣгъ, безконечный снѣгъ. И она ужь не въ лодкѣ, она ѣдетъ, какъ изъ Москвы, въ повозкѣ; она не одна: рядомъ съ ней сидитъ маленькое существо, закутанное въ старенькій салопъ. Елена вглядывается: это Катя, ея бѣдная подружка. Страшно становится Еленѣ. Развѣ она не умерла? думаетъ она.

— Катя, куда это мы съ тобой ѣдемъ?

Катя не отвѣчаетъ и завертывается въ свой салопчикъ: она зябнетъ. Еленѣ тоже холодно; она смотритъ вдоль по дорогѣ: городъ виднѣется вдали сквозь снѣжную пыль. Высокія бѣлыя башни съ серебряными главами.... Катя, Катя, это Москва? Нѣтъ, думаетъ Елена, это Соловецкій монастырь: тамъ много, много маленькихъ тѣсныхъ келій, какъ въ ульѣ;

тамъ душно, тѣсно, — тамъ Дмитрій запертъ. Я должна его освободить.. . Вдругъ сѣдая, зѣвающая пропасть разверзается передъ нею. Повозка падаетъ, Катя смѣется. Елена, Елена! слышится голосъ изъ бездны.

«Елена! раздалось явственно въ ея ушахъ. Она быстро подняла голову, обернулась и обомлѣла: Инсаровъ, бѣлый, какъ снѣгъ ея сна, приподнялся до половины съ дивана, и глядѣлъ на нее большими, свѣтлыми, страшными глазами. Волосы его разсыпались по лбу, губы странно раскрылись. Ужасъ, смѣшанный съ какимъ-то тоскливымъ умиленіемъ, выражался на его внезапно-измѣнившемся лицѣ.

— Елена! произнесъ онъ:—я умираю.

Она съ крикомъ упала на колѣни и прижалась къ его груди.

— Все кончено, повторилъ Инсаровъ:—я умираю.... Прощай, моя бѣдная! Прощай, моя родина!...

И онъ навзничь опрокинулся на диванъ.

Елена выбѣжала изъ комнаты, стала звать на помощь, камеріере бросился за докторомъ. Елена припала къ Инсарову.

Въ это мгновенье на порогѣ двери показался человѣкъ широкоплечій, загорѣлый, въ толстомъ байковомъ пальто и клеенчатой низкой шляпѣ. Онъ остановился въ недоумѣніи.

— Рендичь! воскликнула Елена—это вы! Посмотрите, ради Бога, съ нимъ дурно! Что̀ съ нимъ? Боже, Боже! Онъ вчера выѣзжалъ, онъ сейчасъ говорилъ со мною....

Рендичь ничего не сказалъ и только посторонился. Мимо его проворно прошмыгнула маленькая фигурка въ парикѣ и въ очкахъ: это былъ докторъ, жившій въ той же гостинницѣ. Онъ приблизился къ Инсарову.

— Синьйора, сказалъ онъ, спустя нѣсколько мгновеній, господинъ иностранецъ скончался—il signore forestiere e morto, —отъ аневризма, соединеннаго съ разстройствомъ легкихъ.

XXXV.

На другой день, въ той же комнатѣ, у окна стоялъ Рендичь; передъ нимъ, закутавшись въ шаль, сидѣла Елена. Въ сосѣдней комнатѣ въ гробу лежалъ Инсаровъ. Лицо Елены

было и испугано, и безжизненно; на лбу, между бровями, появились двѣ морщинки: онѣ придавали напряженное выраженіе ея неподвижнымъ глазамъ. На окнѣ лежало раскрытое письмо Анны Васильевны. Она звала свою дочь въ Москву, хоть на мѣсяцъ, жаловалась на свое одиночество, на Николая Артемьевича, кланялась Инсарову, освѣдомлялась объ его здоровьѣ и просила его отпустить жену.

Рендичь былъ Далматъ, морякъ, съ которымъ Инсаровъ познакомился во время своего путешествія на родину, и котораго онъ отыскалъ въ Венеціи. Это былъ человѣкъ суровый, грубый, смѣлый и преданный славянскому дѣлу. Онъ презиралъ Турокъ и ненавидѣлъ Австрійцевъ.

— Сколько времени вы должны остаться въ Венеціи? спросила его по-италіянски Елена. И голосъ ея былъ безъ жизни, какъ лицо.

— День, чтобы нагрузиться и не возбудить подозрѣнія; а тамъ прямо въ Зару. Не обрадую я нашихъ земляковъ. Его уже давно ждали; на него надѣялись.

— На него надѣялись, повторила машинально Елена.

— Когда вы его хороните? спросилъ Рендичь.

Елена не тотчасъ отвѣчала:—завтра.

— Завтра? я останусь; я хочу бросить горсть земли въ его могилу. Надожь и вамъ помочь. А лучше было бы ему лежать въ Славянской землѣ.

Елена поглядѣла на Рендича.

— Капитанъ, сказала она,—возьмите меня съ нимъ и перевезите насъ по ту сторону моря, прочь отсюда. Возможно это?

Рендичъ задумался. — Возможно, только хлопотно. Надобно будетъ возиться съ здѣшнимъ проклятымъ начальствомъ. Но положимъ, мы это все уладимъ, похоронимъ его тамъ; какъ же я васъ назадъ доставлю?

— Вамъ не нужно будетъ доставлять меня назадъ.

— Какъ? Гдѣ же вы останетесь?

— Я уже найду себѣ мѣсто: только возьмите насъ, возьмите меня.

Рендичь почесалъ у себя въ затылкѣ. — Какъ знаете, но все это очень хлопотно. Пойду, попытаюсь: а вы ждите меня здѣсь часа черезъ два.

Онъ ушелъ. Елена перешла въ сосѣднюю комнату, прислонилась къ стѣнѣ и долго стояла, какъ окаменѣлая. Потомъ она опустилась на колѣни, но молиться не могла. Въ ея душѣ не было упрековъ; она не дерзала вопрошать Бога, зачѣмъ не пощадилъ, не пожалѣлъ, не сберегъ, зачѣмъ наказалъ свыше вины, если и была вина? Каждый изъ насъ виноватъ уже тѣмъ, что живетъ, и нѣтъ такого великаго мыслителя, нѣтъ такого благодѣтеля человѣчества, который въ силу пользы, имъ приносимой, могъ бы надѣяться на то, что имѣетъ право жить.... Но Елена молиться не могла: она окаменѣла.

Въ туже ночь широкая лодка отчалила отъ гостинницы, гдѣ жили Инсаровы. Въ лодкѣ сидѣла Елена съ Рендичемъ и стоялъ длинный ящикъ, покрытый чернымъ сукномъ. Они плыли около часу и приплыли наконецъ къ небольшому двухъ-мачтовому кораблику, который стоялъ на якорѣ у самаго выхода гавани. Елена и Рендичь взошли на корабль; матросы внесли ящикъ. Съ полуночи поднялась буря, но поутру рано корабль уже миновалъ Лидо. Въ теченіе дня буря разыгралась съ страшною силой, и опытные моряки въ конторахъ «Ллойда» качали головами и не ждали ничего добраго. Адріатическое море между Венеціей, Тріестомъ и далматскимъ берегомъ чрезвычайно опасно.

Недѣли три послѣ отъѣзда Елены изъ Венеціи, Анна Васильевна получила въ Москвѣ слѣдующее письмо:

«Милые мои родные, я навсегда прощаюсь съ вами. Вы меня больше не увидите. Вчера скончался Дмитрій. Все кончено для меня. Сегодня я уѣзжаю съ его тѣломъ въ Зару. Я его схороню, и что со мной будетъ, не знаю! Но уже мнѣ нѣтъ другой родины, кромѣ родины Д. Тамъ готовится возстаніе, собираются на войну; я пойду въ сестры милосердія, буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мною будетъ, но я и послѣ смерти Д. останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей его жизни. Я выучилась по-болгарски и по-сербски. Вѣроятно, я всего этого не перенесу—тѣмъ лучше. Я приведена на край бездны и должна упасть. Насъ судьба соединила не даромъ: кто знаетъ, можетъ быть, я его убила; теперь его

очередь увлечь меня за собою. Я искала счастья — и найду, быть можетъ, смерть. Видно такъ слѣдовало; видно была вина... Но смерть все прикрываетъ и примиряетъ,—не правда ли? «Простите мнѣ всѣ огорченія, которыя я вамъ причинила; это было не въ моей волѣ. А вернуться въ Россію—зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?

«Примите мои послѣднія лобзанія и благословенія, и не осуждайте меня.

Е.

Съ тѣхъ поръ минуло уже около пяти лѣтъ, и никакой вѣсти не приходило больше объ Еленѣ. Безплодны остались всѣ письма, запросы; напрасно самъ Николай Артемьевичъ, послѣ заключенія мира, ѣздилъ въ Венецію, въ Зару; въ Венеціи онъ узналъ то, что уже извѣстно читателю, а въ Зарѣ никто не могъ дать ему положительныхъ свѣденій о Рендичѣ, о кораблѣ, который онъ нанялъ. Ходили темные слухи, будто бы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, море, послѣ сильной бури, выкинуло на берегъ гробъ, въ которомъ нашли трупъ мущины.... По другимъ, болѣе достовѣрнымъ свѣденіямъ, гробъ этотъ вовсе не былъ выкинутъ моремъ, но привезенъ и похороненъ возлѣ берега иностранною дамой, пріѣхавшею изъ Венеціи; нѣкоторые прибавляли, что даму эту видѣли потомъ въ Герцоговинѣ при войскѣ, которое тогда собиралось; описывали даже ея нарядъ, черный съ головы до ногъ. Какъ бы то ни было, слѣдъ Елены исчезъ навсегда и безвозвратно, и никто не знаетъ, жива ли она еще, скрывается ли гдѣ, или уже кончилась маленькая игра жизни, кончилось ея легкое броженіе, и настала очередь смерти. Случается, что человѣкъ, просыпаясь, съ невольнымъ испугомъ спрашиваетъ себя: неужели мнѣ уже тридцать.... сорокъ.... пятьдесятъ лѣтъ? Какъ это жизнь такъ скоро прошла? Какъ это смерть такъ близко надвинулась? Смерть, какъ рыбакъ, который поймалъ рыбу въ свою сѣть и оставляетъ ее на время въ водѣ: рыба еще плаваетъ, но сѣть на ней, и рыбакъ выхватитъ ее, когда захочетъ.

Что сталось съ остальными лицами нашего разсказа?

Анна Васильевна еще жива; она очень постарѣла послѣ поразившаго ее удара, жалуется меньше, но гораздо больше груститъ. Николай Артемьевичъ тоже постарѣлъ и посѣдѣлъ и разстался съ Августиной Христіановной.... Онъ теперь бранитъ все иностранное. Ключница его, красивая женщина, лѣтъ тридцати, изъ Русскихъ, ходитъ въ шелковыхъ платьяхъ и носитъ золотыя кольца и сережки. Курнатовскій, какъ человѣкъ съ темпераментомъ, и, въ качествѣ энергическаго брюнета, охотникъ до миловидныхъ блондинокъ, женился на Зоѣ; она у него въ большомъ повиновеніи и даже перестала думать понѣмецки. Берсеневъ находится въ Гейдельбергѣ; его на казенный счетъ отправили за границу; онъ посѣтилъ Берлинъ, Парижъ, и не теряетъ даромъ времени; изъ него выйдетъ дѣльный профессоръ. Ученая публика обратила вниманіе на его двѣ статьи: *О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній* и *О значеніи городскаго начала въ вопросѣ цивилизаціи;* жаль только, что обѣ статьи написаны языкомъ нѣсколько тяжелымъ и испещрены иностранными словами. Шубинъ въ Римѣ; онъ весь предался своему искусству и считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и многообѣщающихъ молодыхъ ваятелей. Строгіе пуристы находятъ, что онъ не довольно изучилъ древнихъ, что у него нѣтъ «стиля», и причисляютъ его къ французской школѣ; отъ Англичанъ и Американцевъ у него пропасть заказовъ. Въ послѣднее время много шуму надѣлала одна его Вакханка; русскій графъ Бобошкинъ, извѣстный богачъ, собирался было купить ее за 1,000 скуди, но предпочелъ дать 3,000 другому ваятелю, Французу, pur sang, за группу, изображающую «Молодую поселянку, умирающую отъ любви на груди Генія Весны». Шубинъ изрѣдка переписывается съ Уваромъ Ивановичемъ, который одинъ нисколько и ни въ чемъ не измѣнился. «Помните, писалъ онъ ему недавно, что вы мнѣ сказали въ ту ночь, когда сталъ извѣстенъ бракъ бѣдной Елены, когда я сидѣлъ на вашей кровати и разговаривалъ съ вами? Помните, я спрашивалъ у васъ тогда, будутъ ли у насъ люди? и вы мнѣ отвѣчали: «будутъ». О, черноземная сила! И вотъ теперь, я, отсюда, «изъ моего прекраснаго

далека», снова васъ спрашиваю: ну что же, Уваръ Ивановичъ, будутъ?»

Уваръ Ивановичъ поигралъ перстами и устремилъ въ отдаленіе свой загадочный взоръ.

1859.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I. Рудинъ. 5
II. Дворянское гнѣздо 137
III. Наканунѣ 303